Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07919819 2

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

1867

МАРТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ДЫМЪ. Повѣсть. И. С. Тургенева.
II. ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ. Гл. VII.—XII. Р. А. Фадѣева.
III. ВНУТРЕННІЙ БЫТЪ ИТОНСКОЙ ШКОЛЫ. П. П. Вальронда.
IV. УСПѢХИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДЫ ВЪ АНГЛІИ СО ВРЕМЕНЪ БЕКОНА И ЛОККА. Окончаніе. М. М. Троицкаго.
V. КОМАНДИРОВКА КАПИТАНА АЛЬБРАНТА ВЪ ПЕРСІЮ ВЪ 1838 ГОДУ, РАЗКАЗАННАЯ ИМЪ САМИМЪ.
VI. КАНДІЯ. Историческій очеркъ. С. К. Смирнова.
VII. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БОЛГАРА. Л. С. Каравелова.
VIII. ПАРТІЯ ГЕРЦЕНА И СТАРООБРЯДЦЫ. Д. П.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДЫМЪ

ПОВѢСТЬ.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

10-го августа 1862 года, въ четыре часа пополудни, въ Баденъ-Баденѣ, передъ извѣстною „Conversation“ толпилось множество народа. Погода стояла прелестная; все кругомъ—зеленыя деревья, свѣтлые дома уютнаго города, волнистыя горы—все праздничво, полною чашей раскинулось подъ лучами благосклоннаго солнца; все улыбалось какъ-то слѣпо, довѣрчиво и мило, и та же неопредѣленная, но хорошая улыбка бродила на человѣчьихъ лицахъ, старыхъ и молодыхъ, безобразныхъ и красивыхъ. Самыя даже насурмленныя, набѣленныя фигуры парижскихъ лоретокъ не нарушали общаго впечатлѣнія яснаго довольства и ликованія, а пестрыя ленты, перья, золотыя и стальныя искры на шляпкахъ и вуаляхъ невольно напоминали взору оживленный блескъ и легкую игру весенних цвѣтовъ и радужныхъ крылъ: одна лишь повсюду разсыпавшаяся, сухая, гортанная трескотня французскаго жаргона не могла ни замѣнить птичьяго щебетанья, ни сравниться съ нимъ.

А впрочемъ все шло своимъ порядкомъ. Оркестръ въ павильонѣ игралъ то попури изъ *Травіаты*, то вальсъ Штрауса, то *Скажите ей*, россійскій романсъ, положенный на инструменты услужливымъ капельмейстеромъ; въ игорныхъ залахъ, вокругъ зеленыхъ столовъ, тѣснились тѣ же всѣмъ знакомыя фигуры, съ тѣмъ же тупымъ и жаднымъ, не то изум-

Digitized by Google

ленным, не то озлобленным, въ сущности [illegible] выраженіемъ, которое придаетъ каждымъ, да[illegible] самый аристократическимъ чертамъ картежная лихорадка: отъ [illegible] тучноватый и чрезвычайно щегольски одѣтый [illegible]щикъ изъ Тамбова, съ тою же непостижимою, судорожною [illegible]ностью (съ подобною поспѣшностью его покойный [illegible] порол своихъ крестьянъ) выпуча глаза, ложась [illegible] столъ и не обращая вниманія на холодныя усмѣшки [illegible] крупье", въ самое мгновенье возгласа: „rien ne va [illegible] сыпалъ вспотѣвшею рукой по всѣмъ четвероу[illegible] рулетки золотые кружки луидоровъ, и тѣмъ самы[illegible] палъ себѣ всякой возможности что-нибудь выигр[illegible] же въ случаѣ удачи; что нисколько не мѣшало [illegible] тотъ же вечеръ, съ сочувственнымъ негодованіемъ [illegible]вать князю Кокѣ, одному изъ извѣстныхъ предво[illegible] дворянской оппозиціи, тому князю Кокѣ, который въ [illegible] жѣ, въ салонѣ принцессы Матильды, въ присутствіи [illegible]ратора, такъ хорошо сказалъ: „Madame, le principe [illegible] propriété est profondément ébranlé en Russie." Къ русск[illegible] дереву—à l'arbre russe—обычнымъ порядкомъ собирались [illegible] наши любезные соотечественники и соотечественницы; подх[illegible] дили они пышно, небрежно, модно, привѣтствовали дру[illegible] друга величественно, изящно, развязно, какъ оно и слѣдуетъ существамъ находящимся на самой высшей вершинѣ современнаго образованія; но сойдясь и усѣвшись, рѣшительно не знали что сказать другъ другу, и пробавлялись либо дрянненькимъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, либо затасканными, крайне нахальными и крайне плоскими выходками давнымъ-давно выдохшагося французскаго эксъ-литератора, въ жидовскихъ башмаченкахъ на мизерныхъ ножкахъ и съ презрѣнною бородкой на паскудной мордочкѣ, шута и болтуна. Онъ имъ вралъ, à ces princes russes, всякую пресную дребедень изъ старыхъ альманаховъ *Шаривари* и *Тентамарра*, а они, ces princes russes, заливались благодарнымъ смѣхомъ, какъ бы невольно сознавая и подавляющее превосходство чужестраннаго умника и собственную окончательную неспособность придумать что-нибудь забавное. А между тѣмъ тутъ была почти вся „fine fleur" нашего общества, „вся знать и моды образцы". Тутъ былъ графъ Х., нашъ несравненный дилеттантъ, глубокая музыкальная натура, который такъ божественно „сказываетъ" романсы,

Digitized by Google

большаго [illegible] и аристократіи, не могла устоять противъ соблазна х[illegible] разочекъ взглянуть на самый этотъ большой свѣтъ въ такомъ модномъ мѣстѣ, каковъ Баденъ... Капитолина Марковна ходила безъ кринолина и стригла въ кружокъ свои бѣлые волосы, но роскошь и блескъ тайно волновали ее, и весело и сладко было ей бранить и презирать ихъ... Какъ же было не потѣшить добрую старушку?

Но оттого-то Литвиновъ такъ спокоенъ и простъ, оттого онъ такъ самоувѣренно глядитъ кругомъ, что жизнь его отчетливо ясно лежитъ предъ нимъ, что судьба его опредѣлилась, и что онъ гордится этою судьбой, и радуется ей, какъ дѣлу рукъ своихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Ба! ба! ба! вотъ онъ гдѣ! раздался вдругъ надъ самымъ его ухомъ пискливый голосъ, и отекшая рука потрепала его по плечу. Онъ поднялъ голову — и узрѣлъ одного изъ своихъ немногочисленныхъ московскихъ знакомыхъ, нѣкоего Бамбаева, человѣка хорошаго, изъ числа пустѣйшихъ, уже немолодаго, съ мягкими, словно разваренными щеками и носомъ, взъерошенными жирными волосами и дряблымъ тучнымъ тѣломъ. Вѣчно безъ гроша и вѣчно отъ чего-нибудь въ восторгѣ, остиславъ Бамбаевъ шлялся съ крикомъ, но безъ цѣли, по [illegible]ду нашей многосносной матушки земли.

– Вотъ что называется встрѣча! повторялъ онъ, расширяя [illegible]ывшіе глазки и выдвигая пухлыя губки, надъ которыми [illegible]нно и неумѣстно торчали крашеные усы.—Ай да Баденъ! [illegible] сюда какъ тараканы лѣзутъ. Какъ ты сюда попалъ?

[illegible]баевъ „тыкалъ“ рѣшительно всѣхъ на свѣтѣ.

[illegible] четвертаго дня сюда пріѣхалъ.

[illegible]куда?

на что тебѣ знать?

[illegible]ъ на что! Да постой, постой, тебѣ, можетъ-быть, не [illegible] кто еще сюда пріѣхалъ? Губаревъ! Самъ, своей осо[illegible] кто здѣсь! Вчера изъ Гейдельберга прикатилъ. Ты, [illegible]ъ нимъ знакомъ?

[illegible]халъ о немъ.

[illegible]-то? Помилуй! Сейчасъ, сію минуту мы тебя къ [illegible]мъ. Эдакого человѣка не знать! Да вотъ кстати [illegible]ъ.... Постой, ты, пожалуй, и съ нимъ не знакомъ?

Digitized by Google

Честь имѣю васъ другъ другу представить. Оба ученые! Этотъ даже фениксъ! Поцѣлуйтесь!

И сказавъ эти слова, Бамбаевъ обратился къ стоявшему возлѣ него красивому молодому человѣку съ свѣжимъ и розовымъ, но уже серіознымъ лицомъ. Литвиновъ приподнялся, и разумѣется, не поцѣловался, а обмѣнялся коротенькимъ поклономъ съ „фениксомъ", которому, судя по строгости его осанки, не слишкомъ понравилось это неожиданное представленіе.

— Я сказалъ: фениксъ, и не отступаю отъ своего слова, продолжалъ Бамбаевъ;—ступай въ Петербургъ, въ—ій корпусъ, и посмотри на золотую доску: чье тамъ имя стоитъ первымъ? Ворошилова Семена Яковлевича! Но Губаревъ, Губаревъ, братцы мои!! Вотъ къ кому бѣжать, бѣжать надо! Я рѣшительно благоговѣю передъ этимъ человѣкомъ! Да не я одинъ, всѣ сподрядъ благоговѣютъ. Какое онъ теперь сочиненіе пишетъ, о.... о.... о!...

— О чемъ это сочиненіе? спросилъ Литвиновъ.

— Обо всемъ, братецъ ты мой, въ родѣ, знаешь, Бёкая.... только поглубже, поглубже.... Все тамъ будетъ разрѣшено и приведено въ ясность.

— А ты самъ читалъ это сочиненіе?

— Нѣтъ, не читалъ, и это даже тайна, которую не слѣдуетъ разглашать; но отъ Губарева всего можно ожидать, всего! Да! Бамбаевъ вздохнулъ и сложилъ руки.—Что, еслибъ еще такія двѣ, три головы завелись у насъ на Руси, ну что бы это было, Господи Боже мой! Скажу тебѣ одно, Григорій Михайловичъ: чѣмъ бы ты ни занимался въ это послѣднее время,—а я и не знаю чѣмъ ты вообще занимаешься,—какія бы ни были твои убѣжденія,—я ихъ тоже не знаю,—но у него, у Губарева, ты найдешь чему поучиться. Къ несчастію, онъ здѣсь не надолго. Надо воспользоваться, надо идти. Къ нему, къ нему!

Проходившій франтикъ съ рыжими кудряшками и голубою лентой на низкой шляпѣ обернулся и съ язвительною усмѣшкой посмотрѣлъ сквозь стеклышко на Бамбаева. Литвинову досадно стало.

— Что ты кричишь? промолвилъ онъ:—словно гончую на слѣдъ накликаешь! Я еще не обѣдалъ.

— Что жь такое! Можно сейчасъ у Вебера.... втроемъ.... Отлично! У тебя есть деньги заплатить за меня? прибавилъ онъ въ полголоса.

— Есть-то, есть; только я, право, не знаю....

Digitized by Google

ваше благородіе прошу чтобъ оной дѣвицѣ впредь такими злыми качествами не заниматься, и даже пригрозить не мѣшаетъ, а то она опять можетъ надъ нимъ злодѣйствовать.“ Задумался Литвиновъ надъ этимъ документомъ; повѣяло на него степною глушью, слѣпымъ мракомъ заплеснѣвшей жизни, и чудно показалось ему, что онъ прочелъ это письмо именно въ Баденѣ. Между тѣмъ полночь уже давно пробила; Литвиновъ легъ въ постель и задулъ свѣчу. Но онъ не могъ заснуть: видѣнныя имъ лица, слышанныя имъ рѣчи, то и дѣло вертѣлись и кружились, странно сплетаясь и путаясь, въ его горячей, отъ табашнаго дыма разболѣвшейся головѣ. То чудилось ему мычанье Губарева и представлялись его внизъ устремленные глаза съ ихъ тупымъ и упрямымъ взглядомъ; то вдругъ эти самые глаза разгорались и прыгали, и онъ узнавалъ Сухачикову, слышалъ ея трескучій голосъ, и невольно, шепотомъ, повторялъ за нею: „дала, дала пощечину“; то выдвигалась передъ нимъ нескладная фигура Потугина, и онъ въ десятый, въ двадцатый разъ припоминалъ каждое его слово; то, какъ куколка изъ табатерки, выскакивалъ Ворошиловъ въ своемъ общелкнутомъ пальто, сидѣвшемъ на немъ какъ новый мундирчикъ, и Пищалкинъ мудро и важно кивалъ отличновыстриженною и дѣйствительно благонамѣренною головой; а тамъ Биндасовъ гаркалъ и ругался, и Бамбаевъ восторгался слезливо... А главное: этотъ запахъ, неотступный, неотвязный, сладкій, тяжелый запахъ не давалъ ему покоя, и все сильнѣй и сильнѣй разливался въ темнотѣ, и все настойчивѣе напоминалъ ему что-то, чего онъ никакъ уловить не могъ.... Литвинову пришло въ голову, что запахъ цвѣтовъ вреденъ для здоровья ночью въ спальнѣ, и онъ всталъ, ощупью добрелъ до букета и вынесъ его въ сосѣднюю комнату; но и оттуда приникалъ къ нему въ подушку подъ одѣяло томительный запахъ, и онъ тоскливо переворачивался съ боку на бокъ. Уже лихорадка начинала подкрадываться къ нему; уже священникъ, „мастеръ противъ порчи“, два раза въ видѣ очень прыткаго зайца съ бородой и косичкой перебѣжалъ ему дорогу, и сидя въ огромномъ генеральскомъ султанѣ какъ въ кустѣ, соловьемъ защелкалъ надъ нимъ Ворошиловъ... какъ вдругъ онъ приподнялся въ постели и, всплеснувъ руками, воскликнулъ: „Неужели *она*? Не можетъ быть!“

Но для того чтобъ объяснить это восклицаніе Литвинова, мы должны попросить снисходительнаго читателя вернуться съ нами за нѣсколько лѣтъ назадъ....

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ проживало въ Москвѣ, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, чуть не въ бѣдности, многочисленное семейство князей Осининыхъ. То были настоящіе, не татаро-грузинскіе, а чистокровные князья, Рюриковичи; имя ихъ часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ при первыхъ московскихъ великихъ князьяхъ, русской земли собирателяхъ; они владѣли обширными вотчинами и многими помѣстьями неоднократно были жалованы за „работы и кровь и увѣчья“, засѣдали въ думѣ боярской, одинъ изъ нихъ даже писался съ „вичемъ“; но попали въ опалу по вражьему наговору въ „вѣдунствѣ и кореньяхъ“; ихъ раззорили „странно и всеконечно“, отобрали у нихъ честь, сослали ихъ въ мѣста заглазныя; рухнули Осинины и уже не справились, не вошли снова въ силу; опалу съ нихъ сняли со временемъ и даже „московскій дворишко“ и „рухлядишку“ возвратили, но ничто не помогло. Забѣднѣлъ, „захудалъ“ ихъ родъ—не поднялся ни при Петрѣ, ни при Екатеринѣ, и все мельчая и понижаясь, считалъ уже частныхъ управляющихъ, начальниковъ винныхъ конторъ и квартальныхъ надзирателей въ числѣ своихъ членовъ. Семейство Осининыхъ, о которомъ у насъ зашла рѣчь, состояло изъ мужа, жены и пяти человѣкъ дѣтей. Проживало оно около Собачьей Площадки, въ одноэтажномъ деревянномъ домикѣ, съ полосатымъ парадным крылечкомъ на улицу, зелеными львами на воротахъ и прочими дворянскими затѣями, и едва-едва сводило концы съ концами, должая въ овощную лавочку и частенько сидя безъ дровъ и безъ свѣчъ по зимамъ. Самъ князь былъ человѣкъ вялый и глуповатый, нѣкогда красавецъ и франтъ, но совершенно опустившійся; ему, не столько изъ уваженія къ его имени, сколько изъ вниманія къ его женѣ, бывшей фрейлинѣ, дали одно изъ московскихъ старозавѣтныхъ мѣстъ съ небольшимъ жалованьемъ, мудренымъ названіемъ и безо всякаго дѣла; онъ ни во что не вмѣшивался и только курилъ съ утра до вечера, не выходя изъ шлафрока и тяжело вздыхая. Супруга его была женщина больная и озлобленная, постоянно озабоченная хозяйственными дрязгами, помѣщеніемъ дѣтей въ казенныя заведенія и поддержкой петербургскихъ связей; она никакъ не могла свыкнуться съ

Digitized by Google

своимъ положеніемъ и удаленіемъ отъ двора. Отецъ Литвинова, въ бытность свою въ Москвѣ, познакомился съ Осиниными, имѣлъ случай оказать имъ нѣкоторыя услуги, далъ имъ однажды рублей триста въ займы; и сынъ его, будучи студентомъ, часто къ нимъ навѣдывался: кстати жъ его квартирка находилась не въ дальнемъ разстояніи отъ ихъ дома. Но не близость сосѣдства привлекала его, не плохія удобства ихъ образа жизни его соблазняли: онъ сталъ часто посѣщать Осининыхъ съ тѣхъ поръ какъ влюбился въ ихъ старшую дочь, Ирину.

Ей минуло тогда семнадцать лѣтъ; она только что оставила институтъ, откуда мать ее взяла по непріятности съ начальницей. Непріятность произошла отъ того что Ирина должна была произнести на публичномъ актѣ привѣтственные стихи попечителю на французскомъ языкѣ, а передъ самымъ актомъ ее смѣнила другая дѣвица, дочь очень богатаго откупщика. Княгиня не могла переварить этотъ аффронтъ; да и сама Ирина не простила начальницѣ ея несправедливость; она уже заранѣе мечтала о томъ, какъ на виду всѣхъ, привлекая всеобщее вниманіе, она встанетъ, скажетъ свою рѣчь, и какъ Москва потомъ заговоритъ о ней.... И точно: Москва вѣроятно заговорила бы объ Иринѣ. Это была дѣвушка высокая, стройная, съ нѣсколько впалою грудью и молодыми узкими плечами, съ рѣдкою въ ея лѣта блѣдно-матовою кожей, чистою и гладкою какъ фарфоръ, съ густыми, бѣлокурыми волосами: ихъ темныя пряди оригинально перемежались другими, свѣтлыми. Черты ея лица, изящно, почти изысканно правильныя, не вполнѣ еще утратили то простодушное выраженіе, которое свойственно первой молодости; но въ медлительныхъ наклоненіяхъ ея красивой шейки, въ улыбкѣ, не то разсѣянной, не то усталой, сказывалась нервическая барышня, а въ самомъ рисункѣ этихъ чуть улыбавшихся, тонкихъ губъ, этого небольшаго, орлинаго, нѣсколько сжатаго носа было что-то своевольное и страстное, что-то опасное и для другихъ, и для нея. Поразительны, истинно поразительны были ея глаза, изъ-черна сѣрые, съ зеленоватыми отливами, съ поволокой, длинные какъ у египетскихъ божествъ, съ лучистыми рѣсницами и смѣлымъ взмахомъ бровей. Странное выраженіе было у этихъ глазъ: они какъ будто глядѣли, внимательно и задумчиво глядѣли изъ какой-то невѣдомой глубины и дали. Въ институтѣ Ирина слыла за

Digitized by Google

одну изъ лучшихъ ученицъ по уму и способностямъ, но съ характеромъ непостояннымъ, властолюбивымъ и съ бѣдовою головой; одна классная дама напророчила ей, что ея страсти ее погубятъ—„vos passions vous perdront"; за то другая классная дама ее преслѣдовала за холодность и безчувственность, и называла ее „une jeune fille sans cœur". Подруги Ирины находили ее гордою и скрытною, братья и сестры ея побаивались, мать ей не довѣряла, а отцу становилось неловко, когда она устремляла на него свои таинственные глаза; но и отцу и матери она внушала чувство невольнаго уваженія, не въ силу своихъ качествъ, а въ силу особенныхъ, неясныхъ ожиданій, которыя она въ нихъ возбуждала, Богъ вѣдаетъ почему.

— Вотъ ты увидишь, Прасковья Даниловна, сказалъ однажды старый князь, вынимая чубукъ изо рта,—Аринка-то насъ еще вывезетъ.

Княгиня разсердилась и сказала мужу, что у него „des expressions insupportables", но потомъ задумалась и повторила сквозь зубы:

— Да.... и хорошо бы насъ вывезти.

Ирина пользовалась почти неограниченною свободой въ родительскомъ домѣ; ея не баловали, даже немного чуждались ея, но и не прекословили ей: она только того и хотѣла, и держала себя вообще довольно странно.... Бывало, при какой-нибудь уже слишкомъ унизительной сценѣ: лавочникъ ли придетъ и станетъ кричать на весь дворъ, что ему ужь надоѣло таскаться за своими же деньгами, собственные ли люди примутся въ глаза бранить своихъ господъ, что вы молъ за князья, коли сами съ голоду въ кулакъ свищете,—Ирина даже бровью не пошевельнетъ и сидитъ неподвижно, со злою улыбкой на сумрачномъ лицѣ; а родителямъ ея одна эта улыбка горше всякихъ упрековъ, и чувствуютъ они себя виноватыми, безъ вины виноватыми, передъ этимъ существомъ, которому какъ будто съ самаго рожденія дано было право на богатство, на роскошь, на поклоненіе....

Литвиновъ влюбился въ Ирину какъ только увидалъ ее (онъ былъ всего тремя годами старше ея), но долгое время не могъ добиться не только взаимности, но и вниманія. На ея обращеніи съ нимъ лежалъ даже отпечатокъ какой-то враждебности; точно онъ обидѣлъ ее, и она глубоко затаила обиду, а простить ее не могла. Онъ былъ слишкомъ молодъ и скроменъ въ то время чтобы понять, что могло скрываться подъ этою враж-

Digitized by Google

лёвою, почти презрительною суровостью. Бывало, забывъ лекціи и тетради, сидитъ онъ въ невеселой гостиной Осининскаго дома, сидитъ и украдкой смотритъ на Ирину: сердце въ немъ медленно и горестно таетъ и давитъ ему грудь; а она какъ будто сердится, какъ будто скучаетъ, встанетъ, пройдется по комнатѣ, холодно посмотритъ на него, какъ на столъ или на стулъ, пожметъ плечомъ и скреститъ руки; или въ теченіе цѣлаго вечера, даже разговаривая съ Литвиновымъ, нарочно ни разу не взглянетъ на него, какъ бы отказывая ему и въ этой милостынѣ; или, наконецъ, возьметъ книжку и уставится въ нее, не читая, хмурится и кусаетъ губы, а не то вдругъ громко спроситъ у отца или у брата: какъ по-нѣмецки терпѣніе? Онъ попытался вырваться изъ заколдованнаго круга, въ которомъ мучился и бился безустанно, какъ птица попавшая въ западню; онъ отлучился на недѣлю изъ Москвы. Чуть не сошедъ съ ума отъ тоски и скуки, весь исхудалый, больной, вернулся онъ къ Осининымъ.... Странное дѣло! Ирина тоже замѣтно похудѣла за эти дни, лицо ея пожелтѣло, щеки осунулись... но встрѣтила она его съ большей еще холодностью, съ почти злорадным небреженіемъ, точно онъ еще увеличилъ ту тайную обиду, которую ей нанесъ.... Такъ мучила она его мѣсяца два. Потомъ въ одинъ день все измѣнилось. Словно вспыхнула пожаромъ, словно грозовою тучей налетѣла любовь. Однажды—онъ долго помнилъ этотъ день—онъ опять сидѣлъ въ гостиной Осининыхъ у окна и смотрѣлъ безсмысленно на улицу, и досадно ему было и скучно, и презиралъ онъ самого себя, и съ мѣста двинуться онъ не могъ.... Казалось, тоски рѣка тутъ же подъ окномъ, бросился бы онъ въ нее съ ужасомъ, но безъ сожалѣнія. Ирина помѣстилась недалеко отъ него и какъ-то странно молчала и не шевелилась. Она уже нѣсколько дней не говорила съ нимъ вовсе, да и ни съ кѣмъ она не говорила; все сидѣла подпершись руками, словно недоумѣвала, и лишь изрѣдка медленно осматривалась кругомъ. Это холодное томленіе пришлось наконецъ не въ мочь Литвинову; онъ всталъ и, не прощаясь, началъ искать свою шапку. „Останьтесь“ послышался вдругъ тихій шепотъ. Сердце дрогнуло въ Литвиновѣ, онъ не сразу узналъ голосъ Ирины: что-то небывалое прозвучало въ одномъ этомъ словѣ. Онъ поднялъ голову и остолбенѣлъ: Ирина ласково, да, ласково, глядѣла на него. „Останьтесь, повторила она, не уходите. Я

Digitized by Google

хочу быть съ вами.“ Она еще понизила голосъ. „Не уходите, я хочу.“ Ничего не понимая, не сознавая хорошенько что̀ онъ дѣлаетъ, онъ приблизился къ ней, протянулъ руки.... Она тотчасъ подала ему обѣ свои, потомъ улыбнулась, вспыхнула вся, отвернулась, и не переставая улыбаться, вышла изъ комнаты.... Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась вмѣстѣ съ младшею сестрой, опять взглянула на него тѣмъ же долгимъ и кроткимъ взглядомъ и усадила его возлѣ себя.... Сперва она ничего не могла сказать: только вздыхала и краснѣла; потомъ начала, словно робѣя, разспрашивать его объ его занятіяхъ, чего она прежде никогда не дѣлала. Вечеромъ того же дня она нѣсколько разъ принималась извиняться передъ нимъ въ томъ, что не умѣла оцѣнить его до тѣхъ поръ, увѣряла его, что она теперь совсѣмъ другая стала, удивила его внезапною республиканскою выходкой (онъ въ то время благоговѣлъ передъ Робеспьеромъ и не дерзалъ громко осуждать Марата), а недѣлю спустя, онъ уже зналъ, что она его полюбила. Да; онъ долго помнилъ тотъ первый день.... но не забылъ онъ также и послѣдующихъ,—тѣхъ дней, когда, еще силясь сомнѣваться и боясь повѣрить, онъ съ замираніями восторга, чуть не испуга, видѣлъ, видѣлъ ясно, какъ нараждалось, росло, и неотразимо захватывая все передъ собою, нахлынуло наконецъ неожиданное счастье. Наступили свѣтлыя мгновенья первой любви, мгновенья, которымъ не суждено, да и не слѣдуетъ повторяться въ одной и той же жизни. Ирина стала вдругъ повалива какъ овечка, мягка какъ шелкъ и безконечно добра; принялась давать уроки своимъ младшимъ сестрамъ,—не на фортепіано, она не была музыкантшей,—но во французскомъ языкѣ, въ англійскомъ; читала съ ними ихъ учебники, входила въ хозяйство; все ее забавляло, все занимало ее; она то болтала безъ умолку, то погружалась въ безмолвное умиленіе; строила различные планы, пускалась въ нескончаемыя предположенія о томъ, что̀ она будетъ дѣлать, когда выйдетъ замужъ за Литвинова (они нисколько не сомнѣвались въ томъ, что бракъ ихъ состоится), какъ они станутъ вдвоемъ.... „трудиться?“ подсказывалъ Литвиновъ.... „Да, трудиться, повторяла Ирина, читать.... но главное путешествовать.“ Ей особенно хотѣлось оставить поскорѣе Москву, и когда Литвиновъ представлялъ ей, что онъ еще не кончилъ курса въ университетѣ, она каждый разъ, подумавъ немного,

Digitized by Google

возражала, что можно доучиться въ Берлинѣ или тамъ гдѣ-нибудь. Ирина мало стѣснялась въ выраженіи чувствъ своихъ, а потому для князя и княгини расположеніе ея къ Литвинову оставалось тайной не долго. Обрадоваться они не обрадовались, но, сообразивъ всѣ обстоятельства, не сочли нужнымъ наложить тотчасъ свое „veto“. Состояніе Литвинова было порядочное.... „Но фамилія, фамилія!...“ замѣчала княгиня. „Ну, конечно, фамилія, отвѣчалъ князь; да все жь онъ не разночинецъ, а главное: вѣдь Ирина не послушается насъ. Развѣ было когда-нибудь, чтобъ она не сдѣлала того, чего захотѣла? Vous connaissez sa violence! Притомъ же опредѣлительнаго еще ничего нѣтъ.“ Такъ разсуждалъ князь, и тутъ же однако мысленно прибавилъ: „Мадамъ Литвинова— и только? Я ожидалъ другаго.“ Ирина вполнѣ завладѣла своимъ будущимъ женихомъ, да и онъ самъ охотно отдался ей въ руки. Онъ словно попалъ въ водоворотъ, словно потерялъ себя.... И жутко ему было, и сладко, и ни о чемъ онъ не жалѣлъ, и ничего не берегъ. Размышлять о значеніи, объ обязанностяхъ супружества, о томъ, можетъ ли онъ, столь безвозвратно покоренный, быть хорошимъ мужемъ, и какая выйдетъ изъ Ирины, жена и правильны ли отношенія между ними— онъ не могъ рѣшительно; кровь его загорѣлась, и онъ зналъ одно: идти за нею, съ нею, впередъ и безъ конца, а тамъ будь что будетъ! Но несмотря на всякое отсутствіе сопротивленія со стороны Литвинова, на избытокъ порывистой нѣжности со стороны Ирины, дѣло все-таки не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и толчковъ. Однажды онъ забѣжалъ къ ней прямо изъ университета въ старомъ сюртукѣ, съ руками запачканными въ чернилахъ. Она бросилась къ нему навстрѣчу съ обычнымъ ласковымъ привѣтомъ, и вдругъ остановилась.

— У васъ нѣтъ перчатокъ, съ разстановкой проговорила она, и тотчасъ же прибавила:—фи! какой вы.... студентъ!

— Вы слишкомъ впечатлительны, Ирина, замѣтилъ Литвиновъ.

— Вы.... настоящій студентъ, повторила она, — vous n'êtes pas distingué.

И повернувшись къ нему спиной, она вышла вонъ изъ комнаты. Правда, часъ спустя, она умоляла его простить ее.... Вообще, она охотно казнилась и винилась передъ нимъ; только—странное дѣло! она часто, чуть не плача,

Digitized by Google

обвиняла себя въ дурныхъ побужденіяхъ, которыхъ не имѣла, и упорно отрицала свои дѣйствительные недостатки. Въ другой разъ онъ засталъ ее въ слезахъ, съ головой опертою на руки, съ распущенными локонами, и когда, весь перетревоженный, онъ спросилъ ее о причинѣ ея печали, она молча указала пальцемъ себѣ на грудь. Литвиновъ невольно вздрогнулъ. „Чахотка!“ мелькнуло у него въ головѣ, и онъ схватилъ ее за руку.

— Ты больна? произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ (они уже начали въ важныхъ случаяхъ говорить „ты“ другъ другу).—Такъ я сейчасъ за докторомъ....

Но Ирина не дала ему докончить, и съ досадой топнула ножкой.

— Я совершенно здорова.... но это платье.... развѣ вы не понимаете?

— Что такое?... это платье.... проговорилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Что такое? А то, что у меня другаго нѣтъ, и что оно старое, гадкое, и я принуждена надѣвать это платье каждый день.... даже когда ты.... когда вы приходите.... Ты наконецъ разлюбишь меня, видя меня такою замарашкой!

— Помилуй, Ирина, что ты говоришь! И платье это премилое.... Оно мнѣ еще потому дорого, что я въ первый разъ въ немъ тебя видѣлъ.

Ирина покраснѣла.

— Не напоминайте мнѣ, пожалуста, Григорій Михайлычъ, что у меня уже тогда не было другаго платья.

— Но увѣряю васъ, Ирина Павловна, оно прелесть какъ идетъ къ вамъ.

— Нѣтъ, оно гадкое, гадкое, твердила она, нервически дергая свои длинные, мягкіе локоны.—Охъ, эта бѣдность, бѣдность, темнота! Какъ избавиться отъ этой бѣдности! Какъ выйдти, выйдти изъ темноты!

Литвиновъ не зналъ что сказать и слегка отворотился....

Вдругъ Ирина вскочила со стула и положила ему обѣ руки на плечи.

— Но вѣдь ты меня любишь? Ты любишь меня? промолвила она, приблизивъ къ нему свое лицо, и глаза ея, еще полные слезъ, засверкали веселостью счастья.—Ты любишь меня и въ этомъ гадкомъ платьѣ?

Литвиновъ бросился передъ ней на колѣни.

Digitized by Google

— Ахъ, люби меня, люби меня, мой милый, мой спаситель, прошептала она, пригибаясь къ нему.

Такъ дни неслись, проходили недѣли, и хотя никакихъ еще не произошло формальныхъ объясненій, хотя Литвиновъ все еще медлилъ съ своимъ запросомъ, конечно, не по собственному желанію, а въ ожиданіи повелѣнія отъ Ирины, она какъ-то разъ замѣтила, что мы-де оба смѣшно молоды, надо хоть нѣсколько недѣль еще къ нашимъ годамъ прибавить; но уже все подвигалось къ развязкѣ, и ближайшее будущее обозначалось яснѣй и яснѣй, какъ вдругъ совершилось событіе, развѣявшее, какъ легкую дорожную пыль, всѣ тѣ предположенія и планы....

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Въ ту зиму дворъ посѣтилъ Москву. Одни празднества смѣнялись другими; наступилъ чередъ и обычному большому балу въ Дворянскомъ Собраніи. Вѣсть объ этомъ балѣ, правда, въ видѣ объявленія въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*, дошла и до домика на Собачьей Площадкѣ. Князь всполошился первый; онъ тотчасъ рѣшилъ, что надо непремѣнно ѣхать и везти Ирину, что непростительно упускать случай видѣть своихъ государей. Онъ настаивалъ на своемъ мнѣніи съ особеннымъ, вовсе ему не свойственнымъ жаромъ; княгиня до нѣкоторой степени соглашалась съ нимъ и только вздыхала объ издержкахъ; но рѣшительное сопротивленіе оказала Ирина. „Не нужно, не поѣду,“ отвѣчала она на всѣ родительскіе доводы. Ея упорство приняло такіе размѣры, что старый князь рѣшился наконецъ попросить Литвинова постараться уговорить ее, представивъ ей, въ числѣ другихъ „резоновъ“, что молодой дѣвушкѣ неприлично дичиться свѣта, что слѣдуетъ „и это испытать“, что ужь и такъ ее никто нигдѣ не видитъ. Литвиновъ взялся представить ей эти „резоны“. Ирина пристально и внимательно посмотрѣла на него, такъ пристально и такъ внимательно, что онъ смутился, и поигравъ концами своего пояса, спокойно промолвила:

— Вы этого желаете? вы?

— Да.... я полагаю, отвѣчалъ съ запинкой Литвиновъ. — Я согласенъ съ вашимъ батюшкой.... Да и почему вамъ не поѣхать.... людей посмотрѣть и себя показать, прибавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ.

Digitized by Google

— Себя показать, медленно повторила она. — Ну, хорошо, я поѣду.... Только помните, вы сами этого желали.

— То-есть, я.. .. началъ было Литвиновъ.

— Вы сами этого желали, перебила она.—И вотъ еще одно условіе: вы должны мнѣ обѣщать, что васъ на этомъ балѣ не будетъ.

— Но отчего же?

— Мнѣ такъ хочется.

Литвиновъ разставилъ руки.

— Покоряюсь.... но, признаюсь, мнѣ было бы такъ весело видѣть васъ во всемъ великолѣпіи, быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое вы непремѣнно произведете.... Какъ бы я гордился вами! прибавилъ онъ со вздохомъ.

Ирина усмѣхнулась.

— Все это великолѣпіе будетъ состоять въ бѣломъ платьѣ, а что до впечатлѣнія.... Ну, словомъ, я такъ хочу.

— Ирина, ты какъ будто сердишься?

Ирина усмѣхнулась опять.

— О, нѣтъ! Я не сержусь. Только ты....—Она вперила въ него свои глаза и ему показалось, что онъ еще никогда не видалъ въ нихъ такого выраженія.—Можетъ-быть, это нужно, прибавила она вполголоса.

— Но, Ирина, ты меня любишь?

— Я люблю тебя, отвѣтила она съ почти торжественною важностію и крѣпко, по-мужски, пожала ему руку.

Всѣ слѣдующіе дни Ирина тщательно занималась своимъ туалетомъ, своею прической; наканунѣ бала она чувствовала себя нездоровою, не могла усидѣть на мѣстѣ, всплакнула раза два въ одиночку: при Литвиновѣ она какъ-то однообразно улыбалась... впрочемъ, обходилась съ нимъ попрежнему нѣжно, но разсѣянно, и то-и-дѣло посматривала на себя въ зеркало. Въ самый день бала она была очень молчалива и блѣдна, но спокойна. Часу въ девятомъ вечера Литвиновъ пришелъ посмотрѣть на нее. Когда она вышла къ нему въ бѣломъ тарлатановомъ платьѣ, съ вѣткой небольшихъ синихъ цвѣтовъ въ слегка приподнятыхъ волосахъ, онъ такъ и ахнулъ: до того она ему показалась прекрасною и величественною, ужь точно не по лѣтамъ. „Да, она выросла съ утра“, подумалъ онъ, — „и какая осанка! Что значитъ, однако, порода!“ Ирина стояла передъ нимъ съ опущенными руками, не улыбаясь и не жеманясь, и глядѣла рѣшительно, почти смѣло, не на него, а куда-то вдаль, прямо передъ собою.

Digitized by Google

— Вы точно сказочная царевна, промолвилъ наконецъ Литвиновъ, — или нѣтъ: вы какъ полководецъ передъ сраженіемъ, передъ побѣдой.... Вы не позволили мнѣ ѣхать на этотъ балъ, продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ она попрежнему не шевелилась и не то чтобы не слышала его, а слѣдила за другою, внутреннею рѣчью, — но вы не откажетесь принять отъ меня и взять съ собою эти цвѣты?

Онъ подалъ ей букетъ изъ геліотроповъ.

Она быстро взглянула на Литвинова, протянула руку, и внезапно схвативъ конецъ вѣтки, украшавшей ея голову, промолвила:

— Хочешь? Скажи только слово, и я сорву все это и останусь дома.

У Литвинова сердце такъ и покатилось. Рука Ирины уже срывала вѣтку....

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же? подхватилъ онъ торопливо, въ порывѣ благодарныхъ и великодушныхъ чувствъ: — я не эгоистъ, зачѣмъ стѣснять свободу... когда я знаю, что твое сердце...

— Ну, такъ не подходите, платье изомнете, поспѣшно проговорила она.

Литвиновъ смѣшался.

— А букетъ возьмете? спросилъ онъ.

— Конечно; онъ очень милъ, и я очень люблю этотъ запахъ. Mercі.... Я его сохраню на память....

— Перваго вашего выѣзда, замѣтилъ Литвиновъ, — перваго вашего торжества.

Ирина посмотрѣла на себя въ зеркало черезъ плечо, чуть-чуть согнувши станъ.

— И будто я въ самомъ дѣлѣ такъ хороша? Вы не пристрастны?

Литвиновъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ. Но Ирина уже не слушала его и, поднеся букетъ къ лицу, опять глядѣла куда-то вдаль своими странными, словно потемнѣвшими и расширенными глазами, а поколебленные легкимъ движеніемъ воздуха, концы тонкихъ лентъ слегка приподнимались у ней за плечами словно крылья.

Появился князь завитый, въ бѣломъ галстукѣ, черномъ полиняломъ фракѣ и съ владимірскою лентой дворянской медали въ петлицѣ; за нимъ вошла княгиня въ шелковомъ платьѣ шинѣ, стараго покроя, и съ тою суровою заботливостію, подъ которою матери стараются скрыть свое волненіе, оправила сзади дочь, то-есть безо всякой нужды встряхнула

Digitized by Google

складками ея платья. Четвероместный ямской рыдванъ, запряженный двумя мохнатыми клячами, подползъ къ крыльцу, скрипя колесами по сугробамъ неразметеннаго снѣга, и тщедушный лакей въ неправдоподобной ливреѣ выскочилъ изъ передней и съ нѣкоторою отчаянностію доложилъ, что карета готова.... Благословивъ на ночь оставшихся дѣтей и облачившись въ мѣховыя одежды, князь и княгиня направились къ крыльцу; Ирина въ жиденькомъ, коротенькомъ салопчикѣ,—ужь какъ же ненавидѣла она этотъ салопчикъ!—молча послѣдовала за ними. Провожавшій ихъ Литвиновъ надѣялся получить прощальный взглядъ отъ Ирины, но она сѣла въ карету не оборачивая головы.

Около полуночи онъ прошелся подъ окнами Собранія. Безчисленные огни громадныхъ люстръ сквозили свѣтлыми точками изъ-за красныхъ занавѣсей и по всей площади, заставленной экипажами; нахальнымъ, праздничнымъ вызовомъ разносились звуки штраусовскаго вальса.

На другой день, часу въ первомъ, Литвиновъ отправился къ Осининымъ. Онъ засталъ дома одного князя, который тотчасъ же ему объявилъ, что у Ирины болитъ голова, что она лежитъ въ постели и не встанетъ до вечера, что, впрочемъ, такое разстройство ни мало не удивительно послѣ перваго бала.

— C'est très naturel, vous savez, dans les jeunes filles, прибавилъ онъ по-французски, что̀ нѣсколько поразило Литвинова, который въ то же мгновеніе замѣтилъ, что на князѣ былъ не шлафрокъ, какъ обыкновенно, а сюртукъ.—И притомъ, продолжалъ Осининъ,—какъ ей было не занемочь послѣ вчерашнихъ происшествій!

— Происшествій? пробормоталъ Литвиновъ.

— Да, да, происшествій, происшествій, de vrais événements. Вы не можете себѣ представить, Григорій Михайловичъ, quel succès elle a eu! Весь дворъ замѣтилъ ее! Князь Александръ Ѳедорычъ сказалъ, что ей мѣсто не здѣсь и что она напоминаетъ ему графиню Девонширскую.... ну, вы знаете, ту.... извѣстную.... А старикъ графъ Блазенкрампфъ объявилъ во всеуслышаніе, что Ирина — la reine du bal, и пожелалъ ей представиться; онъ и мнѣ представился, то-есть онъ мнѣ сказалъ, что онъ меня помнитъ гусаромъ и спрашивалъ, гдѣ я теперь служу. Презабавный этотъ графъ, и такой adorateur du beau sexe! Да что̀ я! княгиня моя.... и той не давали покоя: Наталья Никитишна

Digitized by Google

сама съ ней заговорила, чего больше? Ирина танцовала avec tous les meilleurs cavaliers; ужъ подводили мнѣ ихъ, подводили.... я и счетъ потерялъ. Повѣрите ли: такъ всѣ и ходятъ толпами вокругъ насъ; въ мазуркѣ только ее и выбирали, а одинъ иностранный дипломатъ, узнавъ, что она Москвичка, сказалъ Государю: „Sire, сказалъ онъ,—décidément c'est Moscou qui est le centre de votre empire!“ а другой дипломатъ прибавилъ:„ C'est une vraie révolution, Sire;“ revélation или révolution.... что-то въ этомъ родѣ. Да.... да.... это.... это.... я вамъ скажу: это было что-то необыкновенное.

— Ну, а сама Ирина Павловна? спросилъ Литвиновъ, у котораго во время княжеской рѣчи похолодѣли ноги и руки: — веселилась, казалась довольна?

— Конечно веселилась; еще бы ей не быть довольной! А впрочемъ, вы знаете, ея сразу не разберешь. Всѣ мнѣ говорятъ вчера: Какъ это удивительно! Jamais on ne dirait que mademoiselle votre fille est à son premier bal. Графъ Рейзенбахъ между прочимъ.... да вы его навѣрное знаете....

— Нѣтъ, я его вовсе не знаю и не зналъ никогда.

— Двоюродный братъ моей жены....

— Не знаю я его.

— Богачъ, каммергеръ, въ Петербургѣ живетъ, въ ходу человѣкъ, въ Лифляндіи всѣмъ вертитъ. До сихъ поръ онъ нами пренебрегалъ.... да вѣдь я за этимъ не гонюсь. J'ai l'humeur facile, comme vous savez. Ну, такъ вотъ онъ. Подсѣлъ къ Иринѣ, побесѣдовалъ съ ней четверть часа не болѣе, и говоритъ потомъ моей княгинѣ: „Ma cousine, говоритъ, votre fille est une perle; c'est une perfection, всѣ поздравляютъ меня съ такою племянницей....“ А потомъ, я гляжу: подошелъ онъ къ.... иностранному дипломату и говоритъ, а самъ все посматриваетъ на Ирину.... ну, и дипломатъ посматриваетъ....

— И такъ-таки Ирина Павловна цѣлый день не покажется? опять спросилъ Литвиновъ.

— Да; у ней голова очень болитъ. Она велѣла вамъ кланяться и благодарить васъ за вашъ букетъ, qu'on a trouvé charmant. Ей нужно отдохнуть.... Княгиня моя поѣхала съ визитами.... да и я самъ, вотъ....

Князь закашлялся и засеменилъ ногами, какъ бы затрудняясь что̀ еще прибавить. Литвиновъ взялъ шляпу, сказалъ, что не намѣренъ мѣшать ему и зайдетъ позже освѣдомиться о здоровьи, и удалился.

Digitized by Google

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Осининскаго дома онъ увидѣлъ остановившуюся передъ полицейскою будкой щегольскую двухмѣстную карету. Ливрейный, тоже щегольской лакей, небрежно нагнувшись съ козелъ, разспрашивалъ будочника изъ Чухонцевъ, гдѣ здѣсь живетъ князь Павелъ Васильевичъ Осининъ. Литвиновъ заглянулъ въ карету: въ ней сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, гемороидальной комплекціи, со сморщеннымъ и надменнымъ лицомъ, греческимъ носомъ и злыми губами, закутанный въ соболью шубу, по всѣмъ признакамъ важный сановникъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Литвиновъ не сдержалъ своего обѣщанія зайдти попозже; онъ сообразилъ, что лучше отложить посѣщеніе до слѣдующаго дня. Войдя, часовъ около двѣнадцати, въ слишкомъ знакомую гостиную, онъ нашелъ тамъ двухъ младшихъ княженъ, Викторинькy и Клеопатринькy. Онъ поздоровался съ ними, потомъ спросилъ, легче ли Иринѣ Павловнѣ и можно ли ее видѣть.

— Ириночка уѣхала съ мамасей, отвѣчала Викторинька; она хотя и сюсюкала, но была бойчѣе своей сестры.

— Какъ.... уѣхала? повторилъ Литвиновъ, и что-то тихо задрожало у него въ самой глубинѣ груди. — Развѣ.... развѣ.... развѣ она объ эту пору не занимается съ вами, не даетъ вамъ уроковъ?

— Ириночка теперь усь больсе намъ уроковъ давать не будетъ, отвѣчала Викторинька.—Теперь ужь не будетъ, повторила за ней Клеопатринька.

— А папа вашъ дома? спросилъ Литвиновъ.

— И папаси нѣтъ дома, продолжала Викторинька; — а Ириночка нездорова: она всю ночь плакала, плакала....

— Плакала?

— Да, плакала.... Мнѣ Егоровна сказала, и глаза у ней такіе красные, такъ они и распу-ухли...

Литвиновъ прошелся раза два по комнатѣ, чуть-чуть вздрагивая, словно отъ холода, и возвратился къ себѣ на квартиру. Онъ испытывалъ ощущеніе подобное тому, которое овладѣваетъ человѣкомъ когда онъ смотритъ съ высокой башни внизъ: вся внутренность его замирала и голова кружилась тихо и приторно. Тупое недоумѣніе и мышья

Digitized by Google

бѣготня мыслей, неясный ужасъ и нѣмота ожиданія, и любопытство, странное, почти злорадное, въ сдавленномъ горлѣ горечь непролитыхъ слезъ, на губахъ усиліе пустой усмѣшки, и мольба безсмысленная, ни къ кому не обращенная.... о какъ это все было жестоко и унизительно безобразно! „Ирина не хочетъ меня видѣть“, безпрестанно вертѣлось у него въ головѣ:—„это ясно; но почему же? Что̀ такое могло произойдти на этомъ злополучномъ балѣ? И какъ же возможна вдругъ такая перемѣна? Такъ внезапно.... (Люди безпрестанно видятъ, что смерть приходитъ внезапно, но привыкнуть къ ея внезапности никакъ не могутъ, и находятъ ее безсмысленною.) Ничего мнѣ не велѣть сказать, не хотѣть объясниться со мною.....“

— Григорій Михайлычъ, произнесъ чей-то напряженный голосъ надъ самымъ его ухомъ.

Литвиновъ встрепенулся и увидалъ передъ собою своего человѣка съ запиской въ рукахъ. Онъ узналъ почеркъ Ирины.... Еще не распечатавъ записки, онъ уже предчувствовалъ бѣду и склонилъ голову на грудь, и поднялъ плечи, какъ бы хоронясь отъ удара.

Онъ собрался наконецъ съ духомъ и разомъ разорвалъ кувертъ. На небольшомъ листикѣ почтовой бумаги стояли слѣдующія слова:

„Простите меня, Григорій Михайлычъ. Все кончено между нами: я переѣзжаю въ Петербургъ. Мнѣ ужасно тяжело, но дѣло сдѣлано. Видно, моя судьба.... да нѣтъ, я не хочу оправдываться. Предчувствія мои сбылись. Простите меня, забудьте меня: я не стóю васъ.

„Ирина.“

„Будьте великодушны; не старайтесь меня увидѣть.“

Литвиновъ прочелъ эти пять строкъ и медленно опустился на диванъ, словно кто пихнулъ его въ грудь. Онъ выронилъ записку, поднялъ ее, прочелъ снова, шепнулъ: „въ Петербургъ“, снова ее выронилъ, и только. На него нашла даже тишина; онъ даже своими закинутыми назадъ руками поправилъ подушку подъ головой. „Убитые на смерть не мечутся“, подумалъ онъ; — „какъ налетѣло, такъ и улетѣло.... Все это естественно; я всегда этого ожидалъ.... (Онъ лгалъ передъ самимъ собою: онъ никогда ничего подобнаго не ожидалъ). Плакала?... Она плакала.... О чемъ же она плакала? Вѣдь она не любила меня! Впрочемъ все это понятно и

Digitized by Google

согласно съ ея характеромъ. Она, она меня не стóитъ..... Вотъ какъ!“ Онъ горько усмѣхнулся. „Она сама не знала какая въ ней таилась сила, ну, а убѣдившись въ ея дѣйствіи на балѣ, какъ же ей было остановиться на ничтожномъ студентѣ.... все это понятно.“

Но тутъ онъ вспомнилъ ея нѣжныя слова, ея улыбки и эти глаза, незабвенные глаза, которыхъ онъ никогда не увидитъ, которые и свѣтлѣли, и таяли при одной встрѣчѣ съ его глазами, онъ вспомнилъ еще одно, быстрое, робкое, жгучее лобзаніе—и онъ вдругъ зарыдалъ, зарыдалъ судорожно, бѣшено, ядовито, перевернулся ницъ, и захлебываясь и задыхаясь, съ неистовымъ наслажденіемъ, какъ бы жаждая растерзать и самого себя, и все вокругъ себя, забилъ свое воспаленное лицо въ подушку дивана, укусилъ ее....

Увы! тотъ господинъ, кого Литвиновъ видѣлъ наканунѣ въ каретѣ, былъ именно двоюродный братъ княгини Осининой, богачъ и камергеръ, графъ Рейзенбахъ. Замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное Ириной, и мгновенно сообразивъ какія, „mit etwas Accuratesse“, изъ этого факта можно извлечь выгоды, графъ, какъ человѣкъ энергическій, тотчасъ составилъ свой планъ. Онъ рѣшился дѣйствовать быстро, по-наполеоновски. „Возьму эту оригинальную дѣвушку къ себѣ въ домъ,“ такъ размышлялъ онъ, „въ Петербургѣ; сдѣлаю ее своею, чортъ возьми, наслѣдницей, ну, хоть не всего имѣнія; кстати жь у меня нѣтъ дѣтей, она же мнѣ племянница, и графиня моя скучаетъ одна.... Все же пріятнѣй, когда въ гостиной хорошенькое личико.... Да, да; это такъ: es ist eine Idee, es ist eine Idee!“ Надобно было ослѣпить, отуманить, поразить родителей.—„Имъ же ѣсть нечего, продолжалъ графъ свои размышленія уже сидя въ каретѣ и направляясь къ Собачьей Площадкѣ,—такъ небось, упрямиться не станутъ. Не такіе же ужь они чувствительные. А она? И она согласится. Медъ сладокъ... она его вчера лизнула. Это мой капризъ, положимъ; пускай же они имъ воспользуются.... дураки. Я имъ скажу: такъ и такъ; рѣшайтесь. А не то я возьму другую; сироту—еще удобнѣе. Да или нѣтъ, двадцать четыре часа сроку, und damit Punctum.“

Съ этими самыми словами на губахъ, предсталъ графъ передъ княземъ, котораго уже наканунѣ, на балѣ, предварилъ о своемъ посѣщеніи. О послѣдствіяхъ же этого посѣщенія, кажется, много распространяться не стóитъ. Графъ не

Digitized by Google

ошибся въ своихъ разчетахъ: князь и княгиня дѣйствительно не упрямились, и Ирина дѣйствительно согласилась, не давъ истечь назначенному сроку. Не легко ей было разорвать связь съ Литвиновымъ; она его любила, и пославши ему записку чуть не слегла въ постель, безпрестанно плакала, похудѣла, пожелтѣла.... Но со всѣмъ тѣмъ, мѣсяцъ спустя, княгиня отвезла ее въ Петербургъ и поселила у графа, поручивъ ее попеченіямъ графини, женщины очень доброй, но съ умомъ цыпленка и съ наружностью цыпленка.

А Литвиновъ бросилъ тогда университетъ и уѣхалъ къ отцу въ деревню. Мало-по-малу его рана зажила. Сперва онъ никакихъ свѣдѣній не имѣлъ объ Иринѣ, да онъ и избѣгалъ разговоровъ о Петербургѣ и петербургскомъ обществѣ. Потомъ по-немногу начали бродить на ея счетъ слухи, не дурные, но странные; молва занялась ею. Имя княжны Осининой, окруженное блескомъ, отмѣченное особенною печатью, стало чаще и чаще упоминаться. Оно произносилось съ любопытствомъ, съ уваженіемъ, съ завистью, какъ произносилось нѣкогда имя графини Воротынской. Наконецъ распространилась вѣсть объ ея замужествѣ. Но Литвиновъ едва обратилъ вниманіе на эту послѣднюю новинку: онъ былъ уже женихомъ Татьяны.

Теперь читателю, вѣроятно, понятно стало, что̀ именно вспомнилось Литвинову, когда онъ воскликнулъ: „Неужели!“ и потому мы снова вернемся въ Баденъ и снова примемся за нить прерваннаго нами разказа.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Литвиновъ заснулъ очень поздно и спалъ не долго: солнце только что встало, когда онъ поднялся съ постели. Видныя изъ его оконъ, вершины темныхъ горъ влажно багровѣли на ясномъ небѣ. „Какъ тамъ должно быть свѣжо подъ деревьями!“ подумалось ему, и онъ поспѣшно одѣлся, разсѣянно глянулъ на букетъ, еще пышнѣе распустившійся за ночь, взялъ палку и отправился за „Старый Замокъ“, на извѣстныя „Скалы“. Утро обхватило его своею сильною и тихою лаской. Бодро дышалъ онъ, бодро двигался; здоровье молодости играло въ каждой его жилкѣ; сама земля словно подбрасывала его легкія ноги. Съ каждымъ шагомъ ему становилось все привольт. LXVIII. 2*

Digitized by Google

нѣй, все веселѣй: онъ шелъ въ росистой тѣни, по крупному песку дорожекъ, вдоль елокъ, по всѣмъ концамъ вѣтвей окаймленныхъ яркою зеленью весенних отпрысковъ. „Эко славно какъ!“ то-и-дѣло твердилъ онъ про себя. Вдругъ послышались ему знакомые голоса: онъ глянулъ впередъ и увидалъ Воротилова и Бамбаева, шедшихъ къ нему на встрѣчу. Его такъ и покоробило: какъ школьникъ отъ учителя, бросился онъ въ сторону и спрятался за кустъ... „Создатель! взмолился онъ, пронеси соотчичей!“ Кажется, никакихъ бы денегъ въ это мгновенье не пожалѣлъ онъ, лишь бы они его не увидали... И они дѣйствительно не увидали его: Создатель пронесъ соотчичей мимо. Воротиловъ своимъ кадетски-самодовольнымъ голосомъ толковалъ Бамбаеву о различныхъ „фазисахъ“ готической архитектуры, а Бамбаевъ только подмычивалъ одобрительно: замѣтно было, что Воротиловъ уже давно пробираетъ его своими фазисами, и добродушный энтузіастъ начиналъ скучать. Долго, закусивъ губу и вытянувъ шею, прислушивался Литвиновъ къ удалявшимся шагамъ; долго звучали то гортанные, то носовые переливы наставительной рѣчи; наконецъ все затихло. Литвиновъ вздохнулъ, вышелъ изъ своей засады и отправился далѣе.

Часа три пробродилъ онъ по горамъ. Онъ то покидалъ дорожку и перепрыгивалъ съ камня на камень, изрѣдка скользя по гладкому мху; то садился на обломокъ скалы подъ дубомъ или букомъ, и думалъ пріятныя думы, подъ немолчное шептаніе ручейковъ, заросшихъ папоротникомъ, подъ успокоительный шелестъ листьевъ, подъ звонкую пѣсенку одинокаго чернаго дрозда; легкая, тоже пріятная дремота подкрадывалась къ нему, словно обнимала его сзади, и онъ засыпалъ.... но вдругъ улыбался и оглядывался: золото и зелень лѣса, лѣснаго воздуха били мягко ему въ глаза—и онъ снова улыбался и снова закрывалъ ихъ. Ему захотѣлось позавтракать, и онъ направился къ Старому Замку, гдѣ за нѣсколько крейцеровъ можно получить стаканъ хорошаго молока съ кофеемъ. Но не успѣлъ онъ помѣститься за однимъ изъ бѣлыхъ крашеныхъ столиковъ, находящихся на платформѣ передъ замкомъ, какъ послышался тяжелый храпъ усталыхъ лошадей, и появились три коляски, изъ которыхъ высыпало довольно многочисленное общество дамъ и кавалеровъ... Литвиновъ тотчасъ призналъ ихъ за Русскихъ, хотя они всѣ говорили по-французски... потому что они говорили по-французски. Туа-

Digitized by Google

леты дамъ отличались изысканнымъ щегольствомъ; на кавалерахъ были сюртуки съ иголочки, но въ обтяжку и съ перехватомъ, что̀ не совсѣмъ обыкновенно въ наше время, панталоны сѣрые съ искоркой, и городскія, очень глянцовитыя шляпы. Низенькій, черный галстукъ туго стягивалъ шею каждаго изъ этихъ кавалеровъ, и во всей ихъ осанкѣ сквозило нѣчто воинственное. Дѣйствительно, они были военные люди; Литвиновъ попалъ на пикникъ молодыхъ генераловъ, особъ высшаго общества и съ значительнымъ вѣсомъ. Значительность ихъ сказывалась во всемъ: въ ихъ сдержанной развязности, въ миловидно-величавыхъ улыбкахъ, въ напряженной разсѣянности взгляда, въ изнѣженномъ подергиваніи плечъ, покачиваніи стана и сгибаніи колѣнъ; она сказывалась въ самомъ звукѣ голоса, какъ бы любезно и гадливо благодарящаго подчиненную толпу. Всѣ эти воины были превосходно вымыты, выбриты, продушены насквозь какимъ-то истинно-дворянскимъ и гвардейскимъ запахомъ, смѣсью отличнѣйшаго сигарочнаго дыма и удивительнѣйшаго пачули. И руки у всѣхъ были дворянскія, бѣлыя, большія, съ крѣпкими, какъ слоновая кость, ногтями; у всѣхъ усы такъ и лоснились, зубы сверкали, а тончайшая кожа отливала румянцемъ на щекахъ, лазурью на подбородкѣ. Иные изъ молодыхъ генераловъ были игривы, другіе задумчивы; но печать отмѣннаго приличія лежала на всѣхъ. Каждый, казалось, глубоко сознавалъ собственное достоинство, важность своей будущей роли въ государствѣ и держалъ себя и строго, и вольно, съ легкимъ оттѣнкомъ той рѣзвости, того чортъ меня побери, которыя такъ естественно появляются во время заграничныхъ поѣздокъ. Разсѣвшись шумно и пышно, общество позвало засуетившихся кельнеровъ. Литвиновъ поторопился допить стаканъ молока, расплатился и, нахлобучивъ шляпу, уже проскользнулъ было мимо генеральскаго пикника...

— Григорій Михайлычъ, проговорилъ женскій голосъ.—Вы не узнаете меня?

Онъ невольно остановился. Этотъ голосъ... Этотъ голосъ слишкомъ часто въ былое время заставлялъ биться его сердце... Онъ обернулся и увидалъ Ирину.

Она сидѣла у стола, и скрестивъ руки на спинкѣ отодвинутаго стула, склонивъ голову на бокъ и улыбаясь, привѣтливо, почти радостно глядѣла на него.

Литвиновъ тотчасъ ее узналъ, хотя она успѣла измѣниться

Digitized by Google

съ тѣхъ поръ какъ онъ увидѣлъ ее въ послѣдній разъ, десять лѣтъ тому назадъ, хотя она изъ дѣвушки превратилась въ женщину. Ея тонкій станъ развился и разцвѣлъ, очертанія нѣкогда сжатыхъ плечъ напоминали теперь богинь, выступающихъ по облакамъ на потолкахъ старинныхъ италіянскихъ дворцовъ. Но глаза остались тѣ же, и Литвинову показалось, что они и глядѣли на него такъ же какъ и тогда, въ томъ небольшомъ московскомъ домикѣ.

— Ирина Павловна ... проговорилъ онъ нерѣшительно.

— Вы узнали меня? Какъ я рада! какъ я...—Она остановилась, слегка покраснѣла и выпрямилась.—Это очень пріятная встрѣча, продолжала она уже по-французски.—Позвольте познакомить васъ съ моимъ мужемъ. Valérien, мсьё Литвиновъ, un ami d'enfance; Валеріанъ Владиміровичъ Ратмировъ, мой мужъ.

Одинъ изъ молодыхъ генераловъ, едва ли не самый изящный изо всѣхъ, привсталъ со стула и чрезвычайно вѣжливо раскланялся съ Литвиновымъ, между-тѣмъ какъ остальные его товарищи всѣ чуть-чуть насупились, или не столько насупились, сколько углубились на мигъ, каждый въ самого себя, какъ бы заранѣе протестуя противъ всякаго сближенія съ постороннимъ штатскимъ, а другія дамы участвовавшія въ пикникѣ почли за нужное и прищуриться немного, и усмѣхнуться, и даже изобразить недоумѣніе на лицахъ.

— Вы... Вы давно въ Баденѣ? спросилъ генералъ Ратмировъ, какъ-то не по-русски охорашиваясь и очевидно не зная, о чемъ бесѣдовать съ другомъ дѣтства жены.

— Недавно, отвѣчалъ Литвиновъ.

— И долго намѣрены оставаться? продолжалъ учтивый генералъ.

— Я еще не рѣшился.

— А! Это очень пріятно... очень.

Генералъ умолкъ. Литвиновъ тоже безмолвствовалъ. Оба держали шляпы въ рукахъ, и нагнувъ впередъ туловище и осклабясь, глядѣли другъ другу въ брови.

„Deux gendarmes un beau dimanche“ запѣлъ, разумѣется, фальшиво, — не фальшиво поющій русскій дворянинъ доселѣ намъ не попадался,—подслѣповатый и желтоватый генералъ съ выраженіемъ постояннаго раздраженія на лицѣ, точно онъ самъ себѣ не могъ простить свою наружность. Среди всѣхъ своихъ товарищей онъ одинъ не походилъ на розу.

Digitized by Google

— Да что же вы не сядете, Григорій Михайлычъ, промолвила наконецъ Ирина.

Литвиновъ повиновался, сѣлъ. „J say, Valerien, give me some fire," проговорилъ другой генералъ тоже молодой, но уже тучный, съ неподвижными, словно въ воздухъ уставленными глазами и густыми шелковистыми бакенбардами, въ которыя онъ медленно погружалъ свои бѣлоснѣжные пальцы. Ратмировъ подалъ ему серебряную коробочку со спичками.

— Avez vous des papiros? спросила, картавя, одна изъ дамъ.

— De vrais papelitos, comtesse.

„Deux gendarmes un beau dimanche," чуть не со скрипомъ зубовъ затянулъ опять подслѣповатый генералъ.

— Вы должны непремѣнно посѣтить насъ, говорила между тѣмъ Литвинову Ирина.—Мы живемъ въ hôtel de l'Europe. Отъ четырехъ до шести я всегда дома. Мы съ вами такъ давно не видались.

Литвиновъ глянулъ на Ирину, она не опустила глазъ.

— Да, Ирина Павловна, давно. Съ Москвы.

— Съ Москвы, съ Москвы, повторила она съ разстановкой. — Приходите, мы потолкуемъ, старину вспомянемъ. А знаете ли, Григорій Михайлычъ, вы не много перемѣнились.

— Въ самомъ дѣлѣ? А вы вотъ перемѣнились, Ирина Павловна.

— Я постарѣла.

— Нѣтъ. Я не то хотѣлъ сказать....

— Irène? вопросительно промолвила одна изъ дамъ съ желтою шляпкой на желтыхъ волосахъ, предварительно пошептавшись и похихикавши съ сидѣвшимъ возлѣ нея кавалеромъ. — Irène?

— Я постарѣла, продолжала Ирина, не отвѣчая дамѣ,—но я не перемѣнилась. Нѣтъ, нѣтъ, я ни въ чемъ не перемѣнилась.

„Deux gendarmes un beau dimanche!" раздалось опять Раздражительный генералъ помнилъ только первый стихъ извѣстной пѣсенки.

— Все еще покалываетъ, ваше сіятельство, громко и на о проговорилъ тучный генералъ съ бакенбардами, вѣроятно намекая на какую-нибудь забавную, всему бомонду извѣстную исторію и, засмѣявшись коротким, деревяннымъ смѣхомъ, опять уставился въ воздухъ. Все остальное общество также засмѣялось.

— What a sad dog you are, Bòris! замѣтилъ вполголоса

Digitized by Google

Ратмировъ. Онъ самое имя „Борисъ“ произнесъ на англійскій ладъ.

— Irène? въ третій разъ спросила дама въ желтой шляпкѣ.

Ирина быстро обернулась къ ней.

— Eh bien, quoi? que me voulez vous?

— Je vous le dirai plus tard, жеманно отвѣчала дама. При весьма непривлекательной наружности, она постоянно жеманилась и кривлялась; какой-то острякъ сказалъ про нее, что она „minaudait dans le vide“, „кривлялась въ пустомъ пространствѣ“.

Ирина нахмурилась и нетерпѣливо пожала плечомъ.

— Mais que fait donc monsieur Verdier? Pourquoi ne vient-il pas? воскликнула одна дама съ тѣми для французскаго слуха нестерпимыми, протяжными удареніями, которыя составляютъ особенность великороссійскаго выговора.

— Ахъ вуй, ахъ вуй, мсье Вердіе, мсье Вердіе, простонала другая, родомъ прямо уже изъ Арзамаса.

— Tranquillisez-vous, mesdames, вмѣшался Ратмировъ, — monsieur Verdier m'a promis de venir se mettre à vos pieds.

— Хи, хи, хи! Дама заиграла вѣеромъ.

Кельнеръ принесъ нѣсколько стакановъ пива.

— Байришъ биръ? спросилъ генералъ съ бакенбардами, нарочно бася и притворяясь изумленнымъ.—Гутенъ моргенъ.

— А что? Графъ Павелъ все еще тамъ? холодно и вяло спросилъ одинъ молодой генералъ другаго.

— Тамъ, также холодно отвѣчалъ тотъ.—Mais c'est provisoire. Serge, говорятъ, на его мѣсто.

— Эге! процѣдилъ первый сквозь зубы.

— Н....да, процѣдилъ и второй.

— Я не могу понять, заговорилъ генералъ, напѣвавшій пѣсенку, — я не могу понять, что за охота была Полю оправдываться, приводить разныя тамъ причины.... Ну, онъ поприжалъ купца... ну, и что жь такое? У него могли быть свои соображенія.

— Онъ побоялся.... обличенія въ журналахъ, пробурчалъ кто-то.

Раздражительный генералъ вспыхнулъ.

— Ну, ужь это послѣднее дѣло! Журналы! обличеніе! Еслибъ это отъ меня зависѣло, я бы въ этихъ въ вашихъ журналахъ только и позволилъ печатать что таксы на мясо или на хлѣбъ, да объявленія о продажѣ шубъ да сапоговъ.

Digitized by Google

— Да дворянскихъ имѣній съ аукціона, вернулъ Ратмировъ.

— Пожалуй! при теперешнихъ обстоятельствахъ.... Однако, что за разговоръ въ Баденѣ, au vieux Château!

— Mais pas du tout! pas du tout! залепетала дама въ желтой шляпкѣ.— J'adore les questions politiques.

— Madame a raison, вмѣшался другой генералъ съ чрезвычайно пріятнымъ и какъ бы дѣвическимъ лицомъ.—Зачѣмъ намъ избѣгать этихъ вопросовъ... даже въ Баденѣ?—Онъ при этихъ словахъ учтиво взглянулъ на Литвинова и снисходительно улыбнулся. — Порядочный человѣкъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не долженъ отступаться отъ своихъ убѣжденій. Не правда ли?

— Конечно, отвѣчалъ раздражительный генералъ, также взбрасывая глазами на Литвинова и какъ бы косвенно его распекая, — но я не вижу надобности....

— Нѣтъ, нѣтъ, съ прежнею мягкостію перебилъ снисходительный генералъ. — Вотъ нашъ пріятель, Валеріянъ Владиміровичъ, упомянулъ о продажѣ дворянскихъ имѣній. Что жъ? Развѣ это не фактъ?

— Да ихъ и продать теперь невозможно; никому они не нужны! воскликнулъ раздражительный генералъ.

— Можетъ-быть.... можетъ-быть. Потому-то и надо заявлять этотъ фактъ.... этотъ грустный фактъ на каждомъ шагу. Мы раззорены — прекрасно; мы унижены — объ этомъ спорить нельзя; но мы, крупные владѣльцы, мы все-таки представляемъ начало.... un principe. Поддерживать этотъ принципъ—нашъ долгъ. Pardon, madame, вы, кажется, платокъ уронили. Когда нѣкоторое, такъ сказать, омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, мы должны указывать— съ покорностію указывать (генералъ протянулъ палецъ)— указывать перстомъ гражданина на бездну, куда все стремится. Мы должны предостерегать; мы должны говорить съ почтительною твердостію: „воротитесь, воротитесь назадъ“.... Вотъ что мы должны говорить.

— Нельзя же, однако, совсѣмъ воротиться, задумчиво замѣтилъ Ратмировъ.

Снисходительный генералъ только осклабился.

— Совсѣмъ; совсѣмъ назадъ, mon très cher. Чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ лучше.

Генералъ опять вѣжливо взглянулъ на Литвинова. Тотъ не вытерпѣлъ.

Digitized by Google

— Ужь не до семибоярщины ли намъ вернуться, ваше превосходительство?

— А хоть бы и такъ! Я выражаю свое мнѣніе не обинуясь; надо передѣлать.... да.... передѣлать все сдѣланное.

— И девятнадцатое февраля?

— И девятнадцатое февраля — на сколько это возможно. On est patriote ou on ne l'est pas. А воля? скажутъ мнѣ. Вы думаете сладка народу эта воля? Спросите-ка его....

— Попытайтесь, подхватилъ Литвиновъ,—попытайтесь отнять у него эту волю....

— Comment nommez-vous ce monsieur, шепнулъ генералъ Ратмирову.

— Да о чемъ вы тутъ толкуете? заговорилъ вдругъ тучный генералъ, очевидно разыгрывавшій въ этомъ обществѣ роль избалованнаго ребенка.—О журналахъ все? О щелкоперахъ? Позвольте я вамъ разкажу какой у меня былъ анекдотъ съ щелкопером — чудо! Говорятъ мнѣ: написалъ на васъ un folliculaire пашквиль. Ну я, разумѣется, тотчасъ его подъ цугундеръ. Привели голубчика....—Какъ же это ты такъ, говорю, другъ мой, folliculaire, пашквили пишешь? Аль патріотизмъ одолѣлъ? „Одолѣлъ“, говоритъ. — Ну, а деньги, говорю, folliculaire, любишь? „Люблю“, говоритъ. Тутъ я ему, милостивые государи мои, далъ набалдашникъ моей палки понюхать.— А это ты любишь, ангелъ мой? „Нѣтъ, говоритъ, этого я не люблю“.—Да ты, я говорю, понюхай какъ слѣдуетъ, руки-то у меня чистыя. „Не люблю“, говоритъ, и полно.—А я, говорю, душа моя, очень это люблю, только не для себя. Понимаешь ты сію аллегорію, сокровище ты мое? „Понимаю,“ говоритъ.— Такъ смотри же, впередъ будь паинька, а теперь вотъ тебѣ палковый рупь, ступай и благословляй меня денно и нощно. И ушелъ folliculaire.

Генералъ засмѣялся, и всѣ опять за нимъ засмѣялись—всѣ, исключая Ирину, которая даже не улыбнулась и какъ-то сумрачно посмотрѣла на разкащика.

Снисходительный генералъ потрепалъ Бориса по плечу.

— Все это ты выдумалъ, другъ ты мой сердечный.... Станешь ты палкой кому-нибудь грозить.... У тебя и палки-то нѣтъ. C'est pour faire rire ces dames. Для краснаго словца. Но дѣло не въ томъ. Я сейчасъ сказалъ, что надобно совсѣмъ назадъ вернуться. Поймите меня. Я не врагъ такъ-называемаго прогресса; но всѣ эти университеты да семи-

Digitized by Google

варіи тамъ, да народныя училища, эти студенты, попович, разночинцы, вся эта мелюзга, tout ce fond du sac, la petite propriété, pire que le prolétariat—(генералъ говорилъ изнѣженнымъ, почти разслабленнымъ голосомъ), voilà ce qui m'effraie.... вотъ гдѣ нужно остановиться.... и остановитесь. (Онъ опять ласково взглянулъ на Литвинова). Да-съ, нужно, нужно остановиться. Не забудьте, вѣдь у васъ никто ничего не требуетъ, не проситъ. Самоуправленіе, напримѣръ, развѣ кто его проситъ? *Вы* его развѣ просите? Или ты? или ты? или вы, mesdames? Вы ужь и такъ не только самими собою, всѣми нами управляете.—Прекрасное лицо генерала оживилось забавною усмѣшкой. — Друзья мои любезные, зачѣмъ же зайцемъ-то забѣгать? Демократія вамъ рада, она кадитъ вамъ, она готова служить вашимъ цѣлямъ.... да вѣдь это мечъ обоюдоострый. Ужь лучше по-старому, по-прежнему.... вѣрнѣй гораздо. Не позволяйте умничать черни, да ввѣрьтесь аристократіи, въ которой одной и есть сила.... Право, лучше будетъ. А прогрессъ... я собственно ничего не имѣю противъ прогресса. Не давайте намъ только адвокатовъ, да присяжныхъ, да земскихъ какихъ-то чиновниковъ,—да дисциплины, дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты и набережныя, и гошпитали вы можете строить, и улицъ газомъ отчего не освѣщать?

— Петербургъ со всѣхъ четырехъ концовъ зажгли, вотъ вамъ и прогрессъ! прошипѣлъ раздражительный генералъ.

— Да ты, я вижу, злобенъ, промолвилъ лѣниво покачиваясь тучный генералъ,—а по моему avec Orphée aux enfers le progrès a dit son dernier mot.

— Vous dites toujours des bêtises, захихикала дама изъ Арзамаса.

Генералъ пріосанился.

— Je ne suis jamais plus sérieux, madame, que quand je dis des bêtises.

— Мсье Вердіе эту самую фразу уже нѣсколько разъ сказалъ, замѣтила вполголоса Ирина.

— De la poigne et des formes! воскликнулъ тучный генералъ,—de la poigne surtout. А cie по-русски можно перевести такo: вѣжливо, но въ зубы!

— Ахъ ты шалунъ, шалунъ неисправимый! подхватилъ снисходительный генералъ. — Mesdames, не слушайтесь его пожалуста. Комара не зашибетъ. Онъ довольствуется тѣмъ, что сердца пожираетъ.

Digitized by Google

— Ну однако нѣтъ, Борисъ, началъ Ратмировъ, обмѣнявшись взглядомъ съ женою, — шалость шалостью, а это преувеличеніе. Прогрессъ; это есть проявленіе жизни общественной, вотъ что̀ не надо забывать; это симптомъ. Тутъ надо слѣдить.

— Ну да, возразилъ тучный генералъ и сморщилъ носъ.— Дѣло извѣстное, ты въ государственные люди мѣтишь!

— Вовсе не въ государственные люди.... Какіе тутъ государственные люди! А правду нельзя не признать.

„Boris“ опять запустилъ пальцы въ бакенбарды и уставился въ воздухъ.

— Общественная жизнь, это очень важно, потому что въ развитіи народа, въ судьбахъ, такъ-сказать, отечества....

— Valerien, перебилъ „Boris“ внушительно,—il y a des dames ici. Я этого отъ тебя не ожидалъ. Или ты въ комитетъ попасть желаешь?

— Да они всѣ теперь, слава Богу, уже закрыты, подхватилъ раздражительный генералъ, и снова запѣлъ: „deux gendarmes, un beau dimanche....“

Ратмировъ поднесъ батистовый платокъ къ носу и граціозно умолкъ; снисходительный генералъ повторилъ: „шалунъ! шалунъ!“ А „Boris“ обратился къ дамѣ, кривлявшейся въ пустомъ пространствѣ, и не понижая голоса, не измѣняя даже выраженія лица, началъ разспрашивать ее о томъ, когда же она „увѣнчаетъ его пламя“, такъ какъ онъ влюбленъ въ нее изумительно и страдаетъ необыкновенно.

Съ каждымъ мгновеніемъ, въ теченіе этого разговора, Литвинову становилось все болѣе и болѣе неловко. Его гордость, его честная, плебейская гордость, такъ и возмущалась. Что̀ было общаго между нимъ, сыномъ мелкаго чиновника, и этими военными петербургскими аристократами? Онъ любилъ все что̀ они ненавидѣли, онъ ненавидѣлъ то что̀ они любили; онъ слишкомъ ясно это сознавалъ, онъ всѣмъ существомъ своимъ это чувствовалъ. Шутки ихъ онъ находилъ плоскими, тонъ невыносимымъ, каждое движеніе ложнымъ; въ самой мягкости ихъ рѣчей ему слышалось возмутительное презрѣніе — и однакоже онъ какъ будто робѣлъ передъ ними, передъ этими людьми, этими врагами.... „Фу! какая гадость! Я ихъ стѣсняю, я имъ кажусь смѣшнымъ,“ вертѣлось у него въ головѣ: „зачѣмъ же я остаюсь? Уйдемъ, уйдемъ тотчасъ!“ Присутствіе Ирины не могло удержать его: невѣ-

Digitized by Google

селыя ощущенія возбуждала въ немъ и она. Онъ поднялся со стула и началъ прощаться.

— Вы уже уходите? промолвила Ирина, но подумавъ немного, не стала настаивать и только взяла съ него слово, что онъ непремѣнно посѣтитъ ее. Генералъ Ратмировъ съ прежнею утонченною вѣжливостью раскланялся съ нимъ, пожалъ ему руку, довелъ его до конца платформы.... Но едва Литвиновъ успѣлъ завернуть за первый уголъ дороги, какъ дружный взрывъ хохота раздался за нимъ. Хохотъ этотъ относился не къ нему, а къ давно ожиданному мсье Вердіе, который внезапно появился на платформѣ, въ тирольской шляпѣ, синей блузѣ и верхомъ на ослѣ; но кровь такъ и хлынула Литвинову въ щеки, и горько стало ему: словно полынь склеила его стиснутыя губы. Презрѣнные, пошлые люди! пробормоталъ онъ, не соображая того, что нѣсколько мгновеній, проведенныхъ въ обществѣ этихъ людей, еще не давали ему повода такъ жестоко выражаться. И въ этотъ-то міръ попала Ирина, его бывшая Ирина! Въ немъ она вращалась, жила, царствовала, для него она пожертвовала собственнымъ достоинствомъ, лучшими чувствами сердца.... Видно такъ слѣдовало, видно она не заслуживала лучшей участи! Какъ онъ радовался тому, что ей не вздумалось разспрашивать его о его дѣятельности, о его намѣреніяхъ! Ему бы пришлось высказываться передъ „ними“, въ „ихъ“ присутствіи.... Ни за что! никогда! шепталъ Литвиновъ, глубоко вдыхая свѣжій воздухъ и чуть не бѣгомъ спускаясь по дорогѣ въ Баденъ. Онъ думалъ о своей невѣстѣ, о своей милой, доброй, святой Татьянѣ, и какъ чиста, благородна, какъ правдива казалась она ему! Съ какимъ неподдѣльнымъ умиленіемъ припоминалъ онъ ея черты, ея слова, самыя ея привычки.... съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ ея возвращенія!

Быстрая ходьба успокоила его нервы. Возвратясь домой, онъ усѣлся за столъ, взялъ книгу въ руки, и внезапно ее выронилъ, даже вздрогнулъ.... Что съ нимъ случилось? Ничего не случилось съ нимъ, но Ирина.... Ирина.... Удивительнымъ, страннымъ, необычайнымъ вдругъ показалось ему его свиданіе съ нею. Возможно ли? онъ встрѣтился, говорилъ съ тою самой Ириной.... И почему на ней не лежитъ того противнаго, свѣтскаго отпечатка, которымъ такъ рѣзко отмѣчены всѣ тѣ другіе? Почему ему сдается, что она какъ будто скучаетъ или груститъ или тяготится своимъ положеніемъ? Она

Digitized by Google

въ ихъ станѣ, но она не врагъ. И что̀ могло ее заставить такъ радушно обратиться къ нему, звать его къ себѣ?

Литвиновъ встрепенулся.—О, Таня, Таня! воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ:—ты одна мой ангелъ, мой добрый геній, тебя я одну люблю и вѣкъ любить буду. А къ той я не пойду. Богъ съ ней совсѣмъ! Пусть она забавляется со своими генералами!

Литвиновъ снова взялся за книгу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Литвиновъ взялся за книгу, но ему не читалось. Онъ вышелъ изъ дому, прогулялся немного, послушалъ музыку, поглазѣлъ на игру и опять вернулся къ себѣ въ комнату, опять попытался читать, все безъ толку. Какъ-то особенно вяло влачилось время. Пришелъ Пищалкинъ, благонамѣренный мировой посредникъ, и посидѣлъ часика три. Побесѣдовалъ, потолковалъ, ставилъ вопросы, разсуждалъ въ перемежку то о предметахъ возвышенныхъ, то о предметахъ полезныхъ, и такую наконецъ распространилъ скуку, что бѣдный Литвиновъ чуть не взвылъ. Въ искусствѣ наводить скуку, тоскливую, холодную, безвыходную и безнадежную скуку, Пищалкинъ не зналъ соперниковъ даже между людьми высочайшей нравственности, извѣстными мастерами по этой части. Одинъ видъ его остриженной и выглаженной головы, его свѣтлыхъ и безжизненныхъ глазъ, его доброкачественнаго носа, возбуждалъ невольную унылость, а баритонный, медлительный, какъ бы заспанный его голосъ казался созданнымъ для того чтобы съ убѣжденіемъ и вразумительностью произносить изреченія состоявшія въ томъ, что дважды-два четыре, а не пять и не три, вода мокра и добродѣтель похвальна; что частному лицу, равно какъ и государству, а государству, равно какъ и частному лицу, необходимо нуженъ кредитъ для денежныхъ операцій. И совсѣмъ тѣмъ человѣкъ онъ былъ превосходный! Но ужь таковъ предѣлъ судебъ на Руси: скучны у насъ превосходные люди. Пищалкинъ удалился; его замѣнилъ Биндасовъ, и немедленно, съ великою наглостью, потребовалъ у Литвинова въ займы сто гульденовъ, которые тотъ ему и далъ, несмотря на то, что не только не интересовался Биндасовымъ, но даже гнушался имъ и зналъ навѣрное что денегъ своихъ не получитъ ввѣкъ; притомъ онъ самъ въ нихъ нуждался. Зачѣмъ же онъ далъ ихъ ему? спроситъ читатель.

Digitized by Google

А чортъ знаетъ зачѣмъ! На это Русскіе тоже молодцы. Пусть читатель положитъ руку на сердце и вспомнитъ, какое множество поступковъ въ его собственной жизни не имѣло рѣшительно другой причины. А Биндасовъ даже не поблагодарилъ Литвинова: потребовалъ стаканъ аффенталера (баденскаго краснаго вина) и ушелъ, не обтеревъ губъ и нахально стуча сапогами. И ужь какъ же досадовалъ на себя Литвиновъ, глядя на красный затылокъ удалявшагося кулака! Передъ вечеромъ онъ получилъ письмо отъ Татьяны, въ которомъ она его извѣщала, что вслѣдствіе нездоровья ея тетки, раньше пяти, шести дней она въ Баденъ пріѣхать не можетъ. Это извѣстіе непріятно подѣйствовало на Литвинова; оно усилило его досаду, и онъ легъ спать рано, въ дурномъ настроеніи духа. Слѣдующій день выдался не лучше предшествовавшаго, чуть ли не хуже. Съ самаго утра комната Литвинова наполнилась соотечественниками: Бамбаевъ, Ворошиловъ, Пищалкинъ, два офицера, два гейдельбергскіе студента, всѣ привалили разомъ и такъ-таки не уходили вплоть до обѣда, хотя скоро выболтались и видимо скучали. Они просто не знали куда дѣться и, попавъ на квартиру Литвинова, какъ говорится, „застряли“ въ ней. Сперва они потолковали о томъ, что Губаревъ уѣхалъ обратно въ Гейдельбергъ и что надо будетъ къ нему отправиться; потомъ немного пофилософствовали, коснулись польскаго вопроса; потомъ приступили къ разсужденіямъ объ игрѣ, о лоретткахъ, принялись разказывать скандальные анекдотцы; наконецъ разговоръ завязался о томъ, какіе бываютъ силачи, какіе толстые люди и какіе обжоры. Выступили на свѣтъ Божій старые анекдоты о Лукинѣ, о дьяконѣ съѣвшемъ на парѝ тридцать три селедки, объ извѣстномъ своею тучностью уланскомъ полковникѣ Изъѣдиновѣ, о солдатѣ ломавшемъ говяжью кость о собственный лобъ, а тамъ пошло уже совершенное вранье. Самъ Пищалкинъ разказалъ, зѣвая, что зналъ въ Малороссіи бабу, въ которой при смерти оказалось двадцать семь пудовъ съ фунтами, и помѣщика, который за завтракомъ съѣдалъ трехъ гусей и осетра; Бамбаевъ вдругъ пришелъ въ экстазъ и объявилъ, что онъ самъ въ состояніи съѣсть цѣлаго барана, „разумѣется съ приправами“, а Ворошиловъ брякнулъ что-то такое несообразное насчетъ товарища силача-кадета, что всѣ помолчали, помолчали, посмотрѣли другъ на друга, взялись за шапки и раз-

Digitized by Google

брелись. Оставшись наединѣ, Литвиновъ хотѣлъ-было заняться, но ему точно копоти въ голову напустили; онъ ничего не могъ сдѣлать путнаго, и вечеръ тоже пропалъ даромъ. На слѣдующее утро, онъ собирался завтракать, кто-то постучался къ нему въ дверь. „Господи, подумалъ Литвиновъ,—опять кто-нибудь изъ вчерашнихъ пріятелей“, и не безъ нѣкотораго содраганія промолвилъ:

— Herein!

Дверь тихонько отворилась, и въ комнату вошелъ Потугинъ.

Литвиновъ чрезвычайно ему обрадовался.

— Вотъ это мило! заговорилъ онъ, крѣпко стискивая руку нежданному гостю,—вотъ спасибо! Я самъ непремѣнно навѣстилъ бы васъ, да вы не хотѣли мнѣ сказать, гдѣ вы живете. Садитесь пожалуста, положите шляпу. Садитесь же.

Потугинъ ничего не отвѣчалъ на ласковыя рѣчи Литвинова, стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу посреди комнаты и только посмѣивался, да покачивалъ головой. Радушный привѣтъ Литвинова его видимо тронулъ, но въ выраженіи его лица было нѣчто принужденное.

— Тутъ.... маленькое недоразумѣніе.... началъ онъ не безъ запинки. — Конечно, я всегда съ удовольствіемъ.... но меня собственно.... меня къ вамъ прислали.

— То-есть, вы хотите сказать, промолвилъ жалобнымъ голосомъ Литвиновъ,—что сами собой вы бы не пришли ко мнѣ?

— О, нѣтъ, помилуйте!... Но я.... я, можетъ-быть, не рѣшился бы сегодня васъ безпокоить, еслибы меня не попросили зайдти къ вамъ. Словомъ, у меня есть къ вамъ порученіе.

— Отъ кого, позвольте узнать?

— Отъ одной вамъ извѣстной особы, отъ Ирины Павловны Ратмировой. Вы третьяго дня обѣщались навѣстить ее и не пришли.

Литвиновъ съ изумленіемъ уставился на Потугина.

— Вы знакомы съ г-жею Ратмировой?

— Какъ видите.

— И коротко знакомы?

— Я до нѣкоторой степени ей пріятель.

Литвиновъ помолчалъ.

— Позвольте васъ спросить, началъ онъ наконецъ,—вамъ извѣстно для чего Иринѣ Павловнѣ угодно меня видѣть?

Потугинъ подошелъ къ окну.

— До нѣкоторой степени извѣстно. Она, сколько я могу

Digitized by Google

судить, очень обрадовалась встрѣчѣ съ вами, ну и желаетъ возобновить прежнія отношенія.

— Возобновить, повторилъ Литвиновъ. — Извините мою нескромность, но позвольте мнѣ еще спросить васъ. Вамъ извѣстно, какого рода были эти отношенія?

— Собственно—нѣтъ, не извѣстно. Но я полагаю, прибавилъ Потугинъ, внезапно обратившись къ Литвинову и дружелюбно глядя на него,—я полагаю, что они были хорошаго свойства. Ирина Павловна очень васъ хвалила, и я долженъ былъ дать ей слово, что приведу васъ. Вы поѣдете?

— Когда?

— Теперь... сейчасъ.

Литвиновъ только руками развелъ.

— Ирина Павловна, продолжалъ Потугинъ, — полагаетъ, что та.... какъ бы выразиться.... та среда, что ли, въ которой вы ее застали третьяго дня, не должна возбудить ваше особенное сочувствіе; но она велѣла вамъ сказать, что чортъ не такой черный, какимъ его изображаютъ.

— Гм.... Это изреченіе примѣняется собственно къ той.... средѣ?

— Да.... и вообще.

— Гм.... Ну, а вы, Созонтъ Иванычъ, какого мнѣнія о чортѣ?

— Я думаю, Григорій Михайлычъ, что онъ во всякомъ случаѣ не такой, какимъ его изображаютъ.

— Онъ лучше?

— Лучше ли, хуже ли, это рѣшить трудно, но не такой. Ну что же, идемъ мы?

— Да вы посидите сперва немножко. Мнѣ, признаться, все-таки кажется немного страннымъ...

— Что, смѣю спросить?

— Какимъ образомъ вы, собственно вы, могли сдѣлаться пріятелемъ Ирины Павловны?

Потугинъ окинулъ самого себя взглядомъ.

— Съ моею фигурой, съ положеніемъ моимъ въ обществѣ, оно точно неправдоподобно; но вы знаете:—уже Шекспиръ сказалъ: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацій“ и такъ далѣе. Жизнь тоже шутить не любитъ. Вотъ вамъ сравненіе: дерево стоитъ передъ вами и вѣтра нѣтъ; какимъ образомъ листъ на нижней вѣткѣ прикоснется къ листу на верхней вѣткѣ? Никоимъ образомъ. А поднялась буря, все перемѣшалось—и тѣ два листа прикоснулись.

Digitized by Google

— Ага! Стало-быть бури были?

— Еще бы! Безъ нихъ развѣ проживешь? Но въ сторону философію! Пора идти.

Литвиновъ все еще колебался.

— О Господи! воскликнулъ съ комическою ужимкой Потугинъ:—kakie нынче стали молодые люди! Прелестнѣйшая дама приглашаетъ ихъ къ себѣ, засылаетъ за ними гонцовъ, нарочныхъ, а они чинятся! Стыдитесь, милостивый государь, стыдитесь. Вотъ ваша шляпа. Возьмите ее и „фор вертсъ!“ какъ говорятъ наши друзья, пылкіе Нѣмцы.

Литвиновъ постоялъ еще немного въ раздумьи, но кончилъ тѣмъ, что взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Потугинымъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Они пришли въ одну изъ лучшихъ гостиницъ Бадена и спросили генеральшу Ратмирову. Швейцаръ сперва освѣдомился объ ихъ именахъ, потомъ тотчасъ отвѣчалъ, что „die Frau Fürstin ist zu Hause“ и самъ повелъ ихъ по лѣстницѣ, самъ постучалъ въ дверь номера и доложилъ о нихъ. „Die Frau Fürstin“ приняла ихъ немедленно; она была одна: мужъ ея отправился въ Карлсруэ для свиданія съ проѣзжавшимъ сановнымъ тузомъ изъ „вліятельныхъ“.

Ирина сидѣла за небольшимъ столикомъ и вышивала по канвѣ, когда Потугинъ съ Литвиновымъ переступили порогъ двери. Она проворно бросила шитье въ сторону, оттолкнула столикъ, встала; выраженіе неподдѣльнаго удовольствія распространилось по ея лицу. На ней было утреннее, до верху закрытое платье; прекрасныя очертанія плечъ и рукъ сквозили черезъ легкую ткань; небрежно закрученная коса распустилась и падала низко на тонкую шею. Ирина бросила Потугину быстрый взглядъ, шепнула: „merci“, и протянула Литвинову руку, любезно упрекнула его въ забывчивости. „А еще старый другъ,“ прибавила она.

Литвиновъ началъ было извиняться. „C'est bien, c'est bien,“ поспѣшно промолвила она и съ ласковымъ насиліемъ отнявъ у него шляпу, заставила его сѣсть. Потугинъ тоже сѣлъ, но тотчасъ же поднялся, и сказавъ, что у него есть безотлагательное дѣло и что онъ зайдетъ послѣ обѣда, сталъ раскланиваться. Ирина снова бросила ему быстрый взглядъ и

Digitized by Google

дружески кивнула ему головой, но не удерживала его, и какъ только онъ исчезъ за портьерой, съ нетерпѣливою живостью обратилась къ Литвинову.

— Григорій Михайлычъ, заговорила она по-русски своимъ мягкимъ и звонкимъ голосомъ,—вотъ мы одни наконецъ, и я могу сказать вамъ, что я очень рада нашей встрѣчѣ, потому что она.... она дастъ мнѣ возможность.... (Ирина посмотрѣла ему прямо въ лицо) попросить у васъ прощенія.

Литвиновъ невольно вздрогнулъ. Такого быстраго натиска онъ не ожидалъ. Онъ не ожидалъ, что она сама наведетъ рѣчь на прежнія времена.

— Въ чемъ.... прощенія.... пробормоталъ онъ.

Ирина покраснѣла.

— Въ чемъ?... Вы знаете въ чемъ, промолвила она и слегка отвернулась. — Я была виновата передъ вами, Григорій Михайлычъ, хотя, конечно, такая ужъ видно мнѣ выпала судьба (Литвинову вспомнилось ея письмо), и я не раскаиваюсь.... это было-бы, во всякомъ случаѣ, слишкомъ поздно; но встрѣтивъ васъ такъ неожиданно, я сказала себѣ, что мы непремѣнно должны сдѣлаться друзьями, непремѣнно... и мнѣ было бы очень больно, еслибъ это не удалось... и мнѣ кажется, что для этого мы должны объясниться съ вами, не откладывая и разъ на всегда, чтобъ уже потомъ не было никакой.... gène, разъ навсегда, Григорій Михайлычъ; и что вы должны сказать мнѣ, что вы меня прощаете, а то я буду предполагать въ васъ.... de la rancune. Voilà! Это съ моей стороны, можетъ-быть, большая претензія, потому что вы, вѣроятно, давнымъ-давно все забыли, но все равно, скажите мнѣ, что вы меня простили.

Ирина произнесла всю эту рѣчь, не переводя духа, и Литвиновъ могъ замѣтить, что въ глазахъ ея заблистали слезы.... да, дѣйствительныя слезы.

— Помилуйте, Ирина Павловна, поспѣшно началъ онъ, — какъ вамъ не совѣстно извиняться, просить прощенія.... То дѣло прошедшее, въ воду кануло, и мнѣ остается только удивляться какъ вы, среди блеска, который васъ окружаетъ, могли еще сохранить воспоминаніе о темномъ товарищѣ первой вашей молодости....

— Васъ это удивляетъ? тихо проговорила Ирина.

— Меня это трогаетъ, подхватилъ Литвиновъ, — потому что я никакъ не могъ вообразить....

Digitized by Google

— А вы все-таки мнѣ не сказали, что вы меня простили, перебила Ирина.

— Я искренно радуюсь вашему счастью, Ирина Павловна, я отъ всей души желаю вамъ всего лучшаго на землѣ....

— И не помните зла?

— Я помню только тѣ прекрасныя мгновенья, которыми я нѣкогда былъ вамъ обязанъ.

Ирина протянула ему обѣ руки. Литвиновъ крѣпко стиснулъ ихъ, и не разомъ ихъ выпустилъ.... Что-то давно небывалое тайно шевельнулось въ ея сердцѣ отъ этого мягкаго прикосновенія. Ирина опять глядѣла ему прямо въ лицо; но на этотъ разъ она улыбалась.... И онъ въ первый разъ прямо и пристально посмотрѣлъ на нее.... Онъ опять узналъ черты, когда-то столь дорогія, и тѣ глубокіе глаза съ ихъ необычайными рѣсницами, и родинку на щекѣ, и особый складъ волосъ надо лбомъ, и привычку какъ-то мило и забавно кривить губы и чуть-чуть вздрагивать бровями, все, все узналъ онъ.... Но какъ она похорошѣла! Какая прелесть, какая сила женскаго молодаго тѣла! И ни румянъ, ни бѣлилъ, ни сурьмы, ни пудры, никакой фальши на свѣжемъ, чистомъ лицѣ.... Да, это была точно красавица!

Раздумье нашло на Литвинова.... Онъ все глядѣлъ на нее, но уже мысли его были далеко.... Ирина это замѣтила.

— Ну вотъ и прекрасно, громко заговорила она;—ну вотъ теперь совѣсть моя покойна, и я могу удовлетворить мое любопытство....

— Любопытство, повторилъ Литвиновъ, какъ бы недоумѣвая.

— Да, да.... Я непремѣнно хочу знать что̀ вы̀ дѣлали все это время, какіе ваши планы; я все хочу знать, какъ, что̀, когда.... все, все. И вы должны говорить мнѣ правду, потому что я предувѣдомляю васъ, я не теряла васъ изъ вида.... на сколько это было возможно.

— Вы меня не теряли изъ вида, вы.... тамъ.... въ Петербургѣ?

— Среди блеска, который меня окружалъ, какъ вы сейчасъ выразились. Именно, да, не теряла. Объ этомъ блескѣ мы еще поговоримъ съ вами; а теперь вы должны разказывать, много, долго разказывать, никто намъ не помѣшаетъ. Ахъ какъ это будетъ чудесно! прибавила Ирина, весело усаживаясь и охорашиваясь въ креслѣ.—Ну же, начинайте.

— Прежде чѣмъ разказывать, я долженъ благодарить васъ, началъ Литвиновъ.

Digitized by Google

— За что?

— За букетъ цвѣтовъ, который очутился у меня въ комнатѣ.

— Какой букетъ? я ничего не знаю.

— Какъ?

— Говорятъ вамъ, я ничего не знаю.... Но я жду.... жду вашего разказа.... Ахъ, какой этотъ Потугинъ умница, что привелъ васъ!

Литвиновъ навострилъ уши.

— Вы съ этимъ господиномъ Потугинымъ давно знакомы? спросилъ онъ.

— Давно.... но разказывайте.

— И близко его знаете?

— О, да!—Ирина вздохнула.—Тутъ есть особенныя причины... Вы, конечно, слыхали про Элизу Бѣльскую.... Вотъ та что умерла въ позапрошломъ году такой ужасной смертью?... Ахъ, да вѣдь я забыла, что вамъ неизвѣстны наши исторіи.... Къ счастью, къ счастью неизвѣстны. Oh quelle chance! наконецъ-то, наконецъ одинъ человѣкъ, живой человѣкъ, который нашего ничего не знаетъ! И по-русски можно съ нимъ говорить, хоть дурнымъ языкомъ, да русскимъ, а не этимъ, вѣчнымъ, приторнымъ, противнымъ, петербургскимъ французскимъ языкомъ!

— И Потугинъ, говорите вы, находился въ отношеніяхъ съ....

— Мнѣ очень тяжело даже вспоминать объ этомъ, перебила Ирина.—Элиза была моимъ лучшимъ другомъ въ институтѣ, и потомъ, въ Петербургѣ, мы безпрестанно видались. Она мнѣ довѣряла всѣ свои тайны: она была очень несчастна, много страдала. Потугинъ въ этой исторіи велъ себя прекрасно, какъ настоящій рыцарь. Онъ пожертвовалъ собою. Я только тогда его оцѣнила! Но мы опять отбились въ сторону. Я жду вашего разказа, Григорій Михайловичъ.

— Да мой разказъ нисколько не можетъ интересовать васъ, Ирина Павловна.

— Это ужь не ваше дѣло.

— Вспомните, Ирина Павловна, мы десять лѣтъ не видались, цѣлыхъ десять лѣтъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ!

— Не одной воды! не одной воды! повторила она, съ особымъ, горькимъ выраженіемъ:—потому-то я и хочу васъ слушать.

— И притомъ, я право, не могу придумать, съ чего же мнѣ начать?

— Съ начала. Съ самаго того времени, какъ вы.... какъ

Digitized by Google

я переѣхала въ Петербургъ. Вы тогда оставили Москву.... Знаете ли, я съ тѣхъ поръ уже никогда не возвращалась въ Москву!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Прежде было невозможно; а потомъ, когда я вышла замужъ....

— А вы давно замужемъ?

— Четвертый годъ.

— Дѣтей у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ, сухо отвѣчала она.

Литвиновъ помолчалъ.

— А до вашего замужества вы постоянно жили у этого, какъ бишь его, графа Рейзенбаха?

Ирина пристально посмотрѣла на него, какъ бы желая отдать себѣ отчетъ зачѣмъ онъ это спрашиваетъ.....

— Нѣтъ.... промолвила она наконецъ.

— Стало-быть, ваши родители.... Кстати, я и не спросилъ у васъ объ нихъ. Что они....

— Они оба здоровы.

— И по прежнему живутъ въ Москвѣ?

— По прежнему, въ Москвѣ.

— А ваши братья, сестры?

— Имъ хорошо; я ихъ всѣхъ пристроила.

— А! Литвиновъ изъ подлобья взглянулъ на Ирину. — По настоящему, Ирина Павловна, не мнѣ бы слѣдовало разказывать, а вамъ, если только....

Онъ вдругъ спохватился и умолкъ.

Ирина поднесла руки къ лицу и повертѣла кольцомъ на обручальномъ пальцѣ.

— Что жь? Я не отказываюсь, промолвила она наконецъ. Когда-нибудь.... пожалуй.... Но сперва вы.... потому, вотъ видите, я хоть и слѣдила за вами, но объ васъ почти ничего не знаю; а обо мнѣ.... ну обо мнѣ вы навѣрно слышали довольно. Не правда ли? Вѣдь вы слышали, скажите?

— Вы, Ирина Павловна, занимали слишкомъ видное мѣсто въ свѣтѣ, чтобы не возбуждать толковъ.... особенно въ провинціи, гдѣ я находился и гдѣ всякому слуху вѣрятъ.

— А вы вѣрили этимъ слухамъ? И какого роду были они?

— Признаться сказать, Ирина Павловна, эти слухи доходили до меня очень рѣдко. Я велъ жизнь весьма уединенную.

Digitized by Google

— Какъ такъ? Вѣдь вы были въ Крыму, въ ополченіи?

— Вамъ и это извѣстно?

— Какъ видите. Говорятъ вамъ, за вами слѣдили.

Литвинову снова пришлось изумиться.

— Зачѣмъ же я стану вамъ разказывать, что̀ вы и безъ меня знаете? проговорилъ Литвиновъ въ полголоса.

— А затѣмъ.... затѣмъ чтобъ исполнить мою просьбу. Вѣдь я прошу васъ, Григорій Михайловичъ.

Литвиновъ наклонилъ голову и началъ.... началъ, нѣсколько сбивчиво, въ общихъ чертахъ, передавать Иринѣ свои незатѣйливыя похожденія. Онъ часто останавливался и вопросительно взглядывалъ на Ирину, дескать не довольно ли? Но она настойчиво требовала продолженія разказа, и откинувъ волосы за уши, облокотившись на ручку кресла, казалось, съ усиленнымъ вниманіемъ ловила каждое слово. Глядя на нее со стороны и слѣдя за выраженіемъ ея лица, иной бы, пожалуй, могъ подумать, что она вовсе не слышала того что̀ Литвиновъ ей говорилъ, а только погружалась въ созерцаніе.... Но не Литвинова созерцала она, хотя онъ и смущался и краснѣлъ подъ ея упорнымъ взглядомъ. Передъ нею возникала цѣлая жизнь, другая, не его, ея собственная жизнь.

Литвиновъ не кончилъ, а умолкъ подъ вліяніемъ непріятнаго чувства постояно возраставшей, внутренней неловкости. Ирина на этотъ разъ ничего не сказала ему, не попросила его продолжать, и прижавъ ладонь къ глазамъ, точно усталая, медленно прислонилась къ спинкѣ кресла и осталась неподвижной. Литвиновъ подождалъ немного, и сообразивъ что визитъ его продолжался уже болѣе двухъ часовъ, протянулъ было руку къ шляпѣ, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался быстрый скрипъ тонкихъ лаковыхъ сапоговъ и предшествуемый тѣмъ же отмѣннымъ, дворянски-гвардейскимъ запахомъ, вошелъ Валеріянъ Владиміровичъ Ратмировъ.

Литвиновъ всталъ со стула и обмѣнялся поклономъ съ благовиднымъ генераломъ. А Ирина отняла, не спѣша, руку отъ лица и холодно посмотрѣвъ на своего супруга, промолвила по-французски:—А! вотъ вы уже вернулись! Но который же теперь часъ?

— Скоро четыре часа, ma chère amie, а ты еще не одѣта — васъ княгиня ждать будетъ, отвѣчалъ генералъ, и изящно нагнувъ перетянутый станъ въ сторону Литвинова, съ свойственною ему почти изнѣженною игривостью въ голосѣ, при-

Digitized by Google

бавилъ: — Видно, любезный гость заставилъ тебя забыть время.

Читатель позволитъ намъ сообщить ему на этомъ мѣстѣ нѣсколько свѣдѣній о генералѣ Ратмировѣ. Поступивъ съ раннихъ лѣтъ на военную службу, Валеріанъ Владиміровичъ, обратилъ на себя вниманіе начальства, не столько успѣхами въ наукахъ, сколько фронтовою выправкой, хорошими манерами и вышелъ въ гвардію. Карьеру онъ сдѣлалъ блестящую, благодаря скромной веселости своего нрава, ловкости въ танцахъ, мастерской ѣздѣ верхомъ ординарцемъ на парадахъ, и наконецъ какому-то особенному искусству фамиліярно-почтительнаго обращенія съ высшими, грустно-ласковаго, почти сиротливаго прислуживанія, не безъ примѣси общаго, легкаго какъ пухъ либерализма. Этотъ либерализмъ не помѣшалъ ему однако отечески посѣчь пятьдесятъ человѣкъ крестьянъ во взбунтовавшемся бѣлорусскомъ селеніи, куда его послали для усмиренія. Наружностью онъ обладалъ привлекательною и необычайно моложавою. Гладкій, румяный, гибкій и липкій, онъ пользовался удивительными успѣхами у женщинъ: знатныя старушки просто съ ума отъ него сходили. Осторожный по привычкѣ, молчаливый изъ разчета, генералъ Ратмировъ зналъ себѣ цѣну и мѣтилъ высоко.

Литвиновъ принужденно усмѣхнулся, а Ирина только плечами пожала.

— Ну что, промолвила она тѣмъ же холоднымъ тономъ, — видѣли вы графа?

— Какъ же, видѣлъ. Онъ приказалъ тебѣ кланяться.

— А! Онъ все глупъ по прежнему, этотъ вашъ покровитель?

Генералъ Ратмировъ ничего не отвѣчалъ, а только слегка посмѣялся въ носъ, какъ бы снисходя къ опрометчивости женскаго сужденія. Благосклонные взрослые люди такимъ точно смѣхомъ отвѣчаютъ на вздорныя выходки дѣтей.

— Да, прибавила Ирина, глупость вашего графа слишкомъ поразительна, а ужь я, кажется, на что успѣла насмотрѣться.

— Вы сами меня къ нему послали, замѣтилъ сквозь зубы генералъ, и обратившись къ Литвинову, спросилъ его по-русски: — Пользуется ли онъ баденскими водами?

— Я, слава Богу, здоровъ, отвѣчалъ Литвиновъ.

— Это лучше всего, продолжалъ генералъ, любезно осклабясь; — да и вообще въ Баденъ не за тѣмъ ѣздятъ, чтобы лѣчиться;

Digitized by Google

но здѣшнія воды весьма дѣйствительны, je veux dire, efficaces; и кто страдаетъ, какъ я напримѣръ, нервическимъ кашлемъ...

Ирина быстро встала.—Мы еще увидимся съ вами, Григорій Михайловичъ и, я надѣюсь, скоро, проговорила она по-французски, презрительно перебивая мужнину рѣчь,—а теперь я должна идти одѣваться. Эта старая княгиня несносна съ своими вѣчными parties de plaisir, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ скуки.

— Вы сегодня очень строги ко всѣмъ, пробормоталъ ея супругъ и проскользнулъ въ другую комнату.

Литвиновъ направился къ двери.... Ирина его остановила.

— Вы мнѣ все разсказали, промолвила она, а главное утаили.

— Что такое?

— Вы, говорятъ, женитесь?

Литвиновъ покраснѣлъ до ушей.... Онъ дѣйствительно съ намѣреніемъ не упомянулъ о Танѣ; но ему стало страхъ досадно, вопервыхъ, что Ирина знаетъ о его свадьбѣ, а во-вторыхъ, что она какъ будто уличила его въ желаніи скрыть отъ нея эту самую свадьбу. Онъ рѣшительно не зналъ что сказать, а Ирина не спускала съ него глазъ.—Да, я женюсь, проговорилъ онъ наконецъ и тотчасъ удалился.

Ратмировъ вернулся въ комнату.

— Ну что же ты не одѣваешься? спросилъ онъ.

— Ступайте одни; у меня голова болитъ.

— Но княгиня....

Ирина обмѣрила мужа взглядомъ съ ногъ до головы, повернулась къ нему спиной, и ушла въ свой кабинетъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Литвиновъ былъ весьма недоволенъ собою, словно въ рулетку проигрался или не сдержалъ даннаго слова. Внутренній голосъ говорилъ ему, что какъ жениху, какъ человѣку уже степенному, не мальчику, ему не слѣдовало поддаваться ни подстрекательству любопытства, ни обольщеніямъ воспоминаній. „Очень нужно было идти! разсуждалъ онъ. Съ ея стороны кокетство одно, прихоть, капризъ.... Она скучаетъ, ей все пріѣлось, она ухватилась за меня.... иному лакомкѣ вдругъ захочется чернаго хлѣба.... ну и прекрасно. Я-то зачѣмъ побѣжалъ? Развѣ я могу.... не презирать ея?“ Это послѣднее слово онъ произнесъ, даже мысленно, не безъ усилія.— „Конечно, тутъ опасности никакой нѣтъ и быть не можетъ, продолжалъ онъ свои разсужденія.... Вѣдь я знаю, съ кѣмъ

Digitized by Google

дѣло имѣю. Но все-таки съ огнемъ шутить не слѣдуетъ.... Моей ноги у нея не будетъ." Литвиновъ самому себѣ не смѣлъ или не могъ еще признаться, до какой степени Ирина ему казалась красивою, и какъ сильно она возбуждала его чувство.

День опять прошелъ тупо и вяло. За обѣдомъ Литвинову довелось сидѣть возлѣ осанистаго бельома съ нафабренными усами, который все молчалъ и только пыхтѣлъ да глаза таращилъ... но, внезапно икнувъ, оказался соотечественникомъ, ибо тутъ же промолвилъ по-русски: „а я говорилъ, что не надо было ѣсть дыни!" Вечеромъ тоже не произошло ничего утѣшительнаго: Биндасовъ въ глазахъ Литвинова выигралъ сумму вчетверо больше той, которую у него занялъ, но не только не возвратилъ ему своего долга, а даже съ угрозой посмотрѣлъ ему въ лицо, какъ бы собираясь наказать его еще чувствительнѣе именно за то, что онъ былъ свидѣтелемъ выигрыша. На слѣдующее утро снова нахлынула ватага соотечественниковъ; Литвиновъ едва-едва отъ нихъ отдѣлался и отправившись въ горы, сперва наткнулся на Ирину,—онъ притворился что не узналъ ея и быстро прошелъ мимо,—потомъ на Потугина. Съ Потугинымъ онъ заговорилъ было, но тотъ не охотно отвѣчалъ ему. Онъ велъ за руку нарядно одѣтую дѣвочку съ пушистыми, почти бѣлыми локонами, большими темными глазами на блѣдномъ, болѣзненномъ личикѣ и тѣмъ особеннымъ, повелительнымъ и нетерпѣливымъ выраженіемъ, которое свойственно избалованнымъ дѣтямъ. Литвиновъ провелъ часа два въ горахъ и возвращался домой по Лихтенталевской аллеѣ... Сидѣвшая на скамейкѣ дама съ синимъ вуалемъ на лицѣ проворно встала и подошла къ нему... Онъ узналъ Ирину.

— Зачѣмъ вы избѣгаете меня, Григорій Михайловичъ? проговорила она неровнымъ голосомъ, какой бываетъ у человѣка, у котораго накипѣло на сердцѣ.

Литвиновъ смутился.—Я васъ избѣгаю, Ирина Павловна?...

— Да, вы.... вы....

Ирина казалась взволнованною, почти разсерженною.

— Вы ошибаетесь, увѣряю васъ.

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Развѣ я сегодня утромъ — вотъ, когда мы съ вами встрѣтились, — развѣ я не видѣла, что вы меня узнали? Скажите, развѣ вы не узнали меня? Скажите?

— Я право... Ирина Павловна....

— Григорій Михайловичъ, вы человѣкъ прямой, вы всегда

Digitized by Google

говорили правду: скажите, скажите мнѣ, вѣдь вы узнали меня? вы съ намѣреніемъ отвернулись?

Литвиновъ взглянулъ на Ирину. Глаза ея блестѣли страннымъ блескомъ, а щеки и губы мертвенно бѣлѣли сквозь частую сѣтку вуаля. Въ выраженіи ея лица, въ самомъ звукѣ ея порывистаго шопота было что-то до того неотразимо-скорбное, молящее.... Литвиновъ не могъ притворяться долѣе.

— Да.... я узналъ васъ, промолвилъ онъ не безъ усилія.

Ирина тихонько вздрогнула и тихонько опустила руки.

— Отчего же вы не подошли ко мнѣ? прошептала она.

— Отчего.... отчего!—Литвиновъ сошелъ въ сторону съ дорожки, Ирина молча послѣдовала за нимъ.—Отчего? повторилъ онъ еще разъ, и лицо его внезапно вспыхнуло, и чувство, похожее на злобу, стиснуло ему грудь и горло. — Вы.... Вы это спрашиваете, послѣ всего что произошло между нами? Не теперь, конечно не теперь, а тамъ.... тамъ.... въ Москвѣ.

— Но вѣдь мы съ вами рѣшили, вѣдь вы обѣщали.... начала было Ирина.

— Я ничего не обѣщалъ! Извините рѣзкость моихъ выраженій, но вы требуете правды—такъ посудите сами: чему какъ не кокетству,—признаюсь для меня непонятному,—чему какъ не желанію испытать насколько вы еще властны надо мною могу я приписать вашу.... я не знаю какъ назвать.... вашу настойчивость? Наши дороги такъ далеко разошлись! Я все забылъ, все это переболѣлъ давно, я совсѣмъ другой человѣкъ сталъ; вы замужемъ, счастливы, по крайней мѣрѣ по наружности, пользуетесь завиднымъ положеніемъ въ свѣтѣ: къ чему же, зачѣмъ это сближеніе? Что я вамъ, что вы мнѣ? Мы теперь и понять другъ друга не можемъ, между нами теперь нѣтъ уже рѣшительно ничего общаго, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ! Особенно.... особенно въ прошедшемъ!

Литвиновъ произнесъ всю эту рѣчь торопливо, отрывисто, не поворачивая головы. Ирина не шевелилась, и только по временамъ, чуть-чуть протягивала къ нему руки. Казалось, она умоляла его остановиться и выслушать ее, а при послѣднихъ его словахъ слегка прикусила нижнюю губу, какъ бы подавляя ощущеніе остраго и быстраго уязвленія.

— Григорій Михайлычъ, начала она наконецъ голосомъ уже болѣе спокойнымъ и отошла еще дальше отъ дорожки, по которой изрѣдка проходили люди...

Digitized by Google

Литвиновъ въ свою очередь послѣдовалъ за ней.

— Григорій Михайлычъ, повѣрьте мнѣ: еслибъ я могла вообразить, что у меня осталось на волосъ власти надъ вами, я бы первая избѣгала васъ. Если я этого не сдѣлала, если я рѣшилась, несмотря на.... на мою прошедшую вину, возобновить знакомство съ вами, то это потому.... потому....

— Почему? почти грубо спросилъ Литвиновъ.

— Потому, подхватила со внезапною силой Ирина,—что мнѣ стало уже слишкомъ невыносимо, нестерпимо, душно въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ завидномъ положеніи, о которомъ вы говорите; потому что встрѣтивъ васъ, живаго человѣка, послѣ всѣхъ этихъ мертвыхъ куколъ—вы могли видѣть образцики ихъ четвертаго дня, тамъ au Vieux Château, я обрадовалась какъ источнику въ пустынѣ, а вы называете меня кокеткой и подозрѣваете меня, и отталкиваете меня подъ тѣмъ предлогомъ, что я дѣйствительно была виновата передъ вами, а еще больше передъ самой собою!

— Вы сами выбрали свой жребій, Ирина Павловна, угрюмо промолвилъ Литвиновъ, по прежнему не оборачивая головы.

— Сама, сама.... я и не жалуюсь, я не имѣю права жаловаться, поспѣшно проговорила Ирина, которой, казалось, самая суровость Литвинова доставляла тайную отраду; — я знаю, что вы должны осуждать меня, я и не оправдываюсь, я только хочу объяснить вамъ мое чувство, я хочу убѣдить васъ, что мнѣ не до кокетства теперь.... Мнѣ кокетничать съ вами! Да въ этомъ смыслу нѣтъ.... Когда я васъ увидала, все мое хорошее, молодое во мнѣ пробудилось.... то время, когда я еще не выбрала своего жребія, все, что̀ лежитъ тамъ, въ той свѣтлой полосѣ, за этими десятью годами....

— Да позвольте же, наконецъ, Ирина Павловна! Сколько мнѣ извѣстно, свѣтлая полоса въ вашей жизни началась именно съ той поры, какъ мы разстались....

Ирина поднесла платокъ къ губамъ.

— Это очень жестоко, что̀ вы говорите, Григорій Михайлычъ; но я сердиться на васъ не могу. О, нѣтъ, не свѣтлое то было время, не на счастье покинула я Москву, ни одного мгновенья, ни одной минуты счастья я не знала.... повѣрьте мнѣ, что̀ бы ни разказывали вамъ. Еслибъ я была счастлива, могла ли бы я говорить съ вами такъ какъ я теперь говорю.... Я повторяю вамъ, вы не знаете что это за люди.... Вѣдь они ничего не понимаютъ, ничему не сочувствуютъ, даже ума

Digitized by Google

у нихъ нѣтъ, ni esprit, ni intelligence, а одно только лукавство, да сноровка; вѣдь въ сущности и музыка, и поэзія, и искусство имъ одинаково чужды.... Вы скажете, что я ко всему этому была сама довольно равнодушна; но не въ такой степени, Григорій Михайлычъ.... не въ такой степени! Не свѣтская женщина теперь передъ вами, вамъ стоитъ только взглянуть на меня, не львица.... такъ кажется насъ величаютъ.... а бѣдное, бѣдное существо, которое, право, достойно сожалѣнія. Не удивляйтесь моимъ словамъ.... мнѣ не до гордости теперь! Я протягиваю къ вамъ руку какъ нищая, поймите же это наконецъ, какъ нищая.... Я милостыни прошу, прибавила она вдругъ съ невольнымъ, неудержимымъ порывомъ, — я прошу милостыни, а вы....

Голосъ измѣнилъ ей. Литвиновъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Ирину: она дышала быстро, губы ея дрожали. Сердце въ немъ вдругъ забилось, и чувство злобы исчезло.

— Вы говорите, что наши дороги разошлись, продолжала Ирина,—я знаю, вы женитесь по склонности, у васъ уже составленъ планъ на всю вашу жизнь, да, это все такъ, но мы не стали другъ другу чужды, Григорій Михайлычъ, мы можемъ еще понимать другъ друга. Или вы полагаете, что я совсѣмъ отупѣла, что я совсѣмъ погрязла въ этомъ болотѣ? Ахъ, нѣтъ, не думайте этого, пожалуста! Дайте мнѣ душу отвести, прошу васъ, ну хоть во имя тѣхъ прежнихъ дней, если вы не хотите забыть ихъ. Сдѣлайте такъ, чтобы наша встрѣча не пропала даромъ, это было бы очень горько, она и безъ того не долго продолжится.... Я не умѣю говорить какъ слѣдуетъ, но вы поймете меня, потому что я требую малаго, очень малаго.... только немножко участія, только чтобы не отталкивали меня, душу дали бы отвести...

Ирина умолкла, въ голосѣ ея звенѣли слезы. Она вздохнула, и робко, какимъ-то боковымъ, ищущимъ взоромъ посмотрѣла на Литвинова, протянула ему руку.

Литвиновъ медленно взялъ эту руку и слабо пожалъ ее.

— Будемте друзьями, шепнула Ирина.

— Друзьями, задумчиво повторилъ Литвиновъ.

— Да, друзьями.... а если это слишкомъ большое требованіе, такъ будемте, по крайней мѣрѣ, хорошими знакомыми.... Будемте запросто, какъ будто никогда ничего не случалось....

— Какъ будто ничего не случалось.... повторилъ опять Литвиновъ.—Вы сейчасъ сказали мнѣ, Ирина Павловна, что я не хочу забыть прежнихъ дней.... Ну, а если я не могу забыть ихъ?

Digitized by Google

Улыбка мелькнула на лицѣ Ирины, и тотчасъ же исчезла, смѣнившись заботливымъ, почти испуганнымъ выраженіемъ.

— Будьте какъ я, Григорій Михайлычъ, помните только хорошее; а главное дайте мнѣ теперь слово.... честное слово....

— Какое?

— Не избѣгать меня.... не огорчать меня понапрасну.... Вы обѣщаетесь? скажите!

— Да.

— И всякія дурныя мысли изъ головы выкинете?

— Да.... но понять васъ я все-таки отказываюсь.

— Это и не нужно.... а, впрочемъ, погодите, вы меня поймете. Но вы обѣщаетесь?

— Я уже сказалъ: да.

— Ну спасибо. Смотрите же, я привыкла вамъ вѣрить. Я буду ждать васъ сегодня, завтра, я изъ дому не буду выходить. А теперь я должна васъ оставить. Герцогиня идетъ по аллеѣ.... Она увидала меня и я не могу не подойдти къ ней.... До свиданья.... Дайте же мнѣ вашу руку, vite, vite. До свиданія.

И крѣпко стиснувши руку Литвинова, Ирина направилась къ особѣ среднихъ лѣтъ и сановитой наружности, тяжело выступавшей по песчаной дорожкѣ, въ сопровожденіи двухъ другихъ дамъ и ливрейнаго, чрезвычайно благообразнаго лакея.

— Eh bonjour, chère madame, проговорила особа, между тѣмъ какъ Ирина почтительно присѣдала передъ нею.—Comment allez-vous aujourd'hui? Venez un peu avec moi.

— Votre Altesse a trop de bonté, послышался вкрадчивый голосъ Ирины.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Литвиновъ далъ удалиться герцогинѣ со всей ея свитой и тоже вышелъ на аллею. Онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ что онъ ощущалъ: и стыдно ему было и даже страшно, и самолюбію его было польщено.... Нежданное объясненіе съ Ириной застигло его въ расплохъ; ея горячія, быстрыя слова пронеслись надъ нимъ, какъ грозовой ливень. „Чудачки эти свѣтскія женщины, думалъ онъ; — никакой въ нихъ нѣтъ послѣдовательности.... и какъ извращаетъ ихъ среда, гдѣ онѣ живутъ, и безобразіе которой сами чувствуютъ!..“ Собственно онъ совсѣмъ не то думалъ, а только машинально повторялъ эти избитыя фразы, какъ бы желая тѣмъ самымъ отдѣлаться отъ другихъ, болѣе жуткихъ думъ. Онъ

Digitized by Google

понималъ, что серіозно размышлять ему теперь не слѣдовало, что ему, вѣроятно, пришлось бы обвинить себя, и онъ шелъ замедленными шагами, чуть не усиленно обращая вниманіе на все что̀ попадалось ему навстрѣчу.... Онъ вдругъ очутился передъ скамейкой, увидалъ возлѣ нея чьи-то ноги, повелъ вверхъ по нимъ глазами.... Ноги эти принадлежали человѣку, сидѣвшему на скамейкѣ и читавшему газету; человѣкъ этотъ оказался Потугинымъ. Литвиновъ издалъ легкое восклицаніе. Потугинъ положилъ газету на колѣни и внимательно, безъ улыбки посмотрѣлъ на Литвинова; и Литвиновъ посмотрѣлъ на Потугина, тоже внимательно и тоже безъ улыбки.

— Можно сѣсть возлѣ васъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Садитесь, сдѣлайте одолженіе. Только предувѣдомляю васъ: если вы хотите со мной разговоръ вести, не прогнѣвайтесь; я нахожусь теперь въ самомъ мизантропическомъ настроеніи, и всѣ предметы представляются мнѣ въ преувеличенно скверномъ видѣ.

— Это ничего, Созонтъ Иванычъ, промолвилъ Литвиновъ, опускаясь на скамью,—это даже очень кстати.... Но отчего на васъ нашелъ такой стихъ?

— По настоящему, мнѣ бы не слѣдовало злиться, началъ Потугинъ.— Я вотъ сейчасъ вычиталъ въ газетѣ проектъ о судебныхъ преобразованіяхъ въ Россіи, и съ истиннымъ удовольствіемъ вижу, что и у насъ хватились наконецъ ума-разума и не намѣрены болѣе, подъ предлогомъ самостоятельности тамъ, народности или оригинальности, къ чистой и ясной европейской логикѣ прицѣплять доморощенный хвостикъ; а напротивъ, берутъ хорошее чужое цѣликомъ. Довольно одной уступки въ крестьянскомъ дѣлѣ.... Подите-ка, развяжитесь съ общимъ владѣніемъ!... Точно, точно, мнѣ не слѣдовало бы злиться; да на мою бѣду наскочилъ я на русскій самородокъ, побесѣдовалъ съ нимъ, а эти самородки, да самоучки меня въ самой могилѣ тревожить будутъ!

— Какой самородокъ? спросилъ Литвиновъ.

— Да тутъ такой толстый господинъ бѣгаетъ, геніальнымъ музыкантомъ себя воображаетъ. „Я, говоритъ, конечно, ничего, я нуль, потому что я не учился, но у меня не въ примѣръ больше мелодій и больше идей чѣмъ у Мейербеера.“ Вопервыхъ, я скажу: зачѣмъ же ты не учился? а вовторыхъ, не то что у Мейербеера, а у послѣдняго нѣмецкаго флейщика, скромно высвистывающаго свою партію въ послѣднемъ

Digitized by Google

нѣмецкомъ оркестрѣ, въ двадцать разъ больше идей чѣмъ у всѣхъ нашихъ самородковъ; только флейщикъ хранитъ про себя эти идеи и не суется съ ними впередъ въ отечествѣ Моцартовъ и Гайдновъ; а нашъ братъ самородокъ „треньбрень“ вальсикъ или романсикъ, и, смотришь, уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривленъ: я, молъ, геній И въ живописи тоже самое, и вездѣ. Ужь эти мнѣ самородки! Лѣзутъ мнѣ въ глаза съ даровитостью русской натуры, съ геніальнымъ инстинктомъ, съ Кулибинымъ.... Да какая это даровитость, помилуйте, господа? Это лепетанье съ просонья, а не то полузвѣриная сметка. Инстинктъ! Нашли чѣмъ хвастаться! Возьмите муравья въ лѣсу и отнесите его на версту отъ его кочки: онъ найдетъ дорогу къ себѣ домой; человѣкъ ничего подобнаго сдѣлать не можетъ; что жь? развѣ онъ ниже муравья? Инстинктъ, будь онъ распрегеніальный, недостоинъ человѣка: разсудокъ, простой, здравый, дюжинный разсудокъ, вотъ наше прямое достояніе, наша гордость: разсудокъ никакихъ такихъ штукъ не выкидываетъ; оттого-то все на немъ и держится. А что до Кулибина, который, не зная механики, смастерилъ какіе-то пребезобразные часы, такъ я бы эти самые часы на позорный столбъ выставить приказалъ; вотъ, молъ, смотрите, люди добрые, какъ не надо дѣлать. Кулибинъ самъ тутъ не виноватъ, да дѣло его дрянь. Хвалить Телушкина, что на Адмиралтейскій шпиль лазилъ, за смѣлость и ловкость—можно; отчего не похвалить? Но не слѣдуетъ кричать, что, дескать, какой онъ носъ наклеилъ Нѣмцамъ архитекторамъ! и на что они? только деньги берутъ.... Никакого онъ имъ носа не наклеивалъ: пришлось же потомъ лѣса вокругъ шпиля поставить, да починить его обыкновеннымъ порядкомъ. Не поощряйте, ради Бога, у насъ на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться безъ ученія! Нѣтъ; будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись съ азбуки! Не то молчи, да сиди, поджавши хвостъ! Фу! даже жарко стало!

Потугинъ снялъ шляпу и помахалъ на себя платкомъ.

— Русское художество, заговорилъ онъ снова, — русское искусство!... Русское пруженье я знаю и русское безсиліе знаю тоже, а съ русскимъ художествомъ, виноватъ, не встрѣчался. Двадцать лѣтъ сряду поклонялись эдакой пухлой ничтожности, Брюлову, и вообразили, что и у насъ, молъ, завелась школа, и что она даже почище будетъ всѣхъ другихъ.... Русское художество, ха-ха-ха! хо-хо!

Digitized by Google

— Но, однако, позвольте, Созонтъ Иванычъ, замѣтилъ Литвиновъ, — Глинку вы, стало-быть, тоже не признаете?

Потугинъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Исключенія, вы знаете, только подтверждаютъ правило, но и въ этомъ случаѣ, мы не могли обойдтись безъ хвастовства! Сказать бы, напримѣръ, что Глинка былъ дѣйствительно замѣчательный музыкантъ, которому обстоятельства, внѣшнія и внутреннія, помѣшали сдѣлаться основателемъ русской оперы, никто бы спорить не сталъ; но нѣтъ, какъ можно! Сейчасъ надо его произвести въ генералъ-аншефы, въ оберъ-гофъ-маршалы по части музыки, да другіе народы кстати оборвать: ничего, молъ, подобнаго у нихъ нѣту! Ничего подобнаго!? О убогіе дурачки-варвары, для которыхъ не существуетъ преемственность искусства и художникъ нѣчто въ родѣ Panno: чужакъ-молъ шесть пудовъ одной рукой поднимаетъ, а нашъ, цѣлыхъ двѣнадцать! Ничего подобнаго!?? А у меня, осмѣлюсь доложить вамъ, изъ головы слѣдующее воспоминаніе не выходитъ. Посѣтилъ я нынѣшнею весной Хрустальный Дворецъ возлѣ Лондона; въ этомъ дворцѣ помѣщается, какъ вамъ извѣстно, нѣчто въ родѣ выставки всего, до чего достигла людская изобрѣтательность — энциклопедія человѣчества, такъ сказать надо. Ну-съ, расхаживалъ я, расхаживалъ мимо всѣхъ этихъ машинъ и орудій и статуй великихъ людей; и подумалъ я въ тѣ-поры: еслибы такой вышелъ приказъ, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ какого-либо народа съ лица земли, немедленно должно было бы исчезнуть изъ Хрустальнаго Дворца все то что̀ тотъ народъ выдумалъ, наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла въ таръ-тарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своемъ мѣстѣ, потому что даже самоваръ, и лапти, и дуга, и кнутъ — эти наши знаменитые продукты—не нами выдуманы. Подобнаго опыта даже съ Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошніе жители какія-то лодки да копья изобрѣли: посѣтители замѣтили бы ихъ отсутствіе. Старыя наши выдумки къ намъ приползли съ Востока, новыя мы съ грѣхомъ пополамъ съ Запада перетащили, а мы все продолжаемъ толковать о русскомъ самостоятельномъ искусствѣ! Иные молодцы даже русскую науку открыли: у насъ, молъ, дважды-два тоже четыре, да выходитъ оно какъ-то бойчѣе.

— Но постойте, Созонтъ Иванычъ, воскликнулъ Литвиновъ.—

Digitized by Google

новъ.—Постойте! Вѣдь посылаемъ же мы что-нибудь на всемірныя выставки, и Европа чѣмъ-нибудь да запасается у насъ.

— Да, сырьемъ, сырыми продуктами. И замѣтьте, милостивый государь: это наше сырье большею частію только потому хорошо, что обусловлено другими прескверными обстоятельствами: щетина наша, напримѣръ, велика и жестка оттого что свиньи плохи, кожа плотна и толста оттого что коровы худы, сало жирно оттого что вываривается пополамъ съ говядиной.... Впрочемъ, что же я съ вами объ этомъ распространяюсь: вы вѣдь занимаетесь технологіей, лучше меня все это знать должны. Говорятъ мнѣ: изобрѣтательность! Россійская изобрѣтательность! Вотъ наши господа помѣщики и жалуются горько и терпятъ убытки, оттого что не существуетъ удовлетворительной зерносушилки, которая избавила бы ихъ отъ необходимости сажать хлѣбные снопы въ овины, какъ во времена Рюрика: овины эти страшно убыточны, не хуже лаптей или рогожъ, и горятъ они безпрестанно. Помѣщики жалуются, а зерносушилокъ все нѣтъ какъ нѣтъ. А почему ихъ нѣтъ? Потому что Нѣмцу онѣ не нужны: онъ хлѣбъ сырымъ молотитъ, стало-быть и не хлопочетъ объ ихъ изобрѣтеніи, а мы.... не въ состояніи! Не въ состояніи — и баста! Хоть ты что! Съ нынѣшняго дня обѣщаюсь, какъ только подвернется мнѣ самородокъ или самоучка — стой, скажу я ему, почтенный! а гдѣ зерносушилка? подавай ее! Да куда имъ! Вотъ, поднять старый стоптанный башмакъ, давнымъ-давно свалившійся съ ноги Сенъ-Симона или Фуріе, и почтительно возложивъ его на голову, носиться съ нимъ, какъ со святыней — это мы въ состояніи; или статейку настрочить объ историческомъ и современномъ значеніи пролетаріата въ главныхъ городахъ Франціи—это тоже мы можемъ; а попробовалъ я какъ-то предложить одному такому сочинителю и политико-эконому, въ родѣ вашего господина Воротилова, назвать мнѣ двадцать городовъ въ этой самой Франціи, такъ знаете ли, что изъ этого вышло? Вышло то, что политико-экономъ, съ отчаянія, въ числѣ французскихъ городовъ назвалъ наконецъ Монфермель, вспомнивъ вѣроятно польдекоковскій романъ. И пришелъ мнѣ тутъ на память слѣдующій анекдотъ. Пробирался я однажды съ ружьемъ и собакой по лѣсу....

— А вы охотникъ? спросилъ Литвиновъ.

— Пострѣливаю помаленьку. Пробирался я въ болото

Digitized by Google

за бекасами; натолковали мнѣ про это болото другіе охотники. Гляжу, сидитъ на полянѣ передъ избушкой купеческій прикащикъ, свѣжій и ядреный какъ лущеный орѣхъ, сидитъ и ухмыляется, чему — неизвѣстно. И спросилъ я его: „Гдѣ, молъ, тутъ болото, и водятся ли въ немъ бекасы?“ — „Пожалуйте, пожалуйте,“ запѣлъ онъ немедленно, и съ такимъ выраженіемъ, словно я его рублемъ подарилъ, „съ нашимъ удовольствіемъ-съ, болото первый сортъ; а что касательно до всякой дикой птицы — и Боже ты мой! — въ отличномъ изобиліи имѣется.“ Я отправился; но не только никакой дикой птицы не нашелъ, самое болото давно высохло. Ну, скажите мнѣ на милость, зачѣмъ вретъ Русскій человѣкъ? Политико-экономъ зачѣмъ вретъ, и тоже о дикой птицѣ?

Литвиновъ ничего не отвѣчалъ и только вздохнулъ сочувственно.

— А заведите рѣчь съ тѣмъ же политико-экономомъ, продолжалъ Потугинъ, о самыхъ трудныхъ задачахъ общественной науки, но только вообще, безъ фактовъ.... фрррррр! такъ птицей и взовьется, орломъ. Мнѣ разъ однако удалось поймать такую птицу: приманку я употребилъ, какъ вы изволите увидѣть, хорошую, видную. Толковали мы съ однимъ изъ нашихъ нынѣшнихъ „вьюношей“ о различныхъ, какъ они выражаются, вопросахъ. Ну-съ, гнѣвался онъ очень, какъ водится; бракъ, между прочимъ, отрицалъ съ истинно-дѣтскимъ ожесточеніемъ. Представлялъ я ему такіе резоны, сякіе.... какъ объ стѣну! Вижу: подъѣхать ни съ какой стороны невозможно. И блесни мнѣ тутъ счастливая мысль! Позвольте доложить вамъ, началъ я—съ „вьюношами“ надо всегда говорить почтительно—я вамъ, милостивый государь, удивляюсь; вы занимаетесь естественными науками,—и до сихъ поръ не обратили вниманія на тотъ фактъ, что всѣ плотоядныя и хищныя животныя, звѣри, птицы, всѣ тѣ, кому нужно отправляться на добычу, трудиться надъ доставленіемъ живой пищи и себѣ и своимъ дѣтямъ.... а вы вѣдь человѣка причисляете къ разряду подобныхъ животныхъ? — Конечно причисляю, подхватилъ „вьюнота“; человѣкъ вообще ничто иное какъ животное плотоядное.—И хищное, прибавилъ я.— И хищное, подтвердилъ онъ. — Прекрасно сказано, продолжалъ я. Такъ вотъ я и удивляюсь тому, какъ вы не замѣтили, что всѣ подобныя животныя пребываютъ въ единобрачіи?

Digitized by Google

Вьюноша дрогнулъ.—Какъ такъ?—Да также. Вспомните льва, волка, лисицу, ястреба, коршуна; да и какъ же имъ поступать иначе, соблаговолите сообразить? И вдвоемъ-то дѣтей едва выкормишь.—Задумался мой вьюноша.—Ну, говоритъ, въ этомъ случаѣ звѣрь человѣку не указъ.—Тутъ я обозвалъ его идеалистомъ, и ужь огорчился же онъ! Чуть не заплакалъ. Я долженъ былъ его успокоить и обѣщать ему, что не выдамъ его товарищамъ. Заслужить названіе идеалиста—легко ли! Въ томъ-то и штука, что нынѣшняя молодежь ошиблась въ разчетѣ. Она вообразила, что время прежней, темной, подземной работы прошло, что хорошо было старичкамъ-отцамъ рыться на подобіе кротовъ, а для насъ-де эта роль унизительна, мы на открытомъ воздухѣ дѣйствовать будемъ, мы будемъ дѣйствовать.... Голубчики! И ваши дѣтки еще дѣйствовать не будутъ; а вамъ не угодно ли въ норку, въ норку опять, по слѣдамъ старичковъ?

Наступило небольшое молчаніе.

— Я, сударь мой, такого мнѣнія, началъ опять Потугинъ,— что мы не однимъ только знаніемъ, искусствомъ, правомъ обязаны цивилизаціи, но что самое даже чувство красоты и поэзіи развивается и входитъ въ силу подъ вліяніемъ той же цивилизаціи и что такъ-называемое народное, наивное, безсознательное творчество есть нелѣпость и чепуха. Въ самомъ Гомерѣ уже замѣтны слѣды цивилизаціи утонченной и богатой; самая любовь облагороживается ею. Славянофилы охотно повѣсили бы меня за подобную ересь, еслибъ они не были такими сердобольными существами, но я все-таки настаиваю на своемъ—и сколько бы меня не подчивали г-жей Кохановской и *Роемъ на спокоѣ*, я этого triple extrait de mougik russe нюхать не стану, ибо не принадлежу къ высшему обществу, которому отъ времени до времени необходимо нужно увѣрить себя, что оно не совсѣмъ офранцузилось и для котораго собственно и сочиняется эта литература en cuir de Russie. Попытайтесь прочесть простолюдину—настоящему—самыя хлёсткія, самыя „народныя“ мѣста изъ *Роя*: онъ подумаетъ, что вы ему сообщаете новый заговоръ отъ лихоманки или запоя. Повторяю, безъ цивилизаціи нѣтъ и поэзіи. Хотите ли уяснить себѣ поэтическій идеалъ нецивилизованнаго русскаго человѣка? Разверните наши былины, наши легенды. Не говорю уже о томъ, что любовь въ нихъ постоянно является какъ слѣдствіе колдовства, приворота, производится питіемъ

Digitized by Google

„забыдущимъ“ и называется даже присухой, зазнобой; не говорю также о томъ, что наша такъ-называемая эпическая литература одна, между всѣми другими, европейскими и азіятскими, одна, замѣтьте, не представила,—коли Ваньку-Таньку не считать—никакой типической пары любящихся существъ; что святорусскій богатырь свое знакомство съ суженой-ряженой всегда начинаетъ съ того, что бьетъ ее по бѣлому тѣлу, „нежалухою“—отчего „и женской полъ пухолъ живетъ;“—обо всемъ этомъ я говорить не стану; но позволю себѣ обратить ваше вниманіе на изящный образъ юноши, жёнъ-преміѣ, какимъ онъ рисовался воображенію первобытнаго, нецивилизованнаго Славянина. Вотъ, извольте посмотрѣть: идетъ жёнъ-премьѣ; шубоньку сшилъ онъ себѣ куньею, по всѣмъ швамъ строченую, поясокъ семишелковый подъ самыя мышки подведенъ, персты закрыты рукавчиками, воротъ въ шубѣ сдѣланъ выше головы, спереди-то не видать лица румянаго, сзади-то не видать шеи бѣленькой, шапочка сидитъ на одномъ ухѣ, а на ногахъ сапоги сафьянные, носы шиломъ, пяты востры—вокругъ носика-то носа яйцо кати, подъ пяту-пяту воробей лети перепурхивай.—И идетъ молодецъ частой мелкой походочкой, той знаменитой „щепливой“ походкой, которою нашъ Алкивіадъ, Чурила Пленковичъ, производилъ такое изумительное, почти медицинское дѣйствіе въ старыхъ бабахъ и молодыхъ дѣвкахъ, той самой походкой, которою до нынѣшняго дня такъ неподражаемо сѣменятъ наши по всѣмъ суставчикамъ развинченные половые, эти сливки, этотъ цвѣтъ русскаго щегольства, это nec plus ultra русскаго вкуса. Я это не шутя говорю: мѣщковатое ухорство, вотъ нашъ художественный идеалъ. Чтò, хорошъ образъ? Много въ немъ матеріяловъ для живописи, для ваянія? А красавица, которая плѣняетъ юношу и у которой „кровь въ лицѣ быдто у зайцы“.... Но вы, кажется, не слушаете меня?

Литвиновъ встрепенулся. Онъ, дѣйствительно, не слышалъ, что говорилъ ему Потугинъ: онъ думалъ, неотступно думалъ объ Иринѣ, о послѣднемъ свиданіи съ нею....

— Извините меня, Созонтъ Иванычъ, началъ онъ, — но я опять къ вамъ съ прежнимъ вопросомъ насчетъ....

— Насчетъ?

— Насчетъ госпожи Ратмировой.

Потугинъ сложилъ газету и засунулъ ее въ карманъ.

— Вамъ, опять хочется узнать, какъ я съ ней познакомился?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не то; я бы желалъ услыхать ваше мнѣніе.... о той роли, которую она играла въ Петербургѣ. Въ сущности, какая это была роль?

— А я, право, не знаю что̀ сказать вамъ, Григорій Михайлычъ. Я сошелся съ госпожою Ратмировой довольно близко.... но совершенно случайно и не надолго. Я въ ея міръ не заглядывалъ и что̀ тамъ происходило—осталось для меня неизвѣстнымъ. Болтали при мнѣ кое-что, да вы знаете, сплетня царитъ у насъ не въ однихъ демократическихъ кружкахъ. Впрочемъ, я и не любопытствовалъ.... Однако, я вижу, прибавилъ онъ, помолчавъ немного:—она васъ занимаетъ.

— Да; мы побесѣдовали раза два довольно откровенно. Я все-таки себя спрашиваю: искренна ли она?

Потугинъ потупился. — Когда увлекается—искренна, какъ всѣ страстныя женщины. Гордость также иногда мѣшаетъ ей лгать.

— А она горда? Я скорѣй полагаю — капризна.

— Горда какъ бѣсъ; да это ничего.

— Мнѣ кажется, она иногда преувеличиваетъ....

— И это ничего; все-таки она искренна. Ну, а вообще говоря, у кого захотѣли вы правды? Лучшія изъ этихъ барынь испорчены до мозга костей.

— Но, Созонтъ Иванычъ, вспомните, не сами ли вы назвали себя ея пріятелемъ? Не сами ли вы почти насильно повели меня къ ней?

— Что̀ жь такое? Она просила меня васъ доставить; я и подумалъ: отчего же нѣтъ? А я дѣйствительно ея пріятель. Она не безъ хорошихъ качествъ: очень добра, то-есть щедра, то-есть даетъ другимъ что̀ ей не совсѣмъ нужно. Впрочемъ, вѣдь вы сами должны знать ее не хуже меня.

— Я зналъ Ирину Павловну десять лѣтъ тому назадъ; а съ тѣхъ поръ....

— Эхъ, Григорій Михайлычъ, что̀ вы говорите! Характеръ людской развѣ мѣняется? Какимъ въ колыбельку, такимъ и въ могилку. Или, можетъ-быть....—тутъ Потугинъ нагнулся еще ниже,—можетъ быть вы сй въ руки попасть боитесь? Оно точно.... Да вѣдь чьихъ-нибудь рукъ не миковать.

Литвиновъ насильственно засмѣялся. — Вы полагаете?

— Не миковать. Человѣкъ слабъ, женщина сильна, случай всесиленъ, примириться съ безцвѣтною жизнію трудно, вполнѣ себя позабыть невозможно.... а тутъ красота и участіе

Digitized by Google

тутъ теплота и свѣтъ,—гдѣ же противиться? И побѣжишь какъ ребенокъ къ нянькѣ. Ну, а потомъ, конечно, холодъ и мракъ, и пустота.... какъ слѣдуетъ. И кончится тѣмъ, что отъ всего отвыкнешь, все перестанешь понимать. Сперва не будешь понимать какъ можно любить; а потомъ не будешь понимать какъ жить можно.

Литвиновъ посмотрѣлъ на Потугина и ему показалось, что онъ никогда еще не встрѣчалъ человѣка болѣе одинокаго, болѣе заброшеннаго.... болѣе несчастнаго. Онъ не робѣлъ на этотъ разъ, не чинился; весь понурый и блѣдный, съ головою на груди и руками на колѣняхъ, онъ сидѣлъ неподвижно и только усмѣхался унылой усмѣшкой. Жалко стало Литвинову этого бѣднаго, желчнаго, добраго чудака.—Мнѣ Ирина Павловна между прочимъ упомянула, началъ онъ въ полголоса, объ одной своей хорошей знакомой, которую звали, помнится, Бѣльской или Дольской....

Потугинъ вскинулъ на Литвинова свои печальные глазки.

— А! промолвилъ онъ глухо.... Она упомянула.... ну и что жъ? Впрочемъ, прибавилъ онъ, какъ-то неестественно зѣвнувъ, мнѣ домой пора: — обѣдать. Прощенія просимъ.

Онъ вскочилъ со скамейки и проворно удалился, прежде чѣмъ Литвиновъ успѣлъ промолвить слово.... Досада смѣнила въ немъ жалость, досада, разумѣется, на самого себя. Всякаго рода нескромность была ему несвойственна, онъ хотѣлъ выразить свое участье Потугину, а вышло нѣчто подобное неловкому намеку. Съ тайнымъ неудовольствіемъ на сердцѣ вернулся онъ въ свою гостинницу.

„Испорчена до мозгу костей“ думалъ онъ нѣсколько времени спустя.... „но горда, какъ бѣсъ! Она, эта женщина, которая чуть не на колѣни становится передо мною, горда? горда, а не капризна?“

Литвиновъ попытался изгнать изъ головы образъ Ирины; но это ему не удалось. Онъ именно потому и не вспоминалъ о своей невѣстѣ; онъ чувствовалъ: сегодня тотъ образъ своего мѣста не уступитъ. Онъ положилъ, не тревожась болѣе, ждать разгадки всей этой „странной исторіи“; разгадка эта не могла замедлиться и Литвиновъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что она будетъ самая безобидная и естественная. Такъ думалъ онъ, а между тѣмъ не одинъ образъ Ирины не покидалъ его—всѣ слова ея поочередно приходили ему на память.

Digitized by Google

Кельнеръ принесъ эту записку: она была отъ той же Ирины.

„Если вамъ нечего дѣлать сегодня вечеромъ, приходите: я не буду одна; у меня гости—и вы еще ближе увидите нашихъ, наше общество. Мнѣ очень хочется, чтобы вы ихъ увидали: мнѣ сдается, что они покажутъ себя въ полномъ блескѣ. Надобно жъ вамъ знать, какимъ я воздухомъ дышу. Приходите; я буду рада васъ видѣть, да и вы не соскучаетесь. (Ирина хотѣла сказать: соскучитесь.) Докажите мнѣ, что наше сегодняшнее объясненіе навсегда сдѣлало невозможнымъ всякое недоразумѣніе между нами. Преданная вамъ И.“

Литвиновъ надѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ и отправился къ Иринѣ. „Все это не важно, мысленно повторялъ онъ дорогой, а посмотрѣть на *нихъ*..... отчего не посмотрѣть? Это любопытно.“ Нѣсколько дней тому назадъ эти самые люди возбуждали въ немъ другое чувство: они возбуждали въ немъ негодованье.

Онъ шелъ учащенными шагами, съ нахлобученною на глаза шляпой, съ напряженною улыбкой на губахъ, а Бамбаевъ, сидя передъ кофейной Вебера и издали указывая на него Ворошилову и Пищалкину, восторженно воскликнулъ: „Видите вы этого человѣка? Это камень! это скала!! это гранитъ!!!“

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Литвиновъ засталъ у Ирины довольно много гостей. Въ углу за карточнымъ столомъ, сидѣло трое изъ генераловъ пикника: тучный, раздражительный и снисходительный. Они играли въ вистъ съ болваномъ, и нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ чтобы выразить важность, съ которою они сдавали, брали взятки, ходили съ трефъ, ходили съ бубенъ.... ужь точно государственные люди! Предоставивъ разночинцамъ, aux bourgeois, обычныя во время игры присказки и прибаутки, господа генералы произносили лишь самыя необходимыя слова; тучный генералъ позволилъ себѣ однако между двумя сдачами энергически отчеканить: „Ce satané as de pique!“ Въ числѣ посѣтительницъ Литвиновъ узналъ дамъ, участницъ пикника; но были также и другія, которыхъ онъ еще не видалъ. Была одна до того старая, что, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ разрушится: она поводила обнаженными, страшными, темно-сѣрыми плечами, и прикрывъ ротъ

Digitized by Google

вѣромъ, томно косилась на Ратмирова уже совсѣмъ мертвыми глазами; онъ за ней ухаживалъ: ее очень уважали въ высшемъ свѣтѣ, какъ послѣднюю фрейлину императрицы Екатерины. У окна, одѣтая пастушкой, сидѣла графиня Ш., „царица осъ“, окруженная молодыми людьми; въ числѣ ихъ отличался своей надменной осанкой, совершенно плоскимъ черепомъ и бездушно-звѣрскимъ выраженіемъ лица, достойнымъ бухарскаго хана или римскаго Геліогабала, знаменитый богачъ и красавецъ Фиников; другая дама, тоже графиня, извѣстная подъ коротким именемъ Lise, разговаривала съ длинноволосымъ, бѣлокурымъ и блѣднымъ „спиритомъ“; рядомъ стоялъ господинъ, тоже блѣдный и длинноволосый и значительно посмѣивался: господинъ этотъ также вѣрилъ въ спиритизмъ, но сверхъ того занимался пророчествомъ, и на основаніи Апокалипсиса и Талмуда, предсказывалъ всякія удивительныя событія; ни одно изъ этихъ событій не свершалось— а онъ не смущался, и продолжалъ пророчествовать. За фортепьянами помѣстился тотъ самый самородокъ, который возбудилъ такое негодованіе въ Потугинѣ; онъ бралъ аккорды разсѣянною рукой, d'une main distraite, и небрежно посматривалъ кругомъ. Ирина сидѣла на диванѣ между княземъ Коко и г-жею Х., извѣстною нѣкогда красавицей и всероссійской умницей, давнымъ давно превратившеюся въ дрянной сморчекъ, отъ котораго отдавало постнымъ масломъ и выдохшимся ядомъ. Увидѣвъ Литвинова, Ирина покраснѣла, встала, и когда онъ подошелъ къ ней, крѣпко пожала ему руку. На ней было черное креповое платье съ едва замѣтными золотыми украшеніями; ея плеча бѣлѣли матовою бѣлизной, а лицо, тоже блѣдное подъ мгновенною алою волной по немъ разлитою, дышало торжествомъ красоты, и не одной только красоты: затаенная, почти насмѣшливая радость свѣтилась въ полузакрытыхъ глазахъ, трепетала около губъ и ноздрей....

Ратмировъ приблизился къ Литвинову и помѣнявшись съ нимъ обычными привѣтствіями, не сопровожденными однако обычною игривостью, представилъ его двумъ-тремъ дамамъ, старой развалинѣ, царицѣ осъ, графинѣ Лизѣ.... Онѣ приняли его довольно благосклонно. Литвиновъ не принадлежалъ къ ихъ кружку.... но онъ былъ собой не дуренъ, даже очень, и выразительныя черты его молодаго лица возбудили ихъ вниманіе. Но онъ не сумѣлъ упрочить за собою это вниманіе;

Digitized by Google

онъ отвыкъ отъ общества и чувствовалъ нѣкоторое смущеніе, а тутъ еще тучный генералъ на него уставился. „Ага! рябчикъ! вольнодумецъ!“ казалось, говорилъ этотъ неподвижный, тяжелый взглядъ: „приползъ-таки къ намъ; ручку молъ пожалуйте.“ Ирина пришла на помощь Литвинову. Она такъ ловко распорядилась, что онъ очутился въ уголку, возлѣ двери, не много позади ея. Заговаривая съ нимъ, ей всякій разъ приходилось къ нему оборачиваться, и онъ всякій разъ любовался красивымъ изгибомъ ея блестящей шеи, онъ впивалъ тонкій запахъ ея волосъ. Выраженіе благодарности, глубокой и тихой, не сходило съ ея лица: онъ не могъ не сознаться что именно благодарность выражали эти улыбки, эти взоры, и самъ онъ весь закипалъ тѣмъ же чувствомъ, и совѣстно становилось ему и сладко и жутко... и въ то же время она постоянно какъ будто хотѣла сказать: „Ну что? каковы?“ Особенно ясно слышался Литвинову этотъ безмолвный вопросъ, какъ только кто-нибудь изъ присутствовавшихъ произносилъ или совершалъ пошлость, а это случилось не однажды во время вечера. Разъ даже она не выдержала и громко засмѣялась.

Графиня Лиза, дама весьма суевѣрная и склонная ко всему чрезвычайному, наталковавшись досыта съ бѣлокурымъ спиритомъ объ Юмѣ, вертящихся столахъ, самоиграющихъ гармоникахъ и т. п., кончила тѣмъ, что спросила его, существуютъ ли такія животныя, на которыя дѣйствуетъ магнитизмъ.

— Одно такое животное во всякомъ случаѣ существуетъ, отозвался издали князь Коко.—Вы вѣдь знаете Мильвановскаго? Его при мнѣ усыпили, и онъ храпѣлъ даже, ей ей!

— Вы очень злы, mon prince; я говорю о настоящихъ животныхъ, je parle des bêtes.

— Mais moi aussi, madame, je parle d'une bête....

— Есть и настоящія, вмѣшался спиритъ; напримѣръ—раки; они очень нервозны и легко впадаютъ въ каталепсію.

Графиня изумилась.—Какъ? Раки! Неужели? Ахъ, это чрезвычайно любопытно! Вотъ это я бы посмотрѣла! Мсьё Лужинъ, прибавила она, обратившись къ молодому человѣку съ каменнымъ, какъ у новыхъ куколъ, лицомъ и каменными воротничками (онъ славился тѣмъ, что оросилъ это самое лицо и эти самые воротнички брызгами Ніагары и Нубійскаго Нила, а впрочемъ ничего не помнилъ изо всѣхъ своихъ путешествій и любилъ одни русскіе каламбуры)... Мсьё Лужинъ, будьте такъ любезны, доставьте намъ рака.

Digitized by Google

Мсьё Лужинъ осклабился. — Живаго-съ или только живо? спросилъ онъ.

Графиня не поняла его.—Mais oui, paka, повторила она, une écrevisse.

— Какъ, что̀ такое? paka? paka? строго вмѣшалась графиня Ш. Отсутствіе мсьё Вердіе ее раздражало; она понять не могла, зачѣмъ Ирина не пригласила этого прелестнѣйшаго изъ Французовъ. Развалина, уже давно ничего не понимавшая,— притомъ и глухота ее одолѣвала,—только помотала головою.

— Oui, oui, vous allez voir. Мсьё Лужинъ, пожалуйста...

Молодой путешественникъ поклонился, вышелъ и возвратился вскорѣ. Кельнеръ выступалъ за нимъ и улыбаясь во весь ротъ, несъ блюдо, на которомъ виднѣлся большой черныйракъ.

— Voici, madame; воскликнулъ Лужинъ; —теперь можно приступить къ операціи paka. Ха, ха, ха! (Русскіе люди всегда первые смѣются собственнымъ остротамъ).

— Хе, хе, хе! снисходительно, въ качествѣ патріота и покровителя всякихъ отечественныхъ продуктовъ, отозвался князь Коко.

(Просимъ читателя не удивляться и не негодовать: кто можетъ отвѣчать за себя, что сидя въ партерѣ Александринскаго театра и охваченный его атмосферой, онъ не хлопалъ еще худшему каламбуру?)

— Merci, merci, промолвила графиня. — Allons, allons, monsieur Fox, montrez nous ça.

Кельнеръ поставилъ блюдо на круглый столикъ. Произошло небольшое движеніе между гостями; нѣсколько головъ вытянулось; одни генералы за карточнымъ столомъ сохранили невозмутимую торжественность позы. Спиритъ взъерошилъ свои волосы, нахмурился, и приблизившись къ столику, началъ поводить руками по воздуху: ракъ топорщился, пятился и приподнималъ клешни. Спиритъ повторилъ и участилъ свои движенія: ракъ по прежнему топорщился.

— Mais que doit elle donc faire? спросила графиня.

— Elle doâ rester immobile et se dresser sur sa quiou, отвѣчалъ съ сильнымъ американскимъ акцентомъ г. Фоксъ, судорожно потрясая пальцами надъ блюдомъ; но магнетизмъ не дѣйствовалъ, ракъ продолжалъ шевелиться. Спиритъ объявилъ, что онъ не въ ударѣ и съ недовольнымъ видомъ отошелъ отъ столика. Графиня принялась утѣшать его, увѣряя,

Digitized by Google

что даже съ мсьё Юмомъ случались иногда подобныя неудачи... Князь Коко подтвердилъ ея слова. Знатокъ Апокалипсиса и Талмуда подошелъ украдкой къ столику и быстро, но сильно тыкая пальцами въ направленіи рака, также попыталъ свое счастье, но безуспѣшно: признаковъ каталепсіи не оказалось. Тогда призвали кельнера и велѣли ему унести рака, что онъ и исполнилъ съ прежнею улыбкой во весь ротъ; слышно было, какъ онъ фыркнулъ за дверями... Въ кухнѣ потомъ много смѣялись über diese Russen. Самородокъ, который продолжалъ брать аккорды во время опытовъ надъ ракомъ, придерживаясь минорныхъ тоновъ, потому нельзя вѣдь знать, какъ что дѣйствуетъ—самородокъ сыгралъ свой неизмѣнный вальсъ, и, разумѣется, удостоился самаго лестнаго одобренія. Увлеченный соревнованіемъ, графъ Х., нашъ несравненный дилеттантъ (см. главу I), „сказалъ“ шансонетку своего изобрѣтенія, цѣликомъ выкраденную у Офенбаха. Ея игривый припѣвъ на слова: „Quel oeuf! quel boeuf!“ заставилъ закачаться вправо и влѣво почти всѣ дамскія головы; одна даже застонала слегка, и неотразимое, неизбѣжное слово: „Charmant! charmant!“ промчалось по всѣмъ устамъ. Ирина переглянулась съ Литвиновымъ и опять затрепетало около ея губъ то затаенное, насмѣшливое выраженіе... Но еще сильнѣе заиграло оно нѣсколько мгновеній спустя, оно приняло даже злорадный оттѣнокъ, когда князь Коко, этотъ представитель и защитникъ дворянскихъ интересовъ, вздумалъ излагать свои воззрѣнія передъ тѣмъ же самымъ спиритомъ и, разумѣется, немедленно пустилъ въ ходъ свою знаменитую фразу о потрясеніи собственности въ Россіи, при чемъ, конечно, досталось и демократамъ. Американская кровь заговорила въ спиритѣ: онъ началъ спорить. Князь, какъ водится, тотчасъ началъ кричать во всю голову, вмѣсто всякихъ доводовъ безпрестанно повторяя: c'est absurde! cela n'a pas le sens commun! Богачъ Финиковъ принялся говорить дерзости, не разбирая къ кому онѣ относились, талмудистъ запищалъ, сама графиня Ш. задребезжала... Словомъ поднялся почти такой же несуразный гвалтъ, какъ у Губарева; только развѣ вотъ что пива не было да табачнаго дыма—и одежда на всѣхъ была получше. Ратмировъ попытался возстановить тишину (генералы изъявляли неудовольствіе, послышалось восклицаніе Бориса: Encore cette satanée politique!), но попытка не удалась, и тутъ же находившійся саков-

Digitized by Google

никъ, изъ числа мягко пронзительныхъ, взявшись представить le résumé de la question en peu de mots, потерпѣлъ пораженіе; правда, онъ такъ мямлилъ и повторялся, такъ очевидно не умѣлъ ни выслушивать, ни понимать возраженія, и такъ несомнѣнно самъ не вѣдалъ, въ чемъ собственно состояла la question, что другаго исхода ожидать было невозможно; а тутъ еще Ирина исподтишка подзадоривала и натравливала другъ на друга споривщихъ, то и дѣло оглядываясь на Литвинова и слегка кивая ему.... А онъ сидѣлъ, какъ очарованный, ничего не слышалъ и только ждалъ, когда сверкнутъ опять передъ нимъ эти великолѣпные глаза, когда мелькнетъ это блѣдное, нѣжное, злое, прелестное лицо.... Кончилось тѣмъ, что дамы взбунтовались и потребовали прекращенія спора.... Ратмировъ упросилъ дилетанта повторить свою шансонетку, и самородокъ снова сыгралъ свой вальсъ....

Литвиновъ остался за полночь и ушелъ позднѣе всѣхъ. Разговоръ въ теченіе вечера коснулся множества предметовъ, тщательно избѣгая все мало-мальски интересное; генералы, окончивъ свою величественную игру, величественно къ нему присоединились: вліяніе этихъ государственныхъ людей сказалось тотчасъ. Рѣчь зашла о парижскихъ полусвѣтскихъ знаменитостяхъ, имена и таланты которыхъ оказались всѣмъ коротко извѣстными, о послѣдней піесѣ Сарду, о романѣ Абу, о Патти въ *Травіатѣ*. Кто-то предложилъ играть въ „секретари“, au secrétaire; но это не удалось. Отвѣты выдавались плоскіе и не безъ грамматическихъ ошибокъ; тучный генералъ разсказалъ, что онъ однажды на вопросъ: qu'est ce que l'amour? отвѣчалъ: une colique remontée au coeur, и немедленно захохоталъ своимъ деревяннымъ хохотомъ: развалина съ розмаха ударила его вѣеромъ по рукѣ; кусокъ бѣлилъ свалился съ ея лба отъ этого рѣзкаго движенія. Высохшій сморчокъ упомянулъ было о славянскихъ княжествахъ и о необходимости православной пропаганды за Дунаемъ, но не найдя отголоска, затушевался. Въ сущности больше всего толковали объ Юмѣ; даже царица осъ разсказала, какъ по ней ползали руки, и какъ она ихъ видѣла и надѣла на одну изъ нихъ свое собственное кольцо. Иринѣ точно пришлось торжествовать: еслибы Литвиновъ обращалъ даже больше вниманія на то, что говорилось вокругъ него, онъ все-таки не вынесъ бы ни одного искренняго слова, ни одной дѣльной мысли, ни одного новаго факта изо всей этой безсвязной и

Digitized by Google

безжизненной болтовни. Въ самыхъ крикахъ и возгласахъ не слышалось увлеченія; въ самомъ порицаніи не чувствовалось страсти: лишь изрѣдка изъ-подъ личины мнимо-гражданскаго негодованія, мнимо-презрительнаго равнодушія, плакучимъ пискомъ пищала боязнь возможныхъ убытковъ, да нѣсколько именъ, которыхъ потомство не забудетъ, произносилось со скрипѣніемъ зубовъ.... И хоть бы капля живой струи подо всѣмъ этимъ хламомъ и соромъ! Какое старье, какой ненужный вздоръ, какіе плохіе пустячки занимали всѣ эти головы, эти души, и не въ одинъ только этотъ вечеръ занимали ихъ они, не только въ свѣтѣ,—но и дома, во всѣ часы и дни, во всю ширину и глубину ихъ существованія! И какое невѣжество въ концѣ концовъ! Какое непониманіе всего, на чемъ зиждется, чѣмъ украшается человѣческая жизнь!

Прощаясь съ Литвиновымъ, Ирина снова стиснула ему руку и знаменательно шепнула: „Ну что? Довольны вы? Насмотрѣлись? Хорошо?“ Онъ ничего не отвѣчалъ ей и только поклонился тихо и низко.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, Ирина хотѣла было уйдти къ себѣ въ спальню.... Онъ остановилъ ее.

— Je vous ai beaucoup admirée ce soir, madame, промолвилъ онъ, закуривая папиросу и опираясь на каминъ,—vous vous êtes parfaitement moquée de nous tous.

— Pas plus cette fois-ci que les autres, равнодушно отвѣчала она.

— Какъ прикажете понять васъ? спросилъ Ратмировъ.

— Какъ хотите.

— Гмъ. C'est clair. — Ратмировъ осторожно, по-кошачьи, стряхнулъ пепелъ папиросы концомъ длиннаго ногтя на мизинцѣ. — Да, кстати! Этотъ новый вашъ знакомецъ — какъ бишь его?... господинъ Литвиновъ — должно-быть пользуется репутаціей очень умнаго человѣка.

При имени Литвинова Ирина быстро обернулась.

— Что вы хотите сказать?

Генералъ усмѣхнулся.

— Онъ все молчитъ..... видно, боится скомпрометтироваться.

Ирина тоже усмѣхнулась, только вовсе не такъ какъ ея мужъ.

— Лучше молчать чѣмъ говорить... какъ говорятъ иные.

— Attrape! промолвилъ Ратмировъ съ притворнымъ смиреніемъ.—Шутки въ сторону; у него очень интересное лицо,

Digitized by Google

Такое.... сосредоточенное выраженіе.... и вообще осанка.... Да. Онъ, я полагаю, республиканецъ, въ родѣ другаго вашего пріятеля, господина Потугина; вотъ тоже умникъ изъ числа безмолвныхъ.

Брови Ирины медленно приподнялись надъ расширенными, свѣтлыми глазами, а губы сжались и чуть-чуть скривились.

— Къ чему вы это говорите, Валерьянъ Владимірычъ? какъ бы съ участіемъ замѣтила она.—Только заряды на воздухъ тратите.... Мы не въ Россіи, и никто васъ не слышитъ.

Ратмирова передернуло.

— Это не мое только мнѣніе, Ирина Павловна, заговорилъ онъ какимъ-то внезапно-гортаннымъ голосомъ,—другіе также находятъ, что этотъ баринъ смотритъ карбонаріемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто же эти другіе?

— Да Борисъ, напримѣръ....

— Какъ? И этому.... нужно было выразить свое мнѣніе?

Ирина передвинула плечами, какъ бы пожимаясь отъ холода и тихонько провела по нимъ концами пальцевъ.

— Этому.... да; этому.... этому. Позвольте доложить вамъ, Ирина Павловна, вы словно сердитесь; а вы сами знаете, кто сердится....

— Я сержусь? Съ какой стати?

— Не знаю; можетъ-быть на васъ непріятно подѣйствовало замѣчаніе, которое я позволилъ себѣ насчетъ....

Ратмировъ замялся.

— Насчетъ? вопросительно повторила Ирина. — Ахъ, пожалуста, безъ ироніи и поскорѣе. Я устала, спать хочу. — Она взяла свѣчку со стола. — Насчетъ?...

— Да насчетъ все того же господина Литвинова. Такъ какъ теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ очень васъ занимаетъ....

Ирина подняла руку, въ которой держала подсвѣчникъ,—пламя пришлось въ уровень съ лицомъ ея мужа, — и внимательно, почти съ любопытствомъ посмотрѣвъ ему въ глаза, внезапно захохотала.

— Что съ вами? спросилъ, нахмурившись, Ратмировъ.

Ирина продолжала хохотать.

— Да что такое? повторилъ онъ, и топнулъ ногой.

Онъ чувствовалъ себя обиженнымъ, уязвленнымъ, и въ то же время красота этой женщины, такъ легко и смѣло стоявшей передъ нимъ, его невольно поражала.... она терзала его.

Digitized by Google

Онъ видѣлъ все, всѣ ея прелести, даже розовый блескъ изящныхъ ногтей на тонкихъ пальцахъ, крѣпко охватившихъ темную бронзу тяжелаго подсвѣчника — даже этотъ блескъ не ускользнулъ отъ него.... и обида еще глубже въѣдалась въ его сердце.

А Ирина все хохотала.

— Какъ? Вы? Вы ревнуете? промолвила она наконецъ, и обернувшись спиной къ мужу, вышла вонъ изъ комнаты. — Онъ ревнуетъ! послышалось за дверями, и снова раздался ея хохотъ.

Ратмировъ сумрачно посмотрѣлъ во слѣдъ своей женѣ,—онъ и тутъ не могъ не замѣтить обаятельную стройность ея стана, ея движеній,—и сильнымъ ударомъ разбивъ папиросу о мраморную плиту камина, швырнулъ ее далеко прочь. Щеки его внезапно поблѣднѣли, судорога пробѣжала по подбородку и глаза тупо и звѣрски забродили по полу, словно отыскивая что-то.... Всякое подобіе изящества исчезло съ его лица. Подобное выраженіе должно было принять оно, когда онъ засѣкалъ бѣлорусскихъ мужиковъ.

А Литвиновъ пришелъ къ себѣ въ комнату и присѣвъ на стулъ передъ столомъ, взялъ голову въ обѣ руки и долго оставался неподвижнымъ. Онъ поднялся наконецъ, раскрылъ ящикъ и доставъ портфель, вынулъ изъ внутренняго кармана карточку Татьяны. Печально глянуло на него ея лицо, искаженное и, какъ водится, состарѣнное фотографіей. Невѣста Литвинова была дѣвушка великороссійской крови, русая, нѣсколько полная и съ чертами лица, немного тяжелыми, но съ удивительнымъ выраженіемъ доброты и кротости въ умныхъ, свѣтло-карихъ глазахъ, съ нѣжнымъ бѣлымъ лбомъ, на которомъ, казалось, постоянно лежалъ лучъ солнца. Литвиновъ долго не сводилъ глазъ съ карточки, потомъ тихонько ее отодвинулъ и снова схватился обѣими руками за голову. „Все кончено! прошепталъ онъ наконецъ. — Ирина! Ирина!“

Онъ только теперь, только въ это мгновеніе понялъ, что безвозвратно и безумно влюбился въ нее, влюбился съ самаго дня первой встрѣчи съ нею въ Старомъ замкѣ, что никогда не переставалъ ее любить. А между тѣмъ, какъ бы онъ удивился, какъ бы онъ не повѣрилъ, разсмѣялся бы, пожалуй, еслибъ это ему сказали нѣсколько часовъ тому назадъ!

— Но Таня, Таня, Боже мой, Таня! Таня! повторялъ онъ съ сокрушеніемъ; а образъ Ирины такъ и воздвигался

Digitized by Google

передъ нимъ въ своей черной, какъ бы траурной одеждѣ, съ лучезарною тишиной побѣды на бѣломраморномъ лицѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАЯ.

Литвиновъ не спалъ всю ночь и не раздѣвался. Очень ему было тяжело. Какъ человѣкъ честный и справедливый, онъ понималъ важность обязанностей, святость долга, и почелъ бы за стыдъ хитрить съ самимъ собою, съ своею слабостью, съ своимъ проступкомъ. Сперва нашло на него оцѣпенѣніе: долго не могъ онъ выбиться изъ-подъ темнаго гнета одного и того же полусознаннаго, неяснаго ощущенія; потомъ имъ овладѣлъ ужасъ при мысли, что будущность его, почти завоеванная будущность, опять заволоклась мракомъ, что его домъ, его прочный, только что взведенный домъ внезапно пошатнулся.... Онъ началъ безжалостно упрекать себя, но тотчасъ же самъ остановилъ свои порывы. „Что за малодушіе? подумалъ онъ. Не до упрековъ теперь; надо теперь дѣйствовать. Таня моя невѣста, она повѣрила моей любви, моей чести, мы соединены на вѣкъ и не можемъ, не должны разъединиться“. Онъ живо представлялъ себѣ всѣ качества Татьяны, онъ мысленно перебиралъ и пересчитывалъ ихъ; онъ старался возбудить въ себѣ и умиленіе и нѣжность. „Остается одно, думалъ онъ опять:—бѣжать, бѣжать немедленно, не дожидаясь ея прибытія, бѣжать ей навстрѣчу; буду ли я страдать, буду ли мучиться съ Таней,—это невѣроятно,—но во всякомъ случаѣ, разсуждать объ этомъ, принимать это въ соображеніе—нечего; надо долгъ исполнить, хоть умри потомъ! Но ты не имѣешь права ее обманывать, шепталъ ему другой голосъ, ты не имѣешь права скрывать отъ нея перемѣну, происшедшую въ твоихъ чувствахъ; быть-можетъ, узнавъ, что ты полюбилъ другую, она не захочетъ стать твоею женой? Вздоръ! вздоръ! возражалъ онъ,—это все софизмы, постыдное лукавство, ложная добросовѣстность; я не имѣю права не сдержать даннаго слова, вотъ это такъ. Ну, прекрасно.... Тогда надо уѣхать отсюда невидавшись съ тою....“

Но тутъ у Литвинова защемило на сердцѣ, холодно ему стало, физически холодно: мгновенная дрожь пробѣжала по тѣлу, слабо стукнули зубы. Онъ потянулся и зѣвнулъ, какъ въ лихорадкѣ. Не настаивая болѣе на своей послѣдней мысли, заглушая эту мысль, отворачиваясь отъ нея, онъ принялся недоумѣвать и удивляться, какимъ образомъ онъ могъ опять....

Digitized by Google

опять полюбить это испорченное, свѣтское существо, со всею его противною, враждебною обстановкой. Онъ попытался было спросить самого себя: да полно точно полюбилъ ли ты? и только махнулъ рукой. Онъ еще удивлялся и недоумѣвалъ, а вотъ уже передъ нимъ, словно изъ мягкой, душистой мглы, выступалъ плѣнительный обликъ, поднимались лучистыя рѣсницы—и тихо, и неотразимо вонзались ему въ сердце волшебные глаза и голосъ звенѣлъ сладостно, и блестящія плеча, плеча молодой царицы, дышали свѣжестью и жаромъ нѣги....

Къ утру въ душѣ Литвинова созрѣло наконецъ рѣшеніе. Онъ положилъ уѣхать въ тотъ же день на встрѣчу Татьянѣ, и въ послѣдній разъ увидавшись съ Ириной, сказать ей, если нельзя иначе, всю правду — и разстаться съ ней навсегда.

Онъ привелъ въ порядокъ и уложилъ свои вещи, дождался двѣнадцатаго часа и отправился къ ней. Но при видѣ ея полузавѣшенныхъ оконъ, сердце въ Литвиновѣ такъ и упало.... духа не достало переступить порогъ гостинницы. Онъ прошелся нѣсколько разъ по Лихтенталевской аллеѣ. „Господину Литвинову наше почитаніе!“ раздался вдругъ насмѣшливый голосъ съ высоты быстро-катившагося „долъ-карта“-Литвиновъ поднялъ глаза и увидалъ генерала Ратмирова, сидѣвшаго рядомъ съ княземъ М., извѣстнымъ спортсманомъ и охотникомъ до англійскихъ экипажей и лошадей. Князь правилъ, а генералъ перегнулся на бокъ и скалилъ зубы, высоко приподнявъ шляпу надъ головой. Литвиновъ поклонился ему, и въ ту же минуту, какъ бы повинуясь тайному повелѣнію, бѣгомъ пустился къ Иринѣ.

Она была дома. Онъ велѣлъ доложить о себѣ: его тотчасъ приняли. Когда онъ вошелъ, она стояла посреди комнаты. На ней была утренняя блуза, съ широкими открытыми рукавами; лицо ея блѣдное, по вчерашнему, но не по вчерашнему свѣжее, выражало усталость; томная улыбка, которою она привѣтствовала своего гостя, еще яснѣе обозначила это выраженіе. Она протянула ему руку и посмотрѣла на него ласково, но разсѣянно.

— Спасибо, что пришли, заговорила она жалобнымъ голосомъ и опустилась на кресло.—Я не совсѣмъ здорова сегодня; я дурно ночь провела. Ну, что вы скажете о вчерашнемъ вечерѣ? Не права я была?

Литвиновъ сѣлъ.

— Я пришелъ къ вамъ, Ирина Павловна, началъ онъ...

Digitized by Google

Она мгновенно выпрямилась и обернулась; глаза ея такъ и вперились въ Литвинова.

— Что съ вами? воскликнула она.—Вы блѣдны какъ мертвецъ, вы больны. Что съ вами?

Литвиновъ смутился.

— Со мною, Ирина Павловна?

— Вы получили дурное извѣстіе? Несчастье случилось, скажите, скажите....

Литвиновъ въ свою очередь посмотрѣлъ на Ирину.

— Никакого дурнаго извѣстія я не получалъ, промолвилъ онъ не безъ усилія,—а несчастье дѣйствительно случилось, большое несчастье... и оно-то привело меня къ вамъ.

— Несчастье? Какое?

— А такое.... что....

Литвиновъ хотѣлъ продолжать.... и не могъ. Только руки онъ стиснулъ такъ, что пальцы хрустнули. Ирина наклонилась впередъ и словно окаменѣла.

— Ахъ! Я люблю васъ! вырвалось наконецъ глухимъ стономъ изъ груди Литвинова и онъ отвернулся, какъ бы желая спрятать свое лицо.

— Какъ, Григорій Михайлычъ, вы....—Ирина тоже не могла докончить рѣчь и прислонившись къ спинкѣ кресла, поднесла къ глазамъ обѣ руки. — Вы.... меня любите?

— Да.... да.... да, повторилъ онъ съ ожесточеніемъ, все болѣе и болѣе отворачивая свое лицо.

Все смолкло въ комнатѣ: залетѣвшая бабочка трепетала крыльями и билась между занавѣсомъ и окномъ.

Первый заговорилъ Литвиновъ.

— Вотъ, Ирина Павловна, началъ онъ,—вотъ то несчастье, которое меня.... поразило, которое я долженъ бы былъ предвидѣть, и избѣжать, еслибъ какъ и тогда, какъ въ то московское время, я не попалъ тотчасъ въ водоворотъ. Видно, судьбѣ угодно было опять заставить меня, и опять черезъ васъ, испытать всѣ тѣ муки, которыя, казалось, не должны были уже повториться болѣе.... Не даромъ я противился.... старался противиться; да, знать, чему быть, того не миновать. А говорю я вамъ все это для того, чтобы кончить поскорѣе, эту.... эту трагикомедію, прибавилъ онъ съ новымъ порывомъ ожесточенія и стыда.

Литвиновъ опять умолкъ; бабочка по прежнему билась и трепетала.

Digitized by Google

Ирина не отнимала рукъ отъ лица.

— И вы не обманываетесь? послышался ея шепотъ изъ-подъ этихъ бѣлыхъ, словно безкровныхъ рукъ.

— Я не обманываюсь, отвѣчалъ Литвиновъ беззвучнымъ голосомъ. — Я васъ люблю такъ, какъ никогда и никого не любилъ кромѣ васъ. Я не стану упрекать васъ: это было бы слишкомъ нелѣпо; не стану повторять вамъ, что, быть-можетъ, ничего бы этого не случилось, еслибы вы сами иначе поступили со мною.... Конечно, я одинъ виноватъ, моя самонадѣянность меня погубила; я по дѣломъ наказанъ, и вы этого никакъ ожидать не могли. Конечно, вы не сообразили, что было бы гораздо безопаснѣе для меня, еслибы вы не такъ живо чувствовали свою вину.... свою мнимую вину передо мною, и не желали бъ ее загладить.... но вѣдь сдѣланнаго не передѣлаешь. Я только хотѣлъ уяснить вамъ мое положеніе: оно ужь и такъ довольно тяжело.... По крайней мѣрѣ, не будетъ, какъ вы говорите, недоразумѣній, а откровенность моего признанія, я надѣюсь, уменьшитъ то чувство оскорбленія, которое вы не можете не ощутить.

Литвиновъ говорилъ не поднимая глазъ; да еслибъ онъ и взглянулъ на Ирину, онъ бы все-таки не могъ увидѣть, что происходило у ней на лицѣ, такъ какъ она по прежнему не отнимала рукъ. А между тѣмъ, то, что происходило на этомъ лицѣ, вѣроятно бы его изумило: и страхъ, и радость выражало оно, и какое-то блаженное изнеможеніе, и тревогу; глаза едва мерцали изъ-подъ нависшихъ вѣкъ и протяжное, прерывистое дыханіе холодило раскрытыя, словно жаждавшія губы....

Литвиновъ помолчалъ, подождалъ отзыва, звука.... Ничего!

— Мнѣ остается одно, началъ онъ снова — удалиться; я пришелъ проститься съ вами.

Ирина медленно опустила руки на колѣни.

— Но мнѣ помнится, Григорій Михайлычъ.... та.... та особа, о которой вы мнѣ говорили, она должна сюда пріѣхать? Вы ее ожидаете?

— Да; но я ей напишу.... она остановится гдѣ-нибудь на дорогѣ.... въ Гейдельбергѣ, напримѣръ.

— А! Въ Гейдельбергѣ.... Да.... Тамъ хорошо.... Но все это должно разстроить ваши планы. Увѣрены ли вы, Григорій Михайлычъ, что вы не преувеличиваете, et que ce n'est pas une fausse alarme?

Ирина говорила тихо, почти холодно, съ небольшими раз-

Digitized by Google

становками и глядя въ сторону, въ окно. Литвиновъ не отвѣтилъ на ея послѣдній вопросъ.

— Только зачѣмъ вы упомянули объ оскорбленіи? продолжала она. — Я не оскорблена.... о, нѣтъ! И если кто-нибудь изъ насъ виноватъ, такъ во всякомъ случаѣ не вы; не вы одни.... Вспомните наши послѣдніе разговоры, и вы убѣдитесь, что виноваты не вы.

— Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ великодушіи, произнесъ сквозь зубы Литвиновъ, — но я желалъ бы знать: одобряете ли вы мое намѣреніе?

— Уѣхать?

— Да.

Ирина продолжала глядѣть въ сторону.

— Въ первую минуту ваше намѣреніе мнѣ показалось преждевременнымъ.... но теперь я обдумала то, что̀ вы мнѣ сказали.... и если вы точно не ошибаетесь, то я полагаю, что вамъ слѣдуетъ удалиться. Эдакъ будетъ лучше.... лучше для насъ обоихъ.

Голосъ Ирины становился все тише и тише, и самая рѣчь замедлялась все болѣе и болѣе.

— Генералъ Ратмировъ, дѣйствительно, могъ бы замѣтить, начался-было Литвиновъ....

Глаза Ирины опустились, снова и что-то странное мелькнуло около ея губъ,—мелькнуло и замерло.

— Нѣтъ. Вы меня не поняли, перебила она его.—Я не думала о моемъ мужѣ. Съ какой стати? Ему и замѣчать было бы нечего. Но я повторяю: разлука необходима для насъ обоихъ.

Литвиновъ поднялъ шляпу, упавшую на полъ.

„Все кончено, подумалъ онъ, надо уйдти.“ — Итакъ, мнѣ остается проститься съ вами, Ирина Павловна, промолвилъ онъ громко, и жутко ему стало вдругъ, точно онъ самъ собирался произнести приговоръ надъ собою. — Мнѣ остается только надѣяться, что вы не станете поминать меня лихомъ.... и что если мы когда-нибудь....

Ирина опять его перебила:

— Погодите, Григорій Михайлычъ, не прощайтесь еще со мною. Это было бы слишкомъ поспѣшно.

Что-то дрогнуло въ Литвиновѣ, но жгучая горечь нахлынула тотчасъ и съ удвоенною силой въ его сердце.

— Да не могу я остаться! воскликнулъ онъ. — Къ чему? Къ чему продолжать это томленіе?

Digitized by Google

— Не прощайтесь еще со мною, повторила Ирина. — Я должна увидать васъ еще разъ.... Опять такое нѣмое разставанье какъ въ Москвѣ—нѣтъ, я этого не хочу. Вы можете теперь уйдти, но вы должны обѣщать мнѣ, дать мнѣ честное слово, что вы не уѣдете, не увидѣвшись еще разъ со мною.

— Вы этого желаете?

— Я этого требую. Если вы уѣдете, не увидавшись со мною, я вамъ никогда, никогда этого не прощу, слышите ли, никогда! — Странно! прибавила она, словно про себя:—я никакъ не могу себѣ представить, что я въ Баденѣ.... Мнѣ такъ и чудится, что я въ Москвѣ.... Ступайте.

Литвиновъ всталъ.

— Ирина Павловна, проговорилъ онъ,—дайте мнѣ вашу руку.

Ирина покачала головой.

— Я вамъ сказала, что не хочу прощаться съ вами....

— Я не на прощанье прошу....

Ирина протянула-было руку, но взглянула на Литвинова, въ первый разъ послѣ его признанія — и отвела ее назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, шепнула она, я не дамъ вамъ моей руки. Нѣтъ.... нѣтъ. Ступайте.

Литвиновъ поклонился и вышелъ. Онъ не могъ знать, отчего Ирина ему отказала въ послѣднемъ, дружескомъ пожатіи.... Онъ не могъ знать чего она боялась.

Онъ вышелъ, а Ирина снова опустилась на кресло и снова закрыла себѣ лицо.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Литвиновъ не вернулся домой; онъ ушелъ въ горы и забравшись въ лѣсную чащу, бросился на землю лицомъ внизъ и пролежалъ такъ около часа. Онъ не мучился, не плакалъ; онъ какъ-то тяжело и томительно замиралъ. Никогда онъ еще не испыталъ ничего подобнаго: то было невыносимо-ноющее и грызущее ощущеніе пустоты, пустоты въ самомъ себѣ, вокругъ, повсюду.... Ни объ Иринѣ, ни о Татьянѣ не думалъ онъ. Онъ чувствовалъ одно: палъ ударъ, и жизнь перерублена какъ канатъ, и весь онъ увлеченъ впередъ и подхваченъ чѣмъ-то невѣдомымъ и холоднымъ. Иногда ему казалось, что вихорь налеталъ на него, и онъ ощущалъ быстрое вращеніе и безпорядочные удары его темныхъ крылъ.... Но рѣшимость его не поколебалась. Остаться въ Баденѣ... объ этомъ и рѣчи

Digitized by Google

быть не могло. Мысленно онъ уже уѣхалъ; онъ уже сидѣлъ въ гремящемъ и дымящемъ вагонѣ и бѣжалъ, бѣжалъ въ нѣмую, мертвую даль. Онъ приподнялся наконецъ, и прислонивъ голову къ дереву, остался неподвижнымъ; только одною рукой онъ, самъ того не замѣчая, схватилъ и въ тактъ раскачивалъ верхній листъ высокаго папоротника. Шумъ приближавшихся шаговъ вывелъ его изъ оцѣпенѣнія: два угольщика съ большими мѣшками на плечахъ пробирались по крутой тропинкѣ. „Пора!“ шепнулъ Литвиновъ и вслѣдъ за угольщиками спустился въ городъ, повернулъ къ зданію желѣзной дороги и отправилъ телеграмму на имя Татьяниной тетки, Капитолины Марковны. Въ этой телеграммѣ онъ извѣщалъ ее о своемъ немедленномъ отъѣздѣ и назначалъ ей свиданіе въ Шрадеровой гостинницѣ въ Гейдельбергѣ. „Кончать, такъ кончать разомъ, подумалъ онъ; нечего откладывать до завтра.“ Потомъ онъ зашелъ въ игорную залу, съ тупымъ любопытствомъ посмотрѣлъ двумъ-тремъ игрокамъ въ лицо, замѣтилъ издали гнусный затылокъ Биндасова, безукоризненное чело Пищалкина и постоявъ немного подъ колоннадой, отправился, не спѣша, къ Иринѣ. Не въ силу внезапнаго, невольнаго увлеченія отправился онъ къ ней; рѣшившись уѣхать, онъ также рѣшился сдержать данное слово и еще разъ съ нею повидаться. Онъ вступилъ въ гостинницу, незамѣченный швейцаромъ, поднялся по лѣстницѣ, никого не встрѣчая и не постучавъ въ дверь, машинально толкнулъ ее и вошелъ въ комнату. Въ комнатѣ, на томъ же креслѣ, въ томъ же платьѣ, въ томъ же точно положеніи какъ три часа тому назадъ, сидѣла Ирина.... Видно было, что она не тронулась съ мѣста, не шевельнулась все это время. Она медленно приподняла голову, и увидавъ Литвинова, вся вздрогнула и ухватилась за ручку кресла.

— Вы меня испугали, прошептала она.

Литвиновъ глядѣлъ на нее съ безмолвнымъ изумленіемъ. Выраженіе ея лица, ея угасшихъ глазъ поразило его.

Ирина улыбнулась насильственно и поправила развившіеся волосы. — Это ничего.... я, право, не знаю.... я, кажется, заснула тутъ.

— Извините меня, Ирина Павловна, началъ Литвиновъ,—я вошелъ безъ доклада.... Я хотѣлъ исполнить то, что̀ вамъ было угодно отъ меня потребовать. Такъ какъ я сегодня уѣзжаю....

Digitized by Google

— Сегодня? Но вы, кажется, сказали мнѣ что вы хотѣли сперва написать письмо....

— Я послалъ телеграмму.

— А! Вы нашли нужнымъ поспѣшить. И когда вы уѣзжаете? Въ которомъ часу, то-есть?

— Въ семь часовъ вечера.

— А! въ семь часовъ! И вы пришли проститься?

— Да, Ирина Павловна, проститься.

Ирина помолчала.

— Я должна благодарить васъ, Григорій Михайлычъ; вамъ вѣроятно не легко было сюда придти.

— Да, Ирина Павловна, очень не легко.

— Жить вообще не легко, Григорій Михайлычъ; какъ вы полагаете?

— Какъ кому, Ирина Павловна.

Ирина опять помолчала, словно задумалась.

— Вы мнѣ доказали вашу дружбу, тѣмъ что пришли, промолвила она наконецъ.—Благодарю васъ. И вообще я одобряю ваше намѣреніе какъ можно поскорѣе все покончить... потому что всякое замедленіе.... потому что.... потому что я, та самая я, которую вы упрекали въ кокетствѣ, называли комедianткой — такъ, кажется, вы меня называли....

Ирина быстро встала и пересѣвъ на другое кресло, приникла и прижалась лицомъ и руками къ краю стола....

— Потому что я люблю васъ.... прошептала она сквозь стиснутые пальцы.

Литвиновъ пошатнулся, словно кто его въ грудь ударилъ Ирина тоскливо повернула голову прочь отъ него, какъ бы желая въ свою очередь спрятать отъ него свое лицо, и положила ее на столъ.

— Да, я васъ люблю.... я люблю васъ.... и вы это знаете.

— Я? я это знаю? проговорилъ наконецъ Литвиновъ.—Я?

— Ну, а теперь вы видите, продолжала Ирина,—что вамъ точно надо уѣхать, что медлить нельзя.... и вамъ и мнѣ нельзя медлить. Это опасно, это страшно.... прощайте! прибавила она, порывисто вставая съ кресла: — прощайте.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ направленіи двери кабинета и, занеся руку за спину, торопливо повела ею по воздуху, какъ бы желая встрѣтить и пожать руку Литвинова; но онъ стоялъ, какъ вкопаный, далеко.... Она еще разъ проговорила: „прощайте, забудьте,“ и не оглядываясь, бросилась вонъ.

Digitized by Google

Литвиновъ остался одинъ и все еще не могъ придти въ себя. Онъ опомнился наконецъ, проворно подошелъ къ двери кабинета, произнесъ имя Ирины разъ, два, три раза.... Онъ уже ухватился за замокъ.... Съ крыльца гостинницы послышался звонкій голосъ Ратмирова.

Литвиновъ надвинулъ шляпу на глаза и вышелъ на лѣстницу. Изящный генералъ стоялъ передъ ложей швейцара и дурнымъ нѣмецкимъ языкомъ объяснялъ ему, что желаетъ нанять карету на цѣлый завтрашній день. Увидавъ Литвинова, онъ опять неестественно высоко приподнялъ шляпу и опять выразилъ ему свое „почитаніе“: онъ очевидно трунилъ надъ нимъ, но Литвинову было не до того. Онъ едва отвѣтилъ на поклонъ Ратмирова, и добравшись до своей квартиры, остановился передъ своимъ, уже уложеннымъ и закрытымъ чемоданомъ. Голова у него кружилась и сердце дрожало какъ струна. Что̀ было теперь дѣлать? И могъ ли онъ это предвидѣть?

Да, онъ это предвидѣлъ, какъ̀ оно ни казалось невѣроятнымъ. Это оглушило его какъ громомъ, но онъ это предвидѣлъ, хоть и сознаться въ томъ не смѣлъ. А впрочемъ, онъ ничего не зналъ навѣрное. Все въ немъ перемѣшалось и спуталось; онъ потерялъ нить собственныхъ мыслей. Вспомнилъ онъ Москву, вспомнилъ какъ „оно“ и тогда налетѣло внезапною бурей. Онъ задыхался: восторгъ, но восторгъ безотрадный и безнадежный, давилъ и рвалъ его грудь. Ни за что̀ въ свѣтѣ онъ бы не согласился на то, чтобы слова произнесенныя Ириной не были въ дѣйствительности ею произнесены.... но что̀ же? перемѣнить принятое рѣшеніе эти слова все-таки не могли. Оно по прежнему не колебалось и стояло твердо, какъ брошенный якорь. Литвиновъ потерялъ нить своихъ мыслей.... да; но воля его осталась при немъ пока, и онъ распоряжался собою какъ чужимъ, подчиненнымъ человѣкомъ. Онъ позвонилъ кельнера, велѣлъ подать себѣ счетъ, удержалъ мѣсто въ вечернемъ омнибусѣ: онъ съ намѣреніемъ отрѣзывалъ себѣ всѣ пути. „Тамъ потомъ хоть умри“, твердилъ онъ какъ въ прошедшую безсонную ночь; эта фраза ему особенно пришлась по вкусу.—„Тамъ потомъ хоть умри“, повторялъ онъ, медленно расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, и лишь изрѣдка невольно закрывалъ глаза и переставалъ дышать, когда эти слова, эти слова Ирины, вторгались ему въ душу и жгли ее огнемъ. „Видно два

Digitized by Google

раза не полюбишь, думалъ онъ; вошла въ тебя другая жизнь, впустилъ ты ее,—не отдѣлаешься ты отъ этого яда до конца, не разорвешь этихъ нитей! Такъ; но что жь это доказываетъ? Счастье.... развѣ оно возможно? Ты ее любишь, положимъ.... и она.... она тебя любитъ....“

Но тутъ ему опять пришлось взять себя въ руки. Какъ путницъ въ темную ночь, видя впереди огонекъ и боясь сбиться съ дороги, ни на мгновенье не спускаетъ съ него глазъ, такъ и Литвиновъ постоянно устремлялъ всю силу своего вниманія на одну точку, на одну цѣль. Явиться къ своей невѣстѣ, и даже не собственно къ невѣстѣ (онъ старался не думать о ней), а въ комнату Гейдельбергской гостинницы—вотъ что стояло передъ нимъ незыблемо, путеводнымъ огонькомъ. Что дальше будетъ, онъ не вѣдалъ, да и вѣдать не хотѣлъ.... Одно было несомнѣнно: назадъ онъ не вернется. „Тамъ хоть умри“, повторилъ онъ въ десятый разъ и взглянулъ на часы.

Четверть седьмаго! Какъ долго еще приходилось ждать! Онъ снова зашагалъ взадъ и впередъ. Солнце склонялось къ закату, небо зардѣлось надъ деревьями, и алый полусвѣтъ ложился сквозь узкія окна въ его потемнѣвшую комнату. Вдругъ Литвинову почудилось, какъ будто дверь растворилась за нимъ тихо и быстро, и также быстро затворилась снова.... Онъ обернулся: у двери, закутанная въ черную мантилью, стояла женщина....

— Ирина! воскликнулъ онъ, и всплеснулъ руками....

Она подняла голову и упала къ нему на грудь.

Два часа спустя, онъ сидѣлъ у себя на диванѣ. Чемоданъ стоялъ въ углу, раскрытый и пустой, а на столѣ, посреди безпорядочно разбросанныхъ вещей, лежало письмо отъ Татьяны, только что полученное Литвиновымъ. Она писала ему, что рѣшилась ускорить свой отъѣздъ изъ Дрездена, такъ какъ здоровье ея тетки совершенно поправилось, и что если никакихъ не встрѣтится препятствій, онѣ обѣ на слѣдующій день къ двѣнадцати часамъ прибудутъ въ Баденъ и надѣются, что онъ придетъ къ нимъ навстрѣчу на желѣзную дорогу. Квартира для нихъ была нанята Литвиновымъ въ той самой гостинницѣ, гдѣ онъ стоялъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ послалъ записку къ Иринѣ, а на слѣдующее утро онъ получилъ отъ нея отвѣтъ. „Днемъ позже, днемъ раньше, писала она,—это было неизбѣжно. А я

Digitized by Google

вторяю тебѣ, что вчера сказала: жизнь моя въ твоихъ рукахъ, дѣлай со мной, что хочешь. Я не хочу стѣснять твою свободу, но знай что, если нужно, я все брошу, и пойду за тобой на край земли. Мы вѣдь увидимся завтра? Твоя Ирина."

Послѣднія два слова были написаны крупнымъ и размашистымъ, рѣшительнымъ почеркомъ.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

Въ числѣ лицъ, собравшихся 18-го августа къ 12 часамъ на площадку желѣзной дороги, находился и Литвиновъ. Не задолго передъ тѣмъ онъ встрѣтилъ Ирину: она сидѣла въ открытой каретѣ съ своимъ мужемъ и другимъ уже пожилымъ господиномъ. Она увидала Литвинова, и онъ это замѣтилъ: что-то темное пробѣжало по ея глазамъ, но она тотчасъ же закрылась отъ него зонтикомъ.

Странная перемѣна произошла въ немъ со вчерашняго дня: во всей его наружности, въ движеніяхъ, въ выраженіи лица; да и онъ самъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Самоувѣренность исчезла и спокойствіе исчезло тоже и уваженіе къ себѣ; отъ прежняго душевнаго строя не осталось ничего. Недавнія, неизгладимыя впечатлѣнія заслонили собою все остальное. Появилось какое-то небывалое ощущеніе, сильное, сладкое—и не доброе; таинственный гость забрался въ святилище и овладѣлъ имъ, и улегся въ немъ, молчкомъ, но во всю ширину, какъ хозяинъ на новосельи. Литвиновъ не стыдился болѣе, онъ трусилъ—и въ то же время отчаянная отвага въ немъ загоралась; взятымъ, побѣжденнымъ знакома эта смѣсь противоположныхъ чувствъ; не безызвѣстно оно и вору, послѣ первой его кражи. А Литвиновъ былъ побѣжденъ, побѣжденъ внезапно.... и что сталось съ его честностью?

Поѣздъ опоздалъ нѣсколькими минутами. Томленіе Литвинова перешло въ мучительную тоску: онъ не могъ устоять на мѣстѣ, и весь блѣдный, терся и толпился между народомъ. „Боже мой! думалъ онъ, хоть бы еще сутки..." Первый взглядъ на Таню, первый взглядъ Тани.... вотъ что его страшило, вотъ что надо было поскорѣй пережить.... А послѣ? А послѣ будь, что будетъ!... Онъ уже не принималъ болѣе никакого рѣшенія, онъ уже не отвѣчалъ за себя. Вчерашняя фраза болѣзненно мелькнула у него въ головѣ.... И вотъ какъ онъ встрѣчаетъ Таню....

Digitized by Google

Продолжительный свистъ раздался наконецъ, послышался тяжелый, ежеминутно возраставшій гулъ, и медленно выкатываясь изъ-за поворота дороги, появился паровикъ. Толпа подалась ему на встрѣчу, и Литвиновъ двинулся за нею, волоча ноги, какъ осужденный. Лица, дамскія шляпки стали показываться изъ вагоновъ, въ одномъ окошкѣ замелькалъ бѣлый платокъ.... Капитолина Марковна имъ махала.... Кончено: она увидѣла Литвинова, и онъ ее узналъ. Поѣздъ остановился. Литвиновъ бросился къ дверцамъ, отворилъ ихъ: Татьяна стояла возлѣ тетки и свѣтло улыбаясь, протягивала руку.

Онъ помогъ имъ обѣимъ сойдти, проговорилъ нѣсколько привѣтныхъ словъ, недоконченныхъ и неясныхъ и тотчасъ же засуетился, началъ отбирать билеты, дорожные мѣшки, пледы, побѣжалъ отыскивать носильщика, подозвалъ карету; другіе люди суетились вокругъ него, и онъ радовался ихъ присутствію, ихъ шуму и крику. Татьяна отошла немного въ сторону, и не переставая улыбаться, спокойно выжидала конца его торопливыхъ распоряженій. Капитолина Марковна напротивъ не могла устоять на мѣстѣ; ей все не вѣрилось что она наконецъ попала въ Баденъ. — Она вдругъ закричала: „А зонтики? Таня, гдѣ зонтики?“ не замѣчая что она крѣпко держала ихъ подъ мышкой; потомъ начала громко и продолжительно прощаться съ другою дамой, съ которой познакомилась во время переѣзда изъ Гейдельберга въ Баденъ. Дама эта была ни кто иная, какъ извѣстная намъ г-жа Суханчикова. Она отлучалась въ Гейдельбергъ на поклоненіе Губареву и возвращалась съ „инструкціями“. На Капитолинѣ Марковнѣ была довольно странная пестрая мантилья и круглая дорожная шляпка въ видѣ гриба, изъ-подъ которой въ безпорядкѣ выбивались стриженые бѣлые волосы; небольшаго роста, худощавая, она раскраснѣлась отъ дороги и говорила по-русски, пронзительнымъ и пѣвучимъ голосомъ.... Ее тотчасъ замѣтили.

Литвиновъ усадилъ наконецъ ее и Татьяну въ карету, и самъ помѣстился противъ нихъ. Лошади тронулись. Поднялись разспросы, возобновились пожатія рукъ, взаимныя улыбки, привѣты.... Литвиновъ вздохнулъ свободно: первыя мгновенья прошли благополучно. Ничего въ немъ, повидимому, не поразило, не смутило Таню: она также ясно и довѣрчиво смотрѣла, также мило краснѣла, также добродушно смѣ-

Digitized by Google

ялась. Онъ наконецъ самъ рѣшился взглянуть, не вскользь и мелькомъ, а прямо и пристально взглянуть на нее: до тѣхъ поръ его собственные глаза ему не повиновались. Невольное умиленіе стиснуло его сердце: безмятежное выраженіе этого честнаго, открытаго лица отдалось въ немъ горькимъ укоромъ. „Вотъ—ты пріѣхала сюда, бѣдная дѣвушка, думалъ онъ, ты, которую я такъ ждалъ и звалъ, съ которою я всю жизнь хотѣлъ пройдти до конца, ты пріѣхала, ты мнѣ повѣрила.... а я.... а я....“ Литвиновъ наклонилъ голову; но Капитолина Марковна не дала ему задуматься; она осыпала его вопросами.

— Это что̀ за строеніе съ колоннами? Гдѣ тутъ играютъ? Это кто идетъ? Таня, Таня, посмотри, какіе кринолины! А вотъ это кто? Здѣсь, должно-быть, все больше Француженки изъ Парижа? Господи, что̀ за шляпка! Здѣсь все можно найдти, какъ въ Парижѣ? Только, я воображаю, все ужасно дорого? Ахъ, съ какою отличною, умною женщиной я познакомилась! Вы ее знаете, Григорій Михайлычъ; она мнѣ сказала, что встрѣтилась съ вами у одного Русскаго, тоже удивительно умнаго. Она обѣщалась навѣщать насъ. Какъ она всѣхъ этихъ аристократовъ отдѣлываетъ—просто чудо! Это что̀ за господинъ съ сѣдыми усами? Прусскій король? Таня, Таня, посмотри, это прусскій король. Нѣтъ? не прусскій король? Голландскій посланникъ? Я не слышу, колеса такъ стучатъ. Ахъ, какія чудесныя деревья!

— Да, тётя, чудесныя, подтвердила Таня, — и какъ все здѣсь зелено, весело! Не правда ли, Григорій Михайлычъ....

— Весело.... отвѣчалъ онъ сквозь зубы.

Карета остановилась наконецъ передъ гостинницей. Литвиновъ проводилъ обѣихъ путешественницъ въ удержанный для нихъ нумеръ, обѣщалъ зайдти черезъ часъ и вернулся въ свою комнату. Затихшее на мигъ очарованіе овладѣло имъ немедленно, какъ только онъ вступилъ въ нее. Здѣсь, въ этой комнатѣ, со вчерашняго дня царствовала Ирина; все говорило о ней, самый воздухъ, казалось, сохранилъ тайные слѣды ея посѣщенія.... Литвиновъ опять почувствовалъ себя ея рабомъ. Онъ выхватилъ ея платокъ, спрятанный у него на груди, прижался къ нему губами, и тонкимъ ядомъ разлились по его жиламъ знойныя воспоминанія. Онъ понялъ, что тутъ уже нѣтъ возврата, нѣтъ выбора; горестное умиленіе, возбужденное въ немъ Татьяной, растаяло какъ снѣгъ на огнѣ, и раскаяніе замерло.... замерло такъ, что даже волненіе въ немъ

Digitized by Google

угомонилось и возможность притворства, представившись его уму, не возмущала его.... Любовь, любовь Ирины — вотъ что̀ стало теперь его правдой, его закономъ, его совѣстью.... Предусмотрительный, благоразумный Литвиновъ даже не помышлялъ о томъ, какъ ему выбраться изъ положенія, ужасъ и безобразіе котораго онъ и чувствовалъ какъ-то легко и словно со стороны.

Часу еще не протекло, какъ уже явился къ Литвинову кельнеръ отъ имени новоприѣзжихъ дамъ: онѣ просили его пожаловать къ нимъ въ общую залу. Онъ отправился вслѣдъ за посланцемъ и нашелъ ихъ уже одѣтыми и въ шляпкахъ. Обѣ изъявили желаніе тотчасъ пойдти осматривать Баденъ, благо погода была прекрасная. Особенно Капитолина Марковна такъ и горѣла нетерпѣніемъ; она даже опечалилась немного, когда узнала, что часъ фешенебельнаго сборища передъ Конверсаціонсгаузомъ еще не наступилъ. Литвиновъ взялъ ее подъ руку—и началась офиціальная прогулка. Татьяна шла рядомъ съ теткой и съ спокойнымъ любопытствомъ осматривалась кругомъ; Капитолина Марковна продолжала свои разспросы. Видъ рулетки, осанистыхъ крупіэ, которыхъ она, — встрѣть она ихъ въ другомъ мѣстѣ, — навѣрное приняла бы за министровъ, видъ ихъ проворныхъ лопаточекъ, золотыхъ и серебряныхъ кучекъ на зеленомъ сукнѣ, игравшихъ старухъ и расписныхъ лоретокъ привелъ Капитолину Марковну въ состояніе какого-то нѣмотствующаго изступленія; она совсѣмъ позабыла, что ей слѣдовало вознегодовать и только глядѣла, глядѣла во всѣ глаза, изрѣдка вздрагивая при каждомъ новомъ возгласѣ.... Жужжаніе костянаго шарика въ углубленіи рулетки проникало ее до мозгу костей—и только очутившись на свѣжемъ воздухѣ, она нашла въ себѣ довольно силы, чтобъ испустивъ глубокій вздохъ, назвать азартную игру безнравственною выдумкой аристократизма. На губахъ Литвинова появилась неподвижная, не хорошая улыбка; онъ говорилъ отрывисто и лѣниво, словно досадовалъ или скучалъ.... Но вотъ онъ обернулся къ Татьянѣ и втайнѣ смутился: она глядѣла на него внимательно и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто сама себя спрашивала, какого рода впечатлѣніе возбуждалось въ ней? Онъ поспѣшилъ кивнуть ей головой, она отвѣчала ему тѣмъ же и опять посмотрѣла на него вопросительно, не безъ нѣкотораго напряженія, словно онъ стоялъ отъ нея гораздо дальше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Литви-

Digitized by Google

новъ повелъ своихъ дамъ прочь отъ Конверсаціонсгауза и минуя „русское дерево“, подъ которымъ уже возсѣдали двѣ соотечественницы, направился къ Лихтенталю. Не успѣлъ онъ вступить въ аллею, какъ увидалъ издали Ирину.

Она шла къ нимъ на встрѣчу съ своимъ мужемъ и Потугинымъ. Литвиновъ поблѣднѣлъ какъ полотно, однако не замедлилъ шагу и поровнявшись съ нею, отвѣсилъ безмолвный поклонъ. И она ему поклонилась любезно, но холодно, и быстро окинувъ глазами Татьяну, скользнула мимо... Ратмировъ высоко приподнялъ шляпу, Потугинъ что-то промычалъ.

— Кто эта дама? спросила вдругъ Татьяна. Она до того мгновенья почти не раскрывала губъ.

— Эта дама? повторилъ Литвиновъ. — Эта дама?... Это нѣкая госпожа Ратмирова.

— Русская?

— Да.

— Вы съ ней здѣсь познакомились?

— Нѣтъ; я ее давно знаю.

— Какая она красивая!

— Замѣтила ты ея туалетъ? вмѣшалась Капитолина Марковна. — Десять семействъ можно бы цѣлый годъ прокормить на тѣ деньги, которыхъ стоятъ одни ея кружева! Это съ ней шелъ ея мужъ? обратилась она къ Литвинову.

— Мужъ.

— Онъ должно-быть ужасно богатъ?

— Право не знаю; не думаю.

— А чинъ у него какой?

— Чинъ генеральскій.

— Какіе у нея глаза! проговорила Татьяна; — и выраженіе въ нихъ какое странное: и задумчивое, и проницательное.... я такихъ глазъ не видывала.

Литвиновъ ничего не отвѣчалъ; ему казалось, что онъ опять чувствуетъ на лицѣ своемъ вопрошающій взглядъ Татьяны, но онъ ошибался: она глядѣла себѣ подъ ноги, на пескъ дорожки.

— Боже мой! Кто этотъ уродъ? воскликнула вдругъ Капитолина Марковна, указывая пальцемъ на низенькій шарабанъ, въ которомъ, нагло развалясь, лежала рыжая и курносая женщина въ необыкновенно пышномъ нарядѣ и лиловыхъ чулкахъ.

— Этотъ уродъ! Помилуйте, это извѣстная мамзель Кора.

— Кто?

Digitized by Google

— Мамзель Кора.... Парижская.... знаменитость.

— Какъ? это моська? Да вѣдь она пребезобразная?

— Видно это не мѣшаетъ.

Капитолина Марковна только руками развела.

— Ну! вашъ Баденъ! промолвила она наконецъ. — А можно тутъ на скамейкѣ присѣсть? Я что-то устала.

— Конечно можно, Капитолина Марковна.... На то и скамейки поставлены.

— Да вѣдь Господь васъ знаетъ! Вонъ, говорятъ, въ Парижѣ на бульварахъ тоже стоятъ скамейки: а сѣсть на нихъ неприлично.

Литвиновъ ничего не возразилъ Капитолинѣ Марковнѣ; онъ только въ это мгновенье сообразилъ, что въ двухъ шагахъ оттуда находилось то самое мѣсто, гдѣ онъ имѣлъ съ Ириной объясненіе, которое все рѣшило. Потомъ онъ вспомнилъ, что онъ сегодня замѣтилъ у ней на щекѣ небольшое розовое пятно....

Капитолина Марковна опустилась на скамейку; Татьяна сѣла возлѣ нея. Литвиновъ остался на дорожкѣ; между имъ и Татьяной—или это ему только чудилось?—совершалось что-то.... безсознательно и постепенно.

— Ахъ она шутовка, шутовка, произнесла Капитолина Марковна, съ сожалѣніемъ покачивая головой. — Вотъ *ея* туалетъ продать, такъ не десять, а сто семействъ прокормить можно. Видѣли вы у ней подъ шляпкой, на рыжихъ-то на волосахъ бриллианты? Это днемъ-то, бриллианты, а?

— У ней волоса не рыжіе, замѣтилъ Литвиновъ; — она ихъ краситъ въ рыжій цвѣтъ, теперь это въ модѣ.

Капитолина Марковна опять руками развела и даже задумалась.

— Ну, проговорила она наконецъ, — у насъ въ Дрезденѣ до такого скандала еще не дошло. Потому все-таки подальше отъ Парижа. Вы того же мнѣнія, не правда ли, Григорій Михайлычъ?

— Я? отвѣчалъ Литвиновъ, а самъ подумалъ: „О чемъ бишь это она?“ — Я? Конечно... конечно....

Но тутъ послышались неторопливые шаги, и къ скамейкѣ приблизился Потугинъ.

— Здравствуйте, Григорій Михайлычъ, проговорилъ онъ, посмѣиваясь и кивая головой.

Литвиновъ тотчасъ схватилъ его за руку.

Digitized by Google

— Здравствуйте, здравствуйте, Созонтъ Иванычъ. Я, кажется, сейчасъ встрѣтилъ васъ съ.... вотъ сейчасъ, въ аллеѣ.

— Да это былъ я.

Потугинъ почтительно поклонился сидѣвшимъ дамамъ.

— Позвольте васъ представить, Созонтъ Иванычъ. Мои хорошія знакомыя, родственницы, только что пріѣхали въ Баденъ. Потугинъ, Созонтъ Иванычъ, нашъ соотечественникъ, тоже баденскій гость.

Обѣ дамы приподнялись немного. Потугинъ возобновилъ свои поклоны.

— Здѣсь настоящій раутъ, начала тонкимъ голоскомъ Капитолина Марковна; добродушная старая дѣвица легко робѣла, но пуще всего старалась не ударить въ грязь лицомъ:— всѣ считаютъ пріятнымъ долгомъ побывать здѣсь.

— Баденъ, точно, пріятное мѣсто, отвѣтилъ Потугинъ, искоса посматривая на Татьяну; — очень пріятное мѣсто Баденъ.

— Да; только ужь слишкомъ аристократично, сколько я могу судить. Мы вотъ съ ней жили въ Дрезденѣ все это время.... очень интересный городъ; но здѣсь рѣшительно раутъ.

„Понравилось словцо,“ подумалъ Потугинъ. — Это вы совершенно справедливо изволили замѣтить, произнесъ онъ громко: — за то природа здѣсь удивительная и мѣстоположеніе такое, какое рѣдко можно найдти. Ваша спутница въ особенности должна это оцѣнить. Не правда ли, сударыня? прибавилъ онъ, обращаясь на этотъ разъ прямо къ Татьянѣ.

Татьяна подняла на Потугина свои большіе ясные глаза. Казалось, она недоумѣвала, чего хотятъ отъ нея и зачѣмъ Литвиновъ познакомилъ ее, въ первый же день пріѣзда, съ этимъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, у котораго впрочемъ умное и доброе лицо, и который глядитъ на нее привѣтливо и дружелюбно.

— Да, промолвила она наконецъ, — здѣсь очень хорошо.

— Вамъ надобно посѣтить старый замокъ, продолжалъ Потугинъ;—въ особенности совѣтую вамъ съѣздить въ Ибургъ.

— Саксонская Швейцарія, начала было Капитолина Марковна....

Взрывъ трубныхъ звуковъ прокатился по аллеѣ: это военный прусскій оркестръ изъ Раштадта (въ 1862 году Раштадтъ былъ еще союзною крѣпостью) начиналъ свой еженедѣльный концертъ въ павильонѣ. Капитолина Марковна тотчасъ встала.

Digitized by Google

— Музыка! промолвила она:— музыка à la Conversation!... Надо туда идти. Вѣдь теперь четвертый часъ, не правда ли? Общество теперь собирается?

— Да, отвѣчалъ Потугинъ: — теперь самый для общества модный часъ, и музыка прекрасная.

— Ну такъ мѣшкать нечего. Таня, пойдемъ.

— Вы позволите сопровождать васъ? спросилъ Потугинъ, къ немалому удивленію Литвинова: ему и въ голову придти не могло, что Потугина прислала Ирина.

Капиталина Марковна осклабилась.

— Съ великимъ удовольствіемъ, мсье.... мсье....

— Потугинъ, подсказалъ тотъ и предложилъ ей руку. Литвиновъ подалъ свою Татьянѣ и обѣ четы направились къ Конверсаціонсгаузу.

Потугинъ продолжалъ разсуждать съ Капитолиной Марковной. Но Литвиновъ шелъ, ни слова не говоря, и только раза два безо всякаго повода усмѣхнулся и слабо прижалъ къ себѣ руку Татьяны. Ложь была въ этихъ пожатіяхъ, на которыя она не отвѣчала, и Литвиновъ сознавалъ эту ложь. Не взаимное удостовѣреніе въ тѣсномъ союзѣ двухъ отдавшихся другъ другу душъ выражали онѣ, какъ бывало; онѣ замѣняли—пока—слова, которыхъ онъ не находилъ. То безмолвное, что̀ началось между ими обоими, росло и утверждалось. Татьяна опять внимательно, почти пронзительно посмотрѣла на него.

То же самое продолжалось и передъ Конверсаціонсгаузомъ, за столикомъ, около котораго они усѣлись всѣ четверо, съ тою только разницей, что при суетливомъ шумѣ толпы, при громѣ и трескѣ музыки, молчаніе Литвинова казалось болѣе понятнымъ. Капитолина Марковна пришла, какъ говорится, въ совершенный азартъ; Потугинъ едва успѣвалъ поддакивать ей, удовлетворять ея любопытству. На его счастье, въ массѣ проходившихъ лицъ внезапно появилась худощавая фигура Суханчиковой и блеснули ея вѣчно-прыгающіе глаза. Капитолина Марковна тотчасъ ее признала, подозвала ее къ своему столику, усадила ее—и поднялась словесная буря. Потугинъ обратился къ Татьянѣ и началъ бесѣдовать съ нею тихимъ и мягкимъ голосомъ, съ ласковымъ выраженіемъ на слегка наклоненномъ лицѣ; и она, къ собственному изумленію, отвѣчала ему легко и свободно; ей было пріятно говорить съ этимъ чужимъ, съ незнакомцемъ, между тѣмъ какъ

Digitized by Google

Литвиновъ по прежнему сидѣлъ неподвижно, съ тою же неподвижной и нехорошей улыбкой на губахъ...

Наступило наконецъ время обѣда. Музыка умолкла, толпа стала рѣдѣть. Капитолина Марковна сочувственно простилась съ Суханчиковой. Великое она къ ней возымѣла уваженіе, хоть и говорила потомъ своей племянницѣ, что ужь очень озлоблена эта особа; но за то все про всѣхъ вѣдаетъ! А швейныя машины дѣйствительно надо завести, какъ только отпразднуется свадьба. Потугинъ раскланялся; Литвиновъ повелъ своихъ дамъ домой. При входѣ въ гостинницу ему вручили записку: онъ отошелъ въ сторону и торопливо сорвалъ конвертъ. На небольшомъ клочкѣ зеленевой бумажки стояли слѣдующія, карандашомъ начертанныя слова: „Приходите сегодня вечеромъ въ семь часовъ ко мнѣ на одну минуту. На одну минуту, умоляю васъ. Ирина.“ Литвиновъ сунулъ бумажку въ карманъ и обернувшись, усмѣхнулся опять.... кому? зачѣмъ? Татьяна спиной къ нему стояла. Обѣдъ происходилъ за общимъ столомъ. Литвиновъ сидѣлъ между Капитолиной Марковной и Татьяной и, какъ-то странно оживившись, разговаривалъ, разказывалъ анекдоты, наливалъ вина себѣ и дамамъ. Онъ такъ развязно держалъ себя, что сидѣвшій напротивъ французскій пѣхотный офицеръ изъ Страсбурга, съ эспаньйолкой и усами à la Napoléon III, нашелъ возможнымъ вмѣшаться въ разговоръ и даже кончилъ тостомъ à la santé des belles Moscovites! Послѣ обѣда Литвиновъ проводилъ обѣихъ дамъ въ ихъ комнату, и постоявъ немного у окна и насупившись, внезапно объявилъ, что долженъ отлучиться на короткое время по дѣлу, но вернется къ вечеру непремѣнно. Татьяна ничего не сказала, побѣднѣла и опустила глаза. Капитолина Марковна имѣла привычку спать послѣ обѣда: Татьянѣ было извѣстно, что Литвиновъ зналъ эту привычку за ея теткой; она ожидала, что онъ этимъ воспользуется, что онъ останется, такъ какъ онъ съ самаго пріѣзда еще не былъ наединѣ съ нею, не поговорилъ съ ней откровенно. И вотъ онъ уходитъ! Какъ это понять? И вообще все его поведеніе въ теченіе дня....

Литвиновъ поспѣшилъ удалиться, не дожидаясь возраженій; Капитолина Марковна легла на диванъ, и поохавши и вздохнувши раза два, заснула безмятежнымъ сномъ; а Татьяна отошла въ уголъ и сѣла на кресло, крѣпко скрестивъ на груди руки.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАЯ.

Литвиновъ проворно всходилъ по лѣстницѣ Hôtel de l'Europe... Дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ калмыцкимъ лукавымъ личикомъ, которая, повидимому, его караулила, остановила его, сказавши ему по-русски: „Пожалуйте сюда, Ирина Павловна сейчасъ придутъ.“ Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. Она улыбнулась, повторила: „Пожалуйте, пожалуйте“, и ввела его въ небольшую комнату, находившуюся напротивъ Ирининой спальни и наполненную дорожными сундуками и чемоданами, а сама тотчасъ исчезла, легохонько притворивши дверь. Не успѣлъ Литвиновъ оглянуться, какъ та же дверь быстро распахнулась, и въ розовомъ бальномъ платьѣ, съ жемчугомъ на волосахъ и на шеѣ, появилась Ирина. Она такъ и бросилась къ нему, схватила его за обѣ руки и нѣсколько мгновеній оставалась безмолвной; глаза ея сіяли и грудь поднималась, словно она взбѣжала на высоту.

— Я не могла принять.... васъ тамъ, начала она торопливымъ шепотомъ:—мы сейчасъ ѣдемъ на званый обѣдъ, но я непремѣнно хотѣла васъ видѣть.... Вѣдь это ваша невѣста была, съ которой я васъ встрѣтила сегодня?

— Да, это была моя невѣста, проговорилъ Литвиновъ, упирая на словѣ: „была.“

— Такъ вотъ я хотѣла увидать васъ на одну минуту, чтобы сказать вамъ, что вы должны считать себя совершенно свободнымъ, что все то, что произошло вчера не должно нисколько мѣнять ваши рѣшенія....

—Ирина! воскликнулъ Литвиновъ:—зачѣмъ ты это говоришь?

Онъ произнесъ эти слова громкимъ голосомъ.... Беззавѣтная страсть прозвучала въ нихъ. Ирина на мигъ невольно закрыла глаза.

— О мой милый! продолжала она шепотомъ еще болѣе тихимъ, но съ увлеченіемъ неудержимымъ:—ты не знаешь какъ я тебя люблю, но вчера я только долгъ свой заплатила, я загладила прошедшую вину.... Ахъ! я не могла отдать тебѣ мою молодость, какъ бы я хотѣла, но никакихъ обязанностей я не наложила на тебя, ни отъ какого обѣщанія я не разрѣшила тебя, мой милый! Дѣлай что хочешь, ты свободенъ какъ воздухъ, ты ничѣмъ, ничѣмъ не связанъ, знай это, знай!

Digitized by Google

— Но я не могу жить безъ тебя, Ирина, перебилъ ее уже шепотомъ Литвиновъ,—я твой на вѣкъ и навсегда со вчерашняго дня.... Только у ногъ твоихъ могу я дышать....

Онъ трепетно припалъ къ ея рукамъ. Ирина посмотрѣла на его наклоненную голову.

— Ну такъ знай же, промолвила она,—что и я на все готова, что и я не пожалѣю никого и ничего. Какъ ты рѣшишь, такъ и будетъ. Я тоже на вѣкъ твоя.... твоя.

Кто-то осторожно постучался въ дверь. Ирина нагнулась, еще разъ шепнула: „твоя.... прощай!“ Литвиновъ почувствовалъ на волосахъ своихъ ея дыханіе, прикосновеніе ея губъ. Когда онъ выпрямился, ея уже не было въ комнатѣ, только платье ея прошумѣло въ корридорѣ и издали послышался голосъ Ратмирова: „Eh bien? Vous ne venez pas?“

Литвиновъ присѣлъ на высокій сундукъ и закрылъ себѣ лицо. Женскій запахъ, тонкій и свѣжій, повѣялъ на него.... Ирина держала его руки въ своихъ рукахъ. „Это слишкомъ.... слишкомъ“, думалось ему. Дѣвочка вошла въ комнату и, снова улыбнувшись въ отвѣтъ на его тревожный взглядъ, промолвила:

— Извольте идти-съ, пока....

Онъ всталъ и вышелъ изъ гостиницы. Нечего было и думать тотчасъ возвратиться домой: надо было остепениться. Сердце въ немъ билось протяжно и неровно; земля, казалось, слабо двигалась подъ ногами. Литвиновъ опять отправился по Лихтенталевской аллеѣ. Онъ понималъ, что наступало мгновенье рѣшительное, что откладывать дальше, скрываться, отворачиваться—становилось невозможнымъ, что объясненіе съ Татьяной неизбѣжно; онъ представлялъ, какъ она тамъ сидитъ и не шевелится, и ждетъ его.... онъ предчувствовалъ, что онъ ей скажетъ; но какъ приступить, какъ начать? Онъ махнулъ рукой на все свое правильное, благоустроенное, добропорядочное будущее: онъ зналъ, что онъ бросается очертя голову въ омутъ, куда и заглядывать не слѣдовало... но не это его смущало. То дѣло было покончено, а какъ предстать передъ своего судью? И хоть бы точно судья его встрѣтилъ—ангелъ съ пламеннымъ мечомъ: легче было бы преступному сердцу.... а то еще самому придется ножъ вонзать.... Безобразно! А вернуться назадъ, отказаться отъ того, другаго, воспользоваться свободой, которую ему сулятъ, которую признаютъ за нимъ.... Нѣтъ! лучше умереть! Нѣтъ, не

Digitized by Google

надо той постылой свободы.... а низвергнуться въ прахъ, и чтобы тѣ глаза съ любовію склонились....

— Григорій Михайлычъ! промолвилъ чей-то печальный голосъ и чья-то рука тяжело легла на Литвинова.

Онъ оглянулся не безъ испуга, и узналъ Потугина.

— Извините меня, Григорій Михайлычъ, началъ тотъ съ обычной своей ужимкой,—я, можетъ-быть, васъ обезпокоилъ, но увидавъ васъ издали, я подумалъ.... Впрочемъ, если вамъ не до меня....

— Напротивъ, я очень радъ, процѣдилъ сквозь зубы Литвиновъ.

Потугинъ пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Прекрасный вечеръ, началъ онъ,—какъ тепло! Вы давно гуляете?

— Нѣтъ, недавно.

— Да что же я спрашиваю; я видѣлъ какъ вы вышли изъ Hôtel de l'Europe.

— Такъ вы за мной шли слѣдомъ?

— Да.

— Вы имѣете мнѣ что̀ сказать?

— Да, чуть слышно повторилъ Потугинъ.

Литвиновъ остановился и посмотрѣлъ на своего непрошеннаго собесѣдника. Лицо его было блѣдно, глаза блуждали; давнишнее, старое горе, казалось, выступило на его искаженныхъ чертахъ.

— Что̀ же собственно такое вы хотите мнѣ сказать? медленно проговорилъ Литвиновъ, и опять двинулся впередъ.

— А вотъ позвольте.... сейчасъ. Если вамъ все равно—присядемте вотъ тутъ на скамеечку. Здѣсь будетъ удобнѣе.

— Да это что-то таинственное, промолвилъ Литвиновъ, садясь возлѣ него.—Вамъ словно не по себѣ, Созонтъ Иванычъ.

— Нѣтъ, мнѣ ничего, и таинственнаго тоже ничего нѣтъ. Я собственно хотѣлъ вамъ сообщить.... то впечатлѣніе, которое произвела на меня ваша невѣста.... вѣдь она, кажется, ваша невѣста?... ну, словомъ, та дѣвица, съ которой вы меня сегодня познакомили. Я долженъ сказать, что я въ теченіе всей своей жизни не встрѣчалъ существа болѣе симпатичнаго. Это золотое сердце, истинно ангельская душа.

Потугинъ произнесъ всѣ эти слова съ тѣмъ же горькимъ и скорбнымъ видомъ, такъ что даже Литвиновъ не могъ не замѣтить страннаго противорѣчія между выраженіемъ его лица и его рѣчами.

Digitized by Google

— Вы совершенно справедливо оцѣнили Татьяну Петровну, началъ Литвиновъ,—хотя мнѣ приходится удивляться во-первыхъ тому, что вамъ извѣстны мои отношенія къ ней, а во-вторыхъ и тому, какъ скоро вы ее разгадали. У ней точно ангельская душа, но позвольте узнать, вы объ этомъ хотѣли со мной бесѣдовать?

— Ея нельзя не разгадать тотчасъ, подхватилъ Потугинъ, какъ бы уклоняясь отъ послѣдняго вопроса,—стóитъ ей разъ заглянуть въ глаза. Она заслуживаетъ всевозможнаго счастья на землѣ, и завидна доля того человѣка, которому придется доставить ей это счастье! Нужно желать, чтобъ онъ оказался достойнымъ подобной доли.

Литвиновъ нахмурился слегка.

— Позвольте, Созонтъ Иванычъ, промолвилъ онъ,—я, признаюсь, нахожу нашъ разговоръ вообще довольно оригинальнымъ.... Я хотѣлъ бы знать: намекъ, который содержатъ ваши слова, относится ко мнѣ?

Потугинъ не тотчасъ отвѣчалъ Литвинову: онъ, видимо, боролся самъ съ собою.

— Григорій Михайлычъ, началъ онъ наконецъ,—или я совершенно ошибся въ васъ, или вы въ состояніи выслушать правду, отъ кого бы она ни шла и подъ какой бы невзрачной оболочкой она ни явилась. Я сейчасъ сказалъ вамъ, что видѣлъ откуда вы шли.

— Ну да, изъ Hôtel de l'Europe. Что́ же изъ этого?

— Вѣдь я знаю, съ кѣмъ вы тамъ видѣлись!

— Какъ?

— Вы видѣлись съ госпожей Ратмировой.

— Ну да, я былъ у нея. Что́ же далѣе?

— Что́ далѣе?... Вы, женихъ Татьяны Петровны, вы видѣлись съ госпожею Ратмировой, которую вы любите... и которая любитъ васъ.

Литвиновъ мгновенно приподнялся со скамейки; кровь ударила ему въ голову.

— Что́ это? промолвилъ онъ, наконецъ, озлобленнымъ сдавленнымъ голосомъ: — плоская шутка? шпіонство? Извольте объясниться.

Потугинъ бросилъ на него унылый взглядъ.

— Ахъ! не оскорбляйтесь моими словами, Григорій Михайлычъ; меня же вы оскорбить не можете. Не для того заговорилъ я съ вами, и не до шутокъ мнѣ теперь.

Digitized by Google

— Можетъ-быть, можетъ-быть. Я готовъ вѣрить въ чистоту вашихъ намѣреній; но я все-таки позволю себѣ спросить васъ, съ какого права вы вмѣшиваетесь въ домашнія дѣла, въ сердечную жизнь чужаго человѣка, и на какомъ основаніи вы вашу.... выдумку такъ самоувѣренно выдаете за правду?

— Мою выдумку! Еслибъ я это выдумалъ, вы бы не разсердились; а что до права, то я еще не слыхивалъ, чтобы человѣкъ поставилъ себѣ вопросъ: имѣетъ ли онъ право или нѣтъ протянуть руку утопающему.

— Покорно благодарю за заботливость, подхватилъ запальчиво Литвиновъ,—только я вовсе не нуждаюсь въ ней, и всѣ эти фразы о гибели, уготовляемой свѣтскими дамами неопытнымъ юношамъ, о безнравственности высшаго свѣта и такъ далѣе, считаю именно за фразы, и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ презираю ихъ; а потому прошу васъ не утруждать своей спасительной десницы, и преспокойно позволить мнѣ утонуть.

Потугинъ опять поднялъ глаза на Литвинова. Онъ трудно дышалъ, губы его подергивало.

— Да посмотрите вы на меня, молодой человѣкъ, вырвалось у него наконецъ, и онъ стукнулъ себя въ грудь, — неужели я похожъ на дюжиннаго, самодовольнаго моралиста, на проповѣдника? Развѣ вы не понимаете, что изъ одного участія къ вамъ, какъ бы сильно оно ни было, я бы слова не проронилъ, не далъ бы вамъ права упрекнуть меня въ томъ, что пуще всего мнѣ ненавистно—въ нескромности, въ назойливости? Развѣ вы не видите, что тутъ дѣло совсѣмъ другаго рода, что передъ вами человѣкъ разбитый, разрушенный, окончательно уничтоженный тѣмъ самымъ чувствомъ, отъ послѣдствій котораго онъ желалъ бы предохранить васъ, и.... и къ той же самой женщинѣ!

Литвиновъ отступилъ шагъ назадъ.

— Возможно ли! что вы сказали?... Вы.... вы.... Созонтъ Иванычъ? Но госпожа Бѣльская.... этотъ ребенокъ....

— Ахъ, не распрашивайте меня.... вѣрьте мнѣ! То темная, страшная исторія, которую я вамъ разказывать не стану. Госпожу Бѣльскую я почти не зналъ, ребенокъ этотъ не мой, а взялъ я все на себя.... потому.... потому что *она* того хотѣла, потому что *ей* это было нужно. Зачѣмъ бы я находился здѣсь, въ вашемъ противномъ Баденѣ? И наконецъ, неужели вы полагаете, неужели вы на одну минуту могли вообразить, что я изъ сочувствія къ вамъ рѣшился предостеречь

Digitized by Google

васъ? Мнѣ жаль той доброй, хорошей дѣвушки, вашей невѣсты, а впрочемъ, какое мнѣ дѣло до вашей будущности, до васъ обоихъ?... Но я за нее боюсь.... я боюсь за нее.

— Много чести, господинъ Потугинъ, началъ Литвиновъ,— но такъ какъ мы, по вашимъ словамъ, находимся оба въ одинаковомъ положеніи, то почему же вы самому себѣ не читаете подобныхъ наставленій, и не долженъ ли я приписать ваши опасенія другому чувству?

— То-есть ревности, вы хотите сказать? Эхъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, стыдно вамъ финтить и лукавить, стыдно не понять, какое горькое горе говоритъ теперь моими устами. Нѣтъ, не въ одинаковомъ мы положеніи съ вами! Я, я, старый, смѣшной, вполнѣ безвредный чудакъ.... и вы! Да что тутъ толковать! Вы ни на одну секунду не согласились бы принять на себя ту роль, которую я разыгрываю, и разыгрываю съ благодарностью! А ревность? Не ревнуетъ тотъ, у кого нѣтъ хоть бы капли надежды, и не теперь бы мнѣ пришлось испытать это чувство впервые. Мнѣ только страшно.... страшно за нее, поймите вы это. И могъ ли я ожидать, когда она посылала меня къ вамъ, что чувство вины, которую она признавала за собою, такъ далеко ее завлечетъ?

— Но позвольте, Созонтъ Иванычъ, вы какъ будто знаете....

— Я ничего не знаю, и знаю все. Я знаю, прибавилъ онъ, и отвернулся,—я знаю, гдѣ она была вчера. Но ея не удержать теперь: она какъ брошенный камень, должна докатиться до дна. Я былъ бы еще бо́льшимъ безумцемъ, еслибы вообразилъ, что слова мои тотчасъ удержатъ васъ.... васъ, которому такая женщина.... Но полно объ этомъ. Я не могъ переломить себя, вотъ все мое извиненіе. Да и наконецъ, какъ знать и почему не попытаться? Можетъ-быть, вы одумаетесь; можетъ-быть, какое-нибудь мое слово западетъ вамъ въ душу, вы не захотите погубить и ее, и себя, и то невинное, прекрасное существо.... Ахъ! не сердитесь, не топайте ногой! Чего мнѣ бояться, чего церемониться? Не ревность говоритъ во мнѣ теперь, не досада.... Я готовъ упасть къ вашимъ ногамъ, умолять васъ.... А впрочемъ, прощайте. Не бойтесь, все это останется втайнѣ. Я желалъ вамъ добра.

Потугинъ зашагалъ по аллеѣ, и скоро исчезъ въ уже надвигавшемся мракѣ.... Литвиновъ его не удерживалъ.

„Страшная, темная исторія....“, говорилъ Потугинъ Литвинову, и не хотѣлъ ея разказывать.... Коснемся и мы ея всего двумя словами.

Digitized by Google

Лѣтъ за восемь передъ тѣмъ ему пришлось быть временно прикомандированнымъ отъ своего министерства къ графу Рейзенбаху. Дѣло происходило лѣтомъ. Потугинъ ѣздилъ къ нему на дачу съ бумагами и проводилъ тамъ цѣлые дни. Ирина жила тогда у графа. Она никогда не гнушалась людей низко поставленныхъ, по крайней мѣрѣ не чуждалась ихъ, и графиня не разъ пеняла ей за ея излишнюю, московскую фамильярность. Ирина скоро отгадала умнаго человѣка въ этомъ скромномъ чиновникѣ, облеченномъ въ мундирный, до верху застегнутый фракъ. Она часто и охотно бесѣдовала съ нимъ.... а онъ.... онъ полюбилъ ее страстно, глубоко, тайно..... Тайно! *Онъ* такъ думалъ. Прошло лѣто; графъ пересталъ нуждаться въ постороннемъ помощникѣ. Потугинъ потерялъ Ирину изъ виду, но забыть ея не могъ. Года три спустя онъ совершенно неожиданно получилъ приглашеніе отъ одной мало знакомой ему дамы средней руки. Дама эта сперва немного затруднилась высказаться, но взявъ съ него клятву сохранить все что̀ онъ услышитъ въ величайшемъ секретѣ, предложила ему.... жениться на одной дѣвицѣ, которая занимала видное положеніе въ свѣтѣ и для которой свадьба стала необходимостью. На главное лицо дама едва намекнула, и тутъ же обѣщала Потугину денегъ.... много денегъ. Потугинъ не оскорбился, удивленіе заглушило въ немъ чувство гнѣва, но, разумѣется, отказался наотрѣзъ. Тогда дама вручила ему записку къ нему—отъ Ирины. „Вы благородный, добрый человѣкъ,“ писала она, „и я знаю, вы для меня все сдѣлаете; я прошу у васъ этой жертвы. Вы спасете существо, мнѣ дорогое. Спасая ее, вы спасете и меня.... Не спрашивайте какъ. Я ни къ кому не рѣшилась бы обратиться съ подобною просьбой, но къ вамъ я протягиваю руки и говорю вамъ: сдѣлайте это для меня.“ Потугинъ задумался и сказалъ, что для Ирины Павловны онъ, точно, готовъ сдѣлать многое, но хотѣлъ бы услышать ея желаніе изъ ея же устъ. Свиданіе состоялось въ тотъ же вечеръ: оно продолжалось не долго, и никто не зналъ о немъ, кромѣ той дамы. Ирина не жила уже у графа Рейзенбаха.

— Почему вы вспомнили именно обо мнѣ? спросилъ ее Потугинъ.

Она начала было распространяться объ его хорошихъ качествахъ, да вдругъ остановилась....

— Нѣтъ, промолвила она,—вамъ надобно правду говорить.

Digitized by Google

Я знала, я знаю, что вы меня любите, вотъ отчего я рѣшилась....—И тутъ же разказала ему все.

Элиза Бѣльская была сирота; родственники ея не любили и разчитывали на ея наслѣдство.... ей предстояла гибель. Потугинъ молча, долго посмотрѣлъ на Ирину, и согласился. Она заплакала и вся въ слезахъ бросилась ему на шею. И онъ заплакалъ.... но различны были ихъ слезы. Уже все приготовлялось къ тайному браку, всѣ препятствія устранились. Но случилась болѣзнь.... а тамъ родилась дочь, а тамъ мать.... отравилась. Что было дѣлать съ ребенкомъ? Потугинъ взялъ его на свое попеченіе, изъ тѣхъ же рукъ, изъ рукъ Ирины.

Страшная, темная исторія.... Мимо, читатель, мимо!

Больше часу прошло еще, прежде чѣмъ Литвиновъ рѣшился вернуться въ свою гостинницу. Онъ уже приближался къ ней, какъ вдругъ услышалъ шаги за собой. Казалось, кто-то упорно слѣдилъ за нимъ и шелъ скорѣе, когда онъ прибавлялъ шагу. Подойдя подъ фонарь, Литвиновъ оглянулся, и узналъ генерала Ратмирова. Въ бѣломъ галстукѣ, въ щегольскомъ пальто на распашку, съ вереницей звѣздочекъ и крестиковъ на золотой цѣпочкѣ въ петлѣ фрака, генералъ возвращался съ обѣда, одинъ. Взглядъ его, прямо и дерзко устремленный на Литвинова, выражалъ такое презрѣніе и такую ненависть, вся его фигура дышала такимъ настойчивымъ вызовомъ, что Литвиновъ почелъ своею обязанностью пойдти, скрѣпя сердце, ему навстрѣчу, пойдти на „исторію“. Но поровнявшись съ Литвиновымъ, лицо генерала мгновенно измѣнилось: опять появилось на немъ обычное игривое изящество, и рука въ свѣтло-лиловой перчаткѣ высоко приподняла вылощенную шляпу. Литвиновъ молча снялъ свою, и каждый пошелъ своею дорогой. „Вѣрно, замѣтилъ что-нибудь!“ подумалъ Литвиновъ. „Хоть бы.... другой кто-нибудь!“ подумалъ генералъ.

Татьяна играла въ пикетъ съ своею теткой, когда Литвиновъ вошелъ къ нимъ въ комнату.

— Однако, хорошъ ты, мой батюшка! воскликнула Капитолина Марковна, и бросила карты на столъ: — въ первый же день, да на цѣлый вечеръ пропалъ! Ужь мы ждали васъ, ждали, бранили, бранили....

— Я, тетя, ничего не говорила, замѣтила Татьяна.

— Ну, ты извѣстная смиренница! Стыдитесь, милостивый государь! Еще женихъ!

Литвиновъ кое-какъ извинился и подсѣлъ къ столу.

Digitized by Google

— Зачѣмъ же вы перестали играть? спросилъ онъ послѣ небольшаго молчанія.

— Вотъ тебѣ на! Мы съ ней въ карты отъ скуки играемъ, когда дѣлать нечего.... а теперь вы пришли.

— Если вамъ угодно послушать вечернюю музыку, промолвилъ Литвиновъ, — я съ великою охотой провожу васъ.

Капитолина Марковна посмотрѣла на свою племянницу.

— Пойдемте, тетя, я готова, сказала та, — но не лучше ли остаться дома?

— И то дѣло! Будемте чай пить, по-нашему, по-московскому, съ самоваромъ; да поболтаемте хорошенько. Мы еще не покалякали какъ слѣдуетъ.

Литвиновъ велѣлъ принести чаю, но поболтать хорошенько не удалось. Онъ чувствовалъ постоянное угрызеніе совѣсти: что̀ бы онъ ни говорилъ, ему все казалось, что онъ лжетъ, и что Татьяна догадывается. А между тѣмъ въ ней не замѣчалось перемѣны; она такъ же непринужденно держалась... только взоръ ея ни разу не остановился на Литвиновѣ, а какъ-то снисходительно и пугливо скользилъ по немъ—и блѣднѣе она была обыкновеннаго. Капитолина Марковна спросила ее, не болитъ ли у ней голова?

Татьяна хотѣла было сперва отвѣчать, что нѣтъ, но, одумавшись, сказала: „да, немножко.“

— Съ дороги, промолвилъ Литвиновъ, и даже покраснѣлъ отъ стыда.

— Съ дороги, повторила Татьяна, и взоръ ея опять скользнулъ по немъ.

— Надо тебѣ отдохнуть, Танечка.

— Я и такъ скоро спать лягу, тётя.

На столѣ лежалъ *Guide des Voyageurs*; Литвиновъ принялся читать вслухъ описаніе Баденскихъ окрестностей.

— Все это такъ, перебила его Капитолина Марковна, — но вотъ что̀ не надо забыть. Говорятъ, здѣсь полотно очень дешево, такъ вотъ бы купить для приданаго.

Татьяна опустила глаза.

— Успѣемъ, тетя. Вы о себѣ никогда не думаете, а вамъ непремѣнно надо сшить себѣ платье. Видите, какія здѣсь всѣ ходятъ нарядныя.

— Э, душа моя! къ чему это? Что̀ я за щеголиха! Добро бы я была такая красивая, какъ эта ваша знакомая, Григорій Михайлычъ, какъ бишь ее?

— Какая знакомая?

Digitized by Google

— Да вотъ, что̀ мы встрѣтили сегодня.

— А, та! съ притворнымъ равнодушіемъ проговорилъ Литвиновъ, и опять гадко и стыдно стало ему. „Нѣтъ! подумалъ онъ, эдакъ продолжать невозможно.“

Онъ сидѣлъ подлѣ своей невѣсты, а въ нѣсколькихъ вершкахъ разстоянія отъ нея, въ боковомъ его карманѣ, находился платокъ Ирины.

Капитолина Марковна вышла на минуту въ другую комнату.

— Таня.... сказалъ съ усиліемъ Литвиновъ. Онъ въ первый разъ въ тотъ день назвалъ ее этимъ именемъ.

Она обернулась къ нему.

— Я.... я имѣю сказать вамъ нѣчто очень важное.

— А! Въ самомъ дѣлѣ? Когда? Сейчасъ?

— Нѣтъ, завтра.

— А! завтра. Ну, хорошо.

Безконечная жалость мгновенно наполнила душу Литвинова. Онъ взялъ руку Татьяны, и поцѣловалъ ее смиренно, какъ виноватый; сердце въ ней тихонько сжалось, и не порадовалъ ея этотъ поцѣлуй.

Ночью, часу во второмъ, Капитолина Марковна, которая спала въ одной комнатѣ съ своею племянницей, вдругъ приподняла голову и прислушалась.

— Таня! промолвила она: — ты плачешь?

Татьяна не тотчасъ отвѣчала.

— Нѣтъ, тетя, послышался ея кроткій голосокъ,—у меня насморкъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

„Зачѣмъ я это ей сказалъ?“ думалъ на слѣдующее утро Литвиновъ, сидя у себя въ комнатѣ, передъ окномъ. Онъ съ досадой пожалъ плечами: онъ именно для того и сказалъ это Татьянѣ, чтобъ отрѣзать себѣ всякое отступленіе. На окнѣ лежала записка отъ Ирины: она звала его къ себѣ къ двѣнадцати часамъ. Слова Потугина безпрестанно приходили ему на память; онѣ проносились зловѣщимъ, хотя слабымъ, какъ бы подземнымъ гуломъ; онъ сердился, и никакъ не могъ отдѣлаться отъ нихъ. Кто-то постучался въ дверь.

— Wer da? спросилъ Литвиновъ.

— А! вы дома! отоприте! раздался хриплый басъ Биндасова.

Ручка замка затрещала.

Литвиновъ поблѣднѣлъ со злости.

Digitized by Google

— Нѣтъ меня дома, промолвилъ онъ рѣзко.

— Какъ нѣтъ дома? Это еще что̀ за штука?

— Говорятъ вамъ—нѣтъ дома; убирайтесь.

— Вотъ это мило! А я пришелъ было денежекъ попризанять, проворчалъ Бандасовъ.

Однако онъ удалился, стуча по обыкновенію каблуками.

Литвиновъ чуть не выскочилъ ему вслѣдъ: до того захотѣлось ему намять шею противному наглецу. Событія послѣднихъ дней разстроили его нервы: еще не много—и онъ бы заплакалъ. Онъ выпилъ стаканъ холодной воды, заперъ, самъ не зная зачѣмъ, всѣ ящики въ мебеляхъ и пошелъ къ Татьянѣ.

Онъ засталъ ее одну. Капитолина Марковна отправилась по магазинамъ за покупками. Татьяна сидѣла на диванѣ и держала обѣими руками книжку: она ея не читала и едва ли даже знала что̀ это была за книжка. Она не шевелилась, но сердце сильно билось въ ея груди и бѣлый воротничокъ вокругъ ея шеи вздрагивалъ замѣтно и мѣрно.

Литвиновъ смутился.... однако сѣлъ возлѣ нея, поздоровался, улыбнулся; и она безмолвно ему улыбнулась. Она поклонилась ему когда онъ вошелъ, поклонилась вѣжливо, не по-дружески—и не взглянула на него. Онъ протянулъ ей руку; она подала ему свои похолодѣвшіе пальцы, тотчасъ высвободила ихъ и снова взялась за книжку. Литвиновъ чувствовалъ, что начать бесѣду съ предметовъ маловажныхъ значило оскорбить Татьяну; она по обыкновенію ничего не требовала, но все въ ней говорило: „я жду, я жду....“ Надо было исполнить обѣщаніе. Но онъ,—хотя почти всю ночь ни о чемъ другомъ не думалъ,—онъ не приготовилъ даже первыхъ, вступительныхъ словъ и рѣшительно не зналъ какимъ образомъ перервать это жестокое молчаніе.

— Таня, началъ онъ наконецъ,—я сказалъ вамъ вчера, что имѣю сообщить вамъ нѣчто важное (онъ въ Дрезденѣ наединѣ съ нею начиналъ говорить ей: „ты“, но теперь объ этомъ и думать было нечего.) Я готовъ, только прошу васъ заранѣе не сѣтовать на меня и быть увѣренной, что мои чувства къ вамъ....

Онъ остановился. Ему духъ захватывало. Татьяна все не шевелилась и не глядѣла на него; только крѣпче прежняго стискивала книгу.

— Между нами, продолжалъ Литвиновъ, не докончивъ

Digitized by Google

начатой рѣчи, — между нами всегда была полная откровенность; я слишкомъ уважаю васъ, чтобы лукавить съ вами; я хочу доказать вамъ, что умѣю цѣнить возвышенность и свободу вашей души, и хотя я.... хотя конечно....

— Григорій Михайлычъ, начала Татьяна ровнымъ голосомъ и все лицо ея перекрылось мертвенною блѣдностью,— я приду вамъ на помощь: вы разлюбили меня и не знаете какъ мнѣ это сказать.

Литвиновъ невольно вздрогнулъ.

— Почему же?... проговорилъ онъ едва внятно:—почему вы могли подумать?... Я, право, не понимаю....

— Что же, не правда это? Не правда это, скажите? скажите?

Татьяна повернулась къ Литвинову всѣмъ тѣломъ; лицо ея съ отброшенными назадъ волосами приблизилось къ его лицу, и глаза ея, такъ долго на него не глядѣвшіе, такъ и впились въ его глаза.

— Не правда это? повторила она.

Онъ ничего не сказалъ, не произнесъ ни одного звука. Онъ бы не могъ солгать въ это мгновеніе, еслибы даже зналъ, что она ему повѣритъ и что его ложь спасетъ ее; онъ даже взоръ ея вынести былъ не въ силахъ. Литвиновъ ничего не сказалъ, но она уже не нуждалась въ отвѣтѣ; она прочла этотъ отвѣтъ въ самомъ его молчаніи, въ этихъ виноватыхъ, потупленныхъ глазахъ,—и откинулась назадъ и уронила книгу... Она еще сомнѣвалась до того мгновенья, и Литвиновъ это понялъ; онъ понялъ, что она еще сомнѣвалась—и какъ безобразно, дѣйствительно безобразно было все что онъ сдѣлалъ!

Онъ бросился передъ нею на колѣни.

— Таня, воскликнулъ онъ,—еслибы ты знала, какъ мнѣ тяжело видѣть тебя въ этомъ положеніи, какъ ужасно мнѣ думать, что это я.... я! У меня сердце растерзано; я самъ себя не узнаю; я потерялъ себя и тебя, и все.... Все разрушено, Таня, все! Могъ ли я ожидать, что я.... я нанесу такой ударъ тебѣ, моему лучшему другу, моему ангелу-хранителю!... Могъ ли я ожидать, что мы такъ съ тобой увидимся, такой проведемъ день, каковъ былъ вчерашній!...

Татьяна хотѣла-было встать и удалиться. Онъ удержалъ ея за край ея одежды.

— Нѣтъ, выслушай меня еще минуту. Ты видишь, я передъ тобою на колѣняхъ, но не прощенія пришелъ я просить,— ты не можешь и не должна простить меня;—я пришелъ тебѣ

Digitized by Google

сказать, что другъ твой погибъ, что онъ падаетъ въ бездну и не хочетъ увлекать тебя съ собою.... А спасти меня.... нѣтъ! даже ты не можешь спасти меня. Я самъ бы оттолкнулъ тебя... Я погибъ, Таня, я безвозвратно погибъ!

Татьяна посмотрѣла на Литвинова.

— Вы погибли? проговорила она, какъ бы не вполнѣ его понимая.—Вы погибли?

— Да, Таня, я погибъ. Все прежнее, все дорогое, все чѣмъ я доселѣ жилъ—погибло для меня; все разрушено, все порвано, и я не знаю что меня ожидаетъ впереди. Ты сейчасъ мнѣ сказала, что я разлюбилъ тебя.... Нѣтъ, Таня, я не разлюбилъ тебя, но другое, страшное, неотразимое чувство налетѣло, нахлынуло на меня. Я противился пока могъ....

Татьяна встала; ея брови сдвинулись; блѣдное лицо потемнѣло. Литвиновъ тоже поднялся.

— Вы полюбили другую женщину, начала она, — и я догадываюсь кто она.... Мы съ ней вчера встрѣтились, не правда ли?... Что жь! Я знаю, что мнѣ теперь остается дѣлать. Такъ какъ вы сами говорите, что это чувство въ васъ неизмѣнно.... (Татьяна остановилась на мигъ; быть-можетъ она еще надѣялась, что Литвиновъ не пропуститъ этого послѣдняго слова безъ возраженія, но онъ ничего не сказалъ), то мнѣ остается возвратить вамъ.... ваше слово.

Литвиновъ наклонилъ голову, какъ бы съ покорностью принимая заслуженный ударъ.

— Вы имѣете право негодовать на меня, промолвилъ онъ,— вы имѣете полное право упрекать меня въ малодушіи.... въ обманѣ.

Татьяна снова посмотрѣла на него.

— Я не упрекала васъ, Литвиновъ, я не обвиняю васъ. Я съ вами согласна: самая горькая правда лучше того что происходило вчера. Что за жизнь теперь была бы наша!

— Что за жизнь будетъ моя теперь! скорбно отозвалось въ душѣ Литвинова.

Татьяна приблизилась къ двери спальни.

— Я васъ прошу оставить меня одну на нѣсколько времени, Григорій Михайлычъ,—мы еще увидимся, мы еще потолкуемъ. Все это было такъ неожиданно. Мнѣ надо немного собраться съ силами.... оставьте меня.... пощадите мою гордость. Мы еще увидимся.

И сказавъ эти слова, Татьяна проворно удалилась и

Digitized by Google

заперла за собою дверь на ключъ. Литвиновъ вышелъ на улицу какъ отуманенный, какъ оглушенный; что-то темное и тяжелое внѣдрилось въ самую глубь его сердца; подобное ощущеніе долженъ испытать человѣкъ зарѣзавшій другаго, и между тѣмъ легко ему становилось, какъ будто онъ сбросилъ наконецъ ненавистную ношу. Великодушіе Татьяны его уничтожало, онъ живо чувствовалъ все, что̀ онъ терялъ.... и что же? къ раскаянію его примѣшивалась досада; онъ стремился къ Иринѣ какъ къ единственно оставшемуся убѣжищу,— и злился на нее. Съ нѣкоторыхъ поръ и съ каждымъ днемъ чувства Литвинова становились все сложнѣе и запутаннѣе; эта путаница его мучила, раздражала, онъ терялся въ этомъ хаосѣ. Онъ жаждалъ одного: выдти наконецъ на дорогу, на какую бы то ни было, лишь бы не кружиться болѣе въ этой безтолковой полутьмѣ. Людямъ положительнымъ въ родѣ Литвинова не слѣдовало бы увлекаться страстью; она нарушаетъ самый смыслъ ихъ жизни.... Но природа не справляется съ логикой, съ нашею человѣческою логикой; у ней есть своя, которую мы не понимаемъ и не признаемъ до тѣхъ поръ пока она насъ, какъ колесомъ, не переѣдетъ.

Разставшись съ Татьяной, Литвиновъ держалъ одно въ умѣ: увидѣться съ Ириной; онъ и отправился къ ней. Но генералъ былъ дома, такъ по крайней мѣрѣ сказалъ ему швейцаръ, и онъ не захотѣлъ войдти, онъ не чувствовалъ себя въ состояніи притворяться и поплелся къ Конверсаціонсгаузу. Неспособность Литвинова притворяться въ тотъ день испытали на себѣ и Ворошиловъ и Пищалкинъ, которые попались ему на встрѣчу: онъ такъ и брякнулъ одному, что онъ пустъ какъ бубенъ, другому, что онъ скученъ до обморока; хорошо еще, что Биндасовъ не подвернулся: навѣрное произошелъ бы „grosser Scandal“. Оба молодые человѣка изумились: Ворошиловъ даже вопросъ себѣ поставилъ: не требуетъ ли офицерская честь удовлетворенія?—но какъ Гоголевскій поручикъ Пироговъ, успокоилъ себя въ кофейной бутеръ-бротами. Литвиновъ увидалъ издали Капитолину Марковну, хлопотливо перебѣгавшую въ своей пестрой мантильѣ изъ лавки въ лавку.... Совѣстно стало ему передъ доброю, смѣшною, благородною старушкой. Потомъ онъ вспомнилъ о Потугинѣ, о вчерашнемъ разговорѣ.... Но вотъ что-то повѣяло на него, что-то неосязаемое и несо-

Digitized by Google

мнѣнное; еслибы движеніе шло отъ падающей тѣни, оно бы не было неуловимѣе, но онъ тотчасъ почувствовалъ, что это приближалась Ирина. Дѣйствительно: она появилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него подъ руку съ другою дамой; глаза ихъ тотчасъ встрѣтились. Ирина вѣроятно замѣтила что-то особенное въ выраженіи лица у Литвинова; она остановилась передъ лавкой, въ которой продавалось множество крошечныхъ деревянныхъ часовъ шварцвальдскаго издѣлія, подозвала его къ себѣ движеніемъ головы и показывая ему одни изъ этихъ часиковъ, прося его полюбоваться миловиднымъ циферблатомъ съ раскрашенною кукушкой на верху, промолвила не шепотомъ, а обыкновеннымъ своимъ голосомъ, какъ бы продолжая начатую фразу, — оно меньше привлекаетъ вниманіе постороннихъ:

— Приходите черезъ часъ я буду дома, одна.

Но тутъ подлетѣлъ къ ней извѣстный дамскій угодникъ мсьё Вердіе, и началъ приходить въ восторгъ отъ цвѣта feuille morte ея платья, отъ ея низенькой испанской шляпки, надвинутой на самыя брови.... Литвиновъ исчезъ въ толпѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

— Григорій, говорила ему два часа спустя Ирина, сидя возлѣ него на кушеткѣ и положивъ ему обѣ руки на плечо.— Что съ тобою? Скажи мнѣ теперь, скорѣе, пока мы одни.

— Со мною? промолвилъ Литвиновъ.—Я счастливъ, счастливъ, вотъ что со мной.

Ирина потупилась, улыбнулась, вздохнула.

— Это не отвѣтъ на мой вопросъ, мой милый.

Литвиновъ задумался.

— Ну такъ знай же.... такъ какъ ты этого непремѣнно требуешь (Ирина широко раскрыла глаза и слегка отшатнулась), я сегодня все сказалъ моей невѣстѣ.

— Какъ все? Ты меня назвалъ?

Литвиновъ даже руками всплеснулъ.

— Ирина, ради Бога, какъ могла тебѣ такая мысль въ голову придти! чтобы я....

— Ну извини меня.... извини меня. Что же ты сказалъ?

— Я сказалъ ей, что я не люблю ея болѣе.

— Она спросила почему?

Digitized by Google

— Я не скрылъ отъ нея, что я полюбилъ другую, и что мы должны разстаться.

— Ну.... и что жь она? Согласна?

— Ахъ, Ирина! Что это за дѣвушка! Она вся самоотверженіе, вся благородство.

— Вѣрю, вѣрю.... впрочемъ, ей другаго ничего и не оставалось.

— И ни одного упрека, ни одного горькаго слова мнѣ, человѣку, который испортилъ всю ея жизнь, обманулъ ее, бросилъ безжалостно..

Ирина разсматривала свои ногти.

— Скажи мнѣ, Григорій.... она тебя любила?

— Да, Ирина, она любила меня.

Ирина помолчала, оправила платье.

— Признаюсь, начала она,—я хорошенько не понимаю, зачѣмъ это тебѣ вздумалось съ нею объясняться?

— Какъ зачѣмъ, Ирина! Неужели бы ты хотѣла чтобъ я лгалъ, притворялся передъ нею, передъ этою чистою душой? Или ты полагала....

— Я ничего не полагала, перебила Ирина. — Я, каюсь, мало о ней думала... Я не умѣю думать о двухъ людяхъ разомъ.

— То-есть, ты хочешь сказать....

— Ну и что жь? она уѣзжаетъ, эта чистая душа? вторично перебила Ирина.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ Литвиновъ. — Я еще долженъ увидаться съ нею. Но она не останется.

— А! счастливый путь!

— Нѣтъ, она не останется. Впрочемъ я теперь тоже не о ней думаю, я думаю о томъ, что *ты* мнѣ сказала, что *ты* обѣщала мнѣ.

Ирина изъ-подлобья посмотрѣла на него.

— Неблагодарный! ты еще не доволенъ?

— Нѣтъ, Ирина, я не доволенъ. Ты меня осчастливила, но я не доволенъ, и ты меня понимаешь.

— То-есть я....

— Да, ты понимаешь меня. Вспомни твои слова, вспомни, что ты мнѣ писала. Я не могу дѣлиться съ другимъ, нѣтъ, нѣтъ, я не могу согласиться на жалкую роль тайнаго любовника; я не одну мою жизнь, я и другую жизнь бросилъ къ твоимъ ногамъ, я ото всего отказался, я все разбилъ въ прахъ, безъ сожалѣнія и безъ возврата, но за то я вѣрю, я

Digitized by Google

твердо убѣжденъ, что и ты сдержишь свое обѣщаніе и соединишь навсегда твою участь съ моею....

— Ты хочешь чтобъ я бѣжала съ тобою? Я готова... (Литвиновъ восторженно припалъ къ ея рукамъ). Я готова, я не отказываюсь отъ своего слова. Но ты самъ, обдумалъ ли ты затрудненія.... приготовилъ ли средства?

— Я? Я еще ничего не успѣлъ ни обдумать, ни приготовить, но скажи только: да, позволь мнѣ дѣйствовать и мѣсяца не пройдетъ....

— Мѣсяца! Мы черезъ двѣ недѣли уѣзжаемъ въ Италію.

— Мнѣ и двухъ недѣль достаточно. О Ирина! ты какъ будто холодно принимаешь мое предложеніе, быть-можетъ оно кажется тебѣ мечтательнымъ, но я не мальчикъ, я не привыкъ тѣшиться мечтами, я знаю, какой это страшный шагъ, знаю, какую я беру на себя отвѣтственность; но я не вижу другаго исхода. Подумай наконецъ, мнѣ уже для того должно навсегда разорвать всѣ связи съ прошедшимъ, чтобы не прослыть презрѣннымъ лгуномъ въ глазахъ той дѣвушки, которую я въ жертву тебѣ принесъ!

Ирина вдругъ выпрямилась и глаза ея засверкали.

— Ну ужь извините, Григорій Михайлычъ! Если я рѣшусь, если я убѣгу, такъ я убѣгу съ человѣкомъ, который это сдѣлаетъ для меня, собственно для меня, а не для того чтобы не уронить себя во мнѣніи флегматической барышни, у которой въ жилахъ, вмѣсто крови, вода съ молокомъ, du lait coupé! И еще скажу я вамъ: мнѣ, признаюсь, въ первый разъ довелось услышать, что тотъ, къ кому я благосклонна, достоинъ сожалѣнія, играетъ жалкую роль! Я знаю роль болѣе жалкую: роль человѣка, который самъ не знаетъ что происходитъ въ его душѣ!

Литвиновъ выпрямился въ свою очередь.

— Ирина, началъ было онъ....

Но она вдругъ прижала обѣ ладони ко лбу и съ судорожнымъ порывомъ бросившись ему на грудь, обняла его съ неженскою силой.

— Прости меня, прости меня, заговорила она трепетнымъ голосомъ,—прости меня, Григорій! Ты видишь, какъ я испорчена, какая я гадкая, ревнивая, злая! Ты видишь, какъ я нуждаюсь въ твоей помощи, въ твоемъ снисхожденіи! Да, спаси меня, вырви меня изъ этой бездны, пока я не совсѣмъ еще погибла! Да, убѣжимъ, убѣжимъ отъ этихъ людей, отъ этого

Digitized by Google

свѣта въ какой-нибудь далекій, прекрасный, свободный край! Быть-можетъ тамъ твоя Ирина станетъ наконецъ достойнѣе тебя, достойнѣе тѣхъ жертвъ, которыя ты ей приносишь! Не сердись на меня, прости меня, мой милый—и знай, что я сдѣлаю все что̀ ты прикажешь, пойду всюду, куда ты меня поведешь!

Сердце перевернулось въ Литвиновѣ. Ирина сильнѣе прежняго прижималась къ нему всѣмъ своимъ молодымъ и гибкимъ тѣломъ. Онъ нагнулся къ ея душистымъ разсыпаннымъ волосамъ и въ опьяненіи благодарности и восторга, едва дерзалъ ласкать ихъ рукой, едва касался до нихъ губами.

— Ирина, Ирина, твердилъ онъ, мой ангелъ....

Она внезапно приподняла голову, прислушалась....—Это шаги моего мужа.... онъ вошелъ въ свою комнату, прошептала она и проворно отодвинувшись, пересѣла на кресло. Литвиновъ хотѣлъ было встать....—Куда же ты? продолжала она тѣмъ же шепотомъ; останься, онъ ужь и такъ тебя подозрѣваетъ. Или ты боишься его?—Она не спускала глазъ съ двери.—Да, это онъ; онъ сейчасъ сюда придетъ. Разказывай мнѣ что-нибудь, говори со мною.—Литвиновъ не могъ тотчасъ найдтись и молчалъ.—Вы не пойдете завтра въ театръ? произнесла она громко. Даютъ *le Verre d'eau*, устарѣлая піеса, и Плесси ужасно кривляется. Мы точно въ лихорадкѣ, прибавила она, понизивъ голосъ,—эдакъ нельзя; это надо хорошенько̀ обдумать. Я должна предупредить тебя, что всѣ мои деньги у него; mais j'ai mes bijoux. Уѣдемъ въ Испанію, хочешь?—Она снова возвысила голосъ.—Отчего это всѣ актрисы толстѣютъ? Вотъ хоть Madeleine Brohan. Да говори же, не сиди такъ молча. У меня голова кружится. Но ты не долженъ сомнѣваться во мнѣ.... Я тебѣ дамъ знать, куда тебѣ завтра придти. Только ты напрасно сказалъ той барышнѣ.... Ah, mais c'est charmant! воскликнула она вдругъ, и засмѣявшись первически, оборвала оборку платка.

— Можно войдти? спросилъ изъ другой комнаты Ратмировъ.

— Можно.... можно.

Дверь отворилась, и на порогѣ появился генералъ. Онъ поморщился при видѣ Литвинова, однако поклонился ему, то-есть качнулъ верхнею частью корпуса.

— Я не зналъ что у тебя гость, промолвилъ онъ—je vous demande pardon de mon indiscrétion. А васъ Баденъ все еще забавляетъ, мсьё.... Литвиновъ?

Digitized by Google

Ратмировъ всегда произносилъ фамилію Литвинова съ запинкой, точно онъ всякій разъ забывалъ, не тотчасъ припоминалъ ее.... Этимъ, да еще преувеличенно-приподнятою шляпой при поклонѣ, онъ думалъ его уязвить.

— Я здѣсь не скучаю, мсьё le général.

— Въ самомъ дѣлѣ? А мнѣ Баденъ страшно пріѣлся. Мы скоро отсюда уѣзжаемъ, неправда ли Ирина Павловна? Assez de Bade comme ça. Впрочемъ я на ваше счастье сегодня пятьсотъ франковъ выигралъ.

Ирина кокетливо протянула руку.

— Гдѣ жь они? Пожалуйте. На булавки.

— За мной, за мной.... А вы уже уходите, мсьё.... Литвиновъ?

— Да-съ, ухожу, какъ изволите видѣть.

Ратмировъ опять качнулъ корпусомъ.

— До пріятнаго свиданія!

— Прощайте, Григорій Михайлычъ, промолвила Ирина.—А я сдержу свое обѣщаніе.

— Какое? можно полюбопытствовать? спросилъ ее мужъ.

Ирина улыбнулась.

— Нѣтъ, это такъ.... между нами. C'est à propos du voyage.... où il vous plaira. Ты знаешь — сочиненіе Сталя?

— А какже, какже, знаю. Премилые рисунки.

Ратмировъ казался въ ладахъ съ женою: онъ говорилъ ей „ты“.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

„Ужь лучше не думать, право,“ твердилъ Литвиновъ, шагая по улицѣ и чувствуя что внутренняя возня снова поднимается въ немъ. „Дѣло рѣшеное. Она сдержитъ свое обѣщаніе, и мнѣ остается принять всѣ нужныя мѣры.... Но она словно сомнѣвается....“ Онъ встряхнулъ головой. Ему самому въ странномъ свѣтѣ представлялись собственныя намѣренія; чѣмъ-то натянутымъ и неправдоподобнымъ отзывались онѣ. Нельзя долго носиться съ однѣми и тѣми же мыслями; онѣ передвигаются постепенно, какъ стеклушки калейдоскопа.... смотришь: ужь образы совсѣмъ не тѣ передъ глазами. Ощущеніе глубокой усталости овладѣло Литвиновымъ.... Отдохнуть бы хоть часикъ.... Но Таня? Онъ встрепенулся и уже не разсуждая, покорно побрелъ домой и только въ голову ему пришло, что его сегодня какъ мячъ перебрасываетъ отъ одной къ другой.... Все равно: надо было покончить.

Digitized by Google

Онъ вернулся въ гостинницу и также покорно, почти безчувственно, безъ колебанія и замедленія, отправился къ Татьянѣ.

Его встрѣтила Капитолина Марковна. Съ перваго взгляда на нее онъ уже зналъ что ей все было извѣстно: глаза бѣдной старой дѣвицы опухли отъ слезъ, и окаймленное взбитыми бѣлыми локонами, покраснѣвшее лицо выражало испугъ и тоску негодованія, горя и безграничнаго изумленія Она устремилась было къ Литвинову, но тутъ же остановилась, и закусивъ трепетавшія губы, глядѣла на него такъ какъ будто и умолить его хотѣла, и убить, и увѣриться, что все это сонъ, безуміе, невозможное дѣло, неправда ли?

— Вотъ вы.... вы пришли, пришли, заговорила она.... Дверь изъ сосѣдней комнаты мгновенно распахнулась—и до прозрачности блѣдная, но спокойная, легкою походкой вошла Татьяна.

Она тихонько обняла тетку одною рукой и посадила ее возлѣ себя.—Сядьте и вы, Григорій Михайлычъ, сказала она Литвинову, который стоялъ, какъ потерянный, у двери.—Я очень рада что еще разъ вижусь съ вами. Я сообщила тетушкѣ ваше рѣшеніе, наше общее рѣшеніе; она вполнѣ его раздѣляетъ и одобряетъ.... Безъ взаимной любви не можетъ быть счастья, одного взаимнаго уваженія недостаточно (при словѣ: „уваженіе“, Литвиновъ невольно потупился), и лучше разстаться прежде чѣмъ раскаиваться потомъ. Неправда ли, тетя?

— Да, конечно, начала Капитолина Марковна—конечно, Танюта, тотъ, кто не умѣетъ оцѣнить тебя.... тотъ кто рѣшился....

— Тетя, тетя, перебила ее Татьяна,—помните, что вы мнѣ обѣщали. Вы сами мнѣ всегда говорили: правда, Татьяна, правда прежде всего—и свобода. Ну а правда не всегда сладка бываетъ, да и свобода тоже; а то какая была бы наша заслуга?

Она нѣжно поцѣловала Капиталину Марковну въ ея бѣлые волосы и обратившись къ Литвинову, продолжала:—Мы съ тетей положили уѣхать изъ Бадена.... Я думаю для всѣхъ насъ эдакъ будетъ лучше.

— Когда вы думаете уѣхать? глухо проговорилъ Литвиновъ. Онъ вспомнилъ, что тѣ же самыя слова ему недавно сказала Ирина.

Капитолина Марковна подалась было впередъ, но Татьяна удержала ее, ласково коснувшись ея щеки.

— Вѣроятно скоро, очень скоро.

— И позволите ли вы мнѣ спросить, куда вы намѣрены ѣхать? тѣмъ же голосомъ проговорилъ Литвиновъ.

— Сперва въ Дрезденъ, потомъ вѣроятно въ Россію.

Digitized by Google

— Да на что же вамъ теперь это нужно знать, Григорій Михайлычъ?... воскликнула Капитолина Марковна.

— Тетя, тетя, вмѣшалась опять Татьяна. Наступило небольшое молчаніе.

— Татьяна Петровна, началъ Литвиновъ,—вы понимаете, какое мучительно тяжелое и скорбное чувство я долженъ испытывать въ это мгновеніе....

Татьяна встала.

— Григорій Михайлычъ, промолвила она, — не будемте говорить объ этомъ.... Пожалуста, прошу васъ, если не для васъ, такъ для меня. Я не со вчерашняго дня васъ знаю и хорошо могу себѣ представить, что вы должны чувствовать теперь. Но къ чему говорить, къ чему растравливать....—Она остановилась: видно было, что она хотѣла переждать поднявшееся въ ней волненіе, поглотить уже накипавшія слезы; ей это удалось. — Къ чему разтравливать рану, которую нельзя излѣчить? Предоставимте это времени. А теперь у меня до васъ просьба, Григорій Михайлычъ; будьте такъ добры, я вамъ дамъ сейчасъ письмо: отнесите это письмо на почту сами, оно довольно важно, а намъ съ тетей теперь некогда.... Я вамъ очень буду благодарна. Подождите минуту.... я сейчасъ....

На порогѣ двери Татьяна съ безпокойствомъ оглянулась на Капитолину Марковну; но она такъ важно и чинно сидѣла, съ такимъ строгимъ выраженіемъ въ нахмуренныхъ бровяхъ и крѣпко сжатыхъ губкахъ, что Татьяна только головой ей кивнула и вышла.

Но едва лишь дверь за ней закрылась, какъ всякое выраженіе важности и строгости мгновенно исчезло съ лица Капитолины Марковны: она встала, на цыпочкахъ подбѣжала къ Литвинову и, вся сгорбившись и стараясь заглянуть ему въ глаза, заговорила трепетнымъ, слезливымъ шепотомъ:

— Господи Боже мой, заговорила она, — Григорій Михайлычъ, что жь это такое: сонъ это, что ли? *Вы* отказываетесь отъ Тани, вы ее разлюбили, вы измѣняете своему слову! Вы это дѣлаете, Григорій Михайлычъ, вы, на кого мы всѣ надѣялись какъ на каменную стѣну! Вы? Вы? Вы? Тьзо Гриша?...—Капитолина Марковна остановилась.—Да вѣдь вы ее убьете, Григорій Михайлычъ, продолжала она, не дождавшись отвѣта, а слезы такъ и покатились мелкими капельками по ея щекамъ. — Вы не смотрите на нее, что она теперь храбрится, вы вѣдь знаете какой у ней нравъ! Она никогда

Digitized by Google

не жалуется, она себя не жалѣетъ, такъ другіе должны ее жалѣть! Вотъ она теперь мнѣ толкуетъ: „Тетя, надо сохранить наше достоинство!“, а какое тутъ достоинство, когда я смерть, смерть предвижу.... — Татьяна стукнула стуломъ въ сосѣдней комнатѣ. — Да, смерть предвижу, подхватила еще тише старушка.—И что̀ такое могло сдѣлаться? Приворожили васъ, что̀ ли? Давно ли вы писали ей самыя нѣжныя письма? Да и наконецъ, развѣ честный человѣкъ такъ можетъ поступать? Я, вы знаете, женщина безъ всякихъ предразсудковъ, esprit fort, я и Танѣ дала такое же воспитаніе, у ней тоже свободная душа....

— Тетя! раздался изъ сосѣдней комнаты голосъ Татьяны.

— Но честное слово — это долгъ, Григорій Михайлычъ. Особенно для людей съ вашими, съ нашими правилами! Коли мы долга признавать не будемъ, что̀ жь у насъ останется? Этого нельзя нарушать—такъ, по собственной прихоти, не соображаясь съ тѣмъ, что какова, молъ, другому! Это безсовѣстно.... да, это—преступленіе; какая же это свобода!

— Тетя, поди сюда пожалуста, послышалось снова.

— Сейчасъ, душа моя, сейчасъ... — Капитолина Марковна схватила Литвинова за руку. — Я вижу, вы сердитесь, Григорій Михайлычъ.... („Я?! Я сержусь?!“ хотѣлось ему воскликнуть, но языкъ его онѣмѣлъ.)—Я не хочу сердить васъ—о, Господи! до того ли мнѣ! я, напротивъ, просить васъ хочу: одумайтесь пока есть время, не губите ея, не губите собственнаго счастія, она еще повѣритъ вамъ. Гриша, она повѣритъ тебѣ, ничего еще не пропало; вѣдь она тебя любитъ такъ, какъ никто, никогда, не полюбитъ тебя! Брось этотъ ненавистный Баденъ-Баденъ, уѣдемъ вмѣстѣ, выдь только изъ-подъ этого волшебства, а главное: пожалѣй, пожалѣй....

— Да тетя, промолвила Татьяна съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ.

Но Капитолина Марковна не слушала ея.

— Скажи только: „да“! твердила она Литвинову: — а ужь я все улажу.... Ну хоть головой мнѣ кивни! головкой-то хоть разочекъ, вотъ такъ!

Литвиновъ охотно, кажется, умеръ бы въ эту минуту, но слово „да!“ онъ не произнесъ и головой онъ не кивнулъ.

Съ письмомъ въ рукѣ появилась Татьяна. Капитолина Марковна тотчасъ отскочила отъ Литвинова и, отвернувъ лицо въ сторону, низко нагнулась надъ столомъ, какъ бы разсматривая лежавшіе на немъ счеты и бумаги.

Digitized by Google

Татьяна приблизилась къ Литвинову.

— Вотъ, сказала она,—то письмо, о которомъ я вамъ говорила.... Вы сейчасъ пойдете на почту, неправда ли?

Литвиновъ поднялъ глаза.... Передъ нимъ дѣйствительно стоялъ его судья. Татьяна показалась ему выше, стройнѣе; просіявшее небывалою красотой лицо величаво окаменѣло какъ у статуи; грудь не поднималась, и платье, одноцвѣтное и тѣсное какъ хитонъ, падало прямыми, длинными складками мраморныхъ тканей къ ея ногамъ, которыя оно закрывало. Татьяна глядѣла прямо передъ собой, не на одного только Литвинова, и взглядъ ея, ровный и холодный, былъ также взглядомъ статуи. Онъ прочелъ въ немъ свой приговоръ; наклонился, взялъ письмо изъ неподвижно протянутой къ нему руки и удалился молча.

Капитолина Марковна бросилась къ Татьянѣ; но та отклонила ее объятія и опустила глаза, краска распространилась по ея лицу, и съ словами: „ну, теперь скорѣе!“ она вернулась въ спальню; Капитолина Марковна послѣдовала за ней, повѣсивъ голову.

На письмѣ, врученномъ Литвинову Татьяной, стоялъ адресъ одной ея дрезденской пріятельницы, Нѣмки, которая отдавала въ наемъ небольшія меблированныя квартиры. Литвиновъ опустилъ письмо въ ящикъ, и ему показалось, что вмѣстѣ съ этимъ маленькимъ клочкомъ бумажки, онъ все свое прошедшее, всю жизнь свою опустилъ въ могилу. Онъ вышелъ за городъ и долго бродилъ по узкимъ тропинкамъ между виноградниками; онъ не могъ отбиться, какъ отъ жужжанія назойливой лѣтней мухи, отъ постояннаго ощущенія презрѣнія къ самому себѣ: ужь очень незавидную роль разыгралъ онъ въ этомъ послѣднемъ свиданіи.... А когда онъ вернулся въ гостинницу и спустя нѣсколько времени освѣдомился о своихъ дамахъ, ему отвѣчали, что онѣ тотчасъ послѣ его ухода велѣли отвезти себя на желѣзную дорогу и отправились съ почтовымъ поѣздомъ, неизвѣстно куда. Вещи ихъ были уложены и счеты уплачены съ утра. Татьяна попросила Литвинова отнести письмо на почту очевидно съ цѣлію удалить его. Онъ попытался спросить швейцара: не оставили ли эти дамы на его имя записку; но швейцаръ отвѣчалъ отрицательно и даже изумился; видно было, что и ему этотъ внезапный отъѣздъ съ нанятой за недѣлю квартиры казался сомнительнымъ и страннымъ. Литвиновъ повернулся къ нему спиной и заперся у себя въ комнатѣ.

Digitized by Google

Онъ не выходилъ изъ нея до слѣдующаго дня: бо́льшую часть ночи онъ просидѣлъ за столомъ, писалъ и рвалъ написанное.... Заря уже занималась, когда онъ окончилъ свою работу,—то было письмо къ Иринѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Вотъ что́ стояло въ этомъ письмѣ:

„Моя невѣста уѣхала вчера; мы съ ней никогда больше не увидимся.... я даже не знаю навѣрное, гдѣ она жить будетъ. Она унесла съ собою все, что́ мнѣ до сихъ поръ казалось желаннымъ и дорогимъ; всѣ мои предположенія, планы, намѣренія исчезли вмѣстѣ съ нею; самые труды мои пропали, продолжительная работа обратилась въ ничто, всѣ мои занятія не имѣютъ никакого смысла и примѣненія; все это умерло, мое я, мое прежнее я умерло и похоронено со вчерашняго дня. Я это ясно чувствую, вижу, знаю.... и нисколько объ этомъ не жалѣю. Не для того чтобы жаловаться, заговорилъ я объ этомъ съ тобою.... Мнѣ ли жаловаться, когда ты меня любишь, Ирина! Я только хотѣлъ сказать тебѣ, что изо всего этого мертваго прошедшаго, изо всѣхъ этихъ, въ дымъ и прахъ обратившихся начинаній и надеждъ, осталось одно живое, несокрушимое: моя любовь къ тебѣ. Кромѣ этой любви у меня ничего нѣтъ и не осталось; назвать ее моимъ единственнымъ сокровищемъ было бы недостаточно; я весь въ этой любви, эта любовь — весь я; въ ней мое будущее, мое призваніе, моя святыня, моя родина! Ты меня знаешь, Ирина, ты знаешь, что всякая фраза мнѣ чужда и противна, и какъ ни сильны слова, въ которыхъ я стараюсь выразить мое чувство, ты не заподозришь ихъ искренности, ты не найдешь ихъ преувеличенными. Не мальчикъ въ порывѣ минутнаго восторга лепечетъ передъ тобою необдуманныя клятвы, а человѣкъ уже испытанный лѣтами— просто и прямо, чуть не съ ужасомъ, высказываетъ то что́ онъ призналъ несомнѣнною правдой. Да, любовь твоя все для меня замѣнила — все, все! Суди же сама: могу ли я оставить это *все* въ рукахъ другаго, могу ли я позволить ему располагать тобою? Ты, ты будешь принадлежать ему, все существо мое, кровь моего сердца будетъ принадлежать ему— а я самъ.... гдѣ я? что́ я? Въ сторонѣ, зрителемъ.... зрителемъ собственной жизни! Нѣтъ, это невозможно, невозможно! Уча-ствовать, украдкой участвовать въ томъ, безъ чего не зачѣмъ, невозможно *дышать*.... это ложь и смерть. Я знаю, какой великой жертвы я требую отъ тебя, не имѣя на то никакого права, да и что́ можетъ дать право на жертву? Но не изъ эгоизма поступаю я такъ; эгоисту было бы легче и спокойнѣе не поднимать вовсе этого вопроса. Да, требованія мои тяжелы, и я не удивлюсь, если онѣ тебя испугаютъ. — Тебѣ

Digitized by Google

ненавистны люди, съ которыми ты жить должна, ты тяготишься свѣтомъ, но въ силахъ ли ты бросить этотъ самый свѣтъ, растоптать вѣнецъ, которымъ онъ тебя вѣнчалъ, возстановить противъ себя общественное мнѣніе, мнѣніе тѣхъ ненавистныхъ людей? Вопроси себя, Ирина, не бери на себя ношу не по плечамъ. — Я не хочу упрекать тебя, но помни: ты уже разъ не устояла противъ обаянія. Я такъ мало могу тебѣ дать въ замѣнъ того, что ты потеряешь! Слушай же мое послѣднее слово: если ты не чувствуешь себя въ состояніи завтра же, сегодня же все оставить и уйдти вслѣдъ за мною,—видишь, какъ я смѣло говорю, какъ я себя не жалѣю—если тебя страшитъ неизвѣстность будущаго и отчужденіе и одиночество и порицаніе людское, если ты не надѣешься на себя, однимъ словомъ: скажи мнѣ это откровенно и безотлагательно, и я уйду; я уйду съ растерзанною душею, но благословлю тебя за твою правду. Если же ты, моя прекрасная, лучезарная царица, дѣйствительно полюбила такого маленькаго и темнаго человѣка каковъ я, и дѣйствительно готова раздѣлить его участь,—ну такъ дай мнѣ руку, и отправимся вмѣстѣ въ нашъ трудный путь! Только знай: мое рѣшеніе несомнѣнно: или все или ничего! Это безумно.... но я не могу иначе, не могу, Ирина! Я слишкомъ сильно тебя люблю.

„Твой Г. Л.“

Письмо это не очень понравилось самому Литвинову; оно не совсѣмъ вѣрно и точно выражало то что онъ хотѣлъ сказать, неловкія выраженія, то высокопарныя, то книжныя, попадались въ немъ, и ужь конечно оно не было лучше многихъ другихъ имъ изорванныхъ писемъ; но оно пришлось послѣднимъ, главное все-таки было высказано—и усталый, измученный, Литвиновъ не чувствовалъ себя способнымъ извлечь что-нибудь другое изъ своей головы. Къ томужь онъ не обладалъ умѣніемъ литературно изложить всю мысль и, какъ всѣ люди, которымъ это не въ привычку, заботился о слогѣ. Первое его письмо было вѣроятно самымъ лучшимъ: оно горячѣе вылилось изъ сердца. Какъ бы то ни было, Литвиновъ отправилъ Иринѣ свое посланіе.

Она отвѣчала ему коротенькою запиской.

„Приходи сегодня ко мнѣ, писала она ему; *онъ* отлучился на цѣлый день. Твое письмо меня чрезвычайно взволновало. Я все думаю, думаю.... и голова кружится отъ думъ. Мнѣ очень тяжело, но ты меня любишь и я счастлива. Приходи.

Твоя И.“

Она сидѣла у себя въ кабинетѣ, когда Литвиновъ вошелъ къ ней. Его ввела та же тринадцати-лѣтняя дѣвочка, которая наканунѣ караулила его на лѣстницѣ. На столѣ передъ

Digitized by Google

Ириной стоялъ раскрытый, полукруглый картонъ съ кружевами; она разсѣянно перебирала ихъ одною рукой; въ другой она держала письмо Литвинова. Она только что перестала плакать: рѣсницы ея смокли и вѣки припухли; на щекахъ виднѣлись слѣды неотертыхъ слезъ. Литвиновъ остановился на порогѣ: она не замѣтила его входа.

— Ты плачешь? проговорилъ онъ съ изумленіемъ.

Она встрепенулась, провела рукой по волосамъ и улыбнулась.

— Отчего ты плачешь? повторилъ Литвиновъ. Она молча показала ему его письмо.—Такъ ты отъ этого.... промолвилъ онъ съ разстановкой.

— Подойди сюда, сядь, сказала она,—дай мнѣ руку. Ну да, я плакала.... чему же ты удивляешься? Развѣ *это* легко? Она опять указала на письмо.

Литвиновъ сѣлъ.

— Я знаю, что это не легко, Ирина, я то же самое говорю тебѣ въ моемъ письмѣ.... Я понимаю твое положеніе. Но если ты вѣришь въ значеніе твоей любви для меня, если слова мои тебя убѣдили, ты должна также понять что̀ я чувствую теперь при видѣ твоихъ слезъ. Я пришелъ сюда какъ подсудимый и жду: что̀ мнѣ объявятъ? Смерть или жизнь? Твой отвѣтъ все рѣшитъ. Только не гляди на меня такими глазами.... Они напоминаютъ мнѣ прежніе, московскіе глаза.

Ирина вдругъ покраснѣла и отвернулась, какъ будто сама чувствуя что-то неладное въ своемъ взорѣ.

— Что̀ ты это говоришь, Григорій? Какъ не стыдно тебѣ! Ты желаешь знать мой отвѣтъ.... какъ будто ты можешь въ немъ сомнѣваться! Тебя смущаютъ мои слезы.... но ты ихъ не понялъ. Твое письмо, другъ мой, навело меня на размышленія. Вотъ ты пишешь, что моя любовь для тебя все замѣнила, что даже всѣ твои прежнія занятія теперь должны остаться безъ примѣненія; а я спрашиваю себя, можетъ ли мущина жить одною любовью? не прискучитъ ли она ему наконецъ, не захочетъ ли онъ дѣятельности и не будетъ ли онъ пенять на то что̀ его отъ нея отвлекло? Вотъ какая мысль меня пугаетъ, вотъ чего я боюсь, а не то что̀ ты предполагалъ.

Литвиновъ внимательно поглядѣлъ на Ирину, и Ирина внимательно поглядѣла на него, точно каждый изъ нихъ желалъ глубже и дальше проникну... въ душу другаго, глубже и дальше того чего можетъ достигнуть, что̀ можетъ выдать слово.

Digitized by Google

— Ты напрасно этого боишься, началъ Литвиновъ—я должно быть дурно выразился.—Скука? Бездѣйствіе? При тѣхъ новыхъ силахъ, которыя мнѣ дастъ твоя любовь? О, Ирина, повѣрь, въ твоей любви для меня цѣлый міръ, и я самъ еще не могу теперь предвидѣть все что̀ можетъ развиться изъ него!

Ирина задумалась.—Куда же мы поѣдемъ? шепнула она.

— Куда? Объ этомъ мы еще поговоримъ. Но стало-быть... стало-быть, ты согласна? Согласна, Ирина?

Она посмотрѣла на него.—И ты будешь счастлива?

— О Ирина!

— Ни о чемъ жалѣть не будешь? Никогда?

Она нагнулась къ картону съ кружевами и снова принялась перебирать ихъ.—Не сердись на меня, мой милый, что я въ подобныя минуты занимаюсь этимъ вздоромъ.... Я принуждена ѣхать на балъ къ одной дамѣ, мнѣ прислали эти тряпки, и я должна выбрать сегодня. Ахъ! мнѣ ужасно тяжело! воскликнула она вдругъ, и прижалась лицомъ къ краю картона. Слезы снова закапали изъ ея глазъ.... Она отвернулась: слезы могли попасть на кружева.

— Ирина, ты опять плачешь, началъ съ безпокойствомъ Литвиновъ.

— Ну да, опять, похватила Ирина.—Ахъ Григорій, не мучь меня, не мучь себя!... Будемъ свободные люди! Что̀ за бѣда, что я плачу? Да и я сама, понимаю ли я, отчего льются эти слезы? Ты знаешь, ты слышалъ мое рѣшеніе, ты увѣренъ, что оно не измѣнится, что я согласна на.... какъ ты это сказалъ?... на все или ничего.... чего же еще? Будемъ свободны! Къ чему эти взаимныя цѣпи? Мы теперь одни съ тобою, ты меня любишь, я люблю тебя: неужели намъ только и дѣла, что выпытывать другъ у друга наши мнѣнія? Посмотри на меня: я не хотѣла рисоваться передъ тобою, я ни единымъ словомъ не намекнула о томъ, что мнѣ, можетъ-быть, не такъ-то легко было попрать супружескія обязанности... а я вѣдь себя не обманываю, я знаю, что я преступница, и что *онъ* въ правѣ меня убить. Ну и что̀ жь! Будемъ свободны, говорю я. День нашъ—вѣкъ нашъ.

Она встала съ кресла и посмотрѣла на Литвинова сверху внизъ, чуть чуть улыбаясь и щурясь и обнаженною до локтя рукою отводя отъ лица длинный локонъ, на которомъ блистали двѣ-три капли слезъ. Богатая кружевная косынка соскользнула со стола и упала на полъ, подъ ноги Ирины.

Digitized by Google

Она презрительно наступила на нее.—Или я тебѣ не нравлюсь сегодня? Подурнѣла я со вчерашняго дня? Скажи мнѣ, часто видалъ ты болѣе красивую руку? А эти волосы? Скажи, любишь ты меня?

Она обхватила его обѣими руками, прижала его голову къ своей груди, гребень ея зазвенѣлъ и покатился, и разсыпавшіеся волосы обдали его пахучею и мягкою волной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Литвиновъ расхаживалъ по комнатѣ у себя въ гостинницѣ, задумчиво потупивъ голову. Ему предстояло теперь перейдти отъ теоріи къ практикѣ, изыскать средства и пути къ побѣгу, къ переселенію въ невѣдомые края... Но, странное дѣло! онъ не столько размышлялъ объ этихъ средствахъ и путяхъ, какъ о томъ, дѣйствительно ли, несомнѣнно ли состоялось рѣшеніе, на которомъ онъ такъ упорно настаивалъ? Было ли произнесено окончательное, безповоротное слово? Но вѣдь Ирина сказала ему при прощаніи: „Дѣлай, дѣлай, и когда будетъ готово, предувѣдомь только.“ Кончено! Въ сторону всѣ сомнѣнія... Надо приступить. И Литвиновъ приступилъ—пока—къ соображеніямъ. Прежде всего деньги. У Литвинова на лицо оказалось тысяча триста двадцать восемь гульденовъ, на французскую монету двѣ тысячи восемь сотъ пятьдесятъ пять франковъ; сумма незначительная, но на первыя потребности хватитъ, а тамъ надо тотчасъ написать отцу, чтобъ онъ выслалъ елико возможно; продалъ бы лѣсъ, часть земли... Но подъ какимъ предлогомъ?.. Ну, предлогъ найдется. Ирина говорила, правда, о своихъ bijoux, но это никакъ въ соображеніе принимать не слѣдуетъ; это, кто знаетъ, про черный день пригодится. Притомъ въ наличности находится также хорошій женевскій полухронометръ, за который можно получить... ну хоть 400 франковъ. Литвиновъ отправился къ банкиру и завелъ обинякомъ рѣчь о томъ, что нельзя ли, при случаѣ, занять денегъ; но банкиры въ Баденѣ народъ травленый и осторожный, и въ отвѣтъ на подобные обиняки немедленно принимаютъ видъ преклонный и увялый, ни дать ни взять полевой цвѣтокъ, которому коса надрѣзала стебель; нѣкоторые же бодро и смѣло смѣются вамъ въ лицо, какъ бы сочувствуя вашей невинной шуткѣ. Литвиновъ, къ стыду своему, попыталъ даже счастье свое на рулеткѣ, даже—о позоръ!—поставилъ талеръ на

Digitized by Google

30 номеръ, соотвѣтствовавшій числу его лѣтъ. Онъ это с
лалъ въ видахъ увеличенія и округленія капитала; и онъ дѣйс
тельно, если не увеличилъ, то округлилъ этотъ капиталъ,
тивъ излишнія двадцать восемь гульденовъ. Второй во
тоже немаловажный: это паспортъ. Но для женщины п
не такъ обязателенъ, и есть страны, гдѣ его вовс
буютъ. Бельгія, напримѣръ, Англія; наконецъ мо
русскій паспортъ достать. Литвиновъ очень серіозно
мышлялъ обо всемъ этомъ, рѣшимость его была сильна
безъ малѣйшаго колебанія, а между тѣмъ, противъ его воли,
мимо его воли, что-то несеріозное, почти комическое проступало, просачивалось сквозь всѣ его размышленія, точно самое его предпріятіе было дѣломъ шуточнымъ и никто ни съ кѣмъ никогда не бѣгивалъ въ дѣйствительности, а только въ комедіяхъ да романахъ, да, пожалуй, гдѣ-нибудь въ провинціи, въ какомъ-нибудь Чухломскомъ или Сызранскомъ уѣздѣ, гдѣ, по увѣренію одного путешественника, людей со скуки даже рветъ подъ часъ. Пришло тутъ Литвинову на память, какъ одинъ изъ его пріятелей, отставной корнетъ Бацовъ, увезъ на ямской тройкѣ съ бубенчиками купеческую дочь, напоивъ предварительно родителей, да и самое невѣсту, и какъ потомъ оказалось, что его же надули и чуть ли не приколотили въ добавокъ. Литвиновъ чрезвычайно сердился на самого себя за подобныя неумѣстныя воспоминанія, и тутъ же вспомнивъ Татьяну, ея внезапный отъѣздъ, все это горе и страданіе и стыдъ, слишкомъ глубоко почувствовалъ, что дѣло онъ затѣялъ нешуточное, и какъ онъ былъ правъ, когда говорилъ Иринѣ, что для самой его чести другаго исхода не оставалось... И снова, при одномъ этомъ имени что-то жгучее мгновенно, съ сладостной болью, обвилось и замерло вокругъ его сердца.

Конскій топотъ раздался за нимъ... Онъ посторонился... Ирина верхомъ обогнала его; рядомъ съ нею ѣхалъ тучный генералъ. Она узнала Литвинова, кивнула ему головой, и ударивъ лошадь по боку хлыстикомъ, подняла ее въ галопъ, потомъ вдругъ пустила ее во всю прыть. Темный вуаль ея взвился по вѣтру... „Pas si vite! Nom de Dieu! pas si vite!“ закричалъ генералъ и тоже поскакалъ за нею.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

На другое утро Литвиновъ только что возвратился домой отъ банкира, съ которымъ еще разъ побесѣдовалъ объ ин-

Digitized by Google

ривомъ непостоянствѣ нашего курса и лучшемъ способѣ высылать за границу деньги, какъ швейцаръ вручилъ ему письмо. Онъ узналъ почеркъ Ирины, и не срывая печати,— недоброе предчувствіе, Богъ знаетъ, почему проснулось въ немъ, — ушелъ къ себѣ въ комнату. Вотъ что прочелъ онъ (письмо было написано по-французски):

„Милый мой! я всю ночь думала о твоемъ предложеніи... я не стану съ тобой лукавить. Ты былъ откровененъ со мною, и я буду откровенна: я не *могу* бѣжать съ тобою, я не *въ силахъ* это сдѣлать. Я чувствую какъ я передъ тобою виновата,—вторая моя вина еще больше первой—я презираю себя, свое малодушіе, я осыпаю себя упреками, но я не могу себя перемѣнить. Напрасно я доказываю самой себѣ, что я разрушила твое счастіе, что ты теперь точно въ правѣ видѣть во мнѣ одну легкомысленную кокетку, что я сама вызвалась, сама дала тебѣ торжественныя обѣщанія... Я ужасаюсь, я чувствую ненависть къ себѣ, но я не могу поступать иначе, не могу, не могу. Я не хочу оправдываться, не стану говорить тебѣ, что я сама была увлечена... все это ничего не значитъ; но я хочу сказать тебѣ и повторить, и повторить еще разъ: я твоя, твоя навсегда, располагай мною какъ хочешь, когда хочешь, безотвѣтно и безотчетно, я твоя... Но бѣжать, все бросить... нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я умоляла тебя спасти меня, я сама надѣялась все изгладить, сжечь все какъ въ огнѣ... но видно мнѣ нѣтъ спасенія, видно ядъ слишкомъ глубоко проникъ въ меня, видно нельзя безнаказанно въ теченіе многихъ лѣтъ дышать этимъ воздухомъ! Я долго колебалась, писать ли тебѣ это письмо, мнѣ страшно подумать, какое ты примешь рѣшеніе, я надѣюсь только на любовь твою ко мнѣ. Но я сочла, что было бы безчестнымъ съ моей стороны не сказать тебѣ правды—тѣмъ болѣе, что ты, быть-можетъ, уже началъ принимать первыя мѣры къ исполненію нашего замысла. Ахъ! онъ былъ прекраснъ, но несбыточенъ. О мой другъ, считай меня пустою, слабою женщиной, презирай меня, но не покидай меня, не покидай твоей Ирины!... Оставить этотъ свѣтъ я не въ силахъ, но и жить въ немъ безъ тебя не могу. Мы скоро вернемся въ Петербургъ, пріѣзжай туда, живи тамъ, мы найдемъ тебѣ занятія, твои прошедшіе труды не пропадутъ, ты найдешь для нихъ полезное примѣненіе... только живи въ моей близости, только люби меня, какова я есть, со всѣми моими слабостями и пороками, и знай, что ни чье сердце никогда не будетъ такъ нѣжно тебѣ предано, какъ сердце твоей Ирины. Приходи скорѣе ко мнѣ, я не буду имѣть минуты спокойствія, пока я тебя не увижу.

„Твоя, твоя, твоя, И.“

Молотомъ ударила кровь въ голову Литвинова, а потомъ медленно и тяжело опустилась на сердце и такъ камнемъ въ немъ и застыла. Онъ перечелъ письмо Ирины и, какъ въ тотъ

Digitized by Google

разъ въ Москвѣ, въ изнеможеніи упалъ на диванъ и остался неподвижнымъ. Темная бездна внезапно обступила его со всѣхъ сторонъ, и онъ глядѣлъ въ эту темноту безсмысленно и отчаянно. Итакъ опять, опять обманъ, или нѣтъ, хуже обмана—ложь и пошлость... И жизнь разбита, все вырвано съ корнемъ, до тла, и то единственное, за которое еще можно было ухватиться—та послѣдняя опора—въ дребезги тоже! „Поѣзжай за нами въ Петербургъ, повторялъ онъ съ горькимъ внутреннимъ хохотомъ: мы тамъ тебѣ найдемъ занятія. И кто эти „мы“? Вотъ когда сказалось ея прошедшее! Вотъ то тайное, безобразное, котораго я не знаю, но которое она пыталось было изгладить и сжечь какъ бы въ огнѣ! Вотъ тотъ міръ интригъ, тайныхъ отношеній, исторій Бѣльскихъ, Дольскихъ... И какая будущность, какая прекрасная роль меня ожидаетъ! Жить въ ея близости, посѣщать ее, дѣлить съ ней развращенную меланхолію модной дамы, которая и тяготится и скучаетъ свѣтомъ, а внѣ его круга существовать не можетъ, быть домашнимъ другомъ ея, и разумѣется, его превосходительства.... пока.... пока минетъ капризъ и пріятель плебей потеряетъ свою пикантность, и тотъ же тучный генералъ или господинъ Финиковъ его замѣнитъ, — вотъ это возможно и пріятно и, пожалуй, полезно.... говоритъ же она о полезномъ примѣненіи моихъ „талантовъ!“—а тотъ „умыселъ“ несбыточенъ! несбыточенъ... Въ душѣ Литвинова поднимались, какъ мгновенные удары вѣтра передъ грозой, внезапные, бѣшеные порывы... Каждое выраженіе въ письмѣ Ирины возбуждало его негодованіе, самыя увѣренія ея въ неизмѣнности ея чувства оскорбляли его. „Этого нельзя такъ оставить, воскликнулъ онъ наконецъ, я не позволю ей такъ безжалостно играть моею жизнію“....

Литвиновъ вскочилъ, схватилъ шляпу. Но что было дѣлать? Бѣжать къ ней? Отвѣчать на ея письмо? Онъ остановился и опустилъ руки.

....Да; что было дѣлать?

Не самъ ли онъ предложилъ ей тотъ роковой выборъ? Онъ выпалъ не такъ какъ ему хотѣлось.... всякій выборъ подверженъ этой бѣдѣ. Она измѣнила свое рѣшеніе, правда; она сама, первая, объявила что броситъ все и послѣдуетъ за нимъ, правда и то: но она и не отрицаетъ своей вины, она прямо называетъ себя слабою женщиной; она не хотѣла обмануть его, она сама въ себѣ обманулась.... Что на это воз

Digitized by Google

разить? По крайней мѣрѣ она не притворяется, не лукавитъ.... она откровенна съ нимъ, безпощадно откровенна. Ничто не заставляло ее тотчасъ высказываться, ничто не мѣшало ей успокоивать его обѣщаніями, оттягивать и оставлять все въ неизвѣстности до самаго отъѣзда.... до отъѣзда съ мужемъ въ Италію! Но она жизнь его загубила, она двѣ жизни загубила!... Мало ли чего нѣтъ!

А передъ Татьяной виновата не она, виноватъ онъ, одинъ онъ, Литвиновъ, и не имѣетъ онъ права стряхивать съ себя ту отвѣтственность, которую желѣзнымъ ярмомъ на него наложила его вина.... Все такъ; но что теперь оставалось дѣлать?

Онъ снова бросился на диванъ, и снова темно и глухо и безслѣдно, съ пожирающею быстротой, побѣжали мгновенія....

„А не то послушаться ея? мелькнуло въ его головѣ. Она меня любитъ, она моя, и въ самомъ нашемъ влеченіи другъ къ другу, въ этой страсти, которая, послѣ стольких лѣтъ, съ такою силой пробилась и вырвалась наружу, нѣтъ ли чего-то неизбѣжнаго, неотразимаго какъ законъ природы? Жить въ Петербургѣ.... да развѣ я первый буду находиться въ такомъ положеніи? Да и гдѣ бы мы пріютились съ ней?..."

И онъ задумался, и образъ Ирины въ томъ видѣ, въ какомъ онъ на вѣкъ напечатлѣлся въ его послѣднихъ воспоминаніяхъ, тихо предсталъ передъ нимъ....

Но не надолго.... Онъ опомнился и съ новымъ порывомъ негодованія оттолкнулъ прочь отъ себя и тѣ воспоминанія, и тотъ обаятельный образъ. „Ты мнѣ даешь пить изъ золотой чаши, воскликнулъ онъ, но ядъ въ твоемъ питьѣ и грязью осквернены твои бѣлыя крылья.... Прочь! Оставаться здѣсь съ тобою, послѣ того какъ я.... прогналъ, прогналъ мою невѣсту.... безчестное, безчестное дѣло!" Онъ стиснулъ горестно руки, и другое лицо, съ печатью страданья на неподвижныхъ чертахъ, съ безмолвнымъ укоромъ въ прощальномъ взорѣ, возникло изъ глубины....

И долго такъ еще мучился Литвиновъ; долго, какъ трудный больной, металась изъ стороны въ сторону его истерзанная мысль.... Онъ утихъ, наконецъ; онъ наконецъ рѣшился. Съ самой первой минуты онъ предчувствовалъ это рѣшеніе.... оно явилось ему сначала какъ отдаленная, едва замѣтная точка среди вихря и мрака внутренней борьбы; потомъ оно стало надвигаться все ближе и ближе, и кончило тѣмъ, что врѣзалось холоднымъ лезвіемъ въ его сердце.

Digitized by Google

Литвиновъ снова вытащилъ свой чемоданъ изъ угла, снова уложилъ, не торопясь и даже съ какою-то тупою заботливостью, всѣ свои вещи, позвонилъ кельнера, расплатился и отправилъ къ Иринѣ записку на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

„Не знаю, больше ли вы теперь передо мной виноваты, чѣмъ тогда; но знаю, что теперешній ударъ гораздо сильнѣе.... Это конецъ. Вы мнѣ говорите: я не могу; и я вамъ повторяю тоже: я не могу.... того что̀ вы хотите. Не могу и не хочу. Не отвѣчайте мнѣ. Вы не въ состояніи дать мнѣ единственный отвѣтъ, который я бы принялъ. Я уѣзжаю завтра рано съ первымъ поѣздомъ. Прощайте, будьте счастливы.... Мы, вѣроятно, больше не увидимся."

Литвиновъ до самой ночи не выходилъ изъ своей комнаты; ждалъ ли онъ чего, Богъ вѣдаетъ! Около семи часовъ вечера дама въ черной мантиліи, съ вуалемъ на лицѣ, два раза подходила къ крыльцу его гостинницы. Отойдя немного въ сторону и поглядѣвъ куда-то въ даль, она вдругъ сдѣлала рѣшительное движеніе рукой и въ третій разъ направилась къ крыльцу....

— Куда вы, Ирина Павловна? раздался сзади ея чей-то напряженный голосъ.

Она обернулась съ судорожною быстротой.... Потугинъ бѣжалъ къ ней.

Она остановилась, подумала и такъ и бросилась къ нему, взяла его подъ руку и увлекла въ сторону.

— Уведите, уведите меня, твердила она задыхаясь.

— Что̀ съ вами, Ирина Павловна? пробормоталъ онъ, изумленный.

— Уведите меня, повторила она съ удвоенною силой,—если вы не хотите, чтобъ я навсегда осталась... тамъ!

Потугинъ наклонилъ покорно голову, и оба поспѣшно удалились.

На слѣдующее утро, рано, — Литвиновъ уже совсѣмъ собрался въ дорогу, — въ комнату къ нему вошелъ Потугинъ.

Онъ молча приблизился къ нему и молча пожалъ ему руку. Литвиновъ тоже ничего не сказалъ. У обоихъ были длинныя лица, и оба напрасно старались улыбнуться.

— Я пришелъ пожелать вамъ счастливаго пути, промолвилъ наконецъ Потугинъ.

— А почему вы знаете, что я уѣзжаю сегодня? спросилъ Литвиновъ.

Digitized by Google

Потугинъ поглядѣлъ вокругъ себя по полу.... — Мнѣ это стало извѣстнымъ.... какъ видите. Нашъ послѣдній разговоръ получилъ подъ конецъ такое странное направленіе.... Я не хотѣлъ разстаться съ вами, не выразивъ вамъ моего искренняго сочувствія.

— Вы сочувствуете мнѣ теперь.... когда я уѣзжаю?

Потугинъ печально посмотрѣлъ на Литвинова. — Эхъ, Григорій Михайлычъ, Григорій Михайлычъ, началъ онъ съ короткимъ вздохомъ,—не до того намъ теперь, не до тонкостей и препираній. Вы вотъ, сколько я могъ замѣтить, довольно равнодушны къ родной словесности и потому, быть-можетъ, не имѣете понятія о Васькѣ Буслаевѣ?

— О комъ?

— О Васькѣ Буслаевѣ, новгородскомъ удальцѣ.... въ сборникѣ Кирши Данилова.

— Какой Буслаевъ? промолвилъ Литвиновъ, нѣсколько озадаченный такимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи.—Я не знаю.

— Ну все равно. Такъ вотъ я на что хотѣлъ обратить ваше вниманіе. Васька Буслаевъ, послѣ того какъ увлекъ своихъ Новгородцевъ на богомолье въ Ерусалимъ и тамъ къ ужасу ихъ, выкупался нагимъ тѣломъ въ святой рѣкѣ Іорданѣ, ибо не вѣритъ „ни въ чохъ, ни въ сонъ, ни въ птичій грай“; этотъ логическій Васька Буслаевъ взлѣзаетъ на гору Ѳаворъ, а на вершинѣ той горы лежитъ большой камень, черезъ который всякаго роду люди напрасно пытались перескочить.... Васька хочетъ тоже свое счастье извѣдать. И попадается ему на дорогѣ мертвая голова, человѣчья кость; онъ пихаетъ ее ногой. Ну и говоритъ ему голова: „Что ты пихаешься? Умѣлъ я жить, умѣю и въ пыли валяться—и тебѣ то же будетъ.“ И точно: Васька прыгаетъ черезъ камень и совсѣмъ было перескочилъ да каблучкомъ задѣлъ и голову себѣ сломилъ. И тутъ я кстати долженъ замѣтить, что друзьямъ моимъ славянофиламъ, великимъ охотникамъ пихать ногою всякія мертвыя головы да гнилые народы, не худо бы призадуматься надъ этою былиной.

— Да къ чему все это? перебилъ наконецъ съ нетерпѣньемъ Литвиновъ.—Мнѣ пора, извините....

— А къ тому, отвѣчалъ Потугинъ, и глаза его засвѣтились такимъ дружелюбнымъ чувствомъ, какого Литвиновъ даже не ожидалъ отъ него,—къ тому, что вотъ вы не отталкиваете мертвой человѣчьей головы и вамъ, быть-можетъ,

Digitized by Google

за вашу доброту и удастся перескочить черезъ роковый камень. Не стану я васъ больше удерживать, только вы позвольте обнять васъ на прощанье.

— Я и пытаться не буду прыгать, промолвилъ Литвиновъ, троекратно цѣлуясь съ Потугинымъ, и къ скорбнымъ ощущеніямъ, переполнявшимъ его душу, примѣшалось на мигъ сожалѣніе объ одинокомъ горемыкѣ. Но надо ѣхать, ѣхать.... Онъ заметался по комнатѣ.

— Хотите, я вамъ понесу что-нибудь? предложилъ свои услуги Потугинъ.

— Нѣтъ, благодарствуйте, не безпокойтесь, я самъ.... Онъ надѣлъ шапку, взялъ въ руки мѣшокъ.—И такъ вы говорите, спросилъ онъ, уже стоя на порогѣ:—вы видѣли ее?

— Да, видѣлъ.

— Ну.... и что же она?

Потугинъ помолчалъ. — Она васъ ждала вчера.... и сегодня ждать васъ будетъ.

— А! Ну такъ скажите ей.... Нѣтъ, не нужно, ничего не нужно. Прощайте.... Прощайте!

Литвиновъ бѣгомъ спустился съ лѣстницы, бросился въ карету и доѣхалъ до желѣзной дороги, не оглянувшись ни разу на городъ, гдѣ осталось столько его собственной жизни.... Онъ какъ будто отдался волнѣ: она подхватила его, понесла и онъ твердо рѣшился не противиться ея влеченію.... всякаго другаго изъявленія воли онъ отказался.

Онъ уже садился въ вагонъ....

— Григорій Михайловичъ.... Григорій.... послышался за его спиной умоляющій шепотъ.

Онъ вздрогнулъ... Неужели Ирина? Точно: она. Закутанная въ шаль своей горничной, съ дорожною шляпой на неубранныхъ волосахъ, она стоитъ на платформѣ и глядитъ на него померкшими глазами. Вернись, вернись, я пришла за тобой, говорятъ эти глаза. И чего, чего не сулятъ они! Она не движется, не въ силахъ прибавить слово; все въ ней, самый безпорядокъ ея одежды, все какъ бы проситъ пощады....

Литвиновъ едва устоялъ на ногахъ, едва не бросился къ ней.... Но та волна, которой онъ отдался, взяла свое... Онъ вскочилъ въ вагонъ и обернувшись, указалъ Иринѣ на мѣсто возлѣ себя. Она поняла его. Время еще не ушло. Одинъ только шагъ, одно движеніе, и умчались бы въ невѣдомую даль двѣ навсегда соединенныя жизни.... Пока она колебалась, раздался громкій свистъ, и поѣздъ двинулся.

Digitized by Google

Литвиновъ откинулся назадъ, а Ирина подошла, шатаясь, къ скамейкѣ и упала на нее, къ великому изумленію заштатнаго дипломата, случайно забредшаго на желѣзную дорогу. Онъ мало былъ знакомъ съ Ириной, но очень ею интересовался, и увидавъ, что она лежитъ какъ въ забытьи, подумалъ, что съ ней случилась „une attaque de nerfs“, а потому счелъ своимъ долгомъ, долгомъ d'un galant chevalier—придти ей на помощь. Но изумленіе его приняло гораздо большіе размѣры, когда при первомъ словѣ къ ней обращенномъ она вдругъ поднялась, оттолкнула предложенную руку, и выбѣжавъ на улицу, черезъ нѣсколько мгновеній исчезла въ молочной мглѣ тумана, столь свойственнаго швариальдскому климату въ первые осенніе дни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Намъ случилось однажды войдти въ избу крестьянки, только что потерявшей единственнаго, горячо любимаго сына, и къ немалому нашему удивленію, найдти ее совершенно спокойною, чуть не веселою.—„Не замайте“, сказалъ ея мужъ, отъ котораго, вѣроятно, не скрылось это удивленіе: „она теперь закостенѣла.“—И Литвиновъ такъ же „закостенѣлъ“. Такое же спокойствіе нашло на него въ первые часы его путешествія. Совершенно уничтоженный и безнадежно несчастный, онъ однако отдыхалъ; отдыхалъ послѣ тревогъ и терзаній послѣдней недѣли, послѣ всѣхъ этихъ ударовъ, разъ за разомъ обрушившихся на его голову. Они тѣмъ сильнѣе его потрясли, чѣмъ менѣе онъ былъ созданъ для подобныхъ бурь. Онъ ужъ точно ни на что не надѣялся теперь, и старался не вспоминать—пуще всего не вспоминать; онъ ѣхалъ въ Россію.... надо же было куда-нибудь дѣваться! но уже никакихъ, лично до собственной особы касающихся, предположеній не дѣлалъ. Онъ не узнавалъ себя; онъ не понималъ своихъ поступковъ, точно онъ свое настоящее „я“ утратилъ, да и вообще онъ въ этомъ „я“ мало принималъ участія. Иногда ему сдавалось, что онъ собственный трупъ везетъ, и лишь пробѣгавшія изрѣдка горькія судороги неизлѣчимой душевной боли напоминали ему, что онъ еще носится съ жизнью. По временамъ ему казалось непостижимымъ, какимъ образомъ можетъ муцина—муцина!—допустить такое вліяніе на себя женщины, любви.... Постыдная слабость! шептилъ онъ и встряхивалъ шинедью и плотнѣе усаживался: вотъ дескать старое кончено, начнемъ новое...—минута, и онъ только уды-

Digitized by Google

бался горько и дивился самому себѣ. Онъ принялся глядѣть въ окно. День стоялъ сѣрый и сырой; дождя не было, но туманъ еще держался, и низкія облака заволокли все небо. Вѣтеръ дулъ на встрѣчу поѣзду; бѣловатые клубы пара, то одни, то смѣшанные съ другими болѣе темными клубами дыма, мчались безконечною вереницей мимо окна, подъ которымъ сидѣлъ Литвиновъ. Онъ сталъ слѣдить за этимъ паромъ, за этимъ дымомъ. Безпрерывно взвиваясь, поднимаясь и падая, крутясь и цѣпляясь за траву, за кусты, какъ бы кривляясь, вытягиваясь и тая, неслись клубы за клубами: они непрестанно мѣнялись и оставались тѣ же.... однообразная, торопливая, скучная игра! Иногда вѣтеръ мѣнялся, дорога уклонялась:— вся масса вдругъ исчезала и тотчасъ же виднѣлась въ противоположномъ окнѣ; потомъ опять перебрасывался громадный хвостъ, и опять застилалъ Литвинову видъ широкой, прирейнской равнины. Онъ глядѣлъ-глядѣлъ, и странное напало на него размышленіе.... Онъ сидѣлъ одинъ въ вагонѣ: никто не мѣшалъ ему.—„Дымъ, дымъ“ повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь—все людское, особенно все русское. Все дымъ и паръ, думалъ онъ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все тоже да тоже; все торопится, спѣшитъ куда-то— и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ—и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная—и ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что̀ съ громомъ и трескомъ совершалось на его глазахъ въ послѣдніе годы... дымъ, шепталъ онъ, дымъ; вспомнились горячіе споры, толки и крики у Губарева, у другихъ, высоко и низко-поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей.... дымъ, повторялъ онъ, дымъ и паръ; вспомнился, наконецъ, и знаменитый никникъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи другихъ государственныхъ людей—и даже все то, что̀ проповѣдывалъ Потугинъ.... дымъ, дымъ и больше ничего. А собственныя стремленія и чувства и попытки и мечтанія?... Онъ только рукой махнулъ. А между тѣмъ поѣздъ бѣжалъ да бѣжалъ; уже давно и Раштадтъ и Карлсруэ и Брухзаль остались назади; горы съ правой стороны дороги сперва отклонились, ушли въ даль, потомъ надвинулись опять, но уже не столь высокія и рѣже покрытыя лѣсомъ.... Поѣздъ круто повернулъ въ сторону... вотъ и Гейдельбергъ. Вагоны подкатились подъ навѣсъ станціи;

Digitized by Google

раздались крики разносчиковъ, продающихъ всякіе, даже русскіе журналы; путешественники завозились на своихъ мѣстахъ, вышли на платформу; но Литвиновъ не покидалъ своего уголка и продолжалъ сидѣть, потупивъ голову. Вдругъ кто-то назвалъ его по имени; онъ поднялъ глаза: рожа Бинасова просунулась въ окно, а за нимъ—или это ему только померещилось?—нѣтъ, точно: все баденскія, знакомыя лица: вотъ Суханчикова, вотъ Воротиловъ, вотъ и Бамбаевъ; всѣ они подвигаются къ нему—а Бинасовъ оретъ: „А гдѣ же Пицалкинъ? Мы его ждали; но все равно; вылѣзай, сосюля, мы всѣ къ Губареву....“ „Да, братецъ, да, Губаревъ насъ ждетъ,“ подтвердилъ, выдвигаясь, Бамбаевъ „вылѣзай.“ Литвиновъ разсердился бы, еслибъ не то мертвое бремя, которое лежало у него на сердцѣ. Онъ глянулъ на Бинасова и отвернулся молча. „Говорятъ вамъ, здѣсь Губаревъ,“ воскликнула Суханчикова, и глаза ея чуть не выскочили. Литвиновъ не пошевелился. „Да, послушай, Литвиновъ“, заговорилъ наконецъ, Бамбаевъ: „здѣсь не одинъ только Губаревъ, здѣсь цѣлая фаланга отличнѣйшихъ, умнѣйшихъ молодыхъ людей, Русскихъ—и всѣ занимаются естественными науками, всѣ съ такими благороднѣйшими убѣжденіями! Помилуй, ты для нихъ хоть останься. Здѣсь есть, напримѣръ, нѣкто.... эхъ! фамилію забылъ! но это, просто, геній!“

— Да бросьте его, бросьте его, Ростилавъ Ардаліонычъ, вмѣшалась Суханчикова, бросьте! Вы видите, что онъ за человѣкъ; и весь его родъ такой. Тетка у него есть; сначала мнѣ показалась путною, а третьяго дня ѣду я съ ней сюда,—она передъ тѣмъ только что пріѣхала въ Баденъ—и глядь! ужь назадъ летитъ—ну-съ, ѣду я съ ней, стала ее разспрашивать.... Повѣрите ли, слова отъ гордячки не добилась. Аристократка противная!

Бѣдная Капитолина Марковна! — Аристократка! Ожидала ли она подобнаго посрамленія?!

А Литвиновъ все молчалъ и отвернулся и фуражку на глаза надвигалъ. Поѣздъ тронулся наконецъ.

— Да скажи хоть что-нибудь на прощанье, каменный ты человѣкъ! закричалъ Бинасовъ. — Эдакъ вѣдь нельзя!

„Дрянь! колпакъ!“ завопилъ Бинасовъ. Вагоны катились все шибче и шибче, и онъ могъ безнаказанно ругаться. „Скряга! слизнякъ! каплюжникъ!!“ Изобрѣлъ ли Бинасовъ на мѣстѣ это послѣднее наименованіе, перешло ли оно къ нему изъ другихъ рукъ, только оно, повидимому, очень понравилось двумъ тутъ

же стоявшимъ благороднѣйшимъ молодымъ людямъ, изучавшимъ естественныя науки, ибо нѣсколько дней спустя оно уже появилось въ русскомъ періодическомъ листкѣ, издававшемся въ то время въ Гейдельбергѣ подъ заглавіемъ: *A tout venant je crache* или „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.“ *

А Литвиновъ опять затвердилъ свое прежнее слово: дымъ, дымъ, дымъ. Вотъ, думалъ онъ, въ Гейдельбергѣ теперь болѣе сотни русскихъ студентовъ; всѣ учатся химіи, физикѣ, физіологіи, ни о чемъ другомъ и слышать не хотятъ.... а пройдетъ пять-шесть лѣтъ, и пятнадцати человѣкъ на курсахъ не будетъ у тѣхъ же знаменитыхъ профессоровъ.... Вѣтеръ перемѣнится, дымъ хлынетъ въ другую сторону... дымъ... дымъ... дымъ! **

Къ ночи онъ проѣхалъ мимо Касселя. Вмѣстѣ съ темнотой, тоска несносная коршуномъ на него спустилась, и онъ заплакалъ, забившись въ уголъ вагона. Долго текли его слезы, не облегчая сердца, но какъ-то ѣдко и горестно терзая его; а въ то же время въ одной изъ гостинницъ Касселя, на постели, въ жару горячки лежала Татьяна; Капитолина Марковна сидѣла возлѣ нея.

— Таня, говорила она,—ради Бога, позволь мнѣ послать телеграмму къ Григорію Михайловичу, позволь, Таня.

— Нѣтъ, тетя, отвѣчала она,—не надо, не пугайся. Дай мнѣ воды; это скоро пройдетъ.

И дѣйствительно, недѣлю спустя здоровье ея поправилось, и обѣ подруги продолжали свое путешествіе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Не останавливаясь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, Литвиновъ вернулся въ свое помѣстье. Онъ испугался, увидавъ отца: до того тотъ похилѣлъ и опустился. Старикъ обрадовался сыну, на сколько можетъ радоваться человѣкъ, уже покончившій съ жизнью; тотчасъ сдалъ ему всѣ, сильно разстроенныя дѣла и, проскрипѣвъ еще нѣсколько недѣль, сошелъ съ земнаго поприща. Литвиновъ остался одинъ въ своемъ ветхомъ господскомъ флигелькѣ и съ тяжелымъ сердцемъ, безъ надежды, безъ рвенія и безъ дѣла, началъ хозяйничать. Хозяйничанье въ Россіи невеселое, слишкомъ мно-

* Историческій фактъ.

** Предчувствія Литвинова сбылись. Въ 1866 году было въ Гейдельбергѣ учащихся Русскихъ въ лѣтній семестръ 13, въ зимній 12.

Digitized by Google

гимъ извѣстное дѣло; мы не станемъ распространяться о томъ, какъ сильно оно показалось Литвинову. О преобразованіяхъ и нововведеніяхъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи; примѣненіе пріобрѣтенныхъ за границею свѣдѣній отодвинулось на неопредѣленное время; нужда заставляла перебиваться со дня-на-день, соглашаться на всякія уступки—и вещественныя и нравственныя. Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое царское слово: „свобода“, носилось какъ Божій духъ надъ водами. Терпѣніе требовалось прежде всего и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое, не безъ сноровки, не безъ хитрости подъ часъ.... Литвинову, при душевномъ его настроеніи, приходилось вдвойнѣ тяжело. Охоты жить въ немъ оставалось мало.... Откуда же было взяться охотѣ хлопотать и работать?

Но минулъ годъ, за нимъ минулъ другой, начинался третій. Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила въ кровь и плоть: выступалъ ростокъ изъ брошеннаго сѣмени, и уже не растоптать его врагамъ—ни явнымъ, ни тайнымъ. Самъ Литвиновъ, хотя кончилъ тѣмъ, что отдалъ большую часть земли крестьянамъ изъ-полу, то-есть обратился къ убогому, первобытному хозяйству, однако кой въ чемъ успѣлъ: возобновилъ фабрику, завелъ крошечную ферму съ пятью вольнонаемными работниками, — перебывало ихъ у него цѣлыхъ сорокъ,—расплатился съ главными частными долгами.... И духъ въ немъ окрѣпъ: онъ снова сталъ походить на прежняго Литвинова. Правда, грустное, глубоко затаенное чувство не покидало его никогда и затихъ онъ не по лѣтамъ, замкнулся въ свой тѣсный кружокъ, прекратилъ всѣ прежнія сношенія.... но исчезло мертвенное равнодушіе, и среди живыхъ онъ снова двигался и дѣйствовалъ какъ живой. Исчезли также и послѣдніе слѣды овладѣвшаго имъ очарованія: какъ сквозь сонъ являлось ему все что произошло въ Баденѣ.... А Ирина.... И она поблѣднѣла и скрылась тоже, и только смутно чуялось Литвинову что-то опасное подъ туманомъ, постепенно окутавшимъ ея образъ. О Татьянѣ изрѣдка доходили вѣсти; онъ зналъ, что она вмѣстѣ съ своею теткой поселилась въ своемъ имѣньицѣ, верстахъ въ двухъ стахъ отъ него, живетъ тихо, мало выѣзжаетъ и почти не принимаетъ гостей, — а впрочемъ покойна и здорова. Вотъ однажды въ прекрасный майскій день сидѣлъ онъ у себя въ кабинетѣ и

безучастно перелистывалъ послѣдній нумеръ петербургскаго журнала; слуга вошелъ къ нему и доложилъ о пріѣздѣ старика дяди. Дядя этотъ доводился двоюроднымъ братомъ Капитолины Марковны и недавно посѣтилъ ее. Онъ купилъ имѣніе по сосѣдству Литвинова и пробирался туда. Цѣлыя сутки погостилъ онъ у своего племянника и много разказывалъ о житьѣ-бытьѣ Татьяны. На другой день послѣ его отъѣзда, Литвиновъ отправилъ къ ней письмо, первое послѣ ихъ разлуки. Онъ просилъ позволенія возобновить хотя письменное знакомство и также желалъ знать, навсегда ли онъ долженъ покинуть мысль — когда-нибудь съ ней увидѣться? Не безъ волненія ожидалъ онъ отвѣта.... отвѣтъ пришелъ наконецъ. Татьяна дружелюбно откликнулась на его запросъ. „Если вамъ вздумается насъ посѣтить“, такъ кончала она,— „милости просимъ, пріѣзжайте: говорятъ, даже больнымъ „легче вмѣстѣ чѣмъ порознь“. Капитолина Марковна присоединяла свой поклонъ. Какъ дитя обрадовался Литвиновъ; уже давно и ни отъ чего такъ весело не билось его сердце. И легко ему стало вдругъ, и свѣтло.... Такъ точно, когда солнце встаетъ и разгоняетъ темноту ночи, легкій вѣтерокъ бѣжитъ вмѣстѣ съ солнечными лучами по лицу воскреснувшей земли. Весь этотъ день Литвиновъ все посмѣивался, даже когда обходилъ свое хозяйство и отдавалъ приказанія. Онъ тотчасъ сталъ снаряжаться въ дорогу, а двѣ недѣли спустя онъ уже ѣхалъ къ Татьянѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

(и послѣдняя).

Ѣхалъ онъ довольно медленно, проселками, безъ особенныхъ приключеній: разъ только шина лопнула на заднемъ колесѣ; кузнецъ ее сваривалъ-сваривалъ, обругалъ и ее и себя, да такъ и бросилъ; къ счастью оказалось, что и съ лопнувшею шиной можно у насъ прекрасно путешествовать, особенно по „мякенькому“, то-есть по грязи. За то съ Литвиновымъ произошли двѣ-три довольно любопытныя встрѣчи. На одной станціи онъ засталъ мировой съѣздъ и въ чертѣ его Пищалкина, который произвелъ на него впечатлѣніе Солона или Соломона: такою возвышенною мудростью дышали его рѣчи, съ такимъ безграничнымъ уваженіемъ относились къ нему и помѣщики, и крестьяне.... И по наружности Пищалкинъ сталъ походить на древняго мудреца: волосы его на

темени вылѣзли, а пополнѣвшее лицо совершенно застыло въ какое-то величавое желѣ уже ничѣмъ необузданной добродѣтели. Онъ поздравилъ Литвинова съ прибытіемъ „въ мой—если смѣю употребить такое амбиціозное выраженіе,—собственный уѣздъ“, а впрочемъ тутъ же такъ и замеръ въ припадкѣ благонамѣренныхъ ощущеній. Одно извѣстіе онъ однако успѣлъ сообщить, а именно о Воротиловѣ. Витязь съ золотой доски снова поступилъ на военную службу, и уже успѣлъ прочесть лекцію офицерамъ своего полка: „о буддизмѣ“ или „динамизмѣ“, что-то въ этомъ родѣ.... Пищалкинъ хорошенько не помнилъ. На другой станціи Литвинову долго не закладывали лошадей; дѣло было на утренней зорькѣ,—и онъ задремалъ, сидя въ своей коляскѣ. Голосъ, показавшійся ему знакомымъ, разбудилъ его: онъ раскрылъ глаза....

Господи! да не господинъ ли Губаревъ стоитъ въ сѣрой куртkѣ и отвислыхъ спальныхъ панталонахъ на крыльцѣ почтовой избы и ругается?... Нѣтъ, это не господинъ Губаревъ.... Но какое поразительное сходство!... Только у этого барина ротъ еще шире и зубастѣе, и взоръ понурыхъ глазъ еще свирѣпѣе, и носъ крупнѣе, и борода гуще, и весь обликъ еще грузнѣе и противнѣе.

— Па-адлецы, па-адлецы! твердилъ онъ медленно и злобно, широко разѣвая свой волчій ротъ:—мужичье паганое.... Вотъ она.... хваленая свобода-то.... и лошадей не достанешь.... па-адлецы!

— Па-адлецы, па-адлецы! послышался тутъ другой голосъ за дверями и на крыльцѣ предсталъ,—тоже въ сѣрой куртkѣ и отвислыхъ спальныхъ панталонахъ, — предсталъ на этотъ разъ, дѣйствительно, несомнѣнно, самъ настоящій господинъ Губаревъ, Степанъ Николаевичъ Губаревъ. — Мужичье паганое! продолжалъ онъ въ подражаніе брату (оказалось, что первый господинъ былъ его старшій братъ, тотъ „дантистъ“ прежней школы, который заправлялъ его имѣніемъ.)—Бить ихъ надо, вотъ что; по мордамъ бить; вотъ имъ какую свободу — въ зубы.... Толкуютъ.... волостной голова!... Я бъ ихъ!... Да гдѣ же этотъ мусье Ростокъ?... Чего же онъ смотритъ?... Это его дѣло, дармоѣда эдакаго.... до безпокойства не доводить....

— А я жъ вамъ сказывалъ, братецъ, заговорилъ Губаревъ старшій, — что онъ ни на что не годенъ; именно дармоѣдъ! Только вы вотъ по старой памяти.... Мусье Ростокъ, мусье Ростокъ!... Гдѣ ты пропадаешь?

Digitized by Google

— Ростонъ! Ростонъ! закричалъ младшій, великій Губаревъ.— Да покличьте же его хорошенько, братецъ, Доримедонтъ Николаичъ!

— Я и то, братецъ, Степанъ Николаичъ, его кличу.—Мусье Ростонъ!

— Е ъ я, вотъ я, вотъ я! послышался торопливый голосъ и изъ-за угла избы выскочилъ—Бамбаевъ.

Литвиновъ такъ и ахнулъ. На злосчастномъ энтузіастѣ плачевно болталась обтерханная венгерка съ прорѣхами на рукавахъ; черты его не то что перемѣнились, а скривились и сдвинулись, перетревоженные глазки выражали подобострастный испугъ и голодную подчиненность; но крашеные усы по прежнему торчали надъ пухлыми губками. Братья Губаревы немедленно и дружно принялись распекать его съ вышины крыльца; онъ остановился передъ ними въ низу, въ грязи, и униженно сгорбивъ спину, пытался умилостивить ихъ робкою улыбочкой, и картузъ мялъ въ красныхъ пальцахъ, и ногами семенилъ, и бормоталъ, что лошади-молъ сейчасъ явятся.... Но братья не унимались, пока младшій не вскинулъ наконецъ глазами на Литвинова. Узналъ ли онъ его, стыдно ли ему стало чужаго человѣка, только онъ вдругъ повернулся на пяткахъ, по медвѣжьи и, закусивъ бороду, заковылялъ въ станціонную избу; братецъ тотчасъ умолкъ и тоже, повернувшись по медвѣжьи, отправился за нимъ въ слѣдъ. Великій Губаревъ видно и на родинѣ не утратилъ своего вліянія.

Бамбаевъ побрелъ-было за братьями.... Литвиновъ кликнулъ его по имени. Онъ оглянулся, вдзрѣлся и, узнавъ Литвинова, такъ и ринулся къ нему съ протянутыми руками; но, добѣжавъ до коляски, ухватился за дверцы, припалъ къ нимъ грудью, и зарыдалъ въ три ручья.

— Полно, полно же, Бамбаевъ, твердилъ Литвиновъ, наклонясь надъ нимъ и трогая его за плечо.

Но онъ продолжалъ рыдать.

— Вотъ.... вотъ.... вотъ до чего..., бормоталъ онъ, всхлипывая.

— Бамбаевъ! загремѣли братья въ избѣ.

Бамбаевъ приподнялъ голову и поспѣшно утеръ слезы.

— Здравствуй, душа моя, прошепталъ онъ, — здравствуй и прощай!... Слышишь, зовутъ.

— Да какими судьбами ты здѣсь? спросилъ Литвиновъ,— и что все это значитъ? Я думалъ, они Француза зовутъ....

Digitized by Google

— Я у нихъ.... домовымъ управляющимъ, дворецкимъ, отвѣчалъ Бамбаевъ и ткнулъ пальцемъ въ направленіи избы.— А во Французы я попалъ такъ, для шутки. Что, братъ, дѣлать? Ѣсть вѣдь нечего, послѣдняго гроша лишился, такъ по неволѣ въ петлю полѣзешь. Не до амбиціи!

— Да давно ли *онъ* въ Россіи? и какъ же онъ съ прежними товарищами раздѣлался?

— Э! братъ! Это теперь все по боку.... Погода вишь перемѣнилась.... Суханчикову, Матрену Кузьминишну, просто, въ шею прогналъ. Та съ горя въ Португалію уѣхала.

— Какъ въ Португалію? Что за вздоръ?

— Да, братъ, въ Португалію, съ двумя матреновцами.

— Съ кѣмъ?

— Съ Матреновцами: люди ея партіи такъ прозываются.

— У Матрены Кузьминишны есть партія? И многочисленна она?

— Да вотъ именно эти два человѣка. А *онъ* съ полгода скоро будетъ какъ сюда воротился. Другихъ подъ сюркупъ взяли, а ему ничего. Въ деревнѣ съ братцемъ живетъ, и послушалъ бы ты теперь....

— Бамбаевъ!

— Сейчасъ, Степанъ Николаичъ, сейчасъ. А ты, голубчикъ, процвѣтаешь, наслаждаешься? Ну и слава Богу! Ку да это тебя несетъ теперь?... Вотъ не думалъ, не гадалъ.... Помнишь Баденъ? Эхъ, было житье! Кстати, Бикдасова тоже ты помнишь? Представь, умеръ. Въ акцизные попалъ, да подрался въ трактирѣ: ему кіемъ голову и проломили. Да, да, тяжелыя подошли времена! А все же я скажу: Русь.... экая это Русь! Посмотри хоть на эту пару гусей: вѣдь въ цѣлой Европѣ ничего нѣтъ подобнаго. Настоящіе арзамасскіе!

И заплативъ эту послѣднюю дань неистребимой потребности восторгаться, Бамбаевъ побѣжалъ въ станціонную избу, гдѣ опять и не безъ нѣкоторыхъ загвоздокъ произносилось его имя.

Къ концу того же дня Литвиновъ подъѣзжалъ къ Татьянинской деревнѣ. Домикъ, гдѣ жила бывшая его невѣста, стоялъ на холмѣ, надъ небольшою рѣчкой, посреди недавно разведеннаго сада. Домикъ тоже былъ новенькій, только-что построенный, и далеко виднѣлся черезъ рѣчку и поле. Литвинову онъ открылся версты за двѣ съ своимъ острымъ мезониномъ и рядомъ окошекъ, ярко рдѣвшихъ на

Digitized by Google

вечернемъ солнцѣ. Уже съ послѣдней станціи онъ чувствовалъ тайную тревогу; но тутъ, просто, смятеніе овладѣло имъ, смятеніе радостное, не безъ нѣкотораго страха. „Какъ меня встрѣтятъ, думалъ онъ, — какъ я предстану?...“ Чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, онъ заговорилъ съ ямщикомъ, степеннымъ мужикомъ съ сѣдою бородой, который однако взялъ съ него за тридцать верстъ, тогда какъ и двадцати пяти не было. Онъ спросилъ его: знаетъ ли онъ Шестовыхъ помѣщицъ?—„Шестовыхъ-то? Какъ не знать! Барыни добрыя, что̀ толковать! Нашего брата тоже лѣчатъ. Вѣрно говорю. Лѣкарки! Къ нимъ со всего округа ходятъ. Право. Такъ и ползутъ. Какъ кто, напримѣръ, заболѣлъ или порѣзался, или что̀, сейчасъ къ нимъ, и они сейчасъ примочку тамъ, поротки или флястырь,—и ничего; помогаетъ. А благодарность представлять не моги; мы, говорятъ, на это не согласны; мы не за деньги. Школу тоже завели.... Ну да это статья пустая!“ Пока ямщикъ разказывалъ, Литвиновъ не спускалъ глазъ съ домика.... Вотъ женщина въ бѣломъ вышла на балконъ, постояла, постояла и скрылась.... „Ужь не она ли?“ Сердце такъ и подпрыгнуло въ немъ. „Скорѣй! скорѣй!“ крикнулъ онъ на ямщика: тотъ погналъ лошадей. Еще нѣсколько мгновеній.... и коляска вкатилась въ раскрытыя ворота.... А на крыльцѣ уже стояла Капитолина Марковна и, вся внѣ-себѣ, хлопая въ ладоши, кричала: „Я узнала, я первая узнала! Это онъ! это онъ!... Я узнала!“ Литвиновъ выскочилъ изъ коляски, не давъ подбѣжавшему казачку открыть дверцы, и торопливо обнявъ Капитолину Марковну, бросился въ домъ, черезъ переднюю, въ залу.... Передъ нимъ, вся застыдившись, стояла Татьяна. Она взглянула на него своими добрыми, ласковыми глазами (она нѣсколько похудѣла, но это шло къ ней) и подала ему руку. Но онъ не взялъ руки, онъ упалъ передъ ней на колѣни. Она никакъ этого не ожидала и не знала что̀ сказать, что̀ дѣлать.... Слезы выступили ей на глаза. Испугалась она, а все лицо разцвѣтало радостью.... „Григорій Михайлычъ, что̀ это, Григорій Михайлычъ?“ говорила она.... а онъ продолжалъ лобызать край ея одежды.... и съ умиленіемъ вспомнилось ему какъ онъ въ Баденѣ также лежалъ передъ ней на колѣняхъ..... Но тогда — и теперь!

— Таня, твердилъ онъ, — Таня, ты меня простила, Таня?

— Тетя, тетя, что̀ жь это? обратилась Татьяна къ вошедшей Капитолинѣ Марковнѣ.

Digitized by Google

— Не мѣшай, не мѣшай ему, Таня, отвѣчала добрая старушка. — Видишь, повинную голову принесъ.

Однако пора кончить; да и прибавлять нечего; читатель догадается и самъ.... Но что жь Ирина?

Она все также прелестна, несмотря на свои тридцать лѣтъ; молодые люди влюбляются въ нее безъ счета и влюблялись бы еще болѣе, еслибъ.... еслибъ....

Читатель, не угодно ли вамъ перенестись съ нами на нѣсколько мгновеній въ Петербургъ, въ одно изъ первыхъ тамошнихъ зданій? Смотрите: передъ вами просторный покой, убранный, не скажемъ богато, — это выраженіе слишкомъ низменно, — но важно, представительно, внушительно. Чувствуете ли вы нѣкій трепетъ подобострастія? Знайте же: вы вступили во храмъ; во храмъ посвященный высшему приличію, любвеобильной добродѣтели, словомъ: неземному. Какая-то тайная, дѣйствительная тайная тишина васъ объемлетъ. Бархатныя портьерки у дверей, бархатныя занавѣски у оконъ, пухлый, рыхлый коверъ на полу, все какъ бы предназначено и приспособлено къ укрощенію, къ смягченію всякихъ грубыхъ звуковъ и сильныхъ ощущеній. Тщательно завѣшенныя лампы внушаютъ степенныя чувства; благопристойный запахъ разлитъ въ спертомъ воздухѣ, самый самоваръ на столѣ шипитъ сдержанно и скромно. Хозяйка дома, особа важная въ петербургскомъ мірѣ, говоритъ чуть слышно; она всегда говоритъ такъ, какъ будто въ комнатѣ находится трудный, почти умирающій больной; другія дамы, въ подражаніе ей, едва шепчутъ; а сестра ея, разливающая чай, уже совсѣмъ беззвучно шевелитъ губами, такъ что сидящій передъ ней молодой человѣкъ, случайно попавшій въ храмъ приличія, даже недоумѣваетъ, чего она отъ него хочетъ? а она въ шестой разъ шелеститъ ему: „Voulez vous une tasse de thé?“ По угламъ виднѣются молодые благообразные мущины; тихое искательство свѣтится въ ихъ взорахъ; безмятежно тихо, хотя и вкрадчиво, выраженіе ихъ лицъ; множество знаковъ отличія тихо мерцаетъ на ихъ грудяхъ. Бесѣда ведется тоже тихая; касается она предметовъ духовныхъ и патріотическихъ, *Таинственной Капли* Ѳ. Н. Глинки, миссій на востокѣ, монастырей и братчиковъ въ Бѣлоруссіи. Изрѣдка, глухо выступая по мягкому ковру, проходятъ ливрейные лакеи; громадныя ихъ икры, облеченныя въ тѣсные шелковые чулки, безмолвно вздрагиваютъ при

Digitized by Google

каждомъ шагѣ; почтительное трепетаніе дюжихъ мышцъ только усугубляетъ общее впечатлѣніе благолѣпія, благонамѣренности, благоговѣнія.... Это храмъ! это храмъ!

— Видѣли вы сегодня госпожу Ратмирову? кротко спрашиваетъ одна особа.

— Я встрѣтила ее сегодня у Lise, отвѣчаетъ золовою арфой хозяйка:—Мнѣ жаль ея... У ней умъ озлобленный... elle n'a pas la foi.

— Да, да, повторяетъ особа.... это, помнится, Петръ Иванычъ про нее сказалъ и очень вѣрно сказалъ, qu'elle a... qu'elle a l' озлобленный умъ.

— Elle n'a pas la foi, испаряется, какъ дымъ кадильный, голосъ хозяйки.—C'est une ame égarée. У ней озлобленный умъ.

— У ней озлобленный умъ, повторяетъ однѣми губами сестра.

И вотъ отчего молодые люди не всѣ сплошь влюбляются въ Ирину. Они ея боятся.... они боятся ея „озлобленнаго ума". Такая составилась о ней ходячая фраза; въ этой фразѣ, какъ во всякой фразѣ, есть доля истины. И не одни молодые люди ея боятся; ея боятся и взрослые, и высоко поставленныя лица и даже особы. Никто не умѣетъ такъ вѣрно и тонко подмѣтить смѣшную или мелкую сторону характера, никому не дано такъ безжалостно заклеймить ее незабываемымъ словомъ.... И тѣмъ больнѣе жжется это слово, что исходитъ оно изъ благоухающихъ, прекрасныхъ устъ.... Трудно сказать что̀ происходитъ въ этой душѣ; но въ толпѣ ея обожателей молва ни за кѣмъ не признаетъ названія избранника.

Мужъ Ирины быстро подвигается на томъ пути, который у Французовъ называется путемъ почестей. Тучный генералъ обскакиваетъ его; снисходительный остается сзади. А въ томъ же городѣ, гдѣ проживаетъ Ирина, проживаетъ и нашъ пріятель, Созонтъ Потугинъ: онъ рѣдко съ ней видится, и нѣтъ для нея особенной надобности поддерживать съ нимъ связь.... Та дѣвочка, которую поручили его попеченіямъ, недавно умерла.

ИВАНЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Баденъ-Баденъ.

Digitized by Google

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ*

VII.

Какъ бы ни были велики земскія силы Россіи, этимъ нисколько не умаляется для насъ потребность въ многочисленной, отличной по качеству постоянной арміи. Употребляя сравненіе можно сказать, что земская сила—это ноги, твердо поддерживающія государство на почвѣ во время борьбы; постоянная же армія—руки, безъ которыхъ борьба невозможна, какъ бы ноги ни были крѣпки.

Когда пропорція арміи къ населенію разъ установлена, вся система формированія войскъ, характеръ рекрутскаго набора, срокъ приготовленія и службы солдата, отношеніе мирнаго положенія къ военному и пр., становятся въ значительной степени уже не произвольными. Очевидно, нельзя дать одинаковыхъ учрежденій двумъ арміямъ, которыя, при одномъ и томъ же годовомъ комплектѣ рекрутъ, должны быть доведены до разной степени численности. Опредѣленіе пропорціи арміи къ населенію обусловливаетъ очень тѣсно послѣдующія учрежденія; но и самая эта пропорція не можетъ быть установлена совершенно произвольно. Качество войскъ тѣсно зависитъ отъ степени ихъ численности; дойдя до извѣстнаго предѣла, численность арміи можно увеличивать только на счетъ ея качества, уменьшая сроки дѣйствительной службы, опрѣсняя, можно сказать, боевой духъ полковъ бо́льшимъ и бо́льшимъ количествомъ новобранцевъ, далеко еще не обратившихся въ настоящихъ солдатъ, выдвигая въ офицеры множество людей

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

Digitized by Google

не обладающихъ нужными ихъ званію качествами. При данномъ народномъ складѣ есть, безъ сомнѣнія, степень, далѣе которой нельзя идти, или войско считающееся боевымъ обратится въ то же ополченіе *. Однакоже хорошія военныя учрежденія, вѣрно примѣненныя къ національному духу, могутъ отодвинуть эту степень довольно далеко, позволятъ дать арміи упругую организацію, сильно расширять ее въ военное время, безъ замѣтнаго пониженія качества войскъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ установить не произвольно, а на основаніи опыта, предѣлъ, до котораго можно увеличивать наличный составъ полковъ съ переходомъ на военное положеніе, не разрушая ихъ духа.

Въ этомъ отношеніи у насъ мнѣніе еще не установилось. Большинство практическихъ офицеровъ, сжившихся съ русскимъ солдатомъ въ бою и на походѣ, не совсѣмъ довѣряютъ новымъ учрежденіямъ, не сочувствуютъ молодымъ полкамъ, пополняемымъ безсрочно-отпускными. Надобно вспомнить, что всѣ эти офицеры начали службу въ войскахъ двадцатипятилѣтняго срока, а первыя впечатлѣнія сильны; тогда рекрутъ считался настоящимъ солдатомъ развѣ на пятомъ году службы. Кромѣ того, понятно, что сердце влечетъ боеваго офицера преимущественно къ старымъ солдатамъ; только съ этими людьми можно, что̀ называется, чисто разыграть дѣло передъ непріятелемъ, не боясь случайностей. Неудивительно поэтому, что старые офицеры, по большей части, требуютъ старыхъ войскъ, плохо довѣряя народнымъ арміямъ, какія теперь почти повсемѣстно стали заводиться въ Европѣ. Съ своей точки зрѣнія они совершенно правы: никакими искусственными мѣрами нельзя довести полкъ народной арміи, состоящій изъ краткосрочныхъ людей, до того, чтобъ онъ сравнялся по качеству съ старыми бандами. Но также вѣрно и то, что теперь, если только молодое войско

* Послѣдній успѣхъ Пруссаковъ можетъ сбить съ толку многихъ молодыхъ теоретиковъ, не сжившихся съ боевымъ солдатомъ, и заставить ихъ думать, что лучшаго и желать нечего. Но кромѣ того, что Пруссаки одержали верхъ надъ войсками однороднаго съ ними состава (изъ двухъ сражающихся сторонъ какая-нибудь должна же побѣдить), успѣхъ этотъ былъ обусловленъ такими случайными обстоятельствами, кампанія была такъ коротка и неизнурительна для солдата, что слабыя стороны слишкомъ молодой прусской арміи не успѣли выплыть наружу.

Digitized by Google

сформировано и воспитано толково, никакой Суворовскій полкъ не справится съ двумя молодыми, даже съ трудомъ и большимъ рискомъ будетъ бороться противъ полуторныхъ силъ. Прежде было не то, и причина перемѣны очевидна. Въ дѣйствительности нынѣ французскіе или турецкіе, молодые или старые баталіоны мало чѣмъ отличаются между собою, то-есть отличіе есть, но оно не такъ замѣтно. Несравненное превосходство старыхъ бандъ оказывается главнѣйше лицомъ къ лицу, въ ударѣ, до котораго теперь гораздо труднѣе добраться чѣмъ прежде, при перевѣсѣ непріятеля въ силѣ даже очень трудно. Вслѣдствіе того, качество войскъ составляетъ нынѣ несомнѣнное преимущество только при равныхъ силахъ. Теперь уже не побьешь съ десятью тысячами тридцать или двадцать тысячъ европейскихъ войскъ, какъ сплошь и рядомъ случалось прежде. Переворотъ произведенный новымъ оружіемъ сказался въ организаціи армій. Въ то же время народное богатство увеличилось на столько, что въ наше время легче вооружить и содержать на войнѣ одного бойца на счетъ 50 душъ населенія, чѣмъ прежде вывести одного на счетъ ста душъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ европейскія государства, даже Франція, стали рѣшительно жертвовать качествомъ количеству, поддерживая первое однѣми искусственными мѣрами, на сколько возможно. Силы, рѣшившія судьбу Италіи въ 1859 году, оказались бы ничтожными въ Богеміи въ 1866 году. И движеніе въ этомъ направленіи продолжаетъ усиливаться. Въ такомъ положеніи дѣлъ самыя законныя предпочтенія должны уступить мѣсто необходимости. При равномъ населеніи двухъ государствъ, изъ которыхъ одно будетъ держать войско шестилѣтняго срока дѣйствительной службы, увеличивающееся вдвое съ переходомъ на военное положеніе, а другое — войско трехлѣтняго срока, увеличивающееся втрое, послѣднее выставитъ полуторную силу противъ перваго; пусть солдаты этого перваго государства, старые служивые, будутъ въ состояніи биться три противъ четырехъ, то-есть 1 противъ $1\frac{1}{3}$, но имъ придется имѣть дѣло 1 на $1\frac{1}{3}$, и вся выгода окажется на сторонѣ непріятеля. Этотъ цифирный примѣръ ничего не значитъ въ сущности, но онъ показываетъ наглядно то, что было бы долго объяснять словами.

Конечно, есть предѣлъ, далѣе котораго упругость военной организаціи не можетъ идти. Этотъ предѣлъ зависитъ

Digitized by Google

отчасти отъ народнаго склада, отъ того какъ скоро человѣкъ извѣстной національности обращается въ солдата, а еще гораздо болѣе отъ политическаго склада самого государства. Понятно, что императорская Франція, постоянно ведущая гдѣ-нибудь войну, не могла бы держаться ландверной системы, еслибы даже внутренняя безопасность допускала это учрежденіе. Оно не пригодно и намъ, отчасти по той же причинѣ, отчасти по отсутствію строгой точности въ гражданскомъ порядкѣ и быстроты сообщеній, нужныхъ для него, наконецъ болѣе всего, потому что мы можемъ гораздо выгоднѣе замѣнить его своимъ роднымъ учрежденіемъ, земскимъ ополченіемъ, для котораго вовсе не нужно проводить каждаго человѣка черезъ постоянное войско. Но если предѣлъ упругости боевой арміи и существуетъ для каждой національности, то тѣмъ не менѣе, въ виду постоянно усиливающагося вооруженія у сосѣдей, каждому стало необходимо довести размѣры своего вооруженія по крайней мѣрѣ до этого естественнаго предѣла. Тутъ дѣло не въ напряженіи государственнаго бюджета,— совсѣмъ напротивъ, а въ растиреніи пропорціи военнаго вооруженія къ мирному. Для каждаго сказалась необходимость располагать силами, которыя не уступали бы силамъ вѣроятныхъ противниковъ.

Несмотря на возможность всякихъ политическихъ сочетаній, каждое государство знаетъ приблизительно силы, съ которыми оно можетъ встрѣтиться. Внезапные союзы династій и ихъ министровъ, игравшіе международною политикой въ прошломъ столѣтіи, стали теперь гораздо менѣе вѣроятны. Общественное мнѣніе, хоть и шаткое, но во всякомъ случаѣ далеко не такъ шаткое какъ кабинеты и будуары былаго времени, вступило въ свои права. Теперь отношенія дружбы, нейтралитета и вражды между государствами стали долгосрочными. Всякій знаетъ своихъ возможныхъ враговъ и разчитываетъ свои силы въ этой пропорціи. Не будучи пророкомъ, можно сказать навѣрное, на много лѣтъ впередъ, съ кѣмъ каждое первоклассное европейское государство можетъ завести войну и съ кѣмъ оно не будетъ ея имѣть. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, наше положеніе опредѣлено гораздо менѣе другихъ. У насъ нѣтъ друзей, хотя могутъ быть компаніоны въ выгодномъ предпріятіи; врагами нашими могутъ очутиться по очереди всѣ европейскіе народы. Единственная опредѣленность въ нашемъ международномъ поло-

Digitized by Google

женіи состоитъ только въ увѣренности, что мы никогда не будемъ имѣть сепаратной войны, одиночнаго поединка—какой былъ у Австріи съ Франціей, у Австріи съ Пруссіей и т. д. Россія слишкомъ сильна, и послѣдствія пораженія съ нашей и съ противной стороны слишкомъ не равны, чтобы кто-нибудь вышелъ на насъ одинъ на одинъ. Мы знаемъ съ точностію лишь то, что когда намъ придется мѣряться съ кѣмъ-либо силами, противникомъ нашимъ будетъ не нація, а большой союзъ,—и должны разчитывать численность своей арміи на этомъ основаніи, иначе она не будетъ соотвѣтствовать своей цѣли. Я не хочу сказать этимъ чтобы союзники были непремѣнно только у непріятеля, а у насъ бы ихъ не могло быть. Но даже въ послѣднемъ случаѣ колоссальное государство, какъ Россія, пользуясь союзными силами, должно все-таки разчитывать на одного себя. Тѣмъ лишь Франція и достигла успѣха въ восточной войнѣ, что она не полагалась на Англичанъ и Австрійцевъ; дѣйствуя заодно съ ними для своего обезпеченія въ Европѣ, она несла тягость войны, можно сказать, на своихъ плечахъ, какъ будто союзниковъ и не существовало. Тѣмъ болѣе Россія. Три года тому назадъ, на насъ чуть не обрушилась вся Европа, безъ всякаго вызова съ нашей стороны; волей или неволей мы бы должны были ее встрѣтить. Съ тѣхъ поръ какъ Россія стала становиться русскою, мы всегда должны быть готовы къ такому обороту дѣлъ, полагаясь только на себя. Нужная для того пропорція силъ не возможна для другаго могущества, но она возможна при хорошихъ военныхъ учрежденіяхъ для государства, населеніе котораго равняется Австріи, Франціи, Бельгіи и Голландіи взятымъ вмѣстѣ; она была бы невозможна при прежнихъ долгосрочныхъ постоянныхъ арміяхъ, численность которыхъ значилась въ бюджетѣ всѣмъ своимъ объемомъ, но она стала возможною теперь, когда могущество государства зависитъ не столько отъ суммы расходовъ въ мирное время, сколько отъ гибкости военныхъ учрежденій, вѣрно примѣненныхъ къ духу и средствамъ 80-милліоннаго народа. Наши новыя военныя учрежденія поставили этотъ вопросъ именно такимъ образомъ; но, кажется, для окончательнаго его рѣшенія имъ нужно пойдти еще дальше въ томъ же направленіи.

Вопросъ этотъ распадается на два: можетъ ли Россія располагать арміей многочисленнѣе нынѣшней, не увеличивая

Digitized by Google

своихъ расходовъ въ мирное время? Можетъ ли армія сохранить свои боевыя качества при значительномъ приращеніи ея силы по военному положенію, то-есть, при значительномъ пониженіи срока дѣйствительной службы? Отвѣтъ на первый пунктъ очень простъ, онъ рѣшенъ уже во многихъ мѣстахъ Европы. Второй требуетъ самаго точнаго уясненія качествъ русскаго солдата и русской арміи, уясненія, которое я постараюсь представить по мѣрѣ силъ въ моихъ статьяхъ.

Оставляя покуда вышеприведенные вопросы въ сторонѣ, нужно было бы опредѣлить, на сколько это возможно, съ какою массой силъ мы можемъ встрѣтиться,—что значитъ въ то же время, какую силу мы должны были бы противопоставить врагамъ, чтобы сдѣлать борьбу возможною. Тутъ дѣло идетъ еще не о томъ, сколько Россія можетъ выставить дѣйствующихъ войскъ, но о томъ, сколько было бы желательно чтобъ она могла выставить для уравненія шансовъ. Я прошу читателей не забывать, что пока рѣчь идетъ только объ этомъ.

Возьмемъ для сравненія прошлую войну и сосчитаемъ, какія силы могли бы мы имѣть на рукахъ еслибы захотѣли продолжать ее. Обстоятельства 1853—56 годовъ—чисто морская оборона противъ ничѣмъ не развлекаемыхъ непріятельскихъ десантовъ, конечно, не повторятся больше. Употребляя тривіальное сравненіе, можно сказать, что мы были тогда въ положеніи круто привязаннаго къ столбу, на живодерномъ дворѣ, медвѣдя, который долженъ отбиваться отъ собакъ, не имѣя возможности сдѣлать шага навстрѣчу имъ. Это странное положеніе произошло отъ одной причины: мы не имѣли достаточно дѣйствующихъ войскъ, чтобы заставить союзниковъ измѣнить морскую войну на сухопутную. Наступленіе на Австрію въ 1854 году было бы, конечно, слишкомъ рискованнымъ, такъ какъ тогда можно было опасаться, что эта держава будетъ поддержана Пруссіей, расплачивавшеюся съ нами за вмѣшательство въ германскія дѣла 1851 года; намъ пришлось бы имѣть дѣло со всею Европой; но въ 1855, сколько теперь извѣстно, этой опасности, кажется, уже не существовало. * Еслибы въ тотъ годъ у насъ было хоть нынѣшнее военное устройство, мы могли бы

* Переговоры съ Пруссіей за то время не опубликованы.

Digitized by Google

избавиться отъ морской войны и обратить ее въ сухопутную. Французы перенесли бы свои силы на материкъ, въ помощь союзникамъ; Англичане остались бы защищать, на всякій случай, Турцію, или сдѣлали бы попытку на Закавказье. Мы имѣли бы противъ себя на Карпатахъ Французовъ, Австрійцевъ и вспомогательный сардинскій корпусъ, при тогдашнихъ итогахъ 400 тысячъ солдатъ; на Дунаѣ Турокъ и, можетъ-быть, Англичанъ, тысячъ около ста; въ Азіи Турокъ и также, можетъ-быть, Англичанъ (которыхъ въ этомъ случаѣ не было бы уже на Дунаѣ), тысячъ семьдесятъ. При нынѣшней европейской военной организаціи эти силы, въ томъ же положеніи вещей, были бы слѣдующія: Австрійцевъ 300 тысячъ (надобно помнить, что въ войнѣ съ нами Австрія не можетъ обнажать своихъ провинцій до такой степени какъ при войнѣ съ Пруссіей, положеніе ея передъ нами напоминаетъ положеніе Синдбадова корабля передъ магнитною горой, вырывавшею изъ него гвозди), Французовъ 200 тысячъ (въ войнѣ на такомъ разстояніи нельзя выставить того же количества войскъ какъ у своихъ предѣловъ); наконецъ, вѣроятно, тысячъ сто Италіянцевъ, всего 600 тысячъ солдатъ — наполеоновская армія 1812 года. На Дунаѣ или на Днѣстрѣ и въ Азіи общій итогъ и теперь остался бы тотъ же, такъ какъ силы Турціи не возрасли съ тѣхъ поръ, а силы Англіи хоть и возрасли, но еще болѣе раздѣлились, увеличившись въ Индіи и въ Канадѣ. Еслибы прошлая война происходила въ 1866 году, намъ нужно было бы выставить, для сохраненія равенства въ силахъ, 600 тысячъ дѣйствующихъ войскъ въ западную армію, 100 тысячъ въ южную и около 70 на Кавказѣ, со стороны черноморскаго прибрежья и турецкой границы,—всего 770 тысячъ. Кромѣ того, и кромѣ всѣхъ резервовъ, ограждающихъ берега Балтійскаго, Чернаго и Бѣлаго морей, занимающихъ западныя области и крѣпости, дѣйствующія войска нужны были бы въ нѣкоторой пропорціи и на другихъ мѣстахъ. Противъ мало вѣроятнаго при сухопутной войнѣ, но все-таки сбыточнаго покушенія на балтійскіе берега въ союзѣ съ Швеціей, въ этомъ бассейнѣ пришлось бы оставить центральный боевой резервъ въ двѣ если не въ три дивизіи; на черноморскихъ берегахъ, сзади южной арміи, также двѣ или полторы въ полѣ, иначе непріятель могъ бы занять Крымъ; при выступленіи впередъ западной арміи оказалось бы нужнымъ,

Digitized by Google

можетъ-статься, расположить въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ резервовъ, хоть одну дивизію; наконецъ, на Кавказѣ, даже при нынѣшнемъ его состояніи, нельзя свести всѣ дѣйствующія войска съ горъ къ границѣ, — какія бы ополченія ни были введены въ Дагестанъ и Чечню, тамъ все пришлось бы удержать нѣсколько привычныхъ войскъ, кромѣ линейныхъ батальйоновъ, по крайней мѣрѣ одну дивизію въ 12 тысячъ. Сумма этихъ дѣйствующихъ, хотя и не бьющихся войскъ, вмѣстѣ съ оренбургскими и сибирскими, также постоянными, была бы около девяти пѣхотныхъ дивизій, то-есть, со всѣми родами регулярнаго оружія, 130 тысячъ, а всего съ арміями 900. Присоединяя сюда 480 тысячъ ополченія вычисленнаго въ предыдущемъ письмѣ, выходитъ 1.380.000 подъ ружьемъ, кромѣ полковыхъ депо и нестроевыхъ. Въ 1856 году у насъ числилось по спискамъ гораздо болѣе этого, но три четверти тогдашнихъ войскъ были совсѣмъ не войска, а скоро набранныя, полуустроенныя толпы людей на казенномъ провіантѣ, стоившія еще больше постоянныхъ солдатъ, вслѣдствіе чрезвычайной спѣшности формированія, но которыхъ нельзя было вывести въ поле по недостатку ничѣмъ незамѣнимой предварительной организаціи. Въ то время выказались вмѣстѣ: и непомѣрность естественныхъ силъ Россіи и непомѣрность ея тогдашняго неустройства.

Замѣчательно, что расположеніе дѣйствующихъ войскъ въ приведенномъ примѣрѣ составляетъ не частный случай, не картину только тогдашнихъ обстоятельствъ, но, можно сказать, нормальное распредѣленіе русскихъ силъ при всякой борьбѣ противъ европейскаго союза. Еслибы мы хотѣли добиться побѣды въ восточной войнѣ (надо прибавить: и было бы съ чѣмъ), намъ пришлось бы сосредоточить четыре пятыхъ боевыхъ силъ въ западной арміи. Такъ будетъ и впредь. Въ 1855 году обозначилось положеніе дѣлъ, которое съ тѣхъ поръ продолжается и будетъ еще продолжаться неопредѣленное время. Какъ только обнаружилась солидарность европейскихъ стремленій по интересующимъ насъ вопросамъ, стало ясно, что гордіевъ узелъ перенесенъ на другую почву, что отнынѣ Румянцовскіе походы не могутъ болѣе приносить плодовъ, и судьба всѣхъ вопросовъ, сталкивающихъ насъ съ Западомъ, не только по турецкимъ, но даже по азіятскимъ дѣламъ (если они доростутъ до такихъ

Digitized by Google

размѣровъ), должна рѣшаться на европейскихъ поляхъ, однимъ словомъ, стало очевидно, что отнынѣ вся боевая сила Россіи заключается въ ея западной арміи, стоящей на своемъ натуральномъ базисѣ, на Вислѣ; остальнымъ же арміямъ предстоитъ только роль—сдерживать второстепенныя попытки непріятеля, пока продолжается борьба главныхъ силъ на западной границѣ и потомъ, если счастіе окажется на нашей сторонѣ, приводить въ исполненіе, но уже безъ большихъ усилій, приговоръ судьбы, произнесенный на той же западной границѣ—enregister la victoire. Русское общество до сихъ поръ еще не уяснило себѣ этого оборота дѣла; оно полагаетъ, что въ случаѣ борьбы, напримѣръ по восточному вопросу, успѣхъ можетъ зависѣть отъ южной, или, какъ ее называли прежде, дунайской арміи, но это вовсе не такъ. Воротимся для наглядности къ прошлой войнѣ и положимъ, что Россія была въ 1853 году не тогдашнею, а нынѣшнею Россіей, располагала всѣми своими силами. Въ чемъ заключался узелъ вопроса? Большинство думаетъ, что онъ заключался въ быстромъ захватѣ Константинополя. Я думаю, съ своей стороны, что никакіе успѣхи нашего оружія въ предѣлахъ Турецкой имперіи не могли рѣшить этого дѣла. Взятіе Константинополя вызвало бы рѣшительный союзъ Англіи, Франціи и Австріи; имѣя открытый доступъ къ намъ, союзники не стали бы перевозить съ такими затрудненіями свои арміи черезъ море, они сосредоточились бы на среднемъ Дунаѣ, и восточный вопросъ сталъ бы рѣшаться на Вислѣ. Еслибы мы были побиты въ средней Европѣ, захватъ Константинополя не послужилъ бы ни къ чему, мы бы его возвратили, только, можетъ-быть, не въ руки Турокъ, а въ другія, гораздо опаснѣйшія; еслибы мы остались побѣдителями, участь Константинополя была бы тоже рѣшена, имъ можно было бы распорядиться безъ большихъ затрудненій. Такъ будетъ и впредь, не только по восточному вопросу, но по всѣмъ большимъ вопросамъ, какіе только могутъ возникнуть. Прежде успѣхи второстепенныхъ армій имѣли гораздо больше значенія, потому что главная армія не заключала въ себѣ суммы всѣхъ силъ государства, ее можно было много разъ подновлять и длить такимъ образомъ борьбу, упрочивая свои успѣхи на побочныхъ военныхъ театрахъ. Но уже со временъ Наполеона I дѣло приняло иной видъ, а теперь оно дошло до того, что столкновеніе глав-

Digitized by Google

ныхъ массъ рѣшаетъ участь войны безъ аппелляціи. Какую выгоду извлекли бы Австрійцы изъ побѣды Баварцевъ? Если-бы въ той же прошлой восточной войнѣ намъ выпали блестящіе успѣхи на Балканахъ и въ Анатоліи, но мы проиграли бы дѣло на Вислѣ, къ чему повели бы насъ эти успѣхи? Если же, напротивъ, союзники одержали бы верхъ надъ нами на Днѣстрѣ, овладѣли Крымомъ, Закавказьемъ, Финляндіей и даже Петербургомъ, но въ то же время ихъ силы были бы на-голову разбиты на поляхъ средней Европы, кто диктовалъ бы условія мира?

Нельзя себѣ представить такого сочетанія дѣлъ на войнѣ, въ которомъ не только главная, но исключительно рѣшительная роль не принадлежала бы западной арміи. Еслибы возникъ споръ о преобладаніи въ Кореѣ, онъ бы зависѣлъ на $^{99}/_{100}$ отъ количества войскъ, которыя Россія можетъ выставить на Вислу, и персидскія дѣла, не только турецкія, подчиняются тому же условію, потому что Англія безъ союзниковъ никогда не пойдетъ на войну. Другія арміи могутъ получить важное значеніе только въ случаѣ успѣха западной, — имъ предстоитъ пожинать то, что первая посѣетъ. Россія сильна на столько, на сколько можетъ быть сильною ея западная армія.

Мы видѣли уже съ какими силами пришлось бы мѣряться нашей западной арміи, еслибъ она перешла въ наступленіе во время восточной войны. По тогдашнимъ размѣрамъ европейскихъ вооруженій, онѣ составляли бы около 400 тысячъ, по теперешнимъ около 600. Въ случаѣ войны противъ союза англо-австро-прусскаго онѣ были бы еще выше, около 650 (не считая второстепенныхъ военныхъ театровъ). Этими двумя сочетаніями,—западныя державы съ одною изъ нѣмецкихъ, или обѣ нѣмецкія съ Англіей, исчерпывается вѣроятность европейскихъ союзовъ и самыхъ большихъ силъ, которыя когда-либо могли бы обрушиться на насъ. Всякая другая комбинація была бы уже благопріятнѣе. Въ каждомъ случаѣ, Россія не можетъ пошевелиться, что бы ни случилось, если не будетъ въ состояніи выставить на Вислу дѣйствующихъ, вполнѣ подвижныхъ силъ, равныхъ возможнымъ вражескимъ, шести сотъ тысячъ по крайней мѣрѣ. При этомъ, кто бы ни были наши противники, численность другихъ дѣйствующихъ армій (говоря только о первоначальномъ расположеніи) могла бы быть очень ограниченная, даже еслибы

Digitized by Google

пришлось одновременно имѣть дѣло съ Турціей: 80 тысячъ въ южной арміи, 60 тысячъ на Кавказѣ (35 на границѣ и 25 въ горахъ черноморскаго прибрежья, чего совершенно достаточно для огражденія доступа на Кавказѣ и съ сѣверной и съ южной стороны) и до 130 тысячъ на разныхъ пунктахъ въ видѣ резервовъ. Эта масса до 900 тысячъ (870), за исключеніемъ спеціальныхъ оружій, требуетъ 60 пѣхотныхъ дивизій 13-ти баталіоннаго состава. Но если это количество войскъ, какъ и предполагалось, должно быть выставлено не по спискамъ только, а дѣйствительно, то дивизій должно быть больше (считая 10% первоначальнаго недочету—до 66), то-есть милліонъ людей по спискамъ. Располагая такими силами, наше отечество можетъ безопасно оставаться въ своемъ уединенномъ, самостоятельномъ, полномъ великихъ надеждъ положеніи, какія бури не разыгрались бы въ Европѣ.

Мы разсмотримъ далѣе, можетъ ли Россія выставить такія силы, предварительно организованныя, безъ ущерба своимъ финансамъ въ мирное время и качеству своей арміи въ военное.

VIII.

Не говоря покуда о вліяніи уменьшенныхъ сроковъ службы на качество войскъ, замѣтимъ, что возможность довести нашу дѣйствующую армію по военному положенію до цифры 900 тысячъ на лицо не составляетъ никакого вопроса. Удерживая то же количество людей въ рядахъ по мирному положенію, можно увеличить число строевыхъ частей, понизивъ наличный составъ каждой изъ нихъ: это значило бы только дать большіе размѣры преобразованію 1863 года, провести его нѣсколько дальше. Поставивъ всю армію въ кадровое положеніе 320 человѣкъ въ баталіонѣ, къ ней можно прибавить 18 дивизій, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущей главѣ, не возвышая итоговъ мирнаго времени. Особенныя обстоятельства, постоянно возникающія въ такой обширной Имперіи какъ русская, заставляютъ то здѣсь, то тамъ усиливать войска и держать баталіоны въ высшихъ комплектахъ; съ умноженіемъ числа строевыхъ частей, потребность въ такомъ возвышеніи по большей части прекратится, потому что можно будетъ вездѣ, гдѣ окажется надобность,

Digitized by Google

вмѣсто одного кадроваго баталіона поставить два. Увеличится нѣсколько расходъ на новые полковые и дивизіонные штабы и лишнія артиллерійскія части, которыя нельзя сокращать въ такой степени какъ пѣхоту; но этотъ расходъ съ избыткомъ покроется экономіей отъ упраздненія многихъ особенныхъ войскъ, не нужныхъ при такой силѣ—постоянной и земской, удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ государства, заранѣе опредѣленнымъ. Объ этой экономіи будетъ рѣчь на своемъ мѣстѣ.

Масса постоянной пѣхоты, въ которой наше отечество можетъ имѣть нужду при высшемъ напряженіи силъ и которую мы исчислили въ 66 дивизій, составляетъ по военному положенію около 860 тысячъ (на бумагѣ; въ дѣйствительности можно положить 765), а по мирному въ кадрахъ съ небольшимъ 274, почти въ половину менѣе настоящаго. Отношеніе численности пѣхоты къ итогу населенія было бы: въ мирное время 1:300, въ военное время 1:95.

Въ другихъ государствахъ пропорція дѣйствующей постоянной пѣхоты къ населенію составляетъ:

	Мирное время.	Военное время.
Во Франціи	1:138	1:76
„ Австріи	1:165	1:71
„ Пруссіи	1:137½	1:46

Изъ этого видно, что при самомъ высокомъ развитіи народной силы для войны, напряженіе Россіи въ мирное время можетъ быть вдвое менѣе чѣмъ вездѣ въ Европѣ. Увеличеніе числа годовыхъ рекрутъ ничего не значитъ, когда ихъ отрываютъ отъ домовъ на гораздо меньшее время; при этомъ условіи военная служба теряетъ характеръ тяжелой повинности. Не обременяя ни финансовъ, ни населенія, мы можемъ очень удобно принять военную организацію, уравнивающую нашу постоянную регулярную армію съ силами всякаго вѣроятнаго союза, какой только можетъ образоваться противъ Россіи,—до милліона по спискамъ и до девяти сотъ тысячъ налицо.

Но для серіозной войны одна многочисленность недостаточна. Посредственная, незрѣлая армія можетъ еще при должномъ воодушевленіи стойко защищать свое отечество, но не можетъ быть надежна для наступленія. Случайный успѣхъ Пруссаковъ ничего не доказываетъ. Для такого же

Digitized by Google

государства какъ Россія, очевидно возрастающаго, у [illegible]здѣляраго почти на каждомъ предѣлѣ возникаютъ жгучіе вопросы будущаго, нельзя обойдтись безъ надежныхъ боевыхъ силъ: для наступательной войны, долгихъ походовъ и рѣшительныхъ сраженій. Тутъ нужны зрѣлыя войска, а достигнуть желанной многочисленности, безъ раззоренія, можно только однимъ средствомъ — уменьшеніемъ сроковъ дѣйствительной службы, сокращеніемъ арміи въ одну треть комплекта по мирному положенію.

Возможно ли сохранить высокія боевыя качества войска при томъ условіи, чтобы держать на лицо только треть людей, а другія двѣ трети распускать по домамъ? На такое сомнѣніе нельзя отвѣчать прямо. Утвердительный или отрицательный отвѣтъ зависитъ отъ нѣсколькихъ условій: вопервыхъ, отъ продолжительности срока первоначальной дѣйствительной службы (человѣкъ, который не втянется настоящимъ образомъ въ свое дѣло въ полтора или два года какъ въ Пруссіи, можетъ втянуться въ него очень хорошо въ три или четыре какъ во Франціи); вовторыхъ, отъ чувствъ, питаемыхъ солдатами къ общему дѣлу, также и отъ однородности состава арміи, напримѣръ, въ Австріи или въ Пруссіи. Втретьихъ, отъ того, какъ распредѣляются безсрочно-отпускные при сборѣ: въ свои ли прежніе полки или въ другіе, имъ незнакомые; вчетвертыхъ, отъ духа и степени приготовленности офицеровъ. Смотря по этимъ условіямъ, треть всего числа людей подъ знаменемъ въ мирное время можетъ быть или совершенно достаточною, или вовсе недостаточною.

При введенной теперь системѣ дисциплины и воспитанія войскъ, при нынѣшнемъ настроеніи русскаго народа, рѣзко отразившемся на рекрутахъ, у насъ, безъ сомнѣнія, стала возможною упругая военная организація. При прежней системѣ нашъ рекрутъ былъ человѣкъ на всегда оторванный отъ семейства и родной деревни, приведенный въ рекрутское присутствіе иногда въ колодкахъ и всегда подъ стражей, отмѣченный какъ арестантъ бритьемъ половины головы; на службѣ его учили не военному дѣлу, а выправкѣ, маршировкѣ, требовали отъ него жизни въ носкѣ, граціи, заставляли проходить не рекрутскую, а какую-то балетную школу. Эти вещи не имѣли для него никакого смысла; начальники сами не сознавали для чего они это дѣлаютъ, а потому, конечно, не

Digitized by Google

вмѣсто того, чтобы объясненія съ солдатомъ, а вбивали въ него науку насиліемъ. Сбитый съ толку, доведенный до одурѣнія, русскій человѣкъ, поступившій во фронтъ, долженъ былъ всему научиться не разумѣніемъ, а механическою привычкой; онъ умѣлъ дѣлать только то что было глубоко вдолблено въ него и выходило само собою, какъ оно выходитъ у полусоннаго человѣка, безсознательно повторяющаго свои обыденныя привычки. Очень натурально, что рекрутъ, при такой обстановкѣ, становился не вполнѣ солдатомъ даже въ пять лѣтъ, становился имъ развѣ только къ десяти годамъ; даже между десятью и пятнадцати-лѣтними солдатами замѣчалась значительная разница, такъ трудно давалась имъ наука. Еще въ ту пору кавказскій солдатъ, отъ котораго требовали службы болѣе практической, понятной, съ которымъ лучше обращались (вслѣдствіе болѣе тѣснаго сближенія между чинами, созданнаго войной), выучивался всему несравненно скорѣе; потомъ, если ему случилось переходить во внутреннія войска, онъ понималъ легче другаго даже мелочныя требованія условной красоты, потому что былъ болѣе развитъ. Срокъ, въ который рекрутъ становился солдатомъ, былъ гораздо болѣе коротокъ на Кавказѣ чѣмъ внутри Россіи; но начальство судило о солдатѣ не по Кавказу. Было признано аксіомой (и надо сказать, при тогдашнихъ условіяхъ справедливо) что русскій рекрутъ становится надежнымъ солдатомъ развѣ въ пять лѣтъ. Разумѣется, при такомъ убѣжденіи не могло быть вопроса о краткосрочныхъ солдатахъ. Рекруты не годились для быстраго укомплектованія частей; безсрочно-отпускные, тянувшіе безконечный срокъ, знавшіе, что ихъ ожидаетъ во фронтѣ суровое обращеніе изъ-за бездѣлицы, что ихъ тамъ будутъ расцѣнивать по граціи, для которой они устарѣли, возвращались въ ряды чрезвычайно не охотно и, какъ довольно доказалъ опытъ, оказывались много хуже рекрутъ. Оставалось разчитывать на однихъ служащихъ, втянувшихся солдатъ и держать строевыя части въ мирное время по крайней мѣрѣ въ трехъ четвертяхъ комплекта. Въ этихъ понятіяхъ воспитались почти всѣ высшіе чины нашей арміи. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось,— крѣпостное состояніе уничтожено не только въ земствѣ, но и въ войскѣ, и народъ это знаетъ; рекрута не возятъ больше въ колодкахъ и не клеймятъ бритьемъ головы; срокъ службы уменьшился, а дѣйствительное нахожденіе въ рядахъ

Digitized by Google

сократилось и того болѣе; тѣлесное наказаніе отмѣнено, содержаніе сдѣлалось лучше, обращеніе перемѣнилось; солдата стали требовать на службѣ вещей осмысленныхъ, возбуждающихъ въ немъ не тяготу, а соревнованіе. Если не всѣ эти улучшенія, особливо послѣднее, доведены до конца, то всѣ подвинулись такъ далеко, что разница между нынѣшнимъ и прежнимъ бросается въ глаза. Послѣдствія вышли такія, что въ 1863 году, когда наша армія была вдругъ увеличена на двѣ пятыхъ, для чего потребовалась разомъ большая масса рекрутъ, эти рекруты шли на службу, весело и, у толковыхъ начальниковъ, въ два мѣсяца, не только могли заступать почетный караулъ, но были уже не дурными застрѣльщиками. Несмотря на свою молодость, эти люди легко совершали усиленные переходы. Между ними оказалось большое соревнованіе; особенно тамъ, гдѣ одноземцы изъ разныхъ губерній были введены въ полки группами, эти группы лѣзли изъ кожи чтобы перещеголять на службѣ одна другую: Воронежцы выбивались изъ силъ чтобъ не показаться хуже Тамбовцевъ. Совсѣмъ новымъ духомъ повѣяло на нашу армію. Когда на Кавказѣ были сформированы три новыя дивизіи, тамошніе офицеры, вообще живущіе ближе съ солдатомъ и лучше понимающіе серіозную сторону службы чѣмъ въ Россіи, — были изумлены быстротой развитія новыхъ рекрутъ. Въ этомъ отношеніи всякій истекающій годъ облегчаетъ задачу, глубже и глубже укореняя въ войскахъ новыя нравственныя понятія, внесенныя въ нашу армію преобразованіемъ дисциплинарной системы и столькихъ другихъ вещей. Прежде русскій солдатъ былъ крѣпостнымъ начальства, теперь онъ вольный человѣкъ, призванный на защиту своего отечества. У насъ есть до сихъ поръ достаточно генераловъ стараго покроя, не понимающихъ важности этого обновленія; но нѣтъ солдата, который не сознавалъ бы его до нѣкоторой степени. Съ вольными людьми задача стала совсѣмъ иною; то что̀ прежде нужно было вдалбливать въ солдата, теперь надобно только объяснить ему. Съ тѣмъ вмѣстѣ стало возможнымъ развить солдата довольно скоро въ небольшое число годовъ и затѣмъ отпустить его домой на остальной срокъ службы.

Допуская, что наша армейская пѣхота должна устраиваться въ военное время, надобно опредѣлить практически полный срокъ обязательной службы и время обученія.

Digitized by Google

вмѣсто
чит
руты развиваются теперь въ хорошихъ рукахъ несравненно быстрѣе чѣмъ прежде. Черезъ годъ послѣ поступленія въ полкъ изъ резервнаго баталіона, они нисколько не уступаютъ старымъ солдатамъ въ наружномъ знаніи службы; чрезъ два года они становятся вполнѣ хорошими застрѣльщиками. Но качества солдата далеко не заключаются въ одномъ знаніи службы, боевая часть не есть только собраніе обученныхъ военному дѣлу людей. Солдатъ, кромѣ совершеннаго знанія своего дѣла на ученьѣ, въ походѣ и въ караулѣ, долженъ быть на столько проникнутъ военнымъ духомъ, чтобъ этотъ духъ руководилъ его взглядами и чувствами, чтобъ онъ привыкъ расцѣнивать людей и вещи именно съ этой точки зрѣнія; напримѣръ, чтобы понятіе о святынѣ знамени, о безчестіи потерять его, не только для части, но для каждаго человѣка этой части, вросло въ его душу; чтобы воинская заслуга имѣла въ его глазахъ неоцѣненное, ни съ чѣмъ несравнимое достоинство; чтобы часовой заснувшій на своемъ постѣ становился въ его глазахъ не только виновнымъ, но презрѣннымъ человѣкомъ и такъ далѣе. Потомъ нужно, чтобы солдатъ сросся съ своимъ полкомъ, величался его заслугами, даже смотрѣлъ свысока на другой мундиръ; однимъ словомъ, чтобы полкъ сталъ для него чѣмъ-то въ родѣ особой національности, маленькой родины. Всѣ эти требованія сводятся къ одному: чтобы новобранецъ успѣлъ достаточно проникнуться общественнымъ мнѣніемъ своей среды. Разумѣется, надобно чтобъ эта среда существовала, нужно вести войско такимъ образомъ, чтобъ общественный духъ могъ сложиться и укорениться въ полкахъ. Достиженіе такого идеала въ народной арміи, гдѣ люди только проходятъ черезъ кадры, не можетъ быть полнымъ; оно составляетъ исключительную принадлежность старыхъ дружинъ, развившихся въ органическое цѣлое; но солдатъ долженъ по крайней мѣрѣ, если не всецѣло проникнуться такимъ духомъ, то усвоить его себѣ въ извѣстной степени. Если подобный идеалъ доступенъ хоть съ внѣшней стороны молодому солдату, то въ минуту воодушевленія онъ можетъ такъ полно возникнуть въ его душѣ, что тотъ, хоть на часъ, станетъ самъ какъ будто ветераномъ; а главное, военная служба будетъ уже имѣть для человѣка нѣкоторое нравственное значеніе, помимо техники ремесла; безрочно-отпускной будетъ и въ домашнемъ быту

Digitized by Google

понимать себя какъ воина. Я убѣжденъ, и многіе раздѣляютъ это убѣжденіе, что при исполненіи нынѣшнихъ военныхъ руководствъ въ ихъ истинномъ духѣ (чего надо требовать неукоснительно), солдата можно довести до такой степени сознанія въ три года полевой службы, кромѣ времени приготовленія въ резервахъ. Въ годъ онъ будетъ знать свое дѣло, въ два обычныя занятія войдутъ ему въ привычку, черезъ три года онъ можетъ быть солдатомъ по духу. При системѣ народныхъ войскъ, эти войска должны набираться изъ молодыхъ людей узаконеннаго возраста (двадцати лѣтъ); въ эту пору впечатлѣнія бываютъ живы и вліяютъ на всю жизнь. Для высшихъ классовъ это возрастъ университета или другой высшей школы; всякій помнитъ по себѣ какъ глубоко охватывала его товарищеская среда этой переходной эпохи и какъ долго сохранялось ея вліяніе. Да не покажется такое сравненіе страннымъ—оно совершенно вѣрно. Для двадцатилѣтняго простолюдина полковое общество (если тамъ встрѣчаютъ его какъ человѣка, что̀ завелось уже довольно искренно), не говоря объ открываемой ему грамотности, вѣетъ совсѣмъ новою жизнію, расширяетъ его понятія, дѣйствуетъ воспитательно. Три года полковой жизни выдѣлываютъ на столько же духовный складъ простолюдина, на сколько три окончательные года школы выдѣлываютъ складъ молодаго человѣка высшихъ сословій,—а каждый знаетъ, что нѣсколько лѣтъ потомъ вліяніе школы еще продолжается. При нынѣшней системѣ воспитанія войскъ (или лучше сказать при духѣ этой системы, потому что приложеніе ея къ дѣлу требуетъ еще дальнѣйшаго развитія) можно смѣло считать трехлѣтній срокъ дѣйствительной службы достаточнымъ въ нашей пѣхотѣ для полнаго приготовленія солдата. Въ спеціальныхъ оружіяхъ, артиллеріи и саперахъ, онъ долженъ быть продолжительнѣе, лѣтъ около пяти. О кавалеріи я ничего не говорю покуда, это самый запутанный изъ нашихъ національно-военныхъ вопросовъ; онъ требуетъ самостоятельной обработки на своемъ мѣстѣ.

Установленіе полнаго срока службы зависитъ отъ двухъ условій: 1) отъ времени нужнаго для серіознаго обученія рекрута и 2) отъ того, во сколько разъ армія должна усиливаться съ переходомъ на военное положеніе. Помноживъ первую цифру на вторую, получимъ раціональный срокъ во-

Digitized by Google

енной службы, на который государство имѣетъ поводъ обязывать гражданина. Полгода въ рекрутскомъ депо (резервномъ баталіонѣ) и три года въ полку=3½ года, втрое—10½ лѣтъ. Но такъ какъ годовые классы людей убываютъ постоянно вслѣдствіе смертности (въ этомъ цвѣтущемъ возрастѣ убыль рѣдко превышаетъ 2%), то для сохраненія комплекта можно положить двѣнадцать лѣтъ. Вотъ раціональный срокъ службы при такихъ учрежденіяхъ. Можно обезпечить комплектъ еще другимъ способомъ, не выходя изъ точной пропорціи десяти съ половиной лѣтъ,—усилить годовой контингентъ рекрутъ, вмѣсто ста на тысячу положить сто пятнадцать; но при этомъ увеличится численность войскъ по мирному положенію, а слѣдственно и расходъ; между тѣмъ какъ для живущаго дома безсрочно-отпускнаго лишній годъ службы по спискамъ не составляетъ обремененія, а войско выигрываетъ, удерживая большее число обученныхъ людей. При 2% убыли комплектъ баталіона, по сборѣ двѣнадцати классовъ, будетъ 1.050 человѣкъ.

Нужно еще много другихъ условій, для того чтобы войско трехлѣтняго срока дѣйствительной службы было надежнымъ боевымъ войскомъ.

IX.

Надобно имѣть въ виду, что при опредѣленіи срока обученія, то-есть дѣйствительной службы подъ знаменемъ, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе два условія: какъ группируются въ войскахъ рекруты и какъ распредѣляются по полкамъ безсрочные.

Пока у насъ солдатъ служилъ безсмѣнно двадцать пять лѣтъ, распредѣленіе людей въ полки не представляло никакого вопроса; брали въ соображеніе только дальность разстояній; затѣмъ люди, сведенные вмѣстѣ почти на всю жизнь, должны были слиться воедино, и для нихъ образовывалась новая родина — часть, въ которой они служили. Но какъ только были учреждены безсрочные, этотъ вопросъ возникъ, если не въ правительственной сферѣ, то по крайней мѣрѣ въ общественномъ мнѣніи военныхъ. Оказался слѣдующій фактъ: когда безсрочные попадали случайно въ свою прежнюю часть, старыя воспоминанія брали верхъ, они вступали

Digitized by Google

на прежнюю колею и по большей части оказывались тѣми же людьми, какими ихъ знали до выпуска. Но когда эти безсрочные причислялись къ другой, новой для нихъ части, какъ почти всегда случалось, они оказывались не только плохими солдатами, но ядомъ, положительно отравлявшимъ всю часть. Въ этомъ отношеніи очень рѣдко бывали исключенія; въ пользу подобнаго резерва не было ни одного голоса во всей русской арміи. Безсрочные вездѣ являлись людьми буйными, дурнаго поведенія, развращающими молодыхъ солдатъ, вселяющими въ нихъ презрѣніе къ самымъ священнымъ обязанностямъ службы; подъ огнемъ они всегда умѣли очутиться позади; а какъ они были при томъ старыми солдатами, съ нашивками и медалями, иногда съ крестами, а потому наружностію своею вселяли въ молодыхъ солдатахъ нѣкоторое подобострастіе, то примѣръ ихъ дѣйствовалъ губительно. Не было начальника, который не предпочиталъ бы для пополненія рядовъ рекрутъ, боявшихся въ началѣ собственнаго выстрѣла, этимъ старымъ слугамъ государевымъ, какъ ихъ называли офиціяльно. По общему голосу, каждый безсрочный ослаблялъ войско двумя людьми,— вопервыхъ, самъ онъ никуда не годился; вовторыхъ, надобно было отдѣлять еще одного служащаго солдата, чтобы карауліть его.

При нынѣшнихъ порядкахъ солдатъ выходитъ въ отпускъ уже не съ тѣми воспоминаніями о службѣ какъ прежде, потому и возвращается къ ней не съ прежнимъ чувствомъ; но разница выходитъ только въ мѣрѣ, а не въ сущности. Всякій крестьянскій парень ведетъ себя иначе въ своей деревнѣ, на глазахъ родныхъ и старшихъ, почтеніе къ которымъ онъ всосалъ съ молокомъ матери, чѣмъ въ чужихъ людяхъ. Полкъ, въ которомъ впервые сложилась душа рекрута, въ которомъ произошло преобразованіе его изъ крестьянина въ солдата, составляетъ для него ту же родную деревню, тамъ только существуетъ товарищество, мнѣніе котораго онъ считаетъ обязательнымъ для себя. Всякій знаетъ до какой степени русскій простолюдинъ рабъ міра, но лишь того міра съ которымъ онъ сжился, который онъ считаетъ своимъ міромъ. Чтобы стать въ такія же отношенія къ новому товариществу, онъ долженъ вновь сростись съ нимъ душой, а это дѣло не одного дня, даже не одного года; тѣмъ болѣе, что рекрутъ, какъ впервые вступающій на службу, самъ

Digitized by Google

лѣпится въ готовую форму; безсрочный же, призываемый въ ряды, уже человѣкъ разбитной, съ готовыми понятіями, и привыкать къ инымъ ему трудно; онъ будетъ долго жить въ новой части отрѣзаннымъ ломтемъ, не подчиняясь вовсе ея нравственному вліянію. Между тѣмъ надобно вести на войну полкъ, въ которомъ двѣ трети людей остаются чуждыми и полку, и другъ другу. Эти люди могутъ по-одиночкѣ биться храбро, но развѣ можно ожидать отъ такого полка какого-нибудь духа, какого-нибудь общаго настроенія; а въ регулярномъ войскѣ сила вовсе не въ томъ чтобы каждый человѣкъ былъ храбрецъ, это несбыточно, нужно чтобы полкъ былъ храбръ, все дѣло въ сборной душѣ части. Если въ полку есть много людей не подчиняющихся его духу, то самое существованіе этой сборной души становится невозможнымъ.

Надо вспомнить великій примѣръ Ватерлоо. Французская армія, сформированная передъ самымъ походомъ, состояла почти поголовно изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, возвратившихся изъ плѣна и дальнихъ гарнизоновъ по всѣмъ концамъ Европы; но люди эти были сведены въ новые полки, они не знали ни своихъ начальниковъ, ни другъ друга. Наполеонъ говорилъ „la terre qui porte cette armée en est fière“, и онъ былъ правъ относительно одиночныхъ людей. Но вотъ что случилось: эти старые солдаты бились какъ львы, но эти молодые полки, составленные изъ людей ничѣмъ между собою не связанныхъ, лишенные поэтому общей души, какъ только счастіе не повезло имъ, закричали „измѣна“ и разсыпались по-одиночкѣ, какъ испуганный табунъ, чего никогда не случалось въ такой степени даже съ полками рекрутъ, выведенныхъ на убой въ 1813 году.

Для всякаго войска, а тѣмъ болѣе для народной арміи, состоящей преимущественно изъ молодыхъ солдатъ, должна быть принята аксіома: „военная часть надежна въ бою тогда только, когда она состоитъ изъ людей проникнутыхъ нравственною связью, образующихъ товарищество“; лишь при такой связи явится въ ней круговая порука, увѣренность во взаимной поддержкѣ, и часть станетъ слитною, цѣльною единицей; а на войнѣ вся сила именно въ этомъ. Чтобы разчитывать въ бою на полкъ состоящій въ мирное время изъ трети, даже изъ половины полнаго комплекта, надобно чтобы онъ пополнялся своими отпускными, а не какими-либо другими; безъ этого хорошей арміи никогда не будетъ. Но сво-

Digitized by Google

дить въ полкъ исключительно его безсрочныхъ, разбросанныхъ по обширной Имперіи, рѣшительно невозможно. Для этого пришлось бы обратить цѣлыя дивизіи въ писарей и употребить годъ на укомплектованіе войскъ. Есть только одно средство достигнуть этой цѣли легко, безъ замѣшательства: опредѣлить каждому пѣхотному полку особенный рекрутскій участокъ, изъ котораго бы онъ исключительно формировался. Отпускные пойдутъ на родину. Съ постановленіемъ полка на военное положеніе, къ нему будутъ призваны безсрочно-отпускные его участка. Если къ нимъ примѣшается нѣсколько посторонних, если нѣкоторые изъ отпускныхъ полка разбредутся въ другіе участки, въ этомъ нѣтъ никакой важности; масса будетъ своя, полкъ останется однимъ товариществомъ, а только это и нужно. Исключеніе можетъ быть допущено только временно, на войнѣ, когда полкъ понесетъ несоразмѣрныя потери; тогда его, для спѣшности, разумѣется, необходимо комплектовать первыми прибывшими рекрутскими партіями. Въ обыкновенное время также можетъ быть разница въ убыли полковъ стоящихъ не въ одинаковыхъ санитарныхъ условіяхъ по всѣмъ концамъ Имперіи, но для того остается все количество рекрутъ изъ областей не допускающихъ раздѣленія на полковые округа; его можно распредѣлить между полками по усмотрѣнію.

Постоянныя войска долгаго срока могутъ быть сформированы изъ какихъ угодно элементовъ; но народная армія, кадры пополняемые отпускными, не могутъ быть хороши иначе какъ на этомъ условіи. Государства, принявшія систему народныхъ армій, основали ее на полковыхъ рекрутскихъ округахъ, всѣ, даже разноплеменная Австрія.

Можно поручиться въ томъ, что полкъ составленный изъ однозем цевъ, изъ сосѣдей, притомъ носящій мѣстное названіе страны, составляющей его рекрутскій участокъ, развовьется такимъ органическимъ цѣлымъ, будетъ такъ воодушевленъ, какъ не былъ еще никогда ни одинъ полкъ нашей арміи. Я говорилъ уже какое соревнованіе было возбуждено въ дивизіяхъ сформированныхъ въ 1863 году частнымъ размѣщеніемъ людей въ полки группами, хотя еще въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Для качества полка чрезвычайно важно, чтобъ онъ составлялъ нѣчто въ родѣ маленькой національности, естественной или выдѣланной, все равно; надобно непремѣнно чтобы полкъ имѣлъ свой нравствен

Digitized by Google

ный оттѣнокъ, свою оригинальность, свои обычаи; чтобы солдату, забредшему въ чужую часть, говорили: „ну, съ перваго слова видѣнъ куринецъ," „вотъ за версту признали эриванца" и чтобы дѣйствительно куринца можно было признать съ перваго слова, а эриванца отличить за версту. Надобно чтобы всѣ чины считали свой полкъ первымъ въ свѣтѣ, свято хранили его преданія, готовы были идти на ножи со всякимъ чужимъ за его славу; это возможно лишь тогда, когда полкъ имѣетъ личность. Только при такомъ развитіи часть будетъ составлять одно боевое цѣлое, *несокрушимое до изнеможенія силъ*, такое цѣлое, въ которомъ ни одиночный человѣкъ не выдастъ товарища, ни рота не выдаетъ роту, ни полкъ во всемъ составѣ не допуститъ кого-либо превзойдти себя. Грузинскіе гренадеры, обиженные тѣмъ, что сосѣди ихъ по штабъ-квартирѣ, Эриванцы, не поддержали ихъ будто бы въ сраженіи подъ Баш-Кадыкларомъ (претензія, надобно сказать, совершенно несправедливая), нѣсколько лѣтъ потомъ поголовно не говорили съ ними, даже встрѣчаясь одинъ на одинъ. Вотъ полкъ съ личностію! Надобно знать до какой степени напоминаніе славнаго имени полка дѣйствуетъ на кавказскихъ солдатъ. „Помните, что вы Кабардинцы", это слово всегда равнялось нѣсколькимъ тысячамъ подкрѣпленія. Но изъ всей нашей арміи только на Кавказѣ и есть полки съ личностію, даже тамъ она начинаетъ блѣднѣть; если кавказскіе обычаи не будутъ храниться во всей строгости, если Кавказцами будутъ командовать не люди взросшіе въ ихъ рядахъ, если великія преданія этой арміи станутъ замѣняться по временамъ понятіями брошенныхъ за негодностію старыхъ курсовъ тактики, личность исчезнетъ и оттуда. Еще въ письмахъ изъ Тифлиса, напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* я объяснялъ развитость этихъ войскъ не только боевою жизнію, но тѣмъ, что онѣ остались войсками суворовскими, какими пришли сюда въ первый годъ столѣтія; до нихъ почти не коснулась плацъ-парадная фридриховская школа, и полки развились дѣйствительно самобытными, одушевленными единицами. За исключеніемъ же Кавказа, надо сказать, полки наши не имѣютъ никакой физіономіи, разница между ними только въ цвѣтѣ воротника; полковыя преданія лежатъ въ архивахъ и никому неизвѣстны; имя полка не звучитъ солдату ничѣмъ близкимъ сердцу. На практикѣ это значитъ, полкъ далеко не представляетъ той

Digitized by Google

боевой силы, какая могла бы въ немъ заключаться. Въ природѣ одинъ законъ: каждый новый шагъ къ развитію знаменуется бо́льшимъ обособленіемъ сначала единичности, потомъ личности; изъ безразличной массы силъ выдѣляется понемногу живая душа. Это такъ же вѣрно въ исторіи какъ въ геологіи. Полкъ съ выработанною личностію относится къ полку безличному, какъ высшій организмъ къ студню полипа; всѣ недозрѣлые плоды одного вкуса. Можно сказать положительно, пока каждый изъ русскихъ полковъ не разовьется до самобытности, русская армія не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть.

Шестидесятилѣтнее вліяніе фридриховской школы подѣйствовало убійственно на наши войска: не на солдатъ, а на начальниковъ, на штабы, на весь итогъ военныхъ обычаевъ и пріемовъ. Съ рутиной видной на глазъ можно скоро покончить, что̀ уже и сдѣлано въ значительной степени; но рутину засѣвшую въ душу, въ понятія людей, трудно искоренить даже въ долгіе годы. Въ срокъ одного поколѣнія невозможно влить въ наши полки, остающіеся на прежнемъ основаніи, тотъ просторъ жизни, который даетъ каждой военной части самобытный характеръ. Этой самобытности не изъ чего развиться, для нея покуда не существуетъ даже зародыша. Надо положить новыя дрожжи въ русскую армію. Распредѣленіе рекрутскихъ участковъ по полкамъ, сформированіе полковъ изъ одноземцевъ, съ перенесеніемъ на нихъ мѣстныхъ названій, раскиданныхъ теперь совершенно случайно, мѣра, въ сущности очень несложная, станетъ жизненнымъ обновленіемъ для нашей арміи. Можно даже не придавать частямъ никакого имени, уничтожить только нынѣшнія названія, оставивъ одни нумера; онѣ сами будутъ знать кто онѣ такія. Укрѣпленіе за полками опредѣленныхъ рекрутскихъ участковъ необходимо, по двумъ причинамъ чрезвычайной важности: для того чтобы съ переходомъ на военное положеніе пополнять часть ея собственными, а не чужими безсрочно-отпускными, безъ чего она никогда не будетъ единодушною, связною боевою частію; для того чтобы зародить въ полкахъ соревнованіе, вложить въ нихъ нравственную цѣльность. Одно и то же учрежденіе оказывается нужнымъ и для того чтобы прочно устроить многочисленную, легко подвижную народную армію, и для того чтобы разомъ ввести ее въ возрастъ зрѣлости. Полкъ, состоящій изъ одно-

Digitized by Google

земцевъ, представляетъ всѣ залоги военныхъ качествъ; въ немъ быстро разовьется круговая порука, обязанность взаимной поддержки. соревнованіе съ чужими, сотоварищество—явится личность. Всѣ наши полки въ короткое время станутъ въ извѣстной мѣрѣ Кабардинскими. *

Я не думаю, чтобы нужно было доказывать безопасность для общественнаго порядка соединенія одноземцевъ по группамъ. Этого учрежденія не боится даже разношерстная Австрія, въ которой каждый полкъ имѣетъ свой особенный рекрутскій округъ. Распредѣленіе войскъ по національностямъ даже тамъ не ведетъ за собой не только вредныхъ, но даже сколько-нибудь сомнительныхъ политическихъ послѣдствій. Какія же послѣдствія можетъ оно имѣть при распредѣленіи рекрутъ по уѣздамъ? Развѣ не всѣ русскіе люди въ одинаковой степени слуги Царю и матери Россіи? Пожалуй, найдутся господа, которые покажутъ испуганный видъ при мысли о соединеніи Муромцевъ въ одинъ баталіонъ! Не мудрено! Вѣдь находились же люди, которые, въ огражденіе польскихъ интересовъ, пробовали пугать правительство русскимъ народомъ.

Тѣмъ не менѣе предыдущее требуетъ оговорки. Разсѣянные по Россіи клочки инородцевъ—Евреи, Татары, Финны—непредставляютъ никакого затрудненія; они не живутъ сплошною массой. расплываются въ русскомъ народѣ. Нѣкоторыя окраины государства, населенныя чуждыми племенами, подходятъ сами собой подъ общее правило Финляндія,—тѣмъ, что она и теперь имѣетъ свое войско, это ея привилегія; остзейскій край—потому что намъ нечего опасаться группировать его сельское населеніе и возбуждать племенныя, или скорѣе сословныя чувства Латышей и Эстовъ, это можетъ показаться неудобнымъ развѣ только нѣмецкимъ бюрге-

* Кромѣ того, между арміей и земствомъ возникнетъ тѣснѣйшее сочувствіе. Каждый полкъ будетъ для своего рекрутскаго участка какъ сынъ родной семьи, въ случаѣ надобности получитъ отъ него всевозможныя пособія; люди утратившіе силы отъ ранъ или болѣзни встрѣтятъ на родинѣ общее содѣйствіе. Рекруты пойдутъ съ величайшею охотой, зная что они идутъ къ своимъ. Солдатъ на службѣ будетъ вдвое дорожить хорошею славой, зная, что она воротится съ нимъ въ родную деревню. При такомъ учрежденіи вся русская земля станетъ за русскою арміей, не аллегорически, но уже буквально, какъ мать за своимъ сыномъ.

Digitized by Google

рамъ того края; Грузины, наконецъ, какъ народъ вполнѣ намъ сочувственный, братья наши по вѣрѣ и по оружію. Но есть окраины, къ населенію которыхъ нельзя имѣть полнаго довѣрія: Царство Польское, нѣкоторыя исключительно польскія мѣстности въ западныхъ губерніяхъ и области мусульманскія. Въ такихъ странахъ, конечно, нельзя учреждать ни рекрутскихъ округовъ, ни ополченія; тамъ все количество рекрутъ, соразмѣрное съ числомъ людей ставшихъ подъ ружье въ русскихъ губерніяхъ, должно быть собираемо безразлично со всего населенія и размѣщаемо въ равныхъ доляхъ по полкамъ. Одинъ малонадежный человѣкъ на десять не составляетъ ничего, когда эти десять живутъ въ тѣсномъ товариществѣ какъ земляки.

X.

Можно думать, что на вышеприведенныхъ основаніяхъ переходъ къ военному положенію будетъ совершаться легко, съ соблюденіемъ условій нужныхъ для хорошаго качества войска. Въ частяхъ возникнетъ тѣсное товарищество, между ними возбудится соревнованіе, обнаружится личность каждой. Это еще не все. Войско будетъ одушевлено наилучшимъ духомъ, но все-таки оно будетъ очень молодо. Съ какимъ бы то ни было духомъ, масса молодыхъ солдатъ слишкомъ подвержена внезапнымъ впечатлѣніямъ, чтобы быть вполнѣ надежною, если ей не приданъ болѣе твердый остовъ, если ею не руководятъ зрѣлые, опытные люди, не одни только офицеры; въ офицерахъ заключается умъ части, а не ея нравственная душа; они голова ея, а не сердце. Во всякой арміи, а въ нашей еще несравненно болѣе чѣмъ въ какой-либо другой, между офицерами и толпой нужны звенья, посредники, пользующіеся ея довѣріемъ. Необходимо поставить опытныхъ руководителей въ головѣ самыхъ мелкихъ подраздѣленій, даже десятковъ. Обучить пѣхоту не долго, была бы голова, къ ней всегда можно придѣлать новый хвостъ, но эта голова не можетъ быть сосредоточена въ маленькомъ кружкѣ начальствующихъ, всѣ плеча въ части должны чувствовать ее на себѣ. Молодой солдатъ не можетъ стать такою головой даже для самой маленькой кучки товарищей, въ немъ нѣтъ обаянія, онъ можетъ только дѣйствовать, а не пока-

Digitized by Google

зывать другимъ что̀ дѣлать. Во фронтѣ необходимы старые унтеръ-офицеры и ефрейторы, пользующіеся авторитетомъ опытности и знанія дѣла.

Объ унтеръ-офицерахъ нечего и говорить; въ нашей арміи въ нихъ заключается вся нравственная основа части. Унтеръ-офицеры, кромѣ своего значенія въ жизни полка и во фронтѣ, должны еще быть инструкторами, обучающими одиночныхъ рядовыхъ, они должны знать свое дѣло въ совершенствѣ, чего нельзя требовать отъ людей, которые сами еще продолжаютъ учиться; а трехъ-лѣтнимъ солдатамъ надо учиться до послѣдняго дня, чтобы быть вполнѣ приготовленными ко времени роспуска. Унтеръ-офицеровъ приходится меньше чѣмъ по одному на двадцать рядовыхъ, въ этой пропорціи трудно обучать людей скоро и правильно, трудно и присмотрѣть за ними; имъ нужны въ помощники старые солдаты-эфрейторы. Для доброкачественности молодаго войска надобно, чтобы на нѣсколькихъ солдатъ приходился руководитель, всегда стоящій передъ ихъ глазами. Тогда войско представитъ полное соединеніе боевыхъ качествъ: съ одной стороны твердость и хладнокровіе зрѣлости, съ другой — пылкость молодости.

Для пріобрѣтенія этихъ опытныхъ людей есть только одно средство, но вѣрное и легкое—французская система вербовки на второй срокъ людей отслужившихъ свое время. Это учрежденіе даетъ разомъ молодой арміи ту степень устойчивости и зрѣлости, которой она никогда не могла бы достигнуть сама собою; оно проводитъ рѣзкую грань между нею и арміей чисто-народною, какова прусская, сила которой, можно сказать, исключительно въ офицерахъ; оно придаетъ молодому войску твердое основаніе, говоря фигурно, влагаетъ въ него остовъ, обращаетъ его изъ мягкотѣлаго въ высшій организмъ. Никто не откажетъ французской арміи въ довольно высокой степени зрѣлости, хотя солдата держутъ тамъ въ рядахъ въ мирное время не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ; несмотря на такую кратковременность дѣйствительной службы, установленіе вербовки солдатъ на второй срокъ придаетъ французскимъ войскамъ несомнѣнный характеръ старыхъ бандъ, ставитъ эту армію такъ высоко. Пруссія не обладаетъ этимъ рессурсомъ, ея вооруженная сила поглощаетъ все населеніе способное носить оружіе; добыть ветерановъ ей неоткуда. Но въ государствѣ, не

Digitized by Google

вынужденномъ напрягать свои средства до такой степени, имѣющемъ просторъ въ устройствѣ своихъ вооруженій, вербовка солдатъ на вторичную службу, дополняющая нравственно все то чего не достаетъ молодому войску, должна стать однимъ изъ существеннѣйшихъ основаній военной организаціи. Она принята во Франціи, гдѣ отношеніе вооруженной силы къ населенію составляетъ $^1/_{50}$; у насъ, гдѣ это отношеніе никогда не перейдетъ $^1/_{80}$, существуетъ для нея еще гораздо болѣе простора.

Пополненіе рядовъ старыми солдатами есть не только существенное условіе для качества войскъ, котораго нельзя замѣнить никакими комбинаціями, но оно одинаково нужно и для того, чтобъ избавить армію отъ нынѣшнихъ охотниковъ изъ вольнонаемныхъ, и для того чтобы дать каждому гражданину, имѣющему средства, возможность откупиться. Нынѣшнихъ наемщиковъ нельзя терпѣть въ войскѣ, на этотъ счетъ всѣ согласны. Кто только видѣлъ какъ въ нашемъ народѣ ставятъ охотника, не можетъ этому удивляться. Въ охотники идутъ безъ исключенія одни пропащіе люди. Въ послѣдніе мѣсяцы передъ поступленіемъ на службу, эти люди, распоряжаясь почти неограниченно кошелькомъ и семействомъ нанимающаго, справляютъ безумную оргію, въ которой они развращаются окончательно. Не мудрено, что изъ нихъ выходятъ потомъ не защитники родной земли, а колодники арестантскихъ ротъ, которыя наполняются ими преимущественно. Нанимающій же часто раззоряется до тла и всегда растраивается. Пора ввести въ эти отношенія законный порядокъ, чтобы всякій гражданинъ могъ откупиться отъ обязательной военной службы безъ затрудненій, внеся опредѣленную закономъ сумму въ рекрутскую кассу. Абсолютно обязательная военная служба можетъ имѣть смыслъ въ Пруссіи, а не у насъ, гдѣ отношеніе служащихъ къ населенію, при величайшемъ развитіи силъ, составитъ не болѣе какъ 1 къ 80. Во всѣхъ отношеніяхъ учрежденіе государственной рекрутской кассы стало необходимымъ, и для арміи, и для общества. Величину выкупной суммы нельзя опредѣлить теоретически. Надобно узнать на практикѣ и вывесть среднюю цифру вознагражденія, за которую солдатъ двѣнадцати-лѣтняго срока охотно поступаетъ на службу. Эта цифра зависитъ отъ двухъ

Digitized by Google

условій, противоположныхъ одно другому: 1) надобно привлекать на службу какъ можно болѣе солдатъ втораго срока, что возможно только при хорошемъ вознагражденіи; 2) надо чтобы цѣнность зачетной квитанціи была какъ можно ниже, иначе ихъ не будутъ раскупать въ достаточномъ количествѣ. А какъ правительство можетъ вербовать отставныхъ только за ту цѣну, которую оно получаетъ въ выкупъ рекрута то, очевидно, величина этой цѣны зависитъ отъ колебанія между запросомъ отставныхъ и предложеніемъ откупающихся. Только ощупью можно дойдти до опредѣленія настоящей цифры. Вѣроятно, она установится около 300 руб., но нельзя сказать этого положительно.

При двѣнадцати-лѣтнемъ срокѣ службы отставные будутъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ (лѣтъ тридцати двухъ), стало-быть гораздо выносчивѣе рекрутъ, и останутся въ полныхъ силахъ до окончанія втораго срока (около сорока четырехъ лѣтъ). Неутомленные дѣйствительною службой, продолжавшеюся всего $3^1/_2$ г., они явятся въ какомъ угодно количествѣ. Въ армейскую пѣхоту надобно конечно вербовать на второй срокъ преимущественно унтеръ-офицеровъ и эфрейторовъ, солдатъ же въ той мѣрѣ какая окажется возможною по остатку суммъ отъ этой первой вербовки. Ставить же наемниковъ на службу надобно непремѣнно въ прежнюю часть; въ ней одной они будутъ имѣть должное вліяніе на молодыхъ и принесутъ возможную пользу. Нѣтъ надобности держать этихъ солдатъ-наемниковъ полный вторичный срокъ въ рядахъ. За исключеніемъ унтеръ-офицеровъ, отъ нихъ должно требовать того же что и отъ рекрутъ: трехъ-лѣтней дѣйствительной службы и девятилѣтней въ запасахъ. Съ призывомъ подъ знамя, вторичные безсрочные, прослужившіе въ два раза шесть съ половиною лѣтъ, являвшіеся столько лѣтъ ежегодно на срочную службу (годовые мѣстные сборы на нѣсколько времени, безъ сомнѣнія, необходимы), привыкшіе считать себя боевыми людьми въ продолженіе долгаго періода, будутъ уже достаточно проникнуты военнымъ духомъ и не обманутъ названія старыхъ солдатъ. Будетъ еще та выгода, что армія избавится отъ элементовъ, изъ которыхъ, по неблагонадежности или неспособности, рѣдко выходятъ хорошіе солдаты; напримѣръ, отъ польскихъ горожанъ, отъ Евреевъ и пр., которые станутъ откупаться массой, когда имъ предоставятъ возможность необременительнаго выкупа; они понесутъ ту же

Digitized by Google

государственную повинность, только въ другомъ видѣ. Когда этотъ порядокъ выкупа и вербовки старослуживыхъ установится закономъ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ общественной рекрутской кассы и съ безусловнымъ запрещеніемъ ставить вмѣсто себя вольнонаемныхъ охотниковъ, а срокъ службы сократится до двѣнадцати лѣтъ, то безъ всякаго сомнѣнія запросъ и предложеніе, съ двухъ сторонъ, примутъ обширные размѣры; не будетъ недостатка ни въ охотникахъ служить вторичный срокъ, ни въ средствахъ къ привлеченію ихъ.

Для удержанія въ рядахъ опытныхъ унтеръ-офицеровъ недостаточно вышеизложенной мѣры. Рѣдко станутъ возводить въ это званіе рядовыхъ раньше третьяго года службы (кромѣ тѣхъ, которые могутъ быть произведены на вторичномъ срокѣ); такимъ образомъ, пришлось бы увольнять унтеръ-офицеровъ въ отпускъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ производства, а это все равно что не имѣть ихъ. Унтеръ-офицеровъ надобно оставлять въ рядахъ на весь срокъ службы; это во власти правительства, такъ какъ законъ обязываетъ рекрута служить полное число положенныхъ лѣтъ, отпускъ же есть домашнее, хозяйственное распоряженіе военнаго министерства, для сокращенія расходовъ. Чтобъ облегчить унтеръ-офицеру службу, ему можно замѣнить безсрочный отпускъ нѣсколькими срочными, распространяя ихъ на четверть или даже на треть всего числа. Эта мѣра нужна сама по себѣ, чтобы не содержать полнаго числа унтеръ-офицеровъ на треть комплекта рядовыхъ. Надобно однакожь замѣтить, что хотя правительство имѣетъ несомнѣнное право удерживать въ рядахъ по своихъ соображеніямъ людей подлежащихъ отпуску, но относительно унтеръ-офицеровъ не слѣдуетъ прибѣгать къ такой мѣрѣ безъ ихъ согласія; всякій пойметь, каково будетъ войско съ постоянно недовольными старшими людьми. Рядовому должно быть объявлено, что галуны обязываютъ его оставаться на постоянной службѣ, и въ то же время ему должно быть предоставлено право принять ихъ, или отказаться, по усмотрѣнію. Всегда можно обезпечить себѣ согласіе людей, предоставляя имъ достаточное содержаніе (на что можно обратить часть сбора отъ продажи зачетныхъ квитанцій) и болѣе почетное положеніе на службѣ, и безъ того уже требуемое новымъ складомъ войска. Само собою разумѣется, что

Digitized by Google

унтеръ-офицеровъ, преимущественно передъ всѣми, надобно склонять ко вторичной службѣ.

При такомъ порядкѣ вещей, вербовка выслуживающихъ свое время солдатъ на вторичный срокъ должна производиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нужно открыть продажу зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій по опредѣленной цѣнѣ во всѣхъ казначействахъ, а право выкупа предоставить безъ изъятія всѣмъ лицамъ и сословіямъ, чтобы не только отдѣльный человѣкъ, но и общества, городское или сельское, могло пользоваться имъ собирательно, если пожелаетъ. Кромѣ отдѣльныхъ семействъ, найдутся цѣлые классы и породы людей, которые станутъ широко пользоваться этимъ правомъ, напримѣръ Евреи. Со втораго года можно будетъ видѣть съ достаточною точностію какіе размѣры приметъ военный выкупъ и опредѣлить количество, въ которомъ должно вербовать отставныхъ. При этой мѣрѣ можно будетъ распространить рекрутскій наборъ на всѣ окраины Имперіи и исключительныя населенія, каковы мусульманскія области (кромѣ горцевъ, состоящихъ подъ военнымъ управленіемъ), Бессарабія, иностранные колонисты и пр. Если политическія соображенія, болѣе или менѣе основательныя, заставляютъ отказываться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отъ рекрутскаго набора въ натурѣ, то эти соображенія теряютъ силу съ открытіемъ возможности для каждаго лица и сословія купить по умѣренной цѣнѣ рекрутскую квитанцію. Дарованіе льготы нѣкоторымъ инородцамъ въ несеніи натуральной военной повинности, можетъ-быть, имѣло причину; избавленіе ихъ отъ повинности денежной, которую несетъ на себѣ владычествующій народъ, не можетъ имѣть никакого основанія.

Съ объявленіемъ военнаго положенія можетъ встрѣтиться надобность вовсе прекратить или ограничить продажу зачетныхъ квитанцій. Эта мѣра, конечно, всегда въ рукахъ правительства. Но съ распространеніемъ подобнаго учрежденія, какъ и теперь, разъ выданная квитанція должна, безъ сомнѣнія всегда имѣть законную силу.

Нечего говорить о боевомъ и административномъ раздѣленіи войскъ: оно почти тождественно во всей Европѣ. Можно сдѣлать одно только замѣчаніе. Желательно, чтобъ у насъ былъ сформированъ при всѣхъ дивизіяхъ 13-й стрѣлковый баталіонъ, какъ это существуетъ при нѣкоторыхъ. Полковыя

Digitized by Google

стрѣлковыя роты прикрываютъ фронтъ своихъ частей; для этого назначенія онѣ совершенно достаточны, какъ бы ни былъ продолжителенъ бой. Но на войнѣ безпрестанно встрѣчаются случаи, когда стрѣлки нужны спеціально, особо, для занятія мѣстности слишкомъ пересѣченной. Оборона такой мѣстности пѣхотнымъ баталіономъ не даетъ достаточнаго числа стрѣлковъ, такъ какъ ихъ приходится 160 на тысячу списочныхъ людей; посылать туда стрѣлковыя роты изъ резерва, значитъ заранѣе отнимать застрѣльщиковъ у баталіона, которому еще придется, можетъ-быть, выдерживать упорный бой; приводить стрѣлковый баталіонъ изъ другой дивизіи, значитъ перепутывать командованіе: корпусный командиръ не долженъ заниматься отдѣльными строевыми единицами. Для подобныхъ назначеній, столь часто требуемыхъ обстоятельствами, непремѣнно нуженъ при дивизіи особый стрѣлковый баталіонъ. Кромѣ того, при обыкновенномъ ходѣ войны, стрѣлки выбываютъ изъ фронта въ большемъ числѣ нежели люди линейныхъ ротъ, а замѣнить ихъ трудно, такъ какъ эти послѣдніе не учатся стрѣльбѣ съ дальнихъ дистанцій. Стрѣлковый баталіонъ при дивизіи доводитъ численное отношеніе застрѣльщиковъ къ массѣ линейной пѣхоты съ одной пятой до одной четвертой, что̀ само по себѣ уже весьма важно.

Приведемъ къ одному итогу главныя основанія, на которыхъ можетъ быть устроена наша народная армія; основанія эти раскрываются въ необходимой связи между собою, истекаютъ одно изъ другаго и составляютъ стройное цѣлое, какъ всякій логическій выводъ изъ даннаго положенія дѣлъ. Съ 1863 года наша военная организація, бывшая до тѣхъ поръ произвольною, приведена въ систему, то-есть основана въ главныхъ чертахъ на соображеніи дѣйствительныхъ средствъ съ дѣйствительными потребностями. Она можетъ теперь развиваться неопредѣленно, не сходя съ заложеннаго фундамента; но, по всѣмъ соображеніямъ, ее надобно продвинуть еще далѣе не въ будущемъ, а теперь же. Политическое положеніе Россіи полно всякими возможными неожиданностями; а между тѣмъ нынѣшнія наши силы не равны еще силамъ, съ которыми намъ придется, чего добраго, столкнуться независимо отъ нашей воли, хотя онѣ могутъ быть равными при нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ мѣрахъ въ военномъ преобразованіи. По

Digitized by Google

сравненію съ нынѣшними вооруженными силами Европы, намъ нужна болѣе многочисленная армія, которую можно создать, не обременяя финансовъ, только уменьшеніемъ сроковъ службы, то-есть увеличеніемъ числа безсрочно-отпускныхъ къ числу стоящихъ подъ знаменемъ въ мирное время. При этой системѣ приходится держать на службѣ исключительно молодыхъ солдатъ и внезапно сводить ихъ массами. Для надежности боевой части нужно, чтобъ она была проникнута нравственною связью, составляла товарищество, имѣла личность, что̀ никакъ не можетъ возникнуть между незнакомыми людьми, сведенными на одинъ данный случай. Полкъ съ отпускными можетъ быть хорошъ лишь тогда, когда къ нему собираются свои, а не чужіе люди; но къ полку нельзя сзывать его отпускныхъ изъ всѣхъ угловъ Россіи: для этого необходимо, чтобъ онъ формировался исключительно изъ своего рекрутскаго участка. Эта же мѣра нужна для того, чтобы создать въ каждомъ изъ нашихъ полковъ единство, личность, которыхъ теперь въ нихъ нѣтъ, что̀ значительно ослабляетъ ихъ боевое качество. При всѣхъ этихъ условіяхъ молодому войску нужны еще опытные унтеръ-офицеры и ефрейторы, нужны также старые солдаты-вожаки, какъ остовъ, какъ примѣръ и голова всѣмъ прочимъ. При равноправности, этихъ людей нельзя удерживать въ рядахъ насильно, ихъ можно получить только системой вербовки на вторичный срокъ; а для того надобно дать этому учрежденію правильный видъ, развить его, сдѣлать популярнымъ и распространить на всю Имперію. Результатомъ его, кромѣ солиднаго качества войскъ, будетъ еще упраздненіе оскорбительной для русскаго народа привилегіи, которою пользуются въ его землѣ не-Русскіе, и исключеніе изъ войскъ въ большой мѣрѣ элементовъ, изъ которыхъ не выходитъ хорошихъ солдатъ. При всѣхъ этихъ условіяхъ можно думать, народная русская армія съ трехлѣтнимъ срокомъ дѣйствительной службы, будетъ отнюдь не хуже нынѣшней; можно даже полагать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она будетъ лучше.

Вопросъ о нашей дѣйствующей пѣхотѣ этимъ однакожъ не исчерпывается. Есть еще другія средства возвысить ея силу, если не численную, то боевую, залогъ ея могущества передъ непріятелемъ.

Digitized by Google

XI.

Въ настоящее время въ Европѣ есть много армій безъ отборныхъ войскъ; но никогда не бывало боевой арміи, оставившей память о своихъ подвигахъ, которая бы обходилась безъ нихъ. Ни при какомъ устройствѣ большая масса людей не можетъ быть доведена до совершенства; достигнуть его можно только при ограниченныхъ размѣрахъ, тщательнымъ выборомъ матеріаловъ и неустанною заботливостію. Между тѣмъ значеніе отборныхъ резервовъ на войнѣ чрезвычайно велико; иногда они ничѣмъ не замѣнимы. Эти резервы относятся къ массѣ арміи, какъ сталь относится къ желѣзу; они составляютъ для нея то же что̀ стальной наконечникъ для пули, которая, безъ этой иглы въ головѣ, расплющится, но не проникнетъ въ твердое тѣло. Бываетъ, при извѣстной устойчивости и глубинѣ непріятельскихъ линій или при крѣпости позиціи, что ихъ не пробьешь никакимъ сосредоточеніемъ силъ, которымъ вдобавокъ негдѣ и развернуться; множество сраженій проигрывалось въ такихъ обстоятельствахъ. Съ отборнымъ резервомъ можно противопоставить непріятелю, вмѣсто превосходства числа, превосходство качества и пронизать его линію, какъ стальное ядро пронизываетъ желѣзную броню корабля. Часто представляются случаи, когда одинъ такой полкъ, сто́ящій своего названія, можетъ сдѣлать больше чѣмъ цѣлая дивизія; и не только самъ онъ сдѣлаетъ, но онъ обратитъ своимъ примѣромъ, хоть на часъ, нѣсколько обыкновенныхъ полковъ въ отборные. Съ отличнымъ резервомъ рѣшительный главнокомандующій всегда выиграетъ сраженіе противъ непріятеля, хотя бы сильнѣйшаго (разумѣется, до нѣкоторой соразмѣрности), но у котораго такого резерва нѣтъ; онъ никогда не допуститъ неудачѣ обратиться въ пораженіе. Великіе полководцы, всѣ безъ исключенія, считали отборныя войска необходимыми, что̀ весьма понятно; разчитывая на войнѣ каждый шагъ навѣрное, они должны были также обезпечить себѣ увѣренность, что ихъ разчеты въ случаѣ необходимости могутъ быть поддержаны войсками никогда не обманывающими ожиданія. Арміи, въ которыхъ понимаютъ все значеніе отборныхъ войскъ, тѣмъ самымъ

Digitized by Google

уже имѣютъ несравненное преимущество надъ другими. Французы рѣшили участь первой половины Крымской войны, рѣшившей все остальное, тѣмъ только, что собрали въ восточную армію всѣ свои извѣстные, боевые полки. Сосредоточивая ихъ на главномъ пунктѣ, они всегда брали верхъ надъ самымъ отчаяннымъ сопротивленіемъ нашихъ войскъ, поголовно готовыхъ умереть, но не владѣвшихъ въ равной мѣрѣ искусствомъ драться; мы не могли противопоставить этимъ войскамъ въ Крыму ничего однокачественнаго; а между тѣмъ, у насъ было безплодно раскидано по Кавказу нѣсколько десятковъ баталіоновъ, можетъ-быть, еще высшаго достоинства. Отчего Французы лучше распорядились? Оттого что они думали о войнѣ по-военному, а мы по-парадному! У насъ въ то время нельзя было написать о превосходствѣ кавказской дивизіи надъ резервною, оттого что послѣдняя носила тотъ же императорскій мундиръ и не было ей причины быть хуже. Мудрено побѣждать при такихъ понятіяхъ.

Войска должны считаться отборными по своимъ качествамъ, а не по росту людей и не по лишнимъ петлицамъ на мундирѣ. Превосходство же качествъ бываетъ слѣдствіемъ не только лучшаго выбора людей, но также лучшаго воспитанія и болѣе длинныхъ сроковъ службы. Молодыя войска никогда не могутъ быть отборными. Превосходство отборныхъ войскъ предполагаетъ болѣе привольныя условія въ устройствѣ чѣмъ какія бываютъ въ остальной арміи. Въ этомъ отношеніи прусскую гвардію никакъ нельзя назвать резервомъ высшаго качества, потому что она такая же армія какъ и прочія, хотя люди въ ней выше ростомъ. Наша гвардія дѣйствительно отборное войско, что она доказала на дѣлѣ во время польскаго мятежа; но превосходство ея истекаетъ не изъ большей нравственной зрѣлости, какъ въ полкахъ кавказскихъ и какъ было бы желательно, а изъ того, что привилегія службы привлекаетъ въ нее, въ ущербъ арміи, лучшихъ молодыхъ офицеровъ изо всей Россіи. Бываетъ также, что полки, устроенные на общемъ основаніи, выдѣляются вдругъ своимъ качествомъ изъ общей массы, вслѣдствіе особаго склада, который они получили въ исключительныхъ обстоятельствахъ; таковы у насъ многіе полки кавказскіе, во Франціи зуавы, иностранный легіонъ, алжирскіе стрѣлки, африканскіе конные егеря. Войска эти становятся отборными

Digitized by Google

сами по себѣ, хотя никто не хлопоталъ о томъ чтобы сдѣлать ихъ такими; они самородокъ, и хорошая военная организація сейчасъ же пользуется счастливымъ случаемъ, хранитъ эти полки какъ зеницу ока, ставитъ ихъ на принадлежащее имъ мѣсто. Такъ всегда дѣлали Французы, у которыхъ практическія военныя понятія установились твердо. Результатъ достаточно оправдалъ ихъ. * Дѣло хорошей администраціи не кроить систематически, но понимать явленія общественной жизни и пользоваться ими.

Качество боеваго резерва можетъ быть только относительное: надобно чтобъ онъ былъ выше общаго современнаго уровня войскъ. Понятно, что въ мирное время нельзя довести отборное войско до того чтобъ оно равнялось старой гвардіи Наполеона I или суворовскимъ гренадерамъ; но можно сформировать полки старослуживые, изъ лучшихъ элементовъ, съ тщательно подобранными офицерами, и воспитывать ихъ въ чисто-военномъ духѣ, что̀ гораздо удобнѣе сдѣлать съ солдатами долго стоящими подъ знаменемъ чѣмъ съ краткосрочными. Такіе полки будутъ, относиться къ остальнымъ какъ сталь къ желѣзу. Противъ нихъ устоятъ, можетъ-быть, зуавы, но не устоятъ обыкновенныя непріятельскія войска, а въ этомъ все дѣло.

При томъ же полномъ срокѣ службы полки постоянные, безъ отпускныхъ, подобранные съ нѣкоторымъ тщаніемъ, пополняемые въ большомъ количествѣ солдатами втораго срока, непремѣнно будутъ лучше или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть лучше обыкновенныхъ кадровыхъ полковъ и потому удовлетворятъ цѣли.

На предыдущее можно замѣтить, что прусская армія подъ Іеной состояла также изъ старыхъ солдатъ, наемниковъ на жизнь, и однакожь была разсѣяна. Но то былъ послѣдній день отжившей системы, которая одна только и была тутъ забракована. Механическіе солдаты, полки обращенные въ машину, бравшіе верхъ въ былое время только надъ подобными себѣ, руководимые крайне рутиннымъ и педантскимъ ге-

* У насъ еще не то, у насъ до сихъ поръ водятся школьные тактики, которые, видя самобытность развитыхъ боевыхъ войскъ, принимаютъ ее за аномалію, не подходящую подъ вытверженныя ими когда-то грамматическія правила военнаго дѣла и готовы силиться всѣми средствами довести ихъ до того, чтобъ они были *какъ всѣ*.

Digitized by Google

неральнымъ штабомъ, считавшимъ войну не искусствомъ, а теоретическою наукой, встрѣтились съ самою боевою, самою совершенною арміей въ свѣтѣ. Какой же могъ быть исходъ этого столкновенія? Нѣчто подобное произошло въ Крымскую войну, но съ тою разницей, что русская натура, не имѣющая ничего общаго съ машинностію и педантствомъ, подчинившаяся имъ невольно, все-таки брала свое; между тѣмъ какъ тамъ, въ Пруссіи, эта машинность всасывалась въ людей безъ противодѣйствія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ оказывалось то сходство, что солдаты были приготовлены къ чему угодно, только не къ войнѣ, и потому могли быть старыми людьми, но не были старыми солдатами. *

Нѣтъ сомнѣнія, что молодое войско, утраивающееся съ переходомъ на военное положеніе, устроенное и воспитанное какъ должно, можетъ быть не только вполнѣ годнымъ для войны, что̀ достаточно доказано опытомъ, но можетъ стать положительно хорошимъ войскомъ—выносчивымъ, рѣшительнымъ и упорнымъ. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, чтобъ оно могло сравняться по качеству со старыми, обтерпѣвшимися, хладнокровными дружинами. Послѣдній успѣхъ Пруссаковъ можетъ сбить съ толку многихъ неопытныхъ военныхъ; тѣмъ не менѣе разница между войсками того и другаго образца остается очевидною. Военная организація Пруссіи принята ею не какъ лучшая, а какъ необходимая; безъ этой организаціи, при ограниченности своихъ средствъ, она не могла бы считаться великою державой. Принявъ подобное устройство, она должна была держаться его исключительно; ея народныя силы были до сихъ поръ не довольно велики, чтобы дѣлать изъятія въ организаціи арміи для какихъ бы то ни было цѣлей; выставляя 740 тысячъ солдатъ на 18½ милліоновъ жителей, она ставитъ одного бойца на 24½ души обоего пола, и не можетъ уже думать объ отборныхъ войскахъ, требующихъ совсѣмъ другой системы воспитанія. Между тѣмъ Россія, и даже Франція, не

* Надо замѣтить однакожъ, что этимъ аргументомъ старыхъ войскъ противъ молодыхъ нельзя пользоваться для защиты нынѣшнихъ сроковъ службы, чтобъ ихъ не уменьшать. При этихъ срокахъ наша армія не удовлетворяетъ двумъ главнымъ условіямъ: она не довольно многочисленна въ сравненіи съ европейскими арміями и все-таки не довольно стара, чтобы замѣнять, въ ощутительной степени, качество количествомъ.

Digitized by Google

имѣя надобности исчерпывать подобно Пруссіи всѣ источники народныхъ силъ, имѣютъ болѣе простора въ распоряженіи своими средствами; онѣ могутъ устраивать нѣкоторую часть своихъ войскъ по другому, высшему образцу. Франція пользуется этимъ обстоятельствомъ; мы же подавно должны имъ воспользоваться, такъ какъ у насъ просто ру еще больше.

Если только государство имѣетъ возможность, по разчету своихъ средствъ, поддержать свою армію хоть небольшими резервами отборныхъ старыхъ войскъ, оно сдѣлаетъ большую ошибку не воспользовавшись этимъ преимуществомъ. Старыя дружины, въ которыхъ воинскій духъ положилъ свою печать на каждую личность и всѣхъ ихъ сплотилъ воедино, ничѣмъ не замѣнимы на войнѣ. Эти дружины составляютъ въ арміи то же, что̀ кости въ тѣлѣ, даютъ устой всей массѣ. Молодыя войска, воодушевленныя какъ должно, могутъ сдѣлать чудеса; натискъ ихъ будетъ пламеннѣе и въ случаѣ удачи даже рѣшительнѣе напора старыхъ хладнокровныхъ полковъ; но черезъ пять минутъ потомъ дѣло можетъ принять другой оборотъ. Нечаянная фланговая атака горсти людей, неожиданное сопротивленіе на какомъ-нибудь пунктѣ, разорвавшее стремящуюся впередъ линію, множество случайностей, могутъ разомъ остановить успѣхъ, иногда даже произвести панику. Неудачная атака обыкновенно разстраиваетъ нравственно молодую часть на цѣлый день, такъ что ее сейчасъ же приходится смѣнять другою. Въ италіянскую компанію 1859 года австрійскій полкъ, разъ отбитый, обыкновенно исчезалъ на цѣлый день. Качество молодыхъ войскъ, если они не поддержаны испытанными полками, зависитъ вполнѣ отъ удачи первыхъ дѣлъ: посчастливится, они хороши; не повезетъ, они уже далеко не такъ надежны, а поправить дѣла нечѣмъ: проигранное дѣло переходитъ въ полное пораженіе, чего всегда можно избѣгнуть, опираясь на бывалый и хладнокровный резервъ. Съ такимъ резервомъ за арміей, Хлумская исторія невозможна. Послѣ нѣсколькихъ усиленныхъ переходовъ, простоявъ на постоянномъ бивуакѣ, молодыя войска часто утомляются до разстройства. Если передъ ихъ глазами нѣтъ примѣра выдержанности и неутомимости, если они мѣряютъ возможность энергіи въ военныхъ трудахъ только своими понятіями объ ней, они упадаютъ силами; но когда они ви-

Digitized by Google

дятъ примѣръ, когда между ними стоятъ закаленныя войска, которымъ всякій трудъ не въ трудъ, вся армія проникается тѣмъ же духомъ; не только молодые солдаты выбиваются изъ силъ, чтобы не отстать отъ своихъ вожаковъ, но въ своемъ одушевленіи они дѣйствительно находятъ силу не отстать. Старые боевые полки особенно важны для арміи не только тѣмъ количествомъ силы, которая заключена въ нихъ самихъ, но еще болѣе тѣмъ, что они даютъ тонъ всему остальному. Только съ испытаннымъ, твердымъ, увѣреннымъ въ себѣ резервомъ главнокомандующій можетъ съ точностію разчитывать свои шаги въ кампаніи, вымѣрять свои дѣйствія въ бою по часамъ, — на всякую случайность у него есть средство подъ рукой; съ подобнымъ резервомъ онъ знаетъ, что въ случаѣ надобности можетъ продержаться столько-то времени на такомъ-то пунктѣ, безъ чего военные разчеты не имѣютъ значенія, становятся чѣмъ-то въ родѣ плановъ, сочинявшихся въ былое время знаменитымъ гофъ-кригсъ-ратомъ. Предпринимать войну безъ твердыхъ какъ кремень резервовъ значитъ ставить въ банкъ, играть наудачу. Таково было положеніе Пруссаковъ и Австрійцевъ въ нынѣшней войнѣ, съ ихъ полуторагодовыми и двухъ-годовыми солдатами; первые удивились своей побѣдѣ, но не удивились бы нисколько пораженію, — а пораженіе было бы также безвозвратно для нихъ какъ и для ихъ противниковъ. Великая армія Наполеона I (до 1808 г.), основаніемъ которой служили ветераны революціи, предводительствуемая имъ лично, составляла непревосходимый идеалъ военнаго совершенства; потомъ эта же самая армія, набранная изъ молодыхъ солдатъ, подъ начальствомъ тѣхъ же генераловъ и по большей части старыхъ офицеровъ, оказалась совсѣмъ иною: она дралась не хуже прежней и побѣждала, когда случалось, также точно; но война не бываетъ безъ неудачъ, а всякая неудача отзывалась на ней слишкомъ сильно. Въ 1809 году Французы, побѣдившіе при Регенсбургѣ, были отражены подъ Асперномъ, но черезъ нѣсколько дней выиграли битву при Ваграмѣ; въ 1813 году побѣдители при Дрезденѣ, испытавъ неудачу на Кацбахѣ, обратились въ бѣгство и на половину разсѣялись. Даже при Ваграмѣ, гдѣ билась уже не аустерлицкая армія, поглощенная испанскою войной, а войска смѣшанныя, соединеніе старыхъ полковъ со вновь сформированными, Наполеонъ именно по

Digitized by Google

этой причинѣ не рѣшился допустить Австрійцевъ обойдти свой флангъ, стать между собою и Дунаемъ, чтобы тѣмъ сильнѣе поразить ихъ, подобно тому какъ онъ сдѣлалъ подъ Аустерлицемъ. Онъ сказалъ: „въ моей арміи слишкомъ много молодыхъ войскъ, они испугаются этого движенія, почтутъ себя окруженными и отрѣзанными". Вотъ что̀ значатъ старые и молодые полки! У главнокомандующаго развязаны руки, онъ имѣетъ все, только съ первыми.

Отборный резервъ даетъ арміи огромный перевѣсъ при равныхъ силахъ. Армія, составленная такимъ образомъ, съ началомъ войны будетъ, конечно, только арміей ваграмской, а не суворовскою, или французскою аустерлицкою; такою она можетъ сдѣлаться лишь послѣ нѣсколькихъ походовъ; но она не будетъ также арміей кацбахскою, или современными арміями австрійскою и прусскою.

Отборный резервъ нуженъ только при дѣйствующихъ арміяхъ, выступающихъ на бой съ непріятелемъ, и преимущественно при главной арміи, рѣшающей судьбу войны. При большомъ скопленіи силъ достаточно, если осьмая часть будетъ состоять изъ отборныхъ войскъ, то-есть, если кругомъ на каждый корпусъ въ три дивизіи придется пять баталіоновъ резерва; войска эти образуютъ въ тылу арміи массу, довольно значительную чтобы нанести рѣшительный ударъ въ какой бы то ни было битвѣ гигантовъ. Мы исчислили (по спискамъ) пѣхоту нашихъ регулярныхъ дѣйствующихъ армій: западной, южной и кавказской (не войскъ вообще, которыхъ приходится больше),—приблизительно въ 750.000 при самомъ высшемъ напряженіи силъ; считая же въ дѣйствующей арміи на Кавказѣ только тѣ войска, которыя необходимы на турецкой границѣ, получимъ 725.000 налицо. По пропорціи одной осьмой, численность резерва выходитъ около 90 комплектныхъ баталіоновъ.

Во французской арміи эта пропорція слѣдующая. На 376 баталіоновъ дѣйствующей пѣхоты, изъ которыхъ едва ли двѣ трети, то-есть 250 баталіоновъ, перейдутъ когда-нибудь границу, набирается 55 отборныхъ, даже не считая стрѣлковыхъ баталіоновъ, которые тамъ почитаются и по составу своему должны почитаться исключительными, высшаго качества строевыми частями. Пропорція отборной пѣхоты къ линейной составляетъ во французской дѣйствующей арміи, на войнѣ, немного больше одной пятой, а съ вексенскими стрѣлками — четверть.

Digitized by Google

Для равноправныхъ гражданъ не можетъ быть разныхъ сроковъ военной службы. Боевые резервы могутъ отличаться отъ другихъ войскъ только тѣмъ, что на нихъ не распространяется учрежденіе безсрочныхъ: люди до конца срока стоятъ подъ знаменемъ. Разумѣется, вербовка на службу второсрочныхъ солдатъ, въ самомъ широкомъ размѣрѣ, составляетъ для отборныхъ полковъ еще бо́льшую потребность чѣмъ для всѣхъ прочихъ. Этихъ людей надобно набирать въ возможно большемъ числѣ, надобно чтобы четверть, если не треть всего числа рядовыхъ состояла изъ старослуживыхъ. Тѣ только могутъ считаться старыми солдатами, у которыхъ самостоятельное, развитое практикой сужденіе о своемъ дѣлѣ, сливается до такой степени съ привычкой, что человѣкъ, не думая долго, можетъ однако дѣйствовать сознательно. Содержаніе въ отборныхъ войскахъ должно быть, конечно, нѣсколько выше, а продовольствіе обильнѣе, чтобъ они видѣли вознагражденіе за бо́льшую противъ другихъ тягость на нихъ возложенную.

Нѣтъ надобности даже отборныя войска содержать въ постоянномъ комплектѣ; относительно ихъ нельзя только допустить такой большой разницы между мирнымъ и военнымъ положеніемъ и такого долгаго отсутствія людей изъ фронта какъ въ остальной арміи. Когда солдатъ втянулся въ службу, срочный отпускъ, повторяемый чрезъ нѣкоторое время, не испортитъ его. Въ отпускныхъ безсрочныхъ важно то обстоятельство, что солдатъ, возвращаясь домой, считаетъ свою службу какъ бы уже конченною, годовые сборы поддерживаютъ въ немъ практическое знаніе, а не духъ ремесла; пока нѣтъ слуха о войнѣ, онъ тотъ же мирный гражданинъ, какимъ былъ до поступленія въ рекруты. Между тѣмъ временно-отпускной солдатъ не устраивается дома, а приходитъ туда гостемъ и даже въ это время смотритъ на себя какъ на военнаго человѣка, забыть же сколько-нибудь свое дѣло онъ никакъ не можетъ въ короткій срокъ отпуска. Между солдатами, изъ которыхъ одинъ прослужилъ 12 лѣтъ во фронтѣ безвыходно, и такимъ, который въ это время пробылъ дома, разновременно, три или четыре года, не можетъ оказаться никакой разницы, для бюджета же два или три десятка тысячъ лишнихъ солдатъ на содержаніи, составляютъ ощутительную разницу. Найдутся бездомные солдаты, которымъ нечего дѣлать на родинѣ, когда нельзя въ

Digitized by Google

ней совсѣмъ устроиться—такіе не пойдутъ, но гораздо бо́льшая часть пойдетъ съ охотой. Отъ рядовыхъ отборныхъ полковъ не къ чему требовать бо́льшаго чѣмъ требовалось бы отъ унтеръ-офицеровъ прочихъ войскъ: три четверти или даже двѣ трети людей налицо, и четверть или треть въ срочныхъ отпускахъ, годовыхъ, или около этого. Можно думать, что для качества отборнаго войска достаточно было бы положить мирный комплектъ баталіона по подвижному составу 680 человѣкъ, предоставляя остальнымъ, по прослуженіи первыхъ четырехъ лѣтъ, пользоваться временными отпусками.

XII.

Комплектованіе отборныхъ войскъ можно совершать двумя способами: или выборомъ лучшихъ солдатъ изъ полковъ, или выборомъ лучшихъ рекрутъ. Первый способъ неминуемо разстраиваетъ части, изъ которыхъ выводятся люди, а одною частію нельзя жертвовать для другой. Наполеонъ I сначала держался этой системы для пополненія своей многочисленной гвардіи, но потомъ отказался отъ ней, когда обнаружились ея послѣдствія: въ самомъ дѣлѣ, если выбирать лучшихъ людей, то придется взять тѣхъ, которые составляютъ нравственную основу части, вынуть изъ нея душу. Нынѣ во Франціи отборныя части формируются изъ охотниковъ—способъ пригодный при французскихъ нравахъ, но у насъ невозможный: въ Россіи надобно отдѣлаться даже отъ того небольшаго числа охотниковъ, которое теперь поступаетъ въ войско. Потому остается только второй способъ—выборъ рекрутовъ. Выборъ исключаетъ равномѣрность распредѣленія людей изъ рекрутскихъ участковъ по полкамъ: въ одномъ участкѣ придется взять больше людей чѣмъ въ другомъ; только практика можетъ показать сколько людей, приблизительно, даетъ каждая мѣстность въ тотъ или другой родъ войска; только практика сдѣлаетъ возможнымъ окончательно установить предѣлы рекрутскихъ участковъ, такъ чтобы за исключеніемъ отобраннаго излишка, остальныхъ людей было достаточно для комплектованія армейскаго полка даннаго участка и соотвѣтствующихъ ему частей спеціальныхъ оружій. Въ отборныхъ полкахъ люди будутъ, конечно, сводные, изъ разныхъ мѣстностей; долголѣтнее сожительство должно связать ихъ въ одно цѣлое, создать для нихъ

Digitized by Google

новую родину подъ знаменемъ. Незрѣлость элементовъ, изъ которыхъ состоитъ часть, заставляетъ прибѣгать къ особымъ средствамъ, чтобы создать въ ней единство; старый же полкъ обходится безъ этого. Но и въ постоянныхъ полкахъ не надобно перемѣшивать составные элементы; гораздо лучше, чтобы каждый полкъ формировался изъ отборныхъ людей смежныхъ участковъ, а эти люди размѣщались мѣстными группами по-ротно. Хорошее всегда хорошо. Соревнованіе, вмѣсто того чтобъ обнаруживаться между полками, обнаружится между ротами; сочетаніе чисто военнаго товарищества, выработаннаго долгими годами службы, съ товариществомъ мѣстнымъ явитъ двойную силу.

Какого рода рекруты нужны въ отборныя войска, просто видные люди или люди обладающіе какими-либо особыми качествами? Это истекаетъ изъ самого назначенія отборныхъ войскъ какъ резерва арміи.

Первое качество отборнаго резерва есть несокрушимость даже въ случаѣ неудачи и наивозможно бо́льшая сила удара, слѣдовательно устойчивость и крѣпость въ высшей степени. Для веденія продолжительнаго боя нужно большое число легкихъ войскъ; на ихъ долю выпадаетъ если не главная роль, то во всякомъ случаѣ главная суета. Но для рѣшительной минуты боя нуженъ натискъ, передъ которымъ все ломилось бы разомъ, безъ проволочки времени. Исполнить такое назначеніе можетъ только твердая сомкнутая масса людей крѣпкихъ духомъ и тѣломъ, то-есть старые гренадеры. Рекруты должны соотвѣтствовать этой цѣли, выбираться изъ самыхъ крѣпкихъ людей, а не изъ самыхъ высокихъ, какъ они теперь выбираются въ гвардію. Ростъ не можетъ быть мѣриломъ крѣпости; особенно въ русскомъ народѣ высокіе люди зачастую бываютъ вовсе не крѣпки. Распредѣленіе по росту самое легкое, но не совсѣмъ соотвѣтствующее дѣлу. При нѣкоторомъ вниманіи не трудно отдѣлить изъ рекрутъ людей относительно сильнаго сложенія; для этого есть и динамометръ. Крѣпость силъ тутъ нужна не только для схватки (хотя и это условіе гораздо важнѣе чѣмъ иные предполагаютъ), но еще потому, что отборныя войска, служа образцомъ всей арміи, должны подавать примѣръ переносенія усиленныхъ трудовъ, къ чему высокіе, слабогрудые люди часто бываютъ мало способны.

Разумѣется, гренадерамъ нужны застрѣльщики, какъ и вся-

Digitized by Google

кой пѣхотѣ; нельзя наступать на непріятеля не закрывшись стрѣлковою цѣпью, а при этомъ всего лучше, чтобы каждая часть прикрывалась своими стрѣлками, тогда духъ круговой поруки будетъ связывать всѣ линіи атакующей колонны. Кромѣ войскъ, назначеніе которыхъ идти на проломъ, желательно, чтобы при каждой гренадерской дивизіи находился стрѣлковой баталіонъ, также старослуживый и доведенный до совершенства, котораго трудно достигнуть съ трехъ-лѣтними и даже съ пяти-лѣтними солдатами. Русскій воинъ способенъ ко всему; но, по природнымъ качествамъ, онъ гораздо способнѣе къ рукопашному бою чѣмъ къ стрѣлковому дѣлу; оттого его труднѣе довести до очень высокой степени во второмъ чѣмъ въ первомъ отношеніи. Въ сущности это выгодно; серіозный бой рѣшается больше штыкомъ чѣмъ пулей; но хорошіе стрѣлки все-таки необходимы, и намъ надобно имѣть войско, которое въ иныхъ случаяхъ мы могли бы противопоставить венсенскимъ, тирольскимъ, прусскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, дѣйствительно доведеннымъ въ стрѣльбѣ до совершенства. Всѣ эти стрѣлки набираются преимущественно изъ классовъ людей, которые, какъ тирольскіе горцы, какъ прусскіе лѣсничіе, съ-измала упражняются въ стрѣльбѣ. Развитіе природныхъ способностей даетъ всегда высшій результатъ чѣмъ искусственное приготовленіе. Для кадровъ десятка стрѣлковыхъ баталіоновъ у насъ также найдется домашній матеріалъ: охотники сѣверныхъ губерній и сибирскіе, которыхъ можно вербовать спеціяльно, присоединяя къ нимъ способнѣйшихъ къ стрѣлковому дѣлу молодыхъ солдатъ. Во всякомъ случаѣ, въ полный срокъ службы человѣкъ лучше научится своему дѣлу чѣмъ въ треть срока. Это второй разрядъ отборныхъ людей, требующій опять особыхъ условій при пріемѣ рекрутъ.

Во время кавказской войны у насъ началъ было возникать особый родъ пѣхоты, незамѣнимый на войнѣ—пластуны. Онъ не былъ развитъ самостоятельно по привитой къ намъ фридриховскою школой наклонности къ однообразію. Пластуны сначала возникли въ Черноморьи, вслѣдствіе необходимости защищать плавни и лѣса отъ горскихъ шаекъ. Фельдмаршалъ князь Барятинскій, тогда еще полковой командиръ недавно прибывшій на Кавказъ, оцѣнилъ съ свойственною ему дальновидною проницательностію, значеніе

Digitized by Google

этого рода людей и тотчасъ же завелъ пластунскую команду при своемъ полку. Съ тѣхъ поръ такія команды стали распространяться по Кавказу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходили до полу-баталіона; но онѣ не были устроены систематически, а съ окончаніемъ войны ихъ распустили по полкамъ, и слѣдъ ихъ простылъ, кромѣ одной кабардинской команды изъ 80-ти человѣкъ. Названіе пластуновъ сохранилось въ пѣшихъ ротахъ, состоящихъ при казачьихъ полкахъ Кубанскаго войска, но только одно названіе; въ нихъ не положено никакой закваски изъ прежнихъ элементовъ и не принято особенныхъ мѣръ, чтобы сохранить въ нихъ пластунный типъ; роты эти теперь не пластуны, а плохая полурегулярная пѣхота. Пластуны были охотники, пріученные къ малой войнѣ, подбиравшіеся неслышно къ звѣрю и человѣку, клавшіе такіе залоги, что даже горцы не могли ихъ высмотрѣть, прокрадывавшіеся вдвоемъ, втроемъ, черезъ гущу непріятельскаго населенія, выкрадывавшіе людей изъ вражескихъ пикетовъ и т. д. Черноморскіе пластуны достаточно прославились подъ Севастополемъ, хотя ихъ тамъ было очень мало. Князь Барятинскій вооружилъ свою кабардинскую команду двуствольнымъ ружьемъ, съ однимъ нарѣзнымъ и однимъ гладкимъ стволомъ, для картечи, и съ выдвижнымъ штыкомъ, оружіемъ превосходнымъ для того времени, но которое теперь, разумѣется, должно быть замѣнено ружьемъ-револьверомъ. Назначеніе пластуновъ въ европейской войнѣ (еслибъ они еще существовали) было бы замѣнять иррегулярную конницу въ слишкомъ пересѣченной мѣстности, гдѣ она не можетъ удобно дѣйствовать. Возьмите италіянскую войну 1859 г. и послѣднюю богемскую, и сообразите, какое несравненное преимущество оказалось бы на сторонѣ, которая располагала бы нѣсколькими пластунскими баталіонами. Эти двѣ кампаніи характеризуются постояннымъ экспромптомъ, вслѣдствіе того, что обѣ стороны никогда ни чего не знали другъ о другѣ; еслибы повязка спала съ глазъ одной изъ нихъ, она бы владычествовала неограниченно на театрѣ войны. Пересѣченная мѣстность Италіи и горнаго пояса, окружающаго Богемію, парализовали кавалерійскія рекогносцировки (да и что значатъ рекогносцировки регулярной кавалеріи?); нѣсколько баталіоновъ пластуновъ были бы глазами, видящими въ темнотѣ. Наша казачья, особен-

Digitized by Google

но кавказская конница, можетъ доставлять намъ это преимущество, но только не въ горахъ или изрытыхъ канавами и затопленныхъ равнинахъ, подобныхъ верхне-италіянскимъ; замѣняя ее пластунами въ неудобныхъ мѣстахъ, мы были бы на войнѣ какъ человѣкъ во мракѣ подходящій къ противнику съ потайнымъ фонаремъ. Конечно, развитость пластуна была болѣе личная чѣмъ принадлежащая роду оружія; но еслибъ эти части сохранились, то примѣръ и поученія бывалыхъ людей, преданія и духъ ихъ, перешли бы въ значительной степени, какъ закваска, ко вновь поступающимъ; соотвѣтственное воспитаніе, частая охота въ лѣсахъ, посылка частями въ Туркестанъ, гдѣ еще раздаются выстрѣлы, поддержали бы въ нихъ сноровку. Пластуновъ надо возсоздать, какъ это ни трудно. Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ о томъ, чтобы формировать отборные стрѣлковые баталіоны изъ природныхъ охотниковъ. Условіе это нужно не для стрѣльбы: можно научить хорошо стрѣлять и солдатъ изъ рекрутъ; но ихъ нельзя научить беззвучной походкѣ, умѣнью пройти невидимо и многообразной смѣткѣ охотника; ихъ нельзя научить помнить каждую стежку разъ пройденную, переправляться черезъ рѣку безъ лодки, сидѣть три дня въ норѣ, высматривая кругомъ, внезапно накрыть врага и прочему, что составляетъ натуру пластуна. Упражняя этихъ людей какъ должно, напримѣръ, формируя изъ нихъ вездѣ гдѣ только представится возможность, царскую стрѣлковую охоту, можно довести ихъ до высокой степени. Пока еще не ушло время, можно отыскать и на Кавказѣ уцѣлѣвшіе остатки пластуновъ изъ солдатъ, Черноморцевъ и бывшихъ горскихъ абрековъ, и создать изъ нихъ новые кадры для этого рода войска. Надобно замѣтить при томъ, что лучшіе пластуны, исполнявшіе должность развѣдчиковъ и разсыльныхъ по вражескому краю, всегда были немногочисленны; въ большомъ количествѣ ихъ нѣтъ и надобности. Если въ каждомъ отборномъ стрѣлковомъ баталіонѣ сформировать по одной только ротѣ настоящихъ пластуновъ, то число это будетъ достаточнымъ. У насъ всегда можно добыть вербовкой натуральный матеріалъ для десятка такихъ ротъ, изъ кавказскихъ и сибирскихъ охотниковъ; только имъ необходимо дать, на первый случай, отборныхъ офицеровъ, ходившихъ на Кавказѣ съ пластунами. Конечно, одна пластунская рота будетъ стоить вдвое или втрое противъ обыкновенной, такъ какъ хорошіе охотники не пойдутъ въ

Digitized by Google

службу по низкой цѣнѣ, но и польза отъ нея будетъ десятерная.

Если отборныя войска нужны, то ихъ надобно сформировать, конечно, изъ самыхъ прославленныхъ, наиболѣе выдѣляющихся полковъ русской арміи, такихъ полковъ, въ которыхъ уже теперь заключаются элементы нравственные или матеріальные, для того чтобы стать надежною опорой всей массѣ дѣйствующихъ силъ. Этихъ полковъ нечего искать, они сами напоминаютъ о себѣ. Мы опредѣлили желательную численность отборныхъ войскъ въ 90 баталіоновъ; меньше положить нельзя, такъ какъ во французской арміи, гораздо менѣе многочисленной чѣмъ должна быть русская, число ихъ простирается до 75, считая венсенскихъ стрѣлковъ. Отдѣляя изъ этого числа 9 стрѣлковыхъ баталіоновъ (десятую часть), получимъ 81 гренадерскихъ баталіоновъ (27 трехъ-баталіонныхъ полковъ). Въ число этихъ 81 баталіона естественно входятъ гвардія (24 баталіона) девять самыхъ старыхъ кавказскихъ полковъ, 4-я гренадерская дивизія, Ширванскій, Апшеронскій, Кабардинскій, Куринскій и Тенгинскій полки (по три баталіона 27); остальныя 30 баталіоновъ изъ первыхъ трехъ гренадерскихъ дивизій.

Еслибъ у насъ открылась европейская война и кавказскіе полки въ ней не участвовали, это значило бы только то, что съ 1854 года наши военныя понятія еще недостаточно созрѣли, что намъ еще рано мѣряться съ Европой; вести же ихъ къ западной границѣ съ началомъ дѣйствій, было бы слишкомъ сложною и позднею мѣрой. По окончаніи горской войны не слѣдуетъ больше погребать въ мѣстныхъ гарнизонахъ лучшую часть русской арміи, ту, въ которой живетъ нетронутый послѣдующею системой духъ суворовскихъ войскъ и гордая увѣренность, развитая шестидесятилѣтнимъ боемъ. Въ Россіи эти полки занимались бы усовершенствованіемъ военнаго образованія; на Кавказѣ онѣ роютъ землю, и кромѣ стрѣлковыхъ ротъ, забываютъ военное дѣло. Они вездѣ сохранятъ свою нравственную зрѣлость, надобно только чтобъ имъ не навязывали понятій господствующихъ въ другихъ войскахъ, помня ту истину, что взглядъ сложившійся силою вещей гораздо состоятельнѣе взгляда вынесеннаго со школьной скамьи. Если начальниками этихъ войскъ, во всѣхъ степеняхъ, будутъ исключительно назначаться люди взросшіе въ ихъ рядахъ, то духъ ихъ сохранится надолго. На Кавказѣ надобно замѣнить отбытіе гре-

Digitized by Google

кадерскихъ полковъ сформированіемъ изъ четвертыхъ баталіоновъ полковъ пѣхотныхъ. Во всякомъ случаѣ, за умиротвореніемъ Кавказа должна же когда-нибудь послѣдовать экономія отъ сокращенія размѣровъ мѣстной арміи.

Дивизія отборныхъ войскъ можетъ состоять изъ меньшаго числа баталіоновъ чѣмъ обыкновенная пѣхота. Эти войска представляютъ гораздо высшую боевую силу при одинаковой численности и притомъ требуютъ самаго тщательнаго вниманія со стороны начальника; лучше чтобы вниманіе его менѣе развлекалось. Употребленіе резерва на войнѣ можетъ быть многоразличное, а потому желательно, чтобы главныя части, дивизіи, были дробнѣе. Девяносто баталіоновъ можно подѣлить на девять дивизій, каждая изъ трехъ трехъ-баталіонныхъ полковъ и одного стрѣлковаго баталіона.

На военномъ положеніи эти 90 тысячъ человѣкъ (на лицо около 80) должны, конечно, заключаться въ исчисленной выше массѣ дѣйствующихъ войскъ, а не составлять прибавленіе къ ней, по крайней мѣрѣ, не составлять прибавленія значительнаго. Онѣ могутъ замѣнить шесть лишнихъ дивизій, которыя мы полагали для уравненія наличнаго состоянія дѣйствительно нужныхъ намъ войскъ со спископочнымъ, съ надбавкой двѣнадцати баталіоновъ къ семидесяти восьми представляемымъ итогомъ этихъ шести дивизій. Такимъ образомъ, наша дѣйствующая армія заключала бы въ себѣ шестьдесятъ дивизій пѣхотныхъ, низводимыхъ въ мирное время въ треть комплекта, и девять отборныхъ, низводимыхъ въ двѣ трети. По военному положенію, отборныя войска составили бы приращеніе только въ 12 тысячъ; но по мирному положенію приращеніе оказалось бы большее, вслѣдствіе меньшаго сокращенія состава этихъ частей чѣмъ другихъ. 360 лишнихъ людей на каждый изъ девяноста баталіоновъ (680 вмѣсто 320) составятъ съ небольшимъ 32 тысячи, которыя нужно приложить къ 274 тысячамъ арміи, приведенной въ кадровый составъ. Но и этого приращенія можно избѣжать, включая въ итогъ дѣйствующихъ силъ тридцать семь кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ. О нихъ будетъ рѣчь ниже; но теперь же можно сказать, что если изъ этихъ войскъ, увѣковѣчивающихъ безвозвратно минувшее положеніе дѣлъ въ краѣ, сформировать дѣйствующія дивизіи, то онѣ, исполняя такимъ же точно образомъ свое теперешнее назначеніе въ мирное время, удобно могутъ быть за-

Digitized by Google

мѣнены въ военное время ополченіемъ; чего теперь нельзя сдѣлать, такъ какъ линейные баталіоны войско неподвижное, стоящее на своемъ мѣстѣ, нужно ли оно тамъ или не нужно. Переформированіемъ ихъ въ дѣйствующіе полки можно умельшить число добавочныхъ, нужныхъ намъ пѣхотныхъ дивизій до пятнадцати и сократить наличность людей мирнаго времени на 22 тысячи. Такимъ образомъ устройство отборныхъ войскъ потребовало бы въ мирное время приращенія кадровой пѣхоты—274 тысячъ—только 14-ю тысячами *. Говоря о кадровомъ составѣ вооруженныхъ русскихъ силъ, я имѣю въ виду нормальное положеніе государства, вполнѣ мирное, и съ этой же точки зрѣнія отнюсь къ Кавказу. При хорошемъ управленіи, при неуклонномъ поддержаніи мѣръ внушенныхъ семидесятилѣтнею опытностью къ упроченію спокойствія въ этой странѣ, она должна стать въ короткій срокъ столь же прочною русскою областью, какъ и всякая другая; но въ продолженіе еще нѣсколькихъ лѣтъ на Кавказѣ нужно присутствіе силы, нарушающее нормальное отношеніе мирнаго положенія къ военному въ Имперіи.

Хорошо выдержанныя отборныя войска, въ такомъ количествѣ, будутъ великимъ приращеніемъ силы для нашей арміи. Русскій солдатъ, воспитанный по-военному, безспорно первый рукопашный боецъ въ свѣтѣ; надобно только повести его такимъ образомъ, чтобъ онъ имѣлъ возможность дойдти до непріятеля. Французы, вторые послѣ насъ въ этомъ отношеніи, выдерживали съ трудомъ, а часто вовсе не выдерживали штыковую работу противъ севастопольскихъ войскъ, воспитанныхъ вовсе не по-военному; ихъ штыковой ударъ былъ по большей части легкою раной, такъ что, случалось, человѣкъ оставался въ живыхъ послѣ десяти уколовъ; русскій же ударъ былъ почти всегда смертельнымъ, на что непріятель, во время перемирія, иногда наивно жаловался. Напротивъ, Австрійцы никогда не могли держаться противъ штыка Французовъ, и послѣдніе такъ хорошо знали это, что приняли постояннымъ правиломъ — кидаться на бѣлые мундиры, какъ только подойдутъ на нѣкоторое разстояніе. Пруссаки, въ свою очередь, уклонялись сколько могли отъ

---

* *Примѣчаніе* 360 литныхъ людей въ семидесяти восьми баталіонахъ—28.080, двѣнадцать литныхъ баталіоновъ по 680—8.160, всего 36.240; вычитая 22.000, останется 14.240.

Digitized by Google

австрійскихъ штыковъ. Наше превосходство въ этомъ отношеніи очевидное. Нечего говорить о старыхъ кавказскихъ полкахъ; въ равномъ числѣ никакой противникъ не выдержитъ ихъ натиска. Такими должны и могутъ быть всѣ русскіе резервы—гренадерскіе полки. Значеніе подобныхъ полковъ на войнѣ чрезвычайно велико, а въ хорошихъ рукахъ рѣшительно. Каждый бывалый офицеръ знаетъ изъ личнаго опыта, что огнемъ нельзя отбить баталіона, который увѣренъ что сломитъ непріятеля въ рукопашную; только при отсутствіи этой увѣренности вражескій огонь приводитъ наступающаго въ колебаніе, которое кончается тѣмъ, что онъ или остановится и самъ начнетъ стрѣлять, или дастъ тылъ. Когда австрійскія войска жалуются, что игольчатыя ружья не дали имъ добраться до противника, какъ имъ того хотѣлось, то эта жалоба можетъ только разсмѣшить человѣка, знающаго исторію послѣдней италіянской войны. Австрійцы показали тогда, что боятся штыковъ пуще всего на свѣтѣ; въ такомъ искусственномъ войскѣ это очень понятно; но если такъ, то австрійскимъ офицерамъ предстояла довольно мудреная задача вести своихъ людей, сквозь убійственный градъ пуль, на то чего именно они боялись! Не удивительно, что огонь игольчатыхъ ружей отбивалъ ихъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда полкъ увѣренъ, что непріятель не устоитъ противъ его натиска; тогда огонь не устрашитъ, а только раздражитъ его; таковы хорошіе русскіе полки. Еслибы довести до такой увѣренности всѣхъ старослужившихъ гренадеръ (а это такъ возможно), то наша армія была бы застрахована отъ случайностей. Ее одолѣетъ развѣ слишкомъ превосходная сила, а такую силу нельзя выставить и большому европейскому союзу. Россія равняется массою своего населенія, на четыре пятыхъ однороднаго, Франціи, Пруссіи и Италіи вмѣстѣ сложенныхъ; содержаніе солдата у насъ многимъ дешевле чѣмъ у нихъ, а изъ внутренности государства можно вывести до послѣдняго вооруженнаго человѣка, не опасаясь никакихъ волненій.

Въ изложенномъ устройствѣ русскихъ пѣхотныхъ вооруженій высказывается только русская дѣйствительность, ничто болѣе. Оно не есть плодъ личныхъ соображеній, но результатъ, къ которому стремится сама сила вещей. Съ тѣхъ поръ какъ опытъ Восточной войны заставилъ отказаться въ принципѣ отъ исключительной системы постоян-

Digitized by Google

ныхъ арміи, а освобожденіе крестьянъ позволило осуществить это желаніе, стало возможнымъ предвидѣть, что раньше или позже русское военное устройство пойдетъ въ этомъ направленіи; это значило только думать, что дѣйствительность возьметъ свое. Необходимость ввести ополченіе въ постоянный разчетъ русскихъ силъ сказывается сама собою. Одинъ взглядъ на карту убѣждаетъ, что никакой постоянной арміи, имѣющей при томъ другое значеніе, не станетъ на то, чтобъ оградить наши предѣлы, не защищенныя достаточными флотами, отъ Архангельска до Ленкорани. Учрежденіе ландверовъ, то-есть проведеніе всей вооружаемой при войнѣ силы черезъ армію, не нужно и невозможно при необъятномъ пространствѣ бездорожной Россіи. Стало-быть, какъ скоро духъ народа, столь надежный у насъ, позволяетъ ухватиться за это средство, то сама сила вещей приводитъ къ нему. Потомъ время показало, что русскій солдатъ, при хорошихъ условіяхъ, можетъ сформироваться несравненно быстрѣе чѣмъ прежде думали, а опытъ послѣдней германской войны убѣждаетъ, что силы нынѣшней русской арміи, основанныя на роспускѣ около половины людей въ мирное время, недостаточны. Когда Пруссія, при 18½ милліонахъ населенія, выставила на одномъ военномъ театрѣ 300.000 солдатъ, то Россія разомъ, неизмѣнно утратитъ свое относительное мѣсто въ Европѣ, оставаясь при 47 дивизіяхъ, изъ которыхъ покуда нельзя собрать въ западную армію болѣе половины. Усилить же армію можно только увеличеніемъ числа отпускныхъ, съ чѣмъ вмѣстѣ является настоятельная потребность въ мѣрахъ, которыя могутъ сохранить въ опрѣсненной такимъ образомъ арміи ея боевыя качества. Поддержка дѣйствующихъ войскъ резервами говоритъ сама за себя, коль скоро она оказывается возможною, а возможность эта ясно видна изъ того, что потребныя намъ вооруженія, даже при высшемъ напряженіи, далеко не исчерпываютъ средствъ населенія, что онѣ остаются въ низшей пропорціи не только сравнительно съ Пруссіей, но даже сравнительно съ Франціей. Все прочее, сказанное по поводу этихъ главныхъ предметовъ, столько разъ уже передумано каждымъ боевымъ русскимъ офицеромъ, что едва ли кто-либо изъ нихъ найдетъ въ немъ много новаго для себя.

РОСТИСЛАВЪ ФАДѢЕВЪ.

(До слѣд. №.)

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЙ БЫТЪ

ИТОНСКОЙ ШКОЛЫ*

Эта знаменитая англійская школа находится на берегу Темзы, неподалеку отъ Виндзора, въ разстояніи одного часа ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Лондона. Начало ей было положено Генрихомъ VI, въ 1440 году. Съ тѣхъ самыхъ поръ развитіе ея шло безостановочно: будучи основана только для 25 учениковъ, она въ скоромъ времени увеличила ихъ комплектъ до 70, а въ настоящее время уже считаетъ ихъ у себя болѣе 800.

Всѣ ученики Итонской школы обязаны платить за то воспитаніе, которое получаютъ въ ней, но только одни болѣе, а другіе менѣе. Это зависитъ отъ слѣдующаго обстоятельства: при основаніи школы, она была одарена богатыми помѣстьями и землями, на доходы съ которыхъ уставомъ было положено давать помѣщеніе и воспитаніе въ ней 70 мальчикамъ, бѣднымъ средствами, но способнымъ къ ученію и

* Статья эта, читанная 12-го января 1867 года въ учительскомъ собраніи Морскаго Кадетскаго Корпуса и 18-го февраля въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ собраніи, составлена авторомъ на основаніи личнаго знакомства со школой и офиціальныхъ документовъ, представленныхъ англійскому парламенту въ 1864 году коммиссіей, назначенною королевой для изслѣдованія состоянія англійскихъ школъ.

Digitized by Google

хорошей нравственности. Такіе ученики назывались и нынѣ продолжаютъ называться: „коллегіалами“, или „королевскими учениками“, въ отличіе отъ другихъ, только приходившихъ въ школу и потому называвшихся: „горожанами“. Сама школа при основаніи своемъ не носила этого имени, а называлась „коллегіей“, ибо обнимала собой только упомянутыхъ королевскихъ учениковъ: горожанъ въ ней тогда почти вовсе не было. Съ теченіемъ времени, однакоже, число послѣднихъ стало быстро возрастать, и вотъ:

въ	1858	году	ихъ	уже	числилось	тамъ	688 человѣкъ.
„	1859	„	„	„	„	„	871 „
„	1860	„	„	„	„	„	748 „
„	1861	„	„	„	„	„	759 „
„	1862	„	„	„	„	„	770 „

Такимъ образомъ, коллегія мало-по-малу утрачивала значеніе самостоятельнаго учебнаго заведенія, пока, наконецъ, совсѣмъ не обратилась какъ бы во второстепенный придатокъ къ возникшей при ней обширной и богатой школѣ.

Возрастъ учениковъ Итона, какъ горожанъ, такъ и коллегіаловъ, различенъ, а именно: отъ 8 и до 18 лѣтъ. Пяти шестымъ изъ всего ихъ числа приходится отъ 14 до 16 лѣтъ.

Всѣ ученики, по степени познаній своихъ въ классическихъ языкахъ, дѣлятся на формы или классы. Такихъ формъ уставомъ положено имѣть шесть: первыя три составляютъ *низшую школу*, слѣдующія же три—*высшую*.

Вотъ численный составъ этихъ формъ, по спискамъ 1859 года.

Низшая школа.	1 форма	18 человѣкъ.	
	2 „		
	3 „	96	„
Высшая школа.	4 „	160	„
	5 „	507	„
	6 „	20	„
	Итого	801	

Формы эти, также на основаніи степени познаній учащихся въ классическихъ языкахъ, подраздѣляются на отдѣленія, служащія послѣдовательными ступенями для каждаго ученика при прохожденіи имъ классическаго курса. Составъ этихъ отдѣленій, въ 1859 году, какъ значится по спискамъ, былъ слѣдующій:

Digitized by Google

Низшая школа.	V	отдѣленіе	18 человѣкъ	1-й и 2-й формы.
	IV	„	13 „	
	III	„	23 „	3-й формы.
	II	„	32 „	
	I	„	28 „	
Высшая школа.	XVII	„	40 „	
	XVI	„	42 „	4-й формы.
	XV	„	40 „	
	XIV	„	38 „	
	XIII	„	44 „	
	XII	„	39 „	
	XI	„	39 „	
	X	„	39 „	
	IX	„	42 „	
	VIII	„	44 „	5-й формы.
	VII	„	42 „	
	VI	„	44 „	
	V	„	41 „	
	IV	„	44 „	
	III	„	44 „	
	II	„	33 „	
	I	„	32 „	6-й формы и части 5-й

Каждое изъ отдѣленій извѣстному особому учителю изъ классиковъ; ученики, частію по экзамену, а частію и безъ экзамена, постепенно передвигаются изъ одного отдѣленія въ другое, тогда какъ учителя постоянно остаются приходящихъ и тѣхъ же отдѣленіяхъ. Такимъ образомъ, всякому ученику представляется возможность, во время пребыванія своего въ школѣ, испытать на себѣ поочередно благотворное вліяніе почти что каждаго учителя при ней состоящаго.

Учитель I-го отдѣленія высшей школы называется *старшимъ учителемъ*; учитель I-го отдѣленія низшей—*младшимъ*; всѣ же остальные учителя называются *ассистентами-учителями*.

Старшему учителю въ школѣ подчинены всѣ остальные учителя, онъ опредѣляетъ ихъ въ должность и контролируетъ ихъ дѣятельность. Въ ближайшемъ, однакоже, завѣдываніи его находятся только 17 отдѣленій высшей школы; младшему оставляются 5 отдѣленій низшей. Ассистенты-учителя послѣднихъ пяти отдѣленій избираются въ должность младшимъ учителемъ и подчиняются ему непосредственно; впрочемъ, безъ согласія старшаго, младшій учитель не можетъ дѣлать никакого выбора и никакого измѣненія въ принятомъ школой порядкѣ.

Но и старшій учитель ни въ чемъ не дѣйствуетъ безконтрольно: надъ нимъ, въ свою очередь, находится директоръ

Digitized by Google

школы и совѣтъ, состоящій изъ семи заслуженныхъ ея членовъ. Безъ согласія директора старшій учитель не можетъ ни измѣнить классные часы, ни утвердить новаго ассистента-учителя, ни перемѣнить учебную книгу, словомъ сказать — вмѣшательство директора во всѣ распоряженія старшаго учителя признается правильнымъ даже въ самыхъ мелочахъ.

Подобная зависимость хотя и кажется съ перваго взгляда стѣснительною, но по внимательномъ обсужденіи ея, а также и тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывается въ Итонѣ избраніе соотвѣтственнаго лица въ должность директора, нельзя не признать, что она разумно предостерегаетъ заведеніе отъ многихъ необдуманныхъ и скороспѣлыхъ рѣшеній, которыя безъ того неминуемо могли бы возникнуть и тѣмъ причинить школѣ много вреда.

Кромѣ упомянутыхъ учителей-классиковъ, въ школѣ есть еще одинъ математическій, также вполнѣ подчиненный старшему и считающійся его ассистентомъ. Этому математическому учителю предоставлено уставомъ право избирать себѣ для высшей школы семь помощниковъ, утвержденіе коихъ въ должности опять-таки вполнѣ зависитъ отъ старшаго учителя.

Для математическихъ занятій изъ 17 отдѣленій высшей школы составляются особыя категоріи съ новыми подраздѣленіями, глядя по познаніямъ учениковъ и ихъ способностямъ къ математикѣ.

Вотъ численный составъ этихъ категорій, какъ значится по спискамъ 1859 года, съ показаніемъ какимъ именно учителямъ онѣ были ввѣрены:

Категоріи.	Изъ какихъ классическихъ отдѣленій состоятъ.	Кому ввѣрены. Матем.-ассист. учител.	Помощн. матем.-ассист. учителя. 1-му.	2-му.	3-му.	4-му.	5-му.	6-му.	7-му.
A.	изъ I и II.....	12	10	6	9	8	5	7	8
B.	„ III и IV.....	7	13	13	13	11	7	12	12
C.	„ V и VI.....	12	15	8	11	10	5	12	12
D.	„ VII, VIII и IX.....	20	18	17	17	13	13	17	13
E.	„ X, XI, XII и XIII.....	6	25	23	26	10	26	20	25
F.	„ XIV, XV, XVI и XVII.	24	21	22	23	14	16	19	21

Во всѣхъ отдѣленіяхъ категоріи F и въ семи младшихъ отдѣленіяхъ категоріи E проходятъ только ариѳметику.

Digitized by Google

Ученики прочихъ категорій обучаются алгебрѣ, геометріи, ариѳметикѣ, и только нѣкоторыя отдѣленія категоріи А занимаются тригонометріей и коническими сѣченіями.

Подобно классическимъ отдѣленіямъ и категоріи математическія служатъ послѣдовательными ступенями для каждаго ученика, подвигающагося въ своихъ занятіяхъ впередъ. Составъ пяти классическихъ отдѣленій низшей школы не мѣняется и при занятіяхъ ихъ ариѳметикой.

Указавъ распредѣленіе учениковъ въ классахъ, скажемъ о помѣщеніи, какое имѣютъ они въ Итонѣ.

Всѣ коллегіалы пользуются отъ коллегіи и даровымъ помѣщеніемъ, и даровымъ столомъ; каждому изъ нихъ отводится отдѣльная комната, въ которой находится кровать, умывальный приборъ, письменное бюро, столъ и два стула. Каждый коллегіалъ ко всему этому прибавляетъ отъ себя коверъ, занавѣси къ окнамъ и одно легкое кресло. Каминъ находится не въ каждой комнатѣ: нѣкоторыя нагрѣваются проведенною для того въ нихъ теплою водой.

При коллегіи живетъ одинъ изъ классическихъ ассистентовъ-учителей, комнаты котораго сообщаются съ помѣщеніемъ учениковъ; онъ имѣетъ домашній надзоръ за ними и отвѣчаетъ за ихъ нравственность.

Горожане-ученики, по желанію, избираютъ себѣ жительство въ отдѣльныхъ домахъ, содержимыхъ либо учителями школы, либо прочими городскими жителями, получившими на то разрѣшеніе отъ старшаго учителя школы.

Каждый ученикъ въ этихъ домахъ, по принятому обычаю, непремѣнно имѣетъ свою отдѣльную комнату, но обмеблировать ее и обзавестись всѣмъ необходимымъ онъ обязанъ уже на свой счетъ, независимо отъ общей платы за помѣщеніе и столъ.

Всѣхъ домовъ, въ которыхъ помѣщались ученики въ 1859 году, было 30. Вотъ число учениковъ, помѣщавшихся въ каждомъ такомъ домѣ, съ показаніемъ у кого именно они тамъ жили:

Въ	1	домѣ	38	человѣкъ	у	младшаго учителя.			
„	2	„	35	„	„	перваго класса	уч.-ассист.	высш.	шк.
„	3	„	27	„	„	втораго	„	„	„
„	4	„	32	„	„	четвертаго	„	„	„
„	5	„	28	„	„	пятаго	„	„	„
„	6	„	29	„	„	шестаго	„	„	„

Digitized by Google

Въ	7	домѣ	25	человѣкъ у седьмаго класса уч.-ассист. высш. шк.
„	8	„	18	„ „ восьмаго „ „ „ „
„	9	„	24	„ „ девятаго „ „ „ „
„	10	„	24	„ „ десятаго „ „ „ „
„	11	„	12	„ „ одиннадц. „ „ „ „
„	12	„	8	„ „ двѣнадц. „ „ „ „
„	13	„	34	„ „ тринадц. „ „ „ „
„	14	„	25	„ „ перваго „ „ низшей шк.
„	15	„	49	„ „ втораго „ „ „ „
„	16	„	11	„ „ третьяго „ „ „ „
„	17	„	7	„ „ четвертаго „ „ „ „
„	18	„	7	„ „ втораго помощн. матем. учит.-ассист.
„	19	„	5	„ „ третьяго „ „ „ „
„	20	„	10	„ „ четвертаго „ „ „ „
„	21	„	6	„ учителя рисованія.
„	22	„	47	„
„	23	„	38	„
„	24	„	30	„ у частныхъ лицъ мужескаго пола.
„	25	„	29	„
„	26	„	21	„
„	27	„	18	„
„	28	„	17	„
„	29	„	16	„ у частныхъ дамъ.
„	30	„	10	„
	Затѣмъ		51	„ у родственниковъ, жителей Итона.
		„	70	„ коллегіаловъ въ стѣнахъ коллегіи.
	Итого		801.	

Дома, содержимые дамами, находятся подъ непосредственнымъ надзоромъ кого-либо изъ учителей школы, которые обязаны ежедневно навѣщать тамошнихъ учениковъ.

Начальствомъ указаны предѣлы, дальше которыхъ квартиры учениковъ не должны отстоять отъ зданія школы.

Каждый ученикъ, будь онъ коллегіалъ или горожанинъ, по уставу обязанъ, независимо отъ учителей, занимающихся съ нимъ въ школѣ, избрать себѣ еще и *тютора*, то-есть такого учителя, который бы могъ ежедневно спрашивать у него уроки, какіе ему приходится отвѣчать въ школѣ, который бы могъ слѣдить за нравственнымъ его развитіемъ, сообщать ему правильныя религіозныя начала, приготавливать его къ конфирмаціи, быть лучшимъ его другомъ и совѣтникомъ и вообще замѣнять для него родителей.

Такими тюторами, по уставу, могутъ быть одни только

Digitized by Google

классическіе учителя-ассистенты; математическіе же учителя, хотя бы они были изъ духовнаго званія и пожилые и семейные, лишены этого права безусловно.

Прежде чѣмъ подробнѣе обозначить обязанности тюторовъ въ отношеніи учениковъ, займемся распредѣленіемъ времени въ школѣ въ теченіе дня.

Въ воскресенье ученикамъ дозволено вставать къ 9 часамъ утра, но въ будни они обязаны вставать такъ, чтобы лѣтомъ къ 7 часамъ утра, а зимой къ 7½ часамъ всѣ были въ школѣ и сидѣли на своихъ мѣстахъ. Кто опоздаетъ ¼ часа, имя того записывается и передается старшему учителю.

Первый урокъ въ школѣ продолжается часъ, для учениковъ же старшихъ отдѣленій въ иные дни и долѣе.

Завтракъ всѣ имѣютъ дома, въ своихъ комнатахъ, отъ 9 до 10 часовъ утра.

Второй урокъ въ школѣ отъ 11 до 12 часовъ, а для учениковъ младшихъ отдѣленій и до 1 часу.

Обѣдъ имѣютъ дома на квартирахъ, въ 2 часа.

Третій урокъ въ школѣ отъ 3 до 4 часовъ и четвертый съ 5 до 6 часовъ пополудни.

Чай въ 6 часовъ и ужинъ въ 9.

Спать обязаны ложиться: младшіе ученики въ 9 часовъ 30 минутъ, среднихъ отдѣленій въ 10 часовъ, старшіе въ 11 часовъ вечера.

Вторники и субботы въ Итонѣ считаются полупраздниками, то-есть въ эти дни не бываетъ занятій послѣ полудня. Кромѣ того, по четвергамъ не бываетъ ученья съ 4 часовъ.

Вотъ общее распредѣленіе числа часовъ, положенныхъ на каждый предметъ:

	Отдѣленія.							
	Высшей школы.					Низш. школы.		
Предметы.	I.	II.	Съ III по IX.	Съ X по XIII.	Съ XIV по XVII.	I и II.	III и IV.	V.
Священная исторія . .	—	—	—	—	—	2	4	4
Латинскій языкъ. . .	7	7	7	8	4	4	4	10
Греческій языкъ. . .	12	11	9	5	10	4	3	—
Математика	3	3	3	3	3	3	3	3
Исторія и географія. .	—	—	—	3	3	3	3	3
Письмо и диктовка. .	—	—	—	—	—	3	3	3
Повторенія	—	—	—	—	—	2	2	—
Сочиненія	—	—	—	—	—	3	3	—
Итого въ недѣлю. .	22	21	19	19	20	24	25	23

Digitized by Google

Всего въ теченіе учебнаго года ученики проводятъ въ школѣ около 37 недѣль.

Праздничныхъ дней въ году бываетъ довольно много; канунъ каждаго праздника считается полупраздникомъ.

Обыкновенные вакаціонные дни расположены такъ: въ Пасху 3 недѣли и 4 дня; лѣтомъ 6 недѣль и 4 дня; въ Рождество 4 недѣли и 4 дня.

Независимо отъ показанныхъ въ таблицѣ часовъ, проводимыхъ учениками въ школѣ, они очень много учатся и дома, въ своихъ комнатахъ, такъ какъ въ Итонѣ принято за правило каждый разъ задавать ученику работу на домъ: либо рѣшить какую-нибудь задачу, либо разобрать какое-нибудь мѣсто въ учебникѣ. Этого рода упражненія выполняются учениками подъ непосредственнымъ руководствомъ ихъ тюторовъ. Тюторы же все свое свободное время, остающееся отъ занятій въ школѣ, посвящаютъ своимъ ученикамъ, удѣляя изъ него, разумѣется, болѣе тѣмъ изъ нихъ, которые еще не привыкли работать самостоятельно.

Тюторская система есть основной элементъ воспитанія въ Итонѣ. Благодаря ей, ученики постоянно находятся подъ благотворнымъ для себя вліяніемъ двухъ умовъ: учителя въ школѣ и тютора дома. Лишь весьма короткое время ученикъ остается подъ наблюденіемъ одного лица, именно, когда, при передвиженіяхъ изъ одного отдѣленія въ другое, онъ попадаетъ въ то, которое ввѣрено его тютору.

Тюторской же системѣ обязано происхожденіемъ и то обстоятельство, что каждое упражненіе ученика, каждый урокъ его просматривается и прослушивается двумя лицами. Это, разумѣется, побуждаетъ ихъ обоихъ внимательно вслушиваться въ отвѣтъ ученика, зорко всматриваться въ каждое его упражненіе и тотчасъ же подмѣчать каждую въ немъ ошибку, ибо ученикъ обязанъ бываетъ приносить въ школу и показывать своему учителю упражненія свои въ двухъ экземплярахъ: какъ передѣланныя уже на-чисто, такъ и оригинальныя, съ собственноручными помѣтками и замѣчаніями на нихъ тютора. Съ другой стороны и тютору своему ученикъ обязанъ давать подробный отчетъ въ томъ, что и какъ спрашивалъ его учитель въ школѣ, какія онъ сдѣлалъ ему замѣчанія и пр. Здѣсь убѣждены, что еслибы предоставить просмотръ упражненій ученика или прослушиваніе его уроковъ только одному лицу, то, по слабости свойственной человѣ-

Digitized by Google

ческой природѣ, какъ скоро она освобождена отъ благодѣтельнаго для нея контроля, эти уроки непремѣнно прослушивались бы кое-какъ, и самыя упражненія просматривались бы весьма поверхностно. *

Учениковъ спрашиваютъ въ школѣ очень часто: иначе, какъ покажетъ опытъ, они весьма дурно начинаютъ готовить свои уроки. Кромѣ приготовленій къ урокамъ, тюторы занимаются еще со своими учениками и особо, съ цѣлію пополнить то что̀ дѣлается въ школѣ. Для такихъ частныхъ занятій тюторы дѣлятъ своихъ учениковъ на особыя отдѣленія, и съ каждымъ изъ нихъ занимаются порознь. Эти занятія также считаются для учениковъ обязательными.

Разсматривая вышеприведенную таблицу распредѣленія времени въ Итонѣ, нельзя не признать, что классическимъ языкамъ воздано въ ней должное: около нихъ сосредоточены всѣ занятія учениковъ. Извѣстно, какая громадная польза получается отъ изученія классиковъ, *если только занятія ими ведутся какъ слѣдуетъ:* родной языкъ при ихъ пособіи изучается съ поразительною основательностію, ибо, по слишкомъ большой близости его къ намъ съ самаго малолѣтства, отчетливое усвоеніе его грамматическихъ формъ, какъ опытъ постоянно то показываетъ, только тогда бываетъ прочно и дѣйствительно, когда оно бываетъ соединяемо съ подробнымъ сличеніемъ и сравненіемъ ихъ съ соотвѣтственными формами въ другихъ языкахъ, а внутреннее содержаніе грамматическихъ формъ во всякомъ языкѣ составляетъ его логику: никогда человѣкъ не можетъ считаться развитымъ, если онъ не можетъ логично разсуждать и правильно и отчетливо выражаться какъ изустно, такъ и письменно.

Достойно замѣчанія, что лучшіе и опытнѣйшіе въ дѣлѣ воспитанія люди въ Англіи держатся того мнѣнія, что *несравненно* полезнѣе занимать учениковъ переводами съ классическихъ языковъ на англійскій и англійскихъ образцовыхъ писателей на классическіе языки, чѣмъ заставлять ихъ писать оригинальныя сочиненія на классическихъ языкахъ. И такое мнѣніе они основываютъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: ученикъ при напряженномъ трудѣ

* Мнѣ случалось объ этомъ разговаривать со многими, и мнѣ восторженно восклицали: „Oh! you must go on the principle of set a thief catch a thief."

Digitized by Google

успѣваетъ наконецъ заучить множество фразъ изъ латинскаго и греческаго языковъ, фразъ, наиболѣе часто попадавшихся ему при чтеніи авторовъ. Когда такому ученику приходится писать оригинальныя сочиненія, то онъ просто эти самыя фразы, по мѣрѣ того какъ онѣ приходятъ ему на память, силится сшить и склеить вмѣстѣ; ученикъ при этомъ не мыслитъ такъ какъ слѣдуетъ мыслить, не образуетъ въ умѣ своемъ правильныхъ отчетливыхъ представленій, но просто припоминаетъ фразы и обороты удержанныя его здоровою памятью. Такой ученикъ не слова пригоняетъ, согласно грамматическимъ правиламъ, къ образующимся въ его душѣ идеямъ и представленіямъ, а наоборотъ: идеи и представленія свои пригоняетъ къ возникающимъ у него въ памяти заученнымъ наизусть фразамъ. Совсѣмъ иное бываетъ, когда ученику въ школѣ дается образцовый писатель на одномъ какомъ-либо языкѣ и требуется, чтобъ онъ изящно и притомъ какъ бы фотографически точно передалъ его на другой. Тутъ ученикъ не можетъ уже вывернуться изъ рукъ честнаго, добросовѣстнаго, внимательнаго и знающаго учителя или тютора. Тутъ неизбѣжно ученику предстоятъ двѣ операціи: 1) разоблачить мысли даннаго ему образцоваго писателя, мысли, искусно завернутыя въ слова при пособіи грамматическихъ формъ, принятыхъ въ этомъ языкѣ; 2) тѣ же самыя мысли затѣмъ, по снятіи съ нихъ внѣшней оболочки, то-есть словъ, въ которыя онѣ были вложены, вновь заключить въ слова, но только уже въ слова другаго языка, и притомъ при пособіи совершенно другихъ склеивающихъ, такъ сказать, матеріаловъ, — другихъ грамматическихъ формъ. Такого рода процессъ, чтобъ исполнить его отчетливо и изящно, требуетъ самаго подробнаго разчлененія мыслей на составныя ихъ части и отдѣльныя представленія: только тогда можетъ онъ вполнѣ удаться.

Сдѣлаемъ теперь разчетъ содержанію, какое получается лицами, состоящими при школѣ, а также посмотримъ ближе, въ чемъ состоитъ ихъ прямая обязанность.

Доходы коллегіи съ земель и помѣстій, полученныхъ ею въ даръ отъ основателя, простираются въ настоящее время до 16.000 фунтовъ стерлинговъ (около 130.000 р. сер. *). Не всѣ, однакоже, статьи этого дохода записываются въ коллегіи

* Фунтъ стерлингъ принятъ почти за 8 р. сер.

Digitized by Google

на приходъ: издавна установился обычай, чтобы пошлины и неустойки, взимающіяся при отдачѣ земель въ аренду, прямо обращались въ собственность административной корпораціи школы, которая и дѣлитъ ихъ между собою такъ, чтобы $^2/_3$ изъ нихъ шли директору, а по $^1/_9$ каждому изъ остальныхъ заслуженныхъ ея членовъ. Къ такимъ пошлинамъ и неустойкамъ, по счетамъ послѣднихъ лѣтъ, ежегодно относилось до шести тысячъ фунтовъ изъ шестнадцати. Такимъ образомъ и составлялась для директора сумма въ 1.300 фунтовъ, а для каждаго изъ семи членовъ около 700 фунтовъ. Сверхъ того, изъ оставшихся на приходѣ денегъ выдѣлялось уже по уставу: директору 600 фунтовъ и каждому изъ членовъ по 150 фунтовъ.

Наконецъ, въ распоряженіи коллегіи существуетъ еще до 40 духовныхъ мѣстъ, изъ коихъ:

4	не превосходятъ	цѣнностію		100	фунтовъ.
8	выше	100	и ниже	200	„
9	„	200	„	300	„
9	„	300	„	400	„
4	„	400	„	500	„
2	„	500	„	600	„
1	„	600	„	700	„
1	„	700	„	800	„
1	„	800	„	900	„
1	„	1.000	„	1.200	„

Директоръ и каждый изъ членовъ коллегіи, будучи, по уставу, лицами изъ духовнаго званія, пользуются правомъ по одному изъ этихъ мѣстъ оставлять за собою, остальныя же раздавать по своему желанію. Это дѣлается такимъ образомъ: какъ скоро, со смертію лица, какое-нибудь мѣсто оказывается вакантнымъ, то оно возвращается въ среду административной корпораціи коллегіи, съ тѣмъ чтобы члены ея, по старшинству, могли обмѣнять его на свое, еслибы это послѣднее оказалось меньшей цѣнности чѣмъ вновь открывшееся. Въ случаѣ если не оставятъ мѣста за собою, члены корпораціи посчередно пользуются правомъ передать его по своему усмотрѣнію, хотя бы человѣку ничѣмъ не соединенному съ коллегіей.

Эти духовныя мѣста никогда не раздаются ассистентамъ-учителямъ, развѣ если они въ послѣдствіи сами сдѣлаются членами коллегіи.

Digitized by Google

Сверхъ всѣхъ этихъ прерогативъ, директоръ и члены пользуются прекраснымъ помѣщеніемъ отъ коллегіи на всемъ готовомъ.

Директоръ, по уставу, избирается изъ воспитанниковъ Итона, сдѣлавшихся въ послѣдствіи либо членомъ Итонской коллегіи, либо членомъ Королевской коллегіи въ Кембриджѣ; онъ долженъ быть уроженцемъ Англіи и, какъ уже сказано выше, изъ лицъ духовнаго званія, либо бакалавръ богословія, либо докторъ каноническаго права; отъ роду долженъ имѣть не менѣе 30 лѣтъ. Поле для выбора, какъ видимъ, довольно ограничено: бывали примѣры, что по всей Англіи не находили болѣе 8 лицъ, вполнѣ удовлетворявшихъ всѣмъ этимъ условіямъ.

Въ члены коллегіи избираются учителя, прослужившіе уже въ школѣ, но далеко не каждый изъ нихъ имѣетъ вѣроятность быть туда избраннымъ: обыкновенно изъ четырехъ человѣкъ одинъ можетъ разчитывать попасть на это мѣсто.

Директоръ имѣетъ общее наблюденіе за всѣмъ ходомъ дѣлъ, какъ въ школѣ, такъ и въ коллегіи; онъ надзираетъ за всѣми служащими и слѣдитъ, въ какой мѣрѣ каждый выполняетъ обязанности, возложенныя на него по уставу. Разъ восемь въ годъ читаетъ поученія въ капеллѣ; члены же дѣлаютъ это чаще.

По уставу, члены пользуются совѣщательнымъ голосомъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ касающихся администраціи коллегіи. Изъ числа членовъ одинъ избирается въ помощники директора, двое въ должности экономовъ — старшаго и младшаго, одинъ обязуется наблюдать за пѣвчими и одинъ за порядкомъ въ капеллѣ и за церковною утварью. Вообще, члены по уставу обязаны помогать директору во всемъ и заботиться о развитіи коллегіи какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Что же касается управленія школой и избранія въ нее должностныхъ лицъ, то это предоставлено директору: члены тутъ не имѣютъ никакого участія, исключая, впрочемъ, избранія на открывающіяся вакансіи въ члены коллегіи и въ должность старшаго и младшаго учителя ея. Тѣмъ же коллегіальнымъ путемъ рѣшаются и нѣкоторые другіе вопросы, возникающіе изъ необходимости примѣнить какую-нибудь серіозную мѣру къ провинившемуся въ чемъ-либо коллегіалу.

Digitized by Google

Теперь посмотримъ, какъ великъ бюджетъ старшаго учителя школы.

Старшій учитель не обязанъ быть непремѣнно изъ духовнаго званія, или ученикомъ Итона, хотя на практикѣ онъ бываетъ постоянно и тѣмъ и другимъ.

Отъ коллегіи старшій учитель пользуется прекраснымъ помѣщеніемъ на всемъ готовомъ, деньгами же получаетъ только 375 фунт. ст.; но за то съ каждаго ученика-горожанина, поступающаго въ высшую школу, положено ему по уставу взимать по 6 ф. ст. въ годъ, что и составляетъ среднимъ числомъ, за послѣднее время, около 4.000 фунт. стерл. Сверхъ того, каждый поступающій ученикъ, при своемъ вступленіи, обязанъ единовременно внести старшему учителю 5 гиней, * что также составляетъ среднимъ числомъ около 600 фун. ст. въ годъ. Да наконецъ, каждый изъ оставляющихъ школу, по принятому обычаю, дѣлаетъ ему прощальный подарокъ, большею частію деньгами, отъ 10 до 20 фунт. стерл.

Соединяя всѣ эти суммы вмѣстѣ, имѣемъ:

Отъ годовыхъ взносовъ	4.000	фун. стерл.
„ единовременныхъ при поступленіи . .	600	„ „
„ „ „ выходѣ . . .	1.010	„ „
„ коллегіи	375	„ „
Итого . .	5.985	„ „

Не всѣ эти деньги, однакоже, старшій учитель можетъ оставлять себѣ. Изъ нихъ по уставу онъ долженъ расходовать:

1. На вспоможеніе своимъ классическимъ ассистентамъ-учителямъ высшей школы и математическому съ однимъ изъ его помощниковъ по 44 ф. ст. каждому, что составляетъ въ годъ.	800	фун. стер.
2. На покупку книгъ для учениковъ.	500	„ „
3. На нѣкоторые другіе расходы при экзаменѣ.	75	„ „
Итого. . .	1.375	„ „

Затѣмъ, въ общемъ результатѣ, остается старшему учителю до 4.610 ф. ст. въ годъ (около 37.000 руб. серебромъ).

И такая громадная сумма,—обратимъ на это вниманіе,—со-

* Гинея не многимъ болѣе фунта стерлинговъ, а именно $^1/_{20}$ частію этого послѣдняго.

Digitized by Google

ставляется только потому, что авторитетъ Итонской школы поразительно великъ, что родители, аристократы и богачи Англіи, спѣшатъ пользоваться ею для своихъ дѣтей, не затрудняясь при этомъ издержками. Можно представить себѣ, въ какой мѣрѣ долженъ быть заинтересованъ старшій учитель школы въ благоденствіи и процвѣтаніи ея, зная, что весь бюджетъ его опирается единственно на томъ довѣріи, какимъ пользуется школа въ обществѣ!

Бюджетъ младшаго учителя составляется: изъ годовой платы отъ коллегіи въ 80 ф. ст., годовой платы съ каждаго ученика низшей школы по 6 гиней и изъ единовременной платы съ каждаго такого-же ученика при вступленіи, по 4 гинеи. Дѣти знатныхъ (nobility) и баронетовъ обыкновенно платятъ вдвое.

Изъ полученнаго такимъ образомъ содержанія младшій учитель выплачиваетъ по 30 ф. ст. въ годъ каждому учителю-ассистенту низшей школы. Въ общемъ результатѣ у него остается до 1.000 ф. ст.

Сверхъ того, младшій учитель, какъ мы видѣли выше, держитъ у себя пенсіонеровъ до 38 человѣкъ, съ которыхъ за тюторство и помѣщеніе со столомъ, онъ, по уставу, взимаетъ по 130 ф. ст. съ каждаго. Въ недавнее время въ Итонѣ производилось расчисленіе, во сколько обходится дѣйствительный расходъ на помѣщеніе и столъ ученика; въ результатѣ оказалось, что этотъ расходъ не превосходитъ 70 фунтовъ, считая тутъ и умѣренную плату за труды. Отсюда ясно, что чистой прибыли съ каждаго своего пенсіонера младшій учитель имѣетъ около 60 фунт., а это со всѣхъ 38 составитъ около 2.280 фун. (18.000 р. сер.). Добавляя эту сумму къ прежней, выходитъ, что младшій учитель получаетъ до 3.280 фун. (26.000 руб. сер.) въ годъ.

Бюджеты классическихъ учителей-ассистентовъ составляются: во-первыхъ, изъ получаемыхъ ими либо отъ старшаго учителя 44 фун., если ихъ отдѣленія состоятъ въ высшей школѣ, либо отъ младшаго учителя 30 фун., если ихъ отдѣленія въ низшей школѣ; во-вторыхъ, изъ платы, взимаемой съ пенсіонеровъ, помѣщающихся у нихъ въ домѣ по 120 фун. съ каждаго; въ-третьихъ, изъ платы за тюторство, взимаемой ими съ тѣхъ учениковъ, которые живутъ въ домахъ у лицъ, не имѣющихъ права быть тюторами, по 20 фун. съ каждаго горожанина и по 10 гиней съ каждаго коллегіала. Такихъ уче-

Digitized by Google

никовъ младшій учитель школы имѣть не можетъ, и за это-то и дозволяется ему брать съ пенсіонеровъ по 130 фунт. вмѣсто 120, какъ это предоставлено каждому ассистенту-учителю. Старшій учитель также не имѣетъ права держать у себя такихъ учениковъ, но ему еще сверхъ того возбраняется и содержаніе пенсіонеровъ, дабы онъ не могъ отвлекать себя тѣмъ отъ прямыхъ своихъ обязанностей.

Полагая, что у ассистента-учителя помѣщается отъ 30 до 40 пенсіонеровъ, и что постороннихъ учениковъ, какъ тюторъ, имѣетъ онъ до 10, чистая прибыль, за выключеніемъ всѣхъ расходовъ, у него выйдетъ отъ 2.000 до 2.500 ф. ст. (отъ 16.000 до 20.000 р. сер.) въ годъ. Собственно отъ коллегіи ассистенты-учители не получаютъ ничего.

Отсюда ясно, что постоянныхъ окладовъ учителя въ Итонѣ не имѣютъ, что все огромное ихъ содержаніе извлекается ими изъ пенсіонеровъ и изъ частнаго тюторства, а это-то самое и дѣлаетъ ихъ вполнѣ зависимыми отъ ихъ собственной энергіи и таланта, прилагаемыхъ къ дѣлу; сдѣлайся изъ учителей хотя кто-нибудь нѣсколько апатиченъ, ослабь хоть немного авторитетъ свой въ глазахъ школы, родителей и общества, и онъ тотчасъ же лишится всего, лишится всѣхъ учениковъ своихъ, которые, какъ было уже сказано выше, въ правѣ обращаться къ любому тютору и помѣщаться въ любомъ домѣ. Даже и помѣстившись разъ у кого-нибудь, они сохраняютъ за собой право оставить своего тютора во всякое время, разумѣется, тотчасъ же перейдя къ другому.

Сверхъ того, надобно имѣть въ виду, что учителя-ассистенты далеко не съ перваго года поступленія своего въ школу становятся на одну ногу съ учителями уже послужившими въ ней, далеко не съ перваго года начинаютъ получать пенсіонеровъ. Очень часто лѣтъ пять проходитъ предъ тѣмъ, какъ учитель устроится вполнѣ, пріобрѣтетъ извѣстность, и домъ его станетъ наполняться. До тѣхъ же поръ содержаніе его бываетъ очень и очень скудное: оно у иного едва ли многимъ превосходитъ 200 фунт. Да и предъ тѣмъ даже какъ устроиться, учитель обязанъ бываетъ войдти въ серіозныя затраты по обзаведенію своимъ домовымъ хозяйствомъ, затраты, которыя могутъ возвратиться ему только со временемъ и мало-по-малу. Затраты эти простираются у иного до 2.000 ф. ст. (до 16.000 р. сер.). Надобно имѣть

Digitized by Google

серіозную рѣшимость отдаться всецѣло дѣлу воспитанія, надобно имѣть твердую силу воли и увѣренность въ себѣ, когда приходится съ такими тяжкими пожертвованіями пробивать себѣ дорогу и упрочивать свой авторитетъ.

Пенсій учителямъ въ Итонѣ не положено никакихъ: все что они могутъ имѣть въ виду, ограничивается возможностію современемъ попасть въ члены коллегіи. Но и положеніе члена, какъ мы видѣли выше, никакъ не можетъ служить приманкой для благоденствующаго учителя, а для того, кто не упрочилъ еще своего авторитета, оно и вовсе не доступно.

Теперь о математическомъ ассистентѣ-учителѣ и его помощникахъ.

Только съ 1851 года математика была законно признана для учениковъ обязательнымъ предметомъ; тогда же и было постановлено съ каждаго ученика-горожанина взимать на изученіе ея по 4 гинеи. Изъ составлявшагося такимъ образомъ математическаго фонда $^{11}/_{20}$ положено было отдавать математическому ассистенту-учителю, а изъ остальныхъ $^{9}/_{20}$, подраздѣливъ ихъ на 21 равныя части, считать собственностію:

перваго	его	помощника	5	такихъ	частей.
втораго	„	„	4	„	„
третьяго	„	„	4	„	„
четвертаго	„	„	3	„	„
пятаго	„	„	3	„	„
шестаго	„	„	2	„	„

Такъ далеки Англичане отъ принципа считать всѣхъ учителей, съ самаго поступленія ихъ въ школу, одинаковыми между собою!

Полагая, по спискамъ послѣднихъ лѣтъ, что учениковъ-горожанъ въ высшей школѣ среднимъ числомъ приходится до 600 человѣкъ, математическій фондъ окажется въ 2.520 фунтовъ. Будучи же раздробленъ такъ, какъ сказано выше, онъ даетъ:

математическому		ассистенту-учителю	1.386	фунтовъ.
первому	его	помощнику	270	„
второму	„	„	216	„
третьему	„	„	216	„
четвертому	„	„	162	„
пятому	„	„	162	„
шестому	„	„	108	„
		Итого	2.520	

Digitized by Google

Часть седьмаго помощника составляется изъ 44 фунтовъ, уплачиваемыхъ ему отъ себя старшимъ учителемъ школы, и изъ таковой же суммы отъ математическаго ассистента-учителя, который, кромѣ вышеупомянутыхъ 1.386 фунтовъ, получаетъ еще и отъ коллегіи за обученіе математикѣ коллегіаловъ по 150 фунтовъ въ годъ.

Изъ семи помощниковъ математическаго учителя только трое, какъ мы видѣли выше, имѣютъ пансіонеровъ, да и то весьма небольшое число ихъ. Съ каждаго пенсіонера они имѣютъ право взимать только 84 фунта въ годъ. Тюторами они также быть не могутъ. Нѣкоторое вознагражденіе находятъ себѣ математическіе учителя въ томъ, что на обученіе математикѣ въ Итонской школѣ положено очень мало времени, всего только по 3 часа въ недѣлю. Такое обстоятельство побуждаетъ многихъ учениковъ, съ согласія, разумѣется, ихъ родителей, брать изъ математики частные, приватные уроки. Но, однакоже, эта частная работа ихъ не принимается въ разчетъ на экзаменахъ, а потому и прибѣгаютъ къ ней въ настоящее время не болѣе $^1/_5$ части всего числа учениковъ. Тѣмъ не менѣе и эта часть, считая принятую за такіе уроки плату въ 10 гиней, доставляетъ сумму въ 1.260 фунтовъ, которая, будучи раздѣлена на семерыхъ, даетъ каждому по 180 фунтовъ (около 1.440 рублей серебромъ) въ годъ. Математическій ассистентъ-учитель не отнимаетъ отъ своихъ помощниковъ никакой доли этихъ уроковъ, ибо самъ имъ онъ не занимается.

Ученики низшей школы, число коихъ въ настоящее время около 100, также обязаны за свое обученіе ариѳметикѣ платить по 4 гинеи, изъ коихъ одну беретъ себѣ математическій ассистентъ-учитель, а остальныя три дѣлятся между его помощниками по низшей школѣ.

Кромѣ классиковъ и математики, пробовали вводить въ курсъ обученія въ школѣ и другіе предметы, но попытки эти никогда не увѣнчивались успѣхомъ, либо по недостатку времени, либо по трудности найдти учителей, которые бы съ знаніями своими соединяли умѣніе пріобрѣтать авторитетъ въ глазахъ учениковъ. До какой степени существуетъ въ этомъ разница между учителями, можно видѣть изъ того, что математическіе учителя, напримѣръ, по общему отзыву, далеко не пользуются въ школѣ тѣмъ уваженіемъ отъ учениковъ, какое достается на долю ихъ сотоварищей-классиче-

Digitized by Google

ковъ. Объ учителяхъ же новѣйшихъ языковъ и говорить нечего. Тутъ является новая трудность: нѣтъ почти возможности найдти человѣка, который бы вполнѣ хорошо зналъ одинъ изъ новѣйшихъ языковъ, будучи въ то же время Англичаниномъ, или иностранца, который бы вполнѣ хорошо зналъ нравы и характеръ англійскихъ мальчиковъ. Но главное затрудненіе лежитъ еще глубже: оно обусловливается рѣшительною невозможностью обрѣзать занятія классиками, не нанеся тѣмъ вреда всей системѣ; а напрягать до чрезмѣрности силы учащихся, добавляя новые и новые предметы, было бы безразсудно: пища, принимаемая въ слишкомъ большомъ количествѣ и въ слишкомъ разнообразномъ видѣ, никогда не питаетъ умственныхъ и нравственныхъ силъ учащагося; она только ослабляетъ ихъ и притупляетъ, вмѣсто соотвѣтственнаго развитія и укрѣпленія.

Вотъ по какимъ причинамъ занятія новѣйшими языками, а также и прочими предметами, за исключеніемъ классиковъ и математики, вовсе не входятъ въ составъ обязательнаго курса въ Итонской школѣ: каждому ученику предоставляется прибѣгать для занятій такого рода къ приватнымъ урокамъ, жертвуя для того, если желаютъ, часами назначенными для игръ.

Сблизимъ же теперь окончательно всѣ расходы, которые несетъ на себѣ ученикъ въ Итонѣ во время прохожденія курса.

Ученикъ-коллегіалъ издерживаетъ тамъ:

На плату своему тютору	10 гиней,
„ мытье бѣлья и плату прислугѣ . . .	8 фунтовъ,
„ разныя надобности	5 „

Всего въ суммѣ составляется до 25 фунтовъ въ годъ (около 200 руб. сереб.), исключая платья, поѣздокъ и карманныхъ денегъ. Если принять въ разчетъ и эти издержки, то приведенная сумма удвоится.

Ученикъ-горожанинъ, живущій у своего тютора, платитъ:

За столъ и тюторство	отъ 120 до 130 фунтовъ,
„ книги и мытье бѣлья	10 „
Старшему учителю	отъ 6 до 12 гиней.
За обученіе математикѣ	отъ 4 до 5 фунтовъ.
На разныя другія статьи	отъ 3 до 4 „

Сверхъ того, если желаетъ, то

Digitized by Google

За приватные уроки изъ математики.	10	гиней.
„ „ „ „ французскаго языка .	10	„
„ „ „ „ нѣмецкаго языка . .	12	„
„ „ „ „ рисованія	14	„
„ „ „ „ фехтованія	8	„

Наконецъ, какъ единовременный расходъ:

Старшему учителю при вступленіи	5	гиней.
Ему же прощальный подарокъ отъ	10—20	„
При началѣ уроковъ французскаго языка . . .	1	„
„ „ „ нѣмецкаго языка	1	„
„ „ „ рисованія.	1	„

Въ домахъ содержимыхъ не-тюторами помѣщеніе и столъ обходятся въ 84 фунта, да за тюторство еще ученикъ тогда платитъ особо 21 фунтъ.

Вообще можно сказать, что мальчику-горожанину обученіе въ школѣ стоитъ въ годъ около 170 фунтовъ (1.400 р. с.), не считая тутъ одежды, карманныхъ денегъ и расходовъ на удовольствія. Все же вмѣстѣ доходитъ у многихъ до 210 фунтовъ (1.700 руб. сереб.).

Всѣ счеты учениковъ подаются родителямъ, будучи предварительно непремѣнно скрѣплены подписью тютора. Тюторы же ведутъ съ родителями и постоянную переписку относительно ввѣренныхъ имъ воспитанниковъ.

Въ Итонѣ существуетъ еще обычай, издавна установившійся, чтобъ ученики, оставляя школу, дарили своимъ друзьямъ и товарищамъ болѣе или менѣе цѣнныя книги на память. Конечно, такой обычай можетъ укрѣплять доброе товарищество и даже класть прочныя основы для будущихъ дружескихъ отношеній ихъ въ жизни, но тѣмъ не менѣе, нельзя не сказать, что родители учениковъ вовлекаются имъ въ новыя, весьма серіозныя издержки.

Теперь, если сдѣлаемъ итогъ всему, на что содержится Итонская школа, на что опирается ея учебный, педагогическій и административный составъ, то получимъ громадную цифру,—цифру тѣмъ болѣе поразительную, что она исключительно покрывается учениками.

Въ самомъ дѣлѣ, доходы коллегіи съ земель и помѣстій составляютъ 16.000 фунт., расходы 70 коллегіаловъ по 50 фунтовъ каждый — 3.500 фунт., расходы 740 горожанъ по 200 фунтовъ каждый — 148.000 фунт., итого 167.500 фунтовъ или 1.340.000 руб. серебромъ, въ которыхъ доходы съ земель,

Digitized by Google

отданныхъ однажды коллегіи въ даръ, именно около 400 лѣтъ тому назадъ, составляютъ менѣе чѣмъ десять процентовъ! Не рисуется ли намъ поэтому Итонская школа образцомъ заведенія, само себя поддерживающаго, само изъ себя мало-по-малу развернувшагося, заведенія вполнѣ чуждаго всякихъ слѣдовъ, оставляемыхъ такъ часто произволомъ власти или временными ея прихотями!

И какъ поразительно, въ самомъ дѣлѣ, богатство жизненныхъ силъ Итона! Доходы съ земель возрастаютъ быстро и, безъ сомнѣнія, на много будутъ больше въ будущемъ; число учениковъ, прибѣгающихъ къ нему, возрастаетъ правильно и постоянно, такъ что даже является вопросъ: не положить ли ему какіе-либо предѣлы? Заботятся, конечно, не о томъ, чтобы найдти помѣщеніе для учениковъ: оно найдется всегда для любаго ихъ числа; но тяготитъ мысль, что не такъ легко можно управлять большимъ числомъ учителей, какъ малымъ. Уже и теперь дѣятельность старшаго учителя слишкомъ раздроблена: онъ едва успѣваетъ выполнять существенную свою обязанность — быть, такъ сказать, главною пружиной школы, главною дѣйствующею въ ней силой. Множество учениковъ остаются для него рѣшительно неизвѣстными; періодическихъ совѣщаній о дѣлѣ воспитанія нѣтъ въ школѣ никакихъ.

Скажемъ теперь о томъ, чѣмъ стимулируется умственная дѣятельность учениковъ въ Итонѣ.

Самымъ важнымъ стимуломъ, какой находится въ распоряженіи школы, служитъ въ высшей степени хорошо устроенная въ ней система повышеній изъ одного отдѣленія въ другое. Ежегодно ученикъ повышается въ ней на двѣ степени: на одну самъ собою, безъ экзамена; на другую же по экзамену, который всегда имѣетъ характеръ болѣе или менѣе состязательный, вызывающій напряженіе силъ въ ученикѣ.

Если ученику удается запастись рекомендаціями своего тютора и класснаго учителя, то ему разрѣшается держать экзаменъ не съ тѣмъ отдѣленіемъ въ которомъ онъ находится, а со слѣдующимъ, высшимъ. Но при этомъ постановлено, однакоже, чтобы такой экзаменъ считался выдержаннымъ только тогда, когда ученикъ окажется выше двухъ третей экзаменующихся вмѣстѣ съ нимъ воспитанниковъ.

Для горожанина всѣ эти экзамены существуютъ до тѣхъ

Digitized by Google

только поръ, пока онъ не дойдетъ до IV отдѣленія; отсюда уже онъ начинаетъ переходить изъ отдѣленія въ отдѣленіе вмѣстѣ съ прочими своими товарищами-коллегіалами, для которыхъ экзамены не прекращаются до самаго ихъ выхода. Подобное различіе въ постановленіяхъ для тѣхъ и другихъ учениковъ существуетъ, вѣроятно, въ тѣхъ соображеніяхъ, что горожанамъ противъ коллегіаловъ трудно будетъ уже бороться въ старшихъ отдѣленіяхъ: такъ много эти послѣдніе, какъ люди бѣдные и не имѣющіе въ своей жизни впереди ничего, кромѣ работы, обгоняютъ своихъ товарищей аристократовъ, учениковъ-горожанъ.

Въ концѣ каждаго учебнаго года бываютъ въ Итонѣ еще особыя испытанія, имѣющія вліянія на мѣста учениковъ въ школѣ: они производятся съ тою единственною цѣлію, чтобы повѣрить то, что̀ сдѣлано учителями за протекшій учебный годъ. На основаніи этихъ испытаній, классифируютъ учениковъ въ формахъ, а не въ отдѣленіяхъ: вотъ почему такая классификація и служитъ для нихъ однимъ только почетнымъ отличіемъ. Впрочемъ, для особенно отличившихся и она принимается во вниманіе при слѣдующемъ экзаменѣ.

Отвѣты учениковъ на экзаменахъ всегда требуются письменные; при этомъ особенно обращается вниманіе на отчетливый и обстоятельный образъ выраженій ученика, какъ свидѣтельствующій объ его умственномъ развитіи. Вопросы для экзаменовъ никогда не составляются такъ, чтобъ ученикъ могъ отвѣчать на нихъ не подумавъ, или же руководясь одною только памятью. Цѣль экзаменовъ состоитъ не въ простой повѣркѣ знаній, усвоенныхъ учениками, быть-можетъ, просто машинально, а въ томъ чтобъ обнаружить въ какой мѣрѣ ученикъ владѣетъ ими, какъ скоро при ихъ пособіи ему приходится рѣшать предложенные вопросы, искусное составленіе которыхъ всегда лежитъ на обязанности старшаго учителя, если дѣло идетъ о классическихъ экзаменахъ, и математическаго ассистента-учителя, если дѣло идетъ о математическихъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о характеристическомъ способѣ оцѣнки отвѣтовъ ученика, принятомъ во всѣхъ англійскихъ школахъ, надобно вообразить, что каждый нашъ баллъ раздробленъ у нихъ на мельчайшія части, называемыя марками. По каждому предмету ученикъ обязанъ получить на экзаменѣ не менѣе опредѣленнаго числа такихъ марокъ.

Digitized by Google

И притомъ, въ назначеніи марокъ на каждый предметъ, въ Итонѣ держатся того же самаго отношенія, какое замѣчается въ умственной работѣ, какая требуется отъ ученика для усвоенія каждаго предмета порознь. Такъ, принявъ, что на классическія занятія въ Итонѣ употребляется въ 5 разъ болѣе времени чѣмъ на математическія, они и число марокъ на классическіе языки назначили 1.500, а на математику 300.

Затѣмъ далѣе: положенное по каждому предмету число марокъ раздробляется у нихъ на столько частей, сколько вопросовъ для рѣшенія предлагается ученику изъ этого предмета. При этомъ, какъ вопросы могутъ быть неодинаковы, одинъ труднѣе, а другой легче, такъ точно и части, на которыя разбивается полное число марокъ, положенное по каждому предмету, не бываютъ равны между собою: за рѣшеніе труднаго вопроса назначается и большее число марокъ.

Общая сумма такихъ марокъ, полученныхъ ученикомъ изъ всѣхъ предметовъ, опредѣляетъ его мѣсто въ отдѣленіи. При назначеніи мѣстъ принимается во вниманіе и поведеніе, и характеръ ученика, засвидѣтельствованные его тюторомъ.

Для возбужденія учениковъ къ работѣ существуютъ при школѣ еще множество стипендій и призовъ подъ различными наименованіями, присуждаемыхъ по особымъ правиламъ, нарочно для того установленнымъ. Бо́льшая часть такихъ стипендій предназначена только для старшихъ отдѣленій королевскихъ учениковъ, но есть нѣкоторыя, доступныя и для всей школы.

Общее число стипендій, отъ 30 до 60 фунтовъ въ годъ каждая, доходитъ до 12. Кромѣ того есть одна стипендія въ 100 и одна въ 132 ф. ст.

Призовъ, выдаваемыхъ книгами на сумму отъ 5 до 10 фунтовъ, приходится до 6 въ годъ. Кромѣ того, есть призъ книгами же на 30 и другой на 50 фунтовъ.

Наконецъ есть два денежные приза въ 25 фунтовъ каждый, и одна медаль.

Въ Англіи, какъ видимъ, очень хорошо понимаютъ, что задаваться теоріями о безкорыстномъ служеніи чему бы то ни было, о вредѣ, будто бы порождаемомъ всѣми поощрительными мѣрами, значитъ сильно увлекаться и думать о природѣ человѣка не на основаніи данныхъ доставляемыхъ жизнію, а на основаніи своихъ собственныхъ фантазій.

Digitized by Google

Теперь о нравственномъ воспитаніи и общей дисциплинѣ въ школѣ.

Мы уже говорили выше, что на тюторѣ лежитъ обязанность нравственнаго надзора за ввѣренными ему воспитанниками. Тюторъ, принимая подъ свое покровительство мальчика съ самаго вступленія его въ Итонъ, продолжаетъ свой отеческій надзоръ надъ нимъ во все время пребыванія его тамъ. И мы уже видѣли, какъ вся матеріальная обстановка тютора зиждется только на томъ, въ какой мѣрѣ ему удастся пріобрѣсть авторитетъ и довѣріе отъ родителей. Такое учрежденіе тюторовъ укоренилось и разрослось въ Итонѣ постепенно; въ настоящее время, какъ мы уже замѣчали нѣсколько разъ, оно составляетъ главный элементъ тамошняго воспитанія.

Независимо отъ тюторовъ, надзоръ за порядкомъ и сохраненіемъ дисциплины ввѣренъ также и ученикамъ 6-й формы, а также и старшимъ въ каждомъ домѣ. Ученикамъ 6-й формы обыкновенно внушается, что они обязаны поддерживать добрую славу заведенія и всѣми мѣрами стараться о предотвращеніи всего того, что̀ можетъ повліять на нее болѣе или менѣе невыгодно. Такая обстановка старшихъ учениковъ очень благотворно дѣйствуетъ на школу. Въ силу права, а не чрезъ наушничество, они смѣло и открыто доводятъ до свѣдѣнія учителей о такихъ фактахъ, которые безъ того рѣшительно могли бы оставаться незамѣченными, а слѣдовательно и могли бы привольно развиваться къ худшему. Что этимъ правомъ ученики Итона пользуются дѣйствительно, можно заключить изъ того, что они облекаются имъ не задолго до окончанія курса, и притомъ не на одинъ только день, чтобы на другой день быть снова подчиненнымъ, а на все время, вплоть до самаго выхода изъ заведенія.

Сверхъ того, въ видахъ выработки въ ученикахъ чувства повиновенія, издавна въ Итонѣ укоренился такой обычай, чтобы каждый ученикъ низшихъ формъ находился въ нѣкоторомъ услуженіи у одного изъ учениковъ 5-й или 6-й формы, живущаго съ нимъ въ одномъ домѣ. Ученикъ 5-й и 6-й формы имѣетъ право послать находящагося у него въ услуженіи со всякимъ порученіемъ, или же употребить его для другой какой-либо цѣли, напримѣръ, можетъ поручить ему смотрѣть за каминомъ у себя въ комнатѣ, приготовлять чай, поджаривать ломтики хлѣба,

Digitized by Google

называемые тостами, прислуживать за обѣдомъ, даже чистить платье и т. п. Конечно, бываютъ и злоупотребленія этимъ правомъ, но они регулируются какъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ и наблюдательностію тюторовъ. Въ большей части случаевъ эта система не ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ. Напротивъ, она воспитываетъ въ ученикахъ чувство законной подчиненности, доставляетъ ученику покровителя, готоваго защитить его всегда и къ которому онъ можетъ обратиться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, какіе не желаетъ изложить своему тютору; она кладетъ между учениками сѣмена будущихъ ихъ пріязненныхъ отношеній въ жизни и рѣдко подаетъ поводъ къ какому-либо непріятному чувству между ними.

Въ Итонѣ укоренился еще одинъ интересный обычай: гулять позволено тамъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ, а между тѣмъ ученики гуляютъ вездѣ, съ однимъ, однакоже, условіемъ, чтобы, встрѣтивъ учителя за положенными предѣлами, ученикъ изъ деликатности отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону и даже скрылся за первый попавшійся ему предметъ. Если ученикъ этого не сдѣлаетъ, то его наказываютъ не за то, что онъ гулялъ въ недозволенномъ мѣстѣ, а за то, что обнаружилъ въ себѣ недостатокъ уваженія къ учителю.

Въ наказаніяхъ, налагаемыхъ на учениковъ, всегда принимается во вниманіе личный характеръ провинившагося: въ Итонѣ вовсе не держатся такого принципа, чтобы за одними и тѣми же проступками непремѣнно слѣдовали одни и тѣ же наказанія. И притомъ, далеко не обо всѣхъ проступкахъ доводится до свѣдѣнія старшаго учителя. Обыкновенно жалоба предварительно разсматривается двумя ассистентами-учителями, изъ коихъ одинъ непремѣнно долженъ быть тюторомъ провинившагося. Ученика всегда предваряютъ, когда о его проступкѣ хотятъ доложить старшему учителю, и отъ него принимаютъ все, что только онъ можетъ привести въ свое оправданіе. Старшему учителю, по разсмотрѣніи дѣла, остается такимъ образомъ класть только соотвѣтственную резолюцію, но уже не входить въ новыя какія-либо разбирательства. Этимъ порядкомъ личность старшаго учителя высоко поддерживается въ умахъ учениковъ.

Въ дѣлѣ наказаній, какъ мы сказали, нѣтъ положитель-

Digitized by Google

ныхъ правилъ: каждый особенный случай вызываетъ и на особыя рѣшенія.

За малые проступки: лѣность и т. п., наказываютъ ученика, заставляя его переписать отчетливо и аккуратно урокъ по нѣсколько разъ, перевести съ одного языка на другой, заучить что-нибудь наизусть, обозначить этимологическое производство каждаго слова, и пр. и пр. Затѣмъ, если лѣность продолжается, виновному говорятъ, что донесутъ о немъ старшему учителю.

За бо́льшіе проступки существуетъ тѣлесное наказаніе, налагаемое, однакоже, только старшимъ учителемъ въ высшей школѣ и младшимъ въ низшей. Оно для самолюбія учениковъ, по укоренившимся воззрѣніямъ, не слишкомъ оскорбительно. Кромѣ этого наказанія, существуютъ еще пониженія ученика на одно или на два отдѣленія, а наконецъ и совершенное исключеніе изъ заведенія. Въ большей же части случаевъ, увѣщанія тютора, *высоко поставившаго себя въ умахъ учениковъ*, его нѣжное, мягкое обращеніе, содѣйствіе, наконецъ, родителей,—все это избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и между тѣмъ позволяетъ достигать совершеннаго исправленія ученика.

Въ религіозномъ назиданіи нѣтъ недостатка въ Итонѣ. По воскресеньямъ, утромъ и вечеромъ, въ коллегіи и во всѣхъ ученическихъ квартирахъ читаются молитвы, а въ квартирахъ, содержимыхъ тюторами, такъ дѣлается и по буднямъ. Сверхъ того, по воскресеньямъ воздерживаются отъ всѣхъ игръ и забавъ, читаютъ Евангеліе, пишутъ отвѣты на заданные вопросы, относящіеся до религіознаго и нравственнаго воспитанія.

Въ капеллѣ ученики обязаны присутствовать при церковномъ богослуженіи каждое воскресенье и каждый праздникъ по два раза, а въ полупраздникъ по одному. Въ будни нѣтъ принужденія посѣщать капеллу по окончаніи вечернихъ занятій, но если ученикъ начинаетъ слишкомъ часто манкировать, то тюторъ ему тотчасъ же замѣчаетъ о томъ наединѣ. По субботамъ вечеромъ нѣкоторые тюторы говорятъ своимъ ученикамъ краткія поученія своего собственнаго сочиненія.

Теперь нѣсколько словъ о физическомъ воспитаніи, получаемомъ въ Итонѣ.

Разнаго рода игры и забавы, гребля, катанье на шлюпкахъ

Digitized by Google

и многія другія атлетическія упражненія, которымъ ученики предаются съ удовольствіемъ, оказываютъ самое благотворное вліяніе на нихъ не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Упражненія эти составляютъ противоядіе роскоши; будучи поощряемы благороднымъ соревнованіемъ, они много возвышаютъ духъ учениковъ.

Катанье на гребныхъ судахъ дозволяется тѣмъ только ученикамъ, кто выдержитъ экзаменъ въ умѣньи плавать. Съ тѣхъ поръ какъ это правило возымѣло силу, не было еще случая, чтобы кто-нибудь утонулъ. За обученіе плаванію платится 1 гинея въ годъ.

Оканчивая описаніе школы, остается сказать о порядкѣ пріема въ нее и объ отношеніяхъ, въ какихъ находятся въ ней ученики-горожане къ ученикамъ королевскимъ, или коллегіаламъ.

Для поступленія въ высшую школу обыкновенно экзаменуютъ довольно строго, но если кандидатъ этого экзамена не выдерживаетъ, то его принимаютъ въ низшую, отъ которой уже никакой почти видъ незнанія устранить его не можетъ. Въ низшую школу поступаютъ дѣти всякаго возраста, начиная даже съ 7-ми-лѣтняго, если только они умѣютъ читать.

Ежегодныхъ вакансій въ коллегіалы бываетъ отъ 12-ти до 20-ти; кандидатовъ же является до 50-ти. Ихъ экзаменуютъ строго; возрастъ могутъ имѣть отъ 8 и до 16-ти лѣтъ. Избраніе ихъ возложено на директора, его помощника и старшаго учителя.

Преимущества коллегіаловъ предъ горожанами можно высказать въ слѣдующихъ словахъ:

1) Содержаніе ихъ обходится имъ значительно дешевле.

2) Они пользуются вѣроятностію быть избранными въ королевскую коллегію въ Кембриджѣ, что̀ для нихъ и выгодно, и почетно.

3) Много стипендій и призовъ въ школѣ предназначены исключительно для нихъ.

Невыгоды же коллегіаловъ предъ горожанами состоятъ въ томъ, что будучи вообще недостаточныхъ средствъ, они считаютъ себя тѣмъ отрѣзанными отъ многихъ удовольствій, сопряженныхъ со значительными издержками, но имѣющихъ значительное вліяніе на образованіе и развитіе силы воли и характера. Конечно, такія невыгоды раздѣляются не

Digitized by Google

одними коллегіалами, но и тѣми изъ горожанъ, которые не пользуются богатствомъ средствъ. Здѣсь, однакоже, кроется причина, почему положеніе коллегіаловъ вовсе не прельщаетъ собою богатыхъ горожанъ-аристократовъ: коллегіалы, дѣйствительно, какъ-то удалены отъ прочихъ, составляютъ изъ себя замкнутый кружокъ и недовольно вдыхаютъ въ себя здоровой атмосферы Итона, хотя трудолюбіе и даровитость, можно прямо сказать, встрѣчаются главнымъ образомъ между ними.

Въ Итонѣ особенно заботятся о развитіи въ ученикахъ чувства самонаблюденія, самостоятельности, чрезъ сочетаніе строгой дисциплины съ возможно большею долей свободы и независимости въ дѣйствіяхъ для каждаго.

Главное намѣреніе основателя школы было, чтобъ Итонъ былъ притокомъ Кембриджа. И это намѣреніе вполнѣ осуществилось: около 70 человѣкъ ежегодно идутъ оттуда въ настоящее время въ университетъ, что̀ и составляетъ около 48% изъ всего числа молодыхъ людей, оканчивающихъ тамъ свое начальное воспитаніе.

Въ армію изъ Итона идетъ до 17-ти человѣкъ ежегодно.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, внутренній бытъ этой знаменитой школы, столь много послужившей націи въ образованіи государственныхъ людей, поэтовъ, философовъ, духовныхъ лицъ и писателей, получившихъ въ ней свое первоначальное воспитаніе и сохранявшихъ о томъ до самаго заката дней своихъ самыя отрадныя воспоминанія. Поэтическій ореолъ, которымъ невольно окружается она въ умѣ каждаго, познакомившагося съ нею, по истинѣ величественъ.

П. ВАЛЬРОНДЪ.

Digitized by Google

УСПѢХИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДЫ ВЪ АНГЛІИ
СО ВРЕМЕНЪ БЕКОНА И ЛОККА*

III.

Въ исторіи наукъ о духѣ послѣ Локка мы не можемъ пропустить одного обстоятельства, вызвавшаго строгую оцѣнку спеціальныхъ средствъ индуктивной методы въ этой области знаній. Это именно антагонизмъ между науками физическими и науками нравственными, перешедшій въ сферу заявленій литературныхъ. Подобный антагонизмъ примѣчается и въ древней Греціи; но тамъ онъ обнаруживался въ совершенно обратномъ видѣ. Тамъ науки нравственныя вызывали недовѣріе къ успѣхамъ и пользѣ физики; послѣ Бекона и Ньютона, наоборотъ, представители физики стали смотрѣть скептически на успѣшность и пользу работы моралистовъ.

Откуда вышелъ подобный антагонизмъ? Что возбудило недовѣріе къ наукамъ о духѣ? Дѣло это вовсе не покажется страннымъ, если обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что спецификація наукъ послѣ Бекона отняла у физиковъ всякую возможность слѣдить за трудами моралистовъ съ тѣмъ вниманіемъ, какого эти труды дѣйствительно заслуживали; съ другой стороны, философія духа, несмотря на нѣкоторые счастливые успѣхи, долгое время не могла представить ничего кромѣ работъ чисто предварительныхъ,—изслѣ-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

Digitized by Google

дованій объ особенностяхъ индуктивной методы въ наукѣ о духѣ и простыхъ наблюденій и описаній фактовъ представляемыхъ духовными явленіями, безъ всякихъ, твердо поставленныхъ, общихъ законовъ этихъ явленій. Всякій безпристрастный изслѣдователь могъ бы вывесть изъ этого только одно заключеніе, что науки о духѣ успѣваютъ сравнительно медленнѣе чѣмъ физика, или точнѣе, нѣкоторыя физическія науки. Но можно было пойдти и дальше,—согласиться съ особенною трудностію моральныхъ изслѣдованій, и потомъ спросить: преодолимы ли эти трудности для науки о духѣ? Можно ли надѣяться, что она пойдетъ дальше простыхъ описаній и наблюденій? Можно ли думать, что она усвоитъ себѣ тѣ экспериментальныя средства индуктивной методы, которыя составляютъ душу и отличіе индукціи Бекона, и съ этими средствами придетъ къ цѣли, указанной индуктивнымъ знаніямъ и достаточно осуществленной науками физическими?

Въ руководящихъ началахъ Локка обозначены лишь точные предѣлы индуктивнаго изслѣдованія и прямая задача его въ наукѣ о духѣ. Настоящій вопросъ оставленъ былъ Локкомъ въ томъ же положеніи, какое онъ имѣлъ у Бекона. Послѣдній, въ объясненіи экспериментаціи, обыкновенно пользовался примѣрами изъ области физики; и это обстоятельство могло приводить къ мысли, что важнѣйшія выгоды индуктивнаго изслѣдованія остаются исключительно на сторонѣ наукъ физическихъ.

Вопросъ объ индуктивныхъ средствахъ философіи духа былъ возбужденъ въ то время, когда съ литературой этой науки успѣли связать свои имена такіе ученые, изъ школы Локка, какъ Беркли, Юмъ, Адамъ Смитъ, Кондильякъ, Ридъ, Д. Стюартъ и другіе. Онъ былъ вызванъ впервые сочиненіемъ Д. Стюарта подъ названіемъ: *Элементы индуктивной философіи человѣческаго духа.* Ридъ и ученикъ его Д. Стюартъ способствовали наиболѣе популярности индуктивной методы въ наукѣ о духѣ. Сила, простота и изящество стиля,—качества, со времени Локка, болѣе или менѣе общія всей англійской литературѣ и служившія показателемъ степени эманципаціи отъ схоластическихъ преданій,—эти качества отличали въ высокой степени литературныя манеры Рида и еще болѣе Д. Стюарта; и

Digitized by Google

ихъ сочувственное отношеніе къ индуктивной методѣ въ наукѣ о духѣ, ихъ горячія надежды на ея успѣшность не могли не распространяться въ массѣ читающей публики.

„Тотъ, писалъ Ридъ, кто первый открылъ, что холодъ превращаетъ воду въ ледъ, какъ теплота въ паръ, — слѣдовалъ тѣмъ же общимъ началамъ и той же методѣ, которыя привели и Ньютона къ открытію законовъ тяготѣнія и свойствъ свѣта. Его пріемы въ философіи суть только простыя правила здраваго смысла, — тѣ правила, которымъ благоразумные люди слѣдуютъ въ своемъ обыкновенномъ поведеніи. Всякій претендующій философствовать по другимъ правиламъ, о мірѣ ли вещественномъ, или нравственномъ, — подвергается опасности заблудиться и не достигнуть предположенной цѣли.

„Догадки и теоріи суть произведенія человѣка, которыя мы всегда найдемъ весьма отличными отъ дѣлъ Божіихъ. Если хотимъ вполнѣ узнать послѣднія, надо наблюдать ихъ и подвергать анализу, не прибавляя ничего собственнаго къ результатамъ, какіе даны наблюденіемъ. Правильное истолкованіе природы, — вотъ православная (orthodoxe) философія; все что̀ прибавимъ къ этому отъ себя есть апокрифъ.... Все извѣстное намъ о человѣческомъ тѣлѣ есть слѣдствіе разсѣченій и наблюденій. Этимъ же самымъ путемъ можемъ надѣяться достигнуть и познанія духа, его началъ, его способностей. Надобно, такъ сказать, анатомировать, разсѣкать его, если хотимъ узнать его составъ и его устройство.“ *

Въ этомъ именно духѣ и предпринято было Д. Стюартомъ широкое начертаніе элементовъ духовнаго существованія въ упомянутомъ сочиненіи. Выше представили мы его собственную характеристику этого труда, въ которой раскрывалась руководительная мысль цѣлаго сочиненія, — невозможность выйдти изъ круга явленій при данныхъ средствахъ человѣческаго знанія. „Слѣдуя такой идеѣ, говоритъ онъ, я старался показать, что эта вѣтвь философіи должна остановиться на заключеніяхъ, которымъ наблюденіе и опытъ даютъ непоколебимое основаніе. Такимъ образомъ въ своихъ изслѣдованіяхъ я поставилъ себѣ единственною задачей опредѣлить, прежде всего, всѣ законы нашей конституціи, по

* Cousin: *Philosophie Ecossaise*. 1857, p. 307.

Digitized by Google

крайней мѣрѣ всѣ тѣ, какіе могутъ быть открыты наблюденіемъ фактовъ, свидѣтельствуемыхъ сознаніемъ; потомъ, взявъ эти законы за начала, объяснить путемъ вывода самыя сложныя явленія человѣческаго духа. Вотъ планъ, какому я слѣдовалъ въ обработкѣ ассоціаціи идей, памяти, воображенія и другихъ умственныхъ способностей; я слѣдовалъ, сколько возможно, примѣру писателей, которые съ такимъ блестящимъ успѣхомъ обрабатывали изученіе философіи природы." *

Извѣстно, что сочиненіе Д. Стюарта получило въ Англіи особенную популярность, и отнюдь не удивительно, что оно обратило на себя вниманіе того класса ученыхъ, которые, послѣ Ньютона, мало интересовались изслѣдованіями этого рода. Отъ нихъ не ускользнула большая разница въ успѣхахъ физическихъ и нравственныхъ наукъ, и на трудъ Д. Стюарта появилось съ этой стороны нѣсколько критикъ, изъ которыхъ одна заставила его, наконецъ, отвѣтить. Эта критика была помѣщена въ *Edinburg Review* (Tom. III. p. 269 et seqq.). Авторъ ея, заподазривая успѣшность изслѣдованій о духѣ, выразилъ, довольно не двусмысленно, свое сомнѣніе въ самой пользѣ ихъ. Воспроизводимъ указываемый споръ, по возможности, съ его оригинальною силой.

„Индуктивная философія, писалъ критикъ, идущая путемъ точнаго наблюденія фактовъ, можетъ относиться къ явленіямъ двухъ различныхъ классовъ. Первый классъ составляютъ явленія, которыя могутъ быть предметомъ личнаго опыта,—когда субстанціи находятся дѣйствительно въ распоряженіи наблюдателя, и онъ можетъ пользоваться своимъ сужденіемъ и трудомъ въ сочетаніи этихъ матеріаловъ, чтобы привести въ очевидность самыя сокровенныя ихъ свойства и отношенія. Второй состоитъ въ явленіяхъ, какія представляются въ субстанціяхъ расположенныхъ внѣ нашей сферы,—которыхъ порядка и преемства мы измѣнять не можемъ, и которыя позволяютъ только собирать и констатировать законы, какими они, повидимому, управляются. Субстанціи послѣдняго рода суть предметъ не экспериментаціи, а простаго наблюденія, и познанія какія можно пріобрѣтать внимательнымъ изслѣдованіемъ ихъ видоизмѣненій, не обладаютъ свойствомъ увеличивать нашу власть надъ ними, какою мы

* D. Stewart: *Essais philos.* Oeuvres, Tom. II p. 3.

Digitized by Google

могли бы воспользоваться въ другихъ цѣляхъ. Тѣ великолѣпныя открытія, какія воздвигли такой обширный трофей пророческому генію Бекона, сдѣланы по преимуществу въ первомъ изъ этихъ двухъ порядковъ,—*въ философіи чисто экспериментальной*. Астрономія Ньютона не дѣлаетъ исключенія изъ этого общаго замѣчанія, потому что предшествующіе ученые овладѣли уже всѣмъ, что можно было открыть въ разсужденіи движенія небесныхъ тѣлъ, простымъ наблюденіемъ; и законъ тяготѣнія, приложенный имъ къ планетной системѣ, вычисленъ былъ сначала на основаніи опытовъ, которые были въ полномъ его распоряженіи.

„Трудно не согласиться съ тѣмъ, что Беконъ обращалъ вниманіе своихъ послѣдователей исключительно на этотъ родъ опыта. Основнымъ правиломъ его было: *знаю, значитъ могу*. И великая задача, какую онъ постоянно старался разрѣшить, состояла въ томъ: какимъ образомъ мы можемъ проникать въ природу извѣстной субстанціи или извѣстнаго свойства на столько, чтобы потомъ измѣнять ихъ по своимъ желаніямъ. Вотъ почему *Novum organum* содержитъ массу правилъ и примѣровъ относящихся къ искусству опытовъ; и главное преимущество, какого, повидимому, Беконъ ожидалъ отъ успѣха этихъ изысканій, кажется, состоитъ въ расширеніи власти человѣка надъ вещественнымъ міромъ. Поэтому и предписанныя имъ правила у простаго наблюдателя имѣютъ очень мало приложенія, если исключить общее внушеніе осторожности; и трудно видѣть какую награду онъ обѣщаетъ его трудамъ. Очевидно, что мы не можемъ извлечь никакой *прямой* пользы изъ самыхъ точныхъ наблюденій, какъ скоро они относятся къ явленіямъ недоступнымъ анализу, и пользою, какая получится изъ нихъ позднѣе, мы будемъ обязаны не столько простому наблюдателю, сколько тѣмъ, кто откроетъ ихъ приложеніе. Точно также, кажется, ясно, что и самое искусство наблюденія не можетъ ожидать большихъ успѣховъ. Бдительность и вниманіе—вотъ все, что можно рекомендовать наблюдателю; и хотя методическое изложеніе весьма способно облегчать другимъ изученіе собранныхъ фактовъ,—не видно однакожъ, какимъ образомъ новая метода, употребляемая для описанія этихъ фактовъ, будетъ содѣйствовать и лучшему разумѣнію ихъ. Факты, которыхъ мы не можемъ ни измѣнять, ни направлять по своему желанію, могутъ быть предметомъ наблюденія, а наблюденіе огра-

Digitized by Google

ничивается лишь простымъ указаніемъ того, что они существуютъ, и что преемство ихъ, повидимому, зависитъ отъ извѣстныхъ общихъ законовъ.

„Въ экспериментальной философіи, въ собственномъ смыслѣ, могущество возрастаетъ съ знаніемъ, потому что послѣднее вытекаетъ изъ того, что мы произвольно располагаемъ матеріалами, какими можемъ распоряжаться всегда одинаково; но въ философіи наблюденія мы получаемъ одно удовлетвореніе своему любопытству. Далѣе, экспериментація открываетъ намъ довольно точнымъ образомъ причины производимыхъ нами явленій, какъ скоро мы разнообразимъ обстоятельства, отъ которыхъ они зависятъ; между тѣмъ какъ въ области простаго наблюденія, въ указаніи причинъ мы почти всегда ограничены догадками, потому что не имѣемъ никакого средства отдѣлять предшествующихъ явленій и только по аналогіи можемъ рѣшать какому изъ нихъ должно приписать вытекающія слѣдствія.“

Эти предварительныя разсужденія критикъ прилагаетъ къ наукѣ о духѣ слѣдующимъ образомъ: „Знаніе метафизики опирается на наблюденіе и отнюдь не на опыты; всѣ заключенія, какія мы дѣлаемъ о духѣ, относятся къ наблюденію общему всѣмъ людямъ, а не къ какимъ-нибудь частнымъ опытамъ, которыхъ тайна извѣстна одному изобрѣтателю. Итакъ, вся философія сводится здѣсь рѣшительно къ простому наблюденію; и наибольшая часть установленныхъ Бекономъ законовъ строгой экспериментаціи остается очевидно безъ приложенія. *И конечно, въ метафизикѣ знаю не значитъ могу*; не мечтая производить, при помощи строгой экспериментаціи, новыя явленія для объясненія старыхъ, и самый трудолюбивый философъ долженъ удовольствоваться здѣсь простою помѣтой и сопоставленіемъ явленій, въ которыхъ не можетъ дать отчета и которыхъ отношеній не въ состояніи измѣнить.

„Наши чувства, наши перцепціи и воспоминанія не опредѣляются спеціально волею съ нашей стороны, и мы очевидно не имѣемъ никакого вліянія на механизмъ, завѣдующій этими функціями. Правда, мы можемъ, болѣе или менѣе внимательно и точно, описывать и различать эти операціи духа, но мы никогда не будемъ въ состояніи сдѣлать изъ нихъ предметъ экспериментовъ и отыскать средства къ видоизмѣ-

Digitized by Google

ненію ихъ природы. Можно ли разложить перцепціи въ тиглѣ, ощущенія при помощи призмы; сумѣютъ ли произвести какое-нибудь сочетаніе мыслей или страстныхъ волненій, какого природа не даровала человѣку? Нѣтъ метафизика, который бы надѣялся открыть посредствомъ анализа новую способность, или создать въ духѣ новое ощущеніе, — какъ открываетъ химикъ неизвѣстный до него металлъ или землю; никогда еще не думали, чтобы можно было получить синтезомъ умственную организацію, отличную отъ всякой другой.

„Изъ самой природы предмета вытекаетъ, что люди узнаютъ на практикѣ всѣ отправленія и качества духа, съ тѣми законами, какіе, повидимому, управляютъ ими. Каждый знаетъ въ совершенствѣ что̀ значитъ замѣчать и чувствовать, вспоминать, воображать и вѣрить; и хотя не всѣ могутъ пользоваться этими терминами съ достаточною точностію, тѣмъ не менѣе нельзя предполагать, чтобы кто-нибудь не зналъ что̀ они выражаютъ. И тѣ законы мысли, тѣ связи умственныхъ операцій, которыя уже не такъ сходно выражаются въ рѣчи, повидимому, также извѣстны каждому; и мы замѣчаемъ, что они управляютъ дѣйствіями даже тѣхъ, кто никогда не думалъ высказывать ихъ въ отвлеченномъ предложеніи. Люди, которымъ никогда не внушали, что память зависитъ отъ вниманія, тѣмъ не менѣе сосредоточиваютъ всѣ усилія этой способности на предметахъ, о которыхъ хотятъ сохранить воспоминаніе; и когда что-нибудь забываютъ, признаются, что не были достаточно внимательны. Конюхъ, никогда не слышавшій объ ассоціаціи идей, при звукѣ трубы отправляется кормить лошадь предназначенную въ походъ; и невѣжественный искусникъ, дрессирующій слоновъ и собакъ, дѣйствуетъ въ силу того же подмѣченнаго имъ начала.“

Такова, въ существѣ, критика, направленная противъ наукъ о духѣ по поводу знаменитаго сочиненія Д. Стюарта. Въ литературѣ мы не встрѣчали нигдѣ болѣе мѣткаго и тонкаго возраженія противъ успѣшности и „прямой“ пользы науки о духѣ; не то же ли возраженіе слышится кое-гдѣ и нынѣ, въ тѣхъ смутныхъ намекахъ и слабо сознанной нерасположенности, заявляемыхъ противъ этой науки людьми въ другихъ отношеніяхъ безупречно образованными?

Digitized by Google

Отвѣтъ Д. Стюарта для насъ тѣмъ важнѣе, что послѣ него друзья и представители индуктивной методы въ философіи духа не считали болѣе нужнымъ отвѣчать на подобныя возраженія противъ этой науки.

Обращаясь къ предварительнымъ разсужденіямъ критика, Д. Стюартъ замѣчаетъ: „Такъ какъ вся эта тирада стремится унизить важность точно также значительной вѣтви физики какъ и науки о духѣ, и вызываемый ею споръ интересуетъ одинаково философовъ обоихъ классовъ, то я и не считаю нужнымъ извиняться за обширность изслѣдованія, въ которое предполагаю войдти. Достаточно припомнить моимъ читателямъ, что въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ я защищаю дѣло и школы Локка, и школы астрономовъ, какъ Тихобраге, Кеплеръ, Галилей, Коперникъ.

„Я охотно допущу, что новая физика большею частію своихъ открытій обязана умной *экспериментаціи*. Соглашусь также, что отличіемъ изысканій учениковъ Бекона отъ изысканій прежнихъ школъ служитъ не столько усовершенствованіе искусства наблюдать явленія вселенной какъ они намъ представляются, сколько счастливое приложеніе къ дѣлу именно этого великаго средства....

„Но дѣлая эту уступку искусству опытовъ, какъ самому полезному вспомогательному средству изученія природы, и соглашаясь безусловно съ особенными преимуществами наукъ, въ которыхъ можно пользоваться имъ, я считаю однакожь позволительнымъ прибавить, что не умѣю открыть ни малѣйшаго отношенія между этими посылками и заключеніемъ, какое хотятъ вывесть изъ нихъ. Разность между анализомъ и наблюденіемъ состоитъ единственно въ сравнительной быстротѣ, съ какою оба дѣлаютъ свои открытія, или скорѣе въ сравнительной легкости, съ какою мы владѣемъ этими двумя орудіями при изысканіи истины. Открытія, къ которымъ они ведутъ, по своей природѣ совершенно одинаковы; такъ, что можно сказать съ увѣренностію, что все признанное истиннымъ по одному изъ нихъ, будетъ таковымъ же и по другому. Прибавимъ еще, что для философа наилучшее право на славу состоитъ въ томъ, когда въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ получаетъ счастливые результаты именно въ тѣхъ отдѣлахъ науки, гдѣ производство опытовъ почти невозможно, гдѣ для открытія законовъ природы мы

Digitized by Google

принуждены собирать и осторожно связывать множество случайныхъ наблюденій.

„Сколько я знаю, еще никакой астрономъ не ожидалъ, чтобы наблюденіе законовъ, управляющихъ небесными явленіями, могло дать ему хоть малѣйшую власть надъ предметами его изученій. Но развѣ астрономическія открытія не увеличили нашего владычества на сценѣ, гдѣ мы призваны играть главную роль? Развѣ они остались безполезны для успѣховъ географіи и хронологіи? Не они ли сдѣлали весь міръ данникомъ человѣка, направляя его плаванія по неизмѣримымъ морямъ? По крайней мѣрѣ очевидно, что, не взирая на опыты, снабдившіе Ньютона важными данными, открытіе закона тяготѣнія не прибавило ничего такого къ могуществу человѣка, чего польза расходилась бы въ принципѣ съ пользою наблюденій Кеплера и Тихобраге. Планетная система не стала доступнѣе нашему дѣйствію; и единственная выгода, какую мы извлекли отсюда, состоитъ въ томъ, что выходя изъ теоріи тяготѣнія синтетически, мы опредѣлили съ точностію, какой никогда нельзя было ожидать отъ простаго наблюденія, различные и въ высшей степени полезные астрономическіе элементы.

„Нѣтъ сомнѣнія, что „различными выгодами, извлеченными „изъ астрономіи и многихъ другихъ наукъ, мы обязаны „не столько самому наблюдателю, сколько тому, кѣмъ было „сдѣлано счастливое приложеніе его изысканій;“ но развѣ нельзя сказать того же и въ отношеніи къ познаніямъ, извлеченнымъ прямо изъ экспериментаціи? По какому же праву испытатель поставитъ себя выше наблюдателя?

„Прибавимъ еще, что если астрономическія открытія не даютъ человѣку никакого *механическаго* дѣйствія на небо, подобнаго тому, какое онъ имѣетъ на огонь, воду, паръ, силы животныхъ и другихъ физическихъ дѣятелей, то причина этого лежитъ въ разстояніи и величинѣ тѣлъ, которыми занимается астрономъ; и эти два обстоятельства не могутъ составлять существенной разницы между науками наблюдательными и тѣми, которыя опираются на опытахъ. Можно бы даже спросить, какому изъ этихъ двухъ средствъ открытій мы обязаны всего болѣе познаніемъ этихъ физическихъ дѣятелей, о которыхъ только сейчасъ говорили.

„Нѣтъ, астрономъ не сумѣетъ подѣйствовать на движенія, которыхъ законы онъ изучаетъ; но какъ я уже сказалъ,

Digitized by Google

онъ можетъ гордиться тѣмъ, что своими усиліями увеличилъ могущество человѣка надъ всѣмъ его окружающимъ. Было бы слишкомъ долго исчислять всѣ практическія услуги, принесенныя его трудами. Достаточно повторить здѣсь замѣтку, столь же вѣрную, какъ и давнюю: всѣми точными понятіями, какія человѣкъ могъ пріобрѣсть о земной поверхности, онъ обязанъ знанію небесныхъ явленій. Есть ли доказательство болѣе удовлетворительное, болѣе безупречное универсальности правила Бекона: *знаю, значитъ могу*, чѣмъ фактъ, открывающій превосходныя услуги, оказанныя человѣку въ завоеваніи міра, наукой, которая, на первый взглядъ, кажется, имѣетъ въ виду одно удовлетвореніе умозрительнаго любопытства, и которая въ своемъ младенчествѣ сокращала досуги халдейскихъ пастуховъ?"

Обращаясь затѣмъ къ возраженію противъ философіи духа, основанному на упомянутыхъ предварительныхъ разсужденіяхъ, Стюартъ отвѣчаетъ: „Такъ какъ это умствованіе основано на предположеніи, что наблюденіе, разсматриваемое какъ источникъ могущества и практическаго знанія, уступаетъ по своей пользѣ экспериментаціи, то я ничего не прибавлю къ тому, что сказано для его опроверженія. Еслибы даже и было вѣрно, что всѣмъ нашимъ знаніемъ о духѣ мы обязаны одному наблюденію, во всякомъ случаѣ было бы несправедливо заключать отсюда, что философія духа менѣе полезна чѣмъ физика. Безъ сомнѣнія, въ изученіи первой предстоитъ преодолѣвать величайшія трудности; но эта черта не можетъ быть поводомъ къ тому, чтобъ унижать важность сообщаемыхъ ею заключеній.

„Но я спрашиваю, на сколько вѣрно, даже вообще вѣрно ли, что „знаніе метафизики,"—то-есть, какъ критикъ разумѣетъ,—философіи человѣческаго духа,—„опирается только на „наблюденіе и отнюдь не на опыты?".... Мнѣ кажется, что такое положеніе недостаточно даже въ разсужденіи нашихъ *перцепцій*, хотя это самый правдоподобный примѣръ, какой только критикъ могъ представить въ свою пользу. Безъ сомнѣнія, мы не можемъ разлагать ихъ буквально въ тиглѣ; но эту операцію развѣ нельзя исполнить при помощи пріемовъ, приноровленныхъ къ природѣ предмета? Безупречное доказательство этому мы видимъ въ *Теоріи зрѣнія* Беркли, и особенно въ его анализѣ средствъ, ссужаемыхъ опытомъ для оцѣнки разстоянія и величины предметовъ. Вотъ по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ хоть одна проба экспериментальнаго разложенія, проба, по моему мнѣнію, столь же счастливая какъ и оригинальная, и которой однакожъ еще не достаетъ многихъ условій, чтобъ быть вполнѣ обстоятельною. Въ подтвержденіе этой истины можно бы сослаться также на позднѣйшія изслѣдованія Смита, Джюрайна, Портерфильда, Рида и другихъ относительно явленій зрѣнія, какія входятъ прямо въ философію духа. Но труды нашихъ предшественниковъ не остановились на одномъ этомъ классѣ нашихъ перцепцій. Провести границу между оригинальными и пріобрѣтенными перцепціями, какими мы обязаны нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, какъ напримѣръ, слуху и осязанію, — задача и любопытная, и трудная, и рѣшеніе этой задачи не привлекло бы нынѣ и малѣйшаго вниманія, еслибъ оно не основывалось на экспериментахъ.

„Во всемъ сказанномъ я ограничился изысканіями индуктивной философіи по поводу перцепцій, такъ какъ авторъ критики ограничился тѣмъ же классомъ фактовъ. Но кто захочетъ войдти въ этотъ предметъ глубже, тотъ узнаетъ какъ широка область экспериментаціи въ наукѣ о духѣ, — наблюдая употребленіе сдѣланное изъ этого органа изслѣдованія,—въ анализѣ явленій связанныхъ съ нашими умственными способностями; наприм., явленій вниманія, ассоціаціи, навыка вообще, памяти, воображенія, и послѣ всего, явленій представляемыхъ употребленіемъ языка, какъ органа мыслей и умозаключенія.

„Вся жизнь философа, предположившаго себѣ извѣстную цѣль, есть длинный рядъ опытовъ надъ своими собственными способностями; и превосходство духа, которое онъ доказываетъ проницательнымъ употребленіемъ ихъ, выходитъ въ особенности изъ общихъ правилъ, въ какихъ онъ, можетъ-быть, никогда не давалъ себѣ *нарочитаго* отчета, но которыя выведены имъ изъ этихъ опытовъ. Конечно, эти опыты неисполнимы съ помощію такихъ инструментовъ какъ призма или тигель, но получаются при помощи снаряда болѣе приличнаго умственной лабораторіи, которая служитъ имъ театромъ.

„Что касается духа другихъ, то, безспорно, мы весьма рѣдко имѣемъ средства подвергать его формальнымъ и преднамѣреннымъ опытамъ; но и здѣсь есть масса исключеній изъ общаго предположенія, которое я опровергаю. Какая цѣль воспитанія, направляемаго систематически и разсудительно?

Digitized by Google

Не приложеніе ли къ дѣлу тѣхъ правилъ, какія извлечены нами изъ собственныхъ и чужихъ опытовъ надъ лучшими средствами къ раскрытію и обработкѣ умственныхъ способностей и нравственныхъ началъ? Я не говорю уже объ относительномъ достоинствѣ тѣхъ рѣдкихъ и столь драгоцѣнныхъ для нашей любознательности фактовъ; разумѣю слѣпыхъ и глухихъ, когда они были поставлены въ состояніе давать отчетъ въ своихъ перцепціяхъ, своихъ чувствахъ и своихъ особенныхъ навыкахъ мысли. Я не исключаю отсюда и случаевъ самыхъ необыкновенныхъ, — какъ случай съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго исторія передана Чизльденомъ, и который, описывая умно и просто первыя впечатлѣнія, возбужденныя въ немъ этимъ видимымъ міромъ, обнаружилъ въ своемъ описаніи, замѣчательномъ по ясности, такую легкость наблюденія и мысли, какой еще никогда не наблюдалось въ подобныхъ обстоятельствахъ.

„Но если философія духа не можетъ производить надъ духомъ другихъ большое количество опытовъ, то въ жизни человѣка она находитъ широкое поле наблюденій надъ умственными и нравственными явленіями, глубокое изученіе которыхъ можетъ дать заключенія столько же удовлетворительныя, какъ и тѣ, какія мы могли бы получить распоряжаясь *опытами*. Разница между этими двумя началами знанія остается здѣсь въ одномъ имени: первый самъ собою даетъ нашему уму результаты совершенно *сходные* съ тѣми, для которыхъ второй потребовалъ бы пріемовъ болѣе легкихъ и скорыхъ, еслибъ имѣлъ къ этому средства. Едва ли можно выдумать какой-нибудь опытъ, который бы не былъ уже исполненъ рукой природы, когда въ неисчерпаемомъ разнообразіи характеровъ и склонностей человѣка она даетъ изумительное количество различныхъ наблюденій, вытекающихъ изъ сочетанія тѣхъ способностей и тѣхъ элементарныхъ началъ, какія человѣкъ носитъ въ своемъ сознаніи. Общество дикое и различныя ступени цивилизаціи; всѣ званія, профессіи, свободныя и механическія; крестьянинъ погруженный въ предразсудки, человѣкъ поклоняющійся модѣ; безконечные оттѣнки характера, смѣняющіеся съ дѣтства до старости; чудеса произведенныя искусствомъ во всѣхъ частяхъ нашего господства; законы, управленія, промышленность, религія, и за всѣмъ этимъ сокровища человѣческой мысли лежащія въ нашихъ библіотекахъ,—не есть ли все это

Digitized by Google

одна широкая экспериментація природы, которая въ наше назиданіе расположила въ неизмѣримой лѣстницѣ различныя ступени умственныхъ способностей человѣка, и такимъ образомъ показываетъ намъ всемогущее вліяніе воспитанія на развитіе его духа?

„Нѣтъ“, говорятъ намъ, „метафизика, который бы думалъ „открыть путемъ анализа новую способность, или создать въ „духѣ новое ощущеніе, — подобно тому какъ химикъ открываетъ неизвѣстную до него землю или металлъ.“ Но не трудно замѣтить, что это соображеніе легко прилагается столько же къ анатоміи тѣла какъ и анатоміи духа. По всѣмъ документамъ, почерпнутымъ физіологами изъ наблюденій и опытовъ, до сихъ поръ не открыто никакого новаго органа дѣйствія или удовольствія, никакого средства прибавить хоть локоть къ человѣческому росту; изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, чтобъ изысканія ихъ были безполезны. Расширяя свѣдѣнія человѣка о его собственномъ устройствѣ, они увеличили его могущество; но только въ извѣстныхъ отношеніяхъ, на которыя они сами и указали. Такимъ образомъ они предложили пособія противъ случайностей вредныхъ для его здоровья и жизни; они возвратили ему силы ослабленныя или уничтоженныя болѣзнію; или же открывая глаза слѣпому и ухо глухому, возбудили дремавшія въ нихъ способности ощущенія. Не забудемъ также, что они помогли оптикѣ и механикѣ расширить предѣлы этихъ чувствъ и продлить ихъ энергію.

„Если теперь посмотримъ какіе результаты получаются изъ анатоміи духа, то найдемъ, что эта послѣдняя наука имѣетъ на своей сторонѣ всю выгоду такой параллели. Все что̀ сдѣлала до сихъ поръ медицина къ увеличенію тѣлесныхъ силъ человѣка, къ излѣченію встрѣчающихъ его болѣзней и продолженію его дней,—можетъ ли, хоть на минуту, выдержать сравненіе съ чудесами производимыми воспитаніемъ въ раскрытіи нашихъ умственныхъ способностей, нашихъ нравственныхъ привычекъ, нашей чувствительности, и въ созданіи массы внутреннихъ наслажденій? Напрасно стали бы возражать, что воспитаніе не относится къ философіи человѣческаго духа. Если оно производитъ спасительныя дѣйствія, то обязано ими тѣмъ началамъ нашей природы, которыя вѣковой опытъ покорилъ общему наблюденію. Если оно идетъ дорогой ненадежною и гибельною, то это

Digitized by Google

значитъ, что оно сбивается съ прямаго пути такими умозрѣніями и предразсудками, которые могутъ найдти свое врачеваніе единственно въ болѣе точныхъ понятіяхъ философіи духа. Воспитаніе не будетъ ли неизбѣжно систематичнѣе и просвѣщеннѣе, при испытаніи болѣе строгомъ, разумѣніи болѣе глубокомъ тѣхъ операцій, которыя оно берется направлять? Надобно припомнить, что быстрые успѣхи медицины начинаются лишь съ того времени, когда анатомію стали считать необходимымъ введеніемъ къ ней. Сомнительно, чтобы Гиппократъ разсѣкалъ когда-нибудь трупы; и увѣряютъ, что Галенъ предпринималъ путешествіе въ Александрію, единственно чтобы видѣть скелетъ.

„Что особенно любопытно,—возраженіе, которое мы разбираемъ въ эту минуту, почти то же самое какое Сократъ дѣлалъ въ свое время философамъ природы. По свидѣтельству Ксенофонта, „говоря о набюдателяхъ занимающихся „природою явленій, которыхъ причина есть одно божество, „онъ спрашивалъ, не думаютъ ли эти философы, испытывающіе божественныя дѣла, что они, подобно художникамъ упражняющимъ свой талантъ по своему личному желанію или въ „удовольствіе другихъ, будутъ въ состояніи, узнавъ *причины* всѣхъ явленій, направлять по своему произволу вѣтры „и дождь, измѣненія атмосферы и всякія другія перемѣны „подобнаго рода; или же, напротивъ, ограничатся простымъ „знаніемъ этихъ фактовъ, не предаваясь подобнымъ химерическимъ претензіямъ? Такъ-то смотрѣлъ онъ на изслѣдованія этого рода. Что же касается до него самого, то предметомъ его бесѣды былъ человѣкъ и то что относится къ человѣку.“

„Приводя это мѣсто, я хотѣлъ, главнымъ образомъ, замѣтить, что скептицизмъ, остановившійся въ наше время на философіи духа, относился когда-то всего болѣе къ теоріямъ, цѣлію которыхъ было объясненіе вещественнаго міра. Изложеніе ученій Сократа въ первой главѣ *Достопамятностей* достаточно показываетъ, что его ревность къ успѣхамъ морали не препятствовала ему быть рѣшительнымъ скептикомъ относительно всего что мы называемъ нынѣ науками физическими. И этотъ фактъ не покажется очень страннымъ, если припомнить тѣ праздные вопросы, въ какихъ вращались тогда всѣ изслѣдованія философовъ природы, по показанію того же писателя. Послѣ физическихъ открытій

Digitized by Google

обезсмертившихъ два послѣднія столѣтія, скептицизмъ этого вполнѣ мудраго человѣка на первый разъ можетъ удивить насъ. Но это самое не внушаетъ ли надежды тому, кто обрабатываетъ философію духа,—что еще можетъ наступить день, тогда общественное мнѣніе отдастъ его трудамъ все приличное имъ уваженіе?"

Д. Стюартъ говоритъ, что послѣднее мнѣніе онъ основываетъ не на одной возможности въ будущемъ: „не взирая на темноту и неизвѣстность, покрывающія до сихъ поръ различные вопросы о нашемъ духовномъ устройствѣ, я не усомнюсь", говоритъ онъ, „даже и въ этомъ несовершенномъ состояніи въ какомъ находится нынѣ философія духа, поставить ее источникомъ могущества и счастія человѣка на ряду съ открытіями обезсмертившими имя Ньютона и Бойля", и въ доказательство ссылается на великія заслуги Бекона. „Я не имѣю въ мысли", продолжаетъ онъ, „приписывать ученому и даровитому писателю, вызвавшему эти замѣчанія, намѣренія унижать заслугу Бекона. Онъ громко признаетъ вліяніе этого философа на успѣхи сдѣланные въ послѣдствіи въ экспериментальной философіи. Но я скажу, что, по моему мнѣнію, ему приличнѣе было бы защищать противоположное. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ онъ, при такомъ мнѣніи, оспаривать практическую пользу философіи духа, которой успѣхи и составляютъ очевидную цѣль предположенную Бекономъ отъ начала до конца?"

Приводя нѣкоторыя мѣста изъ Бекона, Д. Стюартъ показываетъ, въ какую тѣсную связь съ успѣхами логики ставилъ Беконъ успѣхи и самихъ естественныхъ наукъ. „Но наука о духѣ", продолжаетъ онъ, „имѣетъ важность не просто какъ орудіе успѣховъ физики; сама по себѣ, она есть предметъ изученія и любопытный, и полезный, и стоитъ въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ обыкновенно думаютъ, со всѣми искусствами составляющими стойкость, славу и счастіе образованнаго общества."

„И хотя сочиненія Бекона, продолжаетъ Д. Стюартъ, произвели въ физикѣ гораздо болѣе замѣтную революцію, чѣмъ въ ученыхъ занятіяхъ которыхъ предметомъ служитъ человѣческій духъ, однакожъ нельзя не согласиться, что нѣкоторыя важныя улучшенія введены и въ науку о духѣ, и въ нѣкоторыя сюда принадлежащія отрасли, каковы естественное право, политическая экономія, критика и мораль,—

Digitized by Google

которыя выходятъ изъ тѣхъ же корней, или лучше, суть вѣтви того же великаго дерева, котораго стволъ образуетъ наука о духѣ....

„Я отнюдь не стану отрицать того, что наши заключенія о началахъ и законахъ человѣческаго состава во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ открытій въ физикѣ; не буду спорить и о словахъ, если кто думаетъ, что слово *открытія* не приложимо къ этимъ заключеніямъ. Для меня достаточно поставить на видъ, что такая критика, справедливость которой я готовъ допустить, не должна ни въ какомъ отношеніи препятствовать оцѣнкѣ практической важности этихъ заключеній и уменьшать въ нашихъ глазахъ заслуги писателей, которымъ мы обязаны ими. Въ *Афоризмахъ* Бекона нѣтъ ни одного открытія въ томъ смыслѣ, какой въ послѣднее время приписывается этому слову; но какое открытіе когда-нибудь содѣйствовало съ такимъ успѣхомъ счастію и могуществу человѣческаго рода?“

Д. Стюартъ переходитъ къ послѣдней части критики, гдѣ доказывается, что главные законы духа общеизвѣстны безъ всякой науки и по крайней мѣрѣ у всѣхъ въ практикѣ. „Это умствованіе, говоритъ Стюартъ, ведетъ насъ, если не ошибаюсь, гораздо дальше чѣмъ хотѣлъ авторъ; потому что примѣры на которые онъ ссылается, прилагаются еще прямѣе къ собственно такъ-называемой физикѣ чѣмъ къ наукѣ о духѣ. Дикій не знаетъ безусловно, что сила тяжести возрастаетъ постепенно, и однакожь онъ не преминетъ подняться на высоту чтобъ увеличить дѣйствіе верженія. Ему никогда не разказывали о третьемъ законѣ движенія, описанномъ Ньютономъ, и однакожь онъ пользуется имъ, когда отталкиваетъ отъ берега свою лодку и пускается въ море. Его праща есть точно также экспериментальное доказательство центробѣжныхъ силъ. „Конюхъ, который, при звукѣ трубы, отправляется кормить лошадь предназначенную въ походъ“, никогда не читавъ что̀ писали Локкъ или Юмъ о законахъ ассоціаціи идей,—могъ бы похвалиться еще съ бо́льшимъ правомъ, что онъ никогда не имѣлъ нужды развертывать Борелли, чтобы давать своей лошади его различные алюры. Онъ могъ сказать, что упражняя ее на поводѣ, онъ дѣлаетъ приложеніе центробѣжныхъ силъ и центра тяжести, — приложеніе, которое въ манежахъ знали гораздо раньше чѣмъ Ньютонъ раскрылъ теорію этихъ явленій

Digitized by Google

въ своихъ *Началахъ*. Это примѣняется даже и къ операціямъ обучаемой имъ лошади, которыя предполагаютъ въ этомъ животномъ знаніе тѣхъ же физическихъ законовъ,— когда, напримѣръ, она съ математическою точностію соразмѣряетъ кривизну своего тѣла съ описываемымъ ею въ галопѣ кругомъ. Въ дѣлѣ человѣка и животнаго, это практическое знаніе начертано рукой самой природы въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, и однакожь это не препятствуетъ пользѣ раскрытія общихъ теоремъ, заключающихся въ этихъ частныхъ приложеніяхъ, и сочетанія ихъ въ формѣ системы для назиданія себя и другихъ. Пневматика потеряла ли свою важность, когда замѣтили, что дѣйствія пустоты, упругости и сжатія воздуха,—которыми объясняются самыя любопытныя явленія, какія только она описываетъ, — отыскиваются въ инстинктивномъ процессѣ управляющемъ нашимъ дыханіемъ и наблюдаются на устахъ младенца сосущаго матерную грудь?

„Въ операціяхъ мануфактуръ и искусствъ лежитъ изумительное количество научныхъ началъ, какихъ даже и не подозрѣваютъ: и Бойль провозгласилъ громко, что онъ гораздо больше узналъ въ лавкахъ торгашей чѣмъ изъ всѣхъ читанныхъ имъ сочиненій.

„Не видимъ ли мы ежедневно самыя высокія истины механики въ приложеніяхъ у самаго невѣжественнаго класса народа? Грубые ремесленники не отличаются ли по временамъ быстротой и ловкостію даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ и самый глубокомысленный механикъ напрасно пытался бы найдтись съ своею наукой....; и однакожь можно ли изъ этого заключать, что изучая сложеніе и разложеніе силъ, онъ дѣлаетъ пустыя и безполезныя пріобрѣтенія?...

„Почти нѣтъ нужды говорить, что то же замѣчаніе вполнѣ прилагается и къ тѣмъ самымъ доктринамъ философскаго знанія, которыя подали поводъ къ этому спору. Кто знаетъ, что воспитаніе почти сводится къ искусному направленію способностей *вниманія* и *ассоціаціи*, тотъ согласится безъ труда, что возбуждая бдительность родителей и наставниковъ надъ этими двумя основными началами нашего устройства, можно сдѣлать операціи этого искусства болѣе систематическими и упрочить ихъ успѣхъ. А развѣ относительно этого предмета уже не получено такихъ заключеній, руководствуясь которыми можно бы содѣйствовать вѣрнѣе — и

Digitized by Google

возрастанію умственнаго могущества человѣка, и успѣху его нравственнаго совершенства, и просвѣщенію его смысла тѣмъ чистымъ и неизмѣннымъ свѣтомъ, безъ котораго и самый умъ не можетъ сдѣлать почти ничего для нашего знанія и счастія?" *

Этимъ мы и ограничимся въ изложеніи спора возникшаго между Д. Стюартомъ и его критиками относительно средствъ индуктивной методы въ философіи духа. Вопросъ поставленъ былъ такъ строго и точно, и отвѣтъ Д. Стюарта такъ рѣшителенъ, что мы считаемъ излишнимъ входить по этому поводу въ какія-нибудь дальнѣйшія разсужденія. Что въ общихъ чертахъ было высказано уже Бекономъ и молчаливо подразумѣвалось Локкомъ, то у Рида и Д. Стюарта выступило съ поразительною отчетливостію и сводится къ слѣдующему руководительному началу индуктивной методы въ наукѣ о духѣ:

„Въ изслѣдованіи духовныхъ явленій, имѣющемъ въ виду цѣли поставленныя Локкомъ, то-есть естественныя ихъ отношенія или общіе законы, — мы имѣемъ полную возможность и обязанность пользоваться общими орудіями знанія, указанными Бекономъ,—столько же простымъ наблюденіемъ какъ и экспериментаціей,—направляясь, въ концѣ, къ увеличенію могущества и счастія человѣка."

IV.

Заботы о водвореніи индуктивной методы въ наукахъ о духѣ, составляющія такую выпуклую черту литературныхъ усилій англійскихъ ученыхъ XVIII столѣтія, эти заботы, выступающія такъ рѣшительно еще въ произведеніяхъ Рида и Д. Стюарта, увѣнчались наконецъ въ родинѣ Бекона и Локка полнымъ и безвозвратнымъ успѣхомъ. Въ сочиненіяхъ Брауна, писателя послѣднихъ годовъ XVIII и начала текущаго столѣтія, разлита такая невозмутимая увѣренность въ законности изслѣдованія духа по методѣ Бекона и Локка, какая возможна только при полномъ торжествѣ поставленныхъ ими руководительныхъ началъ.

Въ своей *Философіи человѣческаго духа*, припомнивъ исторію этой науки во времена схоластики, Браунъ продол-

* D. Stewart: *Oeuvres*, Tom. II. Dissertat. prélim. Chap. II.

Digitized by Google

жаетъ: „мы пришли наконецъ и къ этой важной истинѣ, кажущейся теперь такою наглядною,—что духъ нашъ узнается всего лучше изъ наблюденія представляемаго имъ ряда перемѣнъ, и всѣхъ предшествующихъ и сопутствующихъ имъ обстоятельствъ; — что пытаясь изъяснить его явленія, мы должны прежде всего узнать что̀ это за явленія, и что наше усиліе открыть путемъ діалектическихъ тонкостей, a priori, различныя чувства, входящія въ составъ частной мысли или страсти,—походило бы на усиліе открыть путемъ одной логики, безъ помощи наблюденія или опыта, различные цвѣта входящіе въ составъ солнечнаго луча." *

Вниманіе Брауна было сосредоточено по преимуществу на дальнѣйшемъ разъясненіи и отчетливѣйшей постановкѣ втораго руководительнаго начала Локковой критики. Возвращаясь къ этому началу, мы должны припомнить, что выраженіе его у Локка было зыбко и подавало поводъ къ недоразумѣніямъ. Во второй главѣ мы не очертили вполнѣ той стороны, въ какой собственно лежала эта зыбкость, потому что не могли этого сдѣлать, не обращаясь къ Брауну. Теперь мы должны пополнить предыдущія замѣчанія. Зыбкая сторона въ выраженіи этого руководительнаго начала психологической методы зависѣла у Локка отъ важнаго пробѣла въ его философской критикѣ. Локкъ оставилъ наукѣ одни духовныя и вещественныя явленія, рекомендуя наукѣ о духѣ изученіе фактовъ и указываемыхъ ими законовъ, и дѣлая строгое разграниченіе между ощущеніемъ и самостоятельными операціями духа. Но взаимная зависимость духовныхъ явленій, зависимость самостоятельныхъ операцій духа отъ ощущеній или внѣшнихъ вліяній, осталась у него почти однимъ критическимъ требованіемъ. Всѣ усилія опредѣлить этотъ пунктъ не пошли дальше новой, отвѣчавшей этому требованію терминологіи; и это не только у Локка, но и у Беркли, Рида и Д. Стюарта. Такіе термины какъ *рефлексія* (отзывъ, отраженіе), *внушеніе* (suggestion) и пр., были только удобными образами, выраженіями фигуральными, которыя, правда, получили въ ученой терминологіи полное право гражданства, но до Брауна не заключали въ себѣ никакой строго-очерченной научной идеи. Вывесть на свѣтъ зависимость духовныхъ явленій, и уяснить такимъ образомъ чего должна искать

* T. Brown: *Philos. of the Hum. Mind.* 20-th ed. Lect. I, p. 3.

Digitized by Google

наука въ доставляемыхъ ими фактахъ,—вотъ задача выполненная достойно изслѣдованіями Брауна. Эти изслѣдованія суть послѣдствія и вмѣстѣ вѣнецъ философской критики Локка. Взятыя вмѣстѣ, критика Локка и критика Брауна даютъ индуктивной логикѣ законченный фундаментъ.

Результаты изслѣдованій Брауна имѣютъ такимъ образомъ одинаковое значеніе и для философіи природы, и для философіи духа; но для послѣдней это было полнѣйшимъ торжествомъ втораго Локкова руководительнаго начала, защищавшаго самостоятельность духа и слѣдовательно самихъ наукъ о духѣ.

Языкъ вышеприведеннаго мѣста изъ Брауна уже даетъ чувствовать какое-то новое и болѣе раздѣльное выраженіе задачи философіи духа. Термины „перемѣна“ или „рядъ перемѣнъ“, какъ синонимы явленія, вводятъ какъ-то лучше въ дѣло изслѣдованія. Если припомнимъ то прекрасное мѣсто изъ Брауна, въ которомъ раскрывалась недоступность нашимъ познавательнымъ средствамъ бытія вещей самихъ въ себѣ, или независимо отъ нашихъ чувствъ или сознанія — то слѣдующія слова очертятъ намъ еще опредѣленнѣе взглядъ Брауна на науку о духѣ. „Духъ“, говоритъ Браунъ, „подобно тѣлу, съ которымъ онъ связанъ, или вещественнымъ предметамъ, которыми оно окружено, можно очевидно разсматривать какъ субстанцію обладающую извѣстными качествами, доступную различнымъ впечатлѣніямъ или видоизмѣненіямъ, которыя, существуя преемственно или какъ его минутныя состоянія, и составляютъ всѣ явленія мысли и чувства. Общія обстоятельства, въ какихъ слѣдуютъ другъ за другомъ эти перемѣны состоянія, или другими словами, законы ихъ преемства подлежатъ указанію, и явленія могутъ быть сведены къ различнымъ классамъ, согласно ихъ взаимному сходству въ предшествующихъ и послѣдующихъ обстоятельствахъ, или въ какихъ-нибудь другихъ, имѣющихъ наглядную аналогію. Кратко сказать, есть наука, которую можно назвать физіологіей духа, какъ есть другая наука, относящаяся къ устройству и отправленіямъ нашего тѣлеснаго состава, къ которой терминъ физіологія прилагается чаще; и какъ мы стараемся, путемъ опыта и наблюденія, начертать рядъ перемѣнъ происходящихъ въ нашей части матеріальной,—съ первой минуты жизни до послѣдней — смерти,

Digitized by Google

такъ точно, путемъ наблюденія и въ извѣстной мѣрѣ также путемъ опытовъ, стараемся начертать рядъ перемѣнъ происходящихъ въ духѣ, какъ бы эти преемства ни были бѣглы и какъ бы ни переплетались въ своихъ сочетаніяхъ при взаимной встрѣчѣ. Безчисленныя перемѣны, тѣлесныя и духовныя, мы сводимъ путемъ обобщенія къ немногимъ классамъ и говоримъ въ отношеніи къ духу о его способностяхъ или отправленіяхъ,—наблюденіи, памяти, разумѣ,—какъ говоримъ въ отношеніи къ тѣлу объ отправленіяхъ дыханія, кровообращенія, питанія." *

Такою параллелью между наукой о духѣ и наукой физическою, метода первой много выигрываетъ въ отчетливости, потому что пріемы послѣдней въ изслѣдованіяхъ своего предмета гораздо нагляднѣе. Эта параллель проводилась, конечно, и прежде, всѣми изслѣдователями философіи духа, начиная съ Бекона и Локка, но далеко не съ такою выразительностію. И эта выразительность у Брауна не есть случайность. Въ наукѣ о духѣ мы изслѣдуемъ, какъ и въ физіологіи тѣла, рядъ или преемства перемѣнъ и ихъ взаимныя отношенія. Спрашивается теперь: какого рода эти отношенія?

Браунъ отвѣчаетъ: *причинныя*; строгая причинная связь и зависимость. Таково именно значеніе тѣхъ обстоятельствъ духовныхъ перемѣнъ, которыя выше названы у него предшествующими. Это очевидно проливаетъ новый свѣтъ на руководительное начало Локка. Локкъ требуетъ, чтобы мы объясняли духовныя явленія изъ предшествующихъ фактовъ и, въ послѣднемъ анализѣ, изъ ощущенія. Браунъ прибавляетъ къ этому: объясняли изъ нихъ какъ ихъ истинныхъ *причинъ*.

Но теперь спрашивается дальше: такая постановка дѣла не измѣняетъ ли въ корнѣ и самихъ началъ Локка? Сохранится ли при этомъ тотъ выводъ критики, который отмѣченъ у Локка терминомъ рефлексіи или у Рида терминомъ внушенія? И если внѣшнія перемѣны въ окружающихъ наше тѣло предметахъ и затѣмъ въ нашей нервной системѣ и мозгѣ суть причина нашихъ ощущеній; если, далѣе, ощущенія суть причина всѣхъ другихъ духовныхъ явленій: то не получимъ ли мы въ итогѣ самый грубѣйшій матеріализмъ?

---

* Brown: *Phil. of the Hum. Mind.* Lect. I, p. 3.

Digitized by Google

Совершенно вѣрно, что матеріализмъ, въ этомъ именно пунктѣ, иначе выражаться не можетъ; вѣрно и то, что Браунъ выражается именно такъ. И за всѣмъ тѣмъ онъ остается вѣренъ обоимъ руководительнымъ началамъ Локка; и терминъ внушенія играетъ въ его философіи духа такую широкую роль, какой онъ не имѣлъ ни у Рида, ни у Д. Стюарта. Браунъ доказалъ, напротивъ, что такое отступленіе отъ Локковыхъ началъ возможно было бы только при томъ фантастическомъ понятіи о причинной связи, какое господствовало во времена схоластики и не оправдывается строгою аналитическою методой, положенною Локкомъ въ основаніе науки о духѣ.

Заслуга Брауна въ разъясненіи причинности признана всѣми лучшими писателями Англіи; и значеніе его критическихъ работъ по этому предмету такъ существенно въ исторіи индуктивной методы, что мы должны отмѣтить, по крайней мѣрѣ, ихъ сущность.

Начало, которому Браунъ далъ осѣдлость въ наукѣ, было бы, безъ сомнѣнія, принято и раньше,—изъ рукъ ученаго, который впервые заявилъ его въ новое время, именно Юма, еслибъ этому не помѣшали нѣкоторыя обстоятельства совершенно сторонніе для самого дѣла. На долю Юма выпалъ, между прочимъ, разборъ всей схоластической метафизики, то-есть, такъ-называемыхъ, раціональныхъ или апріорныхъ умствованій, изъ которыхъ состояла у схоластиковъ онтологія, космологія, теологія и пневматологія, и которыхъ невозможность была уже доказана Локкомъ. Само собою разумѣется, что вся эта силлогизація страдала вѣчнымъ petitio principii; и Юмъ разоблачилъ ея фактическую несостоятельность съ свойственною ему тонкостію анализа и силой выраженія. Онъ сдѣлалъ, такимъ образомъ, то же самое для всей метафизики, что сдѣлалъ Беркли собственно для космологіи. И ясно, что его дѣло вызывалось въ этомъ направленіи тѣми данными, какія были получены критикой у Бекона и Локка: невозможностію силлогизаціи независимой отъ индукціи и некомпетентностію индуктивной науки въ рѣшеніи вопросовъ выходящихъ изъ сферы явленій. Припомнимъ еще, что субстанціи схоластической метафизики подвергались операціямъ силлогизма не только въ своихъ аттрибутахъ, но и въ самомъ ихъ существованіи, и намъ будетъ понятно, почему наука чисто-аналитическая не можетъ добраться не

Digitized by Google

только до различныхъ отличительныхъ аттрибутовъ метафизическихъ субстанцій, но и до простаго существованія ихъ. И такъ какъ всякое научное убѣжденіе есть только простое выраженіе фактической возможности получить какую-нибудь истину путемъ строгихъ методъ, то естественно слѣдуетъ, что убѣжденіе *научное* относительно существованія вещей за предѣлами простыхъ явленій безусловно невозможно. Обратимъ еще вниманіе на то, что психологическая природа убѣжденія одинаково обнимаетъ собою и вѣру и невѣріе, и положеніе и отрицаніе; ибо невѣріе и отрицаніе есть психологически увѣренность и положеніе, что извѣстная вещь не существуетъ. Такимъ образомъ, отказываясь, по требованію здравой методы, отъ научнаго убѣжденія въ существованіи метафизическихъ субстанцій (духа, матеріи), мы выражаемъ некомпетентность науки столько же по отношенію къ признанію какъ и къ отрицанію этихъ вещей. И таково именно положеніе *скептицизма* Юма въ *предѣлахъ науки*. Ясно, что онъ не идетъ далѣе косвеннаго оправданія перваго Локкова руководительнаго начала, принятаго, какъ мы видѣли, цѣлымъ рядомъ лучшихъ писателей Англіи и въ томъ числѣ Ридомъ. Почему послѣдній во главѣ многихъ приверженцевъ становился почти всюду въ оппозицію Юму, остается дѣломъ темнымъ. Быть-можетъ, Юмъ давалъ преувеличенный вѣсъ научнымъ убѣжденіямъ сравнительно съ другими, которыя существовали въ человѣчествѣ раньше всякой науки и вытекаютъ не изъ анализа явленій, а изъ различныхъ внушаемыхъ ими чувствованій, переносящихъ человѣка изъ міра явленій въ міръ лучшаго существованія; ибо надобно согласиться, что эти святыя убѣжденія человѣческаго сердца не равнодушны не только къ оскорбительнымъ теоріямъ относительно своихъ высокихъ предметовъ, но и къ рѣзкому ударенію на научныя силы, соединенному съ нѣкоторою невнимательностію къ другимъ, столько же и, можетъ-быть, еще болѣе живымъ силамъ, хранящимся въ возвышенныхъ чувствованіяхъ человѣческой природы. Извѣстно, что Ридъ настаивалъ въ особенности на убѣжденіяхъ *инстинктивныхъ*, что въ нашемъ случаѣ сводится, въ послѣднемъ анализѣ, къ увѣренности, которой источникъ лежитъ въ человѣческихъ чувствахъ; извѣстно и то, что этотъ знаменитый писатель не всегда тонко различалъ потребность психологическаго анализа такихъ убѣжденій отъ ихъ роли въ направленіи науки.

Digitized by Google

Соединивъ эти обстоятельства, не трудно открыть поводы къ недоразумѣніямъ, возникшимъ между Юмомъ и Ридомъ. Какъ бы то ни было, но постоянная оппозиція Юму такого превосходнаго ученаго, какъ Ридъ, препятствовала безпристрастной оцѣнкѣ многихъ отличныхъ теорій перваго и въ томъ числѣ его теоріи причинныхъ отношеній.

Юмъ доказывалъ, что оставаясь въ предѣлахъ анализа, невозможно отыскать въ причинныхъ отношеніяхъ явленій чего-нибудь другаго, кромѣ извѣстнаго преемства или послѣдовательности явленій; и вся таинственность, какою окружены эти отношенія въ популярномъ сознаніи и въ преданіяхъ схоластики, беретъ свое начало въ игрѣ воображенія, примѣшивающейся къ простому наблюденію. Ридъ, стоявшій во главѣ его противниковъ, не отрицалъ, что въ нашемъ опытѣ мы ограничены, дѣйствительно, изученіемъ однихъ преемствъ; но тѣмъ не менѣе онъ протестовалъ противъ ученія Юма, потому что расходился съ нимъ въ психологическомъ объясненіи той таинственной мглы, какая облегала эти отношенія въ преданіяхъ схоластики, что̀ для дѣла составляло, очевидно, интересъ второстепенный. Но Ридъ пользовался высокимъ авторитетомъ, и его оппозиція въ этомъ пунктѣ, можетъ-быть, надолго остановила бы разработку этого вопроса въ интересахъ индуктивной методы, еслибъ изъ среды его собственной школы не выступилъ на это поприще ученый, не менѣе его блестящій своими талантами и, столько же какъ онъ, извѣстный по чистотѣ своихъ нравственныхъ убѣжденій и религіозныхъ вѣрованій. Это былъ Браунъ. Ближайшимъ поводомъ къ тому была недостойная интрига клерикальной партіи въ Эдинбургскомъ университетѣ противъ ученаго Лесли, искавшаго каѳедры математики. Эта партія имѣла своего кандидата, и чтобы помѣшать конкурренціи Лесли, ссылалась на его сочиненіе *О теплотѣ*, въ которомъ онъ обнаружилъ себя сторонникомъ Юма по вопросу о причинности. Такая интрига возмутила людей благородныхъ, и Браунъ, рискуя собственною репутаціей, выступилъ на защиту Лесли. Онъ доказывалъ, что теорія Юма, взятая сама по себѣ, безъ примѣси всякихъ сторонніхъ для нея вопросовъ и заключеній, есть совершенно здравая и не противорѣчитъ никакой важной истинѣ нравственной и религіозной. При этомъ весьма замѣчательно то обстоятельство, что Д. Стюартъ, который вслѣдъ за

Digitized by Google

Рядомъ опровергалъ теорію Юма, прочитавъ сочиненіе Брауна объ этомъ предметѣ, чистосердечно отказался отъ своего предубѣжденія въ этомъ пунктѣ, и въ лестномъ письмѣ къ Брауну выразилъ полное сочувствіе его взгляду. *

Обратимся теперь къ ученію Брауна о причинности. Что такое сила, причина, дѣйствіе или слѣдствіе? спрашиваетъ Браунъ. „Есть ли это рядъ правильно предшествующаго и послѣдующаго? Или же вещь болѣе таинственная, которая, какъ слѣдуетъ предполагать, лежитъ въ срединѣ между ними и связываетъ ихъ какими-то незримыми узами?

„Мы видимъ, что въ природѣ за однимъ явленіемъ слѣдуетъ другое, напримѣръ, за паденіемъ искры на порохъ слѣдуетъ взрывъ пороха, и по особенной тенденціи нашего духовнаго устройства, которую мы должны принять даромъ, какова бы ни была наша теорія силы, мы убѣждены, что пока всѣ обстоятельства останутся тѣ же, то и послѣдовательность событій будетъ та же; что, напримѣръ, взрывъ пороха будетъ неизмѣннымъ слѣдствіемъ паденія на него искры; другими словами, мы убѣждены, что порохъ при прикосновеніи искры подлежитъ взрыву, а искра имѣетъ силу взрывать порохъ.

„Такимъ образомъ, въ этомъ теченіи событій, конечно правильномъ, больше ничего не разумѣется кромѣ правильнаго порядка предыдущаго и послѣдующаго, изъ которыхъ слагается это теченіе, и еслибы между ними существовала еще какая-нибудь вещь, то она была бы сама какою-нибудь частію этого теченія. Все что мы разумѣемъ, когда приписываемъ какой-нибудь субстанціи воспріимчивость къ страданію (susceptibility of being affected) отъ другой субстанціи, значитъ только, что въ первой будетъ однообразно происходить извѣстная перемѣна, какъ скоро будетъ налицо послѣдняя; такимъ же образомъ, все что мы разумѣемъ, когда приписываемъ извѣстной субстанціи силу дѣйствія (a power of affecting) на другую субстанцію, значитъ только, что когда она присуща, то въ этой послѣдней будетъ однообразно происходить извѣстная перемѣна. Кратко, сила не означаетъ ничего отличнаго отъ неизмѣннаго предыдущаго, а единственно простую неизмѣнность порядка его выступанія въ отношеніи къ какому-нибудь неизмѣнному послѣдующему;

* Brown: *Phil. of the Hum. Mind.* Memoire of D-r Brown.

Digitized by Google

неизмѣнное предыдущее называется причиной, а неизмѣнно послѣдующее дѣйствіемъ (effect). Сказать, что вода имѣетъ силу растворять соль или что соль растворяется, какъ скоро на нее наливается вода, значитъ сказать совершенно одну и ту же вещь; въ первомъ предложеніи нѣтъ ровно ничего такого, чего бы въ точности и въ томъ же самомъ объемѣ не было высказано и въ другомъ.

„Правда, мы имѣли бы совсѣмъ другую теорію причиненія, еслибы, не взявъ въ разчетъ этого важнаго обстоятельства неизмѣнности или однообразной вѣрности слѣдованія какого-нибудь частнаго событія, сказали просто, что сила есть только предыдущее; потому что нѣтъ никакого спора, что послѣ извѣстныхъ явленій наступаютъ другія, въ которыхъ мы не замѣчаемъ никакого постояннаго отношенія къ нимъ. Это будутъ тоже предыдущія, но не будутъ неизмѣнныя предыдущія; и основаніе тому весьма наглядно. Въ неизмѣримой системѣ вселенной постоянно и заразъ случаются безчисленныя событія. И потому всегда должны быть безчисленныя сосуществующіе ряды; части каждаго изъ нихъ, имѣя постоянное отношеніе другъ къ другу, могутъ не имѣть никакаго постояннаго отношенія къ частямъ другихъ рядовъ, и такимъ образомъ какое-нибудь событіе какого-нибудь ряда можетъ предварять не только свое собственное дѣйствіе, которое замѣчается послѣ него постоянно и однообразно, но еще и событія другихъ сосуществующихъ рядовъ, которыя въ другой разъ въ ту же самую минуту могутъ съ нимъ и не встрѣчаться. Нѣтъ никакого суевѣрія думать, что послѣ затменія солнца *можетъ* слѣдовать моровая язва, или какой-нибудь непріятный сонъ послѣ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ бѣдствій дня; но было бы большимъ суевѣріемъ думать, что эти предыдущія и послѣдующія имѣютъ другъ къ другу какое-нибудь постоянное отношеніе. По крайней мѣрѣ въ обыкновенныхъ и привычныхъ случаяхъ, каждый достаточно знаетъ разницу между тѣмъ, что такимъ образомъ только случайно, и тѣмъ, что неизмѣнно въ порядкѣ природы. И однакожь, единственно упуская изъ виду эту столь наглядную разницу, — д-ръ Ридъ и другіе отличные философы вдались въ такую подробную аргументацію съ цѣлію опровергнуть одно изъ самыхъ простыхъ и самыхъ вѣрныхъ метафизическихъ мнѣній. Чтобы показать, что сила есть больше чѣмъ одно неизмѣнное предыдущее,

Digitized by Google

они доказывали, что оно больше чѣмъ случайное предыдущее и что событія не слѣдуютъ другъ за другомъ разрозненно и въ безпорядкѣ, какъ будто предыдущее можетъ быть неизмѣннымъ, не имѣя неизмѣннаго послѣдующаго, или какъ будто однообразный рядъ не есть просто другое имя какого-нибудь числа однообразныхъ предыдущихъ и послѣдующихъ. Причиной можетъ быть и не то, что̀ предшествовало однажды извѣстному событію; но мы даемъ это названіе тому, за чѣмъ всегда слѣдовало извѣстное событіе, всегда слѣдуетъ извѣстное событіе, и какъ мы увѣрены, и на будущее время всегда послѣдуетъ извѣстное событіе какъ за своимъ неизмѣннымъ предыдущимъ; и причиненіе, сила или другія какія-нибудь синонимическія слова ничего больше и не выражаютъ кромѣ этого постояннаго отношенія того что̀ предшествовало къ тому что̀ послѣдовало. Если эта неизмѣнность преемства прошлаго, настоящаго и будущаго не есть то, что̀ дѣлаетъ одно событіе дѣйствіемъ другаго, то д-ръ Рядъ, по крайней мѣрѣ, не указалъ никакого другаго прибавочнаго обстоятельства, которое мы должны бы съ этимъ соединить въ нашемъ опредѣленіи слѣдствія, хотя онъ, дѣйствительно, и видѣлъ съ самою высокою ясностію, если только на это нужна проницательность, что предыдущія и послѣдующія не одно и то же; что мы пользуемся дѣйствительными и страдательными глаголами въ различныхъ смыслахъ, прилагая,—какъ легко предугадать,—одни къ предыдущимъ, а другіе къ послѣдующимъ; что мы говоримъ о дѣйствіяхъ и причинахъ какъ о вещахъ различныхъ, потому что, безспорно, однообразно слѣдовать за извѣстною перемѣной и однообразно предшествовать извѣстной перемѣнѣ—не одно и то же; и что мы никогда не прилагаемъ этихъ названій тамъ, гдѣ не замѣчаемъ какого-нибудь постояннаго отношенія. И хотя эти разграниченія можно признать непреодолимо твердыми въ борьбѣ со скептицизмомъ, если только когда-нибудь существовалъ такой чудовищный скептицизмъ, который утверждалъ бы, что преемства событій и случайны, и неправильны, они не имѣютъ никакого вѣса противъ опредѣленія силы, утверждающаго, что она состоитъ въ вѣрности неизмѣннаго слѣдованія какого-нибудь событія какъ ея непосредственнаго послѣдующаго; потому что этою самою правильностію слѣдованій, предполагаемою въ опредѣленіи, самъ собою дается

Digitized by Google

случай для всѣхъ этихъ разграниченій мысли и рѣчи, которыя выведены д-ромъ Ридомъ.

„Что одно какое-нибудь событіе слѣдуетъ неизмѣнно за другимъ, это, конечно, достойно высокаго удивленія, какъ и всякая вещь въ природѣ, и можетъ быть приписано только безконечному источнику всего чудеснаго и возвышеннаго, волѣ Того Божественнаго Существа, Кто далъ вселенной ея законы и сочеталъ ихъ въ наиблагодѣтельнѣйшемъ порядкѣ для счастія Своихъ твореній, которыя безъ вѣры въ однообразіе этихъ законовъ, управляющей ихъ поведеніемъ, не умѣли бы поддержать даже и своего животнаго существованія. Но однообразіе преемства, конечно, не станетъ менѣе чудесно вслѣдствіе одной перемѣны имени. То же самое чудо остается и тогда, когда предыдущему изъ двухъ событій мы приписываемъ терминъ силы и когда употребляемъ совершенно синонимическое выраженіе неизмѣннаго предшествія; потому что каждый изъ этихъ терминовъ ничего больше не заключаетъ, кромѣ того, что какое-нибудь событіе не можетъ происходить такъ, чтобы за нимъ не слѣдовало извѣстное другое. Постоянство и однообразіе отношенія суть существенныя обстоятельства. Быть тѣмъ, что не можетъ существовать такъ чтобы за нимъ не слѣдовало въ то же мгновеніе извѣстное событіе, и значитъ быть причиной этого событія какъ соотносительнаго дѣйствія (correlative effect). Невозможно думать, что неизмѣнное предыдущее есть нѣчто другое чѣмъ причина, или причина нѣчто иное чѣмъ неизмѣнное предыдущее; точно такъ же какъ нельзя думать, что *homo* есть латинскій синонимъ *man*, и однакожъ *man* не есть англійскій синонимъ *homo*.

„Знать силы природы значитъ поэтому только знать за какими предыдущими слѣдуютъ и будутъ слѣдовать какія послѣдующія; потому что именно эта неизмѣнность, а не какое-нибудь отдѣльное существованіе, и составляетъ все, что выражается въ какомъ-нибудь случаѣ краткимъ терминомъ: *сила*; это, и только это, и есть истинный предметъ физическаго изслѣдованія, занимающагося преемствомъ событій.

„Поэтому на вопросъ: что такое извѣстный предметъ, можно дать со смысломъ только два отвѣта. Мы можемъ разсматривать его какъ онъ существуетъ въ пространствѣ и постановлять элементы, которые существуютъ въ немъ или, скорѣе, составляютъ его; или можемъ разсматривать

Digitized by Google

наши предположенія относительно всѣхъ другихъ вещей. Очевидно, что преемство дня и ночи въ этомъ смыслѣ не есть нѣчто необходимое: оно установлено совмѣстнымъ дѣйствіемъ различныхъ предыдущихъ. Что сопровождается какимъ-нибудь даннымъ слѣдствіемъ только въ томъ случаѣ, какъ скоро существуетъ также какое-нибудь третье обстоятельство, то не есть причина, хотя бы и не случилось ни разу, чтобъ это явленіе происходило въ его отсутствіи.

„Поэтому неизмѣнная послѣдовательность не есть синонимъ причины, если слѣдствіе, кромѣ неизмѣнности, не обладаетъ и безусловностію. Есть преемства, которыя, по прошлымъ опытамъ такъ же однообразны какъ и другія, и которыя мы считаемъ не случаями причиненія, а связями (conjunctions) въ нѣкоторой мѣрѣ случайными, какъ это именно въ дѣлѣ дня и ночи....

„Поэтому причину физическаго явленія мы можемъ опредѣлить какъ такое предыдущее или совмѣстное дѣйствіе предыдущихъ, за которымъ оно неизмѣнно и *безусловно* слѣдуетъ, или принимая удобную модификацію значенія слова причина, по которой она есть сумма положительныхъ условій безъ отрицательныхъ, мы должны сказать вмѣсто „безусловно“: не подчиняясь никакимъ другимъ условіямъ, кромѣ отрицательныхъ.“ *

Мѣста, приведенныя нами изъ Брауна и Д. С. Милля, кажется, достаточно объясняютъ въ чемъ состоитъ это чисто-аналитическое ученіе о причинности, впервые поставленное на видъ съ такою силой и съ такимъ успѣхомъ философскою критикой Брауна. Мы увидимъ сейчасъ, какими важными послѣдствіями оно сопровождалось для точной постановки руководительныхъ началъ Локка.

Припомнимъ первое изъ нихъ. Наука о духѣ должна оставить силлогизацію о сущности духа, какъ это дѣлалось въ добрыя времена схоластики, и заняться изученіемъ однихъ духовныхъ явленій, предоставляя физикѣ вещества изученіе явленій вещественныхъ; и это потому, что познаніе чего бы то ни было за предѣлами простыхъ явленій недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ. Вмѣстѣ съ этимъ, знаменитый вопросъ объ отношеніи между духомъ, какъ неиз-

* J. S. Mill: *Syst. d. ded. u. ind. Logic.* Uebertr. v. Scheil. 2-te Aufl. I. Th., p. 399—401.

Digitized by Google

вѣстнымъ подлежащимъ духовнымъ видоизмѣненіямъ, и веществомъ, какъ сущностію, независимою отъ нашихъ внутреннихъ состояній,—вопросъ столько занимавшій схоластику и школу Декарта, искавшихъ опредѣлить и мѣстопребываніе души въ тѣлѣ, и способъ ихъ взаимнаго вліянія другъ на друга и пр.,—остался вопросомъ не имѣющимъ въ наукѣ никакого мѣста.

Все что̀ могло бы подлежать научному изслѣдованію будетъ послѣ этого не отношеніе духа и тѣла, какъ противоположныхъ субстанцій, а единственно взаимное отношеніе двухъ противоположныхъ порядковъ явленій, вещественныхъ и духовныхъ, то-есть двухъ порядковъ нашихъ внутреннихъ состояній, или состояній нашего сознанія, изъ которыхъ въ одномъ мы видимъ міръ внѣшній и отъ нашего духа независимый, а въ другомъ—собственныя дѣйствія своего духа; впрочемъ, и это только подъ тѣмъ условіемъ, если явленія вещественныя и явленія духовныя, дѣйствительно, встрѣчаются между собой въ нашемъ анализѣ фактовъ. Такой случай мы имѣемъ именно въ пограничной сферѣ философіи вещества и философіи духа,—области, которая подразумѣвается въ положеніи Локка, что извѣстная часть духовныхъ явленій обязана своимъ происхожденіемъ дѣятелямъ посторонникъ для духа и называемымъ внѣшними предметами. Это та область знаній, въ которой физикъ, напримѣръ оптикъ, медикъ, физіологъ и пр., не всегда можетъ вращаться съ удобствомъ въ кругѣ явленій вещественныхъ, не заглядывая въ кругъ явленій имъ противоположныхъ, духовныхъ, и въ которой моралистъ, съ своей стороны, находитъ постоянные поводы выходить изъ круга собственнаго предмета своихъ изслѣдованій въ область физики; и именно, съ одной стороны, явленія тѣлесныя, или органическія, въ ихъ связи съ явленіями духовными, и съ другой, явленія духовныя въ ихъ связи съ явленіями органическими. Эта связь духовныхъ и вещественныхъ явленій, въ этой смѣшной области философіи природы и философіи духа, и есть единственный научный смыслъ вопроса объ отношеніи между духомъ и тѣломъ. Въ чемъ же состоитъ эта связь?

Чтобы не теряться въ исканіяхъ лучшей постановки дѣла, обратимся къ результатамъ уже извѣстнымъ. Философская критика показала, что внѣшній міръ существуетъ для насъ въ силу нашихъ состояній, которыя мы называемъ

Digitized by Google

внѣшними ощущеніями и начало которыхъ ведемъ отъ предметовъ постороннихъ нашему духу. Итакъ наши внѣшнія *ощущенія*—вотъ тотъ пунктъ, въ которомъ моралистъ, вслѣдъ за другими, предполагаетъ связь духа съ предметами ему посторонними, иначе сказать, связь явленій духовныхъ и органическихъ, или тѣлесныхъ. Анатомія и физіологія, своими особенными средствами индуктивнаго изслѣдованія, раскрыли эту связь въ весьма тонкихъ подробностяхъ; онѣ поставили внѣ всякаго сомнѣнія ту истину, что для ощущеній нужна предварительная дѣятельность нервовъ и мозга; иначе сказать, что ощущенія *производятся* органическими явленіями системы нервовъ и мозга. Многимъ физіологамъ кажется, что тутъ и послѣдній приговоръ въ опредѣленіи этой связи нашихъ ощущеній съ нервами и мозгомъ; и дѣйствительно, этимъ и оканчивается въ итогѣ все показаніе физіологіи. Дальше этого шага она идти не можетъ, потому что болѣе тѣсной связи явленій чѣмъ связь произведенія однихъ другими, мы не знаемъ. Но этимъ не оканчивается приговоръ цѣлой науки. Логика, напримѣръ, тутъ только и начинаетъ свои вопросы; а именно: что значатъ эти, очевидно, метафорическія выраженія: *рожденіе*, *произведеніе*, *причиненіе* и т. д., которыми обозначается отношеніе нервныхъ и мозговыхъ явленій къ нашимъ ощущеніямъ?

Руководствуясь теоріей причины и дѣйствія, единственно возможною въ индуктивной наукѣ, мы должны отвѣтить, что здѣсь дѣло идетъ о какомъ-нибудь преемствѣ явленій, въ которомъ предыдущимъ служатъ какія бы то ни было явленія нервныя и мозговыя, а послѣдующимъ то духовное состояніе, которое называется внѣшнимъ ощущеніемъ. Если это преемство явленій есть связь причинная, то мы должны показать, что послѣдующее, то-есть ощущеніе, всегда, или неизмѣнно и безусловно, сопровождаетъ эти органическія предыдущія. Физіологія это сдѣлала: и мы имѣемъ отрасль знанія равно интересную и для физика, и для моралиста. Но все, что мы имѣемъ въ этомъ случаѣ, ограничивается только извѣстною послѣдовательностію или извѣстнымъ преемствомъ явленій; и всякое подозрѣваніе чего-нибудь больше этого безусловно неизмѣннаго преемства, всякая мысль, что въ этомъ фактѣ выхода внѣшнихъ ощущеній изъ органическихъ явленій скрывается еще какая-то иная, таинственная связь между этимъ предыдущимъ и этимъ послѣдующимъ, — при-

Digitized by Google

надлежитъ къ доказаннымъ фикціямъ средневѣковой схоластики. Явленія духовныя существенно отличаются отъ вещественныхъ, не взирая на то, что извѣстная часть ихъ слѣдуетъ неизмѣнно и безусловно за извѣстными событіями органическими или тѣлесными, и что съ разстройствомъ или уничтоженіемъ этихъ предыдущихъ разстраиваются или уничтожаются и эти послѣдующія, то-есть ощущенія. Такъ какъ ощущенія суть необходимое начало всей высшей духовной жизни, то изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что безъ предварительныхъ извѣстныхъ перемѣнъ или событій въ нашемъ тѣлѣ, безъ явленій въ нервахъ и мозгѣ, отъ которыхъ зависятъ наши ощущенія, мы не могли бы, родившись на свѣтъ, быть причастниками какой бы то ни было духовной жизни, и наша жизнь, еслибы таковая была возможна, походила бы, сколько мы можемъ судить объ этомъ, на жизнь растеній. Вотъ все, что можно вывесть изъ физіологическихъ условій нашихъ ощущеній. И эти условія нашего земнаго существованія для насъ отнюдь не тайна, и едва ли бы внушали какое-нибудь подозрѣніе, еслибы мы не были подготовлены къ этому различными сторонними предразсудками.

Итакъ въ фактѣ ощущеній, какъ онъ открывается взаимнымъ усиліямъ физіологіи и философской критики, мы имѣемъ только одинъ урокъ, — что явленіямъ духовнымъ, которыя мы называемъ внѣшними ощущеніями, неизмѣнно и безусловно предшествуютъ различныя органическія перемѣны, или событія въ нервахъ и мозгѣ; болѣе этой, выраженной такимъ образомъ, смѣны явленій, или преемства ихъ, въ томъ рядѣ, послѣднимъ звеномъ котораго стоитъ внѣшнее ощущеніе,—мы не имѣемъ ровно ничего, и коренная разница между явленіями вещественными и явленіями духовными остается попрежнему. Но мы взяли ощущенія только какъ ближайшій примѣръ такихъ фактовъ, которые относятся къ области явленій, равно интересующихъ и физику, и философію духа. Раждается вопросъ: какъ далеко простирается такая причинная зависимость духовныхъ явленій отъ органическихъ или тѣлесныхъ? Замѣтимъ прежде всего, что какъ бы далеко она ни простиралась, во всякомъ случаѣ она будетъ того же самаго характера какъ и въ фактѣ нашихъ внѣшнихъ ощущеній, и духъ останется попрежнему существенно отличнымъ отъ тѣла. Но вопросъ этотъ интересенъ уже съ другой стороны; здѣсь дѣло идетъ о самостоятель-

Digitized by Google

кости духа и связанныхъ съ этимъ практическихъ интересахъ. На этотъ вопросъ науки физическія представляли много утвердительныхъ отвѣтовъ, изъ которыхъ ни одинъ не выдержалъ критики. Въ то же время философія духа получила у Локка твердое руководительное правило различать между ощущеніями и между операціями духа, которыя зависятъ непосредственно или отъ ощущеній, или, въ дальнѣйшемъ, сами отъ себя. Это безспорный фактъ философской критики, и физіологія никогда не опровергнетъ его; но ей остается просторъ изслѣдовать, точно ли психологическій анализъ исчерпываетъ до дна зависимость духовныхъ явленій, и тѣ явленія, какія Локкъ называетъ рефлективными, не условливаются ли ощущеніями только на ближайшемъ разстояніи аналитическихъ работъ,— какое такимъ образомъ только и доступно философіи духа независимо отъ физіологіи,— а въ дальнѣйшемъ зависятъ собственно отъ условій физіологическихъ, точно такъ же какъ и ощущенія? Если бы физіологіи удалось доказать послѣднее, то оказалось бы только, что духовныя событія, которыхъ причину мы видимъ въ ощущеніяхъ, стоятъ съ послѣдними въ такой же связи, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ стоятъ между собою день и ночь. Преемство ихъ было бы, въ опытѣ, постояннымъ, но не безусловнымъ, иначе причинными. Но какъ мы имѣли случай замѣтить, научныя убѣжденія,—будутъ ли это положенія или отрицанія, — должны быть только выраженіемъ уже достигнутаго результата, чего въ нашемъ случаѣ физіологія не сдѣлала; а потому и нѣтъ никакого твердаго научнаго основанія измѣнять взглядъ на рефлективныя явленія, высказанный Локкомъ, отнимая у нихъ характеръ самостоятельныхъ операцій духа. Но вопросъ приметъ другое положеніе, если мы представимъ его въ такомъ видѣ: имѣютъ ли явленія органическія какое бы то ни было, прямое или косвенное, вліяніе на собственныя операціи духа; иначе сказать, отзываются ли эти явленія какимъ-нибудь прямымъ или косвеннымъ видоизмѣненіемъ оригинальныхъ законовъ духа? На этотъ вопросъ физіологія опять до сихъ поръ не дала такого же, строго научнаго отвѣта, какъ по поводу ощущеній; но всѣ данныя склоняются къ отвѣту утвердительному. Во всякомъ случаѣ, предполагаемая здѣсь роль органическихъ перемѣнъ есть чисто второстепенная и ограничивается, или должна ограничиваться, побочною кооперацією

Digitized by Google

съ оригинальными законами духа, и эта корпорація состояла бы опять только въ извѣстномъ преемствѣ этихъ перемѣнъ, отражающемся, въ послѣдней ступени, какою-нибудь перемѣной въ направленіи оригинальныхъ законовъ духа. Такимъ образомъ и здѣсь причинная связь духовныхъ и вещественныхъ явленій не можетъ идти дальше неизмѣннаго и безусловнаго предваренія однихъ явленій другими.

Таковъ первый важный выводъ философской критики Брауна. Упоминая объ извѣстныхъ физіологическихъ фактахъ, существованіе которыхъ сопровождается ощущеніями и отсутствіе которыхъ влечетъ неизбѣжно отсутствіе соотвѣтственныхъ ощущеній, Браунъ продолжаетъ: „Итакъ мозгъ и различные нервы внѣшнихъ чувствъ въ непрерывномъ соединеніи съ нимъ, взятые вмѣстѣ, образуютъ, можно сказать, одинъ великій органъ,—который я назвалъ бы кратко чувствилищнымъ органомъ (sensorial organ),—существенный для жизни и для непосредственнаго произведенія тѣхъ духовныхъ явленій, въ которыхъ состоятъ наши ощущенія, и можетъ-быть притомъ въ нѣкоторой мѣрѣ видоизмѣняющій, прямо или косвенно, и всѣ другія явленія духа.

„Относительно самой природы связи этого великаго чувствилищнаго органа съ ощущающимъ духомъ, мы никогда не будемъ въ состояніи знать что-нибудь больше того, что заключается въ простомъ фактѣ, что извѣстному состоянію духа предшествуетъ непосредственно извѣстное впечатлѣніе на нервную систему. Впрочемъ, хотя мы и привыкли представлять этотъ видъ взаимнаго преемства тѣлесныхъ и духовныхъ энергій особенно неизъяснимымъ, вслѣдствіе совершенно различной природы субстанцій, производящихъ другъ на друга взаимное впечатлѣніе,—въ дѣйствительности неизъяснимаго здѣсь не больше какъ и во всякомъ другомъ случаѣ преемства событій,— когда явленія встрѣчаются въ субстанціяхъ, которыя въ своихъ дѣйствіяхъ не различны, но подобны или даже безусловно сходны; потому что ни въ одномъ примѣрѣ этого рода мы ничего больше не замѣчаемъ, кромѣ однообразнаго порядка въ преемствѣ событій; а о перемѣнахъ преемства, которыя всѣ безусловно неизъяснимы, или, другими словами, безусловно просты, и поэтому не подлежатъ дальнѣйшему анализу,—нельзя по справедливости сказать, что однѣ изъ нихъ болѣе неизъяснимы чѣмъ другія. Что за особеннымъ состояніемъ ,частей мозга всегда слѣ-

Digitized by Google

дуетъ перемѣна въ состояніи ощущающаго духа, это дѣйствительно удивительно; но если вглядимся въ это пристальнѣе, то найдемъ, что это ничуть не удивительнѣе того, что восхожденіе мѣсяца на извѣстную точку небесъ всегда дѣлаетъ состояніе тѣла на земной поверхности отличнымъ отъ того, какое ему свойственно въ другое время; или что состояніе каждой частички нашего земнаго шара въ ихъ относительныхъ тенденціяхъ тяготѣнія должно, какъ это безспорно, мгновенно измѣниться вслѣдствіе разрушенія самаго отдаленнаго спутника самой отдаленной планеты нашей системы..." *

Другой, столько же важный, пунктъ объясненія научныхъ пріемовъ въ философіи духа дается разъясненіемъ отношенія къ нашимъ ощущеніямъ остальныхъ явленій духа, обозначенныхъ у Локка терминомъ рефлексіи. На мѣсто фигуральнаго выраженія Локка, Браунъ ставитъ твердый терминъ причинности. Кратко выражая его выводъ, мы должны сказать, что всѣ духовныя явленія, какія Локкъ сводилъ подъ главу рефлексіи, отдѣляя ихъ отъ ощущеній и не разрывая съ послѣдними ихъ связи,—то-есть наши перцепціи, воспоминанія, желанія и проч.,—все это, на сколько зависитъ отъ ощущеній, производится послѣдними какъ своими причинами, иначе состоитъ въ преемствахъ событій, которыхъ первое исходное звѣно лежитъ уже не во внѣшнихъ предметахъ, или органическихъ перемѣнахъ,—какъ это именно прилагается къ нашимъ ощущеніямъ,—а напротивъ только во внутреннихъ состояніяхъ самого духа, то-есть нашихъ внѣшнихъ ощущеніяхъ. Самая природа отношенія остается та же: это простой фактъ всегдашняго слѣдованія за ощущеніями какихъ-нибудь другихъ духовныхъ явленій, напримѣръ воспоминаній, желаній и т. д. Различіе антецедентовъ въ примѣрѣ внѣшнихъ ощущеній и остальныхъ духовныхъ явленій такъ важно и такъ упрощаетъ работы ихъ изслѣдованія, что Браунъ не усомнился принять его началомъ для классификаціи всѣхъ духовныхъ явленій. Удобно ли это начало для такой цѣли—это другой вопросъ; но что это раздѣленіе духовныхъ явленій по ихъ непосредственнымъ антецедентамъ, или причинамъ, никогда не можетъ быть упускаемо изъ виду изслѣдователемъ духа, это ясно изъ того, что оно есть

* Brown: *Phil. of the Hum. Mind.* Lect. XIX. p. 119.

Digitized by Google

только другое выраженіе втораго Локкова руководительнаго начала методы. Послушаемъ теперь объ этомъ предметѣ самого Брауна:

„Всѣ чувства и мысли духа“, говоритъ онъ, „суть только самъ духъ, существующій въ различныхъ состояніяхъ. Съ этимъ простымъ словомъ *состояніе* я употребляю, какъ синонимическое, выраженіе *впечатлѣніе духа* (affection of mind), для обозначенія минутнаго чувства, въ чемъ бы оно ни состояло.... Наши духовныя состоянія или духовныя впечатлѣнія суть, такимъ образомъ, простѣйшіе термины, которыми я могу пользоваться для выраженія цѣлыхъ рядовъ явленій духа, во всемъ ихъ разнообразіи, безъ всякой примѣси гипотезы относительно частнаго способа происхожденія этихъ послѣдовательныхъ перемѣнъ.

„Такимъ образомъ, когда мы разсматриваемъ различныя состоянія или впечатлѣнія духа, составляющія эти ряды, одно обстоятельство разности не можетъ не поразить насъ: то именно, что нѣкоторыя изъ нихъ происходятъ непосредственно, вслѣдствіе присутствія внѣшнихъ предметовъ, и нѣкоторыя, также непосредственно, вслѣдствіе извѣстныхъ предшествующихъ впечатлѣній самого духа. Поэтому одинъ порядокъ есть, очевидно, результатъ законовъ вещества и духа, показывающій въ предметахъ внѣшнихъ силу производить впечатлѣніе на духъ, а въ духѣ воспріимчивость къ этимъ впечатлѣніямъ. Другой порядокъ есть результатъ впечатлительности духа къ своимъ собственнымъ состояніямъ,— духа, котораго его божественный Виновникъ устроилъ такъ, что онъ существуетъ въ извѣстныхъ состояніяхъ, и существуетъ въ этихъ состояніяхъ въ извѣстномъ относительномъ порядкѣ преемства. Впечатлѣнія перваго класса происходятъ вслѣдствіе присутствія какого-нибудь внѣшняго предмета; впечатлѣнія втораго класса происходятъ вслѣдствіе какой-нибудь предварительной перемѣны въ состояніяхъ духа.

„Объяснимъ эту разницу примѣромъ. Предположимъ, что гуляя по лугу, мы обращаемъ глаза въ извѣстную сторону и замѣчаемъ дубъ, то-есть присутствіе дуба, или лучше отражаемаго имъ свѣта, причиняетъ извѣстное новое состояніе духа, которое мы называемъ ощущеніемъ зрѣнія, — впечатлѣніе, которое на дѣлѣ принадлежитъ только нашему духу, но которому онъ, какъ мы имѣемъ полное право предпола-

Digitized by Google

гать, не подлежалъ бы безъ присутствія свѣта. Это частное ощущеніе есть, поэтому, слѣдствіе присутствія свѣта, отражаемаго дубомъ, и мы получаемъ его въ силу впечатлительности духа ко внѣшнимъ вещамъ. Но это впечатлѣніе духа, имѣющее своею непосредственною причиной внѣшній предметъ, не есть единственная духовная перемѣна, какая происходитъ при этомъ. Другія перемѣны послѣдовали за нею безъ всякаго другаго внѣшняго впечатлѣнія. Мы сравниваемъ дубъ съ какимъ-нибудь другимъ деревомъ, видѣннымъ прежде, и поражаемся его величественностію и красотою, воображаемъ, въ какомъ бы видѣ предстала передъ нами какая-нибудь болѣе привычная намъ сцена, еслибы была украшена этимъ деревомъ, и какая открылась бы сцена, еслибъ это дерево было устранено съ своего мѣста; думаемъ, сколько требовалось прожить лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ дубъ былъ только жолудемъ, и размышляемъ о тѣхъ перемѣнахъ, какія произошли въ маленькой исторіи нашей собственной и нашихъ друзей, и даже больше—о перемѣнахъ царствъ, рожденіи и смерти цѣлыхъ человѣческихъ поколѣній, въ то время какъ онъ тихо и правильно подвигался къ зрѣлости, подъ солнечнымъ сіяніемъ и бурею. Изъ всего этого разнообразія состояній духа, заключающихся въ этихъ процессахъ мысли, единственное состояніе, какое можетъ быть приписано внѣшнему предмету какъ его прямой причинѣ, есть первое ощущеніе дуба; остальное есть прямой результатъ не какой-нибудь внѣшней вещи, а предшествующихъ духовныхъ состояній; за частнымъ духовнымъ состояніемъ, которое состояло въ перцепціи дуба, слѣдовало непосредственно то отличное состояніе, какое давалось воспоминаніемъ дерева, замѣченнаго прежде; за этимъ опять иное, въ которомъ заключалось сравненіе обоихъ; и такъ преемственно всѣ исчисленные различные процессы мысли. Духъ нашъ, дѣйствительно, не могъ безъ присутствія дуба, то-есть при отсутствіи отражаемаго имъ свѣта, существовать въ томъ состояніи, изъ котораго слагалось ощущеніе дуба. Но точно также и всякій внѣшній предметъ, безъ этого перваго духовнаго состоянія, не произвелъ бы непосредственно ни одного изъ тѣхъ другихъ состояній духа, которыя слѣдовали за этимъ ощущеніемъ. Есть, такимъ образомъ, весьма наглядная разница между духовными явленіями: это—раз-

Digitized by Google

вица въ ихъ отношеніи къ ихъ причинамъ, внутреннимъ и внѣшнимъ." *

Не трудно замѣтить, что это другой, болѣе ясный, опредѣлительный и твердый языкъ для того же самаго факта нашего духовнаго устройства, которое Локкъ назвалъ рефлексіею, буквально — отсвѣтомъ, отраженіемъ предшествующихъ состояній, иначе отзывомъ духа на состоянія, возбужденныя въ немъ внѣшними предметами. Философская критика привела Локка къ убѣжденію, что разнообразныя явленія духа невозможно предполагать существующими въ немъ раньше самаго факта ихъ перваго существованія, всегда предваряемаго внѣшними ощущеніями; съ другой стороны, нельзя смотрѣть на нихъ только какъ на ощущенія и простое видоизмѣненіе послѣднихъ—ихъ сложеніе, раздѣленіе и проч., какъ это утверждалъ Гассенди, такъ какъ мы получаемъ здѣсь факты духовнаго существованія совершенно отличные отъ нихъ и дающіе порядокъ новыхъ идей, о предметахъ не подходящихъ подъ разрядъ внѣшнихъ или вещественныхъ явленій. Но эта мысль Локка, оставаясь руководительною, была, какъ мы сказали, заключена въ термины метафорическіе и допускающіе недоразумѣнія, однимъ словомъ, далекіе отъ строгой научной фразеологіи. И философія Брауна является въ этомъ пунктѣ столько же твердою, сколько и чуждою несобственныхъ выраженій и неясности. Поставивши строгимъ аналитическимъ пріемомъ понятіе причинныхъ отношеній, какъ неизмѣннаго и безусловнаго преемства предыдущаго и послѣдующаго, Браунъ освѣтилъ неожиданнымъ свѣтомъ какъ отношеніе нашихъ ощущеній къ перемѣнамъ органическимъ, такъ точно и отношеніе остальныхъ явленій духа къ нашимъ ощущеніямъ. Они относятся къ послѣднимъ какъ къ своимъ причинамъ, и это значитъ только — какъ къ своимъ неизмѣннымъ и безусловнымъ предыдущимъ. Это отношеніе весьма выразительно въ терминѣ „внушеніе," и Браунъ сдѣлалъ его техническимъ терминомъ для выраженія всѣхъ умственныхъ состояній духа, которыя и раздѣляются имъ на *внушенія простыя* (simple suggestions) и *внушенія отношеній* или *относительныя* (relative suggestions), употребляя, въ томъ же обстоятельствѣ, для страстныхъ волненій, желаній или вообще нравственныхъ

* Brown: *Phil. of the Hum. Mind.* Lect. XVI. p. 102.

Digitized by Google

состояній духа, выраженія синонимическія, какъ *вызовъ*, *возбужденіе* и проч.

Можетъ-быть здѣсь не некстати замѣтить, до какой степени этотъ взглядъ на отношенія духовныхъ явленій къ органическимъ перемѣнамъ и между собою, требуемый здравою философіей причинности, отвѣчаетъ глубочайшимъ убѣжденіямъ и обычнымъ взглядамъ общества. Возьмемъ для примѣра послѣднее отношеніе. Терминъ „внушеніе," самый выразительный для содержанія теорій Брауна въ нашемъ частномъ случаѣ, не есть ли въ то же время наиболѣе живое и употребительное слово въ литературѣ древней и новой, не предрасположенной къ „воспоминаніямъ" Платона или „врожденнымъ идеямъ" Декарта, и въ разговорѣ публики? Внушать, наводить на мысль, подавать мысль и проч.—все это говорится не только въ отношеніи къ лицамъ или ихъ рѣчи, но и въ отношеніи къ внѣшнимъ предметамъ или внѣшнимъ впечатлѣніямъ: такая-то вещь мнѣ напомнила другую; такая-то встрѣча освѣтила меня такимъ-то подозрѣніемъ; такое-то лицо вызвало невольное сочувствіе къ себѣ; такіе-то знаки расположили къ такимъ-то думамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы можемъ не знать законовъ управляющихъ нашими воспоминаніями, подозрѣніями, сочувствіями, думами; но одно обстоятельство высказывается съ яснымъ сознаніемъ, именно, что всѣ эти случаи духовныхъ явленій обязаны своимъ существованіемъ какимъ-нибудь предыдущимъ духовнымъ явленіямъ, вызваннымъ внѣшними предметами, какъ ихъ причинами.

При такой постановкѣ дѣла, задача изученія духовныхъ явленій оказывается ясною до прозрачности. Извѣстная часть духовныхъ явленій (ощущенія) есть послѣдствіе явленій вещественныхъ и ближайшимъ образомъ нервныхъ и мозговыхъ; слѣдовательно законы этихъ явленій суть собственно законы физики въ строгомъ смыслѣ Ньютоновой школы, и изслѣдованіе ихъ падаетъ въ область физіологіи. Но что долженъ имѣть въ виду физіологъ, не фантазирующій, какъ это, къ сожалѣнію, случается очень часто, а разслѣдующій дѣло по требованіямъ строгой индуктивной методы, при разъясненіи факта причинной зависимости извѣстной части духовныхъ явленій отъ нашего организма, особенно нервовъ и мозга, и чего долженъ искать въ этихъ физіологическихъ разъясненіяхъ моралистъ? Одного—опредѣленія всѣхъ орга-

Digitized by Google

ническихъ перемѣнъ, присутствіе которыхъ всегда и безусловно сопровождается извѣстными явленіями въ нашемъ духѣ и видоизмѣненіями его различныхъ операцій, и отсутствіе которыхъ, по этому самому, влечетъ за собою отсутствіе этихъ явленій и этихъ видоизмѣненій. Таково должно быть, по требованію здравой методы, содержаніе *физіологическаго* или *физическаго ученія о духѣ*.

Затѣмъ остается необозримо-широкая область духовныхъ явленій, которыхъ отношенія суть чисто-внутреннія, которыхъ обработка принадлежитъ собственно и исключительно философіи духа, и отъ успѣшнаго изученія которыхъ зависятъ, въ извѣстной долѣ, успѣхи и самаго физіологическаго ученія о духѣ. Эти чисто-внутреннія отношенія духовныхъ явленій и ихъ законы и составляютъ собственный, самостоятельный фундаментъ всѣхъ наукъ о духѣ. Какая же задача предстоитъ изслѣдователю духа въ этой, его собственной, сферѣ духовныхъ явленій? „Видъ философскаго изслѣдованія," говоритъ Браунъ, „допускаемый нашими внутренними впечатлѣніями духа, есть тотъ же самый, какой допускается и нашими внѣшними впечатлѣніями, то-есть въ нашемъ изслѣдованіи мы должны разсматривать обстоятельства, при которыхъ они происходятъ, и тѣ обстоятельства, какія слѣдуютъ за ними, съ тѣми отношеніями, которыя они обнаруживаютъ къ нашимъ внѣшнимъ ощущеніямъ и другъ къ другу,—и ничего болѣе. Независимо отъ опыта, a priori, невозможно открыть какое бы то ни было основаніе, почему, въ дѣлѣ нашихъ внутреннихъ чувствъ, одно состояніе духа должно непосредственно сопровождаться другимъ; точно также какъ невозможно открыть, почему присутствіе свѣта должно сопровождаться тѣмъ частнымъ духовнымъ состояніемъ, какимъ составляется извѣстное ощущеніе цвѣта, а не тѣмъ, какимъ составляется ощущеніе звука соловья или запаха фіалки, или почему эти внѣшнія причины сопровождаются скорѣе ощущеніями звука и запаха чѣмъ ощущеніемъ цвѣта. Такимъ же образомъ мы напрасно стали бы надѣяться открыть какое-нибудь основаніе въ природѣ самого духа, которое дозволило бы намъ предсказать, безъ помощи дѣйствительнаго опыта или по крайней мѣрѣ аналогіи другихъ сходныхъ случаевъ, какія-нибудь чисто умственныя перемѣны состоянія: напримѣръ, что образъ какого-нибудь предмета, прежде видѣннаго нами при другихъ обстоятельствахъ,

Digitized by Google

мгновеннымъ самостоятельнымъ внушеніемъ, вызоветъ эти уже болѣе не существующія обстоятельства; что встрѣтивши, въ самой отдаленной землѣ, уроженца собственной страны, мы будемъ въ состояніи, однимъ лишь словомъ, какъ бы уничтожить на минуту всѣ моря и горы, отдѣляющія его отъ родины; или, что во глубинѣ мрачной темницы, откуда ея несчастный обитатель, проведшій въ ней полжизни, видитъ, и едва видитъ, только немного слабыхъ лучей, позволяющихъ ему лишь говорить о солнечномъ сіяніи, а не наслаждаться имъ, и даже лишающихъ его удобства самозабвенія, открывая его глазамъ несчастіе, испытываемое имъ въ сердцѣ,—это жалкое твореніе, о комъ въ цѣломъ свѣтѣ помнитъ можетъ-быть только одно существо, котораго регулярное присутствіе въ урочный часъ почти не чувствуется какъ присутствіе другаго живаго существа, тѣмъ не менѣе, по силѣ одной мысли, вступитъ мгновенно въ обладаніе свободою, оставаясь попрежнему въ темницѣ,—свободою, которая возвратитъ ему не только волю, но и тѣ годы, когда онъ потерялъ ее, и лѣса, и поля, и ручьи его дѣтскихъ шалостей, и всѣ счастливыя лица, пользовавшіяся счастіемъ не болѣе чѣмъ онъ. Безчисленные примѣры такихъ преемствъ мысли мы знаемъ изъ опыта, но только изъ опыта. Для насъ достаточно, однакожъ, установить простой фактъ, что внутреннія внушенія мысли за мыслію, безъ встрѣчи съ какимъ-нибудь внѣшнимъ предметомъ, происходятъ точно такъ же какъ и ощущенія, когда встрѣчаются внѣшніе предметы,—подмѣтить общія обстоятельства въ разсужденіи самаго внушенія и привести въ порядокъ начала, отъ которыхъ они обнаруживаются зависящими, какъ начала нашего умственнаго устройства. Покушаясь только на это, мы увѣрены по крайней мѣрѣ, что не покушаемся на что-нибудь такое, что бы выходило изъ круга человѣческихъ работъ. Покушаться на что-нибудь больше и усиливаться открыть въ одномъ изъ рядовъ нашихъ внутреннихъ чувствъ какое-нибудь основаніе, какое могло бы, само по себѣ, вести насъ къ предсказанію ихъ существованія или существованія другихъ умственныхъ впечатлѣній, какія за ними слѣдуютъ, значило бы надѣяться открыть то, что не только выходитъ за предѣлы нашей способности предсказанія, но что и не позволило бы знать что мы угадали, еслибы случайно мы и даже успѣли сдѣлать та-

Digitized by Google

кое открытіе." * Все, что сказано здѣсь о состояніяхъ умственныхъ, прилагается вполнѣ и къ другимъ отношеніямъ внутренней зависимости духовныхъ явленій.

Задача науки о духѣ поставляется, такимъ образомъ, какъ нельзя яснѣе, и ея исполненіе кажется такъ легко, что едва ли требуетъ чего-нибудь кромѣ „внимательности и терпѣнія." Въ дѣйствительности это далеко не такъ. Вся иллюзія легкости можетъ происходить только при исключительномъ сосредоточеніи на одномъ пунктѣ этой задачи—изслѣдованіи преемствъ духовныхъ явленій или теченія ихъ въ порядкѣ времени. Но задача философіи духа поставлена такимъ образомъ: изученіе преемствъ духовныхъ явленій съ тѣми отношеніями, какія они при этомъ обнаруживаютъ другъ къ другу. И въ этомъ послѣднемъ прибавленіи лежитъ труднѣйшая задача науки о духѣ—работа, совершенно параллельная, въ физикѣ, анализу тѣлъ. Анализъ духовныхъ явленій представляетъ чрезвычайныя трудности по самой особенности природы духовнаго существованія, потому что духъ, какъ противоположность вещества, есть существо непротяженное, и слѣдовательно недѣлимое. Отсюда самое понятіе сосуществованія въ духѣ, которое однакожъ требуется для анализа, звучитъ странно и на первый разъ неправдоподобно.

„Такъ какъ явленія духа," говоритъ Браунъ, „суть очевидно преемственны, подобно явленіямъ вещества, то разборъ послѣдовательности ихъ и расположеніе по извѣстнымъ классамъ можетъ казаться достаточно похожимъ на разборъ и расположеніе преемствъ явленій вещественнаго міра. Но чтобы въ философіи духа были какія-нибудь изслѣдованія, отвѣчающія изслѣдованіямъ сложности тѣлъ, это можетъ казаться невѣроятнымъ или почти нелѣпымъ, такъ какъ духъ, а слѣдовательно и его впечатлѣнія, должны быть просты и недѣлимы. Какъ бы однакожъ ни казалось это удивительнымъ или даже нелѣпымъ, несмотря на безусловную простоту духа, и слѣдовательно всѣхъ его чувствъ или минутныхъ состояній, наука о духѣ, въ своихъ наиболѣе важныхъ отношеніяхъ, есть наука анализа или процесса, который виртуально то же самое что анализъ; и только потому, что она есть въ этомъ, виртуальномъ, смыслѣ аналитическая, и можно ожидать отъ нея какихъ-нибудь открытій, по крайней мѣрѣ какихъ-нибудь важныхъ открытій.

* Brown: *Phil. of the Hum. Mind.* Lect. XXXII. p. 206.

Digitized by Google

„Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно сдѣлать хоть одинъ шагъ впередъ въ умственной физикѣ, не имѣя нужды въ исполненіи нѣкотораго рода анализа, которымъ какія-нибудь сложныя (complex) чувства сводятся къ простымъ элементамъ, которые, какъ намъ кажется, виртуально содержатся въ нихъ. Въ духѣ человѣка все бываетъ въ состояніи постоянной и вѣчно измѣняющейся сложности, и одно чувство можетъ быть едва замѣтнымъ слѣдствіемъ безчисленныхъ чувствъ. Нѣтъ ни одного удовольствія или скорби, или мысли, или страстнаго волненія, которое не могло бы, подъ вліяніемъ закона ассоціаціи, входить въ такія сочетанія съ другими удовольствіями или скорбями, или мыслями, или страстными волненіями, чтобы потомъ навсегда составлять съ ними самое тѣсное единство. Анализовать сложныя (complex), или кажущіяся сложными, явленія мысли, вытекающія изъ постояннаго дѣйствія того духовнаго начала, есть трудъ изслѣдователя духа, какъ трудъ химика—сводить сложныя тѣла, надъ которыми онъ работаетъ, какъ бы ни было внутренне и тѣсно ихъ сочетаніе (combination), къ ихъ составнымъ элементамъ. Процессъ и орудія, посредствомъ которыхъ совершается здѣсь анализъ, суть, дѣйствительно, столь же различны какъ духъ и вещество, въ одномъ случаѣ грубыя какъ вещество, въ другомъ простыя и духовныя какъ самый духъ. Аггрегаты вещества мы анализуемъ употребляя другое вещество, прибавляя субстанцію къ субстанціи и разнообразя одинъ за другимъ внѣшніе пріемы; сложныя явленія духа мы анализуемъ виртуально, простымъ размышленіемъ: тотъ же самый недѣлимый духъ есть и предметъ анализа, и орудіе анализа, и анализующій изслѣдователь.

„Когда мы говоримъ, однакожь, о соединеніи (union) отдѣльныхъ мыслей и чувствъ въ одно сложное чувство, или духовное волненіе, и объ аналитической способности мысли или ума, то не надобно думать, что я пользуюсь этими словами въ томъ же самомъ смыслѣ какъ они прилагаются къ веществу. Масса вещества, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности не есть одно тѣло, а множество смежныхъ тѣлъ, которыя можно на время разсматривать всѣ какъ имѣющія отдѣльное существованіе и какъ сопоставленныя вмѣстѣ болѣе случайнымъ приложеніемъ, нежели какимъ-нибудь существеннымъ соединеніемъ, и анализъ есть не больше того, что̀ указывается его этимологіей,—отдѣленіе ихъ одного отъ дру-

Digitized by Google

гаго. Въ строгомъ смыслѣ слова такая сложность и такой анализъ не могутъ имѣть мѣста въ духѣ. Самое сложное чувство есть всегда только одно чувство, потому что мы не можемъ дѣлить состояній или впечатлѣній духа на отдѣльныя, само по себѣ существующія дроби, какъ можемъ дѣлить массу вещества на отдѣльныя и сами по себѣ существующія массы, ни раздичать половину радости или скорби отъ цѣлой радости или скорби. Понятіе золота и понятіе горы могутъ происходить порознь, и могутъ сопровождаться понятіемъ золотой горы; послѣднее и можно назвать сложеннымъ изъ двухъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю это слово, чтобы выразить просто, что называемое здѣсь сложнымъ или составнымъ есть результатъ извѣстныхъ предыдущихъ чувствъ, къ которымъ, какъ бы они существовали вмѣстѣ, чувствуется его отношеніе виртуальнаго равенства или отношеніе какое имѣетъ цѣлое къ заключающимся въ немъ частямъ. Но понятіе золотой горы есть опять столько же одно состояніе или чувство одного простаго духа, какъ и каждое изъ отдѣльныхъ понятій золота и горы, которыя ему предшествовали. Дѣйствительно, чувство вытекающее въ случаяхъ такого рода, по самой природѣ своей, кажется намъ такимъ образомъ сложнымъ; и это, по самому устройству нашего духа, даетъ намъ поводъ разсматривать то, что̀ мы называемъ сложною идеей, какъ эквивалентъ отдѣльнымъ идеямъ, изъ которыхъ оно вытекаетъ, или какъ содержащее ихъ, какъ то, что̀ для нашего понятія, но только для нашего понятія, поэтому только виртуально, или въ отношеніи къ намъ, изслѣдователямъ, есть таково, какъ бы оно было составлено изъ отдѣльныхъ сосуществующихъ чувствъ, точно такъ какъ сосуществуютъ въ пространствѣ элементы тѣла.

„Это-то чувство отношенія извѣстныхъ состояній духа и разрѣшаетъ всю тайну духовнаго анализа, которая казалась на первый разъ такою неизъяснимою, виртуальнаго разложенія, въ нашей мысли, того что̀ по самой природѣ своей недѣлимо. Духъ,—съ этимъ должно согласиться,—дѣйствительно, безусловно простъ во всѣхъ своихъ состояніяхъ, поэтому и каждое отдѣльное состояніе или впечатлѣніе его должно быть безусловно просто; но въ извѣстныхъ случаяхъ, когда какое-нибудь чувство есть результатъ другихъ чувствъ, предшествующихъ ему, оно по самой природѣ своей кажется со-

Digitized by Google

единяющимъ въ себѣ тѣ предшествующія чувства; и различать отдѣльныя ощущенія или мысли, или волненія, какія оно, какъ кажется при размышленіи, содержитъ въ себѣ, и значитъ совершать тотъ умственный процессъ, который хотя и не есть анализъ дѣйствительный, по крайней мѣрѣ анализъ въ отношеніи къ нашему понятію... Сложность, съ какою мы имѣемъ здѣсь дѣло, не безусловная, а относительная, кажущаяся сложность, которая заключается въ чувствѣ всякаго рода отношеній....

„Умственный анализъ, который, какъ мнѣ кажется, составляетъ такую важную часть науки о духѣ, есть не что иное какъ преемственное раскрытіе, въ приложеніи къ различнымъ духовнымъ явленіямъ, того чувства равенства или содержанія, которое не ограничивается математическими понятіями числа и количества (хотя, по особенной простотѣ послѣднихъ, равенство или пропорція ихъ можетъ быть различаема болѣе отчетливо), но простирается на каждую мысль и чувство, какія мы считаемъ сложными, то-есть почти на всякую мысль и чувство, къ которымъ духъ имѣетъ воспріимчивость. Мы сравниваемъ добродѣтель съ добродѣтелью, талантъ съ талантомъ, правда не съ тою же точностію, но, конечно, точно такъ же и тѣмъ же чувствомъ пропорціи, какъ сравниваемъ уголъ съ другимъ угломъ; мы спрашиваемъ, какія идеи заключаются въ нашихъ сложныхъ понятіяхъ религіи и правительства, съ твердымъ чувствомъ, что въ нихъ виртуально заключается или содержится какое-нибудь число идей; точно такъ какъ спрашиваемъ, сколько разъ квадратъ двухъ повторяется въ кубѣ шести.

„Итакъ, анализъ въ наукѣ о духѣ основанъ всецѣло на чувствѣ отношенія, какое одно состояніе духа обнаруживаетъ къ другимъ духовнымъ состояніямъ какъ содержащимся въ немъ; но когда эта кажущаяся сложность чувствуется, то для нашего анализа это то же самое какъ бы она была не виртуальною и относительною, а безусловною и дѣйствительною. Можно возражать противъ приложенія термина анализъ въ наукѣ о духѣ,—термина, который, какъ показываетъ его этимологія, взятъ, какъ я сказалъ выше, съ вещества и въ приложеніи къ духу передаетъ понятіе въ нѣкоторой степени отличное отъ своего этимологическаго смысла. Но то же возраженіе можно дѣлать, по крайней мѣрѣ съ одинаковою силой, и противъ всякаго, или почти всякаго, термина нашей

Digitized by Google

науки. При недостаткѣ особеннаго метафизическаго языка, мы вынуждены въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ, случаѣ брать языкъ метафорическій отъ міра вещественнаго; и имѣемъ весьма естественный поводъ говорить о духовной сложности и анализѣ, потому что для духа, чувствующаго отношеніе эквивалепціи или содержанія, это то же самое, какъ бы наши идеи и волненія, вытекающія изъ нашихъ прежнихъ идей и волненій и по нашему чувству какъ бы заключающія ихъ въ одномъ сложномъ цѣломъ, могли дѣйствительно дѣлиться на отдѣльные элементы, какіе виртуально и относительно являются содержащимися въ нихъ." *

Объяснивъ такимъ образомъ свойства психологическаго анализа, Браунъ обнаруживаетъ, что возраженія противъ достоинства философіи духа, какія мы встрѣчали въ спорѣ Д. С. Милля съ его критиками, выходили единственно изъ того обстоятельства, что возражатели останавливали свое вниманіе исключительно на преемствахъ духовныхъ явленій и не умѣли оцѣнить важности анализа, отвѣчающаго свойству самаго предмета этихъ наукъ.

„Еслибъ явленія духа", говоритъ Браунъ, „разсматривались только какъ преемственныя, что̀ составляетъ лишь одинъ уголъ зрѣнія, подъ какимъ они могутъ быть физически разсматриваемы, то можно бы и въ самомъ дѣлѣ сказать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что это простое преемство должно быть извѣстно и не размышляющему о немъ уму, столько же какъ и уму философа, хотя и въ этомъ частномъ смыслѣ замѣчаніе будетъ далеко не точно. Но, такъ же какъ отношенія преемства, духовныя явленія имѣютъ и другія отношенія, какія не заключены въ простомъ минутномъ сознаніи, но открываются только путемъ размышленій, и къ знанію которыхъ можетъ поэтому дѣлать постепенныя прибавленія каждое новое поколѣніе размышляющихъ о нихъ изслѣдователей. Съ первой минуты своего существованія, духъ представляетъ явленія болѣе или менѣе сложныя; ощущенія, мысли, волненія—все смѣшивается вмѣстѣ, и почти каждое чувство въ большей или меньшей степени измѣняется чувствами, которыя ему предшествовали; и какъ въ химіи часто случается, что качества отдѣльныхъ ингредіентовъ сложнаго тѣла нелегко узнаются нами въ видимо отличныхъ качествахъ сама-

* Brown: *Phil. of the Human. Mind.* Lect. X. p. 60—62.

Digitized by Google

го сложнаго тѣла, такъ и въ этой самобытной химіи духа сложныя чувства, вытекающія изъ ассоціаціи прежнихъ чувствъ, имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на первый взглядъ такъ мало сходства съ ихъ составителями, какъ они существуютъ въ началѣ въ ихъ отдѣльномъ состояніи, что нужно самое внимательное размышленіе, чтобы раздѣлить и распутать отчетливо для другихъ скопленія (assemblages), произведенныя быть-можетъ нѣсколькими годами. Въ самомъ дѣлѣ, духовныя явленія такъ сложны и такъ трудны для анализа, даже въ случаяхъ самыхъ обыкновенныхъ и, какъ говорятъ, привычныхъ всякому, что по-истинѣ удивительно, что трудность этого анализа и открываемое этою самою трудностію поле изслѣдованія не бросились въ глаза. унижавшимъ умственныя открытія и не дали почувствовать имъ, что то, чего они не въ состояніи изъяснить, не можетъ быть настолько извѣстнымъ всему человѣчеству, чтобы безусловно не требовалось никакого дополнительнаго объясненія. Дикій, говорятъ намъ, сознаетъ, точно такъ же какъ и мудрецъ, что такое онъ чувствуетъ любя свою родину; но хорошо ли онъ знаетъ или можетъ высказать намъ съ точностію, какія различныя элементарныя чувства послѣдовательно измѣняли или, лучше, составляли эту привязанность къ мѣсту? Конечно, и крестьянинъ можетъ имѣть чувство красоты подобно художнику, который производитъ ее, или умозрительному изслѣдователю, который анализуетъ это весьма сложное духовное волненіе. Но простое волненіе, производимое красотой, не есть знаніе тѣхъ простыхъ чувствъ, которыя составили или видоизмѣнили его; и хотя удовольствіе и удивленіе остаются тѣ же, тѣмъ не менѣе крестьянинъ еще могъ бы, конечно, поучиться кой-чему, еслибы можно было дать ему понять, что красота есть нѣчто больше чѣмъ видимая имъ форма и цвѣтъ. Что вѣрно, такимъ образомъ, относительно красоты, какъ понимаемой различно крестьяниномъ и философомъ, то вѣрно точно также и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ сложнымъ явленіямъ духа. Какъ неразумно утверждать, что мы всѣ одинаково знакомы съ физіономіей мускульнаго движенія, потому что, приводя болѣе подходящій примѣръ, всѣ движемъ ногами,—что мы знаемъ самыя тончайшія истины ариѳметики и геометріи, потому что всѣ знаемъ числа и фигуры, отношеніями которыхъ занимаются эти науки; такъ точно неразумно утверждать, что

Digitized by Google

намъ всѣмъ одинаково извѣстна философія духа и число элементовъ, какіе входятъ въ наши различныя чувства, потому что мы всѣ и наблюдаемъ, и помнимъ, и любимъ, и ненавидимъ. Надобно согласиться, что наука о духѣ допускаетъ открытія главнымъ образомъ, а можетъ-быть и всецѣло, только какъ наука аналитическая; но какъ наука анализа постоянно чувствуемыхъ при размышленіи новыхъ отношеній, она представляетъ намъ поле открытій столько же богатое, и могу сказать, столько же неисчерпаемое въ чудесахъ, какъ и поле внѣшней вселенной.

„Поэтому-то, какъ я замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, * въ такихъ именно явленіяхъ, которыя кажутся такъ просты, что не допускаютъ никакого сочетанія, научнымъ изслѣдователемъ и открыты чудеса. Самая перцепція, это первое отправленіе духа, которое и до Беркли, изслѣдовавшаго законы зрѣнія, конечно, было то же самое что̀ и сегодня,—разсматривается нами теперь, въ отношеніи къ самымъ важнѣйшимъ сторонамъ, совершенно иначе; и не легко отыскать въ ряду самыхъ блестящихъ открытій новой химіи и даже въ цѣлой области физики вещества, положенія болѣе возмутительнаго для популярной вѣры какъ это, составляющее нынѣ общее убѣжденіе философовъ, что чувство зрѣнія, которое, кажется, разстилаетъ передъ нашимъ взоромъ самыя отдаленныя возвышенности самаго широкаго ландшафта и настоящую безпредѣльность пространства, само-по-себѣ неспособно дать ни одной линіи разстоянія въ длину.

„Есть дѣйствительно нѣкоторый хаосъ въ духѣ человѣка, но есть также и духъ изслѣдованія, который, постоянно носясь надъ нимъ, медленно раздѣляетъ всѣ смѣшанные элементы его. Только тогда, когда они будутъ раздѣлены, философія духа можетъ быть закончена и неспособна къ дальнѣйшему открытію. Сказать, что она закончена теперь, когда въ ней есть все что̀ можетъ подлежать анализу, точно такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо было бы предполагать, что древній хаосъ, содержавшій въ себѣ одни элементы вещей, прежде чѣмъ Духъ Божій носился надъ водами бездны, былъ уже тѣмъ міромъ жизни, и порядка, и красоты, какой явился позднѣе.

„Трудность, какая въ физическомъ изслѣдованіи духа про-

* Brown: *Inquiry into the Relation of Cause and Effect.*

Digitized by Google

исходитъ отъ видимой простоты тѣхъ явленій и чувствъ, которыя при болѣе внимательномъ размышленіи чувствуются какъ бы сложенными изъ многихъ другихъ мыслей и чувствъ, существовавшихъ предварительно вмѣстѣ или въ непосредственномъ преемствѣ, совершенно походитъ на трудность, испытываемую нами въ физикѣ вещества отъ несовершенства нашихъ чувствъ, которыя дозволяютъ намъ наблюдать только массы, а не единичныя части ихъ, и разсматривать какъ простыя тѣла, что̀ вслѣдствіе какого-нибудь одного новаго опыта можетъ оказаться сложеннымъ изъ различныхъ элементовъ.

„Такимъ же образомъ и въ мірѣ умственномъ медленный ходъ открытія происходитъ отъ препятствія нашему духовному анализу со стороны нашихъ слабыхъ различающихъ силъ. Но надобно всегда помнить, что и вся аналитическая наука о духѣ, точно также какъ и о веществѣ, обязана своимъ происхожденіемъ этой самой слабости различающихъ силъ. Еслибы въ нашихъ сложныхъ феноменахъ мысли мы могли ясно и мгновенно различать ихъ основные элементы; еслибы, напримѣръ, въ этомъ единичномъ и явно простомъ духовномъ волненіи, какое чувствуется при взглядѣ на красоту живую, или при созерцаніи той идеальной красоты, которая отражается отъ произведеній искусства, мы могли открыть какъ бы однимъ взглядомъ всѣ безчисленныя чувства, которыя, можетъ-быть съ первой минуты жизни, входили въ ассоціацію другъ съ другомъ и сливались въ его произведеніи,—то мы, конечно, чувствовали бы мало интереса въ нашихъ теоріяхъ вкуса точно также какъ и въ теоріи горѣнія, еслибы во всякое время были видимы самыя тончайшія перемѣны, происходящія въ горѣніи.“ *

Въ этихъ замѣчаніяхъ Брауна задача философіи духа обрисована, наконецъ, раздѣльно.

Философія духа изслѣдуетъ преемства духовныхъ явленій, и именно въ причинномъ смыслѣ. Вслѣдствіе простоты духа, послѣдовательность его состояній можетъ быть мыслима только какъ преемственный рядъ состояній, столько же простыхъ какъ и самъ духъ; но, вслѣдствіе чувства ихъ взаимнаго отношенія, они становятся доступными нашему анализу, являются для нашего понятія состояніями сложными.

* Brown: *Phil. of the Hum. Mind.* Lect. X. p. 62—64.

Digitized by Google

Правда, эта сложность есть чисто-относительная и кажущаяся, но для научнаго анализа имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ бы была дѣйствительною и безусловною.

Вслѣдствіе такого положенія дѣла, вмѣсто той прозрачности для нашихъ различающихъ силъ, какой слѣдовало бы ожидать отъ дѣйствительной простоты духовныхъ явленій, духу наблюдателя ихъ, прежде чѣмъ онъ коснулся ихъ своимъ анализомъ, предстоитъ такой же хаосъ перепутанныхъ явленій, какой представлялся и физикамъ, прежде чѣмъ они успѣли дѣйствительное сосуществованіе безконечно многихъ рядовъ преемства разрѣшить, въ извѣстной мѣрѣ, на ихъ простѣйшія причинныя отношенія.

Внести въ такой хаосъ духовныхъ явленій надлежащій порядокъ значитъ не просто описать наглядный рядъ крупныхъ событій, что̀ далеко еще отъ дѣйствительнаго опредѣленія ихъ причинной зависимости, какого ищетъ философія духа, но разложить каждый выпукло-выдающійся членъ преемства на его относительные элементы и поставить каждый изъ нихъ въ должное отношеніе причинной зависимости, то есть многочисленнымъ послѣдующимъ, какія открываются для нашего понятія въ извѣстномъ членѣ преемства духовныхъ явленій, указать отвѣчающія имъ предыдущія (антецеденты), составители или производители, или истинныя причины ихъ. И только въ этихъ, открытыхъ путемъ такого анализа, однообразіяхъ преемства мы и получимъ законы духа.

Такая задача философіи духа исполнена великихъ трудностей, потому что если нѣкоторыя духовныя состоянія обнаруживаютъ въ своемъ (относительномъ) составѣ элементы, которымъ не легко скрыться отъ вниманія наблюдателя, вслѣдствіе того обстоятельства, что въ своемъ (относительномъ) соединеніи они не измѣняютъ качествъ свойственныхъ имъ взятымъ порознь, и напоминаютъ своею функціей простое сложеніе силъ въ механикѣ: то другія состоянія,—какъ это доказано, напримѣръ, относительно чувства красоты, и особенно блестяще, Брауномъ, относительно перцепціи протяженія,—съ перваго раза не имѣютъ ничего похожаго на ихъ производителей или предыдущихъ, и въ этомъ уподобляются труднымъ предметамъ анализа, встрѣчаемымъ въ химіи. Но если философіи духа предлежатъ, такимъ образомъ, великія трудности, то вмѣстѣ съ этимъ предстоитъ и необо-

Digitized by Google

зримое поле открытій такихъ вещей, которыя не только чужды популярному смыслу, но и прямо расходятся съ его навыками.

Все изложенное нами ученіе Брауна, разъясняющее индуктивную методу въ наукѣ о духѣ, сводится къ слѣдующимъ руководительнымъ началамъ:

Индуктивная философія духа, преслѣдуя задачу, поставленную Локкомъ,—объясненіе духовныхъ явленій изъ внѣшнихъ вліяній и рефлексіи, изслѣдуетъ собственно причинную связь этихъ явленій.

Причинная связь явленій, разсматриваемая по руководству индуктивной методы, есть только неизмѣнное и безусловное отношеніе преемства событій предыдущихъ къ событіямъ, за ними слѣдующимъ.

По своимъ предыдущимъ (антецедентамъ), или причинамъ, всѣ духовныя явленія распадаются на два класса: вопервыхъ, на вліянія производимыя причинами внѣшними, то-есть предшествующими имъ перемѣнами въ тѣлѣ и событіями въ окружающемъ наше тѣло вещественномъ мірѣ, что составляетъ собственно предметъ физіологическаго ученія о духѣ; и во-вторыхъ, на явленія производимыя причинами внутренними—ощущеніями и рядомъ вызываемыхъ ими перемѣнъ духовнаго состоянія, что составляетъ собственный предметъ философіи духа.

Изслѣдуя причинность духовныхъ явленій, философія духа поступаетъ аналитически, разлагая на простѣйшіе элементы ихъ относительную сложность и отыскивая для элементарныхъ послѣдующихъ ихъ элементарныя предыдущія.

Отъ Брауна переходимъ къ Джону Стюарту Миллю.

Въ критическихъ трудахъ Брауна, какъ мы уже замѣтили, обрисовалась, наконецъ, вполнѣ и раздѣльно задача философіи духа, указанная впервые Локкомъ. Высказано съ опредѣленностію, что̀ можетъ и что̀ должна исполнить наука о духѣ. Предстоящая ей задача сопряжена съ великими трудностями; отсюда естественно раждается вопросъ: какъ исполнить эту задачу? Какими средствами располагаетъ индуктивная метода къ преодолѣнію этихъ трудностей?

Ближайшіе послѣ Бекона изслѣдователи духа, занятые критическою постановкою самой задачи философіи духа, довольствовались въ направленіи разрѣшенія ея почти только тѣми данными, какія, относительно индуктивныхъ операцій, ука-

Digitized by Google

заны были Бекономъ, съ особенною пользой для наукъ физическихъ. Широкая теорія индукціи, собственно въ приложеніи къ наукамъ о духѣ, появилась въ первый разъ въ *Логикѣ* Джона Стюарта Милля, изданной въ 1836 году и сдѣлавшейся давно настольною книгой столько же у моралистовъ, какъ и у физиковъ.

Какъ мы замѣтили, общее убѣжденіе учениковъ Локка было таково, что пріемы индуктивной методы, приложенные съ такимъ успѣхомъ къ изслѣдованію вещества, должны быть употребляемы и для рѣшенія задачъ, предлагаемыхъ явленіями духа,—съ тою, конечно, особенностію, какая требуется самою природой духовной сложности, то-есть относительною дѣлимостію духовныхъ состояній. Съ своей стороны Д. С. Милль не видитъ никакихъ иныхъ средствъ, чтобы вывести науку о духѣ изъ этого нерѣшительнаго, сравнительно съ науками естественными, положенія, созданнаго частію неоконченными спорами по многимъ вопросамъ, частію массой наблюденій безъ всякой дальнѣйшей обработки. „Если между мыслителями," говоритъ онъ, „должно когда-нибудь состояться болѣе общее согласіе относительно предметовъ безспорно важнѣйшихъ, какіе только могутъ занимать человѣческій духъ; если то, что названо *собственно-человѣческою наукой*, не опредѣлено оставаться единственнымъ предметомъ, какой философіи не удается освободить отъ эмпиріи,—то надобно и въ этихъ трудныхъ изслѣдованіяхъ, съ сознаніемъ и обдуманностію, употребить ту же методу, посредствомъ которой, какъ общепризнано, поставлены внѣ всякаго спора законы многихъ простыхъ явленій. Если нѣкоторые предметы дали результаты, съ которыми, наконецъ, согласились всѣ обращающіе вниманіе на доказательства; если въ отношеніи къ другимъ было меньше счастія, и самымъ проницательнымъ умамъ, занимавшимся ими съ самаго давняго времени, не удалось основать уважительную, недоступную сомнѣнію и упрекамъ систему истинъ,—то мы можемъ надѣяться смыть это пятно съ лица науки только посредствомъ обобщенія и приноровленія къ послѣднимъ тѣхъ же методъ, которыя съ такимъ счастіемъ прилагались къ изслѣдованіямъ перваго рода." *

Въ чемъ же состоятъ эти физическія методы, „достаточ-

* D. S. Mill: *Syst. der deduct. u. ind. Logik.* II Th. p. 437.

Digitized by Google

но обобщенныя и приноровленныя" къ рѣшенію вопросовъ относительно причинной зависимости духовныхъ явленій?

Приводя слова Д. С. Милля, опредѣляющаго свою манеру изслѣдованія вопросовъ индуктивной философіи духа, мы дали уже предварительный намекъ, что операціи индуктивнаго изслѣдованія этого предмета обнимаютъ всѣ виды физическихъ методъ, а именно: съ одной стороны—*наблюденіе* и *экспериментацію*, съ другой—*выводъ* изъ данныхъ, полученныхъ этими пріемами. На послѣдній видъ индуктивной методы мы до сихъ поръ не имѣли нужды указывать съ надлежащимъ удареніемъ; теперь пополняемъ этотъ пробѣлъ небольшимъ отступленіемъ къ указанному въ началѣ нашей статьи разбору схоластической силлогизаціи, сдѣланному Миллемъ.

Такъ-называемая бо́льшая посылка силлогизма его есть не что иное какъ общее выраженіе сходныхъ частныхъ случаевъ, замѣчаній или сужденій, — общая формула, помогающая легко удерживать массу частныхъ случаевъ, или по крайней мѣрѣ сходныя черты ихъ, и легко прилагаемая къ опредѣленію новыхъ сходныхъ случаевъ. Такъ какъ во всѣхъ процессахъ мысли послѣдними въ анализѣ посылками служатъ всегда частныя сужденія или случаи, то заключаемъ ли мы отъ частнаго къ общей формулѣ, или посредствомъ общей формулы отъ частнаго къ частному, въ обоихъ случаяхъ наше заключеніе есть равно *наведеніе* или *индукція*. Но, „согласно съ происхожденіемъ этого термина," Д. С. Милль усвояетъ это названіе ближайшимъ образомъ только первому пріему мысли, обозначая второй терминомъ *вывода* или *дедукціи*. * Такимъ образомъ въ самой методѣ наведенія различаются два основныхъ пріема: индукція въ тѣсномъ смыслѣ, и выводъ или дедукція. Отношеніе ихъ таково: индукція въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть наблюденіе и экспериментація, даютъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ, твердые законы, составляющіе точку опоры для дедукціи или выводовъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ первые пріемы могли бы оказаться недѣйствительными. Но выводы или переходъ отъ частнаго къ частному путемъ общаго предложенія или бо́льшей посылки, предполагаютъ какъ впереди себя, такъ и позади себя другіе пріемы: общая посылка должна быть закономъ, опредѣленнымъ помощію наблюденія и экспериментаціи; приложеніе этого закона къ объясненію

* D. S. Mill: *Syst. der ded. u. ind. Logik.* I Th., p. 245.

Digitized by Google

новыхъ случаевъ бываетъ исполнено только тогда, когда выводъ оправданъ путемъ наблюденій и экспериментовъ. Такимъ образомъ весь механизмъ вывода, въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ, есть природы чисто индуктивной, но отличается отъ операціи непосредственнаго наблюденія и экспериментаціи большею сложностію, а отсюда и мѣстомъ употребленія. *

Въ теченіи своихъ изслѣдованій въ области логики, Д. С. Милль давалъ неоднократно замѣтить, что всѣ весьма сложные случаи явленій могутъ быть опредѣляемы съ успѣхомъ только путемъ вывода изъ извѣстныхъ законовъ, найденныхъ посредствомъ наблюденій и экспериментаціи. Духовныя явленія относятся большею частію къ этому роду сложныхъ случаевъ, зависящихъ отъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ причинъ; и слѣдовательно метода опредѣленія духовныхъ законовъ должна быть по преимуществу дедуктивная. По указанію Милля, дедуктивная метода должна быть употребляема: въ наукѣ объ образованіи характеровъ частныхъ лицъ (этологія), въ наукѣ объ образованіи экономическихъ отношеній страны (политическая экономія) и народныхъ характеровъ (политическая этологія), въ опредѣленіи законовъ существованія общественныхъ явленій (политическая статика) и законовъ ихъ преемства или послѣдовательности хода (политическая динамика). Практическія дисциплины или искусства, какъ педагогика, политика, ифика, эстетика и проч., не могутъ быть науками дедуктивными, потому что суть не что иное какъ простое приложеніе или употребленіе для руководства въ частныхъ случаяхъ законовъ уже извѣстныхъ.

Въ указанныхъ наукахъ лежитъ наивысшій интересъ философіи духа, такъ какъ установленные въ нихъ законы позволяли бы, съ большею или меньшею степенью вѣрности, напередъ предугадывать и предсказывать теченіе общественныхъ и частныхъ событій. Но знаніе этихъ сложныхъ законовъ предполагаетъ впереди себя твердую постановку простѣйшихъ и болѣе общихъ законовъ духовныхъ явленій, которыми занимается психологія. Не имѣя сама по себѣ такого практическаго интереса, какой свойственъ упомянутымъ наукамъ, она имѣетъ фундаментальный теоретическій интересъ, потому что даетъ этимъ наукамъ, какъ и различ-

* D. S. Mill: *Vom Kettenschluss und von den deductiven Wissenschaften.*

Digitized by Google

нымъ практическимъ дисциплинамъ или искусствамъ, твердую почву для выводовъ или приложеній. Какъ бы ни были сложны явленія частныхъ характеровъ, равно какъ и разнообразныя соціальныя и политическія состоянія, съ ихъ послѣдовательнымъ раскрытіемъ,—во всякомъ случаѣ, законы ихъ будутъ только видоизмѣненіемъ простѣйшихъ, общихъ или элементарныхъ законовъ человѣческой природы, работающихъ подъ разнообразными вліяніями. Историкъ, политикъ, педагогъ и проч., стремящійся къ усовершенствованію своей спеціальности, долженъ быть знакомъ съ результатами психологіи, если отъ своихъ усилій ожидаетъ пріобрѣтеній долговѣчныхъ. Какія же, опредѣленнѣе, проблемы психологіи, и какими научными средствами она располагаетъ къ рѣшенію этихъ проблемъ?

Какъ мы уже замѣтили, психологія не есть что-нибудь параллельное другимъ наукамъ, а есть ихъ фундаментъ, ихъ общая основа. Поэтому все отличіе ея отъ другихъ наукъ о духѣ состоитъ единственно въ томъ, что она остается на общей почвѣ вопросовъ о духѣ, или изслѣдуетъ самую общую, простѣйшую причинную зависимость духовныхъ явленій, общія, основныя однообразія ихъ преемства. „Всѣ состоянія духа," говоритъ Милль, „производятся непосредственно или другими состояніями духа, или состояніями тѣла. Если какое-нибудь духовное состояніе производится другимъ духовнымъ состояніемъ, то разсматриваемый при этомъ законъ я называю закономъ духа. Если же какое-нибудь состояніе духа производится какимъ-нибудь состояніемъ тѣла, то законъ этотъ будетъ закономъ тѣла, и поэтому принадлежитъ наукамъ физическимъ.

„Въ отношеніи къ состояніямъ духа, которыя называются ощущеніями (sensations), всѣ согласны въ томъ, что ихъ непосредственныя предыдущія суть состоянія тѣлесныя. Каждое ощущеніе своею ближайшею причиной имѣетъ какое-нибудь возбужденіе той части нашего тѣла, какую называютъ нервною системой,—происходитъ ли это возбужденіе изъ дѣйствій какого-нибудь внѣшняго предмета или изъ какого-нибудь патологическаго состоянія самой нервной системы. Законы этой части нашей природы, наши различныя ощущенія и физическія состоянія, отъ которыхъ они зависятъ, принадлежатъ очевидно къ области физіологіи.

„Зависитъ ли, подобнымъ же образомъ, отъ физическихъ

Digitized by Google

состояній и остальная часть нашихъ духовныхъ состояній,— это одинъ изъ *quaestiones vexatae* въ наукѣ о человѣческой природѣ. До сихъ поръ спорятъ еще, не происходятъ ли наши мысли, духовныя волненія и акты воли посредствомъ какого-нибудь вещественнаго механизма, не имѣемъ ли мы и органовъ мысли и духовнаго волненія, въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ имѣемъ органы ощущенія. Многіе отличные физіологи говорятъ на это утвердительно. Они утверждаютъ, напримѣръ, что мысль, точно также какъ и ощущеніе, есть результатъ нервной дѣятельности; что какое-нибудь состояніе нашей нервной системы, въ особенности той части ея, какая называется мозгомъ, постоянно предшествуетъ извѣстному состоянію нашего сознанія и предполагается имъ. По этой теоріи, въ дѣйствительности ни одно состояніе духа не производится другимъ, но всѣ состоянія духа вызываются состояніями тѣла. Если кажется, что извѣстная мысль вызывается другою, посредствомъ ассоціаціи идей, то въ дѣйствительности мысль вызывается здѣсь не мыслію; ассоціація состояла не между двумя мыслями, а между двумя состояніями мозга или нервовъ, предшествовавшими мыслямъ; одно изъ этихъ состояній вызываетъ другое, и каждое, при своемъ обнаруженіи, сопровождается тѣмъ частнымъ состояніемъ сознанія, какое есть его послѣдствіе. По этой теоріи, однообразія преемства духовныхъ состояній будутъ только производныя, которыя вытекаютъ изъ законовъ преемства, причиняющихъ ихъ состояній тѣла. Такимъ образомъ не было бы никакихъ оригинальныхъ законовъ духа въ моемъ смыслѣ этого слова; и наука о духѣ была бы только вѣтвію, хотя и самою высшею и темною, физіологіи. Г. Контъ хочетъ поэтому предоставить познаніе нравственныхъ и умственныхъ феноменовъ исключительно физіологамъ, и не только отказываетъ психологіи или философіи духа въ собственномъ смыслѣ, въ характерѣ науки, но, ради химерической природы ея предмета и ея притязаній, даже ставитъ ее почти на одну ступень съ астрологіей.

„Послѣ того какъ все высказано, что̀ можно сказать, остается однакожъ безспорнымъ, что между состояніями духа существуютъ однообразія послѣдовательности, и что они могутъ быть опредѣлены наблюденіемъ и опытомъ. Такимъ же образомъ, хотя весьма вѣроятно, что каждое духовное состояніе своимъ непосредственнымъ предыдущимъ и бли-

Digitized by Google

жайшею причиной имѣетъ какое-нибудь состояніе нервное, однакожь это до сихъ поръ не доказано тѣмъ убѣдительнымъ образомъ, какъ можетъ быть доказано относительно ощущеній, и что хотя бы это и было даже несомнѣнно, каждый однакожь долженъ согласиться, что мы абсолютно незнакомы съ отличительными признаками этихъ нервныхъ состояній. Мы не знаемъ, и до сихъ поръ не имѣемъ еще никакихъ средствъ узнать, въ какомъ отношеніи они отличаются другъ отъ друга; и единственный родъ и способъ изученія ихъ преемствъ или сосуществованія можетъ состоять только въ наблюденіи послѣдовательности или совмѣстности состояній духовныхъ, которыхъ они, по предположенію, суть производители и причины. Поэтому преемства, состоящія между духовными явленіями, не могутъ быть выведены изъ физіологическихъ законовъ нашей нервной системы; и всякаго дѣйствительнаго познанія надобно,—по крайней мѣрѣ на долгое время, если не навсегда,—искать въ прямомъ изученіи духовныхъ преемствъ посредствомъ наблюденія и опыта. Такъ какъ поэтому порядокъ нашихъ духовныхъ явленій долженъ быть изучаемъ изъ самыхъ этихъ явленій и не можетъ быть выведенъ изъ законовъ явленій болѣе общихъ, то значитъ есть особенная и отдѣльная наука о духѣ.

„Правда, отношенія этой науки къ физіологіи нельзя упускать изъ виду или оставлять въ пренебреженіи. Отнюдь не должно забывать, что законы духа могутъ быть законами производными, вытекающими изъ законовъ животной жизни, и что, поэтому, ихъ истина можетъ зависѣть въ концѣ отъ физическихъ состояній; что вліяніе физіологическихъ состояній или физіологическихъ перемѣнъ на измѣненіе и прекращеніе духовныхъ преемствъ есть одна изъ важнѣйшихъ вѣтвей психологіи. Но опровергать вспомогательное средство психологическаго анализа и основывать науку о духѣ на такихъ данныхъ, какъ представляемыя до сихъ поръ физіологіей, есть съ другой стороны, какъ мнѣ кажется, столь же великая ошибка въ принципѣ, какъ и весьма важное заблужденіе въ практикѣ. Какъ бы ни была несовершенна наука о духѣ, я однакожь не перестану утверждать, что она ушла значительно дальше чѣмъ соотвѣтствующая ей часть физіологіи, и отбросить первую ради послѣдней, мнѣ кажется, было бы нарушеніемъ прямыхъ правилъ индуктивной

Digitized by Google

философіи, которое въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ вѣтвяхъ науки о человѣческой природѣ влечетъ, и должно влечь, за собою ошибочныя заключенія.

„Однообразія послѣдовательности, послѣдніе, или даже и производные, законы, по которымъ духовныя состоянія слѣдуютъ другъ за другомъ, по которымъ одно состояніе причиняетъ другое или по крайней мѣрѣ служитъ поводомъ къ его слѣдованію,—и образуютъ предметъ психологіи.“ * Спрашивается далѣе: какіе же индуктивные пріемы рѣшенія свойственны этой фундаментальной части философіи духа?

Если въ наукахъ о духѣ, занимающихся сложными явленіями частныхъ и соціальныхъ состояній, собственная метода есть выводъ, или дедуктивная, то въ психологіи господствуетъ метода индуктивная въ тѣсномъ смыслѣ. „Эти простые и элементарные законы духа,“ составляющіе предметъ психологіи, „опредѣляются,“ говоритъ Д. С. Милль, „обыкновенными методами изслѣдованія экспериментальнаго и никакимъ другимъ способомъ опредѣлены быть не могутъ.“ ** Итакъ, въ чемъ состоитъ психологическая экспериментація?

Къ рѣшенію этого вопроса мы уже подготовлены критическими изслѣдованіями Брауна. Метода индуктивная вообще есть въ извѣстномъ отношеніи аналитическая. Каждый фактъ, начинающій существовать, имѣетъ свою причину, и эта причина должна находиться между фактами, какіе ему непосредственно предшествовали. Задача индуктивной методы — разложить сложное однообразіе послѣдовательности на простѣйшія однообразія, изъ которыхъ оно слагается, и каждой части широкаго предыдущаго указать ту часть слѣдствій, которая отъ нея зависитъ. *** Духовныя явленія, пока не прикоснулся къ нимъ духъ анализа, представляютъ, какъ выразился Браунъ, хаосъ, въ которомъ за какимъ-нибудь хаотическимъ предшествующимъ идетъ какое-нибудь хаотическое послѣдующее. Теперь первый шагъ, раздѣляющій этотъ хаосъ, состоитъ, по ученію Милля, въ анализѣ чисто мысленномъ, который даетъ прозирать въ хаотическомъ предыдущемъ множество различныхъ предыдущихъ и въ хаотическомъ послѣдующемъ множество различныхъ послѣдующихъ; это важный методическій шагъ такъ-называемаго

* D. S. Mill. *Syst. der. ded. u. ind. Log.* II Th. p. 456—469.
** Ibid., p. 460.
*** Ibid. I Th., p. 442.

Digitized by Google

наблюденія. Умѣнье наблюдать есть рѣдкій талантъ. „Иной," говоритъ Д. С. Милль, „просмотритъ половину или по невнимательности, или потому что обращаетъ вниманіе не на надлежащій пунктъ; другой выдаетъ больше чѣмъ видитъ, смѣшивая то что̀ видитъ съ тѣмъ что̀ воображаетъ или выводитъ; иной замѣчаетъ всѣ обстоятельства извѣстнаго рода, но, неопытный въ оцѣнкѣ ихъ важности, оставляетъ количество каждаго неопредѣленнымъ и неочерченнымъ; иной видитъ дѣйствительно все въ цѣлости, но вслѣдствіе того, что смѣшиваетъ вещи, какія должны быть раздѣлены, и раздѣляетъ другія, которыя лучше бы разсматривать въ соединеніи: дѣленіе его выходитъ такъ превратно, какъ бы вовсе не было испробовано никакого анализа или даже и того хуже." * Во всякомъ случаѣ, „единственная цѣль мысленнаго анализа состоитъ въ томъ, чтобы вести къ нужному дѣленію физическому, предпринимаемъ ли его сами, или же можемъ отыскивать въ природѣ; мы сдѣлали достаточно, если довели дѣленіе до того пункта, когда можемъ видѣть, какихъ намъ нужно наблюденій и опытовъ." **

„Какъ скоро различныя предыдущія и слѣдствія предположительно опредѣлены и отдѣлены другъ отъ друга, на сколько этого требуетъ случай, мы должны изслѣдовать, какимъ образомъ первыя связаны съ послѣдними. Въ каждомъ случаѣ, какіе мы только наблюдаемъ, есть много предыдущихъ и много слѣдствій. Еслибъ эти предыдущія отдѣлялись только въ мысли, или еслибъ эти слѣдствія никогда нельзя было найдти въ раздѣльности, то намъ было бы невозможно различить ихъ истинные законы, или каждой причинѣ указать свое дѣйствіе и каждому дѣйствію свою причину. Чтобъ осуществить это, мы должны встрѣтить нѣкоторыя предыдущія отдѣльно отъ остальныхъ, и наблюдать каковы ихъ слѣдствія; или должны встрѣтиться съ нѣсколькими отдѣльными слѣдствіями, и наблюдать что̀ предшествовало имъ. Мы должны, слѣдуя правилу Бекона, *изымать обстоятельства*.

„Чтобъ измѣнить обстоятельства, мы можемъ обратиться (по обыкновенному разграниченію) къ наблюденію или опыту: *отыскиваемъ* въ природѣ какой-нибудь случай, отвѣчающій нашей цѣли, или же *производимъ* таковой сами, искус-

* Ibid., I. Th., p. 443.
** Ibid. p. 444.

Digitized by Google

ственною постановкой обстоятельствъ. Достоинство примѣра зависитъ отъ того, что̀ такое онъ самъ по себѣ, а не отъ способа какимъ онъ полученъ; употребленіе его въ цѣляхъ индукціи опирается въ обоихъ случаяхъ на тѣхъ же началахъ, точно такъ какъ употребленіе денегъ одно и то же—достаются ли онѣ по наслѣдству, или пріобрѣтаются." *

Такимъ образомъ психологическая экспериментація опирается на искусственномъ и находимомъ въ природѣ измѣненіи обстоятельствъ изслѣдуемаго нами духовнаго явленія. На оба эти средства экспериментальнаго изслѣдованія въ философіи духа указывалъ, какъ мы видѣли, и Д. С. Милль. Въ примѣръ искусственнаго измѣненія обстоятельствъ онъ приводилъ эксперименты Беркли, на которыхъ у послѣдняго основана теорія зрѣнія. Въ то же время Д. С. Милль замѣтилъ опредѣленно, что въ отношеніи къ духовнымъ явленіямъ „едва ли и можно вообразить какой-нибудь экспериментъ, который бы не былъ уже испробованъ рукою природы;" и въ этомъ нельзя не признать своеобразнаго преимущества науки о духѣ, вознаграждающаго сравнительно малую доступность ея предметовъ искусственнымъ измѣненіямъ, если принять во вниманіе, что значеніе этой самобытной экспериментаціи природы, по ея достоинству въ цѣляхъ изслѣдованія, совершенно равносильно опытамъ, производимымъ искусственно; или, какъ выразился Д. С. Милль, что здѣсь „разница между обоими средствами рѣшенія остается только на словахъ." Вся сущность экспериментаціи выходитъ изъ отмѣны обстоятельствъ изслѣдуемаго случая. И такъ какъ явленія духа допускаютъ, при своей относительной сложности, безконечное разнообразіе всякаго рода сочетаній (относительно) простѣйшихъ или элементарныхъ состояній, то очевидно, что съ этимъ вмѣстѣ данъ просторъ отъ дѣленія чисто-мысленнаго переходить, и безъ помощи искусственнаго измѣненія обстоятельствъ, къ дѣленію физическому, какъ уже исполненному рукою природы.

Для опредѣленія, при такихъ измѣненныхъ обстоятельствахъ, связи предыдущихъ и послѣдующихъ, или причинъ и дѣйствій или слѣдствій, въ изслѣдуемомъ нами случаѣ, обработаны, по указанію Бекона, слѣдующія четыре методы. „Есть," говоритъ Д. С. Милль, „двѣ простыя и наглядныя

* Ibidem., p. 445.

Digitized by Google

методы, чтобъ изъ обстоятельствъ предшествующихъ или послѣдующихъ извѣстному явленію природы выдѣлить тѣ, которыя связаны съ нимъ неизмѣннымъ закономъ. Одна состоитъ въ томъ, что различные случаи, въ какихъ имѣетъ мѣсто явленіе природы, сравниваютъ другъ съ другомъ; другая въ томъ, что случаи, въ которыхъ имѣетъ мѣсто явленіе природы, сравниваютъ съ случаями въ другихъ отношеніяхъ сходными, но въ которыхъ оно не имѣетъ мѣста. Эти двѣ методы можно назвать, сравнительно, *методою согласія* и *методою разности*.

„При объясненіи этихъ методъ, нужно помнить двоякій характеръ изслѣдованія законовъ явленій природы; именно, мы отыскиваемъ или причину къ данному дѣйствію, или дѣйствіе или свойство данной причины.“ *

Первая метода опирается на слѣдующую аксіому: „Каждое обстоятельство, какое можно исключить безъ вреда для естественнаго явленія, или которое, несмотря на свое присутствіе, можетъ быть и отсутствующимъ,—не связано съ нимъ никакимъ причиннымъ отношеніемъ. Если такимъ образомъ случайныя обстоятельства удалены, и остается только одно, то оно и есть искомая причина; если же остается болѣе чѣмъ одно, то они или суть причина, или содержатъ причину, mutatis mutandis; тоже самое относится и къ дѣйствію.“ ** Такъ какъ по этой методѣ сравниваются между собою случаи различные, для отысканія въ нихъ согласнаго, то она и называется методою согласія. Въ приложеніи къ психологіи, руководительное начало ея будетъ слѣдующее:

Если два или больше случая изслѣдуемаго духовнаго явленія имѣютъ общимъ только одно обстоятельство, то лишь это обстоятельство, въ которомъ всѣ случаи согласны, и есть причина (или дѣйствіе) даннаго духовнаго явленія.

Метода разности основана на слѣдующей аксіомѣ: „Всякое предыдущее, какого нельзя исключить безъ вреда для естественнаго явленія, и есть причина или условіе этого естественнаго явленія; всякое слѣдствіе, какое можетъ быть исключено отсутствіемъ одного изъ всѣхъ предыдущихъ, и есть дѣйствіе этого предыдущаго. Вмѣсто того чтобы сравнивать различные примѣры одного явленія другъ съ дру-

* Ibid. p. 453.
** Ibid. p. 456.

Digitized by Google

гомъ, для открытія въ нихъ согласнаго, по этой методѣ, сравнивается случай, въ какомъ оно наступаетъ, съ случаемъ, въ какомъ оно не наступаетъ, чтобъ открыть, въ чемъ они разнятся." *

Руководительное начало методы разности, въ приложеніи къ предмету психологіи, будетъ слѣдующее:

Если случай, въ какомъ наступаетъ изслѣдуемое духовное явленіе, и случай, въ какомъ оно не наступаетъ, имѣютъ общими всѣ обстоятельства за исключеніемъ одного, то обстоятельство, какимъ только и разнятся оба случая, есть дѣйствіе, или причина, или необходимая часть причины, этого духовнаго явленія.

Обѣ эти методы имѣютъ между собою много сходства, но во многихъ пунктахъ и различаются. Онѣ называются методами *элиминаціи*, изъятія, или исключенія. Метода согласія основана на слѣдующемъ: все что̀ можетъ быть исключено, не связано съ явленіемъ духа никакимъ закономъ; основное положеніе методы разности: все что̀ не можетъ быть исключено, связано съ духовнымъ явленіемъ закономъ. Метода разности есть по преимуществу метода искусственнаго опыта; къ методѣ согласія прибѣгается только тогда, когда искусственный опытъ невозможенъ. Изъ этого видно, что методѣ согласія предстоитъ широкая работа въ области духовныхъ явленій, гдѣ искусственные опыты чаще невозможны Но эта метода далеко уступаетъ по своей силѣ методѣ разности, составляющей такое великое орудіе во многихъ физическихъ наукахъ, которыхъ предметы совершенно доступны искусственнымъ опытамъ. Недостаточность методы согласія зависитъ отъ того, что посредствомъ оной мы не получаемъ очевидности, что найденный нами пунктъ согласія всѣхъ случаевъ извѣстнаго духовнаго явленія и есть единственный пунктъ ихъ согласія, и такимъ образомъ остается еще вопросомъ: найденное нами неизмѣнное предыдущее есть ли причина, или только неизмѣнно сопровождающее дѣйствіе неизвѣстной намъ причины. Поэтому для психологіи весьма важно замѣтить употребленіе методы согласія въ ея улучшенномъ видѣ, который у Милля называется *косвенною методою разности* или *соединенною методою согласія и разности*.

---

* Ibid. p. 458.

Digitized by Google

Руководительное начало ея слѣдующее:

Если два или болѣе случая, въ какихъ происходитъ духовное явленіе, имѣютъ какое-нибудь общее обстоятельство, между тѣмъ какъ два или болѣе случая, въ какихъ они не происходятъ, не имѣютъ ничего общаго кромѣ отсутствія этого обстоятельства, — то обстоятельство, которымъ только и разнятся оба ряда случаевъ, и есть дѣйствіе, или причина, или необходимая часть причины, этого духовнаго явленія.

Третья метода называется *методою остатковъ*. „Начало ея въ высшей степени просто. Если отъ даннаго естественнаго явленія отвлечь всѣ части, какія, по предшествующимъ наведеніямъ, могутъ быть отнесены къ извѣстнымъ причинамъ,—то остатокъ будетъ дѣйствіемъ тѣхъ предыдущихъ, какія до сихъ поръ упускались изъ виду, или дѣйствіе которыхъ было до сихъ поръ неизвѣстною величиною.“ * Руководительное начало этой методы, въ приложеніи къ предмету психологіи, будетъ слѣдующее:

Отъ изслѣдуемаго духовнаго явленія отвлечемъ ту часть, какая, по прежнимъ наведеніямъ, признана дѣйствіемъ извѣстныхъ предыдущихъ, и остатокъ духовнаго явленія будетъ дѣйствіемъ остальныхъ предыдущихъ.

Четвертая метода употребляется въ особенности въ случаяхъ, когда изслѣдуются законы тѣхъ постоянныхъ причинъ или агентовъ, которыхъ природы нельзя исключить или изолировать. По этой методѣ, „всякая вещь, за видоизмѣненіями которой слѣдуютъ постоянно видоизмѣненія дѣйствія, и должна быть причиною этого дѣйствія (или въ связи съ нею).“ **

Руководительное начало ея въ психологіи будетъ слѣдующее:

Духовное явленіе, измѣняющееся, когда какимъ-нибудь особеннымъ образомъ измѣняется другое духовное явленіе,—есть или причина, или дѣйствіе этого духовнаго явленія, или связано съ нимъ какою-нибудь причинною связію.

Эти четыре методы, говоритъ Д. С. Милль, „суть единственно возможные роды экспериментальнаго изслѣдованія, прямаго наведенія a posteriori, какъ отличнаго отъ вывода или дедукціи; по крайней мѣрѣ,“ продолжаетъ онъ, „я не знаю никакихъ другихъ, и даже не въ состояніи и вообразить такихъ.“ *** Такимъ образомъ эти четыре методы и

* Ibid p. 465.
** Ibid. p. 472.
*** Ibid. p. 477.

Digitized by Google

составляютъ единственно возможное средство къ рѣшенію вопросовъ объ общихъ или элементарныхъ законахъ духа, которыми занимается психологія.

„Какъ скоро такимъ путемъ," говоритъ Милль, „найдено извѣстное число элементарныхъ законовъ (духа), настоящею задачею науки будетъ изслѣдовать, какъ далеко эти законы могутъ быть прилагаемы къ изъясненію дѣйствительныхъ явленій." * Этимъ въ существѣ и исчерпывается вся операція психологической экспериментаціи.

Такимъ образомъ заключительными руководящими началами психологической методы, по указаніямъ Милля и его предшественниковъ, будутъ слѣдующія:

Изслѣдуя основныя однообразія преемства или законы духовныхъ явленій, психологія разлагаетъ сложные случаи послѣднихъ на ихъ элементарныя предыдущія и послѣдующія, путемъ простаго наблюденія, и опредѣляетъ взаимную связь предыдущихъ и слѣдствій путемъ экспериментацій, то-есть замѣчаніемъ ихъ отношеній при измѣненныхъ обстоятельствахъ.

Единственно возможныя методы психологической экспериментаціи и, слѣдовательно, единственно возможныя научныя методы рѣшенія всѣхъ основныхъ вопросовъ о человѣческомъ духѣ суть обыкновенныя методы экспериментальной физики,—метода согласія, метода разности, метода остатковъ и метода сопутствующихъ обстоятельствъ.

М. ТРОИЦКІЙ.

* Ibid. II Th. p. 460.

Digitized by Google

КОМАНДИРОВКА КАПИТАНА АЛЬБРАНТА

ВЪ ПЕРСІЮ ВЪ 1838 ГОДУ,

РАЗКАЗАННАЯ ИМЪ САМИМЪ.

Эта любопытная записка доставлена въ редакцію родственниками почтеннаго автора ея, покойнаго генералъ-майора Альбранта. Въ ней разказывается, какимъ образомъ молодой Альбрантъ, въ бытность капитаномъ кавказской арміи, удачно исполнилъ возложенное на него трудное порученіе вывести нашихъ дезертировъ изъ Персіи. Генералъ Альбрантъ бо́льшую часть своей дѣятельной службы провелъ на Кавказѣ. Во время управленія Кавказомъ князя Воронцова, онъ находился въ званіи дежурнаго штабъ-офицера при отрядѣ, проникшемъ въ 1845 году въ самую глубь Чечни и разорившемъ Дарго, и при штурмѣ завала былъ раненъ пулею въ правую руку, которая тутъ же и была отнята. Потомъ онъ командовалъ вторымъ отдѣленіемъ черноморской береговой линіи, но сильно разстроенное здоровье принудило его оставить эту должность. Горячо рекомендованный намѣстникомъ покойному Государю, Альбрантъ былъ назначенъ комендантомъ въ Шлиссельбургъ, откуда по собственному желанію переведенъ снова на Кавказъ, губернаторомъ въ Эривань, гдѣ и скончался. Князь Воронцовъ въ своемъ представленіи такъ отзывался о генералѣ Альбрантѣ. „Генералъ-майоръ Альбрантъ есть самый усердный слуга Государевъ. Онъ доказалъ это и въ мирѣ и въ войнѣ. Гдѣ дѣло идетъ о пользахъ службы, тамъ онъ всегда примѣрный и истинный ревнитель ея.... Что же касается до солдатъ, то они любятъ генерала Альбранта какъ отца своего; каждый пріѣздъ его есть для нихъ отрада; никто не умѣетъ болѣе искренняго попеченія о ихъ нуждахъ; никто не можетъ лучше внушить имъ доброй нравственности и пламеннаго усердія къ службѣ царской.“ Этотъ отзывъ подтверждаютъ всѣ знавшіе покойнаго.

Digitized by Google

I.

Болѣе тридцати лѣтъ дезертиры наши находили убѣжище въ Персіи и были принимаемы тамъ на службу. Принцъ Абасъ-мирза сформировалъ изъ нихъ батальйонъ, который въ 1829 году состоялъ изъ 1.400 человѣкъ. Послѣ холеры въ 1830 году и въ особенности послѣ смерти Абасъ-мирзы, численность батальйона значительно уменьшилась; но еще въ 1838 году, когда я прибылъ въ Тегеранъ, въ немъ считалось до 500 человѣкъ. Легкая служба, хорошее содержаніе—увлекали нашихъ солдатъ въ Персію. Многіе подвиги храбрости въ дѣлахъ противъ Турхменцевъ и Авганцевъ пріобрѣли имъ большое уваженіе въ Персіи. Батальйонъ пользовался славой, которая дѣлала его грознымъ въ глазахъ Персіанъ и ихъ враговъ на Востокѣ. Онъ носилъ названіе Гренадерскаго (Багадеронъ) и у Фетъ-Али-шаха и его преемника, Магомета, содержалъ дворцовый караулъ. Онъ составлялъ охрану спокойствія правителей Персіи, надежду на штурмахъ и въ дѣлахъ рѣшительныхъ. Онъ много содѣйствовалъ Магометъ-шаху овладѣть престоломъ, который похитилъ было у него Зели-султанъ. *

Но укрывательство нашихъ солдатъ въ Персіи имѣло вредное вліяніе на нравственность кавказскихъ войскъ, въ особенности пограничныхъ. Дабы уничтожить это зло, императору Николаю благоугодно было потребовать отъ шаха нашихъ дезертировъ, съ объявленіемъ, что если онъ не выдастъ ихъ, то миссія наша оставитъ Персію, и всѣ сношенія съ нею будутъ прекращены. Но дабы дезертиры охотнѣе возвратились въ Россію, государь даровалъ имъ проще-

* Когда Фетъ-Али-шахъ умеръ, Магометъ-шахъ, сынъ принца Абасъ-мирзы, наслѣдникъ престола, бывшій тогда правителемъ Адербиджана, находился въ Тавризѣ. Зели-султанъ, сынъ Фетъ-Али-шаха, дядя наслѣдника, находясь въ Тегеранѣ, завладѣлъ было престоломъ. Магометъ-шахъ, собравъ войско, пошелъ съ батальйономъ нашихъ дезертировъ въ Тегеранъ, чтобы возвратить похищенный тронъ. Зели-султанъ, надѣясь на силу своихъ войскъ, хотѣлъ дать сраженіе Магомету-шаху; но какъ только войска пришли на позицію, батальйонъ нашихъ дезертировъ пошелъ на штыки и разбилъ войско Зели-султана, и Магометъ-шахъ, заняв Тегеранъ, вступилъ на престолъ.

Digitized by Google

ніе. Хотя шахъ и согласился на требованіе государя, но не искренно, какъ показали послѣдствія.

Магометъ-шахъ находился съ войсками подъ Гератомъ, когда полномочный министръ нашъ въ Персіи, генералъ-майоръ графъ Симоничъ, предъявилъ ему волю императора. Тамъ же, подъ Гератомъ, находился и батальйонъ нашихъ дезертировъ. Отложивъ распоряженія насчетъ выдачи батальйона впредь до окончанія военныхъ дѣйствій подъ Гератомъ, шахъ чрезъ графа Симонича послалъ два дестхата (собственноручныя повелѣнія) главноначальствовавшему въ Адербиджанѣ брату своему, принцу Кегерманъ-мирзѣ, и управлявшему въ Адербиджанѣ главнокомандующему персидскими войсками (эмиръ-низаму), Магометъ-хану, относительно выдачи дезертировъ, находившихся въ Адербиджанѣ. *

Графъ Симоничъ, препроводивъ дестхаты генеральному консулу нашему въ Тавризѣ, статскому совѣтнику Кодинцу, для передачи по принадлежности, обратился съ просьбой къ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералу отъ инфантеріи Головину, о присылкѣ офицера для вывода дезертировъ, объясняя, что успѣхъ дѣла будетъ совершенно зависѣть отъ выбора офицера.

Командированіе вооруженной команды казалось столько же опаснымъ, сколько безполезнымъ: опаснымъ потому, что команда, въ случаѣ неудовольствія Персіанъ, могла погибнуть; безполезнымъ потому, что дезертиры наши, увидя что за ними присланы войска, разбѣжались бы. На семъ разсужденіи, командировавъ меня въ Персію, генералъ Головинъ предписалъ мнѣ дѣйствовать одною нравственною силой. Удостоенный столь лестнаго порученія, я нетерпѣливо спѣшилъ въ Персію, и на пятые сутки прибылъ изъ Тифлиса въ Тавризъ.

Генеральный консулъ Кодинецъ, опасаясь чтобы дезертиры, узнавъ прежде времени требованіе о выдачѣ ихъ, не разбѣжались, предъявилъ шахскіе дестхаты лишь по моемъ прибытіи. Въ этихъ дестхатахъ было сказано: отдать намъ только тѣхъ дезертировъ и женъ ихъ, ** которые пожелаютъ идти въ Россію, отнюдь не употребляя насилія; а

* Въ Тавризѣ, Салмазахъ, Хоѣ, Морагѣ и прочихъ мѣстахъ Адербиджана было около 200 человѣкъ дезертировъ, составлявшихъ батальйонный резервъ; бо́льшая часть изъ нихъ были посеяны и жили въ изобиліи.

** Между дезертирами нашими было болѣе 250 человѣкъ женатыхъ на Армянкахъ, несторіанкахъ, Персіанкахъ и Туркменкахъ.

Digitized by Google

дѣтей ихъ, какъ персидскихъ подданныхъ, не отдавать. Первый министръ шаха, хаджи-мирза-Агаси, въ письмѣ своемъ къ помянутому эмиръ-низаму, обращая вниманіе его на волю шаха — не употреблять насилія при выдачѣ дезертировъ, давалъ ему понять, что шахъ не имѣетъ искренняго желанія отдать ихъ намъ. * Эмиръ-низамъ согласенъ былъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ для пользы нашей, даже съ нѣкоторымъ самоотверженіемъ, но принцъ Кегерманъ-мирза, которымъ управляли Англичане, желавшіе для пользы своей разрыва нашего съ Персіей, дѣйствовалъ ко вреду нашему: солдатамъ не только-что было внушено, что они могутъ остаться въ Персіи, но ихъ даже склоняли къ тому.

При всемъ томъ, по распоряженію эмиръ-низама, было собрано 170 солдатъ въ Уджанѣ, ** гдѣ стояли персидскія войска лѣтнимъ лагеремъ. Принцъ Кегерманъ-мирза настаивалъ, чтобы я принялъ этихъ дезертировъ; но генеральный консулъ и я находили необходимымъ промедлить нѣсколько, дабы лучше управиться. Жители Тавриза, подстрекаемые Англичанами, шумѣли: „Русскіе вовлекли шаха въ несчастную войну съ Гератомъ, говорили они, и когда бы надобно помочь ему, они обезсиливаютъ его.“ Наши солдаты, привыкшіе въ Персіи къ своеволію и буйству, пропивая деньги, пріобрѣтенныя работой и грабежомъ, рѣшились во что бы то ни стало не возвращаться въ Россію.

Наконецъ, 13-го августа 1838 года, мы приступили къ принятію собранныхъ дезертировъ. Пьяные, съ длинными волосами, съ небритыми бородами, въ безобразной одеждѣ, они не были похожи на солдатъ, но на толпу ожесточенныхъ разбойниковъ; на лицахъ ихъ выражалась дерзость; съ какимъ-то звѣрскимъ озлобленіемъ они смотрѣли на меня; дерзкія ихъ движенія и выраженія изобличали готовность на что-то ужасное.

Исполняя волю шаха, эмиръ-низамъ, въ присутствіи моемъ, объявилъ солдатамъ, что предоставляется ихъ волѣ идти въ Россію или нѣтъ; что жены ихъ только тѣ пойдутъ въ Россію, которыя пожелаютъ; дѣти же, какъ персидскіе подданные, должны остаться въ Персіи. Можно себѣ предста-

* Это письмо эмиръ-низамъ показывалъ секретно г. Кодинцу, къ коему имѣлъ особое уваженіе.

** Уджанъ—нагорное селеніе, въ 70 верстахъ отъ Тавриза, гдѣ и дворецъ покойнаго Абасъ-мирзы.

Digitized by Google

вить какую самонадѣянность и злобу внушили солдатамъ слова эмиръ-низама, и какъ слова эти поразили меня! Но рѣшившись погибнуть или вырвать солдатъ изъ Персіи, я съ растерзаннымъ сердцемъ обратился къ солдатамъ: „Здорово, ребята, здорово, Русскіе,“ привѣтствовалъ я ихъ громко и отрывисто, желая показать мою рѣшительность; но одни только злые взгляды и дерзкія выраженія были отвѣтомъ на мое привѣтствіе. „Богу и государю, нашему русскому государю, угодно, чтобы вы возвратились въ свое отечество, говорилъ я имъ. Я присланъ вывести васъ изъ Персіи. Призывая васъ къ долгу, чести и присягѣ, я исполняю дѣло Богу и царю угодное, и ничего не страшусь.“ Я говорилъ солдатамъ о славѣ пролить кровь за дѣло чести и отчизны, о безславіи служить въ землѣ чуждой, гдѣ нѣтъ ни матери ни брата, гдѣ они гибнутъ въ безвѣріи. „Я знаю, что служба солдата тяжкая, но долгъ предъ царемъ и отечествомъ требуетъ нести это бремя; болѣе милліона солдатъ служатъ вѣрою и правдою нашему славному государю, а вы гдѣ, и кому служите? Если спросить у вашихъ кровныхъ, гдѣ вы,—они отрекутся отъ васъ, у нихъ недостанетъ духа сказать, что вы бросили свои знамена, бросили свое отечество, измѣнили своему государю. Ребята! примите прощеніе, дарованное вамъ великимъ государемъ нашимъ, какъ даръ Бога, и спѣшите возвратиться на Русь; родина васъ приметъ радушно, какъ дѣтей, раскаявшихся въ заблужденіи своемъ.“ Волнуемый состраданіемъ и тоской по родинѣ, которую семь лѣтъ не видалъ, я говорилъ съ чувствомъ тоскующаго сердца; моя тоска перелилась въ ихъ душу, и если они колебались еще идти въ Россію, то уже не имѣли ненависти ко мнѣ; многіе надвинули шапки на глаза, чтобы не встрѣчать моихъ взоровъ. 35 человѣкъ, внявъ моимъ внушеніямъ, изъявили искреннее желаніе возвратиться въ Россію. Отдавъ имъ полную благодарность, я былъ нѣсколько времени въ недоумѣніи что предпринять съ упорствующими. Всякая угроза была безполезна: солдаты знали, что они не будутъ выданы; жители Тавриза, наущаемые Англичанами, не допустили бы ни до какого насилія; войска у меня не было. Между тѣмъ солдаты стояли въ безмолвіи, видимо смущенные. Видя таковое ихъ состояніе, я находилъ возможнымъ ихъ арестовать. Генеральный консулъ, Кодинецъ, умѣлъ склонить на то эмиръ-низама, и 83 человѣка

Digitized by Google

были заключены въ цитадель, 2 человѣка, болѣе прочихъ оказавшіе неповиновеніе, были посажены въ казематъ, а прочіе, принявшіе мусульманскую вѣру и имѣвшіе право остаться въ Персіи, были освобождены. Умныіе такъ сильно овладѣло солдатами, что когда изъ толпы ихъ, часъ предъ симъ страшной, бывшій при мнѣ кавказскаго линейнаго казачьяго войска заурядъ-хорунжій Скляровъ, въ присутствіи моемъ, взялъ означенныхъ двухъ бунтовщиковъ и отвелъ въ казематъ, въ сопровожденіи двухъ фарашей консульства, никто не рѣшился отнять ихъ. Я хотѣлъ было заковать сихъ двухъ человѣкъ и просилъ эмиръ-низама отправить ихъ силой въ Россію, для примѣра, но онъ не согласился, а жители ни за какую плату не хотѣли дѣлать оковы.

Англійскій офицеръ Незбитъ находился при сдачѣ нами дезертировъ; онъ все видѣлъ и, казалось, оставался совершенно довольнымъ неуспѣхомъ моимъ. Онъ не предвидѣлъ послѣдствій.

Принявъ въ свое вѣдѣніе дезертировъ, изъявившихъ желаніе возвратиться въ Россію, я употребилъ все мое стараніе привязать ихъ къ себѣ и пробудить въ нихъ сознаніе чести служить законному царю и своему отечеству. Упорствовавшіе, заключенные въ цитадели, находились подъ присмотромъ персидскаго чиновника, бѣглаго казанскаго Татарина, который употреблялъ все стараніе, чтобъ отвратить солдатъ отъ возвращенія въ Россію. Чтобы приласкать ихъ и поддержать въ нихъ упорство, Персіане давали имъ хорошую пищу; но это не долго продолжалось: персидскіе сановники скоро потеряли свою цѣль, въ нѣгѣ развратной жизни, и солдатамъ нашимъ едва сталъ доходить хлѣбъ и то въ маломъ количествѣ. Ведя порученное мнѣ дѣло сколь можно осторожнѣе, я старался усыпить вниманіе Персіянъ и Англичанъ и удерживалъ солдатъ отъ возмущенія внушеніями моими; втайнѣ я давалъ деньги персидскимъ сарбазамъ, караулившимъ нашихъ солдатъ, и они охотно служили мнѣ.

Я неоднократно навѣщалъ заключенныхъ. На ихъ измученныхъ лицахъ выражалась готовность на всѣ испытанія; ихъ сердца казались окаменѣвшими. Мои увѣщанія оставались безъ отвѣта, и до 22-го августа я не имѣлъ никакого успѣха. Я всегда приходилъ къ нимъ самъ-другъ, идя смѣло на опасность, показывая этимъ всю правоту моего дѣла, чистоту моихъ намѣреній. Я обезоружилъ ихъ, какъ они

Digitized by Google

мнѣ въ послѣдствіи говорили, при первомъ появленіи моемъ, оставившемъ въ нихъ глубокое впечатлѣніе.

Дабы сильнѣе тронуть душу нашихъ солдатъ и пробудить въ нихъ русскія чувства, окѣмѣвшія было, я ознаменовалъ празднествомъ день коронаціи государя императора 22-го августа. Въ командѣ добровольныхъ дезертировъ, изъявившихъ желаніе возвратиться, былъ приготовленъ обѣдъ, на который были приглашены всѣ Русскіе въ Тавризѣ, чиновники и торгующіе. Команда, построенная въ порядокъ, ожидала меня. На привѣтствіе мое всѣ отвѣчали радушно и весело. Я говорилъ имъ о величіи и могуществѣ Россіи, о благосердіи государя; напомнилъ, что въ этотъ день на Руси 60 милліоновъ молятся о его благоденствіи; что если исполнятъ они его волю добровольнымъ возвращеніемъ,—мы принимаемъ ихъ какъ братьевъ. Мои слова видимо трогали ихъ. Наконецъ, когда совершивъ вслухъ молитву о благоденствіи нашего государя, я сказалъ имъ: „Богъ и царь васъ простили; вы Русскіе, вы братья наши,“ — иные пали на колѣни отъ избытка чувствъ, другіе привѣтствовали меня крикомъ *ура*. Крыши были усѣяны Персіанами; столъ былъ общій. Дезертиры, Егоръ Яковлевъ и Лукьянъ Фоковъ, первые изъявившіе желаніе возвратиться въ Россію, съ готовностію даже бросить въ Персіи свои семейства, сидѣли возлѣ меня. Пиръ кипѣлъ веселіемъ, и въ пылу чувствъ дезертиры поклялись бросить Персію, идти въ Россію и служить вѣрно государю и отечеству, и эту клятву дали мнѣ съ такою рѣшительностію, что я былъ увѣренъ, что ни политика Англичанъ, ни коварство Персіанъ не вырвутъ ихъ изъ моихъ рукъ. День этотъ имѣлъ еще лучшія послѣдствія. Торгующій въ Тавризѣ тульскій 3-й гильдіи купецъ Вышегородцевъ, пламенный патріотъ, глубоко скорбя о заблужденіи Русскихъ отвергающихъ отечество свое, поспѣшилъ въ цитадель и рѣчью, исполненною чувствъ и убѣжденій, склонилъ 43 дезертировъ къ добровольному возвращенію въ Россію. Я приказалъ выпустить этихъ людей изъ цитадели, и они благодарили меня за свободу, которой предъ этимъ сами не хотѣли. Я разспрашивалъ дезертировъ, поступившихъ въ мое вѣдѣніе, почему они упорствовали возвратиться въ Россію. Они объясняли, что не столько выгоды, которыя предлагали имъ Персіане, не столько страхъ вновь служить въ Россіи, ихъ колебали, сколько горе разстаться съ семействами, которыя

Digitized by Google

они должны покинуть въ Персіи. Чувство это я находилъ естественнымъ и принялъ въ немъ участіе. Семейные составляли корень дезертировъ въ Персіи; они были поселены, и пользуясь полями безъ платы, жили безбѣдно. У нихъ имѣли постоянный пріютъ всѣ наши холостые дезертиры, и потому я находилъ, что если успѣю склонить семейныхъ къ возвращенію въ Россію, то съ холостыми легко будетъ управиться. А дабы семейные охотнѣе шли въ Россію, я рѣшился взять ихъ семейства, вопреки повелѣнію шаха. Персидское правительство безпорядочное, Персіяне безхарактерны; дѣйствуя такъ, чтобы не обращать на себя ихъ вниманія, я не сомнѣвался въ успѣхѣ. Генеральный консулъ нашъ находилъ однакожъ необходимымъ объясниться насчетъ этого съ эмиръ-низамомъ. Сановникъ этотъ отвѣчалъ, что не можетъ сдѣлать никакого распоряженія насчетъ переселенія семействъ въ Россію, опасаясь подвергнуться жестокому наказанію, если объ этомъ узнаетъ шахъ, но далъ намъ понять, что препятствовать не будетъ. Генеральный консулъ успѣлъ однакожъ исходатайствовать у него такого рода билеты нашимъ семейнымъ дезертирамъ, что они какъ будто бы переселяются изъ деревень въ Тавризъ. Снабдивъ семейныхъ этими билетами и давъ имъ денегъ въ пособіе, я отпустилъ ихъ, на честное слово, въ свои дома для переселенія семействъ. Хотя казалось неосторожнымъ распустить дезертировъ по домамъ, давъ имъ деньги; но, по чувствамъ въ нихъ пробужденнымъ, я былъ убѣжденъ, что они возвратятся, и нисколько не ошибся: они возвратились и привели съ собою не только свои семейства, но и семейства нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дезертировъ, что находились въ батальйонѣ подъ Гератомъ.

Затруднительно было склонить солдатскихъ женъ идти въ Россію. Въ Персіи въ супружеской связи нѣтъ ничего святаго: Азіатка не дорожитъ мужемъ. Многія изъ женщинъ отъ рожденія не выѣзжали изъ деревень, гдѣ родились; мысль переселиться въ Россію ихъ ужасала; неблагонамѣренные люди внушали имъ, что они будутъ сосланы въ Сибирь; многихъ же удерживали родственныя и другія связи, въ особенности молодыхъ женщинъ. Всякое насиліе могло имѣть несчастныя послѣдствія. Надо было дѣйствовать осторожно. Нѣкоторые солдаты сами управились съ своими женами, прочихъ же надо было увлечь ласками и убѣжденіями; нужно было сблизиться съ ними. Въ этомъ отношеніи я много обязанъ женѣ Вышегородцева и женѣ дезертира Автомонова

Digitized by Google

Маріамъ. Послѣдняя, бывъ послана въ Салмазскій округъ, увлекла многихъ солдатскихъ женъ, въ числѣ коихъ было четыре, мужья которыхъ находились въ батальонѣ подъ Гератомъ. Въ Тавризѣ я ихъ содержалъ скрытно, стараясь всячески успокоить ихъ и освоить съ мыслію переселенія въ Россію. При отправленіи изъ Тавриза я выводилъ ихъ на сборный пунктъ съ большою осторожностію и малыми частями, дабы не обратить ничьего вниманія.

Во всякомъ случаѣ дѣло шло довольно успѣшно: въ вѣдѣніи моемъ было уже около ста дезертировъ, и семейства ихъ собирались уже въ Тавризъ; оставалось вывести ихъ за границу. Между тѣмъ принцъ Кегерманъ-мирза приказалъ эмиръ-низаму выпустить оставшихся подъ арестомъ 40 человѣкъ, находя ихъ арестованіе противнымъ волѣ шаха. Англичане кричали, находя, что мы поступаемъ варварски, нарушаемъ права человѣчества, содержа подъ арестомъ людей свободныхъ. Эмиръ-низамъ пріѣхалъ самъ къ генеральному консулу, чтобъ объявить ему объ освобожденіи арестованныхъ, и требовалъ, чтобы я немедленно принялъ ихъ въ свое вѣдѣніе, иначе онъ ихъ выпуститъ. Освободить ихъ изъ-подъ ареста значило испортить все дѣло; взять же ихъ въ свое вѣдѣніе я не могъ, не имѣя вооруженной силы. А потому, генеральный консулъ и я, мы употребили всю силу убѣжденія, чтобы склонить эмиръ-низама не выпускать ихъ изъ-подъ ареста хотя нѣкоторое время. Эмиръ-низамъ съ трудомъ согласился на это съ тѣмъ, что если я не возьму ихъ чрезъ нѣсколько дней, то онъ вынужденъ будетъ ихъ освободить, дабы не навлечь на себя гнѣва шаха и негодованіе принца Кегерманъ-мирзы. Дабы успѣшнѣе склонить заключенныхъ въ цитадели, я упросилъ эмиръ-низама посадить въ казематъ семь человѣкъ изъ тѣхъ, кои были у меня на замѣчаніи, и онъ посадилъ ихъ. Я обратился къ остальнымъ съ увѣщаніемъ, но успѣлъ склонить къ возвращенію въ Россію только одиннадцать человѣкъ. Изъ числа посаженныхъ въ казематъ, нѣкоторые, оказавшіе наиболѣе неповиновенія, и тѣ два, что въ самомъ началѣ дерзко поступили противъ меня, хотя и просили объ освобожденіи, но мнѣ казалось необходимымъ, въ примѣръ другимъ, отправить ихъ въ Россію за конвоемъ для наказанія, и я не согласился на ихъ освобожденіе, надѣясь, что какимъ-нибудь образомъ успѣю исполнить свое намѣреніе. Между тѣмъ съ семействами дезертировъ, изъявив-

Digitized by Google

ших желаніе возвратиться въ Россію, прибыли семейства нѣкоторыхъ дезертировъ заключенныхъ въ цитадели и казематѣ. Я принялъ эти семейства съ живѣйшею радостію, обласкалъ ихъ, и съ бывшимъ при мнѣ кавказскаго линейнаго казачьяго войска урядникомъ Ситниковымъ отправилъ ихъ къ заключеннымъ для свиданія. Дезертиры при появленіи семействъ своихъ вспыхнули гнѣвомъ, чувствуя, что они не будутъ въ состояніи имъ противустоять; эти люди имѣли сады, дома, которые должны были или продать за безцѣнокъ, или бросить, и потому не хотѣли идти въ Россію; но гнѣвъ не долго продолжался: слезы женъ и дѣтей скоро обратили гнѣвъ въ состраданіе; дезертиры стали просить объ освобожденіи, и я приказалъ ихъ освободить. Взявъ дѣтей своихъ на руки, они забыли интересъ, и съ восторгомъ, какъ спасшіеся отъ потопленія, спѣшили въ команду, гдѣ все было покойно, весело, и гдѣ съ радостнымъ привѣтствіемъ приняли ихъ товарищи. Вскорѣ я потребовалъ ихъ къ себѣ, дабы высказать все ихъ безразсудство, дабы дать имъ почувствовать милость государя. Я не узналъ этихъ людей: жены привезли имъ одежду; спокойствіе, замѣнившее ожесточеніе, выражалось на ихъ лицахъ; они стояли въ умиленіи. На привѣтствіе мое они отвѣчали радушно. Когда я изъявилъ имъ радость видѣть ихъ освобожденными, когда, поздравляя ихъ съ свободою, съ ожидающимъ ихъ счастіемъ увидѣть Россію, я упрекалъ ихъ зачѣмъ такъ долго они мучили меня, отрекаясь отъ отечества своего,—они пали на колѣни; у иныхъ были слезы на глазахъ. Дезертиръ Фрикинъ, видный, красивый мущина, къ которому я не однократно обращался съ увѣщаніями, отвѣчалъ мнѣ: „Мы виноваты предъ Богомъ, предъ государемъ, мы виноваты и предъ вами: мы знаемъ, что упорствуя и сидя въ заключеніи, не мы, а вы страдали.“ Глубоко тронутый я обнялъ его, и взявъ клятву съ нихъ, что они будутъ молиться за царя, отправилъ ихъ въ команду къ семействамъ, вознаградивъ по возможности за потерю собственности въ Персіи.

Имѣя въ сборѣ значительное число дезертировъ, женъ и дѣтей ихъ, я спѣшилъ отправить ихъ въ Россію. Но какъ будто для того, чтобъ испортить дѣло, принцъ Кегерманъ-мирза, котораго бросили, перейдя ко мнѣ, нѣсколько дезертировъ изъ числа бывшихъ въ собственной его конвойной командѣ, помимо эмиръ-низама, приказалъ освободить

Digitized by Google

остальныхъ, содержавшихся подъ арестомъ, двадцать два человѣка. Я ничего не зналъ. Но вдругъ ворвались ко мнѣ въ комнату два человѣка и пали на колѣни: это были Ѳедоръ Михайловъ и Дороѳей Борцевъ, которыхъ я никакъ простить не хотѣлъ. * Появленіе ихъ поразило меня; безъ словъ я смотрѣлъ на нихъ. Выражая свое раскаяніе въ преступленіи, они просили прощенія; объявляя свою готовность служить государю и отечеству, они говорили, что могли бы уйдти, бывъ на свободѣ, но не хотятъ жить въ Персіи, которую возненавидѣли. Эти люди имѣли большое вліяніе на дезертировъ. Въ первую минуту я не зналъ что̀ съ ними сдѣлать; мнѣ пришла счастливая мысль принять ихъ, съ тѣмъ однакожь, что женъ ихъ и дѣтей отправлю въ Россію, ихъ же самихъ оставлю при себѣ и возьму съ собою въ Тегеранъ, когда пойду за батальйономъ: я предвидѣлъ, что они будутъ мнѣ весьма полезны. Я объявилъ имъ прощеніе, прибавивъ, что тогда только дамъ имъ возможность воспользоваться этимъ счастіемъ, когда будутъ мнѣ полезны при принятіи батальйона, когда собственнымъ своимъ примѣромъ они отвратятъ своихъ братьевъ отъ преступнаго упорства. Они съ радостію согласились на это, желая загладить свою вину. ** Изъ числа освобожденныхъ еще нѣсколько человѣкъ явились ко мнѣ; прочіе же, разбѣжавшись по городу и довольные свободой, смѣялись надъ тѣми, что̀ шли въ Россію. Я считалъ необходимымъ заставить ихъ перестать смѣяться, и, при содѣйствіи генеральнаго консула, успѣлъ склонить эмиръ-низама взять ихъ подъ присмотръ: подъ арестъ онъ взять ихъ не согласился.

Опасаясь безпорядковъ въ Тавризѣ, я спѣшилъ отправить въ Россію собранныхъ мною дезертировъ, женъ ихъ и дѣтей, и по 5-е октября было уже въ границахъ нашихъ вышедшихъ дезертировъ: холостыхъ 65, семейныхъ 49, женъ 60, дѣтей ихъ 89, всего 263 души.

---

* Тѣ самые вышеупомянутые два дезертира, которые при первоначальномъ появленіи моемъ бунтовали товарищей своихъ и которые содержались въ казематѣ.

** Въ Тегеранѣ и во весь походъ изъ Тегерана эти люди служили съ такою пользой, оказывали столько усердія и преданности, что нельзя имъ не отдать справедливости; они вполнѣ заслуживаютъ признательности и вознагражденія. Они много содѣйствовали успѣху вывода батальйона. Какъ молодцы, они были извѣстны и уважаемы въ батальйонѣ.

Digitized by Google

Дабы болѣе способствовать успѣху дѣла, графъ Симоничъ, вслѣдствіе представленій генеральнаго консула и моего, исходатайствовалъ у шаха новый дестхатъ, чтобы упорствующихъ отправлять за конвоемъ въ Россію. Дестхатъ этотъ казался мнѣ удовлетворительнымъ; но принцъ Кегерманъ-мирза и эмиръ-низамъ не обратили на него никакого вниманія. По настоящему смыслу онаго, для насъ недоступному, они понимали, что должно дѣлать такъ какъ прежде дѣлали, и нисколько не поспѣшили удовлетворить наши требованія.

Между тѣмъ, 15-го октября, прибылъ въ Тавризъ вновь назначенный полномочный министръ, генералъ-майоръ Дюгамель. Выстрѣлы изъ орудій и движеніе войскъ при встрѣчѣ оповѣстили дезертирамъ, бывшимъ подъ присмотромъ, прибытіе министра. Въ страхѣ, что министръ отправитъ ихъ силою въ Россію, они бѣжали, за исключеніемъ двухъ Поляковъ, Антона Козловскаго и другаго называвшаго себя Антоніемъ Мыловымъ, за которыми я имѣлъ особый надзоръ. О побѣгѣ ихъ и необходимости поймать и отправить силой въ Россію я доложилъ генералу Дюгамелю, который, объяснившись съ принцемъ Кегерманъ-мирзою и эмиръ-низамомъ, получилъ ихъ обѣщаніе, что разбѣжавшіеся 14 человѣкъ будутъ пойманы и отправлены за конвоемъ въ границы наши.

Полномочный министръ, спѣша въ Тегеранъ для принятія должности, отправился туда 22-го октября. Персіане взамѣнъ бѣжавшихъ 14 человѣкъ поймали только трехъ какихъ-то дезертировъ, и посадивъ подъ арестъ, тѣмъ ограничили свои розысканія. Объ отправленіи сихъ трехъ человѣкъ и вышеупомянутыхъ двухъ Поляковъ и не помышляли, невзирая на настоянія консула Кодинца. Наконецъ принцъ Кегерманъ-мирза, эмиръ-низамъ и визирь мирза-Таги уѣхали въ Карадагъ, оставя Тавризъ безъ начальства. Имѣя вторичное предписаніе генералъ-майора графа Симонича спѣшить на курьерскихъ въ Тегеранъ для принятія батальйона, я былъ въ большомъ затрудненіи, находя невозможнымъ ѣхать туда, пока не отправлю въ Россію собранную у меня партію дезертировъ съ семействами, и въ особенности пока не отправлю за конвоемъ арестованныхъ пять человѣкъ. Отправленіе за конвоемъ упорствующихъ я считалъ необходимымъ для примѣра. 25-го октября я отправилъ партію добровольныхъ, и видя что не могу дождаться распоряженій персидскаго правительства насчетъ отправленія арестованныхъ,

Digitized by Google

нанялъ наконецъ лошадей, сарбазовъ и отправилъ подъ ихъ конвоемъ и конвоемъ консульскихъ фарашей означенныхъ пять человѣкъ; это стоило около 20 червонцевъ. Самъ же спѣшилъ въ Тегеранъ, поручивъ дальнѣйшее отправленіе дезертировъ, въ Адербиджанѣ находившемуся при мнѣ, штабсъ-капитану Дудинскому. Благоразумный и примѣрно-усердный офицеръ этотъ препровождалъ партіи къ границѣ; онъ доставлялъ ихъ безъ конвоя въ наилучшей исправности; они разставались съ нимъ съ чувствомъ благодарности. Это доходило до слуха прочихъ дезертировъ, въ Адербиджанѣ находившихся, и они примирялись съ мыслію идти въ Россію.

До моего выѣзда въ Тегеранъ было отправлено изъ Тавриза дезертировъ:

	Холостыхъ.	Семейныхъ.	Женъ.	Дѣтей.
Добровольныхъ	69	64	74	111
Подъ арестомъ	9	—	—	—
	78	64	74	111

Всего . . . . 327 душъ.

II.

Изъ затрудненій, испытанныхъ въ Тавризѣ, я могъ заключить о томъ что̀ предстоитъ мнѣ въ Тегеранѣ. Хотя я и чувствовалъ себя утомленнымъ усиліями и безпрерывнымъ безпокойствомъ, измученнымъ сильною горячкой, перенесенною вскорѣ по прибытіи въ Тавризъ, и тяжкимъ лѣтнимъ зноемъ, но затрудненія, которыя предвидѣлъ, увлекали меня. Я спѣшилъ въ Тегеранъ и прибылъ туда 8-го ноября. *

* Не доѣзжая 250 верстъ до Тегерана, я поспѣшилъ на курьерскихъ впередъ. Брося бывшихъ при мнѣ людей, я поскакалъ налегкѣ съ преданными мнѣ дезертирами, Ѳедоромъ Михайловымъ и Дороѳеемъ Борщевымъ. Дороѳей Борщевъ жилъ долго въ Персіи, выходилъ ее съ края въ край, зналъ персидскій и татарскій языки, человѣкъ умный, расторопный; зная ничтожный характеръ Персіанъ и насмѣхаясь надъ ними, часто развлекалъ меня. Не доѣзжая Тегерана, мы догнали муллу. Видя что я не Персіанинъ, мулла спросилъ Борщева обо мнѣ: онъ объяснилъ, что я Русскій и пріѣхалъ взять всѣхъ Русскихъ въ Россію. „И ты тоже пойдешь?“ повторилъ мулла. „Пойду, отвѣчалъ Борщевъ.“—„Жаль тебя, ты бы былъ хорошій мусульманинъ, возвратясь же въ Россію не мусульманиномъ, ты потеряешь пря-

Digitized by Google

Не доѣзжая пяти верстъ, мы увидѣли Тегеранъ, лежащій во впадинѣ; между горъ виденъ былъ лагерь недавно возвратившихся изъ-подъ Герата персидскихъ войскъ. Онъ стоялъ на полуружейный выстрѣлъ отъ города, со стороны воротъ, въ которыя въѣзжать намъ надлежало. Этотъ лагерь уподоблялся цыганскому табору; между палатками валялись издохшіе верблюды и ослы; вокругъ была удушливая нечистота; порядка никакого не было. На мосту при въѣздѣ въ городъ и въ улицахъ толпились во множествѣ народъ и персидскіе солдаты. Многолюдье увеличивали ханы съ безчисленною свитою своею, также Турхменцы, Авганцы, сопровождавшіе шаха при слѣдованіи изъ-подъ Герата, а также ханы и правители областей, прибывшіе съ привѣтствіемъ. Нашъ батальйонъ былъ въ караулѣ во дворцѣ шаха. Сарбазы буйствовали, отнимая у жителей хлѣбъ, сарачинскую крупу и иную пищу, которой не имѣли. Все показывало отсутствіе дисциплины и порядка и варварское состояніе народа. Проѣзжая мимо воротъ гаремъ-хане шаха, я видѣлъ нашего солдата на часахъ: небритый, онъ сидѣлъ, держа ружье на колѣняхъ; далѣе я встрѣтилъ еще двухъ нашихъ солдатъ: одинъ былъ въ персидской шапкѣ, другой въ форменной фуражкѣ, съ бѣлымъ чехломъ, заломанной на бокъ; они шли весело, съ самонадѣянностію. Все видѣнное тревожило меня. Усталый отъ дороги, я не могъ отдыхать; я нетерпѣливо желалъ знать, что дѣлается въ батальйонѣ и что думаютъ солдаты по случаю требованія возвратиться въ Россію. Отъ находившихся при полномочномъ министрѣ генералѣ Дюгамелѣ, прибывшемъ въ Тегеранъ 22-го октября, донскихъ казаковъ, имѣвшихъ много знакомыхъ въ батальйонѣ, я въ тотъ же день узналъ, что батальйонъ ни за что не хочетъ идти въ Россію, въ особенности Поляки; что Самсонъ-ханъ, * отъ котораго все зависѣло, безъ разрѣшенія шаха не хотѣлъ даже представиться бывшему полномочному

мую дорогу въ рай и будешь сожалѣть. „Что же дѣлать, отвѣчалъ Борщевъ: Царь насъ требуетъ, мы идемъ; а вы, какъ знакомые съ прямою дорогою въ рай, идите впередъ и займите его, а мы по вашей дорогѣ придемъ туда съ генераломъ Паскевичемъ и выгонимъ васъ." Мулла разсердился и отошелъ отъ насъ.

* Бѣжавшій въ Персію много лѣтъ тому назадъ, вахмистръ Нижегородскаго драгунскаго полка, Самсонъ Макаинцовъ, тогда персидской службы генералъ-лейтенантъ.

Digitized by Google

министру, графу Симоничу, и что всѣ объясненія кончились тѣмъ, что Самсонъ-ханъ объявилъ рѣшительно, что не пойдетъ въ Россію. Чрезъ дезертировъ, прибывшихъ со мною изъ Тавриза и преданныхъ мнѣ, я узналъ то же самое. Обо всемъ этомъ я доложилъ графу Симоничу, и графъ отвѣчалъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, все справедливо, присовокупивъ: „дѣйствуйте какъ вы дѣйствовали въ Тавризѣ, но прошу васъ уведите батальйонъ.“

Чрезъ нѣсколько дней послѣ прибытія въ Тегеранъ, я былъ представленъ шаху. Полномочный министръ, генералъ-майоръ Дюгамель, представляя меня, весьма выразительно высказалъ требованія государя насчетъ выдачи батальйона. Шахъ ничего не отвѣчалъ. Видно было, что это требованіе его безпокоило. Въ тотъ же день я былъ представленъ первому министру, мирза-хаджи-Агаси. Онъ старался отклонить разговоръ о выдачѣ дезертировъ и не сказалъ ничего удовлетворительнаго. Генералъ Дюгамель и находившійся еще въ то время въ Тегеранѣ графъ Симоничъ дѣлали все что̀ только зависѣло отъ нихъ, чтобы склонить шаха исполнить требованіе государя. Но Персіане все дѣлали на бумагѣ и на обѣщаніяхъ: батальйонъ не обезоруживали; онъ продолжалъ ходить въ караулъ къ шаху и нести службу. Солдаты, встрѣчаясь со мною на улицахъ, показывали дерзкое неуваженіе. Шахъ не имѣлъ столько рѣшительности, чтобъ объявить солдатамъ, служившимъ ему съ большою пользой, что они должны идти въ Россію, и что въ противномъ случаѣ онъ ихъ отправитъ силой. Бывая въ карауле, солдаты наши изъ устъ шаха неоднократно слышали, что онъ ни одного солдата не отдастъ насильно, и что одни только желающіе пойдутъ въ Россію.

Батальйонъ съ прибытіемъ моимъ настоятельно требовалъ, чтобъ я предъявилъ ему манифестъ государя императора о прощеніи и объявилъ намѣреніе правительства. Поляки наиболѣе настаивали на этомъ. Зная, что у меня нѣтъ манифеста, они хотѣли сдѣлать безпорядокъ, пользуясь единодушнымъ желаніемъ батальйона не идти въ Россію.

На требованіе батальйона придти объявить ему манифестъ государя императора, я написалъ приказъ, въ которомъ, напоминая долгъ предъ государемъ и отечествомъ, звалъ солдатъ въ Россію. Причемъ приказалъ объявить, что если батальйонъ требуетъ меня съ тѣмъ, чтобы показать упор-

Digitized by Google

ство, то я его видѣть не хочу, и что дѣло шаха доставить въ Россію если не самихъ дезертировъ, то головы ихъ; если же батальйонъ имѣетъ другое намѣреніе, то пусть всякій, желающій объясненія, явится ко мнѣ, и я съ радостію приму его.

Я помнилъ происшествіе въ Тавризѣ при пріемѣ первой партіи дезертировъ, и потому находилъ необходимымъ дѣйствовать осторожно. Видя неблагонамѣренность персидскаго правительства, я не хотѣлъ приступать ни къ чему рѣшительному, пока не увлеку нашихъ солдатъ и не склоню въ особенности самого Самсонъ-хана идти въ Россію или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать мнѣ. Я послалъ къ нему письмо, въ которомъ высказалъ все что только можно было, чтобы тронуть его душу; онъ не отвѣчалъ. Три дня спустя я послалъ ему сказать, что буду у него; онъ отвѣчалъ, что боленъ; но я пошелъ къ нему. Онъ принялъ меня съ неудовольствіемъ. Около часа ожидалъ я его въ пріемной залѣ, меблированной по-европейски. Наконецъ онъ вошелъ въ сопровожденіи толпы раболѣпныхъ прислужниковъ; лицо его выражало сильное негодованіе. За нимъ несли кальянъ. Сѣвъ небрежно на особый диванъ, онъ сталъ его курить, не сдѣлавъ мнѣ привѣтствія. Человѣкъ видный, пожилыхъ лѣтъ, но сильный, живя тридцать три года въ Персіи, гдѣ все основано на коварствѣ, онъ сдѣлался глубоко недовѣрчивъ и суевѣренъ. Онъ не вѣрилъ въ дарованное ему всемилостивѣйшее прощеніе. Богатство, выгоды, привычка и знаменитость его въ Персіи * связывали его съ нею; страхъ на-

---

* Въ 1835 году, когда Магометъ-шахъ находился съ войсками подъ Гератомъ, принцъ Абасъ-мирза умеръ. Магометъ-шахъ спѣшилъ возвратиться въ Тегеранъ къ царствовавшему тогда дѣду своему, Фетъ-Али-шаху, для испрошенія утвержденія на право наслѣдованія престола. Проливные дожди испортили дорогу; орудія топли въ глубокой грязи; движеніе войскъ медлилось. Магометъ-шахъ рѣшился было зарыть орудія недалеко отъ Герата. Всѣ ханы, призванные на совѣтъ, согласились, но Самсонъ-ханъ не согласился, а предложилъ вывозъ орудій возложить на войска. Онъ взялъ самыя тяжелыя орудія, купилъ подъ нихъ лошадей на собственный счетъ и отдалъ своихъ изъ-подъ вьюковъ. Ханы, пристыженные подобнымъ поступкомъ Самсонъ-хана, вывезли всѣ орудія. Самсонъ-ханъ получилъ за это орденъ Льва и Солнца 1-й степени съ брилліантами. Самсонъ-ханъ извѣстенъ не въ одной Персіи, но и далеко на востокъ. Онъ всегда былъ вѣренъ своему слову; его слову болѣе вѣ-

Digitized by Google

казанія, утрата счастливаго быта въ Персіи, удерживаютъ его идти въ Россію, куда онъ долженъ возвратиться какъ дезертиръ и вполнѣ чувствовать срамъ своего преступленія. Набожный, онъ не утратилъ своей вѣры, и при всей внѣшней грубости, былъ человѣкъ съ чувствами и съ умомъ. Первое слово его было тяжко-оскорбительною дерзостію. Какъ Русскому, мнѣ трудно было ее вынести. Въ первомъ порывѣ я хотѣлъ было отвѣтить ему оскорбленіемъ, но воздержался и безъ упрека обратился къ нему. Я говорилъ ему о славномъ отечествѣ нашемъ, объ обязанности вѣрноподданнаго, о горести видѣть Русскаго раздирающаго свою святыню. Я говорилъ ему, что правительству нашему не нужно ни его, ни дѣтей его, ни зятя (Скрыплева, командывавшаго батальйономъ). „Оставайтесь въ Персіи, повторялъ я ему, но будьте Русскимъ; отвратите братьевъ вашихъ отъ преступнаго упорства, возвратите Россіи заблудшихъ дѣтей ея, — они насъ пятнаютъ.“

Во все время, что я говорилъ, Самсонъ-ханъ сидѣлъ потупя глаза; слова мои тронули его; онъ подошелъ ко мнѣ, и пожавъ сильно руку, отвѣчалъ: „Изъ словъ вашихъ вижу, что вы человѣкъ богобоязненный и не желаете несчастія людямъ. Но скажу вамъ откровенно: ни я, ни зять мой—ни за что не пойдемъ въ Россію; здѣсь мы пользуемся почетомъ, а тамъ мы будемъ испытывать срамъ за преступленіе, которое ничѣмъ искупить не можемъ. Я тяжко виновенъ предъ Богомъ и государемъ, почитаю себя несчастливымъ, что не могу возвратиться въ отечество. Россію, родину, я ношу въ сердцѣ моемъ, я плачу по ней. Священное Писаніе говоритъ: всему положенъ пре-

---

рыли нежели слову самого шаха. Первый министръ гератскаго шаха, Яръ-Магометъ-ханъ, въ большой дружбѣ съ нимъ. Когда въ 1833 году принцъ Абасъ-мирза по какому-то случаю арестовалъ этого вельможу, онъ находился подъ карауломъ нашихъ солдатъ. Самсонъ-ханъ не только продовольствовалъ его на свой счетъ, но и давалъ ему деньги на необходимости; иначе онъ бы умеръ отъ голода, ибо Персіане не имѣютъ никакого состраданія къ арестантамъ своимъ и вообще безчеловѣчны. Подобные примѣры великодушія, рѣдкіе въ Персіи, пріобрѣли большое уваженіе Самсонъ-хану. Съ потерею батальйона, ему предстояло пасть, тѣмъ болѣе что персидское правительство ему много должно: онъ на свой счетъ содержалъ батальйонъ подъ Гератомъ; Персіане же неблагодарны, не любятъ расплачиваться и не имѣютъ средствъ.

Digitized by Google

дѣлъ, его же не перейдешь; и вѣрно мнѣ суждено умереть въ слезахъ, оплакивая свое преступленіе и утрату родины. Я пойду въ Іерусалимъ и тамъ въ раскаяніи кончу дни. Однакожъ хочу быть полезнымъ государю и отечеству; но не могу сдѣлать этого открыто: меня шахъ погубитъ. * Съ завтрашняго дня я слягу въ постель и не буду мѣшаться ни во что; дѣлайте что̀ знаете, я никого отговаривать не буду. Просите Бога, чтобы Онъ помогъ вамъ; безъ Него вы не управитесь съ солдатами: люди буйные и безпокойные; берегитесь."

На другой день онъ дѣйствительно слегъ въ постель, и я сталъ управляться съ батальйономъ.

Какъ скоро собралось у меня нѣсколько десятковъ солдатъ, желавшихъ возвратиться въ отечество, я всячески старался сблизиться съ ними, пробудить въ нихъ любовь къ родинѣ и государю. Особенно сильно потрясли ихъ душу звуки родныхъ пѣсень. Зная, по сердцу своему, отрадныя чувства, которыя пробуждаютъ на чужбинѣ родные звуки, я сформировалъ хоръ пѣсенниковъ. Въ батальйонѣ никогда не было пѣсенниковъ; веселые возгласы русскихъ солдатъ не оглашали Тегерана; порою, только въ тишинѣ, недавно прибывшій солдатъ, въ тоскѣ по родинѣ, напѣвалъ заунывную пѣсню, чтобы утѣшить тоскующую душу. Среди глубокой тишины тегеранскихъ ночей ** пѣсенники мои заливались пѣснями; звуки ихъ пѣсень, разносясь по Тегерану, потрясали батальйонъ. *** Я употреблялъ все мое стараніе, чтобы въ командѣ моей было весело, чтобы кручина не могла запасть въ сердца возвращавшихся въ отечество; я самъ пировалъ съ ними. Не вѣря никакимъ бумагамъ, а только увлекаясь моими рѣчами, многіе полагали, что я навожу на нихъ одурь чадомъ слова и сомнѣвались во мнѣ. Чтобы уничтожить сомнѣніе и убѣдить, что я дѣйствую откровенно, со-

* Говоря это, онъ мнѣ показалъ нѣсколько собственноручныхъ записокъ шаха, въ которыхъ было повторяемо нежеланіе его выдать намъ нашъ батальйонъ.

** Въ Тегеранѣ, какъ и во всей Азіи, днемъ все въ движеніи, шумно; съ заходомъ же солнца всѣ возвращаются въ дома свои, которые запираются наглухо и на улицахъ вы не встрѣтите никого, развѣ лотовъ (разбойниковъ), ищущихъ добычи или пьянствующихъ.

*** Чтобы пѣсни были слышнѣе, я разставлялъ пѣсенниковъ на крышахъ: въ азіатскихъ домахъ крыши плоскія.

Digitized by Google

вѣстливо и безъ притворства люблю солдата, я вынужденъ былъ иногда омрачать виномъ свой разсудокъ, дабы, развернувъ сердце, обнаружить чувства. И дѣйствительно эти минуты были самыя побѣдныя: солдаты приходили въ восторгъ, поднимали меня на руки, убѣждаясь, что я дѣйствую отъ чистаго сердца и люблю ихъ. Крики ура потрясали Тегеранъ, будили упорствовавшихъ, влекли ихъ ко мнѣ. Эти клики, безъ сомнѣнія, будили даже самого шаха и его гаремъ; узкая улица, уже нашихъ уѣздныхъ переулковъ, отдаляла насъ отъ дворца; тутъ были и батальйонныя казармы.

Съ каждымъ днемъ число солдатъ болѣе и болѣе прибавлялось, и наконецъ къ 6-му декабря былъ у меня почти весь батальйонъ: было болѣе 400 человѣкъ.

По числу солдатъ, поступившихъ въ мое вѣдѣніе, дворъ полномочнаго министра нашего, гдѣ они помѣщались, былъ тѣсенъ, и я перевелъ ихъ въ обширный караванъ-сарай за городъ, гдѣ было достаточно помѣщеніе и для солдатъ и для семействъ ихъ. Во все время нахожденія ихъ во дворѣ полномочнаго министра не было ни драки, ни буйства, ни воровства: сила внушенія ихъ обуздывала; хорошее содержаніе и заботливость о нихъ успокоивали ихъ. Полномочный министръ остался совершенно доволенъ ихъ поведеніемъ, такъ неожиданнымъ.

Въ батальйонѣ оставалось еще не желающихъ идти въ Россію, кромѣ принявшихъ мусульманскую вѣру, около 15 человѣкъ Русскихъ,—это были люди имѣвшіе достатокъ,—и 80 Поляковъ. Первый министръ шаха, мирза-хаджи-Агаси, управлявшій Персіею, человѣкъ хитрый, предвидя, что рано или поздно я возьму батальйонъ, сталъ нѣкоторымъ образомъ склоняться къ пользѣ нашей. Батальйонное начальство, опасаясь отвѣтственности за оружіе и аммуницію, которыя бросали или пропивали солдаты уходя ко мнѣ (иные уходили съ караула у шаха) стало приступать къ отобранію оружія у тѣхъ, которые казались ненадежными. Бывшій батальйонный командиръ серенгъ (полковникъ) Скрыплевъ, по родственной связи съ Самсонъ-ханомъ, хотя колебался идти въ Россію, но какъ мой землякъ, сблизясь со мною отрадными воспоминаніями о родинѣ, родныхъ и знакомыхъ, готовъ былъ мнѣ помогать. При такихъ обстоятельствахъ, имѣя у себя уже бо́льшую часть батальйона, я видѣлъ, что наступила минута дѣйствовать рѣшительно съ упорствующими.

Digitized by Google

Полномочный министръ нашъ истребовалъ у перваго министра шахскаго одного персидскаго чиновника съ десятью сарбазами для состоянія при мнѣ и содѣйствія къ арестованію упорствующихъ. Въ помощь къ этимъ сарбазамъ я имѣлъ еще нѣсколько человѣкъ лотовъ, * которыхъ, какъ равно и сарбазовъ, поручилъ вѣдѣнію бывшаго при мнѣ жителя Тифлиса, переводчика изъ Татаръ, отставнаго прапорщика Бахтіара Агаларова. Одновѣрецъ Персіанъ, истинно преданный нашему правительству, онъ былъ мнѣ весьма полезенъ.

Дабы отвратить непріятныя происшествія при арестованіи упорствующихъ, я считалъ необходимымъ приготовить къ этому тегеранскихъ жителей. Въ азіатскихъ городахъ днемъ почти всѣ жители на базарахъ, по дѣлу или безъ дѣла. Персіане вообще легкомысленны, любятъ новости и чрезвычайно любопытны; остановитесь на улицѣ и станьте что-либо разказывать, васъ окружитъ толпа народа, которая будетъ безпрестанно возрастать.

Я посылалъ Бахтіара Агаларова на базары забавлять народъ разказами, что государь требуетъ нашихъ солдатъ потому, что они измѣнили шаху подъ Гератомъ, продавали порохъ Гератцамъ, что государь нашъ въ большой дружбѣ съ шахомъ, который называетъ его величество старшимъ братомъ своимъ; что государь пришлетъ весною Каспійскимъ моремъ корпусъ, чтобы взять Гератъ и подарить шаху; далѣе онъ говорилъ о глупости Персіанъ, которые видятъ богоугодное дѣло въ обращеніи нашихъ солдатъ въ свою вѣру. Они дурачатъ васъ, говорилъ онъ имъ: они не только что не исповѣдуютъ мусульманской вѣры, но еще смѣются надъ нею; они не знаютъ символовъ ея, пьянствуютъ, молятся по-русски, крестятся. Персіане изрекали проклятіе на нашихъ солдатъ и говорили: „да пропадутъ эти нечистыя собаки!“

Расположивъ такимъ образомъ умы тегеранскихъ жителей, Бахтіаръ Агаларовъ съ сарбазами и лотами приступилъ къ поимкѣ упорствующихъ. Въ теченіе трехъ дней они схва-

* Классъ людей праздныхъ, отважныхъ, пьяницъ, живущихъ грабежомъ и разбоемъ; между ними рѣдко кто не заклейменъ какимъ-либо преступленіемъ: у кого глазъ вырванъ, у кого носъ, уши обрѣзаны, а у нѣкоторыхъ кисть руки отрублена, за воровство и разбои. Эти люди были мнѣ чрезвычайно полезны.

Digitized by Google

тили въ глухихъ переулкахъ двадцать два человѣка Русскихъ и Поляковъ и посадили ихъ подъ арестъ. Мѣсто ареста было скрытое. Солдаты при арестованіи ихъ стали кричать, что они мусульмане; но какъ не знали символовъ вѣры, то Бахтіаръ тутъ же заставлялъ ихъ креститься; и какъ только называвшіе себя мусульманами крестились, сарбазы и лоты принимали ихъ прикладами и палками и тащили подъ арестъ. Въ одномъ глубокомъ мѣстѣ скрывались до десяти человѣкъ нашихъ солдатъ съ оружіемъ. Сарбазы и лоты боялись ихъ схватить; но Бахтіаръ взялъ ружье наперевѣсъ, бросился впередъ, за нимъ сарбазы и арестовали ихъ. Въ это время всѣ поступившіе въ мое вѣдѣніе солдаты были расположены внѣ города. Я приказалъ распустить между ними слухъ, что только тѣ, которые находятся за городомъ, въ моемъ вѣдѣніи, пойдутъ въ Россію какъ солдаты и воспользуются дарованнымъ всемилостивѣйшимъ прощеніемъ; прочихъ же, оставшихся въ городѣ, шахъ, на покровительство котораго они надѣялись, арестовываетъ и отправляетъ въ Россію за конвоемъ, для наказанія. Узнавъ объ этомъ, мои солдаты стали съ осторожностію ходить въ городъ, куда ихъ не пропускали безъ билетовъ. Сарбазы, содержавшіе караулъ у городскихъ воротъ, были подкуплены мною. Такимъ образомъ безъ происшествія были арестованы означенные двадцать два человѣка.

Упорствующіе русскіе солдаты уже почти всѣ были перехвачены, оставались Поляки въ составѣ цѣлой роты; они имѣли свою походную и боевую аммуницію и держали себя на походной ногѣ. Народъ пронырливый, они успѣли прибѣгнуть подъ покровительство командовавшаго войсками въ Тегеранѣ Гуссейнъ-хана. Простой, не дальновидный, Гуссейнъ-ханъ принялъ и распорядился увести ихъ изъ Тегерана, полагая что этимъ угодитъ шаху и успѣетъ повредить выводу батальйона. Узнавъ объ этомъ, я немедленно призвалъ батальйоннаго командира Скрыплева и потребовалъ, чтобы онъ самымъ благоразумнымъ образомъ арестовалъ польскихъ офицеровъ, предводившихъ упорствующими Поляками, объясняя, что этотъ только случай можетъ доказать: Русскій ли онъ, или измѣнникъ. Онъ взялся исполнить это. Между тѣмъ я послалъ къ Полякамъ бывшаго при мнѣ Нижегородскаго драгунскаго полка прапорщика Яневича, дабы онъ внушилъ сво-

Digitized by Google

имъ соотчичамъ всю безразсудность ихъ. Истинно усердный, преданный нашему правительству, страдая о заблужденіи своихъ братьевъ и дѣйствуя съ истиннымъ самоотверженіемъ, онъ пошелъ къ Поляками. Они приняли его самымъ дерзкимъ образомъ: одинъ изъ нихъ бросился на него и, размахнувшись саблею, чуть не изрубилъ его; переводчикъ Бахтіаръ Агаларовъ отразилъ ударъ; Яневичъ едва могъ спастись. Скрывшись успѣлъ однакожъ арестовать ночью офицеровъ, и такъ хитро, что ни Персіане, ни нижніе чины не знали. Но какъ уже было рѣшено выступить съ разсвѣтомъ изъ Тегерана, то Поляки, имѣя проводника даннаго имъ Гуссейнъ-ханомъ, выступили въ полной боевой аммуниціи. Я послалъ бывшихъ при мнѣ лотовъ открыть куда пойдутъ Поляки и гдѣ остановятся. Между тѣмъ не медля доложилъ полномочному министру нашему, прося рѣшительныхъ распоряженій, дабы не допустить Поляковъ къ побѣгу, находя что ихъ побѣгъ можетъ имѣть весьма вредныя послѣдствія. Министръ немедленно поѣхалъ къ шаху. Шахъ, въ удовлетвореніе требованія министра, обѣщалъ прислать къ нему Гуссейнъ-хана для объясненія и предоставилъ принять мѣры, какія генералъ Дюгамель заблагоразсудитъ, къ арестованію Поляковъ. Въ Персіи славится храбростію марагинскій ханъ, командовавшій батальйономъ сарбазовъ. Полномочный министръ нашъ предложилъ ему идти съ батальйономъ вслѣдъ за Поляками и арестовать ихъ, обѣщая награду и ему и сарбазамъ. Онъ согласился было, но узнавъ, что Поляки ушли съ боевою аммуниціей и штыками, рѣшительно отказался отъ преслѣдованія ихъ, и такъ замѣтно смѣшался, что генералъ Дюгамель при немъ же сказалъ мнѣ: „каковъ хваленый молодецъ!“ * Скоро пришелъ Гуссеейнъ-ханъ, генералъ-адъютантъ шаха. Ядло-безсовѣстная изворотливость его, свойственная всѣмъ Персіанамъ, и необходимость кончить дѣло не объясненіемъ, а исполненіемъ, вынудила полномочнаго министра прибѣгнуть къ угрозѣ, сильнѣе дѣйствующей на душу Персіанъ нежели ласка. Генералъ Дюгамель сталъ требовать рѣшительно, грозя сорвать голову Гуссейнъ-хану, если онъ не возвратитъ Поляковъ. Гуссейнъ-ханъ отвѣчалъ, что его голова не такъ ничтожна, чтобъ онъ

* Изъ этого можно видѣть, могли ли Персіане доставить силой батальйонъ на границу.

Digitized by Google

могъ легко сорвать ее. Министръ ему повторилъ, что сорветъ ее легче нежели у послѣдняго осла, и приказалъ ему выйдти вонъ, угрожая, что непремѣнно исполнитъ свое обѣщаніе; а между тѣмъ потребовалъ, чтобъ онъ зашелъ ко мнѣ. Гуссейнъ-ханъ зашелъ. Я дополнилъ все что министръ, изъ приличія, не могъ высказать. Хотя Гуссейнъ-ханъ и вышелъ съ большимъ неудовольствіемъ, но немедленно послалъ возвратить своего проводника. * Оставленные безъ проводника, безъ офицеровъ, Поляки прислали ко мнѣ спросить: могутъ ли явиться ко мнѣ и получить прощеніе? По отвѣту моему они явились, и я ихъ принялъ, давъ имъ одна-

---

* При слѣдованіи моемъ чрезъ Персію съ батальйономъ, шахъ назначилъ михмандаромъ (проводникомъ) одного изъ своихъ почетныхъ чиновниковъ, Мурадъ-хана. Имѣя правиломъ быть вѣжливымъ, я оказалъ все вниманіе Мурадъ-хану, когда онъ прибылъ ко мнѣ. Но въ Персіи уважаются люди не по достоинствамъ, а по богатству ихъ. Солдатская жизнь моя скоро лишила меня уваженія хана. Хотя я и объяснилъ ему, что у насъ военные дорожатъ славою и честью, а роскошью пренебрегаютъ, но это ему показалось совершенно непонятнымъ, даже глупымъ. Я мало обращалъ вниманія на уваженіе его, но требовалъ только, чтобъ онъ не грабилъ жителей, требуя будто бы для русскаго батальйона лошадей, продовольствія, въ чемъ мы не нуждались. Для продовольствія я имѣлъ маркитанта; лошади были наемныя. Желая пройдти чрезъ Персію такимъ образомъ, чтобы проходъ русскихъ оставилъ хорошее воспоминаніе въ Персіанахъ, которыхъ свои сарбазы, при проѣздѣ, немилосердно грабятъ,—я обращалъ особенное вниманіе, чтобы жителямъ не было дѣлаемо никакого притѣсненія, и потому о намѣреніи моемъ всегда предупреждалъ ихъ чрезъ квартиръеровъ моихъ. Не однократно жители жаловались мнѣ на хана; я ему говорилъ объ этомъ, но онъ мнѣ отвѣчалъ невѣжливо, давая понимать, что я иду по Персіи, и что это не мое дѣло. Желая прекратить его грабежи, я рѣшился взять у него шахскій фирманъ и лишить его всякаго права. Онъ не согласился отдать фирманъ; я приказалъ отнять силою. Онъ заупрямился; его наказали и отняли фирманъ. Не принимая въ обиду наказаніе, онъ сожалѣлъ только о томъ, что лишился возможности грабить, сбросилъ съ себя личину важности и сталъ вѣжливъ до униженія: прислуживалъ мнѣ, подавалъ трубку, держалъ стремя, когда я садился на лошадь, принималъ лошадь, когда я сходилъ съ нея; изъ высокомѣрнаго хана онъ сдѣлался слугою, и вмѣсто того чтобы жаловаться на меня по пріѣздѣ въ Тавризъ, онъ просилъ отъ меня свидѣтельства въ поведеніи своемъ.

Digitized by Google

кожъ почувствовать какого наказанія заслуживаютъ они за свой поступокъ и за неблагодарность правительству, и какую милость я имъ дѣлаю, принимая ихъ въ число ихъ братьевъ, изъявившихъ добровольное желаніе идти въ Россію, и давая имъ возможность увидѣть родину.

Такимъ образомъ почти весь батальйонъ уже былъ у меня; мнѣ оставалось только склонить къ добровольному возвращенію въ Россію бывшаго батальйоннаго командира сергента (полковника) Скрыплева и нѣсколькихъ солдатъ, скрывавшихся у него и находившихся при тахѣ, и управиться съ бывшими подъ арестомъ двадцати двумя нижними чинами и тремя офицерами изъ Поляковъ. Сіи послѣдніе хотя и просили пощады, но я не хотѣлъ выпускать ихъ изъ-подъ ареста, въ примѣръ батальйону, и потому дабы, выстрадавъ свою вину, они лучше поняли и оцѣнили благо свободы, * и убѣдились, что Персіане, на которыхъ они полагались, коварны и безсильны, и что противъ воли русскаго государя ничто не устоитъ въ Персіи. Самсонъ-хана я и не склонялъ идти въ Россію, видя его непоколебимое упрямство, а напротивъ старался дать ему понять, что правительство наше будто бы даже желаетъ, чтобы онъ оставался въ Персіи, для пользы нашей, что̀ его усыпляло. Я имѣлъ списокъ всѣхъ тѣхъ людей, что̀ скрывались отъ меня, и оставилъ ихъ въ покоѣ, до 6-го декабря, который сближался; заботился же только объ устройствѣ порядка и дисциплины въ батальйонѣ и о состояніи батальйонныхъ списковъ. Отдавъ по батальйону приказъ, въ которомъ, внушая солдатамъ необходимость порядка и повиновенія, я утвердилъ ротныхъ командировъ въ ихъ должностяхъ, и далъ назначеніе прочимъ офицерамъ батальйона. Между тѣмъ арестованные, къ которымъ, по наущенію моему, доходили сто-

* Невозможно было отправить ихъ силой въ Россію. Это бы стоило чрезвычайныхъ издержекъ и могло имѣть непріятныя послѣдствія. Нужно было дать много денегъ конвойнымъ, дабы они усердно смотрѣли за арестантами на походѣ; нужно было тепло одѣть какъ конвойныхъ, такъ и арестантовъ, дабы они не замерзли; канать подъ всѣхъ ихъ лошадей и при всемъ этомъ бояться, чтобы арестанты не разбѣжались, что̀ имѣло бы весьма непріятныя послѣдствія, показавъ прочимъ дезертирамъ невозможность сдѣлать съ ними что-либо силой.

Digitized by Google

роной безпрестанные слухи, что шахъ хочетъ отправить ихъ за конвоемъ въ Россію, гдѣ они за преступленіе свое получатъ жестокое наказаніе, безпрестанно просили меня объ освобожденіи; отъ офицеровъ я получалъ самыя убѣдительныя письма. Наконецъ я всѣхъ ихъ освободилъ, и высказавъ имъ то же самое, что̀ говорилъ Полякамъ, которыхъ увелъ было Гуссейнъ-ханъ, потребовалъ отъ нихъ слово, что они будутъ служить усердно; всѣ они дали слово и служили примѣрно, въ особенности офицеры.

III.

Насталъ день 6-го декабря, день тезоименитства государя императора нашего, столь великій для сердца Русскаго, и въ особенности на чужбинѣ. Ознаменовать этотъ день праздничествомъ, слить молитву свою, молитвы батальйона съ молитвами шестидесяти милліоновъ народа, молящихся на Руси о благоденствіи государя императора, было первымъ желаніемъ моимъ. Офицеры приготовляли обмундированіе, солдаты исправляли свою одежду, дворъ равнялся для парада, среди двора устраивалось возвышеніе для священнодѣйствія, дѣятельность въ Русскомъ подворьѣ, оживленная усердіемъ,—все будило въ солдатахъ чувства къ царю и отечеству, усыпленныя давнею жизнью въ Персіи, безнадежностью увидѣть когда-либо Россію. Въ девять часовъ утра батальйонъ окружалъ уже алтарь, воздвигнутый среди двора: священникъ совершалъ молебствіе. Моленіе подъ небомъ Персіи, вдали отъ родины, не могло не тронуть сердца солдатъ, не заставить ихъ позавидовать участи тѣхъ братьевъ ихъ, которые, проливая кровь за вѣру и за царя, пріобрѣли право на благодарность отчизны. Полномочный министръ нашъ присутствовалъ при моленіи. Когда молебствіе кончилось, онъ привѣтствовалъ солдатъ, поздравлялъ ихъ съ высокоторжественнымъ днемъ, благодарилъ ихъ за усердіе, сказалъ имъ, что, исполнивъ волю государя императора добровольнымъ возвращеніемъ въ Россію, они уже не дезертиры, а русскіе солдаты, и что объ усердіи ихъ государь императоръ будетъ знать. Эти слова привели солдатъ въ восторгъ: крики *ура*, неоднократно повторенные, оглашали воздухъ. Когда министръ провозгласилъ тостъ за здравіе

Digitized by Google

государя императора, крики *ура* повторились съ новымъ восторгомъ. Крыши наполнились Персіанами, которые дивились нашему торжеству среди Персіи. На томъ возвышеніи, гдѣ совершалось молебствіе, былъ обѣденный столъ для всѣхъ батальйонныхъ офицеровъ; вокругъ этого мѣста обѣдали солдаты. Веселье оживлялось, пѣсенники пѣли, музыка играла, Поляки танцовали. Чувства всѣхъ сливались въ одно чувство, въ чувство любви къ государю и отечеству. Всѣ хотѣли быть Русскими, всѣ проклинали Персіанъ, изъявляя свою ненависть къ нимъ. Кромѣ солдатъ, кои шли въ Россію, участвовали въ празднествѣ командовавшій батальйономъ сергеантъ (полковникъ) Скрыплевъ * и прочіе солдаты, не желавшіе идти въ Россію,—первый по родственной связи съ Самсономъ-ханомъ, на дочери коего женатъ, другіе по семейнымъ связямъ, а нѣкоторые, какъ убійцы, которымъ государь императоръ не изволилъ даровать всемилостивѣйшаго прощенія; прочіе же по привычкѣ къ буйной жизни и по нежеланію служить. Но когда празднество этого дня пробудило во всѣхъ русскія чувства, они, забывъ все, стали желать возвращенія въ Россію. Въ пылу чувствъ, Скрыплевъ провозгласилъ тостъ за здравіе государя императора. Батальйонные офицеры остановили его. „Ты не смѣешь пить за здоровье нашего царя, ты измѣнникъ, пей за здоровье твоего шаха," говорили они ему. Поднятая рука съ бокаломъ окаменѣла у Скрыплева; давъ на колѣни, цѣлуя мои руки, землю, онъ просилъ меня взять его въ Россію. Я долго отказывалъ ему, желая, чтобы весь батальйонъ видѣлъ уничиженіе его; наконецъ я принялъ его, и онъ своею рукой вписалъ себя въ списокъ добровольно возвращающихся въ Россію. На другой и въ послѣдующіе дни я долженъ былъ нѣкоторыхъ исключить изъ списковъ: однихъ потому, что не могъ взять ихъ семейства, къ которымъ, по повелѣнію шаха, былъ приставленъ караулъ, а другихъ какъ убійцъ, **

* Онъ служилъ прапорщикомъ въ бывшемъ Петербургскомъ пѣхотномъ полку, участвовалъ въ войнѣ противъ Персіанъ, и въ 1828 году, во время Турецкой войны, бѣжалъ изъ Базарета, когда тамъ открылась чума, увлеченный молодостью, неопытностью и обольщеніемъ принца Абасъ-мирзы, который старался очаровать нашихъ солдатъ.

** Когда убійцы явились ко мнѣ съ сознаніемъ своего преступленія, когда я выслушалъ исповѣдь одного изъ нихъ, Алехина, съ

Digitized by Google

которые не имѣли права воспользоваться всемилостивѣйшимъ прощеніемъ, и которыхъ я не хотѣлъ взять, дабы показать батальйону (для вящшаго успокоенія дезертировъ), что беру только тѣхъ, которые избавляются отъ наказанія.

Вѣсть, что Скрыплевъ идетъ въ Россію, сразила Самсонахана и все его семейство. Дочь его, жена Скрыплева, въ испугѣ выкинула ребенка, которымъ была беременна; сестры, братъ ея рыдали, проклиная меня. Самсонъ-ханъ хотѣлъ было не дать Скрыплеву своей дочери, но испугавшись угрозы его, что онъ и его самого возьметъ въ Россію, согласился отпустить ее, не давъ Скрыплеву никакого пособія.* Шахъ тоже былъ не доволенъ, что Скрыплевъ оставляетъ службу въ Персіи. Онъ ушелъ въ Россію, не представившись шаху, оказывавшему ему много вниманія.

Шахъ узнавъ, что батальйонная музыка, единственная его музыка, попалась въ мои руки, требовалъ у полномочнаго министра, чтобъ я возвратилъ ее. Понимая какъ это огор-

---

чувствомъ высказанную, я былъ тронутъ до глубины души. Алехинъ—видный мущина; на блѣдномъ чолѣ его видна была печать душевныхъ страданій. „Вотъ восемь лѣтъ, говорилъ онъ, какъ я убилъ Армянина, продававшаго водку въ Шушѣ; съ тѣхъ поръ, бѣжавъ въ Персію, я не знаю радости, хлѣбъ мнѣ кажется не хлѣбомъ, а камнемъ." Выслушавъ Алехина, я далъ ему и двумъ товарищамъ его денегъ (собственныхъ) и приказалъ имъ уйдти изъ Персіи хоть на край свѣта. Чрезъ нѣсколько дней спустя я далъ имъ билеты и жалованье, слѣдовавшее имъ отъ персидскаго правительства. Это имѣло чрезвычайное вліяніе на батальйонъ: всѣ солдаты благодарили меня за несчастныхъ товарищей своихъ и въ особенности за Алехина, хорошо служившаго въ батальйонѣ и котораго товарищи любили, изъ участія къ горести, постоянно терзавшей его. Получивъ билеты и деньги, убійцы просили меня дозволить имъ остаться въ батальйонѣ, покуда онъ не выступитъ. Съ невыразимою горестью они разставались съ братьями своими, шедшими въ Россію. Какъ завидовали они имъ! Прощаясь со мною, они пали къ ногамъ моимъ. У Алехина были слезы на глазахъ.

* Самсонъ-ханъ разставался съ дочерью съ такою горестію, какъ будто бы отпускалъ ее въ могилу. Она любимая дочь его. Онъ не могъ повѣрить, чтобъ ее и зятя его не постигло въ Россіи какое несчастіе. Скрыплевъ, какъ мы видѣли, много содѣйствовалъ мнѣ въ выводѣ батальйона изъ Персіи. Государь, за услугу его, повелѣлъ принять его на службу сотникомъ въ кавказское линейное казачье войско.

Digitized by Google

чало шаха, я возвратилъ инструменты; но нѣсколько музыкантовъ оставилъ у себя, и они пришли въ Россію.

Записавшіеся 6-го декабря русскіе старики, имѣвшіе семейства въ Тегеранѣ, просили чтобъ я взялъ въ батальйонъ ихъ женъ Персіанокъ. Помня несчастное происшествіе съ Грибоѣдовымъ, я находилъ необходимымъ дѣйствовать осторожнѣе съ женщинами, и потому, для того чтобъ увидѣть что̀ будетъ, я взялъ только двухъ женщинъ, которыя сами пришли ко мнѣ, объясняя, что желаютъ идти за мужьями въ Россію. Не прошло двухъ дней, какъ народъ зашумѣлъ на базарахъ; главный мулла сталъ изъявлять свое неудовольствіе; шахъ нѣсколько разъ присылалъ къ полномочному министру нашему, чтобъ я отдалъ этихъ женщинъ. Изъявя присланному персидскому чиновнику всю готовность мою, я возвратилъ женщинъ; но такъ какъ онѣ имѣли дѣтей, которые шли съ отцами, то, согласившись съ ними, я распорядился, и ихъ украли. Онѣ немедленно были отправлены въ Тавризъ. Персіане хватились; но такъ какъ Персіанокъ уже не было въ батальйонѣ, и онѣ при обыскѣ не оказались, то успокоились. Персіане видятъ только то, что̀ у нихъ предъ глазами, а далѣе ничего.

Въ Тегеранѣ находились Авганцы. У нихъ пропали женщины. Персіане вѣроятно украли ихъ, но, чтобы не ссориться, сложили это на нашъ батальйонъ, внушивъ, что Русскіе уводятъ въ Россію женщинъ. Въ батальйонѣ были дѣйствительно солдатскіе жены Армянки и несторіанки, но не Авганки. Болѣе 20 Авганцевъ, вооруженные саблями и щитами, пришедши въ караванъ-сарай, гдѣ размѣщался батальйонъ, требовали возврата женщинъ; толпа народа за ними слѣдовала. Солдаты, бывшіе въ караулѣ у воротъ караванъ-сарая, остановили Авганцевъ, принявъ ихъ самымъ дерзкимъ образомъ.* Авганцы, взявшись за сабли, стали насильно врываться въ караванъ-сарай; народъ шумѣлъ. Выбѣжавъ на этотъ

---

* Наши солдаты, обласканные шахомъ, славясь безотчетною храбростію, отважные, не были ласковы къ Персіанамъ, которые ихъ боялись. Къ министру я долженъ былъ ходить чрезъ базаръ, гдѣ всегда толпа народа, тысячи людей. Въ проводники я бралъ двухъ или трехъ дезертировъ. Я не могъ ихъ заставить, чтобъ они, требуя для меня дорогу, не били народъ и имѣли какое-нибудь уваженіе къ лицамъ, которыя казались почетными.

Digitized by Google

щумъ съ бывшимъ при мнѣ Нижегородскаго драгунскаго полка прапорщикомъ Яневичемъ, я обратился къ Авганцамъ, спрашивая чего они желаютъ. Увидя что ихъ претензія справедлива, я приказалъ немедленно впустить двухъ старшихъ изъ нихъ въ караванъ-сарай. Довольные оказаннымъ вниманіемъ при появленіи моемъ, они укротились. Я предоставилъ имъ осмотрѣть самымъ строгимъ образомъ батальйонъ; они осмотрѣли и, не найдя женщинъ, удалились. Не столько я былъ испуганъ въ минуту появленія Авганцевъ, сколько въ послѣдствіи, когда обдумалъ, какъ близко было къ ужасно-кровавому происшествію, еслибъ, не случась въ батальйонѣ, я не удовлетворилъ Авганцевъ, и они бы неминуемо встрѣтили сопротивленіе, противъ котораго поднялся бы весь Тегеранъ и возобновилось бы случившееся съ Грибоѣдовымъ.

Какъ на кинжалахъ я стоялъ съ батальйономъ въ Тегеранѣ и спѣшилъ выступить. Но солдатамъ нашимъ слѣдовало жалованье заслуженное ими въ походѣ подъ Гератомъ, объ удовлетвореніи коимъ они просили меня неотступно. Зная, какъ дорога солдату заслуженная копѣйка, понимая какъ необходимо при самомъ началѣ показать солдатамъ вниманіе въ справедливомъ ихъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что, ведя ихъ безъ конвоя, мнѣ нужна была ихъ преданность,—я представилъ полномочному министру о необходимости удовлетворенія солдатъ заслуженнымъ жалованьемъ на счетъ персидскаго правительства. Генералъ-майоръ Дюгамель согласился, и причитавшіяся деньги были мнѣ выданы изъ суммъ миссіи. Персидское правительство обязалось возвратить ихъ. Нѣкоторымъ солдатамъ слѣдовало болѣе ста рублей на ассигнаціи, а нѣкоторымъ офицерамъ болѣе тысячи. Дать деньги на руки значило дать средство къ пьянству, а пьянство повело бы къ грабежу, разбоямъ и побѣгамъ. Посему я находилъ полезнымъ раздать на руки только самую малую часть денегъ, а остальныя удержать для выдачи по прибытіи въ Россію. Нѣкоторые неспокойные солдаты стали роптать противъ этого, говоря, что деньги удерживаются для того, чтобы въ послѣдствіи не дать имъ, и что ихъ обманываютъ. Собравъ батальйонъ и изложивъ солдатамъ причину, почему я удерживаю деньги, требовалъ, чтобъ они согласились. Я говорилъ имъ: „Развѣ вы еще не вѣрите въ мою любовь къ вамъ; развѣ забота моя о васъ, освобожденіе изъ-подъ

Digitized by Google

ареста * людей, которыхъ шахъ отправилъ бы безъ сожалѣнія въ Россію для наказанія за упорство, не служитъ ли вамъ доказательствомъ, что я не хочу вамъ зла; развѣ, отдаваясь вамъ на руки, ввѣряя вамъ жизнь мою, не доказываю я правоту моихъ намѣреній? Еслибы мое дѣло не было богоугодное, еслибъ я не былъ руководимъ любовію къ вамъ, еслибъ я хотѣлъ зла вамъ, то я бы боялся васъ; но я васъ не боюсь. Рвите меня, если вы сомнѣваетесь во мнѣ! Вы хотите взять деньги, чтобы бѣжать, бросить меня и насмѣяться надо мной за добро, которое я вамъ дѣлаю, лишить меня чести, подвергнувъ меня суду за то что я полюбилъ васъ какъ братьевъ. Лишите меня жизни, но оставьте мнѣ честь; дайте мнѣ смерть, возьмите себѣ проклятіе: оно задушитъ васъ за брата вашего! Мнѣ дорога ваша конѣчка; я старался вырвать ее изъ рукъ шаха для васъ, а не для себя; я положу ваши деньги въ батальйонный ящикъ, который будетъ подъ карауломъ вашимъ; я пойду за конвоемъ вашимъ, на рукахъ вашихъ, и если васъ поколеблетъ сомнѣніе, то вы и въ дорогѣ можете разграбить ящикъ; но только помните мою просьбу: возьмите тогда и жизнь мою, и бросьте мои кости въ вашей проклятой Персіи на посмѣяніе поганымъ Персіанамъ, за которыхъ вы кровь проливали!“ — „Мы вѣримъ вамъ, отвѣчали солдаты, удерживайте наши деньги; мы васъ на рукахъ принесемъ въ Россію; намъ нужна ваша жизнь, мы ее беречь будемъ, какъ наше сокровище.“ Я удержалъ деньги, положилъ въ батальйонной ящикъ вмѣстѣ съ казенными деньгами, бывшими у меня болѣе 30.000 рублей, и отдалъ подъ часы батальйонному карауду.

Полномочный министръ, отдавая мнѣ деньги, слѣдовавшія въ жалованье батальйону, болѣе 4 тысячъ червонцевъ, полагалъ для безопасности отправить ихъ съ курьеромъ въ Тавризъ, и потомъ въ Границы, но не брать съ собою въ походъ. Зная признательность нашего солдата, готоваго положить жизнь свою за начальника, въ которомъ видитъ заботливость и попеченіе о немъ, я рѣшился взять деньги съ собою въ походъ, отдавъ ихъ подъ охрану батальйона, убѣжденный, что довѣренностію къ нимъ я ихъ болѣе успокою и привяжу къ себѣ. Рѣшимость моя безпокоила министра и вмѣстѣ удивляла. Но онъ еще болѣе удивился и изъявилъ свое опасеніе

* Тѣхъ 22-хъ человѣкъ, что были мною арестованы.

Digitized by Google

когда я сталъ просить объ истребованіи ружей отъ персидскаго правительства для вооруженія батальйона, если не всего, то хотя части онаго. Я находилъ это совершенно необходимымъ какъ для вящшаго успокоенія солдатъ, дабы они видѣли, что идутъ въ Россію не какъ дезертиры, а какъ солдаты, такъ и для того, чтобы, идя чрезъ необузданную полудикую Персію, мы могли управиться съ жителями, и не даромъ пропасть, еслибы они задумали что-либо противъ насъ. Генералъ-майоръ Дюгамель, видя изъ успѣховъ моихъ при взятіи батальйона, что я понимаю солдата и въ затруднительныхъ случаяхъ не потеряю благоразумія, — истребовалъ часть ружей для вооруженія батальйона.

Раздавъ солдатамъ ружья и имѣя деньги, мнѣ нужно было только привести въ порядокъ отчеты и списки, чтобы выступить. Но полномочный министръ предъявилъ мнѣ полученную отъ персидскаго министра иностранныхъ дѣлъ, мирзы-Масуда, бумагу, въ которой объявлялось требованіе шаха возвратить $^2/_3$ батальйона, объясняя, что я не имѣлъ права брать солдатъ принадлежащихъ мусульманскую вѣру, давно служащихъ въ Персіи, и дѣтей ихъ. * Генералъ Дюгамель затруднялся въ исполненіи требованія шаха, предвидя что это можетъ имѣть вредное вліяніе на батальйонъ, препятствуя успѣху вывода онаго. Я предложилъ мое мнѣніе: уйдти ту же ночь съ батальйономъ изъ Тегерана, объявляя, что съ этимъ прекратятся всѣ претензіи Персіанъ. Онъ согласился, пожелавъ успѣха, въ которомъ весьма сомнѣвался: мнѣ оставалось исполнить.

Я рѣшился уйдти изъ Тегерана во что бы то ни стало; я хотѣлъ непремѣнно увести весь батальйонъ, не оставляя ни одного солдата. Но какъ успѣть въ этомъ, какъ пройдти чрезъ Персію среди зимы, съ толпою необузданныхъ людей, какъ объявить имъ походъ, какъ выступить изъ Тегерана, чтобы въ Персіанахъ и солдатахъ не встрѣтить сопротивленія? Все это кружило мнѣ голову, — я былъ въ недоумѣніи. Солдаты любили меня, и потому я нашелъ всего

---

* Дѣйствительно, я не долженъ былъ ихъ брать; но бо́льшая часть солдатъ, называвшихъ себя мусульманами, приходя ко мнѣ, отрекались отъ отступничества; дѣтей же и женъ я не могъ не взять, ибо безъ нихъ многіе солдаты ни за что не пошли бы въ Россію. Персіане дѣйствовали коварно, а я считалъ долгомъ не щадить ихъ.

Digitized by Google

лучше говорить съ ними откровенно. Прискакавъ въ батальйонъ, я приказалъ немедленно выстроить его; поспѣшность не дала имъ собрать мысли; они сердцемъ внимали мнѣ: „Ребята, мы сегодня же должны уйдти въ Россію. Шахъ требуетъ, чтобъ я отдалъ ему вашихъ женъ, дѣтей и возвратилъ всѣхъ тѣхъ изъ васъ, кто бросилъ вѣру отцовскую, опоганился татарщиной. Кто измѣнилъ Богу и государю, кто отдалъ свою душу лукавому—пусть идетъ къ шаху, пусть ищетъ его покрова, пусть ищетъ самъ своей погибели, я проклинаю его. Кто же любитъ Бога, царя и отечество—тотъ пусть идетъ со мною; я на рукахъ принесу его на Русь святую, какъ брата своего. Говорите ребята: кто за царя и Русь святую, кто за шаха и поганую Персію?“—„Идемъ, идемъ въ Россію, повторяли всѣ,— не покинемъ васъ — отца нашего.“ У меня чуть сердце не выравалось отъ радости. Я немедленно послалъ за священникомъ * и приказалъ приготовляться къ походу. Ночь наступила; пришелъ священникъ и при блескѣ луны, такъ свѣтлой на востокѣ, совершилъ молебствіе. Ночная тишина, глубокое безмолвіе въ рядахъ солдатъ, слабый свѣтъ свѣчей, озарявшій священника въ облаченіи съ крестомъ и съ молитвою на устахъ,—все это, вдали отъ Россіи, при мысли о дальнемъ трудномъ походѣ, пробуждало невыразимыя чувства. Я молился на колѣняхъ, я чувствовалъ необходимость молиться, и молился отъ всей души; мнѣ нужна была помощь Божія для дѣла труднаго, которое предпринималъ. Солдаты одинъ за другимъ приходили къ алтарю, цѣловали образъ, клали поклоны; тяжкіе вздохи вырывались у нихъ. Молебенъ оконченъ; священникъ, обходя солдатъ, кропилъ ихъ святою водой; я шелъ за нимъ, повторяя солдатамъ: „Въ путь, на Русь святую, ребята!“—„Да будетъ съ нами Богъ и милость царская, отвѣчали солдаты,—идемъ въ Россію.“ Въ четыре часа полуночи въ караванъ-сараѣ оставались только одни солдаты на-легкѣ; семействъ и вьюковъ уже не было; они ушли впередъ.

Пробили сборъ, батальйонъ вновь выстроился. Скомандовавъ на молитву, я въ краткихъ словахъ еще разъ просилъ Бога благословить нашъ походъ, и выступилъ съ батальйономъ. Сдѣлавъ не болѣе ста шаговъ отъ караванъ-сарая,

* Армянскимъ

Digitized by Google

надо было повернуть направо и идти чрезъ кладбище. „По гробамъ ваше благородіе,“ сказалъ мнѣ не весело одинъ изъ батальйонныхъ офицеровъ. „По персидскимъ гробамъ,“ отвѣчалъ я, и вызвалъ пѣсенниковъ впередъ. Пѣсенники пѣли, барабанщики били маршъ. Около двухъ верстъ мы шли вдоль городской стѣны, на которой отражался блѣдный свѣтъ заходившей луны. Всѣ жители спали въ объятіяхъ азіатской лѣни; бодрствовали одни Русскіе, исполняя волю царскую. Когда разсвѣло, мы уже были на привалѣ въ пятнадцати верстахъ отъ Тегерана. Для ободренія солдатъ я шелъ съ ними, имѣя пѣсенниковъ и разкащиковъ впереди батальйона. До наступленія ночи мы пришли въ Сулиманію, за сорокъ пять верстъ отъ Тегерана. Весь этотъ переходъ я не садился на лошадь, находя необходимымъ быть въ кругу солдатъ. Нельзя выразить чувствъ, волновавшихъ меня, когда вырвавшись изъ Тегерана, гдѣ столько непріятныхъ ощущеній терзали меня, выбрались мы на русскую дорогу, такъ отрадную. Вѣтеръ дулъ сильный и холодный; но мнѣ казалось душно, я не могъ надѣть шинели; пришедши на ночлегъ; я почувствовалъ себя больнымъ, но всячески старался перемочь себя и скрыть это отъ солдатъ.

Горы, обнимающія Тегеранъ, вдали отъ него развертываются, обхватываютъ большое пространство, не скрывая хребтовъ своихъ. Окруживъ городъ Казбинъ и деревню Сіадавину, онѣ сближаются и до Султаніи идутъ почти параллельно одна къ другой. Сіадавина (черныя ворота) стоитъ при самомъ входѣ въ ущелье этихъ горъ. Близь Султаніи горы вновь развертываются и обнимаютъ обширную равнину, гдѣ лучшіе луга во всемъ Иракѣ,* и идутъ къ Кафлаанъ-ку. Отъ Тегерана до Занганъ, и въ особенности до Султаніи, дорога идетъ замѣтнымъ подъемомъ. Султанія—высшій пунктъ на всемъ пути отъ Тегерана; здѣсь лѣтомъ прохладно, а зимой холодъ весьма ощутителенъ. Здѣсь лѣтній дворецъ Фетъ-Али-шаха; онъ выстроенъ на обширномъ курганѣ, нынѣ опустѣлъ и приходитъ къ разрушенію. Въ этомъ дворцѣ Фетъ-Али-шахъ принималъ генерала Ермолова въ 1819 году во время его славнаго посольства въ Персію. Султанійская

* Въ Султаніи и въ 25 верстахъ отъ Султаніи, въ деревнѣ Заллъ, я увидѣлъ впервые, по всему пути отъ Тегерана, сѣно у мужиковъ и въ довольно большомъ количествѣ.

Digitized by Google

равнина доходитъ почти до города Занъ-Ганъ, * отъ котораго до города Міаны идутъ двѣ дороги: одна обозная чрезъ деревню Сарчамъ, другая почтовая по хребту горъ, неудобная для обозовъ.

Переходъ чрезъ Кафланъ-ку мало затруднителенъ: грунтъ земли глинистый, нѣтъ скалъ, подъемъ и спускъ не слишкомъ круты, трудной дороги не болѣе десяти верстъ. Отъ Кафланъ-ку до Тавриза дорога гораздо хуже нежели отъ Кафланъ-ку до Тегерана, вся изрѣзана горами и оврагами; зимою во время мятелей во многихъ мѣстахъ не бываетъ прохода. По пути отъ деревни Тикъ-Матама до Кара-Чемеля на пространствѣ восемнадцати верстъ устроены шахъ-Абазомъ два караванъ-сарая для пріюта и спасенія людей во время мятелей. Зима бываетъ въ Персіи холодная; прошедшая же зима, когда я шелъ съ батальйономъ, замѣчательна въ особенности сильнымъ холодомъ и чрезвычайно глубокимъ снѣгомъ.

Тегеранъ, какъ выше я сказалъ, лежитъ во впадинѣ между горъ; тамъ при выступленіи моемъ стояла теплая погода, но по мѣрѣ приближенія къ Сулиманіи холодъ становился чувствительнѣе, и наконецъ въ Сулиманіи ** мы застали ужаснѣйшую зиму: глубокій снѣгъ и мятель. Дабы скорѣе удалиться отъ Тегерана, я находилъ необходимымъ идти изъ Сулиманіи прямо въ селеніе Казразенъ, отстоящее на сорокъ девять верстъ. За два часа до разсвѣта выступилъ батальйонъ съ огромнымъ транспортомъ солдатскихъ женъ, дѣтей и батальйонныхъ тяжестей. Глубокій снѣгъ, холодъ, вьюга при сильномъ вѣтрѣ и бездорожьи, и трудныя переправы чрезъ водопроводные каналы, наполненные водой, и болѣзнь моя, казалось,—все соединилось, чтобы на первыхъ порахъ отбить охоту у солдатъ идти въ Россію и въ особенности у женъ ихъ и дѣтей. *** Солдаты выбивались изъ

* Названіе этого города,, по народному преданію, происходитъ отъ женщины развратнаго поведенія, управлявшей онымъ. Занъ-ганъ, по-персидски,—женщина непотребная. Замѣчательно, что въ этомъ городѣ женщины не закрываютъ лица, какъ въ Тегеранѣ и въ Таврисѣ, и не такъ строги въ обращеніи съ мущинами.

** Здѣсь за нѣсколько дней предъ проходомъ батальйона замерзли 17 персидскихъ солдатъ, при слѣдованіи изъ Тегерана въ Таврисъ.

*** На этомъ переходѣ четыре солдата отбились отъ батальйона, два изъ нихъ пришли на другой день съ отмороженными ногами, а два безъ вѣсти пропали.

Digitized by Google

силъ, лошади падали подъ ихъ семействами; я долженъ былъ скакать безпрерывно отъ головы къ хвосту батальйона, одушевлять солдатъ, перевьючивать лошадей, поднимать падающихъ женщинъ и дѣтей, вновь сажать ихъ на лошадей, переправлять ихъ чрезъ канавы. Силъ не доставало, я изнемогъ, и пришедши въ деревню Казразенъ, 23-го декабря на ночь, слегъ. Я чувствовалъ сильный жаръ, ознобъ; все тѣло горѣло у меня, во рту сохло. Въ Казразенѣ, по случаю болѣзни моей и наступающаго Рождества, я простоялъ два дня. Медицинскихъ средствъ у меня не было: скорый выходъ изъ Тегерана не далъ мнѣ запастись ими. Натиранія согрѣтымъ уксусомъ и водкой и чай произвели во мнѣ испарину; мнѣ стало лучше. 25-го декабря мы выступили изъ Казразена; я выздоровѣлъ на конѣ. Безпокойство солдатъ во время болѣзни моей показало мнѣ до какой степени они любили меня, полагая во мнѣ надежду, спокойствіе свое. Когда я выздоровѣлъ, они говорили, что смерть моя повергла бы ихъ въ отчаяніе, ибо безъ меня ни за что не пошли бы въ Россію. Преданность солдатъ ко мнѣ была такъ велика, что они, привыкшіе къ буйству и своеволію, прошли чрезъ Персію съ такою честію, какъ только можно бы ожидать отъ самаго устроеннаго войска. Они употребляли всѣ усилія чтобъ оправдать мои надежды, сами присматривали за неблагонадежными товарищами своими и сами строго наказывали тѣхъ, которые намѣревались бѣжать. Я ни одного человѣка самъ не наказывалъ, а отдавалъ его на судъ батальйону, который не щадилъ виновнаго. Солдаты вели себя такъ хорошо и честно, что при проходѣ мимо деревень, въ сторонѣ находившихся, мальчики выносили на дорогу для продажи куръ, яйца, молоко, не страшась нашихъ солдатъ, какъ своихъ сарбазовъ, которые грабятъ и разбойничаютъ по деревнямъ. Въ самый день вступленія батальйона въ деревню Сарчамъ, что̀ одинъ переходъ отъ города Міаны, вступали сарбазы, слѣдовавшіе изъ Тавриза въ Тегеранъ. Жители выѣхали къ намъ навстрѣчу, прося чтобы батальйонъ поспѣшилъ вступить въ деревню прежде нежели придутъ сарбазы. Въ этотъ же самый день прибылъ въ Сарчамъ и персидскій чиновникъ, слѣдовавшій въ Тавризъ съ жеребцами, которыхъ шахъ посылалъ сыну своему, наслѣднику, въ подарокъ. Жители не хотѣли дать имъ квартиръ, невзирая на шахскій фирманъ. Я вынужденъ былъ употребить свое вліяніе, чтобы

Digitized by Google

пріютить шахскаго чиновника и его лошадей. Проходъ нашего батальйона чрезъ Персію, среди зимы и всѣхъ неудобствъ похода, въ наилучшемъ порядкѣ, не могъ не произвести хорошаго впечатлѣнія въ Персіанахъ, которыхъ проходящія свои войска всегда разворяютъ.

Перешагнувъ Кафланъ-ку, границу Ирака и Адербиджана, я почувствовалъ облегченіе; казалось, что спало съ меня полбремени; мы приближались къ границѣ. Послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія за границей, и послѣ столькихъ тяжкихъ испытаній, отрадно приближеніе къ своему порогу.

Спустясь съ Кафланъ-ку, мы пришли 15-го января въ городъ Міаны, лежащій у подошвы этой горы. Насъ радушно приняли. Въ Міанахъ во время послѣдней персидской войны были наши авангардныя войска. Онъ раздѣляется на двѣ части: на старый и новый городъ. Въ домахъ стараго города множество ядовитыхъ насѣкомыхъ, подъ названіемъ міанскіе клопы; укушеніе ихъ можетъ причинить смерть. Въ новой части города ихъ нѣтъ. Батальйонъ нашъ расположился въ этой части города, взялъ дневку и благополучно выступилъ.

22-го января, послѣ 31-го дня марша по глубокому снѣгу, мы прибыли изъ Тегерана въ Тавризъ. * Батальйонъ вступалъ въ городъ съ барабаннымъ боемъ и пѣсенниками, какъ будто бы послѣ побѣды. Жители толпились на улицахъ, крыши были покрыты женщинами, на насъ смотрѣли съ удивленіемъ. Разнообразіе одеждъ, ружья со штыками и безъ штыковъ, отважный и смѣлый видъ нашихъ солдатъ, загорѣлыя лица коихъ, запыленныя вѣтромъ и солнцемъ, казались страшными,—все это возбуждало вниманіе въ Персіанахъ и бывшихъ въ Тавризѣ иностранцахъ. **

Слѣдуя въ Тавризъ, я получилъ отъ полномочнаго министра нашего предписаніе, въ которомъ между прочимъ было сказано: „Еще разъ убѣдительно васъ прошу не останавливаться слишкомъ долго въ Тавризѣ, чтобы злонамѣренныя внушенія Англичанъ и другихъ иностранцевъ не могли сдѣ-

* Подъ помѣщеніе батальйона были отведены квартиры, но въ такомъ разрушенномъ состояніи, что ихъ необходимо было исправить на нашъ счетъ, дабы не заморозить женъ и дѣтей и дать удобство къ отдыху солдатамъ.

** Находившійся при правителѣ Адербиджана, принцѣ Кагерманъ-мираѣ, живописецъ, Италіянецъ Калумбари, пораженный зрѣлищемъ молодецкаго вступленія нашего батальйона въ Тавризъ, весьма хорошо нарисовалъ эту картину, которую подносъ мнѣ.

Digitized by Google

лать вреднаго вліянія на нашихъ дезертировъ и побудить ихъ къ побѣгамъ." Тавризъ—давнее гнѣздо нашихъ дезертировъ; съ садами онъ имѣетъ болѣе пятидесяти верстъ въ окружности; жители его необузданны. Соображая все это, я не могъ не имѣть нѣкотораго опасенія, чтобы наши солдаты не увлеклись къ побѣгу, хотя и былъ увѣренъ въ преданности ихъ. Я принялъ всѣ возможныя мѣры, чтобы предотвратить опасенія. Дабы не допустить солдатъ къ укрывательству на форштатѣ, гдѣ столько притоновъ, я набралъ шайку лотовъ. Размѣстивъ ихъ въ извѣстныхъ частяхъ за городомъ, я приказалъ имъ ловить каждаго солдата, который попадется на форштатѣ, оборвать его и наказать до увѣчья. Я имъ платилъ; они служили усердно и съ пользой. Нѣсколько случаевъ навели такой ужасъ на солдатъ, что никто изъ нихъ не смѣлъ показаться за городомъ, и они проклинали Персіанъ. А дабы отбить у жителей охоту совращать солдатъ, я приказалъ переводчику Бахтіару Агаларову, разглашать имъ тѣ же насмѣшки солдатъ надъ ихъ вѣрой, что̀ такъ разсердили тегеранскихъ жителей. Пятнадцать дней я стоялъ въ Тавризѣ въ ожиданіи сбора семействъ. Когда семейства собрались, обширныя казармы кипѣли солдатами, женщинами и дѣтьми какъ муравейникъ. Они обременяли меня заботой, хлопотами, досадою до изнеможенія. Я перемогъ все, и 11-го февраля прибылъ съ холостыми ротами на границу нашу, семейныхъ отправивъ впередъ.

При вступленіи въ границы наши какой-то страхъ напалъ на нашихъ солдатъ. Увѣряя меня, что непремѣнно пойдутъ въ Россію, они просили сдѣлать дневку на Араксѣ, дабы собраться съ духомъ перешагнуть этотъ порогъ. Дабы показать солдатамъ, что ихъ страхъ напрасенъ, я сдѣлалъ дневку. Но напрасно я старался пробудить веселье въ солдатахъ. Русскіе съ унынiемъ слушали пѣсенниковъ, Поляки невесело танцовали; глубокая тоска выражалась на ихъ лицахъ. На другой день съ пѣснями и барабаннымъ боемъ я перешелъ границу. Священникъ отслужилъ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о благополучномъ выходѣ изъ Персіи. Присланный отъ корпуснаго командира гвардіи-капитанъ Корниловичъ подтвердилъ солдатамъ объявленное мною имъ всемилостивѣйшее прощеніе.

Батальйонъ въ такомъ же порядкѣ прибылъ въ Тифлисъ, какъ прошелъ черезъ Персію....

Digitized by Google

КАНДІЯ

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

I.

Кандія, древній Критъ, одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ на Средиземномъ морѣ, лежитъ подъ 35 градусомъ сѣверной широты и подъ 21—24 восточной долготы, въ разстояніи 126 верстъ отъ Мореи, 170 верстъ отъ азіатскаго берега и 280 верстъ отъ сѣвернаго берега Африки, имѣетъ 230 верстъ въ длину отъ востока къ западу и 20—75 въ ширину, всего пространства занимаетъ 197 квадратныхъ миль. Самая большая длина отъ мыса Соломонова до мыса Св. Николая; самая большая ширина отъ мыса Ретимо до мыса Ѳеодіи, а самая меньшая отъ порта Трано до устья рѣки Гира-Петра. Жителей полагаютъ около 265.000 человѣкъ, изъ которыхъ мусульманъ одна треть.

Кандія въ длину пересѣчена цѣпью горъ, изъ которыхъ главная, почти въ срединѣ острова, гора Ида (нынѣ Псилорити), мѣсто воспитанія Зевеса. Это миѳологическое преданіе сохранилось въ оставшемся отъ временъ венеціанскаго владычества названіи горы — monte Giove. Отъ Иды идутъ высокіе и широкіе отроги, именно: къ западу горы Сфакійскія, которыхъ жители (Сфакіоты) сохранили въ себѣ типъ древнихъ жителей Крита; горы Бѣлыя (Λευκὰ ὄρη, Аспра-Йюна) составляютъ продолженіе Сфакійскихъ и направляются отъ юго-востока къ сѣверо-западу, потомъ, наклоняясь къ сѣверу, болѣе и болѣе суживаются и окан-

Digitized by Google

чиваются мысомъ Грабуза, или Бузо. Къ востоку гора Юкта (священная гора, ἱερὸν ὄρος) и Дикти, знаменитая не меньше Иды. Между горами лежатъ прекрасныя плодородныя равнины, изъ которыхъ въ особенности извѣстна древняя Гортинія, нынѣ Мессара; она простирается къ югу отъ Иды и есть единственная на южномъ берегу, потому что вся южная сторона Кандіи кончается обрывами и представляетъ крутизны, отъ чего тутъ нѣтъ почти пристаней, между тѣмъ какъ на сѣверной сторонѣ много заливовъ и пристаней; горы здѣсь кончаются отлогостями.

Кандія въ настоящее время раздѣляется на 19 епархій или округовъ, имѣющихъ административными центрами Канею, Ретимо и Кандію. Главный городъ острова, Кандія, находится на сѣверномъ берегу; Канея (древняя Кидонія) въ 120 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Кандіи; Ретимо (древняя Ритимна) между Канеей и Кандіей въ 64 верстахъ отъ послѣдней къ западу; Зуда—крѣпость между Ретимо и Канеей; Грабуза—заливъ и крѣпость близь Канеи; Киссамосъ на западномъ берегу въ 52 верстахъ къ западу отъ Канеи; Селиносъ—крѣпость на юго-западной оконечности острова; Сфакія—укрѣпленіе на южномъ берегу острова къ востоку отъ Селиноса; Аскифо—группа изъ семи деревень на Сфакійскихъ горахъ; Ситія (древній Китіонъ)—городокъ на сѣверной сторонѣ восточной оконечности острова; Иракліонъ—городокъ на восточной оконечности острова, близь впаденія рѣки Апоселеми; Гира-Петра—городокъ на южномъ берегу восточной оконечности острова; Спиналонга—крѣпость въ 48 верстахъ отъ Кандіи къ востоку. Въ Кандіи нѣтъ большихъ рѣкъ; почти третья часть острова получаетъ орошеніе отъ горы Иды, покрытой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣчнымъ снѣгомъ. Съ Иды вытекаютъ, по направленію къ сѣверному берегу, рѣчки Оаковъ (нынѣ Аркади-Фіуме), Тритонъ (Геофиро) и Аленизъ (Картеро); а къ южному берегу—Катаррактъ (Вуцуро), Летей (Малогити), Електра (Галиньи) и Массалія (Мегало). Изъ Бѣлыхъ горъ течетъ Ярданъ, съ горы Дикти—Кэратъ (Апоселеми). Въ декабрѣ начинается въ Кандіи дождливое время года и продолжается до мая; въ остальные семь мѣсяцевъ бываетъ сухая и теплая погода.

Кандія отличается сильною и разнообразною растительностію. Почва воспріимчива ко всѣмъ родамъ посѣва: она могла бы производить индиго, сахарный тростникъ, даже ко-

Digitized by Google

фейное дерево; островъ даетъ отличныя вина, соль, плоды и въ большомъ обиліи масло, медъ, шелкъ, шерсть и хлѣбъ. Преимущественно населенныя мѣста—Канея, Ретимо и Кандія.

Первоначальная исторія Кандіи наполнена темными преданіями. Первые поселенцы острова были Эллины Дорійскаго племени и Эолійскаго. Въ раннюю пору ихъ заселенія на островѣ у нихъ развилась охота къ морскимъ экспедиціямъ, почти за 1.500 лѣтъ до Рождества Христова. Миносъ, современникъ Тезея и по всей вѣроятности первый царь критскій, былъ извѣстенъ сильнымъ флотомъ и уничтожилъ морскіе разбои, уже распространившіеся на моряхъ Греціи. О Тезеѣ есть миѳическое сказаніе, что онъ освободилъ Аѳинянъ отъ тяжкой дани семи мальчиковъ и семи дѣвочекъ, которую они должны были посылать каждыя девять лѣтъ людоѣду Минотавру, жившему въ лабиринтѣ, построенномъ Дедаломъ на островѣ Критѣ. Тезей убилъ Минотавра, и съ помощію нити, данной ему дочерью царя Аріадной, нашелъ выходъ изъ лабиринта. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, въ этомъ миѳѣ скрывается намекъ на соединенное съ человѣческими жертвами поклоненіе Молоху, совершавшееся на Критѣ. Тацитъ говоритъ (*Hist.* 5, 1), что Іудеи первоначально произошли съ острова Крита, но онъ смѣшалъ Іудеевъ съ Идеями, жителями горы Иды (Ἰδαῖοι δάκτυλοι). Вѣроятнѣе предположеніе, что съ острова Крита вышли Филистимляне. Основаніе для этого предположенія находятъ въ Библіи; у пророка Софоніи (2, 5) говорится: „Увы, жители приморской полосы, народъ критскій! Се слово Іеговы къ вамъ: Ханаанъ, земля Филистимская, истреблю тебя, оставлю безъ жителей.“ И у пророка Езекіиля (25, 16) читается: „Такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ Я простру руку мою на Филистимлянъ и истреблю Критянъ, и погублю остатокъ морскаго берега.“

Знаменитѣйшіе изъ преемниковъ Миноса были внуки его—Идоменей и Мирiонъ, принимавшіе участіе въ войнѣ Троянской (1194—1184). Гомеръ въ своей поэмѣ (*Иліада* 2, 649) упоминаетъ о Критѣ, какъ островѣ весьма населенномъ и обстроенномъ, и говоритъ, что на немъ было сто городовъ (ἑκατόπολις). Подъ владычествомъ царей критскихъ были острова Цикладскіе, изъ которыхъ нѣкоторые были ими колонизованы; въ раннюю пору существованія, Критяне проникали съ оружіемъ до Сициліи. Монархическая форма прав-

Digitized by Google

ленія держалась на островѣ Критѣ до послѣдняго царя Этеарха (800 до Р. Х.) и была замѣнена послѣ него федеративнымъ правленіемъ. Мѣсто царей заняли такъ-называемые кóзмы (Κόσμοι)—высшая правительственная власть, съ тѣмъ же значеніемъ, которое имѣли въ Спартѣ эфоры; * ихъ было числомъ десять. Выбирались они изъ извѣстныхъ фамилій только на одинъ годъ. Они имѣли главное начальство во время войны, вели важныя государственныя дѣла съ участіемъ сената и представляли свои опредѣленія на утвержденіе народному собранію. Кромѣ того Критъ имѣлъ правительственное учрежденіе подъ именемъ совѣта, или сената (βουλή, γερουσία), который, подобно спартанскимъ геронтамъ, состоялъ изъ 28 членовъ, избиравшихся изъ отслужившихъ или оставившихъ службу кóзмовъ. Власть членовъ совѣта была распорядительная и судебная, они дѣйствовали по собственному усмотрѣнію, были безотвѣтственны, и служба ихъ была пожизненною. Народныя собранія современемъ стали въ совершенное подчиненіе геронтамъ и кóзмамъ (ὡς ἔδοξε τοῖς γέρουσι καὶ τοῖς κόσμοις). Такой складъ управленія былъ общимъ для всѣхъ городовъ Крита. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе внутреннихъ неустройствъ и внѣшнихъ войнъ (Фалекъ Θокейскій), аристократическое правленіе потеряло силу, и перевѣсъ взяла демократія. Относительно хода внутреннихъ неустройствъ есть свидѣтельство, что когда Кноссъ и Гортина, два самые сильные города, отстоявшіе одинъ отъ другаго на 50 верстъ, заводили распрю, весь островъ приходилъ въ безпокойное движеніе; но борьба кончалась, когда Кидонія, городъ послѣ нихъ самый важный, принималъ сторону того или другаго. Эти внутреннія раздоры повторялись нерѣдко, и они-то объясняютъ намъ, почему Критъ даже во время Персидскихъ войнъ остался въ сторонѣ отъ участія въ пожертвованіяхъ и въ славѣ Греціи.

За 68 лѣтъ до Рождества Христова Критъ былъ покоренъ Римлянами, раздраженными союзомъ Критянъ съ Митридатомъ, обращенъ въ римскую провинцію и сталъ управляться проконсуломъ. Римскій полководецъ Метеллъ за покореніе острова получилъ наименованіе Критскаго (Creticus). При императорахъ островъ вмѣстѣ съ Киринеею составлялъ одну

* Ликургъ заимствовалъ законы для Спарты изъ Крита, куда онъ лично затѣмъ отправлялся и гдѣ въ послѣдствіи умеръ.

Digitized by Google

изъ африканскихъ провинцій. Между жителями его было много Іудеевъ. Въ 13-й годъ правленія императора Клавдія Критъ сильно пострадалъ отъ землетрясенія; по свидѣтельству Филострата, въ это время море отступило отъ береговъ Крита почти на семь стадій. Это бѣдствіе повторилось въ 368 году, во время перваго консульства Валентиніана и Валента; авторъ *Жизни Аѳанасія* говоритъ, что въ это время было такое сильное землетрясеніе, какого прежде никогда не бывало; оно разрушило на островѣ Критѣ болѣе ста городовъ. Спустя немного времени послѣ того, въ царствованіе Граціана, островъ пострадалъ отъ сильнаго наводненія, отъ котораго, по словамъ Кедрина, корабли были выброшены на горы, высотою на сто стадій.

Христіанство на островѣ Критѣ насаждено было апостоломъ Павломъ, по всей вѣроятности, въ періодъ 54—57 года. Онъ оставилъ здѣсь епископомъ своего вѣрнаго ученика Тита, родомъ Критянина. О плаваніи апостола около Крита, во время путешествія въ Римъ, въ книгѣ *Дѣяній* говорится: „Медленно плавая многіе дни и едва поравнявшись съ Книдомъ (полуостровомъ) по причинѣ неблагопріятнаго намъ вѣтра, мы подплыли къ Криту при Салмонѣ (мысъ къ востоку отъ города Геракліи). Пробравшись же съ трудомъ мимо его, прибыли къ нѣкоторому мѣсту, называемому *хорошія пристани*, близъ котораго былъ городъ Ласея. А какъ пристань неспособна была къ перезимованію, то многіе давали совѣтъ отправиться оттуда, чтобы, если можно, дойдти до Финика, пристани критской, лежащей противъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго вѣтра, и тамъ перезимовать. Подулъ южный вѣтеръ, и они, подумавъ, что уже получили желаемое, отправились и поплыли по близости Крита. Но немного спустя поднялся противъ него вѣтеръ бурный, называемый эвроклидонъ.“ Затѣмъ апостолъ описываетъ сильную бурю на морѣ, которая не оставляла никакой надежды къ спасенію плавающихъ, и ихъ жизнь сохранилась потому только, что съ ними былъ Павелъ (*Дѣян.* 27, 7 и сл.). Не видно, чтобы въ это время Павелъ былъ въ сношеніи съ христіанами критскими, потому думаютъ, что онъ былъ на островѣ прежде, именно во время трехлѣтняго пребыванія своего въ Ефесѣ. О томъ, что онъ дѣйствительно самъ насаждалъ христіанство въ Критѣ, свидѣтельствуютъ слова его, обращенныя къ Титу: „Для того я *оставилъ* тебя въ Критѣ, чтобы ты до-

Digitized by Google

вершилъ недоконченное и поставилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ, какъ я тебѣ приказывалъ." При этомъ апостолъ дѣлаетъ неблагопріятный отзывъ о Критянахъ и свидѣтельствуется словами Епименида: „Много есть (изъ Критянъ) непокорныхъ, пустослововъ и обманщиковъ, особенно изъ обрѣзанныхъ (Іудеевъ). Изъ нихъ же самихъ одинъ стихотворецъ сказалъ: Критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя. Свидѣтельство сіе справедливо." * Причиною неустройствъ въ критской церкви были Іудеи, какъ видно это изъ послѣдующихъ словъ апостола: „Обличай ихъ строго, дабы они были здравы въ вѣрѣ, не внимая іудейскимъ баснямъ" (1 *Тит.* 5, 10—15). Есть преданіе, что въ христіанство обратился критскій проконсулъ Рустилъ, женатый на сестрѣ Тита, и что каѳедра перваго епископа критскаго была въ Гортинѣ. И теперь указываютъ развалины епископской церкви Тита въ древней Гортинѣ, въ шести миляхъ отъ горы Иды, по направленію къ южному берегу. Для утвержденія критскихъ христіанъ въ вѣрѣ, писалъ къ нимъ посланіе Діонисій, епископъ коринѳскій, жившій во второмъ вѣкѣ, во времена Аврелія Антонина.

Насажденное апостоломъ христіанство пустило глубокіе корни на островѣ. Въ первые вѣка христіанства мы видимъ епископовъ, кромѣ Гортины, и въ другихъ городахъ Крита—въ Госсѣ, Лаппѣ, Субритѣ, Кидоніи, Киссамосѣ и пр. Во время гоненія Деціева (въ 250 г.) епископъ гортинскій Кириллъ, послѣ 50-тилѣтняго управленія паствою, принялъ отъ проконсула Люція вѣнецъ мученическій (память его 9-го іюля). Во время того же гоненія пострадали десять Критянъ: Ѳеодулъ, Сатурнинъ, Евпоръ, Геласій, Евникіанъ, Зотикъ, Помпей, Агаѳопусъ, Василидъ и Еварестъ (23-го декабря). Миронъ, пресвитеръ критскій, въ послѣдствіи епископъ, укрѣплялъ ихъ къ страдальческимъ подвигамъ, и самъ прославленъ церковію (8-го августа). Тѣла десяти мучениковъ обрѣтены на островѣ уже въ IV вѣкѣ Павломъ исповѣдникомъ, патріархомъ константинопольскимъ, и перенесены имъ въ Цареградъ. Преемникомъ Св. Кирилла гортинскаго былъ Евменій, который прославился святостію жизни и причтенъ

---

* Константинъ Багрянородный приводитъ еще одно древнее присловіе относительно Критянъ: „Произошла объ нихъ такая поговорка: три каппы самыя дурныя: Каппадокія, Критъ, Киликія."

Digitized by Google

къ лику святыхъ (18-го сентября). Въ IV вѣкѣ, во время гоненія воздвигнутаго Максиміаномъ Галеріемъ, мученически скончался другой Кириллъ, епископъ гортинскій, 95 лѣтъ отъ роду (6-го сентября). Изъ актовъ вселенскихъ соборовъ видно, что критскіе епископы не только изъ митропольной Гортины, но и изъ другихъ городовъ присутствовали на соборахъ. При императорѣ Львѣ Философѣ считалось на островѣ 10 епархій, подчиненныхъ патріарху константинопольскому. * Нѣкоторые изъ святителей Крита сдѣлались извѣстны своею ученостію и писаніями на пользу христіанства. Такъ Филиппъ, епископъ гортинскій, написалъ сочиненіе противъ Маркіона. Но самый замѣчательный изъ святителей критскихъ, оставившій намъ писаніе, былъ Св. Андрей архіепископъ критскій, присутствовавшій еще въ качествѣ синкелла іерусалимской патріархіи на шестомъ вселенскомъ соборѣ (680 г.). Онъ скончался въ 712 году неподалеку отъ Митилены, на пути изъ Царяграда. Послѣ него остались 20 словъ на различные праздники, нѣсколько стихиръ и 9 каноновъ, которые еще при жизни его введены были въ употребленіе восточной церкви. Между ними особенно извѣстенъ великій канонъ, воспѣваемый во время такъ-называемыхъ меѳимоновъ въ первые четыре дня первой недѣли и въ четвертокъ пятой недѣли Великаго поста. Спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ кончины святителя Андрея, отъ Крита исходитъ одноименный съ нимъ подвижникъ-мученикъ, Андрей Каливитъ, критскій монахъ. Въ царствованіе Константина Копронима, когда воздвигнуто было гоненіе на почитателей св. иконъ, Андрей отправился въ Константинополь и тамъ въ храмѣ св. Мамонта публично обличилъ царя-иконоборца, и за сіе мученически скончался въ 961 году (17-го октября).

Въ 330 году, когда Константинополь сдѣлался столицею имперіи, раздѣленной на четыре префектуры, Критъ отнесенъ къ префектурѣ иллирійской. Въ это время Констан-

* Въ настоящее время въ Кандіи 9 епархій. По спискамъ 1864 года значатся: митрополитъ критскій и экзархъ Европы Діонисій (каѳедра въ Кандіи); епископы: аркадійскій Григорій, ретимскій и авлопотамскій Каллиникъ (каѳедра въ Ретимо), кидонійскій Мисаилъ (каѳедра въ Канеѣ), петрскій Мелетій, херонисскій Мелетій (каѳедра въ Ситіи), іерскій и ситійскій Иларіонъ, киссамскій и селиносскій Герасимъ, лампскій Паисій.

Digitized by Google

тинъ выслалъ изъ Италіи въ Критъ колоніи. Въ началѣ VIII вѣка, при халифѣ Абдулъ-Меликѣ, Арабы дѣлали набѣги на Критъ, но островъ на этотъ разъ, по свидѣтельству Андрея Критскаго, „избѣгъ страха языковъ и пріялъ спасеніе.“ Въ концѣ VIII и началѣ IX вѣка, во времена Гарунъ-аль-Рашида, арабскій полководецъ Гамидъ-эль-Гамаданъ овладѣлъ частію Крита. Спустя нѣсколько времени (823) Сарацины, отправившіеся изъ Испаніи, въ царствованіе греческаго императора Михаила Заики, опустошивъ на пути Сицилію и Цикладскіе острова, довершили завоеваніе Крита и сдѣлались полными его обладателями. Они разрушили Кноссъ и Гортину, и близъ того мѣста, которое занимаетъ теперешній городъ Кандія, основали городъ подъ именемъ Рабдъ-эль-Хандакъ (укрѣпленное мѣсто со рвомъ), который сдѣлали главною своею резиденціей. Этотъ новый городъ *Хандакъ* (Χάνδαξ) сообщилъ въ послѣдствіи свое названіе всему острову, который сталъ называться Кандіею. Въ 864 году Сарацины опять опустошали Цикладскіе острова и грабили по берегамъ Мраморнаго моря. Въ 881 году, во время новаго набѣга на Цикклады, они были разбиты Греками и согласились платить императору греческому Василію Македонянину дань, отъ которой впрочемъ спустя десять лѣтъ освободились и начали новые набѣги. Въ 902 году, въ царствованіе Льва Философа, имперія Греческая подверглась нападеніямъ отъ сарацинскаго вождя Льва Триполійца, который дѣйствовалъ въ союзѣ съ Сарацинами критскими. Императоръ выслалъ противъ него къ Криту флотъ подъ командою Имерія. Въ военныхъ дѣйствіяхъ Имерія участвовалъ Симеонъ Метафрастъ, извѣстный составитель житій святыхъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ дано было порученіе вступить въ переговоры съ сарацинскимъ вождемъ о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій. Для насъ, Русскихъ, замѣчательно, при описаніи этого похода у Византійцевъ, то извѣстіе, что на этомъ флотѣ, отправленномъ къ Криту, было 700 человѣкъ Россовъ, служившихъ на жалованьѣ имперіи. Подобное извѣстіе о Россахъ, отправлявшихся къ Криту, встрѣчается подъ 949 годомъ. Въ этомъ году, когда императоръ Константинъ Багрянородный отправилъ противъ Сарацинъ къ Криту флотъ, на флотѣ находилось 584 человѣка Россовъ, у которыхъ было еще 45 рабовъ. При описаніи этого похода къ Криту, упоминается еще о девяти россійскихъ морскихъ судахъ.

Digitized by Google

Послѣ долгой борьбы Грековъ съ Сарацинами, островъ Кандія, которымъ Сарацины владѣли 137 лѣтъ, въ царствованіе императора Романа II, въ 961 году отнятъ былъ у нихъ храбрымъ Никифоромъ Фокою, и сдѣлался подвластнымъ императорамъ греческимъ. Греки нашли, что вслѣдствіе долговременнаго владычества Сарацинъ на островѣ, многое тамъ измѣнилось: болѣе всего пострадали Критяне въ дѣлѣ вѣры, христіанскіе храмы обращены были въ мечети; христіане не смѣли исповѣдывать своей вѣры подъ страхомъ жесточайшихъ мученій, и мало-по-малу принуждены были обращаться въ мусульманство. Въ такомъ несчастномъ положеніи, когда едва уже мерцалъ на островѣ свѣтъ вѣры Христовой, нашелъ ихъ одинъ монахъ, св. Никонъ, новый критскій апостолъ. Въ исторіи церкви ему усвоено прозвище: „Μετανοεῖτε“ (покайтеся!), оттого что это было первое и часто повторяемое имъ слово его проповѣди (Греч. Прологъ подъ 26 ноября). Когда онъ прибылъ на островъ съ Востока, проповѣдь его сначала не возбудила сочувствія въ жителяхъ, такъ что онъ долженъ былъ терпѣть оскорбленія. Но кротость въ обращеніи и трогательность рѣчи скоро привлекли къ нему сердца Критянъ, и въ два года мусульманство изгнано съ острова, христіанство водворено и церкви возстановлены. Въ византійскихъ извѣстіяхъ о завоеваніи Крита упоминается, что часть войска, высланнаго Никифоромъ Фокою противъ Сарацинъ, состояла изъ Россовъ и азійскихъ народовъ.

При Алексіи Комнинѣ Критъ отложился было отъ Византіи, но скоро опять при томъ же императорѣ подчиненъ его власти. Послѣ взятія Константинополя крестоносцами, Критъ, по распоряженію Балдуина, графа Фландрскаго, при раздѣлѣ областей имперіи между крестоносцами, достался въ 1204 году во владѣніе Бонифацію Монферратскому, который продалъ его Венеціанской республикѣ за 100.000 марокъ серебра. Узнавъ о продажѣ острова, Генуэзцы на пяти корабляхъ и на 24 триремахъ, подъ видомъ торговыхъ сношеній, пристали къ Криту и, принятые жителями дружелюбно, овладѣли островомъ и послѣ того занялись укрѣпленіемъ его въ двѣнадцати главныхъ пунктахъ. Но венеціанскій дожъ Дандоло въ 1206 году отнялъ у нихъ Кандію, и спустя шесть лѣтъ послѣ того при дожѣ Пьетро Зіани прибыла туда первая венеціанская колонія. Островъ былъ раздѣленъ на 234 кавалеріи, изъ которыхъ каждая состояла подъ начальствомъ

Digitized by Google

одного изъ венеціанскихъ дворянъ. Въ 1267 году Генуэзцы вторично сдѣлали нападеніе на островъ и взяли Канею. Изъ Венеціи посланъ былъ генералъ-проведиторъ, который отнялъ у нихъ Канею, впрочемъ не ранѣе 1290 года. Хлопотъ Венеціи съ новымъ пріобрѣтеніемъ было не мало: она должна была защищать оное отъ безчисленнаго множества морскихъ разбойниковъ; но эти заботы не заслужили ей привязанности Кандійцевъ, которые много разъ возмущались противъ своихъ повелителей. Варда Калерджи овладѣлъ крѣпостію Селиносомъ, и Венеціане должны были употребить не мало усилій, чтобъ возвратить ее, и взяли ее приступомъ (1333). Изъ Италіи послѣдовали новыя эмиграціи, но это не предохранило отъ возмущеній со стороны Критянъ. Въ 1363 году, при дожѣ Лоренцо Челъса, они рѣшились предаться Генуэзцамъ и съ трудомъ были усмирены. Папа Урбанъ V обѣщалъ индульгенцію всякому, кто приметъ участіе въ походѣ Венеціанъ противъ взбунтовавшихся Критянъ. Съ 1367 года безпокойства на островѣ покончились. Изъ Венеціи отправлена была коммиссія, которая раздала села и деревни въ ленное владѣніе 545 италіянскимъ фамиліямъ.

II.

Во время продолжительнаго господства Венеціанъ на островѣ Кандія, ея населеніе не хотѣло и не могло слиться въ одно съ Венеціанами, которые трактовали Кандіотовъ слишкомъ грубо, нисколько не интересуясь страною, ея дорогими воспоминаніями, нравами и выгодами ея жителей. Земля дорога для нихъ была тѣмъ только, что они могли дѣлить ее на ленные участки. Греки потеряли всякое вліяніе на островѣ; чиновники присылаемы туда были чрезъ каждые два года сенатомъ изъ Венеціи. Кромѣ потери гражданскаго значенія, Греки притѣсняемы были въ дѣлѣ религіи. Венеціане построили въ Кандіи римско-католическій соборъ въ честь апостола Тита, огромный монастырь минноритовъ, нѣсколько костеловъ и коллегій, и учредили нѣсколько римско-католическихъ епархій. Было время, что Грекамъ запрещали отправлять свое богослуженіе; доходныя статьи греческихъ епископовъ вмѣстѣ съ гражданскими почестями переданы были епископамъ римско-католическимъ. Все это усилило ненависть Грековъ

Digitized by Google

къ Венеціанамъ, и въ XV вѣкѣ, когда Турки овладѣли Константинополемъ, кандійскіе Греки выражали желаніе лучше быть подъ игомъ Турокъ, нежели Венеціанъ. Опасаясь грозныхъ сосѣдей, Венеціане стали укрѣплять города, и нужда укрѣпленія скоро дала себя почувствовать: въ 1538 году Хереддинъ напалъ на Канею, овладѣлъ крѣпостію Милопотамо и на слѣдующій годъ разрушилъ Селиносъ. Въ 1571 году султанъ Селимъ II, по внушенію кандійскихъ Грековъ, озлобленныхъ на Венеціанъ, сдѣлалъ высадку на островѣ, опустошилъ окрестности Канеи и сжегъ Ретимо. Въ это время населеніе Крита значительно уменьшилось; многія семейства Грековъ отъ притѣсненія со стороны Венеціанъ эмигрировали въ Египетъ. Въ 1577 году греческое населеніе острова простиралось только до 184.000 человѣкъ и, какъ говорятъ, уменьшилось противъ прежняго на двѣ трети. Генералъ-проведиторъ Фоскарини, прибывшій въ Кандію около этого времени, разными улучшеніями остановилъ эмиграцію Критянъ, и населеніе острова къ половинѣ XVII вѣка возросло до 260.000 человѣкъ.

Въ это время, именно въ 1645 году, въ правленіе султана Ибрагима I, началась въ Кандіи знаменитая война Турокъ съ Венеціанами, продолжавшаяся 25 лѣтъ. Внѣшнимъ поводомъ къ ней было то, что Мальтійцы близъ Карпатоса захватили турецкій корабль съ пилигримами, и потомъ останавливались на пути въ Мальту въ одномъ кандійскомъ рейдѣ, запаслись тамъ свѣжими припасами и сдѣлали подарки венеціанскому коменданту Кандіи. За то, что Венеціане не воспрепятствовали остановкѣ Мальтійцевъ у Кандіи, султанъ объявилъ имъ войну, и въ іюлѣ 1645 года огромный турецкій флотъ съ 74.000 человѣкъ войска и съ 50 осадными орудіями, подъ командою Юссуфа-паши, подступилъ къ Кандіи. Турки начали блокаду Канеи и скоро овладѣли ею, а на слѣдующій годъ взяли Ретимо. Республика обратилась съ просьбою о помощи къ европейскимъ державамъ, но въ это время въ Европѣ свирѣпствовала Тридцатилѣтняя война, и только послѣ Вестфальскаго мира (октябрь 1648) открылась возможность дать помощь Венеціи. Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1648 года Турки начали осаду города Кандіи. Сердарь Гуссейнъ-паша овладѣлъ двумя фортами, но въ августѣ, когда онъ предпринялъ общій штурмъ, онъ былъ отбитъ; въ августѣ слѣдующаго года не удался Туркамъ и второй приступъ.

Digitized by Google

Въ войскѣ турецкомъ открылся бунтъ; нѣсколько полковъ янычарскихъ бѣжали въ Константинополь, и у Гуссейна осталось только 10.000 человѣкъ. У Венеціанъ, получившихъ отъ Европы подкрѣпленіе въ 1.000 человѣкъ, считалось также до 10.000 человѣкъ. Венеція обращалась за помощію и къ Россіи: въ 1656 году въ Москву явилось венеціанское посольство съ просьбой, чтобъ царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ донскимъ казакамъ напасть на Турокъ и отвлечь ихъ силы; но въ это время у царя кончилась война съ Польшею и начиналась война со Швеціей, и онъ черезъ посла своего Чемоданова просилъ республику снабдить его заимообразно деньгами, обѣщаясь, когда управится съ своими непріятелями, идти на общаго христіанскаго врага. Но венеціанское правительство отвѣчало русскому послу: „Уже тринадцатый годъ какъ мы воюемъ съ Турками; разумъ нашъ и охота наша не ослабѣваютъ, но казнѣ убытокъ большой, и потому съ прискорбіемъ мы должны отказать царскому величеству; надѣемся, что узнавши бѣдность нашу, онъ на насъ не прогнѣвается.“ Не получивъ помощи отъ Россіи, республика нашла себѣ поддержку въ войскахъ, присланныхъ отъ папы, Франціи и Мальты. Въ августѣ 1660 года Венеціане вмѣстѣ съ союзниками, состоявшими подъ командою принца д'Эстѣ, сдѣлали высадку на островъ, и отнявъ у Турокъ одинъ фортъ, готовились овладѣть Канеею. Но сердарь Катирджогду поспѣшилъ на помощь Канеи, и десантъ принужденъ былъ возвратиться на суда. Кандійскій гарнизонъ, съ удаленіемъ къ Канеѣ сердаря, хотѣлъ воспользоваться уменьшеніемъ турецкаго осаднаго войска, сдѣлалъ вылазку, но потерпѣлъ неудачу съ потерею 1.500 человѣкъ. Покушеніе овладѣть Канеею повторилось въ 1666 году; Венеціане, подъ начальствомъ Гирона де-Вилла-Нуова, съ 8.000 человѣкъ устремились къ Канеѣ, но вслѣдствіе продолжительныхъ дождей и отсутствія дисциплины въ войскѣ, Вилла-Нуова безъ успѣха возвратился въ Кандію. Послѣ Темесварскаго мира (1664), которымъ кончилась война Турціи съ Австріей, Турки могли обратить больше силъ на осаждаемый островъ, и въ маѣ 1667 года великій визирь съ Ахметъ-пашею египетскимъ двинулись къ городу Кандіи съ 78.000 человѣкъ. Это войско раздѣлено было на три части и должно было дѣйствовать въ одно время съ трехъ сторонъ; противъ укрѣпленій Турки открыли пальбу изъ 55

Digitized by Google

пушекъ и 11 мортиръ. Не имѣвъ однако, несмотря на такія силы, надлежащаго успѣха, Турки усилили войну подземную, взорвали 182 подкопа, но и осаждающіе отвѣчали имъ тѣмъ же, взорвавъ 153 подкопа. Вилла-Нуова неоднократно дѣлалъ сильныя вылазки, но безполезно, и непріятель нѣсколько разъ ходилъ на штурмъ, но также неудачно. Ряды войска съ той и съ другой стороны уменьшались. Турки въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ 1667 года потеряли 20.000 человѣкъ, а осажденные до 7.000 человѣкъ, кромѣ 2.000 женщинъ и дѣтей, помогавшихъ въ земляныхъ работахъ. Въ слѣдующемъ 1668 году на мѣсто Вилла-Нуова, отозваннаго правительствомъ, главнымъ начальникомъ крѣпости поступилъ маркизъ Дюпюи.

О положеніи дѣлъ на островѣ Кандіи въ послѣднее время этой страшной осады, съ которою имѣетъ много сходства знаменитая осада Севастополя, сохранилось современное отечественное извѣстіе. Московскій торговый иноземецъ Томасъ Келдерманъ, посланный въ 1668 году отъ царя Алексѣя Михайловича съ грамотою къ венеціанскому дожу (Бертуцыюсу Валерію), въ своей запискѣ сообщилъ о кандійскихъ дѣлахъ слѣдующія свѣдѣнія: „У князя венецѣйскаго и у всего сенату съ салтаномъ турскимъ въ Кандійскомъ островѣ война безпрестанная, и къ городу Кандіи приступы турецкіе бываютъ частые, а какъ война зачалась, и тому нынѣ уже 24 годъ. И въ прошломъ-де во 172 (1664) году турскій салтанъ недалеко отъ Кандіи поставилъ на острову городокъ, которому прозваніе дано новая Кандія. И послѣ того въ прошломъ же въ 175 (1667) году въ маѣ мѣсяцѣ салтанъ турской прислалъ 80.000 воинскихъ людей и городъ Кандію осадили, и съ того числа и по се время чинятъ въ Кандіи страшные и жестокіе приступы. А въ Кандіи осадныхъ людей въ то время было 13.000, которыхъ по се время отъ жестокихъ приступовъ осталось только съ 6.000 человѣкъ. И отъ жестокой турской пушечной стрѣльбы въ Кандіи палаты и дворы зѣло разбиты, и ратные люди живутъ въ погребахъ и въ ямахъ. И нынѣ недавно салтанъ же турской прислалъ подъ Кандію воинскихъ людей въ прибавку къ прежнимъ 40.000 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ; и приступы къ городу чинятъ страшнѣе первыхъ, и подъ городовую стѣну подошли гораздо близко. А которые венецѣйскіе воинскіе люди стояли подъ городомъ на каторгахъ (на галерахъ) для

Digitized by Google

опасенья отъ Турковъ моремъ, и тѣхъ всѣхъ взяли къ себѣ въ Кандію на помочь, потому что въ городѣ гораздо мало-людно. Да Венеціяномъ же посторонніе государи дали ратныхъ людей на помочь: цезарской 3.000 человѣкъ, гишпанской король 2.000 человѣкъ; папа Венеціяномъ же чинитъ великую помочь деньгами и людьми; только Венеціяне гораздо того опасаются, чтобъ Турки чего надъ Кандіею не учинили до тѣхъ мѣстъ, покамѣста тѣ цезарскіе и гишпанскіе ратные люди на помочь къ нимъ будутъ. Да въ нынѣшнемъ же не въ давномъ времени прислалъ салтанъ турской къ Венеціяномъ, чтобъ они о добромъ дѣлѣ и о покоѣ договариваться прислали къ нему посла своего, и князь венеціѣйскій посла своего къ нему послалъ, именемъ Олоксихъ Молина. Да слышалъ я подлинно, что Венеціяне посылали къ англинскому королю и къ галанскимъ статомъ, просячи о помочи той же своей Кандіи, въ которой король и статы имъ отказали для того, что у нихъ заводы и торги великіе учинены съ Турками."

Келдерманъ пробылъ въ Венеціи съ 18-го августа до 8-го сентября 1668 года. Въ это время, именно 26-го августа, Турки, разрушивъ подкопами стѣну одного бастіона, сдѣлали штурмъ, но были отбиты съ страшнымъ урономъ. Число храбрыхъ защитниковъ Кандіи въ это время уменьшилось до 5.000 человѣкъ, но вскорѣ они получили подкрѣпленіе; прибыли вспомогательныя войска отъ герцога Лотарингскаго, французскіе рыцари съ герцогомъ д'Обюссономъ и 300 мальтійскихъ рыцарей. Осажденные ожили, стали дѣлать вылазки, и оттѣсняли нѣсколько разъ Турокъ, но только на время. Въ маѣ слѣдующаго 1669 года Турки овладѣли весьма важнымъ для осажденныхъ бастіономъ Св. Андрея. Глубокое уныніе овладѣло героями, но въ половинѣ іюня на помощь къ нимъ прибылъ французскій флотъ съ 6.000 человѣкъ войска, подъ командою герцога де-Ноаль; въ началѣ іюля прибыла еще эскадра изъ 7 папскихъ, 15 французскихъ и 7 мальтійскихъ судовъ. 24-го іюля 80 судовъ стали полукружіемъ противъ непріятеля для подкрѣпленія вылазки, которую Кандійцы должны были сдѣлать изъ крѣпости, но случилась бѣда: одно французское судно взлетѣло на воздухъ и привело въ безпорядокъ весь флотъ; вылазки изъ крѣпости не послѣдовало. Французы послѣ того сдѣлали нѣсколько вылазокъ, выдержали нѣсколько штурмовъ, число

Digitized by Google

ихъ уменьшилось до 2.500 человѣкъ, и въ концѣ августа они оставили Кандію и отплыли во Францію. Когда гарнизонъ Кандіи болѣе и болѣе уменьшался, когда укрѣпленія были большею частію разрушены, и нельзя было долѣе держаться, общимъ совѣтомъ рѣшено было начать переговоры съ Турками. 28-го сентября, Кандійцы сдали городъ и островъ великому визирю. По договору, за Венеціей остались только порты: Корабуза, Зуда и Спиналонга. Во все время этой осады, замѣчательной по ея продолжительности и необычайной храбрости защитниковъ, Турки 56 разъ ходили на приступъ и потеряли убитыми и ранеными 120.000 человѣкъ; осажденные сдѣлали 86 вылазокъ и лишились 30.000 человѣкъ, и три крѣпости на Кандіи современемъ перешли отъ Венеціанъ въ руки Турокъ; одну изъ нихъ, Грабузу, двое калабрійскихъ офицеровъ, служившихъ въ гарнизонѣ крѣпости, вслѣдствіе неудовольствія на коменданта, передали Туркамъ въ 1692 году; другія двѣ добровольно уступлены венеціанскимъ сенатомъ султану Ахмету III въ 1715 г., вслѣдствіе сознанія безполезности и невыгодъ для Венеціи, сопряженныхъ съ владѣніемъ этими остатками долгаго владычества Венеціанъ на островѣ.

Турецкое иго, смѣнившее владычество Венеціанъ, перенесло Кандіотовъ изъ огня въ полымя. Всѣ христіане, способные носить оружіе, обложены были поголовною податью—*харачемъ*. Имъ не давали никакой служебной должности, не принимали даже въ ряды войска, если кто не обратится въ мусульманство. Островъ подчиненъ былъ правленію трехъ пашей, которые имѣли резиденцію въ Кандіи, въ Ретимо и въ Канеѣ; въ своемъ округѣ каждый изъ нихъ имѣлъ право жизни и смерти надъ жителями. Понятно, какія страшныя притѣсненія должны были терпѣть несчастные Греки; они не могли считать себя безопасными владѣтелями собственности; семейное ихъ положеніе ничѣмъ не было обезпечено; ни одинъ Грекъ не смѣлъ жениться безъ позволенія аги, которое онъ долженъ былъ покупать деньгами или подарками. Сластолюбіе мусульманъ производило множество потрясающихъ сценъ въ недрахъ христіанскихъ семействъ. Турнфоръ, бывшій въ Кандіи въ самомъ началѣ прошедшаго столѣтія, разказываетъ, что Турки вздумали построить въ Кандіи мечеть и пригнали на работу изъ окрестныхъ деревень множество Грековъ; имъ давали, говоритъ онъ, больше палочныхъ уда-

Digitized by Google

ровъ, нежели кусковъ хлѣба. Религіозное положеніе Грековъ было также весьма печальное; имъ запрещено было поправлять церкви и монастыри и звонить въ колокола; и только вслѣдствіе денежной сдѣлки съ пашей давались имъ нѣкоторыя льготы и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ. Въ 1779 году канейскій епископъ сѣлъ на лошадь, чтобъ ѣхать по нуждамъ своей епархіи; мусульманское населеніе подняло шумъ и хотѣло его сжечь. Паша спасъ его жизнь только выдачею приказа, чтобы Греки не смѣли болѣе жить въ Канеѣ. Впрочемъ, черезъ два мѣсяца, Греки поднесли пашѣ порядочную сумму денегъ, и приказъ былъ отмѣненъ.

Слѣдствіемъ притѣсненій было то, что многіе Греки, еще въ раннюю пору владычества Турокъ надъ островомъ, стали переходить въ магометанство. Есть свидѣтельство, что вскорѣ послѣ завоеванія Турками острова, изъ 100.000 Грековъ, обязанныхъ платить харачъ, 60.000 человѣкъ сдѣлались отступниками. Однакожь эта измѣна вѣрѣ, вызванная, конечно, недостаткомъ терпѣнія, а не силою убѣжденія, не могла убить во многихъ изъ нихъ начала христіанства, глубоко внѣдрившихся въ ихъ духовной природѣ; эти мусульмане-Кандіоты, по выраженію одного путешественника, не что иное какъ только переодѣтые Греки. Таковы въ особенности Курмулидэ, которые заселили всю западную сторону долины Мессарской, и которые отличаются особеннымъ покровительствомъ христіанамъ.

III.

Пришло наконецъ время Грекамъ поднять знамя свободы. Въ 1821 году, при извѣстіи о возстаніи континентальной Греціи и успѣхахъ Маврокордато, Ипсиланти, Колокотрони, Боцариса и другихъ, радостно забились сердца кандійскихъ Грековъ. Мусульмане, какъ водится, подали сигналъ къ убійствамъ; епископъ Киссамоса, отведенный въ Канею, былъ преданъ ярости мусульманъ, которые полунагаго тащили его за бороду по всему городу, потомъ повѣсили. Сфакіоты сдѣлались ядромъ возстанія; послѣ первыхъ стычекъ ихъ съ мусульманами на долинѣ Керамійской, мусульмане 30-го іюня получили отъ паши дозволеніе умерщвлять безъ разбору всѣхъ Грековъ. Въ іюлѣ двадцать селеній и нѣсколько монастырей были сожжены, женщины

Digitized by Google

обезчещены и проданы. Въ то же время Сфакіоты расположились въ Малаксѣ и Альмиронѣ, чтобъ отрѣзать Туркамъ сообщенія. Въ августѣ, несмотря на противодѣйствіе Сфакіотовъ, паша проникъ въ ихъ горы и хотѣлъ стать лагеремъ въ Аскифѣ, но другіе отряды, шедшіе на соединеніе съ нимъ, были разбиты на-голову въ одномъ ущеліи, по которому нужно было имъ проходить; бѣжавшіе Турки были преслѣдуемы по всѣмъ направленіямъ, 900 человѣкъ было убито, захвачено много муловъ съ провизіей и три полевыя пушки. Съ своей стороны и Турки жестоко стали раздѣлываться съ христіанами. Въ городѣ Кандіи митрополитъ, пять епископовъ, четыре священника и болѣе семидесяти христіанъ были зарѣзаны у алтаря въ соборной церкви, куда они скрылись. Чрезъ нѣсколько часовъ злодѣйски умерщвлено было еще 600 человѣкъ. На слѣдующій день столько же безоружныхъ христіанъ было убито въ сосѣднихъ округахъ: Педіадѣ, Теменосѣ и Малевизи. Эти жестокости, вмѣсто того чтобъ остановить возстаніе, только усиливали оное, и менѣе чѣмъ въ годъ мусульмане изгнаны были христіанами изъ деревень и принуждены были укрыться въ приморскихъ укрѣпленіяхъ.

Въ 1822 году вице-король египетскій послалъ на островъ, подъ командой Хассанъ-паши, 7.000 арнаутовъ или Албанцевъ. Города были приведены къ вѣрности султану, но мѣстныя затрудненія и смерть Хассанъ-паши были причиною, что Турки не достигли рѣшительнаго успѣха. Дѣло ограничилось опустошительными набѣгами, покрывшими землю грудой развалинъ, и вылазками изъ городовъ съ цѣлію разорять христіанскія селенія, рубить и жечь виноградники и масличныя деревья, похищать хлѣбъ и стада. Впрочемъ, и христіане платили Туркамъ тѣмъ же и проносили опустошенія до самыхъ городскихъ стѣнъ. Кандіотами руководилъ между прочими одинъ храбрый Французъ Балестъ, который первый организовалъ изъ греческихъ палликаровъ регулярные отряды; онъ прибылъ изъ Мореи въ Кандію и принялъ начальство надъ бандами Кандіотовъ. Но въ іюнѣ 1822 года онъ палъ жертвой одного измѣнника Комнена Аффендули, который хотѣлъ вѣроломно предать кандійское дѣло Измаилъ-пашѣ, намѣстнику Мегметъ-Али, вице-короля египетскаго. Комненъ сталъ было во главѣ инсургентовъ, но его коварный умыселъ во-время открылся, и въ предво-

Digitized by Google

дители Кандіотовъ поступилъ храбрый Мануилъ Томбази, съ острова Идры. Въ 1823 году онъ занялъ Киссамосъ. Но въ слѣдующемъ 1824 году у береговъ Кандіи явился египетскій флотъ, подъ командой Исмаилъ-Гибралтара, и успѣлъ высадить на островъ значительный отрядъ войска. Командовавшій имъ Мустафа-бей напалъ на Критянъ при Амургеліи, разбилъ ихъ и затѣмъ проникъ во внутренность острова, принуждая жителей огнемъ и мечомъ къ покорности. Критъ былъ завоеванъ, но обладаніе имъ могло быть прочно въ томъ только случаѣ, еслибъ Египтяне успѣли подчинить себѣ также островъ Казосъ, чего они и достигли въ іюнѣ того же года. Главный начальникъ египетскихъ войскъ, Ибрагимъ-паша сынъ Мегметъ-Али, считалъ послѣ того легкимъ для себя завоеваніе прочихъ острововъ и всей Мореи, но двукратная битва съ греческимъ флотомъ при Будрунѣ заставила его отказаться пока отъ своихъ намѣреній, и въ ноябрѣ онъ принужденъ былъ удалиться въ Кандію. Въ Мессарѣ во главѣ возстанія были Курмулидэ, которые съ 1821 года сбросили съ себя маску; мусульмане, раздраженные тѣмъ, что были въ обольщеніи насчетъ ихъ почти два вѣка, разсвирѣпѣли противъ нихъ; въ странѣ равнинъ защита для Грековъ была затруднительна; 64 семьи, всѣ сколько ихъ тогда было, были окружены со всѣхъ сторонъ мусульманами, и два или три семейства съ трудомъ могли ускользнуть отъ убійства и бѣжать въ Морею. Ибрагимъ-паша выселилъ тысячи христіанъ съ острова; прочіе, избитые и застращенные, принялись за сельскія работы подъ обѣщаніемъ амнистіи.

Послѣ морской битвы при Наваринѣ (8-го октября 1827 г.) Греки овладѣли Грабузою и сдѣлали ее центромъ военныхъ дѣйствій; Грабуза обратилась въ пріютъ пиратовъ, которые впрочемъ скоро удалились на горы къ Сфакіотамъ. Жестокости со стороны мусульманъ начались снова, возстаніе открылось съ бо́льшею силой, и Турки опять побѣжали изъ деревень въ укрѣпленія. 8-го марта 1828 года, президентъ Греціи, Каподистрія, объявилъ островъ въ блокадномъ положеніи, которое было строго поддерживаемо греческою эскадрой. Тогда внутренняя борьба на островѣ приняла характеръ болѣе кровавый, ибо мусульмане видѣли, что имъ осталось или покинуть островъ, или погибнуть съ голоду въ городахъ, которыхъ христіане между тѣмъ не могли взять.

Digitized by Google

убійства особенно были сильны въ городѣ Кандіи. Канейскій паша, Мустафа, перешелъ горы и овладѣлъ крѣпостію Франко, но на возвратномъ пути былъ аттакованъ и потерялъ бо́льшую часть своей конницы.

Между тѣмъ три союзныя державы, Россія, Франція и Англія, еще въ іюлѣ 1827 года составили договоръ, которымъ постановлено было совокупно предложить отъ нихъ посредничество Портѣ, для прекращенія борьбы ея съ Греками. Въ силу этого договора, Турція сохраняла свое верховное владычество въ Греціи, но обезпечивала ей на будущее время свободу вѣроисповѣданія, торговли, управленія и проч. Турецкій кабинетъ отказался принять это посредничество, и слѣдствіемъ того была блокада греческихъ областей и острововъ, за исключеніемъ на этотъ разъ Самоса и Крита, и—Наваринская битва. Когда и послѣ этого Порта оставалась упорною въ своемъ рѣшеніи, посланники союзныхъ державъ оставили Константинополь, и 14-го апрѣля 1828 года Россія объявила Турціи войну, которая вскорѣ ознаменовалась необыкновенными успѣхами русскаго оружія. Въ сентябрѣ появился въ Морее французскій экспедиціонный корпусъ, и Ибрагимъ-паша долженъ былъ удалиться оттуда. Каподистрія требовалъ, чтобы французскій флотъ принялъ участіе въ экспедиціи противъ Крита, но Англія не согласилась на это, предоставивъ дѣйствовать тамъ одному греческому флоту.

Успѣхи русской арміи, которая своими быстрыми и рѣшительными дѣйствіями рѣзко отдѣлялась отъ союзниковъ, возбудили зависть въ Лондонскомъ кабинетѣ, который склонилъ на свою сторону и Францію и предложилъ принять всѣ мѣры къ разрѣшенію греческаго вопроса еще до окончанія войны Россіи съ Портой. Въ Лондонѣ составились конференціи, на которыхъ рѣшено было образовать новое греческое государство, во внутреннее управленіе котораго Турки не должны были вмѣшиваться; границей этого государства на сѣверъ назначена линія отъ залива Воло до Артскаго залива. Протоколъ этотъ подписанъ уполномоченными трехъ державъ, 22-го марта 1829 года. Порта не согласилась принять этихъ условій, и только послѣ взятія Русскими Адріанополя сдѣлалась уступчивѣе. Послѣ Адріанопольскаго мира (2-го сентября 1829 года) рѣшено было признать Грецію независимымъ государствомъ, но при этомъ Англія потребова-

Digitized by Google

ла, ради своихъ интересовъ, именно изъ опасенія сосѣдства Грековъ съ Іоническими островами, измѣнить протоколъ 22-го марта относительно границъ новаго греческаго государства; положено было провести пограничную линію на сѣверъ отъ устья Ахелоя до устья Сперхія, то-есть уступить султану всю Акарнанію и значительную часть Этоліи, равно какъ оставить подъ его владычествомъ Критъ и Самосъ. Королемъ Греціи избранъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій. Протоколъ съ такими постановленіями подписанъ 3-го февраля 1830 года. Такъ жестоко обмануты были надежды несчастныхъ Кандіотовъ, которые такъ усердно участвовали въ греческой борьбѣ за независимость, и которые громко заявляли свое желаніе присоединиться къ новому государству греческому! Греческій сенатъ подалъ новоизбранному государю адресъ, въ которомъ Греки сильно возставали противъ границъ, опредѣленныхъ протоколомъ 3-го февраля, и требовали, чтобы Критъ и Самосъ были присоединены къ Греціи. Леопольдъ вполнѣ раздѣлялъ справедливость этихъ требованій, но онъ не достигъ измѣненія протокола, и все дѣло ограничилось только тѣмъ, что союзныя державы 30-го апрѣля передали Портѣ тождественную ноту слѣдующаго содержанія: „Въ силу обязательствъ, заключенныхъ ими по взаимному соглашенію, онѣ считаютъ долгомъ оградить жителей Кандіи и Самоса отъ всякой реакціи, по поводу ихъ участія въ прежнихъ событіяхъ, требуя отъ Порты, чтобъ это огражденіе было закрѣплено такими положительными уставами, которые, возстановляя древнія преимущества населенія, или даруя ему преимущества, необходимость коихъ дознана опытомъ, послужили бы мѣстному населенію дѣйствительнымъ обезпеченіемъ противъ произвольныхъ и притѣснительныхъ мѣръ.“

Согласившись принять эти обезпеченія, Порта обнаружила вполнѣ свое непріязненное расположеніе къ требованіямъ союзныхъ державъ, уступивъ Кандію вице-королю египетскому въ награду будто бы за услуги, оказанныя имъ въ войнѣ противъ Грековъ. Критскіе христіане съ горестію приняли опредѣленіе о присоединеніи острова къ Египту; Они собрали уже суда въ Зудѣ, какъ вдругъ появилась тамъ эскадра египетская; Греки смутились и принуждены были согласиться подпасть новому игу, на нихъ возложенному. На островъ высадился Османъ Нурадинъ-бей съ дву-

Digitized by Google

мя египетскими полками, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Кандія приведена къ повиновенію новому властителю.

Со времени турецкаго завоеванія въ XVII вѣкѣ, Критъ былъ раздѣленъ на три пашалыка. Мегметъ-Али соединилъ ихъ въ одинъ и губернаторомъ назначилъ одного изъ своихъ родственниковъ, Албанца Мустафа-пашу. Вмѣстѣ съ дядею своимъ, Хассаномъ, онъ употреблялъ крутыя мѣры противъ населенія острова, и былъ страшенъ даже для мусульманъ. Всѣ Критяне безъ различія вѣроисповѣданія были волею или неволею обезоружены; изъ христіанъ многіе удалились въ Морею и на Циклады. Составлены были два смѣшанные совѣта изъ христіанъ и мусульманъ въ Кандіи и Канеѣ для судопроизводства; два другіе совѣта съ значеніемъ апелляціонныхъ учреждены въ Ретимо и Сфакіи. Въ Судѣ учрежденъ лазаретъ и порученъ надзору доктора Капораля изъ Смирны. Своимъ управленіемъ Мустафа-паша доказалъ, что онъ вполнѣ готовъ подражать своему знаменитому родственнику; въ продолженіе своего долголѣтняго губернаторства, онъ высасывалъ богатства острова неслыханнымъ образомъ. Отъ однихъ только сдѣланныхъ имъ конфискацій онъ получилъ до пяти милліоновъ драхмъ. Память о его насиліяхъ, притѣсненіяхъ и грабежахъ до сихъ поръ еще жива на островѣ. Рѣзче всего бросается въ глаза то обстоятельство, что занимая высшую правительственную должность, онъ однакожь производилъ обширную торговлю, въ которой естественно никто не могъ и не смѣлъ съ нимъ соперничать.

Горькая участь Кандіотовъ вскорѣ еще болѣе ухудшилась вслѣдствіе новыхъ тягостныхъ распоряженій вице-короля; въ 1832 году, по случаю войны своей съ Портою, Мегметъ-Али наложилъ новые налоги на земледѣльцевъ, усилилъ строгость въ разсужденіи сбора харача, отдалъ на откупъ продажу вина и табаку въ городахъ, предположилъ даже учредить монополію на масло и мыло. Жители Крита еще болѣе уныли. Въ августѣ 1833 года, когда Мегметъ-Али былъ въ Кандіи, онъ объявилъ, что готовъ выслушать жалобы поселянъ на тягость налоговъ, на невыносимость палочныхъ ударовъ и на обиды отъ арнаутовъ; но паша не допустилъ до этого и представилъ ему адресъ съ выраженіемъ полнаго довольства управленіемъ со стороны Грековъ. Мегметъ-Али побылъ нѣсколько времени на островѣ и при

Digitized by Google

отъѣздѣ выдалъ приказъ относительно воздѣлыванія земли, котораго непосредственнымъ результатомъ была конфискація большей части лучшихъ участковъ земли на островѣ и приведеніе жителей въ положеніе феллаховъ. При чтеніи этого приказа, въ одной деревнѣ на склонѣ Сфакійскихъ горъ Критянами овладѣло сильное раздраженіе; они подали жалобу консуламъ французскому, англійскому и русскому, собрались у Канеи и отказались платить налоги. Пріѣхавшій изъ Кандіи Мустафа-паша увидѣлъ, что словамъ его не вѣрятъ, и выжидалъ что̀ будетъ далѣе; испуганный народъ сталъ расходиться, а нѣсколько арестовъ совершенно разсѣяли собраніе. Получивъ о томъ донесеніе, Мегметъ-Али послалъ къ Кандіи Османъ-пашу съ флотомъ и съ строжайшими приказаніями. Сорокъ Критянъ были схвачены гдѣ попало и повѣшены, двое совѣтниковъ суда въ Кандіи и Канеѣ были заключены въ Грабузѣ; весь островъ пришелъ въ ужасъ. Протесты недовольныхъ сдавлены были страшною, неумолимою силой. Мегметъ-Али былъ въ Кандіи еще въ 1837 году; христіане принесли ему множество жалобъ и объявили, что они желали бы управленія, какое существуетъ въ Греціи; тогда онъ предложилъ имъ замѣнить харачъ налогомъ съ движимаго имѣнія, но они на это не согласились. Въ 1838 г. вице-король приказалъ перестроить водопроводы, доставлявшіе воду въ Кандію, что стоило до 500.000 піастровъ (28.000 р. с.); приказалъ также поправить укрѣпленія и улучшить порты и дороги. Но эти улучшенія легли новою тягостію на бѣдныхъ Кандіотовъ.

IV.

Послѣ знаменитаго паденія Акры, когда борьба Мегметъ-Али съ Портою кончилась такъ неудачно, Кандія въ силу трактата союзныхъ державъ, принятаго вице-королемъ 15-го ноября 1840 года, возвращена Турціи. Губернаторомъ остался тотъ же Мустафа-паша. Вскорѣ послѣ присоединенія къ Турціи, именно въ 1842 году, въ западной части острова вспыхнуло возстаніе, которымъ руководилъ Херетисъ. Но оно было довольно скоро подавлено, и Херетисъ бѣжалъ въ Аѳины, гдѣ получилъ мѣсто директора королевскаго училища. Мустафа-паша управлялъ Критомъ до конца 1852 года; въ это время онъ былъ вызванъ въ Константинополь

Digitized by Google

и былъ тамъ нѣсколько времени великимъ визиремъ. На мѣсто его губернаторомъ Кандіи назначенъ Мегметъ-Эмин-паша, который оставилъ по себѣ въ Кандіи хорошія воспоминанія. На его мѣсто поступилъ въ октябрѣ 1855 года старшій сынъ Мустафа-паши, Вели-паша, бывшій турецкимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ. При немъ резиденціею правительства сдѣлана Канея, и онъ имѣлъ при себѣ двухъ каймакановъ, назначаемыхъ Портою, пашу кандійскаго и бея ретимійскаго. 18-го октября 1856 года, въ Кандіи было сильное землетрясеніе, отъ котораго погибло 500 человѣкъ; во многихъ мѣстахъ разсѣлись вершины горъ и изъ отверстыхъ пропастей потекли источники. Болѣе всѣхъ пострадалъ городъ Кандія. Замѣчательно, что посреди общаго бѣдствія устояли венеціанскія строенія, домы и укрѣпленія. Вели-паша устроилъ въ Кандіи и въ Канеѣ двѣ городскихъ больницы и вскорѣ послѣ этого назначилъ муниципальные сборы на содержаніе больницъ, на освѣщеніе городовъ и на поддержаніе чистоты улицъ. Кромѣ устройства больницъ, Вели-паша вздумалъ основать народное училище вмѣстѣ и для Грековъ и для Турокъ, и на всемъ берегу провести дороги, для соединенія столицы съ другими портами острова, и наложилъ по этому случаю на жителей налогъ деньгами и рабочими днями. Но заведенію народнаго училища по мысли губернатора Греки не сочувствовали: они боялись, что школы вытѣснятъ греческій языкъ, что дѣтей ихъ отуречатъ. И на проложеніе дорогъ они смотрѣли подозрительно; кромѣ того, что для нихъ обременительны были новые сборы, они опасались, что новыя дороги проложатъ Туркамъ доступъ въ горы, гдѣ они обыкновенно собирались во время возстанія. Они представляли съ своей стороны, что сообщеніе между портами существуетъ моремъ и поэтому дорогъ по морскому берегу не нужно. Несмотря на эти заявленія, Вели-паша продолжалъ дѣлать затѣянное имъ дѣло; въ концѣ іюля 1857 года начались дорожныя работы въ Ретимо, но онѣ шли медленно за недостаткомъ рабочихъ рукъ и тачекъ; постройка училища между тѣмъ приходила къ концу, какъ Греки произвели противъ губернатора демонстрацію и отказались платить деньги на устройство дороги. Въ маѣ слѣдующаго 1858 года волненіе Кандіотовъ разгорѣлось вслѣдствіе новаго требованія Порты, которая замѣнила харачъ платою за выкупъ отъ рекрутской

Digitized by Google

повинности и потребовала взноса сразу и за 1858 годъ и за два предыдущіе.

Возстаніе начали жители нѣсколькихъ мѣстечекъ Кандійскаго округа; они взялись за оружіе и овладѣли укрѣпленною позиціей Малаксомъ. Вели-паша былъ въ это время въ Ираклионѣ, и узнавъ о возмущеніи, послалъ туда небольшой отрядъ войска. Но Кандіоты потребовали, чтобъ имъ дозволено было вести переговоры съ губернаторомъ въ присутствіи иностранныхъ консуловъ. Тогда Вели-паша усилилъ отрядъ, передъ воротами каждаго дома разставилъ часовыхъ и велѣлъ захватить въ семействахъ сыновей. Ихъ стали вязать; но женщины, приведенныя въ отчаяніе, бросились на войско; началась яростная борьба, не обошедшаяся безъ кровопролитія. 20-го мая Кандіоты составили совѣщаніе и написали на имя иностранныхъ консуловъ слѣдующую просьбу, которая раскрываетъ предъ нами страшную картину притѣсненій, причиненныхъ имъ Вели-пашею: „Мы не думаемъ возставать противъ государя нашего Абдулъ-Меджида, но возстаемъ только противъ постыднаго и своевольнаго поведенія губернатора, который насъ притѣсняетъ. Вамъ извѣстно, что парижскій конгрессъ объявилъ, что и христіанскіе подданные Порты должны подлежать конскрипціи, но Порта потребовала, чтобы христіане откупались податью. За 16.000 солдатъ опредѣлено выкупа 62.500.000 піастровъ, и на нашъ островъ пало 965.000 піастровъ; намъ объявлено, что эта сумма должна быть внесена вдругъ за нынѣшній годъ и за два предшествовавшіе. Надобно было бы созвать мѣстныхъ старостъ, чтобъ опредѣлить способъ сбора. Но этого не сдѣлали. Губернаторъ даже не обнародовалъ постановленія, а разослалъ своихъ чиновниковъ, чтобъ обложить жителей острова. Затѣмъ исчислено число молодыхъ людей, подлежащихъ военной службѣ, мусульманъ и христіанъ, и поэтому назначена выкупная сумма и разложена на однихъ христіанъ. Въ рекрутскихъ спискахъ значились столѣтніе старцы и грудные младенцы. Въ одной деревнѣ изъ 200 жителей нашли, во время сбора подати, 150 человѣкъ, которымъ и приказано было платить: какъ будто всѣ они подлежали военной службѣ; прочіе 50 должны были платить въ тѣхъ деревняхъ гдѣ находились для работъ. Такія распоряженія много разъ повторялись. Мы собрались у воротъ Канеи, чтобы представить наши жалобы. Мы требуемъ, чтобы гу-

Digitized by Google

бернаторъ выѣхалъ съ острова, потому что онъ пристрастный судья, хочетъ принудить христіанъ къ отступничеству, противится избранію ходатая за христіанъ въ Константинополѣ, отправляетъ нашихъ земляковъ безъ причинъ на галеры, наложилъ на насъ поголовную подать въ 54 піастра и работы по дорогамъ, кромѣ того подать въ три піастра за мѣру вина, девять піастровъ за каждое оружіе, четыре піастра за рабочій скотъ, налогъ на имущество въ два процента, даже десятину съ соломы, а по смерти христіанина кади имѣетъ право конфисковать все его имущество и повергать вдову и дѣтей въ нищету. Провинція истощена, масличныя деревья побиты морозомъ, виноградники страждутъ отъ болѣзни, скотъ отъ падежей, и мы должны снискивать пропитаніе извнѣ. Въ этомъ положеніи мы едва можемъ оплачивать прежнія законныя подати и не въ состояніи нести новыхъ. Умоляемъ васъ о защитѣ."

Въ этотъ же самый день, 20-го мая, Вели-паша собралъ у себя совѣтъ, въ который, кромѣ митрополита критскаго, не уважаемаго христіанскимъ населеніемъ острова, призванъ былъ любимый Кандіотами кидонійскій епископъ Каллистъ. Губернаторъ, укоривъ Каллиста, что въ возмущеніи виноватъ онъ, приказалъ ему идти убѣждать христіанъ къ уплатѣ подати и къ покорности и подписать составленное въ губернаторской канцеляріи письмо на имя иностранныхъ консуловъ, въ которомъ увѣрялось, что Кандіоты—разбойники, бунтовщики, виновные въ ужасныхъ неистовствахъ, и требовалось, чтобы консулы воздержались отъ всякаго къ нимъ сочувствія. Епископъ отказался подписать письмо, хотя ему и грозили смертію. Тогда паша приказалъ подвергнуть его палочнымъ ударамъ, отъ которыхъ чрезъ нѣсколько минутъ онъ лишился чувствъ. Его бросили въ повозку, чтобъ отвезти домой, но онъ умеръ на дорогѣ. Это обстоятельство произвело страшное впечатлѣніе на христіанъ. Паша распускалъ слухъ, что епископъ умеръ отъ удара, но этому никто не вѣрилъ, и несмотря на приказъ совершить погребеніе безъ всякихъ церемоній, тысячи христіанъ сошлись на погребеніе, а иностранные консулы, которые также были на погребеніи, подняли траурные флаги, протестуя такимъ образомъ противъ поведенія Вели-паши. Возстаніе послѣ этого усилилось. 27-го числа поднялись Сфакіоты, 29-го и 31-го Вели паша получилъ отъ Турціи 1.500 человѣкъ подкрѣпленія и

Digitized by Google

открыто возбуждалъ мусульманъ къ рѣзнѣ христіанъ. Албанцы, высадившіеся въ Зудѣ, бросились на сосѣднія деревни и совершали гнуснѣйшія варварства. Въ Гераклионѣ и Ретимо Турки предались также ужаснымъ неистовствамъ противъ христіанъ. Кандіоты медлили однако вступить въ борьбу съ турецкимъ войскомъ, дожидаясь, какой будетъ отвѣтъ султана на ихъ просьбу о смѣнѣ Вели-паши, и изъявитъ ли согласіе вступиться за нихъ христіанская Европа. До полученія этихъ извѣстій они думали удалиться въ горы. Нѣсколько сотъ Кандіотовъ бѣжали отъ опасностей въ Грецію, или на острова Архипелага. Между тѣмъ Вели-паша послалъ отвѣтъ въ Константинополь на обвиненія, сдѣланныя противъ него христіанами; въ этомъ отвѣтѣ онъ оправдывался общими мѣстами, говорилъ, что христіанъ никогда не притѣснялъ и не обременялъ налогами. Порта прислала въ Кандію, въ качествѣ комиссаровъ, адмирала Ахметъ-пашу и Рамзи-эффенди, для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Комиссары обѣщались устранить поводы къ жалобамъ, но Кандіоты требовали фирмана за порукою великихъ державъ и отозванія Вели-паши. Дѣло кончилось тѣмъ, что Порта издала прокламацію въ 10 пунктахъ, которою дарована была амнистія всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи, дозволялось христіанамъ имѣть оружіе, обѣщано, что все, относящееся къ религіи, будетъ исполняемо по точному смыслу гатти-гумайюна, что способъ распредѣленія податей будетъ пересмотрѣнъ, что требованіе относительно подати съ соломы будетъ представлено на усмотрѣніе Порты и султану будетъ сдѣланъ докладъ объ отмѣнѣ этой подати, что сборщики податей, которыхъ народъ обвиняетъ во многихъ злоупотребленіяхъ, будутъ отданы подъ судъ и т. д. Въ заключеніе всего Вели-паша былъ смѣненъ, несмотря на просьбы своего вліятельнаго отца, и на его мѣсто назначенъ министръ народнаго просвѣщенія Сами-паша. Дѣло повидимому улаживалось мирно; но въ началѣ іюля одинъ Грекъ-слуга за оскорбленіе себя убилъ своего хозяина-мусульманина, торговавшаго въ Канеѣ. Турки разсвирѣпѣли, брошеннаго въ тюрьму Грека вытащили оттуда и, не снимая съ него цѣпей, на веревкѣ поволокли по улицамъ города. Скоро Кандіоты увидѣли обезображенный трупъ своего единовѣрца. Мусульмане пустились во всевозможныя неистовства, которыя не прекратились и съ пріѣздомъ новаго губернатора. Тогда Кан-

Digitized by Google

діоты подали консуламъ новую просьбу такого содержанія: „Мы вновь протестуемъ передъ вами противъ кровавыхъ и постыдныхъ неистовствъ, которыя безпрестанно претерпѣваемъ отъ Турокъ. До сихъ поръ переносили мы ихъ молча. Теперь просимъ васъ, какъ можно скорѣе, представить ихъ Высокой Портѣ, чрезъ ваши посольства въ Константинополѣ, дабы она прекратила наши страданія. 1) Турки умертвили христіанъ въ южной части провинціи безъ малѣйшей къ тому причины; 2) они оскорбили и изуродовали женщинъ той же провинціи, ограбивъ сперва все ихъ имущество. 3) они ограбили всѣхъ встрѣтившихся имъ; 4) они ужасно избили аркадійскаго епископа, хотѣвшаго скрыться въ вѣрное убѣжище. Остановя его на дорогѣ, снявъ съ него одежду и отнявъ деньги, они выщипали ему бороду и избили его, оставя на мѣстѣ въ самомъ жалкомъ положеніи; 5) они вездѣ срубили и сожгли оливковыя и другія фруктовыя деревья; 6) они вездѣ пожали поля христіанъ, а гдѣ не могли, тамъ все истребили; 7) связавъ мужьямъ руки и ноги, они безчестили при нихъ женъ и дочерей; 8) они похитили изъ монастыря Св. Георгія 17.000 піастровъ деньгами и на 20.000 драгоцѣнныхъ вещей; 9) прикладами разломали они двери въ двухъ церквахъ, въ которыхъ разбили образа, переломали панікадила и священные сосуды; изъ гробницъ же вынули смертные останки и стрѣляли по нимъ изъ ружей. Мы глубоко поражены были не казнію христіанина за то, что онъ убилъ садомскаго Турку, посягавшаго на его честь, но звѣрствомъ, съ которымъ влачили трупъ его на веревкѣ по улицамъ. Мы не можемъ переносить болѣе подобныхъ поступковъ. Съ отчаяніемъ въ душѣ умоляемъ васъ представить наши страданія Высокой Портѣ, чтобы султанъ сжалился надъ нами.“ Чтобъ успокоить волненіе, которое поддерживаемо было 10.000 вооруженныхъ Грековъ, Сами-паша выдалъ 28 іюля прокламацію, которою Порта обязалась выполнить требованія Кандіотовъ, но не въ томъ видѣ, какъ это изображено въ первой прокламаціи; нѣкоторые пункты были написаны обманно, о нѣкоторыхъ требованіяхъ христіанъ не было упомянуто, и Кандіоты, принявъ прокламацію, попросили дозволеніе дополнить ее и исправить. Сами-паша долженъ былъ на все согласиться, и волненіе тѣмъ покончилось. Въ началѣ августа адмиралъ Ахметъ-паша отправился въ Константинополь. При отъѣздѣ адмирала, Гре-

Digitized by Google

ки цѣловали у него руки, прося не забывать христіанскаго населенія острова, къ которому онъ былъ такъ благосклоненъ. Они отправили султану адресъ съ изъявленіемъ благодарности за его заботы объ улучшеніи ихъ положенія. Но очарованіе Кандіотовъ по случаю сдѣланныхъ имъ отъ правительства уступокъ скоро миновало: Сами-паша оказался истымъ блюстителемъ только турецкихъ интересовъ. Когда вслѣдствіе правъ, данныхъ имъ новымъ актомъ, Греки стали покупать оружіе, Сами-паша сильно возсталъ противъ этого. Для возстановленія будто бы общественнаго порядка, онъ потребовалъ себѣ 700 человѣкъ турецкаго войска, которое употребилъ въ дѣло при сборѣ податей. Христіане видѣли, что имъ не довѣряютъ, что многія статьи новыхъ постановленій не исполняются, и скрѣпя сердце ожидали, что когда-нибудь будетъ имъ выходъ изъ ихъ горькаго положенія.

Въ 1861 году губернаторомъ острова назначенъ Измаилъ-паша, родомъ изъ христіанъ. Надежды Кандіотовъ оживились, но скоро они увидѣли, что и новый губернаторъ не принесъ имъ никакой льготы отъ тяжкаго турецкаго ига. Деспотизмъ продолжалъ существовать во всей силѣ: обременительные налоги, усиленные въ 1862 году, давили христіанское населеніе острова. Не стало, наконецъ, терпѣнія у Кандіотовъ: въ апрѣлѣ прошедшаго 1866 года, они отправили своихъ представителей въ Канею, резиденцію губернатора и иностранныхъ консуловъ, съ тѣмъ чтобы протестовать противъ претерпѣваемыхъ ими угнетеній и потребовать для устраненія ихъ европейскаго посредничества. Представители собрались со всѣхъ пунктовъ острова въ Кущнарію, отстоящую на часъ пути отъ Канеи. Съ ними были епископы Кидоніи и Киссамоса и нѣсколько тысячъ народа, впрочемъ, безоружнаго. Начались совѣщанія, которыя велены были весьма воздержно; и безпорядковъ не случилось никакихъ. Составлена была и подписана петиція султану съ изложеніемъ всѣхъ неудовольствій критскаго народа. Въ петиціи они жаловались на произвольные аресты и другія притѣсненія, которыя испытываютъ отъ турецкихъ властей; просили ввести менѣе обременительные налоги, указывали на то, что съ нихъ берутъ въ годъ 56.355.000 піастровъ — сумму, равную всѣмъ получаемымъ съ острова доходамъ; просили о преобразованіи судопроизводства, такъ

Digitized by Google

какъ при тогдашнемъ порядкѣ очень часто заинтересованная сторона бывала судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ; просили также о допущеніи христіанъ къ свидѣтельству въ судахъ и обнародованіи судебныхъ приговоровъ не на одномъ турецкомъ, но и на греческомъ языкѣ; просили устройства новыхъ портовъ и учрежденія земледѣльческаго банка. Эти требованія Кандіоты утверждали на правахъ, гарантированныхъ имъ покровительствующими державами на основаніи трактатовъ и протоколовъ, и на правахъ, которыя султанъ обѣщалъ имъ гатти-шерифомъ 3-го февраля 1856 года. Цѣлые три мѣсяца не было отвѣта на петицію Кандіотовъ отъ блистательной Порты. Наконецъ, въ Критъ двинулось 22.000 турецкаго и египетскаго войска, и 22-го іюля великій визирь написалъ Измаилъ-пашѣ: „Объявить Кандіотамъ, что если они будутъ упорствовать въ своемъ преступномъ поведеніи, то будутъ разсѣяны силой и потерпятъ строжайшія наказанія; а если не уступятъ и послѣ этого объявленія, то вы прикажите войскамъ аттаковать ихъ, арестовать и отправить въ крѣпости предводителей и разогнать всѣхъ остальныхъ.“ Паша приступилъ къ исполненію предписанія. Тогда Кандіоты подняли знамя съ изображеніемъ Спасителя и вступили въ кровавую борьбу съ своимъ врагомъ стародавнимъ. Девятый мѣсяцъ энергически ведутъ христіане эту борьбу, и дай Богъ, чтобы знаменіе креста восторжествовало надъ луною!

С. СМИРНОВЪ.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БОЛГАРА

Хотя въ послѣднія два-три десятилѣтія на разныхъ языкахъ издано множество путешествій по Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи, эти страны до сихъ поръ еще считаются однако какою-то terra incognita. Всѣ путешествія, за исключеніемъ В. И. Григоровича, Ами Буэ, Киприана Роберта и Гана, * писаны для легкаго чтенія; изслѣдованій народнаго быта въ нихъ не ищите. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Турціи, Лежанъ, недавно напечаталъ этнографію этого края съ картою, ** но и его трудъ далеко неудовлетворителенъ,—не полонъ, за то переполненъ ошибками. Сличая карту Шафарика *** съ картой Лежана, мы убѣдились, что первая несравненно вѣрнѣе и точнѣе; и гдѣ только Лежанъ отступалъ отъ карты Шафарика и слушался, какъ самъ говоритъ, учителей и молодыхъ Молдаванъ, составлявшихъ, по приказанію турецкаго правительства, статистику Турціи, тамъ у него вышла чрезвычайная путаница. Такъ, напримѣръ, пашалыки Варненскій, Шумлянскій, Силистренскій и вся вообще Добруджа на картѣ его населены Турками, тогда какъ всякому извѣстно, что въ этомъ краѣ магометанъ (считая Татаръ и Черкесовъ) почти столь же какъ

* Григоровича: *Очеркъ ученаго путешествія по Турціи.* Казань 1848 г.; Amie Boué. *La Turquie d'Europe.* Paris 1840 г.; C. Robert: *Les Slaves de Turquie.* Paris; Ган: *Reise von Belgrad nach Salonik* (съ Denkschriften Вѣнской академіи наукъ, т. XI 1861 г.)

** *Slovansky Zemevid.* Praga 1842 г.

*** *Этнографическій Сборникъ*, т. VI, стр. 46.

Digitized by Google

и болгарскаго населенія. По тому же самому у Лежана очутилось порядочное количество Албанцевъ, будто бы населяющихъ значительное пространство Филиппопольскаго округа. Не споримъ, когда-нибудь могли жить въ этихъ мѣстахъ Албанцы, переселенные изъ Албаніи, какъ говоритъ Лежанъ, по повелѣнію султановъ, но въ настоящее-то время тутъ живутъ Турки, называемые *крыдуселіями*, и какъ видно по ихъ языку, нравамъ и обычаямъ, они—переселенцы изъ Азіатской Турціи. Укажемъ еще на одну неточность Лежановой карты въ топографическомъ отношеніи. Городъ Татаръ-Пазарджикъ лежитъ на сѣверо-западъ отъ Филиппополя, въ разстояніи пяти-часовой ѣзды, то-есть въ 25 верстахъ (принимая часъ ѣзды за пять верстъ); отъ Филиппополя же до селенія Коприщицы (Аврамъ-Аланъ) двѣнадцать часовъ, или шестьдесятъ верстъ, такое же разстояніе и до селенія Панагюрища, лежащаго на западъ отъ Коприщицы: а на картѣ Лежана всѣ эти мѣстности находятся на одинаковомъ почти разстояніи. Мы могли бы указать на сотни подобныхъ ошибокъ, но дорожимъ временемъ: отъ невѣрной карты насъ тянетъ къ воспоминаніямъ о дорогой намъ Болгаріи, судьбы которой, быть-можетъ, скоро будутъ брошены на вѣсы міра....

I. Дорога изъ города Коприщицы до Филиппополя.

Изъ роднаго села или городка Коприщицы выѣхалъ я во время обѣда. Я ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи отца, братьевъ и дѣдушки, нашего слуги, сидѣвшаго на мулѣ, навьюченномъ моимъ богатствомъ, и, затѣмъ, моей матушки, сестеръ, тетокъ и другихъ членовъ семьи, которые бѣжали пѣшкомъ, провожая меня далеко за городъ. Шествіе продолжалось слишкомъ за десять верстъ, когда дѣдъ мой молча слѣзъ съ лошади и, указавъ пальцемъ на дерево, велѣлъ постлать подъ нимъ коверъ. По ковру разостлали бѣлую скатерть съ красными краями, разложили кушанья и питья: тутъ были жареныя индѣйки, цыплята, утки и гуси, а главное огромный пирогъ, называемый *млинъ*, и дюжины двѣ *бъклицъ* съ виномъ.

— Кушай, милое дитя мое, говорила мнѣ бабушка, отирая слезы, — кушай; кто знаетъ что̀ тебя ждетъ впереди, можетъ-быть—голодъ и нужда. Не кому будетъ и пирожка тебѣ испечь....

— Кушай, говорилъ мрачный, какъ Балканскія горы, и

Digitized by Google

сердитый дѣдъ,— кушай: до гостиницы еще цѣлыхъ пять часовъ ѣзды.

Разумѣется, мнѣ было не до ѣды и не до подчиванія. Провожавшіе меня принялись за кушанья, запивая ихъ добрымъ виномъ. Пришло время прощаться; дѣдушка схватилъ меня за руку и сказалъ со слезами, что̀ не мало удивило всѣхъ:

— Другъ мой! ты слушай только меня и будь увѣренъ, что въ послѣдствіи останешься доволенъ; а отца своего не слушай: онъ хочетъ изъ тебя сдѣлать чортъ знаетъ что̀. Не учись тамъ этой физикѣ, которая учитъ какъ вѣшать сыръ, да какъ запрягать быковъ, а лучше изучай божественныя вещи, да пожалуй еще турецкій языкъ. Право, чудаки—эти господа-грамотеи, продолжалъ дѣдъ, какъ бы говоря самъ съ собою,—вотъ хоть бы Найденъ Геровъ: ѣздилъ въ Россію, учился, тратилъ деньги; мы думали, что онъ и не вѣсть что̀ знаетъ, а вышло чортъ знаетъ что̀.

Отецъ не раздѣлялъ мнѣнія дѣда: онъ желалъ, чтобъ я учился по-гречески и сдѣлался бы въ послѣдствіи *тѣжскы терговецъ*, а потому и отправлялъ меня въ Филиппополь, въ тамошнее греческое училище. Но вотъ наконецъ простились, разцѣловались; матушка, бабушка и сестры залились слезами; тутъ было еще одно существо, которое заплакало обо мнѣ, и эти слезы и до сихъ поръ памятны моему сердцу.... Я былъ твердъ и не показывалъ вида, что мнѣ жалко разставаться съ близкими; но едва только они скрылись у меня изъ виду, сердце невольно сжалось отъ тоски, такъ и хотѣлось повернуть лошадь и помчаться домой. Мысль, что разлука настала,—разлука съ людьми, съ которыми прожилъ подъ одною кровлей семнадцать лѣтъ, выгнала изъ глазъ моихъ цѣлый потокъ слезъ. Но разъ выѣхавъ, нельзя же было ворочаться. Отъѣхавъ немного, догнали мы еще пять человѣкъ путниковъ: они тоже отправлялись въ городъ; мы начали подниматься въ гору, называемую Влахъ. Никогда не забуду переѣзда черезъ эту гору, представляющую одну изъ величественныхъ вѣтвей Балкана. Велъ я своего воронаго коня за поводъ по скользкой каменистой, кремнями усѣянной и висящей надъ пропастью дорогѣ, взбирался на крутизны, то цѣпляясь, какъ дикая кошка, за каждый кустъ и камушекъ; то съ замираніемъ сердца, съ трепетомъ во всемъ тѣлѣ спускался внизъ, скользя и падая безпрестанно; то опять

Digitized by Google

садился на лошадь и пробирался между деревьевъ, то и дѣло припадая къ лукѣ, чтобы защитить лицо отъ вѣтвей. Проѣхавъ нѣсколько, услыхали мы, что разбойники разгуливаютъ по лѣсамъ, что день тому назадъ ограбили они какихъ-то работниковъ, сняли съ нихъ даже башмаки. Какъ теперь вижу сборщика податей, толстаго до безобразія старика,—онъ задрожалъ со страху и каждую минуту взводилъ курокъ своего ружья; какъ теперь вижу стряпчаго, ходатая по дѣламъ Евреевъ, получающаго на свое прожитіе по полуимперіалу въ сутки,—трусилъ и этотъ. Ѣхали мы, и чуть только выставлялся гдѣ-нибудь букъ или дубъ, всѣ сдвигались въ кучку, оглядывались на всѣ стороны, осматривали свои ружья и пистолеты и клялись оказывать взаимную помощь въ случаѣ опасности; не приходило никому на мысль, что, при малѣйшей опасности, всѣ эти увѣренія развѣются какъ прахъ, и въ быстромъ бѣгѣ коней каждый будетъ искать спасенія. Посреди горы мы остановились у источника, отдохнули немного и снова пустились въ путь. Гора шла круче, и на вершинѣ ея мы увидѣли блескъ отъ ружій болгарскихъ *сейменовъ* (сторожей), стоявшихъ передъ *вардой* (сторожкой), выкрашенной бѣлою известью. Тутъ всѣ ожили и начали громко разговаривать; сборщикъ податей началъ издавать какіе-то звуки, похожіе на пѣсню, а жидовскій адвокатъ даже улыбнулся. Отдавъ лошадей сейменамъ, мы вошли въ варду.

Начальникъ сейменовъ (*билюкъ-баши*) сидѣлъ передъ огнемъ, скрестивши ноги, и курилъ длинную трубку. Мы сѣли съ нимъ рядомъ. Трубки и горькій кофе безъ сливокъ и безъ сахару, приготовленный самимъ начальникомъ стражей, были поданы, и нѣсколько минутъ всѣ молча курили и прихлебывали кофе. Когда каждый выпилъ по три чашки, сборщикъ податей заговорилъ:

— А что, билюкъ-баши, не слыхать ли чего про разбойниковъ?

— Слышно, отвѣчалъ тотъ важно, не поднимая головы:—еще третьяго дня ограбили они работниковъ Измаилъ-бея, но теперь должны быть далеко—боятся чтобы не схватили. Знаю я тѣхъ молодцовъ: то шайка Петка Криваго, что былъ знаменоносцемъ у Веля Мангыра. Болгаръ они не трогаютъ, вы можете ѣхать спокойно.

— Нѣтъ, нѣтъ, крикнулъ толстякъ,—ты долженъ насъ проводить, я везу въ городъ казенныя деньги.

Digitized by Google

Начальникъ всталъ, надѣлъ сѣрый кунтушъ съ крытымъ воротникомъ, взялъ ружье и съ пятью сеймепами пошелъ передъ нами пѣшкомъ. Когда мы доѣхали, или скорѣе дошли до какого-то источника, надъ которымъ росла огромная верба, билюкъ-баши оторвалъ отъ своего платья кусокъ и привязалъ къ суку вербы; примѣру его послѣдовали всѣ остальные. По дорогамъ часто встрѣчаешь источники, надъ которыми вербы увѣшаны разными тряпками, красными и бѣлыми нитками: это—жертвы, принесенныя *самодивамъ* (вила, самовила — русалка) *трясавицамъ* (лихорадкамъ), чтобъ онѣ не мучили путниковъ и дали бы имъ счастливо совершить путешествіе.

Сеймены или, какъ называютъ ихъ Болгары, *вардарьи* были большею частью Помаки изъ Ловечскаго округа. Это Болгары магометанской вѣры, живущіе въ Ловечскомъ округѣ и на Доспатскихъ горахъ; они занимаются скотоводствомъ, земледѣліемъ, или служатъ сторожами. Помаковъ насчитываютъ до 120 тысячъ человѣкъ. Какъ видно, они не очень давно обратились въ магометанство, ибо сохранили еще у себя старые христіанскіе обряды; имена ихъ и фамиліи еще христіанскія, болгарскія, только съ прибавленіемъ *оглу* (сынъ); напримѣръ: Панчо-оглу (Павловъ сынъ), Недѣлко-оглу (Недѣлковъ сынъ) и т. д. У нихъ, какъ и у Болгаръ, мать зажигаетъ восковую свѣчку на могилѣ сына или дочери, а вдова на могилѣ мужа; они празднуютъ нѣкоторые болгарскіе праздники, напримѣръ св. Георгія, Николы, Димитрія и др.; справляютъ и турецкій рамазанъ и байрамъ, и христіанскіе посты. У насъ жилъ въ услуженіи Помакъ Дурко; онъ ни за что не соглашался Великимъ постомъ съѣсть что-нибудь скоромное.

— Еслибы не грѣшно было ѣсть, вы сами бы ѣли. Я умнѣе что ли васъ? говорилъ онъ отцу, когда тотъ спрашивалъ, зачѣмъ онъ не приготовляетъ для себя скоромной пищи.

— Во что же ты вѣришь, Дурко? спрашивалъ отецъ.

— И самъ не знаю: насъ называютъ Помаками, Турками, а дѣды наши были *кауры*. *

---

* Турецкое *каурь*, болгарское *кавуринъ*—не нашей вѣры; слово *гяурь*, *гявурь* — безвѣрникъ, бранное слово. Слово кавуринъ нисколько не оскорбительно для Болгарина.

Digitized by Google

Во всю дорогу Помаки поютъ, почти не переставая, болгарскія пѣсни. Въ монотонномъ, печальномъ и грустномъ ихъ напѣвѣ слышится и несчастное ихъ положеніе, и душа замученная грубымъ суевѣріемъ. Содержаніе пѣсень разнообразно: они поютъ про народныхъ героевъ, про битвы съ Турками, про убійства, совершенныя ими, и о другихъ трагическихъ произшествіяхъ. Вотъ подстрочный переводъ одной пѣсни про Панчо-оглу; Помакъ въ ней представляется такимъ врагомъ Турка, какъ и всякій православный Болгаринъ:

Письмо пишетъ *юнакъ* Панчо-олу,
Посылаетъ другу, *побратиму*,
Байрактару Нану Болгарину:
„Ой, мой братецъ, Нано Болгарину!
Собирай-ка болгарскихъ юнаковъ,
Если можешь до десяти тысячъ,
И приходи во городъ, во Ловчѣ,
Чтобъ помогать брату, Панчо-олу;
Ибо идетъ на меня садразамъ
Со Турками и янычарами,
Съ низамами даже съ читаками; *
Меня хотятъ, какъ барана, связать
И провести черезъ городъ Ловечь,
По ловечскимъ широкимъ улицамъ,
И повѣсить на сухую вербу.“
Прочелъ письмо Нано воевода,
Собралъ Нано болгарскихъ юнаковъ,
И поспѣшилъ помощь подать брату.
Встрѣтилися Турки съ Помаками,
Съ Помаками, еще съ Болгарами;
Турки рѣжутъ, а Помаки колятъ,
Обагрили нивы и пастбища,
Кровь потекла, какъ съ горы источникъ,
Трупы лежатъ, какъ снопы на нивѣ.
Вотъ закричалъ юнакъ Панчо-олу:
„Послушай-ка ты, царскій садразамъ!
Не родился Помакъ отъ нѣжной Турчанки,
Не выросъ онъ въ шелку да въ бархатѣ,
Не кормился ни жирно, ни сладко,
Но родился отъ грубой Болгарки,
А выросъ онъ подъ дубомъ высокимъ,

* Презрительное названіе турецкихъ поселянъ.

Digitized by Google

Кормился же хлѣбомъ кукурузнымъ.*
Поднялъ саблю, и зарѣзалъ Турка.*

Хороши и лирическія пѣсни Помаковъ, воспѣвающія красоту горъ, полей, людей и скота, о добродѣтеляхъ и порокахъ и т. под. Но замѣчательнѣе всего то, что языкъ ловечскихъ Помаковъ чистъ, безъ турецкихъ словъ и оборотовъ рѣчи, звученъ и сохранилъ больше древлеславянскихъ формъ, чѣмъ языкъ другихъ Болгаръ. Нечего и говорить, что греческихъ словъ у Помаковъ меньше чѣмъ гдѣ-либо.

Послѣ двухчасовой ѣзды, спустились мы съ горы и поѣхали равниной, поросшей деревьями и кустарниками. Природа совершенно другая. Глазъ не встрѣчаетъ ни исполинскихъ дубовъ, ни стройныхъ сосенъ, ни красивыхъ буковъ, за то передъ вами огромный вѣтвистый грецкій орѣшникъ, грушевыя рощи, яблони и другія фруктовыя деревья. Поля засѣяны, земля тучная и плодородная, скотъ крупный и жирный. А люди?—бѣдняки!

Проѣхавъ еще двѣ или три версты, очутились мы у дверей гостиницы или, лучше сказать, корчмы, гдѣ можно было ночевать. За корчмой тянулось село Крастово, но его еще нельзя было видѣть, потому что все оно кругомъ обросло деревьями, а домá разбросаны на довольно далекое разстояніе одинъ отъ другаго. Сквозь небольшія окна корчмы блестѣлъ огонь, а внутри слышались различные голоса. Была надежда, что мы найдемъ тутъ ужинъ, а поужинать было время. Услыхавъ топотъ коней, хозяинъ, хозяйка и пара мальчиковъ, въ большихъ бараньихъ шапкахъ и въ однѣхъ сорочкахъ, выбѣжали къ намъ на встрѣчу, приняли лошадей и стали развьючивать ихъ, не обращая на насъ вниманія. Это объясняется очень просто. Въ Турціи, почти во всѣхъ *ханахъ* или *караванъ-сараяхъ*, плата полагается не за ночлегъ, а только за кормъ какъ людямъ, такъ и лошадямъ. Есть еще обычай, объясняющійся стариннымъ гостепріимствомъ Славянъ: хозяинъ гостиницы, хоть бы самой бѣдной, не только не беретъ денегъ съ путешественника за ночлегъ, но по воскресеньямъ угощаетъ всякаго пѣшехода обѣдомъ и ужиномъ. Путнику позволяется платить за вино, если толь-

* Подлинникъ пѣсни будетъ изданъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, гдѣ уже напечатанъ мой *Сборникъ болгарскихъ пѣсень*.

Digitized by Google

ко онъ того хочетъ. Несмотря на это, путникъ часто рискуетъ умереть съ голоду, по самой простой причинѣ — нечего ѣсть.

Мы вошли въ комнату, куда внесли и наши пожитки. Комната четырехугольная; въ одномъ углу стоятъ два огромные глиняные кувшина съ водой, въ другомъ лежитъ теленокъ, просунувъ морду между задними лапами; нѣсколько куръ сидятъ на полочкѣ надъ каминомъ; бѣлый козелъ стоитъ посреди комнаты и жуетъ жвачку,—вотъ обстановка болгарской корчмы, гостиной народа.... Разославъ свои ковры и положивъ на нихъ вмѣсто подушекъ чемоданчики, мы сдѣлали такимъ образомъ постели, а пока до сна пошли въ общую *парадную залу*. Здѣсь было все—и трактиръ, и лавка съ товарами, и кухмистерская, и кабакъ. Въ *огнищѣ*, вырытомъ посреди и окруженномъ камнями, горятъ дрова и освѣщаютъ комнату; дымъ проходитъ черезъ отверстіе въ крышу; днемъ комната освѣщается сверхъ того однимъ окномъ, а остальныя два обыкновенно бываютъ закрыты тряпками и старыми кунтушами, чтобы вѣтеръ не мѣшалъ дыму, а дымъ людямъ. Но напрасно: дымъ какъ будто не хочетъ уходить въ крышу и стоитъ облакомъ въ три фута вышиною. Кромѣ огня въ корчмѣ были еще три боченка съ виномъ, нѣсколько полуштофовъ съ водкой; прилавокъ, за которымъ подѣланы шкафчики, а въ нихъ рисъ, фасоли, бобы, лукъ и т. под. овощные товары; не подалеку отъ лавки кадушка съ дегтемъ; по стѣнамъ развѣшаны веревки и кнуты, а вокругъ огня, на низенькихъ треножныхъ скамейкахъ, сидятъ нѣсколько человѣкъ поселянъ, да сельскій священникъ съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородой. Оказалось, что ѣсть было нечего, то-есть ничего не нашлось варенаго. Сборщикъ податей засучилъ рукава и принялся самъ готовить.

— Ей, товарищи, пойдете-ль со мной въ *сборка*? кричалъ онъ, вертя въ рукахъ кухонный ножъ:—совѣтую вамъ не отказываться, кушанье будетъ на славу, просто ѣшь, но не объѣдайся.

Это значило, что сборщикъ податей хотѣлъ приготовить кушанье и за провизію деньги получить по ровной части со всѣхъ. Всѣ согласились, кромѣ жидовскаго адвоката. Этотъ вынулъ изъ своего чемодана кусокъ хлѣба, деревянную коробку съ овечьимъ сыромъ, головку луку, спросилъ у хозяина на десять паръ (1½ коп.) вина и

Digitized by Google

усѣлся совершать свою трапезу. Я вышелъ изъ хана побродить по селу. Удивили меня его бѣдность и неряшество тѣмъ болѣе, что я слыхалъ про обитателей подножій Балкана (въ Филиппопольской губерніи), что живутъ они хорошо.

Мы были ужь по ту сторону Балканскихъ горъ, то-есть въ Ѳракіи, гдѣ села, деревни и городки отличаются чистотою, а жители зажиточностью; гдѣ достатокъ виденъ въ скромной, но чистой и прочной одеждѣ домашняго издѣлія, во всей обстановкѣ домашней жизни, въ изобиліи скота и земледѣльческихъ снарядовъ, въ свѣжести и здоровьѣ людей. Болгары Филиппопольскаго округа—народъ земледѣльческій и пастушескій; богатства ихъ состоятъ преимущественно въ землѣ, въ овцахъ и коровахъ. Недовѣрчивые къ иностранцамъ, то-есть къ Грекамъ и Туркамъ, они любятъ другъ друга, какъ братья. Жестокость, кровожадность, всѣ эти мрачные пороки, которыми отличаются жители горныхъ странъ, совершенно чужды этимъ степнякамъ. Крастово здѣсь единственное бѣдное село. Причина бѣдности Крастовосельцевъ, какъ объяснялъ мнѣ потомъ священникъ, заключается въ слѣдующемъ. Въ Филиппополѣ жилъ Влъко, прозванный Голѣми (Большой) въ отличіе отъ Влъко Малаго. Эти два лица вмѣстѣ съ Стояномъ Чалыковымъ пользуются извѣстностью среди Болгаръ и въ исторіи болгарскаго образованія. Когда-нибудь мы опишемъ подробно ихъ жизнь, а теперь замѣтимъ лишь, что ими построено не мало болгарскихъ школъ и церквей. * Влъко былъ человѣкъ богатый и, какъ видно, нажилъ состояніе правдою и неправдою. Живя въ Филиппополѣ и бывши начальникомъ христіанъ того края, онъ частію посредствомъ денегъ, частію при помощи указовъ его султанскаго величества, завладѣлъ почти половиной земли, принадлежавшей Крастовосельцамъ, построилъ на ней огромный хуторъ, завелъ хозяйство и зажилъ настоящимъ бариномъ, по понятіямъ Европы. Говоримъ—по понятіямъ Европы, потому что въ Турціи сословій не существуетъ, и слова *баринъ* и *мужикъ* Болгарину непонятны. Съ тѣхъ поръ народъ въ селѣ Крастовѣ обѣднялъ, спился съ кругу и былъ принужденъ работать на богатаго *чорбаджію* почти даромъ. Послѣ смерти Влъка сыновья его, какъ во-

* См. Венелина—*О зародышѣ новоболгарской литературы* и Априлова—*Дѣницу*.

Digitized by Google

дится сплошь да рядомъ, стали помаленьку продавать пашни и луга поселянамъ, но поселяне уже успѣли привыкнуть къ лѣни и не могутъ поправиться до сихъ поръ.

— Повѣришь ли, говорилъ старый священникъ, — народъ такъ упалъ духомъ въ продолженіе десяти лѣтъ, что даже забылъ Бога и совѣсть: въ церковь не ходитъ, и вотъ до чего дошло, я беру турецкихъ сторожей выгонять православныхъ изъ кабаковъ и вести ихъ молиться Богу.

Изъ-за зелени садовъ, въ которыхъ утопало село, послышались мнѣ пѣсни Болгарокъ. Шла старуха за водой, неся пустыя тыквы, и я спросилъ у нея:

— Бабушка, гдѣ это поютъ?

— Тутъ не далеко, дитятко, сказала она: — это дѣвушки поютъ.... У нихъ *помогало*. И старушка показала мнѣ пальцемъ, гдѣ дѣвушки справляли помогало.

Я пошелъ, и встрѣтился съ прекрасною картиной. До трехъ дюжинъ дѣвицъ, разодѣтыхъ и разубранныхъ цвѣтами, сидѣли подъ грецкимъ орѣшникомъ, работали, смѣялись и пѣли; женщины, работая, разказывали сказки, а парни стояли молодцовато, облокотившись на плетень и лукаво посматривая на дѣвушекъ. Почти во всѣхъ мѣстахъ Турецкой имперіи, населенныхъ Славянами, молодыя женщины и дѣвушки собираются на эти *помогала*, родныя украинскимъ *вечерницамъ*, бѣлорусскимъ *толокамъ* и отчасти великорусскимъ *вечёркамъ*. Помогало собирается для того, чтобъ дружнымъ братскимъ усиліемъ, всѣмъ селомъ, всѣмъ міромъ, приготовить обрученной дѣвицѣ приданое. Помогало отличается отъ *тлаки* и *съдянки* тѣмъ, что на первой больше работаютъ, а на другихъ больше поютъ, пляшутъ и веселятся. Придя на это собраніе, я пѣлъ, плясалъ, прыгалъ какъ сумашедшій, и возвратился въ корчму уже поздно. Сборщикъ податей, увидя меня, вскочилъ на ноги и закричалъ: „Что это ты дѣлаешь? Я трудился, готовилъ ужинъ, и труды мои пропадаютъ!“ Я успокоилъ добраго человѣка, отдавъ ему деньги за свою часть, и съ удовольствіемъ съѣлъ небольшіе остатки общаго ужина.

На другой день мы встали въ четыре часа, по-турецки, сѣли на лошадей и отправились въ дальнѣйшій путь. Ѣхали мы тихо и осторожно, потому что дорога то была усѣяна каменьями, остатками отъ когда-то бывшей здѣсь мостовой, то шла черезъ лужи, столь глубокія, что нужно бы-

Digitized by Google

ло поднимать ноги вверхъ, чтобы не промочить ихъ. Дороги въ Болгаріи имѣютъ совершенно особое значеніе. Есть обычай, вѣроятно коренной славянскій, слѣдуя которому богатые Болгары, на старости лѣтъ, ради спасенія души своей, строятъ *кладенцы* и *чучуре* (фонтаны), дороги, мосты, подобно какъ Турки строятъ съ тою же цѣлью караванъ-сараи, бани и мечети. * Путешествія дѣлаются верхомъ, безъ перемѣны лошадей, слѣдовательно не очень скоро; потому вмѣсто станціи нужнѣе всего фонтанъ, а надъ нимъ *кёшкъ* (kiöскъ?), постройка съ крышей, со всѣхъ сторонъ открытая, гдѣ бы можно было укрыться отъ солнечнаго припёка, отдохнуть, поѣсть и напиться водицы. Дорога, обыкновенно шириной сажени въ четыре, вымащивается большими крупными камнями. Если случится рѣчка или оврагъ въ участкѣ строителя дороги, онъ строитъ мостъ или насыпь. Дорога, по которой мы ѣхали, когда-то была построена богатымъ Ходжи Калычовымъ. Бываютъ люди, которые строятъ дороги на нѣсколько сотъ верстъ. Если фонтанъ, гостиница или дорога по смерти строителя испортятся, кромѣ его семейства никто не имѣетъ права чинить ихъ; если же наслѣдники бѣдны и не могутъ поправить дороги, то пройдетъ столѣтіе, а путешественники все должны мучиться по испорченной дорогѣ, покоряясь *старому обычаю*, въ сущности очень почтенному, но нелѣпому. Говоря о старыхъ обычаяхъ, не должно, впрочемъ, забывать, что лишь вѣрность имъ,—вѣрность родной, коренной старинѣ,—и поддерживаетъ еще пока народъ болгарскій среди всѣхъ его бѣдствій и не даетъ ему умереть. Дайте болгарскому народу движеніе и выходъ, дайте жизнь *обычаю*,—передъ нимъ откроется путь новой, свѣжей, могучей исторической жизни.....

По испорченной дорогѣ ѣхали мы въ совершенной темнотѣ и раза два вытаскивали изъ лужи сборщика податей; наконецъ мѣсяцъ показался изъ-за горизонта, и мы добрались до турецкаго села Карамустафаларе. Эта мѣстность днемъ показалась бы дикою, но при свѣтѣ луны и ночныхъ тѣней представляла нѣкоторую прелесть. Отъ Карамустафаларе до Филиппополя растительность скудна, глазъ утомляет-

---

* См. *Болгарскія народныя пѣсни*, помѣщенныя у Мгладинова и Верковича, 1861 г. стр. 295, 296, 297; *Песме македонскога Бугара*, У Белграду, 1860 г., стр. 349—350.

Digitized by Google

ся однообразіемъ голыхъ степей, не попадается ни одного дерева, ни одного кустарника. Трава, иногда намъ попадавшаяся, казалось, ползла по землѣ, совсѣмъ не покрывая ее; самыя птицы, кромѣ сорокъ, казалось, убѣгали этой пустыни. Филиппополь стоитъ среди обширной степи, частію засѣянной сарачинскимъ пшеномъ, частію пустующей; эта степь тянется почти на полтораста верстъ. Поля принадлежатъ турецкимъ *беямъ* (князьямъ) — плантаторамъ, которые сѣятъ рисъ. Извѣстно, что рисъ растетъ только въ водѣ, а для этого устроена ирригація изъ рѣки Марицы. Вода проходитъ изъ одного четырехугольника въ другой; четырехугольники эти обрыты валами, и все поле кажется изрытымъ или какимъ-то гигантскимъ рѣшетомъ. Чтобы не истощать землю, беи одинъ годъ сѣятъ рисъ на югозападной сторонѣ города, оставляя сѣверовосточную безъ посѣва; а на другой наоборотъ. По милости канавъ и плотинъ ирригаціи, вокругъ города стоятъ гнилыя, вонючія болота, испускающія по вечерамъ и по утрамъ вредныя испаренія. Не удивительно, что въ Филиппополѣ лихорадки и холера свирѣпствуютъ каждый годъ.

Для обработки рисовыхъ полей Турки набирали изъ окрестностей болгарскихъ дѣвицъ и парней и заставляли ихъ работать почти даромъ. Работа была трудная, потому что, перекапывая или собирая рисъ, люди должны ходить по болоту въ водѣ по колѣна, а тутъ роятся и змѣи, и лягушки. Но, благодаря Бога, теперь это все-таки хоть немножко измѣнилось къ лучшему. * Въ 1854 году турецкое правительство запретило беямъ собирать *гарію* (барщину) или, какъ выражаются Болгары, *на харамъ* (на проклятое занятіе, на воровство). Оттого беи стали мало-по-малу разворяться, и есть надежда, что современемъ не будетъ ни одного бея, сѣящаго рисъ въ Филиппопольскомъ и Пазарджикскомъ округахъ. Было ли когда-нибудь въ Турціи крѣпостное право, какъ его понимаютъ въ Европѣ, неизвѣстно, но слѣды его остались въ Босніи. Турки, хорошо знающіе свои законы, говорятъ, что Боснія, Герцеговина и часть Сербіи принадлежали *спахіямъ* (помѣщикамъ), южная Ѳракія янычарамъ, а остальныя области лично султану и его

* По милости иностранцевъ, жившихъ въ Турціи во время и послѣ Севастопольской компаніи.

Digitized by Google

семейству; народъ платилъ подати, жилъ на своей землѣ и по своей волѣ, и не существовало крѣпостныхъ; если же и случалось, что бея заставляли Болгаръ работать безъ платы, такъ это было самоуправство паши и аяновъ. Мало того, султаны иногда налагали подати гораздо большія платимыхъ народомъ *спахіямъ*, а сборщики податей въ султанскихъ имѣніяхъ, выбираемые обыкновенно изъ Грековъ, Армянъ или Евреевъ, управлялись какъ хотѣли. У спахіевъ этого не было.

II. Филиппополь и его жители.

Филибе или Пловдивъ, какъ обыкновенно называютъ Филиппополь Болгары, одинъ изъ замѣчательныхъ городовъ Европейской Турціи, ведетъ дѣятельную торговлю съ Константинополемъ, Малою Азіей и Вѣной сарачинскимъ пшеномъ, хлѣбомъ, лѣсомъ, грубыми суконами домашней работы и сафьяномъ. Филиппополь построенъ на трехъ высокихъ холмахъ, рядомъ съ которыми высятся еще три скалистые, высокіе; на одномъ изъ нихъ построена башня съ городскими часами. Городъ очень красивъ, но только нужно на него смотрѣть какъ и на всѣ азіатскіе города — издали. Издали эти города очень красивы, но войдите въ улицы: онѣ кривы, грязны и вонючи. Когда мы приближались къ Филиппополю, меня приводили въ восторгъ мѣстоположеніе и живописность его строеній: дома, раскрашенные всевозможными красками, бѣлыя мечети съ минаретами, сады на кладбищахъ и свѣтлая, широкая Марица, отражавшая въ своихъ водахъ городскія окрестности. Но едва мы въѣхали въ городъ, все измѣнилось: лошади вязли и барахтались въ грязи по колѣна, качаясь вмѣстѣ съ нами изъ стороны въ сторону; мы затыкали носы, чтобъ не задохнуться отъ вони; въ уличныхъ лужахъ плавали дохлыя собаки, кошки, даже лошади.

Народонаселеніе города, составленное изъ сброда разныхъ національностей, пестро, какъ и самый городъ; здѣсь, кромѣ Болгаръ и Турокъ, живутъ Армяне, Жиды, Греки, Цыгане, Цынцары (Волохи), Венгры и Павликіяне (Болгары-католики). Всѣхъ жителей, по новому изслѣдованію турецкаго правительства, около 91.300.

Въ городѣ 13 церквей, изъ коихъ пять болгарскихъ, шесть

Digitized by Google

греческихъ, одна католическая, для Павликіянъ, и одна армянская; кромѣ того 31 мечеть и одна синагога. Церкви почти всѣ новыя, или перестроенныя въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ. Изъ турецкихъ мечетей замѣчательны *Джумая* (пятница), прежде церковь Параскевы-Пятницы, и *Имаретъ*, то-есть мечеть Маріи, прежде церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. Строенія этихъ мечетей древнія, историческія, но старинная живопись исчезла подъ зеленой краской и известкой, которыми покрыты теперь стѣны. Единственная древность—это старый крестъ, неизвѣстная икона и что-то похожее на окорокъ ветчины, которые висятъ надъ воротами Имарета. Преданіе разказываетъ слѣдующее: Когда Турки покорили южную Ѳракію и сдѣлали своею столицей Едрене (Адріанополь), султанъ Муратъ послалъ своего визиря покорить и Пловдивъ, но визирь не могъ исполнить султанскаго повелѣнія, потому что болгарскіе легіоны защищались храбро. Подъ предводительствомъ своего воеводы Николы, они разбили Турокъ на голову. Услыхавъ объ этомъ, Муратъ самъ отправился съ большимъ и отборнымъ войскомъ противъ Филиппополя, и повезъ съ собой свою жену, дочь болгарскаго царя Шишмана. Долго нападалъ султанъ на городъ, но приступы его были отбиваемы. Тогда Муратъ прибѣгнулъ къ хитрости: велѣлъ объявить Болгарамъ, что если они не отопрутъ воротъ, онъ подъ стѣнами крѣпости ихъ зарѣжетъ любимую Болгарами царевну, его жену. Болгарскіе *болъре* (бояре) и филиппопольскіе священники совсѣмъ уже было рѣшились отпереть ворота, но Сербы пришли къ нимъ на помощь, воротъ не отперли, и султанъ исполнилъ угрозу, казнилъ царевну. Бояре и священники, чтобъ отмстить Сербамъ, своимъ союзникамъ, за то, что они были причиной казни царевны, отворили ночью ворота, впустили султана и отвели его прямо въ сербскій лагерь, находившійся не подалеку отъ горы, называемой теперь Бунарджикъ, или *Гробъ краля Марка*. Тутъ султанъ велѣлъ отрубить у сербскихъ воеводъ головы, болгарскимъ же боярамъ и священникамъ далъ разныя льготы. Еще говорятъ, будто главный священникъ, то-есть протопопъ, былъ родомъ изъ Коприщицы, и потому до сихъ поръ турецкое правительство даритъ каждому священнику, вновь посвященному въ Филиппополь и Коприщицу, медали, которыя они носятъ на шапкахъ, привязывая бѣлыми лентами. Было время, когда

Digitized by Google

священники гордились этими медалями, теперь же носятъ ихъ только потому что велѣно.

Когда султанъ Муратъ воротился съ мѣста казни, говоритъ далѣе преданіе, и пошелъ помолиться и посмотрѣть церковь Успенія, то увидалъ, что жена его, живая и невредимая, смотритъ на него изъ царскихъ дверей. Муратъ испугался и побѣжалъ назадъ, но жена догнала его и сказала: „Ты погубилъ сербскихъ воеводъ, потому и самъ погибнешь отъ руки ихъ сыновей.“ Сказавъ, царевна исчезла. Муратъ велѣлъ обратить церковь въ мечеть, и когда входилъ въ нее молиться, всегда видѣлъ передъ собой грозившую ему убитую жену; тогда онъ велѣлъ перегородить церковь поперекъ. Но когда это было исполнено, надъ воротами невидимая рука царевны повѣсила свиной окорокъ, желѣзный крестъ и старый образъ. Султанъ велѣлъ снять ихъ и бросить въ рѣку, но на другое утро они опять очутились на своемъ мѣстѣ. Это повторялось нѣсколько разъ; наконецъ, Муратъ велѣлъ оставить ихъ надъ воротами, а самъ уѣхалъ въ Едрене. Пророчество царевны сбылось. Извѣстно, что султанъ Муратъ былъ убитъ въ своемъ лагерѣ на Косовомъ Полѣ Сербомъ Милошемъ Обиличемъ.

Въ церквахъ Филиппополя—почти все бѣлое духовенство изъ Болгаръ. Церкви вообще не богаты ризницей и церковными утварями, но имѣютъ все необходимое и ни въ чемъ не нуждаются; священники живутъ порядочно, а черное духовенство, которое все изъ Грековъ, даже роскошествовало. Теперь греческіе епископы и архіепископы изгнаны изъ многихъ городовъ Болгаріи, изгнаны и изъ Филиппополя. Священники въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца ходятъ, каждый въ своемъ приходѣ, по домамъ, кропитъ ихъ святою водою, и получаютъ за то опредѣленную плату. Кромѣ того, для сбора въ ихъ пользу стоятъ въ церквахъ кружки. Церковно-славянскія книги Болгары получали прежде изъ Россіи (изъ Кіева и Москвы), но турецкое правительство назначило въ Константинополѣ цензуру для этихъ книгъ, и теперь константинопольское болгарское общество стало печатать свои книги или въ Константинополѣ, или въ Бѣлградѣ.

Первые предметы, бросившіеся мнѣ въ глаза при въѣздѣ въ городъ, были турецкій дервишъ и египетскіе голуби. Въ Филиппополѣ живетъ орденъ дервишей, кажется, изъ вертящихся, съ своимъ начальникомъ, называемымъ *шехомъ*. Я

Digitized by Google

потомъ познакомился съ этимъ начальникомъ, и удивился не мало. Ему было не болѣе двѣнадцати лѣтъ; цѣлый день онъ или игралъ съ болгарскими мальчиками въ орѣхи (домъ его былъ въ болгарскихъ кварталахъ), или сидѣлъ въ лавочкѣ у Албанца, продавца бузы (просяной квасъ), халвы и печеной кукурузы. Шехъ имѣлъ гаремъ, доставшійся ему отъ отца, и одна изъ женъ его была удивительная красавица, хотя и старше своего мужа восемью годами: на ней онъ женился уже самъ. И этотъ-то мальчуганъ каждую пятницу, вечеромъ, возсѣдаетъ на своемъ тронѣ, въ зданіи называемомъ *теке*, а вокругъ его вертится цѣлая дюжина бѣлобородыхъ дервишей, одѣтыхъ въ бѣлыя платья; они цѣлуютъ у двѣнадцатилѣтняго своего начальника руку, туфли и колѣна. Дервишъ, попавшійся намъ на встрѣчу, былъ одинъ изъ подчиненныхъ шеху; онъ несъ чашку изъ кокосоваго орѣха, на серебряной цѣпочкѣ, и въ нее бросали какъ Турки такъ и христіане деньги, давали дервишу хлѣба, фрукты и т. п. Дервишъ пѣлъ пѣсню, совершенно безнравственную, хохоталъ, подплясывалъ и дразнилъ мальчиковъ, попадавшихся на встрѣчу. Вообще эти дервиши притворные сумасшедшіе, и нарочно дѣлаютъ все, что̀ пророкъ запрещаетъ дѣлать магометанамъ, напримѣръ: ѣдятъ свинину, пьютъ красное вино. Я говорю—красное вино, потому что водку и Турки и Турчанки въ настоящее время пьютъ, ссылаясь на то, что Магометъ запрещаетъ вино виноградное, а водка не изъ винограда дѣлается; притомъ же она черезъ огонь прошла, стало-быть очистилась. Дервиши и египетскіе голуби (по-болгарски *гърлицы*) составляютъ какъ бы неотъемлемую принадлежность всякаго турецкаго города. До сихъ поръ я еще не могу равнодушно слышать заунывное воркованье египетскихъ голубей, напоминающее мнѣ турецкій городъ, пустыню, безлюдье, кладбище, потому что эти птицы водятся только тамъ, гдѣ живутъ Турки. Вѣроятно имъ нравится тишина, и они летятъ прочь отъ веселыхъ кварталовъ, гдѣ люди поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся.

Въ Филиппополѣ нѣтъ общественныхъ зданій, кромѣ губернаторскаго дворца, митрополіи и гимназіи. Я не говорю о кафе-ресторанахъ, находящихся въ значительномъ количествѣ. Дворецъ паши (губернатора) стоитъ на берегу рѣки; кругомъ него обширный дворъ, гдѣ находятся: тюрьма, присутственныя мѣста, зданіе, называемое *тютюнъ-хана* (мѣ-

Digitized by Google

сто производства пытокъ) и т. д. Въ области паша то же самое что̀ въ Константинополѣ султанъ; это—тиранъ маленькаго размѣра, деспотъ на всѣ руки, и притомъ непремѣнно глупъ. Въ Турціи званія губернатора, полицеймейстера и другія пріобрѣтаются не заслугами, не достоинствами, а личнымъ благоволеніемъ султана, великаго визиря, *валиде-султанъ* (матери султана), пашей и т. п. Нерѣдко случается, что паша-министръ даетъ значительное мѣсто молодому человѣку, понравившемуся ему своею красивой наружностью.... Эти молодые люди сначала употребляются у султана и министровъ для услуженія: одинъ подаетъ трубку, другой кисетъ съ табакомъ, двое поддерживаютъ по обоимъ сторонамъ своего патрона, когда онъ ѣдетъ верхомъ и т. д. Происхожденіемъ они изъ племенъ, дошедшихъ теперь до крайняго отупѣнія, изъ Армянъ, азіатскихъ Грековъ и Евреевъ; воспитываются въ нравахъ и понятіяхъ магометанъ, и проводя молодость въ развратѣ, дѣлаются потомъ губернаторами и *аянами* (городничими). Впрочемъ въ Турціи паша назначается не для благосостоянія края; онъ живетъ и дѣйствуетъ не для чести или славы, но чтобы держать подлѣ себя стадо женщинъ, тупыхъ и развратныхъ, какъ и самъ онъ, стадо мальчиковъ, евнуховъ, пятьсотъ лошадей; чтобы жить не трудясь, не заботясь ни о завтрашнемъ днѣ, ни о будущности государства, ни о своей собственной будущности. Новоизбранный губернаторъ, прибывъ въ свою губернію, обыкновенно, первою обязанностью, первою добродѣтелью поставляетъ выказать строгость, сдѣлать нѣсколько прогулокъ по городу, разсмотрѣть порядокъ, нѣсколько человѣкъ казнить и нѣсколько посадить въ тюрьму. Такія мѣры даютъ высокое понятіе о добродѣтели и дѣятельности новаго губернатора, но султану неизвѣстно, что, за неимѣніемъ преступниковъ, страдаютъ бѣдные райи, какъ необходимая для губернаторскаго возвышенія жертва. Отъ писца до губернатора всѣ живутъ доходами отъ занимаемыхъ мѣстъ, потому что *жалованья* или вовсе не получаютъ, или получаютъ самое ничтожное. Кромѣ того всякій спѣшитъ выручить сумму, издержанную при полученіи мѣста. Такимъ образомъ все управленіе есть не что иное какъ грабежъ, возведенный въ систему,—грабежъ поселянъ, грабежъ купцовъ и *сарафовъ* (банкировъ); у послѣднихъ берутъ взаймы безъ отдачи. Несмотря на то, что

Digitized by Google

паши смѣняются почти ежегодно, — новый паша все-таки дѣйствуетъ обыкновенно такъже какъ и всѣ его предшественники.

Послѣ губернатора первое мѣсто занимаетъ *кади*. Занявъ мѣсто, кади первымъ долгомъ считаетъ смѣнить всѣхъ своихъ подчиненныхъ. За кади слѣдуютъ *тюфекчи-баши* (оберъ-полицеймейстеръ), потомъ члены совѣта, городской *чорбаджійй* (голова, изъ христіанъ) и т. д. Эти и многія другія должности продаются пашею или дарятся его поварамъ, *каведжіямъ*, конюхамъ и пр. Могутъ ли подобные управители имѣть что-нибудь общее съ пресловутымъ возрожденіемъ Турецкой имперіи? Можетъ ли существовать хоть тѣнь какого-нибудь соціальнаго порядка при такой администраціи, гдѣ не видно ничего кромѣ царства зла и пороковъ?

Посмотримъ на филиппопольскихъ Турокъ. Не имѣющіе состоянія и не занимавшіе правительственныхъ должностей— грубы, необразованны и почти незнакомы съ удобствами жизни; они какъ будто вѣкъ свой живутъ въ гостяхъ. Они крайне лѣнивы, расточительны и заражены всѣми грязными, скотскими пороками, которые, при бѣдности, выставляются еще ярче и отвратительнѣе. Подите въ турецкую кофейню: тамъ сидятъ, курятъ кальянъ, пьютъ горькое, безъ сахару, кофе, слушаютъ музыку и наслаждаются плясками *кёчековъ* (мальчики-плясуны), бѣдняки, называемые *чапкынами* (праздношатающіеся), — бѣдняки, у которыхъ нѣтъ земли, или есть, да они не хотятъ ее обрабатывать, считая такое дѣло унизительнымъ для правовѣрнаго Турка; не знаютъ они никакого ремесла, смотрятъ на трудъ какъ на что-то годное лишь для гяуровъ, и питаются только отъ грабежа и насилія. Это ли опора пресловутыхъ турецкихъ реформъ?

На камнѣ розы не растутъ.

III. Жители города и училища.

Въ Филиппополѣ я остановился у дяди; онъ жилъ на бойняхъ, помѣщавшихся на островѣ. Марица, протекая мимо города, дѣлится на два рукава и въ этомъ мѣстѣ образуетъ великолѣпно-живописный островъ, усаженный шелковичными деревьями. Городъ тянется и по лѣвому берегу рѣки, и эта часть называется Карши-ека (зарѣчный кусокъ); населена она Болгарами и Турками. На другой день по пріѣздѣ пришелъ ко мнѣ пріятель моего отца. Ему поручено было по-

Digitized by Google

мѣстить меня въ какое-нибудь греческое семейство. Этого человѣка звали Станё Батулъ; имя его никогда не изгладится изъ моей памяти: онъ всегда былъ для меня вторымъ отцомъ. Чтобы войдти прилично въ среду греческой семьи, нельзя же было носить шароваровъ съ заплатками; считалось даже неприличнымъ носить куртушъ изъ домашняго сукна, крытый барашкомъ, и Станё позаботился одѣть меня по модѣ, истративъ на это довольно денегъ. Потомъ онъ повелъ меня по единственной прямой улицѣ города, называемой у Турокъ Чершія, то-есть городъ. Народъ, словно муравьи, сновалъ взадъ и впередъ, толкался, кричалъ, ругался на-пропалую, будто было наводненіе или пожаръ. По обѣимъ сторонамъ улицы—лавки еврейскія и павликіянскія; впрочемъ, тутъ есть и нѣсколько турецкихъ, гдѣ Турки торгуютъ кожанымъ и шорнымъ товаромъ. Евреи въ Турціи говорятъ ломанымъ испанскимъ языкомъ, какъ въ Россіи нѣмецкимъ; они носятъ одежду длинную и цвѣтную: халатъ изъ демикатона, ситца или шерстяной матеріи; сверхъ халата суконное *джубе* (кафтанъ); на ногахъ желтыя или черныя туфли, а на головѣ феску, повязанную платкомъ. Евреи по большей части все банкиры или гуртовые торговцы, народъ честный, любятъ другъ друга и готовы помочь почти каждому человѣку, безъ различія лица, рода, племени и вѣры. Конечно, и между ними найдутся эгоисты и негодяи, но большинство все-таки состоитъ изъ людей добрыхъ и не фанатиковъ. Въ Турціи я не встрѣчалъ ни нищаго, ни вора, ни мошенника изъ Евреевъ: одно это уже говоритъ въ ихъ пользу, и дѣйствительно въ этомъ отношеніи они несравненно выше Грековцыцаровъ и Армянъ.... Еврейки одѣваются почти такъ же какъ и Турчанки, въ шаровары и *фередже* (верхняя одежда), только фередже у нихъ темнозеленаго цвѣта, обшито узорами, да кромѣ того онѣ носятъ чалму, повязанную сверху платкомъ; лица у нихъ открыты.

Мы вошли въ богатый кварталъ города, гдѣ живетъ филиппопольская аристократія, и постучались въ калитку одного богатаго дома. Дома въ Филиппополѣ, особенно богатые, представляютъ родъ крѣпости; они окружены со всѣхъ сторонъ каменною стѣной, и почти всѣ двухъэтажные. Верхній этажъ въ нѣкоторыхъ домахъ имѣетъ окна на улицу, а нижній только одну комнату съ *чекмой*, то-есть съ окошкомъ, похожимъ на фонарь, выдающійся наружу въ улицу, изъ ко-

Digitized by Google

тораго можно смотрѣть на три стороны. Въ комнатѣ, находящейся въ нижнемъ этажѣ, обыкновенно живутъ зимою; все прочее пространство дома занято кладовыми, чуланами и т. д. Каменьщики, строющіе дома,—Болгары изъ села Брѣзигово, а плотники изъ селъ Буново и Мирково (въ Софійскомъ пашалыкѣ). Принимаясь за постройку дома, они приносятъ съ собой всѣ древнія повѣрья. Такъ, когда покроютъ крышу, плотники ставятъ посреди ея крестъ (въ Россіи съ боку), одѣваютъ его въ сорочку, подаренную хозяиномъ или хозяйкой дома, обвѣшиваютъ его платками и полотенцами—подаркъ родственниковъ хозяина, и обвязываютъ цвѣтами—приношеніе дѣвицъ. Всѣ подаренныя при этомъ вещи идутъ въ пользу плотниковъ и дѣлятся имъ по чинамъ; сорочка идетъ непремѣнно мастеру и т. д. Замѣчательно, что этотъ крестъ ставится и надъ строющимися турецкими зданіями, даже надъ мечетями, и не только въ Болгаріи, но и въ Константинополѣ, гдѣ плотники тоже изъ македонскихъ Болгаръ.

Когда придетъ время переходить въ новый домъ, наканунѣ, съ вечера, въ старой квартирѣ замѣшиваютъ хлѣбъ, утромъ несутъ квашню въ новый домъ и тамъ пекутъ *кравай*. Хозяинъ дома, а въ другихъ мѣстахъ главный плотникъ, ломаетъ хлѣбъ на мелкіе куски и, макая ихъ въ медъ, раздаетъ всѣмъ кто тутъ случится. Потомъ медомъ мажутъ двери, потолки, полы, а главное, пороги всѣхъ покоевъ и чулановъ. Обычай этотъ теперь уже выводится, онъ не исполняется цивилизованными Филиппопольцами, а остается лишь у простыхъ Болгаръ, въ предмѣстьяхъ Карши-ёки, Мараша и Новомъ-Селѣ, а также во всѣхъ селахъ и городахъ филиппопольскихъ окрестностей.

Въ комнатахъ полы не крашены, за то на стѣнахъ масляными красками написаны разныя фигуры. Всѣ стѣны комнаты и потолокъ окрашены одною краской, обыкновенно желтой, голубой или малиновой; простѣнки обведены рамками, а въ срединѣ ихъ нарисованы птицы, цвѣты и разные ландшафты. Впрочемъ, истая Болгарка ни за что не дастъ расписывать стѣнъ, какъ бы богато ни былъ построенъ домъ: она сама каждый мѣсяцъ мажетъ ихъ известью, и съ презрѣніемъ отзывается про своихъ знакомыхъ: „Они не *лѣпятъ* своихъ комнатъ.“

Мы вошли въ богатый домъ Грска Янка.... Янко сидѣлъ

Digitized by Google

на широкомъ турецкомъ диванѣ, покрытомъ розовыми шарташными коврами; обложенный бѣлыми подушками, онъ курилъ кальянъ. Одѣтъ былъ Янко, какъ обыкновенно одѣваются Греки стараго покроя, въ широкія до безобразія шаровары, доходящія только до колѣнъ; изъ двухъ громадныхъ дыръ высовывались его голыя ноги, обутыя въ женскіе тоненькіе и длинные чулки съ подвязками и въ туфли. Сверху кунтушъ малиноваго цвѣта на куньемъ мѣху, на головѣ феска, подпоясанъ былъ Янко поясомъ апельсиннаго цвѣта. Его *кокона* (госпожа, жена) женщина лѣтъ тридцати пяти, но очень еще красивая, была одѣта въ европейскомъ костюмѣ, но съ азіатскою чалмой на головѣ. Греческія дѣвушки одѣваются точно такъ же, но вмѣсто чалмы изящно покрываютъ голову маленькимъ платочкомъ, низко причесывая волосы, лежащія по бокамъ головы; такая прическа называется у нихъ *дуалетъ* (отъ слова туалетъ). Одежда Болгаръ Филиппопольскаго округа стала полутурецкою: длинныя и широкія шаровары и кунтушъ чернаго цвѣта, поясъ бѣлый и баранья шапка; у другихъ же феска или чалма, но непремѣнно черная, потому что Турки запрещаютъ гяурамъ цвѣта, употребляемые только магометанами, зеленый, бѣлый и ярко-красный. Не то женщины: одежда ихъ разнообразна; каждое село, каждый городокъ и деревня, каждый даже кварталъ города отличается костюмомъ отъ другой деревни, села, городка и квартала. До какой степени Болгарка привязана къ родной одеждѣ, можно видѣть изъ пѣсни:

Маруша, ты красная дѣвица,
Будь ты конемъ,—украли бы тебя,
Но ты дѣвица,—нужно увезть тебя!

Украли Марушу, увезли въ Албанію и заставили ее плясать въ хороводѣ. Маруша хоровод ведетъ и горькія слезы льетъ. Замѣтила это старая Албанка и Марушу спрашивать стала: „Маруша, ты сноха, что это тебѣ у насъ не понравилось, и плачешь ты, моя горемычная? Можетъ-быть любезный тебѣ не по нраву; а можетъ свекоръ тебѣ дурное слово сказалъ, иль свекровь, деверь и золовка не любятъ тебя?“ Маруша отвѣчаетъ:

„Эхъ ты, мать моя, свекровь старая,
Мнѣ любезный мой очень нравится,
Не оскорбилъ меня свекоръ-батюшка,

Digitized by Google

И любятъ меня деверь, золовка;
Но мерзка-то мнѣ, не мила совсѣмъ
Ваша одежда, одежда албанская."

Говоря объ одеждѣ Болгарокъ, ограничимся пока однимъ только Филиппополемъ. Болгарки предмѣстій Мараша, Карши-ека и Ново-Село одѣваются въ *сукманъ* (шерстяное платье), полы котораго обшиты четвероугольными кусочками желтаго, краснаго и голубаго сукна; кунтушъ по большей части красный, синій и бѣлый (лѣтомъ); опоясана Болгарка желтымъ, или золотымъ поясомъ съ серебряными бляхами; на головѣ у нея желтый, бѣлый или голубой платокъ; волосы распущены по плечамъ. Кунтушъ открываетъ полную грудь, прикрытую тоненькою сорочкой, на которую спускаются съ шеи ожерелья. Но въ самомъ городѣ, гдѣ коснулась ужь греческая и турецкая цивилизаціи, и Болгары потурчили свой костюмъ такъ же, какъ погречили родные обычаи и языкъ. Многіе Болгары ходятъ въ европейскомъ костюмѣ съ феской на головѣ, и скорѣе похожи на Турокъ, чѣмъ на Болгаръ или Европейцевъ.

Я долженъ былъ кланяться своему хозяину Янку и хозяйкѣ его и поцѣловать у обоихъ руку: того требовали филиппопольскія приличія; я долженъ былъ выслушивать отъ Янка разныя наставленія, состоявшія въ томъ, что обязанъ я его слушаться, исполнять буквально его приказанія, ибо онъ мой хозяинъ и старше меня. Если же я дерзну когда-нибудь ему противорѣчить, то онъ палкой раздѣлается со мною. Греки на меня смотрѣли какъ на собаченку, которую надо дресировать. Грустное положеніе!

Среди такой патріархальности, гдѣ каждый встрѣчный и поперечный можетъ тебя колотить, и ты, во уваженіе обычая, обязанъ повиноваться, долженъ былъ я жить и учиться. Но, къ счастію, хозяинъ мой, какъ въ послѣдствіи оказалось, былъ не изъ патріархальныхъ людей; онъ не только не препятствовалъ мнѣ рѣзвиться и бѣгать въ волю, но даже и слова со мной не говорилъ. Былъ онъ человѣкъ гордый, потому что занималъ видное мѣсто *мевлекетъ-чорбаджесы*, то-есть представителя всѣхъ христіанъ въ Филиппопольскомъ округѣ. У филиппопольскихъ тузовъ считается неприличнымъ спѣшить, или даже ходить какъ люди ходятъ, поэтому филиппопольскій тузъ идетъ тихимъ шагомъ по улицѣ, перебирая пальцами четки. Неприличнымъ считается

Digitized by Google

ходить въ кофейню: въ корчму еще ничего, но въ кофейню — сохрани Боже. Кромѣ этихъ приличій, нужно еще соблюдать вотъ что: не носить широкаго пояса, не носить тапку или феску на бекрень, не смотрѣть вверхъ, не смотрѣть человѣку прямо въ глаза, не говорить съ низшими на улицѣ и пр. и пр. Столь же разумны обычаи и филиппопольской женщины, *кокони*. Кокона поглощаетъ почти всѣ доходы мужа на наряды и бриліанты, и если заѣзжій человѣкъ, начитавшійся о бѣдности христіанъ въ Турціи, пойдетъ въ воскресенье въ церковь, или на гулянья на Букарджикъ или въ Ливаде, то, право, подумаетъ, что коверъ-самолетъ перенесъ его въ столицу модъ и роскоши. Но что я говорю о гуляньяхъ?—Подите на улицы, подите въ переулки самые бѣдные, гдѣ нищета порождаетъ тысячи пороковъ, гдѣ несчастные люди коснѣютъ въ развратѣ душевномъ и тѣлесномъ,—и тамъ, среди умирающей кругомъ бѣдности, встрѣтите разодѣтыхъ *кокони*, съ жемчугомъ на шеѣ, а у мужа любой изъ нихъ нѣтъ ни гроша. За то онъ, купивъ угольевъ, несетъ ихъ домой въ шелковомъ платкѣ, чтобъ не осрамиться несеніемъ кулька.

Я убѣжденъ, что всѣ банкротства, совершающіяся въ этомъ блаженномъ городѣ, происходятъ по милости этихъ кокони, отличающихся сумасбродствомъ, мотовствомъ и безпечною расточительностью. Кокона не работаетъ и ничего не читаетъ; впрочемъ романы Дюма, Сю и Поль-де-Кока, переведенные на новогреческій языкъ (изданы въ Аѳинахъ), иногда попадаются въ ихъ рукахъ, только не въ рукахъ старухъ, которыя читать не умѣютъ и все время проводятъ въ наряженьяхъ, въ визитахъ, да еще въ церкви. Здѣсь все достоинство человѣка заключается въ одеждѣ, и чѣмъ кто богаче одѣвается, тѣмъ онъ благороднѣе; сколько паръ одежды, столько и чиновъ. Чины и благородство распредѣляются сообразно богатству торгаша и пройдохи, который, грабя поселянъ и бѣдняковъ, успѣлъ скопить порядочную сумму; и вотъ у кого 100 тысячъ піастровъ (5 тысячъ руб.), тотъ благородный, у кого 200 тысячъ тотъ высокоблагородный, а у кого болѣе 500 тысячъ, такъ тотъ ужь *челебы*, то-есть нѣчто похожее на китайскаго мандарина. Тѣ же чины и у женщинъ. Жена челебы уже не женщина какъ всѣ люди, а *челебійка*.

Коренные жители, аристократы, которыхъ впрочемъ не

Digitized by Google

болѣе пятисотъ человѣкъ, состоятъ изъ смѣси Грековъ съ Валахами (Цынцарами); они говорятъ на греко-болгаро-турецкомъ языкѣ и гнушаются болгарскимъ. Простительно было бы это Грекоцынцару, фальшивому по природѣ, но жалкая суетность влечетъ туда же и честнаго Болгарина.

Чуть кто-нибудь сдѣлается побогаче въ Коприщицѣ, Панагюрищѣ, Сопотѣ, Калоферѣ, Карловѣ и т. д., онъ тотчасъ переселяется въ городъ, мѣняетъ болгарское имя на греческое и начинаетъ стыдиться роднаго языка. Когда поселянинъ пріѣдетъ, напримѣръ въ лавку филиппопольскаго купца, послѣдній притворяется, что не понимаетъ его языка и нарочно старается коверкать болгарскій, или заговоритъ по-турецки. При этомъ главную роль играютъ женщины, ловко берутся онѣ за это ремесло и съ успѣхомъ *передѣлываютъ изъ Болгаръ Грековъ*. Вотъ и я попался въ лапы коконы, жены Янка, которая, по желанію моего отца, должна была сдѣлать изъ моей *болгарской кожи греческій сафьянъ*, какъ выражаются Болгары. Кокона начала съ моей одежды и прически, а кончила греческимъ языкомъ, котораго, признаться, еслибъ я не изучалъ въ Константинополѣ, то въ Филиппополѣ не узналъ бы, потому что въ здѣшнемъ греческомъ училищѣ больше пороли, чѣмъ учили.

Въ греческомъ училищѣ, носящемъ громкое и славное нѣкогда названіе *гимназіонъ*, трое учили по-гречески и одинъ по-турецки. Послѣдній, котораго имя было Самуркашъ-эффенди, родомъ Грекъ, зналъ превосходно этотъ языкъ и, какъ самъ разказывалъ, насильно былъ обращенъ въ магометанство за то, что былъ хорошо образованъ. Греческіе учители приняли меня надменно, запретили носить болгарское платье и говорить по-болгарски, грозя въ противномъ случаѣ розгами. Старшій учитель, Ксантосъ, воспитанникъ Вѣнскаго университета, читавшій греческихъ классиковъ, а именно Платона, дрался кулаками въ самое то время, когда говорилъ о любви къ человѣку. Буква э, которую сразу Болгаринъ не выговоритъ, не разъ воздвигала кулаки вѣнскаго филолога. Кромѣ классиковъ, въ *гимназіонѣ* учили ариѳметикѣ, катихизису и географіи. Исторія Византіи и Греціи проходилась очень пространно, о всѣхъ же другихъ народахъ упоминалось на какихъ-нибудь пяти-шести страничкахъ.

Въ греческія училища родители отдаютъ мальчиковъ, чтобъ

Digitized by Google

они не болтались дома, и я, *восемнадцати-лѣтній ребенокъ*, долженъ былъ терпѣть насмѣшки ребятъ за то, что не могъ вызубрить катихизиса на языкѣ, мнѣ совершенно непонятномъ, и былъ за то наказанъ кнутомъ изъ благочестивыхъ рукъ митрополичьяго дьякона Григорія.

Съ самаго начала принялся я за дѣло усердно, но убѣдился, что гораздо лучше быть битымъ, чѣмъ набивать голову греческою схоластикой. Я сдѣлался лѣнтяемъ. Если я и вынесъ что-нибудь изъ этой гимназіонъ, такъ развѣ одно: выучился сгибать спину, льстить, врать и унижаться, чтобъ только понравиться. Но и тутъ моя балканская, свободная натура брала верхъ, ибо скорѣй негра вы выбѣлите на европейскомъ солнцѣ, скорѣй тигра лишите родныхъ пятенъ, чѣмъ изъ балканскаго вольнаго казака выкроите свѣтскаго филиппопольскаго раба.

Возвращался я изъ гимназіона домой, а дома меня ждали разныя нѣжности со стороны хозяйки и ея дочерей, учившихъ меня приличіямъ; онѣ гладили по головкѣ взрослаго дикаря, очень сожалѣли, что я родился Болгариномъ, и ахали о несчастной моей будущности. Но часто важнѣйшіе перевороты въ нашей жизни, именно въ духовной, совершаются при самыхъ ничтожныхъ условіяхъ. Старшая дочь хозяина, въ послѣдствіи имѣвшая на меня большое вліяніе, говаривала мнѣ: „Зачѣмъ ты не учишься? вѣдь тебя больно сѣкутъ!“

— Какже тутъ станешь учиться, когда я ничего не понимаю, отвѣчалъ я,—когда учителя, эти проклятые *галлашы*, и сами не въ состояніи объяснить о чемъ читаютъ.... Дадутъ зазубрить по книжкѣ страницъ пять, да и все тутъ.

— Жалко мнѣ тебя! говорила четырнадцатилѣтняя дѣвушка.—Эти слова ея были причиной, что я рѣшился остаться еще на цѣлый годъ въ гимназіонѣ, хотя меня и тянуло въ родныя, благословенныя горы, въ свою родную Коприщицу, чтобы тамъ пасти по горамъ и скаламъ овецъ, дѣлать сыръ, стричь шерсть.... Кто знаетъ, можетъ-быть было бы и лучше.... Во всякомъ случаѣ, тогда я не шатался бы, въ послѣдствіи, на чужой сторонѣ по московскимъ улицамъ, вдалекѣ отъ братьевъ. Да, можетъ-быть, было бы лучше, но хозяйская дочка, которую я полюбилъ, и мудрецы греческаго училища сбили меня съ толку прежде времени.

Наступила зима, — зима скучная, безотрадная, мучитель-

Digitized by Google

кая. Болгарскихъ книгъ почти не было, а греческія мнѣ опротивѣли. Но вотъ одинъ изъ моихъ товарищей, отецъ котораго ѣздилъ по дѣламъ въ Молда-Валахію, принесъ мнѣ русскихъ книгъ. Я былъ въ восторгѣ. То были, сколько упомню заглавія: *Рыцари Лебедя или дворъ Карла Великаго* романъ XVIII вѣка, *Жизнь Наполеона Бонапарта*, *Овидіевы превращенія* и *Разговоры русско-греко-французскіе*, изданные въ Одессѣ. По этимъ книгамъ я началъ изучать русскій языкъ, и хотя въ послѣдствіи въ филиппопольскомъ болгарскомъ училищѣ мы получили изъ Россіи *Русскій Вѣстникъ* и нѣкоторые другія книги, но *Рыцари Лебедя* все-таки остались первыми моими русскими учителями. Я зазубрилъ ихъ наизусть во время безкнижія.

Но вотъ зима прошла, настала весна—болгарскій рай земной: начались веселые хороводы, пѣсни, клики радости (хороводы бываютъ только у не цивилизованныхъ Болгаръ на Марашѣ). Хороводы начинаются во время весенняго болгарскаго праздника, *Свѣта Петка*. Въ пятницу на Святой недѣлѣ соберутся на площадь парни и дѣвушки, призываютъ музыканта съ *гайдой* (волынка) или скрипкой и подъ монотонную музыку начинаютъ водить хороводъ, подпѣвая пѣсни. Впереди идутъ парни, за ними обрученныя дѣвицы, далѣе молодыя женщины, потомъ дѣвицы и дѣти. Всѣ они, взявъ другъ дружку за поясъ, составляютъ полукругъ; *гайда* помѣщается посреди полукруга, тамъ же становятся четыре или пять дѣвицъ, у которыхъ голоса получше. Онѣ поютъ, но иногда, какъ и въ Россіи, поетъ весь хороводъ. Въ такомъ случаѣ то одна, то другая сторона два раза повторяетъ каждый стихъ. Кончится пѣсня, скрипка все играетъ, а полукругъ все продолжаетъ свое мѣрное движеніе, переступая съ ноги на ногу, направо и налѣво. Кончилась игра,—полукругъ распадается мгновенно, дѣвушки бѣгутъ въ разсыпную, парни преслѣдуютъ ихъ, и тутъ начинаются бѣганья, крики, смѣхъ, шутки. Отовсюду несутся звонкіе голоса. Природа глядитъ кругомъ такъ любезно. Наконецъ все смолкаетъ, укрываясь подъ непроницаемою ночью.

IV. Павликіяне и семейный бытъ Болгаръ.

Многіе изъ жителей Филиппополя живутъ въ городѣ только зимой. Лѣтомъ ихъ гонитъ отсюда отчасти нездоровый климатъ, отчасти утомительное однообразіе праздности. Фи-

Digitized by Google

липпопольская аристократія собирается у подножія Доспатскихъ горъ, въ селахъ Водинѣ, Кукавнѣ, Дермень-дере и въ монастыряхъ Бачково, св. Георгія и св. Петки, а потому и мы, въ званіи аристократовъ, начали готовиться къ переѣзду въ Водинъ.

Хозяинъ Янко нанялъ три повозки на быкахъ, крытыя рогожами, въ нихъ должны были ѣхать его женщины и прислуга; онъ же и я съ его сыномъ—верхомъ, онъ на лошади, а мы на мулахъ. Такимъ образомъ, мы оставили смрадный городъ и поѣхали на юго-западъ. Первое строеніе, попавшееся на дорогѣ, былъ павликіянскій *кутаръ*. * Хозяинъ хутора, изъ Павликіянъ, живетъ въ городѣ, гдѣ имѣетъ свои лавки, но теперь пріѣхалъ сюда наблюдать за работниками. О Павликіянахъ говорили уже гг. Григоровичъ и Гильфердингъ; ** я не стану повторять сказанное, а ограничусь только тѣмъ, что̀ могло бы послужить дополненіемъ къ ихъ почтеннымъ изслѣдованіямъ. Старики разказываютъ, что Павликіяне *въ старо време* не были католиками, а исповѣдывали какую-то другую вѣру и враждовали съ православными, даже боялись бывало пройдти мимо болгарской церкви; православное духовенство, съ разрѣшенія правительства, захотѣло силою обратить ихъ въ свою вѣру, и тогда они бросились въ католичество. Преданіе это, по моему мнѣнію, имѣетъ историческую основу. Богомилы, о которыхъ византійскіе писатели говорятъ, что они наводняли Македонію, Ѳракію и Болгарію, не могли не сохраниться хоть въ какомъ-нибудь захолустьѣ. Преслѣдуемые подъ владычествомъ Грековъ и Болгаръ, они отдохнули при Туркахъ, которымъ было рѣшительно все-равно, какую бы они вѣру ни исповѣдывали; но, разъединенные между собою, Павликіяне или Богомилы то обращались въ православіе, то, можетъ-быть, въ магометанство (Помаки). Католическіе миссіонеры, которые давно уже начали посѣщать Турцію, найдя Павликіянъ разъединенными, безъ всякаго твердаго политическаго и духовнаго управленія, разучившихся даже читать и писать, какъ разучились Греки и Болгары, воспользовались простотою народа и обратили его въ католицизмъ. Имъ не мало по-

* *Кутаръ, хутаръ*, отъ *кут* — уголъ, *къща*—домъ.

** Григоровичъ: *Очерки Европейской Турціи*; Гильфердингъ: *Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ*.

Digitized by Google

могла въ этомъ случаѣ и ненависть Павликіянъ къ православнымъ. Такъ я объясняю окатоличеніе Богомиловъ или древнихъ гностиковъ Павликіянъ. Вѣрно ли это мнѣніе или нѣтъ, предоставляю судить другимъ.

Павликіяне говорятъ чистымъ болгарскимъ языкомъ какъ и Помаки (фактъ замѣчательный), носятъ болгарскую одежду, которую не покидаютъ даже самые образованные. Павликіянинъ и Павликіянка не надѣнутъ ни феску, ни европейской одежды, хотя бы ихъ сожгли за то на кострѣ; католическіе миссіонеры заставляютъ ихъ одѣваться *по-фрейски*, но ничего не могутъ съ ними въ этомъ отношеніи подѣлать. Имена ихъ почти всѣ болгарскія: Денко, Стоменъ, Божядъ, Чеко, Миловидъ, Дѣйка, Пѣна, Ружава и т. под.; только въ послѣднее время іезуиты стали заставлять ихъ крестить своихъ дѣтей по-католически и давать имъ имена латинскихъ святыхъ. Говорю—крестить, потому что крещеніе у нихъ, по словамъ стариковъ и іезуитовъ, исполнялось не по-католически, а употреблялись здѣсь разные *поганые* обряды и обычаи. Я былъ знакомъ съ павликіянскимъ учителемъ, родомъ Венгромъ, у котораго бралъ уроки латинскаго языка. Мы съ нимъ часто говорили объ этой сектѣ.

Андрей (такъ звали учителя) былъ человѣкъ образованный, безпристрастный и старался сближать Павликіянъ съ православными, хотя и вынужденъ былъ дѣйствовать въ пользу католиковъ, изъ боязни потерять мѣсто.

— Какъ вы думаете, разъ спросилъ я его, — удастся ли вамъ образовать хоть немного Павликіянъ?

— Очень трудно, отвѣчалъ Андрей:—они какъ-то чуждаются образованія; не довѣряются не только мнѣ, но и своимъ духовникамъ, а женщины считаютъ грѣхомъ учиться и не знаютъ ничего кромѣ „Отче нашъ“ на латинскомъ и славянскомъ языкахъ, да и то не всѣ.

— Отчего же это? спросилъ я.

— Это объясняется очень просто. Какъ мущины, такъ и женщины очень суевѣрны; у нихъ обрядъ, какой бы то ни былъ, слишкомъ ужь укоренился, и всѣ преданія отцовъ и дѣдовъ сохраняются ими свято. Вѣра въ духовъ, въ вѣдьмъ у нихъ гораздо тверже чѣмъ вѣра во Христа, и какая-нибудь старуха имѣетъ несравненно больше значенія чѣмъ священникъ, учитель или докторъ. Къ старухамъ приходятъ молодыя

Digitized by Google

дѣвушки, женщины и мущины, онѣ ихъ поучаютъ, даютъ имъ лекарства, талисманы, сверхъестественная сила которыхъ будто бы производитъ любовь и постоянство. На такія вещи старуха всегда готова, и часто не изъ обмана, а изъ самаго искренняго убѣжденія. Я жилъ между Сербами, Венграми, Валахами, теперь живу между Турками, Греками и Болгарами, но не видалъ народа суевѣрнѣе Павликіянъ. Единственный выходъ изъ этого печальнаго положенія—обратить ихъ въ православіе и сблизить съ братьями ихъ Болгарами.

— Вы отчасти обязаны содѣйствовать этому сближенію, потому что вамъ они довѣряютъ, замѣтилъ я.

— Какъ бы не такъ! Вы забываете, что я невольникъ, что я рабъ іезуитовъ. Въ 1849 году я бѣжалъ изъ Венгріи безъ куска хлѣба, безъ башмаковъ, съ женою и дѣтьми. Кто меня призрѣлъ въ то время?—Іезуиты. Кто накормилъ и обулъ?—Іезуиты. Кто платитъ мнѣ теперь жалованье?—Іезуиты. Ну, скажите мнѣ теперь: могу ли я дѣйствовать противъ нихъ? Довольно съ васъ будетъ и того, что я не буду мѣшать вамъ!... Впрочемъ, все можетъ быть на свѣтѣ; можетъ-быть нужда и голодъ приведутъ меня на дорогу Шафрона (тоже Венгерецъ), который проповѣдывалъ ненависть къ Россіи, собиралъ Павликіянъ и внушалъ имъ мысли, что въ Австріи и у австрійскаго императора найдутъ они поддержку. Онъ былъ убитъ подъ Калафатомъ. Бѣдный Шафронъ!

Павликіяне въ семейномъ быту ни на іоту не отличаются отъ Болгаръ. Нравы и обычаи, образъ жизни и пр. тѣ же что̀ и у прочихъ Болгаръ. Мы пріѣхали на хуторъ Павликіянъ въ то время, когда они дѣлили между собою отцовское наслѣдство, и я встрѣтилъ у нихъ то же самое что̀ видѣлъ у себя дома.

Большинство Болгаръ живутъ нѣсколькими семьями вмѣстѣ, въ одномъ домѣ; образуютъ одну общину, одно хозяйство, во главѣ котораго стоитъ *дѣдъ*, то-есть самый старшій въ домѣ. Сыновья, вступая въ бракъ, не оставляютъ дома родителей, также внуки и правнуки, такъ что въ одномъ семействѣ иногда бываетъ по пятидесяти и даже по восьмидесяти человѣкъ. Всѣ обязаны слушаться дѣда и свято исполнять его волю. Дѣдъ долженъ смотрѣть за порядкомъ, за нравственностію внуковъ и за спокойствіемъ въ домѣ; онъ долженъ назначать каждому работу, платить подати,

Digitized by Google

держать кассу и вообще заботиться о нуждахъ дома. При совѣщаніяхъ въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ или въ случаѣ ссоръ и несогласій между членами семьи, дѣдъ собираетъ совѣтъ изъ старшихъ членовъ на совѣщаніе и рѣшаетъ дѣло по большинству голосовъ. Что касается домашней хозяйственной части, то женщины, съ своей стороны, покоряются *бабѣ* (бабушкѣ), у которой находятся ключи отъ всего хозяйства. Впрочемъ, если дѣдъ или баба дѣлаются по старости неспособными къ управленію, глава дома выбирается по большинству голосовъ. Въ городахъ и въ большихъ селахъ вы уже не найдете этой патріархальности. Тутъ по смерти отца имущество дѣлится между членами въ слѣдующемъ порядкѣ: старшимъ сыновьямъ дается небольшая сумма денегъ; меньшая сумма выдается самому меньшему, которому оставляется домъ отца, а старшимъ отдается мѣдная посуда. Главное богатство болгарскаго дома состоитъ въ мѣдной посудѣ, и въ каждомъ домѣ найдется ея отъ одного до двадцати пяти пудовъ. Если отецъ не успѣлъ при жизни раздѣлить имущество, или не успѣлъ сдѣлать духовнаго завѣщанія, сыновья собираются и, взявъ себѣ деньги и вещи, отдаютъ меньшому брату домъ. Если мать жива еще, то меньшой братъ беретъ посуду, и за то обязанъ кормить мать, а незамужнихъ сестеръ выдать замужъ и сдѣлать имъ *прика* (приданое). Пашни, луга и скотъ дѣлятся пополамъ, но дочери не имѣютъ права на поземельную собственность, равно какъ и на прочее хозяйство. Такіе раздѣлы обыкновенно производятся спокойно, съ соблюденіемъ всевозможнаго порядка; очень рѣдко кади бываетъ принужденъ вмѣшаться въ это дѣло, и то развѣ въ такомъ случаѣ, если одинъ изъ членовъ семьи объявитъ какія-нибудь незаконныя требованія. Кади дѣлитъ все по равнымъ частямъ между братьями, сестрамъ отдаетъ седьмую часть имущества, а домъ оставляетъ меньшому сыну; земля же предоставляется всему мужскому колѣну. То же самое и у Павликіанъ.

Л. КАРАВЕЛОВЪ.

Digitized by Google

ПАРТІЯ ГЕРЦЕНА И СТАРООБРЯДЦЫ

Въ 1862 году мы говорили въ *Русскомъ Вѣстникѣ* о томъ, какъ Герценъ и его партія, находившіеся тогда еще въ Лондонѣ, вздумали было обращать русскихъ раскольниковъ на путь соціализма и матеріализма.* Представивъ разборъ первыхъ трехъ нумеровъ *Общаго Вѣча*, выходившаго въ видѣ прибавленій къ *Колоколу* и предназначеннаго для распространенія между нашими диссидентами, мы упомянули тогда, какъ Огаревъ въ своемъ *Письмѣ къ внемлющимъ всѣхъ старообрядческихъ и иныхъ согласій и сынамъ господствующей церкви*** пресеріозно совѣтовалъ старообрядцамъ послушаться призывнаго его голоса: уничтожить поземельную собственность и разрушить весь государственный и общественный строй, выработанный тысячелѣтнею исторіей Россіи. Говоря объ этихъ затѣяхъ партіи Герцена, мы тогда же сказали, какъ будутъ приняты старообрядцами воззванія этихъ проповѣдниковъ безначалія. Стоящіе во главѣ старообрядческихъ согласій, сказали мы тогда, разошлютъ по всѣмъ общинамъ посланія, дабы старообрядцы повсюду берегались партіи Герцена и знали, что̀ за люди навязываются къ нимъ въ дружбу. Мы сказали, что въ этихъ посланіяхъ старообрядческіе старшины назовутъ Герцена и партію его проповѣдниками Антихриста.

---

* *Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ* въ 9-й книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1862 годъ.

** *Общее Вѣче* № 1.

Digitized by Google

Мы не ошиблись. Ровно черезъ шестнадцать мѣсяцевъ по выходѣ той книжки *Русскаго Вѣстника*, въ которой была помѣщена наша статья, состоялось отъ имени бѣлокриницкаго митрополита Кирилла *Архипастырское Посланіе*, въ которомъ между прочимъ вотъ что сказано: „къ симъ же завѣщеваю вамъ, возлюбленніи: всякое благоразуміе и благопокореніе покажите предъ царемъ вашимъ, и отъ всѣхъ врагъ его и измѣнниковъ удаляйтеся и бѣгайте, якоже отъ мятежныхъ крамольниковъ Поляковъ, тако *наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ* и оттуда своими писаніями возмущающихъ европейскія державы... Бѣгайте убо сихъ трехклятыхъ, имъ же образомъ бѣжитъ человѣкъ отъ лица звѣрей страшныхъ и зміевъ пресмыкающихся; то бо суть *предотечи Антихристовы, тщащіеся безначаліемъ* предуготовать путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаянію сихъ *псовъ адскихъ, представляющихся яко бы сострадующими о человѣчествѣ*, но вѣруйте, яко Богъ есть Творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учинилъ есть начальство во общую пользу, безъ него же вся превратятся и погибнутъ сильнѣйшимъ, немощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко безначаліе всюду зло есть и сліянію виновно." *

Такъ отнеслись старообрядцы къ Герценовской пропагандѣ. Иначе и отнестись они не могли по самому духу своему и направленію.

На раскольниковъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время разчитывали какъ на своихъ пособниковъ всѣ внутреніе и внѣшніе враги Россіи. Такъ Поляки передъ послѣднимъ возстаніемъ надѣялись, что какъ скоро они въ Варшавѣ поднимутъ знамя бунта, въ Россіи также начнется возстаніе, и въ немъ важнѣйшее участіе примутъ старообрядцы. Извѣстно, какъ оправдались эти польскія надежды: раскольники, живущіе въ западныхъ губерніяхъ, дружно возстали противъ враговъ Россіи, ловили бунтовавшихъ шляхтичей,

* *Архипастырское Посланіе* составлено еще въ 1863 году, подписано же Кирилломъ 24-го февраля 1864 года. Напечатано въ Яссахъ, въ типографіи А. Бермана, въ малую четвертку, въ 1864 году. Редакція его принадлежитъ одному изъ лучшихъ людей старообрядства и ученѣйшему изъ нихъ, достойному всякаго уваженія автору извѣстнаго *Окружнаго Посланія*, Иларіону Георгіевичу.

Digitized by Google

перехватывали подвозимое для повстанцевъ оружіе, сами образовали изъ себя особыя сотни крестьянской стражи, и многіе кровію запечатлѣли преданность свою законному Государю и отечеству. Разчитывали на раскольниковъ и наши доморощенные революціонеры, тѣ несчастные, сбитые съ толку молодые люди, что̀ замышляли перевернуть въ Россіи все вверхъ дномъ: въ выходившихъ въ 1861 и 1862 годахъ возмутительныхъ прокламаціяхъ прямо говорилось о раскольникахъ.... Но когда молодые безумцы отправились на Волгу и по другимъ мѣстамъ внутренней Россіи, съ поддожными манифестами, и обратились къ старообрядцамъ, проповѣдуя общность поземельной собственности, прекращеніе платежа податей и рекрутскихъ наборовъ и думая что эти люди встрѣтятъ ихъ съ распростертыми объятіями, они сильно ошиблись въ своихъ разчетахъ. Старообрядцы вязали этихъ проповѣдниковъ и представляли ихъ начальству; бывали случаи, что и собственноручно расправлялись съ жалкими революціонерами. Польская партія въ Турціи также разчитывала на старообрядцевъ во время разгара польскаго возстанія въ 1863 году; эта партія, во главѣ которой находится Садыкъ-паша (Чайковскій), послала было какихъ-то пьяныхъ раскольничьихъ поповъ изъ Галаца и Добруджи на Донъ, на Уралъ и на Кавказскую линію возбуждать казаковъ-старообрядцевъ къ возстанію противъ правительства во имя „старой вѣры“, но пьяные попы, еще на дорогѣ къ Дону, встрѣтивъ казачьи отряды, съ рвеніемъ къ службѣ Царю и Россіи спѣшившіе противъ Поляковъ, поворотили назадъ, считая для себя дѣломъ весьма небезопаснымъ исполненіе порученія турецкихъ Поляковъ. Словомъ, какъ ни старались враги наши увлечь на свою сторону старообрядцевъ, во всѣхъ случаяхъ они жестоко разочаровались въ своихъ надеждахъ. Ту же участь испыталъ и пресловутый издатель *Колокола*.

Архипастырское Посланіе, въ которомъ Герценъ и его сообщники названы были весьма не лестными для нихъ именами, вѣроятно, дошло до нихъ еще въ 1863 году; когда же они узнали, что не только всѣ старообрядскіе архіереи одобрили это сочиненіе Иларіона Георгіевича, но и самъ Кириллъ, митрополитъ Бѣлокриницкій, утвердилъ его своимъ подписомъ, они перестали возлагать свои надежды на членовъ Бѣлокриницкой іерархіи, но никакъ не хотѣли совер-

Digitized by Google

менно отбросить затѣю—войдти въ непосредственныя сношенія съ старообрядцами и чрезъ лица, стоящія во главѣ ихъ, имѣть на нихъ вліяніе, сообразное съ своими цѣлями. Въ 1863 году В. Кельсіевъ отправился изъ Лондона въ Турцію, гдѣ вошелъ въ близкія сношенія съ тамошними Поляками, а особенно съ Садыкъ-пашою (Чайковскимъ), а также съ вліятельнымъ старообрядцемъ-Некрасовцемъ, Осипомъ Семеновичемъ Гончаровымъ. Черезъ послѣдняго сблизился онъ и съ славскимъ епископомъ Аркадіемъ (Шапошниковымъ). Объ этихъ отношеніяхъ было разсказано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ статьяхъ Н. И. Субботина *Современныя движенія въ расколѣ*. Но и тутъ не посчастливилось партіи Герцена. Представитель ея хотѣлъ было завести между Некрасовцами, а потомъ въ Тульчѣ, типографію для печатанія старообрядскихъ книгъ, но недостатокъ средствъ и другія обстоятельства тому воспрепятствовали. Аркадій Шапошниковъ и Гончаровъ не согласились, чтобы типографія существовала въ Некрасовскихъ слободахъ. Вслѣдъ затѣмъ оба они и еще двѣнадцать человѣкъ Некрасовцевъ были подвергнуты преслѣдованію со стороны турецкаго правительства. Полагали, что это дѣло возникло по вліянію Герценовой партіи, и это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Аркадій, спасаясь отъ преслѣдованія, бѣжалъ въ Измаилъ и оттуда черезъ консула ходатайствовалъ предъ нашимъ правительствомъ, чтобъ ему дозволено было выѣхать въ Россію. Но это желаніе его не исполнилось. Черезъ нѣсколько времени онъ благополучно воротился въ свою Славу, преслѣдованіе его и друзей его со стороны турецкаго правительства были прекращены. Послѣ того В. Кельсіевъ завелъ было въ Тульчѣ школу для некрасовскихъ мальчиковъ, но и тутъ удачи ему не было. Затѣмъ онъ былъ переводчикомъ при Тульчинскомъ Решидъ-пашѣ, но не долго; вскорѣ этотъ паша былъ переведенъ въ другое мѣсто.

Потерявъ надежды на старообрядскихъ архіереевъ, Герценова партія въ концѣ 1863 года вздумала поставить во главѣ старообрядцевъ православнаго архіерея и привлечь его въ свое сообщество.

Въ 1857 году правительство наше признало нужнымъ поставить во главѣ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ епископа. Святѣйшій синодъ избралъ для сего архимандрита

Digitized by Google

Кирилла, бывшаго инспекторомъ Петербургской духовной академіи. Молодой еще человѣкъ—ему было въ то время только тридцать три года—архимандритъ Кириллъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа мелитопольскаго и отправился въ Іерусалимъ, гдѣ провелъ болѣе шести лѣтъ. Главнымъ предметомъ заботливости преосвященнаго Кирилла въ Іерусалимѣ было успокоеніе русскихъ поклонниковъ, приходившихъ ко гробу Господню. Каждаго изъ нихъ принималъ онъ съ любовію и много приложилъ труда и времени на устроеніе для нихъ странноприимнаго дома и больницы. Значительное жалованье имъ получаемое онъ раздавалъ бѣднымъ, и всякому готовъ былъ благодѣтельствовать. Обладая глубокою ученостью и необыкновенною энергіей, онъ успѣлъ обратить въ православіе многихъ иновѣрцевъ, живущихъ въ Палестинѣ; такъ, напримѣръ, онъ возсоединилъ къ православной церкви цѣлыя двѣ епархіи уніатовъ въ Сиріи. Въ 1863 году русское правительство, по особымъ соображеніямъ, признало нужнымъ имѣть въ Іерусалимѣ не епископа, а попрежнему, только архимандрита. Но такъ какъ въ это время не было въ Россіи ни одной вакантной каѳедры епархіальнаго архіерея, то святѣйшій синодъ назначилъ преосвященнаго Кирилла *до времени* въ распоряженіе казанскаго архіепископа, предоставивъ ему въ управленіе находящійся въ Казани Спасопреображенскій монастырь и болѣе тысячи рублей жалованья. Преосвященнаго Кирилла синодъ не дѣлалъ викарнымъ епископомъ, но предоставилъ казанскому архіепископу Аѳанасію поручить ему занятія по дѣламъ епархіи по его усмотрѣнію. * Пока назначены были отъ министерства иностранныхъ дѣлъ лица, которымъ поручено было принять отъ преосвященнаго Кирилла все находившееся въ непосредственномъ его завѣдываніи по званію начальника іерусалимской миссіи, пока производилась эта сдача, пока преосвященный собирался въ дальній возвратный путь и совершилъ его, прошло около года. Замедленіе преосвященнаго Кирилла объясняется и тѣмъ, что ему желательно было еще разъ, послѣдній разъ, провести Пасху 1864 года въ Іерусалимѣ.

---

* Опредѣленіе святѣйшаго синода, высочайше утвержденное 22-го іюня 1863 года.

Digitized by Google

Въ то время какъ преосвященный Кириллъ оставался еще въ Іерусалимѣ, до свѣдѣнія Герценовой партіи дошли слухи о возвращеніи его въ Россію, слухи невѣрные и искаженные. Эта партія полагала, будто преосвященный Кириллъ оказалъ непокорность святѣйшему синоду и находится съ нимъ въ разрывѣ, что его вызываютъ въ Россію не для того чтобы поручить ему въ управленіе первую свободную епархію, но чтобы заключить его въ Соловецкомъ или Спасо-Евфимьевскомъ Суздальскомъ монастырѣ. Въ октябрѣ 1863 года В. Кельсіевъ отправилъ изъ Константинополя къ преосвященному Кириллу слѣдующее письмо:

„Константинополь 21-го октября 1863 г.

„Не соблаговолите ли, ваше преосвященство, обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: часть старообрядцевъ поповскаго согласія приняла въ 1847 году * греческаго митрополита Амвросія, который рукоположилъ имъ множество священниковъ ** и тѣмъ далъ правильное (?) устройство ихъ церкви, такъ что число послѣдователей ея считается нынѣ около восьми милліоновъ ***, имѣетъ до двадцати епископовъ, тайно проживающихъ въ Россіи ****, и въ скоромъ времени едва ли не *заставитъ* ***** правительство дать имъ полную свободу вѣроисповѣданія.

---

* Не въ 1847, а въ 1846 году.

** Изъ *Памятника происходящихъ дѣлъ Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря*, заключающаго въ себѣ нѣчто въ родѣ протоколовъ всѣхъ дѣйствій митрополитовъ Амвросія и Кирилла съ 12-го октября 1846 года по 25-е апрѣля 1863 года, видно, что Амвросіемъ въ четырнадцать мѣсяцевъ пребыванія его у старообрядцевъ посвящено только пять священниковъ и ни одного для Россіи. Пять, кажется, не множество.

*** Изъ десяти или десяти съ половиной милліоновъ раскольниковъ считается около трехъ пятыхъ поповщины, то-есть свыше шести милліоновъ. Изъ нихъ лишь двѣ трети, то-есть около четырехъ милліоновъ принимаютъ Бѣлокриницкую іерархію, остальные же, какъ, напримѣръ, Лужковское согласіе и другія, принимаютъ попрежнему бѣглыхъ поповъ отъ православной церкви. Пріемлющихъ Бѣлокриницкую іерархію вдвое меньше чѣмъ показалъ В. Кельсіевъ въ письмѣ своемъ къ преосвященному Кириллу.

**** Никогда не бывало въ Россіи такого числа старообрядскихъ архіереевъ. Ихъ всего до сихъ поръ было 24, изъ которыхъ трое обратились къ единовѣрію, шестеро умерло, пятеро находятся въ заключеніи, одинъ изверженъ изъ сана, остается девять. Изъ нихъ четверо заграничныхъ, а въ Россіи только пять: два Антонія, Пафнутій Казанскій, Іовъ Кавказскій и Варлаамъ Балтовскій. До двадцати далеко.

***** Слова напечатанныя курсивомъ въ подлинномъ письмѣ подчеркнуты.

Digitized by Google

„Другая часть того же поповскаго согласія не признаетъ этого такъ-называемаго бѣлокриницкаго священства на томъ основаніи, что оно происходитъ отъ *Грека* *, а не отъ *Великорусса*. Расколъ начался именно отъ того, что русскій народъ, считавшій Москву *третьимъ Римомъ*, то-есть преемницей Царьграда—*новаго Рима*, наказаннаго Богомъ за слабость вѣры и подпавшаго подъ власть латинянъ и мусульманъ, былъ оскорбленъ измѣненіемъ его обрядовъ и книгъ на греческій образецъ. Оттого старообрядцы и считаютъ себя ревнителями отеческаго преданія, остальцами древняго благочестія, живутъ по-Божьему, по старинѣ. Старообрядцы, это—борцы за нашу великорусскую народность и за свободную церковь. Они сохранили у себя все, что было свѣтлаго въ нашей старинѣ. Въ ихъ нынѣшнихъ обрядахъ, образѣ жизни, во взглядѣ на вещи видна наша старая святая Русь, очищенная отъ своихъ темныхъ сторонъ. Догматами они не разнятся отъ православныхъ,—вся разница въ томъ, что они отвергаютъ всякое иноземное вмѣшательство въ русскую жизнь. Ваше преосвященство поймете, что можно создать на подобной почвѣ.

„Къ числу старообрядцевъ, не признающихъ новаго бѣлокриницкаго священства за его греческое происхожденіе, принадлежатъ Некрасовцы, живущіе въ Малой Азіи, на берегу Мраморнаго моря, въ селѣ Майносъ. Они какъ и два, три милліона ихъ единовѣрцевъ въ Россіи, до сихъ поръ не теряютъ надежды найдти епископа, Великорусса происхожденіемъ и ставленіемъ. Сами они не ищутъ, потому что не имѣютъ надежды его найдти, такъ какъ случай можетъ представиться разъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Они ждутъ епископа какъ Евреи Мессію. Еслибы такой епископъ нашелся, то онъ, ставя имъ дьяконовъ, священниковъ и епископовъ, могъ бы царить надъ ними; а будь онъ человѣкъ образованный и развитый, онъ могъ бы вдохнуть въ свою паству тѣ идеи и тотъ духъ, который никогда не сумѣютъ вдохнуть ни синодъ, ни бѣлокриницкіе іерархи. Развитый человѣкъ, ставши во главѣ старообрядства, могъ бы завести и школы, и академіи; примѣръ его не остался бы безъ подражателей; за нимъ пошли бы въ старообрядчество массы образованныхъ людей, которые до сихъ поръ не идутъ только потому, что никто не подаетъ примѣра. Не ученіе старой вѣры останавливаетъ; останавливаетъ мысль, что ее держатъ только мужики, да купцы. Въ ней нѣтъ образованныхъ людей потому только, что до сихъ поръ образованные люди у насъ тянулись вслѣдъ за Западомъ, считая все западное абсолютно истиннымъ и достойнымъ подражанія: будь то бакенбарды, кринолины, табакъ, схоластика. Въ отрицаніи западныхъ началъ цивилизаціи и въ стремленіи построить русскій міръ на русскихъ началахъ и

* Амвросій по фамиліи Поповичъ былъ родомъ не Грекъ, а Болгаринъ.

Digitized by Google

состоитъ смыслъ и значеніе старой великорусской вѣры. Какія же это начала? Излагать ихъ подробно въ этомъ письмѣ нѣтъ возможности; это начало полнаго равенства, самоуправленія выборными, артельнаго и общиннаго устройства; свободы перехода и обученія, выборнаго духовенства и такъ далѣе, и такъ далѣе. Въ русской и особенно въ kasацкой и старообрядской народной жизни хранится столько началъ и задатковъ, ждущихъ дѣятеля, что на основаніи ихъ можно создать новую самобытную цивилизацію, съ юридическимъ и экономическимъ бытомъ, далеко не уступающимъ западному. На этомъ основаніи партія Герцена, которой я здѣсь представителемъ, дѣлаетъ все возможное для сближенія съ старообрядцами, и если находитъ препятствіе къ этому, то только въ ихъ непривычкѣ къ политической дѣятельности и въ неразвитости, въ политическомъ смыслѣ, ихъ предводителей; несмотря на то старанія наши далеко не могутъ назваться безуспѣшными.

„Узнавъ случайно о положеніи вашемъ, преосвященный владыко, я беру смѣлость сдѣлать вамъ предложеніе: стать во главѣ старообрядцевъ. По всему, что я слышалъ объ васъ, я не могу думать, чтобы въ васъ было традиціонное презрѣніе нашего духовенства къ расколу и чтобы вы не захотѣли принять честный трудъ для блага народа русскаго. Лучше же быть вольнымъ архіереемъ вольныхъ людей чѣмъ задыхаться въ Іерусалимѣ или жить гдѣ-нибудь въ Соловкахъ или у Спаса Евѳимія. Отступничества тутъ не будетъ. Это не католичество, не унія; вамъ не придется жертвовать ни однимъ догматомъ, ни однимъ убѣжденіемъ: все дѣло въ *возвращеніи* къ старымъ обрядамъ отцовъ нашихъ и въ *проклятіи* нововведеній греческихъ и нѣмецкихъ, насилій Никона и Петра I. Изъ сферы петербургской вы перейдете въ московскую, изъ правительственной въ народную, изъ гонящей въ гонимую, отъ богатыхъ образованіемъ и наукой вы перейдете къ бѣднымъ, чтобы внести къ нимъ свѣточъ. Противъ васъ будутъ синодъ и офиціальные органы русскаго правительства: за васъ будетъ все вольное, живое, молодое, начиная съ *Колокола* и всей заграничной прессы, которая будетъ къ вашимъ услугамъ. За васъ будутъ всѣ политическія тайныя общества въ Россіи, за васъ будутъ мужики, Уральскіе и Гребенскіе kasaki. Сзади васъ останется грязь и пошлость, впереди васъ честный трудъ и славное имя: вы оторветесь отъ доживающаго свой позорный вѣкъ петербургскаго періода и воротитесь въ міръ, старый, повидимому, но въ сущности юный, полный жизненныхъ соковъ и надеждъ, полный задатковъ. Синодъ kнутъ васъ, васъ ждетъ паства, въ которой все можно сдѣлать доброму пастырю. Въ грекороссійской церкви вы были безполезны: въ великороссійской вы необходимы. Даже и безъ ссоры съ синодомъ вы имѣли бы полное право перейдти къ старообрядцамъ:

Digitized by Google

это долгъ честнаго человѣка. Но теперь разрывъ совершенъ, вы изъ Іудея стали Самарянникомъ; поступите же, какъ онъ: уврачуйте раны народа нашего.

„Я не рѣшился бы вамъ писать и предлагать это дѣло, не увѣрившись предварительно въ томъ, что здѣшнее правительство согласно будетъ дать фирманъ всякому епископу, котораго признаютъ своимъ казаки. Сверхъ того я уже нашелъ для васъ поддержку въ весьма вліятельныхъ личностяхъ, которыхъ не могу назвать въ письмѣ *. Все зависитъ отъ васъ, такъ что еслибы встрѣтилось затрудненіе въ выѣздѣ вашемъ изъ Іерусалима сюда, то и это можно будетъ исправить. Словомъ, ваша личная безопасность совершенно обезпечена: при помощи связей, которыя я имѣю, какъ всякій членъ тайныхъ обществъ и какъ всякій политическій агентъ, около васъ немедленно, ко времени полученія этого письма, раскинется цѣлая сѣть, которая будетъ слѣдить, чтобы вамъ не было сдѣлано ни малѣйшаго насилія. Войдти въ сношеніе съ вами я предполагалъ не по почтѣ, боясь, что перехватятъ это письмо; отвѣчать мнѣ, буде пожелаете, можете тѣмъ же путемъ. Тѣмъ не менѣе, замыселъ мой я держу въ глубочайшей тайнѣ, особенно отъ Русскихъ, чтобы какъ-нибудь не затруднить его осуществленіе болтовней или, чтобы, въ случаѣ отказа, не повредить вамъ. Изъ Русскихъ я напишу объ этомъ только къ Огареву въ Лондонъ, такъ какъ Герценъ теперь въ отлучкѣ и всѣми лондонскими дѣлами управляетъ Огаревъ, его товарищъ по *Колоколу* и издатель *Общаго Вѣча*, но и то подожду вашего отвѣта.

„Итакъ съ моей стороны приготовлено почти все, остальное будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія вашего преосвященства. Буде ваше преосвященство рѣшится стать въ ряды нашихъ независимыхъ дѣятелей, — я попрошу васъ пріѣхать сюда, такъ какъ здѣсь вамъ нужно будетъ представиться правительству и составить нѣкоторыя знакомства; за тѣмъ отсюда всего легче добраться до казаковъ и войдти съ ними въ сношенія. Жизнь здѣсь можно устроить дешево, рублей на 500 можно прожить цѣлый годъ въ полной безопасности отъ посольства. Дѣло принятія вашего къ казакамъ затянется естественно, пока они будутъ совѣтоваться, но время это не пропадетъ никоимъ образомъ даромъ, такъ какъ вы можете употребить его на упроченіе разныхъ связей, на распространеніе по Россіи *Окружнаго Посланія* о вашей готовности принять подъ свою власть старообрядцевъ и единовѣрцевъ; наконецъ, вы займетесь спеціальнымъ изученіемъ раскола, чтобы быть готовымъ для будущаго служенія, войдете въ сношенія съ купечествомъ, съ наставниками, съ уставщиками, съ дьяками, съ начетчиками и т. п., возьмете фирманъ на построеніе монастыря въ Майносѣ.

---

* Безъ сомнѣнія, здѣсь разумѣется Садыкъ-паша (Чайковскій).

Digitized by Google

„Письмо это еще не было кончено, какъ я получилъ свѣдѣніе, что принятіе можетъ совершиться несравненно скорѣй чѣмъ я думалъ. Можно немедленно по пріѣздѣ вашемъ сюда повѣстить разныхъ людей о вашемъ согласіи, и дѣло все будетъ кончено къ веснѣ.

Затѣмъ, оставивъ все на ваше собственное благоусмотрѣніе, остаюсь въ надеждѣ, что вы примете благосклонно это предложеніе, равно какъ и не оставите отвѣтомъ глубоко преданнаго вамъ

„В. Кельсіева.“

„PS. Письмо такого же содержанія, но короче, посылаю другимъ путемъ. Ваше преосвященство будете имѣть доброту сообщить, который изъ двухъ путей удобнѣй для васъ.“

Уже изъ самого письма этого видно, что „представитель партіи Герцена“ дѣйствовалъ вовсе не вслѣдствіе желанія Майносскихъ казаковъ или какихъ другихъ старообрядцевъ имѣть преосвященнаго Кирилла у себя. Онъ самъ говоритъ, что партія Герцена находитъ препятствія въ сближеніи съ старообрядцами, вслѣдствіе будто бы ихъ политической неразвитости, что если преосвященный Кириллъ пріѣхалъ бы въ Константинополь, то казаки еще стали бы совѣтоваться между собой принять или не принять его. Все это прямо указываетъ на то, что замыселъ склонить православнаго русскаго епископа въ расколъ вовсе не принадлежалъ старообрядцамъ, но возникъ въ Герценовской партіи. Чего же хотѣла эта партія? Неужели она въ самомъ дѣлѣ безкорыстно заботилась о старообрядцахъ, которые уже объявили всѣхъ къ ней принадлежащихъ предтечами Антихриста и какъ смертнаго грѣха бѣгаютъ самомалѣйшаго съ ними сближенія? Тутъ, скорѣй, все было разчитано на эффектъ, который бы произвела партія Герцена, еслибы дѣйствительно преосвященный Кириллъ рѣшился „стать въ ряды независимыхъ дѣятелей“.

Какъ же отвѣчалъ преосвященный Кириллъ партіи Герцена? Сдавъ іерусалимскую духовную миссію назначеннымъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ лицамъ, проведя послѣднюю Пасху въ Іерусалимѣ, простясь со святыней Палестины, онъ, исполняя повелѣніе святѣйшаго синода, лѣтомъ 1864 года прибылъ въ Казань и поселился въ Спасскомъ монастырѣ, назначенномъ ему для временнаго пребыванія. Письмо Кельсіева онъ показалъ кому слѣдуетъ. Епархіи онъ не дождался. Перемѣна климата подѣйствовала на

Digitized by Google

его здоровье разрушительно. Февраля 10-го 1866 г. онъ скончался въ Казани, 42 лѣтъ отъ роду. Послѣ смерти бумаги его были разобраны, и замѣчательное письмо къ нему Кельсіева напечатано въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, издаваемомъ казанскою духовною академіей. *

Это была послѣдняя, сколько намъ извѣстно, попытка партіи Герцена относительно русскихъ старообрядцевъ.

Д. П.

* *Православный Собесѣдникъ* 1867 г. № 2.

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ:

I.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова, находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (миѳологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горація и Овидія.

II.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ

Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Этотъ словарь есть сокращеніе предыдущаго словаря. Слова и обороты, находящіеся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей такъ-называемыхъ золотаго и серебрянаго вѣка, за исключеніемъ лишь сочиненій спеціальнаго содержанія (какъ напримѣръ Varronis de re rustica, Vitruvii de architectura, Celsii de medicina, Plinii Naturalis Historia), а равно собственныя имена изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горація и Овидія, объяснены въ сокращенномъ словарѣ столь же подробно какъ и въ полномъ. Кромѣ того, для употребленія книги въ духовныхъ училищахъ, въ сокращенномъ словарѣ удержаны слова, встрѣчающіяся у отцовъ западной церкви или такъ-называемыхъ церковныхъ писателей.

Полный словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ. Сокращенный 1.130 страницъ въ восьмушку, въ два столбца, по 65 строчекъ въ столбцѣ.

Digitized by Google

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ безплатно; платящій за восемь экземпл. получаетъ два экземпляра безплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экземпл. безплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соотвѣтственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру безплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того вѣсовыхъ за сто фунтовъ.

Цѣна Сокращеннаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга три руб. сер. Въ конторѣ можно получать Сокращенный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ; платящій за десять экз. получаетъ два экз. безплатно; платящій за двадцать экз. получаетъ пять экз. безплатно; платящій за двадцать пять экз. получаетъ семь экз. безплатно; платящій за сто пятьдесятъ экз. получаетъ пятьдесятъ экз. безплатно; платящій за четыреста экз. получаетъ двѣсти экз. безплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соотвѣтственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому оплатившій отъ десяти до девятнадцати экземпляровъ получаетъ два экземпляра безплатно; оплатившій отъ двадцати до двадцати четырехъ—пять экз.; оплатившій отъ двадцати пяти до тридцати четырехъ—семь экз.; оплатившій отъ тридцати пяти до сорока четырехъ—девять экз.; оплатившій отъ сорока пяти до сорока девяти—двѣнадцать экз. и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экз Сокращеннаго Словаря за четыре фунта. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать пять экз. прилагаетъ за двадцать экз. шестьдесятъ рублей, и сверхъ того вѣсовыхъ за 400 фунтовъ.

Менѣе шести экземпляровъ Полнаго и двѣнадцати экз. Сокращеннаго Словаря получать отъ конторы нельзя; отпуска въ кредитъ или на коммиссію нѣтъ.

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

88

1867

АПРѢЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ. Гл. XIII—XXII. Р. А. Фадѣева.

II. КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА. Пріемышъ. Дѣдушка Бугровъ. Кружевница. В. И. Даля.

III. ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА 1722—1725. Матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго. В. В. Комарова.

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ФРАНЦІИ. А. Н. Веселовскаго.

V. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БОЛГАРА. V—VIII. Л. С. Каравелова.

VI. РАСКОЛЪ КАКЪ ОРУДІЕ ВРАЖДЕБНЫХЪ РОССІИ ПАРТІЙ. Г.

VII. СЕЛЕНІЕ НА СКАЛѢ. Повѣсть. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—IV.

VIII. НЕ СОШЛИСЬ. Повѣсть. Ольги Н.

IX. ВОДЯНИКЪ. Изъ чешскихъ народныхъ преданій. Стихотвореніе К. Я. Эрбена. М. П—аго.

X. СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Вольное переложеніе сербской пѣсни. А. Н. Майкова.

XI. ПРЕЖНІЙ И НЫНѢШНІЙ ПАНСЛАВИЗМЪ. П. К. Щебальскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ*

XIII.

Офицеры формируютъ войско и командуютъ имъ; въ тѣлѣ арміи корпусъ офицеровъ составляетъ голову. Извѣстно, что тѣло можетъ быть сильно при слабой головѣ, но оно не можетъ въ такомъ случаѣ разумно управлять своими дѣйствіями. Еслибы въ старомъ боевомъ полку разомъ замѣстили прежнихъ офицеровъ новыми—молодыми и неопытными, полкъ могъ бы еще энергически биться, но въ дѣйствіяхъ его сейчасъ бы оказалась безсвязность; а съ теченіемъ времени, по выходѣ старыхъ солдатъ, составляющихъ нравственную опору части, этотъ полкъ упалъ бы ниже посредственности. Здравая душа въ здоровомъ тѣлѣ—такое же необходимое условіе для арміи, какъ и для отдѣльнаго лица.

Слово *здравый* въ этомъ отношеніи понимается у насъ не всѣми одинаково. Въ послѣднее время большинство мнѣній, высказанныхъ въ нашей печати объ устройствѣ корпуса офицеровъ, требовало главнѣйше одного — образованія, не опредѣляя въ точности, какое образованіе тутъ нужно. Между тѣмъ именно въ этомъ опредѣленіи вся сила. Всякій изъ насъ, кому случалось имѣть достаточно сношеній съ иностранцами, могъ замѣтить то обстоятельство, что нашъ образованный человѣкъ съ первой встрѣчи кажется обыкновенно свѣдущѣе, благодаря разнообразію вершковъ, которыхъ онъ нахватался, тогда какъ иностранецъ нерѣдко удивляетъ насъ узкостію своей умственной сферы, но въ то же время оказывается, что почти каждый иностра-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 2 и 3.

Digitized by Google

нецъ, если онъ не чернорабочій, знаетъ что-нибудь дѣйствительно, чего никакъ нельзя сказать о массѣ нашихъ образованныхъ людей, не владѣющихъ никакимъ предметомъ знанія въ такой степени, чтобы не только говорить объ немъ, но и прилагать его на дѣлѣ. Если рѣчь идетъ о такомъ русскомъ образованіи, то о немъ можно сказать одно, что оно украшаетъ человѣка въ той мѣрѣ, въ какой не мѣшаетъ ему знать что-нибудь основательно. Во всякомъ случаѣ, какъ ни желательно, чтобы всякій человѣкъ зналъ какъ можно больше, но подобное образованіе не можетъ быть предметомъ попеченій или требованій со стороны военнаго управленія, которое обязано считать образованнымъ офицеромъ только офицера образованнаго въ своемъ дѣлѣ, не заботясь о томъ, каковы его энциклопедическія познанія. Общій уровень образованія долженъ составлять заботу общества въ массѣ, но онъ не касается до спеціальныхъ вѣдомствъ. У насъ долго забывали эту непреложную истину, что̀ и теперь еще отзывается на офицерскихъ экзаменахъ; требованіе отъ людей, безъ особенной надобности, высшаго уровня образованія чѣмъ тотъ, который существуетъ дѣйствительно, ведетъ только къ фальши, а фальшь къ тому, что не спрашиваютъ въ достаточной степени и дѣйствительно нужнаго. Какъ ни мало въ нашей арміи хорошо образованныхъ людей, но ихъ все-таки гораздо больше чѣмъ образованныхъ офицеровъ; а для качества войска пропорція должна бы быть обратною.

Кромѣ спеціальныхъ знаній, потребныхъ въ дѣлѣ, которому человѣкъ себя посвящаетъ (даже въ этомъ отношеніи программа должна ограничиваться только необходимымъ), официально нельзя спрашивать отъ него ничего болѣе; но за то этого необходимаго надобно требовать по всей строгости, безъ малѣйшаго снисхожденія: человѣкъ не знающій того, что̀ нужно знать для его дѣла, никуда не годится. Полезное можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда не остается никакого сомнѣнія, что необходимое удовлетворено вполнѣ. Сумма познаній нужная офицеру не спеціальныхъ оружій, для отличнѣйшаго исполненія его обязанностей весьма ограничена. Въ то же время военное дѣло составляетъ такую спеціальность, въ которой характеръ человѣка, его инстинктивныя способности, смѣтка, быстрая рѣшимость, умѣнье заслужить довѣренность толпы, играютъ первую роль и

Digitized by Google

могутъ поставить его очень высоко въ своемъ ремеслѣ. Отталкивать такихъ людей изъ-за алгебры и французской исторіи было бы китайскимъ педантствомъ. На Кавказѣ дознано опытомъ, что весьма часто отличнѣйшіе ротные командиры выходили изъ юнкеровъ, долго протянувшихъ лямку, бѣдныхъ, мало образованныхъ дворянъ; сжившись съ солдатомъ, эти люди знали его и могли имъ командовать безъ затѣй, но разумно. Образованіе вездѣ хорошо, но не надобно смѣшивать вещей. Желательно, чтобъ уровень просвѣщенія въ обществѣ стоялъ высоко; отдѣльное же вѣдомство, нуждающееся въ большой массѣ людей, должно требовать отъ нихъ только своихъ спеціальныхъ знаній, во всемъ же прочемъ довольствоваться тѣмъ, что степень общественнаго просвѣщенія даетъ человѣку. Если форсировать выборъ, то выйдетъ, что львенокъ будетъ знать какъ птицы вьютъ гнѣзда, но не будетъ годиться для звѣринаго царства.

Да скоро и нельзя уже будетъ простирать такихъ требованій на корпусъ офицеровъ вообще. Понятіе объ офицерствѣ, какъ о цѣльномъ сословіи, установившееся въ то время, когда наше дворянство поголовно служило въ войскѣ и не знало другихъ занятій, нынѣ начинаетъ составлять анахронизмъ. Въ былое время дворяне начальствовали надъ своими бывшими крѣпостными надѣвшими мундиръ, какъ начальствовали надъ ними когда тѣ ходили еще въ сѣрмягѣ. Тутъ выражалось цѣликомъ общественное устройство. Офицерство дѣйствительно составляло сословіе, такъ какъ оно было дворянство въ мундирѣ, въ отличіе отъ крестьянства въ мундирѣ. Теперь это отличіе существуетъ только искусственно, какъ не успѣвшая еще распасться форма, но не какъ сущность. Дворянство перестало поступать массой въ военную службу, не только исключительно, но даже преимущественно; оно обратилось къ другимъ занятіямъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилась возможность формировать корпусъ офицеровъ почти поголовно изъ дворянъ, какъ было прежде, то-есть кончилось офицерство какъ сословіе, какъ общественный пластъ, однородный въ своемъ составѣ отъ прапорщика до фельдмаршала, лежащій надругомъ общественномъ пластѣ. Нынѣ корпусъ офицеровъ, по силѣ дѣйствительности, не можетъ уже быть тѣмъ чѣмъ онъ былъ прежде. Въ силу обстоятельствъ офицерство перестанетъ у насъ быть общественнымъ званіемъ и станетъ военнымъ чиномъ,

Digitized by Google

такимъ же какъ унтеръ-офицерскій, только высшаго класса. Но съ тѣмъ вмѣстѣ распадается понятіе объ офицерствѣ какъ о чемъ-то цѣльномъ; какъ только эполеты утратятъ совсѣмъ свое сословное значеніе, каждый прапорщикъ будетъ уже не кандидатомъ въ фельдмаршалы, какъ бывало, но унтеръ-офицеромъ произведеннымъ въ слѣдующій классъ. До сихъ поръ у насъ оно еще *не такъ*, но по ходу дѣла, ни отъ кого лично не зависящему, будетъ *такъ*. При этомъ станетъ уже невозможнымъ и ненужнымъ требовать отъ офицера (понимая подъ этимъ именемъ весь военный людъ носящій эполеты) чего-нибудь общаго. Какъ теперь отъ солдата требуютъ одного, а отъ унтеръ-офицера другаго, такъ придется требовать отъ субалтернъ-офицеровъ третьяго, отъ ротныхъ командировъ четвертаго, отъ штабъ-офицеровъ пятаго и т. д. Каждый чинъ составитъ особую группу, отъ которой понадобятся не знанія отвлеченнаго офицера, а именно то, что̀ для нея нужно.

Съ распространеніемъ въ войскахъ грамотности, съ расширеніемъ полковыхъ и дивизіонныхъ школъ, съ поступленіемъ во фронтъ исключительно молодыхъ людей, каждому расторопному и одаренному характеромъ человѣку откроется путь къ разнымъ степенямъ военнаго образованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ карьерѣ. Уже теперь оказываются между рекрутами люди способные идти далѣе званія нижняго чина, а съ усиленіемъ просвѣщенія въ народѣ ихъ окажется еще больше; низшій слой нашего средняго класса, не избавленный отъ рекрутской повинности, зрѣетъ съ каждымъ днемъ и будетъ поставлять въ войско все большее и большее число людей развитыхъ въ извѣстной степени. Въ этой массѣ разныхъ личностей явятся, конечно, талантливые военные люди; неужели ихъ надобно будетъ удерживать въ званіи нижняго чина, хотя бы они могли быть отличными ротными командирами (которыхъ у насъ не слишкомъ много), потому только, что они не представляютъ достаточнаго образованія, нужнаго на высшихъ ступеняхъ службы?

Воспитанниковъ военныхъ училищъ достанетъ развѣ на четверть такой арміи какъ наша; образованное дворянство не идетъ больше въ армію въ достаточномъ числѣ. Съ переходомъ на военное положеніе у насъ опять окажется крайній недостатокъ въ годныхъ офицерахъ, такой недостатокъ, что онъ можетъ парализовать лучшія

Digitized by Google

военныя учрежденія, если не будетъ предупрежденъ коренным измѣненіемъ военнаго права. А не забудемъ что въ первой войнѣ, какая у насъ вспыхнетъ, будетъ несомнѣнно разыгрываться мѣсто Россіи въ свѣтѣ и будущность наша на долгое время; нельзя жертвовать участью такихъ вещей старымъ воспоминаніямъ. Мысль эта уже высказывалась, но робко, въ военныхъ журналахъ; надобно выговорить ее во всеуслышаніе всѣмъ принимающимъ къ сердцу могущество своего отечества: для надлежащаго устройства русской арміи стало необходимымъ упраздненіе всякой сословной привилегіи въ военномъ производствѣ; званіе унтеръ-офицера должно стать младшимъ чиномъ, но такимъ же точно чиномъ какъ всѣ остальные. Безъ этого обновленія арміи ей не откуда больше пополняться достаточнымъ количествомъ надежныхъ офицеровъ. Раньше или позже, это преобразованіе состоится, такъ какъ оно вызывается необходимостію; но лучше, чтобъ оно состоялось прежде чѣмъ во время рѣшительныхъ событій.

Есть и еще причины, требующія, чтобы въ нашей арміи заслугѣ были настежь открыты двери. Нашъ солдатъ сталъ теперь вольнымъ человѣкомъ. Прежній крѣпостной думалъ только о томъ, какъ бы отбыть свой срокъ. Нынѣшній Австріецъ или Пруссакъ служитъ въ рядахъ такъ мало, что его желанія остаются гражданскими, не переносятся на военную службу, — военное честолюбіе его не возбуждено. Нашъ же нынѣшній солдатъ, особенно унтеръ-офицеръ, будетъ служить довольно долго и станетъ дѣйствительно военнымъ, — это условіе необходимо для качества арміи. Но въ такомъ случаѣ, сознавая себя вольнымъ человѣкомъ, которому на родинѣ могло бы предстоять значительное положеніе между своими, и въ то же время ставъ надолго военнымъ безъ всякихъ видовъ на будущее, онъ можетъ или утратить всякую энергію, или возмутиться душой; если мы хотимъ имѣть хорошую армію, этому чувству надо дать исходъ. Припомнимъ далѣе, какую малую пропорцію составляетъ собственно русское дворянство въ массѣ нынѣшняго привилегированнаго сословія и какая значительная доля этого сословія приходится на однодворцевъ западныхъ губерній; всякій иностранецъ, колонистъ или другой, вступаетъ въ военную службу вольноопредѣляющимся и этимъ самымъ становится ближе къ офицерству чѣмъ природный русскій чело-

Digitized by Google

вѣкъ. Неужели мы будемъ дожидаться, чтобы, при малой охотѣ къ военной службѣ, западная шляхта и разные сбродные элементы, втянувшіеся съ теченіемъ времени въ наше отечество, стали рѣшительно въ головѣ русской арміи, подъ покровомъ разныхъ привилегій? Хороша была бы при этомъ армія!

Открытіе доступа къ спеціальному образованію въ войсковыхъ школахъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ на всѣхъ общаго права, вызоветъ много и много кандидатовъ, достойныхъ эполетъ. Степень приготовленности этихъ людей будетъ, конечно, далеко не равная; найдутся такіе, которые пойдутъ далеко, но бо́льшая часть будетъ годиться только для скромныхъ оберъ-офицерскихъ мѣстъ, представляя притомъ всѣ качества, нужныя для такого званія. Разумѣется, нельзя мѣрить однихъ другими. Можно установить двѣ степени экзамена: одинъ окончательный, другой только для оберъ-офицерскихъ чиновъ, и въ то же время раздѣлить военные чины на три группы: оберъ-офицеровъ, штабъ-офицеровъ и генераловъ, разорвавъ между ними всякое производство по старшинству, предоставляя его лишь достойнымъ. Теперь уже можно, кажется, надѣяться, что у насъ сыщется и безъ искусственныхъ мѣръ достаточно образованныхъ людей для мѣстъ, на которыхъ необходимо нужны образованные люди; масса же мелкихъ офицеровъ, которую такъ трудно теперь подобрать, будетъ, кромѣ прилива высшихъ классовъ, воспитываться самою арміей. Качество простаго офицера станетъ измѣряться тогда не его *гражданскими познаніями*, составляющими весьма ненадежный критеріумъ, а его *военными познаніями и качествами*, что̀ будетъ гораздо лучше для развитія войска.

При этомъ можно будетъ чрезвычайно сократить число субалтернъ-офицеровъ (составляющихъ теперь чуть не половину всего офицерскаго корпуса); достаточно будетъ имѣть ихъ только по одному въ ротѣ, какъ помощниковъ ротныхъ командировъ и кандидатовъ на ихъ мѣста. Субалтернъ-офицеръ не имѣетъ никакого значенія на службѣ,—ни въ казармѣ, ни на полѣ сраженія,—для солдатъ онъ какъ будто не существуетъ; покуда наше офицерство было военнымъ дворянствомъ, званіе субалтернъ-офицера нужно было сохранить для молодыхъ дворянъ, не дождавшихся еще своей

Digitized by Google

очереди командовать частію; но когда эта потребность прекратится (кромѣ небольшаго числа выпускныхъ изъ военныхъ училищъ), то и въ субалтернъ-офицерахъ, за исключеніемъ помощниковъ начальниковъ частей, не окажется надобности. Въ разношерстной австрійской арміи, или въ прусской, представляемой въ мирное время преимущественно своимъ офицерскимъ корпусомъ, нельзя обойдтись безъ младшихъ офицеровъ; во французской, гдѣ баталіонъ дѣлится на восемь ротъ, ихъ очень мало; а у насъ нужно и того меньше. Едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что наши субалтернъ-офицеры что-нибудь дѣлаютъ, кромѣ того что ходятъ на ученье, гдѣ не только никого не учатъ, но даже сами рѣдко учатся и до полученія роты почти никогда не знаютъ хорошо службы. Между тѣмъ надъ всѣми подраздѣленіями части стоятъ старшіе унтеръ-офицеры, которые, напротивъ, знаютъ службу отлично; въ дѣйствительности, на ученьи и въ бою, взводы ведутъ эти люди, а не субалтернъ-офицеры. При распространеніи въ войскахъ образованія войсковыми же школами, на эти мѣста можно будетъ ставить преимущественно людей достаточно подготовленныхъ, будущихъ кандидатовъ въ офицеры, возводя ихъ въ званіе соотвѣтствующее нынѣшнему портупей-юнкеру; при содержаніи, не превышающемъ половины офицерскаго, нужды ихъ будутъ вполнѣ удовлетворены сообразно положенію; а служба выиграетъ тѣмъ, что въ головѣ подраздѣленій станутъ начальники не по имени, а дѣйствительные, знающіе своихъ людей и свое дѣло. Экономія окажется большая, а съ тѣмъ вмѣстѣ получится средство обезпечить достаточнымъ содержаніемъ настоящихъ, дѣйствующихъ офицеровъ. Говоря о назначеніи на такія мѣста приготовленныхъ унтеръ-офицеровъ, я имѣю въ виду только общее правило и нисколько не совѣтую устранять, когда такіе есть, людей, которые, будучи даже безграмотными, высоко поставили себя во мнѣніи части; военное дѣло прежде всего дѣло практическое: что̀ оказалось дѣльнымъ, то и бери, не подводя ни подъ какую мѣрку. Многихъ удивитъ, можетъ-быть, предложеніе замѣнить субалтернъ-офицеровъ старшими унтеръ-офицерами, но я прошу вспомнить связь этой мѣры съ цѣлою обсуждаемою нами системой производства. Когда офицерами служили все дворяне, можно было сказать: „даже не зная службы, офицеръ поведетъ часть въ бою лучше нижняго

Digitized by Google

чина"; но когда офицеры станутъ воспитываться самою арміей, изъ кого же они станутъ выходить какъ не изъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ? И какая же разница окажется тогда между субалтернъ-офицеромъ и взводнымъ унтеръ-офицеромъ, кромѣ той, что второй ближе стоитъ къ людямъ, лучше ихъ знаетъ и болѣе внушаетъ имъ довѣренности чѣмъ первый? Этими взводными унтеръ-офицерами будутъ кандидаты на офицерскія мѣста, слѣдовательно не будетъ и заботы, кѣмъ замѣщать выбывшихъ офицеровъ.

Сформированіе корпуса офицеровъ, воспитываемаго самою арміей, а не привносимаго въ нее извнѣ высшимъ общественнымъ классомъ, требуетъ многихъ особенныхъ мѣръ и усиленнаго попеченія, безъ которыхъ можно было обойдтись при военномъ дворянствѣ. Но какъ возобновить былое положеніе вещей ни отъ кого не зависитъ, то надобно озаботиться новымъ. Въ этомъ отношеніи наши военныя учрежденія, вытекшія изъ другихъ взглядовъ, требуютъ многихъ преобразованій.

Вслѣдствіе старыхъ порядковъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ исправленныхъ, число офицеровъ служащихъ подъ разными наименованіями внѣ фронта, считая тутъ же множество людей, числящихся подъ вѣдѣніемъ другихъ министровъ, кромѣ военнаго, составляетъ у насъ слишкомъ высокій процентъ, не извѣстный другимъ арміямъ. Неопредѣленность и произволъ въ этомъ отношеніи такъ еще значительны, что у насъ всякій начальникъ можетъ изобрѣтать прямо или косвенно импровизованныя должности внѣ фронта для покровительствуемыхъ имъ лицъ,—начиная съ командира линейнаго баталіона, у котораго, если онъ захочетъ, найдется негласныхъ хозяйственныхъ должностей и командировокъ на треть и больше наличнаго числа офицеровъ. Благодаря этой неопредѣленности, многочисленности вѣдомствъ вовсе не военныхъ, наполненныхъ однакожь людьми въ военномъ мундирѣ, и отсутствію разграниченія между боевыми и не боевыми офицерами, возникъ такой духъ, что всякій небогатый офицеръ считаетъ службу во фронтѣ за худшее, ищетъ и находитъ, если имѣетъ малѣйшее покровительство или случай, какое-нибудь хозяйственное мѣсто и продолжаетъ носить эполеты, переставъ въ сущности быть военнымъ. Какъ ни велико зло происходящее отъ столь излишняго обремененія казначейства, но тутъ есть зло еще

Digitized by Google

значительнѣйшее: оно состоитъ въ томъ, что прямая военная служба, съ ея трудами и славой, перестаетъ быть цѣлью военныхъ людей; они пользуются и бо́льшимъ спокойствіемъ, и лучшимъ содержаніемъ, и выгодами, часто сопряженными съ мѣстами внѣ фронта, тогда лишь, когда оставляютъ ряды, такъ что всякій офицеръ, имѣющій сколько-нибудь ловкости, норовитъ выйдти изъ строя, въ которомъ остаются за тѣмъ только неодаренные этимъ искусствомъ. Пока не будетъ положенъ конецъ такому порядку вещей, наши офицеры не будутъ истинно-военными людьми-руководителями, образцами для солдатъ. Нравственное отношеніе, существующее покуда между нашимъ офицерствомъ, взятымъ въ массѣ, и нижними чинами — вовсе не нормальное; нѣтъ никакого сомнѣнія, что наша армія держится преимущественно качествомъ своихъ солдатъ, которые, относительно, несравненно превосходятъ офицеровъ. За исключеніемъ гвардіи, нѣсколькихъ кавказскихъ и, можетъ-быть, нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, нашъ корпусъ офицеровъ вовсе не составляетъ военнаго сословія, проникнутаго военнымъ духомъ, не имѣетъ никакого выраженія, столь рѣзко отличающаго за границей офицеровъ отъ прочихъ гражданъ. Иначе и быть не можетъ, потому что этотъ корпусъ вовсе не обособленъ, не замкнутъ въ себѣ. Онъ не былъ обособленъ и прежде, но тогда онъ состоялъ поголовно изъ дворянъ, исключительно служившихъ въ войскѣ, вносившихъ въ него болѣе гордый, смѣлый и самостоятельный духъ. Теперь же, когда большинство армейскихъ офицеровъ выходитъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, западной шляхты и вольноопредѣляющихся разныхъ званій, характеръ ихъ можно поднять только рѣзкимъ отграниченіемъ отъ всего остальнаго и систематическимъ воспитаніемъ въ особомъ, имъ однимъ свойственномъ духѣ. Даже потомъ, когда наше офицерство будетъ воспитываться самою арміей, условіе это останется необходимымъ. Храбрость русскаго человѣка всякаго сословія стоитъ внѣ вопроса; однакожъ никто не удивится, если чиновники какого-нибудь губернскаго правленія не окажутся въ данномъ случаѣ храбрецами. Теперь нѣтъ больше сословной разницы между большинствомъ нашихъ офицеровъ и чиновниками губернскихъ правленій; если первые не будутъ сведены въ замкнутую корпорацію, воспитываемую въ особомъ духѣ, то не будетъ и причины чтобъ

Digitized by Google

отличіе ихъ отъ родныхъ братьевъ, взявшихъ перо, сказалось слишкомъ рѣзко. Но какой же можетъ быть общій духъ, какая можетъ образоваться корпорація между людьми, мундиръ которыхъ покрываетъ одинаково и строеваго офицера, и смотрителя провіантскаго магазина, высчитывающаго мышеѣдъ, и всякаго надсмотрщика надъ казенными дровами, госпитальнаго эконома, квартальнаго надзирателя, участковаго засѣдателя,— да кто пересчитаетъ всѣ метаморфозы, подъ которыми является въ нашемъ отечествѣ военный мундиръ? Какой положительный цвѣтъ можетъ принять этотъ хамелеонъ, называемый корпусомъ нашихъ офицеровъ? И какой духъ можетъ образоваться въ корпораціи, способнѣйшіе члены которой, если только они люди безъ состоянія, стремятся всею душой отъ лавроваго вѣнка къ мышеѣду, думаютъ только о томъ, какъ бы, не скидая своего мундира, улизнуть изъ фронта на какое-нибудь тепленькое хозяйственное мѣстечко. Прежде всего у насъ нуженъ абсолютный разрывъ всякаго отношенія между военною службой и военно-хозяйственными вѣдомствами, всякими не прямо военными должностями какихъ бы то ни было наименованій, такъ чтобъ офицеръ, носящій эполеты, пока онъ ихъ носитъ, не могъ имѣть въ виду ничего кромѣ фронтовой службы и немногихъ дѣйствительно военныхъ штабныхъ мѣстъ, требующихъ военной спеціальности. Внѣ этихъ званій, не должно быть военнаго мундира. Тогда только онъ пріобрѣтетъ цѣну, тогда только подъ нимъ разовьется цѣльная, одушевленная свойственными ей чувствами корпорація. Большая разница—искать легко достающихся занятій внѣ фронта, или выходить въ отставку, чтобъ искать мѣста въ постороннемъ вѣдомствѣ.

Единственное средство покончить съ этимъ смѣшеніемъ языковъ—исчислить точно, по военному положенію, всѣ дѣйствительно необходимыя военныя должности внѣ фронта, опредѣлить по нимъ до послѣдней единицы число нужныхъ нестроевыхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ каждаго чина отдѣльно, упразднить толпу людей, состоящихъ при арміи безъ дѣла, кромѣ безсрочно-отпускныхъ, и затѣмъ религіозно держаться закона—не допускать ни одного человѣка носить военный мундиръ внѣ установленныхъ должностей, не производить никого въ слѣдующій чинъ сверхъ комплекта. Когда въ нашей арміи, какъ нынѣ во французской, будетъ опредѣлено закономъ число людей для каждаго чина генера-

Digitized by Google

ловъ, полковниковъ, капитановъ и другихъ, тогда нельзя будетъ получить чинъ, не получая въ то же время означеннаго въ спискахъ (и, стало-быть, нужнаго въ арміи) мѣста. Тогда только можетъ у насъ образоваться корпусъ офицеровъ; съ тѣмъ вмѣстѣ сократятся издержки на содержаніе массы безполезныхъ людей, въ то время когда не съ чѣмъ приступить къ самымъ неотлагательнымъ мѣрамъ въ улучшеніи быта войскъ, несмотря на то что онѣ давно признаны военнымъ министерствомъ.

Кромѣ обособленія всего офицерства въ массѣ, какъ военнаго сословія, надобно еще обособить его по спеціальностямъ, замкнуть каждый родъ оружія въ самомъ себѣ: такъ существуетъ въ цѣломъ свѣтѣ. Практическія познанія и способности офицера не составляютъ чего-либо абсолютно-относящагося къ военному дѣлу во всемъ его объемѣ: каждый знаетъ только свою спеціальность, рѣзко отличную отъ другой. Пѣхотный офицеръ долженъ изучить въ подробности обращеніе съ ружьемъ въ мастерской, знать тонкости стрѣлковаго дѣла, фехтованіе на штыкахъ, пригонку пѣхотной аммуниціи; онъ долженъ привыкнуть все разчитывать по-пѣхотному: разстояніе съ котораго можно открыть огонь и разстояніе съ котораго надо бросаться въ штыки, быстроту перехода пѣшаго человѣка, удобство разныхъ построеній на данной мѣстности и т. д. Кавалеристу надобно все это знать иначе, можно сказать навыворотъ; онъ долженъ выдѣлать свою человѣческую натуру по натурѣ конской, слить ихъ въ одно; оружіе его другое, разстояніе имѣетъ для него совсѣмъ иное значеніе, онъ другимъ образомъ расцѣниваетъ достоинства и недостатки солдата чѣмъ пѣхотинецъ. Даже врожденныя душевныя качества нужны разныя въ томъ и другомъ оружіи, въ чемъ согласны всѣ тактики въ свѣтѣ; затрудненіе состоитъ только въ томъ, какъ расцѣнивать неиспытанныхъ людей при распредѣленіи по родамъ оружія. Но нѣтъ сомнѣнія, что долгая привычка къ своей спеціальности выдѣлываетъ до нѣкоторой степени складъ человѣка; такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи получается результатъ до извѣстной степени замѣняющій невозможную предварительную расцѣнку: въ человѣкѣ воплощается извѣстный типъ. Поэтому въ цѣломъ свѣтѣ каждый родъ оружія составляетъ особую замкнутую корпорацію, которую надо проходить съначала.

Digitized by Google

Во Франціи пѣхотный офицеръ можетъ поступить въ кавалерію, а кавалерійскій въ пѣхоту,—только солдатомъ. У насъ же не только молодой офицеръ, но ротный командиръ, штабъ-офицеръ, какъ ни въ чемъ не бывало, переходитъ изъ пѣхоты въ конницу, и въ первый разъ въ жизни сѣвъ на лошадь, становится въ головѣ эскадрона; тоже и обратно. И это еще не все. Военныя положенія до сихъ поръ вѣрятъ у насъ философскому камню и почитаютъ таковымъ пару эполетъ, превращающихъ въ боеваго офицера всякаго до кого онѣ коснутся. Такимъ образомъ офицеръ корпуса лѣсничихъ, можетъ-быть въ жизни не дотрогивавшійся ни до какого оружія, но изучившій въ подробности свойства строеваго и дровянаго лѣса, офицеръ путей сообщенія, горный и всякій подобный можетъ, когда ему вздумается, перейдти во фронтъ и принять, соотвѣтственно чину, начальство надъ баталіономъ или дивизіономъ. Въ прежнее время отъ офицера требовалось только, чтобъ онъ заучилъ на память воинскій уставъ. Хотя такой порядокъ былъ несообразенъ, но былъ возможенъ; теперь же, когда положительно требуется чтобъ офицеръ зналъ въ точности свое дѣло, какое значеніе остается за этимъ философскимъ обобщеніемъ мундира, за этимъ эполетнымъ коммунизмомъ, потому что его нельзя назвать иначе?

Также точно нужны самыя строгія и опредѣленныя узаконенія насчетъ брака военныхъ чиновъ. Строевымъ нижнимъ чинамъ, по моему мнѣнію, они должны быть формально воспрещены; для офицеровъ же допущены только въ трехъ условіяхъ: 1) въ высшемъ чинѣ, напримѣръ штабъ-офицеру или даже полковнику, 2) при обезпеченномъ состояніи, 3) при назначеніи въ какую-нибудь положительно нестроевую должность, напримѣръ, воинскимъ начальникомъ. Женатые офицеры не только бремя для своей части, но они рѣдко даже остаются боевыми людьми. Изъ одного только своего опыта я бы могъ привести десятки примѣровъ храбрецовъ, которые, женившись, становились людьми очень осторожными.

Digitized by Google

XIV.

Чтобы въ какомъ-нибудь собраніи людей, составляющихъ общественную группу, выработался опредѣленный характеръ, надобно чтобъ эти люди жили въ тѣсной связи между собой, чего до сихъ поръ почти вовсе не существуетъ въ нашихъ полковыхъ обществахъ. Офицеры живутъ въ разбродъ, кружками, сходятся между собою только на ученьи; въ каждомъ кружкѣ выдѣлываются свои особенные взгляды, не подпадающіе подъ контроль всего товарищества; при такой разобщенности нѣтъ мѣста цѣльному общественному характеру, который служилъ бы школой каждому вновь-поступающему, налагалъ бы на всѣхъ печать одной корпораціи съ ея основными понятіями. Это одна изъ главныхъ причинъ почему наши офицеры такъ мало проникнуты духомъ своей профессіи. Слѣдствіемъ того бываютъ явленія чрезвычайно странныя: у насъ можно встрѣтить достаточно офицеровъ вовсе не интересующихся военнымъ дѣломъ, можно найдти довольно и такихъ, которые не имѣютъ понятія объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на нихъ добровольно надѣтымъ мундиромъ, даже въ основныхъ вещахъ. Живя разобщенно, безъ вліянія товарищеской среды, безъ руководства зрѣлыхъ и уважаемыхъ сослуживцевъ, въ одностороннемъ кружку, нашъ офицеръ вымышляетъ иногда самыя рогатыя понятія и привыкаетъ считать ихъ самыми законными. Въ иностранныхъ арміяхъ полковымъ офицерскимъ обществамъ давно уже дано правильное устройство; въ каждомъ полку заведенъ клубъ съ общимъ столомъ, библіотекой, фехтовальными принадлежностями и проч., соединяющій всѣхъ незанятыхъ офицеровъ; тутъ складывается мнѣніе, каждый отдѣльный человѣкъ обхватывается по-немногу духомъ корпораціи. Если такое сожительство считается необходимымъ для офицерства англійскаго или австрійскаго, пропитаннаго сызмала рыцарскими понятіями, то оно очевидно еще гораздо необходимѣе сборному офицерству, каково французское и какимъ въ настоящее время становится наше. Учрежденіе это не только полезно для облегченія расходовъ и хлопотъ матеріальной жизни офицеровъ, но оно чрезвычайно важно въ

Digitized by Google

нравственномъ отношеніи: безъ сосредоточенія обыденной жизни, разнородные элементы, изъ которыхъ формируется нашъ корпусъ офицеровъ, никогда не сольются въ одно цѣлое, что̀ значитъ на практикѣ: наши офицеры будутъ людьми въ военномъ мундирѣ, болѣе или менѣе храбрыми, болѣе или менѣе знающими службу, но не проникнутся духомъ своего званія. У насъ много писали о полковыхъ клубахъ и библіотекахъ, объ общемъ столѣ и пр., но изъ этого покуда ничего не вышло и впредь не выйдетъ, безъ правительственной иниціативы. Въ иностранныхъ войскахъ, гдѣ такой порядокъ не сложился уже издавна вслѣдствіе общественныхъ нравовъ, высшая власть сама сложила его. Офицерамъ, особенно съ непривычки, слишкомъ трудно сгруппироваться самимъ, а между тѣмъ сгруппированіе необходимо. Чтобы дать толчокъ, нужно регламентировать это учрежденіе закономъ, потомъ оно пойдетъ само собою. Надобно отпустить во всѣ полки сумму на первоначальное обзаведеніе и опредѣлить регулярный вычетъ съ офицеровъ: они въ этомъ не потеряютъ, такъ какъ жизнь будетъ имъ обходиться дешевле. Правда, бо́льшая часть войскъ у насъ не живетъ еще въ казармахъ, а стоитъ разсѣянно по деревнямъ, что̀ очень затрудняетъ сосредоточеніе офицеровъ; но за невозможностію устроить полковой столъ, остается все-таки возможность устроить его побаталіонно, раздѣляясь на болѣе мелкія артели; центральное же заведеніе, какъ библіотека съ принадлежностями въ штабъ-квартирѣ, будетъ все-таки постояннымъ сборнымъ мѣстомъ, если ее устроить какъ слѣдуетъ. Когда разъ дѣло будетъ устроено, то хотя бы полку случилось временно разсѣяться на стоянкѣ, оно все-таки окажетъ свою пользу и возникнетъ вполнѣ съ первыми благопріятными обстоятельствами. Будетъ по крайней мѣрѣ положено основаніе офицерскому обществу, которое иначе никогда не станетъ обществомъ, не охватитъ однимъ духомъ всѣхъ своихъ членовъ.

Вызывая общественный духъ въ нашемъ корпусѣ офицеровъ, надо принять всевозможныя мѣры, чтобы дать ему должное направленіе, чтобы люди воспитывались воинами, а не только строевыми офицерами. Кромѣ кавказской арміи, гдѣ боевая жизнь развивала офицеровъ, у насъ это слишкомъ долго было наоборотъ, и будничная жизнь офицера обыкновенно ничѣмъ не разнилась отъ жизни чиновника.

Digitized by Google

Съ двадцатыхъ годовъ до нынѣшняго царствованія, наши офицеры по большей части не знали и не любили никакихъ военныхъ упражненій, ни стрѣльбы, ни фехтованія, ни гимнастики, даже бойкой верховой ѣзды для собственнаго удовольствія; въ нихъ рѣдко проявлялась какая-нибудь черта природной удали, столь свойственной всякому молодому человѣку, даже не изъ военнаго сословія. Съ тѣхъ поръ они занялись этими предметами какъ службой, но только на ученьи. Въ своемъ кружку между ними почти никогда не было рѣчи о военномъ дѣлѣ, выходящемъ изъ предѣловъ вседневнаго ученья; война мало интересовала ихъ, они посвящали себя не войнѣ, а военной службѣ, что̀ совсѣмъ не одно и то же. Въ начальникѣ и товарищѣ они мало цѣнили военныя качества, уважали его не по боевой заслугѣ, если такая и была за нимъ, а скорѣе по другимъ, общежительнымъ качествамъ. У насъ до сихъ поръ еще бываетъ,—я бы могъ привести примѣры, — что трусъ, явно опозорившійся, терпится въ полку, иногда даже считается добрымъ малымъ. Между офицерскими обществами до такой степени нѣтъ солидарности, что человѣкъ иногда въ очень густыхъ эполетахъ, стало-быть извѣстный, сильно осрамившійся въ одномъ мѣстѣ, переходитъ въ другое и тамъ пользуется отличною репутаціей, какъ будто ничего не бывало. Никогда такой вещи не случается во французской арміи, гдѣ осрамившійся въ бою прапорщикъ, не только генералъ, разглашается стоустою молвой, и если не будетъ разстрѣлянъ, то нигдѣ уже по крайней мѣрѣ не найдетъ себѣ мѣста. Вліяніе начальника части простирается у насъ не только на служебныя дѣла, но на все въ свѣтѣ; разрозненное военное общество, ставшее вслѣдствіе того безгласнымъ, все снесетъ; какою репутаціей ни пользовался бы офицеръ между товарищами и подчиненными, самою лучшею или самою отвратительною, общій голосъ можетъ остаться голосомъ проповѣдующимъ въ пустынѣ. У насъ прежде долго хлопотали о томъ, чтобъ искоренить всякое общественное мнѣніе въ полкахъ; теперь, конечно, желаютъ противнаго, но легко ли возстановить его?

Сбирая офицеровъ въ общество, надо въ то же время дать рѣшительный поворотъ ихъ воспитанію. Скромность, тихонравіе, безусловная покорность старшему внѣ службы, отсутствіе своего сужденія, всѣ достоинства Молчалина,

Digitized by Google

составившія въ былое время столько карьеръ и военныхъ, и гражданскихъ, обращаются въ боевомъ человѣкѣ въ величайшіе недостатки. Нельзя стать боевымъ офицеромъ сохраняя характеръ мирнаго чиновника, даже при какой бы то ни было храбрости. Отдѣльно попадаются личности достойнѣйшихъ офицеровъ, скромныхъ какъ дѣвушка; но въ общемъ такой складъ не идетъ къ войску. Нечего говорить о психологическихъ исключеніяхъ, соединяющихъ противоположности. Если офицеръ служитъ въ мирное время для того, чтобы попасть когда-нибудь на войну, то онъ долженъ выдѣлать себя для войны. Воспитаніе офицера должно быть таково, чтобы развивать въ немъ всевозможныя удалыя наклонности, конечно, сопряженныя съ строжайшимъ понятіемъ чести; искусство владѣть оружіемъ, своимъ и солдатскимъ, должно ставиться ему въ одно изъ первыхъ достоинствъ; жизнь его внѣ службы не должна быть стѣсняема ничѣмъ, кромѣ мнѣнія товарищества, облеченнаго положительною властію. Этому направленію во всѣхъ отношеніяхъ положено уже хорошее начало; можно надѣяться, что нынѣшнее военное министерство станетъ его неуклонно развивать. Очевидно, при такихъ требованіяхъ, многія условія гражданскаго порядка не могутъ примѣняться къ войскамъ. Скажемъ, напримѣръ, о поединкѣ. Безъ узаконеннаго права дуэли воинскій духъ не можетъ поддерживаться въ офицерахъ—Французы полагаютъ—даже въ солдатахъ. Поединокъ можетъ быть обставленъ самыми строгими ограниченіями, карающими бретерство, подчиняться вполнѣ офицерскому суду (какъ въ Пруссіи), но затѣмъ онъ долженъ стать правомъ безъ всякихъ послѣдствій. Можно пойдти еще дальше: предоставить полковому суду запретить въ данномъ случаѣ пистолеты, обязать противниковъ биться не иначе какъ на присвоенномъ имъ холодномъ оружіи; но все-таки надо оставить натуральнымъ чувствамъ какой-нибудь исходъ, вполнѣ узаконенный, распространяя его на всѣхъ офицеровъ и на тѣхъ, которые, при новомъ порядкѣ вещей, будутъ подходить къ офицерскому званію. Офицеры не красныя дѣвушки и не мирные граждане; обязывая человѣка быть завтра львомъ, нельзя обязать его оставаться сегодня ягненкомъ. Когда Генрихъ IV издалъ эдиктъ противъ дуэлей, вслѣдствіе того что въ одинъ годъ было убито три тысячи дворянъ, законъ его имѣлъ основаніе; но нашимъ же военнымъ нравамъ, особенно

Digitized by Google

въ армейской пѣхотѣ, слѣдуетъ поддерживать, а не стѣснять этотъ обычай.

Жизнь высшаго слоя арміи, офицерства, даже въ нашъ вѣкъ равенства имѣетъ въ основѣ своей дворянскія преданія. Коренныя понятія и обычаи военнаго ремесла не поддаются напору времени и сохраняются почти цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они выработались въ эпоху, когда войско значило — дворянство. Очень понятно почему. Преимущественное развитіе военныхъ качествъ въ человѣкѣ приводитъ, наконецъ, къ особому исключительному типу; тогда только войско хорошо, когда этотъ типъ значительно въ немъ распространенъ. Старинное же дворянство, военная каста былаго времени по всему свѣту, состоявшее изъ прирожденныхъ и наслѣдственныхъ воиновъ, осуществляло въ себѣ этотъ ратный идеалъ отъ древне-индійскихъ кшатріевъ до нынѣшняго прусскаго юнкертума. Гдѣ только дворянство существуетъ, оно составляетъ первый военный элементъ страны. Какъ только дворянство отшатнется отъ этой прирожденной своей роли, оно быстро утрачиваетъ положеніе привилегированнаго и даже отдѣльнаго сословія, несмотря ни на какія усилія Суллы съ Помпеемъ, французской реставраціи и гг. Скарятина съ Юматовымъ.

Но нѣтъ сомнѣнія, что офицерское званіе не можетъ остаться родовымъ достояніемъ привилегированнаго дворянства. Сила русскаго дворянства не въ отживающихъ привилегіяхъ: иначе объ немъ можно было бы писать только въ прошедшемъ, а не въ будущемъ; оно—голова русской земли, ея организованная нравственная и умственная сила, разумное олицетвореніе ея стихійныхъ силъ. Въ этомъ отношеніи будущность его есть будущность государства, а стало-быть и арміи. Въ отношеніи военнаго долга, какъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, наше дворянство не можетъ оставаться дворянствомъ XVIII вѣка, къ чему оно такъ привыкло; оно станетъ нечувствительно, всякій годъ терять болѣе и болѣе свое общественное положеніе, несмотря даже на поддержку власти; но оно можетъ быть дворянствомъ XIX вѣка, стать еще выше прежняго, замѣнивъ привилегію высшимъ сознаніемъ долга и своимъ прирожденнымъ нравственнымъ превосходствомъ. Устраняясь въ большинствѣ отъ военной службы какъ отъ ремесла, дворянство, для сохраненія своего общественнаго положенія, должно принять

Digitized by Google

ее на себя какъ обязанность. Конечно, желательно, чтобы передъ тѣмъ преобразованіе нашей арміи подвинулось нѣсколько далѣе, чтобы сроки дѣйствительной службы были сокращены, чтобы рекрутскій выкупъ былъ правильно установленъ; но рѣшеніе дворянства въ этомъ смыслѣ само по себѣ ускоритъ реформы. Во всякомъ случаѣ, если не для себя, то для дѣтей своихъ, оно не должно колебаться.

Дворянство, не составляющее перваго военнаго сословія въ государствѣ, не имѣетъ никакого общественнаго смысла: оно тогда лишь статистическій итогъ землевладѣльцевъ. При прежнихъ порядкахъ, когда солдатъ былъ крѣпостной человѣкъ правительства, высшія сословія натурально не призывались въ ряды; но тогда все русское дворянство поголовно служило въ арміи офицерами. Теперь солдатъ сталъ вольнымъ человѣкомъ, гражданиномъ; въ настоящее время быть солдатомъ значитъ быть воиномъ своего отечества. Какой же человѣкъ, благородство котораго основано на происхожденіи отъ усопшихъ бойцовъ за русскую землю, можетъ согласиться передать мечъ отцовъ исключительно въ руки бывшихъ слугъ? Какое дворянство, имѣющее хоть тѣнь политическаго чувства, позволитъ себѣ оставить другимъ сословіямъ службу, которой оно обязано происхожденіемъ и существованіемъ? Послѣ кореннаго измѣненія, происшедшаго въ послѣднее время въ духѣ нашихъ военныхъ учрежденій, дворянство должно просить правительство снять съ него льготу, ставшую не совсѣмъ благовидною—не считаться въ числѣ защитниковъ отечества. Для людей, серіозно предавшихся какому-либо исключительному занятію, всегда останется средство выкупа посредствомъ зачетной квитанціи, прочіе должны показать народу какъ нести высшій общественный долгъ. Желательно, чтобы русское дворянство не только отклонило отъ себя привилегію, которую оно раздѣляетъ теперь съ нѣмецкими колонистами — не проливать обязательно крови за Россію, но чтобъ оно какъ можно менѣе пользовалось общимъ правомъ выкупа. Съ уменьшеніемъ сроковъ, отбыть три года или немногимъ больше подъ роднымъ знаменемъ не можетъ испортить ничьей жизни. Для будущности нашей арміи необходимо, чтобы русское дворянство не уклонялось отъ военной службы, по крайней мѣрѣ какъ отъ общенародной обязанности. Уменьшеніе образованнаго, возросшаго на твердыхъ

Digitized by Google

преданіяхъ элемента, стало живо чувствоваться въ русскихъ войскахъ; затрудненіе набирать хорошихъ офицеровъ удвоилось противъ прежняго. Отреченіе дворянства отъ неприличной ему льготы разомъ поставитъ русскую армію на ноги. Молодые дворяне будутъ лучшими проводниками понятій долга и права въ массу солдатъ; нравственное перевоспитаніе войскъ, къ которому правительство стремится съ такими чрезвычайными усиліями, съ трудомъ проникающее сквозь гущу застарѣлыхъ понятій, совершится тогда въ одинъ день. Кто осмѣлится нарушить неприкосновенность солдата, когда между солдатами будутъ стоять Рюриковичи? Кто не найдетъ военной службы по себѣ, тотъ оставитъ ее по окончаніи срока; кто полюбитъ, тотъ останется. Такихъ будетъ множество изъ людей, которые теперь, не по примѣру отцовъ, отстраняются отъ ратнаго дѣла. Молодые люди съ нѣкоторымъ образованіемъ не засидятся въ толпѣ; сдавъ экзаменъ, они будутъ офицерами. Еще до этого, при нынѣшнихъ правахъ рядоваго, положеніе ихъ не будетъ ничѣмъ отличаться отъ положенія юнкеровъ. Нравственное единеніе высшаго сословія съ народомъ, порвавшееся полтораста лѣтъ тому назадъ, возстановится всего скорѣе въ рядахъ русской арміи; оба они поймутъ другъ друга. Пройдя черезъ ряды арміи, дворяне въ массѣ станутъ уже не чужды военному дѣлу и потому будутъ въ состояніи только̀во занять офицерскія мѣста въ необходимомъ для насъ земскомъ ополченіи, изъ чего̀ произойдутъ два важныя послѣдствія: вопервыхъ, хорошее устройство ополченія сдѣлается легкимъ; вовторыхъ, дворянство и въ этомъ отношеніи станетъ въ головѣ народа, займетъ у себя дома, въ своемъ уѣздѣ и околоткѣ, руководящее положеніе не въ силу привилегіи, а въ силу высшей способности.

XV.

Для качества войска, послѣ состава офицеровъ, важнѣе всего хорошій составъ унтеръ-офицеровъ. Есть арміи, въ которыхъ онъ столь же важенъ какъ и первый; таковы англійская, австрійская и наша, пока въ ней признается сословная привилегія. Гдѣ только офицеры не выходятъ изъ самой арміи, а набираются по закону въ высшихъ классахъ,

Digitized by Google

тамъ между ними и солдатами становятся необходимы промежуточныя звенья. Духовныя функціи войска распадаются: умъ его переходитъ въ офицеровъ, нравственное чувство толпы остается въ унтеръ-офицерахъ и старыхъ солдатахъ.

Кто можетъ сомнѣваться, что у насъ продолжается еще полуторастолѣтній духовный разрывъ между высшимъ, такъ-называемымъ образованнымъ, сословіемъ и народомъ? Кто не чувствуетъ глубокой истины сцены, въ которой крестьянинъ, разговаривавшій съ Базаровымъ, спрошенный сосѣдомъ: „да развѣ баринъ что-нибудь понимаетъ?“ отвѣчаетъ увѣренно: „гдѣ ему понимать!“ Въ настоящее время можно основательно надѣяться, что возникающая общественная жизнь положитъ конецъ этой розни; но пока желанная минута не наступила, надобно считаться съ дѣйствительностію.

Что̀ существуетъ въ народѣ, то существуетъ и въ арміи, которая тотъ же народъ. Если военная служба, съ одной стороны, развиваетъ понятія простолюдина, то съ другой, вслѣдствіе тѣснаго сожительства, она еще болѣе укрѣпляетъ основныя чувства, присущія большинству людей. Въ нашей арміи есть много ротныхъ командировъ, заслужившихъ любовь и довѣріе своихъ подчиненныхъ; есть достаточно такихъ, за которыми рота ихъ весело пойдетъ въ огонь, полагаясь на ихъ испытанныя боевыя качества, но все это кончается внѣшними служебными отношеніями. Едва ли найдется даже нѣсколько ротныхъ командировъ, имѣющихъ нравственное соприкосновеніе съ своими людьми, вліяющихъ на ихъ мнѣнія и чувства. Вліяніе это принадлежитъ исключительно нѣсколькимъ сильнѣйшимъ личностямъ изъ нижнихъ чиновъ — унтеръ-офицерамъ или старымъ солдатамъ — избранникамъ толпы, владѣющимъ всѣмъ ея довѣріемъ. Чтобъ не парафразировать напрасно высказанной уже мысли, я приведу страницу изъ моихъ *Кавказскихъ Писемъ*, гдѣ говорится объ этомъ предметѣ. „Вліяніе общественнаго мнѣнія простиралось здѣсь (на Кавказѣ) не на однихъ офицеровъ, но на всю массу полка. Въ унтеръ-офицеры люди выдвигались мнѣніемъ самой роты. Ротный командиръ имѣлъ причину не дѣлать произвольныхъ выборовъ, такъ какъ съ унтеръ-офицерами, не имѣющими нравственнаго вліянія на людей, онъ былъ бы наказанъ первою перестрѣлкой. Во всякомъ собраніи людей сильнѣйшія личности сейчасъ же выдвигаются впередъ и становятся руководителями толпы;

Digitized by Google

въ критическія минуты, особенно въ бою, такія личности незамѣнимы, потому что въ эти минуты толпа, привыкшая довѣряться имъ, слушаетъ ихъ безъ разсужденія. Если въ нашемъ войскѣ унтеръ-офицеровъ выдвигаетъ не мнѣніе части, то-есть, если офиціяльную власть передаютъ не этимъ вліятельнымъ людямъ, выносимымъ впередъ общественнымъ понятіемъ о нихъ, а другимъ, отличаемымъ по какой-нибудь произвольной оцѣнкѣ, то нравственная связь между начальниками и солдатами разрывается, потому что исчезаетъ посредствующее звено; остается только одна дисциплина, то-есть одно внѣшнее командованіе. Такимъ войскомъ начальникъ уже не владѣетъ и не можетъ за него поручиться. Кавказская армія всегда была сильна именно тѣмъ, что въ ней отношенія между людьми слагались естественно, безъ посторонней натяжки. При значительномъ вліяніи общественнаго мнѣнія на всякой ступени, каждый бралъ по большей части то, что̀ ему принадлежало, и потому старшихъ слушались безъ принужденія, какъ признанныхъ руководителей. Оттого войско было проникнуто серіозною дисциплиной, тою основною дисциплиной, которая состоитъ въ сознательномъ и совѣстливомъ исполненіи существенныхъ обязанностей военнаго званія."

Но такъ было только на Кавказѣ; теперь и тамъ этого нѣтъ, и уже довольно давно, со времени учрежденія стрѣлковой школы, замѣнившей, по большей части, натуральный выборъ унтеръ-офицеровъ оцѣнкой, если не вполнѣ произвольною, то во всякомъ случаѣ поверхностною. Въ нашихъ же не-кавказскихъ войскахъ фридриховская школа давно вытравила самое понятіе о нравственномъ значеніи унтеръ-офицеровъ; оно остается тамъ по большей части фразой безъ примѣненія. Прежде унтеръ-офицеровъ выбирали преимущественно по качествамъ ординарца: за пріятную наружность, ловкость и грацію; надежнѣйшаго человѣка оставляли рядовымъ за желтизну лица или слишкомъ короткую шею. (Сказать мимоходомъ, когда вспомнишь, чѣмъ была наша армія въ восточную войну, поневолѣ станешь удивляться несокрушимой мощи русской природы; при такомъ воспитаніи, она все же билась въ ровную съ лучшими европейскими войсками.) Съ тѣхъ поръ измѣнились основанія, на которыхъ производится расцѣнка унтеръ-офицеровъ, но еще недостаточно измѣнился взглядъ на это дѣло; при-

Digitized by Google

знаки расцѣнки все-таки остались наружные. Въ унтеръ-офицеры назначаютъ теперь, если не прямо за красоту (хоть и это еще бываетъ), то за стрѣльбу, за фехтованіе, за гимнастику. Хорошо еще, если за успѣхи въ грамотности. * Во французской арміи такая система была бы понятна: тамъ офицеры имѣютъ такое же нравственное вліяніе на солдатъ какъ и унтеръ-офицеры, потому что они, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, тѣ же люди толпы, только повышенные чиномъ; тамъ армія не слагается изъ двухъ разнородныхъ пластовъ, которымъ надобно дать, каждому, свой особенный устой. Несмотря на то, во Франціи капраловъ и унтеръ-офицеровъ производятъ далеко не по одной наружной расцѣнкѣ, хоть правила для этого не опредѣлены; правила замѣняются общественнымъ мнѣніемъ, которое въ ротѣ и въ полку, какъ и въ цѣлой арміи, имѣетъ такую силу, что дѣлаетъ невозможнымъ слишкомъ произвольное производство. И у насъ, съ отмѣной сословной привилегіи въ военной службѣ, можетъ развиться такой же духъ, но конечно онъ созрѣетъ не разомъ; до тѣхъ же поръ, для качества нашей арміи, необходимо положить иныя нравственныя условія для выбора унтеръ-офицеровъ, такія условія, чтобъ они были пригодны и теперь, и потомъ, и надолго еще.

Въ этомъ отношеніи двѣ потребности слагаются въ одну. О каждой изъ этихъ потребностей надобно сказать отдѣльно.

Первая потребность та, о которой идетъ рѣчь,—чтобъ унтеръ-офицеры обладали нравственнымъ вліяніемъ въ ротѣ, чтобъ они были дѣйствительно первыми людьми не по какой-либо офиціальной мѣркѣ, но по мнѣнію самой роты. Для нравственной дисциплины части нужно, чтобъ унтеръ-офицеры выбирались изъ людей пользующихся уваженіемъ нижнихъ чиновъ; нужно также, чтобъ эти уважаемые люди были людьми вѣрными, храбрыми и знающими свое дѣло. Тѣ изъ нихъ, которые соединяютъ въ себѣ эти два условія, станутъ, можно сказать, натуральными, а не произ-

* Г. Драгомировъ указалъ уже это обстоятельство въ своей превосходной тактикѣ; онъ справедливо требуетъ, чтобы не только фехтованіе или гимнастика, но даже бо́льшая или мéньшая степень грамотности не служила главнымъ мѣриломъ при производствѣ унтеръ-офицеровъ, чтобъ ихъ выбирали по нравственнымъ качествамъ. Но онъ не высказываетъ при этомъ никакого руководящаго правила, какъ выбирать ихъ.

Digitized by Google

вольно выбранными унтеръ-офицерами. Представляя въ своемъ лицѣ офиціальную власть и общественное довѣріе, они будутъ безпрекословно владѣть умами толпы, къ величайшей пользѣ службы. Посредствомъ ихъ часть нравственно будетъ собрана въ рукѣ начальника. Но затрудненіе состоитъ въ томъ, какъ добиться такого выбора со стороны начальствующихъ лицъ. Въ былое время, на Кавказѣ, люди сортировались самимъ дѣломъ, лучшихъ и вліятельнѣйшихъ легко было отличать; съ другой стороны, начальникъ части былъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ не могъ шутить выборомъ. Но въ русскихъ полкахъ, въ мирное время, при незрѣлости нашего полковаго мнѣнія, нѣтъ ни критерія для оцѣнки людей, ни увѣренности, что всѣ начальники сумѣютъ и захотятъ твердо держаться такихъ условій. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобъ этотъ выборъ зависѣлъ прямо отъ мнѣнія части, чтобъ она избирала своихъ унтеръ-офицеровъ, какъ дѣлалось въ скоро набранной арміи Соединенныхъ Штатовъ. Такая система возможна для ополченія, а не для постоянныхъ войскъ, душу которыхъ составляетъ дисциплина; подчиненные не могутъ быть законными оцѣнщиками своего начальника. Надобно пріискать для этого иное основаніе.

Другая потребность нашего войска, и потребность несомнѣнная, состоитъ въ возобновленіи существовавшаго прежде разряда отборныхъ людей, упраздненнаго вмѣстѣ съ расформированіемъ гренадерскихъ и карабинерныхъ ротъ при баталіонахъ. Человѣкъ не можетъ жить одними отвлеченными чувствами безъ личныхъ цѣлей и надеждъ, возбуждающихъ его дѣятельность; онъ заснетъ безъ нихъ, станетъ вялымъ автоматомъ. Но въ такомъ искусственномъ учрежденіи, какъ регулярное войско, бо́льшая часть обыкновенныхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности не имѣетъ мѣста. Военному человѣку, особенно на низшихъ ступеняхъ, не предоставлено ни наживать состояніе честнымъ трудомъ, ни заботиться о пріобрѣтеніи общественнаго положенія, которое бы его обезпечивало. Между тѣмъ обыкновенная доля эгоизма, забота о своей личности, остается у людей та же самая, какъ ихъ ни поставить. Стѣсняющія условія только сосредоточиваютъ ее, переносятъ всю энергію человѣка съ мотивовъ дѣятельности, которые у него отняты, на тѣ, которые у него остались. Изо всѣхъ личныхъ эгоистическихъ

Digitized by Google

побужденій, способныхъ подстрекать дѣятельность, у военнаго человѣка остается только одно, честолюбіе. Быть отличеннымъ въ глазахъ товарищей, стать на высшую ступень въ своей средѣ, вотъ что замѣняетъ для него массу многоразличныхъ побужденій, вызывающихъ энергію дѣятельности въ гражданской жизни. Честолюбіе въ военной службѣ становится главнымъ рычагомъ личной дѣятельности, и забывать это хоть на минуту значитъ забывать что человѣкъ есть человѣкъ. Въ солдатѣ это чувство дѣйствуетъ столько же какъ и во всякомъ другомъ. Бывали арміи автоматическія, отрицавшія у солдата душу, старавшіяся обратить его въ машину, но онѣ никогда не могли выстоять противъ живыхъ армій, противъ арміи съ душой. Солдату необходима должна быть открыта перспектива къ отличію,—не къ отличію зависящему только отъ случая выпадающаго немногимъ, какъ крестъ, но къ такому, котораго каждый человѣкъ могъ бы добиться навѣрное при должномъ стараніи, которое падало бы не на нѣсколькихъ счастливцевъ,—возбужденіе еще недостаточное, — но на массу людей, на четверть по крайней мѣрѣ всего числа служащихъ. Люди, доказавшіе опытомъ свое пониманіе военнаго дѣла, всѣ безъ исключенія считали подобную приманку, вызывающую соревнованіе, первымъ условіемъ для качества войска. Наполеонъ I говорилъ: „еслибы въ моей арміи служили великаны и карлики, я бы составилъ отборныя части для великановъ и карликовъ, чтобы не было никакой группы солдатъ, въ которой человѣкъ не имѣлъ бы въ виду возможности подняться надъ товарищами.“ Когда въ военномъ человѣкѣ не возбуждено соревнованія, онъ составляетъ только половину самого себя. Перспектива унтеръ-офицерскаго званія не можетъ замѣнить такую приманку, вопервыхъ потому, что ихъ приходится менѣе чѣмъ одинъ на двадцать рядовыхъ, стало-быть шансы на повышеніе слишкомъ ограничены; вовторыхъ потому, что качества требуемыя отъ рядоваго и унтеръ-офицера не одинаковы: отличнѣйшій солдатъ можетъ не годиться въ унтеръ-офицеры. Возстановленіе отборныхъ людей въ каждой части составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей нашей арміи. Первый изъ русскихъ военныхъ людей, разсѣкшій гордіевъ узелъ нескончаемой кавказской войны, сжившійся съ войскомъ какъ никто другой, считаетъ это условіе самымъ важнымъ для качества нашего солдата, это неоднократно я

Digitized by Google

имѣлъ честь слышать отъ него. Но при нынѣшнемъ дѣленіи баталіона на стрѣлковую и линейныя роты, учрежденіе еще особой отборной роты стало совершенно неудобнымъ. Притомъ же, самая цѣль такого учрежденія вовсе не требуетъ, чтобъ отборные люди были отдѣляемы въ особыя группы, они должны быть разлиты по всей части, какъ кровь въ тѣлѣ. Извлеченіе лучшихъ людей ослабляетъ фронтъ; признаніе же, видимая отмѣтка, данная имъ, съ оставленіемъ во фронтѣ, укрѣпляетъ его; такимъ образомъ каждое звено стрѣлковой цѣпи, каждые два ряда въ строю будутъ имѣть въ головѣ своего признаннаго руководителя. Отношеніе числа отборныхъ людей къ общему числу строевыхъ должно быть таково, чтобы всякій солдатъ имѣлъ увѣренность, что добьется повышенія, если захочетъ. Нормальная пропорція, какъ она была до учрежденія стрѣлковыхъ ротъ,—четвертая часть, одинъ отборный на четырехъ рядовыхъ.

Прежній способъ назначенія отборныхъ людей не годится: онъ ведетъ только къ тому, что ихъ станутъ выдѣлять какъ выдѣляли тогда, больше по наружной чѣмъ по внутренней оцѣнкѣ. Между тѣмъ въ нихъ именно должна сказаться нравственная сила части. Эти люди должны стать признанными руководителями массы, вполнѣ владѣть ея довѣріемъ. Какъ ни назвать ихъ — рядовыми перваго разряда, старшими, или иначе, — имъ надо предоставить нѣкоторыя преимущества и первое мѣсто, но вовсе не нужно предоставлять какой-либо степени власти надъ товарищами, дѣлать ихъ капралами; надобно, чтобъ остальные видѣли въ нихъ не начальство, а равныхъ, но признанныхъ общимъ голосомъ лучшими людьми; тогда только примѣръ ихъ и вліяніе на толпу станутъ прочными. Но избраніе начальствомъ не можетъ придать человѣку такого нравственнаго положенія между товарищами; только общее мнѣніе можетъ поставить его на эту высоту: Такъ какъ эти отборные люди не будутъ начальниками, то въ отношеніи къ нимъ нечего заботиться объ основномъ правилѣ дисциплины, чтобы всякая власть исходила свыше, была бы отраженіемъ другой высшей власти; выборъ ихъ можно предоставить самой ротѣ, какъ предоставляется ей избирать людей заслужившихъ Георгіевскій крестъ; для обезпеченія ихъ нравственнаго вліянія это даже необходимо. За ротнымъ командиромъ должны остаться въ этомъ случаѣ только два права: не допускать къ производству въ старшіе

Digitized by Google

годныя для одного только назначенія, когда на тѣ же деньги можно было содержать хорошія войска, пригодныя для всякихъ назначеній? Теперь мѣстныя войска сравнены содержаніемъ съ дѣйствующими; остается только та экономія, что при нихъ не содержатъ обоза. Въ мирное время эта экономія весьма не значительна, такъ какъ и въ дѣйствующихъ частяхъ обозъ сокращается до послѣдняго предѣла; въ военное она становится ощутительною; но тогда всѣ обязанности, возлагаемыя теперь на мѣстныя войска безъ обоза, могутъ быть исполнены ополченіемъ.

Произвольное, необусловленное необходимостью дѣленіе одного оружія, какъ линейная пѣхота, на разные виды, только раздробляетъ безъ нужды армію. Можно предвидѣть въ общихъ чертахъ, сколько потребуется силъ при войнѣ, на томъ или другомъ военномъ театрѣ; но никогда нельзя предвидѣть заранѣе мѣстное ихъ расположеніе; гораздо лучше, чтобы каждый баталіонъ, находящійся на театрѣ войны, могъ быть употребленъ вездѣ, гдѣ окажется нужнымъ. Конечно, въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, является иногда исключительно мѣстная потребность въ войскахъ; на пустынныхъ окраинахъ Имперіи приходится формировать отдѣльные баталіоны, для занятія далеко раскиданныхъ одинъ отъ другаго пунктовъ. Въ Сибири и въ Оренбургскомъ краѣ дѣленіе пѣхоты на линейные баталіоны отвѣчаетъ потребности. Но никакой не можетъ быть цѣли держать посреди массы дѣйствующихъ войскъ другую, совершенно отдѣльную массу войскъ мѣстныхъ, каковы кавказскіе линейные баталіоны. 37 этихъ баталіоновъ, то-есть три пѣхотныя дивизіи, обращены въ мѣстное, гарнизонное войско, не существующее въ итогѣ боевыхъ силъ арміи, не только потому что оно не можетъ быть сдвинуто съ мѣста за неимѣніемъ обоза, но еще болѣе потому, что по низшему своему качеству, оно мало годится для войны, хотя стоитъ столько же какъ и самые лучшіе полки. Отдѣльное существованіе въ кавказской арміи такой огромной массы чисто мѣстныхъ войскъ не только не нужно теперь, но оно никогда не было нужно; сформированіе его съ перваго же дня было ошибкой. Пока продолжалась кавказская война, значеніе мѣстныхъ пунктовъ, для занятія которыхъ были предназначены линейные баталіоны, измѣнялось постоянно; пункты, важные первоначально, съ теченіемъ времени

Digitized by Google

становились ненужными; несмотря на то, линейные баталіоны, какъ были разъ по нимъ разставлены, такъ и оставались, оттого только что ихъ некуда было дѣвать какъ безъобозное войско, они для похода не годились. Даже въ послѣднюю турецкую войну, въ то время когда намъ приходилось идти въ числѣ семи тысячъ на пятьдесятъ, несмотря на жгучую потребность въ войскахъ, многіе линейные баталіоны, совершенно безполезные на своемъ мѣстѣ, такъ и оставались тамъ, по той же причинѣ. Въ гарнизоны передовыхъ укрѣпленій также ставили иногда дѣйствующія части изъ-за того только, чтобъ избѣжать расходовъ на устройство новой штабъ-квартиры линейнымъ, въ случаѣ передвиженія ихъ. Во все продолженіе кавказской войны по крайней мѣрѣ треть этого гарнизоннаго войска содержалась безполезно, изъ-за того лишь что оно было гарнизонное, то-есть неподвижное. Качество его всегда стояло не высоко: внутреннее управленіе было въ немъ хуже, злоупотребленія крупнѣе, людей налицо меньше, незаконное частное хозяйство баталіонныхъ и ротныхъ командировъ иногда разросталось до неимовѣрности. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что эти баталіоны были бы столь же хороши какъ и другіе кавказскіе, еслибы были поставлены на одну ногу съ ними. Дѣйствующіе полки могли бы точно также стоять по частямъ въ гарнизонахъ укрѣпленій (и стоять гораздо исправнѣе), не переставая быть походными и боевыми войсками; перемѣщеніе ихъ, вынуждаемое обстоятельствами, совершалось бы гораздо легче, а кавказская армія была бы сильнѣе тремя дивизіями. Прежде сохраняли линейные баталіоны, потому что они стоили дешевле; теперь нѣтъ и этой причины. Давно пора переформировать 37 кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ въ три дѣйствующія дивизіи. Тогда, съ началомъ войны, ихъ можно будетъ двинуть куда окажется нужнымъ, замѣняя гарнизоны внутреннимъ войскомъ-ополченіемъ, что теперь невозможно, сколько бы ни было ополченія подъ рукой, такъ какъ эти баталіоны, по своему устройству, неподвижны, а по качеству, не слишкомъ надежны для войны. Считая нужныя Россіи силы въ 60 пѣхотныхъ дивизій (кромѣ отборныхъ, но со включеніемъ сибирскихъ и оренбургскихъ войскъ), сформированіе трехъ боевыхъ дивизій изъ кавказскихъ линейныхъ войскъ пойдетъ въ этотъ

Digitized by Google

счетъ, не прибавляя ни одного лишняго человѣка къ итогу военнаго положенія.

Нынѣшнее военное министерство уже сдѣлало рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи. Финляндскіе линейные баталіоны переформированы въ дѣйствующіе полки; весьма желательно, чтобъ это преобразованіе было распространено и на Кавказъ. Тогда, съ началомъ дѣйствій, можно будетъ размѣстить войска смотря по потребностямъ минуты, чего заранѣе нельзя предвидѣть.

Очевидно также, что съ устройствомъ ополченія и крѣпостные полки станутъ не нужны, кромѣ небольшихъ мѣстныхъ командъ. Въ мирное время крѣпости могутъ быть заняты полевыми войсками, какъ вездѣ въ Европѣ; въ военное — мѣсто ихъ займетъ ополченіе. Приготовленія къ большой войнѣ не совершаются въ одинъ день; заранѣе устроенное ополченіе можетъ быть вызвано и размѣщено по своимъ мѣстамъ въ то же время, пока къ дѣйствующимъ полкамъ станутъ собираться безсрочные. Снаряженіе его можно дополнить уже на мѣстѣ.

Бо́льшая часть нынѣшнихъ губернскихъ баталіоновъ содержится только на тотъ случай, чтобы было кому заступить караулы съ отбытіемъ къ границѣ полевыхъ полковъ. При узаконенномъ ополченіи, существованіе ихъ для этой цѣли окажется излишнимъ. Отдѣляя по сту человѣкъ (одинъ взводъ) отъ каждой земской дружины, что̀ нисколько не ослабитъ ея боевой силы, получимъ 48.000 (равное численности нынѣшнихъ губернскихъ баталіоновъ) для занятія внутреннихъ карауловъ. При организованномъ ополченіи можно будетъ упразднить всѣ эти внутренніе баталіоны въ мѣстностяхъ, гдѣ обыкновенно бываютъ расположены полевыя войска.

Самое устройство нашей внутренней стражи, хотя значительно улучшенной въ послѣднее время, вызываетъ многія замѣчанія. Назначеніе этой стражи охранять внутреннее спокойствіе. На ней лежитъ четыре рода обязанностей: 1) подавлять незаконныя волненія, 2) преслѣдовать людей нарушающихъ силою общественную безопасность, 3) стеречь тюрьмы и препровождать арестантовъ, 4) занимать городскіе караулы. Три первыя обязанности во всей Европѣ возложены на жандармовъ. Кто не знаетъ, что наша внутренняя стража, состоящая изъ солдатъ втораго разряда, то-есть, приблизи-

Digitized by Google

тельно, изъ плохихъ солдатъ, почти радикально не способна къ нимъ. Неспособность эту восполняли до сихъ поръ только тѣмъ, что замѣщали качество количествомъ, то-есть ставили трехъ если не четырехъ гарнизонныхъ солдатъ тамъ, гдѣ можно было бы обойдтись однимъ хорошимъ жандармомъ.

Въ главныхъ европейскихъ государствахъ число жандармовъ и вооруженныхъ полицейскихъ, замѣняющихъ нашу внутреннюю стражу, слѣдующее.

Во Франціи.	24.791
Въ Австріи.	12.432
Въ Италіи.	21.236

Внутренняя стража еще недавно составляла у насъ 140 тысячъ. Теперь, хотя она въ значительной степени замѣщена дѣйствующими войсками, въ ней заключаются еще 53 баталіона и 606 разныхъ командъ, численность которыхъ составляла въ 1864 г. (по послѣднему публикованному отчету о состояніи арміи) 94.000, а съ жандармами 100.000. Число это, съ выходомъ полевыхъ войскъ, занимающихъ многіе внутренніе караулы, должно значительно увеличиться.

Въ настоящее время улеглось уже броженіе, вызванное въ началѣ освобожденіемъ крестьянъ; вѣроятно, не придется часто совершать вооруженныя экзекуціи противъ вольнаго русскаго народа. Но и въ прежнее время, когда такія экзекуціи случались чаще, какъ только безпорядки принимали нѣсколько обширные размѣры, напримѣръ, распространялись на большое село или волость, внутренняя стража, столь многочисленная тогда, оказывалась недостаточною для подавленія ихъ; приходилось вызывать полевыя войска. Люди зрѣлаго возраста должны помнить довольно подобныхъ случаевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такихъ обстоятельствахъ 25 хорошихъ жандармовъ сдѣлаютъ гораздо больше ста инвалидовъ. При ополченіи, всегда можно будетъ созвать на такой конецъ достаточную земскую силу изъ другихъ участковъ, чуждыхъ мѣстности гдѣ происходятъ безпорядки.

Всѣмъ извѣстно, что, несмотря на присутствіе внутри Имперіи ста тысячъ вооруженныхъ людей, которымъ исключительно вѣрено охраненіе общественной безопасности (и кромѣ того еще столькихъ полицейскихъ служителей), преслѣдованіе злоумышленниковъ, способныхъ къ сопротивленію—обязанность возлагаемая въ Европѣ на жандармовъ—

Digitized by Google

исполняется у насъ безоружными понятыми. Сто тысячъ гарнизонныхъ солдатъ не принимаютъ въ ней никакого участія. Для охраны тюремъ и конвоированія арестантовъ наша внутренняя стража совсѣмъ не годится. Частыя преступленія въ нашихъ тюрьмахъ, частые примѣры злодѣевъ, такъ легко убѣгающихъ отъ преслѣдованія, достаточно доказываютъ эту истину. * Для подобныхъ обязанностей, помимо караула арестантовъ, нужны люди расторопные, опытные, посвященные въ это дѣло, настоящіе жандармы, вооруженные вдобавокъ не ружьемъ, а револьверомъ. Какъ требовать отъ караульнаго унтеръ-офицера, не только солдата, чтобъ онъ зналъ всѣ уловки заматорѣлыхъ арестантовъ. Кто разъ посѣтилъ европейскую тюрьму, съ перваго взгляда увидитъ, что въ нашихъ острогахъ надзоръ за преступниками производится только наружно и совершенно механически; то же самое и при конвоированіи ихъ; не говоря уже о томъ, что сами часовые, по врожденной русскому человѣку добротѣ, а иногда и изъ интереса, служатъ проводниками въ сообщеніи арестантовъ съ ихъ товарищами оставшимися на волѣ. Въ такомъ положеніи дѣла остается только одно средство—замѣнять качество количествомъ, не удвоивать, а удесятерять количество приставниковъ; но несмотря на то, десять часовыхъ, требующихъ 30 человѣкъ въ карауле и 90 для смѣны карауловъ, не могутъ замѣнить нѣсколькихъ постоянныхъ, а потому опытныхъ жандармовъ. Оттого у насъ внутренняя стража, которая никогда не ловитъ, а только стережетъ преступниковъ, не вдвое (какъ слѣдовало бы по разчету населенія), а вчетверо многочисленнѣе французской, которая и ловитъ, и стережетъ, и исполняетъ политическія обязанности, вовсе чуждыя нашей.

Затѣмъ на внутренней стражѣ лежитъ еще содержаніе карауловъ при особыхъ учрежденіяхъ, какъ казначейства и пр. Но тутъ можно спросить, кто видалъ часовыхъ при англійскихъ не военныхъ казначействахъ? Охраненіе ихъ ввѣрено нѣсколькимъ надежнымъ сторожамъ и полиціи, однакожъ воры залѣзаютъ въ нихъ гораздо рѣже чѣмъ въ наши.

* Когда за Кавказомъ формировалась конная милиція для Турецкой войны, я сказалъ одному сотенному начальнику, Татарину, что люди его на войнѣ ничего не будутъ стоить. „Можетъ-быть у другихъ, отвѣчалъ онъ, а не у меня; я набралъ свою сотню изъ молодцовъ: все бѣглые изъ Сибири, да изъ остроговъ."

Digitized by Google

Нашу внутреннюю стражу нельзя преобразовать, въ ней нѣтъ вовсе элементовъ, изъ которыхъ могло бы что-нибудь выйдти; ее нужно замѣнить новымъ учрежденіемъ, одинаково экономическимъ и приспособленнымъ къ дѣлу, жандармами, какъ во всей Европѣ.

Для караула при небольшомъ острогѣ, въ которомъ стоитъ только 10 часовыхъ, нужно 90 человѣкъ комплекта, кромѣ унтеръ-офицеровъ; между тѣмъ какъ 30 и даже меньше опытныхъ жандармовъ, съ револьверомъ въ карманѣ, могутъ исполнять эту обязанность не обременяя себя. Такъ и во всемъ остальномъ. Можно смѣло сказать, что въ большомъ губернскомъ городѣ, для охраненія тюремъ, казначействъ, преслѣдованія злоумышленниковъ, достаточно сотни или полуторы сотни исправныхъ, опытныхъ и вооруженныхъ людей, употребляемыхъ какъ слѣдуетъ; ихъ не замѣнитъ цѣлый баталіонъ внутренней стражи. Такихъ людей достаточно кругомъ по 25 на уѣздъ, считая больше въ уѣздахъ, черезъ которые проходитъ этапная дорога, и меньше въ такихъ, гдѣ ея нѣтъ. На среднюю губернію въ милліонъ жителей и 10 уѣздовъ, съ ея губернскимъ городомъ, жандармовъ придется не болѣе 355—375 человѣкъ. Прибавляя излишекъ на столицы и другіе важные пункты, положимъ 450. За исключеніемъ Финляндіи, Кавказа, казачьихъ войскъ и кочевыхъ народовъ, гдѣ внутренней стражи нѣтъ, жандармовъ понадобится на всю Россію не больше 30 тысячъ; и можно поручиться, что эти жандармы будутъ охранять общественное спокойствіе гораздо лучше чѣмъ нынѣшнія гарнизонныя войска. Жандармовъ можно сформировать и изъ служащихъ, и изъ отставныхъ солдатъ, на содержаніи, которое получаютъ вольнонаемные полицейскіе служители, но съ тѣмъ, чтобъ эти отставные знали, что пока они остаются въ добровольно принятомъ званіи, они несутъ государственную службу и вполнѣ отвѣчаютъ за нее. Жандармскій корпусъ также естественно включить въ это число. Наконецъ, сюда же могутъ быть присоединены, хотя бы сверхъ комплекта, нынѣшніе городовые и полицейскіе, не составляющіе покуда никакой публичной силы, но которые, подобранные болѣе тщательно, сформированные въ правильную команду и вооруженные, наряжаемые наравнѣ съ прочими въ полицейскую службу по очереди, но независимые отъ полиціи въ своемъ домашнемъ быту, будутъ

Digitized by Google

гораздо полезнѣе чѣмъ теперь. Вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ гарнизонныхъ офицеровъ приходящихся на губернію, тогда будетъ достаточно 10 или 12; въ этомъ числѣ жандармскіе офицеры, выбранные какъ слѣдуетъ, могутъ оказаться чрезвычайно полезными сотрудниками уголовной полиціи, столь еще слабой у насъ. Чтобы жандармы были хороши, надобно приманивать въ эту службу достаточнымъ содержаніемъ. Кромѣ нынѣшнихъ полицейскихъ, уже обезпеченныхъ, содержаніе 30 тысячъ жандармовъ, еслибъ оно было даже двойное въ стоимости противъ полевыхъ войскъ, составило бы расходъ на 60 тысячъ, а не на 100, какъ теперь (считая съ жандармскимъ корпусомъ). Это единственное оружіе, въ которое можно призывать охотниковъ, такъ какъ высокое содержаніе привлечетъ естественно людей благонадежныхъ. Содержаніе сорока тысячъ человѣкъ осталось бы въ экономіи, а внутренняя стража стала бы тѣмъ чѣмъ она должна быть: надежною охранительницей общественной безопасности.

Очевидно также, что съ учрежденіемъ ополченія можно будетъ сильно сократить число нестроевыхъ людей, состоящихъ теперь при арміи. Полагая при каждой дружинѣ по разчету должное количество нестроевыхъ, съ переходомъ на военное положеніе всю массу ихъ будемъ имѣть подъ рукой. Нечего сомнѣваться, что съ тесакомъ и въ мундирѣ русскій простолюдинъ будетъ одинаково считать себя ополченцемъ и въ строю, и внѣ его. Этими людьми, не требующими приготовленія, а потому и не подлежащими ежегодному сбору, можно будетъ замѣнить: 1) госпитальныя, провіантскія и коммиссаріатскія команды (при огромномъ количествѣ первыхъ, потребномъ на войнѣ, ихъ невозможно составлять исключительно изъ привычныхъ служителей. довольно чтобы главные между ними были подготовлены); 2) рабочую силу крѣпостныхъ артиллерійскихъ гарнизоновъ; 3) фурштатовъ при полкахъ; 4) всѣхъ фурщиковъ (одни артиллерійскіе парки требуютъ большаго числа этихъ людей; съ передѣлкой запасныхъ ящиковъ въ четырехколесные каждый крестьянскій парень можетъ быть фурщикомъ); 5) деньщиковъ. Послѣдній разрядъ возбуждаетъ сомнѣніе: можно ли отдать равноправнаго человѣка въ услуженіе другому? На практикѣ, при существующихъ покуда понятіяхъ, принимая, что человѣкъ самъ на то согласенъ, какъ нынѣшніе деньщики изъ солдатъ, на этотъ вопросъ можно

Digitized by Google

отвѣчать утвердительно. Только надобно придать деньщику военный видъ какимъ-нибудь оружіемъ, хоть тесакомъ, и затѣмъ считать его на правахъ вѣстоваго. Въ нашей арміи должно быть не менѣе 30 тысячъ деньщиковъ, людей отнятыхъ у фронта. Военное министерство озабочивается этимъ вопросомъ, но найдти ему разрѣшеніе можно только въ ополченіи. Въ мирное время деньщиковъ легко замѣнить деньгами на наемъ служителя, но въ военное деньги недостаточны; за обыкновенную плату вольные люди не пойдутъ въ походъ, а между тѣмъ, тутъ-то служители и необходимы офицерамъ. Имѣя полное число нестроевыхъ для военнаго времени, можно вовсе не держать ихъ при полкахъ въ мирное; для исполненія же необходимыхъ нестроевыхъ обязанностей могутъ быть наряжаемы, поочередно, люди изъ фронта; только непремѣнно по очереди, чтобы солдатъ не отрывался на долго отъ своего прямаго дѣла.

Наконецъ, при регулированномъ ополченіи и сокращеніи дѣйствующихъ войскъ въ мирное время въ кадровый составъ, можетъ получиться еще одна экономія. Содержаніе полнаго числа офицеровъ на треть комплекта людей не нужно въ служебныхъ видахъ. Но при этомъ надобно имѣть въ виду двѣ вещи: 1) что офицеръ, свободно отдавшійся правительству, долженъ быть обезпеченъ отъ всякихъ случайностей, несмотря ни на какія сокращенія штатовъ. Требуя отъ человѣка, чтобъ онъ выработалъ себя для спеціальности, необходимой обществу, но отвлекающей его отъ всякаго другаго рода знаній, нельзя сказать ему, пока онъ достойно носитъ свое званіе, — ты больше не нуженъ. Подобный насильственный роспускъ офицеровъ можетъ убить нравственно армію. Стóитъ обратить вниманіе на образъ дѣйствій французскаго правительства въ прошломъ году: уменьшая численность ротъ, а потому и офицеровъ въ своей арміи, оно ни одного изъ нихъ не бросило на произволъ судьбы, обезпечило участь каждаго. Если безсрочные солдаты, достаточно обученные, могутъ быть вполнѣ удовлетворительными послѣ продолжительнаго отпуска, то объ офицерахъ нельзя сказать того же: они должны знать гораздо больше, должны слѣдить за развитіемъ военнаго дѣла въ своемъ оружіи; а потому офицеръ, возвратившійся изъ долгаго отпуска, часто окажется много перезабывшимъ и сильно отставшимъ. Для офицеровъ безсрочные отпуски не

Digitized by Google

пригодны, но они могутъ быть замѣнены срочными отпусками. Чтобы не содержать напрасно полнаго числа офицеровъ въ кадровой части, лучше всего предоставить трети наличнаго числа ихъ право годоваго, невысчитываемаго изъ службы отпуска, съ половиннымъ содержаніемъ, на условіи находиться при годовомъ созывѣ безсрочныхъ, въ сборномъ пунктѣ, ближайшемъ къ мѣсту ихъ жительства. За это время, конечно, имъ должно выдаваться полное жалованье. Подобное установленіе будетъ значительною льготой для высшихъ классовъ и вообще для людей имѣющихъ какое-нибудь состояніе, и въ то же время составитъ главное подспорье для обученія безсрочныхъ во время ежегоднаго сбора. Дѣйствительность такой мѣры можетъ оказаться только на практикѣ; но, вѣроятно, найдется значительное число охотниковъ; если оно дойдетъ до предѣла, то содержаніе офицеровъ въ мирное время сократится на одну шестую. Съ умень шеніемъ числа субалтернъ-офицеровъ, возможность которой указана выше, сумма ежегодно расходуемая на офицерское жалованье можетъ сбавиться значительнымъ процентомъ.

При всѣхъ вышеизложенныхъ преобразованіяхъ, чрезвычайно усиливающихъ государство для войны, въ содержаніи пѣхоты и мѣстныхъ войскъ по мирному положенію можетъ получиться большая экономія.

Численное состояніе нашей арміи на нынѣшній годъ еще не опубликовано, но соображаясь съ произведенными сокращеніями, количество пѣхоты (пѣхотныхъ полковъ, стрѣлковыхъ и линейныхъ баталіоновъ) должно быть около 500 тысячъ.

При устройствѣ, изложенномъ въ этихъ письмахъ, оно составляло бы по мирному положенію, сообразно съ обстоятельствами текущаго времени:

Дѣйствующія войска:

60 пѣхотныхъ дивизій въ кадровомъ составѣ по 320 человѣкъ въ баталіонѣ	249.600
9 отборныхъ дивизій въ подвижномъ составѣ по 680 человѣкъ въ баталіонѣ	61.200
Добавленіе на содержаніе четырехъ кавказскихъ дивизій (по 13 баталіоновъ каждая) въ комплектѣ	35.350
Добавленіе на содержаніе трехъ дивизій, сформирован-	

Digitized by Google

выхъ изъ кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, въ подвижномъ составѣ 680 человѣкъ въ баталіонѣ*	18.000
Добавленіе на содержаніе четырехъ дивизій въ комплектѣ на западной границѣ	35.350
Добавленіе на содержаніе оренбургскихъ и сибирскихъ баталіоновъ въ комплектѣ.	7.600
	407.100

Сокращеніе людей содержимыхъ въ мирное время выходитъ противъ нынѣшняго положенія слишкомъ на 90 тысячъ.

Мѣстныя войска:

Внутренная стража, вмѣстѣ съ жандармскимъ корпусомъ, составляетъ 100 тысячъ. По нашему исчисленію ее можно замѣнить 30 тысячами жандармовъ, которые будутъ стоить, положимъ, столько же какъ 60, стало-быть уменьшеніе расходовъ получится на	40.000 чел.
Крѣпостные полки	13.500 „
	53.500 чел.

Не считая многія нестроевыя команды, которыя также можно уменьшить, когда для замѣщенія ихъ будетъ существовать ополченіе, возможность гуртоваго сокращенія расходовъ на пѣхоту, по мирному положенію, доходитъ до стоимости 146.000 человѣкъ. Но изъ этого числа надобно вычесть 28.000 человѣкъ ополченія и 27.000 безсрочныхъ, представляемыхъ по годовому разчету трехнедѣльнымъ сборомъ тѣхъ и другихъ для упражненій, всего 55 тысячъ, такъ что дѣйствительное сокращеніе будетъ около 90 тысячъ человѣкъ, на сумму приблизительно 6 милліоновъ. Треть этой экономіи пойдетъ на содержаніе 17-ти новыхъ дивизіонныхъ и 59-ти полковыхъ штабовъ (съ отборными войсками, не считая дивизій изъ линейныхъ баталіоновъ, имѣющихъ уже соотвѣтственныя учрежденія), также на кадры 20-ти артилерійскихъ бригадъ, которыя нужно создать при вновь сформированной пѣхотѣ. Остатки отъ роспуска фурштатовъ, отъ уменьшенія числа субалтернъ-офицеровъ, отъ половин-

* Кавказская армія была бы такимъ образомъ сокращена на 21.000 человѣкъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнему положенію дѣлъ. Съ окончаніемъ горской войны слишкомъ мало облегчилось бремя, которое государство несетъ изъ-за этого края, между тѣмъ какъ въ западныхъ губерніяхъ, только что стихнулъ бунтъ, сейчасъ же стали распускать войска.

Digitized by Google

наго жалованья отпускныхъ офицеровъ, отъ упраздненія по мѣрѣ убыли большаго числа различныхъ чиновъ, состоящихъ при арміи безъ занятій, покроютъ съ излишкомъ, по моему разчету, содержаніе корпуса офицеровъ во вновь создаваемыхъ войскахъ. Около четырехъ милліоновъ можетъ оказаться въ экономіи.

Но какъ только наступитъ возможность приведенія въ кадровое состояніе еще другихъ войскъ, напримѣръ, двухъ дивизій изъ четырехъ предполагаемыхъ въ комплектѣ на западной границѣ и трехъ кавказскихъ, сформированныхъ изъ линейныхъ баталіоновъ (срокъ этотъ зависитъ отъ большей или меньшей дѣйствительности политическихъ мѣръ, принимаемыхъ на той и другой окраинѣ), то въ экономіи остается уже не 90, а 120 тысячъ человѣкъ.

XVII.

Въ статьѣ *Обзоръ дѣятельности военнаго министерства за послѣднее пятилѣтіе* * г. Обручевъ говоритъ:

„Когда расходы на военно-сухопутныя силы государства поглощаютъ цѣлую треть его дохода, желаніе каждаго благоразумнаго человѣка естественно должно клониться къ возможно большему сокращенію этихъ издержекъ, а никакъ не къ ихъ увеличенію.... Но несмотря на эту несоразмѣрность издержекъ и на общую тягость государственнаго положенія, ею вызываемаго, было ли бы вполнѣ раціональнымъ искать изъ него выхода единственно путемъ сокращенія расходовъ на армію, пренебрегая всѣми нуждами людей, ее составляющихъ, пренебрегая также и тою матеріальною, технической обстановкой, безъ содѣйствія которой даже самыя геройскія усилія войскъ могутъ рынѣ оставаться безуспѣшными? Думаемъ, что люди практическіе, твердо стоящіе на исторической почвѣ и исключительно на ней вырабатывающіе свои политическіе принципы, признаютъ, напротивъ, что этотъ крайній путь не только не можетъ быть полезенъ государству, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ обратиться ему во вредъ.“

И далѣе:

„Россія тратитъ (на армію) менѣе противъ Франціи и Ав-

* *Военный Сборникъ* за 1865 годъ.

Digitized by Google

гліи, взятыхъ отдѣльно, изъ которыхъ послѣдняя на ту же сумму 120 милліоновъ рублей содержитъ всего 150.000 войска, Нормально ли подобное положеніе? Какимъ, дѣйствительно, образомъ объяснить, что Россія расходуетъ на военную силу менѣе даже чѣмъ двѣ такія бережливыя державы какъ Австрія и Пруссія, разчитывающія каждый бюджетный грошъ, не допускающія въ своихъ войскахъ ни малѣйшей роскоши и едва-едва обезпечивающія ихъ самымъ необходимымъ.... Сырые продукты, потребляемые войсками, такъ же дешевы въ Пруссіи и особенно въ Австріи какъ и въ Россіи; предметы же фабричныхъ и заводскихъ производствъ тамъ дешевле. Очевидно, что люди безпристрастные и вникающіе въ дѣло сами признаютъ, что ограниченность нашихъ расходовъ на войско не можетъ лежать ни въ чемъ иномъ, какъ въ недостаточной обезпеченности его насущнѣйшихъ потребностей, и что прежде чѣмъ возвышать свой голосъ о сокращеніи военныхъ издержекъ, справедливость и благоразуміе заставляютъ подумать: не можетъ ли отозваться подобное сокращеніе на кровѣ, одеждѣ и даже на хлѣбѣ людей, составляющихъ нашу армію."

Къ силѣ подобныхъ доказательствъ нечего прибавить. Армія должна соотвѣтствовать своей цѣли, иначе она будетъ стоить еще дороже, въ томъ смыслѣ, что расходы на нее окажутся непроизводительными, пропадутъ безъ всякой пользы.

Мы видѣли, что съ дальнѣйшимъ устройствомъ арміи, увеличивая ея военныя силы сокращеніемъ сроковъ службы, можно получить въ мирное время, на одной пѣхотѣ, до 4 милліоновъ экономіи; какъ увидимъ дальше, экономія можетъ быть гораздо болѣе на всѣхъ родахъ оружія. Но пока настоятельныя, давно сознанныя нужды арміи не обезпечены, остатки расходовъ военнаго вѣдомства не могутъ быть у него отняты; они должны идти на покрытіе этихъ нуждъ, а между ними есть такія, въ которыхъ выражается не только вопіющій недостатокъ, но общественная фальшь; необходимость заставляетъ отнимать у солдата одною рукой то, что̀ даетъ ему другая, вынуждаетъ его издерживать на казенныя потребности кровныя копѣйки своего жалованья. Это никакъ уже не должно продолжаться.

Военное министерство исчислило сумму, потребную на покрытіе этихъ вопіющихъ нуждъ, около 6 мил. руб., но до сихъ поръ не могло удовлетворить ихъ за недостаткомъ

Digitized by Google

средствъ. Кромѣ этихъ есть еще другіе пробѣлы въ содержаніи арміи, сильно отзывающіеся не только на ея матеріальномъ состояніи, но на ея качествѣ.

Важнѣйшій изъ этихъ пробѣловъ, настоятельно требующій исправленія, есть существующее до сихъ поръ войсковое хозяйство. Оно состоитъ въ томъ, что, по недостаточности многихъ отпусковъ, начальнику части предоставляется въ нѣкоторомъ отношеніи быть ея арендаторомъ, взять на себя ея содержаніе и сводить концы съ концами, посредствомъ солдатскаго труда, какъ онъ знаетъ. Въ подобномъ порядкѣ вещей продолжается старое время, когда солдатъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ правительства и служилъ всю жизнь. Тогда это казалось естественнымъ; но чѣмъ болѣе сокращаются сроки службы, тѣмъ болѣе чувствуется тягость такого смѣшенія обязанностей вверху и внизу; если же сроки сократятся до своего крайняго предѣла, до трехъ съ половиною лѣтъ дѣйствительной службы, оно станетъ совсѣмъ невозможнымъ.

Вопервыхъ, хозяйственное управленіе строевыхъ частей, ввѣренное ихъ начальникамъ, положительно развращаетъ многихъ изъ нихъ. Сколько видалъ я на своемъ вѣку людей, въ которыхъ, пока они еще не командовали частію, были, казалось, всѣ задатки примѣрнаго начальника — и военныя способности, и характеръ, и глубокое знаніе солдата, и серіозный патріотизмъ; а потомъ иногда, глядишь: интересъ взялъ свое, воинъ обратился въ откупщика; въ минуту боя у такого, пожалуй, пробуждается боевая душа, онъ вполнѣ начальникъ; но за нимъ нѣтъ главнаго — уваженія солдатъ: нравственное вліяніе его на подчиненныхъ утрачено.

Вовторыхъ, при двадцатипятилѣтней службѣ солдата, было возможно много такого, что теперь становится уже затруднительнымъ, а съ окончательнымъ сокращеніемъ сроковъ станетъ невозможнымъ. Въ двадцать пять лѣтъ солдатъ имѣлъ время выучиться всякому ремеслу для казенной потребности и въ то же время могъ основательно узнать службу; еслибы, вмѣсто выправки, его учили тогда прицѣльной стрѣльбѣ, онъ могъ быть и хорошимъ сапожникомъ и отличнымъ стрѣлкомъ. Но теперь, когда приходится выставлять въ поле гораздо бо́льшую силу и для того обратить дѣйствующія части въ кадры, черезъ которыя люди только проходятъ; когда эти люди въ срокъ,

Digitized by Google

относительно короткій, должны не только основательно изучить военное дѣло, но проникнуться духомъ его, чтобы потомъ, съ призывомъ къ войнѣ, стать въ ряды настоящими солдатами,—они не могутъ уже быть вмѣстѣ и воинами и полковыми мастеровыми, стрѣлками и портными. Кромѣ того, военное хозяйство отзывается еще множествомъ неблагопріятныхъ послѣдствій. Изъ-за него выходитъ, что наличность людей въ части, кромѣ дней инспекторскихъ смотровъ, почти невозможно учесть: Богъ знаетъ гдѣ они; что солдаты въ массѣ, кромѣ стрѣлковыхъ ротъ, обучены весьма недостаточно; что они утрачиваютъ сознаніе своего чисто военнаго призванія и считаютъ себя солдатами только между прочимъ, въ нѣкоторые дни и часы. Чтобъ у насъ была истинно боевая армія при относительно короткихъ срокахъ службы, непремѣнно нужно уничтожить даже слѣды военнаго хозяйства, — не только пильщиковъ и угольщиковъ, которые понынѣ водятся въ нѣкоторыхъ полкахъ, но всякихъ портныхъ, сапожниковъ, торниковъ и прочихъ; надобно кормить, одѣвать и снабжать войско всѣмъ нужнымъ съ подряда, какъ въ другихъ странахъ. Экономія военнаго вѣдомства должна быть покуда исключительно обращена на этотъ предметъ. Можно желать только, чтобы военный бюджетъ не возрасталъ. Когда армія будетъ вполнѣ устроена, тогда естественно всякій излишекъ станетъ возвращаться государству.

При изложенномъ устройствѣ, дѣйствующая армейская пѣхота, приведенная въ кадровый составъ по мирному положенію, будетъ заключать въ себѣ, даже со всѣми добавленіями, вынуждаемыми текущими обстоятельствами, только $^{9}/_{20}$ боеваго комплекта—407.000 налицо и 463.000 въ отпуску; съ приведеніемъ же въ кадры цѣлымъ составомъ, налицо находилось бы 310.000, то-есть немногимъ больше трети. Присоединяя къ постояннымъ войскамъ строевое ополченіе, выходитъ, что даже при предполагаемомъ пока высшемъ составѣ многихъ частей, въ рядахъ стояло бы 407.000 пѣхотныхъ бойцевъ на 1.350.000 то-есть $^{6}/_{20}$, а при полномъ сокращеніи 310.000 на то же число, то-есть между $^{4}/_{20}$ и $^{5}/_{20}$. Такимъ образомъ двѣ трети, а современемъ три четверти и еще болѣе русской пѣхоты, находилось бы дома. Очевидно, при этой системѣ, попеченіе о людяхъ, распущенныхъ по домамъ, становится столько же важнымъ какъ и попеченіе о строевыхъ частяхъ; въ мирное

Digitized by Google

время главная часть арміи будетъ жить уже не подъ знаменемъ, а на родинѣ, въ своихъ рекрутскихъ участкахъ; а потому мѣстное военное управленіе участками потребуетъ большой заботливости. Нужно будетъ не только держать въ совершенномъ порядкѣ списки безсрочнымъ и ополченцамъ, но постоянно исправлять и пополнять ихъ; ополченцевъ надобно ежегодно сортировать, ставить каждаго на свое мѣсто и отдѣлять строевыхъ отъ нестроевыхъ; наконецъ, необходимо ежегодно сзывать и обучать какъ безсрочныхъ, такъ и ополченцевъ.

Комплектованіе всѣхъ частей арміи — отборныхъ войскъ, инженерныхъ, артиллерійскихъ и всѣхъ необходимыхъ въ мирное время командъ, должно быть, конечно, включено въ число рекрутъ, выставляемыхъ полковымъ участкомъ. Учрежденіе этихъ участковъ можетъ быть распространено только на части Имперіи совершенно благонадежныя по духу массы (каковы бы ни были шляхетскія сословія), на тѣ части, изъ которыхъ можно безопасно вызывать ополченіе; населеніе таковыхъ областей мы исчислили приблизительно въ 64 милліона. Рекруты неблагонадежныхъ мѣстностей, не подѣленныхъ на участки, должны быть распредѣляемы по полкамъ сообразно съ разною пропорціей убыли. Мы исчислили нужныя нашему отечеству силы въ 240 пѣхотныхъ полковъ (кромѣ отборныхъ войскъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ) и 480 земскихъ дружинъ. Такимъ образомъ, на каждый полковой рекрутскій участокъ придется двѣ дружины ополченія, стало-быть населеніе его будетъ 266—267 тысячъ душъ обоего пола: смотря по губерніи два, три или четыре уѣзда. Шестьдесятъ четыре милліона русскаго населенія (за исключеніемъ Финляндіи, Царства Польскаго, Кавказа, казачьихъ войскъ и инородческихъ народовъ) подѣлятся на 240 полковыхъ рекрутскихъ участковъ. Мы разчитаемъ теперь, сколько каждому участку придется выставлять ежегодно какъ рекрутъ, такъ и ополченцевъ.

1) При 12-ти-лѣтней службѣ годовое число рекрутъ на трехъ-баталіонный пѣхотный полкъ 300

2) На отборныя войска . . . . . $33^{6}/_{10}$

3) На стрѣлковые баталіоны . . . . . $26^{6}/_{10}$

На прочія части, принимая въ основаніе отношеніе численности различныхъ войскъ по состоянію арміи въ 1864 г. (послѣдній публикованный отчетъ) выйдетъ:

Digitized by Google

4) На артиллерію полевую, съ добавленіемъ двадцати пѣшихъ бригадъ	$28^{3}/_{10}$
5) На инженерныя войска	6
6) На гарнизонную артиллерію	$10^{2}/_{10}$
7) На резервныя войска (полковыя депо), полагая по одной кадровой ротѣ на пѣхотный полкъ и по одному взводу на артиллерійскую бригаду	$8^{8}/_{10}$
8) На необходимое число разныхъ командъ въ мирное время (по нынѣшнему несокращенному положенію)	13
Итого	426
9) Ежегодно выставляемый разрядъ ополченцевъ	680
10) Добавочное число нестроевыхъ къ этому разряду: фурщики, деньщики, рабочая сила разныхъ вѣдомствъ, госпитальныя и другія команды, и нестроевые всѣхъ видовъ, считая приблизительно общее количество, кромѣ содержимаго въ мирное время, въ 80 тыс.	222
Итого	902

Для избѣжанія излишней сложности мы не вычли изъ каждаго разряда соотвѣтственный процентъ рекрутъ, падающій на окраины, которыя не могутъ быть подѣлены на мѣстные участки. Процентъ этотъ составляетъ, приблизительно $^{1}/_{13}$, а потому ежегодное число рекрутъ съ участка надобно считать только 393 или 394.

На 133.000 душъ мужескаго пола, считая тутъ всѣ классы общества, ежегодно будетъ вызываться 394 рекрута, то-есть безъ малаго 3 на 1.000; а ополченцевъ, свободныхъ въ своей жизни въ мирное время, 902, то-есть безъ малаго 7. Численность солдатъ на участокъ 5.142 (38 на 1.000 мужскаго пола); изъ нихъ въ отсутствіи (считая службу въ артиллеріи и инженерныхъ войскахъ въ пять лѣтъ, а въ резервахъ наравнѣ съ отборными войсками) 1.678 и дома 3.464, то-есть слишкомъ двѣ трети. Ополченцевъ на участокъ: строевыхъ 2.000, а нестроевыхъ 666, всего 2666; на 1.000 душъ мужескаго пола—20. Все число людей въ участкѣ, служащихъ и подлежащихъ призыву подъ ружье, 7.808, а на тысячу мужескаго пола—58.

Количество людей, ежегодно обучаемыхъ въ рекрутскомъ участкѣ, въ продолженіе болѣе или менѣе долгаго времени, составляло бы:

Рекрутъ	394
Безсрочныхъ	3.464
Строевыхъ ополченцевъ	2.000
Всего	5.858

Digitized by Google

Обученіе должно быть вѣрно, конечно, резервнымъ войскамъ, съ помощію офицеровъ, проживающихъ въ участкѣ на правѣ годоваго отпуска. Съ раздѣленіемъ государства на рекрутскіе участки, съ пониженіемъ срока дѣйствительной службы и образованіемъ земскаго войска (вслѣдствіе чего ставетъ необходимымъ ежегодное, хотя и кратковременное упражненіе безсрочно-отпускныхъ и ополченцевъ), резервныя войска нельзя уже будетъ группировать баталіонами. Не слѣдуетъ на долго отзывать изъ дома людей, которымъ предоставлено содержать себя собственнымъ трудомъ. Въ мѣстахъ, рѣдко населенныхъ, гдѣ поэтому участокъ растянется на обширное пространство, будетъ даже трудно собирать людей въ одинъ центральный пунктъ, придется назначить два сборныя мѣста. Такихъ участковъ, вѣрочемъ, будетъ немного. Сзывать же безсрочныхъ и ополченіе къ баталіону изъ цѣлой губерніи, или хоть изъ значительной части ея пространства, оказалось бы невозможнымъ. При такомъ устройствѣ резервныя войска надобно разставить по-ротно, по одной ротѣ въ каждомъ участкѣ, что дастъ 240 ротъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ усложнятся обязанности, возлагаемыя на резервъ; ему придется учить не только рекрутъ, но также ополченіе; а резервнымъ офицерамъ, кромѣ того, принимать участіе въ упражненіи безсрочно-отпускныхъ на ряду съ отпускными офицерами.

Занятія эти могутъ идти чередомъ, не мѣшая одно другому. Старое оружіе, выданное на ополченцевъ, будетъ служить и безсрочнымъ, а для упражненія въ прицѣльной стрѣльбѣ достаточно, кажется, двухъ сотенъ ружей на участокъ. Для облегченія офицерамъ ихъ дѣла, можно раздѣлить все число безсрочныхъ на двѣ очереди, призывая ихъ одну за другою. Для людей, предварительно хорошо обученныхъ, достаточно въ году трехъ-недѣльнаго сбора; онъ будетъ постоянно обновлять ихъ духъ и привычки. Такимъ образомъ, съ окончаніемъ полевыхъ работъ, будутъ призываемы поочередно двѣ очереди безсрочныхъ (шесть недѣль, въ продолженіе которыхъ должны находиться въ сборномъ пунктѣ отпускные офицеры), потомъ ополченіе, также на три недѣли. Съ истеченіемъ этихъ девяти недѣль, когда резервная рота освободится отъ всякихъ посторонніхъ занятій, она можетъ приступить къ обученію рекрутъ; послѣ полугоднаго срока эти послѣдніе будутъ готовы ко времени года, самому удобному для передвиженія войскъ.

Digitized by Google

Люди, принадлежащіе къ артиллеріи полевой и гарнизонной, вмѣстѣ съ рекрутами предназначаемыми въ этотъ родъ оружія, составляютъ на участокъ 266 человѣкъ. Резервныхъ артиллерійскихъ частей будетъ меньше (если принять взводъ на бригаду, то 69 взводовъ), одна часть придется на нѣсколько полковыхъ участковъ, а потому оборъ безсрочныхъ этого оружія станетъ затруднительнѣе; имъ придется идти не только въ другой участокъ, но даже часто въ другую губернію. Можно принять разныя мѣры для облегченія этого неудобства; но наиболѣе раціональною кажется та, чтобы артиллеристовъ собирать не ежегодно, а разъ въ два года, на двойной срокъ, съ выдачею имъ кормовыхъ денегъ въ продолженіе пути. Въ мѣстахъ расположенія артиллерійскихъ резервовъ слѣдовало бы отсылать къ нимъ и часть ополченія, для приготовленія ея къ дѣйствію при орудіяхъ, что̀ можетъ оказаться весьма полезнымъ, какъ для пополненія въ военное время артиллерійскихъ гарнизоновъ, такъ и для сформированія, при пособіи нѣкотораго количества строевыхъ людей, особыхъ батарей при ополченіи, гдѣ окажется нужнымъ. Для этой цѣли хорошо было бы отдѣлять цѣлыя роты ополченія тѣхъ участковъ, гдѣ будутъ находиться резервныя батареи. Такой же образъ сбора надобно принять и для безсрочныхъ инженерныхъ войскъ, которымъ придется идти еще дальше къ своимъ строевымъ частямъ.

Управленіе полковымъ участкомъ должно быть сосредоточено въ одной рукѣ. Начальники участковъ замѣнятъ въ этомъ случаѣ нынѣшнихъ губернскихъ военныхъ начальниковъ. Обязанность ихъ будетъ очень важная, такъ какъ на нихъ ляжетъ, кромѣ всѣхъ заботъ этихъ послѣднихъ, еще сортированіе и устройство ополченія. При однородномъ составѣ полковъ изъ одноземцевъ, между полкомъ и его рекрутскимъ участкомъ, не только безсрочными участка, но и ополченіемъ его, возникнетъ тѣсная связь; распоряженія, совершаемыя въ одномъ, будутъ отзываться на другомъ; качества начальника участка получатъ такимъ образомъ еще новое, весьма важное нравственное значеніе, котораго не имѣютъ теперь губернскіе начальники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, военно-административная децентрализація, одно изъ серіознѣйшихъ предпріятій нынѣшняго военнаго министерства, будетъ доведена до своего естественнаго предѣла. Содержаніе 240 начальниковъ полковыхъ участковъ будетъ стоить больше

Digitized by Google

чѣмъ нынѣшнихъ губернскихъ, хотя управленіе ихъ можетъ быть чрезвычайно сокращено противъ управленія послѣднихъ; но при такомъ устройствѣ они необходимы, а съ довершеніемъ преобразованія арміи откроются достаточныя источники для покрытія какъ этой, такъ и другихъ новыхъ потребностей. Лучшимъ, относительно, начальникомъ участка можетъ быть, безъ сомнѣнія, хорошій штабъ-офицеръ изъ полка, выставляемаго участкомъ; полкъ, сформированный изъ однозем цевъ, будетъ имѣть свой оттѣнокъ; сжившись съ этими людьми въ полку, начальникъ лучше поймет ихъ и на родинѣ.

Военная слава полка, выставляемаго участкомъ, непремѣнно отзовется и на его ополченіи. Между полкомъ и участкомъ завяжется глубочайшая душевная связь; участокъ будетъ знать въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію своего полка, станетъ гордиться имъ и за нимъ тянуться. Ополченцы, взявъ ружье въ руки, скажутъ: „вѣдь мы тѣ же!“ и подъ командой хорошаго начальника совершатъ чудеса; подъ вліяніемъ этой увѣренности въ полковой славѣ никогда не будетъ недостатка, каждый участокъ станетъ считать свой полкъ первымъ—этого довольно. Взаимная связь также сильно отзовется на полку, какъ и на мѣстности; солдатъ будетъ знать, что его хорошая слава, память о его заслугахъ, не исчезнетъ съ выходомъ въ отставку; она воротится съ нимъ подъ отеческій кровъ, его встрѣтятъ въ родномъ селѣ съ тою степенью уваженія, какую онъ заслужилъ въ строю. Однимъ великимъ ни съ чѣмъ несравнимымъ нравственнымъ побужденіемъ къ отличію будетъ больше для русскаго солдата.

Съ устройствомъ ополченія возникаетъ вопросъ: должна ли зачетная рекрутская квитанція избавлять также отъ обязательной службы въ земскомъ войскѣ? Еслибъ у насъ все взрослое населеніе должно было проходить черезъ фронтъ, какъ въ Пруссіи, то, конечно, не слѣдовало бы допускать исключеній. Но огромная численность русскаго населенія избавляетъ отъ необходимости проводить каждаго гражданина сквозь рекрутскую школу; такія чрезмѣрныя силы намъ не нужны; государство же можетъ требовать отъ подданныхъ только необходимаго. У насъ нѣтъ причины стѣснять людей, которые хотятъ и имѣютъ средство вовсе откупиться отъ военной службы. Если обезпеченный человѣкъ не желаетъ служить по доброй волѣ, то изъ него никогда не выйдетъ служаки. При-

Digitized by Google

томъ, въ массѣ нашихъ населеній есть столько породъ и сословій малоспособныхъ къ военному дѣлу или неблагонадежныхъ: польскіе горожане, Евреи и пр. Во фронтѣ изъ этихъ людей выдѣлываютъ солдатъ или обращаютъ ихъ въ нестроевые, но все-таки извлекаютъ изъ нихъ пользу; но каковы же они будутъ въ ополченіи, въ которомъ, при незначительномъ срокѣ обученія и отсутствіи повседневной дисциплины, добрая воля, природная смѣлость и любовь къ отечеству должны замѣнять все остальное? Избавленіе посредствомъ зачетныхъ квитанцій отъ рекрутства и отъ службы въ ополченіи вмѣстѣ, значительно усилитъ сбытъ ихъ между нѣкоторыми породами и классами, а это чрезвычайно важно! Возможность ставить въ ряды молодой, краткосрочной арміи старослужившихъ солдатъ вмѣсто рекрутъ, составляетъ такой элементъ нравственной силы, который надобно развивать всѣми средствами.

XVIII.

До сихъ поръ я не упоминалъ о кавалеріи и не исчислялъ рекрутъ, потребныхъ этому роду оружія, наравнѣ съ другими. Еслибы дѣло шло о западно-европейскихъ арміяхъ, такое обособленіе было бы неумѣстнымъ; тамъ нѣтъ для кавалеріи другаго источника, кромѣ одного общаго рекрутскаго набора. Но когда дѣло идетъ о Россіи, вопросъ о кавалеріи, полагаю, можетъ быть поставленъ отдѣльно.

Приступая къ этому предмету, я долженъ просить читателей не судить выражаемое мною мнѣніе раньше чѣмъ они прочтутъ послѣднюю строку, относящуюся въ этихъ письмахъ къ кавалерійскому вопросу; мнѣніе это можетъ имѣть значеніе только въ цѣлой своей послѣдовательности. Сужденіе мое покажется для многихъ страннымъ по своей новизнѣ. Первые отголоски его раздались въ нашей военной литературѣ лишь въ нынѣшнемъ 1866 году; но на Кавказѣ, гдѣ ежедневные примѣры вызывали практическія заключенія, къ которымъ не было повода во внутреннихъ войскахъ, мнѣніе это достаточно созрѣло въ кругу немногочисленныхъ, но опытныхъ офицеровъ.

Въ настоящее время вѣковѣчное понятіе о боевомъ значеніи кавалеріи нѣсколько расшаталось. Въ послѣднихъ войнахъ она дѣйствительно не играла большой роли; ей не было

Digitized by Google

мѣста на изрытыхъ оврагами окрестностяхъ Севастополя и на затопленныхъ равнинахъ Италіи; въ прусско-австрійской войнѣ произошла всего только одна значительная, если не замѣчательная, кавалерійская атака,—въ послѣдній часъ Кениггрецкаго сраженія, доставившая Пруссакамъ сто непріятельскихъ пушекъ и множество плѣнныхъ. Всѣ другія атаки не достигали цѣли; мѣткій огонь нарѣзныхъ ружей постоянно отбивалъ ихъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что безъ кавалеріи армія была бы парализована, олицетворила бы собой басню льва побѣжденнаго комаромъ. Безъ кавалеріи нельзя ничего знать о непріятелѣ, стало-быть нельзя правильно распоряжаться дѣйствіями; невозможно жить на счетъ страны, такъ какъ пѣхота слишкомъ утомляется переходомъ, чтобъ ее можно было посылать далеко въ сторону для фуражировки—пришлось бы возить съ собой нескончаемые обозы, какъ въ Семилѣтней войнѣ, то-есть обратить армію въ черепаху; безъ кавалеріи невозможно разбить непріятеля, можно только овладѣть полемъ сраженія, предоставляя противнику перейдти на другую удобную для него позицію; только кавалерія способна воспользоваться неожиданностію, накрыть врага, когда онъ почему-нибудь не готовъ насъ встрѣтить; наконецъ, лишь съ помощію кавалеріи можно маскировать свою игру, задержать на нѣкоторое время превосходныя силы непріятеля и развлечь его вниманіе. Хорошая пѣхота въ силахъ только осуществить разчеты полководца, хорошая же кавалерія можетъ внезапно совершить то, на что полководецъ не смѣлъ и разчитывать.

Вотъ, между прочимъ, примѣръ того, что значитъ побѣда довершенная кавалеріей и побѣда не довершенная ею. Въ сраженіяхъ послѣдней турецко-азіятской войны, при смѣшной несоразмѣрности силъ, имѣя дѣло съ хорошо-вооруженнымъ и устроеннымъ противникомъ, мы должны были биться безъ резервовъ; войскъ едва доставало на первую линію; всѣ они рѣзались въ рукопашную, а потому, къ концу дня, бывали такъ истомлены, что еле двигались, кавалерія же болѣе всѣхъ. Преслѣдовать непріятеля было не съ чѣмъ. Оттого въ сраженіи при Башъ-Кадыкларѣ мы взяли только девять плѣнныхъ; непріятель, выйдя изъ-подъ огня, могъ спокойно отступить. Но въ сраженіи при Кюрукъ-Дара, въ которомъ войска были истомлены еще сильнѣе, такъ какъ бой продолжался долѣе, къ концу дня нашлось нѣсколько свѣжихъ

Digitized by Google

сотенъ мѣстной татарской милиціи, свѣжихъ оттого, что ихъ держали внѣ огня, по негодности; эта, ни къ чему не способная конница, устремленная въ минуту отступленія Турокъ на ихъ лѣвое крыло, привела $2^1/_2$ тысячи плѣнныхъ и довела преслѣдуемое крыло до того, что оно разсыпалось куда глаза глядятъ, между тѣмъ какъ центръ и правое крыло Турокъ, понесшіе гораздо бо́льшую потерю въ сраженіи, отступили въ порядкѣ.

Безъ конницы нигдѣ нельзя воевать, даже въ самой пересѣченной мѣстности: доказательство—наши кавказскія экспедиціи; на открытыхъ же поляхъ средней Европы, отъ Вислы до Рейна, составляющихъ историческій военный театръ міра, нужна многочисленная конница. Но конница отличается отъ другихъ родовъ оружія тѣмъ, что она не терпитъ посредственности. Въ пѣхотѣ хорошее вооруженіе и воодушевленіе замѣняютъ въ значительной мѣрѣ опытность; въ артиллеріи усовершенствованныя орудія и на каждое четыре знающіе свое дѣло нумера даютъ уже удовлетворительное войско; но конница, пока человѣкъ не сросся съ лошадью до такой степени, что четыре конскія ноги обращаются для него въ свои собственныя, принесетъ мало пользы въ дѣлѣ; самая отчаянная храбрость кавалериста, который, сѣвъ въ сѣдло, не чувствуетъ себя четвероногимъ центавромъ, то же что́ храбрость тронутаго параличомъ пѣхотинца. Даже этого мало сказать. У кавалериста должна выдѣлаться кавалерійская душа; разсудокъ у него долженъ быть въ глазѣ: метнулъ взоромъ и рѣшилъ, вспыхнулъ какъ порохъ и уже расшибъ или самъ расшибся; совсѣмъ не то что́ пѣхотинецъ, котораго дѣло долбить камень какъ дождевая капля и все-таки продолбить. Но откуда взять такихъ людей или, лучше сказать, какъ узнать ихъ? ибо въ дѣйствительности такія личности бываютъ.

Не имѣя для того нравственной мѣрки, всего удобнѣе группировать людей по породамъ. Наслѣдственность запечатлѣвается въ людяхъ и душевно, и тѣлесно. Какая-нибудь особенность въ жизни извѣстной расы или группы людей въѣдается даже въ духовной складъ человѣка, и хотя не каждая личность вполнѣ олицетворяетъ ее въ себѣ, но вся группа, въ массѣ, дастъ гораздо больше процентовъ этого особеннаго качества чѣмъ другая группа. Такимъ образомъ, наша кавалерія формировалась преимущественно изъ Малорос-

Digitized by Google

сіянъ, которые у себя держатъ мало лошадей, ѣздятъ всегда на волахъ; а между тѣмъ, въ массѣ, изъ нихъ выходитъ больше хорошихъ кавалеристовъ чѣмъ изъ другихъ русскихъ породъ. Чему это приписать, какъ не тому, что если нынѣшніе Малороссіяне давно уже не казаки и въ домашнемъ быту мало обращаются съ лошадьми, то все же они потомки казаковъ, все же осталась въ нихъ казачья жилка и часть отцовской закваски.

Съ тѣхъ поръ какъ европейская конница не состоитъ уже исключительно изъ дворянъ, ее пришлось волей-неволей набирать изъ мужиковъ, формировать искусственно. Но въ Европѣ этотъ недостатокъ восполняется отчасти качествомъ кавалерійскихъ офицеровъ: кромѣ французскихъ, они вездѣ, почти поголовно, изъ дворянъ хорошихъ родовъ, европейское же дворянство, не только по происхожденію, но и по воспитанію, составляетъ до сихъ поръ природную кавалерію; оно сызмала пріучается къ тонкой верховой ѣздѣ и къ владѣнію оружіемъ, и вноситъ въ конницу, въ возможной мѣрѣ, коренной духъ этого оружія. У Французовъ врожденная запальчивость характера способствуетъ качеству кавалеріи, хотя, вообще, они не отличные ѣздоки. Совсѣмъ тѣмъ искусственная европейская конница всегда пассовала передъ природною конницей, когда та была хорошо воспитана. Какъ только показались по сю сторону Балкановъ турецкіе спаги (всадники прирожденные), знаменитая австрійская кавалерія приняла въ обычай встрѣчать ихъ не атакой, а огнемъ: до такой степени опытъ научилъ ее не полагаться на коня и на саблю, имѣя дѣло съ Турками; отъ нея этотъ робкій пріемъ перешелъ къ другимъ народамъ и долго господствовалъ въ европейскихъ арміяхъ, а въ послѣдней войнѣ былъ обновленъ Пруссаками. Съ другой стороны, венгерскіе гусары, не смѣвшіе сходиться со старинною турецкою конницей, но все-таки превосходившіе наѣздничествомъ мужиковъ другихъ армій, насильно посаженныхъ на коней, считались первою кавалеріей въ Европѣ и, относительно, заслуживали свою славу. Но Венгерцы давно уже обратились изъ полу-варварскаго коннаго народа въ обыкновенныхъ бюргеровъ и земледѣльцевъ. Нынѣшніе венгерскіе гусары, набираемые между городскими башмачниками и полевыми работниками, ничѣмъ не напоминаютъ предковъ; они дали тылъ передъ такими же прусскими мастеровыми, учившимися вер-

Digitized by Google

ховой ѣздѣ всего только три года. Съ тѣмъ кончился, надо полагать, и смыслъ названія „венгерскіе гусары“. Во время египетскаго похода, французская кавалерія, несмотря на преимущества регулярнаго строя, никогда не могла устоять противъ мамелюковъ; тѣ подавались передъ ея атакой, но сейчасъ же обхватывали ее съ фланговъ и уничтожали въ одиночномъ бою. Нѣтъ сомнѣнія, что при равныхъ условіяхъ, прирожденный всадникъ, на конѣ, всегда побьетъ всадника случайнаго. Но надобно чтобъ условія были равны, чтобы лошади были также сильны, оружіе одинаково хорошо, и чтобы фронту не противопоставлялась безпорядочная толпа; а главное, нужно чтобы были равны нравственныя понятія; если съ одной стороны строгая дисциплина и духъ военной чести заставляетъ каждаго человѣка лѣзть прямо на все, куда его ни поведутъ, а съ другой отдѣльному всаднику не будетъ вмѣняться въ безчестіе если онъ ускачетъ съ поля, или станетъ отстрѣливаться издали, то, разумѣется, первая сторона возьметъ верхъ, хотя бы и первыхъ порахъ; тутъ надо сравнивать не блестящій строй съ оборванною и вольною толпой, а людей съ людьми. Мюратъ могъ говорить „je charge les cosaques à coups de cravache“; таково же было отношеніе нашихъ драгунъ,— впрочемъ только Нижегородцевъ и Сѣверцевъ,—къ горцамъ; но въ одиночку никогда французскій кавалеристъ не стоилъ казака. Когда же эти казаки были дисциплированы, они врѣзывались въ Мюратовскую кавалерію какъ ножъ въ масло, какъ доказала лейпцигская атака Орлова-Денисова.

Въ Россіи конская порода разнообразнѣе и отчасти пригоднѣе для кавалерійской службы чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ, кромѣ Англіи, а главное, гораздо дешевле. При такомъ обиліи, у насъ легче формировать конницу, по крайней мѣрѣ легче снабжать ее лошадьми. Несмотря на то существуетъ фактъ, который я долженъ высказать, независимо отъ своего личнаго сужденія: въ Европѣ наша кавалерія не пользуется репутаціей. Европейскіе офицеры отдаютъ полную справедливость нашей пѣхотѣ и артиллеріи, хотя, при послѣдней встрѣчѣ, русская пѣхота была далеко не тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть; но они низко цѣнятъ нашу кавалерію. Еслибы въ такомъ мнѣніи и была тѣнь правды, оно бы не было обидно для русской націи, вопервыхъ, потому что и у Римлянъ, перваго войска въ исторіи, покорившаго

Digitized by Google

міръ, была также плохая конница; вовторыхъ, потому что наша военная организація составляла до послѣдняго времени только подражанье, пересадку чужихъ образцовъ, часто къ намъ не подходившихъ, и даже теперь только-что выходитъ изъ колыбели; качество конницы, скопированной съ Пруссаковъ, ничего не доказываетъ относительно того, чѣмъ можетъ быть настоящая русская конница, сама по себѣ. Подобное мнѣніе не можетъ быть обиднымъ и потому, что оно нисколько не касается храбрости людей. Самый храбрый человѣкъ можетъ оказаться на конѣ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ въ водѣ храбрецъ, не умѣющій плавать. Самый же фактъ, что подобное мнѣніе о нашей кавалеріи распространено въ Европѣ, и распространено безъ исключеній, не подлежитъ сомнѣнію.

Въ нашей военной исторіи есть примѣры, въ нашей арміи есть полки, опровергающіе подобное сужденіе; но тѣхъ и другихъ не много. Мало было кавалерійскихъ атакъ, которыя могли бы сравниться съ атакой кирасирскаго принца Альберта полка на Гроховомъ полѣ; можетъ-быть, въ свѣтѣ нѣтъ конницы равной Нижегородскому драгунскому полку и выдѣлившемуся изъ него Сѣверскому; по крайней мѣрѣ можно сказать вѣрно то, что Нижегородцы никогда не были отбиты въ атакѣ ни на пѣхоту, ни на конницу, что полкъ этотъ никогда не считалъ непріятеля, что взводъ Нижегородцевъ бросался одинаково и на сто, и на тысячу враговъ, какъ только ихъ видѣлъ; далѣе этого кавалерія не можетъ идти. Но для такой выдѣлки людей имъ нужно было проводить жизнь верхомъ и на войнѣ. Вопросъ не въ томъ, до какой степени совершенства можетъ дойдти русскій кавалеристъ—онъ можетъ дойдти до всякой степени—а въ томъ, чѣмъ онъ становится обыкновенно, каковъ бываетъ средній продуктъ элементовъ, изъ которыхъ составляется наша кавалерія, и укоренившейся у насъ системы ея воспитанія. Въ этомъ отношеніи едва ли можно опровергнуть фактами европейское мнѣніе объ ней.

Примѣръ двухъ или нѣсколькихъ отличныхъ полковъ, развившихся въ особенныхъ обстоятельствахъ, примѣры нѣсколькихъ блестящихъ атакъ не могутъ установить репутацію цѣлаго рода оружія. Относительно же нашей кавалеріи надобно замѣтить слѣдующее. Въ исторіи другихъ армій, пѣхота и кавалерія постоянно соперничаютъ между

Digitized by Google

собой; на долю той и другой выпадаетъ одинаковое число подвиговъ, которыми потомъ гордится народъ. У насъ это не такъ. Невозможно перечесть подвиговъ нашей пѣхоты, каждое сраженіе представляетъ величайшіе примѣры и ея стойкости, и сокрушительности ея удара; между тѣмъ подвиги нашей кавалеріи можно перечесть по пальцамъ. Съ Петра Великаго и до настоящей поры не появилось ни одного русскаго кавалерійскаго генерала съ европейскимъ именемъ, подобнаго Мюрату, Зейдлицу, лорду Понсонби и другимъ. То же самое было у Римлянъ, ни одного славнаго кавалерійскаго генерала на сотни именъ генераловъ пѣхотныхъ. Между тѣмъ исторія нашей кавалеріи изобилуетъ эпизодами, не говорящими въ пользу ея качествъ или ея воспитанія. Несмотря на то что въ Россіи можно найдти лучшія породы лошадей чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, изъ турецкой войны 1828—1829 годовъ цѣлыя дивизіи возвращались пѣшкомъ, такъ какъ кони ихъ не выдержали похода; конно-егерскія дивизіи были расформированы за слишкомъ неудачныя дѣла противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году; въ Крыму наша кавалерія также не блистала. Не мудрено, что въ Европѣ составилось не совсѣмъ выгодное понятіе о ней.

Во время владычества фридриховской школы качество всей нашей арміи стояло ниже ея дѣйствительной способности. Пѣхота послѣ того сильно поправилась; тѣ же усилія были приложены и къ кавалеріи. Но, надобно замѣтить, чѣмъ родъ оружія сложнѣе, тѣмъ труднѣе его исправленіе, особенно если недостатки его застарѣлые. Кавалерія же наша испоконъ-вѣку, по крайней мѣрѣ во мнѣніи Европы, стояла ниже пѣхоты. Во время италіянскаго Суворовскаго похода, когда кастильйонскіе и риволійскіе полки Французовъ постоянно подавались передъ натискомъ очаковскихъ гренадеръ, кавалерія, съ такимъ стараніемъ обучаемая Суворовымъ, далеко не стяжала той же славы. Историки той войны, единогласно признавая тогдашнюю нашу пѣхоту несокрушимою, легко отзываются о нашей кавалеріи. Невѣрная вѣковая система воспитанія, односторонній и условный взглядъ на дѣло, застарѣвшіе въ такомъ сложномъ родѣ оружія какъ кавалерія, мало позволяютъ надѣяться на скорое исправленіе. Десять лѣтъ тому назадъ фальшивость взгляда на военное дѣло, истекавшая изъ того, что на войско смотрѣли постоянно съ плацъ-парадной точки зрѣнія, была

Digitized by Google

насъ такъ же сильна въ пѣхотѣ какъ и въ конницѣ; но въ первой послѣдовавшія реформы значительно вытравили ее; въ кавалеріи она еще крѣпко держится. Не очень давно, разговаривая съ однимъ кавалерійскимъ генераломъ (заботливымъ начальникомъ и хорошимъ кавалеристомъ по общимъ понятіямъ), въ вѣдѣніи у котораго находятся между прочимъ эскадроны, ремонтируемые до послѣдняго времени исключительно донскими лошадьми, самыми выносчивыми для похода, я спросилъ его: зачѣмъ онъ старается замѣнять ихъ, хоть отчасти, лошадьми заводскими? „Неужели, сказалъ я ему, вы предпочитаете лучше видѣть ваши полки въ походѣ пѣшкомъ, чѣмъ верхомъ?“—„Нельзя же все дѣлать для похода, отвѣчалъ генералъ, надо сдѣлать что-нибудь и для смотра.“ Тутъ невольно приходятъ на умъ столь мѣткія слова г. Драгомирова, что въ то время, когда у насъ подпиливали на ружьяхъ гайки для звучности пріемовъ, въ глазахъ начальниковъ, что̀ бы они ни говорили, ружье было не оружіе, а машина издающая пріятное бряцанье при пріемѣ. Въ нашей пѣхотѣ найдутся еще люди, которымъ, въ глубинѣ души, пріятно подобное опредѣленіе ружья; но нѣтъ ни одного, который бы рѣшился выговорить вслухъ свою старозавѣтную мысль; въ кавалеріи же до сихъ поръ непочемъ и думать, и говорить, что лошадь нужна солдату не только для атаки непріятеля, но и для показа передъ начальствомъ на смотру; что ее должно расцѣнивать съ этихъ обѣихъ точекъ зрѣнія. У насъ еще тьма кавалеристовъ, для которыхъ качества лошади имѣютъ совершенно условное значеніе, точно какія-нибудь модныя серьги, цѣнимыя по фасону; чистокровный англійскій или арабскій конь имъ не по вкусу, имъ нравится искусственная лошадь, какъ прежде нравился искусственный пѣхотинецъ, подходившій на ординарцы съ мягкостію танцовщицы. Но произвольно-искусственной кавалеріи не бываетъ на свѣтѣ, качество всадника развивается по качеству лошади. Извѣстенъ афоризмъ: скажите мнѣ какихъ лошадей вы мнѣ дадите, я вамъ скажу какую я могу образовать кавалерію. На пряничномъ конькѣ формируется пряничный всадникъ. Фридриховская школа сидитъ въ нашей кавалеріи такъ глубоко, что ее не вытравишь и въ двадцать лѣтъ.

Разъ я встрѣтился съ однимъ англійскимъ офицеромъ, заѣзжавшимъ когда-то въ Петербургъ, кавалеристомъ, какими

Digitized by Google

бываютъ только Англичане, и глубочайшимъ знатокомъ лошадей. Онъ видалъ наши ученія и говорилъ мнѣ съ восхищеніемъ „ахъ, какая у васъ есть кавалерія!“ Какъ подобаетъ Русскому, я тоже возгордился нашею кавалеріей и сталъ ему пересчитывать лучшіе гвардейскіе полки. Мой Англичанинъ съ нетерпѣніемъ пожималъ плечами и наконецъ сказалъ: „ну что вы говорите о мужикахъ, съ трудомъ обученныхъ верховой ѣздѣ! Развѣ у насъ такъ ѣздятъ? И чѣмъ бы я сталъ тутъ восхищаться? Нѣтъ, у васъ есть дѣйствительно несравненная кавалерія, только не эта; но ваши лейбъ-казаки, нашъ атаманскій полкъ, линейцы и Черкесы! Это не люди верхомъ, а центавры. До чего бы мы, Англичане, довели такіе кавалерійскіе элементы, еслибъ они у насъ были.

Англичанинъ былъ правъ. Разница между естественнымъ и обученнымъ кавалеристомъ бросается въ глаза. Въ искусственномъ кавалеристѣ сейчасъ видно, что между имъ и его конемъ нѣтъ ничего общаго, что они сведены случайно и не пригнаны одинъ къ другому. Между тѣмъ какъ естественный кавалеристъ не есть только всадникъ; онъ всадникъ выработанный извѣстною породою лошадей. Въ этомъ отношеніи донской казакъ, линеецъ и курдъ—три совсѣмъ разные типа ѣзды; они ѣздятъ совсѣмъ инымъ образомъ, хотя одинаково превосходно въ томъ смыслѣ, что не только совершенно владѣютъ конемъ, но даютъ своею ѣздой развиться всѣмъ его природнымъ качествамъ; прочее у нихъ все различно. Такой ѣздокъ, сидя на конѣ, не думаетъ о немъ, конь составляетъ продолженіе его собственнаго тѣла; съ другой стороны, лошадь его служитъ больше и лучше чѣмъ служила бы подъ другимъ всадникомъ, ни одно качество ея не пропадаетъ даромъ. Въ кавалеріи быстрота удара составляетъ три четверти дѣла. Взгляните на любую европейскую кавалерію (кромѣ англійской), и сравните самую быструю ея скачку не съ одиночкой, а съ такою же строевою скачкой, напримѣръ казаковъ; вы увидите настоящій разлетъ только у вторыхъ; скачка искусственной кавалеріи покажется вамъ сравнительно лишь ускореннымъ галопомъ. Посмотрите также на снаряженіе тѣхъ и другихъ: казакъ имѣетъ при себѣ все нужное, какъ и регулярный кавалеристъ, но во сколько его сбруя и сѣдловка легче, и главное, во сколько онѣ лучше прилажены къ лошади, хотя за пригонкой ихъ не сидѣлъ цѣлый ученый комитетъ. Но если вы хотите видѣть разницу между тою и

Digitized by Google

другою кавалеріей во всемъ ея объемѣ, возьмите ихъ въ походѣ, послѣ усиленныхъ переходовъ и многихъ лишеній; казачьи лошади, несущія двойную службу, будутъ во всей своей силѣ, онѣ втянутся въ трудъ, къ тому времени, когда часть европейской кавалеріи пойдетъ уже пѣшкомъ, а другая часть потеряетъ половину своей быстроты и силы отъ утомленія коней. Самая обыкновенная вещь въ европейской войнѣ,—бездѣйствіе на полѣ сраженія части кавалеріи, утомленной передъ тѣмъ усиленными переходами, состояніе, до котораго почти никогда не доходили наши казаки. Въ военной наукѣ образовалась даже присказка, что задача состоитъ не въ томъ, какъ употребить кавалерію противъ непріятеля,—занятіе для нея всегда найдется,—а какъ довести ее до поля сраженія. Выносчивость же кавалеріи зависитъ сколько отъ качества лошади, столько и отъ качества всадника. Соединеніе того и другаго даетъ конницу, насчетъ которой не возникаетъ уже вопроса, какъ довести ее до непріятеля.

Есть факты самые положительные, о которыхъ нельзя говорить нашимъ кавалеристамъ; они сочтутъ ихъ за шутку; въ этомъ я убѣдился личнымъ опытомъ. Сюда принадлежатъ стоверстные переходы, совершенные много разъ Нижегородскими эскадронами на ихъ донскихъ коняхъ, въ то время когда они гонялись за шайками Гаджи-Мурата; набѣги скопищъ хоть Шуаибъ-Муллы, или того же Гаджи-Мурата, пробѣгавшихъ, съ тысячью и болѣе всадниковъ, по полтораста и до двухъ сотъ верстъ въ сутки; ежедневныя посылки казачьихъ конныхъ гонцовъ, за многія сотни верстъ, на перемѣнныхъ почтовыхъ лошадяхъ, совершаемыя съ быстротой фельдъ-егеря (эти скачки, подобныя скачкамъ черной охоты, совершаетъ не какой-нибудь наѣздникъ, а первый встрѣчный казакъ). Понятно, что этимъ вещамъ не вѣрится въ регулярной, не-кавказской кавалеріи; онѣ не подъ силу обученнымъ манежной ѣздѣ крестьянамъ. Но въ этомъ случаѣ добросовѣстность заставляетъ признать истину, что послѣдній казакъ, какъ ѣздокъ, далеко превосходитъ перваго регулярно-кавалерійскаго ординарца.

Предпринявъ мой трудъ, я обязалъ себя высказывать свою мысль ясно и безъ уступокъ. Но въ этомъ случаѣ я долженъ оговорить ее, чтобы не дать повода къ неправильнымъ заключеніямъ. Убѣжденный, что у насъ есть гораздо лучшіе элементы для кавалеріи чѣмъ тѣ, изъ которыхъ ее до

Digitized by Google

сихъ поръ формировали, я нисколько не простираю этого сужденія на корпусъ офицеровъ; напротивъ, я думаю, что наши кавалерійскіе офицеры составляютъ отборный классъ арміи, что покуда остается только желать, чтобы всѣ прочіе походили на нихъ по духу и служебнымъ привычкамъ.

XIX.

Европейскія государства не имѣютъ и никогда не имѣли особой породы людей, которую бы они могли назначать исключительно въ кавалерію; они были вынуждены необходимостію формировать своихъ всадниковъ искусственно. Такая порода людей существовала только въ Австріи, въ лицѣ Мадьяровъ, Шеклеровъ и Сербовъ, и Австрія пользовалась своимъ преимуществомъ сколько было возможно; вся ея легкая кавалерія состояла изъ природныхъ всадниковъ и вслѣдствіе того справедливо слыла первою европейскою конницей, пока, съ теченіемъ времени, эти прирожденныя кавалеристы не обратились въ обыкновенныхъ горожанъ и крестьянъ *. Австрійское военное управленіе не собирало своихъ всадниковъ нестройною толпой, не оставляло ихъ въ видѣ иррегулярной конницы, вслѣдствіе того только, что эти люди ѣздили не по-манежному; оно отлично понимало, что въ бою сомкнутый строй придаетъ кавалеріи чрезвычайную силу; оставляя неприкосновеннымъ то, что наѣздники эти знали лучше всякаго берейтора верховую ѣзду, оно учило ихъ тому чего они не знали—сомкнутому строю. Пока австрійское военное министерство имѣло подъ рукой природные кавалерійскіе элементы, ему и въ голову не приходила мысль формировать, рядомъ съ ними другую, искусственную, легкую кавалерію, изъ крестьянъ кой-какъ обученныхъ верховой ѣздѣ.

Относительно богатства, разнообразія и качества военныхъ элементовъ, Россія составляетъ цѣлый міръ. Нѣтъ, кажется, въ свѣтѣ такого источника военнаго могущества, даже такого оттѣнка его, которыми бы наше отечество не было одарено: въ нашихъ предѣлахъ сосредоточены въ громадныхъ размѣрахъ всѣ боевыя спеціальности, разсѣянныя

* Вообще надо отдать справедливость австрійскому правительству: оно умѣло сортировать свои военные элементы лучше всякаго другаго и тѣмъ только поддерживало на должной высотѣ свою разноплеменную армію.

Digitized by Google

по разнымъ государствамъ; но только всѣ эти природные матеріалы у насъ еще недовольно разработаны и примѣнены къ дѣлу. Подчиненныя Россіи кавалерійскія населенія составляютъ нѣсколько милліоновъ душъ, не то что австрійскія. Кромѣ организованныхъ войскъ: Донскаго, Кубанскаго, Терскаго, Уральскаго, Оренбургскаго и Сибирскаго, въ этотъ счетъ входятъ—половина Кавказа и всѣ кочевые и полукочевые народы. У насъ никогда не могло бы возникнуть вопроса: изъ кого формировать кавалерію?—еслибы въ продолженіе полутора вѣка Россія не жила такою подражательною жизнію. Было бы понятно, еслибы съ рожденіемъ русской регулярной арміи у насъ была сформирована искусственно тяжелая конница—кирасиры, единственный видъ кавалеріи, насчетъ котораго могъ возникнуть вопросъ, такъ какъ вполнѣ готовыхъ элементовъ для него не было. Но образованіе искусственно легкой кавалеріи изъ мужиковъ, рядомъ съ нашею безчисленною иррегулярною конницей, доказываетъ только отсутствіе всякой самостоятельной идеи въ военномъ управленіи прошлаго столѣтія; потомъ, когда эта аномалія утвердилась и къ ней привыкли, она естественно уже никого не удивляла, она продолжала существовать, какъ всякій заведенный порядокъ. Конечно, въ ту пору образованіе изъ казаковъ регулярной кавалеріи не обошлось бы безъ затрудненій, вслѣдствіе особыхъ привилегій и замкнутаго быта казачьихъ войскъ; но эти затрудненія не были неодолимы, не были даже очень крупны. Когда Петръ Великій могъ пригнать двадцать тысячъ казаковъ для того чтобы рыть Ладожскій каналъ, онъ могъ привести въ правильную систему нарядъ казачьихъ полковъ и заставить ихъ учиться строю, подъ руководствомъ европейскихъ инструкторовъ. Систему сформированія кавалеріи изъ рекрутъ надобно приписать не затрудненію—учить регулярному строю казаковъ, а нѣмецкому вліянію. Почти всѣ инструкторы первоначальной русской арміи были Нѣмцы, потомъ половина военачальниковъ ея и значительная часть кавалерійскихъ генераловъ были также изъ Нѣмцевъ, и притомъ не австрійскихъ, а сѣверныхъ, прусскихъ, до пріѣзда въ Россію не видавшихъ въ глаза человѣка, который умѣлъ бы ѣздить верхомъ не выучившись предварительно этому дѣлу въ манежѣ. Эти господа могли учить только тому, что сами знали; кромѣ того, при узкой рутинѣ и вошедшемъ въ пословицу педантствѣ нѣмецкой

Digitized by Google

военной школы, они даже знать не хотѣли вещей, къ которымъ не были пріучены на родинѣ. Глядя съ высока на все имъ чуждое, понимая только свои, чрезвычайно сложные и педантскіе кавалерійскіе пріемы, они переносили ихъ цѣликомъ въ русскую армію, формировали нашу конницу такъ, какъ еслибъ это дѣло происходило въ Пруссіи или Ганноверѣ. * Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ магдебургскимъ городовымъ правомъ, завелась въ Россіи и магдебургская кавалерія. Русскій же людъ въ это время покорно выслушивалъ преподаваемый ему урокъ, не вдумываясь въ его смыслъ. Раскройте Полное Собраніе Законовъ и прочтите указъ Елизаветы Петровны: „аще убо улучится гдѣ кая монстра, тую монстру, по довольной консидераціи, презентировать въ московскую рантерею". Что же мудренаго, что вѣкъ, который, въ подражаніе чужому складу, до такой степени извратилъ свой природный языкъ, могъ по тому же побужденію извратить свою конницу.

Нынѣшняя система набора нашей кавалеріи совершенно похожа на то, какъ еслибъ Англія, имѣющая въ своемъ распоряженіи семьсотъ тысячъ душъ морскаго населенія, стала набирать своихъ матросовъ изъ рабочихъ внутреннихъ графствъ, изъ манчестерскихъ бумагопрядильщиковъ или бирмингамскихъ кузнецовъ.

---

* Подобные типы даже теперь встрѣчаются у насъ; можно себѣ представить, какова была ихъ самоувѣренность въ прошломъ вѣкѣ. Замѣчательно, что эти сѣверные Нѣмцы, никогда не бывшіе въ состояніи сформировать у себя дома армію, которая могла бы драться въ ровную съ первоклассными европейскими войсками—французскими и англійскими, пріѣхавъ къ намъ, народу несравненно превосходящему ихъ военными качествами, принимали осанку Ахилловъ и глядѣли на насъ свысока. Одинъ англійскій критикъ, разбиравшій мемуары прусскаго генерала Мюфлинга, имѣвшаго вліяніе на первоначальный планъ кампаніи 1812 года, выражаетъ по этому поводу свое удивленіе такъ наивно и такъ естественно, что русскому человѣку и смѣшно, и досадно читать. „Какъ это могло случиться, говоритъ критикъ, что народъ, считающійся въ такой степени воинственнымъ, питающій о себѣ такое высокое мнѣніе, какъ русскій, могъ руководствоваться мнѣніями офицеровъ прусской арміи, оказавшейся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ неспособнѣйшею въ свѣтѣ? Наставленія тогдашнихъ прусскихъ офицеровъ были бы приняты войсками Веллингтона, наравнѣ съ наставленіями офицеровъ персидскихъ. Должно-быть, прибавляетъ критикъ, въ русской арміи есть что-то, чего мы, Англичане, не совсѣмъ понимаемъ. "

Digitized by Google

Казаки никогда не были иррегулярною конницей, въ собственномъ значеніи этого слова; они не были только кавалеріей манежною—и слава Богу! Иррегулярная конница,—это, напримѣръ, Курды или Чеченцы, не только не знающіе строя, но никогда не дѣйствующіе массой. У этихъ послѣднихъ каждый человѣкъ дѣлаетъ что̀ хочетъ, общаго направленія и команды нѣтъ, находчивость каждаго замѣняетъ волю начальника, отчего они такъ хороши въ партизанской войнѣ, но не годятся для открытаго боя въ полѣ, развѣ только въ преслѣдованіи. Казаки же, хотя также могутъ дѣйствовать въ разсыпную, но въ битвѣ всегда строились, и теперь строятся, лавою. Ихъ движенія не такъ стройны, а атака не такъ сомкнута какъ въ регулярной кавалеріи, но это происходитъ не отъ качества людей или лошадей, которое, напротивъ, гораздо выше, а отъ того, что съ нихъ этого не требуется, что ихъ этому если и учатъ, то очень мало.

Разныя казачьи войска у насъ не одинаковы по своимъ свойствамъ и привычкамъ. Линейскіе казаки, напримѣръ, сравнительно съ другими, гораздо больше иррегулярная конница — по выѣздкѣ лошадей, приноровленной больше къ одиночной джигитовкѣ, по легкости вооруженія, по своей привычкѣ къ винтовкѣ, неудобной для строя, и по духу. Но донскіе казаки, напротивъ, прирожденная регулярная кавалерія. У первыхъ выѣздка коня черкесская, у вторыхъ монгольская, общая Калмыкамъ и Киргизамъ, то-есть степная, прямолинейная, пріучающая лошадь не къ особенной поворотливости, а къ сильнѣйшему, неудержимому разскоку—первое качество коня въ строю. Донской казакъ носитъ ружье потому только, что оно введено въ его форму, но ружье не составляетъ у него первой надежды какъ у линейца; главное оружіе его пика, то-есть оружіе вмѣстѣ холодное и строевое, такъ какъ пика страшна не въ одиночку, а въ массѣ. Это различіе самое характеристическое. Для наѣздника - одиночки винтовка и шашка гораздо удобнѣе; если масса вооружается пикой, то, значитъ, она хочетъ дѣйствовать сомкнутою силой, значитъ, сомкнутый регулярный строй у нея въ крови. Такъ и дѣйствовали Донцы, пока ихъ не обратили почти насильно въ иррегулярное войско. Коренные донскіе кони не жидкіе, змѣевидные, какъ кабардинскіе, служащіе линейцамъ, но по большей части рослые и дубоватые, кони для разлета и удара; главное

Digitized by Google

достоинство ихъ въ силѣ и выносчивости, опять достоинство регулярно-кавалерійское. Вотъ еще разница. Донцы, опрокинувъ непріятеля, преслѣдуютъ его массой, до послѣдней возможности, не развлекаясь ничѣмъ, пока противникъ въ виду; линейцевъ же почти невозможно удержать, чтобъ они не останавливаясь по нѣсколько надъ каждымъ свалившимся—своимъ и непріятельскимъ, для оказанія помощи при первомъ, для добычи при второмъ. На Кавказѣ, гдѣ тѣ и другіе служили рядомъ по многу лѣтъ, это различіе замѣчалось постоянно. Тутъ въ Донцахъ сказывается даже нравственно духъ регулярной кавалеріи.

Въ нашей арміи существуетъ насчетъ боеваго качества Донцовъ неправильное, можно сказать легкомысленное мнѣніе. Большинство не цѣнитъ ихъ въ настоящую мѣру. Причина тому и въ самомъ формированіи донскихъ полковъ, и въ способѣ какимъ употребляли ихъ въ европейской войнѣ. На Кавказѣ же, гдѣ Донцы часто исполняли назначеніе строевой конницы, и гдѣ опытныхъ цѣнителей всегда было достаточно, мнѣніе о донскихъ казакахъ вообще очень высоко. Всякій видитъ чего имъ не достаетъ, вслѣдствіе состава, устройства и обученія; но всякій могъ видѣть также несравненныя качества, составляющія основу ихъ натуры. Когда донской полкъ попадаетъ въ руки хорошему командиру (что, правду сказать, случается не часто) его нельзя узнать. Не говоря о выносчивости, о способности къ усиленнымъ переходамъ, форсированной скачкѣ и ко всякимъ стоянкамъ (качества, которыхъ никто не отрицаетъ), мы видѣли нѣсколько наметавшихся донскихъ полковъ, которые рѣшительностію атаки и силой удара олицетворяли идеалъ кавалеріи. Конечно, не многіе регулярные кавалерійскіе полки сравнялись бы съ этими, всѣмъ памятными на Кавказѣ, Донцами. Чего недостаетъ донскимъ полкамъ, того недостаетъ имъ только вслѣдствіе укоренившагося взгляда на нихъ военной администраціи и происходящей изъ этого системы приготовленія ихъ. Чѣмъ могутъ быть Донцы, доказываетъ лейбъ-казачій полкъ. Въ немъ люди отборные по росту и наружности, а не по качествамъ; нѣтъ причины чтобы всякій другой донской полкъ былъ хуже его, развѣ люди покажутся не такъ казисты. Но даже и въ этомъ отношеніи, послѣдняя донская сотня можетъ считаться отборною по виду, въ сравненіи съ массой рекрутъ, пополняющихъ нашу

Digitized by Google

кавалерію. Нынѣшняго лейбъ-казачьяго полка никто не видалъ въ дѣлѣ, какъ и другой гвардейской конницы, но какъ всадниковъ, этихъ людей нельзя сравнивать съ ихъ товарищами по оружію. Англичанинъ, о которомъ я разказывалъ, восхищаясь казаками и Черкесами, никакъ не хотѣлъ называть ихъ первою конницей; онъ постоянно называлъ ихъ единственною конницей, какую онъ у насъ видѣлъ.

Дѣло не въ томъ, каковы часто или даже обыкновенно, бываютъ донскіе полки: это происходитъ отъ причинъ отъ нихъ не зависящихъ; а въ томъ, чѣмъ становятся Донцы, какъ только попадаютъ въ благопріятныя условія: вотъ мѣрка для расцѣнки ихъ. Много есть причинъ почему они не всегда хороши. Причины эти надо перебрать по порядку; онѣ относятся почти въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ нашимъ казачьимъ войскамъ.

Первая причина заключается въ самомъ составѣ донскихъ полковъ. Говоря о пѣхотѣ, я указывалъ на необходимость сзывать къ полку его собственныхъ, а не какихъ-нибудь чужихъ безсрочныхъ; товарищество вполнѣ сложившееся составляетъ душу всякой строевой части. Но если это правило настоятельно нужно для качества регулярнаго войска, то во сколько оно еще нужнѣе для войска иррегулярнаго и земскаго, какъ казаки, въ которомъ люди не срастаются между собой искусственно, вслѣдствіе долгаго сожительства подъ знаменемъ, а приносятъ цѣликомъ въ строй отношенія, сложившіяся на родинѣ, и вслѣдствіе этого обстоятельства упорно сохраняютъ ихъ въ продолженіе строевой службы. Еще въ *Кавказскихъ Письмахъ* я говорилъ „общая связь линейскаго войска выражается только въ администраціи, но не въ народной жизни; на дѣлѣ каждый отдѣльный полкъ или бригада составляетъ особенное общество, имѣющее по большей части значительные видовые оттѣнки. Дѣйствующій линейный полкъ не состоитъ, какъ донской или уральскій, изъ случайно соединенныхъ между собою людей, собранныхъ какъ попало съ цѣлаго округа, перемѣняющихся каждый срокъ, не имѣющихъ внѣ службы никакой связи ни между собой, ни съ своими офицерами. Линейскій полкъ есть извѣстный поземельный участокъ. Служащіе въ немъ казаки и офицеры всѣ дѣти одной семьи, всѣ сосѣди и односельцы, мѣняющіеся только очередью, но никогда не перемѣняющіе знамени. Эта особенность проводитъ глубокое

Digitized by Google

различіе между линейцами и другими казачьими полками. У линейцевъ глубоко вкорененъ полковой духъ, безъ котораго нѣтъ настоящаго войска. Полкъ для нихъ вмѣстѣ—знамя и родина; полковая слава дорога имъ какъ воинамъ и какъ гражданамъ.“ Этой единственной связи вовсе нѣтъ въ донскихъ полкахъ; они набираются съ цѣлаго округа изъ казаковъ и офицеровъ чуждыхъ другъ другу; не только имя полка ничего не говоритъ казаку, но даже репутація, заслуженная имъ въ строю, пропадаетъ безслѣдно съ роспускомъ полка, рѣдко возвращается съ человѣкомъ на родину. У линейцевъ офицеръ чрезвычайно дорожитъ хорошими отношеніями къ подчиненнымъ—ему придется потомъ жить съ ними какъ съ односельцами, какъ съ равными согражданами; для донскаго и всякаго другаго казачьяго офицера этихъ отношеній не существуетъ; онъ прослужитъ съ ввѣренными ему казаками три года и потомъ не увидитъ ихъ въ глаза; онъ съ ними связанъ гораздо меньше чѣмъ даже регулярный офицеръ съ солдатами; послѣдній, по крайней мѣрѣ, сближается съ людьми долгою служебною привычкой. Главное нравственное основаніе, придающее полку цѣльность и характеръ, обращающее его въ связанное круговою порукой товарищество, упущено у Донцовъ. Не знаю, такъ ли было у нихъ всегда, но если даже всегда такъ было, то этотъ недостатокъ до такой степени недостатокъ капитальный, что онъ необходимо долженъ быть исправленъ. Пока донское войско не раздѣлено на полковые округи, пока донскія сотни не состоятъ изъ одностаничниковъ, въ самомъ устройствѣ ихъ лежитъ причина, почему нравственно они должны стоять ниже линейцевъ. Различіе въ числѣ казаковъ, вызываемыхъ на службу въ томъ или другомъ году, нисколько не препятствуетъ такому дѣленію на Дону, какъ не препятствуетъ ему на Кавказѣ; смотря по надобности, изъ полковаго округа можно вывести одну или нѣсколько сотенъ и формировать ихъ въ сводные полки; строевыя части все-таки будутъ проникнуты нравственною связью.

Вторая причина, почему Донцы не всегда поддерживали свою репутацію, заключается въ ихъ офицерахъ. Я нисколько не хочу сказать этимъ, чтобъ изъ донскихъ офицеровъ не выходили отличные, образцовые кавалеристы и примѣрные начальники, или даже чтобы такихъ выходило мало. Но самое устройство Войска Донскаго таково, что оно не даетъ

Digitized by Google

развиться корпусу настоящихъ строевыхъ и боевыхъ офицеровъ. Этотъ недостатокъ у него общій съ другими казачьими войсками, но у линейскихъ казаковъ, напримѣръ, особыя мѣстныя причины ослабляютъ его вліяніе. Донское войско составляетъ не только замкнутый классъ людей, но цѣлую область, замкнутую въ самой себѣ; внутреннее управленіе этою областію, даже гражданское, находится исключительно въ рукахъ казаковъ, принадлежитъ имъ по привилегіи. Донское управленіе, гражданское и внутреннее, очень обширно, а многочисленный классъ войсковыхъ чиновниковъ, вращающійся всегда въ предѣлахъ Донской Земли, стоитъ ближе къ начальству чѣмъ строевые офицеры, постоянно разсѣянные по всѣмъ угламъ Имперіи, и потому можетъ скорѣе обратить на себя вниманіе и выслужиться. Между тѣмъ, по войсковому положенію, всѣ чины войска одинаково казаки, всѣ считаются военными, носятъ эполеты и имѣютъ право переходить, когда захотятъ, съ гражданской должности на военную. Въ то же время постоянная цѣль, pium desiderium каждаго казака по рожденію, состоитъ въ томъ, чтобы добиться командованія полкомъ, потому что оно выгодно, и часто, при извѣстной продолжительности, на всю жизнь обезпечиваетъ человѣка. Очень натурально, что войсковые чиновники исключительно стремятся къ этой цѣли, и получивъ штабъ-офицерскій чинъ, употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ вліянія чтобы поскорѣе стать кандидатомъ въ полковые командиры. Въ ихъ распоряженіи больше этихъ вліяній чѣмъ у строевыхъ; во всякомъ случаѣ, они имѣютъ такое же право на очередь какъ и послѣдніе. Но эти чиновники такіе же точно чиновники какъ во всей Россіи; донской стряпчій или секретарь ничѣмъ не отличаются отъ такого же стряпчаго или секретаря сосѣдней губерніи. Изъ этого выходитъ, что донскими полками и даже сотнями, если только стоянка полка выгодна, командуютъ болѣе стряпчіе чѣмъ военные офицеры, по крайней мѣрѣ мнѣ приходилось встрѣчать между ними больше стряпчихъ и секретарей чѣмъ военныхъ. Эта характеристика можетъ быть распространена не только на многихъ полковыхъ командировъ, но на значительное число штабъ-офицеровъ. А въ то время какъ высшія мѣста въ донскихъ полкахъ наполняются чиновниками, низшія, но все-таки начальственныя мѣста, отдаются чаще писарямъ чѣмъ наѣзднікамъ; я

Digitized by Google

думаю, можно сказать, не преувеличивая, что едва ли не половина донскихъ урядниковъ вышла изъ писарей и тому подобныхъ мелкихъ агентовъ власти. Вещь ясная. Войсковой чиновникъ, получая военное начальство, беретъ съ собой людей, служившихъ ему за канцелярскимъ столомъ или въ другихъ послугахъ (они такіе же казаки по праву, хотя, можетъ-быть, въ жизни не держали въ рукахъ пики); онъ и производитъ ихъ въ урядники преимущественно *. Потомъ эти урядники выходятъ въ офицеры и командуютъ сотнями по-писарски. Подобное смѣшеніе гражданской и военной службы, облеченной въ одну форму, производитъ въ казачьихъ войскахъ тѣ же послѣдствія, какія бы оно произвело вездѣ. Представьте себѣ, что чиновникамъ нашихъ нижеземскихъ судовъ и казенныхъ палатъ открыто переименованіе тѣмъ же чиномъ въ гусары и саперы, а писцамъ ихъ въ фельдфебели этихъ войскъ, съ перспективой дальнѣйшаго производства, и притомъ, всѣмъ имъ, съ приманкой нѣкоторыхъ выгодъ въ новой службѣ, и представьте себѣ, что произошло бы при этомъ въ войскахъ; вотъ то, что вы представили, и происходитъ именно у казаковъ, особенно у донскихъ, имѣющихъ болѣе обширное внутреннее управленіе чѣмъ другіе. Надобно удивляться крѣпости закала донской натуры, видя ихъ даже тѣмъ что они есть; другіе, на ихъ мѣстѣ, стали бы хуже Китайцевъ. Вотъ и разгадка, почему Донцы могутъ быть, но рѣдко бываютъ отличною кавалеріей: это съ ними случается тогда лишь, когда они попадаютъ въ руки хорошаго строеваго командира. Я не могу распространяться здѣсь о средствахъ, какимъ образомъ положить конецъ такому состоянію вещей. Средство само по себѣ ясно — радикальное отдѣленіе гражданской части отъ военной; кто былъ разъ чиновникомъ, тотъ не можетъ больше воротиться въ строй, кто былъ писаремъ, тотъ не долженъ уже быть ни строевымъ урядникомъ, ни полковымъ офицеромъ; съ гражданскихъ чиновниковъ, даже съ военныхъ чиновъ нестроевыхъ, надобно снять военную форму **. Приведеніе этого

* Почти каждый штабный офицеръ имѣетъ при себѣ въ походѣ вѣстоваго казака; въ награду за личную послугу, онъ выпрашиваетъ ему галуны.

** О писаряхъ надо сказать то же и въ отношеніи къ дѣйствующимъ войскамъ. Достаточно видалъ я на своемъ вѣку, какъ передъ

Digitized by Google

средства въ дѣйствіе вызоветъ обширную реформу въ донскомъ войскѣ, давно необходимую, но довольно сложную и многимъ непріятную (никакъ, впрочемъ, не казакамъ, а чиновничеству); оно потребуетъ формальнаго отдѣленія войска, настоящихъ казаковъ, и ихъ земель отъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ и владѣній Донской области; также одного управленія отъ другаго, которому нѣтъ причины оставаться военнымъ. О подобной тому мѣрѣ была уже рѣчь, но, къ сожалѣнію, покуда оставлена. Славное донское войско, которому при должныхъ реформахъ можетъ предстоять еще такая великая будущность, должно само понять, что ему нельзя устоять на одной точкѣ, когда вся имперія стремится впередъ. Россіи еще надолго будутъ нужны казаки, но только казаки удовлетворяющіе современнымъ потребностямъ. Мои слова не больше какъ слова частнаго человѣка, но ими говоритъ сила неотразимая—духъ вѣка.

Реформа въ войскѣ нужна еще для того, чтобы ввести въ донскіе полки должное число регулярныхъ кавалерійскихъ офицеровъ. Обстоятельная рѣчь объ этомъ впереди; замѣтимъ только, что, вопервыхъ, исключеніе изъ списковъ донскихъ офицеровъ всѣхъ чиновниковъ, безспорно необходимое, образуетъ пробѣлъ, который нужно будетъ наполнить; а вовторыхъ, что несмотря на природныя качества Донцовъ, у нихъ далеко недостаточно еще развиты понятія и знанія нужныя настоящей строевой кавалеріи; только регулярные офицеры могутъ принести имъ эти понятія и знанія.

Третья причина, наконецъ, часто не допускающая Донцовъ развернуться во всемъ блескѣ врожденныхъ имъ качествъ, — это обычное, вошедшее въ привычку въ нашей арміи, обращеніе съ ними. Выговоримъ горькое, но совершенно справедливое слово: ихъ держатъ, по большей части, въ черномъ тѣлѣ. Какъ иррегулярное войско, Донцы несутъ и въ походѣ, и по окраинамъ имперіи, гдѣ расположены ихъ полки, самую тяжелую, но вмѣстѣ и самую невидную службу. Надобно видѣть бо́льшую часть донскихъ стоя-

---

дѣломъ, изъ всѣхъ штабовъ насылались въ строй писаря за полученіемъ георгіевскихъ крестовъ, которые они откимали такимъ образомъ у людей, составляющихъ нравственную основу части. Писаря также, конечно, заслуживаютъ поощренія; но ни награды, выдаваемыя имъ, ни вообще ихъ служба, не должны считаться военными.

Digitized by Google

покъ, хотъ на Кавказѣ, откуда они уже выступили совсѣмъ, чтобы понять мѣру лишеній и неудобствъ, которую эти люди могутъ выносить. Въ настоящихъ походахъ, на войнѣ, Донцамъ выпадалъ обыкновенно главный трудъ, но весьма мало блеску. Большинство нашихъ кавалерійскихъ начальниковъ, подъ руку которымъ попадали казаки, были пріучены цѣнить конницу съ манежной точки зрѣнія, а потому смотрѣли на нихъ свысока *. Случаи отличія донскимъ казакамъ представлялись рѣдко. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ нашихъ арміяхъ, при столькихъ войнахъ, попадались донскіе полки не хуже знаменитыхъ полковъ казачьихъ, слава которыхъ долго будетъ жить на Кавказѣ; ихъ не умѣли только поставить на свое мѣсто, вслѣдствіе предвзятыхъ идей. Усиленный трудъ, безъ должнаго вниманія къ нему, мало можетъ поощрить человѣка.

Сложите послѣдствія этихъ трехъ обстоятельствъ: случайнаго состава донскихъ полковъ, чиновничьяго характера значительной части ихъ офицеровъ и приниженнаго ихъ положенія въ арміи, и отвѣтьте: если при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ выдаются по временамъ изъ общаго числа полки, о которыхъ мало сказать, что они не хуже лучшихъ регулярныхъ, то каковы же должны быть Донцы, устроенные какъ слѣдуетъ во всѣхъ отношеніяхъ.

XX.

Въ настоящемъ состояніи военнаго дѣла отъ кавалеріи приходится требовать новой способности, безъ которой прежде она очень хорошо обходилась, драгунской способности—спѣшиваться. Въ наше время кавалерія, не приспособленная къ тому чтобы въ случаѣ надобности сойдти съ коня и отстрѣливаться, не можетъ имѣть никакой самостоятельности; придется постоянно держать при ней пѣхоту, а это значитъ: ее придется всегда держать при пѣхотѣ, такъ какъ послѣдняя не можетъ сбѣжаться съ лошадью. Съ тѣхъ поръ какъ

* Я видѣлъ одного стараго кавалерійскаго генерала, который даже Наполеона цѣнилъ съ этой точки зрѣнія. Генералъ этотъ, въ началѣ своей долгой, но едва ли полезной карьеры, видѣлъ разъ завоевателя верхомъ и съ тѣхъ поръ всегда сомнительно качалъ головой, когда шла рѣчь о военномъ талантѣ императора.

Digitized by Google

разросшееся населеніе обратило европейскія поля въ подобіе огородовъ, а ружья стали хватать втрое далѣе прежняго, кавалерія въ отдѣлѣ не можетъ уже полагаться всегда и вездѣ только на коня и на саблю. Исключительнымъ ея назначеніемъ осталось, какъ и всегда, атаковать верхомъ; но чтобы сохранить какую-нибудь степень самостоятельности, чтобы не держаться постоянно за пѣхоту, какъ ребенокъ за подолъ няньки, кавалерія должна умѣть сама защищаться огнемъ и преодолѣвать безъ пѣхоты второстепенныя мѣстныя препятствія, противъ случайнаго непріятеля; иначе она не будетъ въ состояніи ступить шагу въ сторону, такъ какъ въ западной Европѣ едва ли найдется теперь открытое пространство на дальность ружейнаго выстрѣла, безъ какого-нибудь забора или препятствія, за которымъ могутъ усѣсться стрѣлки; ружье же бьетъ на 1.200 шаговъ. Можно сказать увѣренно, что не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ вся европейская кавалерія будетъ обращена въ драгунъ; по крайней мѣрѣ, вторая шеренга будетъ составляться изъ драгунъ во всѣхъ родахъ кавалеріи. Но образованіе изъ рекрутъ хорошихъ драгунъ, одинаково способныхъ къ обоимъ родамъ службы, дѣло очень трудное; лучшіе европейскіе кавалеристы сомнѣвались и сомнѣваются въ успѣшности такого результата, приписывая способность дѣйствовать одинаково хорошо пѣшкомъ и верхомъ только природнымъ наѣздникамъ: мамелюкамъ, арабамъ, казакамъ и т. д. Наша иррегулярная кавалерія обладаетъ въ высшей степени этою двойною способностію, потому она такъ же способна къ малой войнѣ на пересѣченной мѣстности, какъ и въ степи. Если регулярная кавалерія должна сохраниться въ нынѣшней пропорціи (а это необходимо по многимъ причинамъ), то и она должна быть способна къ тому же: иначе какую же роль станутъ играть въ арміи нѣсколько десятковъ тысячъ самаго дорогаго войска, которое нельзя выдвинуть далѣе ружейнаго выстрѣла отъ массы пѣхоты? Для такого дѣла, очевидно, недостаточно нѣсколькихъ карабинеровъ въ эскадронѣ; обучать же пѣхотной службѣ всю массу кавалеріи дѣло затруднительное. Когда верховая ѣзда дается человѣку только въ силу настойчиваго и долгаго упражненія, развлекать его другимъ занятіемъ значитъ ослаблять въ главномъ. Изъ нашего кавалериста, какъ изъ всякаго русскаго человѣка, не мудрено сдѣлать хорошаго пѣхотинца, но

Digitized by Google

мудрено сдѣлать такъ, чтобъ онъ остался при этомъ хорошимъ ѣздокомъ. Подобнаго вопроса не можетъ возникнуть, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, который ѣздитъ верхомъ такъ же какъ ходитъ пѣшкомъ, отъ природы; при какомъ бы то ни было развлеченіи онъ будетъ все такъ же ѣздить, какъ всякій другой будетъ ходить. Донскіе казаки не такъ привычны къ спѣшиванію какъ линейскіе, но все же привычны; придя въ первый разъ на Кавказъ, не учившись никогда этому дѣлу особенно, они точно такъ же садились въ залоги и по временамъ несли пѣшую службу, какъ и линейскіе. Драгунскіе баталіоны, въ томъ видѣ какъ ихъ формировали въ прошлое царствованіе, очевидно фантазія; въ десять лѣтъ войны можетъ не выпасть одного случая примѣнить ихъ. Въ дѣлѣ нужны не спѣшенныя стройныя массы кавалеріи, а стрѣлки, самое большое кучки. Регулярную кавалерію, сформированную изъ казаковъ, почти нечего учить спѣшиванью. Достаточно нѣсколькихъ элементарныхъ застрѣльщичьихъ ученій и по временамъ упражненія въ прицѣльной стрѣльбѣ, чтобы люди знали свое дѣло на сколько это потребно.

Нужно ли говорить, во сколько казаки расторопнѣе рекрутъ и даже солдатъ, кромѣ самыхъ старыхъ? Всякій сблизившійся съ ними на походѣ или въ дѣлѣ хорошо это знаетъ.

Кадры русской арміи должны расшириться: это необходимо для уравненія нашихъ силъ съ возможными вражескими; по всей Европѣ арміи усиливаются; не можемъ мы одни остаться въ прежнемъ положеніи. Но уже теперь раздаются голоса о несоразмѣрно малой численности нашей регулярной кавалеріи въ отношеніи къ пѣхотѣ (въ нынѣшнее царствованіе кавалерія дѣйствительно сокращена на половину, съ 458 дѣйствующихъ эскадроновъ на 220). Я не раздѣляю мнѣнія, чтобы теперешнее количество регулярной кавалеріи было недостаточно, при огромномъ числѣ иррегулярной, всегда готовой къ походу. За границей относительная численность линейной конницы, соотвѣтствующей по назначенію нашей регулярной, еще меньше; легкая конница исполняетъ тамъ преимущественно обязанности нашихъ казаковъ— аванпостную службу, рекогносцировки и фуражировки. Но не подлежитъ сомнѣнію, что съ расширеніемъ кадровъ арміи нынѣшнее количество регулярной кавалеріи будетъ уже недостаточно. Какъ пополнить его? Сформированіемъ

Digitized by Google

новыхъ полковъ? Но кавалерія не пѣхота. Выучить рекрута верховой ѣздѣ не то, что́ научить его стрѣлять и маршировать. Тутъ трудность состоитъ не въ пріученіи къ строевой службѣ и владѣнію оружіемъ, а въ томъ, чтобы сдѣлать изъ человѣка всадника, чтобъ онъ чувствовалъ себя на лошади какъ на своихъ ногахъ, что́ и при долгомъ срокѣ достигается только на половину. Искусственную кавалерію нельзя распускать въ мирное время по домамъ, оставляя подъ знаменемъ одни кадры; ее приходится держать весь срокъ на службѣ, увольняя развѣ небольшое число людей во временные отпуски. Пѣхоту можно усилить по военному положенію безъ обремененія бюджета въ мирное время, однимъ сокращеніемъ сроковъ; относительно кавалеріи эта мѣра невозможна. Тутъ что́ новый человѣкъ въ спискахъ, то новый постоянный расходъ, почти втрое превышающій расходъ на пѣхотинца. Усиленіе кавалеріи, набранной изъ рекрутъ, которую надо держать всегда на лицо, повело бы къ сильному приращенію военнаго бюджета. Увеличить число нашей кавалеріи, безъ истощенія казны, можно только тѣмъ способомъ, чтобы формировать новые кавалерійскіе полки изъ природныхъ всадниковъ, которыхъ нужно учить только правильной строевой службѣ, а не верховой ѣздѣ; съ такими людьми можно подвести кавалерію подъ общую организацію, держать въ мирное время треть людей въ строю и двѣ трети въ отпускѣ; на 6-ти-эскадронный полкъ—дивизіонъ подъ знаменемъ и два дивизіона по домамъ. Но если нужда вынудитъ къ такой мѣрѣ, и у насъ будутъ регулярные казачьи полки, что́ же станетъ дѣлать рядомъ съ ними кавалерія изъ рекрутъ? Рѣшившись разъ брать въ одну половину конницы людей, которыхъ нечего учить верховой ѣздѣ, такъ какъ они знаютъ это дѣло лучше всякихъ учителей; располагая неограниченнымъ числомъ такихъ людей, неужели все-таки, покуда стоитъ Россія, будутъ набирать другую половину конницы изъ крестьянъ, которые только къ концу срока пріучаются ѣздить весьма посредственно? Неужели, вслѣдствіе иностранныхъ понятій петровскихъ и аннинскихъ выписныхъ инструкторовъ, у насъ навсегда сохранятся рядомъ съ линейцами гусары, заведенные въ Европѣ какъ подражаніе гусарамъ венгерскимъ, никогда не стоившимъ нашихъ линейцевъ; а на ряду съ Донцами—уланы, перенятые Западомъ у Поляковъ съ нашихъ же казаковъ и Татаръ? Да вѣдь

Digitized by Google

это выходитъ исторія норманскихъ яицъ, которыя истые Англичане, живя въ Парижѣ, выписываютъ изъ Лондона. Вѣдь это буквально то же, что стоя у колодца готовить химически воду: и качества ея ниже, и деньги выходятъ напрасно. Искусственная кавалерія никогда не можетъ достигнуть качества натуральной, правильно обученной; а цѣна ея содержанія ровно тройная, такъ какъ она должна быть всегда налицо, между тѣмъ какъ природная кавалерія можетъ быть подчинена пѣхотной организаціи, состоять въ мирное время на иждивеніи казны въ количествѣ одной трети.

Скажутъ, можетъ-быть, что донскіе казаки необходимы какъ иррегулярная кавалерія, что ихъ некѣмъ замѣнить въ этомъ родѣ службы. Мнѣ уже привелось читать, не помню гдѣ, именно такое возраженіе. Признаюсь чистосердечно, я считаю его за шутку. Наше отечество обладаетъ не только элементами нестроевой конницы, но готовою нестроевою конницей, въ пропорціи въ десять разъ превышающей всякую потребность. Мы разсмотримъ этотъ предметъ на своемъ мѣстѣ.

Донцы, безъ сомнѣнія, и теперь должны считаться регулярною кавалеріей, только недостаточно обученною. Донской полкъ учится строевой службѣ недѣли двѣ, во время сформированія; потомъ онъ идетъ въ походъ, а прибывъ къ мѣсту назначенія, разбивается отдѣльными постами, которые почти не видятъ другъ друга. Еслибъ онъ могъ пробыть въ сборѣ хоть три мѣсяца въ году, подъ рукой исправнаго командира, онъ былъ бы вполнѣ регулярнымъ. Но, чтобы можно было замѣнять Донцами строевые кавалерійскіе полки, такого домашняго преобразованія недостаточно. Строевая кавалерія—оружіе очень сложное; оно можетъ достигнуть совершенства тогда только, когда всѣ служебныя понятія и привычки сложились долговременною практикой, образовали стройную систему, руководствующую людей одинаково и въ важныхъ вещахъ, и въ мелочахъ службы. Разумѣется, подъ словомъ мелочи не должно понимать требованій условнаго педантства: въ мелочахъ могутъ выражаться потребности весьма практическія; а десять такихъ мелочей, взятыхъ вмѣстѣ, составляютъ нѣчто значительное. Въ духѣ каждаго оружія, если оно хорошо сформировано, выражается самая сущность дѣла, вліяющая на весь ходъ службы и въ крупныхъ, и въ мелкихъ вещахъ; душа его не въ обученіи только, а въ

Digitized by Google

непрерывномъ преданіи, усвоенномъ всѣми составляющими его людьми. Вотъ этого регулярно-кавалерійскаго преданія не достаетъ въ казакахъ; изъ ихъ собственной закваски оно не разовьется скоро въ удовлетворительной полнотѣ, безъ урока и примѣра, безъ совмѣстной службы съ строевою конницей на той же ногѣ, безъ руководства регулярныхъ офицеровъ. Есть донскіе офицеры, которые могли бы отлично командовать линейскимъ кавалерійскимъ полкомъ; но развѣ такихъ много? Достоинство казаковъ состоитъ въ томъ, что они молодцы въ душѣ, одиночно гораздо болѣе развиты чѣмъ рекруты и притомъ природные ѣздоки; но они могутъ стать вполнѣ регулярною кавалеріей лишь въ рядахъ кавалеріи уже существующей при совмѣстной службѣ съ нею. Въ нынѣшнемъ году генералъ Рейсихъ предложилъ очень остроумную мысль * прикомандировать къ кавалерійскимъ полкамъ донскія сотни для обученія регулярной службѣ. Мнѣніе генерала Рейсиха подлежитъ однакожь двумъ крупнымъ оговоркамъ: вопервыхъ, онъ смотритъ на казаковъ съ общей кавалерійской точки зрѣнія,—назначаетъ ихъ въ фланкеры, а главную роль оставляетъ все-таки ярославскимъ мужичкамъ, съ горемъ пополамъ обученнымъ верховой ѣздѣ; вовторыхъ, генералъ Рейсихъ хочетъ не замѣнять постепенно эскадроны сотнями, а присоединить ихъ къ числу нынѣ существующихъ, о чемъ, въ настоящемъ финансовомъ положеніи, не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ будущность нашей кавалеріи и будущность военнаго бюджета зависятъ именно не отъ прибавленія новыхъ сотенъ къ линейнымъ полкамъ, но отъ постепеннаго замѣщенія эскадроновъ регулярными донскими сотнями.

Чтобы ввести Донцовъ въ регулярную кавалерію, прежде всего надобно раздѣлить донское войско на мѣстные полки и сотни на подобіе кавказскаго линейнаго: иначе всѣ старанія ни къ чему не приведутъ. Казаки служатъ посрочно, а за тѣмъ возвращаются на льготу; объ обученіи казачьей сотни стóитъ хлопотать лишь въ такомъ случаѣ, когда она составляетъ постоянную часть: тогда будетъ извѣстно, что сотня № такой-то, выходящая изъ такой-то станицы, обучена регулярно. Собирать со всей Донской земли всѣхъ регулярныхъ казаковъ и соединять ихъ вновь въ томъ порядкѣ,

* *Военный Сборникъ* 1866 года.

Digitized by Google

въ какомъ они находились на предыдущемъ срокѣ—дѣло слишкомъ хлопотливое и ненадежное; притомъ же, въ земскомъ войскѣ хороша только часть проникнутая еще на мѣстѣ духомъ товарищества. Если же войско донское было бы подѣлено на постоянные полки и сотни, превращеніе его въ регулярную кавалерію обратилось бы въ простой разчетъ времени. Чтобы говорить о замѣщеніи нынѣшнихъ эскадроновъ донскими сотнями, надобно прежде всего принять раздѣленіе донскаго войска на полковые и сотенные участки за совершившійся фактъ. Такъ я и сдѣлаю.

Можно разомъ ввести по одной постоянной сотнѣ въ составъ каждаго изъ легкихъ кавалерійскихъ полковъ, то-есть во всѣ, за исключеніемъ четырехъ кирасирскихъ, съ общимъ расформированіемъ, въ то же время, четвертыхъ эскадроновъ. Расходъ на кавалерію не прибавится такимъ образомъ ни копѣйкой. Сотня останется нераздѣльною, въ своемъ полномъ составѣ; но офицеровъ надобно перемѣшать, иначе ни регулярные не ознакомятся съ казаками, ни казачьи не проникнутся достаточно духомъ строеваго войска. Половина послѣднихъ можетъ быть перемѣщена въ другіе эскадроны и замѣнена офицерами эскадрона расформированнаго. Сотнѣ нужно дать отличнаго командира изъ регулярныхъ. Черезъ два года она станетъ превосходнымъ эскадрономъ и будетъ отпущена на льготу, съ замѣной ея второю сотней того же полка. Въ шесть лѣтъ три сотни каждаго донскаго полка станутъ такимъ образомъ вполнѣ приготовленными. На седьмой годъ, вмѣстѣ съ четвертою сотней того же полка, придетъ и первая, окончившая свою четырехлѣтнюю льготу. Имѣя при всякомъ кавалерійскомъ полку донской дивизіонъ, можно сейчасъ же расформировать третьи эскадроны; на девятый годъ, когда придетъ вторая сотня со льготы и пятая новая—второй эскадронъ; а на одиннадцатый, съ прибытіемъ третьей льготной и шестой послѣдней, новой,—остальной эскадронъ. Въ десять лѣтъ всѣ наши четырехъэскадронные кавалерійскіе полки изъ рекрутъ замѣнятся шестисотенными регулярными донскими. Число строевой кавалеріи увеличится на половину, соразмѣрно съ возрастаніемъ пѣхоты, а налицо въ мирное время будетъ ея находиться только $^2/_3$ противъ нынѣшняго — два эскадрона въ каждомъ полку, вмѣсто четырехъ, съ упраздненіемъ въ то же время всѣхъ резервныхъ эскадроновъ. Вмѣстѣ съ экономіей

Digitized by Google

на обмундированіе всей кавалеріи (такъ какъ казаки выходятъ въ своемъ платьѣ), выгода для казны будетъ очень большая.

Казачьи офицеры никогда вполнѣ не замѣнятъ регулярныхъ кавалерійскихъ, по крайней мѣрѣ этого слишкомъ долго пришлось бы ждать, такъ какъ кавалерійское офицерство, въ массѣ, состоитъ изъ людей довольно образованныхъ, на Дону же образованіе стоитъ еще низко; кромѣ того, за исключеніемъ донскихъ чиновниковъ, носящихъ мундиръ, количество строевыхъ казачьихъ офицеровъ, представляющихъ гарантію способности, не слишкомъ велико. Въ обученныхъ донскихъ полкахъ надобно сохранить по крайней мѣрѣ на половину нынѣшнихъ регулярныхъ офицеровъ. Въ десять лѣтъ, пополняя вакансіи сообразно съ этимъ предположеннымъ числомъ, оно само собой дойдетъ до нормы. Съ отдѣленіемъ отъ войска поземельнаго дворянства Донской земли (которому, такимъ образомъ, предоставится всякая карьера), половинное число нынѣшнихъ офицерскихъ вакансій будетъ достаточно для строевыхъ казаковъ. На неоднократно выраженное мнѣніе вводить въ донское войско регулярныхъ офицеровъ, какъ они вводятся въ линейное, постоянно слышался отвѣтъ: „казакамъ это будетъ обидно“. Какимъ казакамъ? Чиновничеству, особенно стряпчимъ, получающимъ полки — конечно! Но въ странѣ гдѣ, пять лѣтъ тому назадъ, освобождены двадцать милліоновъ крѣпостныхъ, такой отвѣтъ не годится. Строевымъ же казакамъ и офицерамъ это далеко не будетъ обидно; черезъ мѣсяцъ службы они оцѣнятъ всю разницу между старымъ и новымъ порядкомъ вещей; даже свои офицеры-земляки станутъ совсѣмъ другими въ новомъ сообществѣ.

Очередную службу достаточно положить въ два года, за которыми послѣдуетъ четырехлѣтняя льгота. Если донскому войску придется выставлять только нынѣшнее число регулярно-кавалерійскихъ полковъ шестисотеннаго состава, изъ которыхъ въ мирное время лишь двѣ сотни будутъ въ строю за предѣлами войска, то служба его станетъ весьма легкою. Къ шести дѣйствующимъ сотнямъ можно прибавить двѣ резервныя, остающіяся постоянно дома, но изъ которыхъ полкъ будетъ пополняться въ военное время, въ которыхъ будутъ обучаться также всѣ малолѣтки. Кавалерійская служба такое спеціальное дѣло, къ которому надо пріучаться сызмала.

Digitized by Google

Хотя казакъ родится верхомъ, но привычка владѣть оружіемъ и джигитовать должна также развиваться въ немъ съ юныхъ лѣтъ. При резервныхъ сотняхъ должно заранѣе упражнять малолѣтковъ. Развитый съ молодости и потомъ хорошо обученный на службѣ казакъ не забудетъ на льготѣ своего дѣла, именно потому, что онъ казакъ, а не рекрутъ; онъ явится изъ своей станицы на призывъ такимъ же исправнымъ воиномъ, какъ пѣхотный отпускной изъ своей деревни. Природная способность казака изгладитъ органическое различіе требованій между двумя родами службы. Но, тѣмъ не менѣе, ему нужны и на родинѣ серіозныя упражненія, по крайней мѣрѣ трехнедѣльный сборъ, для поддержанія регулярной стройности и привычки къ оружію. Для этой цѣли желательно, чтобы къ каждой льготной сотнѣ, кромѣ казачьихъ офицеровъ, было прикомандировано еще по одному регулярному. Полагая, какъ мы сдѣлали, половинное число регулярныхъ офицеровъ въ полку, то-есть на три сотни, при трети или четверти отпускныхъ, обезпеченныхъ половиннымъ содержаніемъ (какъ въ пѣхотѣ), остальные будутъ достаточно заняты при двухъ дѣйствующихъ и четырехъ льготныхъ сотняхъ. На содержаніи людей и лошадей получится большая экономія въ мирное время. Но ея нельзя распространять на ремонтъ коней и вооруженія. Въ этомъ отношеніи регулярные казаки должны получать все, что теперь идетъ на регулярную кавалерію. Порода донскихъ лошадей лучшая, какая есть въ Россіи и Европѣ для конницы. Эти лошади худѣютъ въ обстоятельствахъ, въ которыхъ заводскія издыхаютъ; онѣ рослы, сильны, разлетъ ихъ стремительный. На донскихъ коняхъ Нижегородскій полкъ не зналъ утомленія, на нихъ можно пойдти до края свѣта, не боясь остаться пѣшкомъ. Но конь коню розь, даже въ одной породѣ. Теперь казаки, сообразно съ своими средствами, выѣзжаютъ на дешевыхъ лошадяхъ, изъ которыхъ немногія годны для сильнаго строя. Наша же строевая конница, поддержанная такою тучей иррегулярной, на которой будутъ лежать всѣ обязанности аванпостной службы и малой войны, должна быть не преимущественно, а исключительно конницей линейною, способною къ атакѣ на пѣхоту. Ей нужны сильныя, рослыя и вмѣстѣ пылкія лошади; въ донской породѣ эти качества соединяются съ достаточною легкостію и выносчивостію,

Digitized by Google

не то что̀ заводскія кирасирскія лошади, которыя когда велики, то всегда и тяжелы. Такихъ лошадей будетъ сколько угодно на Дону, въ новороссійскихъ и ставропольскихъ степяхъ, когда явится запросъ. Но онѣ не дешевы. Казакъ не имѣетъ средствъ пріобрѣсти такого коня на свой счетъ. Ему должно выдавать сполна ремонтныя деньги, по нынѣшнему положенію регулярной кавалеріи, то-есть 120 рублей, и затѣмъ требовать неуклонно, чтобы подъ нимъ былъ конь должныхъ качествъ, никакъ не менѣе $2^3/_4$ верш., а еще лучше 3 вершковъ росту. Лошади ниже этой мѣры не годятся въ линейной кавалеріи; ударъ ихъ, особенно на пѣхоту, слишкомъ слабъ: это хорошо знаетъ всякій, видавшій атаку на каре. Значительное преимущество Нижегородскаго полка въ турецкой войнѣ состояло въ томъ, что лошади его, пріобрѣтаемые исключительно на Дону, были выше обыкновенной драгунской мѣры, а потому и сильнѣе, но все еще не довольно сильны. На такихъ коняхъ Донцы будутъ регулярною кавалеріей, какой Европа еще не видала, развѣ только у Англичанъ,—въ этомъ можно поручиться. Также точно регулярнымъ донскимъ полкамъ слѣдуетъ выдавать положенныя деньги на сѣдло и сбрую, и затѣмъ требовать совершенной ихъ исправности. Нынѣшнее донское оружіе должно быть, конечно, сохранено въ своемъ видѣ, но улучшено въ качествѣ. Надобно выдавать его Донцамъ изъ казны, безплатно, какъ выдается оно регулярной кавалеріи и на тѣ же сроки. Нечего говорить также, что офицеры изъ казаковъ должны быть сравнены съ прочими во всѣхъ отношеніяхъ. Желательно, чтобъ они, по общему примѣру, были обезпечены и на льготѣ половиннымъ жалованьемъ. Съ обращеніемъ Донцовъ въ регулярные полки произойдетъ такая экономія, не только въ содержаніи кавалеріи, но и въ жалованьи офицерамъ, въ сравненіи съ которою подобный расходъ, справедливый и необходимый, составитъ лишь нѣсколько процентовъ.

Я не касаюсь въ этомъ очеркѣ, предназначенномъ столько же для гражданскихъ какъ и для военныхъ читателей, никакихъ чисто тактическихъ вопросовъ. Но тутъ нельзя не спросить—должны ли регулярные казаки строиться лавой, по своему обычаю, или въ двѣ шеренги? Я никогда не слыхалъ и не читалъ осмысленнаго отвѣта на то, почему кавалерія должна дѣйствовать двумя шеренгами, когда

Digitized by Google

первое боевое условіе въ этомъ войскѣ—возможно бо́льшая смѣнность частей — уменьшается такимъ построеніемъ на половину. Единственный аргументъ, за которымъ можно признать нѣкоторое значеніе, состоитъ въ томъ, что вторая шеренга пополняетъ во время дѣйствія убыль первой. Во время дѣйствія, но не во время самой атаки: въ этомъ случаѣ для чего же она? Въ дурной кавалеріи дѣло еще понятно: помощникъ за спиной ободряетъ человѣка; но дурная кавалерія, какъ бы ни строилась, не годится для дѣла; а между тѣмъ, всякій кавалеристъ будетъ гораздо болѣе пріободренъ когда увидитъ вторую шеренгу, дѣйствующую самостоятельно, не за своею спиной, а на флангѣ непріятеля; да кромѣ того, составляя второй полуэскадронъ, эта шеренга можетъ скакать за первымъ какъ угодно близко. Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что эта прибавочная шеренга замедляетъ построенія и быстроту аллюра на карьерѣ. Я видалъ опытныхъ кавалеристовъ, которые, на вопросъ: къ чему служитъ вторая шеренга? отвѣчали, пожимая плечами: „къ тому, чтобы засѣкать первую!“ Какъ бы то ни было, вкорененный обычай великое дѣло. Оставляя его неприкосновеннымъ въ кавалеріи, составленной изъ рекрутъ, которая привыкла такъ дѣйствовать, которая иначе дѣйствовать не умѣетъ, можно выставить тотъ же аргументъ въ защиту стародавняго обычая другой кавалеріи, которая привыкла дѣйствовать иначе. Конечно, никто не рѣшится сказать, чтобы лейбъ-казачій полкъ былъ хуже какого-нибудь другаго, потому что обычное его построеніе—лава, а не двухъшереножный строй.

По поводу привычекъ можно сказать то же самое о всѣхъ коренныхъ обычаяхъ Донцовъ.

Изъ донскихъ казаковъ можно, а по моему понятію должно, сформировать регулярную кавалерію. Но регулярность эта должна состоять только въ стройности и въ сомкнутости, а не въ измѣненіи ихъ внутреннихъ распорядковъ, ихъ обращенія съ конемъ и такъ далѣе. Родовой обычай людей, формирующихся для службы еще дома, по отцовскимъ преданіямъ, святое и неприкосновенное дѣло: на немъ основывается вся сила увѣренности въ себѣ какъ части, такъ и отдѣльныхъ личностей. Въ этомъ отношеніи регулярный офицеръ можетъ научить казака только тому, чему львенокъ, воспитанный орломъ, хотѣлъ учить звѣрей—вить гнѣзда.

Digitized by Google

XXI.

Кавалерія—оружіе весьма разнообразное по своимъ видовымъ оттѣнкамъ. Такъ какъ качества всадника зависятъ преимущественно отъ качествъ лошади, на которой онъ сидитъ, и развиваются сообразно имъ; такъ какъ, притомъ, видоизмѣненія конской породы гораздо значительнѣе чѣмъ породы человѣческой, то понятно, почему кавалерія дробится до сихъ поръ на большее число видовъ чѣмъ пѣхота. Сформированіе всей линейной конницы изъ казаковъ изгладило бы различіе между гусарами, уланами и драгунами; но затѣмъ остаются еще кирасиры, составляющіе у насъ дивизію въ 16 эскадроновъ (недавно кирасировъ было три дивизіи—72 эскадрона).

Кирасиры существуютъ во всѣхъ большихъ европейскихъ арміяхъ. Они, очевидно, остатокъ старинной, закованной въ латы, дворянской конницы рыцарей. Преимущественное назначеніе ихъ—опрокидывать густыя массы пѣхоты и кавалеріи, но главнѣйше пѣхоты. Для этой цѣли они носятъ латы, защищающія ихъ, какъ предполагается, отъ ружейнаго выстрѣла, для этого же даны имъ сильныя лошади, которыя могутъ съ разлета опрокинуть нѣсколько рядовъ пѣхотинцевъ. Вопросъ о кирасирахъ сталъ въ послѣднее время спорнымъ. Одни говорятъ, что при нынѣшнемъ могуществѣ ружейнаго огня кирасиры стали нужнѣе чѣмъ прежде, что опытъ послѣднихъ войнъ убѣдительно доказываетъ несостоятельность обыкновенной легкой кавалеріи не только атаковать пѣхоту съ успѣхомъ, но даже сойдтись съ нею. Другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что существованіе кирасиръ противорѣчитъ первому условію всякой кавалеріи—быстротѣ, такъ какъ они, по тяжести коней и вооруженія, именно быстротой и не обладаютъ.

Мнѣ кажется, этотъ споръ очень похожъ на знаменитый споръ двухъ рыцарей о щитѣ, который былъ съ одной стороны позолоченъ, а съ другой посеребренъ; еслибы противники дали себѣ трудъ обмѣняться на минуту мѣстами, или точками зрѣнія, то не изъ чего было бы спорить. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ кирасиръ можно обойдтись; но нѣтъ сомнѣнія также, что настоящіе кирасиры, въ небольшомъ

Digitized by Google

числѣ, могутъ быть очень полезны; только настоящихъ кирасиръ теперь нигдѣ не существуетъ, ни по качеству людей, ни по качеству лошадей, ни по качеству вооруженія.

Ясно, что еслибъ у одной изъ враждующихъ сторонъ было хоть самое небольшое число кавалеріи, способной почти наверное врубиться въ пѣхоту, эта сторона обладала бы великимъ преимуществомъ. Съ устройствомъ регулярной арміи, половина личности людей перешла въ сборную душу части, въ общественное настроеніе; оттого о хорошемъ регулярномъ полкѣ можно сказать, что онъ есть чудовище съ одною душой, при нѣсколькихъ стахъ или тысячахъ рукъ и головъ. Но вслѣдствіе такой нравственной общности каждый человѣкъ подверженъ общему впечатлѣнію — храбрецъ паникѣ, и трусъ—увлеченію. Теперь не такъ какъ въ древности, побѣда принадлежитъ не тому кто успѣетъ въ данное время вырѣзать наибольшее число людей во вражескихъ рядахъ, а тому, кто первый сумѣетъ разстроить нервы противника. Регулярная линія какъ плотина—достаточно проникнуть ее соломинкой и дать водѣ литься, и черезъ нѣсколько времени вода снесетъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, что на Гроховомъ полѣ, въ 1830 году, еслибъ атака полка принца Альберта была поддержана, мы разрѣзали бы польскую армію пополамъ, и этотъ день кончилъ бы войну. Гдѣ только мѣстность позволяетъ кавалеріи дѣйствовать, тамъ, съ настоящими кирасирами, можно на полчаса, когда угодно, взять верхъ надъ непріятелемъ; для рѣшительнаго главнокомандующаго этого времени, распространяющаго недоумѣніе во вражескихъ рядахъ, достаточно чтобъ утвердить за собой побѣду. Но что такое настоящіе кирасиры?

Существуетъ фактъ не подлежащій никакому сомнѣнію. Сильная и смѣлая кровная лошадь, подобная англійскому гантеру, пущенная въ карьеръ, сбиваетъ съ ногъ безъ затрудненія шесть человѣкъ, стоящихъ одинъ за другимъ — глубину фронта пѣхотнаго каре; но только въ такомъ случаѣ, когда сѣдокъ не задерживаетъ поводьевъ. Извѣстна атака лорда Понсомби при Ватерлоо. Французы стояли колоннами изъ цѣлой дивизіи, стало-быть густыми массами, безъ пустоты въ серединѣ, проникнуть въ которыя было чрезвычайно трудно. Но англійская кавалерія разнуздала своихъ лошадей и, вонзивъ имъ шпоры въ бока, влетѣла въ эту гущу людей какъ пушечное ядро. Подобныя атаки чрезвычайно рѣдки,

Digitized by Google

но самый фактъ повторится неизмѣнно, кавалерія всякій разъ врубится въ пѣхоту, несмотря ни на какое геройство послѣдней, при двухъ условіяхъ: 1) чтобы лошади были сильныя и кровныя, то-есть безстрашныя и притомъ совершенно свѣжія, не утомленныя походомъ; 2) чтобъ онѣ были пущены въ разлетъ, какъ въ послѣднюю минуту скачки, чтобъ ни одна рука не затянула поводьевъ; разлетѣвшаяся лошадь не можетъ остановиться вдругъ, еслибъ и захотѣла; броситься въ сторону ей некуда во фронтѣ. Оба эти условія были соблюдены при атакѣ лорда Понсомби. Лошади были кровныя и совершенно свѣжія, такъ какъ сраженіе произошло посреди расквартированія англійской арміи; ни одна рука не задержала ихъ разлета, потому что они были разнузданы. Нѣчто подобное, но въ условіяхъ менѣе благопріятныхъ, происходило при атакахъ Нижегородцевъ въ послѣдней Турецкой войнѣ, постоянно достигавшихъ результата, хотя съ гораздо бо́льшими усиліями. Обыкновенно же кавалерійскія атаки на пѣхоту бываютъ только пародіей вышеприведенныхъ. Посредственныя, вовсе не пылкія лошади, заѣзженныя въ манежѣ, повинующіяся малѣйшему движенію пальцевъ, держащихъ поводъ мундштука, въ добавокъ измученныя походомъ, подъ всадниками не сростшимися съ конемъ, конечно не врѣжутся въ хладнокровную пѣхоту. Даже отчаянная атака лорда Лукана у Балаклавы только пронеслась сквозь наши линіи, но не прорѣзала ихъ. Между тѣмъ, чтобы кавалерійская атака произвела свое дѣйствіе, конница должна проникнуть въ глубь непріятельскихъ линій не сквозь интервалы, а черезъ тѣла пѣхотинцевъ; эти линіи смутятся непремѣнно, видя въ тылу у себя кавалерію, которую даже фронтъ не могъ остановить; пользуясь этою минутой, ихъ легко опрокинуть. Нельзя сомнѣваться въ пользѣ кавалеріи, которая можетъ наносить такіе удары, хотя бы она состояла лишь изъ нѣсколькихъ эскадроновъ; нельзя спорить также противъ того, что къ подобному дѣлу пригодны одни кирасиры, крѣпкіе всадники на большихъ, сильныхъ и горячихъ лошадяхъ. (Въ сраженіи подъ Кюрукъ-Дара половина Нижегородскаго полка легла на одномъ каре штуцернаго баталіона, прежде чѣмъ покончила съ нимъ, вслѣдствіе того только, что лошади не были довольно сильны чтобы сразу прошибить грудью кучу тѣсно сжавшихся людей.) Одной кирасирской дивизіи, способной сдѣлать свое дѣло, достаточно на полумилліонную

Digitized by Google

армію, а потому тутъ нечего щадить издержекъ; надобно или довести кирасиръ до такого совершенства, или не держать ихъ вовсе.

Очевидно, первое условіе совершенства кирасиръ состоитъ, повторяемъ, въ томъ, чтобы подъ ними были лошади очень сильныя, непремѣнно кровныя (не кровная лошадь не обладаетъ достаточною рѣшимостію) и вполнѣ свѣжія въ минуту атаки. Перваго пункта условія достигнуть не трудно: случка самыхъ крупныхъ донскихъ и новороссійскихъ кобылъ съ кровными жеребцами дастъ эту породу; удовлетворить второму пункту можно только тѣмъ, чтобы посадить кирасиръ, для компаніи, на запасныхъ лошадей - подъѣздковъ, прикомандировавъ къ каждому полку двѣ иррегулярныя сотни въ видѣ коноводовъ. Расходъ на подъѣздковъ для 16-ти эскадроновъ не великъ въ военное время, когда сотни милліоновъ тратятся для достиженія цѣли. Боевые кони должны быть пылкими, цѣльными и заносчивыми, чуждыми манежной выѣздки, иначе они никогда не ворвутся въ каре. Они должны быть пріучены мчаться прямо на всякое препятствіе, на огонь и на штыки, по-суворовски; но въ этомъ случаѣ, я полагаю, гораздо безопаснѣе замѣнять на ученьи людей куклами.

Второе условіе, безъ котораго можно было обойдтись скорѣе прежде чѣмъ теперь, чтобы кирасиры были дѣйствительно защищены своимъ оборонительнымъ оружіемъ отъ пули: иначе, если не подобрать ихъ поголовно изъ старинныхъ паладиновъ, они затянутъ поводья и разлету не будетъ. Теперь огонь изъ нарѣзныхъ ружей открывается на кавалерію издалека, сильную лошадь не сразу свалишь пулей, если ударишь не въ мозгъ или сердце, — раненая, она все-таки доскачетъ до фронта; человѣка же всякій ударъ въ тѣло, даже не смертельный, сваливаетъ непремѣнно. Кавалерія можетъ быть разстроена еще издали мѣткимъ огнемъ, подбивающимъ сѣдоковъ. Надобно, чтобъ у кирасира были закрыты всѣ части тѣла, ударъ въ которыя причиняетъ смерть или рану, сейчасъ же выводящую изъ строя,—голова, грудь и животъ; каждому кавалеристу, кирасиру и легкоконцу, нужны также налокотники. При нынѣшней выдѣлкѣ стальныхъ латъ, непробиваемыхъ пулей и несравненно болѣе легкихъ чѣмъ прежнія (напримѣръ французскія), двустворчатый шишакъ (совершенно покрывающій лицо удли-

Digitized by Google

ненным выступомъ, чтобы не мѣшать дыханію, и съ широкими прорѣзами для глазъ, надѣваемый только во время боя) и кирассъ (опускающійся почти до луки, съ крыльями покрывающими бедра, настоящій средневѣковой), да пара налокотниковъ, не обременятъ сильнаго человѣка; объ обременении же лошади не можетъ быть рѣчи, если заведутъ подъѣздковъ. Кирасирскія латы упомянуты тутъ только мимоходомъ. Я выскажусь подробно на своемъ мѣстѣ объ оборонительномъ вооруженіи (которымъ я много занимался), теперь вновь выступающимъ на сцену.

Не мудрено подобрать въ Русской имперіи подходящихъ людей на 16 эскадроновъ, вербовкою или выборомъ изъ природныхъ ѣздоковъ, или изъ другихъ людей, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ кавалерійской службы. Сказанное о кавалеріи вообще не можетъ относиться къ горсти отборныхъ людей.

Кирасиры нужны для того только чтобы сломить непріятельскій строй; нечего тратить ихъ силы на то чтобы довершать пораженіе, встрѣчать направленныя на нихъ фланговыя атаки и т. д. Для этого дѣла достаточно хороша обыкновенная линейная кавалерія. Соединяя въ однѣхъ рукахъ, на время войны, дивизіонъ кирасирскій съ дивизіономъ линейной конницы, получится четырехъ-эскадронный полкъ, равно способный къ сокрушительности удара, къ быстротѣ, и ко всякимъ случайностямъ. Кирасирская дивизія можетъ образовать въ компаніи восемь такихъ сводныхъ полковъ.

Наконецъ, въ русской арміи есть два кавалерійскіе полка, до которыхъ никакое преобразованіе не должно касаться, Нижегородскій и Сѣверскій. Они самородокъ, въ нихъ сказалась дѣйствительность, всегда стоящая выше всякой теоріи. Притомъ, въ необъятной Русской имперіи есть далекія окраины, гдѣ также нужна, или скоро будетъ нужна регулярная кавалерія, и куда слишкомъ далеко водить смѣнные дивизіоны. Тамъ ихъ мѣсто.

Перейдемъ къ нестроевой конницѣ.

Названіе это неправильное, такъ какъ всѣ казаки у насъ, болѣе или менѣе, строевое войско; оно прилагается вѣрно только къ полкамъ кавказскихъ туземныхъ наѣздниковъ. Весь этотъ отдѣлъ нашей конницы слѣдовало бы называть конницей натуральною, въ отличіе отъ искусственной.

Нестроевую конницу нельзя смѣшивать въ одинъ видъ.

Digitized by Google

По качеству людей, какъ дѣйствительность даетъ ихъ у насъ, она должна дѣлиться на два рѣзко отличныя подраздѣленія, на боевую и аванпостную. Къ первой должны быть причислены всѣ кавказскія конно-иррегулярныя войска и, можетъ-быть, уральскіе казаки; послѣднихъ я не знаю. Къ другой, остальные казаки и кочевые инородцы.

Несмотря на огромное количество нестроевой конницы, находившейся при нашихъ арміяхъ во всѣхъ войнахъ, можно сказать, ее очень мало употребляли для самостоятельныхъ партизанскихъ дѣйствій: до сихъ поръ мы не умѣли пользоваться настоящимъ образомъ своимъ преимуществомъ. Кромѣ 1812 и начала 1813 года, казаки не дѣйствовали отдѣльными отрядами. Я отношу это бездѣйствіе къ двумъ причинамъ: вопервыхъ, къ односторонности взгляда, существовавшаго у насъ насчетъ иррегулярной конницы; и во-вторыхъ, къ дѣйствительно меньшей, относительно, способности Донцовъ къ партизанской войнѣ чѣмъ напримѣръ кавказской конницы. Донцы по духу—регулярная кавалерія. Хотя они обладаютъ гораздо большею смѣткой въ аванпостной службѣ чѣмъ строевые кавалеристы, но они не совсѣмъ одиночные наѣзники; они создались степью, въ которой число, связность и строевое вооруженіе копьемъ сохраняютъ несомнѣнное преимущество надъ одиночною удалью; только со времени предпослѣдняго царствованія они стали носить ружье. Очевидно, что на пересѣченныхъ поляхъ Европы эта степная кавалерія, безъ ружей, не была достаточно самостоятельною; а между тѣмъ наша нестроевая конница состояла почти исключительно изъ Донцовъ и по нимъ расцѣнивалась тактически, даже въ теоріи. Слѣдствіемъ вышло то, что нестроевую конницу стали употреблять исключительно для аванпостной службы и рекогносцировокъ; какъ самостоятельное оружіе, она оставалась въ бездѣйствіи. Однакоже военная исторія доказываетъ, до какой степени многочисленная нестроевая конница можетъ быть самостоятельнымъ оружіемъ, не только у себя дома, при оборонѣ, но и въ наступательной войнѣ. Пока Турки сохраняли воинственный духъ, ихъ делибаши образовывали какъ бы атмосферу вокругъ твердаго ядра арміи, чрезвычайно расширяли кругъ ея дѣйствія, держали непріятельское войско, въ его собственной землѣ, въ постоянной блокадѣ. Можно видѣть изъ записокъ современниковъ, до какой степени

Digitized by Google

Австрійцы, у себя дома, въ своемъ лагерѣ, были осаждены этою докучливою кавалеріей. Въ этомъ отношеніи наше время ничѣмъ не отличается отъ прошлаго. И теперь, какъ тогда, боевая иррегулярная конница, хорошо направляемая и достаточно многочисленная, можетъ поставить противника въ самое затруднительное положеніе, даже на его собственной почвѣ. Хорошая нестроевая конница, какъ кавказская, снабженная надежными проводниками, никогда не можетъ быть отрѣзана, какъ по качеству своихъ лошадей, которыя загонятъ три смѣны обыкновенныхъ кавалерійскихъ, такъ и по своему умѣнію пользоваться мѣстностію. Пѣхота не догонитъ ея, кавалерія ничего ей не сдѣлаетъ. Наши Кавказцы, казаки и туземцы, считающіе первымъ своимъ оружіемъ винтовку, одинаково опасны верхомъ и пѣшкомъ. Въ большомъ сраженіи, при тѣснотѣ, высокое качество этихъ людей, выказывающееся въ полномъ свѣтѣ преимущественно въ разсыпную, не на своемъ мѣстѣ; но въ преслѣдованіи и въ партизанской войнѣ оно даетъ имъ рѣшительный перевѣсъ надъ всякимъ европейскимъ врагомъ. На конѣ, они окружатъ непріятельскую кавалерію, какъ рой пчелъ, заставятъ ее истощиться въ безплодныхъ атакахъ и разстрѣляютъ по одиночкѣ; спѣшившись, за первымъ прикрытіемъ, они разомъ остановятъ ее. Эта летучая конница проникнетъ какъ вода во всякій интервалъ, образовавшійся между отрядами непріятеля, разорветъ ихъ, заставитъ противника содержать сообщеніе между своими массами не иначе какъ посредствомъ сильныхъ колоннъ, подвергнетъ опасности его парки и обозы, поставитъ его въ положеніе Французовъ въ Испаніи. Съ этою конницей мы будемъ знать все что дѣлаетъ непріятель, между тѣмъ какъ онъ ничего не будетъ знать о насъ; рекогносцировки станутъ для него невозможными, развѣ посредствомъ цѣлыхъ отрядовъ, и то на близкихъ разстояніяхъ; между нами и противною стороной повиснетъ завѣса, прозрачная для насъ и темная для него.

Для достиженія такого результата недостаточно, конечно, нѣсколькихъ полковъ; нужна масса летучей конницы, употребляемая только для этого назначенія—при большой дѣйствующей арміи не менѣе двадцати полковъ, во второстепенныхъ арміяхъ—около десятка, при отличныхъ конно-ракетныхъ батареяхъ. Конница эта должна быть въ однѣхъ рукахъ, подъ управленіемъ какого-нибудь генерала Платова

Digitized by Google

или Бакланова, окруженнаго нѣсколькими надежнѣйшими начальниками летучихъ отрядовъ—Фигнерами и Сеславиными; такихъ людей у насъ всегда можно найдти. При каждой отдѣльной колоннѣ долженъ находиться опытный офицеръ генеральнаго штаба, посвященный исключительно этому дѣлу, но не для распоряженій, сохрани Богъ, а для объясненій и наблюденій.

Кавказъ можетъ выставить большое число несравненной боевой иррегулярной кавалеріи. Кубанское войско выставитъ 28 конныхъ полковъ, Терское войско 10. Это все линейцы, качество которыхъ, по крайней мѣрѣ большей части изъ нихъ, довольно извѣстно. Затѣмъ, изъ туземнаго кавказскаго населенія можно вызвать еще много полковъ, такого же высокаго достоинства. *

Въ прежнее время попытки собирать подъ наше знамя

---

* Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, мнѣніе на Кавказѣ раздѣлено. Многіе думаютъ, что для насъ неудобно поддерживать воинственный духъ горцевъ, что было бы выгоднѣе, еслибъ они скорѣе забыли войну и сняли оружіе. Въ теоріи такой взглядъ привлекателенъ, но едва ли онъ состоятеленъ на практикѣ. Глядѣть за нѣсколько поколѣній впередъ дѣло хорошее, но оно не избавляетъ отъ необходимости заботиться прежде всего о поколѣніи настоящемъ, которое на Кавказѣ не утратитъ, покуда не вымретъ, своего духа и воспоминаній. Повторяющіяся волненія происходятъ единственно отъ того, что нынѣ живущему поколѣнію пришлось слишкомъ круто передѣлывать всю обстановку своей жизни. Руководители его, люди, волнующіе другихъ, суть тѣ, которые болѣе всѣхъ утратили съ перемѣной, самыя смѣлыя личности изъ толпы, бывшіе предводители и абреки, жившіе исключительно оружіемъ. Эти люди, съ перваго же дня покоренія горъ, просились на службу, говоря, что они только ружьемъ умѣютъ снискивать пропитаніе. Еслибъ они были расписаны на полки и сзываемы по частямъ, находясь дома на половинномъ содержаніи, расходъ на жалованье имъ избавилъ бы насъ отъ несравненно высшаго расхода на военныя мѣры, предалъ бы въ наши руки, какъ залогъ, голову горскихъ населеній, и усилилъ бы насъ многими превосходными партизанскими полками. Я не говорю о другой причинѣ безпокойствъ, не относящейся къ разбираемому предмету, о крайнихъ сектахъ мусульманскаго фанатизма, для искорененія которыхъ нужны не полицейскія или канцелярскія, но глубоко задуманныя политическія мѣры, тѣ коренныя мѣры, которыя были предначертаны фельдмаршаломъ, княземъ Барятинскимъ.

Digitized by Google

горскихъ охотниковъ на продолжительную службу оказывались иногда (какъ въ турецкую войну) мало успѣшными. Но съ тѣхъ поръ все перемѣнилось. Лучшіе Шамилевскіе воины и нѣсколько тысячъ абрековъ остались безъ дѣла, а потому почти безъ хлѣба; горская молодежь, слушая разказы старшихъ братьевъ, горитъ желаніемъ попробовать свои силы. Этому воинскому пылу надо дать исходъ при первомъ удобномъ случаѣ, чтобъ онъ не обратился противъ насъ.

На Кавказѣ нѣтъ ни одного толковаго мѣстнаго начальника, который бы не ручался, что вызоветъ изъ ввѣреннаго ему племени сколько угодно наѣздниковъ, при первомъ призывѣ къ войнѣ. Силы горскаго населенія поставленныя подъ русское знамя и въ первый разъ побратавшіеся съ нами на ратномъ полѣ, будутъ тѣмъ самымъ изъяты изъ-подъ власти враждебныхъ внушеній. Количество иррегулярной конницы, которую Кавказъ можетъ выставить, при должныхъ мѣрахъ со стороны мѣстнаго начальства, почти неограниченно. Въ такой массѣ нѣтъ и надобности. Я буду считать только полки, которые можно сейчасъ же, безъ напряженія, вызвать изъ каждой мѣстности. Такихъ полковъ легко сформировать: въ Карачаѣ, съ прикубанскими племенами, 1, въ Кабардѣ 1, въ Осетіи 1, въ Чечнѣ съ нагорными округами 2, на Кумыкской плоскости 1, въ Шамхальствѣ 1, въ Акушѣ и Мехтулинскомъ ханствѣ 1, въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ и Кюринскомъ ханствѣ 1, въ Казикумухскомъ ханствѣ и Самурскомъ округѣ 1, въ нагорномъ Дагестанѣ 4, въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ 1, въ Тушино-Хевсурскомъ 1, и одинъ Куртинскій, всего 17 полковъ.

Съ линейцами число боевыхъ иррегулярныхъ полковъ, удовлетворяющихъ самымъ взыскательнымъ условіямъ партизанской войны и вмѣстѣ аванпостной службы, доходитъ до 55; но еслибъ была нужда, мы можемъ имѣть ихъ и больше.

XXII.

Кромѣ боевой иррегулярной кавалеріи для партизанской войны, намъ нужно еще нѣкоторое число иррегулярныхъ полковъ для аванпостной службы. Желательно, чтобы не было большаго различія между тѣми и другими полками, чтобы всѣ они были боевыми. Я не считаю невозможнымъ достиженіе такой цѣли при заботливомъ воспитаніи иррегу-

Digitized by Google

лярныхъ войскъ. Но покуда надо брать вещи такъ, какъ онѣ есть. Мы насчитали 55 боевыхъ полковъ, даже изъ нихъ не всѣ заслуживаютъ вполнѣ это названіе; найдется между ними десятокъ полковъ, стоящихъ гораздо ниже другихъ по давнему упадку воинственности въ нѣкоторыхъ племенахъ; но все же они могутъ быть если не отличными партизанами, то хорошею авангардною стражей. То же можно сказать и о другихъ нашихъ иррегулярныхъ войскахъ. Какъ передовая караульная стража, онѣ далеко превосходятъ войска регулярныя самыми существенными качествами: неутомимостію людей и лошадей, чуткостію и зоркостію, находчивостію, привычкой къ одиночному дѣйствію, особенностями всегда отличающими людей кочевыхъ или полукочевыхъ, живущихъ на окраинахъ, посреди неразработанной природы. Притомъ эти люди, хотя не первоклассные бойцы, какъ линейцы, или кавказскіе горцы, все же довольно воинственны, чтобы каждый могъ лично постоять за себя, дать первый отпоръ. Совокупнаго дѣйствія отъ нихъ и не требуется. Они казаки, какъ представляетъ себѣ казаковъ большинство нашего общества; къ нимъ это понятіе, не вѣрное относительно Донцовъ, прилагается вполнѣ. Они не войско, главное назначеніе котораго схватываться грудь съ грудью съ непріятелемъ, а дозорщики арміи. Ихъ дѣло составлять передовую стражу, разъѣзды, летучія колонны въ тылу главныхъ силъ, препровождать плѣнныхъ и т. д. Ихъ дѣло также замѣнять кавалерію въ мѣстностяхъ, гдѣ кавалерія нужна для быстроты, а не для рѣшительнаго боя съ устроеннымъ противникомъ, напримѣръ, въ безпокойныхъ областяхъ, каковы польскія, при оборонительныхъ войскахъ охраняющихъ протяженіе береговъ и границъ и пр. Для такого дѣла наши иррегулярныя войска, не говоря о тѣхъ, которыя мы назвали боевыми и которымъ принадлежитъ высшее назначеніе, не только вполнѣ пригодны, но даже незамѣнимы. Въ европейскихъ арміяхъ всѣ вышеуказанные виды службы возложены на легкую регулярную кавалерію и въ значительной степени парализуютъ ее, утомляя и развлекая; утомленная же конница не годится для боя. Кромѣ того, иррегулярныя войска, даже не слишкомъ боевыя, драгоцѣнны тѣмъ, что въ мирное время ихъ не содержатъ, или содержатъ только отчасти; съ первымъ же призывомъ они готовы въ полномъ комплектѣ. Безъ нихъ пришлось бы постоянно держать налицо массу регулярной кавалеріи для тѣхъ же самыхъ назначеній,

Digitized by Google

такъ какъ искусственная кавалерія изъ рекрутъ требуетъ тщательнаго и непрерывнаго обученія. Располагая должнымъ количествомъ нестроевой конницы, стоящей относительно немного въ мирное время, мы замѣняемъ ею постоянныя силы (чѣмъ значительно облегчается бюджетъ), придаемъ арміи отличную передовую стражу, самую бдительную, какая только можетъ быть, и сохраняемъ въ свѣжести свою регулярную кавалерію. Изъ этого достаточно видна важность военнаго назначенія иррегулярныхъ войскъ, даже втораго разряда. Тутъ нужны люди неутомимые, находчивые, прирожденные всадники, на коняхъ столь же выносчивыхъ какъ они сами. Такихъ людей сколько угодно по окраинамъ Россіи; одни изъ нихъ устроены по-военному, другіе нѣтъ, но устроить ихъ очень легко и не дорого.

Можно исчислить приблизительно сколько нужно иррегулярныхъ полковъ по окружности европейской Россіи (считая тутъ же и Кавказъ) при высшемъ военномъ напряженіи. Не будемъ брать въ счетъ собственно азіятскую окраину государства на востокѣ отъ Каспійскаго моря. Затѣмъ, держась распредѣленія массъ, предположеннаго нами при расчисленіи пѣхотныхъ дивизій, число и размѣщеніе нестроевыхъ конныхъ полковъ можно положить примѣрно такимъ образомъ:

При большой дѣйствующей арміи.....	20
При южной арміи (на Днѣстрѣ).....	8
При дѣйствующемъ корпусѣ на турецко-азіятской границѣ.	8
Итого	36

Изъ 55-ти остается еще 19 для сторожевой, конвойной и внутренней службы при дѣйствующихъ арміяхъ и при войскахъ расположенныхъ по границамъ.

При большомъ скопленіи силъ въ арміи, состоящей изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ солдатъ, окружность которой будетъ относительно уменьшаться съ возрастаніемъ численности, аванпостной стражи достаточно положить по полку на корпусъ въ три дивизіи, особенно когда фронтъ ея прикрытъ летучими отрядами. Въ арміяхъ меньшей численности надобно положить больше. По этому разчету выйдетъ:

При большой дѣйствующей арміи, которую мы полагали въ 40 пѣхотныхъ дивизій (кромѣ отборныхъ), сторожевыхъ полковъ.	13
Для службы въ тылу арміи, въ занятомъ непріятельскомъ краѣ.	6
	19

Digitized by Google

При южной арміи, которую мы полагали въ 7 дивизій..... 3
При войскахъ обороняющихъ кавказско - черноморское прибрежье, кромѣ казаковъ 2-го сбора въ Кубанской области..... 2
Кромѣ того:
Въ Балтійскомъ бассейнѣ..... 3
Въ Черноморскомъ..... 3
Въ Царствѣ и западныхъ губерніяхъ, въ началѣ дѣйствій, полагая по три сотни на губернію и полкъ на Варшаву..... 8
Итого 38 *

Всѣхъ боевыхъ и караульныхъ иррегулярныхъ полковъ 73 (кромѣ азіятской Закаспійской украйны.)

До сихъ поръ наибольшая часть нестроевой конницы выставлялась донскимъ войскомъ. Съ обращеніемъ Донцовъ въ регулярную кавалерію, ихъ надобно замѣнить другими людьми. Кавказъ можетъ выставить 55 конно-иррегулярныхъ полковъ, въ случаѣ надобности и больше. Положимъ что изъ Оренбургской украйны могутъ быть двинуты на западъ 8 полковъ; ихъ останется еще достаточно для службы въ зауральскомъ краѣ. Вотъ уже 63 полка. Остается набрать еще 15. Для нихъ существуютъ готовые элементы во внутреннихъ кочевникахъ юго-восточной полосы европейской Россіи.

Имѣвъ давно уже случай познакомиться съ этими кочевниками-Калмыками, Букеевскими (внутренними) Киргизами, Ногайцами и Трухменами, я всегда искренно удивлялся, отчего не извлекутъ хоть какую-нибудь пользу для государства изъ этихъ людей, не платящихъ почти никакихъ податей, но занимающихъ, всѣ вмѣстѣ, слишкомъ 25 милліоновъ десятинъ земли—пространство равное Пруссіи, какъ она была до нынѣшняго года. Обращеніе въ гражданское населеніе Башкировъ и Мещеряковъ мѣра совершенно правильная. Значеніе военной повинности, которую несло это многочисленное населеніе, раскиданное по плодороднымъ землямъ, нисколько не соотвѣтствовало ущер-

* Въ мирное время внутреннюю кордонную службу на Кавказѣ несутъ линейцы; съ началомъ войны эта несравненная конница должна, конечно, поступить въ дѣйствующія арміи. Для замѣны ея на кордонѣ всегда можно выставить достаточное число чапаръ изъ мѣстныхъ жителей. Учрежденіе это существуетъ и теперь, но, чтобы соотвѣтствовать своей цѣли, требуетъ полнаго преобразованія.

Digitized by Google

бу причиняемому такимъ порядкомъ вещей общей производительности государства. Совсѣмъ другое дѣло Калмыки, Ногайцы и пр. Племена эти не велики, всего ихъ наберется до 50-ти тысячъ кибитокъ, то-есть семей. Живутъ они въ степи, по большей части безплодной, которая можетъ доставлять пропитаніе только однимъ кочевникамъ. Жизнь ихъ проходитъ въ совершенной праздности. Есть между ними много людей обнищавшихъ, нанимающихся для прокормленія по окрайнамъ жилыхъ мѣстъ; но всѣ остальные, кочующіе, живутъ доходомъ отъ своихъ стадъ и положительно ничего не дѣлаютъ; нѣсколько пастуховъ единственные занятые люди между ними. Прочіе во всю жизнь свою не приращаютъ народнаго богатства ни на полушку. Находятся ли они дома или на краю свѣта, это не составляетъ никакой разницы ни для государственной экономіи, ни для нихъ самихъ. Такихъ кочевниковъ полтора милліона, если не больше, подъ властію Россіи; но я не говорю о дальнихъ, еще дикихъ Киргизахъ, а о кочевникахъ внутреннихъ, заключенныхъ въ предѣлахъ европейской Россіи, можно сказать свойскихъ, замѣтно уже обрусѣвшихъ. Пользы отъ нихъ нѣтъ рѣшительно никакой. Единственная подать, которую они платятъ, идетъ на содержаніе ихъ же управленія. Между тѣмъ всѣ эти кочевники—всадники прирожденные, неутомимые, люди зоркіе, чуткіе и находчивые, какъ всѣ полудикари, взросшіе подъ открытымъ небомъ, и въ то же время смѣлые, если только въ головѣ ихъ поставленъ смѣлый руководитель. На Кавказѣ было много знаменитыхъ абрековъ изъ бѣглыхъ Ногайцевъ. Суточные переѣзды, совершаемые нашими кочевниками, показались бы Европейцу баснословными. Люди эти родятся казаками, имъ нужны только руководители-офицеры и на первое время урядники. Можно въ одинъ день посадить ихъ всѣхъ на коня, безъ всякаго разстройства въ хозяйствѣ, такъ какъ хозяйства у нихъ не существуетъ. Для военнаго устройства племена эти можно присоединить къ ближайшимъ казачьимъ войскамъ—кавказскихъ кочевыхъ къ линейному, Калмыковъ къ Донскому, букеевскихъ Киргизовъ къ Уральскому. Въ каждомъ изъ этихъ войскъ найдется достаточное количество запасныхъ офицеровъ и урядниковъ для вновь формируемыхъ сотенъ, тѣмъ болѣе что въ войскѣ иррегулярномъ эти люди нужны для того чтобы командовать, а не для того

Digitized by Google

чтобъ учить, такъ какъ учить его почти нечему; а потому число ихъ можетъ быть сокращено до крайняго предѣла. По привычкамъ, по характеру ѣзды и по вооруженію, на сколько у нихъ есть вооруженія, кочевые инородцы вездѣ близко подходятъ къ сосѣднимъ казакамъ, такъ какъ послѣдніе развивались сначала по ихъ образцу. Безъ малѣйшаго затрудненія можно вывести, хоть завтра, 8 полковъ калмыцкихъ, 6 киргизскихъ и 6 ногайскихъ и трухменскихъ. Полки эти, какъ войско, конечно, не будутъ равняться съ чеченскими или дагестанскими, но они будутъ не хуже многихъ полковъ казачьихъ, особенно съ оренбургской окраины, несшихъ исправно свою стражевую и разсыльную службу при нашихъ арміяхъ.

Всякое новое дѣло требуетъ постепенности. Хотя кавказскіе горцы лично всѣ готовые воины, а кочевники готовые всадники, но для благоустройства будущихъ полковъ, ихъ надо формировать методически, начиная съ низшей строевой единицы, сотни. Новые иррегулярные полки нужны для замѣщенія Донцовъ; стало-быть достаточно, чтобъ они зрѣли по мѣрѣ того какъ донскія сотни будутъ обращаться въ регулярную кавалерію; взамѣнъ каждой донской сотни, прикомандированной къ строевой конницѣ, должна создаваться новая сотня нестроевая. При этомъ, пріемы для образованія иррегулярныхъ полковъ изъ кочевниковъ и кавказскихъ горцевъ не могутъ быть одинаковы. Однихъ можно формировать какъ намъ удобно, съ другими надо поступать осторожно.

Устройство полковъ изъ кочевниковъ дѣло очень простое. Раздѣливъ ихъ уравнительно на полковые участки, можно въ первый годъ сформировать по одной сотнѣ на каждый полкъ, оставляя ее на внутренней службѣ; на второй годъ удвоить ее, образуя такимъ образомъ дивизіонъ, и вести на службу куда потребуется. Новые люди, становясь между старыми, прослужившими уже годъ, будутъ сейчасъ же годны для нехитрой нестроевой службы. Затѣмъ черезъ каждые два года смѣнять людей посотенно, чтобы вновь пришлые становились въ ряды служилыхъ. Въ девять лѣтъ очередь обойдетъ весь составъ полка. По мѣрѣ убыли людей, внесенныхъ въ списки, и съ окончаніемъ положеннаго имъ срока, они будутъ замѣняться подростками, однимъ на столько-то кибитокъ. Больше не нужно; бо́льшаго ничего не про-

Digitized by Google

исходитъ и въ организованныхъ иррегулярныхъ войскахъ. Отъ кочевниковъ можно требовать для однообразія, напримѣръ, шапокъ одного цвѣта, по полкамъ, но, разумѣется, экипировка стала бы для нихъ затруднительною, еслибы вмѣсто ихъ обыкновеннаго платья имъ навязали какой-нибудь мудреный мундиръ.

Кавказцевъ можно привлечь къ службѣ незамѣтно, не насилуя ихъ вольности и понятій. На первое время надобно сдѣлать имъ службу легкою и не отдалять ихъ отъ домовъ. Достаточно сформировать сначала по одной сотнѣ на полкъ и оставить ее въ своемъ округѣ, для исполненія полицейскихъ обязанностей; потомъ уже присоединить къ ней другую. На 17 полковъ составится 34 сотни; такое количество горцевъ на казенномъ содержаніи наберется и теперь на Кавказѣ, подъ видомъ разныхъ милицій. Для того чтобъ имѣть въ готовности цѣлый полкъ съ округа, этихъ двухъ сотенъ довольно. Охотниковъ на остальныя четыре сотни достаточно приписать къ двумъ первымъ, вызывая ихъ на службу по очереди и посотенно. Льготнымъ людямъ нужно, конечно, обезпечить какія-нибудь преимущества, но, я полагаю, преимущества эти могутъ быть весьма не обременительныя. Денежное содержаніе, напримѣръ 2 рубля въ мѣсяцъ, офицерамъ и урядникамъ треть оклада, что̀ составитъ кругомъ 30 руб. на всадника, на 68 льготныхъ сотенъ 250 тысячъ въ годъ. Такой расходъ значителенъ, если онъ не нуженъ, но ничтоженъ, когда дѣло идетъ о сформированіи блестящей иррегулярной кавалеріи для русской арміи; притомъ онъ только переносится съ содержанія нынѣшнихъ иррегулярныхъ войскъ на эти новыя и потому не можетъ считаться новымъ расходомъ. Для льготныхъ всадниковъ къ содержанію должно присоединить какое-нибудь замѣтное внѣшнее отличіе. На Кавказѣ уже поднятъ фактически вопросъ о постепенномъ распространеніи на горцевъ права носить публично огнестрѣльное оружіе. Къ нѣкоторымъ племенамъ это уже примѣнено; черезъ нѣкоторое время, безъ сомнѣнія, будетъ примѣнено ко всѣмъ. Можно предоставить льготнымъ охотникамъ право ходить въ полномъ вооруженіи. Для такихъ честолюбивыхъ людей какъ горцы, это отличіе будетъ большою приманкой. Вмѣстѣ съ содержаніемъ, хотя такимъ скуднымъ какъ мы предположили, оно привлечетъ весьма достаточное

Digitized by Google

число охотниковъ. Надобно только чтобъ эти охотники были настоящими охотниками, чтобъ они не видѣли надъ собой тѣни принужденія. Хочешь служи, хочешь ступай, на мѣсто тебя мы найдемъ другаго. Иначе сейчасъ же зайдетъ между ними рѣчь, что ихъ берутъ въ казаки.

Приписывать къ полку охотниковъ придетъ время тогда лишь, когда двѣ сотни на каждый полкъ будутъ уже сформированы. Надобно постепенно пріучать горцевъ къ службѣ внѣ ихъ края. Они и теперь охотно пойдутъ на войну, но не на внутреннюю, или пограничную службу. Надобно исподоволь пріучать ихъ къ ней. Когда списки всему полку будутъ уже составлены, и вторая очередь, прослуживъ годъ дома, привыкнетъ нѣсколько къ порядку, одну изъ сотенъ можно будетъ выдвинуть за предѣлы племеннаго участка, но недалеко, расположивъ ее на кордонахъ; во всякомъ случаѣ безъ принужденія; пусть нежелающіе остаются дома: на ихъ мѣсто найдутся иные. На слѣдующій годъ другую сотню, также прослужившую годъ дома, можно распожить нѣсколько далѣе; въ короткое относительно время легко будетъ замѣнять горцами сборные линейные полки, хотя отчасти, на внутренней кавказской службѣ; эти послѣдніе станутъ на мѣсто Донцовъ, по другимъ границамъ. Со временемъ же и горскіе полки пойдутъ куда ихъ пошлютъ. Самое важное дѣло при формированіи горскихъ полковъ хорошій выборъ офицеровъ. Въ жизни горцевъ фамильныя и личныя отношенія играютъ такую роль, что отъ этого выбора можетъ зависѣть весь успѣхъ дѣла; за однимъ лицомъ пойдутъ сотни, за другимъ не пойдетъ никто. Мѣстные начальники военныхъ районовъ Кавказа, столь тщательно избранные и столь опытные, сумѣютъ, конечно, дать вѣрное направленіе подобной мѣрѣ, еслибъ она была принята. Постепенное пріученіе горцевъ къ службѣ не устраняетъ однакоже возможности внезапнаго сформированія полковъ, еслибы представилась надобность. На войну ихъ можно вызвать и безъ постепенности. Противъ внѣшняго врага, даже въ настоящую минуту, правительство можетъ разчитывать на многія тысячи отчаянныхъ кавказскихъ наѣздниковъ.

Въ учрежденіи иррегулярныхъ конныхъ войскъ надобно имѣть въ виду одну важную вещь, которую у насъ постоянно забывали. Въ военное время часто является надобность увеличить, въ томъ или другомъ мѣстѣ, число казачьихъ

Digitized by Google

полковъ, и для того вызываютъ на службу большее число людей чѣмъ какое опредѣлено обыкновенными штатами: мѣра очень натуральная, такъ какъ заранѣе нельзя предвидѣть всѣхъ потребностей военнаго времени, и въ подобномъ случаѣ иррегулярное войско самое удобное подспорье; оно всегда готово, между тѣмъ какъ другое войско пришлось бы формировать вновь. Сравнительно со штатнымъ числомъ строевыхъ, въ районѣ казачьихъ войскъ остается еще гораздо большее число людей способныхъ носить оружіе, также служившихъ и опытныхъ; въ минуту же опасности отечества, каждый человѣкъ, способный къ службѣ, долженъ стать подъ ружье, если его зовутъ. Но въ этомъ случаѣ къ службѣ готовы только люди лично, а не всадники. Казаки держатъ у себя обыкновенно не болѣе строевыхъ лошадей чѣмъ сколько полагается штатами. Когда война была нормальнымъ состояніемъ Кавказа, линейскіе полки состояли изъ шести сотенъ и строевыхъ лошадей было на шесть сотенъ, развѣ немногимъ больше. Теперь линейные полки, Терскаго войска напримѣръ, въ четырехъ-сотенномъ составѣ, и верховыхъ лошадей у нихъ на четыре сотни. Естественно, что казакъ, какъ домохозяинъ, держитъ для службы только то, чего служба требуетъ; остальное онъ кладетъ на свое хозяйство; въ южной же полосѣ Россіи, въ которой группируются казачьи населенія, всѣ сельско-хозяйственныя работы производятся волами, а не лошадьми, потому казакъ замѣняетъ первыми всякую лишнюю лошадь. Когда внезапно призывается къ службѣ большее число людей чѣмъ обыкновенно, имъ приходится вдругъ обзаводиться лошадьми, цѣна которыхъ немедленно возвышается, что̀ для бѣдныхъ семействъ становится труднымъ и раззорительнымъ. Это затрудненіе до такой степени вліяетъ на сборъ добавочныхъ частей, что сформированіе ихъ часто можетъ состояться только на половину, а иногда и вовсе не можетъ состояться, хотя людей больше чѣмъ нужно, и съ ихъ стороны нѣтъ недостатка въ доброй волѣ. Въ разгаръ послѣдней турецкой войны, когда на Кавказѣ всюду оказывался недостатокъ въ войскѣ, приказано было сформировать при всѣхъ линейныхъ полкахъ 7-я и 8-я сотни. Люди для этихъ сотенъ были налицо, но по большей части пришлось ограничиться выводомъ въ поле пѣшихъ частей, по невозможности посадить ихъ на коней. Тѣ, которые были верхомъ, оказывались худоконными: естественно, что казакъ, вынужденный, сверхъ ожиданія,

Digitized by Google

купить лошадь, старался купить ее какъ можно дешевле; онъ бережетъ себя меньше чѣмъ свое имущество, иногда весьма скудное. Мѣстные начальники отвѣчали на настоящіе свыше: будетъ ли приказано продавать съ публичнаго торга имущество казаковъ, иногда единственную пару воловъ, чтобы пріобрѣсти для нихъ лошадей? Теперь, когда число сотенъ въ полкахъ уменьшено по мирному положенію съ шести на четыре, то же самое затрудненіе окажется при вызовѣ на службу пятыхъ и шестыхъ сотенъ. Можно сказать навѣрное, что въ настоящее время было бы чрезвычайно затруднительно выставить со всего кавказскаго линейнаго войска полные шестисотенные полки; то же самое оказывается и въ другихъ казачьихъ войскахъ. Между тѣмъ, въ исчисленіи иррегулярной конницы мы предполагали полки именно въ этомъ составѣ; такъ полагается и въ государственномъ расчисленіи, иначе нестроевой конницы окажется недостаточно. Сформированіе не только шестисотенныхъ полковъ, но въ случаѣ надобности даже прибавочныхъ къ нимъ частей, дѣло вовсе незатруднительное по количеству и приготовленности людей, по духу учрежденій иррегулярныхъ войскъ; но оно не можетъ быть даровымъ для государственнаго казначейства, не можетъ быть отнесено исключительно на счетъ казаковъ. Въ Россіи нѣтъ недостатка въ превосходной нестроевой конницѣ, но даромъ нельзя имѣть даже ее. Чтобы количество и качество иррегулярной кавалеріи соотвѣтствовали ожиданію, надобно положить правиломъ—всякому нестроевому всаднику, не сидящему верхомъ по штатамъ мирнаго времени, съ призывомъ на службу выдавать пособіе на заведеніе коня, примѣрно 50 руб.,—цѣна доброй степной или горской лошади. Къ этой категоріи принадлежатъ въ казачьихъ полкахъ—сотни свыше числа положеннаго штатомъ, въ горскихъ полкахъ сотни призываемыя на службу внѣ очереди, и т. д. Безъ такого отпуска нельзя поставить легкую конницу на ноги въ должномъ видѣ. Тутъ дѣло идетъ о расходѣ военнаго, а не мирнаго времени. Невозможно вести войну экономно; она ведется для обезпеченія будущаго, а потому и на счетъ будущаго.

РОСТИСЛАВЪ ФАДѢЕВЪ.

(До слѣд. №.)

Digitized by Google

КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА

ПРІЕМЫШЪ.

I. Дядя съ племянникомъ.

Открытыя почтовыя сани мчатся тройкой по ухабамъ и раскатамъ; на кырочкахъ сѣдоки только подпрыгиваютъ, на ухабицахъ кыряютъ съ головой и покрякиваютъ, на раскатахъ лежатъ бокомъ, хватаясь за что̀ ни попало, то въ ту, то въ другую сторону. Послѣ каждой встряски, ямщику доставался тычокъ трубкой въ спину, а съ тѣмъ вмѣстѣ раздавалось: пошелъ! Нынѣ уже нѣтъ ни тычковъ этихъ, ни трубокъ, но дѣло это было около поры послѣдней Турецкой войны; а ѣхалъ гвардеецъ, только что вышедшій въ оставку, хотя онъ едва лишь отлежалъ на усу, такъ безъ тычковъ было ѣхать не можно. Морозище пробиралъ насквозь все живое, а вдобавокъ густая мятель глушила хлопьями завыванья колокольчика, заваливая и самыя обшевни копной.

— Далеко ли? спросилъ сердитымъ и озяблымъ голосомъ проѣзжій.

— Близко, баринъ, огни видны; слава Богу что доѣхали, не стиблись съ пути! Я и батюшку вашего, царство ему небесное, важивалъ не разъ, продолжалъ ямщикъ, который прибодрился и сталъ разговорчивъ, когда уже вся гроза миновалась, и близкіе огонькы -сулили на водку: тогда еще на чай не просили. Въ послѣдній разъ онъ ѣхалъ съ вами, да втѣпоры вы еще малы были, чай Тереху забыли.

— Помню, помню, отвѣчалъ тотъ, хотя ничего не помнилъ,— только довези меня живаго, а стаканъ вина будетъ. Вѣдь

Digitized by Google

не побывавъ дома десять лѣтъ, нетерпѣнье беретъ, а морозъ поджигаетъ, прибавилъ онъ, какъ бы на мировую съ Терехой и въ законное оправданье своихъ тычковъ.

— Ну, Гаврила, сказалъ баринъ, — доставай скорѣе погребецъ, да хлопочи о самоварѣ, я смерть прозябъ, а когда только согрѣемся, такъ и валяй, чтобъ быть къ утру дома.

Покрякивая вошелъ онъ въ избу и невольно улыбнулся: за столикомъ сидятъ двое проѣзжихъ, молодой гвардеецъ и середовикъ въ бекешкѣ, изъ самовара передъ ними валитъ паръ, и пахло ромомъ. Привѣтъ за привѣтъ, и нашъ путникъ едва успѣлъ свалить шубу съ плечъ и отряхнуться, какъ его уже ожидалъ стаканъ горячаго чаю. Онъ такъ жадно протянулъ къ нему руку, что едва успѣлъ, опомнясь, подать ее напередъ хлѣбосольнымъ хозяевамъ и просить ихъ познакомиться.

— Я Александръ Сергѣевичъ Осининъ, сказалъ старшій изъ нихъ, — а это племянникъ мой, Степанъ Никитичъ Добрынинъ.

— Какая встрѣча, отвѣчалъ прозябшій путникъ, разминая плеча, — какая пріятная встрѣча съ почтенными сосѣдями! Я помню васъ ребенкомъ, вы бывали у отца моего: я сынъ Петра Иваныча Горячева!

— Вадимъ Петровичъ! И не узналъ бы ни за что!

— Въ десять лѣтъ много воды утекло: я выросъ, вышелъ въ офицеры, успѣлъ уже наслужиться и выйдти въ отставку!

— Уже и въ отставку? спросилъ Осининъ. — Что дѣлать, таковы дѣла наши, надо заняться дома. Да, продолжалъ Осининъ,—немножко позапущено, а хорошее имѣнье; но въ такіе молодые годы....

— Что годы, перебилъ тотъ, сидя на двухъ угодьяхъ, то есть прихлебывая чай и грѣя руки у стакана, — что годы, человѣкъ живетъ, а не годы: вотъ дѣдушка-то мой, сами знаете, и въ семьдесять лѣтъ такъ похозяйничалъ, что батюшка до конца жизни не могъ поправиться; матушка и не моложе меня, а хозяйничаетъ подгору; она одна, управители плуты, надо заняться самому; имѣнье хорошее, некрепеное; взявшись за дѣло, скоро можно повернуть его на иной ладъ, я живо выгоню всѣхъ негодяевъ этихъ, заведу свои порядки, вы черезъ мѣсяцъ Духовщины моей не узнаете!

Осининъ поглядѣлъ искоса на Вадима, промычалъ, не то

Digitized by Google

одобрительно, не то сомнительно, и подумалъ про себя: „похоже на то!“

— Гаврила, эй, трубку! закричалъ въ теплѣ и нѣгѣ ожившій Вадимъ.

Гаврила расправилъ кисетъ, взялъ въ руки дорогую трубку, которая возилась въ чехлѣ, чмокнулъ и щелкнулъ, крякнулъ и вздохнулъ, почесалъ затылокъ, покачалъ головой, и на вторичный окрикъ барина: трубку! отвѣчалъ:

— Да, была она такова, сударь, вотъ что̀, изломали вы ее всю дорогой!

— Подай ее сюда!

— Подать можно, не штука, да толку-то нѣтъ.

Баринъ ухватилъ богатой отдѣлки трубку, съ колѣнчатымъ, черепаховымъ чубукомъ, сталъ ее нетерпѣливо поправлять, что-то снова подъ руками хрустнуло, и онъ ее бросилъ на лавку, сказавъ сердито: „Ну, что̀ за бѣда, пошелъ, достань скорѣе другую!“

Гаврила молча вышелъ и ворчалъ, обезпечивъ себѣ отступленье притворенными дверми:

— Подай другую! Намъ вишь все шутка, и сотенная вещь пипочемъ, а въ отставку выходимъ потому, что по-питерски жить нечѣмъ, а теперь вотъ подавай другую, еще подороже, да разстегивай и разбирай въ эту погоду чемоданъ, а дастъ Богъ, и эту объ кого-нибудь изломаемъ!

Позвавъ на помощь стараго знакомаго своего, съ кимъ столкнулся въ черной избѣ такъ же нечаянно, какъ и баринъ его, кучера Осинина, Гаврила притащилъ чемоданъ въ ямскую и сталъ его разстегивать.

— Ну, что̀, спросилъ кучеръ,—чай на побывку ѣдете?

— Нѣтъ, Ѳомичъ, въ чистую вышли.

— Что рано больно?

— Да не нашли толку въ службѣ.

— Экіе жь вы безтолковые! А какъ же люди-то съ толкомъ служатъ?

— Ну вотъ поди! Гвардейщина-то деньгу любитъ, а Питеръ бока повытеръ, расписка̀мъ не вѣритъ, хоть, правда, и пропасть мы ихъ тамъ оставили; опять же служба обидная, иной изъ мелкой сошки отъ нечего дѣлать до полковника дослужится, ну и стой передъ нимъ навытяжку, а баринъ нашъ, самъ ты знаешь, роду не простаго.... и этой достанется голову сломить, продолжалъ онъ, вынимая изъ

Digitized by Google

особой укладочки великолѣпную пенковую трубку въ серебрѣ, съ янтарнымъ мундштукомъ:—эка штука, вещичка-то какая!

Всѣ кинулись смотрѣть трубку, и наполатяне и подполатяне, а Гаврила, приподнявъ вещичку и подбоченясь, горделиво повертывалъ ее туда и сюда, какъ вдругъ громкій зовъ барина испортилъ все дѣло, и Гаврила опрометью кинулся съ трубкой на ту половину.

— Вотъ они каковы, сказалъ Осипычъ, когда Горячевъ ускакалъ, — вотъ они, хозяева и преобразователи наши! Хозяйству онъ выучился по театрамъ, а счетоводству, давая неоплатныя расписки, и теперь скачетъ сломя голову, чтобы перевернуть и устроить въ одинъ мѣсяцъ имѣніе, порядочно разстроенное уже дѣдомъ его!

— Это сынъ Горячевой, у которой мы были, дядюшка? спросилъ Добрынинъ.

— Да, онъ и есть.

— Ты, дядя, что-то объ ней отозвался съ ужимкой, а она мнѣ показалась умною, образованною женщиной?

— Вся на симахъ, отвѣчалъ дядя, негодуя: — выпускная кукла, ни кровинки живой природы, съ ногъ до головы окутана подлогомъ. Ханжа.

— Но, дядя, меня все это дивитъ, хотя я вѣдь тебя знаю и тебѣ вѣрю, я хотѣлъ только сказать, что сумѣла же она дать такое образованіе воспитанницѣ своей....

— Ну, братъ, по этому не суди. Она могла передать ей кой-какія познанія, въ этомъ не спорю, но образовать ее нравственно не могла, а это не одно и то же. Горячева одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ и умѣютъ окружать себя молодежью, держатъ воспитанницъ, какъ вабило, но держатъ ихъ подъ невыносимымъ гнетомъ, и, наконецъ, расходятся съ ними съ шумомъ и бранью, за неблагодарность ихъ, а въ людяхъ говорятъ о такомъ событіи скорбя, съ кротостію, сложивъ ладони, покачивая головой, пожимая плечами, заставляя уважать себя за скромность и молчаливость свою. „Лучше я вынесу все это на себѣ чѣмъ рѣшусь, въ свое оправданіе, повредить доброй славѣ дѣвушкѣ, что̀ мнѣ до свѣту!“ Вотъ эти-то слова, слышанныя мною отъ нея однажды, заставили меня грѣшить день и ночь, непрестанно, и ненавидѣть ее. Вѣтошность, суетность, свѣтъ, а стало-быть ложь и обманъ, замѣняютъ

Digitized by Google

въ этой женщинѣ и совѣсть, и правду, и, прости Господи, самого Бога....

Все это болѣзненно отозвалось въ груди Добрынина, который и безъ того уже задумчиво и молчаливо покидалъ родину свою, вѣроятно на долго, послѣ мимолетнаго знакомства своего съ воспитанницей Горячевой, извѣстною запросто подъ именемъ Саксонки. Степанъ Никитичъ и самъ былъ съ дѣтства круглымъ сиротой, отца не зналъ, мать едва помнилъ, выросъ у дяди и служилъ въ гвардіи. Отецъ и дядя Добрынина были отъ разныхъ отцовъ, первому доставалось хорошее наслѣдство, второму небольшое; послѣдній нѣкогда сватался на матери Степана, но ему отказали родители ея, потому что были въ виду женихи побогаче, и Осининъ остался холостякомъ; вскорѣ братъ его женился, пожилъ пышно, промотался, умеръ, и Осининъ принялъ опеку; затѣмъ, похоронивъ и невѣстку свою, сталъ отцомъ своему племяннику. Умный, добрый и честный, онъ сдѣлалъ для Добрынина болѣе чѣмъ бы могъ сдѣлать родной отецъ: онъ не только привелъ въ порядокъ и сохранилъ имѣніе, разстроенное отцомъ, онъ привязалъ къ себѣ Степана и успѣлъ укоренить въ немъ твердую нравственность, честь и правду. Добрынинъ, послѣ многихъ лѣтъ, пріѣзжалъ къ дядѣ на мѣсяцъ въ отпускъ, снова горячо полюбилъ его, нашелъ въ немъ друга, несмотря на различіе въ лѣтахъ, и вѣрился ему всею душой. Срокъ отпуска былъ на исходѣ, Степану пора ѣхать, и дядя рѣшился проводить его на два перегона, по тогдашнему обычаю, на своихъ, переночевать съ нимъ, проститься и заѣхать по пути въ одну изъ деревень племянника, коего имѣніемъ онъ все еще управлялъ. Вотъ по какому поводу Горячевъ засталъ дядю съ племянникомъ на станціи, за самоваромъ, и бесѣда ихъ, по отъѣздѣ Горячаго, котораго Добрынинъ въ Питерѣ не зналъ, длилась далеко за полночь. На робкіе разспросы Степана, который боялся услышать какой-нибудь суровый отзывъ дяди о Саксонкѣ, о Маріонилѣ Богдановнѣ Значковой, воспитанницѣ Горячевой, дядя отвѣчалъ, что онъ знаетъ ее мало, слышалъ же объ ней одно хорошее, а на вопросъ кто она такова, и почему она Саксонка, объяснилъ дѣло такъ: проѣзжая однажды черезъ большое село, Горячева остановилась у священника, гдѣ увидѣла, въ числѣ смуглыхъ дѣтей его, очевидно дѣвочку чужую, бѣлокурую, голубоглазую; подозвавъ ее къ

Digitized by Google

себѣ, она спросила: „кто ты, моя милая, ты не поповна?“ „Нѣтъ, отвѣчалъ кроткій ребенокъ, чистымъ русскимъ языкомъ, я Саксонка!“ Этотъ отвѣтъ разсмѣшилъ барыню и завлекъ ее въ подробные разспросы. Во время наполеоновскихъ войнъ, проснувшаяся при взрывахъ Кремля, угнетенная Германія восхищенно привѣтствовала вступленіе войскъ нашихъ въ свои предѣлы; это подлинно былъ взрывъ крика радости всѣхъ народовъ Германіи, блистательное торжество русскаго знамени; вся Европа покланялась имени Русскаго: его встрѣчали празднествами, провожали съ неслыханнымъ почетомъ. Не мало женъ вывезли себѣ оттуда воины наши, и Нѣмки не робѣя выходили за ледовитыхъ медвѣдей, романическія Нѣмки съ полнымъ самоотверженіемъ, очертя голову, рѣшались на эту жертву признательности народу или воинству, спасавшему попранную и угнетенную Германію, народу, о коемъ вдохновенный Керверъ пѣлъ: „Der Phönix Russlands stürzt sich in die Flammen, und sanct Georg schwingt siegend seine Lanze....“ Вотъ въ этомъ-то настроеніи была одна маленькая Саксонка, старавшая жаждой принести себя, такъ или иначе, на жертву своему отечеству и обожавшая Русскихъ еще прежде чѣмъ они успѣли достигнуть границъ родной земли ея. Привѣтливость и радушіе ея, при встрѣчѣ перваго русскаго постоя, не знала предѣловъ; пользуясь нѣмецкими обычаями, она прислуживала солдатамъ нашимъ какъ простая работница, и одинъ изъ нихъ, молодой парень, на смерть въ нее влюбился. Товарищи его увѣрили ея родителей, что онъ изъ дворянъ, и это, пополамъ съ грѣхомъ, была правда: онъ писался изъ воронежскихъ однодворцевъ; словомъ, она вышла за нашего радоваго богатыря Богдана Значкова, и Маріонила дочь его; родители ея умерли, покинувъ сиротку, которую священникъ взялъ въ свою семью, и ее-то Горячева встрѣтила подъ общимъ прозвищемъ Саксоночки. Горячева въ самое это время пріискивала себѣ воспитанницу, поссорясь съ предмѣстницей ея, и потому выпросила Саксонку у священника, который радъ былъ пристроить сиротку.

— Теперь, любезный Степанъ, идемъ спать, такъ кончилъ Осининъ бесѣду свою, — а утре обнимемся и разъѣдемся. Я вижу, что ты затѣваешь: не спѣши, пережуй и переварі все дѣло, обдумай его спокойно, а я между тѣмъ постараюсь разузнать что можно: такъ и быть, ради друга пойду въ

Digitized by Google

лазутчики; пословица говорится: которая служба нужнѣе, та и честнѣе!

Они обнялись. Степанъ крѣпко сжалъ дядины плеча, а рано утромъ они разъѣхались.

II. Вторая мать.

За нѣсколько времени до описанной встрѣчи на почтовомъ дворѣ, Горячева сидѣла у себя на диванѣ, передъ большимъ круглымъ столомъ, а подлѣ, на креслахъ, съ работой въ рукахъ, Маріонила. Столъ покрытъ былъ богато вышитымъ столечникомъ, и на нѣсколькихъ креслахъ сидѣніе, спинки и подлокотники также красовались шитьемъ хозяйки, разбиравшей по столу шерсти и гарусы по цвѣтамъ и тѣнямъ большаго рисунка. Тутъ стоялъ рукодѣльный бауличикъ, а рядомъ съ нимъ чернилица, карандаши, узоры и рисунки, бѣлая бумага, початая письмомъ тетрадь, краски съ кистями, пузырекъ или два съ духами; картины духовнаго содержанія перемѣшаны были съ послѣдне-полученными модными покроями, а подъ ними, молитвословъ и романъ Дюкре-Дюменила. Изящный безпорядокъ показывалъ разнообразіе вкусовъ и занятій любезной хозяйки. Бросая на столъ пукъ шерстей, она жаловалась на недостатокъ всѣхъ тѣней, хватала карандашъ и дѣлала наскоро разчеть, во сколько петель начинать бисерную тюбетейку или чехолъ на чубукъ; то опять принималась за подборъ шерстей, и снова кинувъ ихъ, расписывала красками внезапно придуманный ею, по вдохновенію, узоръ.... царило молчаніе, но по временамъ требовалось мнѣніе Маріонилы объ этихъ важныхъ предметахъ. Дѣвушка затруднялась отвѣтомъ, желая угодить своей названной маманъ и опасаясь сказать что-нибудь невпопадъ, и потому отвѣчала робко.

— Помилуй, Мари, сказала та наконецъ въ нетерпѣніи,—да это ни на что не похоже, ты несносна!

Испуганная этою нежданною выходкой, предвѣстницей грозы, Марьяна опустила руки съ работой и обратила все свое вниманіе на разложенныя кучки шерсти, но уже было поздно, квашня ушла черезъ край.

— Ты просто груба и дерзка становишься со мной, ты забываешь чѣмъ мнѣ обязана, забываешь кто и что ты....

Digitized by Google

Маріонила встала и потупя глаза молчала; Горячевой стало какъ-то неловко, но какъ мы своей вины никому не прощаемъ, то и надо было поддержать негодованіе свое уликой:

— Я цѣлый часъ не могу добиться отъ тебя, какъ ты находишь (comment trouvez vous) эту арабеску и звѣздочку эту, на тюбетейку, а меня это интересуетъ, вѣдь это мой рисунокъ, я его сама скомпоновала!

— Да я же отвѣчала вамъ, maman, и не одинъ разъ, что это будетъ чудесно!

— Да ты отвѣчаешь сухо, будто нехотя, съ такою неодушевленною миной, которая ясно обличаетъ равнодушіе, безучастность твою къ тому, что̀ меня такъ занимаетъ!

И Маріонила, вздохнувъ незамѣтно, отложила свою работу, воодушевилась и стала усердно разсуждать объ узорахъ для будущей тюбетейки.

— Принеси же мнѣ бисеръ мой, Мари, мы сейчасъ его подберемъ.

Маріонила принесла ларчикъ съ цвѣтными бисерами, другой съ металлическими, но всего этого, для причудъ Горячевой, было мало, и она чуть не расплакалась отъ жалости надъ собой, что у нея у бѣдной во всемъ недостатокъ, и никто объ ней не позаботится, и скоро она будетъ сидѣть сложа руки, потому что не изъ чего работать....

— Съ тѣхъ поръ какъ завелась у насъ эта глупая фабрика, мой Василій Александрычъ (управитель) сталъ невидимкой, сидитъ тамъ, потонулъ въ безтолковыхъ разчетахъ, и не знаешь какъ и когда передать ему, что̀ нужно купить или выписать изъ Москвы, и все только слышишь отъ него одну пѣсню: — денегъ нѣтъ, подождите! Я къ поджидамъ этимъ не привыкла, а онъ выслуживается только сыну, Вадиму, забывая чѣмъ онъ мнѣ обязанъ! Вотъ благодарность за все добро мое! Мари, приготовимъ-ка записку, чего намъ нужно изъ Москвы; возьми перо, пиши: напередъ всего, бронзоваго, стальнаго, серебрянаго, граненаго бисера, по десяти кистей; голубаго, бирюзоваго, побольше; шерстей, подобранныхъ по приложенному узору....

И вдругъ Марія Ивановна остановилась, глаза ея просіяли, счастливая мысль ее озарила.

— Да вотъ что̀, Мари, вотъ что̀ мнѣ пришло въ голову,

Digitized by Google

мы сами съѣздимъ въ Москву, чего же лучше! Наобумъ всего не придумаешь, я совсѣмъ обнищала припасами, а тамъ Кузнецкій мостъ напомнитъ, только поспѣвай укладывать!

Маріонилѣ нельзя было молчать, а еще опаснѣе было бы возражать на безразсудную затѣю, надо было соглашаться, одобрить эту выдумку, выказать свое участіе, радоваться, даже благодарить, потому что все это дѣлалось для нея! Она осмѣлилась только усомниться насчетъ расходовъ....

— Ну, ужь этихъ наставленій ты не читай мнѣ, отвѣчала та, уставивъ на нее глаза и покачивая головой.

— Вы съ Вадимомъ заодно, какъ я вижу, и онъ вздумалъ мылить голову Александру Васильевичу, что у насъ много денегъ выходитъ, то-есть посчитаться съ родною матерью — и это похвально, это въ духѣ молодаго поколѣнія, это благодарность за наши заботы и жертвы — и понесла, и понесла, споткнувшись, наконецъ, на томъ, что сынъ даже осмѣлился погрозить ей отставкой, потому что на его долю мало высылается денегъ, и что такъ служить въ гвардіи нельзя.

— Но это вздоръ, закончила она,—этого я ему не позволю; молодъ еще, и здѣсь ему дѣлать нечего!

Дверь отворилась, и вошелъ управитель, бывшій дядька молодаго барина, изъ заслуженныхъ дворовыхъ.

— Здравствуйте, милостивый государь мой, Василій Александрычъ, наконецъ-то имѣю удовольствіе васъ видѣть! Что новенькаго, хорошенькаго?

— Мало хорошаго, сударыня, пора тяжелая....

— Ну, такъ я и думала: у него вездѣ свои лазутчики есть, въ угоду молодому барину.... Эй, Матька, Сашка, Сенька, кто изъ васъ подслушалъ насъ, кто пересказалъ Василію Александрычу, что мнѣ денегъ нужно, что я въ Москву ѣду, а? Вотъ онъ и надѣлъ на себя постную маску, и охаетъ, едва переступивъ порогъ.... На кутежъ молодому барину достаетъ, на гвардейскія выходки станетъ, а на нужды бѣдной матери нѣтъ, плохи времена! А скажи-ка ты по правдѣ, много ли услано Вадиму Петровичу?

— Онъ воленъ и въ насъ, и въ своемъ добрѣ, матушка, я усчитывать ихъ не смѣю....

— А, вотъ какъ, а ужь я и невольна, я ужь не нужна болѣе Василію Александрычу, онъ своему барину служитъ, молокососу, а чѣмъ онъ обязанъ старой барынѣ своей, объ этомъ онъ давно позабылъ, этого онъ не поминаетъ: сунемъ

Digitized by Google

ей кусокъ хлѣба, и пусть себѣ вѣкъ доживаетъ, мы ей лиха не желаемъ....

Огорченная этимъ неприличіемъ Маріонила вышла изъ комнаты, управитель вздохнулъ и молчалъ; давъ барынѣ наругаться надъ собой вволю, онъ сталъ молча раскланиваться, но та, по лукавому обычаю своему, вдругъ перемѣнилась, ласково улыбнулась и протянула ему руку на поклонъ, будто все это говорено было только въ шутку. „Ну поди, поди сюда, старый брюзгачъ, не дуйся, а полторы тысячи припаси мнѣ къ первому зимнему пути, я ѣду въ Москву.“

— Я, сударыня, дуться не смѣю, и никогда за мной этого не бывало, а денегъ такихъ нѣтъ у насъ, и къ зимѣ имъ быть неоткуда, ихъ, сударыня, и снѣгомъ къ намъ не занесетъ.... сукна наши обракованы, прикащикъ воротился съ пустыми руками, а къ сроку ихъ поставить надо, либо неустойку платить раззорительную....

— Пожалуста, Василій Александрычъ, избавь меня, по дружбѣ, отъ этихъ разчетовъ; я вѣдь ужь болѣе не хозяйка въ дому, разчеты — это ваше дѣло, а мнѣ все-таки полторы тысячи къ зимѣ припаси!

Управитель молча поклонился и вышелъ.

Скажемъ теперь слово о Маріонилѣ, о Марьяшѣ, какъ звали ее ребенкомъ въ дому священника, о Мари или Нилочкѣ, какъ слыла она у второй названной матери своей, Горячевой.

Теплой и кроткой души отъ природы, покойная и разсудительная, она съ малаго дѣтства привыкла къ своему ничтожеству и покорности. „Ты, Марьяша, терпи, все терпи,“ говаривалъ ей дѣдушка, какъ звала она стараго, безмѣстнаго священника, принявшаго сиротку, хотя онъ и самъ былъ подъ гнетомъ горькой участи: онъ передалъ мѣсто свое за дочерью, и не зналъ куда дѣваться отъ сварливаго, неужившаго зятя, попрекавшаго его день въ день малымъ приданымъ. „Ты терпи, Марьяша, Богъ увидитъ; въ терпѣніи стяжити души ваши, сказано въ Писаніи, ты и смирися, когда зятекъ мой бранится; а что мать съ тебя работу спрашиваетъ, это тебѣ же впередъ пойдетъ напрокъ — да и матери пособить надо, гдѣ жь ей одной съ такой семьей справиться, а ужь вѣдь ты стала большенькая!“

Марьяша слушала чутко и переносила все, но не могла вынести одного, когда дѣдушка молча терпѣлъ горькія обиды

Digitized by Google

отъ своего зятя: какъ испуганная пташка, она убѣгала и пряталась, чтобы не слышать этого, или съ плачемъ кидалась ему на шею, повторяя его же утѣшенія, которыя ей самой столько разъ облегчали сердце.

— Ты мнѣ, дѣдушка, все говоришь: въ терпѣніи стяжите души ваши — какъ же это стяжаютъ душу?

— А вотъ какъ, отвѣчалъ тихимъ голосомъ дѣдушка, глотая слезы:—какъ станетъ тебѣ горькая обида поперекъ горла, да сердце начнетъ мутить душу, такъ ты зубки-то стисни, да и не пропускай ни словечка, ниши! А мыслію ты про себя Господню молитву твори, вотъ сердце-то души и не одолѣетъ! А душа-то, Марьяша, отъ этого все крѣпнетъ да растетъ, и до Бога дорастетъ!

Послѣ такихъ утѣшеній, у обоихъ обновлялись духовныя силы: у ребенка, въ согласной красотѣ съ душой, развивалось и тѣло, а у старца — зрѣлый безсмертный духъ готовился радостно покинуть обветшалый остовъ. Но слово дѣдушки: „душа смиреніемъ растетъ, до Бога дорастетъ,“ запало глубоко въ душу Марьяши и осталось навѣкъ незримымъ утѣшителемъ и руководителемъ; живое воображеніе ребенка рисовало какую-то картину этого роста души, дорастающей до Бога, а позже, понявъ дѣдушкино слово и обнимая его всѣми помыслами своими, она радостно уносилась духомъ въ обѣтованный край, забывая всѣ суетныя невзгоды. Переименованная, въ новомъ быту своемъ, въ Нилочку и въ Мари, она жила прошлымъ, въ немъ искала и находила утѣшеніе свое, и сокровищница ея, память сердца, выносила ей *бисеръ добрый*, на покой духа. Въ то время чистые и нѣжные звуки Жуковскаго раздавались у насъ повсюду во всей силѣ своей: младенческая душа поэта увлекала сродныя ей души, унося ихъ въ загадочный міръ первообразовъ; звуки эти, въ коихъ заключались и напѣвъ и рѣчь, и музыка и поэзія пѣсни, наводили на тогдашнюю молодежь мечтательность, нерѣдко праздную, не совсѣмъ пригодную для дѣятельной жизни, но за то они охраняли нравственную чистоту, и многихъ, обаятельностію своею, удержали на правой стезѣ. Вотъ чѣмъ жила Маріонила, и духъ матери, которой она почти не помнила, и дѣдушка, также давно переселившійся въ вѣчность, до коей доросла душа его, были ея ангелами-хранителями.

Но возвратимся къ насущному. Какъ только управитель

Digitized by Google

ушелъ и бесѣда замолкла, Маріонила поспѣшила опять выйдти въ гостиную. Марьѣ Ивановнѣ казалось, что она, отправивъ докучливаго управителя короткими словами, кончила дѣло и устроила свою поѣздку.

— Ну, Мари, сказала она,—превесело мы съ тобой съѣздимъ въ Москву, и ты увидишь чего и во снѣ не видывала, надѣюсь, мы натѣшимся тамъ, и всего, всего навеземъ съ собой; тогда и здѣсь на насъ посмотрятъ не тѣмъ глазомъ, и Соловкова не станетъ фуфыриться передъ нами въ крахмальныхъ тряпкахъ своихъ.... Таня! позовите Татьяну!

Горничная вошла.

— Таня, мы по первопутью ѣдемъ въ Москву, слышишь; рада ли ты?

— А мнѣ что жь за радости, сударыня, воля ваша, какъ прикажете.

— Экая дура, и не знаетъ другихъ радостей, какъ сидѣть въ избѣ, со своимъ Прокофьичемъ, навѣшавъ себѣ на шею семерыхъ ребятъ!

— А какъ же, сударыня, неужто я мужа да семью на Москву промѣняю?

— Стало-быть ты не хочешь ѣхать со мной?

— Да какъ же я смѣю не хотѣть, сударыня, вѣдь я не какая-нибудь вольная, я раба ваша!

— А мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты чувствовала привязанность ко мнѣ, какъ я тебѣ это сто разъ толковала, чтобы ты мнѣ служила охотно!

— Я, конечно, чувствовать обязана, сударыня, и чувствую.

— Ну, такъ поди же къ своему Прокофьичу!

— Она, кажется, также изъ кантонистовъ, прибавила Марія Ивановна, заливаясь хохотомъ.

Острота эта относилась къ недавнему случаю: какой-то отставной старикъ, бывшій коммиссаръ или экономъ, разказывалъ страшныя подробности о московскомъ пожарѣ 12-го года, пробывъ самъ въ Москвѣ, при Воспитательномъ домѣ, все время стоянки тамъ Французовъ; слушая его, чувствительная Марья Ивановна воскликнула:

— Боже мой, какіе ужасы! скажите намъ, пожалуста, опишите, что вы чувствовали въ это время?

— Да что жь намъ чувствовать, сударыня, отвѣчалъ ей добродушный коммиссаръ,—вѣдь мы изъ кантонистовъ....

Поѣздка въ Москву, по поводу недостатка бисеру и

Digitized by Google

гаруса, до того одушевила Горячеву, нечаянная выдумка эта такъ ее утѣшала и забавляла, что недѣля проходила за недѣлей, а она все не могла наговориться обо всѣхъ усладахъ, какихъ ожидала и готовила себѣ въ Москвѣ, не забывая однакоже ни разу кстати припомнить, что приноситъ жертву эту ради своей воспитанницы, и что нельзя же не потѣшить молодежи, не свезти Нилочки, для окончанія образованія ея, въ Москву. Не смѣя отклонять отъ себя такой раззорительной, безразсудной потѣхи, для которой она должна была служить предлогомъ, Маріонила должна была каждый разъ снова восклицать, въ отвѣтъ и привѣтъ на такую наглую ложь: „О maman, какъ вы добры!“ Чистая душа эта, подъ руководствомъ воспитательницы и благодѣтельницы своей, не только должна была лгать, она вынуждена была изучать искусство притворства, согласуя всякое проявленіе чувствъ и мыслей своихъ съ волею названной матери. Бѣдняжку нерѣдко при этомъ пробиралъ внезапный ознобъ, и мурашки пробѣгали по всѣмъ суставамъ; но опасеніе взрыва страшной грозы смиряло негодованіе и омерзеніе совѣсти ея.

Среди жаркой бесѣды о предстоящихъ удовольствіяхъ, о театрахъ и концертахъ, слуга доложилъ, что племянникъ Горячевой, проѣздомъ изъ Питера, заѣхалъ повидаться. Радость ли, испугъ ли, нечаянность пріѣзда, только Марья Ивановна, по слабонервному обычаю своему, чуть-чуть не обомлѣла, но смогла еще кивнуть головой, что̀ значило: проси сюда, и на сей разъ она счастливо отмахалась платочкомъ.

— Жоржъ, откуда Богъ тебя принесъ!...

Пошли обниманья, и Жоржъ объяснилъ, что ѣдетъ въ отпускъ, къ отцу, и заѣхалъ по пути отдать тетушкѣ почтенье, что Вадимъ Петровичъ цѣлуетъ у маменьки ручку и прочее.

— Вотъ счастливый отецъ! сказала хозяйка, съ миловидною улыбкой:—свидится съ сыномъ; а я, бѣдная, Богъ вѣсть, скоро ли дождусь этого счастья!

— Какъ, вы шутите, тетушка?

— Нисколько.

— Да вѣдь Вадимъ Петровичъ скоро будетъ у васъ, вѣдь онъ только ждетъ отставки своей....

— Отставки! вскрикнула нѣжная мать, и покатилась въ кресла. Сткляночки на столѣ, припасенныя на подобный слу-

Digitized by Google

чай, пошли въ дѣло, Маріонила засуетилась, и все кой-какъ вошло опять въ свой порядокъ.

Умный племянничекъ, огорошивъ этою вѣстью тетушку и сбивъ ее съ ногъ, испугался, хотѣлъ было отречься отъ словъ своихъ, или повернуть ихъ въ шутку, но долженъ былъ разказать все что̀ зналъ. Онъ никакъ не полагалъ, что Вадимъ оставляетъ службу въ свою голову, даже не увѣдомивъ объ этомъ матери; онъ рѣшился на это, по словамъ Жоржа, потому, что хозяйство идетъ плохо, служить въ гвардіи съ такими средствами нельзя, и онъ хочетъ облегчить заботу матери, которая не можетъ усмотрѣть за всѣмъ, онъ самъ хочетъ дома хозяйничать.... Пріятная вѣсть для нѣжной матери, собиравшейся на Кузнецкій Мостъ за бисеромъ!

Вѣсть о скоромъ пріѣздѣ барина разнеслась по всему дому. Онъ, съ производства своего въ офицеры, былъ дома одинъ только разъ, и то не на долго, но у прислуги есть какое-то особое чутье на оцѣнку господъ, и его считали мотомъ, запальчивымъ и вбалмошнымъ. Всякъ готовился чѣмъ-нибудь угодить на барина, устроивъ въ то же время и свои дѣлишки. Управитель, бывшій дядька Вадима, былъ изъ числа старыхъ и по-своему вѣрныхъ слугъ, который однако же, при безтолковомъ управленіи стараго барина и неукротимомъ нравѣ его, привыкъ поневолѣ обманывать господъ, нерѣдко для ихъ же пользы, натягивая скатерть на красный конецъ. Онъ былъ плохой хозяинъ, и не видавъ никогда путнаго хозяйства, строилъ и заводилъ то овчарни и скотные дворы, то свѣчной заводъ и суконную фабрику, самъ ничего не смысля, а по господскому приказанію, и потомъ не умѣлъ свести концовъ. Если онъ, при удобномъ случаѣ, и награждалъ самъ себя чѣмъ-нибудь сверхъ скуднаго жалованья, то при первой же неудачѣ въ безтолковыхъ оборотахъ совалъ на затычку все что̀ у него было, безъ различія, и свое честно сбереженное жалованье, и отложенную въ запасъ, про черный день, барскую собь; такимъ образомъ онъ хозяйничалъ много лѣтъ и перепуталъ дѣла и счеты до нельзя. Онъ самъ, по совѣсти, не зналъ, онъ ли, круглымъ счетомъ, утаилъ и нажилъ что̀ изъ барскаго дохода, или задержалъ свое за барина, а зналъ только, что не сберегъ почти ничего. Другой хозяинъ, дворецкій, былъ тупъ умомъ, но наметанъ и смѣтливъ чутьемъ; смѣтливость эта походила на безотчетную, безсознательную, но и безошибочную

Digitized by Google

побудку животнаго; онъ самъ себѣ положилъ скромное небольшое жалованье—не получая отъ господъ ничего, потому что дворня обшивалась на счетъ *портоваго* или портновыхъ денегъ, собиравшихся съ крестьянъ, и получала мѣсячину — и оправдывалъ это тѣмъ, что „подобаетъ мзда дѣлателю", но болѣе чѣмъ на эту штатную сумму онъ господъ не обкрадывалъ и считалъ себя самымъ честнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Управитель съ дворецкимъ, на общемъ совѣтѣ, стали рядить о томъ, какъ принять барина и умилостивить его. Управитель, при всѣхъ неудачахъ и безпорядкахъ своихъ, сильно повѣсилъ носъ и придумалъ только одно: кинуться барину въ ноги и лежать пластомъ, доколѣ онъ не подыметъ его пинкомъ; дворецкій же разсуждалъ совсѣмъ иначе, не робѣлъ и ободрялъ своего товарища.

— Кто же это станетъ самъ на себя петлю надѣвать, говорилъ онъ, — вѣдь эдакъ-то ты только напугаешь барина, подумаетъ и Богъ вѣсть что сталось, а у насъ, слава Богу, все благополучно. Нѣтъ, Василій Александрычъ, не годится, ты меня послушай: барскія ножки отъ тебя не уйдутъ, это пусть впереди будетъ, а огорчать молодаго барина не надо; ты ему толкуй, что-де вся надежда наша полагается на премудрость вашу, смиловался Господь надъ сиротами, принесъ вашу милость къ намъ, обогрѣетъ красное солнышко вѣрныхъ рабовъ вашихъ, и дѣла-де наши при васъ пойдутъ не тѣмъ порядкомъ, а ужь какъ они пойдутъ тамъ, его воля, и самъ увидитъ, ты только свое неси. Ну, а мы его потѣшимъ, два хлѣвочка опростаемъ, хоть по крестьянамъ раздадимъ овецъ, и подобающимъ порядкомъ покрасимъ ихъ, хлѣвки-тѣ, да борзыхъ и гончихъ посадимъ. Я ужь объ этомъ дѣлѣ позаботился; барыня намъ отейничковъ бисерныхъ наплететъ, да гарусныхъ либо еще и шелковыхъ своръ, вотъ что надо дѣлать, Василій Александрычъ, а тугою поля не перейдешь!

Такъ и сталось: очнувшись отъ обмороковъ, придя въ себя и убѣдившись въ неминучести пріѣзда Вадима, мамаша, словно сговорясь съ своимъ дворецкимъ, тотчасъ рѣшила, что надо припасти всѣ угоды и потѣхи, занять имъ сынка, и отвлечь его отъ вмѣшательства въ хозяйство и счеты. Комната для Вадима была убрана, стѣны увѣшаны всѣми ржавыми доспѣхами, какіе нашлись у дворецкаго въ кладо-

Digitized by Google

вой, шитые ошейники, шелковыя своры, бисерные чубуки, кисеты съ вензелями свидѣтельствовали о нѣжной материнской любви, и Маріонила должна была сидѣть за этими полезными работами день и ночь. Между тѣмъ, дворецкій, молча и безъ шуму, подготовилъ псарню свою, съ выжлятами и хортами, съ псарями и доѣзжачими, и спокойно выжидалъ что̀ будетъ.

Маріонила, въ небольшомъ смятеніи, съ любопытствомъ ждала пріѣзда названнаго братца, сама еще не сознавая, какое положеніе достанется на ея долю въ этой новой обстановкѣ ихъ домашняго быта. Ей почему-то казалось, что положеніе ея будетъ правильнѣе и почетнѣе, но и затруднительнѣе.

Во время полуночной бесѣды Осинина и Добрынина съ Вадимомъ, на станціи, огни на усадьбѣ его уже были погашены, все покоилось, а рано утромъ молодой гвардеецъ вихремъ налетѣлъ во дворъ, подъ знакомое крыльцо, и мигомъ суматоха подняла всѣхъ на ноги, отъ псарни и до спальни.

III. Молодой баринъ.

Итакъ, Горячевъ пріѣхалъ домой съ чистою отставкой и съ твердымъ намѣреніемъ взять въ руки все хозяйство села Духовщины, изобличить и прогнать всѣхъ мошенниковъ, которые окрадываютъ его, обрѣзать немножко мать, которая и слышать не хотѣла о выдѣлѣ ей седьмой части, говорила: все его, все сына, мнѣ ничего не надо, а сама проживала всѣ доходы и еще должала гдѣ могла, словомъ, мы уже слышали изъ устъ самого Вадима Петровича о всѣхъ благихъ намѣреніяхъ его, и намъ остается только взглянуть на ихъ исполненіе и порадоваться успѣху.

Послѣ перваго дня, отданнаго радости свиданія и отдыху въ семьѣ, гдѣ встрѣча пары, новыхъ для него, голубыхъ глазъ расположили его къ веселости и кроткому обращенію, предполагалось заняться на другой же день строгимъ осмотромъ и повѣркой управленія по дому, по сельскому хозяйству и по фабрикѣ. „Это мы все обвертимъ вкругъ пальца.“ Уже свечера мысль эта, однако впервые, стала потревоживать Вадима, какъ будто внезапная близость событія захва-

Digitized by Google

тила его врасплохъ, и ему самому пришла на умъ поговорка: „какъ же такъ, рядился въ годъ, а завтра срокъ?“

Проснувшись отъ крѣпкаго сна и сладкихъ грезъ, Вадимъ Петровичъ оглянулся въ комнатѣ своей, остановился на развѣшанной охотничьей сбруѣ, на шитыхъ, вязаныхъ и плетеныхъ ошейникахъ, смычкахъ, сворахъ и сумкахъ. „При всемъ томъ однакоже мамаша предобрая душа, что она и объ этомъ подумала, и, конечно, тутъ половина работы сестрички моей—а вѣдь и это она умно сдѣлала, что взяла въ домъ такую прелесть; наконецъ, и дворецкій мой позаботился сохранить все оружіе это въ цѣлости и въ изрядной чистотѣ....“ Онъ позвонилъ, и вошелъ самъ дворецкій, поклонился, сталъ у дверей, отвѣсилъ еще скромный поклонъ, поздравилъ съ пріѣздомъ, со счастливымъ прибытіемъ, съ благополучнымъ пріютомъ подъ отцовскимъ кровомъ, принесъ привѣтъ отъ всей дворни, которая готовится поставить по свѣчкѣ и отслужить на радостяхъ молебенъ.

— И съ поротей поздравляемъ васъ, Вадимъ Петровичъ, прибавилъ онъ, взглянувъ въ окно, — тепло, тихо, а порота короткая, передъ самымъ свѣткомъ выпала; бывало, царство ему небесное, покойный вашъ батюшка ни за что эдакого золотаго дня не упуститъ, съ десятокъ матерыхъ съ одного поля важивалъ, а случалось, какъ вздумаетъ на овраги ѣхать, въ кучегуры, и на краснаго нападалъ....

Вадимъ вскочилъ съ постели, будто ударили тревогу; пошли разспросы, къ изумленію и радости своей, онъ услышалъ, что припасена полная охота, и гончія слаялись, словно колокольчики заливаются, и лягавыя натасканы, мертвую стойку стоятъ, и барская свора псовыхъ ловцовъ въ одиночку отобрана....

— Сѣдлать! закричалъ Вадимъ:—давай скорѣе завтракать, присылай Гаврилу одѣваться!

Только и надо было старому воробью, онъ вышелъ, а управитель, бывшій дядька, вошелъ. Умываясь, одѣваясь, снаряжаясь и завтракая, баринъ выслушалъ всѣ отчеты и донесенія его, и благодаря отличной поротѣ, остался всѣмъ изрядно доволенъ, приговаривая только, что надобно взять хозяйство въ руки, надо все устроить, надо распорядиться такъ, чтобы были доходы получше; осторожныя сомнѣнія и жалобы Василія Александровича насчетъ положенія фабрики, затратъ и неустойки въ поставкѣ суконъ, отъ раз-

Digitized by Google

ныхъ неудачъ и несчастій, заставили-было барина свести брови въ комъ и наморщить чело, но въ это самое время дворецкій, стоявшій за дверьми наслуху, приложа ухо, впустилъ, для перваго знакомства, барскую свору густо-псовыхъ, бусую и муругую, которыя, по приказанію барина, были спущены, и пошли, какъ малые ребята, бѣшено прыгать по диванамъ, кровати и столамъ.... Этимъ все было покрыто.

— Труби въ рогъ! На конь.... Проходя черезъ залу, съ арапникомъ въ рукахъ, онъ увидалъ въ зеркало Маріонилу, въ гостиной, за чайнымъ столомъ; онъ схватилъ шапку съ головы, вошелъ, и ласково подавая ей руку, извинился, что такъ рано обезпокоилъ сестрицу, заставивъ на себя служить. — Вѣдь я еще не знаю вашихъ порядковъ, но впередъ этого не будетъ, это дѣло ключницы, дворецкаго....

— Напрасно, возразила та, — прошу васъ, Вадимъ Петровичъ, оставьте за мною хоть эти бездѣльныя заботы, я бы рада была отблагодарить матушкѣ вашей всѣмъ....

— Для чего же ты, вы, сестрица, зовете меня какъ чужаго? вѣдь мы свои, зовите меня братцемъ....

Братецъ ускакалъ, а сестрица, сидя еще съ часокъ за работой, до встанья Марьи Ивановны, призадумалась. Положеніе ея было ей ново, какъ будто все вкругъ нея перевернулось. Сынъ названной матери ея, конечно, почему же онъ ей не братъ, но какой-то глухой внутренній голосъ остерегалъ и отклонялъ ее отъ этого братства, а когда она хотѣла вникнуть глубже, яснѣе въ чувство это и отдать себѣ въ немъ отчетъ, то все исчезало, и она оставалась въ недоумѣніи. Она выросла одиноко, безъ ровни, въ строгой подчиненности, среди свѣтскихъ обрядовъ приличія, среди невыносимой лжи, и едва ли съ кѣмъ могла хоть разъ перемолвить задушевное слово. Одинъ только человѣкъ, и будто на одно только мгновеніе вызвалъ-было въ ней какое-то отрадное чувство, готовность высказать все что было на душѣ, просить совѣта, наставленія, утѣшенія, но это былъ какой-то сонъ на яву, промелькнувшій заревомъ и покинувшій за собою опять ту же тьму; такъ отзывалась въ ней встрѣча съ Добрынинымъ. Вспомнимъ не только одиночество, но и сиротство ея, и даже время, въ какое она жила: это была пора, когда нѣжные альбомы уже стали выходить изъ обычая, но тетрадки со стишками были необходимостью для

Digitized by Google

каждой грамотной дѣвицы, хотя въ тетрадкахъ этихъ и читалось иногда *взоръ гнусный*, вмѣсто: *грустный*, или *раздушистые кусты*, вмѣсто: *розъ душистые кусты*, или что-нибудь въ такомъ родѣ; это была пора, какъ мы уже сказали, господствованія надъ молодежью духа Жуковскаго, духа нѣжности и чистоты, но также избалованной, тунеядной мечтательности, созерцательной косности; все это надо помнить, чтобы живо вдуматься въ положеніе и состояніе Маріонилы.

Прошло еще нѣсколько времени, и въ Духовщинѣ началъ устраиваться, въ домашнемъ быту, родъ какого-то обиходнаго порядка; Горячева смирилась, и о затѣѣ ѣхать въ Москву, „за пѣснями", какъ говорилъ управитель, не было и рѣчи; Вадимъ Петровичъ леталъ по всѣмъ сосѣдямъ и надѣлалъ много шуму, какъ новый женихъ; ради его, и Маріонила внезапно попала въ такую честь, что невѣсты въ околоткѣ дружились съ нею взапуски и любезничали насчетъ обожаемаго ими братца ея, тогда какъ *Саксонка* или *солдатская дочка*, до пріѣзда названнаго братца ея, оставалась незамѣченною; и это также ставило ее въ какое-то лестное и непривычное положеніе, коимъ она обязана была заступнику своему, но она все еще дичилась его, сама не понимая отчего. Хозяйство, какъ ему казалось, онъ уже почти привелъ въ порядокъ, управитель и дворецкій оказались вовсе не такими негодяями, какъ онъ предполагалъ; матери назначилъ онъ седьмую часть доходовъ, объявивъ ей объ этомъ черезъ управителя, а остальными онъ до времени кой-какъ изворачивался, надѣясь впередъ на свои улучшенія; пріѣзжая съ отъѣзжаго поля, или изъ гощенья у сосѣдей, онъ дома находилъ милую сестричку, безъ которой, съ одною маменькой, было бы невыносимо пусто и мертво.

Такъ время шло помаленьку, какъ вдругъ по всей округѣ пошла намолчка о какихъ-то сильныхъ раздорахъ въ семьѣ Горячевыхъ, причемъ иные винили мать, своевольную и властолюбивую, другіе всесвѣтнаго жениха, надменнаго и дерзкаго, третьи даже бѣдную Маріонилу, на которую, послѣ тѣсной, искательной дружбы, вскинулось все женское ополченіе, увѣряя, что она задумала прибрать названнаго братца себѣ и всѣхъ родовитыхъ невѣстъ его оставить съ носомъ. Слухи эти дошли какъ-то и до Александра Сергѣевича Осинина, и онъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи племян-

Digitized by Google

нику, Степану Никитичу Добрынину, узнать что можно о голубоглазой Саксонкѣ и написать ему, о чемъ племянникъ напоминалъ ему уже въ двухъ письмахъ. Подумавъ какъ бы это сдѣлать, старикъ, не пускавшійся доселѣ никогда въ подобные розыски, рѣшился наконецъ ѣхать, подъ предлогомъ проѣзда, къ двумъ сестрамъ, дѣвственнымъ старушкамъ, отъ коихъ ни одна душа въ трехъ уѣздахъ не могла затаить ни одной задушевной мысли; передъ ними, какъ передъ Предвѣчнымъ Судьей на страшномъ судѣ, все было открыто. Брюсову календарю льготно врать, пророчествуя на сто лѣтъ, тутъ все съ рукъ сойдетъ, а эти двѣ родныя бабы-яги знали все прошлое и настоящее, до волоска, и повѣрка была налицо. Онѣ, между прочимъ, гадали и на кофеѣ, и въ карты, и еще по разнымъ примѣтамъ, но не гласно, а только для надежныхъ друзей и по довѣренности. Этимъ ли, инымъ ли какимъ путемъ, но, повторяю, что дѣлалось на триста верстъ въ округѣ, то имъ было вѣдомо, день по дню, какъ свои пять пальцевъ, и ради любимаго племянника своего, Осипинъ рѣшился собрать у нихъ кой-какія справки. „Источникъ мутноватый“, подумалъ онъ и самъ, садясь въ коляску, но пожавъ плечами, отвѣчалъ себѣ: „А что же стану дѣлать, куда же я сунусь? Можетъ-быть, что-нибудь да узнаю.“

И Александръ Сергѣевичъ не ошибся, онъ что-нибудь да узналъ. Не понадобилось большихъ ухищреній, чтобы навести эту нѣжную чету неразлучекъ на послѣднюю новость въ уѣздѣ, раздора у Горячевыхъ, и онѣ сами чуть не встрѣтили ею Осипина въ пріемной.

IV. Сирота на распутьи.

Добрынинъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ офицерской казармѣ, въ Питерѣ, и задумчиво перечитывалъ и вертѣлъ въ рукахъ письмо; трубка давно погасла, чай передъ нимъ простылъ, и онъ, приподнявъ руку, въ десятый разъ сталъ пробѣгать глазами дядино письмо.

„Любезный сынъ мой! такъ я буду называть тебя, Степанъ, со времени послѣдняго нашего свиданья, гдѣ я впервые узналъ тебя, какъ мужа. Трудную ты задалъ старику задачу: ты настойчиво требуешь, чтобъ я тебѣ писалъ о

Digitized by Google

Маріонилѣ Богдановнѣ, и отзывъ мой объ ней очевидно можетъ рѣшить всю будущую жизнь твою. Согласись, что приступить къ такому дѣлу не легко, а потому и не мудрено, что я медлилъ. Люди въ домѣ и иные сосѣди хвалятъ и жалѣютъ ее, говорятъ, что она мученица почтенной Маріи Ивановны—и въ послѣднемъ я не сомнѣваюсь, я уже говорилъ тебѣ, что̀ это за бабища. Нилочка, какъ она романически перекрестила пріемыша своего, ходитъ у нея по стрункѣ, въ черномъ тѣлѣ, и ее маловато знаютъ; при людяхъ же Марья Ивановна самая нѣжная мать и не нарадуется, глядя умильно названной дочери своей въ глаза. Но въ послѣднее время сталась большая перемѣна: прикатилъ сынъ, гвардеецъ, какъ и ты; но нравомъ не въ тебя, — да вѣдь ты его видѣлъ; чванный и наглый, надутый и дерзкій, даже противъ родной матери, своевольный, онъ однакоже очень сдружился съ названною сестрицею своей, уничтожилъ власть и голосъ матери въ домѣ, гдѣ она очутилась чѣмъ-то въ родѣ приживалки, а господами стали молодые бары. Словомъ, дошло до того, что ужь стали сожалѣть объ участи матери (по-моему, ей подѣломъ), а о молодыхъ-то также добраго слова не слышно. Не стану я пересказывать тебѣ всего того, что̀ мнѣ наговорили двѣ сосѣдки наши, двѣ сестрицы-неразлучки, потому что онѣ никогда и ни на комъ и во́лоса добраго не покидали,—но молва не хороша, а проникнуть всѣ тайны сплетень этихъ, я, другъ и сынъ мой, не сумѣю, на это я неспособенъ. Въ семьѣ Горячевыхъ вышелъ изъ-за этого какой-то шумъ и раздоръ, о которомъ всякій оретъ по-своему, а иной и шепчетъ, перегородя ротъ. Заключеніе мое такое: ты видѣлъ дѣвушку только пять-шесть разъ, едва ли ты могъ привязаться къ ней на-смерть; горячее сердце твое не вдругъ перечапитъ разсудка—забудь о прошломъ, кажется, ты ошибся."

Вотъ письмо, которое поставило въ такое раздумье Добрынина, и онъ едва опомнился, когда одинъ изъ товарищей его влетѣлъ къ нему съ оперною трелью въ гортани и торопилъ его одѣваться, потому что они согласились наканунѣ ѣхать вмѣстѣ въ театръ. „Кстати", подумалъ Добрынинъ, и хотѣлъ отдѣлаться головною болью; но другъ этотъ былъ не изъ робкаго десятка, спѣлъ пѣсенку о больной головушкѣ, закричалъ: „Эй, Михайла, барину одѣваться!" и продолжалъ въ томъ же духѣ, торопя товарища и не отвѣчая ни слова на отговорки его, будто ихъ и не слышитъ.

— Плюнь на все, братецъ, я вѣдь вижу, что̀ съ тобой дѣлается, да это все вздоръ: растаялъ передъ какою-нибудь красотой, добытою напрокатъ изъ косметическаго магазина, передъ нѣжнымъ сердцемъ, приспособленнымъ по роману

Digitized by Google

мадамъ Жанлисъ, — дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ, — ѣдемъ!

И поѣхали. Добрынинъ вспомнилъ, при сказанной товарищемъ его наобумъ остротѣ, дядины слова: „забудь о прошломъ, кажется, ты ошибся;“ онъ старался вызвать въ себѣ вспышку негодованія и презрѣнія, и отдался своему вѣтреному товарищу, не умѣвшему, до поры, грустить ни о чемъ.

Но тамъ, въ театрѣ, будто насмѣхъ, поразила его такая нечаянность, которая не дала ему позабыть о томъ, отчего онъ только что бѣжалъ изъ дому: товарищъ указалъ ему на очень молодую, красивую женщину, которая сидѣла въ одной изъ лучшихъ ложъ посерединѣ, одна, а съ нею было двое мущинъ, старый полковникъ, котораго Добрынинъ встрѣчалъ гдѣ-то, и молодой человѣкъ, во фракѣ. Онъ съ перваго взгляда узналъ нарядную Маріонилу, и былъ до того изумленъ, что не могъ собрать ни словъ, ни мыслей, и радъ былъ просидѣть нѣсколько минутъ спокойно, подъ ревъ смычковъ и стукъ тулумбаса.

Скажемъ теперь, какимъ образомъ Маріонила такъ внезапно очутилась въ Питерѣ.

Фыркая самодовольствіемъ во всѣ стороны, пуская пыль по силамъ, Горячевъ былъ увѣренъ, что приводитъ разстроенное хозяйство свое въ отличный порядокъ, а самъ гонялся по полямъ за зайцами и разъѣзжалъ по всему околотку знакомиться и разыскивать богатыхъ невѣстъ. Дома, отъ нечего дѣлать, онъ дружился съ миленькою сестрицей, любезничалъ съ нею, угождалъ ей, а съ матерью становился все нетерпѣливѣе и грубѣе. Стали обнаруживаться долишки матери, сдѣланные безразчетно и, конечно, безъ вѣдома его, заимодавцы тревожили его, и онъ выходилъ изъ себя, надменно отдѣлывался отъ нихъ, потомъ, разбранившись съ матерью, уѣзжалъ на сутки въ поле или въ сосѣди. Сколько ни отмалчивался старый управитель, который велъ дѣла какъ умѣлъ, черезъ пень въ колоду, но онъ вопе волѣ долженъ былъ, при разныхъ учетахъ, показывать прямо, по книгамъ, что такія-то и такія-то деньги взяты были матушкой Марьею Ивановною, а такія-то заняты по ея же настойчивому приказанію, а платится за нихъ по двѣ копѣйки съ рубля въ мѣсяцъ. Не умѣя приняться толкомъ ни за какое дѣло, а тѣмъ менѣе спокойно обдумать и устро-

Digitized by Google

ить его, Вадимъ Петровичъ также хозяйничалъ, какъ умѣлъ; то-есть бранился, строго приказывалъ, задавалъ всѣмъ грозу и уѣзжалъ куда-нибудь на потѣшку, въ увѣренности, что теперь все пойдетъ какъ по маслу. „Отговорокъ я не принимаю никакихъ," думалъ онъ, входя въ комнаты матери, чтобъ и съ нею побраниться, и въ это самое время услышалъ строгое и рѣзкое нравоученіе ея Маріонилѣ, къ которой она придралась по причудамъ своимъ, не зная на комъ выместить невзгоду. Вадимъ Петровичъ, объявившій себя уже не разъ прежде заступникомъ милой сестрицы, едва удерживавшій порывы свои во фронтѣ, не считалъ нужнымъ дѣлать это у себя въ домѣ, и разразился грозой, которая навела страхъ на всѣхъ. Онъ вышелъ изъ себя и наговорилъ матери самыхъ непріличныхъ грубостей, перемѣшавъ въ негодованіи своемъ въ одно и мотовство ея, и дурное хозяйство, и долги и растрату, и наконецъ дурное обращеніе съ милою сестрицей.

— Никто не могъ дать вамъ права, прибавилъ онъ, между прочимъ, — на такое заносчивое помыканье дѣвушкой, которая легко можетъ занять здѣсь ваше мѣсто и сдѣлаться хозяйкой въ домѣ.

Можно предоставить себѣ, какъ послѣдняя выходка озадачила и Марью Ивановну, и даже Маріонилу, коимъ, несмотря на различіе ихъ положенія, ни той, ни другой, мысль эта не приходила въ голову: обѣ онѣ испугались такъ, что не смогли слова вымолвить; Марья Ивановна, прочившая за сынка первыхъ невѣстъ въ губерніи, мечтавшая о почетѣ своемъ, при сватовствѣ, на сговорѣ, на свадебныхъ пирахъ, о почестяхъ, въ какихъ будетъ жить послѣ, породнившись со всѣми графами и князьями, вдругъ увидѣла передъ собой картину семейнаго счастія, гдѣ она живетъ, въ домѣ своемъ, въ заросѣ и загонѣ, одинокая, всѣми покинутая, а хозяйкой, на ея мѣстѣ, принятая ею же сирота, коею она помыкала какъ горничной; Маріонила, передъ которою также внезапно открылся новый видъ на будущность ея: переименованіе изъ робкихъ сестрицъ въ почетныя рабыни своевольнаго, вбалмошнаго братца, и пріятное положеніе посредницы, между братцемъ или супругомъ, или повелителемъ этимъ, и неугомонною, проискливою и несчастною своею благодѣтельницей! Она встала, вышла изъ комнаты, предоставивъ Марьѣ Ивановнѣ съ сыночкомъ кончить про себя

Digitized by Google

бесѣду эту, и слышала только еще отчаянное заявленье первой, что она никогда этого не позволитъ, и рѣшительный отвѣтъ втораго, что никто не уполномочивалъ ея на подобное запрещеніе, которое было бы и вздорно, и безсильно, надѣлавъ ей одной позору.

Маріонила обдумывала у себя въ комнатѣ положеніе свое и съ трудомъ могла собраться съ мыслями. Какое ей отнынѣ предстояло житье въ домѣ, самъ-третей съ матушкой и съ братцемъ, гдѣ она, безъ малѣйшаго повода съ своей стороны, сдѣлалась причиной такого разрыва между послѣдними двумя? А между тѣмъ, куда дѣваться? Такъ прошелъ вечеръ, голова отъ слезъ разболѣлась, и она не солгала, отказавшись выйдти по нездоровью. „О, думала она, еслибъ я осталась у дѣдушки, у названнаго отца своего....“ Марья Ивановна, по той же причинѣ, сидѣла въ отчаянномъ разстройствѣ у себя въ комнатѣ, а Вадимъ Петровичъ, какъ пѣтухъ-побѣдитель, посвиставъ и попѣвъ громко по всему дому, соскучился и куда-то укатилъ. Но избѣгнуть встрѣчи, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и объясненій съ братцемъ, можно было день, много, если два, а тамъ предстояла развязка. Вадима стало брать нетерпѣніе, что-де это значитъ, что сестрицы не видно? Онъ былъ увѣренъ, что она не будетъ знать куда дѣваться передъ нимъ отъ всенижайшей любви и благоговѣйной признательности, и думалъ: „Одно изъ двухъ, или Нилочка, по дѣвичьей робости своей, не рѣшается на встрѣчу со мной, или, чего добраго, не запретила ли ей общая благодѣтельница наша показываться? Вотъ этого еще не доставало!“

— Эй, Матка, поди, спроси Маріонилу Богдановну, можно ли къ ней взойдти, мнѣ надо ее видѣть!

Маріонила уже обдумала и уяснила себѣ все, отвѣты были у ней готовы, и она тотчасъ же встала съ мѣста и вышла къ Вадиму Петровичу въ общую комнату. Въ избыткѣ самодовольствія своего, онъ очевидно готовъ былъ принять уничиженную и благодарную дѣвушку въ объятія свои, какъ, увидавъ ее, невольно смутился, ограничась однимъ какимъ-то неяснымъ восклицаніемъ.

— Вы желали меня видѣть, сказала она спокойно, остановясь на разстояніи отъ него.

— Вы.... да.... я.... васъ совсѣмъ не видно, я, право, соскучился безъ васъ.... я думалъ, мы дружески переговоримъ сло-

Digitized by Google

вечко о томъ... да что же вы на меня такъ чинно смотрите, даже ласковаго слова не скажете за мое заступничество....

Маріонила подошла къ столу и присѣла на стулъ.

— Вы меня вызвали, Вадимъ Петровичъ, и я готова отвѣчать на вопросы ваши, хотя, признаюсь, мнѣ очень трудно. Я обязана вамъ за доброжелательство ваше, но въ дѣлѣ этомъ беру сторону вашей матушки.

— Какъ? и вы на меня? Вы находите, стало-быть, что она права, права, разстроивъ хозяйство мое, права, надѣлавъ долговъ, которые мнѣ же приходится платить, права, наконецъ, обращаясь съ вами какъ съ служанкой?

— Я нахожу, если вы уже вызываете меня на прямой отвѣтъ, что говорить съ матерью такъ, какъ мнѣ довелось слышать, нельзя.

— Помилуйте, да я же за васъ заступился, я не могу позволить, чтобы съ вами такъ обращались!

— Я благодарна вамъ за доброе ваше намѣреніе.... но, извините меня, такое заступничество не можетъ поправить дѣло, а на душѣ у васъ должно быть очень тяжело....

Въ Горячевѣ все кипѣло, онъ съ трудомъ удерживался, помня, что говоритъ съ дѣвицей и при томъ съ тою, которую мгновенная прихоть его, а можетъ-быть отчасти и горячность разговора, поставила въ особенное къ нему положеніе.

— Да развѣ вы не поняли меня, сказалъ онъ, со страннымъ выраженіемъ какой-то страстной горячности и надменной самоувѣренности, — развѣ вы не поняли, кто, по искреннему желанію сердца моего, долженъ быть госпожой въ этомъ домѣ?

И онъ протянулъ ей руку черезъ столъ; Маріонила не подала руки своей, а собравшись съ духомъ, тихо и кротко, но твердо отвѣчала:

— Что до этого, Вадимъ Петровичъ, то вы слышали отвѣтъ матушки — примите его, какъ должно сыну, за рѣшеніе. Я ничтожная сирота, принятая и воспитанная ею, и я вамъ ни въ какомъ отношеніи не чета....

Онъ вскочилъ и еще съ большимъ жаромъ хотѣлъ разубѣдить ее.

— Постойте! сказала она такъ убѣдительно, что онъ невольно замолчалъ: — я отнюдь не желала бы оскорбить васъ, но настойчивость ваша вынуждаетъ изъ меня послѣднее

Digitized by Google

слово: неукротимая пылкость ваша можетъ только устрашить, но не привязать къ себѣ.

Она поклонилась и быстро вышла.

Горячевъ былъ до того озадаченъ, что на первый случай не доискался слова—такого отказу ему и въ голову не приходило. Онъ легкомысленно и безразсудно завязалъ все дѣло это, самъ еще не зная, вести ли его до конца или обратить въ шутку; онъ высказался, когда запальчивость и негодованіе на мать его обуяли, а теперь остался въ дуракахъ, самъ не понимая какъ это сдѣлалось.

Когда онъ опомнился, то въ немъ горѣло одно чувство личности и самотности своей, одно оскорбленное самолюбіе, и кипѣла злоба. Онъ первый распустилъ злую молву о черной неблагодарности и дерзости этой солдатской дочери, которая до того забылась, что вздумала завладѣть имъ и сдѣлаться госпожой въ домѣ.

Толки черезъ людей, черезъ знакомыхъ и сосѣдей, черезъ записныхъ сплетницъ, въ родѣ двухъ сестрицъ-неразлучекъ, пошли по всѣмъ угламъ и закоулкамъ уѣзда, жаднаго до домашнихъ новостей, которыя, по временамъ, живили и пестрили однообразную жизнь. Не одна почтенная барыня, по поводу этого событія, приказывала закладывать рыдванъ свой и катила въ сосѣди, чтобы разузнать или разказать о новостяхъ изъ села Духовщины. Маріонилѣ не стало житья въ родномъ домѣ: она почти не выходила изъ своей комнаты и не выпускала изъ рукъ послѣдняго утѣшенія своего: материнскаго Евангелія и завѣщанія ея, которое всегда носила на себѣ въ ладонкѣ. Ей въ этомъ страшномъ одиночествѣ нуженъ былъ совѣтъ, помощь, нужна была какая-нибудь живая душа, съ которою бы можно было перевести духъ, свободно вздохнуть. Она ничего не понимала, ничего не предвидѣла для себя, кромѣ того, что жизни этой, въ обществѣ злой, лукавой женщины и грубаго, дерзкаго, мстительнаго сына ея, коимъ она обѣимъ была въ тягость, долго вынести нельзя.

Невдалекѣ, на усадебкѣ своей, жила женщина, вдова среднихъ лѣтъ, которую Маріонила знала не близко, видавъ ее лишь нѣсколько разъ, но которую она любила и уважала по чувству, и ей-то она рѣшилась ввѣриться въ отчаянномъ положеніи своемъ. Она написала ей немного строкъ:

Digitized by Google

„Простите смѣлости моей.... я безпомощна, одинока, не знаю что̀ дѣлать, куда дѣваться! Вы говорили со мной не много, но всегда кротко и ласково—другаго такого задушевнаго голоса я не слыхала. Ради Бога, навѣстите насъ, дайте мнѣ отвести душу на словѣ вашемъ и материнскомъ совѣтѣ!“

Добрая сосѣдка тотчасъ пріѣхала—на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей—и выслушавъ терпѣливо, часа два сряду, всѣ хитро сплетенныя росказни Марьи Ивановны, коими она старалась прикрыть все случившееся въ домѣ, выставляя себя жертвой материнской любви и неблагодарности „этой дѣвчонки“, она вышла съ Маріонилою въ садъ, поспѣшила, осторожно оглядываясь, пройдти подальше, а тамъ и въ поле, и въ рощу, и тутъ узнала всю истину и всѣ страданія бѣдной Маріонилы. Подумавъ и утѣшивъ ее какъ могла, она рѣшила, что оставаться въ этомъ домѣ Нилочкѣ нельзя, и вечеромъ, прямо и просто попросила хозяйку отпустить ее на время къ ней. Нечаянность этого предложенія поставила было Марью Ивановну въ раздумье, но настоятельность просьбы и нравственный перевѣсъ просительницы вызвали, наконецъ, нерѣшительное „пожалуй“, коимъ Маріонила со слезами и объятіями спѣшно воспользовалась.

Разговорившись дома еще подробнѣе съ Маріонилою, эта добрая и толковая женщина разсудила, что бѣдной дѣвушкѣ возвращаться къ Горячевымъ не должно и что всего бы лучше ей на время куда-нибудь уѣхать. Близкая пріятельница этой женщины, богатая, простая, но весьма добрая, Наталья Алексѣевна Чумина, собиралась въ это время въ Питеръ, для отвоза дѣтей на воспитаніе, а обратно должна была ѣхать одна; заступница Нилочки привезла новую гостью свою къ Чуминымъ, разказавъ подробности о несчастномъ положеніи сиротки; участіе Чуминыхъ было самое сердечное, и Наталья Алексѣевна тотчасъ же пригласила ее съ собой въ эту поѣздку, отъ которой она, конечно, не отказалась и впервые свободно вздохнула, когда тяжело нагруженная дорожная карета помчалась на сѣверъ. Вотъ по какому поводу Маріонила внезапно очутилась въ Питерѣ.

Digitized by Google

V. Челнъ къ берегу.

Дѣла Горячева шли быстро подъ гору. Долги его сокрушали, а онъ не унимался и мотался; хозяйство пошло еще гораздо хуже прежняго, по безтолковому вмѣшательству его порывистыми приказами, отказами, неисполнимыми распоряженіями, которыя обычно повершались короткимъ рѣшеніемъ: „Ничего знать не хочу, чтобъ было!“ Бѣдный управитель сперва-было вздыхалъ, пожималъ плечами, убѣждалъ, но увидѣвъ, что тутъ ничѣмъ не пособишь, самъ утѣшился поговоркой: „не пришлось поле ко двору, пускай его подъ гору!“ и махнувъ рукой, съ горя сталъ попивать, чего доселѣ за нимъ не бывало. Ко всему этому Горячевъ еще глупымъ образомъ поссорился съ судьей, написавъ ему повелительное, грубое письмо, съ требованіемъ оправдать и отпустить духовцинскаго крестьянина, вора, приговореннаго въ ссылку, и отпустить по той причинѣ, что баринъ хочетъ отдать его въ солдаты и продать квитанцію; изъ этого браннаго письма пошло дѣло. Въ чаяніи поправиться богатою невѣстой, Горячевъ сталъ ухаживать за дочерью и единою наслѣдницей въ другомъ уѣздѣ, ѣздилъ за нами не одинъ разъ въ губернскій городъ, пускалъ пыль, обзавелся щегольскими экипажами, истратился и нажилъ отказъ и новые долги. Все это вмѣстѣ довело его до того, что имѣніе поступило подъ опеку.

Тогда только Вадимъ Петровичъ поневолѣ немного образумился и осѣлся. Побранившись еще разъ съ матерью, на которую сваливалъ всю вину разстройства имѣнія, онъ въ добрый часъ послушался совѣта управителя, просить себѣ въ опекуны Александра Сергѣевича; этотъ де человѣкъ, по словамъ стараго дядьки, поправитъ дѣло толкомъ, да и до васъ онъ будетъ хорошъ, не обидитъ; а вотъ какъ назначатъ какого-нибудь Собникова, тогда что̀ станешь дѣлать? Онъ, пожалуй, охотникъ до опекъ, да вѣдь ужь онъ васъ до кону раззоритъ, ничего съ него не возьмете.

Подумавъ въ смиреніи своемъ, Вадимъ Петровичъ рѣшился ѣхать тотчасъ и къ предводителю, а съ нимъ вмѣстѣ и къ Осинину. Этотъ призадумался-было, но не считая себя въ правѣ отказываться наотрѣзъ отъ этой общественной

Digitized by Google

должности, поддался просьбамъ и убѣжденіямъ предводителя, поставилъ Горячеву свои условія и принялъ опеку.

Поѣхавъ принимать дѣла и имѣніе Горячева, Осининъ сошелся съ нимъ поближе и сослужилъ ему первую службу, объяснивъ ему важность безразсудной ссоры его съ судьей и отвѣтственность за подобное письмо, и покончилъ это дѣло мировою, за которою въ придачу пошла каурая пристяжная подъ масть судейской коренной.

Но у Осинина съ ума не шла эта сиротка, Саксонка, о которой онъ долженъ былъ отозваться такъ дурно племяннику своему съ чужихъ словъ. Внезапный переѣздъ Маріонилы въ чужой домъ, къ женщинѣ уважаемой, отъѣздъ ея съ Чуминой, разнорѣчіе молвы объ этомъ, все смущало иногда старика и тревожило чуткую совѣсть его; „Ну, думалъ онъ, какъ я согрѣшилъ и оклеветалъ бѣдную дѣвушку, нехотя?“ Онъ рѣшился поговорить объ этомъ при случаѣ съ Горячевою и съ сыномъ ея, своимъ опекаемымъ. Отзывы ихъ показались Осинину подозрительными, будто онъ слышалъ какіе-то отголоски оскорбленнаго самолюбія, и кромѣ общаго обвиненія въ неблагодарности, въ томъ, что безродная, призрѣнная сирота забылась, онъ не узналъ ничего; Марья Ивановна размазывала дѣло слишкомъ широко и нѣжно, соболѣзнуя о неблагодарной, а Вадимъ Петровичъ отвѣчалъ слишкомъ коротко и отрывисто, съ какимъ-то презрѣніемъ и скрытною злобой. Осининъ еще болѣе встревожился и не зналъ бы какъ быть, еслибы тупой, недогадливый дворецкій не принялъ искони за правило подслушивать за дверьми бесѣды господъ и вслѣдствіе этого не явился бы къ ночи, устранивъ Максимку, прислужить Александру Сергѣевичу и при семъ случаѣ не разказалъ бы ему спроста и съ плеча все что̀ зналъ о барышнѣ Маріонилѣ Богдановнѣ.

По сему поводу Осининъ тотчасъ же написалъ къ своему племяннику Добрынину:

„Ну, братъ, Степанъ, безъ вины я виноватъ передъ тобой, а виноватъ. Все что̀ я писалъ тебѣ объ извѣстной тебѣ личности—ложь, только не моей выдумки. Горько было жить этой бѣдняжкѣ въ кабалѣ у такой женщины, какою я описалъ тебѣ благочестивую кормилицу ея, а ужь и вовсе нестерпимо стало при новомъ самовластномъ домохозяинѣ. Да ея уже, слава Богу, и нѣтъ тутъ, добрые люди ее призрѣли, и Чумина взяла ее къ себѣ и увезла. Не хочу тебя разжалобить всѣмъ этимъ, можетъ-быть, это было бы теперь и

Digitized by Google

вовсе не кстати, но считаю дѣломъ совѣсти отречься отъ перваго письма моего и просить прощенія у ней, у тебя, у всѣхъ, наконецъ, до кого это могло бы касаться, въ невольной, грѣшной клеветѣ своей."

Между тѣмъ, у Добрынина въ столѣ лежало давно уже начатое и брошенное по какой-то нерѣшимости письмо къ дяденькѣ, гдѣ говорилось, что онъ встрѣтилъ Маріонилу въ театрѣ, видѣлъ ее въ ложѣ съ двумя чужими мущинами, что она, по всей вѣроятности, уже замужемъ, и онъ считаетъ это дѣло конченнымъ и не хочетъ болѣе думать о немъ..... но послѣдняя строка была недописана, а за тѣмъ и все письмо это, повалявшись нѣсколько времени, было сожжено, и вмѣсто его написано совсѣмъ иное.

У Чуминой былъ въ Питерѣ двоюродный братъ, выросшій съ нею вмѣстѣ, Сила Львовичъ Бердышевъ, котораго она очень любила; онъ хлопоталъ о помѣщеніи привезенныхъ ею съ собою дѣтей въ учебныя заведенія, почему она и отыскала себѣ жилье подлѣ него, и они видались ежедневно. Жена его, Агаѳья Яковлевна, была умная, образованная Нѣмка, на которой онъ женился за границей, и съ нею Чумина была какъ съ родною сестрой. Познакомясь ближе съ Маріонилой, узнавъ подробности сиротской жизни ея, нынѣшней безпріютности, и полюбивъ ее отъ души, Бердышева однажды вечеромъ, сидя вдвоемъ съ ней, сказала:

— Вѣдь мы съ вами, Маріонила, вдвойнѣ землячки, мать ваша была Саксонка, и я также, а теперь мы обѣ Русскія, вы должны меня полюбить какъ я васъ люблю!

Послѣ объятій и обоюдныхъ увѣреній въ любви и дружбѣ, Агаѳія Яковлевна продолжала:

— У васъ теперь нѣтъ надежнаго пріюта: куда вы дѣнетесь и для чего насъ покинете? Мы бездѣтны, у насъ только племянницъ въ домѣ, и мы всегда по этомъ скучали, я говорила уже съ мужемъ своимъ и съ Натальей Алексѣевной, останьтесь у насъ, и.... Маріонила, будь моею дочерью!

Нечего и говорить, что со стороны Маріонилы не только не могло быть отказа, но что радость и признательность ея не знали мѣры.

— И мужъ мой очень обрадуется твоему согласію, Маріонила, сказала хозяйка, когда онѣ обѣ нѣсколько успокоились,—и онъ тебя любить какъ отецъ.

Вскорѣ за тѣмъ онѣ, сидя вмѣстѣ одна, разговорились о

Digitized by Google

прошломъ, и Агаѳья Яковлевна стала разспрашивать названную дочь свою о ея матери.

Маріонила въ отвѣтъ достала ладонку, которую всегда носила на себѣ, вынула изъ клеенчатой тафтяной сумочки сложенный подмоткомъ листокъ, развернула и подала его третьей названной матери своей, сказавъ:

— Вотъ все что̀ я знала о моей матери; завѣщаніе это писано ея рукой и передано мнѣ при благословеніи меня названнымъ отцомъ моимъ, священникомъ....

Агаѳія Яковлевна не могла читать далѣе первыхъ пяти строкъ: мать Маріонилы была родная старшая сестра ея, которую она много лѣтъ безуспѣшно разыскивала по всей Россіи.

Вотъ какими странными, неожиданными переворотами судьба для однихъ, а Провидѣніе для другихъ, выталкиваетъ человѣка изъ прямой колеи его и приводитъ, наконецъ, на предназначенный ему путь!

Изумленіе и радости со всѣхъ сторонъ было много, а Маріонила, очутившись дочерью третьихъ отца-матери, на сей разъ прижилась съ перваго дня какъ у кровныхъ родителей своихъ.

Намѣреніе Добрынина, высказанное въ начатомъ письмѣ дяди, осталось въ столѣ, гдѣ валялось письмо. Одно любопытство, какъ онъ полагалъ, влекло его разузнать, какимъ образомъ знакомка его попала въ Питеръ и въ семейство Бердышева; вѣсти о разстройствѣ дѣлъ Горячева, объ опекѣ надъ нимъ дяди, и наконецъ письмо послѣдняго поджигали его неотвязно, и онъ легко нашелъ случай явиться къ Чуминой, какъ къ сосѣдкѣ по имѣнію, и отъ нея услышалъ всѣ подробности загадочнаго для него дѣла. Черезъ нее же онъ познакомился и у Бердышевыхъ, гдѣ увидѣлъ, что его еще помнили, и прямымъ слѣдствіемъ этого было то другое письмо его къ дядѣ, которое замѣнило начатое, брошенное, а потомъ отреченіе. Онъ написалъ дядѣ всѣ подробности о причинахъ отъѣзда Маріонилы, о томъ, что ее здѣсь ожидало и встрѣтило, и просилъ благословенія его, по старому, доброму порядку, на свою женитьбу. Онъ не обнаруживалъ еще прямо намѣренія этого у Бердышевыхъ, но надѣялся сердцемъ, что отказу не будетъ. Дядя съ радостію согласился, а что̀ еще важнѣе—Маріонила также, теткѣ же ея и подавно не было повода этому проти-

Digitized by Google

виться. Дѣло состоялось, и никто изъ участниковъ объ этомъ впослѣдствіи не пожалѣлъ, а нынѣ молодое поколѣніе Добрыниныхъ, выросшее безъ французскихъ гувернантокъ, но подъ неотступнымъ вліяніемъ родителей чистой нравственности, давно уже, въ тѣсномъ кругу своемъ, пользуется заслуженнымъ уваженіемъ, и если французское произношеніе у нихъ и не парижское, то сердце лежитъ къ родинѣ, они понимаютъ, что на каждомъ человѣкѣ лежатъ обязанности, и не одинъ изъ нихъ не бредитъ буестью и самотностью, подъ личиною высшихъ взглядовъ.

ДѢДУШКА БУГРОВЪ.

Всякому вѣдомо, что изъ простолюдиновъ нашихъ выходятъ иногда замѣчательные люди, самородки, ничѣмъ не обязанные воспитанію своему, ученію и образованію, и крайне жаль, что мы обращаемъ на это слишкомъ мало вниманія—въ чемъ себя укоряетъ и пишущій строки эти, вспоминая иногда выходящаго изъ ряду вонъ нижегородскаго удѣльнаго крестьянина, Семеновскаго уѣзда, Петра Егоровича Бугрова, извѣстнаго въ послѣдніе годы жизни своей во всемъ городѣ подъ именемъ *дѣдушки*. Скажемъ объ немъ однакоже хотя то, что еще осталось въ памяти, дошедши нѣкогда до насъ отрывками.

Не мудрено, если человѣкъ, сызмала окруженный заботами объ укорененіи въ душѣ его правды, человѣкъ наставляемый и просвѣщаемый нравственно и научно, не мудрено коли такой человѣкъ выростетъ въ ясныхъ понятіяхъ о долгѣ своемъ и обязанностяхъ, и сдѣлается честнымъ, полезнымъ гражданиномъ, не мудрено, коли изъ него выйдетъ брату братъ, государю слуга, Богу свѣча; но если человѣкъ самъ собою, безъ всякихъ пособій, даже безъ помощи грамоты, даже не будучи самоучкой, дойдетъ до высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, то невольно преклонишься передъ высшимъ земнымъ созданіемъ Божіимъ и съ жалостію и негодованіемъ глядишь на буйство безумія и невѣрія. Развѣ не очевидно послѣ этого, что всѣ зачатки двойственнаго духовнаго начала человѣка, умственныя и нравственныя, спятъ въ созданіи этомъ какъ зародышъ

Digitized by Google

кедра въ маломъ зернѣ, и могутъ быть заморены, могутъ погибнуть, или выйдти на Божій свѣтъ, возрости, и красоваться во всемъ божественномъ блескѣ своемъ?

Петруху балалаечника помнили купцы старожилы, или прикащики ихъ, какъ бойкаго, но трезваго и смирнаго бурлака, который являлся на пристани еще до прилета жаворонковъ, какъ только ледъ на Волгѣ начиналъ синѣть, а мѣстами по синевѣ выказывались черныя гряды и кучи. Кромѣ ложки и ямки, въ мѣшкѣ за плечами у него была балалайка; судовщики пріятельски привѣчали приземистаго, кряжистаго голыша, съ песчаной и болотистой почвы этой части Заволжья, гдѣ земля не кормитъ дѣтей своихъ хлѣбомъ, и откуда щепенный товаръ, ложки и чашки, ставцы и складни идутъ на всю Русь. Смекнувъ скоро, что промыселъ соленосцевъ, хоть и тяжелъ, да выгоднѣе простаго бурлачества, онъ перешелъ къ этому дѣлу, и нѣсколько лѣтъ сряду лѣтовалъ подъ горой у соляныхъ складовъ, у разгрузки и нагрузки судовъ, таская на могутныхъ плечахъ своихъ четырехпудовые мѣшки, по зыбкой кладкѣ съ пристани на барку. Свернувшись однажды и полетѣвъ подъ ношей своею въ воду, онъ сильно расшибся, и сверхъ того нѣсколько дней сряду таскалъ мѣшки даромъ, отрабатывая утрату размокшей соли.

Но вскорѣ Бугровъ опять самъ догадался, что даже и кряжистому и плечистому мужику выгоднѣе работать смысломъ своимъ чѣмъ спиною, или по крайности прилагать къ дѣлу и разумъ свой, а не одни плеча; Богъ указалъ пчелѣ соты строить, говаривалъ онъ, и не станетъ она землю копать и въ навозѣ рыться, какъ жукъ: коли далъ Богъ человѣку умъ, такъ надо работать и имъ. Онъ пошелъ, не то въ корщики, лоцмана, не то въ водоливы, или въ прикащики, вѣрно не знаю, но сталъ ходить со сплавомъ соли; затѣмъ вошелъ въ долю, потомъ спустилъ и свою барочку, и сталъ промышлять на свою руку. Наконецъ, продолжая держать суда и заведя даже свою коноводку, онъ сталъ торговать хлѣбомъ, и сталъ брать подряды.

Вступивъ въ подряды, онъ очень скоро сталъ извѣстенъ своими особенностями, коими заслужилъ уваженіе многихъ и сильную непріязнь иныхъ: онъ былъ исполнителенъ, добросовѣстенъ и точенъ въ дѣлахъ своихъ, и этимъ умѣлъ избѣгать всякихъ придирокъ и даже предлоговъ къ нимъ,

Digitized by Google

но за то терпѣть не могъ крупныхъ взятокъ и поборовъ, приносящихъ другимъ подрядчикамъ огромные выгоды; никогда онъ не шелъ напередъ на такія сдѣлки, никогда не входилъ въ стачки, никогда не бралъ слазовъ и отсталаго, а любилъ являться на торги внезапно, нежданно, даже прямо на переторжку, гдѣ чрезъ это былъ полнымъ хозяиномъ своего дѣла, независимымъ и чуждымъ всѣмъ предварительнымъ сдѣлкамъ. „Казну окрадывать—народъ окрадывать, говаривалъ онъ, на томъ свѣтѣ къ отвѣту поставятъ супротивъ несмѣтной толпы—что отвѣчать будемъ?“

Семеновская волость платила подрядчику своему, за починку дорогъ, гатей и мостовъ, ежегодно по двѣ тысячи рублей; новый начальникъ позвалъ Бугрова, поговорилъ съ нимъ, и тотъ, по обычаю своему, помолчавъ, потрепавъ себѣ бороду и кивнувъ головой, коротко отвѣчалъ: хорошо, ладно, дѣло доброе—зови на торги, тамъ поглядимъ. На торгахъ, онъ повинность эту съ двухъ тысячъ сбилъ на семьсотъ—и взялъ ее за эту цѣну тотъ же, прежній подрядчикъ!

— Баринъ, не хорошо дѣло это, не годится, сказалъ онъ однажды пріемщику подрядной постройки, который думалъ, что тотъ принесъ требуемыя за пріемку не малыя деньги, и потому принялъ его глазъ-на-глазъ.

— Что тебѣ не нравится?

— Да не хорошо наше дѣло дѣлается, такъ не пойдетъ оно.

— А мнѣ что до этого? твоя забота, не моя; а ты все хочешь на фу-фу?

— Нѣтъ, баринъ, ты меня послушай: на фу-фу я не дѣлаю, а дѣлаю такъ, чтобъ было хорошо; вотъ потому-то у насъ съ тобой дѣло-то и не вяжется: что ты правишь съ меня, то положено у меня въ стѣну да въ стрѣху, отдать-то и нечего; ты послушай меня: правду знаешь? любишь правду? ты повѣрь, она окажетъ, отъ нея не уйдешь, худо будетъ; я работалъ, а ты гулялъ; свои заработки тебѣ отдать, да еще приплатиться—гдѣ она тутъ, правда-то? А я что ѣсть стану?

— А зачѣмъ ты лѣзъ въ это дѣло, съ боку припека, кто тебя совалъ?

— Я не лѣзъ, баринъ, я стоялъ у стѣнки съ прочими, да еще и позади ихъ, я стоялъ, по указу государеву, на своемъ мѣстѣ; я отвѣчалъ на спросъ, при зерцалѣ, за что взялся, то исполнилъ, а въ чемъ ряду не было,

Digitized by Google

о томъ и рѣчей нѣтъ. Ты меня послушай: ты толкъ и силу и цѣны самъ знаешь, ты взгляни на строеніе, на свою совѣсть, для себя, ты забудь это на часъ, что взять надо, а покайся разокъ правдѣ—взгляни, чего дѣло стóитъ, да тогда уже дай волю себѣ, именно, много-ль тутъ съ добычи моей отдать можно; ну, тебѣ надо было ходить и по подваламъ, и по подволокамъ, глядѣть, считать, хлопотать—за это спасибо, и возьми вотъ, за труды эти, что̀ отдать можно; а взять у рабочаго, убогаго человѣка, кто кости ломалъ на этомъ дѣлѣ, да отнявъ у него, отдать тебѣ—этого нельзя; ты меня послушай: возьми вотъ, что̀ отдать можно, и Богъ съ тобой, коли грѣха не боишься, а нѣтъ, такъ шуму будетъ много, а корысти мало: ославишься, не хорошо, а правда таки свое возьметъ.

Все это говорилъ онъ такъ тихо и кротко, такъ разсудительно и убѣдительно, что неволею заставлялъ слушать себя и подконецъ уступать. Въ другой разъ, когда губернаторъ призвалъ его, убѣждая идти на торги, отъ коихъ Петръ Егорычъ было, по стачкѣ подрядчиковъ, уклонился, онъ, почесавшись и подержавъ бороду въ кулакѣ, отвѣчалъ: „коли такъ, то ты скажи мнѣ, ваше превосходительство, какъ мнѣ быть, ты научи меня наперед. чтобъ оглядки не было: казну ли обокрасть, чиновниковъ ли обмануть, аль на себя поступиться, свое посадить?“—„По совѣсти дѣлай,“ сказалъ тотъ.“—А коли такая ряда наша будетъ, отвѣчалъ Петръ Егорычъ, взглянувъ на него острыми умными глазами, немного исподлобья,—такъ вѣдь я зачураю, ты у меня помни слово свое—этого на торгахъ не вырядишь, а ужь мы съ тобой про то знать будемъ: изволь, возьму и сдѣлаю!“

Подробностей, какъ онъ шелъ впередъ и наживался, не знаю, могу только разсказать нѣсколько особенныхъ случаевъ и сослаться на весь Нижній, гдѣ, я чаю, не найдется ни одного человѣка, который бы не помянулъ дѣдушку Бугрова добромъ, не назвалъ бы его честнымъ человѣкомъ и благодѣтелемъ народа. Поговорка его была: „такъ дѣлай, чтобъ тебѣ хорошо, а никому не худо“.

На телячьемъ броду затонуло однажды нѣсколько барокъ кирпича, на огромную сумму, и несчастный хозяинъ въ одинъ часъ былъ раззоренъ въ пухъ; кромѣ неоплатныхъ убытковъ, его мудили тотчасъ же вынуть изъ воды и

Digitized by Google

выгрузить кирпичъ, и убрать днища, кои запружали проходъ судамъ. Бугровъ купилъ кирпичъ за безцѣнокъ, но все-таки за большія деньги, перепаузилъ его быстро, пустилъ въ Нижнемъ съ огромною выгодой на постройки свои и въ продажу, а по выручкѣ, молча подѣлился съ разсѣяннымъ плавщикомъ барышами. Кощунствуя въ избыткѣ признательности своей, тотъ сказалъ: „И самъ Богъ не сдѣлалъ для меня того, что̀ сдѣлалъ Петръ Егоровичъ Бугровъ!“—„Не городи зря, отвѣчалъ этотъ, не хорошо, говори: Богъ велѣлъ пособить, а Бугровъ послушался Его!“

Берегъ Волги, отъ Кремля внизъ, нынѣ весь обстроенный пароходными пристанями, былъ дикъ, въ неприступныхъ оврагахъ и обрывахъ въ десятки саженъ; государь Николай Павловичъ, бывъ въ Нижнемъ, повелѣлъ обратить его въ ровный откосъ, засадить деревьями и сдѣлать спуски и дороги: работъ было на милліоны. Все шло хорошо, но одна часть откоса, ближайшая къ Кремлю, обильная ключами, никакъ не подчавалась уровню ученыхъ строителей и каждую весну снова осѣдала, съѣзжая къ Волгѣ и образуя новыя трещины, овраги и обрывы. Нѣсколько лѣтъ бились съ этою упорною толщей, упрятали въ ней много денегъ, а успѣху никакого. Тогда вздумали свалить эту бѣду съ плечъ своихъ, отдавъ работу подрядомъ, съ отвѣтомъ подрядчика на восемь лѣтъ. Никто не пожелалъ взяться за такое темное опасное дѣло, гдѣ можно посадить и самое огромное состояніе. Бугровъ взялся. Онъ нагналъ вдругъ тысячу рабочихъ—а все Заволжье, по одному слову его, всегда готово было явиться въ Нижній—поднялъ всю толщу переворочанной земли, на десятки саженъ, гдѣ по глиняному пласту струлись во множествѣ обильные родники, покрылъ весь просторъ этотъ сплошнымъ накатомъ бревенъ, по направленію ската ключей, накаталъ сверхъ еще другой и третій сплошной рядъ бревенъ, поперекъ и опять вдоль исподняго ряда—засыпалъ рѣжу эту землей, сдѣлалъ и сгладилъ откосъ, который стоитъ и по сей день.

Въ годину ополченія, Бугровъ сослужилъ большую службу на людей и на царя. Кто былъ близокъ этому дѣлу, тотъ помнитъ какъ трудно было въ короткій срокъ выставить большой обозъ на десять дружинъ, по образцу, и стало быть весь вновь построенный, а къ нему и однообразную упряжь, и наконецъ нѣсколько сотъ лошадей; гдѣ ихъ взять

Digitized by Google

вдругъ? на мѣстѣ ихъ нѣтъ—послать скупать у крестьянъ, по всей губерніи, накупятъ всякой дряни—куда ихъ дѣвать и на кого послѣ положить убытокъ? Чѣмъ ихъ замѣнить, при той поспѣшности, съ какою дѣло дѣлалось? Петръ Егоровичъ взялъ это на себя, въ три дня открылъ телѣжную мастерскую въ манежѣ, а на дому у себя торную, отправилъ въ тотъ же день сына своего, Александра Петровича, въ Мензелинскъ, и еще на какую-то ярмарку, и отвѣчалъ на всѣ опасенія и сомнѣнія, что-де далеко, и много времени пропадетъ: „за то мы покончимъ его въ одинъ разъ, я пригоню тысячу коней къ сроку, и выбирай; а здѣсь станемъ колотиться, выпрягая клячъ изъ сохи да изъ бороны, и наживемъ себѣ бѣду; будьте покойны, къ сроку поставлю, а я помру, такъ Алексашка пригонитъ, не бойтесь; и нижегородскій обозъ былъ одинъ изъ лучшихъ въ ополченіи.

До конца жизни своей онъ оставался тѣмъ же смурымъ мужикомъ, разъѣзжалъ по городу сидя бокомъ на долгихъ дрогахъ и свѣсивъ ноги; онъ не хотѣлъ выходить изъ своего сословія, держалъ дворъ и домъ въ своей родной деревнѣ, Поповой, хотя самъ жилъ съ умною старухой своею, женой, въ Нижнемъ, жилъ по дѣламъ и подрядамъ своимъ и при лабазѣ; онъ держалъ нѣсколько водяныхъ мельницъ на оброкѣ и желѣзорѣзный заводъ, безропотно оплачивая міромъ положенныя на него 18 тяглъ! Земля въ этихъ мѣстахъ ничего не стоитъ, и онъ предоставлялъ оплачиваемую имъ, кромѣ своего тягловаго участка, бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Привозя въ городъ оброкъ и подушныя съ волости, голова всегда заѣзжалъ наперегъ къ Бугрову и безотказно бралъ 200, 300 рублей, коихъ не успѣлъ собрать, и много изъ этихъ денегъ засѣло за волостью навсегда: ни на это, ни на другое что, онъ жалобъ никогда не приносилъ. Мнѣ лично извѣстны были до 15-ти человѣкъ, выкупленныхъ имъ изъ солдатства; каждый изъ нихъ стоилъ ему не менѣе 800 рублей и заклинался всѣми святыми, что отслужитъ ему эти деньги; человѣка три изъ нихъ сдержали свое слово, остались вѣрнѣйшими слугами его—остальные спились съ кругу, были имъ отосланы, или сами ушли, и онъ даже не поминалъ объ нихъ: „ихъ воля, говаривалъ онъ, я свое дѣло сдѣлалъ, а они какъ знаютъ; передъ Богомъ будемъ отвѣчать всякъ самъ за себя, тамъ на міру чай круговой поруки нѣтъ!“

Digitized by Google

На такъ-называемый крестьянскій банкъ онъ не далъ ни гроша, понявъ сразу, что изъ этого учрежденія ничего не выйдетъ; а напримѣръ на основаніе нерушимаго истинка, для вспоможенія ростами бѣднымъ крестьянамъ, внимательно выслушавъ весь уставъ, внесъ тысячу рублей.

„Деньгу грѣшно держать въ сундукѣ, говаривалъ онъ,— надо пускать ее, чтобы народъ ею кормился; она въ одинъ день семерыхъ обойдетъ и выручитъ, а въ сундукѣ она тлѣнъ.“ Гдѣ онъ считалъ нужнымъ помочь кому, тамъ давалъ, для оборота, изрядныя деньги, и всегда тихо, молча и на-слово; сколько разъ ни обманывали его, онъ отъ этого не измѣнялся, а говорилъ только: „Что жъ, Богъ съ нимъ, не я его обидѣлъ, онъ самъ себя обидѣлъ!“

Петръ Егоровичъ терпѣть не могъ, чтобы какое-нибудь дѣло за нимъ стояло, чтобы кто его дожидался; онъ свято берегся, чтобы никто на него не попенялъ. Разчеты съ сотнями рабочихъ были у него въ субботу вечеромъ, и тутъ толпа за толпой валила къ нему въ домъ, на нижній базаръ, зная, что въ канцеляріи дѣдушки, то-есть въ головѣ его, готовъ былъ разчетъ каждому, а въ большой деревянной чашкѣ открыто стояло на готовѣ и казначейство хозяина. Разоблачась, онъ съ чашкой этой залѣзалъ на печь, а народъ толпился въ избѣ и подходя получалъ разчетъ. И здѣсь умѣлъ онъ соблюдать чинность и порядокъ: зря не входили, а вызывались артелями, напередъ каменщики, тамъ плотники, маляры, кровельщики, и наконецъ земляники, и золотая чаша постепенно порожнѣла.

— Ну что̀ ты лобъ-то крестомъ чешешь, сказалъ онъ одинажды сыну, а народъ стоитъ на дворѣ, да ждетъ!

— Да вѣдь ты видишь, отецъ, что я на молитвѣ стою, дай напередъ Богу началъ положить!

— Богъ терпѣливъ, не взыщетъ, Алексаша, ему, что часомъ раньше, что позже, все одно; а ты пожалѣй народъ, разчитай да отпусти, имъ еще въ баню сходить надо, иной за тебя помолится, Богъ черезъ нихъ дастъ тебѣ то, чего самъ и не вымолишь!

Петръ Егоровичъ, какъ изъ этого уже видно, былъ рас кольникъ, какъ бо́льшая часть этого Заволожья. Между чиновниками удѣльной конторы, куда тотъ часто приходилъ по дѣламъ, были прежніе семинаристы, кои охотно съ нимъ бесѣдовали и старались его обратить на путь истины. Онъ

Digitized by Google

добродушно выслушивалъ ихъ, а потомъ просилъ объяснить ему, въ чемъ же состоитъ разница между его вѣрой и ихнею. Выслушавъ и это, частію догматическое, частію обрядливое толкованіе, онъ отвѣчалъ:

— Да вѣдь я-то самъ, я все тотъ же буду, хоть такъ стану креститься, хоть эдакъ, вѣдь ужь я, каковъ есть, таковъ и буду, все ту же грѣшную душу Богу въ отвѣтъ понесу, а вѣдь Богъ-то съ меня чай дѣла спроситъ, ты помнишь, что Спаситель говорилъ, Богъ дѣла спроситъ, а не спроситъ: ты какъ аллилуйю пѣлъ, какъ персты складывалъ? А ты скажи мнѣ какой законъ у тебя, какъ жить-то надо!

Горячо принимались тѣ толковать ему поученія евангельскія, старикъ слушалъ спокойно, внимательно, и заканчивая словами: „хорошо говоришь, а вотъ я погляжу, какъ дѣлать станешь“, уходилъ.

Однажды новый губернаторъ, человѣкъ ученый и глубоко свѣдущій въ дѣлахъ вѣры, приласкалъ Петра Егоровича, пустился съ этимъ замѣчательно умнымъ старикомъ въ бесѣду, и вдругъ спросилъ его прямо:

— Скажи, пожалуста, Бугровъ, говорятъ, будто ты раскольникъ, правда это?

— Правда.

— Я дивлюсь этому, познакомясь съ тобой ближе, я узналъ такого почтеннаго, умнаго старика, какъ же это такъ?

— По Божьей волѣ.

— Какъ это?

— Кто въ какой вѣрѣ родился, въ той и умираетъ.

— Раскажи жь мнѣ, пожалуста, какая жь твоя вѣра?

— Моя вѣра, а моя вѣра вотъ какая: идешь, либо ѣдешь, глядишь, мужикъ по дорогѣ съ возомъ въ канаву попалъ, вотъ, что ты рыть-то приказываешь, ну, какъ быть, надо свое дѣло покинуть, надо подскочить пособить; вотъ моя вѣра какая!

— Хороша твоя вѣра, отвѣчалъ тотъ, и болѣе объ этомъ не поминалъ.

Въ началѣ одной изъ нижегородскихъ ярмарокъ пошелъ гулъ по городу о нехорошемъ дѣлѣ: полторы сотни тряпичницъ, называвшихъ себя краснорядками, потому что онѣ торговали платчишками и крестьянскими ситцами, переведены были вдаль, къ Сибирской пристани, а на ихъ мѣсто пущены шорники. Молва прошла, что дѣло это не чисто, и

Digitized by Google

объ немъ толковали, приплетая множество подробностей, кои довольно трудно было бы придумать. Слухъ, какъ видно, дошелъ и до губернатора, и тѣмъ болѣе его тревожилъ, что вскорѣ ждали царя. Желая разузнать попрямѣе, что это за толки, и правда ли, что и его имя было тутъ сильно замѣшано, губернаторъ попытался было поговорить съ нѣкоторыми изъ служащихъ, а тамъ и изъ купцовъ, но получалъ только уклончивые отвѣты; никто не считалъ полезнымъ вступаться въ дѣло, которое до него лично не касалось, по которому надо было высказать весьма не лестные для губернатора отзывы, и все это по однимъ только сплетнямъ и пересудамъ, передавая то, что̀ люди говорятъ. Подумавъ, губернаторъ послалъ за Бугровымъ, обласкалъ его, увелъ къ себѣ въ комнату, бесѣдовалъ, будто совѣтуясь по нѣкоторымъ ярмарочнымъ дѣламъ, и наконецъ приступилъ къ нему прямо.

— Скажи-де мнѣ, что̀ говорятъ объ этомъ дѣлѣ, о переводѣ торниковъ, въ народѣ? Ты-де старикъ умный, ты понимаешь, что мнѣ надо это знать; коли меня всѣ станутъ обманывать, такъ я вѣдь и знать не могу, чего хотятъ и что̀ мнѣ должно дѣлать.

— Обманывать тебя, ваше превосходительство, я не стану, отвѣчалъ тотъ,—а что̀ сказать, не знаю; вѣдь молчокъ не обманъ, а меня при томъ дѣлѣ не было: народъ оретъ, мало ли что̀ вретъ? Всего макомъ не посѣешь.

— Я вотъ объ этомъ-то и прошу тебя, Петръ Егоровичъ, скажи мнѣ все, все до чиста, что̀ же объ этомъ говорятъ?

— Да что̀ говорятъ, вѣдь народъ глупъ, мелетъ зря.

— Нужды нѣтъ, Петръ Егоровичъ, говори прямо: правда ли, будто директоръ взялъ съ торниковъ тысячу рублей?

— Тысячу рублей, нѣтъ, этого не слыхалъ; а народъ говоритъ, будто ты, ваше превосходительство, взялъ съ нихъ четыреста рублей, а уже послѣ этого и директоръ взялъ восемьсотъ; вотъ что̀ говорятъ.

— Какъ, я взялъ? Какъ же это можетъ быть, чтобъ я взялъ. Я ничего не бралъ, а они пожертвовали на пріюты четыреста рублей! Деньги эти тогда же записаны сполна на приходъ по пріютамъ и сданы туда.

— Да ужъ тамъ, куда расписаны деньги по книгамъ, мы до этого не доходимъ, народъ глупъ, онъ этого не разбираетъ; а дѣло въ томъ, говорятъ, ты взялъ напередъ четыре-

Digitized by Google

ста, а онъ послѣ взялъ восемьсотъ; коли правда, что ты взялъ, ну, такъ стало-быть и онъ взялъ; а коли ты не бралъ, ну, такъ стало-быть врутъ, и онъ не бралъ.

— Это однако прискорбно, коли общій голосъ такъ неосновательно судитъ; шорники захотѣли сдѣлать доброе дѣло, внесли деньги на пріюты, какъ же мнѣ было не принять ихъ?

— Ужь коли заставилъ ты меня говорить, ваше превосходительство, такъ надо договаривать; люди говорятъ вотъ что: шорники принесли директору тысячу рублей, дай-де намъ мѣсто поближе, вотъ хоть бабъ-то этихъ да отставныхъ солдатишекъ торгашей выведи, мы выстроимъ хорошіе балаганы, и ряды эти станутъ показистѣе; тотъ было протянулъ руку, да и призадумался; нѣтъ, говоритъ, такъ нельзя, братцы, опасно, а вы подите-ка напередъ къ губернатору, онъ охотникъ на пріюты собирать, да ему поклонитесь; коли онъ приметъ, такъ тогда приходите. Вотъ они, тебя-то задобривъ, и пришли къ нему, и поднесли остальные шестьсотъ, а онъ было не сталъ брать, подай всю тысячу, однако сошлись на томъ, что грѣхъ пополамъ, взялъ восемьсотъ, доложилъ тебѣ, какъ слѣдуетъ, что-де отъ этого красота ярмарки будетъ, и сдѣлалъ по-ихнему. А дѣло-то не годится, ваше превосходительство, ты меня послушай: вѣдь это мироносицы, съ ними ты что будешь дѣлать? Вѣдь полтораста бабъ за рѣшеткой во всю ярмарку не продержишь, а онѣ такъ вотъ всѣмъ міромъ царю въ ноги упадутъ, безпремѣнно, и проѣзду не дадутъ, такъ подъ лошадей и кинутся, тогда ты что станешь дѣлать? Ихъ за что сбили съ мѣста, онѣ тутъ сидятъ споконъ-вѣку; кому шорники нужны, тотъ найдетъ ихъ, не минуетъ, а у этихъ вѣдь толчокъ, имъ надо сидѣть на юру, ты мнѣ повѣрь, я правду говорю, ихъ не угомонишь ничѣмъ, поди-вонъ какъ вопятъ: всѣ въ одно слово, пойдемъ къ царю!

И мироносицы, какъ ихъ назвалъ Петръ Егоровичъ, были обращены опять на старое мѣсто свое, а директоръ уволенъ.

Скончалась хозяйка у Бугрова, съ которою онъ прожилъ мирно и любовно гораздо за полвѣка, и дѣдушка повезъ ее хоронить въ свою деревню Попову, за Волгу. Въ первомъ же селѣ по пути священникъ въ облаченіи вышелъ на встрѣчу съ крестомъ; нѣсколько старыхъ изувѣровъ, бывшихъ при поѣздѣ, зароптали было, но Бугровъ ихъ остановилъ.

Digitized by Google

— Не троньте, всѣ мы одни христіане, всѣ братья; мы молимся своимъ обычаемъ, онъ своимъ, а Богъ и Христосъ у насъ одинъ. И эта встрѣча повторилась и въ прочихъ селахъ.

Въ теченіе года послѣ этого старикъ вдругъ сильно одряхлѣлъ. Увидавъ его и поговоривъ съ нимъ, я посовѣтовалъ ему отдохнуть, поменьше заниматься хлопотливыми дѣлами.

— А ты думаешь, я изъ корысти нынѣ дѣла веду? Мнѣ на что? Я давно вонъ гляжу, и съ собой ничего не унесу; а съ сына будетъ и того, что есть; да нельзя отъ дѣлъ отстать, народа жаль; вѣдь около меня кормится тысячи двѣ человѣкъ, какъ я покину ихъ?

Однако вскорѣ послѣ этого прислалъ онъ ко мнѣ вѣсть на словахъ: „Скажи барину, что дѣдушка помирать поѣхалъ.“ Онъ все сдалъ сыну, уѣхалъ въ свою деревеньку, садилъ тамъ садъ и ковырялъ лапти, подковыривая ихъ, для прочности, ремнями изъ ширы, кожи съ цыбиковъ, и вмѣстѣ съ подаяніемъ, раздавалъ эти лапти нищимъ. Онъ еще разъ прислалъ мнѣ съ однимъ крестьяниномъ поклонъ и обѣщанье прислать на прощанье пару своихъ лаптей, но вслѣдъ за тѣмъ скончался.

КРУЖЕВНИЦА.

— Не купишь ли, барынька, нашихъ балахонскихъ кружевцовъ, прошивочекъ, аль косыночекъ, говорила съ передышкой плотная, зажиточно одѣтая женщина, уже въ лѣтахъ, а сама привѣтливо глядѣла барынѣ въ глаза и протаскивала за собой въ дверь узелъ и двѣ коробки;—дорого не возьму, дашь нажить двугривенный, такъ и за то пошли Господи спасенье дому твоему!

— Да ты, бабушка, въ такую распутицу обувь протрешь на двугривенный, какіе тутъ барыши?

— И, матушка, мужъ не пожалѣетъ на меня, наново обуетъ!

— А коли не пожалѣетъ, такъ я бы на твоемъ мѣстѣ взяла двугривенный его, да съ нимъ бы и сидѣла дома, чѣмъ выхаживать его въ такую непогоду!

Digitized by Google

— Не про себя я хожу, матушка, мы-то, благодаря Бога, такой нужды не знавали, какую Господь людямъ посылаетъ, мой-то, сударынька, чуть не офицеръ, а что пенсію, такъ какъ есть за офицера получаетъ, выслужилъ у царя, спаси его Богъ; дѣтокъ у насъ и не бывало, съ насъ двоихъ и будетъ; а мужъ хорошій у меня старикъ, и люди уважаютъ его, добрѣ грамотѣ знаетъ и читаетъ божественныя книги, не какъ вотъ у сосѣдки нашей, вотъ что у милости вашей была на той недѣлѣ, какъ сказывала, съ полотномъ-то: она сердечная только что колотится, а не живетъ; ты знаешь ли, родная моя, что она вотъ ѣздитъ по городамъ-то, такъ пьяницу своего съ собой возитъ, напоитъ, и уложитъ въ сани, словно тушу какую, и поѣдетъ съ полотномъ; дома-то шестеро малыхъ покинь, погодки все, на половину ерзуны, а хозяина вези съ собой, чтобы не снесъ въ кабакъ изъ дому послѣдней кочерги, да куда не пріѣдешь, тамъ и напой его скорешенько, только тѣмъ и уймешь, и успокоишь его; вотъ какое житье! А что я-то съ кружевомъ хожу, такъ ты на это не смотри, я по обѣту, для братца родимаго стараюсь, и послѣдніе слова высказала полушепотомъ.

— Что же братецъ у тебя, больной?

— Нѣту, лебедушка, передъ Богомъ братецъ мой, небесное царство ему, передъ Богомъ; а я вотъ для дочки братцевой, да внучатъ его, обѣтъ приняла, трудиться для нихъ, и что руки да ноги заработаютъ, что Богъ и добрые люди дадутъ, то на нихъ отдавать; мужъ-то мой, хозяинъ, и ничего бы, онъ ину пору и самъ даетъ на нихъ, да родня мужнина коритъ меня за это, есть у него свои, и племянники, и внуки, а все голь, ну и говоритъ мнѣ: твоя-де родня дядину кровь сосетъ, а легко ли мнѣ слышать-то такое слово? Опять же на нищую семью хлѣба не наймишься, надо промышлять самой. Думая такъ, я однако, чтобы хлѣбца подать внучатамъ братниным, стала было маленечко на харчи накидывать: что ни пойду на базаръ, по домашности, пяточекъ и отложу на нихъ: одеженку-ли покупаю какую, что выторгую, то опять-таки имъ; ну, и ничего, мой-то не скупъ на меня, не спрашиваетъ, такъ дѣло это у насъ и идетъ. Вотъ я какъ-то вернулась съ поѣздки, давно вѣдь ужь это было, мужъ и говоритъ мнѣ: „поди, тамъ что-то у твоихъ нездорово;“ я туда, а ребятишки гдѣ еще завидѣли меня, кричатъ: „Бабушка, сударушка, золотая, дай хлѣбца.“

Digitized by Google

Я имъ гостинца, жемочковъ принесла, а они свое, хлѣбца дай! Что за напасть сталась, пошла съ ними въ лавочку, такъ еле дождались какъ отвѣсили, по куску разнесли, да ну уплетать! Отедъ-то, вишь, столяръ у нихъ, да занемогъ, слегъ, и хлѣба Божьяго не стало! Ну, некуда дѣваться, надо мужа просить, ничье сердце не утерпитъ, на голодныхъ глядючи. Тихонычъ! „А-ась...“ Ну, думаю, коли а-ась, такъ что-то не ладно; погляжу ему въ лицо— а онъ сумрачный насумрачный сидитъ.... бѣда, думаю, какъ тутъ заговорить съ нимъ! Сѣла я было за кружева, прикусивъ языкъ, — коклюшки путаются, въ глазахъ рябитъ. Вѣдь тоже дѣло-то мое не молодое, а тутъ и горе... бросила, дай, говорю, со скуки переберу корабью, одежонку перетрясу, — а это, знать, мужъ любитъ, скопидомкой за это зоветъ — стала стряхивать праздничный сюртукъ его, что-то отозвалось въ карманѣ — я рукой туда — цѣлковый! Стамъ рублямъ бы такъ не обрадовалась, сударынька! Наскоро убравши все, я тутъ же снесла его племянницѣ—слава Богу, хоть на хлѣбъ будетъ; а сама иду домой, и раздумываю: ладно ли я сдѣлала? Чай надо было у мужа спроситься, а я украдкой; вотъ я ему эдакъ стороной и говорю: Тихонычъ, у насъ въ Балахнѣ жена отъ мужа тихую милостыню подаетъ, ладно ли это? А онъ: коли не ладно укравъ Часословъ, да: услыши, Господи молитву мою! Ахъ ты Господи, что тутъ дѣлать! Я втѣ поры за кружевомъ сидѣла, на масло плела, по обѣту также, да и подумала: Мать Пресвятая Богородица, ужь полно, въ угоду ли тебѣ лампадка-то, коли семеро безъ хлѣба сидятъ? Глянула на икону-то, а отъ лика ея на меня словно тишью повѣяло— я все на нее гляжу, и подумала: спрошу я хозяина — а онъ у меня божественныя книги читаетъ, и мнѣ ину пору слушать велитъ, и хорошо таково тамъ писано... Тихонычъ, что ради Бога лучше, свѣчку ли ему поставить, аль милостыню подать? А онъ: „Спаситель говоритъ, *милостыни хощу, а не жертвы*“; когда свѣчу ставишь, говоритъ, значитъ жертвуешь; а милостыню подаешь нужному, значитъ милость творишь. Словно разсвѣло у меня на душѣ отъ такихъ его рѣчей—вотъ оно что, божественныя-тѣ книги читать; а мы вотъ люди темные, и нехотя согрѣшаемъ — не знаешь, въ чемъ грѣхъ, въ чемъ спасеніе!

Digitized by Google

Кабы не Тихонычъ, я бы такъ все, словно въ потьмахъ, изъ стороны въ сторону шаталась, и на хлѣбъ внучатамъ таскала бы украдкой, а на неугасимую Богородицѣ работала бы день и ночь, и глаза бы себѣ послѣпила! Такъ вотъ, золотая моя сударушка, какъ увидѣла я свѣтъ духовный, такъ съ того часу и наложила я на себя обѣтъ: мужа не обманывать ни на копѣечку, и покаялась ему во всемъ; добра его на свою нищую родню не переводить, а трудиться весь вѣкъ свой, и коклюшками-то, и переторговывать, трудиться на братнину семью — оно и по душѣ его пойдетъ и накормитъ голодныхъ. А вотъ какъ я дура-то заживо было похоронила мать, да она сердечная черезъ годочекъ побывшилась, такъ Тихонычъ и не велѣлъ мнѣ на похороны своей трудовой копѣйки рушить, отдай говоритъ, по душѣ ея, своимъ, тамъ помолятся, а мать схоронить это мое дѣло!

— Все это хорошо, тетка, и оба вы съ мужемъ хорошіе люди; да какъ же ты это мать-то было похоронила? Знать обмирала она, что ли, у тебя?

— Нѣту, матушка, лебедушка моя, не обмирала она сердечная, а такъ это я сдуру, потѣшить ее захотѣлось. Она вишь ужь добре стара была, и немощна, ужь только ину пору на солнышкѣ погрѣться съ печи слѣзала, вотъ она, царство ей небесное, и говаривала бывало: „Аннушка, а жалко тебѣ будетъ меня хоронить?“ Кормилица моя, говорю, да кого же и жалѣть, коли не матушку родную, что на бѣлъ-свѣтъ, на святорусье народила! Что мнѣ, дѣтей не далъ Богъ — ты, да хозяинъ, вотъ и вся тутъ! „Ладно-де дитятко, а станешь ли выть по мнѣ, по закону?“ Мамынька, да какже не взвыть по тебѣ, какъ понесутъ на Божье поле! „А причитать-молъ, по-законному станешь?“ Ну, вотъ этого, кормилица моя, не стану, не умѣю, и въ жизнь ни покомъ не причитывала! „Не ладно будетъ, Аннушка, люди скажутъ: ей матери не жалко; хоть ни покомъ не причитывала, а по родной матери надо.“ Мамынька, да какъ же сказать-то имъ это, коли всѣмъ вѣдомо, что вотъ уже 30 годовъ замужемъ живу, а не въ одномъ словѣ тебѣ не перечила. А причитать не умѣю; вѣдь плачъ плакать надо складно, а то люди тоже осудятъ, а я не умѣю. „Такъ-то такъ, Аннушка, а все не ладно будетъ, коли по мнѣ причитать не станешь; скажутъ: вотъ, она чуть не офицерша и зазналась, и по матери не

Digitized by Google

плачетъ. Полѣзай-ка, Аннушка, на-печь ко мнѣ, сядь на край, ну вотъ и слушай, я тебя научу, и говори за мною." Вотъ мамынька-то, сѣвши, и стала покачиваясь плакать: „Солнышко ты мое красное, ты куда закатилося! Лебедушка моя ты бѣлая, а ты что не шалохнешься! А-и словечушка не промолвишь, крылышкомъ не приголубишь!..." Мамынька, говорю, да какъ же я стану бѣлой звать тебя, вѣдь ужь мы съ тобой не кровь съ молокомъ, ты вѣдь чёрна, да худая... „Ничего, дитятко, это любя такъ говорятъ въ причитаніяхъ, это съ жали; а ты говори за мной голосомъ, и кулакомъ-то такъ бороду подопри, вотъ, да головушкой-то и покачивай: Статенушка моя писаная..." Мамынька, да что жь мы съ тобой станемъ людей смѣшить, ужь какая жь ты статенушка! „Эхъ, Аннушка, а ты знай причитай за мною, такъ годится; да тутъ не ладно на печи — вотъ погоди-ка я лягу на лавку подъ образа, а ты сядь въ ногахъ, да открой окошечко, да причитай за мною голосомъ". Вотъ она сударушка моя легла, и вытянулась, и оправилась одежей, и руки скрестила на груди, и стали мы причитать голосомъ, громче да громче; она-то услаждается, а я-то слезами обливаюсь, да ужь волкомъ вою.... кто-то услышалъ съ улицы, заглянулъ въ окно, сказалъ сосѣдямъ, народъ всполошился — тоже вѣдь, не безъ добрыхъ людей — сбѣжались, а мы съ мамынькой никого не видимъ, не слышимъ — побѣжали сосѣди за мужемъ, за попомъ — говорятъ: у Тихоныча въ два голоса воютъ, старуха померла—воетъ-то дочь, а другой кто? Анъ это сама, прости Господи, покойница и плачъ ведетъ, а та за нею! „Дура ты дура, что это дѣлаешь", закричалъ мужъ, тряхнувъ меня за плеча! Я тутъ только и опомнилась... гляжу, мамынька-то сидитъ, а подлѣ отецъ духовный, разговариваетъ ее... Вотъ, барынька моя, до чего бабья-то дурь доводитъ.....

Барынька заслушилась кружевницы, которая плела красно и языкомъ, и вопросомъ о дѣтяхъ племянника ея, развязала ей еще болѣе рѣчь.

— Малы еще, матушка, да пятеро, одолѣли; ину пору пристанутъ ко мнѣ, какъ пріѣдешь, да навѣдаешься съ чѣмъ Богъ послалъ, изъ своихъ-то заработковъ — баушка, раззолотенькая, разкажи да разкажи сказочку! Вѣдь дѣти до сказокъ, что мухи до браги, падки; вотъ пристанутъ къ тебѣ, да осядутъ, словно рѣпьи—а я споконъ-вѣку на сказки-

Digitized by Google

тѣ не горазда, памяти зна'шъ нѣтъ; вотъ и зачну сказывать имъ побывальщину, про честную вдову свѣтъ Аннушку — это про свою мать, то-есть — какъ жила она своимъ молодымъ разумомъ, какъ она дѣтушекъ двоихъ жалѣть жалѣла, а баловать не баловала, приграживала; тутъ и начну прибирать, чему насъ съ братцемъ-то, царство ему небесное, матушка покойница учила: такъ и такъ молъ дурить не ладно, за это яга-баба въ мѣшокъ унесетъ, въ ступѣ утолчетъ; и на мать огрызаться не годится, языкъ присохнетъ; и въ чужой огородъ не лазить, тамъ сидитъ бабища-капустища, у нея голова качанная, руки морковныя, ноги рѣдечныя, сама въ рѣпьяхъ, хмелемъ подпоясана, въ рукахъ хворостина долгая, изъ-за угла стегнетъ — а они слушаютъ, дышатъ, другъ на-друга глядя, да на-усъ мотаютъ; ну и пойду сказывать, чтобы поразмаять ихъ послѣ страху-то: а дѣтки у нея сестрица Аннушка съ братцемъ Иваномъ жили мирно, любовно, совѣтно, и ссорушки межь нихъ не бывало; и какъ они матушки своей родименькой не то что подмогой были, а подростя и укрывомъ стали; какъ братца Иванушку, единымъ единаго вдовьяго сыночка, сиротинушку, невчередъ въ солдаты сдали, за то, что заступиться было за него некому, а великъ желвакъ, да въ чужомъ боку не болитъ; какъ дядька братнинъ до него добръ былъ, и домой пускалъ его, и самъ съ нимъ прихаживалъ, да и женился на Аннушкѣ; какъ онъ просьбу царю написалъ, что не по правдѣ отдали Аннушкинаго братца, старше его есть по волости, и тройниковъ, кои по-богаче, обошли; какъ братцу царская милость, отставка вышла, черезъ годъ сѣднемъ, и воротился онъ домой, къ женушкѣ, къ доченькѣ, къ милымъ ея дѣтушкамъ, а нынѣ сиротинушкамъ; не долго пожилъ, сердечный, Богъ смиловался, прибралъ; какъ всѣ они послѣ того жили, поживали, горе мыкали, бѣды изживали; какъ дѣтки баушки слушаются, а она Бога умоляетъ, на хлѣбъ дѣткамъ добываетъ....

И разжалобясь сама надъ своею побывальщинкою, кружевница моя прослезилась, и прибавила.

— Вотъ, матушка моя, сударынька, я и хожу по обѣту, за братцевыхъ внучатъ, что Богъ пошлетъ, за то и молюсь, а мужинаго добра не извожу на нихъ, чтобы не слыхать покору отъ роденьки его....

В. ДАЛЬ.

Digitized by Google

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

1722—1725

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.)

Война, веденная съ 1722 года Петромъ Великимъ на юго-западѣ Каспійскаго прибрежья и извѣстная подъ именемъ Персидской, особенно замѣчательна тѣмъ, что завоевывая одну за другою персидскія области, Петръ не только не былъ во враждѣ съ Персіей, но и не прекращалъ съ нею, во все время войны, дипломатическихъ сношеній: имѣлъ при шахѣ своего резидента или посланника, консула въ Испагани и вице-консуловъ въ Шемахѣ, Рящѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ.

Война эта была вызвана съ одной стороны интересами торговыми, требовавшими занятія прибрежья Каспійскаго моря, съ другой—интересами политическими, требовавшими занятія Кавказа и подчиненія Россіи горскихъ народовъ.

Каспійское море, имѣющее и теперь огромную важность въ торговомъ отношеніи, имѣло еще болѣе значенія въ царствованіе Петра. Черное море въ то время было недоступно для Россіи. Окраины его принадлежали частію враждебной намъ Турціи, частію столько же враждебному крымскому ханству. Губерніи Херсонская, Екатеринославская и сѣверная часть Таврической были незаселенными степями, постояннымъ притономъ татарскихъ ордъ, неодолимымъ препятствіемъ для торговли. При этихъ условіяхъ, въ Каспійскомъ морѣ Петръ Великій видѣлъ истинное средоточіе или узелъ

Digitized by Google

торговли всего Востока. Онъ думалъ обратить къ этому морю всю индо-европейскую торговлю, а для Персіи, центральныхъ азіятскихъ ханствъ, части Малой Азіи и богатаго Закавказья это море было и безъ того естественнымъ торговымъ путемъ. Развитіе торговли съ Востокомъ, черезъ посредство Каспійскаго моря, послужило бы къ обогащенію Россіи, развитію въ ней всѣхъ отраслей промышленности и подало Петру Великому мысль всецѣло воспользоваться этими выгодами, сдѣлавъ это море территоріальнымъ русскимъ.

Мысль о торговлѣ съ Индіей и направленіи индѣйскаго торга къ Каспійскому морю, отнюдь не была со стороны государя мыслью химерическою. Путь въ Индію былъ извѣстенъ нашему купечеству до-петровской эпохи. Персидскіе и хивинскіе купцы также весьма часто привозили къ намъ индѣйскіе товары; торговый путь этотъ не былъ безопасенъ, сношенія не были постоянны, но какъ торговля представляла очевидныя выгоды, то возможно было и развитіе ея. Подъ руководствомъ такого геніальнаго человѣка, какъ Петръ Великій, развитіе ея представлялось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ царствованія Петра Великаго возможность этой торговли была еще разъ очевидно доказана. Въ исходѣ XVII вѣка, купецъ Маленькой, съ нѣсколькими приказчиками и разными товарами отправился въ Персію и Индію. Правительство снабдило его отъ посольскаго приказа грамотами и подарками къ шаху персидскому и индѣйскому Моголу. Черезъ Персію Маленькой доѣхалъ до владѣній великаго Могола, представлялся ему, вручилъ подарки, нѣсколько разъ былъ призываемъ имъ для переговоровъ и получилъ отъ него, для передачи въ подарокъ государю, небольшаго бѣлаго слона. Посѣтилъ затѣмъ Акру, Дели, Суратъ, откуда моремъ доѣхалъ до Бендеръ-Абасси. Къ сожалѣнію Маленькой, употребившій на поѣздку пять лѣтъ, умеръ на обратномъ пути въ Шемахѣ, и всѣ собранныя имъ свѣдѣнія о Персіи и Индіи пропали. Приказчикъ же его Андрей Семеновъ, давшій показанія о поѣздкѣ Маленькаго, не былъ посвященъ въ переговоры, которые велъ его хозяинъ. * Тѣмъ не менѣе, результаты этой поѣздки показали, что направленіе

* Арх. Воен. Топ. Отд. Главн. Штаба № 48.139 шкафъ № 201. Журналъ Петра Великаго. Т. II, стр. 345.

Digitized by Google

индѣйской торговли черезъ Каспійское море, могло бы соперничать съ морскимъ путемъ парусныхъ кораблей, мимо мыса Доброй Надежды; только пароходы, изобрѣтеніе позднѣйшаго времени, сдѣлали это соперничество весьма труднымъ если не невозможнымъ.

Для торговли Россіи съ центральными азіятскими ханствами, Хивой, Бухарой, Коканомъ и др., Каспійское море служитъ путемъ естественнымъ. Если мы видимъ, что теперь торговля наша съ Среднею Азіей направляется почти исключительно на Оренбургъ, то явленіе это, будучи не нормальнымъ, есть не болѣе какъ временное. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что путь изъ Хивы, по старому руслу Аму-Дарьи, изобильному прѣсною водой, къ Красноводскому заливу, при дальнѣйшемъ правильномъ судоходствѣ по Каспійскому морю и Волгѣ, представляетъ несравненныя преимущества передъ путемъ на Оренбургъ. Достаточно сказать, что отъ Хивы до Красноводскаго залива караваны идутъ 12-ть дней, а отъ Хивы до Оренбурга черезъ фортъ № 1-й, 65 дней, чтобъ ощутительно понять всю важность пути черезъ Усть-Уртъ. Грабительства и неустройства Туркменовъ и незанятіе нами по сіе время укрѣпленнымъ образомъ Красноводскаго залива не могутъ считаться серіознымъ препятствіемъ. Туркмены еще со времени Петра Великаго постоянно искали покровительства и подданства Россіи; * занятіе же

* Желаніе это они постоянно выражали со времени Петра Великаго, при которомъ они признавали себя подданными Россіи. Желаніе быть русскими подданными они выражали и позднѣе. По этому поводу посланъ былъ на Туркменскій берегъ въ 1764 году майоръ Ладыженскій, составившій планъ и смѣту на постройку укрѣпленія въ заливѣ Киндерлинскомъ. Въ 1803 году, по просьбѣ Туркменъ о защитѣ ихъ отъ хищничества Киргизъ-Кайсаковъ, князю Циціанову было поручено сдѣлать распоряженіе объ осмотрѣ мѣста на Мангышлакѣ, для постройки тамъ укрѣпленія. Въ 1813 году Туркмены рода Іомутовъ прислали на Кавказъ къ генералу Ртищеву посольство съ просьбой о защитѣ ихъ отъ Персіянъ. Въ 1816 году адмиралъ Мордвиновъ подалъ въ комитетъ министровъ мнѣніе о пользѣ занятія восточнаго берега Каспійскаго моря. Въ 1818 году генералъ Ермоловъ просилъ высочайшаго соизволенія на отправленіе части каспійской эскадры для обозрѣнія этого берега, а въ 1819 году онъ отправилъ въ землю Туркменъ майора Пономарева и капитана Муравьева, которые представили просьбы Іомутовъ за подписью ихъ старшинъ, о принятіи ихъ въ подданство Россіи и

Digitized by Google

Красноводскаго залива въ послѣднее время стало считаться необходимымъ и гораздо болѣе выгоднымъ нежели бывшее занятіе Мангышлака. * Персидскія области, прилегающія къ Каспійскому морю, не могли не привлечь вниманія Петра еще и по богатству естественныхъ произведеній: нефть, вино и шелкъ добывались въ нихъ въ обширныхъ размѣрахъ, въ одной Гилянской области добывалось тогда болѣе 2.800.000 фунтовъ шелку.

Кромѣ того, тогдашнее положеніе юго-восточной части Россіи, будучи едва ли не самымъ слабымъ мѣстомъ государства, постоянно занимало вниманіе государя и настоятельно

непрепятствованіи въ ихъ землѣ устройству всякихъ русскихъ заведеній; вслѣдствіе сего въ 1820 году генералъ Ермоловъ былъ уполномоченъ на заключеніе дружественнаго торговаго договора съ Іомутами и на избраніе удобнѣйшаго мѣста для постройки укрѣпленія на 1.000 человѣкъ на Красноводскомъ носѣ или при Киндерлинскомъ заливѣ. Предположеніе это разстроилось по происканъ хивинскаго хана, успѣвшаго прежде насъ снабдить нуждавшихся Туркменъ хлѣбомъ и направить противъ нашего малочисленнаго отряда, высадившагося на берегъ, другія, Іомутамъ враждебныя, племена. Позднѣе, въ 1844 году, въ сентябрѣ, Туркмены подали просьбу генералу Обручеву о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи. Все это весьма ясно говоритъ объ истинномъ отношеніи Туркменовъ къ русскому государству.

* Въ виду принятія Туркменами подданства Россіи, генералъ-адъютантъ Катенинъ полагалъ устроить опорный пунктъ на прибрежьи Балканскаго и Красноводскаго заливовъ. Въ 1858 году князь Варатинскій полагалъ необходимымъ занять восточный берегъ Каспійскаго моря, какъ единственное средство для прекращенія морскихъ разбоевъ со стороны Туркменъ. Того же мнѣнія былъ и нашъ посланникъ въ Персіи д. с. с. Аничковъ, человѣкъ близко знакомый съ обстоятельствами и положеніемъ дѣлъ въ томъ краѣ. То же полагалъ и бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ Г. А. Безакъ. Наконецъ и частныя лица явились дѣятелями на томъ же поприщѣ: послѣ крымской войны г. Бекардаки просилъ разрѣшенія завести торговую факторію на Красноводскомъ заливѣ и имѣть при оной небольшую флотилію. Дѣйствія подобнаго торговаго общества, имѣвшаго въ виду учредить безопасный путь для торговли съ ханствами, были бы самымъ вѣрнымъ средствомъ для утвержденія нашего вліянія и развитія торговли въ земляхъ за Каспійскимъ моремъ; къ сожалѣнію, вопросъ объ учрежденіи факторіи, связанный съ устройствомъ укрѣпленія, не пришелъ къ желанному разрѣшенію.

Digitized by Google

требовало занятія Кавказа и Каспійскаго прибрежья. Слабость этой части границы высказывалась въ безпрестанныхъ набѣгахъ закубанскихъ Татаръ и горскихъ жителей, подстрекаемыхъ то Турціей, то Крымомъ.

Послѣ Полтавской битвы, когда Петръ Великій былъ озабоченъ ходомъ событій на западѣ, крымскій ханъ двинулся съ ордой къ Бѣлгороду и разорялъ Украйну, а Закубанцы и горцы западнаго Кавказа, соединясь съ бѣглыми Некрасовцами быстро шли къ Царицыну и Саратову, грабя на пути и забирая въ плѣнъ жителей; осадили Саратовъ и грозили тѣмъ же Астрахани. Противъ Закубанцевъ императоръ * направилъ въ 1711 году казанскаго губернатора Петра Матвѣевича Апраксина (брата адмирала). Цѣлью его было не столько наказаніе и разореніе Закубанцевъ, сколько приведеніе ихъ въ подданство Россіи, что навсегда избавляло государство отъ ихъ набѣговъ. Въ этомъ походѣ принималъ участіе со своею ордой калмыцкій ханъ Аюка. Государь задумалъ также вызвать на помощь Апраксину горскіе народы, Кабардинцевъ и ихъ сосѣдей. Выполнить эту задачу онъ поручилъ князю Бековичу-Черкасскому, человѣку ему преданному, служившему съ нимъ въ потѣшной ротѣ Преображенскаго полка, и происхожденіемъ не чуждаго племенамъ, съ которыми долженъ былъ вести переговоры. Сначала князь Черкасскій отправился къ хану Аюкѣ, содѣйствіе котораго должно было облегчить исполненіе возложеннаго на него порученія. При свиданіи съ княземъ, въ маѣ мѣсяцѣ, Аюка объявилъ, что еще недавно пріѣзжали къ нему Кабардинцы и просили его помощи противъ Турокъ и Крымцевъ, и что онъ обѣщалъ дать имъ нѣкоторую часть своего войска „дабы открыть воинскій промыселъ за Кубань“. Въ Кабарду князь Черкасскій прибылъ 27-го іюня и доносилъ государю, что черкесскіе владѣльцы, прочтя съ достойнымъ уваженіемъ царскую грамоту увѣряли, *что рады служить великому государю всею Кабардой. По этому увѣренію, я ихъ къ присягѣ привелъ по ихъ вѣрѣ.* Черкасскому

* Мы не дѣлаемъ большой ошибки называя въ 1711 году Петра Великаго императоромъ. Окончательное принятіе этого титула послѣдовало, правда, въ 1721 году, но и до 1721 года Петръ неоднократно именуетъ себя имъ и въ сношеніяхъ съ Азіятцами (случай обыкновенный), и съ жителями покоренныхъ областей. См. Пол. Собр. Зак., т. V, №№ 2.301 и 2.302.

Digitized by Google

же былъ переданъ и манифестъ Закубанцамъ, который долженъ былъ предшествовать русскимъ войскамъ. Въ этомъ манифестѣ Петръ Великій, послѣ объясненія причинъ войны съ Турками и крымскими Татарами, такъ объясняетъ Кубанцамъ цѣль похода противъ нихъ и нагайскихъ жителей: „ежели вы, усмотря нашу правость, съ нашими войсками биться не будете, *но похочете подъ оборону нашу предаться* и пришлете для того къ намъ немедленно, ради договора, отъ себя знатныхъ людей, и будете обще съ нами противъ Турокъ и прочихъ турскихъ подданныхъ биться, то мы примемъ васъ, какъ пріятелей, въ оборону свою, и не велимъ войскамъ нашимъ васъ раззорять и ни малый шкодъ вамъ чинить, *но больше вамъ вольностей и свободы позволимъ, нежели вы имѣли подъ турскою областью.* Буде же вы противиться намъ будете, и съ нашими войсками дерзнете биться, то повелимъ васъ огнемъ и мечемъ раззорить и въ полонъ брать, какъ непріятелей своихъ". *

Такимъ образомъ стремленіе Петра Великаго подчинить себѣ полудикіе горскіе народы и татарскія племена выразилось очевидно, и понятно, что лучше было имѣть ихъ подъ своею рукой, нежели дозволить имъ быть игрушкой въ рукахъ враговъ Россіи.

Описаніе похода за Кубань не входитъ въ нашу программу. Скажемъ только, что Апраксинъ хотя разбилъ и частью раззорилъ Кубанцевъ, но не соединился съ Кабардинцами, отчего, по его уходѣ, Закубанцы устремились на Кабардинцевъ, нашихъ союзниковъ, но на этотъ разъ, по счастью, были ими разбиты.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1714 года данъ былъ указъ правительствующему сенату, объ отправленіи князя Черкасскаго въ Каспійское море для отысканія устья Аму-Дарьи, и о пріисканіи средствъ къ склоненію кавказскихъ горскихъ народовъ на нашу сторону. Указъ этотъ былъ вызванъ письмомъ Черкасскаго къ государю о положеніи горскихъ народовъ, при чемъ онъ писалъ слѣдующее:

„Писали ко мнѣ изъ черкасской земли братья мои нарочно съ присланнымъ, которыя ихъ письма вручилъ я канцлеру графу Головкину. Въ тѣхъ письмахъ пишутъ:

„По указу отъ Порты Оттоманской посланы отъ хана

* Арх. Воен. Топогр. Отд. Главн. Штаба. № 55,424.

Digitized by Google

крымскаго посланцы къ вольнымъ князьямъ имѣющимъ владѣніе близь горъ, между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ, дабы оные князья со владѣніями своими склонились подъ власть султана турскаго и послушны были бъ хану крымскому: за что могутъ многую милость получать и повсягоднымъ жалованьемъ опредѣлены будутъ.

„И оные посланцы перво пріѣхали въ большую Кабарду ко княземъ Черкасскимъ со обѣщаніемъ, о чемъ писано пространно въ письмѣ ихъ, и не получа своего намѣренія, принуждены были отъѣхать назадъ въ Крымъ.

„Потомъ посланы къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ Кумыцкимъ и Шафкаламъ, дабы приклонить ихъ, такожде обѣщая имъ много, и нѣкоторыхъ изъ оныхъ приклонили къ своему желанію чрезъ дачу, а другихъ Шафкаловъ, которые изъ нихъ лучшіе владѣльцы въ народѣ кумыцкомъ, призываютъ, и великое между тѣхъ народовъ нынѣ несогласіе: для того инымъ то непріятно, иные того хотятъ, а паче всего желаютъ, дабы всѣхъ тѣхъ народовъ соединить даже до персидской границы, и тако особливый край тотъ въ волю свою привесть и подданными учинить.

„И ежели оное турецкое намѣреніе исполнится, и оный народъ будетъ при Портѣ утвержденъ, то когда война случится, могутъ не малую силу показать, понеже оный народъ лучшій въ войнѣ, кромѣ регулярнаго войска.

„А паче разсудить къ людству и къ силѣ отъ Чернаго моря, гдѣ есть Тамань, по сю сторону Керчи до самой границы персидскія, коммуникація будетъ въ близости въ нашихъ границахъ.

„Ежели ваше величество соизволите, чтобъ оный народъ не допустить подъ руку турецкую, но паче привесть подъ область свою, то надлежитъ не пропуская времени и о томъ стараться: а когда уже Турки ихъ подъ себя утвердятъ, тогда уже будетъ поздно и весьма невозможно того чинить, какъ сами о томъ изволите разсудить.

„А опасности никакой въ привращеніи ихъ не будетъ, понеже народъ тотъ вольный есть и никому иному не присутствуетъ, но паче вамъ есть причинный: на что напредъ сего изъ тѣхъ кумыцкихъ владѣльцовъ Шафкаловъ въ подданствѣ для вѣрности вашему величеству и дѣтей своихъ въ аманаты давывали; токмо незнаніемъ или неискусствомъ воеводъ вашихъ сей интересъ государственный по се время оставленъ: чего для и нынѣ изъ оныхъ народовъ не обрѣтаются, то учинить.

„И ежели народъ сей за помощію Божіею вашимъ мудрымъ промысломъ будетъ при вашей сторонѣ, тогда сила ваша въ томъ краю наилучше разширяться можетъ, отъ чего и другимъ страхъ будетъ“....

И далѣе:

„И ежели ваше величество соизволите приклонить тѣхъ народовъ пригорныхъ подъ свою область, не малый страхъ

Digitized by Google

будетъ въ Персидѣ во всей, и могутъ во всемъ вашей волѣ послѣдовать."

Такимъ образомъ, выставляя независимое положеніе племенъ обитающихъ по Кубани и Тереку и воинственный ихъ характеръ, а также намѣреніе турецкаго султана привлечь ихъ на свою сторону, князь Черкасскій предлагалъ предупредить въ этомъ дѣлѣ турецкое правительство и указывалъ, что въ случаѣ успѣха, пріобрѣтено будетъ большое вліяніе на Персію, сильно опасавшуюся непокорныхъ кавказскихъ племенъ, уничтожатся происки Турціи и будутъ обезпечены наши собственныя границы. *

14-го мая 1714 года князь Черкасскій былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи на восточный берегъ Каспійскаго моря. Въ его распоряженіе данъ былъ отрядъ изъ 1.500 человѣкъ (на самомъ дѣлѣ онъ состоялъ изъ 1.760 человѣкъ), необходимая артиллерія, шанцевый инструментъ, 124 судна для перевозки отряда и 5.000 рублей на расходы. 28-го октября онъ отправился изъ Астрахани въ море, но за льдами долженъ былъ вернуться 3-го декабря. 25-го апрѣля 1715 года князь Черкасскій снова отправился въ море и возвращаясь въ Астрахань уже позднею осенью, 5-го ноября; онъ былъ на Кавказѣ и на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

Послѣ личнаго объясненія государя съ княземъ Черкасскимъ, 14-го февраля 1716 года, въ Либавѣ, данъ былъ указъ правительствующему сенату объ отправленіи князя Черкасскаго въ Каспійское море и далѣе посломъ къ хивинскому хану, а къ хану бухарскому и Могулу индѣйскому приказано было послать купца.** Государь собственноручно начерталъ, въ руководство князя, слѣдующую инструкцію:

„1. Надлежитъ надъ гаванью, гдѣ было устье Аму-Дарьи рѣки построить крѣпость человѣкъ на тысячу, о чемъ просилъ и посолъ хивинской.

„2. Ѣхать къ хану хивинскому посломъ, а путь имѣть подлѣ той рѣки, и осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, такожъ и плотины, ежели возможно оную воду паки обратить въ старый насъ; къ тому жь прочія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море, и сколько къ той работѣ потребно людей.

„3. Осмотрѣть мѣсто близь плотины, или гдѣ удобно, на

* Арх. Воен. Топогр. Отд. Глав. Штаба №№ 48.139—201. Журналъ Петра Великаго, т. II, стр. 350.

** Ibidem.

Digitized by Google

настоящей Аму-Дарьѣ рѣкѣ, для строенія жь крѣпости, тайнымъ образомъ; а буде возможно будетъ, то и тутъ другой городъ сдѣлать.

„4. Хана хивинскаго склонять къ вѣрности и подданству, обѣщая наслѣдственное владѣніе оному; для чего представлять ему гвардію къ его службѣ, и чтобъ онъ за это радѣлъ въ нашихъ интересахъ.

„5. Буде онъ то охотно приметъ, а станетъ желать той гвардіи, и безъ нея ничего не станетъ дѣлать, опасаясь своихъ людей: то оному ее дать, сколько пристойно, но чтобъ были на его платѣ; а буде станетъ говорить, что перво нечѣмъ держать, то на годъ и на своемъ жалованьи оставить, а впредь чтобъ онъ платилъ.

„6. Ежели симъ, или инымъ образомъ склонится хивинскій ханъ, то просить его, дабы послалъ своихъ людей, при которыхъ и нашихъ два бы человѣка было, водою по Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ вверхъ до Иркети городка для осмотрѣнія золота.

„7. Также просить у него судовъ, и на нихъ отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ чтобъ изъѣхалъ ее, пока суда могутъ идти, и оттоль бы ѣхалъ въ Индію, примѣчая рѣки и озера, и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной къ Индіи тою или другими рѣками, и возвратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ; или ежели услышитъ въ Индіи еще лучшій путь къ Каспійскому морю то онымъ возвратиться и описать.

„8. Будучи у хивинскаго хана, провѣдать и о бухарскомъ, не можно ль его, хотя не въ подданство, ежели того нельзя сдѣлать, но въ дружбу привести такимъ же манеромъ; ибо и тамъ тако жь ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ.

„9. Для всего сего надлежитъ дать регулярныхъ четыре тысячи человѣкъ, судовъ сколько потребно, грамоты къ обоимъ ханамъ, также купчинѣ къ ханамъ же и къ Могулу.

„10. Изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина и навигаторовъ человѣкъ пять или болѣе послать, которыхъ употребить въ обѣ посылки: первая подъ образомъ купчины, * другая къ Иркети.

„11. Инженеровъ изъ учениковъ куломовыхъ дать двухъ человѣкъ.

„12. (Этотъ параграфъ инструкціи заключаетъ въ себѣ распоряженія относительно сбора войскъ.)

„13. Поручику Кожину приказать, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ о пряныхъ зеліяхъ и другихъ товарахъ; и какъ для сего дѣла, такъ и для отпуска товаровъ придать ему, Кожину, двухъ человѣкъ добрыхъ людей изъ купечества, и чтобъ оные были не стары.

„По симъ пунктамъ господамъ сенату съ лучшею ревностію сіе дѣло какъ наискорѣе отправить, понеже зѣло нужно.“

Въ распоряженіе князя Черкасскаго было дано 6.350 чело-

Digitized by Google

вѣкъ, 15 орудій, 4.288 штукъ шанцеваго инструмента и 147 судовъ разной величины. Экспедиція была снабжена въ изобиліи всѣмъ необходимымъ, и 20-го сентября 1716 года Черкасскій отправился въ Каспійское море. * Мы не послѣдуемъ за нимъ и не будемъ разказывать здѣсь о гибели его отряда въ 1717 году, гибели, вызванной излишнею довѣренностью князя къ хивинскому хану.

Мнѣніе князя Черкасскаго о необходимости покоренія Кавказа, для спокойствія юго-восточной окраины Россіи, было вполнѣ справедливо и оправдывалось постоянно. Въ 1715 году Закубанцы напали на Астрахань, подъ командой Баты-Гирея и раззорили часть поволжья. ** Въ 1716 году снова напали на Казанскую губернію и увели въ плѣнъ нѣсколько тысячъ душъ. *** Въ концѣ 1717 года казанскій губернаторъ доносилъ въ сенатъ о намѣреніи хана кубанскаго Баты-Гирея идти на грабежъ къ Саратову и Астрахани, вмѣстѣ съ Кубанцами и жителями Терека. Губернаторъ предупреждалъ, что если полученныя имъ свѣдѣнія о намѣреніи Баты-Гирея справедливы, *то онъ не можетъ отвѣчать за охраненіеввѣреннаго ему края*, въ которомъ, за откомандированіемъ полковъ для экспедиціи князя Черкасскаго, осталось вообще

---

* Посылая Кожина подъ видомъ купца въ Индію, государь и ему далъ собственноручную инструкцію:

„1. Ѣхать ему, какъ его отпуститъ капитанъ отъ гвардіи князь Черкасскій, водою Аму-Дарьею рѣкою (или другими кои въ нея впадаютъ) сколько возможно до Индіи подъ образомъ купчины, а настоящее дѣло, дабы до Индіи путь водяной сыскать.

„2. И когда уже нельзя будетъ ѣхать водою, и тамъ развѣдывать о томъ же тайнымъ образомъ.

„3. Возвратиться назадъ тѣмъ же путемъ, развѣ ежели увѣдаетъ еще иной, способнѣйшій путь водяной, то имъ возвратиться, и вездѣ, какъ водянымъ, такъ и сухимъ путемъ все описывая дѣлать карту.

„4. Осмотрѣть какіе товары, а особливо пряныя зелья и прочее, что идетъ изъ Индіи.

„5. Прочее чего здѣсь и не написано, а въ чемъ можетъ быть интересъ государства, смотрѣть и описывать.“ Голиковъ т. VI, стр. 90, изд. 1838 г.

Архивъ Воен. Топ. Отд. Глав. Штаба №№ 48.139—201.

** Голиковъ т. VI, изд. 1838 г., стр. 16.

*** Ibidem., стр. 114.

Digitized by Google

мало войскъ, а въ особенности въ Астрахани, гдѣ малочисленный гарнизонъ безсмѣнно содержитъ караулъ. Хотя нападеніе горцевъ и не состоялось на этотъ разъ, но не могло же государство оставаться въ постоянномъ опасеніи подвергнуться нападенію дикихъ ордъ. *

Такимъ образомъ, независимо отъ интересовъ торговыхъ, утвержденія русскаго господства на Каспійскомъ морѣ и Кавказѣ настоятельно требовали и интересы политическіе. Единовѣрная намъ и богатая Грузія постоянно тяготѣла къ Россіи и неоднократно желала вступить въ ея подданство. Горскіе народы дѣйствовали относительно Россіи перемѣнчиво. Нѣкоторые, какъ Кабарда и Ногайцы, признавали себя слугами русскихъ государей, хотя и дѣйствовали часто независимо и даже враждебно. Другіе давно тяготѣли къ Турціи. Время Петра Великаго было именно тѣмъ временемъ, когда Турція, тогда еще сильная держава, имѣла въ виду утвердить свое господство надъ кавказскими народами, и еслибъ ей удалось этого достигнуть, то границы ея плотно примкнули бы на сѣверѣ къ Крыму, и положеніе Россіи сдѣлалось бы весьма затруднительнымъ. Вмѣсто слабыхъ, обязанныхъ повиновеніемъ ей сосѣдей, она пріобрѣла бы сосѣда сильнаго и ей непріязненнаго. Кромѣ того, только покореніе и занятіе Кавказа избавляло Россію отъ тѣхъ опустошительныхъ набѣговъ, на южныя области ея, закубанскихъ и терскихъ Татаръ, набѣговъ, истощавшихъ огромную массу народонаселенія и дѣлавшихъ невозможнымъ водвореніе на огромномъ пространствѣ ни промышленности, ни просвѣщенія.

Внутреннее состояніе Персіи дѣлало вѣроятнымъ приведеніе въ исполненіе основной мысли Петра Великаго—овладѣть всѣми областями Каспійскаго прибрежья. Въ началѣ XVIII вѣка шахомъ персидскимъ былъ Гуссейнъ, человѣкъ безпечный и неспособный къ дѣламъ. Его время въ Персіи есть время всевозможныхъ безпорядковъ и своевластія вельможъ. При немъ жители пограничной съ Индіей области Кандагарской, Авганцы, народъ гордый и воинственный, возстали подъ начальствомъ Миръ-Вейза, человѣка храбраго, проныривого и предпріимчиваго, который, умертвивъ правителя Кандагарской области Джурджи-Хана, овла-

* Архивъ Воен. Топогр. Отд. Глав. Штаба №№ 48.139—201.

Digitized by Google

дѣлъ Кандагаромъ и сдѣлался совершенно независимымъ. Находясь въ критическомъ положеніи, шахъ Гуссейнъ просилъ немедленной помощи у двухъ владѣтелей Дагестана Шамхала и Усмея (вассаловъ Персіи), которые и отправили къ нему на помощь войско подъ начальствомъ хана Казыкумыкскаго Сурхая. Въ Ширвани къ Сурхаю присоединился, подъ предлогомъ заслужить себѣ прощеніе службой хану, атаманъ разбойниковъ Даудъ-Бегъ, съ шайкой въ 1.000 человѣкъ. Тайный агентъ Турціи, Даудъ-Бегъ, склонилъ Сурхая къ мятежу, подъ предлогомъ освобожденія истинныхъ магометанъ (жители Дагестана и Ширвани—сунниты и единовѣрны съ Турками, тогда какъ Персы принадлежатъ къ шіитамъ или сектѣ Аліевой) отъ власти отступниковъ. Силы ихъ быстро возросли, они взяли Шемаху, умертвили областнаго хана, вырѣзали алитовъ и многихъ находившихся тамъ русскихъ купцовъ (1713 г.). Петръ Великій потребовалъ удовлетворенія отъ Персидскаго двора, а 27-го іюля 1715 года, отправилъ посломъ въ Персію Артемія Волынскаго, давъ ему подробную инструкцію, въ которой предписывалось не только возстановленіе торговыхъ связей и покровительство русскимъ купцамъ, но и самое подробное ознакомленіе съ политическимъ положеніемъ Персіи. Вскорѣ по прибытіи Волынскаго (1717 г.) сынъ Миръ-Вейза, Миръ-Махмудъ, возымѣлъ мысль низвергнуть съ престола самого шаха. Въ письмѣ къ государю, Волынскій указывалъ на слабость Персіи и сдѣлалъ предложеніе прямо заселить русскими войсками южный берегъ Каспійскаго моря, ибо безъ этого, по его мнѣнію, имъ непремѣнно бы завладѣли Авганцы, и что *занятія прикаспійскихъ областей Русскими желаетъ, отчасти, и самъ шахъ, тревожимый бунтовщиками.* Это предложеніе вполнѣ согласовалось съ предначертаніями Государя, и онъ занялся, со свойственною ему одному энергіей, приготовленіемъ къ походу. Въ самомъ началѣ 1719 года онъ послалъ поручика флота фонъ-Вердена описать морскіе берега, гавани и рѣки отъ устья Волги и направо до Астрабада. Восточный берегъ Каспійскаго моря былъ описанъ еще въ 1716 и 1718 годахъ поручиками Кожинымъ и княземъ Урусовымъ *. Въ то же время капи-

* Журналъ или подневная записка Петра Великаго, стр. 71. Полн. Собр. Законовъ т. V, стр. 198 и 549, объ описи пути водянаго въ Индію и объ осмотрѣ протока Аму-Дарьи. Голиковъ т. VI, стр. 80.

Digitized by Google

танъ Баскаковъ былъ посланъ сухимъ путемъ черезъ Астрахань, Терки, Баку и Шемаху въ Персію и долженъ былъ составить военно-статистическій обзоръ береговаго пространства западной части Каспійскаго моря. Въ послѣдствіи этимъ путемъ шла часть арміи (казаки и кавалерія).

Между тѣмъ Миръ-Махмудъ, пользуясь измѣной Сурхая и Даудъ-Бега, одерживалъ успѣхъ за успѣхомъ и въ 1720 году двинулся съ 15.000 Авганцевъ изъ Кандагара, усилился на пути до 60.000 и осадилъ Гуссейна въ его столицѣ. Сынъ Гуссейна Тахмасъ, объявленный командующимъ персидскими войсками, едва успѣлъ бѣжать изъ Испагани.

Таковы были обстоятельства, когда Петръ объявилъ, что введетъ свои войска въ Дагестанъ и Ширвань для наказанія бунтовщиковъ и освобожденія отъ нихъ Персидскаго государства. Тогда Сурхай-ханъ. и Даубъ-Бегъ просили покровительства Турціи, которая и приняла ихъ подъ свою защиту и уже готовилась овладѣть Ширванью.

Съ 1721 года начались дѣятельныя приготовленія къ походу. По всему поволжью шла постройка судовъ, для перевозки десанта на персидскую землю. Готовясь къ войнѣ, Петръ принималъ шертныя грамоты отъ горскихъ князей, для чего прежде посылалъ на Кавказъ Бековича, а въ 1720 году, дворянина Погожева, при чемъ не только Кабарда, но и владѣльцы Тарковскій и Кумыкскій присылали шерти и высказывали чувства преданности письменно. Только Турція могла остановить успѣхи Россіи, но предусмотрительный государь, 5-го ноября 1720 года, заключилъ въ Константинополѣ трактатъ вѣчнаго мира съ Турціей, въ которомъ подтверждалъ всѣ прежде заключенныя съ нею условія. Самую кампанію государь предпринялъ ранѣе чѣмъ предполагалъ, желая занятіемъ Ширвани предупредить Турокъ и тѣмъ отнять у нихъ поводъ вмѣшаться въ дѣла, подъ предлогомъ занятія русскими войсками территоріи, находящейся подъ ея покровительствомъ. Изъ писемъ государя видно, что Турція не разъ была близка къ вмѣшательству въ войну.

Предавая печати драгоцѣнный матеріалъ: подлинныя, частію собственноручныя, письма Петра Великаго къ генералу Матюшкину, главнокомандовавшему въ персидской войнѣ, мы считаемъ необходимымъ предпослать имъ другой любопытный документъ, описаніе этой войны, составленное при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1779 году. Подлинникъ его хранится въ

Digitized by Google

архивѣ Военно-топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба; при немъ приложены карта Каспійскаго моря и планы городовъ и укрѣпленій бывшихъ занятыми русскими войсками. Описаніе это составлялось въ то время, когда еще находились въ живыхъ свидѣтели и личные участники персидскихъ походовъ. Многія подробности, чрезвычайно интересныя для историка и безпрестанно встрѣчающіяся въ этомъ описаніи, не встрѣчаются ни въ одномъ изъ другихъ извѣстныхъ матеріаловъ и описаній персидскихъ войнъ времени Петра Великаго.

Digitized by Google

Описаніе похода государя императора Петра Великаго къ лежащимъ при Каспійскомъ морѣ персидскимъ провинціямъ.

1 §. Въ 1722 году мая 15-го дня отправился государь императоръ изъ Москвы въ путь, въ провожаніи императрицы его супруги, ѣзда продолжалась по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ до Нижняго-Новаграда на стругѣ, Москворѣцкомъ называемомъ, а потомъ государь 27-го мая въ Казань прибылъ, іюня 15-го въ Астрахань, и по прибытіи немедленно повелѣно публиковать на разныхъ азіятскихъ языкахъ манифестъ, то-есть на татарскомъ, турецкомъ и персидскомъ, и разослать тѣхъ мѣстъ по всѣмъ окрестностямъ, для показанія причинъ сего военнаго похода всѣмъ народамъ.

Болѣе мѣсяца продолжалось покудова приготовлялись, и сдѣлано распоряженіе всѣмъ судамъ на которыхъ надлежало въ Каспійское море отправится. Нѣкоторые писатели и считали 442 судна, а отъ самого императора, въ присланной реляціи, число полагалось только 274, можетъ-быть потому, что его величество не включилъ тѣхъ лодокъ въ число морскихъ судовъ, коихъ не малое количество употреблено было, чтобы пѣхоту, артилерію, аммуницію и весь воинскій запасъ вести водою. Конница-жъ отправлена изъ Царицына сухимъ путемъ; тожъ и два корпуса донскихъ и малороссійскихъ казаковъ шли степью и горами. Государь императоръ для себя избралъ къ сему походу корабельный ботъ, которымъ управлялъ и при немъ находился поручикъ Золотаревъ.

Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ командовалъ надъ всѣмъ флотомъ; ему опредѣленъ былъ гуперъ *Принцесса Анна* называемый; при немъ находился лейтенантъ Соймоновъ, а прочіе знатные генералы имѣли особливыя суда.

Іюля 18-го дня отправился весь флотъ изъ Астрахани, и того дня не далѣе могли дойдти какъ до Иванчука, рыбнаго заколa Сергіево-Троицкаго монастыря, лежащаго въ 30-ти верстахъ отъ Астрахани, гдѣ большія суда стали на якорѣ, и малыя пристали къ берегу. Іюля 19-го дня, по утру, въ началѣ 8-го часа, по данному сигналу, наши пошли далѣе и около полудня прошли послѣдній учугъ, а оттуда, къ вечеру, къ Ярковскому устью. Сію ночь стояли еще на рѣкѣ. На 3-й день, то-есть 21-го іюля, пошли въ море и стали на якорях у острова Четыре бугра называемаго. На семъ мѣстѣ, 22-го числа, у генерала-адмирала на гуперѣ, въ присутствіи государя императора, былъ совѣтъ, на которомъ опредѣлено слѣдующее: 1) если погодою суда разнесетъ, то собираться имъ къ

Digitized by Google

устью рѣки Терека. 2) Государю императору положено командовать на корабельномъ своемъ ботѣ авангардіею. Всѣмъ малымъ весельнымъ судамъ, особливо Москворѣцкому стругу и островскимъ лодкамъ, слѣдовать за его величествомъ вдоль подлѣ береговъ. 3) Всѣмъ ластовымъ судамъ подъ командою капитана фонъ-Вердена идти прямо къ острову Чеченю и тамъ ожидать указа. 4) Гуперу и двумъ шнавамъ, на коихъ были графъ Толстой и князь Кантемиръ, ѣхать подлѣ береговъ такъ близко какъ глубина дозволитъ. Того же дня, въ 3-мъ часу по полудни, пошелъ весь флотъ, при тихомъ сѣверномъ вѣтрѣ, далѣе въ море. Корабельный ботъ, на которомъ государь присутствовать изволилъ, и слѣдующія за онымъ островскія лодки видны были въ маломъ отдаленіи, къ вечеру въ исходѣ 9-го числа насталъ южно-западный вѣтръ и слѣдовательно противный, съ перемѣннымъ порывомъ; для того приказалъ генералъ-адмиралъ дать сигналъ къ бросанію якорей; чрезъ часъ сталъ вѣтръ паки благополучный,—новый данъ сигналъ къ продолженію пути, но островскія лодки, онаго не слышавъ, стояли до слѣдующаго утра на якоряхъ. Во время ночи гуперъ и шнавы отдалились нѣсколько отъ берега. Какъ скоро день насталъ 22-го числа, то старались опять къ оному приближится, но уже былъ полдень, когда императорскій ботъ сталъ у нихъ въ виду. Онъ стоялъ на якорѣ подъ мысомъ 12 колковъ. Пополудни около 4-хъ часовъ подошли они къ боту весьма близко, а слѣдующаго утра 23-го дня повелѣлъ государь на своемъ ботѣ якорь поднять, и направилъ путь свой прямо къ устью рѣки Терека, куда его величество того же дня и прибылъ, но генералу-адмиралу и двумъ шнавамъ надлежало прежде буктироваться вокругъ мыса 12-ти колковъ и для того они такъ скоро за государевымъ ботомъ слѣдовать не могли. Сверхъ того императорской ботъ шелъ скорѣе нежели ихъ суда. По симъ причинамъ были они принуждены переночевать у острова Чеченя за пять миль отъ устья рѣки Терека.

Между тѣмъ временемъ государь императоръ ѣздилъ на шлюпкѣ по городу Терки. Положеніе сего города нашелъ въ самомъ низкомъ и болотномъ, слѣдственно и здоровью вреднокомъ для гарнизона, мѣстѣ. Городокъ стоялъ на маломъ острову, между протоками рѣки Терека, и вокругъ онаго росъ одинъ только камышъ, для чего тогда мысли великаго монарха были тѣмъ только заняты чтобъ положеніе Терки перемѣнить и войска гдѣ наиспособнѣе мѣсто обыскано будетъ на берегъ высадить; для того государь и привезъ съ собою двухъ казаковъ изъ того города, которые бы могли показать къ тому удобное мѣсто.

2 §. 24, 25 и 26-го числъ избираемы были мѣста, гдѣбъ можно было сдѣлать удобной десантъ въ Астраханскомъ заливѣ, и сіе поручено было лейтенанту Соймонову, а 27-го числа день былъ достопамятной побѣды, одержанной въ

Digitized by Google

1714 году при Гангутѣ надъ шведскою эскадрою. Въ тотъ день погода была ясная, съ тихимъ сѣвернымъ вѣтромъ, чего для генералъ-адмиралъ приказалъ рано поутру приготовиться къ продолженію пути, но Государь въ то же время прибылъ на шлюпкѣ и приказалъ на нѣкоторое время обождать для отправленія благодарнаго молебна; къ тому избрано для пространности судно Его Величества, но какъ еще было рано отправлять молебенъ, то между тѣмъ желалъ государь осмотрѣть берегъ, въ томъ мнѣніи, что они уже на томъ мѣстѣ, гдѣ десантъ учинить можно. Соймонову повелѣно показать дорогу, но какъ государь приказалъ прямо править къ берегу, то подумалъ Соймоновъ, что намѣреніе его величества выйдти, и для того принужденъ сказать, что то мѣсто, гдѣ пристать можно, еще нѣсколько далѣе впереди. Потомъ государь повелѣлъ ѣхать подлѣ берега, а Соймоновъ сталъ на носу шлюпки дабы тѣмъ лучше усмотрѣть мѣсто, итакъ Соймоновъ, будучи въ замѣшательствѣ, самымъ дѣломъ онаго узнать не могъ гдѣ имъ пристать надлежало, по причинѣ что высокой камышъ, подлѣ котораго очень близко ѣхали, закрывалъ берегъ, почему онъ и слѣдовалъ на удачу. Государь не могъ далѣе терпѣливо продолжать сей ѣзды, наконецъ открылась прогала между камышемъ и за онымъ сухой берегъ, то и повелѣно тутъ быть десанту. Не зналъ про то что настоящее мѣсто Соймоновымъ избранное, какъ то онъ послѣ узналъ, отстояло еще больше впереди полуверсты. Государь императоръ нетерпѣливо имѣлъ желаніе выйдти на берегъ, но за мелкостію воды не можно было ближе какъ на пять сажень подойти къ берегу шлюпкѣ, чего ради повелѣлъ Его Величество четыремъ гребцамъ нести себя на доскѣ на берегъ; гребцы шли въ водѣ по поясъ, а Соймоновъ шелъ подлѣ Государя, поддерживая его для лучшей безопасности, при чемъ имѣли гребцы заряженныя ружья. Въ разстояніи берега отъ 200 до 400 сажень усмотрѣны песчаные бугры, Государь взошелъ на одинъ изъ оныхъ, откуда по другой сторонѣ видно было открытое море. Тотчасъ избралъ Государь мѣсто на которомъ бы стоять войску лагеремъ; тогда же пришла и другая шлюпка съ квартирмейстеромъ Карчминымъ, которому отъ Государя было приказано за нимъ слѣдовать для показанія мѣста подъ лагерь гвардіи, а потомъ пріѣхали еще въ особливой шлюпкѣ губернаторъ Волынской и кабинетъ-секретарь Макаровъ, для свѣданія, не имѣетъ ли Государь чего повелѣть; между тѣмъ гребцы нашли въ камышѣ татарскую лодку, въ которой лежала мачта; возвратившись къ берегу, Государь указалъ лейтенанту Соймонову, поставить на берегу сію мачту для примѣты флоту сего мѣста, а потомъ въ шлюпкѣ губернаторской ѣхать ему обратно къ флоту съ повелѣніемъ къ генералу-адмиралу чтобъ отправить молебенъ и по окончаніи онаго учинить на всѣхъ судахъ бѣглый огонь, а послѣ того идти всѣмъ флотомъ и стать у сего мѣста на якорь;

Digitized by Google

по сему все точно и исполнено. Того жъ числа Государь Императоръ вышелъ на берегъ и по данному сигналу чинился выходъ. Со всѣхъ судовъ съ большихъ перевозились на шлюпкахъ, а островскія лодки такъ близко сколько можно было подходили сами къ берегу, чрезъ то камышъ вездѣ поломанъ и съ водою сравненъ, и такимъ образомъ весь берегъ открылся; генералъ-квартирмейстеръ Карчминъ показалъ каждому полку мѣсто подъ лагерь, и слѣдующаго дня поставили палатки. Сей лагерь проименованъ Астраханскимъ ретраншаментомъ, потому что Государь приказалъ за нужное чтобъ укрѣпить оный валомъ, дабы войска были въ безопасности отъ нечаяннаго непріятельскаго нападенія. Болѣе недѣли прошло, покудова совсѣмъ сдѣланы потребныя пріуготовленія для предпріятія намѣреннаго похода, о чемъ ниже сего объяснено, къ чему требовались лошади, коихъ сухимъ путемъ ожидали съ конницею; но сія претерпѣла дорогою великую нужду, по недостатку въ степи воды и фуража, да при вступленіи ея въ Дагестанъ случилось отъ жителей деревни Андреевой нечаянное сопротивленіе, о чемъ въ 3 § подробно описано, и симъ причинено всему походу не малое затрудненіе.

3 §. Между симъ временемъ Государь повелѣлъ послать около лежащія мѣста осмотрѣть и сыскать переправу чрезъ рѣку Сулакъ, также островскія малыя лодки привесть въ безопасность дабы ихъ на возвратномъ пути употребить было можно. Въ то же время какъ сіе происходило, пришелъ Терскій казакъ курьеромъ отъ бригадира Ветерани съ извѣстіемъ о претерпѣнномъ близъ Андреевой уронѣ, о которомъ Государь тѣмъ больше сожалѣлъ, что сей причиненной проступокъ послѣдовалъ отъ него бригадира; онъ былъ отправленъ отъ генерала-маіора Кропотова съ четырьмя полками драгунъ для взятія укрѣпленной деревни Андреевой, о коей губернаторъ Волынской обнадеживалъ, что жители противится не будутъ, но какъ 23-го іюля въ близости деревни онъ шелъ узкою дорогой, то вдругъ и нечаянно, съ высокихъ мѣстъ изъ лѣсу, встрѣтили его стрѣлами и ядрами такъ жестоко, что нѣсколько изъ его войскъ были побиты, и его проступка еще умножена болѣе, что онъ медлилъ въ узкомъ проходѣ и думалъ противиться непріятелю, у котораго вся сила была скрыта, и еслибы онъ, не останавливаясь, устремился на деревню, тогда бы не претерпѣлъ такого урона. Потомъ полковникъ Наумовъ, согласясь съ прочими офицерами, самъ съ командою тотчасъ овладѣлъ деревней и претерпѣнный уронъ храбро отмстилъ, однако съ нашей стороны побитыхъ было не больше 80 человѣкъ драгунъ, за то знатная добыча получена, и вся деревня превращена въ пепелъ. Государь императоръ послалъ лейтенанта Соймонова, съ 12-ю персидскими казаками, къ рѣкѣ Сулакъ для осмотра не можно ли гдѣ обыскать мѣсто, чтобы чрезъ оную переправится на лошадяхъ въ

Digitized by Google

бродъ. Сулакъ есть рукавъ рѣки Аграхани и впадаетъ въ Каспійское море; отъ Аграханскаго ретраншамента до устья рѣки Сулака считается 20 верстъ разстоянія. Всеобщее примѣчаніе, что рѣки при ихъ устьяхъ отъ наноснаго песку съ моря бываютъ мелки, произвело въ государѣ мнѣніе, что такое можетъ быть у рѣки Сулакъ, итакъ, хотя надобно будетъ переправлять войска на плотахъ, однако для обозу сдѣлается облегченіе. Сіе приказано было Соймонову точно осмотрѣть; онъ нашелъ устье дѣйствительно отъ береговъ мелкихъ и грунтъ крѣпкой, но какъ на средину рѣки пришолъ, то такъ стало иловато и вязко, что съ немалымъ трудомъ лошади могли выбится, итакъ совсѣмъ миновала надежда о полученіи желаемаго успѣха, а вмѣсто того болѣе старанія приложено о плотахъ, кои по обыкновенному манеру канатомъ съ берега на берегъ перетягиваются. Слѣдующаго дня заведены были всѣ островскія лодки позадь острова Ракушечнаго I и Соймоновымъ поставлены, по данному отъ государя приказанію; 300 человѣкъ малороссійскихъ казаковъ остались на оныхъ для караула, чтобъ ихъ обезопасить. Между тѣмъ прибывала конница драгунъ и козаки сухимъ путемъ къ рѣкѣ Сулаку и съ ними лошади для войска состоящаго въ ретраншаментѣ, которые отправлены были порожжіе изъ Астрахани чрезъ степь въ Терки, а оттуда шли они подъ конвоемъ драгунъ, и, по ихъ изнуренію, принуждено было дать имъ отдыхъ, къ чему очень была пригодна хорошая паства при рѣкахъ Сулакѣ и Аграханѣ. Въ ретраншаментѣ оставлено для гарнизону 200 человѣкъ регулярнаго войска да 1.000 казаковъ, подъ командою полковника Маслова. Все прочее войско слѣдовало за Государемъ. Когда изволилъ 5-го числа вступить въ походъ подъ Дербентъ, то суда въ Аграханскомъ заливѣ стоящіе повелѣлъ государь генералу-адмиралу поручить лейтенанту Соймонову чтобъ съ оными идти къ острову Чечню, и тамъ соединясь съ командиромъ всѣхъ ластовыхъ судовъ, капитаномъ фонъ-Верденомъ, слѣдовать къ Дербенту. Соймоновъ и прочіе отъ флота офицеры провождали нѣсколько генерала-адмирала. Въ семъ походѣ государь императоръ изволилъ верхомъ ѣхать предъ гвардіею. Генералъ-адмиралъ и весь генералитетъ также присутствовали близь Государя. Все сіе происходило въ наилучшемъ порядкѣ. Морскіе офицеры, получа отъ Государя отпускъ и повелѣніе, отправились на свои суда, и запастись слѣдующаго утра прѣсною водой поѣхали въ путь свой. Къ вечеру, въ 7 часу, находились они у острова Чечня; капитанъ фонъ-Верденъ принялъ надъ всѣми судами команду, по полученному съ лейтенантомъ Соймоновымъ указу, готовился къ отъѣзду. Нѣсколько дней прошло въ семъ пріуготовленіи, чѣмъ они и сдѣлали пріуспѣшность къ скорѣйшему переѣзду въ Дербентъ, и всѣ суда въ полтора дни перешли имѣя вѣтръ и погоду весьма способные. Авгу-

Digitized by Google

ста 6-го числа прибылъ Государь съ арміею къ рѣкѣ Сулаку, чрезъ которую надлежало переправляться на плотахъ и врамахъ, переправа чинилась въ слѣдующіе два дни. Султанъ Махмутъ изъ Аксая, отправленный отъ шамхала Абдулгирея изъ Тарку посланникъ, представлены Государю на аудіенцію, на которой проздравляли Его Величество съ благополучнымъ прибытіемъ, и по его повелѣніямъ обѣщали всякое послушаніе.

Султанъ Махмудъ подарилъ Государю шесть изрядныхъ персидскихъ лошадей и сто быковъ на содержаніе войска. Отправленной отъ шамхала посланникъ привелъ 600 быковъ въ телѣги запряженныхъ для перевозу провіанта, 150 быковъ, на пищу войску, и трехъ изрядныхъ персидскихъ коней, изъ коихъ на одномъ было богатое серебромъ обложенное сѣдло и золотомъ украшенная узда; какъ султанъ, такъ и шамхалъ были давно склонны къ россійскому интересу: первый потому, что его земля находится въ близости отъ города Терки, чего ради онъ имѣлъ пользу отъ содержанія дружбы, а другой получилъ княжеское свое достоинство помощію Россійскаго двора и для того, въ случаѣ упорства, опасаться ему надлежало, чтобъ онаго не лишиться.

4 §. Августа 11-го дня армія выступила въ походъ отъ рѣки Сулака. Хотя многія находятся рѣчки изъ горъ въ море текущія, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, воды не достаетъ, чего ради шамхалъ приказалъ тамъ рыть колодцы, въ коихъ оказывалась только малая и мутная вода. 12-го числа переднее войско приближалось къ городу Тарку; тогда шамхалъ самъ встрѣтилъ государя императора и проводилъ его въ назначенный у города лагерь. Въ продолженіи трехъ дней армія вся собралась къ сему для сбора назначенному мѣсту; нѣкоторые депутаты отъ наиба, или коменданта города Дербента, пришли въ Тарку и засвидѣтельствовали государю свое обрадованіе о его прибытіи и что его величества покровительствомъ пользоваться имѣютъ. Султанъ, яко главный повелитель тамошняго мѣста и окольныхъ дистриктовъ, выѣхалъ изъ Дербента для великой опасности отъ Даудъ-Бега и Сурхая Казы-Кумыкскаго, кои, въ минувшемъ 1721 году, овладѣли городомъ Шамахой и оный пазграбили, итакъ ему предложенное отъ государя защищеріе было нужно, потому что ему ожидать было нечего отъ персидскаго правленія, изъ Испагана, приведеннаго весною сего 722 года Миръ-Махмудомъ, Миръ-Вейса сыномъ, въ крайнее безсиліе. Государь императоръ послалъ въ Дербентъ полковника Наумова съ однимъ поручикомъ и 12 донскими казаками, чтобъ утвердить наиба въ его добромъ мнѣніи и договорится съ нимъ о пріемѣ его величества. Наумовъ прибылъ въ Дербентъ въ то самое время когда капитанъ фонъ-Верденъ показался предъ городомъ съ транспортными и прочими судами. Опасность тамошней рейды отъ всѣхъ вѣтровъ и притомъ худой грунтъ для якорей извѣстны

Digitized by Google

были морскимъ офицерамъ, но они, не зная ничего о Наумовѣ и не чая толь скораго императорскаго прибытія, согласились ѣхать двѣ мили далѣе въ южную сторону къ устью рѣки Милупентія, гдѣ грунтъ для якорей гораздо лучше, и остаться тамъ до указу, но тогда послалъ полковникъ Наумовъ къ командиру флота и приказалъ его просить къ себѣ въ городъ, потому что имѣетъ съ нимъ говорить о нужныхъ дѣлахъ; фонъ-Верденъ, будучи тогда боленъ, послалъ вмѣсто себя лейтенанта Соймонова, надобность состояла въ томъ. Наумовъ согласился съ наибомъ, чтобъ у двоихъ городскихъ воротъ, у сѣверныхъ и у морскихъ, поставить россійскій караулъ, дабы жители, отъ которыхъ наибъ былъ небезопасенъ, не могли препятствовать къ шествію государя императора. Понеже при немъ мало было людей, то хотѣлъ онъ, чтобы пріѣхали къ нему съ судовъ нѣсколько человѣкъ, безъ коихъ тамъ обойтиться можно; на судахъ были два капральства драгунъ, кои тотчасъ въ городъ пришли и поставлены у городскихъ воротъ. Имамъ Кулибегъ, сіе было имя наиба, показалъ себя Наумову и Соймонову весьма благосклоннымъ, онъ подчивалъ ихъ великолѣпно, и морскимъ служителямъ было вольно всякій день приходить въ городъ и запасаться всякими потребностями; для того и тѣ суда, на которыхъ они прибыли, оставались на то время подъ Дербентомъ, но они имѣли и то счастіе, что не случилось сильныхъ вѣтровъ кои бы имъ вредить могли. Между тѣмъ наша армія, выступя 16-го августа изъ Тарку, претерпѣла нѣкоторый вредъ отъ невѣрности тамошнихъ двухъ владѣльцевъ султана Махмуда изъ Утемиша и Усмея Хайтакскаго, кои хотя послу Волынскому оказывали всякое доброжелательство, но когда дошло до самаго дѣла, то совсѣмъ противное тому доказали. Августа 18-го дня, прошедши провинцію Боннапъ, прибылъ государь на то мѣсто гдѣ земля Утемижъ граничитъ съ Хайтаками; послано было нѣсколько казаковъ для осмотрѣнія и развѣдыванія той земли, сіи возвратились съ такимъ извѣстіемъ, что жители хотя и не оказывали неудовольствія отъ прибытія россійскихъ войскъ, однако не дозволяли къ нимъ подходить близко, да и нѣкоторые по нихъ стрѣляли. Для сего было опредѣлено, чтобы 19-го числа остаться на мѣстѣ и лошадямъ дать отдыхъ; того же дня поутру послали есаула казацкаго съ тремя человѣками въ мѣстечко Утемижъ для отнесенія султану письма отъ генерала-адмирала и для объявленія ему, чтобъ онъ либо самъ былъ или бы прислалъ депутатовъ въ лагерь, для принятія повелѣнія отъ его императорскаго величества. Вмѣсто того чтобы на то изъясниться, приказалъ султанъ Махмудъ есаула и казаковъ изрубить безчеловѣчнымъ образомъ; онъ уповалъ, что собранные его изъ двухъ областей войска, состоящіе въ 16.000 человѣкъ, довольно воспротивиться могутъ противъ россійской арміи, а болѣе потому, что онъ намѣреніе имѣлъ нача-

Digitized by Google

явное учинить нападеніе, но исполнить не могъ, и въ началѣ 4-го часа пополудни отводные караулы усмотрѣли ихъ приближающихся, они нападая на россійскіе войска, бились запальчиво и долго стояли въ сраженіи, ибо сначала не можно было противъ ихъ поставить довольную силу, но какъ скоро сіе исполнить было возможно, то совсѣмъ непріятель въ бѣгъ обратился; однако гнались за нимъ 20 верстъ до султанской резиденціи, которая есть то же мѣстечко Утемижъ, и сіе мѣстечко, изъ 500 домовъ состоящее, тогда нашими войсками разграблено и въ пепелъ превращено, то же сдѣлали и съ шестью деревнями. Число побитыхъ непріятелей простиралось до 1.000 человѣкъ а полученная добыча скота до 7.000 быковъ и до 4.000 барановъ. Сей случай причинилъ, что армія не прежде 21-го числа могла выступить въ походъ, 22-го числа стали лагеремъ при рѣчкѣ Дарбахъ, а 23-го воспослѣдовало вшествіе его величества въ Дербентъ. Наибъ съ великою свитой знатнѣйшихъ жителей встрѣтилъ государя за версту отъ города, и падши на колѣни, поднесъ его величеству два серебряные ключа отъ городскихъ воротъ; регулярное пѣхотное войско, протедъ чрезъ городъ, поставлено лагеремъ; а конница, драгуны и казаки, для лучшихъ кормовъ расположена при рѣчкѣ Милупентіи въ пяти верстахъ отъ устья оной. Тогда получилъ капитанъ фонъ-Верденъ указъ идти съ судами къ устью рѣки Милупентіи и послѣ стать на якоряхъ, а лейтенантъ Лукинъ посланъ былъ на шнавѣ въ Баку, чтобы склонить жителей къ послушанію; между тѣмъ, къ несчастію, сдѣлался не малой уронъ въ выгрузкѣ изъ транспортныхъ судовъ провіанта, который состоялъ подъ прикрытіемъ капитана фонъ-Вердена при устьѣ рѣки Милупентіи, изъ 12 нагруженныхъ мукою ластовыхъ судовъ, изъ коихъ надлежало муку выгрузить, печь хлѣбы и сушить сухари для продолженія похода; надъ симъ поручено смотрѣніе бригадиру Левашеву, который имѣлъ у себя въ командѣ 4.000 человѣкъ солдатъ. Но за ночь предъ выгрузкою возсталъ съ сѣвера жестокій вѣтръ, отъ котораго ластовыя суда течь начали; они держались до полудни, воду выливали всѣми силами, наконецъ какъ течь умножилась и къ выливанію воды силъ больше не доставало, то не было уже другаго средства какъ отрубить якоря и пуститься къ берегу и посадить суда на мель. Одно судно послѣдовало за другимъ и въ два часа всѣ 12 судовъ на мель сѣли легко. Можно себѣ представить, что тутъ много муки подмокло и попортилось, хотя его и легче было выгрузить по причинѣ, что суда близь берегу лежали; и по выгрузкѣ всего провіанта суда были разломаны и дрова употреблены на печеніе хлѣба. Ожидали еще капитана Вильбоа, которому поручено 30 провіантомъ нагруженныхъ судовъ привести изъ Астрахани, но то время, въ которое быть ему надлежало, уже прошло; думали, что онъ къ Низабату проѣхалъ, потому что, можетъ-быть, онъ себѣ воображалъ, что

Digitized by Google

армія не пробудетъ такъ долго въ Дербентѣ, или что способнѣе въ Низабатѣ приставать къ берегу. Соймоновъ посланъ былъ по приказу генералъ-адмирала о томъ навѣдаться. Въ одинъ день доѣхалъ онъ до Низабата, потому что сіе мѣсто только 9 миль отстоитъ отъ Дербента. Въ то же время пришло извѣстіе отъ капитана Вильбоа, что онъ прибылъ съ ластовыми судами только въ Аграханскій заливъ, а далѣе идти опасается, потому что суда въ худомъ состояніи, и трудно на нихъ будетъ ѣхать по открытому морю. Сіе побудило государя принять другія мѣры; по приказу его собранъ былъ военный совѣтъ, въ которомъ разсуждали, что войску не станетъ больше провіанту какъ на одинъ мѣсяцъ, чего ради и принято намѣреніе походъ нынѣ отмѣнить, и поставя гарнизонъ въ Дербентѣ, возвратиться въ Астрахань.

5 §. Во время приготовленія къ возвратному походу посланъ капитанъ-лейтенантъ Бернардъ на шнавѣ и на другой день лейтенантъ Соймоновъ на обыкновенномъ своемъ гуперѣ на встрѣчу капитану Вильбоа, чтобъ его увѣдомить о семъ намѣреніи. Тогда уже не нужно было чтобъ Вильбоа пошелъ съ худыми судами въ море; паче того если онъ ѣзду уже началъ, то повелѣно ему возвратиться къ аграханскому ретраншаменту, дабы тамъ войско на возвратномъ своемъ пути могло у него запастись провіантомъ. Между тѣмъ опасался Вильбоа, чтобъ войско въ Дербентѣ не претерпѣло недостатку въ провіантѣ, для того хотѣлъ онъ еще испытать не доведетъ ли туда ластовыхъ судовъ, но какъ только онъ выступилъ на открытое море, то возсталъ жестокій штурмъ съ юга, отъ котораго всѣ суда съ провіантомъ течь начали, и множеству натекшей воды противиться больше не могли, и никакого другаго не было средства какъ посадить суда на мель, и сіе учинилось у самого конца Аграханскаго мыса. Въ такомъ состояніи Бернардъ и Соймоновъ застали сію эскадру. Легко представить себѣ можно, что оттого двойной уронъ причинился. Однако довольно еще осталось провіанту, чтобы войско для возвратнаго похода и поставленные въ тамошнихъ мѣстахъ гарнизоны удовольствовались. Что касается до сихъ гарнизоновъ, то первый былъ поставленъ въ Дербентѣ, надъ которымъ полковнику Юнкеру поручена была команда; потомъ на возвратномъ походѣ изволилъ государь императоръ при рѣкѣ Сулакѣ, 20 верстъ отъ устья оныя, на томъ мѣстѣ гдѣ рѣка Аграхань отъ оныя отдѣляется, заложить новую крѣпость Святаго Креста называемую, тамъ остались подъ командою подполковника Леонтія Соймонова нѣсколько пѣхоты, драгуновъ и съ корпусомъ казаковъ, которые послѣ отбытія его величества, окончали крѣпостныя строенія. Намѣреніе притомъ такое было, чтобъ сія крѣпость вмѣсто города Терки, для усмотрѣннаго самимъ императоромъ худаго положенія сего мѣста, прикрывала россійскія границы. Положеніе ея было между двумя рѣками Сулакомъ и Аграханомъ, кои уже нѣсколько служили къ ея укрѣпленію. Крѣпостные валы

Digitized by Google

казались важнѣе нежели требовалось въ разсужденіи азіатскаго непріятеля. Впрочемъ, тамошнее мѣсто имѣло по плодородію своему многія превосходства. Потомъ состоялся указъ, чтобы поселить тамъ 1.000 семей казаковъ съ рѣки Дону, оттого произошли по рѣкѣ Аграхану разныя укрѣпленныя селенія, городками называемыя. Казаки отъ слова семья переименовались семейными.

При воспослѣдовавшемъ въ 1736 году оставленіи этой крѣпости, переведены оные казаки на рѣку Терекъ, гдѣ они живутъ между крѣпостью Кизляромъ и гребенскими казаками въ такихъ же городкахъ и съ Гребенскими казаками равное имѣютъ распоряженіе.

6 §. Въ то время, когда государь упражнялся въ заложеніи крѣпости Святаго Креста, тогда приказалъ учинить атаману Краснощекому съ 1.000 человѣками Донскихъ казаковъ и 4.000 Калмыковъ нападенія на жилища Усмея, Утелишскаго султана Махмуда, дабы силою принудить, чтобъ оставилъ свое упорство. Сентября 25-го числа выступилъ Краснощекой въ походъ, и 26-го дня поутру дошелъ непріятельскихъ жилищъ, гдѣ онъ нашелъ, что прежнее отъ акціи осталось, или опять жителями приведено въ состояніе—и все раззорилъ; многіе изъ непріятелей порублены; 350 человѣкъ взято въ полонъ и 11.000 рогатаго скота получено въ добычу, кромѣ что всякихъ вещей и драгоцѣнностей казакамъ досталось. Сентября 30-го числа прибыла сія партія обратно къ арміи; въ самое то время государь императоръ, дошедши съ пѣхотою до устья рѣки Аграхана, отправилъ бригадира князя Барятинскаго съ 4.000 человѣками напередъ къ судамъ, чтобъ ихъ изготовить, и когда все было готово къ отъѣзду, тогда, прибывъ къ аграханскому ретраншементу, отправилъ легкія войска сухимъ путемъ, а самъ государь изволилъ сѣсть на прежній свой ботъ и направилъ путь свой въ Астрахань, куда съ 4-го октября прибылъ благополучнымъ. Но генералъ-адмиралъ и всѣ при немъ находящіяся суда и островскія лодки, отправясь черезъ три дня послѣ государя, вытерпѣли четверодневный ужасный штурмъ, отъ того произошли опасные слухи, кои не мало государя обезпокоили; но сіе миновалось благополучно окончаніемъ возвратно прибывшихъ войскъ. Не приписывая къ сему прежде бывшаго отъ разныхъ случаевъ, послѣдовавшаго въ арміи, урону; но сіе не дѣлаетъ чрезвычайнаго, въ разсужденіи транспортированія чрезъ море войскъ и трудностей похода въ землѣ подъ жаркимъ климатомъ, гдѣ одно изобиліе тамошнихъ плодовъ, необыкновеннымъ ихъ употребленіемъ, великіе пагубы нанесть можетъ войску.

Государь императоръ отправился изъ Астрахани 7-го ноября, а 13-го декабря имѣлъ въ Москву торжественный въѣздъ. На тріумфальныхъ воротахъ надъ проспектомъ города Дербента была на Александра Великаго, яко мнимаго здателя города клонящаяся, и годъ 1722 въ себѣ содержащая надпись.

Digitized by Google

Экспедиція для транспорту вспомогательнаго войска въ Гилянь 1722 года.

Назначенное въ Гилянь войско состояло только изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, надъ которыми государь опредѣлилъ командиромъ полковника Шипова. Капитанъ-лейтенантъ Соймоновъ получилъ указъ, чтобы съ корабельнымъ мастеромъ Пальчиковымъ изыскать такія суда, кои бы къ тому позднѣй ѣздѣ чрезъ море были удобны, и приказалъ стараніе о приготовленіи ихъ имѣть тремъ генералъ-майорамъ и двумъ бригадирамъ, а именно: Матюшкину, князю Юрію Трубецкому, Дмитріеву-Мамонову, Левашеву и князю Барятинскому, которые при томъ такъ ревностно поступили, какъ токмо желать было можно. Въ пять дней, и сіе было 6-го ноября, изготовили суда къ отъѣзду. Государь изволилъ на гуперъ прибыть въ провожаніи генералъ-адмирала тайнаго совѣтника графа Толстаго и генералъ-маіора и гвардіи маіора Дмитріева-Мамонова. Тотъ же часъ приказалъ его величество Соймонову дать сигналъ о походѣ. Какъ уже все было въ движеніи, то возвратился государь въ городъ.

Настоящая морская ѣзда началась 14-го ноября, отъ четырехъ бугровъ прямо къ Апшеронскому полуострову, при чемъ больше ничего не произошло достопамятнаго, какъ то отчасти, что жестокій сѣверный вѣтръ къ скорой ѣздѣ способствовалъ, а отчасти сильнымъ теченіемъ въ морѣ суда прибивало больше нежели думали къ западному берегу и на самомъ ходу влекло ихъ весьма сильно къ югу. Первое примѣтили 16-го числа, увидя городъ Дербентъ въ 4 часу пополудни, когда по счисленію надлежало еще быть имъ на шесть миль отъ онаго, а мысъ у рѣки Самура имѣть; но найдено разстояніе отъ Дербента не больше одной мили къ западу, а мысъ у рѣки Самуры усмотрѣли въ южно-западной сторонѣ. Второе свѣдано на другой день, когда уже подошли къ Апшеронскому полуострову. По счисленію переѣхали они четыре мили въ одинъ часъ, а потому думали, что мысъ Бармакъ еще впереди и въ южно-западной сторонѣ; но сверхъ чаянія увидѣли оной позади себя, въ сѣверо-западной сторонѣ, оттого заключили, что прошедшей ночи больше шести миль въ одинъ часъ переѣхали, что также отъ сильнаго теченія въ морѣ происходило. Какъ 18-го ноября, около полудня, совсѣмъ утишилось, то сталъ Соймоновъ на якорѣ не далеко отъ берега, на 28 саженяхъ глубины; потомъ вошелъ онъ въ проливъ Апшеронскій: можно бы было прямо ѣхать въ Гилянь; но понеже осматриваніе устья рѣки Куры было отъ государя поручено ему, Соймонову, то проѣзжая мимо, не хотѣлъ онъ упустить удобнаго къ тому случая. Ноября, 28-го

Digitized by Google

дня, прибылъ онъ къ устью, а 29-го числа вошелъ въ рѣку со всѣми судами. Отъ рѣки Куры отправлялась ѣзда въ Гилянь, кою и окончили въ краткое время безпрепятственно.

Какъ они вошли въ морской заливъ, или озеро Зинзилiи, то полковникъ Шиповъ послалъ капитана Языкова въ Рящь, чтобы тамошняго визиря и консула Аврамова извѣстилъ о своемъ прибытiи, и требовать, чтобы прислали къ нему лошадей въ Перебазаръ, для перевозки тягостей, чрезъ 8 верстъ до Ряща, послѣ сего поспѣшалъ съ судами войдти въ устье рѣки Перебазара и занять, лежащее нѣсколько верстъ въ верхъ по оной, мѣстечко, того же имени. О семъ подлежало предупредить визиря, который также въ Перебазарѣ засѣсть намѣрился; ибо нигдѣ индѣ пристать было не можно, для низкихъ и болотныхъ мѣстъ, со всѣхъ сторонъ озеро Зинзилiи окружающихъ и вездѣ камышомъ заросшихъ. Одно токмо тамъ есть способное и жилое мѣсто—Перебазаръ. Еслибъ напередъ визирь занялъ войсками своими для пристанища, надлежало употребить противъ его силу, что было бы непристойно учинить вспомогательному войску. А теперь уже когда бы захотѣлъ онъ имѣть сiе мѣсто въ своей власти, то и не зналъ, начинать ли непрiятельскiя дѣйствiя, или нѣтъ. Итакъ стали суда на якоряхъ, въ устьѣ рѣки Перебазара, а двѣ роты солдатъ пошли на шлюбкахъ и лодкахъ къ оному мѣстечку. А какъ еще больше требовалось людей, провiанту, оружiя, аммунiцiи и пушекъ, то все перевезено въ Перебазаръ на гуперѣ и на большомъ корабельномъ ботѣ, хотя весьма трудно было тянуть суда, по многому камышу, противъ воды; однако выгрузили нѣсколько пушекъ на берегъ и сдѣлали окопъ. И то все окончено въ два дни. При томъ же съ находящимися въ устьѣ рѣки судами содержали безпрерывную коммуникацiю. Визирь сiе слышавъ, приказалъ въ Рящѣ приготовить нѣсколько пушекъ, которыя хотѣлъ употребить къ защищенiю себя и города. Но вскорѣ потомъ одумался и желалъ знать: „дѣйствительно ли отправленъ полковникъ отъ самого императора, и есть ли собственно его величества указъ о вступленiи его для защищенiя Гиляни отъ бунтовщиковъ. Ибо если сiе подлинно на такомъ основанiи то ему легче будетъ въ томъ отвѣтствовать предъ своимъ государемъ, что онъ пустилъ россiйское войско въ Рящѣ.“ Какъ о семъ увѣдомился полковникъ чрезъ консула, то больше не было нужды, какъ позвать визиря въ Перебазаръ для сего увѣренiя. Онъ пріѣхалъ въ великолѣпномъ статѣ, состоящемъ изъ 200 человѣкъ его свиты. Полковникъ поставилъ, яко бы ему въ честь, 200 человѣкъ солдатъ въ строй съ заряженными ружьями, и все сiе происходило подружески. Полковникъ самъ объявилъ о своемъ прибытiи по указу императорскому, и самый тотъ указъ показалъ визирю, который, принявъ его, поцѣловалъ съ великимъ почтенiемъ и возвысилъ надъ своею головой. Потомъ согласено о полковничьемъ въ Рящъ вступ-

Digitized by Google

ленiи. Въ Рящѣ былъ каменной четвероугольной караванъ-сарай, или россiйскiй торговый домъ. Россiяне обыкновенно тамъ жили и продавали свои товары. У онаго были двои ворота, и посреди двора колодезь. Сей торговый домъ состоялъ на концѣ города. Съ городской стороны была предъ нимъ широкая площадь, а съ другой большой лугъ. Оной караванъ-сарай подобенъ былъ замку и удобно, безъ дальняго затрудненiя, укрѣпленъ быть могъ. Въ семъ мѣстѣ полковнику съ его войскомъ отведена квартира, каковой ему, для своей безопасности, лучше желать было не можно. Онъ шелъ туда съ пятью ротами, а въ Перебазарѣ остался подполковникъ Колюбакинъ съ двумя ротами. Безчисленное множество народа смотрѣло на идущихъ въ преизрядномъ порядкѣ и при игранiи музыки нашихъ солдатъ. Напротивъ того, наши удивлялись величинѣ города, который вдоль и поперекъ простирался на пять верстъ мѣрою, а никакимъ не окруженъ крѣпостнымъ строенiемъ. По сему послѣднему обстоятельству, нѣкоторые сомнѣвались назвать ли Рящъ городомъ. Признать должно, что отъ недостатка крѣпостнаго строенiя происходили тамъ многiя злоключенiя, и что жители прежде два разъ претерпѣвали отъ Донскихъ казаковъ раззорѣнiе, во времена бунтовщика Стеньки Разина. По вступленiи войска въ квартиры, сначала все было спокойно, а потомъ начало оказываться болѣе признаковъ злаго визирскаго умысла, потому что ежедневно умножались въ Рящѣ вооруженные Персiане, коихъ намѣренiе ни къ чему иному клонилось, какъ только чтобъ россiйское войско оттуда принудить выступить. Сихъ Персiанъ не можно было почесть за обученный ружью воинской народъ, потому что настоящихъ войскъ не находилось ни въ Гиляни, ниже въ сосѣдственныхъ провинцiяхъ; а была токмо ландмилицiя вооруженная саблями, а многiя къ тому имѣли и ружья, но только безъ замковъ, кои фитилями зажигаютъ; къ каждому такому ружью не имѣли болѣе двухъ или трехъ камышемъ обверченныхъ патроновъ. Но множество оныхъ подавало полковнику сомнѣнiе въ его безопасности, однако не дѣлалъ онъ на то никакихъ возраженiй визирю, потому что явной непрiятельской причины къ тому не открылось. Потомъ спустя нѣсколько недѣль увѣдомились чрезъ армянскихъ и грузинскихъ купцовъ, что собралось уже до 15.000 человѣкъ Персiянъ, да еще пришли въ Рящъ два визиря, Кесперской и Астаринской. Тогда полковникъ приказалъ на углахъ караванъ-сарая своего тотчасъ насыпать земляные два больверка и привести въ профиль. Визирь велѣлъ его спросить о причинѣ того, на что отвѣтствовалъ полковникъ: „что европейскiе войнскiе правила требуютъ такой предосторожности, хотя и нѣтъ никакой явной опасности,“ съ того времени не пожелалъ больше полковникъ просить визиря о лошадяхъ для перевозу потребныхъ снарядовъ и провiанта изъ Перебазара, а возилъ все нужное на наем-

Digitized by Google

ныхъ лошадяхъ, или перетаскивали оный солдаты. Въ концѣ февраля мѣсяца три визиря послали нарочнаго къ полковнику и велѣли ему объявить общимъ именемъ: „что они не могутъ терпѣть болѣе пребыванія его съ войскомъ въ ихъ землѣ, а въ состояніи сами защищать себя отъ своихъ непріятелей, того ради и вышелъ бы самъ пока его къ тому не понудятъ, на что̀ требовали у него отвѣта," а какъ сіе непріятельское требованіе учинено не сверхъ чаянія, то данъ на него тотчасъ отвѣтъ слѣдующій: „не мы тому виною, объявилъ полковникъ, что сюда пришли, визирь и жители города Ряца призвали насъ для своего защищенія, и я не думаю что-нибудь мною учинено бы или дозволено было, чтобъ мое и порученнаго мнѣ войска пребываніе здѣшнему народу противно быть могло. Великій государь императоръ всероссійскій посылая насъ къ вамъ, чрезъ то самое явно засвидѣтельствовалъ свое дружелюбіе къ шаху и Персидскому государству: то я не сумнѣваюсь, что и назадъ онъ насъ позоветъ, когда будетъ ему представлено, что пребываніе наше въ здѣшней сторонѣ больше не нужно. Но безъ имяннаго Его Императорскаго Величества указу не могу я съ мѣста тронуться, и невозможность сего исполненія, чего они требуютъ, очевидна, потому что отъѣхали отъсюда два судна съ посломъ Измаиломъ-Бегомъ, коихъ обратнаго пребыванія ожидать должно, дабы всѣ при мнѣ находящіеся люди могли вдругъ отправиться. Естьлибъ я и хотѣлъ учинить нѣчто безъ указу Всемилостивѣйшаго моего Государя въ той надеждѣ, что перемѣнившіеся обстоятельства оправдаютъ мой поступокъ и Государь Императоръ по мудрому своему разсужденію не причтетъ того мнѣ въ вину, однако не могъ бы я ничего больше сдѣлать, какъ сперва послать на судахъ въ Дербентъ всѣ тягости и по возвращеніи судовъ идти мнѣ самому съ войскомъ." Сей толь благоразумной отвѣтъ успокоилъ Персіянъ на нѣкоторое время, въ ожиданіи что тягости, а особливо артиллерія, которая наибольше страхъ имъ наводила, на суда нагружены будутъ. Но полковникъ и не думалъ того чтобъ безъ оной остаться; однако между тѣмъ приготовлялись суда къ отъѣзду, потому что надлежало капитану-лейтенанту Соймонову окончать описаніе мѣстъ при устьѣ рѣки Куры, и оттуда ѣхать въ Астрахань. Въ началѣ марта мѣсяца начали изготовлять суда, на которыхъ Соймонову итти въ море; оныхъ было 8, ибо по данной полковнику Шипову инструкціи надлежало нѣсколько судовъ оставить для защищенія гавани. Такимъ образомъ подъ командою капитана-лейтенанта Золотарева остались въ проливѣ гуперъ, большой корабельный ботъ и эверсъ, изъ коихъ два первые снабжены были артиллеріею. Марта 17-го числа пошелъ Соймоновъ въ море. Едва онъ отъѣхалъ, то Персіяне, услышавъ что тягости никакой, а болѣе какъ артиллеріи на судахъ не повезено, повторяли прежнія свои требованія и наступали на полковника Шипо-

Digitized by Google

ва съ тѣмъ, чтобъ онъ неотмѣнно изъ Ряща выступилъ. Но полковникъ, несмотря на умноженіе персидскихъ войскъ, укрѣпя по пристойности свою квартиру, остался на мѣстѣ; Персіяне много разъ угрожали силою его выгнать, но единственное положилъ себя оборонять, съ тѣмъ намѣреніемъ, если визири начнутъ съ своей стороны непріятельскія дѣйствія, то имѣютъ они и отвѣтствовать во всѣхъ слѣдствіяхъ войны, которыя отъ того произойти могутъ. Однако непріятелю придало смѣлость ихъ великое множество и малость нашихъ войскъ, сдѣлать нападеніе, что слѣдующаго дня начали непріятельскія дѣйствія четырьмя пушечными выстрѣлами, а при томъ и изъ мелкаго ружья стрѣляли по караванъ-сараю, отъ чего изъ россійскаго войска одинъ капитанъ Резинъ убитъ, а прочіе остались благополучны; остальное жъ время дня было спокойно. Но полковникъ ожидалъ только ночи, когда Персіяне съ своей стороны безпечны останутся, и сдѣлалъ диспозицію: перво повелѣлъ капитану Шилингу съ гренадерскою ротою выттти въ задніе ворота караванъ-сарая въ поле, и обошедъ кругомъ далѣе, напасть на непріятеля съ тылу; и какъ сія до назначеннаго посту скоро дойдутъ, то полковникъ тогда велѣлъ выступить двумъ ротамъ въ передніе ворота, противъ ихъ лица, и бить тревогу. Непріятели увидя, что съ двухъ сторонъ вдругъ чинится на нихъ нападеніе, не знали съ которой стороны сопротивляться, и въ сметеніи больше 1.000 человѣкъ, отчасти на мѣстѣ предъ караванъ-сараемъ, отчасти на побѣгѣ, побито, и чрезъ нѣсколько минутъ мѣсто сраженія очистилось, а за бѣгущими чинена погоня по всѣмъ улицамъ города. И когда Персіяне атаковали караванъ-сарай—думали истребить и воинскія суда въ Зинзилинскомъ проливѣ стоящія. Сдѣлавъ въ ночи батарею изъ плетня, землею насыпанную, и поставя на оной 4 чугунныя 6-ти-фунтовыя пушки, на разсвѣтѣ начали они стрѣлять изъ пушекъ. На нашихъ судахъ было не больше 100 человѣкъ, напротивъ того число Персіянъ простиралось до 5.000 человѣкъ, и въ такомъ случаѣ должно было судамъ удалиться отъ батареи; но капитанъ-лейтенантъ Золотаревъ принялъ послѣднее намѣреніе и шелъ противъ огня. Суда велѣлъ тянуть завозомъ къ батареѣ, при семъ случаѣ хотя и не безъ уроны было, потому что непріятельское мелкое ружье доставало до людей у завоза бывшихъ, но какъ стали напротивъ оной въ размѣръ и со всѣхъ судовъ какъ изъ ружей такъ и изъ пушекъ учинили сильной огонь, то въ четверть часа ни одного непріятеля у батареи не осталось, и на побѣгѣ поймали нѣсколько бывшихъ на сандалахъ, малыхъ персидскихъ лодкахъ, чрезъ озеро Зинзилинское кои уйти хотѣли, и послѣ сей неудачной ихъ атаки и ночнаго пораженія Персіяне оставили наше войско въ покоѣ, а потомъ прибыли уже и прибавочные полки, о чемъ ниже слѣдуетъ описаніе, то и остались совсѣмъ въ безопасности. А между

Digitized by Google

тѣмъ какъ сіе въ Рящѣ происходило, пришелъ Соймоновъ къ рѣкѣ Курѣ и осматривалъ большой западный рукавъ сей рѣки; онъ нашелъ и мѣсто, на которомъ по нуждѣ заложить и городъ можно. И когда Соймоновъ по окончаніи морской ѣзды вошелъ въ Волгу,—гдѣ встрѣтился съ нимъ капитанъ-лейтенантъ Мятлевъ, который на трехъ эверсахъ везъ провіантъ и другіе потребности для находящагося въ Гилянѣ войска, бригадиръ Левашевъ оставленъ былъ для того въ Астрахани съ 4-мя баталіонами пѣхоты, которые и назначены въ Гилянь для переведенія были—и для транспортныхъ употреблены пришедшіе съ Соймоновымъ и еще нѣкоторые въ Астрахани находящіеся суда, на чемъ и отправлено войско, но знатнѣйшая экспедиція къ завоеванію города Баку осталась на будущее лѣто 1723 года.

О экспедиціи въ Баку 1723 года.

Когда государь императоръ изволилъ изъ Астрахани отправиться въ Москву, то приказалъ его величество въ Казанѣ и въ Нижнемъ Новѣгородѣ со всякимъ поспѣшеніемъ построить тридцать большихъ гекботовъ, кои бы по вскрытіи рѣкъ поплыли въ Астрахань; но дабы тѣмъ исправнѣе все происходило, то оставлены для надсматриванія маіоры гвардіи Румянцовъ въ Казанѣ, а князь Юсуповъ въ Нижнемъ въ Новѣгородѣ. Дальное распредѣленіе государя состояло въ данной генералъ-маіору Матюшкину инструкціи, въ которой написаны были сіи по Его Величества обыкновенію краткія, но важныя слова: когда придутъ весною изъ Казани 15-ть гекботовъ, тогда съ четырьмя полками на оныхъ идти въ Баку и взять. Для сего остался Матюшкинъ въ Астрахани съ частію бывшаго съ государемъ въ дербентскомъ походѣ войска. И какъ скоро гекботы пришли въ Астрахань, то съ великимъ поспѣшеніемъ оные вооружили, а къ тому и еще пять галіотовъ и нѣсколько бусъ прибавлены, а по сооруженіи росписаны были суда на три части.

Іюня 20-го дня того 1723 года отправились онѣ изъ Астрахани и 6-го іюля прибыли въ Баку, гдѣ и стали посреди залива на якорѣ. Генералъ-маіоръ Матюшкинъ взялъ съ собою изъ Астрахани письмо отъ персидскаго посла Измаила-Бега къ султану (главнѣйшему начальнику) города Баку, въ которомъ письмѣ посолъ старался склонить султана, чтобъ онъ сдалъ городъ россійскихъ войскъ предводителю. Сіе письмо послалъ Матюшкинъ съ маіоромъ Нечаевымъ въ городъ, и притомъ велѣлъ сказать: „что онъ пришелъ по великаго государя императора всероссійскаго указу, чтобы принять городъ въ защищеніе противъ бунтовщиковъ, и того ради онъ уповаетъ, что султанъ не будетъ препятствовать сіе намѣреніе исполнить, но паче поступитъ по предложенному отъ Измаила-

Digitized by Google

Бега совѣту". Но Бакинцы остались въ своемъ неотмѣнномъ упорствѣ; маіора въ городъ не пустили, задержавъ два часа на пристани, и слѣдующимъ словеснымъ отвѣтомъ отправили назадъ: „Жители города Баку, вѣрные подданные шахова величества и уже четыре года противъ бунтовщика Дауда стояли, да и впредь, сколько бы оный ни силенъ сдѣлался, они того не опасаются, и для того войска на вспоможеніе себѣ ни единаго человѣка и провіанта ни единаго батмана имѣть не желаютъ; что же касается до письма посольскаго, то окое-де писано въ Россіи, и сверхъ того, они не обязаны слѣдовать совѣту Измаилъ-бега ниже принимать отъ него повелѣніе." По тому отвѣту приказалъ Матюшкинъ тотчасъ дѣлать настоящія приготовленія къ атакѣ; сперва командированы два полковника, Астафьевъ и Безобразовъ, съ четырьмя баталіонами къ выходу на берегъ. Артиллеріи маіоръ Герберъ получилъ приказаніе, чтобы держать въ готовности два бомбардирскихъ гекбота и еще пять другихъ, на которыхъ были 18-ти-фунтовыя мѣдныя пушки.

Іюля 21-го дня въ седьмомъ часу поутру начали перевозить командированныхъ солдатъ на берегъ на шлюпкахъ и ботахъ подъ прикрытіемъ одного большаго бота и нѣкоторыхъ бусъ. Сіе произошло безъ всякаго замѣшательства, и не малая часть солдатъ на берегъ сошла, и обметалась рогатками, но тогда появилась сильная изъ города конная вылазка, въ надеждѣ что могутъ управится съ Россіянами, пока сіи не перевезутъ еще пушекъ на берегъ, но въ томъ они обманулись. Маіоръ Герберъ, командующій артиллеріей, имѣлъ уже двѣ полевыя пушки въ готовности, и изъ которыхъ какъ сталъ производить скорую стрѣльбу, то немедленно всѣ побѣжали назадъ въ городъ. Тогда же и семь гекботовъ, два бомбардирскихъ и остальныя пять для строенія бреши, по данной отъ генералъ-маіора Матюшкина диспозиціи, подшедъ ближе къ городу, полуциркулемъ стали на якорь. Осажденные думали воспрепятствовать судамъ стрѣляніемъ изъ своихъ пушекъ, и дѣйствительно не безъ урону было бы людямъ, пока шли суда на предписанныя мѣста, но какъ уже съ судовъ пушки дѣйствовать начали, то и часа не вытерпѣли Персіяне, отъ своихъ пушекъ побѣжали и больше производить стрѣльбы не могли, мортиры также оказали свое дѣйствіе, и отъ третьей бомбы искуствомъ штыкъюнкера Чиркова учинился въ городѣ великій пожаръ, и въ тотъ же день до вечера брошено 94 бомбы въ городъ. На берегу сдѣлали батарею, подлѣ лагеря помянутыхъ двухъ баталіоновъ, и поставили на оную четыре гоубицы. Какъ изъ сихъ такъ и съ судовъ день и ночь стрѣляли въ брешъ, чтобы не дать осаждаемымъ времени проломанныя мѣста починить.

Іюля 25-го дня опредѣлено было брать городъ приступомъ, при чемъ генералъ-маіоръ слѣдующее сдѣлалъ распоряженіе: на берегу ночью учинить въ лагерѣ тревогу, яко бы оттуда

Digitized by Google

имѣетъ быть приступъ, когда же осажденные обратятъ туда всю свою силу, то находящемуся на судахъ войску сдѣлать десантъ, идти въ проломанное мѣсто; но сему учиниться не можно было, потому что возсталъ въ ту ночь сильный съ берегу вѣтеръ, который суда съ мѣста сдвинулъ, такъ что и стрѣльбу продолжать было не можно; сей случай употребили осажденные себѣ въ пользу, и въ ту же ночь задѣлали проломы, такъ что, какъ день насталъ, никакого вреда на стѣнахъ было не примѣтно, и слѣдующаго утра, то-есть 26-го числа, взяли Персіянина, который ѣхалъ въ городъ съ арбузами, привели его къ генералъ-маіору Матюшкину, но какъ отъ него, за незнаніемъ, никакого свѣдѣнія получить не можно было, то разсудилъ генералъ-маіоръ послать его въ городъ съ письмомъ, въ которомъ пристойнымъ образомъ объ упорствѣ ихъ сдѣлалъ выговоръ свойственный съ угрозами побѣдителямъ, назнача терминъ, чтобъ они сдались на дискрецію, и когда сіе учинятъ, то обнадеживаетъ ихъ высочайшею императорскою милостію. По полученіи онаго письма и одного часа не прошло какъ осажденные выставили бѣлыя знамена на приморскихъ набережныхъ башняхъ; но при томъ давали знаки съ своей стороны, чтобы съ берегу кто-нибудь къ нимъ присланъ былъ для свѣдѣнія о ихъ намѣреніи. Генералъ-маіоръ послалъ съ офицерами двѣ вооруженныя шлюбки, съ коими пришли изъ города четыре депутата объявляющіе, что жители желаютъ сдать городъ, и въ учиненной противности просятъ прощенія. Въ присутствіи сихъ депутатовъ писалъ генералъ-маіоръ Матюшкинъ договорные пункты и послалъ оные съ ними въ городъ, депутаты просили для сдачи города нѣсколько часовъ времени, дабы отворить ворота, которыя при началѣ осады землею засыпаны были. Между тѣмъ, хотя сильный вѣтеръ съ прежней ночи и много умалился, однакожъ вовсе не утихъ, и волненіе было не мало, чего ради и не безъ труда было перевесть на берегъ генералъ-маіора Матюшкина, потому что онъ чрезвычайно боялся ѣхать на шлюбкѣ, но ему неотмѣнно надлежало быть на берегу для принятія города въ его повелѣніе. Напослѣдокъ перевезли его на большомъ ботѣ. На берегу находящіеся баталіоны были поставлены въ строй, а бакинскіе жители почти всѣ вышли за городъ безъ оружія, увѣдомляя генералъ-маіора, что все ко вшествію Россіянъ готово. Шествіе въ городъ происходило въ наилучшемъ порядкѣ, и какъ ворота, въ которые вошли, такъ и другія мѣста россійскими войсками тотчасъ заняты были. *

* Въ городѣ найдено 80 пушекъ мѣдныхъ и чугунныхъ и двѣ большіе гоубицы безъ станковъ; пороху и другой аммуниціи было очень мало и особливо недоставало ядеръ къ гоубицамъ, которыя собирали Персіяне отъ нашихъ 18-фунтовыхъ пушекъ и клали по три и по 4 въ гоубицу, когда изъ нихъ стрѣляли. Тогда спознали

Digitized by Google

По взятіи города Баку, все принадлежащее для снабженія города: то-есть артилерія, провіантъ и аммуниція со флотиліи выгружено на берегъ и ввезено въ городъ. Генералъ-маіоръ Матюшкинъ и генералъ-маіоръ князь Трубецкой отправились обратно въ Астрахань, и комендантомъ оставленъ въ городѣ по государеву указу бригадиръ князь Барятинскій. Матюшкинъ его императорскимъ величествомъ, какъ за прежнія такъ и за сію важную услугу, пожалованъ въ генералъ-поручики, а при томъ приказалъ Государь для лучшаго наставленія о будущихъ предпріятіяхъ быть ему къ себѣ въ Москву и взять съ собой капитанъ-лейтенанта Соймонова. Предъ отъѣздомъ изъ Астрахани послалъ генералъ Матюшкинъ отъ себя ордеръ князю Барятинскому въ Баку въ такой силѣ, чтобъ отправить довольную команду къ рѣкѣ Курѣ, дабы по данной ему инструкціи овладѣть тою страной. Вскорѣ потомъ капитанъ Нетисовъ отправленъ былъ къ государю съ извѣстіемъ, что то учинено и что подполковникъ Зинбулатовъ съ баталіономъ драгунъ овладѣлъ провинціею Саліанскою. Матюшкинъ и Соймоновъ съ трудностію преодоля худую ѣзду и перемѣнную погоду, пріѣхали къ государю въ Москву, и Матюшкинъ отъ сильныхъ трудностей весьма заболѣлъ, и будучи въ той болѣзни многократно посѣщаемъ былъ государемъ, и во время его посѣщенія капитанъ Нетисовъ пріѣхалъ изъ Баку курьеромъ; государь изволилъ спросить: „во многомъ ли числѣ послана команда въ Саліанъ?“ на что донесено, что съ однимъ баталіономъ; на что изволилъ сказать государь: „очень мало, потому что та саліанская княгиня Ханума великая воровка, и опасно, чтобы чего худаго не учинилось; а при томъ приказалъ опредѣлить къ бригадиру Барятинскому ордеромъ, чтобы людей туда прибавить, а чтобъ отъ той княгини имѣли всякую предосторожность“, и государь пророчески предсказалъ, что вскорѣ потомъ и воспослѣдовало въ Саліанѣ, ибо подполковникъ Зинбулатовъ и всѣ офицеры, хитростію означенной княгини будучи званы въ гости, убиты. Государь разсуждая о такихъ обстоятельствахъ и прочихъ надобностей, повелѣлъ генералъ-лейтенанту Матюшкину въ той странѣ Саліанѣ построить крѣпость и для того самому туда ѣхать, а потомъ принять главную команду надъ войскомъ въ Гилянѣ. Казанскихъ Татаръ, Черемисъ и Чувашъ назначено 5.000 человѣкъ для строенія новыхъ крѣпостей.

причину для чего ядра всегда перекосило чрезъ суда, ибо не могли они поворотить гоубицы и прицѣлить безъ лафетовъ. Гарнизонъ въ городѣ состоялъ изъ 700 человѣкъ персидскихъ солдатъ подъ командою одного юсъ-баши, то есть полковника, Деріа Кулибега, которые приняты въ службу, а какъ юсъ-баша донесъ на султана, и султанъ взятъ подъ караулъ и отосланъ въ Россію, о томъ пространно описано въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ вт. октябрѣ 1760 года.

Digitized by Google

1724 года. Мая 24-го дня того 1724 года, Генералъ Матюшкинъ и съ нимъ капитанъ Соймоновъ отправились изъ Москвы и прибыли въ Астрахань 15-го числа августа; по прибытіи туда получили они подтвержденіе о вышеозначенномъ происшествіи съ подполковникомъ Зинбулатовымъ; потомъ Матюшкинъ, прибывъ изъ Астрахани, представлялъ его императорскому величеству о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, что ему тою осенью отправится въ Дербентъ не можно; но получилъ строгій указъ, по которому 9-го ноября отправился, и пріѣхалъ той же ночи къ Ярковскому устью, гдѣ уже былъ Соймоновъ, оттуда 10-го числа пошли опять въ море и по многотрудномъ плаваніи 24-го числа прибыли въ Дербентъ. Тамъ командовалъ тогда полковникъ Юнгеръ, гдѣ и пробыли до 30-го числа, а декабря 3-го вошли въ Апшеронской заливъ, въ которомъ стояли три дня, оттуда пошли они къ Баку, гдѣ также нѣсколько дней пробыли, полковникъ Астафьевъ былъ тамъ комендантомъ. Будучи въ семъ мѣстѣ извѣстились они обстоятельно что̀ случилось съ подполковникомъ Зинбулатовымъ и съ бывшими съ нимъ офицерами, потомъ поѣхалъ генералъ Матюшкинъ къ устью рѣки Куры и оттуда въ Гилянь, все вдоль береговъ. При рѣкѣ Курѣ ничего больше не послѣдовало, какъ генералъ осмотрѣлъ тамошнія мѣста. Генералъ Матюшкинъ прибылъ въ Зинзилинскую гавань 22-го а въ Рящь 24-го декабря 1724 года. Корпусъ находился тогда въ опасномъ состояніи отъ близъ стоящаго персидскаго войска изъ 20.000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Кесперскаго визиря, такъ что ежедневно ожидали нападенія, а у бригадира Левашева (который въ то же самое время пожалованъ въ генералъ-маіоры) было подъ командою шесть баталіоновъ пѣхоты, 500 человѣкъ драгунъ, и нѣсколько ротъ легкаго войска изъ Армянъ, Грузинцевъ и донскихъ казаковъ, а хотя съ Матюшкинымъ и прибыло нѣсколько войскъ, однако все было мало въ сравненіи числа непріятельскихъ силъ, но сей недостатокъ награждаемъ былъ храбростію солдатъ и искусствомъ ихъ предводителей. Артилерія хотя изъ немногихъ полевыхъ пушекъ состояла, но весьма была полезна, потому что артиллеристы знали употребленіе оной гораздо искуснѣе нежели Персіяне; наконецъ наши войска имѣли для защищенія своего двѣ крѣпости, изъ которыхъ одна уже нами описана подъ именемъ укрѣпленнаго каравеннаго двора, а другая въ западной сторонѣ города, въ прошедшемъ 1723 году вновь заложена была, регулярная, о чемъ написано было особливымъ пунктомъ въ инструкціи данной полковнику Шипову; посему Шиповъ точно исполнилъ, заложенная имъ на опредѣленномъ мѣстѣ, и Левашевымъ совершенная, оная крѣпость состояла изъ земляваго вала о пяти бастіонахъ и служила цитаделью, защищая городъ съ западной стороны, такъ какъ и съ восточной стороны старый караванъ-сарай городъ защищалъ.

Городъ Рящь лежитъ подъ 36 градусомъ 40 минутъ

Digitized by Google

высоты полюса, въ срединѣ Гиляни, на десяти или двѣнадцати верстахъ отъ Каспійскаго моря, при рѣчкѣ, которая текла бы въ рѣку Перебазаръ, еслибъ она во многихъ мѣстахъ лѣтомъ не высыхала, для чего жители принуждены дѣлать колодцы, выкладывая оныя кирпичемъ, и получаютъ по большей части изъ оныхъ воду, находятся такія во всѣхъ деревняхъ да и тамъ гдѣ рѣчной воды довольно, потому что Персіяне колодезную воду, для чистоты ея, рѣчной предпочитаютъ, и въ означенномъ городѣ домы всѣ каменные и порядочно построены, по большей части крыты черепицами. Хотя городъ занимаетъ мѣсто на пять верстъ квадратныхъ, однако есть много и пустыхъ мѣстъ, а къ тому садовъ и рынковъ, а особливо больше 50 караванныхъ дворовъ, много мѣста занимающихъ. Сіи доказываютъ о преждебывшихъ тамъ великихъ торгахъ, а торги состояли больше въ шелку сырцѣ, который до россійскаго завоеванія, или лучше сказать до персидскихъ мятежниковъ, такъ изобильно нигдѣ не родился какъ въ Гилянѣ, и сіи торги привлекали великое богатство.

1725 г. Сначала сего года совершенно открылись непріятельскія дѣйствія; за день предъ тѣмъ получено извѣстіе чрезъ армянскихъ и персидскихъ купцовъ, что слѣдующаго утра учиненъ будетъ сильный приступъ, но съ которой стороны того сказать не могли, ибо всѣхъ сторонъ съ малымъ числомъ войска оборонять невозможно было, однако изготовились по положенію мѣста встрѣтить непріятеля и разставили караулы, съ такимъ расположеніемъ войска учредили, чтобъ всякій по даннымъ сигналамъ туда обратился, гдѣ покажется сильнѣе непріятель. По вѣроятности заключили, что приступъ учиненъ будетъ къ одной изъ двухъ крѣпостей. Но, можетъ-быть, новая крѣпость показалась непріятелю важнѣе, и онъ не хотѣлъ сначала испытать предъ ней своего счастія, или узкая дорога оттуда къ горамъ лежащая не обѣщала имъ довольной безопасности въ ихъ ретирадѣ въ случаѣ пораженія, итакъ онѣ, проходя по другой дорогѣ, лежащей отъ рѣкъ Фузы и Себдуры, и маршируя разными колоннами, пришли на разсвѣтѣ, соединились всѣ на большомъ лугу предъ укрѣпленнымъ караваннымъ дворомъ. Чего ради и наши войска большею частію къ тому мѣсту приведены были, однако, по пристойности, не обнажая и прочихъ постовъ. Непріятель сталъ или построился въ порядокъ, а потомъ выскакала непріятельская конница съ великою борзостію и крикомъ, и разъѣзжая во всѣ стороны, прилежно наблюдала, чтобъ не очень приближаться къ нашимъ войскамъ. Потомъ пришло пѣшее ихъ войско и заняло мѣсто между дорогъ и около конныхъ по опушкѣ лѣса, да и тѣ не осмѣлились подойдти близко. Они производили стрѣльбу чрезъ лугъ, но въ такомъ дальнемъ разстояніи не только однимъ выстрѣломъ, но и тремя, пули ихъ долетать не могли.

Digitized by Google

Напротивъ того какъ скоро съ нашей стороны стали метать изъ малыхъ мортиръ гранаты въ непріятельскую конницу, то она тотчасъ вся разсыпалась, которая однакожь вскорѣ собравшись показывала прежнюю свою храбрость, и наши войска ждали еще нѣсколько времени, не учинятъ ли непріятели формальнаго приступа, но ничего больше не происходило, какъ пустая ихъ тревога. Наконецъ генералъ приказалъ согнать ихъ съ поля, что̀ и учинено однимъ баталіономъ пѣхоты, за которымъ три роты драгунъ слѣдовали. Потомъ приказалъ онъ изъ полковыхъ пушекъ скоро-стрѣльною пальбой прогнать ихъ конницу, которая немедленно въ бѣгъ обратилась. Наши войска въ своемъ движеніи никакого не имѣли препятствія; по срединѣ того лугу была малая рѣчка по колѣно глубиною; какъ солдаты подходили къ оной, то отъ Персіянъ превеликая стрѣльба началась, и тогда уже ихъ пули нашихъ доставали. Чрезъ что они еще болѣе поощрены; изъ нашихъ же войскъ, передніе, вскорѣ перешедши рѣку, нѣсколько ротъ, тотчасъ построились, но великое множество конницы паки прискакало съ удивительнымъ крикомъ и съ такою же поспѣшностію, а какъ только по нимъ залпъ дали, то назадъ обратились, видя сіе персидская пѣхота также въ бѣгъ ударилась, за коими драгунъ три роты пять верстъ гнались и побили ихъ великое множество. По прошествіи трехъ дней вторично учиненъ такой же отъ нихъ приступъ; а потомъ ни одной недѣли не проходило, въ которой бы непріятели не дѣлали подобныхъ опытовъ, но завсегда такимъ же образомъ какъ и прежде назадъ разбиты и прогнаны были. Каждый разъ предъ тѣмъ приходили извѣстіи или по ихъ намѣренію угрозы, коль ужасно слѣдующаго дня поступлено будетъ; сіе продолжалось два мѣсяца, наконецъ пустую ихъ тревогу почитали такъ малою, что больше одной или двухъ ротъ противъ ихъ не посылали и то только какъ бы для одной забавы, малая рѣчка всегда была границею между обѣими воюющими партіями, и Персіяне точно наблюдали чтобъ не проходить чрезъ оную, напротивъ того, когда переходили наши, то имъ думалось, что время спасать животъ свой, однако токмо несчастіе приключилось грузинскому ротмистру, коему ухо и со всей щеки кожу срубили. Сіе сдѣлалось отъ того, что онъ далеко напередъ выѣхалъ, не дождался слѣдующей за нимъ пѣхотной роты, которой непріятели весьма боялись. И сколь ни мала была опасность отъ непріятелей, однако персидскій посолъ Измаилъ-Бегъ находившійся тогда въ Рящѣ, былъ всегда въ превеликомъ страхѣ и въ отчаяніи; каждый приступъ приводилъ его не въ себя, но и съ нимъ очень бы худо поступлено было, еслибъ онъ попался въ руки своимъ землякамъ; послѣ отвезли его назадъ въ Астрахань, гдѣ еще больше 20 лѣтъ онъ прожилъ. Какъ опять все утишилось, то услышали причину сихъ безполезныхъ и столь часто повторенныхъ нападеній. Визирь имѣлъ

Digitized by Google

отъ того себѣ прибытокъ, потому что, по учиненіи каждаго приступа, избиралъ онъ къ новымъ вооруженіямъ во всей землѣ новыя подати, которыя по большей части шли въ собственный его карманъ. Должно было думать, да и опасались, чтобъ Персіяне въ то же время не напали на стоящія въ Зинзилинскомъ проливѣ суда. Но сіи не токмо нападенія, но и никакого знаку непріятельскаго не видали, напротивъ того они и съ тѣми, которые приносили къ нимъ съѣстные припасы, скотъ и дичину на продажу, обходились по-дружески. Въ мартѣ мѣсяцѣ, хотя и Персіяне ничего уже больше не предпринимали противъ находящагося въ Рящѣ гарнизона, однакожъ они иногда еще обезпокоивали слѣдующіе изъ Перебазара транспорты. Есть тамъ не широкая, но глубокая и быстрая рѣка, а дорога лежала подлѣ ней самой, а на другой сторонѣ той рѣки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ засѣли въ лѣсу непріятели и стрѣляли по проходящимъ по той дорогѣ нашимъ войскамъ, отъ чего и не безъ урона бывало, и люди проходящіе никакого способу не находили, чтобъ отъ сего избавиться, и для того принуждено было послать партію для разогнанія гнѣздящихся Персіянъ, и по учиненіи сего оный лѣсъ вырубленъ. Потомъ пришелъ къ Рящѣ визирь изъ Астары съ прибавочнымъ войскомъ, о которомъ говорили, что онъ поступитъ гораздо храбрѣе прежняго визиря, сталъ лагеремъ при оной быстрой рѣкѣ, о которой мы теперь говорили, и хотѣлъ переправиться чрезъ оную. Но какъ ему послали на встрѣчу три баталіона пѣхоты и нѣсколько конницы: то онъ ни мало не оказалъ охоты дать бой съ ними; часть людей его рѣку уже перешли было, которые по большей части побиты, а остальные разогнаны были; а тѣ которые чрезъ рѣку возвратиться хотѣли—потонули. Еще случилось, что офицеръ съ малою командой, посланный въ близь лежащую деревню, для приведенія жителей въ послушаніе, былъ атакованъ великимъ множествомъ непріятелей Персіянъ и принужденъ терпѣть нѣкоторое время осаду въ оной деревнѣ. Другая команда пошла ему на вспоможеніе. Какъ сіи шли по узкой дорогѣ, на которой едва шесть человѣкъ въ рядъ стать могли, то напало на нихъ великое множество непріятелей, но при нихъ была одна малая пушка, изъ которой какъ только стрѣлять начали, то всѣ Персіяне вдругъ разбѣжались. Симъ способомъ спаслась и находящаяся въ деревнѣ наша партія, которая, услыхавъ стрѣльбу, могла безъ препятствія соединиться съ своими и возвратиться въ Рящь, при всемъ томъ почти никакого не произошло урону, одинъ только штыкъ-юнкеръ Львовъ, который зналъ столь искусно употреблять пушку, въ грудь былъ прострѣленъ. Симъ окончились всѣ непріятельскія дѣйствія, по крайней мѣрѣ на такое время, пока генералъ-лейтенантъ Матюшкинъ находился въ Гиляни, а къ тому сіе еще важнѣе, что перемѣна правленія въ Испагани послѣдовала, и

Digitized by Google

новый султанъ, 22-го апрѣля, возведенъ былъ на престолъ, въ мѣсто кончающагося мира-Махмуда, понудила принять другія мѣры. Матюшкинъ хотѣлъ слѣдующаго лѣта строить назначенный государемъ императоромъ городъ при устьѣ рѣки Куры, для котораго 5.000 человѣкъ казанскихъ Татаръ, Черемисъ и Чувашъ отчасти въ Рящѣ, отчасти въ Баку были въ готовности, и суда ужъ оснащены; но на святой недѣлѣ пришло печальное извѣстіе о кончинѣ государя императора Петра Великаго и побудило отложить сіе намѣреніе до полученія подтвердительнаго указа; другія обстоятельства требовали, чтобъ генералъ-лейтенантъ отправился въ крѣпость Святаго Креста, чего ради въ іюнѣ оттуда съ Соймоновымъ и отбылъ, и на проѣздномъ своемъ пути былъ въ Баку семь дней и въ Дербентѣ четыре дня. Въ Аграханскій заливъ прибывши, поѣхалъ Матюшкинъ на шлюпкѣ, на Сулакъ въ помянутую крѣпость, а Соймоновъ продолжалъ путь свой въ Астрахань, гдѣ находился провіантъ для гарнизона, въ крѣпость Святаго Креста назначенный, который еще той же осени перевесть туда надлежало. Соймоновъ переправилъ оный въ октябрѣ мѣсяцѣ въ аграханскій ретраншаментъ, между тѣмъ генералъ-лейтенантъ Матюшкинъ, окончивъ свои дѣла въ крѣпости Святаго Креста, употребилъ сей случай возвратную ѣзду въ Астрахань. Ноября 6-го прибыли они въ Астрахань и тѣмъ заключили не только морскую ѣзду, но и всѣ при жизни государя императора Петра Великаго дѣла 1725 года.

Письма и инструкціи императора Петра Великаго генералу Матюшкину.

Собраніе собственноручныхъ (большею частію) писемъ императора Петра Великаго съ 1716 года по 1725, къ генералу Михаилу Аѳанасьевичу Матюшкину, командовавшему въ персидскомъ походѣ сухопутными войсками, было поднесено во время коронаціи, въ 1826 году, въ Москвѣ, Государю Императору Николаю Павловичу и передано имъ на храненіе въ бывшую библіотеку Генеральнаго, нынѣ Главнаго Штаба. * Указы и письма государя Петра, содержащіеся въ этомъ собраніи, можно раздѣлить на двѣ части: одни, начиная съ 1716 года до 1722, касаются различныхъ распоряженій государя во время продолжавшейся тогда морской войны со Шведами; этихъ писемъ и указовъ находится двѣнадцать. Другія, съ 1722 по 1725 годъ, относятся до персидскаго похода и проливаютъ

* Собраніе это хранится въ библіотекѣ подъ № 6.160.

Digitized by Google

яркій свѣтъ на намѣренія и распоряженія Государя; въ этой части всѣхъ писемъ Петра Великаго находится тридцать, и императрицы Екатерины I пять. Въ ближайшемъ будущемъ мы надѣемся сообщить и тѣ письма, которыя относятся ко времени великой Сѣверной войны.

№ 17. *

Указъ Генералъ-Маіору и отъ гвардіи Маіору господину Матюшкину.

Ѣхать Тебѣ во Тверь и пріѣхавъ, какъ въ Твери, такъ и въ прочихъ мѣстахъ по Волгѣ, гдѣ описывалъ и орлилъ суда подпоручикъ Гаврилъ Меншиковъ, оныя осмотрѣть и приневолить хозяевъ дабы они скорѣе ихъ додѣлывали, а которыя не могутъ додѣлать, тѣ додѣлать казенными деньгами, и чтобъ было всѣхъ пятьдесятъ, а по послѣдней мѣрѣ сорокъ судовъ, совсѣмъ въ готовности къ полой водѣ; и снабдить тѣ суда такелажемъ, то-есть парусами, якорями, веревками и прочимъ, и то все сыскивать и брать у тамошнихъ обывателей въ цѣну, а чего тамъ не сыщется о томъ какъ наискорѣе писать.

Петръ.

Марта въ 30 день 1722.
Въ Преображенскомъ.

№ 18.

Господинъ Генералъ-Маіоръ и отъ гвардіи Маіоръ.

Письмо твое чрезъ Косенкова до насъ дошло, такъ же и образецъ полотна мы видѣли. Но понеже, хотя Генералъ-Адмиралъ писалъ къ вамъ, чтобы Вы требовали парусного полотна отъ Капитана Вильбоа, а чего недостанетъ, то купили; но по полученіи сего—отъ Вильба полотна на паруса возьми треть, а двѣ доли купи такого, какому образецъ къ намъ прислали.

Петръ.

Въ Преображенскомъ.
Апрѣля въ 15 день 1722.

№ 20.

Господинъ Маіоръ.

По полученіи сего увѣдомьте насъ: что лодки Мая къ пятому числу поспѣютъ ли, также и ластовыхъ судовъ къ тому времени сколько можетъ поспѣть? И достальныя ластовыя суда сколько къ которому времени могутъ поспѣть о томъ чаще къ намъ пишите *и въ дѣлѣ поспѣшайте.*

Петръ.

Въ 18 день Апрѣля 1722.
Изъ Преображенскаго.

* № письма обозначаетъ, по всей вѣроятности, тотъ №, за которымъ письмо помѣчено въ исходящемъ журналѣ государя.

Digitized by Google

№ 22.

Господинъ Маіоръ.

Письмо Ваше отъ 21 сего мѣсяца я получилъ, въ которомъ пишешь, что всѣ лодки поспѣютъ къ 5-му мая и пять ластовыхъ. Того ради съ того числа, или съ 6-го мая, конечно поди со всѣми лодками и 5-ю ластовыми судами (а буде болѣе поспѣетъ, то сколько поспѣетъ возьми съ собою) къ Нижнему, гдѣ ластовыя суда оснастить: да такожъ Вильбоа возьми съ собою или напередъ отпусти. А для достройки судовъ ластовыхъ оставь надежнаго человѣка изъ офицеровъ и солдатъ небольшое число. Также Гаврилъ Меншикову, съ достальными, вели ѣхать самому.

Петръ.

На Москвѣ въ 27 д.
Апрѣля 1722.

№ 25.

Господинъ Маіоръ.

Писалъ я къ тебѣ чтобъ ты шелъ, съ 6-го числа сего мѣсяца, но нынѣ по полученіи сего отпусти всѣхъ съ вышеписаннаго числа, а самъ останься для скорѣйшаго управленія ластовыхъ судовъ, оставя съ собою островскихъ лодокъ пять. И поди съ такого времени чтобъ тебѣ поспѣть въ Нижнемъ двадесятому числу, понеже не чаемъ ранѣе туда быть.

Петръ.

Съ Москвы
4-го маія 1722.
Получено маія 5 дня 722 г., въ Твери.

№ 26.

Собственноручное.

Господинъ Маіоръ.

Письмо Ваше чрезъ Мильгунова получилъ и съ тогожъ моменту отвѣтствую, что я въ той силѣ писалъ что ты столько съ собою взялъ, сколько поспѣетъ, а чтобъ недодѣланные взять, то изрядно, однакожъ съ такою недодѣлкою, чтобъ мочно дорогою додѣлать, а которые дорогою нельзя додѣлать лучше оставить съ вѣрнымъ человѣкомъ, чтобы немедленно додѣлавъ привелъ. А ежели можешъ лучше бъ съ собою привелъ додѣлывая дорогою; также хотя и къ 24 числу поспѣетъ въ Нижній, то еще въ пору будетъ, а лодокъ оставь сколько пристойно, а пять только я опредѣлилъ для Васъ.

Петръ.

Изъ слободы въ 6 д.
Маія 1722.

Digitized by Google

Конецъ инструкціи. (Начала нѣтъ.)

10. Ластовыя суда раздѣлить по командамъ и чтобъ тотчасъ къ которой руль придѣлютъ и по баркъ гауты выконопатятъ снизу, чтобъ тотчасъ грузили жъ провіантъ.

Чтобъ лодки были выконопачены и совсѣмъ убраны къ 13 числу, а къ 14 числу и съ провіантомъ чтобы готовы были къ походу.

Петръ.

Въ Астрахани.
Іюня въ 9 д. 1722.

Докладъ.

Офицеры, которые произведутся въ чины по старшинству и по балотированію: а денежнаго жалованья противъ своихъ рангъ оным получать невозможно понеже указомъ изъ военной коллегіи опредѣлено въ комисаріатъ: которые офицеры патентовъ не имѣютъ чтобъ жалованья не производить.

Резолюція Петра.

Для дальной описки пока патенты пришлются жалованье давать по письмамъ г. Маіора Матюшкина.

Получено ноября 3 дня 1722. Астрахань.

Пункты изъ докладъ.

1.

О копіяхъ солдатскихъ которые оставлены въ походѣ, требовать ли ихъ, или вмѣсто того дано ружье будетъ.

Резолюція Петра.

Кромѣ городовъ копья не надобно, но ружье въ его мѣсто.

2.

На убылые оберъ-офицерскіе мѣста офицеровъ балотировали и по старшинству производили.

Резолюція Петра.

Чинить по указу и здѣшнихъ, а буде годныхъ не найдется, о томъ прислать свѣдѣнье къ намъ какихъ чиновъ сколько, которые зимою присланы будутъ.

3.

Раціи подлежитъ имѣть съ котораго числа и по которое и откуда повелѣно будетъ сѣно и овесъ брать.

Резолюція Петра.

По уставу воинскому сѣно здѣсь, а овесъ или за оный деньги.

4.

Буде здѣсь овса на раціи дачи не будетъ, а повелѣно будетъ брать деньгами за четверть по какой цѣнѣ, и отъ кого овое получать.

Digitized by Google

Резолюція Петра.

По подрядной цѣнѣ.

5.

Къ веснѣ подлежитъ сдѣлать для больныхъ лазареты за городомъ для лучшаго воздуху; а ежели быть въ городѣ то будетъ духота и тягость людямъ. Повелѣно будетъ для онаго строенія изъ струговъ, досокъ и лубьевъ брать; также и лѣсу на столбы и на связи отъ кого требовать?

6.

Въ указѣ Вашего Величества предложено: кто не будетъ имѣть на свой чинъ патента—тѣмъ своимъ чиномъ именоваться запрещаетъ и жалованія давать не повелѣваетъ, того ради штабъ и оберъ-офицеры о семъ просятъ.

7.

Драгунамъ лошадей также верблюды и быки тяглые откуда повелѣно будетъ брать и кому объ оныхъ стараться?

8.

Флагману потребно здѣсь быть для лучшаго отправленія морскихъ судовъ.

9.

. . . . . повелѣно будетъ дѣлать для отправленія на весну провіанта въ Дербентъ и въ прочія мѣста.

(Внизу надпись: съ 4 пунктовъ съ резолюціею, списано Генералу Долгорукому.)

№ 32.

Указъ генералъ-маіору господину Матюшкину.

Когда будетъ Вамъ о чемъ предлагать здѣшній губернаторъ Волынской, тогда по его требованію исполняйте, а наипаче въ здѣшнихъ работахъ, какъ въ дѣлѣ судовъ, такъ и въ прочемъ чинить ему всякое вспоможеніе.

Петръ.

Въ Астрахани. Ноября въ 5-й день 1722.

№ 34.

Инструкція господину Генералу-Маіору Матюшкину, что надлежитъ дѣлать на весну, распорядя слѣдующее:

1. Драгунъ, которые опустятся на Царицынъ, тѣмъ велѣть идти въ мартѣ мѣсяцѣ или въ апрѣлѣ, какъ скоро первая трава будетъ, къ крѣпости Святаго Креста, а которые драгуны здѣсь останутся и тѣхъ, также два полка пѣхоты и казаковъ всѣхъ отправить на островскихъ лодкахъ къ Астрахани и оттоль къ крѣпости Святаго Креста, для дѣланія тамъ помянутой крѣпости и плотины. Но первѣе плотину начать дѣлать, и когда оную совершатъ и вода пойдетъ Астраханью, тогда зачать дѣлать крѣпость.

Digitized by Google

Провіанту велѣть на тѣхъ лодкахъ взять на всѣхъ людей на 6, а по послѣдней мѣрѣ на 5 недѣль: съ ними жъ отпустить съ провіантомъ семь новыхъ судовъ, которыя сдѣланы изъ романовокъ, да пять судовъ Тверскихъ, которыя для того надобно нынѣшнею зимою поправить, также и тяжку Ревеку. Вышеупомянутыя суда ни на что иное не употреблять кромѣ того, чтобъ они возили къ Астрахани провіантъ, во все лѣто; буде же, паче чаянія, тѣ Тверскія пять судовъ, всѣ или изъ нихъ сколько негодныхъ будетъ, то вмѣсто ихъ употребить тожъ число для возки провіанту бусъ.

2. Когда возвратятся изъ Гиляни посланныя суда, тогда отправить на нихъ тысячу человѣкъ людей, и провіанту столько, сколько возможно будетъ положить, понеже тогда вешнее время, то людямъ больше мочно быть на палубѣ, нежели подъ палубою, и для того довольно мочно провіанту умѣстить. Буде же къ тому времени поспѣютъ Казанскія гекъ-боты, то изъ нихъ два или три прибавить къ тому числу, дабы людямъ не такъ тѣсно было, также и провіанту на нихъ положить сколько мочно.

3. Самому, при самомъ вскрытіи льда, съ пятью судами Фонъ-Верденовыми, и съ двадцатью бусами итить въ Баку. Буде же противъ вышеписаннаго изъ бусъ убудетъ нѣсколько или всѣ пять, то итить съ двадцатью судами, понеже на оныхъ мочно умѣстить людей двѣ тысячи человѣкъ и артиллеріи, не дожидаяся Казанскихъ судовъ, а Казанскимъ велѣть послѣ за собою слѣдовать и тщиться, съ помощію Божьею, конечно тотъ городъ достать, яко ключь всего нашего дѣла въ сихъ краяхъ, а доставъ оный покрѣпить сколько возможно, и наполнить желѣзною артиллеріею, и оставя тамъ бригадира, самому побывать въ Гилянѣ, ежели время допуститъ и возвратиться въ Астрахань. Буде же поздно будетъ, то не бывъ въ Гилянѣ возвратиться въ Астрахань. Между тѣмъ же, ежели кто изъ горскихъ владѣльцовъ, будутъ искать нашей протекціи, и оныхъ принимать, кромѣ Усмѣя и Утемышевскаго владѣльцовъ и кои намъ противны и точны разоренію Шемахинскому.

4. Будущимъ лѣтомъ учинить магазины въ слѣдующихъ мѣстахъ.

На армію на двадцать тысячъ человѣкъ:

Въ Баку на годъ.
Въ Дербентѣ на два мѣсяца.
Въ крѣпости Святаго Креста на два мѣсяца.
На гарнизоны вездѣ на годъ.

5. Сдѣлать лазареты въ слѣдующихъ мѣстахъ, для арміи.

Въ крѣпости Святаго Креста на тысячу.
Въ Дербентѣ на тысячу.
Въ Баку на двѣ тысячи.
Въ Астраханѣ на три тысячи, а въ гарнизонахъ вездѣ на четвертую долю гарнизона.

Digitized by Google

Буде же всего числа на армію будущимъ лѣтомъ исправить будетъ невозможно, то хотя и останется такое число, что можно будетъ вдругъ въ другое лѣто поднять, то довольно того, а въ гарнизоны, чтобъ было будущимъ лѣтомъ сполна.

6. Притедъ къ Баку, провіантъ выгрузить на островъ, который удобнѣе для того, ежели паче чаянія Турки гораздо сильно придутъ, чтобъ ретирада легче была во время нужды.

7. Для карауловъ и работъ прислать съ Царицына, въ Астрахань, которые тамъ зимовать будутъ изъ пѣхотныхъ сколько запотребно разсудите.

8. Драгунамъ коимъ надлежитъ съ казаками дѣйствовать, и какъ возможно разорять Усмѣя и прочихъ противныхъ, также чтобъ помогать Дербентцамъ въ ихъ нуждахъ, прикрывая ихъ полевыя работы.

9. Къ протоку, который отъ Сулака рѣки прорвало, къ которому посланъ былъ Иванъ Орловъ съ инженеромъ, опредѣлить по качеству работы казаковъ и регулярныхъ для обороны и вспоможенія работы.

10. Для гавани въ Дербентѣ опредѣлить двѣсти человѣкъ казаковъ, въ прибавку къ тѣмъ которые тамъ, и дѣлать оную гавань по чертежу.

11. Когда Бусы отъ васъ возвратятся въ Астрахань, тогда нагрузя изъ оныхъ двѣ бусы хлѣбомъ, масломъ и солью, что опредѣлено Дербентскимъ жителямъ, послать въ Дербентъ и отдать Наибу. И тѣ суда отдать ему вовсе, объявляя ему, дабы оныя употреблялъ онъ въ Гилянь для пшена и на прочія ихъ потребности.

12. Въ будущую весну, какъ пойдутъ драгуны, объявить имъ, что имъ зимовать изъ двухъ мѣстъ гдѣ удобнѣе, то есть у крѣпости Святаго Креста и по рѣкѣ Тереку, или въ обѣихъ мѣстахъ, гдѣ сколько заблаговременно разсудятъ, и чтобъ заранѣе все къ тому приготовляли и невѣдѣніемъ бы никто не оттоваривался.

13. Командиръ для строенія крѣпости и дама (плотины) и для зимовья опредѣляется Генералъ-Маіоръ Кропотовъ.

14. Казакамъ объявить, кои у работы будутъ, когда отдѣлаютъ, отпустить ихъ прямо домой, давъ провіанту на дорогу, а буде не отдѣлаютъ, то зимовать у той крѣпости, и на другую весну додѣлать.

15. Когда Богъ дастъ, крѣпость Святаго Креста и плотина отдѣлается, и рѣка Сулакъ дѣйствительно обратитъ свое теченіе Аграханью, тогда съ Терека какъ солдатъ, такъ и прочихъ жителей перевесть совсѣмъ въ крѣпость Святаго Креста, также въ то время и тражаментъ (ретраншаментъ) въ Аграханскомъ заливѣ оставить и людей вывесть.

16. Къ полковнику Шипову отправить на весну желѣзныхъ пушекъ въ Гилянь тридцать съ ядрами и прочею аммуниціею, что къ нимъ надлежитъ.

17. Ежели будущимъ лѣтомъ станутъ приходить торговые и ремесленные Армяне и поселяне къ Дербенту и къ Баку

Digitized by Google

(когда Богъ дастъ оною овладѣемъ) и оныхъ принимать, и буде похотятъ селиться, то бы селились около Баку слободами и на островѣ Асалинъ, а въ Баку ихъ не пускать (и отводить имъ земли торговымъ и ремесленнымъ подъ дворы и огороды, а земледѣльцамъ противъ крестьянъ нашихъ обыкновенно подъ дворъ и подъ пашню земли по скольку надлежитъ). А въ Дербентъ пускать ихъ съ свидѣтельствомъ, наипаче также которые Армяне будутъ на войско привозить для продажи провіантъ и прочее, что̀ солдатамъ потребно, и оныхъ охранять.

18. Также которые Армяне пожелаютъ у крѣпости Святаго Креста жить, и оныхъ также селить слободами и отводить имъ земли за крѣпостью противъ того какъ выше писано слободами.

19. Которыя письма будутъ присланы изъ Персіи отъ консула Аврамова, отъ Петричиса и отъ прочихъ, изъ Гиляни отъ полковника Шипова, изъ Дербента отъ коменданта и Наиба, и прочихъ, также и изъ Грузіи отъ Ивана Толстова, изъ крѣпостей Святаго Креста и Аграханской, или изъ другихъ мѣстъ отъ кого бъ ни случилось, подписанныя къ намъ такъ же къ Генералъ-Адмиралу или къ кому другимъ, которыхъ здѣсь не будетъ, и оныя письма всѣ распечатывать вамъ, для того, ежели какое дѣло, которое дальняго времени не терпитъ и дѣлу вамъ врученному надлежитъ, чтобъ нераспечатаньемъ какого вреда не нанеслось, и тѣ письма послѣ присылать къ намъ или къ кому надлежитъ при своихъ письмахъ.

20. По времени когда случай будетъ чтобъ послать изъ Дербента (а особливо тогда, когда наши люди придутъ для разоренія Усмѣя и прочихъ) осмотрѣть городка стараго у владѣльца Абасарабскаго, понеже оный самъ просилъ о томъ чтобъ сіе окрѣпить, предлагая, что ежели окрѣпится, то горскихъ комуникацій не будетъ, а имянно Усмѣю и прочимъ съ Даудъ-Бекомъ, понеже мѣсто зело крѣпко, и одинъ только проходъ, и осмотря сіе мѣсто и сдѣлавъ чертежъ прислать.

21. Когда Богъ дастъ въ пользу нашу сдѣлается о Бакѣ и о Гиланѣ, о томъ Ивану Толстому чрезъ письма сообщать, дабы онъ принцу Грузинскому о томъ доносилъ.

22. Прочее дается на его вѣрность и искуство въ чемъ онъ долженъ, хотя чего здѣсь не писано а къ пользѣ быть можетъ, чинить какъ заблагоразсудитъ, такъ какъ честному офицеру и доброму человѣку надлежитъ, памятуя отвѣтъ дать предъ Богомъ и предъ свѣтомъ.

Петръ.

Въ Астрахани въ 4-й день октября 1722.

Digitized by Google

№ 35.

Инструкція когда дастъ Богъ Баку возьмемъ что чинить.

1) Ежели безъ противленія сдадуться отпустить со всѣми пожитки ихъ, кромѣ пошлинъ Шаховыхъ, которыя у нихъ взять надлежитъ за тѣ лѣта, за которыя они не посылали, а дѣлили между себя. Буде же не пожелаютъ выйтить, то однакожь велѣть имъ, давъ нѣкоторый срокъ, объявя ту причину что ихъ оставить не надлежитъ, понеже въ послѣднемъ письмѣ чрезъ Лунина посмѣятельно отвѣтъ и лживо учинили и доброхотствомъ, такъ какъ Дербентцы, не отдались и такъ вѣрить имъ невозможно; а оставить только тѣхъ, которые знаютъ всѣ зборы, также ходятъ за виноградомъ и прочее что̀ нужда требуетъ.

2) Ежели по сопротивленіи отдадутся, то безъ ружья отпустить, буде же штурмомъ взяты будутъ, то кои живы останутся послать въ Астрахань, а пожитки раздѣлить по себѣ.

3) Развѣдать о пошлинахъ и доходахъ, а особливо о нефти и шафранѣ, сколько было въ доброе время и сколько нынѣ, и что̀ Шаху, и что̀ по карманамъ.

4) Величество города и сколько надлежитъ всегда быть гарнизону, и прочее все съ обстоятельствами описавъ прислать.

5) Разсмотрѣть кругомъ конскихъ кормовъ для такого случая, когда армія прибудетъ.

6) Сдѣлать въ Баку два или три погреба для питья подъ башнями или какими-нибудь другими каменными строеніями чтобъ было холоднѣе.

7) Когда оснуетеся, тогда надлежитъ вамъ въ Баку пошлины сбирать, такожъ и въ Гилянь писать дабы тожъ чинили.

Петръ.

Въ 4 день ноября.
1722 года. Астрахань.

№ 1.

Господинъ Генералъ-Маіоръ и Гвардіи Маіоръ!

Предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Астрахани, ноября въ 4 день 1722 г., оставили мы Вамъ инструкцію какъ Вамъ поступать, но оная инструкція чинена по тогдашнимъ конъюктурамъ, а нынѣ для турецкаго дѣла нѣкоторые пункты той инструкціи мы отмѣнили и такожъ нѣкоторые вновь привели которые при семъ прилагаемъ и по онымъ исполняйте.

Петръ.

Въ Преображенскомъ,
въ 17 день февраля 1723 г.

Digitized by Google

Въ данной инструкціи отмѣнить для турецкаго дѣла слѣдующее:

Въ 1-мъ драгунъ столько отправить на Царицынъ, сколько потребно для пріему лошадей и ихъ содержанія отъ каждаго полка (а не лишнихъ) и быть имъ у лошадей на квартирахъ до указу, а къ крѣпости Святаго Креста не ходить, а отъ Астрахани весною драгунъ конныхъ отправить самую нужду къ крѣпости Св. Креста, напримѣръ полтора или два полка.

Во 2-мъ, велѣно послать 1.000 человѣкъ, но ежели нужда будетъ то прибавить сколько надобно и беречь сіе мѣсто паче всего, понеже для него все дѣлаемъ.

Въ 3-мъ, всѣхъ принимать въ подданство которые похотятъ, тѣхъ чья земля пришла къ Каспійскому морю.

Въ 3-мъ же, что̀ написано Вамъ когда Богъ дастъ управиться въ Баку, потомъ ѣхать Вамъ въ Гилянь, ежели время допуститъ, и сіе оставить, но послать туда бригадира Левашова, а самому ѣхать на устье рѣки Куры, взявъ съ собою капитана-поручика Соймонова, для слѣдующаго:

Осмотрѣть гавань и устье рѣки Куры (о чемъ пространно ему Соймонову въ инструкціи написано и словесно наказано), также и по рѣкѣ не только вверхъ, того для понеже, какъ ты и самъ слышалъ, что у Баку сказываютъ кормами конскими зѣло скудно, а дровъ и нѣтъ, а у насъ положено сіе мѣсто главное для збору воинска, и ежели то увидишъ что правда, того для осмотрѣть мѣста на Курѣ рѣкѣ, дабы тамъ впредь для сего мѣста устроить хорошій городъ вмѣсто Баку для рондеву войску впредь, а нынѣшнимъ лѣтомъ сдѣлать на устьѣ въ самомъ крѣпкомъ мѣстѣ или близь устья, ежели на устьѣ такого мѣста не сыщется, малую крѣпость человѣкъ на 300, дабы непріятель не захватилъ, но наша поссесія была. И сіе вышеписанное управя съ помощію Божіею возвратиться Вамъ въ Астрахань, къ будущей зимѣ, дабы зимою намъ съ вами о семъ дѣлѣ переговорить.

Въ 4-мъ, что велѣно на армію готовить будущимъ лѣтомъ провіанту, но нынѣ надлежитъ чинить по сему:

Въ Дербентѣ на	3.000
„ Баку „	3.000
„ Гилянѣ „	3.000
На Сулакѣ „	3.000

Въ гарнизоны на два, а по нуждѣ на полтора года, да сверхъ того, гдѣ увидите что̀ нужно людей прибавить—тутъ и провіанту по своему усмотрѣнію, понеже отъ Турковъ не безъ опасеній есть нынѣ, а особливо имѣть смотрѣніе надъ Гилянью, понеже тамъ фортеціи нѣтъ и лучшее богатое мѣсто, также можетъ быть что иногда Шахъ для обороны прибудетъ, котораго оборонить надобно, то прибавить людей и про-

Digitized by Google

віанту, также и въ прочихъ мѣстахъ прибавлять и убавлять по дѣлу смотря, понеже издали на все точнаго указу опредѣлить невозможно.

Осьмой весь отставить.

Въ 12-мъ, зимовать только тѣмъ драгунамъ конным которые пойдутъ отъ Астрахани къ крѣпости Св. Креста.

Въ 13-мъ, для зимовья опредѣлить Бригадира или Полковника по разсужденію, а Кропотову, отдѣлавъ плотину и крѣпость, возвратиться въ Астрахань.

Въ 16-мъ, прибавить пушекъ по разсмотрѣнію.

Въ 20-мъ, ежели мочно будетъ безъ войска осмотрѣть, то чинить, а буде невозможно, до указу отставить.

Прибавочные новые пункты.

1.

Въ Дербентъ прибавить баталіонъ пѣхоты да Яицкихъ казаковъ конныхъ моремъ транспортовать 200 человѣкъ, да донскихъ пѣшихъ 1.000 (а черкасъ, когда Донскіе прійдутъ въ Дербентъ отпустить) понеже Турки Лезгинцовъ приняли въ свою протекцію; и хотя о томъ еще дружески прислали сюда говорить посланника, однакожъ вѣрить нельзя; туда жъ послать 20 пушекъ желѣзныхъ 6, 8 и 12 фунтовые съ полною аммуниціею, а вмѣсто оныхъ взятые въ Дербентѣ мѣдные пушки кои получше вывесть въ Астрахань.

2.

Дербентскихъ жителей надлежитъ кормить нашимъ же провіантомъ и когда комендантъ Юнгоръ или Наибъ будутъ къ вамъ о провіантѣ для пропитанія Дербентскимъ жителямъ писать, тогда имъ опредѣлите провіантъ на семью по чему надлежитъ, а имянно противъ того, почему въ Вашихъ домахъ людямъ на семью дается.

3.

Такожъ ежели услышите о Туркахъ, что хотятъ итти къ Дербенту, тогда можете отъ крѣпости Св. Креста солдатъ тысячи двѣ или больше изъ тѣхъ, которые тамъ на работѣ будутъ прибавить моремъ, о чемъ тебѣ дать пункты Коропотову.

Петръ.

Въ Преображенскомъ
въ 17 д. февраля 1723.

Получено въ Астрахани марта 13, 1722 г.

№ 2.

Господину Генералъ-Маіору.

Понеже Шиповъ слава Богу счастливо въ Гилянь прибылъ, но притомъ же увѣдомились мы что бунтовщики мирвейзцы почитай всею Персіею завладѣли и близь Гилани, того

Digitized by Google

ради нынѣ на тѣхъ судахъ, на которыхъ тебѣ ѣхать къ Баку, отправь Бригадира Левашова (а буде занеможетъ то Барятинскаго) въ Гилянь и съ ними тысячи двѣ или болѣе, съ совѣту, и дабы тотъ кто отправленъ будетъ въ Гилянь поступали по инструкціи данной отъ насъ полковнику Шипову, дабы сіе мѣсто въ которомъ уже поссесія наша есть и всѣхъ нужнѣе въ совершенную безопасность привесть, а самъ дождися изъ Гиляни судовъ отъ Шипова, а ежели не будетъ Гилянскихъ довольно или поздно прибудутъ, то казанскихъ дождись. И поди по данному тебѣ указу къ Баку; ежели же ты уже пошелъ и сей указъ васъ застанетъ въ дорогѣ близь астраханскаго устья, то поворотись и исправь по сему; буде же у Баку сей указъ прійдетъ, то учини по сему, буде скоро достанетъ Баку, то кой часъ войдетъ въ Городъ отправь вышеписанныя двѣ тысячи въ Гилянь, а для укрѣпленія города и прочаго дожидайся изъ Астрахани людей. Буде же продлится, то лучше перво въ Гилянь послать которые уже въ рукахъ, а Баку доставать дождався изъ Астрахани людей. Ежели вскорѣ достать не надѣется, сіе и прочее что приключится чините не упуская никакой пользы, по своему искуству и совѣту, какъ вамъ и въ инструкціи написано, ибо изъ такой дальности какъ возможно точные указы писать! Понеже случай непрестанно перемѣняется.

Петръ.

Изъ Санктъ-Питербурха.
Марта въ 26 д. 1723 г.

Получено Апрѣля 13 дня 1723 г.

№ 3. Дубликатъ предъидущаго письма.

. . . . . .

Подлинная подпись.

Петръ.

Полученъ въ Астрахани 1723 г. апрѣля 24-го дня.

№ 5.

Господинъ Генералъ-Маіоръ.

Понеже просилъ насъ принцъ Грузинскій чтобъ прислать хотя малую часть войска, того для опредѣляемъ туда двѣ тысячи человѣкъ: отъ Кропотова корпуса слѣдующихъ тысячу драгунъ конныхъ да шесть-сотъ пѣшихъ всѣхъ командированныхъ, да половину полка Пилева изъ Астрахани (Кропотову взять съ собою для сей посылки), а ежели четырехъ-сотъ не будетъ въ половинѣ Пилева полку, то дополнить изъ Астраханскаго гарнизона (и чтобъ были мундированы) буде же Кропотовъ уже уѣхалъ съ корпусомъ, то вмѣсто Пилева четыреста человѣкъ пѣшихъ драгунъ. Надъ симъ корпусомъ командиромъ учинить добраго подполковника и двухъ маіоровъ и быть имъ подъ командою капита-

Digitized by Google

на отъ гвардіи Баскакова, который туда посылается; также придать Гребенскихъ казаковъ сто для провожанія ихъ до горъ, а въ Грузію пятьдесятъ изъ тѣхъ ста человѣкъ, и чтобы сія экспедиція какъ наискорѣе отправлена была; провіантъ на мѣсяцъ отправить, и чтобъ Гребенскіе казаки и Терскіе жители оный везли, да сверхъ того отпустить рѣкою Терекомъ вверхъ (до коихъ мѣстъ возможно везти) провіанту въ запасѣ на мѣсяцъ или на шесть недѣль; при ономъ же корпусѣ отпустить комисара съ деньгами на жалованье, на годъ на всѣхъ, пушекъ полковыхъ четыре и на каждую пороху и ядеръ по сту-пятидесяти выстрѣловъ. На людей на всѣхъ пороху и пуль по двѣсти выстрѣловъ, канонировъ пятнадцать человѣкъ, кондукторовъ двухъ, капрала или сержанта надъ канонирами одного, а ежели васъ сіе уже въ Астрахани не застанетъ, то по сему указу отправить Генералъ-Маіору Кропотову.

Петръ.

Въ 17-й апрѣля 1723 г.
Изъ Санктпетербурха.

Подано въ Астраханѣ мая 25-го дня 1723 года.

№ 6.

Собственноручный указъ Императора Петра Генералу Матюшкину.

Господинъ Генералъ-Маіоръ.

Получена вѣдомость изъ Грузіи, что Турки оныхъ уже принудили въ подданство, и паша идетъ къ Шемахѣ; зѣло опасно чтобъ не захватилъ Баку (сіи вѣдомости вы вѣдаетель не знаемъ, понеже письма Ивановы по данному тебѣ указу отъ васъ нераспечатаны) и понеже посолъ персидскій самъ далъ письмо, чтобъ Бакинскіе жители не противились, того ради сколько есть судовъ, надлежало вамъ отправить съ людьми въ Баку чтобъ въ городъ пойтить съ тѣмъ письмомъ. А ежелибы и не пустили въ городъ, тобъ мочно имъ тебя у острововъ дожидаться; и ежели сіе письмо такъ получитъ, что еще самъ не будетъ готовъ итти за казанскими судами, то что̀ есть судовъ отправить къ Баку, чтобъ въ городъ пошли. Будеже не пустятъ, а силою за малолюдствомъ не мочно будетъ, тобъ тебя дождались какъ выше писано. А самъ поспѣшай какъ возможно и ежели дастъ Богъ въ Баку войдетъ, то съ жители не такъ поступи, какъ указъ имѣешъ, но мягче, по своему разсужденію; паки подтверждаю чините немедленно, ибо имѣетѣ указъ по конъюктурамъ поступать (ради) такого отдаленія, и удивляемся для чего по симъ изъ Грузіи вѣдомостямъ не послали къ Баку, какъ выше писано и пропускаете такіе нужные дѣла.

Письма ваши черезъ курьера Пушкина получили. Строеніе крѣпости на Курѣ отложите до другаго указа. Курьеръ

Digitized by Google

который отъ васъ присланъ былъ прежде о Гилянѣ отъ Шипова, заболѣлъ дорогою и для того тогда письма я не получилъ, а не для иной какой причины.

Изъ Санктъ-Петербурга
въ 13 д. мая 1723 г.

Подалъ его императорскаго величества курьеръ Петръ Голенищевъ-Кутузовъ, іюня 3-го дня 1723 г.

Собственноручное письмо Петра I къ Матюшкину.

Господинъ Генералъ-Маіоръ.

Письмо Ваше чрезъ адъютанта Вульфа я 4-го сего мѣсяца получилъ, съ великимъ довольствомъ что вы Баку получили (ибо не безъ сомнѣнія отъ Турковъ было); за которые Ваши труды Вамъ и всѣмъ при васъ въ ономъ дѣлѣ трудившимся благодарствуемъ и повышаемъ васъ чиномъ Генерала Лейтенанта, что же при семъ случаѣ вамъ чинить о томъ прилагается указъ.

Петръ.

Изъ С.-Петербурга въ 8 день
сентября 1723 г.

Не малое и у насъ бомбардированіе того вчера было когда сія вѣдомость получена, чему свидѣтель сего доноситель.

Получено въ Астрахани 5-го октября.

№ 10.

Дубликатъ предыдущаго письма,
писанъ 17-го сентября 1723 г.

№ 7.

Указъ Генералъ-Лейтенанту Господину Матюшкину.

1. Ружье у Бакинскихъ жителей все оберите.

2. Которые причинны будутъ хотя мало сопротивленію, тѣхъ вывесть въ Астрахань. Ежели жъ число ихъ болѣе половины, то половину вывезите рядовыхъ, а начальныхъ всѣхъ кто тому причинны.

3. Въ данной Вамъ инструкціи въ Астрахани ноября отъ 4-го числа написано въ 7 пунктѣ, чтобъ по полученіи Баку, пошлину какъ въ Баку, такъ и въ Гилянѣ собирать, но нынѣ въ Гилянѣ оную сбирать обождите, понеже посолъ персидскій уже всѣ уступаетъ, и когда съ нимъ окончаемъ, тогда удобнѣе то чинить будетъ, и люди будутъ послушнѣе, а въ Баку о сборѣ тѣхъ пошлинъ чини по первому указу.

4. Строеніе крѣпости на Курѣ велѣно вамъ отложить, однакожъ мѣсто оной осмотрѣть вамъ зѣло нужно, что̀ чаю по указу вы уже исполнили, такъ же когда поѣдете зимою

Digitized by Google

къ намъ, тогда и Соймонова возьмите съ собою; дабы могли отъ васъ лучше о Курѣ выразумѣть.

5. Нефти бѣлой нѣсколько пудъ вели взять изъ Baku и пришли къ намъ или самъ привези.

Петръ.

Въ 9 д. сентября 1723 г.
Изъ Санктъ-Петербурга.

Получено въ Астрахани 5-го октября 1723 г.

№ 8.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Писали мы къ Губернатору Волынскому чтобъ онъ отправилъ въ Гилянь къ Левашову рекрутъ съ довольствомъ, а именно чтобы тамъ было всѣхъ людей въ командѣ Левашова пять тысячъ человѣкъ, въ чемъ надлежитъ и Вамъ приложить стараніе, такожъ надлежитъ туда отправить для нужныхъ разъѣздовъ драгунъ человѣкъ двѣсти въ вышеписанное жъ число. Того для отправьте ихъ съ достальными рекрутами, давъ имъ сѣдла и прочую драгунскую аммуницію, а о лошадяхъ отпишите къ Левашову чтобъ тамъ сыскалъ купить, а денегъ велѣно къ нему отправить изъ Астрахани Губернатору Волынскому три тысячи рублей.

Петръ.

Въ 9 д. сентября 1723 г.
Изъ Санктъ-Петербурга.

Получено въ Астрахани октября 5-го дня.

№ 13.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Увѣдомились мы по письмамъ Генералъ-Маіора Кропотова, что Ногайцы, которые живутъ близъ крѣпости Святаго Креста и аграханскаго транжамента, желаютъ быть въ службѣ нашей. И хотя шамхалъ ихъ отзываетъ къ себѣ, однакожъ они къ нему не хотятъ. И ежели де оныхъ тамо не будетъ, то команды его людямъ въ съѣстныхъ припасахъ въ мясѣ и въ рыбѣ будетъ не безъ нужды и для того отпишити къ нему, чтобы онъ, по желанію ихъ, принялъ ихъ въ нашу службу.

* При семъ поздравляю со всѣми провинціями по берегу Каспійскаго моря лежащія, понеже посолъ персидскій оныя уступилъ, съ котораго трактата прилагаемъ копію.

Петръ.

Въ 17 день сентября 1723 г.
Изъ Санктъ-Петербурга.

Подалъ Тобольскаго баталіона Сержантъ Толбухинъ 17-го октября 1723 г.

---

* Собственноручная приписка Государя.

Digitized by Google

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ *.

Письмо твое отъ 18-го августа мы получили купно съ подлиннымъ Текеномъ города, также опись колодезямъ нефтянымъ, розыскъ про бывшаго султана и прочее. Предъ симъ мы писали къ Вамъ съ Вашимъ адъютантомъ, чтобъ кто причиной былъ противности, ежели половина будетъ или меньше чтобъ вывесть, также ружье у всѣхъ обобрать, сіе бъ не худо было, но кладемъ на ваше разсужденіе: лучше по состоянію тамошнему можетъ дѣлать; однакожъ сколько можетъ быть безъ вреда оттоль ихъ людей убавить, понеже хотя о Туркахъ у меня мягки вѣдомости, но намѣреніе ихъ глубоко, чего опасаться надлежитъ. Тутъ же пишешъ о служивыхъ людяхъ, которые на шаховомъ жалованьи содержаны были, мнѣ мнится нѣсколько держать для знанія мѣстъ напримѣръ человѣкъ сто конныхъ съ ружьемъ. А прочимъ отъ службы отказать, понеже своихъ имѣемъ. А особливо вывесть надо кто турецкаго закона, что все даемъ на ваше разсужденіе.

Петръ.

Изъ Санктъ-Петербурга.
14-го сентября 1723 г.

P. S. Пирамиды что̀ на Апшеронѣ нарисовать и подпись списать, также сколько нынѣшній случай допуститъ послать туда драгунъ и казаковъ столько, сколько тамъ лошадей достать и содержать можно.

Подлинное получено чрезъ поручика Іогана Вульфа въ Астрахани 5-го октября 1723 г.

Указъ Генералъ-Лейтенанту Господину Матюшкину.

Понеже велѣно резиденту нашему Неплюеву, обрѣтающемуся при дворѣ Султана Турецкаго, учинить согласіе чтобъ въ войскахъ обоихъ странъ, какъ нашихъ россійскихъ, такъ и турецкихъ, которые нынѣ есть въ персидскихъ земляхъ учинить армистицію или унятіе оружія и болѣе прогрессовъ въ тѣхъ краяхъ ни подъ какимъ претекстомъ не чинить. И ежели онъ резидентъ такое согласіе съ ними Турки учинитъ, то повелѣли мы ему о томъ къ тебѣ писать чрезъ Астрахань, и тебѣ надлежитъ нынѣ ко всѣмъ въ персидскихъ краяхъ обрѣтающимся нашимъ войскамъ командирамъ писать и о томъ дать знать, чтобъ они о томъ вѣдали про себя, а другимъ тамошняго народу не разглашали, и ежелибъ къ нимъ отъ кого изъ турецкихъ командировъ было о томъ писано, тобы тогда къ нимъ на то отвѣтствовали что такой указъ нашъ они имѣютъ и по тому исполнять будутъ, есть ли и отъ нихъ съ турецкой стороны по тому жъ поступано будетъ. Однакожъ въ томъ не разумѣются тѣ провин-

* Подлиннаго письма въ собраніи нѣтъ, но есть копія.

Digitized by Google

ціи, которыя намъ шахъ уступилъ, куда надлежитъ послать какъ о томъ прежнія наши указы повелѣваютъ, но разумѣются только другія провинціи кромѣ тѣхъ уступленныхъ.

Петръ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ
октября 21-го дня 1723 г.

Полученъ въ Астрахани 21-го ноября 1723 г.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

По полученіи сего поѣзжай къ намъ сюда въ Санктъ-Петербургъ немедленно, такожъ и губернатору Волынскому объяви чтобъ ѣхалъ съ тобою сюда; такожъ и Соймонова привези съ собою.

Петръ.

Въ 4 день декабря 1723 г.
Въ Санктъ-Петербургѣ.

Пункты начертанные собственноручно Петромъ Великимъ.

Въ 22 день мая 1724 г.

1. Крѣпость святого креста додѣлать по указу.
2. Въ Дербентѣ цитадель сдѣлать къ морю и гавань дѣлать.
3. Гилянь уже овладѣна надлежитъ Мозендаратъ также овладѣть и укрѣпить, а въ Астрабадской пристани ежели нужно сдѣлать крѣпость и для того работныхъ людей которые опредѣлены на Куру употребить въ выше писанныя дѣла.
4. Баку укрѣпить.
5. О Курѣ развѣдать до которыхъ мѣстъ можно судами мелкими идтить, чтобъ подлинно вѣрно было.
6. Сахаръ освидѣтельствовать и прислать нѣсколько и какой можетъ быть.... изъ онаго, также и фруктовъ сухихъ.
7. О мѣди такожъ подлинное свидѣтельство учинить, для того взять человѣка который пробы умѣетъ дѣлать.
8. Бѣлой нефти выслать тысячу пудъ или сколько возможно.
9. Цитроны, сваря въ сахарѣ прислать сего для поискать здѣсь мастера.

Единымъ словомъ какъ владѣніе, такъ сборы всякіе денежные и всякую экономію въ полное состояніе привесть

23 мая 1724 года.

Прибавка къ вчерашнимъ пунктамъ *.

Тщиться всякимъ образомъ чтобъ Армянъ призывать и иныхъ христіанъ, ежели есть, въ Гилянь и Мазендарань и

* Тоже писана собственною рукою Петра.

Digitized by Google

ожилять, а бусурманъ зело тихимъ образомъ, чтобъ не узнали, сколько возможно убавливать, а именно Турецкаго закона. Также когда осмотрится дабы зналъ сколько возможно тамъ русской націи на первый часъ поселить.

О Курѣ подлиннаго извѣстія не имѣемъ, иныя говорятъ что пороги, а нынѣ пріѣзжалъ Грузинецъ сказываетъ, что отъ самой Ганжи до моря пороговъ нѣтъ, но выше Ганжи пороги; того ради о семъ, яко о главномъ дѣлѣ, надлежитъ освѣдомиться, а кажеться лучше нельзя какъ посылкою для каковаго дѣла въ Тифлисъ къ Пашѣ.

Сіе писано не зная тѣхъ сторонъ, для того дается на ваше разсужденіе: что лучше — то дѣлайте, только чтобъ сіи уступленныя провинціи особливо Гилянъ и Мазендаранъ въ полное владѣніе безопасность приведены были какимъ образомъ удобнѣе быть можетъ.

Пункты докладные Вашему Императорскому Величеству.

1.

Понеже по Шаховому указу прошлаго 1658 года велѣно правительство въ Бакинской провинціи Алагведею султану имѣть и нефтяные, и соляные и прочіе доходы оному вѣдать, которому по тому указу въ Баку сбирать повелѣно по окладу на каждый годъ по 49.733 рубля по 17 алтынъ по три деньги (на россійскій счетъ), да шафрану по 3.000 золотниковъ и по 9 шатиса, воинскихъ лошадей въ подарки шаху же присылать, да по 5.000 рублей съ уѣздныхъ Бакинскихъ деревень (который сборъ Ихайды Кулы султанъ, дядя онаго Алагведея имѣлъ), а съ 716 г. по шахову указу вышереченнаго правителя Алагведея перемѣнилъ Махамедъ-Хусейнъ-Фетигъ-Али султановъ сынъ, который сборъ онъ имѣлъ съ черной и бѣлой нефти и съ шафрану и съ деревень и съ прочихъ всякихъ доходовъ на откупу, противъ помянутаго и какъ оный отецъ его содержалъ. А владѣлъ оный Махамедъ-Гусейнъ сборами 5 лѣтъ и 3 мѣсяца и по вышереченному числу оный сборъ онъ Мухамедъ-Гусейнъ на оный россійскій счетъ и имѣлъ. Въ которыхъ годѣхъ, по вступленіи моемъ въ Баку, оный прежній султанъ Мухамедъ-Гусейнъ въ вышереченныхъ сборахъ считанъ, и за всѣмъ расходомъ на немъ султанѣ явилось въ доимкѣ по счетнымъ книгамъ денежной казны 94.380 рублей 14 алтынъ 4 деньги на россійскій счетъ, чего ради у онаго султана за оныя доимочныя деньги въ Баку описаны въ домѣ его всякіе пожитки, по которой описи и оцѣнкѣ оставлено въ Баку изъ его султанскихъ пожитковъ у господина бригадира князя Барятинскаго по оцѣнкѣ Бакинской на 1306 рублей на 75 копѣекъ, да изъ нѣкоторыхъ его вещей привезено въ Астрахань, таможней же оцѣнкѣ, на 1676 рублей на 45 копѣекъ итого 2983 рубля на 20 копѣекъ, да денегъ персидскихъ двугривниковъ и гривенниковъ 708 рублей 50 копѣекъ. Итого изъ пожитковъ его оставлено въ Баку и что въ привозѣ въ Астрахань вещь-

Digitized by Google

ми и деньгами на 3691 рубль на 70 копѣекъ. Да кабалъ оставлено въ Баку (по которымъ за нефть надлежитъ взять) на купецкихъ людяхъ на 4339 рублей на 43 копѣйки и всего оставлено изъ вещей и кабалъ и что̀ привезено въ Астрахань на 8031 рубль на 13 копѣекъ. Со оными же вещами помянутой Мухамедъ-Гусейнъ и съ братьями самъ четвертъ привезенъ въ Астрахань, гдѣ оный султанъ и съ его братьями содержится подъ арестомъ, которому жь и со оными собратьями дается изъ оныхъ его привезенныхъ денегъ каждому члену деньгами на кормъ по 2 копѣйки на день, да провіантъ противъ солдата.

И въ вышеречевныхъ доимочныхъ деньгахъ и о помянутомъ прежде бывшемъ султанѣ Мухамедъ-Гусейнѣ и съ братьями его и оставленныхъ въ Баку и привезенныхъ въ Астрахань его пожитковъ, вашимъ Императорскаго Величества указомъ повелѣно что̀ будетъ.

Рѣзолюція Петра.

Пожитки продать, а его въ Рогочевскъ и съ братьями.

2.

Города Баки изъ обывателей издревле во оберегательствѣ было 100 человѣкъ служивыхъ людей и каждый имѣлъ жалованья по 30 рублей, а потомъ когда забунтовалъ Даудъ и въ томъ году, усмотря услугу оныхъ обывателей, присланъ былъ отъ шаха указъ о прибавкѣ каждому члену жалованья по 20 рублей и съ прежними учинено каждому по 50 рублей, а потомъ еще къ прежнимъ служивымъ людямъ повелѣно быть 200 человѣкамъ, которыхъ учинилося 300 человѣкъ и онымъ служивымъ людямъ всѣмъ ли въ Баку быть и помянутое жалованье каждому человѣку давать ли?

Рѣзолюція Петра.

Быть сто человѣкъ, жалованье по 30 рублей, Ютбашп сто рублей.

3.

Когда ребелизантъ Даудъ и прочіе горскіе народы учинилися шаху противниками, тогда имъ Бакинскимъ обывателямъ изъ нефтяныхъ колодезей и анбаровъ нефти брать не давали, и оные Бакинскіе служители всѣ 300 человѣкъ собравься съ тѣми непріятели бились и изъ оныхъ нефтяныхъ колодезей и анбаровъ отъ оныхъ непріятелей взявъ нефти Гилянцамъ на 8222 рубля на 25 алтынъ на деньги и на товаръ, и на провіантъ и на кабалы продали и изъ оныхъ денегъ взяли себѣ въ жалованье по указу 300 человѣкамъ 3000 рублей, да за тележные наймы (на которыхъ нефть привозили) издержали 440 рублей, а о достальныхъ 4782 рубляхъ 25 алтынахъ деньгами и товарами и провіантомъ просятъ оные Бакинскіе служители, дабы по Вашему Императорскаго Величества высокому указу, имъ были пожалованы впредь въ жалованье.

Digitized by Google

Резолюція Петра.

Зачесть сту человѣкамъ.

4.

Напредь сего, который былъ въ Дербентѣ пошлинный сборъ со всякихъ товаровъ, по древнему ихъ обыкновенію, оный сборъ дербенскимъ служительнымъ людямъ въ жалованье употреблялся, которыхъ издревле въ Дербентѣ имѣлось 1016 человѣкъ и онымъ каждому человѣку давано жалованья по 60 рублей, а нынѣ всѣхъ на лицо служилыхъ людей 600 человѣкъ итого будетъ онымъ 600 человѣкамъ 36.000 рублей и онымъ оставшимъ служилымъ людямъ такое жалованье давать ли и по толикомуль числу въ Дербентѣ служилымъ людямъ?

5.

Понеже, по Вашему Императорскаго Величества высокому указу, имѣется въ Дербентѣ и въ Баку донскихъ казаковъ 1000 человѣкъ, которымъ опредѣлено тамъ давать противъ солдатской дачи провіантъ и денежнаго жалованья онымъ донскимъ казакамъ тамъ въ Бакѣ и Дербентѣ ничего не дается, такожъ обрѣтается имъ въ крѣпости Святаго Креста для разъѣздовъ изъ кампанейцовъ, и изъ донскихъ казаковъ которые оставлены тамъ въ прошломъ 1722 году; и онымъ компанейцамъ тогда тамъ оставлено Вашего Императорскаго Величества жалованье по нынѣшній 1724 годъ, которое уже все имъ издержано. И на нынѣшній годъ и впредь какъ предреченнымъ донскимъ казакамъ, такъ и онымъ компанейцамъ, указомъ Вашего Императорскаго Величества оное жалованье откуда давать повелѣно будетъ?

Резолюція Петра.

Дать жалованье по 10 алтынъ на мѣсяцъ.

6.

Понеже отправлены изъ Астрахани въ крѣпость Святаго Креста цѣловальники съ кабаковъ для продажи вина и табаку, а которые нынѣ на работѣ Малороссіяне тамъ обрѣтаются и оные виномъ и табакомъ торгуютъ, чего де ради Гевальдигеръ Сомовъ указомъ наказному Гетману публиковалъ дабы оные виномъ, табакомъ не торговалали. И оный наказной Гетманъ попрежнему имъ виномъ и табакомъ торговать велѣлъ понеже де онымъ въ торговлѣ виномъ и табакомъ запрещенія не было. Буде впредь оные Малороссіяне станутъ виномъ и табакомъ торговать, то оттого учинится Вашего Величества сбору денежному убытокъ и о торговлѣ онымъ указомъ Вашего Величества, что повелѣно будетъ?

Резолюція Петра.

Брать по два рубля съ бочки съ проданной.

Digitized by Google

Его Императорскому Величеству въ докладъ пункты.

Низоваго корпуса пѣхотные 18 баталіоновъ повелѣно учинить полками и когда сведутся по два баталіона въ одинъ полкъ, какія давать полкамъ званія.

Резолюція Петра.

Давать имена по мѣстамъ.

Гренадерскіе два баталіона полкомъ учинить ли или къ каждому пѣхотному полку опредѣлить по ротѣ гренадерской, и ежели опредѣлить къ каждому полку по ротѣ, то надлежитъ сверхъ двухъ баталіоновъ еще прибавить одну роту гренадеръ.

Резолюція Петра.

Лучше по полкамъ роты учинить.

Случаются нужныя дѣла для которыхъ надлежитъ послать курьеровъ къ Вашему Величеству, и чтобъ не было въ томъ продолженія отъ губернаторскаго правленія, того для прошу чтобъ велѣно было давать подводы по даваемымъ курьерамъ отъ меня подорожнымъ за моею рукою: Михайло Матюшкинъ

Резолюція Петра.

Давать по вашимъ подорожнымъ.

1724 года мая 29.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Въ нашей отправленной къ тебѣ грамотѣ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 31 числа августа, при посылкѣ списка съ трактата учиненаго между нами и Портой и персидскихъ дѣлахъ и съ присланной карты, дано тебѣ знать, что наши коммисары для разграниченія въ Персіи по тому учиненному трактату съ Турки назначены и отправлены будутъ, а кто именно, о томъ тебѣ дано будетъ знать; потомъ опредѣлили мы, для того разграниченія, полномочныхъ коммисаровъ: перваго—нашего бригадира и отъ лейбъ-гвардіи маіора Александра Румянцова, который отправляется въ чинѣ чрезвычайнаго посланника къ султану Турскому. Ради размѣны ратификацій на учиненный трактатъ, а по размѣненіи оныхъ имѣетъ онъ ѣхать обще съ турецкими коммиссары и съ стороны Франціи съ медіаторомъ прямо въ Персію, а въ товарищахъ у него вторыми комисарами назначили и опредѣлили мы быть изъ Дербента подполковнику фонъ-Лукею, да изъ Астрахани маіору отъ артиллеріи Гарберу, которому велѣно ѣхать въ Дербентъ и тамъ обще быть съ подполковникомъ фонъ-Лукеемъ въ готовности, и когда къ нимъ вышеупомянутый бригадиръ Румянцевъ отпишетъ куда пріѣхать, то бъ тогда туда и ѣхали. И когда онъ Румянцевъ прибудетъ въ близь Дербента и Баку и будетъ требовать какъ присылки войска коннаго и пѣхотнаго, регулярнаго и нерегулярнаго и Персіанъ изъ Дербента и Баки, такъ и

Digitized by Google

о прочемъ о чемъ случится и потребно будетъ ему писать, то потому ты и тамошніе командиры исправлять имѣете, и для того повелѣли мы нынѣ послать въ Баку сто человѣкъ драгунъ съ сѣдлами, а лошадей повелѣли взять у тамошнихъ жителей, а отъ крѣпости Святаго Креста указали послать человѣкъ съ двѣсти драгунъ въ Дербентъ сухимъ путемъ, на лошадяхъ и о томъ о всемъ надлежащія наши указы какъ къ тебѣ, такъ и команды твои къ командирамъ тамошнихъ мѣстъ и къ фонъ-Лукею и къ Гарберу изъ Сената и изъ Военной Коллегіи отправлены и тебѣ надлежитъ обо всѣмъ томъ надлежащее наставленіе командирамъ тѣхъ мѣстъ команды вашей учинить, дабы ни въ чемъ никакой остановки въ проѣздѣ помянутаго нашего бригадира Румянцова не было и имѣть тебѣ съ нимъ Румянцевымъ коренспонденцію и обо всѣхъ настоящихъ дѣлахъ совѣты, а о томъ ему въ данной отъ насъ инструкціи написано. Но сіе чинить не доставляя врученныхъ вамъ дѣлъ, что можете перепискою оныть.

Петръ.

Изъ С.-Петербурга,
сентября 2 дня 1724.

Получено въ Астрахани 30 сентября 1721 г.

Копія съ письма Его Императорскаго Величества писаннаго къ бригадиру Левашеву въ 21 д. сентября 1724 г.

Письма ваши отъ 6 и отъ 25 чиселъ до насъ дошли, на которыя отвѣтствую. За строеніе крѣпости и прочаго что тамъ въ пользу государству чините благодарствую. Что Еврейнова опредѣлилъ жалованьемъ зѣло изрядно. Понеже онъ тамъ нынѣ нуженъ и впредь чини по своему разумѣнію что надобно повеже описываться далеко. Что же о безлюдствѣ пишете, то еще уже весною опредѣлено и посланъ съ полкымъ опредѣленіемъ господинъ генералъ-лейтенантъ Матюшкинъ. Камни присланныя еще не бывали. Посолъ Измаилъ Бекъ человѣкъ зѣло умный и вѣрный своему отечеству о чемъ много со мною говаривалъ, о чемъ вѣдаетъ Авраамовъ. Такъ же просилъ ежели ему отъ двора Шахова за уступку какая бѣда будетъ, то хотѣлъ у насъ быть подъ протекціею и когда онъ того пожелаетъ то ему учинить.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Письмо твое августа отъ 8 числа изъ Нижняго до насъ дошло. И притомъ копія съ письма бригадира Левашова и со всѣми его приложеніями; но такія письма отъ него прежде вашихъ до насъ дошли, по которымъ мы о всемъ извѣстны. И противъ оныхъ къ нему отъ насъ писано съ чего присемъ копія * прилагается. Въ данной вамъ инструкціи въ

* Помѣщенная выше.

Digitized by Google

Астрахани ноября 4 1722 года написано въ 15 пунктѣ о переводѣ въ крѣпость Святаго Креста терскихъ солдатъ и прочихъ жителей. И транжаментъ въ Аграханскомъ заливѣ разорить и людей тудыжь вывесть, какъ сдѣлается плотина и крѣпость Святаго Креста, чему нынѣ время пришло, ибо плотина сдѣлана и рѣка Сулакъ течетъ Аграханью. И крѣпость почти уже совершена. Того ради нынѣ, по вышеписанному указу, Терекъ надлежитъ перевесть въ крѣпость Святаго Креста, а тамъ сдѣлать редутъ на высокомъ мѣстѣ человѣкъ на сто пятьдесятъ или на двѣсти. И четыре пушки поставить и тѣхъ людей держать тамъ съ перемѣною по три мѣсяца, а транжаментъ въ Аграханскомъ заливѣ такожь разорить и людей перевесть къ крѣпость же Святаго Креста; въ той же инструкціи въ 9 пунктѣ написано, чтобъ задѣлать прорву на Сулакѣ. Но нынѣ пишетъ подполковникъ Дебрини, что оную прорву задѣлывать невозможно, понеже и безъ того воды зѣло много течетъ Аграханью. Того для надлежитъ на той прорвѣ сдѣлать спускъ водѣ такой, чтобъ вода свободно проходила не портя береговъ. А когда нужда будетъ въ водѣ, то и запереть бы оный мочно было. И смотрѣть того, чтобъ Татары не портили. Такожъ дабы другой конецъ построенной плотины былъ подъ руками, того для велите по приложенному при семъ чертежу сдѣлать горверкъ или кронверкъ.

Петръ.

Въ 22 день сентября 1724 г.
Въ С.-Петербургѣ.

P. S. Писалъ къ намъ полковникъ Дебрини, когда крѣпость Святаго Креста совершится, чтобъ ему быть къ намъ съ рапортомъ, и когда крѣпость и прочія работы по указу будутъ сдѣланы, тогда отпустить его къ намъ на время, но чтобъ онъ при отъѣздѣ своемъ далъ полную инструкцію своимъ подчиненнымъ, какъ въ его небытность поступать въ содержаніи и починкахъ сдѣланныхъ работъ.

Получено 10 октября 1724 г.

Собственноручное письмо Петра Великаго.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Письма ваши отъ 2-го октября посланныя я получилъ купно съ рапортомъ и вѣдомостьми также и отправленныхъ въ Гилянь и прочія мѣста солдатъ, и драгунъ, и рекрутъ. Для чего ты въ Астрахани задержался, но къ великому удивленію сіе слово: „до указу нашего!“ И что для отправленія задержался—то дѣломъ, а что до указу не знаемъ какъ разсудить. Какой тебѣ болѣе указъ надобно, ибо на все имѣлъ полную инструкцію, также велѣно дѣлать по тамошнимъ конъюкторамъ смотря, а ѣхать самому велѣно, и ежели пропустишъ зиму отвѣтъ дашъ, а что замѣшаніе тамъ сдѣла-

Digitized by Google

лось, то оттого, что Мещерскаго выслали, и опасаться гораздо нечего ибо у Шаха людей нѣтъ, какъ Мещерскій сказывалъ, также и прежде сего вѣдали о томъ подлинно.

Бакинскихъ жителей выслать въ Астрахань и оттоль сюда, оставя тамъ сколько потребно, ежели безъ оныхъ пробыть нельзя, и смотрѣть надъ женами и дѣтьми чтобъ не ушли, а когда сіе будетъ крѣпко—нужно ихъ женъ и дѣтей не покинуть. На Дербентцевъ также смотрѣть крѣпко надобно, и ежели кто явится въ подозрѣніи, велѣть казнить, буде же замѣшаніе какое будетъ или общее зло во всѣхъ или большой части—увидя то—учинить съ ними такожъ какъ о бакинцахъ писано, впрочемъ какъ всегда писали, такъ и нынѣ чинить по тамошнимъ конъюктурамъ, понеже дальность описки не терпитъ, а что надобно какой прибавки о томъ немедленно писать.

Петръ.

Изъ Старой-Русы въ 23-й день октября 1724 года.
Получено въ Астрахани ноября 9-го 1724 года.

Письма Екатерины I къ генералъ-лейтенанту Матюшкину.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Понеже по волѣ Всемогущаго Бога прелюбезнѣйшій нашъ супругъ Его Величество Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, чрезъ двѣнадесятидневную жестокую болѣзнь, отъ сего временнаго житія въ вѣчное блаженство генваря 28-го дня отъиде, которая, по волѣ Всевышняго Бога, такъ чрезвычайно приключившаяся печаль не только намъ зѣло чувствительна есть, но и всѣмъ вамъ вѣрнымъ слугамъ государству и отечеству россійскому, и понеже данною намъ въ началѣ отъ Господа Бога (такожъ высокославныя и вѣчнодостойнѣйшія памяти прелюбезнѣйшаго нашего супруга) властію скипетръ державы Россійскаго Имперіа мы получили и всѣ чины государства нашего отъ первыхъ и до послѣднихъ въ вѣрности присягу намъ подтвердили, равнымъ образомъ надѣемся и на васъ, что вы, такожъ и при васъ обрѣтающіеся офицеры и солдаты въ такой же вѣрности намъ пребудете, какъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти и Государю Императору нашему любезнѣйшему супругу, которая ваша вѣрная служба никогда у насъ забвенна не будетъ. Такожъ въ нынѣшнемъ печальномъ случаѣ, какъ офицеровъ такъ и солдатъ надлежитъ вамъ милостію нашей обнадежить, что мы ихъ никогда не оставимъ; впрочемъ напоминаемъ, чтобъ вы въ положенныхъ на васъ дѣлахъ по даннымъ вамъ указамъ неослабно поступали, и о чемъ надлежитъ писали въ сенатъ такъ же и къ намъ въ кабинетъ по прежнему.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля въ 20-й день 1725.

Digitized by Google

Р. S. Подпоручика отъ гвардіи Юшкова, который въ Гилянь отправленъ велите ему до указу быть тамъ а сюда его назадъ не отпускайте.

Получено мая 12-го дня 1725 года въ Рящѣ.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ и отъ гвардіи Маіоръ.

Письма твои генваря отъ 19-го изъ Ряща писанныя, до насъ дошли со всѣми приложеніями по которымъ мы о всемъ извѣстны и по онымъ обо всемъ повелѣли мы учинить рѣшеніе въ Сенатѣ, которое и учинено и отправлено къ вамъ изъ коллегій иностранной и воинской съ тѣмъ же нашимъ присланнымъ; и хотя, при нынѣшнихъ случаяхъ, не возможно всего по указамъ высокославной и вѣчно достойной памяти Его Императорскаго Величества дѣлать, однако надлежитъ вамъ сколько возможность допуститъ трудиться по указамъ нынѣ къ вамъ посланнымъ исправлять. И хотя чего во оныхъ не изображено, а случится что къ пользѣ государственной чинить можно, и въ такомъ случаѣ надлежитъ вамъ чинить не опуская удобнаго случая какъ вѣрному и честному человѣку надлежитъ въ чемъ мы на васъ надѣемся.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Въ 22-й день апрѣля 1725 г.

Получено мая 31-го дня въ Рящѣ.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Письмо ваше, отъ 29-го числа апрѣля, изъ Ряща до насъ дошло, и на оное будемъ къ вамъ писать впредь, а нынѣ посылаемъ къ вамъ въ знакъ вашихъ вѣрныхъ заслугъ къ намъ и государству нашему учиненную вновь кавалерію ордена Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго на красномъ бантѣ, и какъ оную получишъ о томъ насъ увѣдомь.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Іюня 30-го дня 1725 г.

Получено въ крѣпости Святаго Креста іюля 30-го дня 1725 года.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Письмо ваше сентября отъ 1-го числа отъ крѣпости Святаго Креста чрезъ капитана Вульфа мы получили и о всемъ по оному письму извѣстны и что вы пишите чтобъ быть вамъ сюда по первому зимнему пути для подлиннаго намъ доношенія о состояніи тамошнихъ дѣлъ и того нынѣ учинить не можно, понеже вы тамъ главнымъ командиромъ и при нынѣшнихъ конъюктурахъ безъ васъ быть тамъ весьма не возможно въ чемъ мы на васъ надѣемся, что въ настоящемъ нужномъ времяни вы по своей ревности и искуству что принадлежитъ къ пользѣ государственной не пропустите

Digitized by Google

и за труды ваши отъ насъ забвенны достойнымъ награжденіемъ не будете. А о чемъ ваша нужда въ тамошнихъ дѣлахъ требовать указу, о томъ можете доносить намъ обстоятельными реляціями съ приложеніемъ вашего мнѣнія въ сенатъ и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Екатерина.

Октября 27-го дня 1725 г.
Въ С.-Петербургѣ.

Получено въ Астрахани ноября 25-го дня 1725 г.

Господинъ Генералъ-Лейтенантъ.

Письмо ваше, октября 16-го числа отъ крѣпости Святаго Креста писанное, чрезъ адъютанта вашего Ушакова до насъ дошло, по которому мы о счастливомъ дѣйствіи нашими войсками въ горахъ и о побѣдѣ и разорѣніи сопротивныхъ извѣстны и вамъ за труды ваши и за добрую команду въ томъ дѣлѣ благодарствуемъ.

Екатерина.

Декабря 22-го дня 1725 года.
Въ С.-Петербургѣ.

Получено въ Астрахани генваря 20-го дня 1726 г.

Смерть Петра Великаго повергла его сподвижниковъ въ глубокое отчаяніе. По свидѣтельству Соймонова, припоминавшаго это время въ глубокой старости, курьеръ привезшій въ Дербентъ извѣстіе о смерти государя, не сказалъ объ этомъ никому, прежде главнокомандующаго. Едва Матюшкинъ услышалъ роковую вѣсть, какъ залился слезами, застоналъ и упалъ безъ чувствъ. Въ мигъ печальная вѣсть разнеслась по всему городу. Дворъ и домъ Матюшкина наполнились Русскими находившимися тогда въ Дербентѣ. Нельзя себѣ представить безъ ужаса, говоритъ Соймоновъ, „тѣхъ рыданій, вою и воплю, каковые испускали, пораженные кончиною возлюбленнаго своего государя всѣ Россіяне; въ каковомъ ужасномъ состояніи всѣ они забыли все прочее на свѣтѣ, пробыли болѣе сутокъ безъ сна и безъ пищи; особливо же сцена сія ужаснѣйшею показалась въ церкви, при пѣніи паннихиды и при воскликнутіи ему вѣчной памяти.“ Замѣчательнѣе всего, что Персіяне, едва вступившіе въ русское подданство, присоединились къ плачу и сѣтованію природныхъ Русскихъ.

Съ кончины Петра исчезли и его обширные планы объ утвержденіи русскаго владычества на Каспійскомъ морѣ.

Digitized by Google

Война сдѣлалась для новаго правительства безцѣльною и тягостною и велась отчасти потому, что была уже начата, и начата Петромъ Великимъ, отчасти—вслѣдствіе крайней необходимости держаться на Каспійскомъ прибрежьи, дабы не дать овладѣть имъ Турціи, стремившейся къ тому всѣми силами и всѣми путями.

Матюшкинъ, одинъ изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго, былъ замѣщенъ, въ 1726 году, княземъ Долгорукимъ. Смѣна Матюшкина, сильно повліявшая на дальнѣйшій дурной ходъ всего дѣла, прежде всего объясняется его личными отношеніями къ князю Меншикову. Въ 1716 году Матюшкинъ былъ членомъ военнаго суда (кригсрехта) назначеннаго надъ Меншиковымъ, за присвоеніе казенныхъ денегъ, и приговорившаго его къ лишенію чиновъ и знаковъ достоинствъ. Меншиковъ спасся тогда единственно благодаря своей ловкости и умѣнью выбрать минуту для испрошенія помилованья у государя.

В. КОМАРОВЪ.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ФРАНЦІИ

Histoire des États-Unis depuis les premiers essais de colonisation jusqu'à l'adoption de la constitution fédérale, par Ed. Laboulaye, 3 vol. 1866.

Незавидное положеніе современной Франціи невольно обращаетъ ея лучшихъ людей къ изученію жизни другихъ народовъ, болѣе счастливыхъ въ политическомъ отношеніи. Симпатіи даровитаго автора сочиненія, заглавіе котораго выписано нами, направлены къ Америкѣ. Онъ рѣзко высказалъ ихъ въ своемъ блестящемъ романѣ-памфлетѣ *Парижъ въ Америкѣ*, въ короткое время имѣвшемъ шестнадцать изданій; бо́льшая часть его извѣстныхъ *Etudes Morales* посвящены Америкѣ; имъ изданы *Мемуары* и *Переписка Франклина*; наконецъ, исторія Америки была предметомъ курса читаннаго авторомъ въ Collège de France, съ постоянною цѣлью отрезвленія общества примѣромъ успѣховъ политической жизни великаго народа. Курсъ этотъ, изданный въ истекшемъ году, подъ приведеннымъ заглавіемъ, обнимаетъ собой интереснѣйшій и самый ранній періодъ исторіи Американскихъ Штатовъ, начинающійся съ первыхъ опытовъ колонизаціи, обнимающій семилѣтнюю войну за независимость, постепенное осѣданіе бродившихъ стихій и образованіе стройнаго политическаго организма, части котораго разобраны въ заключеніе авторомъ со всѣмъ мастерствомъ опытнаго юриста. „Предметомъ нашихъ занятій“, говоритъ Лабуле въ своей вступительной рѣчи, объясняя слушателямъ

Digitized by Google

цѣль курса, „будетъ то великое средоточіе политическихъ учрежденій, подъ вліяніемъ котораго образовалось по ту сторону Океана государство, еще такъ недавно, при жизни отцовъ нашихъ, лишенное значенія въ политическомъ мірѣ, но которое, если останется вѣрно мысли своихъ основателей, если людскія страсти не погубятъ его и не приведутъ къ распаденію, достигнетъ къ концу столѣтія такого могущества и величія, что не найдется во всей Европѣ страны, которая могла бы помѣряться силами со всемогущею республикой.“ Рядомъ смѣлыхъ сравненій сопоставляетъ далѣе авторъ общія черты организаціи Соединенныхъ Штатовъ съ порядками, какіе встрѣчаетъ на родинѣ, и рѣзко оттѣняетъ недостатки родныхъ обычаевъ, царство произвола и стѣсненія. „Однимъ словомъ“, говоритъ онъ въ заключеніе, „тогда какъ мы похожи на больнаго, который мечется на одрѣ своемъ, не находя покоя, который пробуетъ всевозможныя средства, только растравляющія его раны, Америка блаженствуетъ, подобно тому какъ здоровый человѣкъ наслаждается своею жизнью и здоровьемъ и пользуется имъ, не задумываясь слишкомъ о немъ.“

Считаемъ не лишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ главнымъ содержаніемъ замѣчательнаго курса.

I.

Вслѣдъ за открытіемъ Америки, авантюристы всѣхъ странъ пустились по проложенному пути искать счастья въ новомъ мірѣ. Первые въ этомъ дѣлѣ были естественно выходцы изъ Испаніи, начинавшіе смотрѣть на всю сѣверную Америку какъ на свою законную собственность, со времени буллы Александра VI, подарившаго Испаніи, безъ всякаго на то права, всѣ открытыя и имѣющія быть открытыми земли Америки. Притязанія Испанцевъ не заградили, впрочемъ, пути предпріимчивымъ людямъ и другихъ странъ. Такъ, въ 1498 г. Венеціянецъ Іоаннъ Каботъ съ пятью кораблями, снаряженными на собственный его счетъ, осмотрѣлъ и пріобрѣлъ на имя Генриха VIII полосу берега отъ мыса Бретона до Флориды; это была первая попытка англійской колонизаціи въ

Digitized by Google

Америкѣ,—попытка, не повлекшая за собой непосредственнаго занятія страны, но въ глазахъ Англичанъ имѣвшая значеніе законнаго завладѣнія, которое они защищали оружіемъ и эксплуатировали въ свою пользу. Несмотря на первый удачный опытъ, Англія вплоть до мирнаго царствованія Елизаветы не думала пользоваться своимъ правомъ владѣнія. „Только въ эту пору, когда открытія Испанцевъ стали болѣе извѣстны и воспламенили всѣ головы, когда лихорадочная жажда золота побуждала всѣхъ авантюристовъ стремиться въ новое Эльдорадо, рисовавшееся каждому въ болѣе или менѣе роскошныхъ краскахъ, рядомъ съ которымъ самое Перу было ничто,—только въ эту пору вздумали извлечь пользу изъ открытій Кабота. При этомъ однако не много думали о колонизаціи, а больше объ исканіи золота, отъ полярныхъ льдовъ до тропическаго зноя; и то что говорятъ намъ теперь о безумной страсти, увлекающей цѣлыя народонаселенія эмигрантовъ въ Калифорнію, есть только слабая копія той страсти, которая, едва окончился рядъ великихъ войнъ, увлекала блудныхъ сыновей Европы въ новый міръ, гдѣ невѣданныя сокровища должны были удовлетворить ихъ алчности и честолюбію.“

Извѣстный фаворитъ Елизаветы, честолюбецъ, но истинный рыцарь характеромъ, Вальтеръ Рале, первый получилъ отъ королевы концессію на собственность странъ, которыя ему удастся открыть въ Америкѣ. Ему предоставлялись всѣ привилегіи неограниченнаго владѣнія, и только пятая часть добытыхъ драгоцѣнныхъ металловъ была назначена въ достояніе казны. Три экспедиціи предпринялъ Рале, одну за другою, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ колонизаціи, не закончившихся однако прочнымъ поселеніемъ. Но восторгъ, возбужденный въ путникахъ изслѣдованіемъ береговъ нынѣшней Каролины, былъ громаденъ и нашелъ себѣ отголосокъ въ ихъ отечествѣ. „Разказы первыхъ путешественниковъ были такъ обольстительны, описанія почвы, благодатнаго климата и произведеній страны (экспедиція привезла съ собой образцы табаку, маиса и дикаго картофеля) такъ живы, что Елизавета хотя и отклонила отъ себя честь участія въ предпріятіи, но захотѣла дать сама имя новой области. Она назвала ее Виргиніей, чтобъ обезсмертить правленіе царицы-дѣвы, въ которое совершилось открытіе, обѣщавшее впереди изумительные результаты.“

Digitized by Google

Вслѣдъ за предпріятіями Рале, блестящіе планы котораго трагически закончились двѣнадцатилѣтнимъ заточеніемъ въ Тоуэрѣ и смертью на эшафотѣ, начались новые опыты поселенія, появились новыя концессіи. Іаковъ I раздѣлилъ обширную территорію Виргиніи на двѣ части, изъ которыхъ каждую предоставилъ эксплуатаціи отдѣльной компаніи предпринимателей; первая территорія удержала за собой названіе Виргиніи, вторая получила имя Новой Англіи. Къ этимъ двумъ первообразамъ современной намъ Америки, распавшимся въ послѣдствіи на мелкія доли, сводится первоначальная исторія заселенія. Виргинія досталась Компаніи, образовавшейся въ Лондонѣ съ чисто коммерческою цѣлью. Торговля съ туземцами, воздѣлываніе почвы для добыванія новыхъ продуктовъ, рыбныя ловли,—вотъ что̀ главнѣйшимъ образомъ занимало Компанію. Для всѣхъ этихъ работъ нужны были люди,—и обществу было предоставлено право приглашать желающихъ изъ англійскихъ подданныхъ переселяться въ Америку, сохраняя всѣ права и преимущества, принадлежащія имъ на родинѣ. Положеніе новыхъ колонистовъ по прибытіи на мѣсто было не изъ завидныхъ: Индійцы постоянно тревожили ихъ своими нападеніями, людей практическихъ, рабочихъ, было мало, искатели приключеній преобладали; на бѣду, въ колоніи введено было общее, такъ-сказать, гуртовое хозяйство. Всѣ работали вмѣстѣ, безъ дѣлежа земли, и урожай распредѣлялся между работниками сообразно нуждамъ каждаго. Это окончательно убило общую энергію и трудолюбіе, и безъ того не очень цвѣтущія. Но свѣжій подвозъ эмигрантовъ и широкое развитіе обработки табака спасли колонію и скоро доставили ей благосостояніе. Вывезенный впервые экспедиціей Рале, табакъ въ короткое время пріобрѣлъ видное мѣсто въ англійской торговлѣ. Употребленіе его проникло во всѣ классы общества. „Спросъ на него былъ такъ великъ и предлагаемая цѣна такъ значительна (разчитываютъ, что она была въ десять разъ болѣе нынѣшней), что колонисты едва удовлетворяли требованіямъ; принялись за разведеніе его съ такимъ рвеніемъ, что самыя улицы и площади Джемстоуна были обсажены табакомъ, и много разъ колонисты чуть не умирали съ голоду, не насѣявъ достаточно хлѣба для пропитанія.“ Табакъ долго былъ единственнымъ продуктомъ и предметомъ вывоза Виргиніи и, какъ это всегда бываетъ въ новыхъ странахъ,—табакъ сдѣ-

Digitized by Google

лался ходячею монетой, мѣриломъ цѣнности. Духовенство, служащія лица получали жалованье табакомъ; и когда въ послѣдствіи, въ 1620 г., компанія прислала въ колонію цѣлый транспортъ женщинъ, „чистыхъ и безупречныхъ“, рука ихъ отдавалась эмигрантамъ цѣной отъ ста двадцати до полутораста фунтовъ табака. Воздѣлываніе табака требовало большой рабочей силы, которую плантаторы нашли, къ несчастію, въ заманчиво-дешевой покупкѣ негровъ, впервые привезенныхъ въ Америку Голландцами. Такъ рано легло на колоніи пятно невольничества, — вѣчный упрекъ, который заставила умолкнуть лишь долгая, кровавая междуусобная война. Въ началѣ перевѣсъ въ выборѣ работниковъ былъ на сторонѣ почти пожизненно нанимаемыхъ каторжниковъ, которыхъ въ обиліи высылала время отъ времени метрополія, и торговля которыми уравновѣшивала продажу чернокожихъ. Но бѣлые не были такъ выносливы, такъ непритязательны и дешевы, какъ негры, и, кромѣ того, они не были *собственностью*, имѣли свой, часто шумный и непокойный голосъ въ дѣлахъ, часто бунтовали гурьбой, и скоро наемъ ихъ прекратился, очистивъ дорогу промыслу неграми. Съ этою удобною рабочею силой пошли въ ростъ богатыя плантаціи, каждая какъ отдѣльное государство, съ своимъ правителемъ, сотнями негровъ, своими средствами защиты и т. д. Никакія усилія не могли убѣдить плантаторовъ переселяться въ мѣста назначенныя для образованія городовъ и мѣстечекъ; городскія поселенія существовали на бумагѣ, на дѣлѣ они были пусты, а плантаціи процвѣтали и развивались. Стремленія къ независимости, къ расширенію политическихъ правъ, неизбѣжно возникли съ теченіемъ времени, по мѣрѣ возрастанія самостоятельности и зажиточности колонистовъ; стремленія эти выразились сначала безпокойствами и, наконецъ, открытымъ требованіемъ правъ и вольностей. Компанія уступила передъ такимъ сильнымъ протестомъ и отвѣчала на него обнародованіемъ колоніальной конституціи, на основаніи полнаго самоуправленія, съ палатой выборныхъ отъ страны и губернаторомъ, съ его совѣтомъ, назначеннымъ отъ лондонскаго правленія Общества; впрочемъ, никакое распоряженіе правленія не пріобрѣтало законной силы до утвержденія его мѣстною палатой. Это усиленіе независимости и послѣдовавшее за тѣмъ процвѣтаніе колоніи возбудили опасенія въ Лон-

Digitized by Google

донѣ: самоуправнымъ, внезапнымъ распоряженіемъ Компанія была объявлена распущенною, и Виргинія присоединена къ королевству. Дальнѣйшая жизнь ея была вѣрнымъ отголоскомъ смутъ и волненій метрополіи. Покровительствуемая сначала Кромвелемъ, она подпадаетъ подъ стѣснительное дѣйствіе „навигаціоннаго акта“ 1651 года.

Скрытою цѣлью этого знаменитаго закона было желаніе водворить господство Англіи на морѣ, сдѣлать ея торговлю всемогущею, въ ущербъ другимъ промышленнымъ націямъ, и въ особенности Голландіи, въ рукахъ которой была почти исключительно вся торговля съ Америкой. „Отнынѣ было постановлено, что вывозъ и привозъ между Англіей, Азіей, Африкой и Америкой, подъ страхомъ секвестра, предоставляется только кораблямъ построеннымъ въ Англіи или ея колоніяхъ; хозяинъ, капитанъ и три четверти экипажа должны были быть Англичане; торговцами и промышленниками въ плантаціяхъ могли быть одни природные Англичане. Наконецъ, въ одну только Англію можно было вывозить сахаръ, табакъ, хлопчатую бумагу, индиго, товары не дѣлавшіе конкурренціи мѣстному разведенію, и чтобъ обезпечить исполненіе этой мѣры, столь стѣснительной для колоній, нужно было, отправляя корабль изъ Америки, давать всякій разъ подписку, что грузъ будетъ проданъ въ Англіи.“ Корыстолюбіе англійскихъ торговцевъ пошло еще далѣе: самая торговля между колоніями была обложена громадною пошлиной; вскорѣ вся коммерція Америки очутилась въ рукахъ Англичанъ, устанавливавшихъ заработную плату, не стѣсняясь ея низкимъ уровнемъ, возвращавшихъ въ колоніи обдѣланными и дорогими тѣ вещи, которыя пріобрѣтены были ими тутъ же въ сыромъ видѣ и баснословно дешевыми. Мало-по-малу появились возмутительныя стѣсненія мѣстной промышленности, какъ, напримѣръ, запрещенія дѣлать шляпы и головные уборы, ковать желѣзо и т. д. Шерстяныя издѣлія нужно было выписывать изъ Англіи, а овецъ позволено было стричь только для *освѣженія*. „Вскорѣ“, говоритъ одинъ изъ старыхъ историковъ колоній, „несмотря на дремучіе лѣса, покрывавшіе страну, мы стали получать изъ Англіи мебель, столы, чемоданы, табуреты, колеса, словомъ, всевозможныя деревянныя издѣлія и, что̀ еще хуже, *березовыя метлы*, чему мало кто повѣритъ.“ Исполненіе всѣхъ этихъ стѣсненій повело за собой рядъ принудительныхъ мѣръ, построеніе фор-

Digitized by Google

товъ вдоль берега для наблюденія за контрабандой, учрежденіе военныхъ судовъ. Наконецъ, послѣ мирныхъ отношеній къ правительству Кромвеля, колоніи подпали подъ деспотизмъ Карла II, который, подтвердивъ во всей строгости навигаціонный актъ, раздарилъ ихъ своимъ любимцамъ. Результатъ частной предпріимчивости, колоніи не могли снести закрѣпощенья недостойнымъ фаворитамъ лондонскаго двора. Лабуле справедливо замѣчаетъ, что навигаціонный актъ имѣлъ прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войну за независимость. Неудовольствія не замедлили обнаружиться, и возстаніе, извѣстное подъ названіемъ бунта полковника Бекона, съ трудомъ было усмирено. Но покинемъ на время исторію Виргиніи, чтобы прослѣдить образованіе и судьбы другихъ англійскихъ колоній.

II.

Мы видѣли, что однимъ изъ главныхъ элементовъ населенія колоній были люди, свободно эмигрировавшіе въ Америку или съ торговою и хозяйственною цѣлью, или съ необузданною страстью къ исканію приключеній. Но главное ядро населенія обязано своимъ образованіемъ другому сильному элементу, къ счастію, обильно удѣленному метрополіей,—эмиграціи протестантовъ и иныхъ диссидентовъ. Первоначально они избрали мѣстомъ осѣдлости земли, принадлежавшія второй изъ двухъ главныхъ компаній, получившихъ концессію на заселеніе Америки, — именно компаніи плимутскихъ купцовъ. Отсюда названіе колоніи Нью-Плимутъ. Окрѣпнувшій при Генрихѣ VIII, усиленный бѣглецами изъ другихъ странъ, англійскій протестантизмъ вскорѣ очутился лицомъ къ лицу съ „установленною церковью“ (Established Church) Елизаветы. Новая государственная религія съ презрѣніемъ смотрѣла на безпокойный, мятежный духъ мелкихъ протестантскихъ сектъ-республикъ. Елизавета преслѣдовала противившихся ея религіозной системѣ, Іаковъ I усилилъ и довелъ до крайности эти преслѣдованія, только закалявшія бодрость и единодушіе пуританъ. На просьбу о предоставленіи имъ по крайней мѣрѣ права свободныхъ совѣщаній, король отвѣчалъ: „Вы хотите, вѣроятно, ввести пресвитеріанство въ родѣ шотландскаго, которое согласуется такъ же хорошо съ монархіей, какъ Богъ съ дьяволомъ. И тогда Джекъ, и Томъ

Digitized by Google

и Уилль, и Дикъ будутъ имѣть право цензуровать сколько хотятъ и меня, и моихъ совѣтниковъ, и все наше поведеніе. И Уилль встанетъ и скажетъ: это должно быть вотъ какъ; а Дикъ отвѣтитъ: совсѣмъ нѣтъ, мы хотимъ, чтобъ оно было иначе. А я повторяю вамъ мои слова и говорю: „король подумаетъ, одинъ король долженъ все рѣшить". Потомъ, обращаясь къ епископамъ, онъ объявилъ имъ, что іерархія—твердая опора престола. Что же касается пуританъ, прибавилъ онъ,—я ихъ заставлю обратиться или выгоню вонъ изъ страны,—хуже сдѣлаю: пусть ихъ перевѣшаютъ, и кончено дѣло."

Передъ такими заявленіями, за которыми слѣдовали столь же энергическія мѣры, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ покинуть страну, ища безопасности и свободы совѣсти. Такъ, цѣлая многочисленная община пуританъ переселилась въ единовѣрную Голландію. Но численное превосходство туземцевъ невольно рисовало переселенцамъ въ будущности сліяніе съ остальнымъ народонаселеніемъ и исчезновеніе народности. Тогда обратились они къ плимутскому колоніальному обществу, и, послѣ короткихъ переговоровъ, пустились на бортѣ корабля May-Flower, память котораго доселѣ драгоцѣнна Американцамъ, искать счастія въ Новомъ Свѣтѣ, побѣждая тоску и облегчая трудности путешествія пѣніемъ псалмовъ и взаимными проповѣдями. Много препятствій должны они были побороть, прежде чѣмъ сжились съ своимъ новымъ положеніемъ. „Ихъ окружала пустынная и угрюмая страна, полная дикихъ животныхъ и дикихъ людей, которыхъ число и звѣрскія наклонности были имъ неизвѣстны. Земля была холодна какъ ледъ и покрыта лѣсами и кустарникомъ. Все носило на себѣ въ высшей степени дикій характеръ. Позади пришельцевъ разстилался лишь одинъ неизмѣримый Океанъ, отдѣлявшій ихъ отъ образованнаго міра. Ища хоть тѣни надежды и спокойствія, они могли только обращать взоры свои къ небу." Но постепенно пали всѣ препятствія, земля уступила трудамъ человѣка, колоніи росли и расширялись и вскорѣ перенесли организацію братскаго, сначала чисто-религіознаго союза своего въ политическую жизнь, учредивъ въ небольшихъ размѣрахъ представительное правленіе, при содѣйствіи губернатора и совѣта отъ Компаніи. Тѣмъ же путемъ, испытавъ такія же перипетіи, возникло и окрѣпло сосѣднее поселеніе Массачусетса,—истинный центръ пуританизма въ Америкѣ, сердце Новой Англіи, всегда сооб-

Digitized by Google

цавшее жизнь и энергію остальнымъ, младшимъ братьямъ по союзу. Быстрыми шагами идетъ впередъ развитіе этой колоніи: дружный образъ дѣйствій всѣхъ единовѣрныхъ членовъ братства, широкое примѣненіе начала самоуправленія въ конституціи, гарантированной имъ владѣльческою Компаніей,—все содѣйствовало тому. Твердо укрѣпившись на своей полосѣ, колонисты продвигались за предѣлы ея, расширяя размѣры колонизаціи. Массачусетсу обязаны своимъ образованіемъ Родъ-Эйландъ, Коннектикутъ, Нью-Гемпширъ. Но „преслѣдуемые, мѣтко замѣчаетъ Юмъ, послѣ спасенія, не менѣе своихъ гонителей отдаются жаждѣ преслѣдовать другихъ.“ Исключительность, упорная строгость и безсердечное презрѣніе ко всему чужому, характеризовавшія пуританъ, старавшихся поддерживать цѣлость своего ученія строгими-охранительными мѣрами, возбудили несогласія въ самой средѣ общинъ, и люди, уже мечтавшіе о широкой религіозной терпимости, покинули подъ предводительствомъ молодаго салемскаго пастора Роджера Уильямса непріязненную колонію, ища убѣжища у предводителя индѣйскаго племени, Міантономо, на земляхъ котораго заложили городъ Провиденсъ, какъ бы призывая этимъ девизомъ на свое дѣло покровительство Божіе. Тихо пошла жизнь этой скромной общины людей, снявшихъ съ себя всѣ цѣпи предразсудковъ и религіозной схоластики. „Эта скромная, миніатюрная демократія, члены которой собирались по звуку барабана или зазыву вѣстовщика подъ тѣнь стараго дуба или на берегъ моря, обсуждать свои законы и избирать своихъ правителей, еще болѣе сознавала, чѣмъ богачи плантацій Массачусетса, силу своего призванія, правду идеи, положенной учредителемъ въ ея основаніе.“

Коннектикутъ, также отпрыскъ коренной колоніи, скоро принялъ крайнее направленіе пуризма, доводя до послѣднихъ предѣловъ сліяніе религіи съ стихіей государства, подавляя духовною опекой свободное отправленіе самыхъ невинныхъ движеній. „Библія признана была совершеннѣйшимъ руководствомъ государственной мудрости, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что одни члены церкви имѣютъ право гражданства. Далѣе составленъ былъ учредительный комитетъ, выбравшій изъ своей среды семь человѣкъ, получившихъ мистическое названіе *седми столповъ новаго обиталища мудрости въ пустынѣ*.... Губернаторъ именовался „судіею новаго племени Израилева“. Законы Коннектикута (ихъ собраніе знаменито

Digitized by Google

подъ названіемъ Синихъ Законовъ) полны распоряженій, въ которыхъ непосредственное вмѣшательство власти безконечно болѣе вредитъ обществу чѣмъ безпорядокъ, который хотятъ подавить. Простыя отношенія между неженатыми людьми считались преступленіемъ, которое судья могъ „наказать троякимъ способомъ: пеней, кнутомъ или принужденіемъ къ женитьбѣ. Въ любопытной книгѣ, носящей названіе *Древностей Нью-Гевена*, видимъ, что женщина, обвиненная въ любовныхъ сношеніяхъ, приговорена была сначала къ кнуту, а затѣмъ къ выходу замужъ за своего сообщника; въ другомъ случаѣ молодая дѣвушка, обвиненная въ произнесеніи нѣсколькихъ вѣтреныхъ словъ и позволеніи поцѣловать себя, присуждена къ выговору и штрафу. Въ Бостонѣ, пожилой женщинѣ, за вольность разговора, заклепали ротъ, привязали ее къ дверямъ жилья и выставили на показъ толпѣ. Другая была лишена причастія за то, что осмѣлилась находить высокою цѣну какого-то столярнаго издѣлія. Лѣность и пьянство были подвергнуты не менѣе строгому надзору. Когда иностранецъ входилъ въ одну изъ двухъ гостиницъ Бостона, говоритъ одинъ писатель XVII вѣка, за нимъ неотлучно слѣдовалъ человѣкъ, имѣвшій строгое на то приказаніе. Если гость хотѣлъ пить болѣе чѣмъ казалось пристойнымъ надемотрщику, этотъ послѣдній обязанъ былъ отмѣнить заказъ, и не допустить выпить двумя каплями болѣе положеннаго.“ Съ годами, такая регламентація общественныхъ нравовъ развилась еще дальше: „Общее собраніе колоніи въ Бостонѣ въ 1624 г. занялось одеждой обоего пола, и между прочимъ постановило, что никто, ни мущины, ни женщины, не могли носить платье, у котораго было бы болѣе одного вырѣза на рукавахъ; золотые и серебряные пояса, бобровыя шапки запрещены были какъ преступная роскошь. Нѣсколько лѣтъ спустя, запрещены были тосты, ношеніе кружевъ и открытые рукава, самый размѣръ которыхъ былъ обозначенъ въ уставѣ.“

Таковы были рѣзкія особенности этого полутеократическаго, полу-республиканскаго управленія. Но помимо религіозной стороны, основой общественнаго быта была полная равноправность всѣхъ классовъ и состояній. Лабуле съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этомъ основномъ фактѣ, видоизмѣненія и слѣдствія котораго служатъ объясненіемъ дальнѣйшаго склада американской жизни.

Digitized by Google

Пуритане оставляли родинѣ всѣ предразсудки кастъ и становились всѣ на одинаковый уровень въ своей новой обстановкѣ. Самый составъ первоначальной эмиграціи содѣйствовалъ уравненію слоевъ общества. „То были купцы, граждане, мелкіе собственники; съ одной стороны замѣтно было отсутствіе пролетаріевъ, лишенныхъ всякаго образованія и подавленныхъ обыденными нуждами; съ другой, тутъ не было и знати, ищущей феодальныхъ привилегій или преобладанія, основаннаго на блескѣ происхожденія; не было господства отдѣльныхъ привилегированныхъ кастъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не было и попытокъ ввести старый порядокъ Европы со всѣми его недостатками. Сходство общественнаго положенія, равное удаленіе отъ нищеты, какъ и отъ богатства, единство цѣли, связь религіи, все содѣйствовало утвержденію одного уровня этого новаго общества.“ Въ первобытно-простыхъ нравахъ колоній не нужно искать и слѣдовъ развитой цивилизаціи, искусствъ, изящной литературы, или иныхъ аттрибутовъ пышной жизни современной имъ Европы; напротивъ того, просматривая старинныя сказанія, можно найдти въ нихъ напримѣръ, что съ 1688 по 1692 г. Массачусетсъ счелъ себя обойденнымъ нечистою силой и цѣлые четыре года воздвигалъ гоненія на колдуновъ и волшебниковъ. Но рядомъ съ этимъ, въ организаціи, выработанной этою безыскусственною средой, столько изумительно вѣрнаго и практическаго, устройство общиннаго управленія, народнаго образованія, милиціи, такъ хорошо, что доселѣ живетъ въ народѣ, войдя въ конституцію Соединенныхъ Штатовъ.

Минуя скудную фактами исторію образованія католическаго Мариланда, и первоначально основаннаго Голландцами Нью-Йоркскаго штата, перейдемъ къ высоко-интересной исторіи Нью-Джерси, которая поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ благородною, свѣтлою личностію Уилльяма Пенна. Главные владѣтели страны между Гудзоновою рѣкой и Делаверомъ, затрудняясь въ способахъ колонизаціи, подраздѣлили эксплуатацію края на двѣ доли, изъ которыхъ одну отдали компаніи квакеровъ, искавшихъ въ Америкѣ убѣжища отъ преслѣдованій. Во главѣ этой компаніи стоялъ Уилльямъ Пеннъ. Счастливо устроивъ судьбу ввѣренныхъ ему обществомъ колонистовъ, онъ мечталъ выступить независимымъ дѣятелемъ въ заселеніи Новаго Свѣта, прилагая къ

Digitized by Google

дѣйствительности свои завѣтныя думы. Случай этотъ скоро представился. Но прежде чѣмъ говорить о немъ, вотъ въ нѣсколькихъ словахъ все прошедшее Пенна, его воспитаніе и подготовка къ предстоявшей великой задачѣ:

„Уильямъ Пеннъ, родившійся въ Лондонѣ, въ 1644 году, былъ единственнымъ сыномъ адмирала Пенна, храбраго моряка, завоевавшаго Ямайку при Кромвелѣ. Воспитанный въ Оксфордѣ, молодой Уильямъ еще въ раннемъ дѣтствѣ увлекся проповѣдью одного квакера. Изгнанный изъ университета и изъ дома родительскаго, онъ перебрался во Францію и въ Сомюрѣ изучилъ доктрину кальвинизма; по возвращеніи въ Англію, онъ, къ великому отчаянію семейства, вступилъ въ братство квакеровъ, гонимыхъ въ то время за ересь, и раздѣлилъ съ ними исповѣдничество, преслѣдованіе и даже заточеніе.

„Смерть отца доставила Пенну значительное состояніе и сдѣлала его кредиторомъ казны на шестнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ ту эпоху, когда безлюдная Америка не имѣла почти никакой цѣны, далеко не черезмѣрное честолюбіе заставило Пенна просить у короля, взамѣнъ платежа, уступки территоріи между Мариландомъ и Делавэромъ; король, съ своей стороны, также воображалъ, что сдѣлалъ выгодную аферу, согласившись на сдѣлку. Самъ же онъ и далъ новой области имя Пенсильваніи, не въ честь владѣтеля, но въ память великихъ заслугъ вѣрнаго слуги трона, адмирала Пенна.

„Въ октябрѣ 1682 г. Пеннъ прибылъ въ колонію, чтобы начать то, что онъ называлъ *священнымъ опытомъ* (holy experiment); въ эту же пору заключилъ онъ подъ тѣнью дуба Шакамаксонъ свое знаменитое условіе съ Индійцами Леки Ленапе, частое повторяемое исторіей и воспроизводимое искусствомъ, условіе, про которое Вольтеръ, болѣе остроумно чѣмъ исторически вѣрно, сказалъ: „это былъ единственный договоръ между дикими и христіанами, который никто не клялся исполнить, но который никогда не былъ нарушенъ.

„Мы встрѣчаемся, сказалъ имъ Пеннъ, на великомъ пути „доброй вѣры и доброй воли; ни та, ни другая сторона пусть „не ищетъ выгодъ; все будетъ въ любви и въ свободѣ. Я не „назову васъ „дѣти мои!“ потому что отцы часто слишкомъ „строго караютъ дѣтей своихъ; не назову братьями, потому

Digitized by Google

„что и въ братствѣ бываетъ раздоръ; всѣ мы—части одного „и того же человѣка; всѣ мы—одной плоти и одной крови.“ Никогда не слыхали Индійцы такихъ гуманныхъ рѣчей; никогда еще Европейцы не становились съ ними на точку христіанскаго равенства; за то и безопасность, которою наслаждалась колонія, показываетъ, что этотъ духъ кротости и равенства увлекъ дикія натуры Индійцевъ.“

Организація новой колоніи послѣдовала на самыхъ широкихъ началахъ представительной демократіи. Полная свобода совѣсти была ея отличительною чертой; строгость нравовъ запрещала всякую роскошь и излишества, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняла смертную казнь и обращала тюрьму въ рабочій домъ. Пеннъ, самъ владѣтель, по понятіямъ вѣка имѣвшій право на рядъ привилегій, пошлинъ, доходовъ, отказался отъ всѣхъ выгодъ своего положенія. Онъ какъ будто хотѣлъ только устроить счастіе своихъ друзей и спокойно наслаждаться его созерцаніемъ. И Пенсильванія стала синонимомъ земнаго рая; всѣ угнетенные, страдающіе, всѣхъ религій и народовъ (особенно бѣглецы изъ Германіи, прокладывавшіе путь многочисленной позднѣйшей эмиграціи) стекались въ этотъ тихій пріютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ колонія возбуждала удивленіе философовъ и мыслителей Европы. Вольтеръ восторженно отозвался о ней въ *Философскихъ Письмахъ*; даже Фридрихъ Великій, хотя не безъ ироніи, сказалъ о ней: „прекрасное, прекрасное правленіе, только какъ-то оно продержится“?

„Когда всѣ дѣла внутренняго устройства были кончены, долговѣчный миръ заключенъ съ туземцами, конституція принята,—призваніе Пенна было исполнено. Онъ простился съ созданною имъ колоніей, подобно древнимъ законодателямъ Греціи, удалявшимся съ поля дѣятельности, исполнивъ взятое на себя дѣло: „Моя любовь и жизнь моя будутъ вѣч„но съ вами, сказалъ онъ представителямъ колоніи. Море не „въ состояніи охладить моей нѣжности, и разстояніе не умень„шитъ ея. Я былъ съ вами, я берегъ васъ; я служилъ вамъ „съ искреннею любовью, и вы дороги мнѣ, выше всего на свѣ„тѣ. Благословляю васъ именемъ и властью Господа, и да „дастъ Онъ вамъ правду, миръ и довольство. Вы пришли въ „землю мирную и тихую; свобода и правительство въ вашихъ „рукахъ. Управляйте же во имя Того, Кого всѣ сильные міра „признаютъ своимъ верховнымъ судьей. А ты, Филадельфія,

Digitized by Google

„дѣвственное учрежденіе наше, названная задолго до рожде-„нія,—сколько трудовъ, заботъ и любви нужно было, чтобы „создать тебя! Берегись же губительнаго зла, будь вѣрна „правдѣ, которая одна спасетъ тебя! Душой молюсь, чтобы „ты была такою же чистою въ день судный, чтобы Господь „благословилъ твоихъ дѣтей, и народъ былъ спасенъ твоею „силой. Дорогіе друзья, съ глубокою любовію разстаюсь съ „вами!“

Пенну не посчастливилось въ послѣдніе годы жизни; вернувшись въ Англію, онъ вскорѣ, въ революцію 1688 г., какъ приверженецъ Іакова II, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму; съ трудомъ освободясь отъ заключенія, онъ вернулся было въ Америку, но возмужавшіе уже въ духѣ самоуправленія колонисты измѣнили первобытному, дружественному союзу съ своимъ покровителемъ, другомъ человѣчества. Требованія ихъ были черезмѣрны, тонъ далеко не прежній, но ничто не могло побороть безконечную мягкость сердца Пенна; онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы согласить желанія поселенцевъ съ своимъ правомъ владѣнія и, не безъ тайной горечи, возвратился снова въ Англію. Громадные долги, сдѣланные имъ для устройства колоніи, привели его снова къ тюремному заключенію; онъ даже одно время думалъ передать свое право на территорію Пенсильваніи правительству, еслибъ оно согласилось подтвердить всѣ особенности задуманной имъ политической системы; но, удрученный всѣми этими невзгодами, пораженный апоплексіей, онъ томился нѣсколько лѣтъ и умеръ въ 1718 году, оставивъ по себѣ чистую память искренняго друга человѣчества.

Прежде чѣмъ перейдти отъ первоначальныхъ судебъ колоній къ ихъ соединенному возрожденію и борьбѣ за независимость, бросимъ еще бѣглый взглядъ на исторію невольническихъ штатовъ Юга, Георгіи и Сѣверной и Южной Каролинъ. Схожая во многихъ чертахъ съ главными фазисами образованія другихъ населеній, исторія эта интересна проектомъ конституціи, составленнымъ для Каролины знаменитымъ Локкомъ.

Въ средѣ Компаніи, получившей право на населеніе Каролины, видную роль занималъ знаменитый графъ Шэфтсбюри: когда приходилось озаботиться составленіемъ конституціи новаго штата, онъ присовѣтовалъ обратиться къ его другу и довѣренному его думъ, Локку. „Шефтсбюри съ пер-

Digitized by Google

ваго взгляда оцѣнилъ достоинства Локка и изъ своего доктора сдѣлалъ его своимъ товарищемъ, участникомъ всѣхъ своихъ политическихъ предпріятій. Между практически-положительнымъ характеромъ графа и точнымъ умомъ философа было достаточно сходства, чтобъ объяснить дружбу, связывавшую ихъ до конца. Пагубныя послѣдствія англійской революціи сдѣлали изъ обоихъ враговъ демократіи, на которую они смотрѣли какъ на вредную для государства стихію, неспособную основать что-либо прочное.“ Проектъ философа въ главныхъ чертахъ былъ слѣдующій. „Владѣльцы колоній должны были составить корпорацію изъ восьми членовъ; власть и достоинство ихъ неприкосновенна и наслѣдственны. Старшій изъ владѣльцевъ получалъ названіе палатина и былъ главой государства; остальные принимали на себя управленіе отдѣльными частями администраціи. Каролина раздѣлялась на графства, эти въ свою очередь на *помѣстья*, *баронства* и *колоніи*. Для созданія наслѣдственной аристократіи, въ каждомъ графствѣ нужно было назначить одного ландграфа и двухъ *кацикова* или бароновъ. Земля обрабатывалась бы наслѣдственными наемщиками, на вѣки закрѣпленными къ землѣ и платящими осьмую часть дохода; надъ этими работниками кацики и ландграфы имѣли бы полное право суда и расправы, въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, безъ всякой апелляціи. Словомъ, какъ для народа, такъ и для дворянства, это была феодальная система во всей ея чистотѣ, и, что̀ еще интереснѣе, добавленная узаконеніемъ невольничества, которое Локкъ допускаетъ безъ разсужденія. Проектъ этотъ, подписанный въ мартѣ 1669 года, былъ встрѣченъ въ Англіи всеобщимъ восторгомъ. Его иначе и не называли какъ великимъ, образцовымъ.... Но, къ удивленію, когда вздумали ввести его въ дѣйствіе въ Каролинѣ, вскорѣ замѣтили, что факты опровергали теорію и дѣлали исполненіе ея невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ найдти людей для двора палатина, замковъ, ландграфовъ и кациковъ въ этомъ сплошномъ лѣсу, который называли Каролиной, въ странѣ безъ городовъ и деревень, гдѣ нѣсколько переселенцевъ кое-гдѣ построили себѣ убогія хижины, гдѣ не было другихъ дорогъ, кромѣ тропинокъ отъ одной плантаціи къ другой, тропинокъ даже не проложенныхъ, но только обозначенныхъ изрѣдка нарѣзками на стволахъ деревъ?“

Проектъ былъ отвергнутъ и устройство Каролины ско-

Digitized by Google

пировано съ конституціей остальныхъ поселеній; но спокойствіе не утвердилось: религіозные споры, борьба партій волновали ее; вскорѣ язва невольничества довершила мѣру неправды. Узаконенія относительно невольниковъ въ этомъ штатѣ принадлежали къ числу жесточайшихъ и безжалостныхъ; само правительство, скупившее въ послѣдствіи права владѣнія, ужаснулось строгости существовавшихъ и предлагавшихся мѣръ, но должно было уступить передъ поголовными требованіями массы. Казалось, сама природа благопріятствовала здѣсь укорененію невольничества, вредно дѣйствуя испареніями и сыростью на здоровье бѣлыхъ и оставаясь безъ вліянія на негровъ. Разведеніе риса, случайно завезеннаго съ Мадагаскара, еще болѣе способствовало крѣпостному труду, требуя именно тѣхъ условій теплоты и влаги, которымъ несокрушимо противостояла выносливая натура чернокожихъ. Пріобрѣтая разъ при устройствѣ плантаціи, вмѣстѣ съ вьючною скотиной, и толпу негровъ, плантаторъ могъ деспотически властвовать надъ ними. Неумолимый законъ вполнѣ разрѣшалъ ему это. Заставали ли работника внѣ плантаціи, отлучившагося безъ позволенія владѣльца, всякій могъ схватить его и, въ случаѣ противодѣйствія, убить. Бѣглецъ, пропадавшій въ теченіе двадцати дней, подвергался строгому наказанію плетьми, въ случаѣ вторичнаго побѣга—наложенію клейма въ видѣ буквы *R* (run away), при третьемъ побѣгѣ—отрѣзанію уха. Невольнику не позволялось ничего имѣть *своего*, ничего сажать и разводить для себя, чтобы не поселить въ немъ пагубнаго понятія о собственности; наконецъ, въ прошломъ столѣтіи, закрѣпощенье негра объявлено было вѣчнымъ, со всѣмъ его исходящимъ потомствомъ, чѣмъ отнималась всякая возможность освобожденія или выкупа.

III.

Переживъ различныя испытанія, колоніи постепенно, разными путями, изъ собственности нѣсколькихъ торговыхъ компаній переходили въ руки государства. То владѣльцы, не находя выгодъ или не покрывая затраченнаго капитала, продавали свои права правительству, то само правительство пользовалось всякимъ поводомъ чтобы нарушить хартіи первоначальныхъ уступокъ, объявить ихъ лишенными

Digitized by Google

законной силы и присвоить себѣ верховный надзоръ надъ поселеніями. Такимъ образомъ, наканунѣ войны за независимость, мы застаемъ въ Америкѣ рядъ королевскихъ провинцій съ губернаторомъ, назначаемымъ короной, его совѣтомъ, палатой представителей, избранною на общемъ основаніи изъ жителей. Это была, какъ замѣчаетъ Лабуле, точная копія англійской конституціи: король, палата лордовъ, палата общинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ жизни новаго общества было много свѣжихъ стихій, которыя поддерживали его свободное развитіе: таково было установленіе суда присяжныхъ, отсутствіе сословныхъ перегородокъ. Простота взаимныхъ отношеній обусловливалась самымъ характеромъ общественной жизни. „Нужда заставляла тогда каждаго быть работникомъ, хлѣбопашцемъ, угольщикомъ. Приходилось брать вещи какъ онѣ есть, въ ихъ первобытномъ, сыромъ видѣ, и, если можно такъ выразиться, приходилось возсоздавать общество. На первыхъ страницахъ Библіи вы прочтете исторію первыхъ временъ Америки. Каждый членъ общества, дворянинъ ли или простой смертный, берется за топоръ или за соху, питается отъ рукъ своихъ, складываетъ самъ свое жилище, прикрывается домодѣланною одеждой. Въ этой работѣ трудно превознестись одному человѣку надъ другимъ, равенство устанавливается невольно, и трудно ожидать, чтобъ эти люди, живущіе своею насущною работой, ставили во что-нибудь знатность происхожденія и чина.“

Причины несогласій зрѣли долго. Лондонскій кабинетъ былъ всегда щедръ на угрозы и стѣснительныя мѣры; но ихъ значеніе ослаблялось непомѣрнымъ отдаленіемъ отъ колоній центральной власти; мѣсяцы проходили отъ отданія приказаній до исполненія ихъ на мѣстѣ. Главнымъ поводомъ къ негодованію былъ выборъ лицъ для занятія высшихъ должностей въ колоніяхъ, выборъ, предоставленный произволу и происканъ. Въ Америку посылали людей кормиться, поправлять состоянія; туда посылали, какъ выразился въ послѣдствіи одинъ изъ знаменитѣйшихъ защитниковъ Америки въ англійскомъ парламентѣ, полковникъ Барре, „чтобъ управлять колоніями и обирать ихъ, недостойныхъ креатуръ разныхъ фаворитовъ здѣшней палаты, людей, чье поведеніе часто леденило сердца друзей свободы, людей, получающихъ тамъ высшія судебныя мѣста, тогда какъ они рады были скрыться отсюда за границу, чтобы самимъ избѣжать

Digitized by Google

судебнаго преслѣдованія.“ Строгость и безправіе стѣснительныхъ торговыхъ законовъ, которыхъ ясною конечною цѣлью было убить всякую самодѣятельность въ мѣстной торговлѣ и производительности, — этихъ главныхъ причинахъ самого существованія колоній и залогахъ будущихъ ихъ успѣховъ,— безжалостное примѣненіе навигаціоннаго акта, формальное запрещеніе цѣлыхъ отраслей промышленности, все это уязвляло и раздражало общественное мнѣніе въ колоніяхъ. Рано обнаруживается въ нихъ желаніе свергнуть съ себя иго насилія, впрочемъ, — что особенно заслуживаетъ вниманія, — безъ нарушенія протектората Англіи; но два главныя обстоятельства долго задерживали исполненіе этого тайнаго желанія: сосѣдство Канады, бывшей подъ властью Франціи, которая, при ослабленіи зависимости штатовъ отъ Англіи, могла подчинить ихъ себѣ; кромѣ того, отсутствіе единства дѣйствій и плана у различныхъ колоній, даже часто соперничество ихъ между собою по торговлѣ, по религіознымъ несогласіямъ и т. д. Давно уже лучшіе люди Америки видѣли въ союзѣ всѣхъ ея частей главное ручательство ея процвѣтанія и залогъ успѣха въ борьбѣ. Наконецъ обстоятельства тѣсно соединили штаты въ одномъ общемъ дѣйствіи. Давно ожидаемый разрывъ съ Франціей близился: въ одной экспедиціи, неудачу посланной для занятія долины Огайо, въ 1754 году, отрядъ изъ полутораста волонтеровъ, подъ начальствомъ молодаго офицера, Джорджа Вашингтона, впервые выступающаго на историческое поприще, имѣлъ кровавую стычку съ небольшимъ французскимъ объѣздомъ. Стычка не была особенно важна сама по себѣ, но повлекла за собою сначала натянутость дипломатическихъ сношеній и наконецъ войну (1754—60). Ожиданіе войны побудило правительство созвать въ Альбани (въ штатѣ Нью-Іоркъ) первый конгрессъ представителей колоній, съ цѣлью обсужденія оборонительныхъ и наступательныхъ мѣръ и заключенія договоровъ о помощи съ старшинами индійскихъ племенъ. Но конгрессъ не ограничился этимъ: возбуждены были многіе вопросы, занимавшіе край; Франклинъ представилъ проектъ федераціи. Президентъ, назначаемый королемъ, генеральное собраніе представителей, собирающееся ежегодно, гарантія самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ, таковы были основанія этого проекта; но подозрительность министерства и мелкія несогласія штатовъ

Digitized by Google

сдѣлали невозможнымъ его принятіе. Война началась и съ дружнымъ содѣйствіемъ неутомимаго американскаго ополченія, приходила къ концу. Въ продолженіе военныхъ дѣйствій, единство цѣли соединяло штаты и заставляло забывать несогласія. Скоро единеніе понадобилось для другой, болѣе важной борьбы.

Пока первымъ министромъ Англіи былъ Питтъ, оказывавшій постоянно доброжелательство къ Америкѣ, неудовольствія еще молчали.

„Питтъ, замѣчаетъ Лабуле, былъ однимъ изъ тѣхъ страстныхъ людей, съ энергическою волей, которые всѣмъ жертвуютъ, все подчиняютъ одной идеѣ. Унизить Францію, изгнать ее изъ Индіи и Америки, лишить ее значенія на морѣ, всюду утвердить первенство Англіи и дать ей монополію торговли, — таковъ былъ честолюбивый замыселъ человѣка, которому Англія поклоняется, узнавая въ немъ себя, даже со всѣми недостатками. Онъ былъ настоящій Англичанинъ, типъ Англичанина восемнадцатаго вѣка, и ни г. де-Шуазель, человѣкъ болѣе хитрый нежели геніальный, ни изнѣженный Лудовикъ XV не были въ силахъ бороться съ нимъ. Человѣкъ, подобный Питту, не затрудняетъ свой путь мелкими ссорами. Плантаторы доставляли ему людей и деньги,—этого было достаточно, — онъ не хотѣлъ лишиться дохода изъ-за столкновенія съ колонистами. Да къ тому же эти колонисты были Англичане, граждане. По этой причинѣ Питтъ уважалъ ихъ независимость и не соглашался посягнуть на ихъ права.“ Но министерство Питта пало, и при бездарномъ его преемникѣ, лордѣ Бьютѣ, открылось обширное поле дѣятельности финансистамъ, искавшимъ въ порабощеніи колоній источниковъ для поправленія государственной казны, администраторамъ особаго сорта, не останавливавшимся ни передъ какими средствами для подчиненія непокорныхъ, *для усиленія прерогативы*, какъ тогда говорилось, наконецъ всякаго рода искателямъ приключеній и мѣстъ. Въ 1760 году вновь подтверждены строгости навигаціоннаго акта, для исполненія котораго предписывалось судьямъ выдавать таможеннымъ чиновникамъ, по ихъ требованію, такъ-называемыя генеральныя уполномочія (general warrants), дававшія имъ право безпрепятственно входить въ каждое жилище, подъ предлогомъ отысканія контрабанды. Этимъ явно нарушалось завѣтнѣйшее право всякаго Англичанина, неприкос-

Digitized by Google

новенность его домашняго очага. Купеческое общество Бостона поспѣшило подать протестъ въ высшій судъ, требуя обсужденія закона. Мало извѣстное еще тогда лицо, игравшее потомъ важную роль въ революціи, бостонскій адвокатъ Джемсъ-Отисъ произнесъ энергическую рѣчь въ защиту правъ Америки, поразившую судей: волненіе всѣхъ присутствовавшихъ было такъ велико, что обсужденіе вынуждены были отложить до слѣдующей сессіи. Впечатлѣніе, сдѣланное этою рѣчью, было огромно. Но министерство не останавливалось на пути реакціи. Состоялось постановленіе, что отнынѣ всѣ налоги будутъ прямо и безаппеляціонно устанавливаться въ Лондонѣ; учреждалась постоянная армія насчетъ колоній, для напоминанія имъ объ ихъ зависимости; предложено было установить гербовую пошлину,—первый опытъ пополненія финансовъ метрополіи колоніальными; на приготовленіе къ этимъ мѣрамъ и обсужденіе ихъ давался, впрочемъ, годичный срокъ. Отисъ снова выступилъ на арену съ цѣлымъ трактатомъ, въ которомъ объявлялъ новыя мѣры противуконституціонными и защищалъ право англійскихъ подданныхъ не платить налога безъ своего согласія. Въ этомъ трактатѣ встрѣчается слѣдующее энергическое мѣсто: „Поселенцы не скрываютъ отъ себя, что независимость будетъ стоить имъ много крови и много золота. Они и не подумаютъ о ней, если не приведетъ ихъ къ этому крайнему средству угнетеніе ихъ министерствомъ, — угнетеніе, дѣлающее мудрыхъ безумными и слабыхъ сильными. Міръ наканунѣ величайшаго зрѣлища, когда-либо видѣннаго человѣчествомъ.“ Въ Лондонѣ сочли безумнымъ автора этихъ строкъ. „Безумный! сказалъ лордъ Мансфильдъ,—берегитесь: безуміе заразительно. Мазаніелло былъ безуменъ, правда, но это не помѣшало ему свергнуть правительство въ Неаполѣ. Во всѣхъ народныхъ собраніяхъ, при всѣхъ народныхъ вопросахъ безуміе быстро распространяется.“ Несмотря на эти заявленія, законъ о пошлинѣ прошелъ въ палатѣ. „Мы безсильны, писалъ домой Франклинъ, бывшій въ числѣ депутатовъ, присланныхъ для предстательства объ отмѣнѣ послѣднихъ мѣръ,—мы безсильны: нельзя помѣшать солнцу садиться...“ Прощаясь потомъ съ товарищами, оставшимися его постояннымъ агентомъ колоній, на вопросъ: что дѣлать на родинѣ для ея спасенія? онъ отвѣчалъ имъ: „Скажите нашимъ согражданамъ, чтобъ они производили дѣтей какъ можно больше и какъ можно скорѣе.

Digitized by Google

Когда формула закона достигла колоній, общественное мнѣніе, точно затихшее передъ бурей, сначала какъ будто преклонилось передъ необходимостью и хотѣло подчиниться ей, но это затишье было только кажущееся; неудовольствіе искало лишь случая высказаться и скоро обнаружилось въ резолюціи виргинской палаты (по предложенію Патрика Генри), въ которой открыто и ясно высказывались всѣ обиды и нарушенія правъ колоній. Затѣмъ, въ поданномъ палатѣ проектѣ, Отисъ предлагалъ созвать въ наступившее многотрудное время новый конгрессъ. Эта мысль была безъ труда приведена въ исполненіе, и конгрессъ собрался въ Нью-Йоркѣ, несмотря на сильное противодѣйствіе губернатора: безъ войскъ, власть его была безсильна. Конгрессъ обнародовалъ заявленіе въ четырнадцати статьяхъ нуждъ и правъ страны, и разослалъ его по колоніямъ. Заявленіе это встрѣтило всюду большое сочувствіе; новыя мѣры не приводились въ исполненіе, досмотрщики не рѣшались дѣйствовать, смущенныя власти не протестовали, волненіе разгоралось. Новое министерство, въ которомъ преобладалъ элементъ примиренія, находилось въ нерѣшимости: съ одной стороны, боязнь уронить честь *прерогативы*, съ другой—опасеніе раздражить взволнованное самолюбіе народа, связывали ему руки. Оно старалось вывѣдать мнѣнія самихъ Американцевъ и предложило съ этою цѣлью Франклину явиться въ одно изъ засѣданій парламента. „Не полагаете ли вы, началъ одинъ изъ противниковъ отмѣны изданнаго закона, что колоніи въ состояніи платить гербовую пошлину?“—„Я думаю, возразилъ Франклинъ, что въ колоніяхъ нѣтъ столько золота, чтобы платить пошлину даже въ теченіе одного года.“—„Но развѣ вы не знаете, спросилъ членъ парламента, что доходъ этотъ будетъ истраченъ въ Америкѣ?“—„Знаю, отвѣчалъ Франклинъ, но онъ будетъ истраченъ въ завоеванныхъ колоніяхъ, въ Канадѣ, а не въ тѣхъ колоніяхъ, которыя заплатятъ пошлину.“—„Можно бы измѣнить законъ, замѣтилъ другой членъ, и этимъ дать Америкѣ возможность принять его.“—„Вотъ это правда, отвѣтилъ Франклинъ, и я уже придумалъ измѣненіе. Согласитесь на него, тогда и законъ можетъ остаться, и Американцы будутъ покойны. Стоитъ только измѣнить одно выраженіе; вмѣсто словъ: *платежъ начнется съ перваго ноября тысяча семьсотъ шестьдесятъ пятаго года*, напиши-

Digitized by Google

те: *двѣ тысячи семьсотъ шестьдесятъ пятый годъ, — и все пойдетъ отлично.*"

Лордъ Гренвиль и его друзья, виновники появленія закона, твердо защищали его, выставляя въ мрачныхъ краскахъ непокорный духъ колоній. Но противникомъ его явился могучій Питтъ и блестящею, смѣлою рѣчью отстоялъ отмѣну.—„Меня обвиняютъ, сказалъ онъ, въ возбужденіи несогласій въ Америкѣ. Колонисты свободно выразили свое мнѣніе о несчастномъ актѣ нашемъ, и эта свобода сочтена преступленіемъ. Мнѣ грустно слышать, что свобода слова считается преступною въ этой палатѣ, — но это не устрашитъ меня, и я воспользуюсь своимъ правомъ." Лордъ Гренвиль напиралъ на права Англіи надъ Америкой и гордо спрашивалъ: давно ли колоніи освобождены отъ протектората? Питтъ отвѣчалъ: „Насъ спрашиваютъ, когда были освобождены колоніи, но я бы хотѣлъ знать, когда же были онѣ порабощены? Американцы не всегда были умѣренны и осторожны, правда; но вѣдь ихъ оскорбляли. Несправедливость помрачила ихъ разумъ: хотите ли казнить ихъ за помраченіе, которое сами вызвали? Будьте съ своей стороны благоразумны и умѣренны, и я ручаюсь, что Америка послѣдуетъ вашему примѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ провозгласите верховную власть Англіи надъ колоніями, провозгласите ее въ самыхъ сильныхъ, въ самыхъ неограниченныхъ выраженіяхъ. Да, мы можемъ стѣснить ихъ торговлю, ограничить промышленность, пользоваться всѣми правами, кромѣ одного: мы не можемъ взять деньги изъ ихъ кармана, безъ ихъ согласія." Благодаря такой сильной оппозиціи, законъ былъ отмѣненъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по желанію Питта, торжественно провозглашено верховное владычество Англіи. Съ радостью узнали въ колоніяхъ о миролюбивой отмѣнѣ закона. Восторгъ былъ всеобщій. Въ честь короля и Питта воздвигались статуи. Иллюминаціи и народныя празднества не имѣли конца, вносили деньги за должниковъ и выпускали ихъ на волю; имя Питта благословляли съ каѳедръ въ проповѣдяхъ.

Согласіе продолжалось не долго. Скоро парламентъ издалъ новыя узаконенія о постоѣ войска въ Америкѣ, увеличивавшія тяготу поселенцевъ, и это распоряженіе, состоявшееся когда правительство, повидимому, отказалось отъ права произвольно налагать налоги, растравило заживавшія раны.

Digitized by Google

Къ тому же, съ новою перемѣной министерства, Питтъ, замѣтно упадавшій силами и снѣдаемый подагрой, удалился отъ дѣлъ и вступилъ въ палату лордовъ, принявъ титулъ графа Чатама. Въ отсутствіе Питта прошелъ цѣлый рядъ стѣснительныхъ мѣръ: налоги на чай, стекло, бумагу, почти формальное запрещеніе нью-іоркскаго конгресса и т. д. Минута разрыва приближалась; озлобленіе овладѣло народомъ. По рукамъ ходили памфлеты, возбуждавшіе къ защитѣ правъ, патріотическія пѣсни. Одна изъ нихъ, написанная Джономъ Дикинсономъ, заканчивалась слѣдующими строфами:

„Потомство вспомнитъ съ удивленіемъ и сочувствіемъ о мужествѣ, съ которымъ мы защищали свои права; мы не страшимся смерти, но не хотимъ быть рабами. Для гражданина позоръ хуже смерти.

„Пью за здоровье нашего короля и за славу и богатство Великобританіи. Да будутъ безсмертны эта слава и это богатство, если только Англія будетъ справедлива и мы свободны."

IV.

Въ іюнѣ 1767 года дано было приказаніе главному начальнику военныхъ силъ Канады, генералу Геджу, отправить два полка и четыре военные корабля въ Бостонъ для поддержки администраціи. Общее собраніе Массачусетса протестовало противъ этой мѣры; но войско уже было близко и вскорѣ высадилось на берегъ. Мѣста для его помѣщенія не оказалось, и солдаты расположились на улицахъ и площадяхъ Бостона. Узнавъ о намѣреніи правительства наложить пошлину на нѣкоторые привозные товары и о его рѣшимости поддержать свои требованія вооруженною силою; желая вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что Англія можетъ зависѣть отъ Америки, а не наоборотъ, „сыны свободы стали носить только самое грубое полотно и отказались отъ употребленія чая; ихъ дочери, ободренныя и поддерживаемыя общественнымъ мнѣніемъ (ихъ жертва была важнѣе) лишили себя шелковыхъ платьевъ и лентъ." Въ отвѣтъ на всѣ подобныя заявленія и на протесты виргинской и массачусетской палатъ, парламенту былъ предложенъ торійскою партіей и едва не прошелъ законъ о томъ чтобы захватить главнѣйшихъ агитаторовъ въ колоніяхъ и перенести судъ надъ ними въ метрополію.

Digitized by Google

Противникомъ этой мѣры явился другой поборникъ американской свободы, Бюркъ. „Зачѣмъ поступаете вы такъ, воскликнулъ онъ при чтеніи проекта закона? Потому, отвѣчаете вы, что не можете положиться на американскихъ присяжныхъ. Вотъ признаніе, которое должно бы вселить ужасъ во всякую чувствительную душу. Если у васъ нѣтъ приверженцевъ въ народѣ, состоящемъ изъ двухъ милліоновъ, тогда измѣните вашу систему правленія, или навѣки откажитесь отъ колоній.“ Умѣренная партія предложила какъ средство примиренія среднюю мѣру, — отмѣну только-что установленныхъ пошлинъ, кромѣ пошлины на чай. Но и это не повело ни къ чему: Американцы изобрѣли скверный чай изъ листьевъ малины и съ самоотверженіемъ пили его. Время палліативныхъ средствъ миновало. Въ Бостонѣ произошло уже нѣсколько кровавыхъ стычекъ народа съ войскомъ, усилившихъ раздраженіе. „Собраніе Массачусетса отказалось давать солдатамъ что-либо, кромѣ соломы, дровъ свѣчъ и казармъ, въ которыхъ“, какъ говорилъ въ послѣдствіи въ парламентѣ какой-то офицеръ, „никто изъ присутствовавшихъ джентльменовъ не согласился бы помѣстить своихъ собакъ“. Ненавистные всѣмъ красные мундиры не могли показаться на улицѣ, не подвергаясь оскорбленіямъ. Дисциплина не всегда въ силахъ заставить солдата забыть что онъ человѣкъ; въ одну субботу произошла ссора на улицѣ, и червь, — зачинщица, какъ говорили,—была побита. Побѣжденные были пуритане и потому оставались покойны въ воскресенье; но въ понедѣльникъ, вечеромъ, многочисленная толпа, вооруженная палками, напала на стражу, закидала ее льдинами, обрубками дерева, комьями снѣга, камнями, и осыпала градомъ ругательствъ солдатъ, которые, по словамъ толпы, не смѣли даже стрѣлять. Командовавшій офицеръ, капитанъ Престонъ, выказалъ большое терпѣніе; солдаты оставались неподвижны съ ружьемъ въ рукахъ, но наконецъ одинъ изъ нихъ, получивъ ударъ, выстрѣлилъ, не ожидая приказанія; шестеро другихъ послѣдовали его примѣру. Трое изъ нападавшихъ пали, восемь были ранены въ толпѣ. Митингъ, созванный вслѣдствіе этихъ несчастныхъ событій, отрядилъ депутацію подъ предводительствомъ извѣстнаго народнаго вождя Самуеля Адамса, потребовавшую отъ губернатора удаленія войскъ. Желаніе это было исполнено Но толчокъ, данный этими первыми выстрѣлами напряже-

Digitized by Google

нымъ ощущеніямъ страны, былъ слишкомъ силенъ, чтобы дать имъ возможность утихнуть при первомъ роздыхѣ.

Скандалъ, произведенный обнародованіемъ конфиденціальныхъ писемъ бостонскаго губернатора Гэтчинсона къ членамъ парламента (въ этихъ письмахъ, случайно доставшихся Франклину, Гэтчинсонъ совѣтуетъ употребить строжайшія мѣры для усмиренія мятежниковъ) усилилъ общее раздраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ снова выставилъ на первый планъ личность Франклина. Въ этотъ *политическій* періодъ его жизни, Франклинъ уже былъ шестидесяти-семилѣтнимъ старикомъ, но ни силы, ни юморъ, ни тонкая хитрость не покидали его. Составивъ себѣ почетную извѣстность на родинѣ, гдѣ онъ началъ бѣднымъ наборщикомъ, прославясь своими открытіями, своимъ громоотводомъ, своими учеными и филантропическими предпріятіями, основаніемъ первой публичной библіотеки, первой академіи, перваго госпиталя въ Америкѣ, попечительнаго общества о тюрьмахъ, ассоціаціи для уничтоженія невольничества и т. д.,—Франклинъ конецъ своей жизни посвятилъ служенію родинѣ на политическомъ поприщѣ, и дипломатическими сношеніями въ качествѣ агента при англійскомъ кабинетѣ, а потомъ во Франціи, принесъ отечеству неоцѣненныя заслуги. Въ описываемое время, когда еще не приспѣла пора открытыхъ дѣйствій, онъ пустилъ въ ходъ два замѣчательные памфлета, гдѣ обильною струей сверкаетъ его неистощимый юморъ. Въ одномъ, — сплошной аллегоріи—онъ сообщаетъ указъ, будто бы изданный королемъ прусскимъ, въ которомъ заявляются права Пруссіи на Великобританію и въ мѣткой пародіи излагаются всѣ мѣры къ упроченію и расширенію этихъ правъ. Въ другомъ памфлетѣ, подъ заглавіемъ: „Какъ сдѣлать изъ большаго государства незначительное, — наставленіе новому министру при вступленіи его въ должность“, заключается серіозное предостереженіе министерству о послѣдствіяхъ его политики.

Временное разстройство дѣлъ Ость-Индской Компаніи побудило правительство ослабить пошлину на чай, отъ недостаточнаго сбыта котораго страдали торговыя дѣла ея. Эта мѣра не принесла пользы. Американцы не захотѣли и дешеваго чая; они твердо рѣшились не доставить ни малѣйшаго торжества Англичанамъ, и всѣми афишъ приглашали народъ противиться выгрузкѣ чая, называя его „новыми цѣпями, скованными предательскою Англіей“. Въ нѣкоторыхъ портахъ такъ и

Digitized by Google

не допустили кораблей, такъ что они принуждены были уйдти, не выгрузивъ товара. Въ Бостонѣ потребовали у губернатора дать выпускной листъ командирамъ компанейскихъ кораблей, уже стоявшихъ въ гавани. „Когда же онъ отвѣтилъ отказомъ, двѣ или три шайки людей, переодѣтыхъ Могиканами, окружили корабли; трехъ часовъ было достаточно, чтобы вытащить оттуда триста сорокъ ящиковъ, которые были разбиты, а находившійся въ нихъ чай кинутъ въ море. Такимъ образомъ погибло болѣе 18.000 фунтовъ ст. Тысячи зрителей присутствовали при этомъ истребленіи, послѣ чего всѣ спокойно разошлись, не оскорбивъ никого. Это благоразуміе народныхъ массъ было только повиновеніемъ данному приказанію; оно было тѣмъ страшнѣе, что, очевидно, одного слова было достаточно, чтобы разразилась буря.“—Демонстрація эта повлекла за собой изданіе *билля о Бостонскомъ портѣ*, гдѣ портъ этотъ, вслѣдствіе послѣднихъ событій, объявленъ закрытымъ и перенесенъ въ небольшой городокъ Салемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предложено коренное измѣненіе организаціи Массачусетса; губернаторомъ назначенъ генералъ Геджъ, изданы строгія правила постоя войскъ въ Бостонѣ, разрѣшено перевозить подсудимыхъ изъ Америки въ Англію и т. д. Напрасно Бюркъ и Барре убѣждали палату остановиться, пока еще не поздно. Никто не слушалъ ихъ болѣе. Новому губернатору были даны подкрѣпленія для успѣшнаго и окончательнаго закрытія порта. Начало войны уже было близко.

Дѣятельность массачусетской палаты, насильно переведенной въ Салемъ, обратилась съ большею чѣмъ когда-либо силой къ осуществленію идеи союза; безчисленные митинги, созванные по всему штату и въ остальныхъ колоніяхъ, развивали ту же идею въ своихъ резолюціяхъ съ такою рѣшимостью, что въ 1774 году состоялся наконецъ давно желанный *первый* конгрессъ всѣхъ колоній въ Филадельфіи. Всѣ религіозныя и политическія разновидности партій на время стушевались. Конгрессъ протестовалъ противъ присутствія войскъ, противъ таможенныхъ стѣсненій, издалъ декларацію правъ гражданъ Америки, равныхъ во всемъ съ ихъ собратіями, непосредственными подданными Соединеннаго Королевства, наконецъ, составилъ извѣстное, краснорѣчивое посланіе къ англійскому народу,

Digitized by Google

выражая свое искреннее желаніе умиротворенія и исчезновенія самыхъ причинъ распри, — и затѣмъ разошелся, приглашая Американцевъ къ созванію другаго конгресса весной слѣдующаго года. Въ ожиданіи этого событія, которое, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно было совпасть съ началомъ вооруженной борьбы, постепенно заготовлялись втайнѣ всѣ средства для нея. „Приготовлено было съѣстныхъ припасовъ на двѣнадцать тысячъ милиціонеровъ; предводители ихъ были избраны изъ числа людей, отличавшихся въ канадской войнѣ; въ милицію вступило много преданныхъ дѣлу гражданъ, которые получили названіе *minute-men*, оттого что обѣщали взяться за оружіе по первому призыву, въ минуту. Королевскій указъ запретилъ ввозъ въ колоніи оружія и аммуниціи. Этотъ указъ еще болѣе воспламенилъ всѣ умы. Въ Родъ-Эйландѣ народъ захватилъ артиллерійскій обозъ, принадлежавшій казнѣ; въ Нью-Гемпширѣ онъ напалъ на небольшую крѣпость. Революція испытывала свои силы.“ Чатамъ употребилъ еще послѣднее усиліе для возстановленія мира. Онъ вполнѣ одобрялъ дѣйствія филадельфійскаго конгресса, удивлялся смѣлости и мудрости его актовъ, и представляя проектъ примирительнаго закона, повторялъ въ немъ постановленія конгресса. По его мнѣнію, всѣ мѣры послѣдняго времени нужно было отмѣнить, а Америка должна допустить регламентацію своей торговли. Большинство голосовъ оттолкнуло это послѣднее увѣщаніе великаго политика; онъ умывалъ себѣ руки въ тяжкихъ послѣдствіяхъ этой несчастной настойчивости. „Если министры будутъ продолжать давать подобные совѣты королю и затуманивать его умъ,—я не скажу, что королю измѣняютъ, но скажу, что судьба государства въ опасности. Я не скажу, что министры уменьшатъ тѣмъ любовь подданныхъ къ коронѣ, но я утверждаю, что Америка—этотъ драгоцѣнный алмазъ—скоро исчезнетъ изъ нея и не будетъ болѣе стоить труда носить эту корону.“ Министерство подвигалось далѣе по своему шаткому пути: съ одной стороны, оно объявляло Массачусетсъ на военномъ положеніи, грозя даже напустить на него дикія племена мѣднокожихъ, съ другой — тайкомъ подсылало своихъ агентовъ къ Франклину и другимъ Американцамъ, въ надеждѣ на компромиссъ. Но Франклинъ уже сталъ недоступенъ подобнымъ убѣжденіямъ, обстоятельства преобразили его, и изъ ревностнаго поборника свободы,

Digitized by Google

совмѣстной съ владычествомъ Англіи, сдѣлали его защит никомъ полной независимости колоній.

Собраніе представителей Виргиніи готовило новыя заявленія сочувствія дѣйствіямъ конгресса, какъ вдругъ застигнуто было врасплохъ смѣлымъ, отчаяннымъ предложеніемъ одного изъ вождей революціи, Патрика Генри, покончить съ словами и взяться за дѣло, отбросить миролюбивыя заявленія, немедленно объявить страну въ опасности и организовать средства къ ея защитѣ. „Нельзя болѣе медлить, говорилъ онъ, время пересудовъ прошло, и одна рѣшимость дѣйствовать можетъ спасти страну... Намъ говорятъ, что мы слабы, неспособны къ борьбѣ съ такимъ опаснымъ противникомъ. Но когда же станемъ мы сильнѣе? На будущей недѣлѣ, чрезъ годъ, или когда насъ обезоружатъ и въ каждомъ домѣ поселится англійскій солдатъ? Развѣ нерѣшительность и бездѣйствіе вдохнутъ въ насъ новыя силы? Развѣ мы найдемъ средства къ борьбѣ, лѣниво лежа на боку и предаваясь пустымъ мечтамъ, пока враги насъ свяжутъ по рукамъ и по ногамъ? Нѣтъ, мы не безсильны, если только сумѣемъ воспользоваться средствами, данными намъ Богомъ и самою природой.... Три милліона людей, возставшіе за священныя права свободы и живущіе въ такой странѣ какъ наша,— непобѣдимы; имъ нечего страшиться войскъ, которыя Англія можетъ выслать противъ нихъ. Къ тому же мы не одни. Есть всемогущее Провидѣніе, которое управляетъ судьбами народовъ. Оно воздвигнетъ намъ друзей, чтобы поддержать насъ въ борьбѣ.“ Всѣ присутствующіе были увлечены этою энергическою рѣчью, предложеніе оратора принято, и образованъ комитетъ защиты.

Не успѣлъ этотъ отчаянный призывъ возбудить край къ защитѣ, какъ кровь уже лилась. Англійскій отрядъ, желая захватить склады оружія и военныхъ запасовъ, собранныхъ колоніями, встрѣтилъ незначительный объѣздъ Лексингтонскаго ополченія, который, отстрѣливаясь, навелъ его на главныя силы милиціи. Въ завязавшемся бою новобранцы одержали верхъ надъ регулярнымъ войскомъ, которое было сбито и отброшено къ Бостону, потерявъ около 300 человѣкъ, тогда какъ Американцы лишились только 90. Нѣсколько мелкихъ укрѣпленій были заняты затѣмъ горстью смѣльчаковъ: доморощенное войско окурилось порохомъ. Тѣмъ временемъ въ Филадельфіи состоялось созваніе новаго

Digitized by Google

конгресса. Въ виду критическаго положенія дѣлъ, конгрессъ немедленно принялъ рѣшительныя мѣры: беззащитной части населенія былъ пріисканъ пріютъ, сокровища и военные запасы вывезены изъ городовъ, выпущены серіи ассигнацій, наконецъ созвана армія изъ всѣхъ колоній. Выборъ вождя ея давно былъ сдѣланъ всѣми, — никто не могъ нести эту обязанность достойнѣе даровитаго полковника Вашингтона, давно уже поставленнаго обстоятельствами на видный планъ и много послужившаго родинѣ. „Джорджу Вашингтону было тогда сорокъ три года; онъ родился въ Виргиніи 11-го февраля 1732 г.; его прадѣдъ Джонъ Вашингтонъ былъ англійскій джентльменъ, за восемьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ поселившійся въ Америкѣ. Воспитаніе онъ получилъ самое простое; геометрія, тригонометрія, землемѣріе занимали въ немъ главное мѣсто. Мать, которую онъ нѣжно любилъ, не хотѣла видѣть его морякомъ, и потому рѣшено было сдѣлать изъ него землемѣра. Въ Новомъ свѣтѣ слово землемѣръ имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ чѣмъ въ Старомъ; въ Америкѣ, въ этой странѣ, гдѣ пустыня ежедневно уступаетъ усиліямъ человѣка, землемѣръ является какъ бы проводникомъ цивилизаціи. Онъ пробѣгаетъ пустыню по всѣмъ направленіямъ, изслѣдуетъ ее и измѣряетъ, и такимъ образомъ прокладываетъ путь будущей колонизаціи. Прибавьте къ этому,—въ эпоху Вашингтона,—сношенія съ Индійцами, прелесть неизвѣстности и даже опасности.“ Въ такой кочевой жизни, среди всевозможныхъ лишеній, прошла вся ранняя молодость Вашингтона. Часто въ теченіе цѣлаго мѣсяца я не спалъ четырехъ ночей въ постелѣ, писалъ онъ въ 1748 г., днемъ я брожу, вечеромъ отдыхаю у огня, на кучѣ соломы или сѣна, или на медвѣжьей шкурѣ, рядомъ съ мужемъ, женой, дѣтьми, кошками и собаками. Да еще счастливъ тотъ, кто имѣетъ такой пріютъ.“ Война съ Франціей за Канаду вызвала Вашингтона изъ скромной жизни въ заповѣдной глуши внутренней Америки въ ряды войска. Читатель помнитъ его участіе въ первой стычкѣ съ Французами. За этимъ первымъ подвигомъ, Вашингтонъ, уже майоръ, спасъ остатки разбитой на-голову англійской дивизіи своимъ необыкновеннымъ самоотверженіемъ, получивъ нѣсколько опасныхъ ранъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій онъ удалился отъ дѣлъ, счастливо женился и основался въ своемъ помѣстьѣ, изрѣдка лишь покидая его, чтобы принять участіе въ засѣданіяхъ виргинской палаты. Въ

Digitized by Google

этомъ почетномъ отдохновеніи застало его избраніе въ главнокомандующіе всѣхъ силъ Америки. Онъ былъ пораженъ имъ, колебался; „я всѣми силами старался избавиться отъ этой чести, писалъ онъ къ своей женѣ, не только изъ желанія остаться съ тобой и съ семействомъ, но и вслѣдствіе убѣжденія, что возлагаемая на меня обязанность не подъ силу мнѣ. Но, прибавляетъ онъ, такъ какъ судьба, видно, назначила меня для этого дѣла, то я надѣюсь, что это назначеніе поведетъ къ какому-нибудь счастливому результату; полагаюсь во всемъ на Провидѣніе, которое понынѣ хранило меня.“ Онъ принялъ должность, въ краткой рѣчи благодарилъ конгрессъ за избраніе, не переставая выражать убѣжденіе о несоотвѣтствіи силъ великой задачѣ, отказался отъ всякаго жалованья, обѣщая только вести счетъ необходимымъ издержкамъ и надѣясь на покрытіе ихъ конгрессомъ. Тысячъ четырнадцать ополченцевъ, наскоро вооруженныхъ, были именно тою *арміей*, начальство надъ которою принималъ Вашингтонъ и съ чьею помощью долженъ былъ защищать Бостонъ.

Англія быстро готовила отпоръ, далеко превосходившій силой слабыя средства колоніи. Опираясь на воинственное настроеніе общества, министерство предложило созваніе 55.000 сухопутнаго войска и 28.000 матросовъ. Начальство надъ войскомъ поручено было сэръ-Вильяму Гоу. Для пополненія кадровъ арміи прибѣгали ко всякимъ средствамъ, облегчили доступъ въ нее всякому сброду и наконецъ просто покупали людей у мелкихъ владѣтелей Германіи. „Ландграфъ Гессенскій продалъ 12.000, герцогъ Брауншвейгскій и иные князья 5.000. За человѣка платили герцогу по тридцати кронъ, кромѣ 450.000 годовой субсидіи. На эти деньги онъ построилъ свой Версаль—Wilhelmshöhe. Фридрихъ II, болѣе гуманный, но вѣчно насмѣшливый, не позволилъ у себя вербовокъ и велѣлъ брать съ этихъ бѣдняковъ такъ-называемый Viehzoll, то-есть скотопрогонную пошлину, когда они проходили по его владѣніямъ.“ Лабуле прибавляетъ, что одно время думали и о помощи Россіи.

Конгрессъ, въ виду подобныхъ приготовленій, постановилъ необходимость тѣснѣйшаго союза и полнаго отторженія колоній отъ Англіи, объявилъ порты открытыми для всѣхъ націй и наконецъ составилъ знаменитую декларацію независимости (4-го іюля 1776 г.). Вслѣдъ затѣмъ англійская эска-

Digitized by Google

дра пристала къ берегамъ, и согласно инструкціямъ, лордъ Гоу предложилъ главнымъ вождямъ общественнаго мнѣнія страны послѣднее соглашеніе, но Франклинъ, отъ лица ихъ, лаконическимъ письмомъ гордо отклонилъ эти предложенія, говоря, что *уже поздно*. Произошла битва, неудачная, впрочемъ, для союзной арміи. Неудача неудивительная при случайномъ составѣ милиціи, при скудости ея содержанія, краткости срока найма (шесть недѣль). Но деморализація, произведенная этимъ пораженіемъ была велика, и Вашингтонъ горько жаловался на это. Отсутствіе прочнаго единства становилось ясно: не будь мелочнаго антагонизма штатовъ изъза первенства одного надъ другимъ, вслѣдствіе котораго невозможно было располагать достаточными средствами и людьми, существуй крѣпкая центральная власть, соединяющая въ своихъ рукахъ всѣ средства защиты края,—война свелась бы на нѣсколько быстрыхъ моментовъ, и независимость была бы скоро достигнута. Но много должна была еще испытать Америка и путемъ страданій узнать цѣну союза. Войска лорда Гоу придвинулись къ Нью-Йорку, разбивъ снова на-голову ополченіе Вашингтона. Онъ повергнутъ былъ въ безграничное отчаяніе и искалъ смерти. Нью-Йоркъ былъ безпрепятственно занятъ Англичанами. Американцы отошли къ высотамъ Гарлема, у Вашингтона оставалось лишь немногимъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Это бѣдственное положеніе не могло долго длиться. Вашингтонъ обратился къ конгрессу, требовалъ рѣшительныхъ мѣръ для спасенія отечества, созванія разомъ ста десяти баталіоновъ, и просилъ дать ему неограниченное полномочіе на все время войны, съ правомъ реквизиціи, образованія ополченій, гдѣ это будетъ нужно, наградъ и наказаній и т. д. Конгрессъ не отступилъ передъ этимъ предложеніемъ, и довѣрился Вашингтону, который въ свою очередь заявилъ: „Я далекъ отъ мысли, что довѣріе конгресса освобождаетъ меня отъ обязанностей гражданина,—я всегда буду имѣть въ виду, что если оружіе было послѣднимъ средствомъ спасенія нашей свободы, то отъ него нужно будетъ прежде всего отдѣлаться, когда свобода эта будетъ прочно установлена.“ Съ этого времени счастіе начинаетъ улыбаться Америкѣ. Вашингтонъ, собравшись съ силами, предпринялъ въ ночь на Рождество внезапное нападеніе на спящій гессенскій лагерь, засталъ непріятеля врасплохъ и захватилъ въ плѣнъ тысячу чело

Digitized by Google

вѣкъ. Боясь преслѣдованія англійскихъ резервовъ, онъ ночью снялся съ позиціи, оставивъ горящіе огни на своемъ бивуакѣ, и выбилъ Англичанъ изъ Нью-Джерси.

Подъ впечатлѣніемъ тревожныхъ вѣстей, Чатамъ, разбитый подагрой, велѣлъ принесть себя на носилкахъ въ палату. Грозною, безпощадною рѣчью, напомнившею блестящіе дни его ораторской славы, обвинялъ онъ министерство въ несчастіяхъ, постигшихъ Англію, требовалъ торжественнаго заявленія, что правительство соболѣзнуетъ о пагубномъ раздорѣ съ колоніями и намѣрено предоставить имъ всѣ требуемыя ими права, и клеймилъ позоромъ купленную деньгами помощь наемниковъ. „Вы не можете покорить Американцевъ!“ вскричалъ онъ. „Вы говорите о многочисленности вашихъ войскъ, вы хвалитесь, что разгоните полки союзниковъ: мнѣ также легко было бы разогнать ихъ моимъ костылемъ. Вы обыскали всѣ закоулки Германіи, но и сорокъ тысячъ нѣмецкихъ крестьянъ никогда не сократятъ въ десять разъ бо́льшаго числа людей свободныхъ и *Англичанъ*; ваши солдаты все могутъ разграбить, но никого не покорятъ.... Положимъ, вы выиграете. Что́ же далѣе? Заставите ли вы Американцевъ уважать васъ? Заставите ли ихъ стать подъ ваше знамя? Не вкорените ли вы скорѣе въ ихъ сердца неизгладимую ненависть?“... Ослѣпленіе партизановъ войны было слишкомъ сильно, чтобъ уступить этому призыву къ примиренію; министерство потребовало пріостановленія для Америки дѣйствія habeas corpus и предоставленія агентамъ правительства права задерживать и изгонять всѣхъ подозрительныхъ людей, хотя бы недостатокъ уликъ и не давалъ повода къ ихъ задержанію. „Наша свобода въ опасности,“ вскричалъ, услыша это, Фоксъ: „кто знаетъ, не взбредетъ ли разъ на умъ министрамъ, что и я когда-то служилъ въ Лонгъ-Эйлендѣ подъ начальствомъ Вашингтона? Тогда, что́ поможетъ, если я стану увѣрять моихъ прежнихъ товарищей, что во время войны я находился въ Англіи, что я никогда не видалъ другаго моря кромѣ Ламанша отъ Дувра до Кале, и что единственный походъ мой былъ направленъ противъ безсловесныхъ рыбъ? Все это, можетъ-быть, и правда, отвѣтитъ мнѣ какой-нибудь министръ или какой-нибудь лакей министра,—но вы подозрительны, и этого довольно; теперь не время оправдываться!“

Въ эту-то пору, когда и безъ того удача начала переходить

Digitized by Google

на сторону Америки, у нея является новый сильный союзникъ еще вчера заклятой врагъ,—Франція. Долго не могла она забыть отнятія Канады и искала достойнаго возмездія; возрастающее несогласіе Англіи съ колоніями безконечно радовало ее. Проницательный Шуазель, еще заключая безславный миръ 1763 г., воскликнулъ: „они въ нашихъ рукахъ!“ предвидя всѣ выгодныя для Америки послѣдствія этого мира. И Америка, съ своей стороны, давно обращала взоры на дѣйствія Тюльерійскаго кабинета, нѣсколько разъ сондировала его относительно положенія, которое онъ намѣренъ принять въ завязавшемся спорѣ. Сайласъ Дикъ, посланный въ Парижъ до начала серіозныхъ военныхъ дѣйствій, добился лишь позволенія закупать нужные запасы во Франціи, предоставленія американскимъ судамъ свободнаго входа во французскія гавани и надеждъ на будущее. Но мысль о вмѣшательствѣ уже занимала французское министерство, и тайно заготовлялось все нужное для начатія войны въ широкихъ размѣрахъ. Когда же Англичане одержали нѣсколько важныхъ успѣховъ, и Нью-Йоркъ былъ взятъ, тогда конгрессъ рѣшился послать въ Парижъ новую депутацію, съ болѣе опредѣленными и рѣзко формулованными инструкціями. Было избрано три человѣка, главой которыхъ былъ тотъ же Франклинъ. „Когда его увѣдомили о его избраніи, онъ скромно отвѣтилъ: „я старъ и ни къ чему не годенъ; но, какъ говорятъ „торговцы сукномъ, продавая остатокъ: это послѣдній кусокъ, „возьмите его за что хотите....“ Конечно, трудно было сдѣлать лучшій выборъ. Съ его почтенною наружностью, неапудренными волосами и грубою одеждой, Франклинъ вскорѣ сдѣлался любимцемъ народа, но въ то же время онъ былъ другомъ всѣхъ философовъ, домашнимъ человѣкомъ госпожи Гельвеціусъ, членомъ Академіи Наукъ; онъ плѣнялъ дворъ не менѣе общества, и вскорѣ его дача въ Пасси сдѣлалась политическимъ центромъ. Ему удалось склонить въ пользу Америки всемогущее во Франціи общественное мнѣніе.“

Между тѣмъ подкрѣпленія, прибывшія изъ Англіи, на нѣкоторое время измѣнили было положеніе дѣлъ. Вашингтонъ, выдержавъ долгую и кровавую битву, долженъ былъ отступить, и войска лорда Гоу заняли Филадельфію. Конгрессъ перенесъ своеместопребываніе въ Йоркъ, а Вашингтонъ, послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ схватокъ, сталъ на зимнія квартиры среди большой поляны, неподалеку отъ непріятель-

Digitized by Google

скаго стана, среди глубокаго снѣга, на которомъ часто отпечатлѣвались кровавые слѣды его изнуренныхъ солдатъ. Но искусно задуманное движеніе англо-нѣмецкаго отряда изъ Канады къ Гудзоновой рѣкѣ, съ цѣлью зайдти въ тылъ Американцамъ, не дало имъ и тутъ покою. Первая встрѣча кончилась счастливо для милиціонеровъ. „Ребята, сказалъ имъ передъ битвой генералъ Старкъ, вотъ они, красные мундиры; ихъ надо побить, а не то Молли Старкъ будетъ вдовой къ вечеру.“ Англичане отступили, соединились съ главными силами своими и перешли рѣку у мѣстечка Саратога. Ополченіе ждало ихъ на волнистой мѣстности Бэмуса, избранной въ боевую позицію извѣстнымъ Костюшкой. На этотъ разъ успѣхъ Американцевъ былъ громовой: въ теченіе двухъ дней непріятель былъ нѣсколько разъ разбитъ, обезсиленъ и принужденъ сдаться на капитуляцію. Эта сдача 3.500 человѣкъ была тяжелымъ ударомъ парламенту; положеніе дѣлъ начало выясняться для него въ новыхъ, грозныхъ формахъ, и тѣ же люди, которые своею настойчивостью погубили дѣло, предлагали теперь палатѣ обсудить уступки, которыя *можно* сдѣлать колоніямъ.

То же событіе произвело рѣшительный переворотъ и въ характерѣ французской политики, которая, покидая выжидательную систему, открыто провозгласила вмѣшательство, оправдывая тѣмъ въ глазахъ изумленнаго англійскаго парламента тѣ предсказанія, которыми давно Чатамъ, Бюркъ и другіе друзья Америки остерегали его отъ излишествъ самовластія. Посланные конгрессомъ депутаты получили офиціальное увѣдомленіе о желаніи короля Франціи признать независимость Америки и заключить съ ними оборонительный и наступательный трактатъ для поддержанія этой независимости, не требуя при всемъ этомъ никакого возмездія за помощь, кромѣ обязательства никогда не возвращаться подъ власть Англіи. Съ восторгомъ приняли это извѣстіе въ Америкѣ, благоговѣйно выслушали его истомленные солдаты Вашингтона; но горько отозвались эти вѣсти въ Англіи. Лордъ Нортъ, главный виновникъ войны, первый, точно раскаиваясь, предложилъ отмѣнить всѣ введенныя имъ мѣры; нашлись пессимисты, совѣтовавшіе даже отозвать всѣ войска и флотъ изъ Америки. Этого оскорбленія народной гордости, этого открытаго признанія безсилія не могло перенести гордое британское сердце старика Чатама. Онъ въ

Digitized by Google

послѣдній разъ велѣлъ отнести себя въ палату и рѣзко укорялъ ее въ неумѣніи съ честью переносить испытанія. Герцогъ Ричмондъ, авторъ названнаго предложенія, отвѣчалъ великому министру, что онъ не менѣе его желаетъ союза съ Америкой, что онъ уважаетъ имя Чатама, но сознаетъ, что одно оно не въ состояніи сдѣлать невозможное. „Не одна колонія противъ насъ, сказалъ онъ, а Франція, союзная съ ней Испанія и Америка грозятъ намъ войной“... „Чатамъ всталъ подъ вліяніемъ сильнаго волненія; все его твореніе рушилось; Бурбоны торжествовали, Америка была потеряна навсегда; это униженіе было слишкомъ велико для него. Онъ пробормоталъ нѣсколько словъ и упалъ, сраженный ударомъ. Засѣданіе было прервано, пэры окружили Чатама и отнесли его въ сосѣдній домъ. Черезъ мѣсяцъ онъ умеръ, не придя въ сознаніе.“

V.

Прошло еще два года въ ожиданіи неизбѣжной развязки; никакія особенныя событія не отличаютъ эту пору выжиданія, только изрѣдка перестрѣлки, вылазки съ обѣихъ сторонъ, и одно болѣе серіозное сраженіе при Монмоутѣ, не вполнѣ удавшееся Американцамъ, разнообразятъ это тягостное затишье. Положеніе Вашингтона съ остатками его храброй арміи, безъ припасовъ, безъ жалованья, становилось все затруднительнѣе; солдаты дезертировали, уходили изъ рядовъ, считая свое обязательство, свой наемъ конченнымъ. Конгрессъ не имѣлъ ни власти, ни средствъ для поддержанія распадавшихся оборонительныхъ силъ. Вашингтонъ часто жаловался ему на безвыходное физическое и моральное положеніе войска, на матеріальныя бѣдствія страны, изнуренной долгою войной, указывалъ на неустройство финансовъ и съ ужасомъ ожидалъ близкаго банкротства государства. „Несогласія партій и отдѣльныхъ лицъ, писалъ онъ,— вотъ главнѣйшія текущія дѣла; а между тѣмъ все, касающееся самыхъ основъ государства остается безъ вниманія, отлагается со дня на день. Громадный долгъ возрастаетъ, кредитъ потерянъ, ассигнаціи неимовѣрно быстро падаютъ въ цѣнѣ.

Digitized by Google

Меня не удивитъ, если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онѣ лишатся всякаго значенія; несмотря на то, балъ, обѣдъ или ужинъ, стоящій триста или четыреста фунтовъ, не только отвлекаетъ людей отъ занятій, но даже мѣшаетъ вспомнить о нихъ; въ то же время многіе офицеры покидаютъ службу вслѣдствіе совершеннаго раззоренія." Помощь Франціи, возвѣщенная Лафайетомъ, пришла какъ нельзя болѣе кстати. Уже генералъ Клинтонъ взялъ Чарльстонъ и грозилъ завладѣть всѣмъ югомъ. Въ это время прибылъ первый французскій отрядъ изъ 5.000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Рошамбо, и поступилъ подъ главное управленіе Вашингтона. Кромѣ того, сильная эскадра отправлена съ Антильскихъ острововъ къ берегамъ Америки, и утверждена Людовикомъ XVI, — къ которому по мысли Вашингтона обращался конгрессъ и за денежную помощью,—ссуда, съ условіемъ, чтобы распоряженіе выданною суммой было предоставлено исключительно Вашингтону.

Обильно подкрѣпленныя, сильныя и нравственною поддержкой, союзныя войска должны были дѣйствовать смѣло, чтобы воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ и не дать непріятелю времени подкрѣпить свою армію. Генеральное сраженіе было на очереди. Вашингтонъ далъ его. Запертыя въ Іоркъ-Тоунѣ, 7.000 лучшаго англійскаго войска (отрядъ лорда Корнваллиса) сдались на капитуляцію послѣ двухнедѣльной осады; въ то же время французская эскадра овладѣла кораблями, помогавшими осажденнымъ. Главныя силы непріятеля были разгромлены. Исходъ войны сталъ ясенъ. Напрасно тронная рѣчь призывала страну къ новымъ усиленнымъ жертвамъ, обѣщала вести борьбу до послѣдней крайности, напрасно слабое большинство правой стороны силилось увѣрить себя въ возможности дальнѣйшаго сопротивленія,—оппозиція съ отчаянною рѣшимостью выступила противъ невозможныхъ плановъ, увлекла за собой общественное мнѣніе и привела его къ сознанію необходимости мира. Министерство пало; лордъ Нортъ, главный виновникъ всѣхъ бѣдъ, „бичъ края", какъ называла его оппозиція, удалился отъ дѣлъ, сконфуженный, но сохраняя обычную веселость, отшучиваясь острыми выходками отъ яростныхъ нападеній противниковъ. Онъ былъ, по выраженію Лабуле, однимъ изъ тѣхъ людей, которые шутя губятъ государства...

Digitized by Google

Уполномоченные Лондонскаго кабинета вскорѣ заключили въ Парижѣ предварительный мирный договоръ съ представителями Америки, Франклиномъ, Джеемъ, Адамсомъ и Лоренсомъ. Этимъ договоромъ признавалась полная независимость колоній, уступленъ былъ весь пространный Востокъ, и всѣ спорные вопросы о судоходствѣ по Миссисипи, о рыбныхъ ловляхъ и т. д., были полюбовно разрѣшены. Формальный трактатъ, послѣдовавшій 3-го сентября 1783 г., распространялъ замиреніе и на Францію съ Испаніей, уступая первой острова Св. Петра и Микелонъ, Сенегалъ и Горею, и уничтожая укрѣпленія Дюнкирхена, второй же — Минорку и Флориду. Джону Адамсу было суждено явиться первому въ качествѣ полномочнаго министра независимыхъ Соединенныхъ Штатовъ при лондонскомъ дворѣ. Положеніе короля въ эту первую встрѣчу съ представителемъ тѣхъ, которые за нѣсколько мѣсяцевъ были въ глазахъ его мятежными подданными, было довольно неловко. Но король съ большимъ умѣньемъ вышелъ изъ затрудненія. „Сэръ, сказалъ онъ послу, послѣ обычныхъ привѣтствій; я буду откровененъ съ вами. Я послѣ всѣхъ согласился на отдѣленіе колоній, но когда оно сдѣлалось неизбѣжнымъ и наконецъ совершилось, — я всегда скажу и теперь повторяю вамъ, что буду первый стараться пріобрѣсти дружбу Соединенныхъ Штатовъ, какъ державы независимой.“

По заключеніи мира, страсти начинали улегаться, армія была распущена. Но новому государству предстояло еще одно испытаніе; недостатокъ финансовъ не дозволялъ удовлетворить войско всѣмъ законно слѣдовавшимъ ему содержаніемъ, и въ средѣ его возникъ глухой ропотъ, превратившійся въ открытое неудовольствіе; по рукамъ ходилъ возмутительный памфлетъ, возбуждавшій солдатъ не класть оружія и добиться силой своихъ правъ у народныхъ тирановъ. Иной, на мѣстѣ Вашингтона, не упустилъ бы изъ рукъ такого драгоцѣннаго средства къ захвату власти; при обожаніи, которое армія питала къ своему главнокомандующему, изъ этихъ попытокъ возстанія могла бы выйдти могучая диктатура. Но честный гражданинъ отклонилъ отъ себя неправедныя предложенія отеческимъ увѣщаніемъ, убѣдилъ созванныхъ офицеровъ въ преступности кроющихся между ними намѣреній и мирно прекратилъ разгоравшееся волненіе

Digitized by Google

обѣщаніями выхлопотать у конгресса полное удовлетвореніе войску.

Исполнивъ свое призваніе, Вашингтонъ, вѣрный обѣту, данному имъ передъ началомъ войны,—„отдѣлаться прежде всего отъ оружія, какъ только свобода будетъ обезпечена,“ поспѣшилъ сложить съ себя званіе главнокомандующаго. „Наступилъ часъ прощанья. Оно было торжественно. 4-го декабря 1783 года офицеры собрались въ Фроунсъ-тавернѣ. Туда прибылъ Вашингтонъ и потребовалъ стаканъ вина. „Друзья мои, сказалъ онъ, прощаюсь съ вами сегодня, съ „сердцемъ, исполненнымъ любви и благодарности. Желаю, „чтобы послѣдующіе дни были такъ же счастливы для васъ, „какъ были честны и славны минувшіе.“ Тогда онъ выпилъ и прибавилъ: „Мнѣ трудно обойдти всѣхъ васъ, но я бы же„лалъ, чтобы каждый поочереди подошелъ ко мнѣ и пожалъ „мнѣ руку.“ Генералъ Нокъ подошелъ первый; волненіе мѣшало Вашингтону говорить,—онъ молча обнялъ его. Вслѣдъ за тѣмъ приблизились офицеры, онъ пожалъ имъ руку, не говоря ни слова; на глазахъ всѣхъ были слезы. Тогда Вашингтонъ вышелъ изъ залы и прошелъ передъ выстроившимся корпусомъ пѣхоты, направляясь къ ожидавшей его баркѣ; всѣ офицеры провожали его. Вашингтонъ вступилъ въ барку, и обратясь къ берегу, высоко поднявъ шляпу, поклонился любимому и имъ же составленному войску.“ Покинувъ лагерь, Вашингтонъ отдалъ подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ конгрессу, указалъ, согласно своему обѣщанію, всѣ издержки, сдѣланныя имъ за время войны, въ торжественномъ засѣданіи конгресса сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго и глубоко прочувствованною рѣчью простился съ новыми, *гражданскими* дѣятелями отечества, призывая благословеніе Божіе на дальнѣйшее счастливое бытіе государства, точно чудомъ создавшагося. „Сдѣлавшись снова простымъ гражданиномъ, Вашингтонъ удалился въ Моунтъ-Вернонъ, на берегу Потомака, „подъ сѣнь своего виноградника и смоковницы.“ Единственною привилегіей, отличавшею прежняго главнокомандующаго отъ его согражданъ, единственнымъ знакомъ благодарности, который онъ принялъ отъ родины, было право получать и отправлять нефранкированныя письма,—отличіе, которымъ съ тѣхъ поръ пользуются всѣ отставные президенты.“

Digitized by Google

IV.

Миръ наступилъ, но для людей, искренно преданныхъ отечеству, съ счастливымъ окончаніемъ войны далеко еще не казалась упроченною спокойная будущность новаго государства. Слабость связи, соединявшей основныя тринадцать колоній, была слишкомъ очевидна; не разъ отъ пагубнаго, хотя и невольнаго, бездѣйствія конгресса была наканунѣ гибели вся судьба войны. Деньги, войска, припасы собирались быстро лишь на бумагѣ, когда же доходило до исполненія декретовъ конгресса администраціями отдѣльныхъ штатовъ,— они медлили или даже вовсе не исполняли предписаній, жертвуя великою цѣлью освобожденія своимъ мелкимъ антипатіямъ. Конфедерація 1781 г., скопированная съ устройства генеральныхъ штатовъ Голландіи имѣла всѣ недостатки своего первообраза. Отдѣльныя области имѣли массу привилегій и неограниченно пользовались правомъ тарифа, финансовой и военной организаціи и т. д., но не считали себя обязанными принести въ жертву малѣйшую изъ своихъ прерогативъ для укрѣпленія общей силы Союза. Настояла общая потребность устроенія новаго порядка; всѣ это чувствовали, и болѣе всѣхъ Вашингтонъ. Наступилъ новый, гражданскій періодъ его дѣятельности. И въ этомъ періодѣ, блестящемъ, быть-можетъ, не менѣе славныхъ дней былыхъ побѣдъ, его товарищемъ и пособникомъ является другъ его, Александръ Гамильтонъ.

„Мнѣ, говоритъ Лабуле, не встрѣчалось въ исторіи ничего трогательнѣе отношеній этихъ двухъ людей. На сторонѣ Вашингтона превосходство лѣтъ, опытности, положенія; Гамильтонъ, сынъ Француженки, одаренъ живымъ и пылкимъ умомъ; онъ вникаетъ въ сокровенный смыслъ предмета, но не имѣетъ силы исполненія. Друзья служатъ дополненіемъ одинъ другаго. Обыкновенно Гамильтонъ первый видитъ что надо дѣлать и сообщаетъ это генералу. Вашингтонъ, съ нѣсколько тяжеловатою степенностью Англичанина, сперва пугается словъ Гамильтона; прежде всего кидается ему въ глаза трудность предпріятія. Мѣсяцевъ шесть спустя Вашингтонъ

Digitized by Google

снова возвращается къ затронутому вопросу и, послѣ зрѣлаго обсужденія, соглашается съ мнѣніемъ совѣтника. Тогда-то характеръ Вашингтона выступаетъ во всемъ его величіи. Проникнувшись разъ какою-либо истиной, герой даетъ о себѣ знать. Приступивъ къ дѣлу послѣ долгихъ думъ, онъ чувствуетъ, что Богъ и совѣсть налагаютъ на него обязанность дѣйствовать. Несмотря на опасность, онъ смѣло идетъ впередъ. Все это придавало особенный интересъ этимъ двумъ личностямъ, взаимныя отношенія которыхъ слишкомъ мало изслѣдованы: въ ихъ союзѣ одному принадлежала идея, другому — душа и исполненіе."

Обширная дѣятельность для преобразовательныхъ замысловъ открылась тотчасъ по заключеніи войны; масса вопросовъ возникала со всѣхъ сторонъ. Прежде всего надо было удовлетворить *союзное* войско недоданнымъ жалованьемъ. Выплачивая сообща потребную на то сумму, штаты признали бы тѣмъ существованіе *Союза*; иначе, говорилъ Гамильтонъ,— если допустить вознагражденіе каждымъ штатомъ своего ополченія,—не стало бы союзнаго войска, а были бы только виргинская, массачусетская, каролинская арміи..... Послѣ долгихъ преній, благодаря энергическому вмѣшательству Вашингтона, дѣло рѣшилось въ пользу сторонниковъ единства. Затѣмъ надъ Союзомъ тяготѣлъ огромный долгъ, сдѣланный для покрытія военныхъ издержекъ, заемъ въ шестнадцать милліоновъ у короля Франціи. Не было никакой возможности принудить штаты признать законность общей поруки въ общемъ дѣлѣ. Въ то же время Англія, хотя и подписала трактатъ, медлила окончательнымъ исполненіемъ его и не выводила всѣхъ войскъ изъ страны озеръ, пограничной съ Канадой, требуя строгаго соблюденія всѣхъ статей договора со стороны Америки. Въ палатѣ, по поводу вопроса о торговомъ договорѣ съ Америкой, такъ говорили о новомъ государствѣ: „Къ чему договоры съ Америкой, къ чему открывать ей наши гавани? Мы нагрузимъ товары на наши суда и сами доставимъ ихъ Американцамъ. Да и съ кѣмъ договариваться намъ? Съ конгрессомъ? Онъ не что иное, какъ тѣнь. Со штатами? Они въ постоянной враждѣ между собою....." Столкновеніе съ Испаніей по поводу свободы судоходства по Миссисипи еще болѣе выказало политическую слабость конфедераціи. Такимъ образомъ долги, безъ средства заплатить ихъ, междуусобные споры и

Digitized by Google

неумолкающій антагонизмъ, отсутствіе единства, и черезъ это, безсиліе государства, вотъ мрачная картина новой республики на другой день послѣ долгой войны. Необходимость коренныхъ преобразованій была очевидна, и честный другъ народа, Вашингтонъ настойчиво напоминалъ, что не будетъ и государства, пока нѣтъ въ немъ силы и союза. Вдохновляемые совѣтами Вашингтона, молодые друзья его рѣшились миновать раздражительное самолюбіе штатовъ, какъ политическихъ единицъ, и дѣйствуя на ближайшіе, матеріальные, торговые интересы различныхъ слоевъ населенія, успѣли подъ предлогомъ переговоровъ о торговомъ законодательствѣ, созвать конвентъ въ небольшомъ городкѣ Аннаполисъ (въ штатѣ Мериландъ). Здѣсь съ самаго начала засѣданій они прямо высказали необходимость пересмотра всего государственнаго уложенія и избранія народомъ депутатовъ въ особый конгрессъ, который собрался бы въ Филадельфіи, въ маѣ 1787 г., и занялся бы подробнымъ разсмотрѣніемъ нуждъ страны. Послѣ долгихъ колебаній и отсрочекъ, предложеніе это было принято, и созваніе конгресса рѣшено.

Ревностно подготовляли себя къ предстоявшей важной задачѣ сторонники реформы; Вашингтонъ проводилъ свое время въ подробномъ изученіи исторіи народныхъ конституцій, обдумываніи мельчайшихъ подробностей соціальнаго устройства, и только увѣрясь въ своей подготовкѣ, принялъ званіе депутата на съѣздѣ. Гамильтонъ расположилъ общественное мнѣніе къ необходимости пересмотра собраніемъ политическихъ писемъ, извѣстнымъ подъ заглавіемъ „The Federalist“, и написаннымъ имъ при сотрудничествѣ друзей его, Мадисона и Джея. Франклинъ обличалъ недостойные происки сепаратистовъ памфлетомъ въ стилѣ прежнихъ его политическихъ аллегорій, сравнивалъ образъ дѣйствій противниковъ реформы съ поступками народа еврейскаго, клеветавшаго на Моисея за его попытки къ законодательству, и мѣтко проведенною параллелью безпощадно казнилъ насмѣшкой защитниковъ областной самостоятельности. Всѣ лучшія силы Америки посвятили себя всецѣло ревностному распространенію идеи реформы. Бороться приходилось не съ воображаемыми трудностями, а съ дѣйствительнымъ легіономъ страстей, заблужденій, интригъ. Жестоко ошибется, замѣчаетъ Лабуле, тотъ, кто съ голоса

Digitized by Google

нѣкоторыхъ писателей, станетъ утверждать, что конституція Союза была принята быстро и единодушно: напротивъ, рѣдко дѣло человѣческое, въ теоріи освященное всею симпатіей народною, съ такимъ упорствомъ тормозилось на практикѣ. О долгой, трудной и полной мелкихъ столкновеній лѣтописи преній конгресса, происходившихъ при закрытыхъ дверяхъ, сохранилось, кромѣ дневника веденнаго Мадисономъ, немного свѣдѣній. Яростно сходились подъ часъ крайнія партіи, щедрыя, какъ и современные намъ потомки ихъ, на рѣзкія демонстраціи, не останавливавшіяся ни передъ какими средствами униженія противниковъ.

Выработавъ подробности конституціоннаго проекта, дѣло далеко еще нельзя было считать законченнымъ,—оставалось упрочить его принятіе. Проектъ долженъ былъ быть поочереди разсмотрѣнъ въ палатахъ каждаго штата, и получалъ законную силу лишь въ случаѣ принятія его девятью штатами (изъ тринадцати). Съ цѣлію отстоять свою работу, главнѣйшіе дѣятели конгресса вернулись поспѣшно на родину, чтобы личнымъ присутствіемъ и убѣжденіемъ повліять на общественное мнѣніе и рѣшимость страны. Гамильтонъ съ торжествомъ провелъ проектъ въ законодательномъ собраніи Нью-Йорка, одного изъ первыхъ штатовъ, принявшихъ реформу. Мало-по-малу, благодаря неутомимымъ трудамъ другихъ пропагандистовъ, Уильсона въ Пенсильваніи, Р. Кинга въ Массачусетсѣ и др., семь штатовъ объявили себя за проектъ; въ скоромъ согласіи осьмаго, Нью-Гэмпшэра, всѣ были увѣрены; оставалась такимъ образомъ одна Виргинія, отзывъ которой, кромѣ фактическаго осуществленія желаемой цифры, имѣлъ и высокое моральное значеніе. Виргинія всегда была во главѣ движенія, она первая подняла знамя возстанія, ея вѣскаго слова было бы достаточно для убѣжденія нерѣшительной массы. Слишкомъ двадцать дней продолжались пренія въ виргинскомъ собраніи, за которыми съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдила страна. Мадисонъ, въ послѣдствіи одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ президентовъ Союза, истощилъ всѣ богатыя средства своей логики, убѣжденій, доказательствъ и на плечахъ своихъ вынесъ торжествующимъ проектъ конституціи. Съ согласіемъ Виргиніи, требуемая закономъ цифра была достигнута, и давно желанный крѣпкій союзъ состоялся.

Не все въ окончательномъ текстѣ конституціи, вышед-

Digitized by Google

шемъ изъ многосторонникъ преній, было согласно съ мыслями Гамильтона и Франклина, но сознавая всѣмъ сердцемъ необходимость установить прочное правительство, они поспѣшили подписать и свои имена, лишь заявивъ о разности своихъ мнѣній съ общимъ. При этомъ Франклинъ, обращая свой взглядъ къ президентскому креслу, занимаемому Вашингтономъ (случайно за этимъ мѣстомъ находилась посредственная картина, изображавшая солнце), сказалъ присутствующимъ, указывая на эту картину: „Художники утверждаютъ, что въ искусствѣ ихъ трудно различить восходъ солнца отъ его заката. Часто, во время нашихъ засѣданій, въ постоянномъ колебаніи между боязнію и надеждами, я смотрѣлъ на эту картину, затрудняясь рѣшить, восходъ ли это солнца или грустный закатъ. Но теперь я счастливъ, теперь я ясно вижу, что передо мной не заходящее солнце, а свѣтило, величаво выплывающее на горизонтъ."

Остановимся здѣсь, не слѣдуя за авторомъ въ подробномъ юридическомъ разсмотрѣніи американской конституціи. Заключимъ мыслію, навѣянною ему обозрѣніемъ судебъ американскаго народа: „Я вполнѣ, говоритъ Лабуле, раздѣляю мнѣніе, выраженное Карлейлемъ въ его книгѣ о герояхъ. Я убѣжденъ, что міръ идетъ впередъ благодаря лишь немногимъ избранникамъ; я убѣжденъ, что люди, которые въ политикѣ, въ религіи, въ литературѣ становятся впереди и увлекаютъ за собой толпу, достойны всего нашего уваженія, всей нашей признательности; я убѣжденъ, что не будь вождя, армія не покинула бы своихъ палатокъ. Таково назначеніе людей сердца; для этого не нужно быть великимъ человѣкомъ. Стоитъ присмотрѣться, и во главѣ каждаго прогресса вы непремѣнно найдете человѣка, который боролся и страдалъ за идею. Изучая жизнь народовъ, вы всегда встрѣтите одну, двѣ, три, четыре личности, которыя имѣли мужество хотѣть, чего не хотѣли другіе, и пробуждали страну, когда страна хотѣла спать. Исторія часто несправедлива къ этимъ людямъ; ихъ идеями пользуются, ихъ же самихъ забываютъ; потому-то я нахожу, что было бы полезно написать исторію религіозныхъ, политическихъ, литературныхъ идей: тогда міръ узналъ бы кто были истинные благодѣтели человѣчества. Одинъ сѣялъ, другой воздѣлывалъ, третій пожиналъ. Тогда бы стало ясно, какъ много развитіе человѣческой мысли обязано само-

Digitized by Google

отверженію, преданности идеѣ и свободѣ; во главѣ всякаго общаго прогресса мы бы нашли *личную* дѣятельность и энергію; это было бы прекраснымъ политическимъ урокомъ. Тогда, не дожидаясь будущаго избавителя, который часто не соотвѣтствуетъ нашимъ требованіямъ, мы бы дѣйствовали сами и лучше бы поняли, въ чемъ состоитъ нравственное величіе людей, подобныхъ Вашингтону."

АЛЕКСѢЙ ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БОЛГАРА*

V. Просекъ въ Шипкѣ.

Проживъ годъ въ Константинополѣ, 1-го іюля 1857 года я оставилъ его, выѣхавъ на турецкомъ пароходѣ *Карсъ* въ Ахело-Бургасъ, а оттуда на почтовыхъ (верхомъ) въ городъ Шипку. Шипка лежитъ у подножія Балкана, между Казанлкомъ и Габровомъ, и весь окруженъ великолѣпнѣйшими розовыми садами и виноградниками; въ немъ до 1.500 жителей. Отдохнувъ въ гостиницѣ (ханъ), я попросилъ хозяина отвести меня въ школу. Хозяинъ надѣлъ свою мохнутую баранью шапку, взялъ свою трубку, закурилъ и, показывая пальцемъ на ворота, сказалъ: „Да идемъ". Я думалъ увидать школу, какія мнѣ часто доводилось видѣть въ Болгаріи, то-есть десять, двадцать учениковъ и учителя-священника, и очень изумился, когда, вошедъ въ довольно красивое зданіе, кромѣ священника нашелъ еще свѣтскаго учителя и сто двадцать учениковъ.

— Учениковъ довольно у васъ, сказалъ я учителю.

— Да, отвѣчалъ онъ, теперь однакожь, знаете, рабочая пора, лѣто, а потому многіе взяли на время своихъ дѣтей, чтобы помочь имъ въ хозяйствѣ, а осенью опять соберутся всѣ ученики.

— Да сколько же ихъ бываетъ осенью?

— До двухъ сотъ бываетъ.

— А вы одни можете ладить съ такимъ множествомъ воспитанниковъ? Вамъ это не тяжело?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ прехладнокровно учитель.

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 3. 1867 г.

Digitized by Google

Видите ли какой у меня заведенъ порядокъ: ученики старшихъ классовъ учатъ въ младшихъ, а я занимаюсь только съ старшими. Тутъ выходитъ двоякая польза: старшіе ученики повторяютъ предметы, которые уже ими пройдены, а у меня остается больше свободнаго времени для занятій съ старшими и для приготовленія имъ уроковъ. Вамъ извѣстно, что мы еще бѣдны учебниками, все сами должны переводить, то съ русскаго, то съ сербскаго, то съ греческаго, хоть предметовъ-то и не много. У меня учатъ: болгарскую и церковно-славянскую грамматику, ариѳметику, священную, всеобщую и болгарскую исторію, географію и катихизисъ, да кромѣ того турецкій и греческій языки.

Такихъ училищъ въ Болгаріи теперь много и во всѣхъ одинаковая метода преподаванія. Въ Филипопольскомъ округѣ я видѣлъ село Ботакъ, гдѣ не болѣе ста домовъ, и тамъ заведена подобная школа; въ ней до сорока учениковъ, и жители платятъ учителю 6.000 піастровъ (300 руб. сер.).

Я просилъ учителя доставить мнѣ случай записать пѣсни и сказки, онъ сказалъ мнѣ: „Завтра праздникъ и у насъ будетъ хороводъ; останьтесь погостить у меня до завтра и мы отправимся вмѣстѣ туда, гдѣ, я надѣюсь, вы увидите много любопытнаго, да кромѣ того, у меня есть старикъ-нищій, который знаетъ много старинныхъ пѣсень, если хотите, я нынче же пошлю за нимъ.“

Я съ радостью принялъ предложеніе учителя, но желаніе мое не совсѣмъ исполнилось. Въ этотъ вечеръ старикъ отказался пѣть: „грѣхъ, говорилъ онъ, пѣть наканунѣ праздника“. Этотъ слѣпецъ *просекъ* (нищій) гигантскаго роста, одѣтый въ широкія длинныя шаровары, въ кантушъ изъ бѣлаго домашняго сукна, въ бѣлой бараньей шапкѣ; ходитъ босикомъ, а наружность величава и благородна.

— Сколько тебѣ лѣтъ, дѣдушка? спросилъ я слѣпаго пѣвца.

— Да Господь ихъ знаетъ сколько! отвѣчалъ онъ, улыбаясь: — помню время, когда *у насъ была* царица Катерина, потомъ Павле, потомъ Александре, а объ царѣ Николѣ и теперешнемъ царѣ Александрѣ нечего и говорить.

— Что ты дѣдушка, замѣтилъ я, что ты? У насъ никогда не царствовали ни Катерина, ни Павле, ни Александаръ, ни Никола, у насъ султаны царствовали.

— Охъ, сынко, глуповатъ же ты, какъ я вижу! Ты еще молодъ и ничего и не знаешь, не тебѣ учить старика. Султаны,

Digitized by Google

видишь ты, цари Турокъ, а наши цари живутъ въ Московіи. Скажи ты мнѣ, развѣ Турки Болгары? А Московцы вѣдь Болгары (христіане). Турки взяли нашу землю въ аренду; теперь срокъ подходитъ, вотъ скоро, можетъ быть, они оставятъ насъ въ покоѣ и уйдутъ въ *Анадолъ* (Малая Азія). Послушай-ка, сынко, что я тебѣ разкажу про старину, и разкажи все это своимъ дѣтямъ, пусть всѣ знаютъ, что творилось въ мірѣ. Помню, какъ царица Катерина послала противъ Турокъ одного *юнака*, имя ему было Беклешъ (?); этотъ юнакъ и послѣ смерти своей рубилъ Турокъ, какъ халву. Видите-ль, какъ это было. Царица Катерина послала *Саворина* (Суворова) и *Темкина* (Потемкина) избить всѣхъ Турокъ и освободить нашу Болгарію, но дьяволъ, ненавистникъ Болгаръ, не позволилъ имъ исполнить святаго намѣренія царицы. Онъ успѣлъ поссорить Саворина съ Темкинымъ изъ за того, кому быть *войводою*. Саворинъ говоритъ: „Я буду войвода“. — А Темкинъ говоритъ: „Нѣтъ, я буду“. Спорили, спорили такимъ образомъ, и воротились назадъ въ Московію, а въ то время былъ тутъ этотъ юнакъ Беклешъ. „Нѣтъ, говоритъ Беклешъ, вы, Саворинъ да Темкинъ, идите себѣ, куда хотите, а я останусь до конца додраться съ Турками.“ И тогда онъ крикнулъ къ солдатамъ громкимъ голосомъ: „Ребята, у кого сердце мужское, иди за мной!“ Девять сотъ девяносто девять человѣкъ казаковъ и Московцевъ пошли за Беклешемъ, и онъ напалъ на турецкое войско, избилъ до десяти тысячъ *читаковъ* (Турокъ), и хотѣлъ ужь идти брать Царьградъ и Іерусалимъ, да тутъ и стала бѣда. Ингелизе и Френцы пришли на помощь Туркамъ, казаки и Московцы испугались, бѣжали въ Московію и оставили Беклеша, съ его двѣнадцатью братьями драться съ Турками. Турки съ помощію ингелизскаго колдовства,—ингелизы вѣдь всѣ колдуны, — разбили Беклеша и его братьевъ и бросили ихъ трупы въ Дунай рѣку. Но не тутъ-то было! Беклешъ съ братьями каждую ночь выходили изъ рѣки, всѣ на бѣлыхъ коняхъ, рубили Турокъ, и такъ продолжалось долго, очень долго, пока ингелизы хитростью и колдовствомъ не спровадили ихъ въ Московію. А вотъ какъ пройдутъ семьдесять семь лѣтъ, Беклешъ опять появится и тогда ужь ингелизское колдовство не поможетъ; ему ужь будетъ помогать Святой Георгій.

Digitized by Google

— Ты, дѣдушка, самъ-то видѣлъ ли когда Московцевъ? спросилъ я: — каковы они? добрые люди али нѣтъ?

— Какъ мнѣ ихъ было не видать.... Разумѣется, видѣлъ: тогда я еще не былъ слѣпъ, какъ теперь.... Три раза я ихъ видѣлъ, говорилъ слѣпецъ съ жаромъ, и лицо старика оживилось: они, мой сынко, люди, какъ и всѣ наши Болгары—христіане, добрые, богомольные, а что лучше всего, всѣ юнаки: рѣжутъ себѣ Турокъ и никого боятся.

— А умѣешь ли ты, дѣдушка, говорить и пѣть по-русски?

— Еще бы не умѣть! Я и по-молдавански пою, и по-сербски, и по-гречески пою. И старикъ запѣлъ какую-то молдаванскую пѣсню, но вспомнивъ, что праздникъ, сказалъ: „Господи, грѣхи тяжкіе! И забылъ совсѣмъ, что нынче грѣшно пѣть мірскія пѣсни, я спою лучше духовную.“ И онъ запѣлъ:

Дванайсетъ у Христа Апостоле,
Иденайсетъ утиале на небо,
Десетъ заповѣди Божи,
Десетъ чина Ангелъски,
Осемъ собора Богородичини,
Седемъ собора вселенски,
Шесть слугара Господа,
Петь рани Христови,
Четыре Евангелиста,
Три ерарха велики,
Двѣ табли Мойсееви,
Единъ Синъ Маріинъ,
Кой-то сѣди на небе-то
И владѣе надъ нами.

— Я эту пѣсню у Московцевъ выучилъ, сказалъ старикъ, и повѣсилъ голову; потомъ вдругъ поднялъ ее, и сказалъ плачевнымъ голосомъ: „Эхъ, Московцы, Московцы, еслибъ они остались у насъ, не былъ бы я теперь слѣпъ, а смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій какъ и всѣ люди!

— Отчего жь ты ослѣпъ, дѣдушка?

— Охъ, дитятко, дитятко.... если хочешь, разкажу тебѣ, только слушай меня и не перебивай. А знаешь что? Не мѣшало бы прежде выпить по стаканчику *ракицу* (водки).

Учитель принесъ водки и подалъ старику; старикъ выпилъ рюмку, обтеръ ротъ рукавомъ и началъ: „Было мнѣ около тридцати лѣтъ, если не больше, когда царь Александръ по-

Digitized by Google

славъ войско противъ Турокъ; я въ это время овдовѣлъ, не было у меня дѣтей, да не было и родныхъ, кромѣ брата, который и теперь живъ, — онъ моложе меня, — да еще сестра была, увезли ее Турки въ Анадолъ. Не весело жить на свѣтѣ, сердце какъ-то ноетъ въ груди. Что мнѣ дѣлать, куда дѣваться думаю! А въ то время жилъ въ нашемъ городкѣ Пенчо, разбойничалъ, былъ косточка, царство ему небесное! Вотъ встрѣтились мы съ нимъ въ *крычмарницы* (кабакъ), выпили и завели бесѣду о томъ, о семъ.—„Что ты, Семко, не мстишь Туркамъ, говоритъ онъ, или тебѣ сестру не жаль?“— „Что ты, говорю я, гдѣ намъ маленькимъ людямъ съ Турками тягаться; они меня въ козій рогъ согнутъ.“ — „Эхъ, баба ты, говоритъ Пенчо, а еще мущиною родился! Стыдно, Семко, стыдно и грѣшно не отмстить за сестру. Слушай же, что я тебѣ скажу! Пойдемъ-ка со мною въ разбойники, да и погуляемъ на славу, а какъ придутъ Московцы, мы соединимся съ ними, да и порѣжемъ Турченятъ, сколько душѣ угодно.“ Соблазнилъ меня этотъ Пенчо; взялъ я ружье и пошелъ въ разбойники, да не долго пришлось разбойничать! Турки въ первое время испугались было Московцевъ, и насъ не трогали, а какъ Московцы поворотили въ свою землю, они выслали противъ насъ янычаръ, я и попался имъ въ руки.

— Что жъ потомъ? спросилъ я.

Старикъ поднялъ слѣпые глаза къ небу, и какъ будто встрепенулся.

— Сынко, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія,—трудновато мнѣ вспоминать! Многое пережилъ я на свѣтѣ, многаго насмотрѣлся и натерпѣлся, но какъ вспомню про то время, ужасъ душу беретъ... Но что дѣлать, обѣщался разказывать, такъ нужно говорить до конца. Пенчо съ частію дружины спасся, а меня и нѣкоторыхъ изъ товарищей послали въ Андріанополь, тамъ меня и ослѣпили. Раскалили Турки желѣзо до-красна и давай имъ выковыривать намъ глаза. Больно было, очень больно, я три, четыре дня не могъ опомниться послѣ этого. Три года я прожилъ въ тюрьмѣ слѣпымъ, потомъ выпустили; тогда я пошелъ въ Балдево и сталъ *просекомъ*.

Просеки (нищіе пѣвцы) въ Болгаріи составляютъ отдѣльный классъ и живутъ въ селѣ Балдевѣ (въ Татаръ-пазарджискомъ округѣ) и въ городѣ Битолѣ (Монастырь). Они лѣтомъ путешествуютъ по всей Болгаріи, играютъ *на гуслахъ*,

Digitized by Google

поютъ пѣсни про старину, разказываютъ о разныхъ происшествіяхъ, и собираютъ милостыню, то-есть плату; зимою же возвращаются въ свои жилища и тамъ проживаютъ все собранное. Эти слѣпцы почти всѣ женатые; жены ихъ живутъ довольно хорошо. Если *просеки* узнаютъ, что въ какомъ-нибудь городѣ или селѣ родился слѣпой или хромой ребенокъ, отправляются туда и покупаютъ его у родителей; но такъ какъ нищета, то-есть положеніе, въ которомъ ровно нечего ѣсть, способна довести человѣка до всего, то случалось, что бѣдная мать, чтобъ прокормить остальную свою семью, ослѣпитъ одного изъ своихъ ребятъ и продастъ его нищимъ. Болгары называютъ этихъ нищихъ *просеками* или *лазарями* (*просекъ* отъ слова просить, а лазарь отъ бѣднаго Лазаря, или оттого что просеки поютъ лазарскія пѣсни), и считаютъ за грѣхъ отказать имъ въ милостынѣ, несмотря на то, что сами иногда подсмѣиваются надъ этими краснолицами и жирными нищими. Пословицы говорятъ: *накравился* (растолстѣлъ), *като балдевски просекъ* или *зачервилъ бузы* (разрумянилъ щеки), *като битольски просекъ*. Нищіе называютъ другъ друга „*братьями*“, ходятъ или ѣздятъ верхомъ по-парно, съ длинными палками въ рукахъ и съ двумя сумами черезъ плечо: одинъ изъ нихъ поетъ, а другой играетъ на гусляхъ.

— Гдѣ вы, нищіе, узнаете такъ много пѣсенъ? спросилъ я старика на другой день, когда онъ спѣлъ ихъ нѣсколько десятковъ.

— Разумѣется въ Балдевѣ, отвѣчалъ онъ,—зимою всѣ наши братья соберутся въ *крычмарницы*, и тамъ одинъ поетъ, другой поетъ, каждый что̀ знаетъ, а мы слушаемъ да учимся другъ у друга.

— Надѣюсь, дѣдушка, завтра ты споешь мнѣ нѣсколько старинныхъ пѣсенъ, и я запишу ихъ, сказалъ я старику, прощаясь съ нимъ.

— А на что ихъ тебѣ, сынко?

— Я ихъ напечатаю.

Старикъ засмѣялся и, махнувъ рукой, сказалъ:

— Вы бы печатали такія книги, которыя бы уму-разуму народъ учили, учили бы его Слову Божію, а то хотите печатать пѣсни, которыя каждый Болгаринъ знаетъ наизустъ. Нѣтъ, не стану я пѣть, вы что-то не доброе замышляете сдѣлать либо съ пѣснями, либо со мной.

Digitized by Google

Большихъ усилій стоило намъ доказать старику, что у насъ на умѣ нѣтъ ничего нечистаго, и упросить его посѣтить насъ на слѣдующее утро.

VI. Тановица.

На другой день по утру я, вмѣстѣ съ учителемъ, отправился въ церковь. Церковь, какъ и всѣ церкви въ Турціи, бѣдна, если только счесть за бѣдность то, что на образахъ нѣтъ ризъ, кромѣ развѣ двухъ или трехъ маленькихъ образковъ съ серебряными вѣнчиками. Вообще, какъ въ Болгаріи, такъ и въ Россіи, риза есть позднѣйшее явленіе: въ древности ея не знали. Постройка церкви—чисто болгарская: нѣтъ ни купола, ни колоннъ, ни колокольни,—длинное зданіе, покрытое черепицей, и посреди ея желѣзный черный крестъ. Стѣны церкви каменныя, потолокъ деревянный, а полъ кирпичный. Ученики пѣли на клиросахъ, подъ управленіемъ учителя; пѣніе греческое—въ носъ, хотя читаютъ по-славянски. Но больше всего удивило меня то, что молодые священники оказались безграмотными. Въ церкви четыре священника, изъ нихъ два старика, люди почтенные,—они остались еще съ того времени, когда фанаріоты посвящали въ священники только достойныхъ людей,—и двое молодыхъ, изъ такихъ, которые теперь тѣми же фанаріотами посвящаются за деньги; легко было замѣтить, что молодые священники посвящены въ послѣднее время. Чтобъ объяснить это, скажемъ нѣсколько словъ о болгарскомъ духовенствѣ. Бѣлое духовенство состоитъ исключительно изъ Болгаръ. При церквахъ, съ незапамятныхъ временъ были построены славянскія школы, священники учили грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, и этими драгоцѣнными школами до сихъ поръ поддерживалась болгарская народность. Если учитель священникъ замѣчалъ въ какомъ-нибудь ученикѣ наклонности къ духовному званію, онъ представлялъ его городскимъ или сельскимъ старостамъ, а старосты посылали его въ городъ ко владыкѣ и просили его посвятить. Владыка получалъ деньги отъ будущаго священника и, посвятивъ его, отпускалъ домой. Но теперь когда между Болгарами и Греками возникла борьба, фанаріоты стали посвящать въ священники только такихъ, которые могли бы платить деньги, хотя бы они были совсѣмъ безграмотные.

Digitized by Google

Черезъ такихъ-то людей фанаріоты думаютъ дѣйствовать на умы Болгаръ. Но вообще, надо признаться, что священникъ для Болгарина все: онъ представитель всего народнаго, онъ первый врагъ всего ненароднаго, чужаго; онъ первый другъ, онъ первый братъ всякаго Болгарина, гдѣ бы съ нимъ не встрѣтился—въ храмѣ божіемъ или въ корчмѣ.... И за это одно болгарскій священникъ стоитъ выше всего для Болгарина, и народъ преданъ ему и любитъ его, повинуется и ничего не начинаетъ, не спросясь своего пастыря. Турецкое правительство смотритъ на Славянъ своихъ подданныхъ, какъ на средство для своего существованія, какъ на источникъ, изъ котораго можно черпать все необходимое для роскоши и изнѣженной жизни: ему нѣтъ дѣла до нравственнаго состоянія подвластныхъ ему племенъ, и только по милости этого дьявольскаго гнета на народъ, слѣдовательно и на священниковъ, да еще по милости другаго гнета, исходящаго отъ Грековъ, болгарскіе священники не могли еще выказать всей силы, которую нашли они въ народѣ и въ христіанскомъ ученіи объ образѣ пастыря полагающаго душу свою *за овцы*. Вотъ мысли, которыми былъ занятъ мой умъ, когда мы вышли изъ болгарской церкви. Послѣ обѣдни мы съ учителемъ пошли осматривать городъ. Шипка, какъ я сказалъ, лежитъ у подошвы Балкана, и мы поднялись на гору, откуда виденъ городъ какъ на ладони. Трудно представить себѣ всю красоту этой мѣстности. Городъ окруженный виноградниками и розовыми садами, утопаетъ въ зелени; со всѣхъ сторонъ журчатъ ручьи и источники, стекая съ вершины горъ; множество разнообразныхъ птицъ разливается пѣніемъ. Городъ Шипка, получившій названіе отъ болгарскаго слова *шипка* или *шипецъ*—розанъ, дѣйствительно прекрасенъ какъ этотъ цвѣтокъ. Жители города выдѣлываютъ розовое масло и продаютъ его въ Константинополь, оттуда оно разсылается по всей Европѣ. Собираніе розъ и выдѣлка изъ нихъ масла бываютъ въ маѣ. Собираются дѣвушки изъ сосѣднихъ селъ и каждый день до восхода солнца щиплютъ розы съ пѣснями и весельемъ. Розы должны быть собраны съ росою, то-есть до тѣхъ поръ пока солнышко еще не высушило росы, иначе работа откладывается до другаго дня. Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ собираются розы, Болгары миролюбивы, робки, суевѣрны и простодушны; занятые вѣчно заботою о насущномъ хлѣбѣ, они съ дѣтства привыкаютъ къ

Digitized by Google

дѣлу, но лишь только удовлетворятъ своимъ потребностямъ предаются лѣни и праздности. Услужливость и честность составляютъ отличительныя черты жителей Шипки, Калофера, Сопота и Захары, расположенныхъ не въ далекомъ растояніи одинъ отъ другаго. Женщины одарены отъ природы большою смѣтливостью, и здѣшняя женщина, кромѣ домашняго хозяйства, руководитъ почти всѣми дѣлами мужа: она даетъ ему совѣты, сводитъ разчеты съ покупателями, принимаетъ и угощаетъ гостей и такъ далѣе. Живость и бойкость, соединенныя съ трудолюбіемъ— вотъ отличительныя черты здѣшнихъ Болгарокъ. Одежда жителей, въ особенности у женщинъ, очень разнообразна; у мущинъ смѣсь болгарскаго съ турецкимъ.

Не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, былъ источникъ, у котораго собрались дѣвушки за водой, а поодоль стояли парни. Пошли туда и мы. У источника собралось до сорока дѣвицъ и одна другой красивѣе: ростъ, станъ, глаза, волосы и брови, словомъ все такъ было прекрасно, какъ будто одна мать ихъ родила, одна прекрасная мать. Въ то время какъ я любовался на этихъ красивыхъ дѣтей Болгаріи, одна изъ дѣвушекъ, лѣтъ восемьнадцати или двадцати, вдругъ запѣла, потомъ стала плясать, и въ заключеніи заплакала.

— Что это значитъ? спросилъ я учителя.

— Она сумашедшая, сказалъ онъ хладнокровно.

И мнѣ вдругъ стало грустно, вся поэзія исчезла, понялъ я какъ близко счастье отъ несчастья. Передо мной стояла молодая дѣвушка, хорошенькая какъ роза, стройная какъ молодая лань, и что же? Богъ лишилъ се ума, по словамъ учителя.

— Что вы задумались? спросилъ меня учитель.

— Да вотъ объ этой несчастной, отвѣчалъ я,—вѣдь жалко ее, она можетъ быть была единственной отрадой отца и матери: можетъ быть ея болѣзнь отравила послѣднія минуты ихъ жизни.

— Вы почти-что отгадали, отвѣчалъ учитель. — Да, это грустное явленіе. Она, скажу я вамъ, не дѣвица, а замужняя но ей нравится одѣваться по дѣвичьему и ходить съ непокрытою головой.

Я попросилъ учителя разказать мнѣ, что знаетъ онъ объ ней, и узналъ слѣдующее.

Digitized by Google

— Три года тому назадъ, говорилъ учитель,—пріѣхалъ къ намъ *ёшурджи* (сборщикъ податей), какой-то Грекъ изъ Янины; звали его Панаіотомъ. А эти люди, какъ извѣстно, имѣютъ большой вѣсъ, и все это льстецы, негодные люди. Вотъ этому-то сборщику приглянулась Тановица (имя мужа ея было Тано, отъ того она и называлась Тановица). Она дочь довольно зажиточныхъ родителей, которые ее отдали замужъ за Тана, человѣка скромнаго, умнаго и предпріимчиваго. Только годъ прошелъ послѣ ихъ свадьбы, какъ пріѣхалъ Панаіотъ. Панаіотъ началъ волочиться за молодою женщиной: пойдетъ ли она за водой, онъ за ней; хлѣбъ ли печетъ она, онъ тутъ; въ церковь ли—онъ то же идетъ молиться; словомъ, таскался за ней точно дьяволъ. Да не такова была Тановица; она, бывало, идетъ себѣ и будто его не замѣчаетъ. Сердится этотъ Панаіотъ, бѣсится какъ сатана, а ничего не можетъ сдѣлать; наконецъ, нашелъ Цыганку, которая взялась поговорить съ Тановицей. Цыганка начала издалека, потомъ гадала, и наконецъ, объяснила Тановицѣ, что Грекъ ей дастъ пять тысячъ піастровъ, если она согласится измѣнить мужу. Разумѣется, Тановица пошла и разсказала все это свекру, а свекоръ ее—человѣкъ стариннаго вѣка, схватилъ Цыганку и отдулъ ее на славу. Панаіотъ злился еще пуще, а Тановица ужь начала выходить въ поле не одна, съ ней всегда были или свекоръ, или мужъ. Разъ, это было осенью, поѣхала она съ свекромъ въ виноградникъ собирать виноградъ, а Тано отправился по другимъ дѣламъ въ другой конецъ города. Собрались дѣвушки и женщины въ виноградникъ, поютъ, пляшутъ и веселятся, Тановица съ ними, какъ всегда веселая и горя ей мало, она и позабыла про Панаіота. Вечерѣло, надо и домой собираться. А отъ виноградника до дому порядочно далеко. Старикъ велѣлъ собирать корзинки, ножи и хочетъ ѣхать домой, какъ вдругъ являются передъ нимъ трое всадниковъ и начинаютъ его разспрашивать о томъ, о семъ. Собрались дѣвушки вокругъ старика и говорятъ ему:

„— Поѣдемъ, дѣдушка, ужь поздно.

„— Гдѣ же Тановица? спрашиваетъ старикъ.

„— Да она сейчасъ была здѣсь, отвѣчаютъ дѣвушки,—куда бы могла дѣваться.

„— Поищите ее, дѣвушки, говоритъ старикъ.

„— Не трудитесь искать, говорятъ верховые,—она убѣ-

Digitized by Google

жала съ Панаіотомъ, *ёшурджіемъ*, и не вернется. Прощай, старикъ, и поминай какъ звали свою сноху."

„И они пустили вскачь лошадей.

„Извѣстіе это словно громомъ поразило старика, онъ началъ кричать, звать на помощь работниковъ, проклиналъ и плакалъ, все напрасно. Работники пустились въ погоню, но никого не нашли, да и легко ли гнаться за хорошо откормленными конями. Тано пришелъ домой, дожидается отца и жену, и прождалъ до полуночи.

„— Что-нибудь да случилось съ отцомъ, говорилъ онъ матери:—ужь не заболѣлъ ли старикъ?

„— Да ты, сынко, напрасно не пошелъ его встрѣтить, говоритъ мать.

„— Да, мамо, нужно идти, сказалъ Тано, пошелъ въ виноградникъ и нашелъ старика-отца въ слезахъ.

„— Что съ тобой, тато, отчего ты плачешь? Гдѣ жена? спрашиваетъ онъ отца, а отецъ слова не можетъ вымолвить. Наконецъ-то воротились работники и разсказали Тану что случилось. Взялъ Тано отца, посадилъ на лошадь и отвезъ домой; утромъ простился со стариками и съ тѣхъ поръ пропалъ безъ вѣсти. Такъ прошла вся зима. Разъ, это было наканунѣ Пасхи, вдругъ явилась въ городѣ Тановица и удивила всѣхъ. Всѣ бѣгутъ за ней и разспрашиваютъ ее о томъ что случилось, а она какъ будто никого не замѣчаетъ и идетъ себѣ домой. Нужно сказать, что отецъ Тана умеръ черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда сына, а мать жила у своей сестры больная и полуживая, домъ же ихъ былъ запертъ. Тановица постучалась въ калитку и закричала:

„— Матушка, отопри—это я!

„— Матушка твоя живетъ у тетки, у своей сестры, говоритъ ей толпа.

„— А отецъ мой гдѣ?

„— Твой отецъ померъ, говорятъ.

„— Врете вы, онъ не померъ; если хотите его видѣть, то пойдемте. И Тановица побѣжала по улицѣ, а за ней толпа, и такъ дошли до виноградника. Тамъ она начала пѣть, плясать, хохотать и показывать пальцемъ на кустъ:—„Вотъ, тамъ онъ, мой отецъ, идите, добрые люди, и посмотрите на него." Пошла толпа и убѣжала назадъ въ ужасѣ: тамъ лежалъ зарѣзанный Панаіотъ и съ нимъ полуистившій скелетъ. То былъ скелетъ старика. Кто это зарѣзалъ Панаіота,

Digitized by Google

откуда явилась Таковица, куда дѣвался Тако и кто вырылъ изъ могилы трупъ старика,—никто и до сихъ поръ не знаетъ. Таковица все ожидаетъ мужа и поетъ, что „онъ скоро воротится, обниметъ ее горемычную, обниметъ и поцѣлуетъ.“ Плачетъ она о смерти старика, а если вы напомните ей Панаіота, она разразится проклятіями. Сколько родные ея отецъ и мать ни старались разузнать что-нибудь о Танѣ, ничего отъ нея не добились. Таковица живетъ теперь у своей матери и каждый день ходитъ въ домъ мужа: тамъ мететъ, моетъ, чиститъ и готовитъ все нужное, чтобы принять его. Ее пускаютъ, потому что она очень смирна. Старика похоронили въ другомъ мѣстѣ, потому что она ходитъ на кладбище, ищетъ его, роетъ руками могилу и кличетъ, кличетъ его, но конечно понапрасну — ничего не докличется.

На *кладенцахъ* (источникахъ) болгарскіе парни и дѣвушки, мѣняясь пучками цвѣтовъ, высматриваютъ себѣ суженыхъ. Если парень попроситъ у дѣвицы напиться воды и она подастъ ему свою *стовну* (кувшинъ), это значитъ, она согласна выдти за него замужъ, если же парень не нравится ей, она молча удаляется; впрочемъ рѣдко случается, чтобы парень попросилъ воды у той, которая могла бъ ему отказать: онъ заранѣе прочтетъ у нея въ глазахъ роковое „быть или не быть“. Напившись воды, парень даетъ дѣвушкѣ пучокъ цвѣтовъ, и получивъ отъ нея въ свою очередь такой же пучокъ, спрашиваетъ, посылать ли сватовъ.

Воротившись изъ хоровода, опять я встрѣтилъ моего старика нищаго, угостилъ его и заставилъ пѣть. Онъ пѣлъ до полуночи, и я записалъ нѣсколько прекрасныхъ пѣсенъ. „Прощай, старикъ, прощай, Таковице!“ говорилъ я утромъ, уѣзжая изъ города, — „вы долго не изгладитесь изъ моей памяти.“

VII. Болгарскіе пастухи.

На другой день рано утромъ, вмѣстѣ съ двумя спутниками, сѣлъ я на коня и сталъ подниматься въ гору. Эта часть Балкана, не очень возвышенна, она покрыта богатою растительностью и великолѣпнѣйшими буковыми и дубовыми деревьями, грушами и яблонями; она обыкновенно лѣтомъ отдается въ наймы пастухамъ. Теперь ее занимали *Власы-те* (грече-

Digitized by Google

ckie ѳессалійckie пастухи). Горы и лѣса въ Турціи принадлежатъ народу, то-есть городамъ, селамъ и деревнямъ. Каждый можетъ рубить лѣсъ сколько ему угодно, лишь бы онъ былъ житель села, которому принадлежитъ лѣсъ. Село также имѣетъ право продавать, отдавать въ наемъ и даже подарить часть горы, ему принадлежащей, пастухамъ или другому селу. Часто два села заключаютъ между собою полюбовную сдѣлку и пользуются другъ у друга: одни строевымъ лѣсомъ, а другіе дровами, пасутъ свои стада у сосѣдей и т. п. *Власы* нанимали гору у жителей Шипки и лѣтомъ пригоняли сюда стада свои изъ Еробольскаго округа, куда почти всѣ балканскіе и доспатскіе пастухи въ концѣ осени гоняютъ свои стада *на зимовище*. Кромѣ Еробольскаго зимовища пастуховъ, есть и другіе, въ Енесскомъ, Юзуи-куприйскомъ и Пицальскомъ пашалыкахъ, и вообще въ южной Ѳракіи. Южная Ѳракія прежде принадлежала янычарамъ и беямъ, то-есть князьямъ, рожденнымъ отъ наложницъ султановъ. Съ уничтоженіемъ янычаръ эти земли остались пустыми, лѣтомъ ничѣмъ не засѣваются, а зимой, благодаря теплому климату, здѣсь пасется до двухъ сотъ тысячъ головъ овецъ и до пятидесяти тысячъ головъ рогатаго скота, коровъ и лошадей.

Съ зимовища пастухи возвращаются въ мартѣ, строятъ на отрогахъ Балкана *мандри* (заводы для масла и сыра), и разъѣзжая по селамъ и городамъ, продаютъ свои продукты и покупаютъ что имъ нужно. Въ то время, какъ въ поляхъ и на этихъ низкихъ отрогахъ, начиная съ первыхъ чиселъ марта, зеленѣютъ луга и лѣса покрытыя роскошною листвой, вершины самаго Балкана лежатъ еще покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Съ Троицына дня на самые Балканы гонятъ маленькихъ барашковъ и прошлогоднихъ овечекъ, называемыхъ яловицами, то-есть не приносившихъ еще плода, и они остаются тамъ до половины августа.

Послѣ земледѣлія, у Болгаръ, особенно у живущихъ въ горныхъ мѣстахъ, главное занятіе скотоводство, то-есть овцеводство, а въ Добруджи коноводство. Каждый поселянинъ имѣетъ нѣсколько овецъ, коровъ, буйволовъ, козъ и кобылъ для завода. Скотъ пасетъ сельскій пастухъ или дѣти самаго хозяина, если стадо его больше пятидесяти головъ. Кромѣ того, горскіе Болгары имѣютъ богатые заводы, которые составляются изъ *овчарскихъ дружинъ*. Дѣлается

Digitized by Google

это такъ. Нѣсколько человѣкъ соединяютъ свои стада вмѣстѣ, каждый дѣлаетъ у своего скота знаки на ухѣ, на рогахъ и на спинѣ дегтемъ. Стадо имѣетъ одного предводителя, который называется *главатарь* или *кехая* (по-турецки); онъ запасаетъ отрубей и сѣна для зимы, платитъ подати, иначе *бедликъ* (турецкое правительство беретъ десятую часть изъ овецъ), продаетъ сыръ, масло и шерсть и т. д. Кромѣ главатаря, при стадѣ находится *кышникъ*, который обыкновенно состоитъ *при агълѣ* или *при очагѣ*, мѣситъ хлѣбъ, кушанье и вообще занимается хозяйствомъ. Въ *мандрѣ*, гдѣ готовятъ масло и сыръ, занимаются дѣломъ двое, одинъ *маслярь* (тур. мандраджія), а другой *сиренарь* (karakuruxчія). У всѣхъ пастуховъ, исключая маслара и сиренара, должны быть свои овцы, хоть штукъ до двадцати, иначе его и не примутъ въ *дружину*. Стадо, раздѣляемое на *дойницы* (овцы, которыхъ доятъ), на *яловицы* и *шилетъ* (ягнята), состоитъ по большей части отъ двухъ до трехъ тысячъ головъ. Болгарскіе пастухи не водятъ съ собой женъ, онѣ остаются въ селахъ.

Почти каждый пастухъ умѣетъ играть на свирѣли, а нѣкоторые играютъ такъ, что нельзя ихъ не заслушаться; даже самое стадо, кажется, понимаетъ эту игру, и, смотря по ея мотивамъ, пасется, ложится или идетъ впередъ. Болгарская пѣсня такъ описываетъ эту родственную связь между свирѣлью пастуха и окружающими его овцами:

Стоянъ говоритъ матушкѣ:
„Матушка, милая матушка!
Турки мое стадо плѣнили,
Черезъ Дунай его перегнали.
Дай-ка мнѣ, мамо, свирѣль,
Пойду я на берегъ Дуная,
Заиграю я жалостно,
Жалостно, грустно, горестно;
Авось услышитъ Тулунджа,
Тулунджа *овенъ* красавчикъ."
Мать ему свирѣль подала,
И пошелъ Стоянъ на Дунай,
Заигралъ Стоянъ жалостно.
Жалостно, грустно, горестно,
Играла свирѣль и выговаривала:
Услышь ты меня, овенъ мой,
Красавчикъ и черноглазый,

Digitized by Google

Мое ты стадо поведи,
Съ нимъ черезъ Дунай преплыви;
За то я оставлю у тебя
Шерсть твою нестриженную,
Рожки разукрашу я твои,
Серебромъ, желтымъ золотомъ."
Услыхалъ овенъ красавчикъ,
Стояну стадо воротилъ, и проч.

Бараны, которые ведутъ стадо, *водичи*, выбираются самые красивые; къ этой должности пріучаютъ ихъ еще маленькими. Рожки у нихъ связываютъ какъ-то веревками, и они ростутъ прямо вверхъ и вьются, какъ буравчикъ; шерсти у нихъ не стригутъ и она виситъ до самой земли; стригутъ только у нихъ голову и животъ; а другіе выстригаютъ еще середину, спину и животъ.

Коровъ, исключая домашнихъ, почти во всей Болгаріи не доятъ, чтобы выростить быковъ сильныхъ и здоровыхъ, необходимыхъ для земледѣльца. Масло и сыръ, который Болгары продаютъ по городамъ и посылаютъ въ значительномъ количествѣ въ Константинополь, дѣлаютъ изъ молока овецъ и козъ. Мясо сербскихъ барановъ, называемыхъ *моканами*, и балканскихъ, называемыхъ *рудаками*, очень вкусно; оно предпочитается всякому другому, говядинѣ и телятинѣ, и гораздо дороже ихъ. Французы и Англичане во время севастопольской войны такъ много поѣли этихъ барановъ, что фунтъ мяса продавался тогда по 40 коп. сер. Молоко у балканскихъ овецъ вкусно и жирно.

Іюля 1-го Власы праздновали и молились, чтобы короста и другія наружныя болѣзни не посѣщали стадъ ихъ. Одинъ изъ пастуховъ, попавшійся намъ на встрѣчу, позвалъ насъ къ себѣ *въ аглъ*, чтобъ угостить насъ для праздника. Разумѣется, мы отъ приглашенія не отказались, и поворотивъ лошадей въ сторону, послѣ недолгаго пути черезъ лѣсъ, выѣхали на поляну, по которой было раскидано до пятнадцати полосатыхъ и черныхъ палатокъ огромнаго размѣра.

Насъ встрѣтили старики, женщины и дѣти; на исковерканномъ болгаро-греческомъ языкѣ они привѣтствовали насъ и просили войдти въ шалашъ начальника. Мы слѣзли съ лошадей, отдали поводья мальчикамъ и вошли. Начальникъ лѣтъ семидесяти, гигантскаго роста, былъ знакомъ съ моимъ отцомъ и встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями.

Digitized by Google

„Калосъ илтите (добро пожаловали)“, закричалъ онъ, а потомъ началъ по-турецки: „Благодарю Бога, что для такого праздника послалъ мнѣ такихъ дорогихъ гостей“.

Мы сѣли на возвышенномъ мѣстѣ, сдѣланномъ изъ дерна, и одѣтомъ коврами домашней работы; женщины накрыли столъ, поставили водку, фрукты, баранину нарѣзанную кусками, съ лукомъ, сыръ и *бялъ мъжъ* (бѣлый мужъ), очень вкусное блюдо, которое болгарскіе пастухи приготовляютъ изъ свѣжаго сыра, масла, муки и сахара. Кто посѣщалъ пастуховъ, тотъ непремѣнно ѣдалъ его, ибо они считаютъ какъ бы священною обязанностью угостить имъ заѣзжаго путника. Во время обѣда вошли въ шатеръ дѣвушки и парни, и, пріосанившись у входа, запѣли по-гречески, но на болгарскій мотивъ:

Вотъ ужь пять лѣтъ, какъ я плавалъ
По морямъ, по рѣкамъ;
Еще пять лѣтъ погулялъ я
По горамъ, по лѣсамъ,
Вездѣ искалъ себѣ пару
Милую, любезную:
Нашелъ ее: она спала
Въ садикѣ розовомъ,
Захотѣлъ я съ ней рѣчь вести,
Слушать не стала;
Нагнулся я поцѣловать ее
Улыбнулася, встрепенулася, и т. д.

Пропѣвъ пѣсню, молодежь пустилась плясать, и каждый изъ пляшущихъ, то одинъ, то другой, выходилъ изъ хоровода и подчивалъ насъ виномъ.

Власы, по большей части большаго роста, то-есть отъ пяти футовъ десяти дюймовъ до шести футовъ; женщины напротивъ малаго роста: но, несмотря на ихъ кочующій образъ жизни, при которомъ и зной и вѣтеръ, холодъ и дождь и всѣ стихіи природы вѣчно преслѣдуютъ ихъ, онѣ довольно красивы, особенно дѣвицы. Костюмъ *Власа* совершенно сходенъ съ костюмомъ Суліота, только одежда Суліота обшита золотомъ, а Власъ одѣвается въ простое бѣлое грубое сукно домашней работы. Власиня же одѣвается точно также какъ и Болгарка Шопкиня: рубашка съ рукавами, вышитыми въ узоръ разноцвѣтными шелковыми и шерстяными нитками; сукманъ бѣлый, котораго подолъ и грудь вы-

Digitized by Google

шиты разноцвѣтною шерстью; красный поясъ; подъ поясомъ престилка изъ красной и синей шерсти вытkана клеточками; сверху долама тоже бѣлая, какъ и сукманъ, и тоже вышитая узорами; на головѣ феска у дѣвушекъ, чалма у женщинъ.

По окончаніи хоровода, хозяинъ повелъ насъ осматривать заводъ, гдѣ дѣлаютъ сыръ и масло. Чистота и опрятность въ немъ могли бы удивить всякаго. Огромныя kадки, наполненныя масломъ, ведра, котлы, все это, несмотря на бѣдность жителей, вымыто и вылужено. Мандра состоитъ изъ трехъ отдѣленій, огороженныхъ плетнемъ и покрытыхъ тесомъ. Подъ первымъ навѣсомъ подѣланы скамьи изъ дерна; на нихъ сидятъ пастухи одинъ возлѣ другаго такъ, что колѣна ихъ соприкасаются; сзади овцы, которыхъ подгоняютъ. Сидящіе, раздвинувъ ноги, дѣлаютъ проходъ для овецъ, и каждый, поймавъ по одной, соединяютъ опять колѣнки, чтобы сзади не налѣзли другія овцы, и начинаютъ доить пойманныхъ. Въ ведрѣ каждаго пастуха лежитъ трава, называемая *четерика*, предохраняющая овецъ отъ колдуновъ, которые будто бы своимъ волшебствомъ сманиваютъ молоко у чужихъ овецъ и привлекаютъ къ своимъ. Это колдовство, разkазываютъ пастухи, дѣлается такъ: старухи заманиваютъ ночью къ себѣ луну (Болгары представляютъ ее коровой) и доятъ ее до тѣхъ поръ, пока вмѣсто молока потечетъ kровь; тогда луна начинаетъ умолять старухъ отпустить ее, но старухи тиранятъ луну до тѣхъ поръ, пока она дастъ обѣщаніе отнять у сосѣдей плодородіе и передать старухамъ, и онѣ потомъ дарятъ его, kому имъ заблагоразсудится, то-есть тому, kто подаритъ имъ побольше.

Изъ перваго отдѣленія во второе протянутъ жолобъ, въ kоторый вливаютъ молоko, и оно стеkаетъ въ огромную kадь, и масларъ, выбивъ изъ него масло, сливаетъ остальное въ другой жолобъ, и молоko течетъ ужь въ третье отдѣленіе сыренара, гдѣ его kипятятъ, и дѣлаютъ изъ него сыръ, называемый *бито сирене*. Сыръ солятъ въ овечьихъ шkурахъ и разсылаютъ его по всей европейской Турціи на продажу. Масло дѣлаютъ съ 20-го мая до 1-го іюля, а съ 1-го іюля и до осени только сыръ и *извару* (творогъ.)

Турецkое правительство kаждый годъ беретъ десятую часть изъ овецъ, а потому болгарское овцеводство изо дня въ день падаетъ. Въ мартѣ Порта продаетъ эту подать съ аукці-

Digitized by Google

сннаго торга богачамъ, называемымъ *беглихчіями*; главный откупщикъ перепродастъ каждую губернію отдѣльно разнымъ лицамъ, а они въ свою очередь дѣлятъ ее на участки и эти участки также продаютъ другимъ. Начало этой подати относится къ царствованію султана Селима II, который для войска покупалъ у владѣльцевъ овецъ по 2½ піастра. Въ тѣ времена бараны стоили не дороже; въ послѣдствіи они подорожали, султаны же продолжали платить все ту же сумму. Наконецъ, эта покупка сдѣлалась обременительною податью, но турецкому правительству какое до того дѣло....

Простившись съ пастухами, стали мы спускаться съ горы, пробираясь между скалами, кустами, и перешагая черезъ огромныя буковыя деревья, которыя, упавъ на дорогу, дѣлали ее почти непроходимою. Мы не видали ничего кромѣ зелени: деревья заслонили небо. Вдругъ передъ нами открылись огромныя долины, окруженныя гигантскими горами и покрытыя нивами, пастбищами и селеніями. Это та равнина, на которой стоятъ большія села Габрово и Дріяново.

VIII. Лазарь.

Христіанство, явившись въ міръ, принесло съ собой слово свободы, милосердія, любви, уваженія къ человѣку, и живое слово правды не могло не подѣйствовать на человѣка своею благодатью.

Двадцать первый стихъ семнадцатой главы Евангелія „отъ Луки“ о псахъ, лизавшихъ раны бѣднаго Лазаря, пришелся какъ нельзя больше по душѣ милліонамъ простыхъ людей, искавшихъ себѣ *въ писаніи* успокоенія и надежды, и, въ связи съ народными представленіями, породилъ рядъ преданій, легендъ и стиховъ, исполненныхъ высокой правды. На сѣверовостокѣ славянскаго міра Лазарь извѣстенъ въ пѣсняхъ каликъ перехожихъ, какъ символъ бѣдности, нищеты и убожества; напротивъ, въ пѣсняхъ, легендахъ и въ преданіяхъ южныхъ Славянъ онъ является вѣстникомъ счастія, любви, радости и веселія, которыя носятся надъ человѣкомъ при первомъ наступленіи лѣта. Начнемъ съ нѣсколько суровой и скорбной поэзіи сѣвера.

Личность Лазаря, созданная Евангеліемъ, пріобрѣтала себѣ извѣстность больше всего тамъ, гдѣ чаще встрѣчались бѣдные Лазари.

Digitized by Google

Какъ жилъ я убогій на вольномъ свѣту,
То-то моя душенька намучилася;
И голода, холода—всего приняла:
Всякой она скверности навидѣлася,
Создай мнѣ, Владыко, горчѣе того! *

Въ московской Руси XVII вѣка евангельскій Лазарь былъ представителемъ всего страдальческаго, нищаго, задавленнаго и замученнаго, въ виду всего богатаго и сильнаго. Во псѣ евангельскаго Лазаря бѣднякъ видѣлъ того самаго пса, который повсюду слѣдуетъ за нимъ, раздѣляя его горькую участь; въ образѣ Лазаря онъ признавалъ образъ себѣ подобной нищеты; во всѣхъ же остальныхъ людяхъ, къ которымъ протягивалась его рука за подаяніемъ, онъ не могъ не видѣть богачей, питающихъ псовъ крохами своей трапезы. Поэтому пѣсни о Лазарѣ, выстраданныя и выплаканныя нищетой по дорогамъ, по площадямъ, при вратахъ соборовъ, церквей, монастырей и т. д., звучатъ необыкновенною правдой и составляютъ замѣчательное явленіе среди остальной массы совершенно тупыхъ калѣчихъ пѣсенъ.

Не хитро содержаніе пѣсенъ о Лазарѣ, но мучительное они производятъ впечатлѣніе. Приступая къ пѣсни, пѣвецъ-бѣднякъ прежде всего выдѣлялъ Лазаря изъ круга счастливцевъ, и дѣлалъ его друзьями только владыку небесъ, да еще псовъ на землѣ, какъ выразилась одна пѣсня о Лазарѣ:

Владыка съ небесъ ему самъ душу питалъ,
А псы ему раны зализывали. **

И эти псы, лизавшіе раны,—они были родные бѣдняку; ихъ сравняла одна и та же горькая участь. Идетъ, бѣднякъ, и, ошибшись дорогой, останавливается у дверей богача, и спрашиваетъ нѣтъ ли тутъ братца его роднаго, и вотъ богачъ откликается:

У меня братьевъ такихъ въ роду нѣтъ,—
Есть у меня получше тебя!
У меня-то братья, каковъ я и самъ,
Каковъ я и самъ, князья-бояре;
Князья да бояре—тѣ братья мои,
Гости торговцы—тѣ друзья мои;
Попы-тѣ церковны-то — хлѣбъ-соль съ ними одна у меня. ***

* Якушкина, *Русск. Пѣсни*, стр. 46.
** *Пѣсни* Кирѣевскаго, въ *Чтен.* стр. 39.
*** *Калѣки Перех.* I, стр. 43, 73.

Digitized by Google

Вотъ зоветъ богачъ псарей, слугъ вѣрныхъ своихъ, затравить бѣдняка псами лютыми:

О, слуги мои, слуги мои вѣрные!
Гоните вы Лазаря со двора долой,
Со двора долой, въ чистое поле,
Затравите Лазаря лютыми псами. *

Зоветъ псарей своихъ, да самъ еще съ крыльца псовъ спускаетъ:

Усте-е, возьмите, борзы кобели!

Но борзы кобели не люди, не слуги вѣрные:

Но борзы кобели ему радуются,
Кровавыя раночки зализываютъ **

Нѣтъ, кричитъ опять богачъ,—вѣрно псы нехороши,—найдутся у насъ псы получше ихъ, и снова кричитъ, кличетъ рабовъ своихъ:

Подите, рабы мои, спустите со двора,
Спустите, рабы мои, два лютые пса:
Пускай его псы тѣ терзаютъ всего.

Покорные рабы выпускаютъ псовъ самыхъ злыхъ, но и самые злые псы, узнавъ въ чемъ дѣло, молчаливо отходятъ въ сторону:

Не стали псы его ни рвать, ни терзать,
Понюхали псы его, сами прочь пошли. ***

Такъ пѣли на сѣверо-востокѣ. Спустимся на югъ, переплываемъ Дунай, нѣкогда славянскій, теперь нѣмецкій и турецкій, и прислушаемся къ тѣмъ пѣснямъ славянскихъ дѣвъ, которыя неслись далеко на сѣверъ.... „Дѣвицы поютъ на Дунаи, вьются голоса черезъ море до Кіева....“

Шестая недѣля Великаго поста называется у Болгаръ *Лазаревою* или *Цвѣтною;* у Сербовъ—*Цвјетна недјеља*—hebdomas palmarum; Болгарки встрѣчаютъ и провожаютъ ее пѣснями, припѣвками и гаданіями. Въ эту первую недѣлю весны Болгарка разкажетъ вамъ, какъ возраждается природа, какъ все оживаетъ, какъ человѣкъ встрѣчаетъ весну съ надеждой на лучшіе дни и начинаетъ новую жизнь вмѣстѣ съ при-

* Тамъ же, стр. 62.
** *Кал. Перех.* I, стр. 118.
*** Тамъ же, стр. 70.

Digitized by Google

родой. Въ золотой повозкѣ везетъ Лазарь человѣку всѣ блага жизни:

Лазаръ са вози
На златна кола;
Презъ село иде,
Богу са моли:
„Я дай ни, Боже,
Дребнинки дъждецъ,
Трева да расте,
Паюкъ да пасе;
Моми да ходатъ
Цвѣте да бератъ;
Сичко да бъде
Здраво, весело.“ *

Лазарь является, сопутствуемый св. Петкой и Недѣлей, ударяетъ палкой по воздуху, и послѣ этого сѣверный вѣтеръ ужь больше не дуетъ, не падаетъ снѣгъ и цвѣты расцвѣтутъ. Сербы въ это время тоже поютъ о пробужденіи природы.

Въ продолженіе этой недѣли Болгарки каждый день сбираются въ какомъ-нибудь домѣ, а у доспатскихъ, македонскихъ Болгаръ и у Шоповъ, по словамъ архимандрита Софронія, просто на улицѣ, подъ деревомъ. Представьте себѣ группу дѣвицъ и женщинъ, сидящихъ подъ тѣнью только что распустившагося грецкаго орѣшника, или цвѣтущей бѣлыми цвѣтами груши; въ рукахъ у нихъ работа. Высоко поднимается ихъ роскошная грудь, вдыхая въ себя чистый, пахучій воздухъ; румяныя лица и живыя глаза блестятъ радостью. Парни стоятъ поодаль. Эти дѣвицы, гордость любующихся на нихъ *юнаковъ*, называются теперь *Лазарицами*, и носятъ это названіе во все продолженіе этой недѣли. Разукрашенныя разными цвѣтами, онѣ словно представляютъ собою дѣвственную живую весну. У Шоповъ женщины и дѣвицы, въ продолженіе этой недѣли, приготовляютъ приданое для обрученныхъ дѣвицъ. Обрученная дѣвица ходитъ изъ дома въ домъ и сзываетъ подругъ на работу, говоря:

---

* *Переводъ:* Вотъ ѣдетъ Лазарь въ золотой повозкѣ; проѣзжаетъ онъ черезъ село и молится Богу: „Дай-ка, Боже, мелкій дождикъ, чтобы трава росла и павликъ пасся бы, чтобы дѣвушки ходили, цвѣты собирали и были бы всѣ здоровы и веселы.“

Digitized by Google

— Просимъ васъ, добрые люди, поработать за святаго Ивана. (Символъ братства. См. у Миладинова, *Бълг. нар. пѣсни.*)

— Будемъ, будемъ, отвѣчаютъ хозяева, — kakже не быть, когда Богъ и *свѣти Иванъ* хотятъ этого.

И вотъ добрые люди сходятся на братское дѣло, не разчитыая для kого работаютъ, для богатаго иль бѣднаго. Собравшись, дѣвицы начинаютъ свои пѣсни. Если между женщинами, попавшими въ это собраніе, есть такая, которая въ продолженіе года обручила свою дочь, то дѣвицы-Лазарицы поютъ ей:

Лалина матушка, о Лазарь,
Гдѣ жь твоя Лала?
—Я Лалу обручила, о Лазарь,
За добраго за молодца,
Онъ вина-то не пьетъ, о Лазарь,
И той ли krѣnkoй водочки;
Конь его стóитъ тысячу, о Лазарь,
Ружье стóитъ сто грошей.
Лалѣ онъ подалъ пучечекъ, * о Лазарь,
Весь изъ kрупныхъ чéрвонцевъ;
Туфли мнѣ kупилъ молодецъ, **
А батюшкѣ сапожки,
На свадьбѣ чтобы плясали,
И встрѣчали бы въ нихъ сватовъ,
И поили бы угощали ихъ,
Да рукавами дарили.

Если мать не обручила еще и не выдала своей дочку замужъ, то дѣвицы стараются отыскать причину этому, и оправдываютъ мать слѣдующимъ образомъ:

Лилина матушка, о Лазарь,
Пряла ль ты веретена,
Пряла ль веретена, о Лазарь,
И ткала ли полотно?
Ткала ли ты полотно, о Лазарь,
Шила ли ты рукава,
Чтобы сватовъ одарить?
—Пряла я веретена,
Ткала я полотна,
И шила я рукава,

---

* Китка—пучекъ, букетъ цвѣтовъ.

** „О Лазарь" повторяется черезъ каждый стихъ.

Digitized by Google

Чтобы сватовъ одарить.
Но Лила еще маленькая,
Маленькая и глупенькая,
Не можетъ она службу служить,
Ни свекру, ни свекрови:
Не умѣетъ сготовить кушанья,
Не умѣетъ хлѣба замѣсить;
Не умѣетъ ни жницъ накормить,
На косарей напоить.
Когда жь въ другой разъ ты придешь,
То мою Лилу и найдешь
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ,
Со свекромъ, да съ свекровью.

Если мать отдала замужъ свою дочь, но дочь ея живетъ несчастливо, то и тутъ находятъ причину: это потому, что она отдана на чужбину:

Райкина матушка, о Лазарь,
Гдѣ жь твоя Райка?
—Я Райку замужь отдала,
За парня, добраго молодца,
За девять селъ въ десятое;
А Райка плачетъ и горюетъ,
Что далеко ее отдали,
За девять селъ въ десятое,
За девять лѣсовъ зеленыхъ,
За девять водъ студеныхъ,
За тѣ ли Старые Балканы.
Лицо ея темнѣетъ, о Лазарь,
Станъ ея погибаетъ ужь
Отъ злости свекра-батюшки,
И отъ упрековъ свекрови.

Но вотъ еще припѣвка отзывающаяся невыразимою грустью, грустью матери, у которой смерть похитила ея любимое дитя.

Славина матушка, о Лазарь,
Гдѣ жь твоя Слава?
Что у тебя домъ печаленъ?
Что у васъ пѣсенъ не поютъ?
Что у васъ приданаго не готовятъ?
Что у васъ сорочекъ не шьютъ?
Что рукавовъ не обрубливаютъ?
Чѣмъ бы сватовъ обдарить?

Digitized by Google

—Я мою Славу обручила ужь
За черноземскаго парня,—
Плесень ей теперь приданое,
А могилка—садочкомъ.
Въ этомъ ли саду, въ садочку,
Не цвѣтутъ цвѣты цвѣточки,
И цвѣтокъ *здравецъ* не растетъ,
Не цвѣтетъ бѣлая лилія.

Въ западной Болгаріи (Македоніи) еще на средопостной недѣлѣ начинается собраніе дѣвицъ; онѣ приносятъ изъ дома съѣстные припасы и дѣлаютъ изъ нихъ пирогъ, называемый *зелникъ*. Зелникъ начиняется зеленью или капустой, печется или мѣсится общими силами, и, кушая его, дѣвицы сговариваются пѣть Лазаря. * Чтобъ вѣрно выполнить свое обѣщаніе, онѣ клянутся. Клятва эта происходитъ слѣдующимъ образомъ: берутъ топоръ и, положивъ на него хлѣбъ, соль и уголья, цѣлуютъ его и говорятъ: „если кто-нибудь изъ насъ не придетъ на собранье и отдѣлится отъ своихъ подругъ, то пусть *сольется* какъ желѣзо, почернѣетъ какъ уголь, а хлѣбъ и соль, пусть *хватятъ ей очи* (то-есть ослѣпнетъ она)". Въ продолженіе всей Цвѣтной недѣли дѣвицы собираются кучками, выбираютъ изъ среды себя одну, которая должна представлять невѣсту, окружаютъ ее и идутъ съ ней по улицѣ. Невѣста вмѣстѣ съ своими подругами припѣваетъ пѣсни каждому, кого ни встрѣтятъ онѣ, и если встрѣченный на улицѣ женатъ, то разказываютъ въ пѣсни исторію его жизни, его семьи; если же неженатъ, то пѣсня спрашиваетъ, зачѣмъ это онъ не женатъ. Тотъ, кому дѣвицы поютъ пѣсню, даетъ невѣстѣ денегъ, она же цѣлуетъ у него руку. На собранныя деньги онѣ накупаютъ себѣ разныхъ кушаній, и въ день Лазаря ѣдятъ ихъ, поютъ, пляшутъ: онѣ провожаютъ Лазаря.

У Шоповъ (въ Пиротскомъ округѣ) дѣвицы, передъ началомъ Цвѣтной недѣли, берутъ яйцо, окрашенное желтою краской, и раздѣлившись на двѣ группы, перебрасываютъ его между собою. Сторона, которая бросаетъ, поетъ:

Ой Лазаре, Лазаре,
Ой Лазаре, *kekepe* (?)!
Моли Бога, Николу
И свѣтиё Иліё

* Срав. *Nowosielski, Lud Ukraiński*, I, стр. 121.

Digitized by Google

Да ни даю тревицу (травка),
У зелену нивицу:
Да ни даю цвѣке-то,
У дѣвойки въ градину (садокъ);
Да я (ея) пасу ягнята,
Да ги (ихъ) беру дѣвойки.

Сторона, которая ловитъ яйцо, поетъ:

Цувти земё, земице (земля),
Дай ни жуту (желтую) ченицу (пшеницу)
Како яйце кокошо.

Бросятъ яйцо назадъ, и продолжаютъ:

Сончице, сонце,
Родила ти майка
Жито, ченица,
Просо и вино,
Медена ракія (медвяная водка).

А другая группа отвѣчаетъ на это:

Роси Боже, свѣти Джорджо (Георгій),
И ти Свѣта недѣлё
И ти дѣдо Илія.

Тогда дѣвушки разводятъ огонь и перескакиваютъ черезъ него, приговаривая:

Не пали, не пали
Ни куки, ни сеники (дома и хлѣва),
Ни нивы, ни ливаге.
Помоги, помоги
Свѣти Лазарь, Илія.

И затѣмъ дѣвицы берутъ полѣнья, горящія на огнѣ, и каптятъ ими домъ, хлѣва, амбары и пр. Замужнія женщины и мущины не имѣютъ права участвовать въ этомъ обрядѣ.

Павликіяне, то-есть Болгары католическаго вѣроисповѣданія, живущіе въ Филиппопольскомъ округѣ, говорятъ, что 9-го марта, когда бываетъ равноденствіе, на небо выходятъ два змѣя, одинъ бѣлый, а другой черный, и борются; но бѣлый всегда побѣждаетъ, потому что ему помогаетъ солнце,—нагрѣваетъ ихъ и черный змѣй таетъ какъ ледъ. Дѣвушки завязываютъ глаза старухѣ и пускаютъ ее искать востокъ, и если она побѣжитъ прямо лицомъ къ востоку, то лѣто будетъ плодородное, теплое и дождливое. Солнце въ это время сходитъ на землю и собираетъ *медъ* для своихъ дѣтей, а

Digitized by Google

потому старухи, въ продолженіе Цвѣтной недѣли, выставляютъ за окно тарелку съ медомъ. Въ окрестностяхъ города Чирпанъ рѣжутъ бѣлаго пѣтуха, другіе краснаго, а Шопы—черную курицу, и хоронятъ ихъ въ землю, какъ говорятъ, для того чтобъ черви не портили растенія.

Лазарь, свѣта Петка и дѣдо Аврамъ водятъ покойниковъ по землѣ, и показываютъ имъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ душа каждаго человѣка бывала при жизни. Такое путешествіе душъ продолжается до Вербнаго воскресенья.

Лазарь сидитъ на Дунаѣ и раздаетъ дѣвицамъ вѣнки, съ помощію которыхъ онѣ могутъ выйдти замужъ, но Калѣ, говоритъ пѣсня, онъ не далъ вѣнца. Расплакалась бѣдная Каля, а Лазарь утѣшаетъ ее:

„Мълчи, Калё, не плачи,
Пакъ въ година ке дойдамъ,
Семъ лазарки по вѣнецъ,
Тебе Калё два вѣнца“ *

И въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ пѣсня, когда наступилъ будущій годъ, то Каля ужь была замужемъ и съ сыномъ на рукахъ.

Въ продолженіе всей Цвѣтной недѣли Лазарь ѣздитъ въ золотой талиги (карета), запряженной бѣлыми какъ снѣгъ волами, и несетъ съ собой вѣнки и букеты цвѣтовъ,—вѣнки свиты изъ черешневой вѣтки, сирени, *божіе древа и матечины*, а букеты изъ лиліи и сирени. Кому Лазарь положитъ вѣнокъ на голову, та выйдетъ замужъ; кому жь воткнетъ подъ платокъ пучокъ, та останется дѣвицей до слѣдующаго года. Вѣнки и цвѣты Лазаря нельзя видѣть. Во многихъ пѣсняхъ Лазарь называется *войникомъ* и служитъ у царя небеснаго; царь посылаетъ его сказать людямъ, что приходитъ весна. Вслѣдъ за войникомъ Лазаремъ появляется *прометъ* (весна), ѣдетъ она на бѣломъ конѣ *шестокрыломъ* и гонитъ прочь зиму. Она красивая женщина съ золотыми волосами. Старухи бросаютъ на улицѣ ячмень для коня весны, а мущины моютъ своихъ лошадей.

Лазарь пѣсенъ и преданій въ болгарскихъ легендахъ перемѣшиваются съ евангельскимъ Лазаремъ. Въ Коприщен-

* *Переводъ:* Молчи, Каля, не плачь. Когда я приду на будущій годъ, то прочимъ дѣвицамъ дамъ только по одному вѣнку, тебѣ же дамъ два вѣнка.

Digitized by Google

ской церкви Успенія Пресвятой Богородицы, между колонами на стѣнахъ изображены разныя евангельскія притчи, и на одномъ изъ этихъ изображеній мы видимъ богатаго Лазаря, сидящаго за столомъ съ своимъ семействомъ, а на полу сидитъ *сиромахъ Лазарь* съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, и въ одной рукѣ держитъ лилію, а другую протянулъ и проситъ kycka хлѣба; не подалеку отъ нихъ стоитъ самъ Спаситель съ двумя ученицами и показываетъ богатому Лазарю Евангеліе. Оба Лазаря одѣты въ красныя одежды, на головѣ у нихъ шапки черныя и высокія, а на ногахъ красные сапоги. Такъ по большей части во всѣхъ церквахъ изображается легенда о Лазарѣ. Что касается самой легенды, то она просто перефразируется изъ евангельской притчи, съ нѣкоторыми отличіями въ концѣ. Богатый Лазарь, стѣная, просилъ Авраама промочить его уста, запекшіяся отъ мученія. Авраамъ попросилъ Христа и бѣднаго Лазаря, чтобъ они простили страдальца; Лазарь пожалѣлъ своего брата, простилъ ему все и просилъ, съ своей стороны, Христа, чтобъ и онъ простилъ его. Христосъ согласился, но только съ тѣмъ, чтобы богатый Лазарь воротился на землю искупить тамъ свои грѣхи. Христосъ воскресилъ богатаго Лазаря и онъ сдѣлался потомъ *угодникомъ*. Кто ведетъ на землѣ хорошую жизнь, того по смерти встрѣтитъ бѣдный Лазарь и возложитъ ему вѣнокъ на голову; дѣтямъ же, неженатымъ парнямъ и дѣвицамъ онъ дастъ пучокъ цвѣтовъ, и съ помощію вѣнка и пучка мертвыя души проходятъ черезъ всѣ мытарства.

Наканунѣ Вербнаго воскресенья, „вржбницы“ или „богатаго Лазаря“, дѣвицы и парни отправляются въ лѣсъ и тамъ собираютъ цвѣты и вербы, и все это совершается съ пѣснями и радостными криками. Когда сберутъ все что̀ нужно, то связываютъ въ пучки и отправляютъ въ церковь. Возвращаясь изъ лѣсу, дѣвицы у доспатскихъ Болгаръ берутъ мальчика на руки и передаютъ его одна другой, призывая при этомъ Лазаря. Каждая дѣвица старается взять его на руки. Сербскія дѣвицы, передавая мальчика съ рукъ на руки, поютъ:

Лази, лази, Лазаре,
Те долази до мене,
Приватаі се за мене,
За свилене рукаве.

Digitized by Google

За свилене мараме
За клечане кошелье *.

Въ день Вербнаго воскресенья или богатаго Лазаря, по окончаніи обѣдни, матери, получившія освященныя вербы, посылаютъ своихъ маленькихъ дѣвочекъ *на Лазарь*, и этотъ день является днемъ торжества дѣвицъ. Каждая дѣвица несетъ въ рукахъ корзиночку и красный платокъ; она убрана цвѣтами, одѣта въ самое лучшее платье, какое только найдется въ домѣ, и отправляется по роднымъ и знакомымъ. На доспатскихъ горахъ и во многихъ мѣстахъ западной Болгаріи дѣвочки надѣваютъ на голову вѣнокъ изъ вербы (въ г. Сересъ изъ маслинныхъ вѣтвей), и перепоясываются колосьями, оставленными нарочно отъ прошлогодней жатвы. Войдя въ домъ, дѣвочки поютъ пѣсни, какъ хозяину такъ и хозяйкѣ дома.

Ховяева даютъ дѣвочкамъ яйцо, каравай, называемый *kukla*, фрукты и монету. Не подарить дѣвочкамъ ничего считается большимъ грѣхомъ: даже Турки и Греки принимаютъ лазарицъ и дарятъ имъ все что нужно, иначе самъ Христосъ и Святый Иванъ Креститель, покровитель семейнаго быта, дружбы и побратимства, накажутъ тѣхъ, кто не исполнитъ лазарскаго обряда. Вотъ что говоритъ болгарская пѣсня:

Успалъ ми ie владика
Христу Богу на колѣна;
Христосъ ми го скорваше:
„Стани, стани, владику,
Ето ти ги Лазарки,
Лазарки, посестрими,
Да ги дарчокъ даруваш;
На Лазарки марама,
На невѣста кошуля. **

---

* *Переводъ:* Ползай, ползай, Лазарь,
И приползай до меня,
Схватиська ты за меня,
За мои шелковые рукава,
За мой шелковый платокъ,
За мой узорчатый фартукъ.

** *Переводъ:* Вотъ уснулъ владыка у Христа Бога на колѣняхъ; Христосъ будилъ его: „встанька, владыка, потому что идутъ лазарицы, наши посестримы; ты будешь теперь дарить ихъ всѣхъ: лазарицъ по платку, невѣстъ же сорочками.".

Digitized by Google

О взрослыхъ дѣвицахъ, совершающихъ въ это время нѣкоторые обряды, говорятъ, что онѣ *ладуютъ*. Это ладованіе у доспатскихъ Болгаръ, свидѣтельствуетъ архимандритъ Софроній, происходитъ такъ: собираются дѣвицы и парни гдѣ-нибудь у края рѣки, парни играютъ на свирѣляхъ, а дѣвицы пляшутъ и поютъ пѣсни, упоминая о Ладѣ:

Притекла се вода Тунделія
Ладе, Ладо, вода Тунджелія!
Отъ брегъ на брегъ биге
Ладе, Ладо, отъ брегъ на брегъ биге и пр.

Пропѣвъ пѣсню, берутъ тряпки, дѣлаютъ изъ нихъ какоето изображеніе (чучело), носятъ его по деревнѣ съ шумомъ и крикомъ, и потомъ сжигаютъ его; пепелъ этотъ берутъ съ собою и на немъ гадаютъ. Пепелъ помогаетъ при родахъ и приноситъ счастье особенно женщинамъ.

Въ дунайской Болгаріи и во Ѳракіи въ Вербное воскресенье собираются взрослыя дѣвицы и *ладуютъ*. Собираются онѣ у рѣкъ, пляшутъ, плетутъ себѣ вѣнки изъ вербы и каждая изъ нихъ пропѣвъ Ладѣ пѣсню, пускаетъ вѣнокъ въ воду и смотритъ въ какую сторону понесетъ его рѣка, направо или налѣво, и скоро ли онъ поплыветъ. Въ это время старухи гадаютъ, сидя у огня и чертя щипцам и по пеплу, и считая четъ, нечетъ; четъ — Лазарь, нечетъ — лазарица; первое означаетъ счастіе, а второе предвѣщаетъ ѣду и голодъ.

Л. КАРАВЕЛОВЪ.

Digitized by Google

РАСКОЛЪ

КАКЪ ОРУДІЕ ВРАЖДЕБНЫХЪ РОССІИ ПАРТІЙ*

X.

Оставивъ Россію и устроивъ себѣ удобное жительство въ Лондонѣ, г. Герценъ, какъ извѣстно, посвятилъ себя на служеніе великой задачѣ — облагодѣтельствовать оставленную имъ злополучную родину посредствомъ радикальнаго преобразованія ея политическаго и соціальнаго устройства. Ему мечталось, что въ Россіи не трудно подготовить удобную почву для осуществленія его фантазій, что въ русскомъ народѣ, во всѣхъ его классахъ и слояхъ, находится довольно элементовъ, годныхъ для этой цѣли, что нужно только овладѣть ими и опытной, искусной рукой направить, куда слѣдуетъ. Значительное накопленіе такого рода элементовъ онъ находилъ между прочимъ въ русскомъ старообрядчествѣ, которое, по его мнѣнію, не сознавало ясно ни своего характера, ни своего историческаго назначенія и которому нужно только объяснить и то и другое, чтобы сдѣлать изъ него, при огромной численности и рѣдкомъ единодушіи старообрядцевъ, могучее орудіе государственнаго переворота въ Россіи. Впрочемъ, такое воззрѣніе и такіе виды на старообрядцевъ у г. Герцена явились довольно не рано и мы не беремся рѣшать, откуда именно они возникли,— своимъ ли собственнымъ

* См *Русск. Вѣстн.* 1866 г. №№ 9 и 11.

Digitized by Google

умомъ дошелъ до нихъ г. Герценъ, или просвѣщенъ былъ примѣромъ польской эмиграціи, которая производила, и не совсѣмъ безъ успѣха, пропаганду между Некрасовцами, или наконецъ и въ этомъ случаѣ не мало значили для него услужливыя корреспонденціи его русскихъ почитателей, извѣщавшія о неотразимомъ вліяніи г. Герцена даже на старообрядческое общество. Для насъ достаточно знать, что около 1860 года лондонская компанія стала серіозно помышлять о русскомъ старообрядчествѣ и сліяніи своего дѣла съ дѣломъ старообрядцевъ, что для открытія первоначальныхъ съ ними сношеній, равно какъ для уясненія имъ полной солидарности ихъ несознаваемыхъ стремленій съ видами и стремленіями лондонскихъ реформаторовъ признано нужнымъ посвятить собственно для нихъ особую, спеціальную часть изданій „вольной русской типографіи“. Справедливость требуетъ замѣтить, что самъ г. Герценъ имѣлъ на столько осторожности и такта, чтобы на себя лично не брать этого, совершенно незнакомаго ему дѣла; онъ только гарантировалъ его своимъ авторитетомъ, а самое исполненіе поручилъ одному изъ своихъ почитателей, не очень задолго передъ этимъ явившемуся въ Лондонъ, г. Кельсіеву старшему.

В. И. Кельсіевъ, послѣ неудавшагося *Стоглава*, о которомъ не стоитъ и поминать, приступилъ къ изданію извѣстнаго *Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*. Въ 1860 году явился первый выпускъ этого *Сборника*; въ слѣдующемъ году—второй, и еще два въ 1862 году. Конечно, г. Кельсіевъ не могъ располагать такимъ обиліемъ сочиненій раскольничьихъ и о расколѣ, чтобы при печатаніи дѣлать изъ нихъ строгій выборъ по опредѣленному плану и съ опредѣленною цѣлію, но тѣмъ не менѣе въ самомъ даже подборѣ статей, вошедшихъ въ составъ *Сборника*, нельзя не видѣть такого именно заранѣе опредѣленнаго плана. Содержаніе *Сборника* составляютъ собственно секретныя записки и цѣлыя сочиненія о расколѣ, въ разное время писанныя по порученію правительства чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ и дотолѣ хранившіяся въ министерскихъ архивахъ и портфеляхъ, подъ строжайшимъ покровомъ канцелярской тайны, откуда услужливая рука друзей и доставила ихъ лондонскимъ издателямъ, безъ сомнѣнія, по предварительной просьбѣ этихъ послѣднихъ и указанію, какого рода сочиненія желаютъ они имѣть и издать. А имѣть въ своемъ

Digitized by Google

распоряженіи и издать въ свѣтъ *правительственныя* сочиненія о расколѣ, имъ желательно было потому, что такія сочиненія, по ихъ мнѣнію, должны были очевиднымъ образомъ показать старообрядцамъ, какъ невыгодно смотритъ на нихъ и какъ враждебно къ нимъ относится русское правительство, служить какъ бы уликой правительства предъ старообрядцами и этихъ послѣднихъ утвердить еще больше во враждѣ къ правительству. Надѣясь такимъ образомъ посредствомъ изданія секретныхъ правительственныхъ записокъ утвердить старообрядчество въ его старой оппозиціи противъ правительства, издатели разчитывали чрезъ это же самое поставить самихъ себя въ очень выгодныя отношенія къ старообрядцамъ, сразу показать себя ихъ друзьями, людьми не довольными правительствомъ столько же, какъ и они. Для лучшаго разъясненія всего этого читателямъ, которые могутъ понять изданные документы пожалуй и не такъ, какъ хотѣлось бы издателю, *Сборникъ* снабженъ предисловіями, гдѣ именно разъясняется въ извѣстномъ направленіи смыслъ напечатанныхъ документовъ и кстати раскрывается не ясно сознаваемое будто бы самими старообрядцами ихъ назначеніе въ исторіи, равно какъ дѣлаются весьма понятные намеки на солидарность этого назначенія съ цѣлями и стремленіями самого лондонскаго братства. Какъ все сдѣлано въ предисловіяхъ, стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе. *

Вотъ общее замѣчаніе издателя о статьяхъ, напечатанныхъ въ первомъ выпускѣ *Сборника*: „О сочиненіяхъ, вошедшихъ въ этотъ выпускъ, мы замѣтимъ слѣдующее. Авторы ихъ, чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, *сдѣлали все, чтобъ очернить раскольниковъ предъ правительствомъ*“. Затѣмъ, смягчивъ нѣсколько свой отзывъ въ отношеніи къ одному изъ этихъ чиновниковъ, онъ продолжаетъ: „Остальные отыскиваютъ каждый двусмысленный фактъ, который можетъ бросать тѣнь на сектаторовъ, придаютъ ему особенную важность, и *напрасно* выставляютъ его на видъ“ (стр. XXX—XXXI). Съ особеннымъ негодованіемъ отзывается издатель объ авторѣ записки *О заграничныхъ раскольникахъ*, Н. И. Надеждинѣ. Статья *О заграничныхъ расколь-*

* Мы имѣемъ въ виду собственно предисловія къ первому и второму выпускамъ; предисловіе къ третьему не важно, а четвертый выпускъ явился вовсе безъ предисловія.

Digitized by Google

никахъ безспорно лучшая изъ всѣхъ, напечатанныхъ въ *Сборникѣ*; она доселѣ не потеряла своего значенія и служитъ почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о поселившихся за границей нашихъ старообрядцахъ. Даже то, что авторъ говоритъ собственно объ учрежденіи Бѣлокриницкой митрополіи въ Буковинѣ, тогда еще не приведенномъ къ окончанію, оказывается гораздо вѣрнѣе напечатанныхъ въ послѣдствіи разказовъ о томъ же событіи (напримѣръ въ извѣстной *Книгѣ о промыслѣ*),—многое, о чемъ авторъ говорилъ только предположительно, оправдалось на самомъ дѣлѣ и свидѣтельствуетъ, равно какъ и вся записка, о рѣдкой его наблюдательности. Безпристрастный читатель не скажетъ и того, чтобы Надеждинъ въ своей статьѣ слишкомъ враждебно относился къ заграничнымъ старообрядцамъ; а личныя сношенія его напримѣръ съ бѣлокриницкими иноками не лишены были даже нѣкотораго рода искренности и откровенности: это мы знаемъ отъ самихъ бывшихъ иноковъ бѣлокриницкаго монастыря, очень хорошо помнящихъ, какъ Надеждинъ пріѣзжалъ въ Бѣлую-Криницу; подтвержденіе этого можно найдти даже въ сочиненіяхъ инока Павла.* Но г. Кельсіевъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ученыя и литературныя достоинства записки Надеждина; тѣмъ меньше расположенъ онъ видѣть что-нибудь похожее на искренность, или честность въ его личныхъ отношеніяхъ къ Липованамъ: ему достаточно того, что Надеждинъ ѣздилъ въ населенныя раскольниками мѣста по порученію русскаго правительства, что записку свою писалъ онъ для того же правительства, что говоритъ объ ней въ интересахъ русскаго государства и православной церкви—и онъ осыпаетъ Надеждина бранью, называетъ „рабомъ и шпіономъ правительства“ и, что надобно полагать всего ужаснѣе по его мнѣнію, „отчаяннымъ право-

* Такъ въ извѣстной статьѣ своей о крестномъ знаменіи, писанной для митрополита Амвросія, Павелъ говоритъ: „Въ бытность у насъ въ бѣлокриницкомъ монастырѣ 1845 года, изъ петербургскихъ академическихъ учителей, г. Николай Ивановичъ Надеждинъ истинно самъ сознался при лицѣ настоятеля и братіи, что вышепомянутое соборное дѣяніе (на еретика Мартина) никогда не бывало.“ Сдѣлать, и притомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, подобный отзывъ о соборномъ дѣяніи на Мартина, въ бесѣдѣ съ старообрядцами значило быть съ ними очень откровеннымъ и искреннимъ.

Digitized by Google

славнымъ"; обвиняетъ его въ „непонятной свирѣпой ненависти къ раскольникамъ", въ клеветѣ „на этихъ добрыхъ и честныхъ (sic) мужиковъ, которымъ пришлось бросить Россію и которыхъ отечество заставляетъ *любить австрійское правительство*" *; въ заключеніе же произноситъ надъ нимъ слѣдующій грозный приговоръ: „Онъ навѣки опозорилъ себя предательствомъ (?), написаннымъ его же собственной рукой въ этомъ жолчномъ доносѣ (?). Кто его толкалъ? Во имя чего онъ дѣйствовалъ?... На немъ остается страшное клеймо (?), одно изъ тѣхъ, которые не смываются никакими заслугами, даже и бо́льшими помѣщенія въ *Телескопѣ* письма Чаадаева" (стр. XXXII—XXXIII). Кстати такой же приговоръ произноситъ г. Кельсіевъ и надъ тѣми почтенными лицами, о которыхъ Надеждинъ упомянулъ съ уваженіемъ, какъ о людяхъ не сочувствовавшихъ замысламъ буковинскихъ старообрядцевъ основать свою самостоятельную іерархію и сообщавшихъ ему разныя свѣдѣнія о заграничномъ старообрядчествѣ, таковы: извѣстный ученый Шафарикъ, историкъ Зубрицкій и достопочтенный буковинскій митрополитъ Евгеній Гакманъ, старецъ, доселѣ украшающій архіерейскую каѳедру въ Черновицахъ, котораго г. Кельсіевъ, какъ бы глумясь надъ его славянской фамиліей, называетъ попросту отцемъ Хибайлой (стр. XXXIV—XXXV). Мы, пожалуй, не станемъ отрицать, что всѣ эти сужденія и приговоры г. Кельсіевъ дѣлалъ искренно, по убѣжденію, по привычкѣ; но съ другой стороны нельзя не согласиться, что такого рода сужденія и приговоры особенно пріятны русскимъ старообрядцамъ, и именно той огромной половинѣ ихъ, которая принимаетъ бѣлокриницкое священство, на нихъ именно и разчитаны; это тѣмъ болѣе ясно, что рядомъ съ самыми суровыми отзывами о Надеждинѣ и другихъ мнимыхъ доносчикахъ на невинное старообрядчество издатель выражаетъ съ своей стороны горячее сочувствіе къ этому послѣднему, говоритъ о честныхъ и добрыхъ старообрядческихъ нравахъ, о томъ какъ „чисто" будто бы ведено было дѣло объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи (надо полагать, что г. Кельсіевъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ ведено это дѣло), увѣряетъ, что раскольниковъ „нельзя упрекнуть нетолько въ чемъ-нибудь преступномъ,

* Курсивъ въ подлинникѣ.

Digitized by Google

но даже ни въ какомъ плутовствѣ“ (!), дѣлаетъ очень пріятное для старообрядцевъ замѣчаніе, что было бы весьма хорошо, еслибъ русское правительство „объявило полноправіе и свободу всѣхъ исповѣданій безъ исключенія“, еслибъ „отецъ Кириллъ поселился въ Москвѣ“.... по сосѣдству съ Троицкимъ подворьемъ....

Въ предисловіи къ тому же первому выпуску издатель высказываетъ и свои сужденія объ исторіи и историческомъ назначеніи старообрядчества,—сужденія совершенно согласныя съ тѣми понятіями о политическомъ значеніи раскола, которыя отчасти изложили мы въ самомъ началѣ нашей статьи. По мнѣнію издателя, расколъ есть не что иное, какъ оппозиція правительству, проявленіе недовольства существующимъ порядкомъ и устройствомъ общественнаго быта въ Россіи, и въ этомъ отношеніи замѣнилъ собою казачество, которое „было прибѣжищемъ всему недовольному обществомъ, но жило для себя, не думая и не заботясь о пропагандѣ и о возможности развитія своихъ убѣжденій въ покинутой родинѣ“, каковая „безсознательность“, по мнѣнію издателя, и убила казачество. „Въ то время, продолжаетъ онъ, когда казачество отживало и падало подъ властью самодержавія, является новый представитель свободы, тоже не имѣющій сознанія, но проповѣдывающій и не щадящій ничего для проповѣди.... Мы видимъ въ исторіи великоруссовъ постоянное стремленіе къ независимости, которое поочередно выражалось то вѣчевымъ порядкомъ, то удѣльной особностью, то казачествомъ и, наконецъ, приняло форму раскола“ (стр. IV). Дальше онъ точно и подробно опредѣляетъ, къ чему именно стремится расколъ въ своей оппозиціи правительству. „Мы не можемъ не согласиться, говоритъ онъ, въ справедливости и въ разумности того, что̀ они (раскольники) требуютъ. Мы видимъ въ самомъ существованіи раскола великій залогъ будущаго развитія Россіи.“ Въ расколѣ онъ видитъ именно (съ своей точки зрѣнія) „очень чистыя политическія начала.“ „Эти начала, продолжаетъ онъ, высказаны быть можетъ не ясно, не бросаются въ глаза, *запутаны и затерты въ догматахъ*, но все-таки расколъ держится ихъ и надѣется рано или поздно осуществить“.... „Расколъ не умѣетъ высказать (?), но умѣетъ страдать за слѣдующія желанія: 1) онъ хочетъ полной свободы совѣсти, свободы исповѣданія всѣмъ толкамъ, не стѣсненнаго никакими внѣшни-

Digitized by Google

ми постановленіями.... 2) Онъ считаетъ преступнымъ платить подати (?) на содержаніе чиновничества и вообще правительства.... 3) Расколъ при малѣйшей возможности избѣгаетъ суда у правительства.... 4) Паспортъ, прикрѣпленность къ мѣсту или къ сословію онъ ненавидитъ.... 5) Онъ ненавидитъ всякаго рода полицію", и т. д. (стр. XXVIII—XXIX).

Вотъ какъ издатель *Сборника* и вообще лондонская братія смотрѣли на расколъ и вотъ какія понятія о расколѣ имъ желательно было внушить самимъ старообрядцамъ. Но г. Кельсіевъ не ограничился тѣмъ, что далъ имъ такого рода историческій урокъ; онъ высказываетъ желаніе и питаетъ надежду, что старообрядцы сдѣлаютъ изъ этого урока практическое приложеніе, что они перестанутъ молча страдать и втихомолку жаловаться на правительство, что наконецъ сознательно, самымъ дѣломъ выразятъ свой протестъ противъ него; издатель указываетъ старообрядцамъ и удобнѣйшее къ тому средство, именно въ соединеніи съ лондонской оппозиціей тому же правительству. „Развѣ разумно, говоритъ онъ, ограничиваться одними жалобами, не думая въ тоже время о средствахъ помочь бѣдѣ, о необходимости новаго устройства народнаго быта, при которомъ не было бы *возможности* * повторенія теперешнихъ золъ" (стр. VI)? И потомъ въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Долго ли продолжится такое направленіе, и когда раскольники приведутъ въ порядокъ свои требованія, *будетъ зависѣть отъ ихъ сближенія съ образованнымъ меньшинствомъ, въ которомъ нѣтъ къ нимъ вражды, и у котораго есть много общихъ враговъ съ расколомъ*„ (стр. XL). Весьма любопытно также слѣдующее куріозное замѣчаніе: „за русскимъ правительствомъ есть *другая Россія: образованное меньшинство и раскольники, которыми выражается наше* (?) *общественное мнѣніе* (стр. XXXIV). Господа, признанные въ Лондонѣ за россійское образованное меньшинство, а потомъ у насъ такъ удачно прозванные нигилистами, да еще раскольники—вотъ, по мнѣнію лондонской братіи, истинная Россія, „и вотъ общественное мнѣнье" въ Россіи!...

Мысль о политическомъ, антиправительственномъ значеніи раскола, какъ самой существенной его принадлежности, и о полной въ этомъ отношеніи солидарности раскольниковъ

* Курсивъ въ подлинникѣ.

Digitized by Google

съ образованнымъ меньшинствомъ, ставшимъ подъ знамя г. Герцена, высказана такимъ образомъ довольно ясно и въ предисловіи къ первому выпуску *Сборника*; еще яснѣе выражается она въ предисловіи ко второму выпуску. Вотъ напримѣръ въ какихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ говоритъ издатель о постоянной политической борьбѣ, которую будто бы ведутъ старообрядцы подъ прикрытіемъ своихъ религіозныхъ стремленій, въ сущности неимѣющихъ никакого значенія. „Вѣра, болѣе всего остальнаго доступная народу, служитъ ему *предлогомъ* вести чисто-политическую борьбу. Самъ онъ этого не сознаетъ и твердо убѣжденъ, что дѣйствуетъ только за вѣру, а между тѣмъ онъ такъ прилагаетъ ея догматы, что подъ ихъ знаменемъ становится чисто борцомъ за свободу, насколько онъ ее понимаетъ. Черниговскіе раскольники и черниговскіе скиты играютъ огромную роль въ исторіи двухъ послѣднихъ вѣковъ. Чтобы увѣриться въ этомъ стоитъ прослѣдить ихъ исторію, хоть по Полному Собранію Законовъ, и припомнить, что отсюда вышелъ Емельянъ Пугачевъ. Черниговскіе старообрядцы разъ уже чуть-чуть не опрокинули императорскую Россію и теперь, въ другой разъ, потрясаютъ ее (!) своимъ бѣло-криницкимъ о. Кирилломъ:—сношенія Бѣлой-Криницы съ Москвой идутъ чрезъ ихъ посады, черезъ Орловскую губернію, заселенную потомками разныхъ бѣглыхъ, и черезъ Тулу, старообрядческій городъ. Изъ Тулы и изъ Москвы идутъ дороги во всѣ старообрядческія мѣста; отъ этихъ двухъ городовъ, какъ отъ центровъ, по всей великой Россіи и по всей Сибири расходятся селенія недовольныхъ настоящимъ правительствомъ. Черниговскіе посады — прибѣжище всѣхъ бѣглыхъ; тамъ идетъ вѣчная глухая война съ правительствомъ, въ каждомъ домѣ потаенные ходы и разнаго рода тайники, полиція на подкупѣ, агенты по всей Россіи“ (стр. VI—VII). А мысль о тѣсномъ родствѣ раскольниковъ, какъ политическихъ дѣятелей, съ „образованнымъ меньшинствомъ“ и желаніе этого послѣдняго соединиться съ ними, чтобы дѣлать общее дѣло, выражены со всей опредѣленностью въ заключительныхъ словахъ предисловія: „Составитель этого *Сборника* почтетъ себя вполнѣ счастливымъ, если изданіемъ двухъ настоящихъ выпусковъ и нѣсколькими словами, сказанными имъ въ защиту раскольниковъ, ему удалось возбудить интересъ нашего меньшинства къ ознакомленію съ раскольника-

Digitized by Google

ми, а въ самихъ раскольникахъ породить мысль, что не всѣ желаютъ имъ зла и не всѣ смотрятъ на нихъ какъ на враговъ; что напротивъ каковы бы ни были вѣрованія русскихъ людей, у всѣхъ насъ есть одно общее дѣло: *дѣло затишенія существующаго правительственнаго произвола возможно болѣе свободными учрежденіями*" *(стр. XVI—XVIII).

Таково существенное содержаніе предисловій къ двумъ первымъ выпускамъ лондонскаго *Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*. Цѣль, съ какою предпринято изданіе этого *Сборника* въ нихъ обозначена довольно ясно; эта цѣль, какъ мы сказали, состояла именно въ привлеченіи старообрядцевъ къ совокупному дѣйствованію съ лондонскими агитаторами, въ утвержденіи между тѣми и другими тѣсной связи и живыхъ сношеній, при помощи постепеннаго разъясненія старообрядцамъ мнимой законности ихъ враждебныхъ отношеній къ русскому правительству, великой будто бы важности ихъ политическихъ, доселѣ мало сознаваемыхъ ими, стремленій и глубокой симпатіи къ этимъ ихъ стремленіямъ и къ нимъ самимъ всего „образованнаго русскаго меньшинства", главные представители и вожди котораго основали себѣ пребываніе въ Лондонѣ. Въ послѣдствіи, когда обстоятельства казались Лондонцамъ особенно важными и благопріятными для ихъ дѣятельности, они признали недостаточнымъ для этой цѣли одного только изданія *Сборниковъ*. Съ половины 1862 года, когда именно настала для Россіи извѣстная тревожная пора, начали они издавать, въ видѣ приложеній къ *Колоколу*, особые листы подъ названіемъ *Общее вѣче*, назначенные исключительно для старообрядцевъ и простаго народа. Въ *Общемъ вѣчѣ*, которое издавалось по программѣ, начертанной г. Кельсіевымъ, но, за его отсутствіемъ, подъ главной редакціей г. Огарева, уже гораздо рѣшительнѣе и непринужденнѣе, нежели въ предисловіяхъ къ *Сборнику*, развивались, въ видѣ уроковъ политической мудрости старообрядцамъ, крайнія соціалистическія и революціонныя идеи; здѣсь производились въ духѣ тѣхъ же идей обозрѣнія современныхъ событій и старообрядцы призывались къ дѣятельному въ нихъ участію. ** Правда, спустя не

* Курсивъ въ подлинникѣ.

** Объ одной изъ статей такого рода М. П. Погодинъ писалъ г. Герцену: „я прочелъ у васъ посланіе къ поповцамъ: ну можетъ ли быть

Digitized by Google

болѣе года, когда, къ великому огорченію Лондонцевъ, старообрядцы не оправдали ихъ надеждъ и заявили себя рѣшительными противниками всякаго революціоннаго движенія, *Общее Вѣче* нѣсколько измѣнило свой характеръ: благодушно-наставническій тонъ и отечески-нѣжная внимательность къ старообрядцамъ уступили мѣсто жалобамъ на ихъ недальновидность и худо скрываемому недовольству ихъ поведеніемъ; но въ первое время эти листки имѣли тотъ же, только яснѣе выражаемый, характеръ и ту же самую цѣль, которыя мы указали въ *Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*. *

что-нибудь глупѣе, невѣжественнѣе и нелѣпѣе?" (*Русскій. л.* 9, стр. 141.) Въ письмѣ къ самому г-ну Герцену такой отзывъ нельзя, конечно, не признать весьма откровеннымъ, но тѣмъ не менѣе онъ совершенно справедливъ.

* Желающіе нѣсколько ближе познакомиться съ *Общимъ Вѣчемъ* могутъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія объ немъ изъ напечатанной въ *Русск. Вѣст.* 1862 г. (№ 9, стр. 325) статьи подъ заглавіемъ: *Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ*. Въ 1863 году въ Лондонѣ было еще перепечатано *Собраніе постановленій по части раскола*, напечатанное въ Петербургѣ въ 1858 г., по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ. Лондонское изданіе снабжено коротенькимъ предисловіемъ, какъ по всему видно, работы того же г-на Кельсіева. Здѣсь повторяются прежнія назиданія старообрядцамъ, какъ напримѣръ, что изъ книги *Постановленій* „они узнаютъ, какъ постоянно хитро правительство ихъ преслѣдовало", что правительство „свободы вѣры и богослуженія имъ никогда не дастъ и преслѣдованій никогда не прекратитъ", что эту свободу „только *сила* можетъ *взять*", что „дѣйствительная и дѣятельная сила" получится тогда, когда всѣ толки соединятся во имя свободы вѣры, и т. п. Упомянемъ еще объ одной книжкѣ, изданной обществомъ Герцена также въ видахъ служенія расколу: мы разумѣемъ напечатанное въ 1865 г. *Исповѣданіе Молоканово*. Справедливый отзывъ объ этомъ мнимо-молоканскомъ исповѣданіи сдѣлалъ г. Погодинъ въ письмѣ къ г. Герцену: „Перелистовалъ присланное вами *Исповѣданіе Молоканово*. Ну, дадутся же они диву, узнавъ изъ этой книжки свое ученіе, не въ примѣръ Мольерову мѣщанину, провѣдавшему нечаянно, что онъ всю жизнь свою говорилъ прозой, самъ не сознавая того. Что это такое? Какой-то катихизисъ домашняго рукодѣлья, съ подкладкой французской энциклопедіи подъ полами и Гегелевой философіи въ рукавахъ, — кощунство семинариста, который научился шулеровски пе-

Digitized by Google

Итакъ, обитавшіе въ Лондонѣ русскіе выходцы посредствомъ названныхъ нами изданій „вольной русской типографіи“ хотѣли въ извѣстныхъ видахъ проложить путь къ сближенію съ старообрядцами, къ открытію дѣйствительныхъ, живыхъ съ ними сношеній. Что же? Была ли достигнута эта цѣль? Удалось ли имъ открыть эти сношенія? Какъ они происходили и къ какимъ привели послѣдствіямъ?

XI.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда въ нѣкоторыхъ, журналахъ, подъ защитой цензурныхъ одобреній и подъ легкимъ покровомъ иносказанія, ревностно проповѣдывались разрушительныя идеи, когда и въ обществѣ и въ литературѣ такъ замѣтно было вліяніе незадолго передъ тѣмъ явившагося на свѣтъ и усердно читавшагося *Колокола*, нашлось и между московскими старообрядцами нѣсколько личностей, которыя вслѣдъ за другими увлекались современнымъ направленіемъ. Люди, считавшіе себя передовыми въ своемъ обществѣ, и дѣйствительно умные и любознательные, но не получившіе образованія, они читали съ жадностью все, что печаталось наиболѣе либеральнаго въ томъ или другомъ отношеніи, и особенно эти запретные лондонскіе листы, которые какими-то тайными путями проникали во всѣ углы россійскаго государства и которымъ самая ихъ таинственность и запретность придавали особенную обаятельную силу. Къ удивленію, эти личности умѣли какъ-то совмѣстить крайній либерализмъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи съ своими старообрядскими убѣжденіями, и почитая Герцена врагомъ религіи вообще и православія въ особенности, въ то же время готовы были видѣть въ немъ покровителя раскольничьей „древлеправославной вѣры“. Между ними возникала уже мысль — въ интересахъ раскола открыть сношенія съ издателемъ *Колокола*, отдать подъ его охрану и защиту непри-

---

редергивать текстами. И кого хочетъ онъ опоить своимъ дурманомъ, которому, ясно, что самъ не вѣритъ ни на грошъ? Изъ настоящихъ Молокановъ никто и къ губамъ его напитка не поднесетъ. Какую цѣль имѣлъ сочинитель? Недостойная, омерзительная игра!“ (*Русскій*. 1867 г., *л.* 9, стр. 144.)

Digitized by Google

знанныя права русскаго старообрядчества. На содѣйствіе общества старообрядцевъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія ни о Герценѣ, ни объ его изданіяхъ, въ этомъ случаѣ они вовсе не разчитывали, да и не считали нужнымъ къ нему обращаться; дѣло, по ихъ мнѣнію, можно было бы устроить съ помощію однихъ только вліятельныхъ въ старообрядчествѣ людей, и особенно еслибъ нашелся предпріимчивый и способный человѣкъ между лицами высшаго раскольничьяго духовенства, который рѣшился бы принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Къ ихъ удовольствію, такой человѣкъ дѣйствительно нашелся.

Въ концѣ 1857 года, по желанію Антонія, именовавшагося въ то время епископомъ владимірскимъ и управлявшаго „общими іерархическими дѣлами“ у старообрядцевъ, пріѣхалъ въ Москву бывшій бѣлокриницкій архидіаконъ Пафнутій, котораго Антоній вскорѣ поставилъ во священники, а потомъ, въ сентябрѣ 1858 г., возвелъ и въ санъ епископа на Коломенскую епархію. Человѣкъ весьма даровитый, съ обширною начитанностью, съ замѣчательнымъ даромъ слова и рѣшительнымъ, энергическимъ характеромъ, Пафнутій стоялъ несравненно выше Антонія со всѣмъ подчиненнымъ ему раскольничьимъ духовенствомъ, и потому скоро пріобрѣлъ сильное вліяніе въ старообрядческомъ обществѣ и въ управленіи церковными дѣлами старообрядцевъ. Кругъ его почитателей былъ весьма обширенъ и разнообразенъ; но особеннымъ уваженіемъ пользовался онъ между лицами, которыя по своему положенію въ обществѣ, или по своимъ занятіямъ и личнымъ наклонностямъ, принимали живое участіе въ судьбахъ старообрядчества. Для нихъ появленіе между невѣжественнымъ раскольничьимъ духовенствомъ молодаго даровитаго епископа служило какъ бы залогомъ процвѣтанія и будущихъ успѣховъ самаго раскола. Нѣкоторые изъ этихъ людей сдѣлались постоянными собесѣдниками, помощниками и интимными друзьями Пафнутія. Къ числу послѣднихъ принадлежали и тѣ „передовые“, которые въ своемъ увлеченіи современностью, не прочь были отдать и дѣло раскола подъ защиту лондонскаго покровителя всѣхъ угнетенныхъ на Руси. Если съ кѣмъ, думали они, можно вести рѣчь объ открытіи сношеній съ Лондономъ, то именно съ такимъ человѣкомъ какъ Пафнутій, и въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ, дѣйствительно, заводилась объ этомъ рѣчь. Пафнутій не

Digitized by Google

имѣлъ тогда надлежащаго понятія о г-нѣ Герценѣ и его твореніяхъ, потому и рѣшительнаго согласія съ планами друзей своихъ выразить не могъ; но, съ другой стороны, вполнѣ довѣряя этимъ друзьямъ, не видѣлъ основанія и рѣшительно имъ отказывать. Ихъ разговоры о Герценѣ и Лондонцахъ, конечно, и остались бы одними разговорами, еслибъ нѣкоторыя обстоятельства не сообщили этимъ толкамъ болѣе серіозный и рѣшительный характеръ.

Когда въ Москвѣ появились старообрядческіе архіереи австрійскаго поставленія и образовалась цѣлая духовная іерархія, со всѣми ея чинами, тогда естественнымъ образомъ въ руки духовенства должно было перейдти и управленіе церковными дѣлами у старообрядцевъ, а вліяніе, какимъ въ прежне время, при бѣглыхъ попахъ, пользовались въ этомъ отношеніи попечители Рогожскаго кладбища и вмѣстѣ съ ними почетные члены старообрядческаго общества, должно было въ значительной степени утратить свою силу. При Софроніѣ, который занятъ былъ исключительно собираніемъ доходовъ съ поставляемыхъ и поставленныхъ имъ раскольничьихъ поповъ, это ослабленіе власти рогожскихъ попечителей не было замѣтно; но какъ скоро Антоній вызвалъ въ помощники къ себѣ Пафнутія и этотъ послѣдній началъ вводить надлежащій порядокъ въ управленіи старообрядческими церковными дѣлами, сосредоточивая его въ рукахъ высшей духовной власти, попечители съ ихъ приближенными почувствовали, что прежнему ихъ вліянію и значенію въ старообрядчествѣ угрожаетъ серіозная опасность. И такъ какъ съ сохраненіемъ этого вліянія были тѣсно связаны ихъ личные интересы, то они рѣшились принять мѣры къ устраненію угрожавшей опасности, — именно задумали возстановить старые порядки, попрежнему завести на Рогожскомъ кладбищѣ бѣглыхъ поповъ. Во главѣ этой партіи, изъ которой образовалась потомъ существующая нынѣ партія „раздорниковъ“, стояли московскіе купцы В—въ, М—въ и В—евъ. Они положили общимъ совѣтомъ подать на Высочайшее имя прошеніе о дозволеніи старообрядцамъ имѣть у себя бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, на основаніяхъ, изложенныхъ въ указѣ блаженной памяти императора Александра I, изданномъ 16-го августа 1822 года. Въ концѣ 1858 года, В — ъ съ товарищи отправился въ Петербургъ, чтобы развѣдать предварительно,

Digitized by Google

можно ли начинать дѣло и какъ нужно вести его. Тамъ нашлись люди, которые брались хлопотать по его дѣлу и ручались за его несомнѣнный успѣхъ, подъ тѣмъ, конечно, условіемъ, если хлопоты будутъ вознаграждены приличнымъ образомъ, именно, назначена была сумма не менѣе 200.000 руб. сер. Жертвовать такою суммой изъ собственныхъ капиталовъ, попечители, разумѣется, не имѣли и помышленія. Взять столько денегъ изъ общественной рогожской казны также не представлялось возможности, да не было и нужды: они смѣло разчитывали на богатую казну одной извѣстной старообрядческой благотворительницы, женщины справедливо пользующейся великимъ уваженіемъ въ обществѣ московскихъ старообрядцевъ. Изъ этой казны поступили самыя большія пожертвованія на хлопоты по учрежденію бѣлокриницкой іерархіи; она и теперь открыта была для поддержки каждаго предпріятія, клонившагося къ пользѣ старообрядчества, что попечителемъ рогожскаго кладбища было извѣстно лучше, нежели кому-либо другому. Смѣло разчитывая на капиталы почтенной благотворительницы, они изъявили своимъ петербургскимъ покровителямъ полную готовность уплатить назначенную имъ сумму за устроеніе ихъ дѣла; они даже назначили опредѣленное время, когда явятся въ Петербургъ съ деньгами и прошеніемъ, скрѣпленнымъ подписями почетнѣйшихъ лицъ изъ старообрядческаго общества.

Возвратившись въ Москву, они принялись за дѣло съ крайней осторожностью, чтобъ Антоній съ Пафнутіемъ не провѣдали ихъ замысловъ. Благотворительницѣ успѣли представить дѣло съ самой благовидной стороны, прибавивъ къ ея успокоенію, что оно предпринято по благословенію епископовъ Антонія и Пафнутія, отъ которыхъ, дозволенные правительствомъ, бѣглые священники будутъ находиться въ совершенной зависимости. Подъ этимъ условіемъ деньги были обѣщаны въ количествѣ 250.000 руб. сер., каковое количество именно назначено было В—мъ. Осторожно собирались и подписи подъ прошеніемъ отъ лицъ болѣе или менѣе единомышленныхъ партіи В—ва, каковыхъ успѣли найдти семнадцать человѣкъ. Но сохранить тайну имъ все-таки не удалось; одинъ изъ подписавшихся, Ѳ. Я. С—въ, мучимый совѣстію, за измѣну своимъ духовнымъ отцамъ, пріѣхалъ къ Пафнутію и по секрету сообщилъ ему о предпріятіи В—ва съ товарищами. Пафнутій, съ свойственной ему энергіей, при-

Digitized by Google

нялся за разрушеніе плановъ В—ва. Немедленно отправился онъ къ благотворительницѣ, домъ которой для него открытъ былъ во всякое время и гдѣ всегда его встрѣчали съ радушіемъ и почетомъ. „На ваши деньги, строго сказалъ онъ ей, была основана бѣлокриницкая іерархія; вашими же деньгами теперь хотятъ ее и уничтожить.“ Съ горькими слезами отвѣчала ему изумленная хозяйка, что у ней и въ мысли не было такого нечестиваго намѣренія, что напротивъ она думала оказать этой іерархіи новую услугу, помогая дѣлу, на которое и онъ вмѣстѣ съ Антоніемъ далъ свое благословеніе. И когда Пафнутій объяснилъ ей, какъ хотѣли ее сдѣлать жертвой обмана, то крайне огорченная и обиженная женщина у него же просила совѣта, что ей дѣлать съ этими людьми, такъ недобросовѣстно съ ней поступившими. Пафнутій посовѣтовалъ при свиданіи съ В—вымъ не показывать и вида, что его козни сдѣлались извѣстны и не отказываться отъ обѣщанія дать деньги, но не выдавать ихъ дотолѣ, пока онъ не представитъ ей письменнаго удостовѣренія въ томъ, что Антоній и Пафнутій дѣйствительно уполномочили его хлопотать въ Петербургѣ по предположенному дѣлу. Скоро явился и В—въ за деньгами. Ему отвѣчали, что деньги будутъ выданы какъ скоро онъ представитъ удостовѣреніе, что Антоній съ Пафнутіемъ согласны на его предпріятіе. В—въ обѣщалъ непремѣнно доставить это удостовѣреніе; только просилъ немедленно выдать ему деньги, такъ какъ нужно было поспѣшать въ Петербургъ къ назначенному сроку, чтобы въ противномъ случаѣ совсѣмъ не разстроилось столь важное для старообрядчества дѣло. Но всѣ его моленія теперь были тщетны и ему пришлось отправиться въ Петербургъ съ однимъ прошеніемъ.

Такимъ образомъ Пафнутій успѣлъ во время разстроить планъ противной партіи въ самомъ главномъ обстоятельствѣ, на которомъ собственно разчитанъ былъ весь его успѣхъ. Но недовольствуясь этимъ, онъ рѣшился вести открытую борьбу съ противниками на томъ же самомъ поприщѣ, которое избрали они. Между лицами, близкими къ Пафнутію, и прежде заходила рѣчь, что въ нынѣшнее кроткое и милостивое царствованіе благовременно было бы похлопотать объ испрошеніи существующему у старообрядцевъ, такъ-называемому австрійскому священству, законнаго признанія и огражденія на тѣхъ же правахъ, на какихъ существуютъ въ

Digitized by Google

Россіи церкви и духовенство разныхъ иновѣрныхъ исповѣданій. Теперь, когда враждебная партія начинала дѣло грозившее совершеннымъ уничтоженіемъ бѣлокриницкаго священства, была, по мнѣнію Пафнутія, самая удобная пора сдѣлать такого рода попытку, и просьбѣ о дозволеніи имѣть старообрядцамъ бѣглыхъ священниковъ, подписанной семнадцатью членами старообрядческаго общества, противопоставить другое прошеніе — о признаніи уже существующаго старообрядческаго духовенства, и за подписью не десятка, а нѣсколькихъ сотенъ старообрядцевъ. Объяснивъ Антонію сущность дѣла и получивъ отъ него полномочіе дѣйствовать, Пафнутій съ своими друзьями принялся за хлопоты. Нужно было прежде всего поискуснѣе составить прошеніе. По просьбѣ одного изъ вліятельныхъ старообрядцевъ, имѣвшаго связи съ московскими литераторами, одинъ изъ этихъ послѣднихъ, пользующійся заслуженнымъ уваженіемъ особенно въ купеческомъ обществѣ, принялъ на себя трудъ составить прошеніе. Въ то же время по всей Москвѣ разосланы были къ старообрядцамъ приглашенія явиться въ извѣстный домъ и къ извѣстному времени на общее собраніе по весьма важному дѣлу. На это собраніе явилось не менѣе ста человѣкъ. Пафнутій открылъ его рѣчью, въ которой объяснилъ важность и настоятельную нужду предпринимаемаго дѣла. Потомъ читано было и составленное уже прошеніе, которое Пафнутій также объяснялъ пунктъ за пунктомъ. Всѣ изъявили согласіе подписать прошеніе; подписи собирались также и по домамъ, такъ что всѣхъ подписавшихся насчиталось не менѣе трехъ сотъ человѣкъ. Наконецъ прошеніе вручено было тремъ избраннымъ лицамъ, Б—ву, Г—ну и Б—ву, которые и отправились съ нимъ въ Петербургъ. Это было вскорѣ послѣ того, какъ туда же поѣхалъ съ своимъ прошеніемъ В—въ.

Въ Петербургѣ, В—ва поджидали уже въ назначенномъ мѣстѣ и къ назначенному времени; собралось даже небольтое дружеское общество, чтобы приличнымъ образомъ отпраздновать свиданіе съ интереснымъ просителемъ. Проситель явился, хотя нѣсколько смущенный. Съ нимъ объяснялась собственно хозяйка гостепріимнаго дома (впрочемъ, надобно полагать, неимѣвшая собственнаго семейства) и когда на главный вопросъ о деньгахъ, получила отвѣтъ, что онѣ непремѣнно *будутъ* доставлены, то съ понятнымъ неговані-

Digitized by Google

емъ выпроводила вонъ злополучнаго просителя, какъ человѣка, не имѣющаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ порядочными людьми. Несмотря на такое чувствительное пораженіе В—въ все-таки рѣшился подать просьбу и нашелъ къ тому случай. Тогда же подалъ прошеніе и Б—въ съ товарищами. Случилось даже, что эти послѣдніе встрѣтились съ В—вымъ, который былъ крайне изумленъ такою неожиданною встрѣчей и тогда же догадался, что въ Москвѣ его затѣи обнаружены и вызвали противодѣйствіе. Отвѣтъ на оба прошенія послѣдовалъ спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ ихъ подачи: В—ву былъ объявленъ чрезъ полицію рѣшительный отказъ на его просьбу, съ строгимъ замѣчаніемъ, чтобы впредь не смѣлъ безпокоить правительство подобными просьбами. Не болѣе удачно кончилось и дѣло, начатое по мысли Пафнутія: хотя безъ особеннаго замѣчанія, но все-таки на просьбу о признаніи правъ старообрядческаго бѣлокриницкаго духовенства послѣдовалъ рѣшительный отказъ.

Для Пафнутіева общества эта неудачная попытка имѣла немаловажное значеніе. Она показала, что получить отъ правительства законное обезпеченіе старообрядчеству съ его самостоятельною іерархіей нѣтъ никакой надежды и что нужно поискать иныхъ способовъ къ упроченію и будущему процвѣтанію раскола. Тогда-то снова и съ большею серіозностью возобновились бесѣды объ открытіи сношеній съ Лондономъ; тогда явилась даже мысль объ основаніи въ Лондонѣ старообрядческой церкви, училища для образованія будущихъ миссіонеровъ старообрядчества и типографіи для печатанія раскольничьихъ сочиненій.

Между тѣмъ послѣ исторіи съ прошеніемъ, кончившейся такъ несчастно для в—ской партіи, отношенія этой послѣдней къ находившимся въ Москвѣ старообрядческимъ епископамъ сдѣлались еще хуже. Она вступила съ этого времени въ открытую съ ними борьбу, и преимущественно съ Антоніемъ, который своимъ характеромъ и образомъ дѣйствій давалъ нерѣдко законные поводы къ обвиненіямъ противъ него. Затѣмъ возникли большія неудовольствія между самими епископами также по поводу разныхъ незаконныхъ поступковъ и распоряженій Антонія, противъ которыхъ Пафнутій, въ интересахъ старообрядчества, возставалъ всѣми

Digitized by Google

зависѣвшими отъ него способами. * Вообще дѣла у московскихъ старообрядцевъ и въ новой ихъ іерархіи разстроились до того, что для приведенія ихъ въ порядокъ признано было нужнымъ обратиться за пособіемъ даже въ Бѣлую Криницу. По сему случаю Пафнутій казанскій, принимавшій живое участіе и въ тогдашнихъ событіяхъ, убѣдилъ отправиться за границу самого Пафнутія коломенскаго, который въ это время отказался даже отъ своихъ епископскихъ занятій. Его друзья, въ особенности двое изъ нихъ, А. Б—въ и А. С—въ, были очень рады этой предполагаемой поѣздкѣ, какъ удобному случаю открыть сношенія съ Герценомъ и другими русскими выходцами. Пафнутій долженъ былъ, по ихъ плану, изъ Яссъ отправить къ этимъ выходцамъ первыя письма и такъ условиться насчетъ будущихъ сношеній, чтобы постоянная корреспонденція съ Лондономъ шла именно черезъ Яссы при посредствѣ тамошнихъ старообрядцевъ, съ которыми также надлежало войдти въ соглашеніе по этому дѣлу. Въ первыхъ числахъ марта 1861 года Пафнутій дѣйствительно отправился за границу, снабженный нѣсколькими адресами для открытія предположенной корреспонденціи. Но поѣздка его за границу на этотъ разъ была неудачна: въ Яссахъ ему некогда было и подумать объ учрежденіи удобныхъ сношеній съ Лондономъ; здѣсь на него и тогдашняго браиловскаго епископа Онуфрія, который по довѣренности Кирилла ѣхалъ съ нимъ въ Москву для устроенія старообрядческихъ дѣлъ, произвелъ нападеніе мануиловскій архимандритъ Варсонофій, успѣвшій склонить на свою сторону и ясскихъ старообрядцевъ, такъ что Пафнутій принужденъ былъ, бросивъ свои вещи, тайкомъ уѣхать изъ Яссъ. ** Изъ бстоятельствъ этой поѣздки здѣсь сто-

---

* Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ неудовольствіяхъ мы сообщили въ статьѣ: „Присоединеніе къ православію раскольническихъ епископовъ". См. *Русск. Вѣст.* 1865 г., № 12, стр. 614—615.

** Варсонофій наговорилъ ясскимъ раскольникамъ, будто довѣрительная грамота и прочія бумаги, съ которыми ѣхалъ Онуфрій, фальшивыя и подписи на нихъ поддѣланы Пафнутіемъ, хотя самъ же подъ ними подписался. Вотъ что писалъ по этому случаю Аркадій Славскій въ Москву: „Варсонофій со всѣмъ семействомъ (то-есть братствомъ) подписалъ (бумаги). Потомъ вниде въ онь сатана,— бросился къ старику (Кириллу) и сколько было его силъ старался развратить его и взялъ отъ него бумагу, чтобы арестовать Пару-

Digitized by Google

итъ упомянуть только о свиданіи Пафнутія съ Аркадіемъ славскимъ. Аркадій въ это время, какъ извѣстно уже читателямъ, занятъ былъ мыслію о возвращеніи въ Россію: объ этомъ-то предметѣ и велъ онъ откровенную бесѣду съ Пафнутіемъ, желая знать его мнѣніе о томъ, возможно ли подобное предпріятіе и какъ его устроить. Пафнутій одобрялъ намѣреніе Аркадія, но совѣтовалъ дѣло вести открытымъ, законнымъ путемъ,—обратиться непосредственно къ русскому правительству и предложить ему при этомъ нѣкоторыя условія, обезпечивающія не только личную безопасность самого Аркадія, но отчасти и права его какъ старообрядческаго епископа, что̀ имѣло бы весьма важное значеніе и для всего старообрядческаго духовенства въ Россіи. Пафнутій полагалъ, что переходъ въ Россію столь извѣстнаго и тогда еще уважаемаго въ старообрядческомъ мірѣ лица, какъ епископъ славскій, будетъ дозволенъ русскимъ правительствомъ съ большимъ удовольствіемъ и что даже предложенными условіями не станутъ при этомъ много затрудняться. О подробностяхъ относительно осуществленія этого плана Аркадій велъ потомъ довольно живую переписку съ Пафнутіемъ, когда этотъ послѣдній возвратился въ Россію изъ своей первой, неудачной поѣздки заграницу. *

Но первая неудача не остановила Пафнутія; напротивъ, однажды рѣшившись на открытіе сношеній съ Лондономъ, онъ не хотѣлъ уже, по самой своей натурѣ, отказываться отъ принятаго имъ рѣшенія. Московскія событія только

сова (Онуфрія) и Коломенскаго. Съѣхались всѣ въ Яссахъ. Ясскіе повѣрили старику, который проситъ ихъ помочи, будто Коломенскій подписалъ всѣхъ членовъ своимъ умысломъ. Ясскіе дали помочи и безчестили сказанныхъ пословъ, обыскивали, даже разували. Чемоданъ ножемъ разрѣзали; тщательно искали оныхъ документовъ, но найдти не могли. У Коломенскаго отобрали паспортъ и денегъ 700 р. сер.; но онъ не нуждался ими, выѣхалъ куда слѣдуетъ.... Причина сему, говорятъ, что его (Варсонофія) не отрядили въ посольство." (Пис. отъ 27-го іюня 1861 г.)

* О томъ, какъ удобнѣе устроить это дѣло, Пафнутій совѣтовался въ Москвѣ между прочимъ и съ упомянутымъ выше литераторомъ, съ которымъ имѣлъ по сему случаю личное свиданіе. Въ дѣлѣ о переходѣ Аркадія въ Россію принимало тогда участіе и одно высокопоставленное лицо, содѣйствіе котораго могло дѣйствительно обезпечить успѣхъ предпріятія.

Digitized by Google

поддерживали въ немъ эту рѣшимость: здѣсь по прежнему шла безурядица въ старообрядческихъ дѣлахъ, на которую ему противно было смотрѣть и которая невольно приводила къ мысли, что для спасенія и оживленія старообрядчества, потрясаемаго этою неурядицей, необходимы какія-либо чрезвычайныя средства, въ родѣ тѣхъ, основаніе которымъ предполагалось положить въ Лондонѣ. Совершенно свободная старообрядческая епископія, съ каѳедральнымъ при ней соборомъ, съ училищемъ и типографіей,—однимъ словомъ, правильно и разумно устроенный разсадникъ будущихъ пастырей и проповѣдниковъ старообрядчества, — вотъ что представлялось тогда Пафнутію вожделѣннымъ средствомъ привести расколъ въ твердое и цвѣтущее положеніе. Тѣ „передовые“ старообрядцы, которые и прежде мечтали о врученіи раскола подъ защиту г. Герцена, были въ восторгѣ отъ этихъ плановъ и тѣмъ больше обѣщали имъ успѣха, что въ то время изданіемъ первой книжки *Сборника* лондонское братство заявило уже о своемъ полномъ сочувствіи старообрядцамъ и само вызывало ихъ на братскій союзъ. Со стороны матеріальныхъ средствъ на осуществленіе своихъ плановъ, какъ бы широки они ни были, Пафнутій не предвидѣлъ затрудненій: та благотворительная казна, о которой упомянули мы выше, была для него всегда открыта, и на дѣла „богоугодныя“, клонившіяся къ пользамъ старообрядчества, ему предоставленъ былъ неограниченный кредитъ. Все это расположило Пафнутія ѣхать вторично заграницу, уже главнымъ образомъ съ тою цѣлію, чтобы лично войдти въ сношенія съ русскими выходцами. У него имѣлся выправленный въ Кагулѣ во время послѣдней поѣздки паспортъ на имя кагульскаго первой гильдіи купца, Поликарпа Петрова (мірское имя Пафнутія): по этому паспорту ему выдали въ Петербургѣ новый, заграничный, съ которымъ въ ноябрѣ 1861 года и отправился онъ въ путь.

Черезъ Берлинъ и Парижъ, безъ особенныхъ затрудненій и приключеній, Пафнутій добрался до Лондона. Оставалось теперь представиться оракулу, къ которому въ былое и такъ еще недавнее время являлась на поклоненіе чуть не вся путешествовавшая россійская молодежь. Но прежде чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, надлежало подумать какъ его сдѣлать и какъ вообще повести дѣло съ лондонскимъ обществомъ русскихъ эмигрантовъ. Относительно

Digitized by Google

этого, Пафнутій имѣлъ уже готовый планъ. Онъ вовсе не раздѣлялъ того увлеченія герценизмомъ, какимъ объяты были нѣкоторые изъ его московскихъ пріятелей, готовые безъ дальнихъ разсужденій отдать себя подъ руководство издателей *Колокола* и *Сборника*. Напротивъ, если гдѣ, то именно въ настоящемъ случаѣ, отъ котораго могла зависѣть будущая судьба старообрядчества, въ сношеніяхъ съ такими лицами какъ лондонское братство, онъ считалъ необходимымъ вести дѣло съ крайнею осмотрительностію. О г-нѣ Герценѣ, его убѣжденіяхъ и планахъ, какъ мы уже говорили, онъ имѣлъ довольно скудныя свѣдѣнія; изъ разказовъ пріятелей ему было извѣстно только, что будто бы это человѣкъ необычайнаго ума, съ огромною ученостію, въ высшей степени благородный и который въ Россіи имѣетъ весьма многочисленный кругъ почитателей; что произволъ и злоупотребленія власти заставили его покинуть отечество и подъ защитой свободныхъ англійскихъ учрежденій провозгласить себя врагомъ всякаго деспотизма и спеціальнымъ защитникомъ политическихъ и религіозныхъ правъ русскаго народа, что въ этомъ-то званіи онъ и принимаетъ подъ свою защиту гонимое русское старообрядчество. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ и каковы именно политическія и религіозныя убѣжденія г. Герцена, объ этомъ Пафнутій не имѣлъ надлежащаго понятія и это прежде всего онъ намѣренъ былъ узнать посредствомъ личныхъ сношеній съ Герценомъ и его агентами, чтобы видѣть, есть ли дѣйствительно какіе-либо пункты соприкосновенія между ними и старообрядчествомъ, и возможна ли между тѣми и другимъ тѣсная связь для осуществленія задуманныхъ въ Москвѣ плановъ. Что касается этихъ плановъ, то Пафнутій не считалъ нужнымъ скрывать ихъ; напротивъ, откровенностію въ этомъ отношеніи надѣялся вызвать на бо́льшую откровенность и своихъ будущихъ собесѣдниковъ. Эти планы онъ, конечно, не намѣренъ былъ выдавать какъ что-либо окончательно рѣшенное, хотя, съ другой стороны, считалъ не лишнимъ сообщить, что за возможность ихъ осуществленія онъ можетъ поручиться и что дѣло это вообще во многомъ зависитъ отъ него, такъ какъ онъ уполномоченъ старообрядцами войдти на этотъ счетъ въ сношеніе съ Лондонцами. Но свое званіе, дѣйствительное положеніе въ старообрядчествѣ, онъ во всякомъ случаѣ намѣренъ былъ скрыть, выдавать же себя просто за старообрядца,

Digitized by Google

Поликарпа Петрова, кагульскаго первой гильдіи купца, какъ значилось и въ его паспортѣ.

Остановившись въ одномъ изъ лучшихъ лондонскихъ отелей, Пафнутій, съ помощію нанятаго переводчика, отправился прежде всего отыскивать „вольную русскую типографію“ въ надеждѣ получить тамъ нужныя ему свѣдѣнія о лицахъ, съ которыми желалъ видѣться. Отсюда его послали въ книжный магазинъ Поляка Стхоржевскаго. Этому послѣднему Пафнутій объяснилъ, что онъ старообрядецъ, только-что пріѣхавшій изъ Россіи, что здѣсь, въ Лондонѣ, хотѣлось бы ему напечатать нѣкоторыя старообрядческія книги и потому онъ желалъ бы повидаться съ содержателемъ русской типографіи г-мъ Герценомъ. Стхоржевскій, одинъ изъ интимныхъ членовъ герценскаго братства, принялъ Пафнутія весьма предупредительно, разспросилъ, гдѣ остановился, какъ устроился, давалъ совѣты относительно жизни въ Лондонѣ и выразилъ полную готовность устроить его свиданіе съ содержателемъ „вольной русской типографіи“.

Интересную новость о пріѣздѣ русскаго старообрядца въ Лондонъ для печатанія книгъ Стхоржевскій передалъ кому слѣдовало наискорѣйшимъ образомъ. Новость была дѣйствительно интересна и неожиданна. Итакъ, мечты о сближеніи со старообрядцами начинаютъ сбываться,—сочувственныя слова, обращенныя къ нимъ въ *Сборникѣ* и другихъ изданіяхъ „вольной русской типографіи“, дошли по назначенію,—на призывъ къ братскому союзу стали, наконецъ, откликаться! Все это было въ высшей степени пріятно и заманчиво. Но какъ люди, искушенные житейскимъ опытомъ, лондонскіе друзья поспѣшили нѣсколько умѣрить свои восторги; имъ пришло на мысль: не шпіонъ ли какой-нибудь этотъ новый, такъ неожиданно явившійся гость. Поэтому было рѣшено, прежде чѣмъ ввести его въ общество самаго принципала, подвергнуть предварительному испытанію въ низшихъ инстанціяхъ.

На другой день послѣ свиданія съ Стхоржевскимъ, когда Пафнутій въ общей залѣ бесѣдовалъ съ офицерами стоявшаго въ портѣ русскаго парохода, ему доложили, что нѣкто желаетъ съ нимъ видѣться. Вслѣдъ затѣмъ явился молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ длинными зачесанными назадъ волосами, пріятной и очень скромной наружности: онъ рекомендовалъ себя Васильемъ Ивановичемъ Кельсіе-

Digitized by Google

вымъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Кельсіевъ завелъ рѣчь о дороговизнѣ и неудобствахъ жизни въ отеляхъ, совѣтовалъ Пафнутію нанять отдѣльную квартиру и предложилъ ему на этотъ счетъ свои услуги. Этимъ и кончилось первое свиданіе: Пафнутій не хотѣлъ съ первой же встрѣчи и притомъ въ гостиницѣ вступать съ Кельсіевымъ въ откровенную бесѣду. Узнавъ его адресъ, онъ только обѣщался пріѣхать къ нему на слѣдующій день, что̀ дѣйствительно и исполнилъ. Кельсіевъ жилъ въ небольшой, но довольно удобной квартирѣ; въ томъ же домѣ была свободная, отдававшаяся въ наймы комната, которую онъ совѣтовалъ Пафнутію взять за себя. Помѣщеніе понравилось Пафнутію и представляло то, ничѣмъ не замѣнимое удобство, что живя рядомъ съ Кельсіевымъ, онъ во всякое время могъ пользоваться его обществомъ. Нанять квартиру онъ согласился и въ тотъ же день переѣхалъ изъ гостиницы. Съ этого времени начинаются его близкія отношенія къ Кельсіеву и откровенныя съ нимъ бесѣды.

Въ этихъ бесѣдахъ Пафнутій сообщилъ Кельсіеву о намѣреніи старообрядцевъ основать въ Лондонѣ типографію, училище, также построить соборъ и даже цѣлый старообрядческій монастырь и учредить при немъ архіерейскую каѳедру. Относительно типографіи Кельсіевъ замѣтилъ, что въ ней особенной нужды не имѣется, что къ услугамъ старообрядцевъ готова устроенная Герценомъ типографія, для которой не трудно запастись славянскимъ шрифтомъ. Но мысль объ открытіи старообрядческаго училища и учрежденія архіерейской каѳедры въ Лондонѣ, привела его въ восхищеніе. Онъ старался съ своей стороны разъяснить Пафнутію, сколько удобствъ къ осуществленію ея представляетъ именно Лондонъ; онъ перебиралъ всѣ удобныя мѣста въ городѣ, на которыхъ можно было бы возвести монастырскія зданія, и даже возилъ Пафнутія осматривать одно изъ такихъ мѣстъ, которое обоимъ очень понравилось. Вообще, откровеннымъ изложеніемъ своихъ плановъ Пафнутій заслужилъ полное расположеніе Кельсіева, который даже признался ему, что доселѣ былъ съ нимъ очень остороженъ, изъ опасенія какой-нибудь измѣны съ его стороны, но что теперь готовъ представить его самому Александру Ивановичу. Это было на третьи сутки послѣ перваго ихъ знакомства. Торжественное представленіе было назначено вечеромъ слѣдующаго дня.

Digitized by Google

Замѣтно было, что Герценъ приготовился къ принятію интереснаго старообрядца: кромѣ самыхъ близкихъ людей — Огарева и какого-то Поляка, служащаго при типографіи, цѣлый вечеръ у него не было никого. Гостя принялъ онъ очень радушно, но съ сохраненіемъ подобающей ему важности. Разговоръ, само собою разумѣется, шелъ преимущественно о расколѣ, и главнымъ образомъ объ его отношеніяхъ къ правительству. Герценъ рѣзко порицалъ всѣ правительственныя мѣры противъ раскола и не безъ самоувѣренности предлагалъ принять его подъ свою охрану. Чтобы придать силу своимъ словамъ, онъ распространился о своихъ обширныхъ связяхъ въ Россіи, о своемъ вліяніи въ разныхъ даже правительственныхъ сферахъ и тутъ же кстати сообщилъ, что не дальше какъ въ этотъ самый день получилъ всеподданнѣйшее письмо изъ Польши, въ которомъ его просятъ уступить Полякамъ Малороссію. И это говорилось серіозно! Гостю тогда же не понравилось это самохвальство. Разговоръ перешелъ между прочимъ на событія сороковыхъ годовъ. Пафнутій разказалъ по этому случаю, какъ знаменитый инокъ Алимпій отличался на пражскомъ сеймѣ и на улицахъ города Праги во время происходившаго тамъ возстанія противъ Австрійцевъ. Это извѣстіе было совершенною новостію для Герцена и заинтересовало его въ высшей степени. Раскольничій монахъ держитъ рѣчь на революціонномъ сеймѣ, идетъ на баррикады! Какое въ самомъ дѣлѣ пріятное извѣстіе для людей, ищущихъ революціоннаго элемента въ расколѣ! Одно случайное обстоятельство придало новый интересъ разказу Пафнутія. Не дальше какъ на слѣдующій день послѣ свиданія съ Герценомъ, Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ ему новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ извѣстный своими рѣчами на пражскомъ сеймѣ г. Бакунинъ, бѣжавшій изъ Сибири, что его спрашивали между прочимъ объ Алимпіѣ, что разказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполнѣ и очень радъ повидаться съ знакомымъ своего пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5-го января, въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ *во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи*, тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго

Digitized by Google

Пафнутія: это былъ самъ г. Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣванье священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло по немногу уладилось и знакомство съ новою знаменитостью изъ герценовскаго кружка завязалось. Бакунинъ съ большимъ удовольствіемъ повторилъ свой разказъ объ Алимпіѣ, котораго очень хвалилъ за его отважность. Вскорѣ потомъ онъ составилъ для *Колокола* статью о своихъ похожденіяхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ отца Алимпія. Статью прежде напечатанія показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобы не писали объ этихъ подвигахъ и особенно чтобы не было упоминаемо самое имя Алимпія, особы очень немаловажной въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ ограничились только подстрочнымъ замѣчаніемъ, что на пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ Русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инока. При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева, Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя приготовилъ онъ къ своимъ старымъ друзьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію, онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. „Отецъ Алимпій, такъ писалъ онъ къ этому послѣднему, помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло,“ и т. д. Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ, какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія и вообще не мало смущался болтливостью и неумѣстною откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи.

При первомъ же знакомствѣ съ Пафнутіемъ Кельсіеву не трудно было замѣтить, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не дюжиннаго характера, стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ и неспособнымъ легко подчиняться чьему бы то ни было вліянію, что для сближенія съ этимъ человѣкомъ, столь важнаго въ интересѣ будущихъ сношеній со всѣмъ старообрядчествомъ, необходимо нѣсколько приноровляться къ его понятіямъ и привычкамъ, а не подвергать его насильственному

Digitized by Google

дѣйствію совершенно новой и непривычной для него среды; при всей скудости и превратности своихъ понятій о расколѣ Кельсіевъ понималъ однакоже, что именно не сдѣдовало посвящать Пафнутія во всѣ таинства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что по крайней мѣрѣ нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообрядческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Пафнутія, пока наконецъ этотъ послѣдній самъ не попросилъ оставить такую излишнюю щепетильность. * А для сохраненія въ нѣкоторой тайнѣ отъ него слишкомъ ослѣпительныхъ для старообрядческаго ума новѣйшихъ ученій, признали за лучшее не допускать его до присутствія на дружескихъ собраніяхъ у г. Герцена. Пробывъ болѣе мѣсяца въ Лондонѣ, Пафнутій, дѣйствительно, былъ у Герцена не болѣе четырехъ разъ; Кельсіевъ, не рѣдко ходившій на упомянутыя собранія, отказывался брать его съ собой и при этомъ откровенно сознавался, что тамъ будутъ говорить много такого, что̀ ему не понравится, что „тамъ будетъ богохульство“.

Но Пафнутій, какъ мы сказали, больше всего и желалъ познакомиться именно съ религіозными и политическими убѣжденіями Герцена и его друзей. Осторожность, какую хотѣли они соблюсти въ этомъ отношеніи, только сильнѣе возбуждала его любопытство и заставляла искать случаевъ къ его удовлетворенію. А въ случаяхъ недостатка не было. Драгоцѣннымъ субъектомъ для наблюденія могъ служить

---

* Когда Пафнутій, понявъ наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости часто выходили въ сосѣднюю комнату, попросилъ ихъ не стѣсняясь курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему неудовольствію Кельсіева, захохотавши воскликнулъ: *ну, значитъ, благословилъ!* Онъ, очевидно, издѣвался надъ тѣмъ, какъ Герценъ съ братіей заискивали предъ пріѣзжимъ старообрядцемъ. Однакоже Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ,—онъ замѣтилъ, что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, и иное благословлять, что еслибъ онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ никакой *ереси*.

Digitized by Google

здѣсь вопервыхъ г. Бакунинъ, ни мало не скрывавшій, или не имѣвшій возможности скрыть ни своего коцунства, ни своихъ революціонныхъ стремленій. Затѣмъ довольно случаевъ для наблюденій такого рода открывалось ему при неизбѣжныхъ встрѣчахъ съ разными лицами у Кельсіева и на тѣхъ немногихъ вечерахъ у самого Герцена, на которыхъ пришлось ему присутствовать. При этихъ встрѣчахъ онъ самъ обыкновенно склонялъ рѣчь на вопросы о религіи и искуснымъ образомъ вызывалъ собесѣдниковъ на любопытные для него состязанія, изъ которыхъ и получилъ достаточное понятіе о религіозныхъ убѣжденіяхъ, господствовавшихъ въ обществѣ г-на Герцена. Что же касается политическихъ его убѣжденій, то съ ними старался постепенно знакомить Пафнутія самъ Кельсіевъ, сообщавшій ему для прочтенія нѣкоторыя изданія Герцена, конечно, съ согласія этого послѣдняго. Ему не дали, правда, ни *Полярной Звѣзды*, ни исповѣди *Съ того берега*. Надо полагать, что опасались, какъ бы наивный старообрядецъ не смутился нѣкоторыми изъ сдѣланныхъ тамъ замѣчаній, въ родѣ того, напримѣръ, что апостолъ языковъ, сдѣлавшись Павломъ, принесъ гораздо больше вреда христіанству, нежели когда былъ Савломъ—гонителемъ христіанъ, или что святые отцы не больше какъ „византійскіе растлители ума“, писавшіе разныя „бредни“.... Признали за лучшее дать Пафнутію для чтенія *Колоколъ* и только что отпечатанныя книжки: *Что нужно попъщикамъ? Что нужно духовенству? Что нужно народу?* Эти послѣднія даны были съ особенною цѣлію — узнать объ ихъ мнѣніе гостя, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ русскимъ народнымъ бытомъ. Прочитавъ книжки, Пафнутій пораженъ былъ сколько, съ одной стороны, изумительнымъ невѣжествомъ сочинителей относительно всего, что̀ касалось русскаго народа, полнѣйшимъ непониманіемъ его характера и истинныхъ интересовъ, столько же, съ другой стороны, крайне разрушительными началами, которыми проникнуто все содержаніе книжекъ. Своихъ впечатлѣній онъ не нашелъ нужнымъ скрывать отъ Кельсіева, котораго въ свою очередь не мало удивили и огорчили его замѣчанія. При первой за тѣмъ встрѣчѣ съ Герценомъ, Пафнутій и ему откровенно высказалъ свое мнѣніе объ этихъ назначенныхъ для народа книжкахъ. „Еслибы вы хотѣли, говорилъ онъ, написать что-нибудь съ особеннымъ намѣреніемъ воз-

Digitized by Google

становить противъ себя народъ, то ничего лучше этихъ книжекъ написать не могли: такъ они противны характеру и истиннымъ потребностямъ русскаго народа! И отчего же не составили вы книжки о томъ, что̀ нужно русскому царю? Вы хочете ниспровергнуть весь существующій порядокъ, — а не говорите прямо и рѣшительно, чѣмъ и какъ замѣнить его. Вы хочете напустить на Россію шайку разбойниковъ. Царя не нужно, — можно обойдтись и безъ него! Но ужели вы думаете и въ самомъ дѣлѣ, что безъ царя можетъ существовать Россія, и ужели не знаете, къ чему можетъ привести такая проповѣдь среди русскаго народа, чѣмъ грозитъ она прежде всего самимъ этимъ проповѣдникамъ?“ Говорить все это г-ну Герцену, обличать его въ незнаніи русскаго народа, въ безплодности и опасности его затѣй, это значило нанести ему оскорбленіе въ самыхъ завѣтныхъ его мечтахъ. Чтобы скрыть свою досаду, онъ наклонился и сталъ рѣзать какое то изъ поставленныхъ блюдъ. Но невѣрно направленный ножъ сорвался и до крови поранилъ лѣвую руку. Этотъ случай такъ неожиданно прервавшій бесѣду Пафнутія, послужилъ отвлекающимъ средствомъ: бесѣда о народныхъ книжкахъ больше не возобновлялась; рѣчь обращена была на предметъ болѣе пріятный для собесѣдниковъ, — на отношенія русскаго правительства къ старообрядцамъ. Пафнутія разспрашивали между прочимъ о дѣйствіяхъ полиціи въ Черниговскихъ слободахъ. Онъ отвѣчалъ съ полною откровенностью, съ негодованіемъ описывалъ, какъ въ былое время (отрадно думать, что оно дѣйствительно былое) всякій будочникъ, не говоря уже о начальствахъ болѣе высокаго ранга, смѣло шелъ тамъ въ старообрядческій домъ и бралъ первую попавшую на глаза старую книгу или иную драгоцѣнную для старообрядца вещь, съ единственною цѣлію получить за нее отъ самого же владѣльца потребное вознагражденіе, и какъ подобнымъ самоуправствомъ, отъ котораго не видѣли защиты, только сильнѣе возбуждались въ старообрядцахъ негодованіе противъ мѣстныхъ властей, вражда къ церкви и горячая преданность расколу; сообщалъ разныя подробности объ освященіи единовѣрческой церкви въ Добрянкѣ и т. п. Всѣ эти разсказы слушались съ жаднымъ вниманіемъ. Говоря объ одной изъ жертвъ стараго, „гонительнаго“ времени, бывшемъ лаврентьевскомъ игуменѣ

Digitized by Google

Аркадіѣ, что нынѣ епископъ Славскій, Пафнутій кстати сообщилъ о его намѣреніи возвратиться въ Россію. Это извѣстіе было уже не изъ числа пріятныхъ, — намѣреніе Аркадія единодушно осуждали и вообще не совѣтовали слишкомъ полагаться на снисходительность нынѣшняго правительства къ старообрядцамъ. Еще съ большимъ соболѣзнованіемъ принятъ былъ разсказъ о раздорахъ, возникшихъ передъ тѣмъ въ самомъ старообрядчествѣ. Въ нихъ видѣли, и на этотъ разъ справедливо, начало великихъ золъ для старообрядчества, и умоляли ради общаго блага прекратить ихъ во что бы ни стало,—совѣтовали даже заботиться по возможности о примиреніи и союзѣ всѣхъ раскольничьихъ толковъ, поповскихъ и безпоповскихъ.

Но главный предметъ разговора и наиболѣе пріятный составляли обыкновенно планы объ учрежденіи въ Лондонѣ средоточія старообрядческой церковной іерархіи и повсемѣстной пропаганды раскола. Никто не видѣлъ особенныхъ препятствій къ осуществленію этихъ плановъ на свободной лондонской почвѣ. Уже имѣлось въ виду, какъ мы сказали выше, и удобное мѣсто для зданій будущаго старообрядческаго монастыря. Серіозно разсуждали также о выборѣ достойнаго кандидата на новую епископскую каѳедру: по общему мнѣнію сюда нуженъ былъ человѣкъ, который могъ бы съ честію занимать такое видное и важное по своему назначенію мѣсто. Занять этотъ почетный постъ предлагали самому Пафнутію; но онъ отклонилъ отъ себя такую честь. Указали еще на одного, по слухамъ извѣстнаго и въ Лондонѣ, молодаго человѣка изъ московскихъ старообрядцевъ, принадлежавшаго къ числу приближенныхъ Пафнутія; но, по мнѣнію послѣдняго, онъ былъ слишкомъ не далекъ и безхарактеренъ, чтобы занять такую должность. Пафнутій рекомендовалъ несравненно болѣе способнаго человѣка изъ своихъ же близкихъ друзей, извѣстнаго старообрядческаго ревнителя и начетчика Семена Семенова, на которомъ выборъ и остановился. Кельсіевъ придумалъ сейчасъ же какъ и назвать будущаго епископа: примѣнительно къ начальной буквѣ его мірскаго имени предположено было назвать его Сильвестромъ, въ память столь часто поминаемаго въ исторіи о бѣломъ клобукѣ Сильвестра папы римскаго, а по каѳедрѣ — епископомъ новгородскимъ, въ честь Св. Софіи и

Digitized by Google

вольнаго великаго Новагорода. Герценъ, съ своей стороны, особенно настаивалъ на томъ, чтобы поспѣшить исполненіемъ предпріятія; ему хотѣлось именно сдѣлать торжественное открытіе каѳедры во время приготовлявшейся тогда лондонской всемірной выставки. Соображая ходъ будущихъ работъ и другія обстоятельства, полагали, что къ тому времени можно устроить по крайней мѣрѣ церковь; Пафнутій, съ своей стороны, завѣрялъ, что къ маю мѣсяцу въ Москвѣ могутъ приготовить иконостасъ, написать иконы, устроить облаченіе, утварь и проч. По мнѣнію Герцена, еслибы дѣйствительно удалось открыть лондонскую старообрядческую каѳедру во время всемірной выставки, когда Лондонъ будетъ наполненъ представителями образованнѣйшихъ націй со всего свѣта, это было бы событіемъ великой важности для будущихъ судебъ старообрядчества и, что, надобно полагать, ему особенно нравилось, въ высшей степени чувствительнымъ для русскаго правительства. Воображеніе нарисовало предъ нимъ и самыя подробности будущаго открытія лондонской старообрядческой церкви съ торжественною встрѣчей во вратахъ ея будущаго новгородскаго епископа, облеченнаго въ древнія святительскія одежды по примѣру софійскихъ владыкъ. Онъ говорилъ, что къ тому времени научится употребленію старыхъ обрядовъ и самъ, одѣвшись въ длинный старообрядческій кафтанъ, съ хлѣбомъ и солью встрѣтитъ владыку, при чемъ скажетъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой изобразитъ всю великую важность событія, составляющаго торжество истинно просвѣщенной европейской вѣротерпимости, открывающаго возможность двѣсти лѣтъ гонимому русскому старообрядчеству свободно и безбоязненно отправлять свое благолѣпное богослуженіе. Рѣчь эта, напечатанная въ переводѣ на всѣ европейскіе языки, тогда же раздана будетъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Торжество заключится банкетомъ, который онъ устроитъ у себя для всѣхъ друзей свободы и просвѣщенія.... Увлеченный краснорѣчивымъ развитіемъ этихъ фантазій предъ своими слушателями, онъ едва ли замѣчалъ, какое впечатлѣніе производили онѣ на сидѣвшаго передъ нимъ старообрядческаго епископа. А онъ, слушая рѣчи Герцена, думалъ про себя: „И этотъ человѣкъ, открыто проповѣдующій атеизмъ, глумящійся надъ христіанствомъ, презирающій

Digitized by Google

церковь со всѣми ея обрядами, надѣнетъ старообрядческій кафтанъ, станетъ креститься двумя перстами, будетъ, пожалуй, старостою старообрядческой церкви! Что жь это какъ не наглое кощунство и посмѣяніе надъ тѣмъ, что мы привыкли почитать благоговѣйно?" Ясно стало Пафнутію все безобразіе замышляемаго союза между старообрядчествомъ и герценизмомъ, и ужаснулся онъ мысли: какъ бы тогда еще любезное ему старообрядчество въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь не сдѣлалось похожимъ на г. Герцена въ раскольничьемъ кафтанѣ....

Лондонская атмосфера, въ которой Пафнутій прожилъ около шести недѣль, стала, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ тяжела для него. Съ религіозными и политическими убѣжденіями русскихъ выходцевъ онъ познакомился достаточно для того, чтобъ увѣриться въ совершенной невозможности сочетать съ ихъ „дѣломъ" судьбу старообрядчества. Въ одномъ только, по его мнѣнію, могли они оказать услугу этому послѣднему, — въ печатаніи старообрядческихъ сочиненій, и этою услугой онъ находилъ не лишнимъ воспользоваться. Затѣмъ жить въ Лондонѣ не представлялось надобности; слѣдовало подумать о возвращеніи домой. Онъ, конечно, не намѣренъ былъ сообщать Герцену или Кельсіеву ни о томъ, что навсегда уѣзжаетъ изъ Лондона, ни о чувствахъ, какія выноситъ изъ продолжительнаго и близкаго знакомства съ ихъ обществомъ. На прощаньи, когда его просили похлопотать въ Москвѣ о скорѣйшемъ осуществленіи задуманныхъ плановъ, онъ далъ обѣщаніе сдѣлать по этому дѣлу все, что отъ него зависитъ, и во всякомъ случаѣ прислать непремѣнно старообрядческія рукописи для печатанія. Въ первыхъ числахъ февраля 1862 года, онъ былъ уже въ Москвѣ, и не желая принимать участія въ тогдашнихъ разстроенныхъ дѣлахъ у московскихъ старообрядцевъ, заключился на совершенное уединеніе въ одномъ, очень почтенномъ и совершенно преданномъ ему старообрядческомъ домѣ. Только ближайшіе друзья имѣли къ нему доступъ, и имъ-то сообщилъ онъ свои наблюденія надъ этими лондонскими благопріятелями старообрядчества, о союзѣ съ которыми нѣкоторые изъ нихъ мечтали. Онъ говорилъ и имъ, что только одною услугой Лондонцевъ можно, по его мнѣнію, воспользоваться—печатаніемъ въ ихъ типографіи старообрядческихъ сочиненій.

Digitized by Google

Между тѣмъ въ Лондонѣ, по отъѣздѣ Пафнутія, очень заняты были мыслію основать тамъ новое средоточіе старообрядческой духовной власти и дѣятельной раскольничей пропаганды. Ничего лучше этого не могли и представить себѣ издатель *Колокола* и издатель *Сборниковъ*, чтобы положить прочное начало замышленнаго ими вліянія на старообрядцевъ и привлеченія ихъ къ своему дѣлу. Свиданіе и бесѣды съ Пафнутіемъ сильно распалили ихъ надежды на этотъ счетъ; они почитали недостаточнымъ поручать дѣло только ему, тѣмъ больше что и отъ нихъ, конечно, не скрылась нѣкоторая загадочность и таинственность въ поведеніи гостя, особенно въ послѣднее время, когда онъ достаточно познакомился съ убѣжденіями и планами лондонскаго братства. Признано было нужнымъ войдти относительно указанныхъ плановъ въ непосредственныя, личныя сношенія съ вліятельными лицами московскаго старообрядчества, и при томъ не черезъ письма, въ настоящемъ случаѣ очень ненадежныя. Были, конечно, и другія, болѣе важныя побужденія отправиться кому-либо изъ лондонскаго братства въ Россію: тогда, какъ извѣстно, происходили у насъ волненія и разнаго рода демонстраціи въ средѣ учащагося юношества подъ несомнѣннымъ вліяніемъ внушеній изъ Лондона. * Какъ бы то ни было, только вскорѣ послѣ того какъ, Пафнутій уѣхалъ изъ Лондона, предпринялъ путешествіе въ Москву и самъ Кельсіевъ.

Въ Петербургѣ, на пути въ Москву, имѣлъ онъ свиданіе съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей между старообрядцами. Тамъ находился въ это время иноkъ Павелъ, извѣстный подъ именемъ Прусскаго, основатель и начальникъ безпоповской киновіи (мужской и женской) въ Гумбиненскомъ округѣ старой Пруссіи, человѣкъ свѣтлаго ума, обширной начитанности и строгой иноческой жизни. Кельсіевъ много слышалъ объ немъ и зналъ хорошо, какое сильное вліяніе имѣетъ онъ на своихъ единовѣрцевъ и заграницей, и въ Россіи. Узнавъ случайно о его пребываніи въ Петербургѣ, онъ пожелалъ непремѣнно увидѣться съ нимъ. Одинъ общій знакомый вызвался устроить свиданіе. Онъ убѣди-

* Братъ Кельсіева, студентъ, былъ сильно замѣшанъ въ университетскія исторіи и подвергся суду.

Digitized by Google

тельно просилъ отца Павла придти къ нему въ назначенное время по весьма нужному дѣлу, не объясняя, впрочемъ, по какому именно. Онъ явился; тогда же явился и Кельсіевъ. Отецъ Павелъ имѣлъ о немъ понятіе, однакоже не уклонился отъ бесѣды съ нимъ. Между ними происходилъ и догматическій диспутъ: Кельсіевъ отвергалъ личное существованіе антихриста предъ кончиной міра и доказывалъ существованіе только антихристіанскаго духа; Павелъ, напротивъ, защищалъ православное ученіе о явленіи антихриста. Но больше всего Кельсіевъ желалъ расположить своего собесѣдника къ сочувствію его политическимъ планамъ, — онъ распространился, по обычаю, о притѣсненіяхъ, какія будто бы терпятъ старообрядцы отъ русскаго правительства, о необходимости принять мѣры противъ такого образа дѣйствій и предлагалъ для этой цѣли войдти въ тѣсный союзъ съ лондонскою компаніей, отъ котораго можно надѣяться обоюдной пользы. Молча выслушавъ его разглагольствія, Павелъ далъ ему краткій отвѣтъ, что старообрядцы привыкли къ терпѣнію и считаютъ своимъ долгомъ покоряться богоучрежденной власти царей, въ чемъ бы она ни проявлялась. Кельсіевъ замѣтилъ на это, что однакожь онъ имѣетъ доказательства несомнѣннаго сочувствія со стороны старообрядцевъ тѣмъ политическимъ цѣлямъ, къ которымъ стремится лондонское братство, что имѣются уже готовые планы совокупнаго дѣйствованія въ этомъ отношеніи и что онъ ѣдетъ въ Москву именно для того, чтобъ еще точнѣе условиться насчетъ этихъ плановъ. Инокъ Павелъ съ непоколебимою увѣренностію отвѣчалъ ему, что онъ заблуждается, что въ Москвѣ онъ вовсе не найдетъ того, что предполагаетъ найдти; что, напротивъ, близкое знакомство со старообрядчествомъ непремѣнно покажетъ ему всю несбыточность надеждъ—вовлечь старообрядцевъ въ предпріятіе, направленное къ ниспроверженію царской власти. Эти замѣчанія, сдѣланныя человѣкомъ, глубоко изучившимъ духъ старообрядчества, были для Кельсіева не очень пріятнымъ напутствіемъ для предлежавшей ему поѣздки въ Москву.

Сюда пріѣхалъ онъ спустя не болѣе двухъ недѣль по возвращеніи Пафнутія. Случилось, что въ ту самую ночь, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, Пафнутій видѣлъ очень замѣчательный и сильно поразившій его сонъ: ему представился

Digitized by Google

Кельсіевъ въ такомъ страшномъ видѣ, что онъ въ испугѣ проснулся и до самаго утра не могъ уже заснуть. Онъ придалъ особенную знаменательность этому событію и еще находился подъ вліяніемъ своего тяжелаго сновидѣнія, когда къ нему въ комнату вошелъ Семенъ Семеновъ, имѣвшій доступъ къ нему во всякое время. Улыбаясь и довольно таинственно начиная рѣчь, онъ сказалъ, что пришелъ сообщить любопытную новость.

— Какую новость? Не ту ли, что пріѣхалъ Кельсіевъ? спросилъ его Пафнутій.

— А вы откуда знаете? спросилъ, въ свою очередь, до крайности изумленный Семенъ Семеновъ,—онъ только что нынѣ ночью пріѣхалъ въ Москву и почти ни съ кѣмъ еще изъ нашихъ не видался.

Пафнутій сказалъ ему *откуда* знаетъ о пріѣздѣ Кельсіева и тутъ же отдалъ строгое приказаніе, чтобъ ни онъ, Семенъ Семеновъ, и никто другой, съ кѣмъ Кельсіевъ будетъ имѣть свиданіе, не смѣли открывать ему, кто былъ въ Лондонѣ подъ именемъ старообрядца Поликарпа Петрова, и прибавилъ, что во всякомъ случаѣ Кельсіевъ не увидитъ его въ Москвѣ; совѣтовалъ также, чтобъ и всѣ его друзья были какъ можно осторожнѣе въ сношеніяхъ съ лондонскимъ гостемъ. Кельсіевъ ничего и не узналъ бы, конечно, о таинственной личности Поликарпа Петрова, еслибы не выдалъ ему секрета одинъ простодушный юноша изъ старообрядцевъ, которому извѣстно было мірское имя Пафнутія. Кельсіевъ спросилъ его при свиданіи:

— Былъ у насъ старообрядецъ Поликарпъ Петровъ: не знаете ли вы, кто онъ такой?

— Да это владыка—Пафнутій, должно быть, отвѣчалъ откровенный юноша.

И сталъ Кельсіевъ искать въ Москвѣ владыку Пафнутія; но всѣ старообрядцы, съ которыми онъ видался, говорили ему, что Пафнутія въ Москвѣ теперь нѣтъ, а находится онъ въ городѣ Кіевѣ. Сами они держали себя съ Кельсіевымъ также очень осторожно и ни въ какія тѣсныя съ нимъ сношенія не входили. Относительно плановъ объ учрежденіи въ Лондонѣ старообрядческой епископской каѳедры говорили уклончиво, что, конечно, хорошо было бъ это сдѣлать, но что дѣло это трудное, опасное и т. д.

Digitized by Google

За то просили у него содѣйствія въ изданіи старообрядческихъ сочиненій, и Семенъ Семеновъ при прощаньи даже вручилъ ему для напечатанія свое сочиненіе *О дѣйствіяхъ православной церкви въ отношеніи къ еретикамъ*, направленное въ пользу старообрядчества; было обѣщано также въ непродолжительномъ времени выслать и другія. Только одинъ изъ московскихъ старообрядцевъ не сохранилъ должной осторожности въ сношеніяхъ съ Кельсіевымъ, тотъ самый молодой человѣкъ, который предлагался въ кандидаты для занятія лондонской архіерейской каѳедры и избраніе котораго отклонилъ Пафнутій: при своей недальновидности и увлекающемся характерѣ онъ былъ чрезвычайно заинтересованъ таинственными сношеніями съ лондонскимъ гостемъ и готовъ былъ на всякія для него услуги, за что, какъ извѣстно, и поплатился очень дорого. Этимъ и кончились результаты совершеннаго г-мъ Кельсіевымъ путешествія въ Москву собственно по раскольничьимъ дѣламъ.

Это путешествіе сильно поколебало его надежду на устроеніе въ Лондонѣ средоточія старообрядческой духовной власти и вообще въ значительной степени должно было охладить его мечты о тѣсномъ союзѣ московскихъ старообрядцевъ съ партіей Герцена. Предсказаніе инока Павла очевиднымъ образомъ сбывалось. Кельсіевъ чувствовалъ это; на возвратномъ пути онъ рѣшился даже заѣхать въ его прусскую каѳедрію, чтобъ еще разъ повидаться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Павелъ съ своею братіей слушалъ часы въ монастырской моленной когда, къ немалому его удивленію, вошелъ туда пріѣхавшій изъ Москвы гость. Бесѣдуя съ Павломъ, гость этотъ признался, что въ его предсказаніи, относительно сношеній со старообрядцами въ политическихъ видахъ оказалось много вѣрнаго. Однакоже и теперь онъ хотѣлъ склонить самого Павла къ политической дѣятельности въ союзѣ съ Лондономъ; но и на этотъ разъ попрежнему получилъ рѣшительный отказъ. Въ послѣдствіи Лондонцы неоднократно возобновляли подобнаго рода нападенія на знаменитаго безпоповскаго наставника, но постоянно получали отъ него одинъ отвѣтъ, что онъ занятъ исканіемъ душевнаго спасенія и рѣшеніемъ вопроса, имѣющаго для него величайшую важность,—вопроса о вѣчности церкви и о томъ, гдѣ обрѣтается она въ на-

Digitized by Google

стоящее время; къ участію же въ политическихъ дѣлахъ почитаетъ себя непризваннымъ.

Между тѣмъ, по отъѣздѣ Кельсіева, въ Москвѣ думали серіозно заняться приготовленіемъ старообрядческихъ рукописей для печатанія въ лондонской типографіи. Особенно хотѣлось поскорѣе напечатать обстоятельное изложеніе основнаго ученія послѣдователей бѣлокриницкаго священства, на которомъ собственно и думали они утвердить мнимую законность своей новоучрежденной іерархіи,—ученія о возможности временнаго прекращенія и новаго возстановленія богоучрежденной іерархіи въ церкви Христовой. Это ученіе, измышленное инокомъ Павломъ бѣлокриницкимъ въ отвѣтъ на возраженія сейчасъ упомянутаго нами другаго знаменитаго инока Павла Прусскаго, было полнѣе развито и сильно распространено между московскими старообрядцами Пафнутіемъ, который сдѣлалъ его главнымъ предметомъ своей проповѣднической дѣятельности. Поэтому было желательно, чтобъ изложеніе этого ученія „для печати“ сдѣлалъ именно Пафнутій. Семенъ Семеновъ убѣдительно просилъ его заняться безотлагательно этимъ важнымъ трудомъ. Было, впрочемъ, и готовое изложеніе указаннаго ученія, сдѣланное самимъ Семеномъ Семеновымъ на основаніи сочиненій инока Павла и проповѣдей Пафнутія,—оно извѣстно у старообрядцевъ подъ именемъ сочиненія *О нужныхъ церковныхъ обстоятельствахъ*. Семенъ Семеновъ просилъ Пафнутія тщательно пересмотрѣть, повѣрить и исправить, по крайней мѣрѣ, это сочиненіе для скорѣйшаго препровожденія въ Лондонъ. Пафнутій не отказался, онъ только говорилъ, съ своей стороны, что дѣло, по своему назначенію и по своей важности, именно требуетъ самой тщательной и обстоятельной повѣрки всѣхъ содержащихся въ сочиненіи историческихъ указаній и свидѣтельствъ, чтобы въ послѣдствіи по печатной книжкѣ никто не могъ уличить старообрядцевъ въ намѣренномъ отступленіи отъ исторической истины ради поддержанія любимаго своего ученія. Съ такими намѣреніями безпристрастнаго изслѣдователя истины, Пафнутій, дѣйствительно, и приступилъ къ труду, на который такъ усердно вызывалъ его Семенъ Семеновъ; но трудъ этотъ привелъ его къ тому, чего Семенъ Семеновъ могъ желать всего менѣе и чего самъ Пафнутій тогда не ожидалъ еще, хотя по существу дѣла

Digitized by Google

этого именно и надлежало ожидать,—привелъ къ открытію совершенной несостоятельности того ученія, которое доселѣ считалось вполнѣ достаточнымъ основаніемъ и оправданіемъ новоучрежденнаго бѣлокриницкаго священства, а за тѣмъ послѣдовательнымъ порядкомъ, къ открытію полной несостоятельности и раскола вообще и вслѣдствіе того къ совершенному отъ него отреченію. * И это было, хотя отдаленнымъ, послѣдствіемъ все того же замысла—открыть сношенія съ лондонскими выходцами въ видахъ упроченія дальнѣйшаго процвѣтанія раскола....

Г.

(*Окончаніе въ слѣд. №.*)

---

* Подробное изложеніе обстоятельствъ и послѣдствій этого Пафнутіева труда см. въ статьѣ: „Присоединеніе раскольническихъ епископовъ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1865 г., № 12, начиная съ 616 стр.). Рукопись *О нужныхъ церковныхъ обстоятельствахъ* послѣ сего не была уже посылаема въ Лондонъ; туда послано было извѣстіе, чтобъ остановили печатаніе даже и того сочиненія, которое Кельсіевъ увезъ съ собой, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно требуетъ исправленія.

Digitized by Google

СЕЛЕНІЕ НА СКАЛѢ*

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Каждому изъ насъ случалось въ жизни попадать въ мѣста, которыя казались въ то время скучными и глухими, не представляли почти ничего привлекательнаго и интереснаго; мы оставляли ихъ безъ сожалѣнія, не желая воротиться. Однако потомъ, когда мы были далеко, оказывалось, что какая-то тайная, намъ самимъ непонятная сила снова вызываетъ въ нашей памяти картины, звуки, особенности, не поражавшія прежде нашего вниманія; какъ будто атмосфера оставленной мѣстности преслѣдуетъ насъ, не хочетъ выпустить. Эта странная ясность и живость впечатлѣній, кажется, не слабѣетъ отъ времени и разстоянія. Образы, какъ въ волшебномъ фонарѣ, внезапно возникаютъ изъ тумана и темноты, наполняются жизнью, какъ только скрытый огонь загорится по какому-нибудь случаю. Они такъ ярки, такъ ясно очерчены, что забываешь порой видѣть въ нихъ одно лишь отраженіе вставленныхъ стеколъ, давно хранившихся въ запасѣ.

Стекла, на которыхъ нарисованъ слѣдующій разказъ, неискусною, и нѣсколько грубою рукой, привезены изъ Петипорта въ Нормандіи, маленькаго рыбачьяго городка на берегу моря. Онъ стоитъ почти насупротивъ Райда на Уайтѣ. Мѣсто это вовсе не интересно; страна не красива, но привольна и плодородна; тамъ охватываетъ васъ какое-то грустное и вмѣстѣ пріятное чувство. Поселяне народъ смѣлый, иногда веселый, но обыкновенно серіозный, какъ бо́льшая часть приморскихъ жителей. Они рослое, статное племя, обходительны, находчивы и ловки, какъ въ разговорѣ, такъ и въ дѣлахъ; гостепріимны, но въ то же время сдер-

* Авторъ этого романа дочь знаменитаго романиста Tekkerея.

Digitized by Google

жанны и осторожны на слова. Англичане мало извѣстны въ Петипортѣ. Было ихъ двое или трое въ замкѣ Траси „dans le temps", какъ мнѣ говорили. Владѣлица сама англійскаго происхожденія, а также и madame Фонтенъ, которая оттуда вышла замужъ. Но иностранцы, пріѣзжавшіе купаться въ морѣ, были большею частію изъ Кана или Байё, оставались не болѣе одной или двухъ недѣль. Кромѣ праздничныхъ дней и времени купаній, въ Петипортѣ было очень тихо. Иногда всѣ мущины уѣзжали на лодкахъ, оставляя въ селѣ однихъ женщинъ и дѣтей. Мнѣ случалось быть тамъ, когда сезонъ купаній кончился, передъ первымъ выходомъ рыбаковъ на промыселъ. Жены хлопотливо готовили припасы, штопали теплое платье, чинили сѣти къ отъѣзду мужей. Весело было глядѣть на ихъ усердную работу въ растворенныя двери, идя въ гору по узкой улицѣ.

Есть въ концѣ села крутая тропинка, ведущая внизъ ко взморью. Къ ней спускается по ступенямъ, мимо веселаго домика, „châlet", какъ тамъ называютъ, построеннаго на самомъ краю скалы. У него много оконъ и флюгеровъ, и муслиновыхъ занавѣсокъ, и деревянныхъ балконовъ; родъ террасы идетъ отъ него къ морю. Это домикъ madame Фонтенъ, сказали мнѣ; мужъ ей оставилъ его духовнымъ завѣщаніемъ, но она въ немъ не жила. Ни разу не случалось мнѣ видѣть, чтобы кто-нибудь выходилъ изъ этого домика, кромѣ, однажды, темнобровой служанки въ сердитомъ чепцѣ, которая поднялась въ гору за домикомъ и наконецъ скрылась изъ глазъ. Казалось, что рано или поздно домикъ этотъ и служанку сдуетъ съ мѣста: вѣтеръ налеталъ на него со всѣхъ сторонъ, бился о скалу и едва пускалъ сойдти къ ступенямъ внизъ, въ затишье. Тутъ, какъ сходите, у ногъ колышется и сверкаетъ широкое море; лодки, какъ пятна, лежатъ на пескѣ; птицы, носимыя вѣтромъ, летаютъ подъ вами, и шумъ прибоя наполняетъ воздухъ. Однажды пришлось мнѣ добраться наконецъ до подножія скалы и присѣсть отдохнуть на причаленную недалеко старую, худую лодку, полную воды, песку и морской травы съ бѣлою сосновою заплатой на темномъ боку. На краю ея сидѣла молодая поселянка. Она на мое приближеніе даже не обернулась, не шевельнулась, а сидѣла тихо, неподвижною фигурой на длинной чертѣ берега, глядя на отливъ. Неподалеку перекликались нѣсколько моряковъ, суетясь около рыбачьяго судна, которое вытащили

Digitized by Google

изъ воды на сушу. Одинъизъ нихъ, шлепая ногами по сыро-му пескy, подошелъ къ намъ, и на мой вопросъ, не нужна ли ему лодка, отвѣчалъ:

— Еслибъ она и нужна была мнѣ, я не сталъ бы безпокоить васъ, или mademoiselle Ренъ. Это былъ старикъ. съ добродушнымъ, озабоченнымъ, обвѣтреннымъ лицомъ.—Сидите, сидите, сказалъ онъ.

— Эй! эй! кричали его товарищи, уходя: — иди ѣсть! Но онъ не обратилъ вниманія на ихъ зовъ и продолжалъ разговаривать. Разказывалъ, что былъ въ морѣ всю ночь, но наловилъ только каракатицъ. „Онѣ не вкусны. Ихъ, прежде чѣмъ варить, надо бить очень долго. Онѣ хватаются за лодку своими длинными, болтающимися ногами.Слышали вы какъ онѣ ухватили намедни бѣдную Нанонъ Лефебюръ, какъ она разставляла сѣти. Вотъ mademoiselle Ренъ все вамъ разкажетъ, она тутъ была на мѣстѣ и позвала на помощь.“

— А ты пришелъ и убилъ звѣря, тѣмъ и кончилось, сказала Ренъ коротко, оглянувшись яснымъ, сверкающимъ глазами, и опять поворотилась къ намъ спиной.

У этой женщины былъ поразительный, героическій типъ наружности. Она заинтересовала меня тогда и не переставала интересовать послѣ. Въ ней было что-то рѣзкое, свѣтлое, веселое. Въ ея лицѣ была душа, и сила, и чувство, такъ мнѣ показалось, когда она окинула насъ блестящимъ взглядомъ, Это рѣдкое соединеніе: не часто бываютъ женщины и нѣжны, и сильны вмѣстѣ. Однако она отворотилась, не вслушиваясь въ мой разговоръ со старымъ морякомъ. Хорошъ ли нынче уловъ, удачно ли ходилъ онъ на промыселъ?

Странное, сомнительное выраженіе показалось на его лицѣ при этомъ вопросѣ, и онъ заговорилъ очень тихо.

— Я читалъ въ Священномъ Писаніи, сказалъ онъ, вертя въ рукахъ шапку,—что когда Св. Петру съ товарищами было приказано бросить сѣти, они захватили столько рыбы, что сѣти порвались. Жалѣю, что время чудесъ прошло. Часто ловилъ я рыбу, но ни разу еще не рвались мои сѣти отъ чрезмѣрной тяжести.

— Вы собираетесь всѣ въ Діеппъ?

— Мы отправляемся дня черезъ два, отвѣчалъ онъ.—Можетъ-быть, выйдетъ лодокъ сто. Мы ходимъ туда, сюда, иногда за цѣлую лигу *. Любопытно смотрѣть. Бродимъ взадъ

* Пять верстъ.

Digitized by Google

и впередъ; спрашиваемъ другъ друга: нашелъ ты сельдей? Нѣтъ, и слѣдовъ не видно. Наконецъ кто-нибудь скажетъ: они тамъ и тамъ. У насъ есть замѣтки, напримѣръ вотъ въ Анелѣ, и онъ указалъ на свѣтящуюся вдали деревню на косѣ выступающей въ море у горизонта. Бываетъ, продолжалъ старикъ,—что вдругъ нападемъ на то что̀ ищемъ, тогда наберемъ вдоволь; онѣ сбиты вотъ такъ — и онъ сжалъ вмѣстѣ свои загорѣлыя руки.

— Этого чуда тебѣ мало, Кристофъ Лефебюръ? сказала оборачиваясь Ренъ густымъ, пріятнымъ голосомъ, въ которомъ звучала какая-то странная, глубокая струна.

— Ахъ, mademoiselle! отвѣчалъ онъ совершенно серіозно:— вѣдь это только сельди, а Св. Петръ ловилъ въ сѣти форелей. Я видѣлъ это на картинѣ, которую вы мнѣ показывали прошлую Святую, какъ я ходилъ въ Траси. Я человѣкъ неученый, продолжалъ онъ,—я не умѣю говорить, какъ нарядные господа изъ Парижа, которые знаютъ „каламбуры“ и прошли науку. Я былъ только въ нашей деревенской школѣ, научился тамъ чему могъ....

— Да еще вотъ въ этой школѣ, произнесъ опять глубокій голосъ. Ренъ указывала на море.

Его лицо прояснилось.

— Да, тутъ я многому научился. Тутъ нарядные господа меньше моего знаютъ.

— Однако, сказала она, глядя ему прямо въ лицо: — есть между ними, между нарядными-то господами, какъ ты ихъ называешь, такіе, которые умѣютъ сидѣть въ лодкѣ. Тебѣ это слѣдуетъ знать.

Лефебюръ пожалъ плечами.

— Monsieur Ришаръ, сказалъ онъ,—и monsieur Траси любили ѣздить въ лодкѣ и не боялись воды. Да, бѣдный monsieur Фонтенъ также былъ не робокъ. Вы правы, mademoiselle Ренъ. Позвольте спросить, не имѣете ли вы извѣстій отъ вдовы? Она добрая и хорошенькая—обратился онъ ко мнѣ— и мы всѣ ее любимъ.

— Да, она и добра и хороша, сказала коротко молодая женщина.—Ты спрашиваешь извѣстій о ней, Кристофъ? Я получила извѣстіе сегодня утромъ. Madame Фонтенъ опять выходитъ замужъ.

И вдругъ отвернувшись, Ренъ встала и пошла по песку къ далекому морю.

Digitized by Google

I. Adieu, charmant pays.

Пять часовъ вечера, прекрасный воскресный день; свѣтъ льется съ запада вдоль берега; низкіе утесы тянутся на обѣ стороны; пучки травы и жидкіе цвѣты растутъ на зыбкой сухой почвѣ; мысы врѣзываются въ море, свѣтятся на солнцѣ далекіе, еще не затопленные берега, вода прибываетъ, блещетъ пѣна, гдѣ волны разбиваются на пескѣ.

Величественно синѣетъ горизонтъ, но по морю тянется широкая полоса свѣта. Бѣлѣютъ три паруса и шляпы поселянокъ, и крылья чаекъ, плавающихъ въ воздухѣ. Народъ гуляетъ въ праздничныхъ платьяхъ. Бродятъ по берегу, купаются, кричатъ и перекликаются въ водѣ. На поселянахъ рубашки синѣе моря, они прохаживаются съ женами и возлюбленными въ яркихъ юпкахъ. Проходитъ священникъ, пышная дама въ кружевахъ, желтыхъ башмакахъ, красной кофтѣ, крошечной шлянкѣ, съ тростью въ рукѣ. Супругъ ея также въ красномъ и желтомъ. Являются женщины въ нормандскихъ, колеблющихся шляпахъ, болтаютъ, несутъ корзинки, дѣтей, громадные зонтики. Фигура, подобная арлекину, полосатая и длинноногая, внезапно выскакиваетъ изъ-за утеса и бросается въ воду, за ней бѣшено лающая собака. Опять проходятъ священники изъ Анельской семинаріи. Потомъ какая-нибудь сестра милосердія, въ большихъ плоскихъ башмакахъ, сопровождаемая двумя величественными шляпами.

Кажется, самъ субъ-префектъ показался въ этотъ вечеръ: на берегу его видѣли Маріонъ, Изабо, madame Потье, словомъ все село. Замѣтили также г. мера съ англійскимъ джентльменомъ изъ замка. Одна пара глазъ пристально слѣдила за ними, какъ они проходили. Маленькій Англичанинъ шелъ, небрежно покачиваясь, въ своей странной, широкой одеждѣ; М-г Фонтенъ, меръ, выступалъ подлѣ него короткимъ, скорымъ, военнымъ шагомъ, въ чистыхъ штиблетахъ, въ нитяныхъ перчаткахъ, съ тростью, въ панамской шляпѣ съ загнутыми кверху полями. М-г Фонтенъ былъ ростомъ выше Англичанинъ какъ-то держался впереди, хотя лѣниво тащилъ ноги. Пелотье, трактирщикъ, важно прогуливался

Digitized by Google

взадъ и впередъ со своею богатою и уродливою невѣстой. Она двигалась необыкновенно жеманно, съ зонтикомъ, въ длинныхъ перчаткахъ, въ золотыхъ серьгахъ, съ большимъ золотымъ кольцомъ на указательномъ пальцѣ, въ парижской шляпкѣ, обремененной булавками и апельсинными цвѣтами. Она бросала убійственные взгляды на Ренъ Кретьенъ, которая отказала Пелотье, при чемъ, какъ говорили, досталось его большимъ краснымъ ушамъ, украшеннымъ серьгами. Что касается до Ренъ, она прошла мимо этой парочки въ своемъ мужицкомъ нормандскомъ платьѣ, съ прекрасными старыми кружевами и золотыми украшеніями, не глядя въ сторону, и взяла подъ руку своего дѣда, стараго фермера изъ Траси.

Кромѣ этихъ взрослыхъ людей, является повременамъ летучій эскадронъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Они бѣгутъ, падаютъ, шумятъ и кричатъ во все горло, къ ужасу другихъ дѣтей, болѣе благовоспитанныхъ, которыя скромно попригиваютъ въ юпочкахъ, косыночкахъ и блузахъ около отцовъ и матерей. Всѣхъ торжественнѣе и всѣхъ смѣшнѣе грудныя малютки, которыя, плотно завернутыя въ пеленки, таращатъ глазки на публику и на море.

Поселяне встрѣчаются, здороваются весело, и расходятся съ ужимками и шутками. Купающіеся продолжаютъ кричать и плескаться въ водѣ. Мелькаютъ огоньки. Вдали по песку вы видите медленно идущихъ домой, чтобы не захватилъ приливъ. На горизонтѣ небо становится бѣлѣе и бѣлѣе, а за краями скалъ, поросшихъ сухою травой, синѣетъ глубже и глубже.

Четыре или пять мальчиковъ бѣгутъ одинъ за другимъ, впереди знаменосецъ съ развивающимся на зонтикѣ платкомъ, подъ воинственный звукъ громовой трубы. Начальникъ преслѣдуетъ ихъ, утомленный и запыхавшійся, махая саблей съ изступленною повелительностью. „Солдаты, говоритъ онъ, обращаясь къ непокорному войску,—солдаты! помните, что никогда не слѣдуетъ бѣжать. Солдаты! не бѣгите, прроошу васъ! Разъ! два! три!“ И они уходятъ на выручку крѣпости изъ песку, атакуемой моремъ. День проходитъ, дѣти играютъ, а воздухъ, и звуки, и краски, среди которыхъ движутся всѣ эти люди, становятся какъ будто яснѣе: вы видите поселянъ, взбирающихся на скалы за деревней, и слышите смѣхъ группъ, собравшихся на площади. Между

Digitized by Google

тѣмъ г. меръ и Англичанинъ медленно идутъ по necky къ Траси, а заходящее солнце бросаетъ длинныя, странныя тѣни.

— Надѣюсь, что вы въ непродолжительномъ времени снова посѣтите нашъ городокъ, любезно говорилъ М-г Фонтенъ своему спутнику. — Я слышалъ, что вы завтра ѣдете и что госпожа де-Траси сопровождаетъ васъ.

— Тетушка увѣряетъ, что никакъ не можетъ ѣхать одна, сказалъ Англичанинъ, пожимая плечами, очень чистымъ для Англичанина французскимъ языкомъ.—Еслибъ не она, я бы радъ остаться еще недѣлю.

— Вы еще не видали питомниковъ устрицъ въ Курселѣ, сказалъ меръ заботливо. — Жаль, что вы такъ скоро ѣдете.

— Весьма жалѣю, что принужденъ упустить такой случай, сказалъ Англичанинъ, улыбаясь.

Петипортскій меръ нашелъ, повидимому, это сожалѣніе весьма естественнымъ.

— Курсель въ высшей степени интересное мѣсто, сказалъ онъ.—Иностранцы пріѣзжаютъ издалека посмотрѣть на него. Въ вашей странѣ нѣтъ ничего подобнаго. Вы тутъ видите воспитаніе устрицъ, доведенное до послѣдней степени совершенства. Онѣ, какъ увѣряютъ, весьма понятливыя животныя, хоть это и кажется страннымъ. Онѣ сортируются по величинѣ въ удобныхъ чанахъ. Всѣ сорта налицо, отъ огромной старой устрицы до крошечныхъ малютокъ, находящихся еще, такъ-сказать, въ пеленкахъ. Я думаю, доходъ громадный. Сверхъ того, въ Курселѣ прекрасный воздухъ, великолѣпныя равнины, обширный горизонтъ, деревьевъ нѣтъ, ничто не задерживаетъ взгляда. Эффектъ луннаго свѣта на болотахъ и на заведеніи поистинѣ поразительный.

— Кажется, старый Кретьенъ одинъ изъ пайщиковъ въ этомъ дѣлѣ.

— Mademoiselle Ренъ и ея дѣдъ держатъ это втайнѣ. Мнѣ никакъ не удалось дознать какой процентъ приходится на ихъ долю, сказалъ М-г Фонтенъ, дѣлая конфиденціальный жестъ худощавою рукой. — Я знаю, что она ѣздитъ туда разъ въ мѣсяцъ въ своей ресорной телѣжкѣ и слѣдитъ за дѣлами. Она, какъ вамъ извѣстно, дѣвушка заботливая, любящая порядокъ; да это и необходимо въ дѣлахъ.

— Она, кажется, ведетъ ферму отлично, сказалъ Англичанинъ. — Кретьенъ безтолковый старикъ, постоянно пьетъ сидръ, да больше, кажется, ничего и не дѣлаетъ.

Digitized by Google

— Къ сожалѣнію, такъ, сказалъ Фонтенъ.—Я считаю пьянство истиннымъ несчастьемъ. Онъ признался мнѣ по секрету, что не можетъ существовать безъ сидра. Даже mademoiselle Ренъ не можетъ убѣдить его оставить эту привычку.

— Не могу понять, чтобы кому-нибудь стоило труда воздержаться отъ сидра, сказалъ Англичанинъ съ улыбкой.—Она угостила меня на дняхъ этимъ питьемъ съ супомъ изъ капусты, и признаюсь....

— Какъ, monsieur Бутлеръ! вамъ не нравится нашъ сидръ? воскликнулъ меръ съ удивленіемъ.—Это потому, что у васъ все еще во рту вкусъ вашего портера. Пріѣзжайте опять къ намъ, и я берусь васъ обратить.

— Хорошо, сказалъ Бутлеръ, глядя вокругъ нѣсколько разсѣянно.

Madame Пелотье, проходившая въ эту минуту, вообразила, что онъ любуется ея элегантностью. Она выпрямилась, высунула впередъ указательный палецъ и поклонилась. Меръ съ ловкою грисадой отвѣчалъ на поклонъ.

— Я иногда спрашиваю себя, замѣтилъ Фонтенъ, надѣвая опять свою панамскую шляпу,—какъ этотъ отличнѣйшій малый Пелотье рѣшился жениться на такой уродливой особѣ. Правда, она принесла ему прекрасное приданое и хорошія связи въ Каенѣ, а также и въ Байё, но я бы на его мѣстѣ ни за что на свѣтѣ не сочетался съ дѣвушкой до такой степени непривлекательною и дурно воспитанною.

— Такъ вы подумывали о вторичномъ бракѣ? спросилъ Бутлеръ, взглянувъ на приняряженную фигуру, идущую съ нимъ рядомъ.

Меръ нѣсколько смутился и застегнулъ сюртукъ.

— Я имѣлъ нѣкоторые виды, сказалъ онъ,—на особу хорошо поставленную и которая могла бы быть хорошею матерью моему ребенку. Но изъ этого ничего не вышло. Не вижу причины не признаться вамъ, что я мѣтилъ на mademoiselle Кретьенъ. Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ жениться? Не правда ли? Добрая матушка моя ходитъ за моимъ сыномъ; тесть мой очень его любитъ; у меня отличная кухарка, совершенно преданная нашему семейству: вы знаете, Жюстинъ? Иногда, продолжалъ М-г Фонтенъ, глядя на море,—находитъ на меня смутное чувство, что еслибъ я нашелъ женщину, какую мнѣ нужно, жизнь казалась бы менѣе однообразною, болѣе интересною. Мнѣ было бы веселѣе въ обществѣ милой

Digitized by Google

подруга. Но это пустыя мечты, грезы поэтическаго воображенія: гдѣ найдти такую женщину?

— Развѣ это такъ трудно? сказалъ Бутлеръ, котораго забавляли выходки мера.

— Я обыкновенно не говорю объ этомъ, но вамъ такъ и быть скажу, отвѣчалъ меръ, — что наша фамилія, вслѣдствіе несчастій, вслѣдствіе неспособности однихъ и дурнаго поведенія другихъ, не занимаетъ болѣе въ обществѣ мѣста, принадлежащаго ей по праву. Но я не забываю, что принадлежу къ древнему роду. Я бы желалъ найдти въ будущей своей подругѣ нѣкоторую тонкость образованія, которую трудно встрѣтить въ здѣшнихъ дамахъ. Въ Байё нѣтъ для меня ничего подходящаго. Въ Канѣ, можетъ-быть, и удалось бы найдти то, что́ мнѣ нужно. Я непремѣнно наведу справки въ слѣдующую поѣздку.

— Такъ съ mademoiselle Ренъ вы дѣла не уладили?

— Были приняты нѣкоторыя мѣры, сказалъ М-г Фонтенъ, таинственно кивая головой, — но безъ успѣха. Впрочемъ, я съ своей стороны не жалѣю объ этомъ. При всѣхъ ея прекрасныхъ качествахъ, при благородной крови,—мы всѣ знаемъ, что мать ея была изъ благородной фамиліи,—есть однако у ней нѣкоторая рѣзкость; словомъ, mademoiselle Ренъ нѣсколько буржуазна въ манерахъ; и я не горюю о томъ, что дѣло это лопнуло. Старый Кретьенъ потребовалъ, чтобъ я предъявилъ чрезмѣрную сумму. И онъ, и mademoiselle Ренъ были очень неподатливы. А! Madame Мишо! Madame! — поклонъ, взмахъ панамской шляпы толстой дамѣ въ чистой шляпкѣ, съ зонтикомъ.

Меръ держалъ Бутлера уже болѣе часу и продолжалъ бы болтать неопредѣленное время, еслибъ Англичанинъ, видя что онъ вступилъ въ бесѣду со встрѣтившеюся знакомой, не вынулъ часовъ и не ускользнулъ, сказавъ, что ему пора домой. Меръ тоскливо простился съ нимъ. Немезида, въ образѣ madame Мишо, съ запасомъ словоохотно излагаемыхъ жалобъ, овладѣла господиномъ меромъ и держала его въ плѣну, пока Ричардъ Бутлеръ удалялся по направленію къ замку своею небрежною походкой.

Дорога вела вдоль подножія скалъ; подъ ногами хрустѣли камни, раковины, морская трава. Онъ прошелъ мимо старой Нанонъ Лефебюръ, которая чинила сѣти, сидя на кучѣ песку, съ голыми ногами въ большихъ деревянныхъ башма-

Digitized by Google

какъ, съ подвернутыми юпками. Хотя день былъ праздничный, старая рыбачка была не въ состояніи пропустить une bonne aubaine. „J'allons mettre mes filets à la basse marée", сказала Нанонъ, совершенно довольная. „Je vous souhaite le bonsoir, mon petit monsieur". Гукъ сдѣлалъ бы хорошенькую картинку изъ стараго, смуглаго лица, съ живыми черными глазами и съ бѣлымъ головнымъ уборомъ, изъ причудливыхъ скалъ, синяго моря и дырявой полосатой юбки. Особенная ясность и прозрачность воздуха какъ будто покрываетъ лакомъ живыя картины, которыя встрѣчались въ каждомъ углу на тѣхъ берегахъ. Цвѣта слабѣе и свѣтлѣе чѣмъ въ Англіи; задній планъ плоскій, однообразный, рѣдко прерываемый деревьями; фигуры выступаютъ блѣднымъ рельефомъ, съ изяществомъ, съ безсознательною идиллическою прелестью, какія у насъ почти неизвѣстны. Не пережили ли мы обаянія преданій, старыхъ пѣсенъ и былинъ, обычаевъ и пріемовъ, національной одежды и простой сельской жизни? Полинялыя, истасканныя проволочныя тляпки, пошлость, моды, аффектація, зонтики, кринолины, странно кажется, чтобы такія вещи такъ неизбѣжно выживали мало-по-малу всѣ дорогіе, завѣтные остатки тихой, минующей жизни предковъ. Можетъ-быть, наступитъ день, когда старое обаяніе вновь повѣетъ надъ землей и вызоветъ снова пѣсни и сельскую поэзію, красоту и исчезающее чувство.

Сознательность какъ будто уничтожаетъ и портитъ все, на что налагаетъ свою роковую руку. Мы всѣ научились любить и цѣнить изящное въ ежедневной жизни и искать его тутъ и тамъ. Но какъ мы осматриваемся и восклицаемъ: вотъ оно! феи исчезаютъ, птицы улетаютъ, мирная тишина нарушена, простая безсознательность пропала навѣки, и вы пробуждаетесь отъ пріятнаго сна. Развалина, окруженная стѣной и осматриваемая по билету; образцовая старуха въ поддѣльной избѣ у воротъ парка; даже красныя платья деревенскихъ дѣтей, привезенныя барыней изъ города отъ Маршаля и Снеллгрова прошлый вторникъ,—все это какъ-то становится лишь сценой въ пантомимѣ. Мы такъ уже привыкли къ поддѣлкамъ и подражаніямъ, что когда случится встрѣтить настоящую дѣйствительность, какъ-то не вѣрится ей. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Бутлеръ, идя своею дорогой. Онъ началъ взбираться на скалу и достигъ наконецъ вершины, гдѣ съ одной стороны простирались обширные луга,

Digitized by Google

а съ другой — море, и дулъ свѣжій вѣтерокъ. Онъ не вошелъ въ село, а повернулъ въ гору. По дорогѣ встрѣчались ему группы людей, отдыхающихъ или идущихъ. Западъ сіялъ закатомъ, горы тучъ надвигались издали и висѣли въ небѣ надъ головой. Являлись огненныя озера, тихія моря, чудныя страны. На мили и мили кругомъ земля и небо, и море, облитыя солнцемъ, сквозь легкій, прозрачный туманъ. Бутлеръ любовался, удивлялся, а въ головѣ его, между тѣмъ, вертѣлось и то, и другое.

Не хотѣлось ему ѣхать, да дѣлать было нечего. Онъ дома запутался и уѣхалъ отъ хлопотъ и затрудненій, а теперь чувствовалъ, что запутается, если останется здѣсь. Его звали домой. Дядя его, Чарльсъ Бутлеръ, опять заплатилъ его долги, а дядя Герве написалъ ему пышное и пространное письмо, изъявляя ему прощеніе и приглашая воротиться къ работѣ и мастерской. Тетка, мадамъ Траси, вызвалась проводить его въ Англію, провести нѣкоторое время съ двумя своими братьями и сгладить путь племяннику. У madame де-Траси было не болѣе десяти пальцевъ, но еслибъ она обладала двадцатью, она готова была всѣ ихъ охотно пустить въ дѣло въ той стряпнѣ, на которую намекаетъ старая пословица. Относительно Бутлера ея усилія никогда не были успѣшны.

Дикъ, какъ друзья называли его, былъ одаренъ особенною способностью постоянно запутываться. У него былъ странный, причудливый нравъ, Богъ знаетъ какъ и откуда взявшійся. Онъ былъ впечатлителенъ, талантливъ, воспріимчивъ. Онъ былъ и хвастливъ и недовѣрчивъ къ себѣ, великодушенъ и себялюбивъ, сердце было у него теплое, но онъ былъ слишкомъ свѣтскимъ человѣкомъ, чтобы не заразиться въ извѣстной мѣрѣ обычаями и понятіями свѣта. Какъ многіе и лучшіе люди, Дикъ по своимъ вкусамъ принадлежалъ къ аристократіи, а по мнѣніямъ и сочувствію—къ народу. Онъ не имѣлъ силы приводить въ исполненіе свои теоріи, хотя умѣлъ весьма краснорѣчиво излагать ихъ тихимъ, нѣсколько протяжнымъ и довольно пріятнымъ голосомъ. Онъ легко поддавался на время чужому вліянію, и уговорить его было не трудно, но со всѣмъ тѣмъ въ немъ имѣлось упрямство и своеволіе, которое внезапно обнаруживалось, иногда въ неудобныя минуты. Недавно попавъ, какъ говорится, въ тиски, надѣлавъ много долговъ, Дикъ въ минуту помраченія сдѣлалъ предло-

Digitized by Google

женіе одной глупенькой и добродушной дѣвушкѣ съ очень большимъ приданымъ. Онъ сдѣлалъ это по настоянію родственниковъ, чтобъ успокоить ихъ и избавиться отъ ихъ нападковъ; а потомъ поступилъ, какъ говорятъ, неприлично: едва получивъ согласіе, къ собственному изумленію и ужасу, онъ тотчасъ же написалъ наслѣдницѣ весьма почтительное, но ясное письмо, въ которомъ объявилъ ей, что дѣло это невозможное, что проситъ у нея прощенія, но чувствуетъ; что корыстныя цѣли, которыми онъ руководствовался, слишкомъ не достойны ихъ обоихъ, и что ему остается только одна надежда на ея добрую душу. Бѣдный Дикъ! Страшна была буря, разразившаяся надъ его курчавою головой. Онъ бѣжалъ въ смущеніи.

Курчавая голова замѣняла ему многія другія, лучшія свойства. Самоувѣренность и пріятное обращеніе не разъ выручали его изъ затрудненій, въ которыя самъ онъ себя ставилъ. Но онъ, конечно, былъ не мощный герой, не исполинъ, не титанъ, какіе стали опять появляться на землѣ (и въ библіотекахъ для чтенія, къ великой выгодѣ послѣднихъ). Онъ былъ на столько слабъ, что легко поддавался впечатлѣніямъ, легко увлекался, не любилъ себя переламывать и старался избѣгать всего, что могло бы причинить боль ему, или другимъ. Его въ дѣтствѣ нѣжили и баловали, и изъ него могла бы выйдти пустая кукла, картинка модъ, еслибы не эта странность, не это природное сумасбродство, которое какъ-то оживляло его, понуждало къ независимости и самоотверженію. Чарльсъ Бутлеръ, его старшій дядя, подшучивалъ надъ нимъ, а иногда и выходилъ изъ себя, когда Дикъ пресеріозно увѣрялъ его, что считаетъ себя помѣшаннымъ и не отвѣтственнымъ за свои поступки. Но несмотря на всю досаду, старикъ не могъ устоять противъ красиваго лица юноши, откровенной простоты его ума, странностей, кротости и признательной неблагодарности, если можно такъ выразиться. Продѣлки его были только слѣдствіемъ необузданности, а не дурнаго нрава; и старый Бутлеръ платилъ и платилъ, и читалъ немного морали, и очень много ворчалъ, и предлагалъ ему правильныя занятія; но Дикъ не хотѣлъ правильныхъ занятій, не хотѣлъ чтобъ ему помогали и его раздражали. Казалось, не было надежды его исправить.

— Еслибы картины твои стоили холста, на которомъ писаны, говорилъ старикъ,—я благодарилъ бы Бога, что ты зани-

Digitized by Google

маешься такимъ безвреднымъ дѣломъ. Но что это за лиловая женщина съ вогнутыми ногами и выгнутыми локтями? Терпѣнья нѣтъ глядѣть на такое безсмысліе. Скажи пожалуста, что сэръ-Джошуа, и Лоренсъ, и Генсборо, и Ромне, жили прежде Рафаэля или послѣ, и умѣли они нарисовать хорошенькую женщину или нѣтъ?

— Они умѣли рисовать по-своему, отвѣчалъ Дикъ, крутя усы,—и я, по всей вѣроятности, умѣю цѣнить ихъ лучше васъ. Вы, я вижу, не читали моей статьи въ *Художественномъ Обозрѣніи*. И затѣмъ они принимались вразумлять другъ друга по нѣсколько часовъ. Кончалось все тѣмъ, что Дикъ продолжалъ идти своею дорогой, терялъ время, упускалъ случаи, связывалъ снова нити, которыя, казалось, оборвалъ, дружился вездѣ на пути съ сынами свѣта, или тьмы, какъ приходилось.

Дикъ, идя въ этотъ вечеръ по большой дорогѣ къ Траси, отвѣчалъ то на одинъ, то на другой поклонъ. Веселыя женщины, гуляющія съ мущинами, улыбались и кивали ему мимоходомъ; бѣгущія дѣти кричали „bon soir“ на распѣвъ, какъ истые Нормандцы. Бутлеръ прерывалъ свои нѣсколько укоризненныя размышленія, чтобъ отвѣчать имъ. „Что я за безумецъ!“ думалъ онъ. И не ему одному случается такъ думать, идя по жизненному пути. „Потерялъ я молодость, время, случаи успѣха. Вотъ мнѣ двадцать восемь лѣтъ и отсталъ я отъ всѣхъ. А вѣдь я старался по временамъ, да жизнь какъ-то не такъ ложилась. Зачѣмъ я вѣчно въ заботахъ? вѣчно не доволенъ, безъ денегъ и покоя? Зачѣмъ не весело мнѣ теперь, когда дѣла какъ будто поправляются и опять представляется случай воротить упущенное?“ Его пугала мысль, чтобы въ будущемъ не повторилось прежнее: безразсудное легкомысліе, лѣнь, небрежность. Ему казалось, что хорошо бы отвернуться разъ навсегда ото всего этого и начать новую жизнь, подъ другимъ именемъ. Надѣть бы блузу, да копать землю, какъ эти смуглые ребята, и позабыть всѣ заботы, опасенія, сомнѣнія въ тяжелой работѣ и физической усталости. Имъ овладѣло въ послѣднее время безразсудное стремленіе къ простѣйшимъ формамъ, разомъ надоѣли ему города, люди, нарядныя дамы, безуспѣшныя попытки, непрерывныя разочарованія и неудачи. Онъ усталъ томиться, усталъ ломать себѣ голову надъ задачами ежедневной жизни, которыя неотступно его преслѣ-

Digitized by Google

довали и тревожили. Здѣсь, можетъ-быть, удалось бы найдти покой, живя изо дня въ день и изъ часу въ часъ.

И однако онъ чувствовалъ, что все лучшее въ немъ принадлежитъ искусству, что онъ лишитъ себя всего, всѣхъ лучшихъ надеждъ своихъ, если изъ усталости, изъ лѣни, изъ причуды, откажется отъ того, чѣмъ не хотѣлъ пожертвовать для выгодъ и успѣха. Онъ не геній, нечего ему ждать блестящей будущности; унынie и тоска овладѣвали имъ. Онъ глядѣлъ, щуря близорукie глаза свои на отдаленный оврагъ, гдѣ пріютилась ферма. Высокая крыша свѣтилась промежъ деревьевъ и стоговъ. Какъ не хочется ему ѣхать! Онъ вообразилъ себя ведущимъ скотину на рынокъ по пыльной дорогѣ, торгующимся, нанимающимъ рабочихъ, роющимъ канавы, нагружающимъ сѣно на воза, разводящимъ плодовыя деревья, работающимъ въ полѣ. Нелѣпость! И Бутлеръ вздохнулъ, ибо сознавалъ, что это нелѣпо. Надо ѣхать, хочешь, не хочешь. Надо разстаться съ этимъ мѣстомъ и съ этимъ народомъ. Онъ вкусилъ древа познанія добра и зла; теперь уже поздно, нельзя быть Адамомъ и жить съ своею Евой въ саду Эдема. Садъ, разстилающійся передъ нимъ отъ синеватыхъ горъ до моря, приволенъ, богатъ, обиленъ яблоками, но это не Эдемскій садъ. Не быстрые ли, карiе глаза были у Евы, раздумывалъ Бутлеръ, и ходила ли она хлопотливо взадъ и впередъ? Приготовляла ли она сидръ и соленья? Разводила ли вечеромъ огонь изъ сухихъ щепокъ? Собирала ли она заботливо упавшie на землю плоды и откладывала ли ихъ въ сторону? Рвала ли она цвѣты, чтобъ украсить свое жилье, и кормила ли телятъ листьями изъ руки? Высыпала ли она муку на пищу птицамъ? Называла ли всѣхъ животныхъ по имени и ласкала ли ихъ своими красивыми тонкими пальцами? Удалившись изъ рая, пряла ли она одежду для себя и для Адама на такой прялкѣ, какую Дикъ видѣлъ у здѣшнихъ женщинъ? Говорила ли она сладкимъ, страннымъ голосомъ, въ которомъ какъ будто звучала какая-то глубокая струна? Дикъ опять вздохнулъ и пошелъ скорѣе, поглядывая на большую тучу, плывшую надъ нимъ въ видѣ корабля. Пока онъ, какъ говоритъ гдѣ-то Карлейль, шелъ отпечатлѣвая свои заботы и печали въ пыльныхъ слѣдахъ, телѣга взъѣхала, подпрыгивая, на гору и обогнала его.

Она была набита поселянами. Молодой человѣкъ съ цвѣткомъ на шляпѣ правилъ; возлѣ него сидѣлъ старикъ. Три

Digitized by Google

женщины и нѣсколько дѣтей помѣстились въ телѣгѣ. Мальчикъ, перевѣсившійся черезъ край, трубилъ въ большую трубу и держалъ флагъ въ рукѣ. Другія дѣти махали вѣтками и подергивали виноградную лозу, которой конецъ тащился по землѣ. Привязанныя корзины болтались, сзади бѣжали съ лаемъ двѣ собаки. Сидящіе въ телѣгѣ пѣли хоромъ, покачиваясь на тряской дорогѣ.

Они пѣли, дѣти махали вѣтками въ ладъ. Бѣлыя ленты и цвѣты напоминали крестины. Одна изъ женщинъ держала на рукахъ маленькаго, бѣленькаго ребенка; другая сидѣла, какъ въ лодкѣ, держа одною рукой хорошенькую, курчавую дѣвочку, а другую свѣсивъ черезъ край.

Когда телѣга поравнялась, дѣти узнали Бутлера, хорошо имъ знакомаго, и начали кричать ему и махать, чтобы привлечь его вниманіе. Мущины сняли шапки, женщины кивнули и продолжали пѣть; одна, сидѣвшая посреди, взглянула, улыбнулась и заставила дѣвочку, которую держала, сдѣлать ручкой пѣшеходу.

— Прощайте, Ренъ! сказалъ Бутлеръ по-англійски, рванувшись за ними. — Я уѣзжаю завтра.

Ренъ, покачиваясь въ телѣгѣ, какъ будто не поняла что онъ сказалъ. Она протянула свою длинную шею, какъ бы обращаясь къ другимъ, потомъ опять оглянулась на Дика. Другія двѣ женщины продолжали громкую пѣсню:

Si le chemin nous ennuie
L'un à l'autre nous boirons!

Потомъ дальше:

Voici tous gens de courage
Lesquels s'en vont en voyage
Jusque par-de-là des monts
Faire ce pélérinage.
Tous boire nous ne pouvons.
Que la bouteille on n'oublie.
En regrettant Normandie,
En regrettant....

Мужскіе голоса подтягивали. Гора спускалась круто, и лошадь, шедшая тихо, побѣжала рысью. Ренъ все глядѣла назадъ на Бутлера. Дикъ не поворачивалъ головы всю дорогу до Траси. Ему казалось, что солнце вдругъ закатилось, и холодный, восточный вѣтеръ поднимается съ моря. Полчаса

Digitized by Google

спустя обогнала его г-жа Митто, опоздавшая и спѣшившая въ своей маленькой одноколкѣ. Однако она остановилась и предложила подвезти его. Бутлеръ поблагодарилъ и отказался.

Дорога круто поворачиваетъ не доходя около мили до замка. Дику уже виднѣлось мерцаніе оконъ, начинавшихъ освѣщаться. Онъ видѣлъ также вдали на равнинѣ огонекъ, свѣтящійся сквозь темную тѣнь. Доѣхала ли Рези до дому? Очагъ ли это ея свѣтится въ растворенную дверь, или лампа, поставленная на окно, чтобы дать знать Доминику и дѣду, что ужинъ готовъ?

„Оно и лучше, что я ѣду завтра," грустно думалъ Бутлеръ про себя.

Почти совсѣмъ стемнѣло, когда онъ дошелъ до желѣзныхъ воротъ замка Траси, гдѣ готовился его обѣдъ, и родственники ожидали его возвращенія. На террасѣ передъ старымъ фасадомъ сидѣли на стульяхъ и скамейкахъ темные образы тетокъ и кузинъ, наслаждаясь вечернею свѣжестью. Англичане закутались бы плащами и шляпками или собрались бы около камина въ большой голой гостиной въ такой вечеръ. Но Французы не такъ осторожны и не такъ зябки какъ мы; да въ чистомъ, сухомъ воздухѣ Нормандіи и нѣтъ той вкрадчивой сырости, тѣхъ скрытыхъ опасностей, которыя угрожаютъ у насъ. Вечеромъ слуховыя окна на высокой крышѣ, маленькія, узкія окна башни и многія окна нижняго этажа были ярко освѣщены. Старый домъ глядѣлъ веселѣе, чѣмъ двемъ, когда англійскій глазъ поражали нѣкоторая запущенность и обветшалость. Проѣзжая ночью, когда зажжены лампы, пассажиры дилижанса изъ Байё и другіе путешественники, глядя на старый замокъ, горящій огнями у дороги, спрашивали себя, — какъ часто спрашиваютъ люди при видѣ признаковъ жизни, имъ неизвѣстной,—что за люди живутъ, что за дѣла творятся за старыми стѣнами. Слышались голоса на террасѣ, музыка изъ открытыхъ оконъ. Слуги, толпящіеся у воротъ по окончаніи работы, здоровались съ ямщиками. Дилижансъ останавливался, что-нибудь подавали или кто-нибудь выѣзжалъ и исчезалъ въ свое невѣдомое существованіе; веселые голоса процалились. Ричардъ Бутлеръ пріѣхалъ съ этимъ самымъ дилижансомъ изъ Байё, и тогда ночная сцена забавляла и заинтересовала его, какъ представленіе на театрѣ.

Съ этимъ же самымъ дилижансомъ онъ отправился рано утромъ, на другой день послѣ прогулки по скалѣ. Madame

Digitized by Google

де Траси, которая всегда принуждала другихъ мѣнять свои распоряженія въ послѣднюю минуту, безъ всякой особенной причины, пыталась убѣдить племянника отложить отъѣздъ на сутки. Но Дику не терпѣлось, хотѣлось поскорѣе пуститься въ дорогу. Онъ рѣшился ѣхать; быть все на отъѣздѣ и тянуть время казалось ему невыносимымъ. Сверхъ того, онъ получилъ письмо отъ пріятеля, ожидающаго его въ Канѣ, въ одномъ грязноватомъ трактирчикѣ, хорошо извѣстномъ имъ обоимъ. Дикъ объявилъ теткѣ, что тамъ дождется ея пріѣзда, но выѣдетъ изъ Траси съ первымъ дилижансомъ на слѣдующее утро, и на этотъ разъ остался непоколебимымъ.

Такъ дѣло было покончено. Ричардъ уложилъ съ вечера свою картину, въ семь часовъ отправился, не позавтракавъ, въ маленькомъ, дребезжащемъ дилижансѣ. Его ожидало непредвидѣнное удовольствіе. Онъ нашелъ въ экипажѣ М-г Фонтена, стиснутаго между двухъ фермерскихъ женъ, отправляющихся на рынокъ съ большими корзинами и зонтиками, и золотыми серьгами, и цѣпями въ лентахъ. Меръ увѣдомилъ компанію, что ѣдетъ въ Байё по дѣламъ. Но Ричардъ Бутлеръ молчалъ, не будучи расположенъ къ разговору, который Фонтенъ старался завести черезъ ручки корзинокъ съ англійскимъ пріятелемъ, съ остальными пассажирами и съ дамами, сидящими по правую и по лѣвую руку его. Онъ приноравливалъ предметы разговора къ слушателямъ: спрашивалъ madame Никола не ѣдетъ ли она въ Крельи и будетъ ли тамъ, по ея мнѣнію, также весело въ нынѣшнемъ году, какъ въ прошломъ; бесѣдовалъ съ madame Бико о концертѣ, данномъ въ церкви на прошлой недѣлѣ, и о суммѣ, которую священникъ выручилъ отъ него. Обращаясь къ Дику, онъ замѣтилъ, по поводу предпринимаемаго имъ путешествія:

— Что за дивная сила—паръ! Вы можете, если угодно, обѣдать сегодня въ Парижѣ, и завтракать въ Лондонѣ завтра утромъ. Что бы намъ дѣлать, спрашивалъ Фонтенъ,—безъ этого полезнаго и изумительнаго изобрѣтенія?

— А вотъ я, г. меръ, сказала madame Бико,—я ни разу еще не садилась на эту машину, да никогда и не сяду. Бико ѣздилъ на ней въ Парижъ прошлую рабочую пору и, правда, воротился, но мнѣ эти машины не нравятся, сказала г-жа Бико, качая головой и показывая бѣлые зубы.

Madame Бико направленія консервативнаго. Она очень толста и носитъ высокій чепчикъ съ большими, нѣсколько

Digitized by Google

устарѣлыми концами. Г-жа Никола маленькая, веселая, живая женщина, въ корзинѣ у ней большой запасъ персиковъ; на ней кринолинъ, парижскій чепчикъ, всѣ послѣднія новости моды.

Они ѣхали нѣкоторое время тихо въ гору. При поворотѣ Дикъ еще разъ очень ясно увидѣлъ Петипортъ, бѣлѣющій на синемъ фонѣ моря. Потомъ дилижансъ покатился скорѣе, и высокія башни собора въ Байё поднялись на равнинѣ. Бутлеръ все оглядывался назадъ, но села уже не было видно. Какое обаяніе такъ привлекаетъ его къ бѣдному мѣстечку? спрашивалъ онъ себя. Привязался ли онъ къ самой странѣ, или къ людямъ, которыхъ тамъ оставляетъ? Но дилижансъ скакалъ и гремѣлъ уже по мостовой Байё, теперь не время такимъ вопросамъ.

— Счастливаго пути желаю вамъ, торжественно сказала madame Бино, готовясь вылѣзти съ своею подругой.

— Прощайте, господа! сказала madame Никола весело, пока Фонтенъ заботливо подавалъ имъ корзины, зонтики и пару деревянныхъ башмаковъ, принадлежащихъ madame Бино.

Самъ меръ слѣзъ у банкира. Старинныя ворота вели въ свѣтлый, пустой дворъ. Фонтенъ остановился у входа. Онъ собирался съ мыслями для послѣдняго, прощальнаго усилія. „Добраго пути, любезный другъ мой,“ произнесъ онъ на нѣсколько ломаномъ англійскомъ языкѣ, махая панамскою шляпой, между тѣмъ какъ Дикъ ѣхалъ на станцію.

Фонтенъ сдѣлалъ свое дѣло и воротился въ тотъ же вечеръ въ Петипортъ, опять въ обществѣ madame Бино и madame Никола, которая сбыла свои персики.

— Онъ не дуренъ, этотъ маленькій Англичанинъ, сказала madame Никола. — Англичанинъ ли, Нѣмецъ ли, вѣдь это все одно, не правда ли, monsieur Фонтенъ?

— Никакъ, никакъ! Это націи совершенно различныя, воскликаетъ М-г Фонтенъ, обрадованный случаемъ выказать передъ пассажирами свои разнообразныя познанія.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, далеко ли онъ теперь доѣхалъ, сказала madame Бино, кивая своею глупою старою головой.

Дикъ очень недалеко; сидитъ онъ на кучѣ и прощается на время со страной, которую любитъ. „Adieu charmant pays de France“, насвистываетъ онъ нѣсколько печально.

Тутъ рѣка и нѣсколько человѣкъ сидятъ на бревнахъ

Digitized by Google

лежащихъ на берегу; на западѣ тускнѣющая полоса свѣта и звѣзды тихо мерцаютъ надъ головой.

Вода отражаетъ полосу свѣта и носы судовъ, причаленныхъ къ пристани. За пристанью рѣка течетъ по равнинѣ, въ туманной таинственности, далеко, далеко, къ Парижу, гдѣ высятся куполы и тріумфальныя арки. Здѣсь на золотистомъ фонѣ неба тѣснятся мачты, башни и острыя крыши, какъ будто жилища духовъ, и окна, въ которыхъ начинаютъ свѣтиться огни, отражаясь въ водѣ. Старый городъ, гдѣ свѣтятся огни—Канъ въ Нормандіи. Люди сидящіе на бревнахъ—поселяне и два Англичанина-путешественника, вышедшіе съ сигарами послѣ обѣда.

Кажется, жители Кана особенно любятъ этотъ часъ. Многіе горожане гуляютъ. Они покончили дневную работу, ужинъ ихъ теперь варится, и прежде чѣмъ идти къ ѣдѣ, къ отдыху, ко сну, они выходятъ подышать свѣжимъ воздухомъ, взглянуть на суда, посмотрѣть въ темную воду и побродить подъ деревьями на Курсѣ. Аллеи темнѣютъ въ сумракѣ, изъ нихъ вѣетъ сыростью, но можно себѣ представить, что нѣкоторымъ пріятно гулять подъ этими деревьями, и слушать унылое трещанье сверчковъ. Для Англичанъ, у которыхъ есть и дома деревья и тѣнистыя прогулки, найдутся въ Канѣ и другія развлеченія, кромѣ темнаго Курса. Есть набережныя и тѣсные старые дворы, открытые скверы и шумныя старыя улицы, полныя жизни и свѣта. Онѣ поднимаются, спускаются, изгибаются, тутъ уступы и углы, и часовни, и башни съ флюгерами, и рѣзныя притолоки, трапки мотаются изъ верхнихъ оконъ, высовываются головы, кричатъ голоса, голуби сидятъ и летаютъ, висятъ цвѣты, и надъ всѣмъ этимъ высятся на горѣ обвитыя плющомъ башни стараго замка, а внизу остатки римскихъ стѣнъ и рвы, зеленѣющіе роскошною осенней растительностью. Весь день ясное норманское небо свѣтило на сады и склоны горъ, сквозь рѣзные камни, зубчатыя стѣны и высокія крыши города.

Ричардъ Бутлеръ долго бродилъ среди этого пріятнаго смѣшенія зрѣлищъ, звуковъ и цвѣтовъ. Онъ не засталъ пріятеля, котораго предполагалъ встрѣтить, но это не очень его огорчило: онъ зналъ, что пріятель непремѣнно явится вечеромъ въ гостиницѣ, вѣроятнѣе всего за общимъ столомъ, а между тѣмъ, странствуя взадъ и впередъ, останавливаясь на каждомъ углу, заглядывая въ каждую церковь на свѣтлыя кар-

Digitized by Google

тины, окаймленныя, такъ-сказать, арками, вскидывая глаза на крыши и разсматривая разнообразные товары въ лавкахъ; дѣлая въ умѣ разныя замѣчанія, которыя могутъ когда-нибудь пригодиться, онъ провелъ день уединенно и спокойно. Ему нашлось множество предметовъ для картинъ. Какъ сидѣлъ онъ на скамейкѣ въ одной церкви, боковая дверь отворилась, и въ потокѣ свѣта съ прилежащаго зеленаго кладбища, вошла сгорбленная старуха съ большими пучками цвѣтовъ; она вошла тихо съ солнечнаго свѣта и волоча ноги подошла къ алтарю Богородицы, гдѣ горѣли свѣчи, положила цвѣты на алтарь и опять уплелась. Вотъ предметъ, думалъ Бутлеръ, стараясь объяснить себѣ почему это такъ на него подѣйствовало. Еслибы вбѣжала красивая дѣвушка и поднесла бы, краснѣя, свой даръ и молитву, онъ былъ бы не такъ тронутъ какъ при видѣ этой одинокой старухи, печально приносящей свѣжіе вѣнки и букеты. Бѣдная! О чемъ она молится? Ея цвѣтами должны бы быть увядшія, думалъ онъ. Но явленія дѣйствительной жизни не рисуются, и въ простыхъ, естественныхъ несообразностяхъ ежедневно встрѣчающихся, болѣе гармоніи чѣмъ въ самыхъ тщательныхъ вымыслахъ и сопоставленіяхъ. Бутлеръ подумалъ о стихотвореніи Уланда: „Es pflückte Blümlein männigfalt," и вынувъ карманную книжку, записалъ:

„Молитвы старыхъ людей; 4 часа. Приношеніе цвѣтовъ. Старуха. Юнка голубая, бѣлыя полосы. Острая готическая дверь. Свѣтъ сквозь красное стекло. Уландъ."

Вслѣдъ за тѣмъ попалъ онъ въ пустой тѣсный мѣняльный дворъ, тихій и безлюдный, хотя большая, оживленная улица кипѣла въ нѣсколькихъ шагахъ. Тутъ были статуи въ цвѣтистыхъ нишахъ, окна позади, чудная рѣзьба изъ камня, столбы, гладкія колонны и тумбы. Тихій былъ уголокъ, сверху свѣтилось глубокое небо, и большія черныя тѣни выдѣляли изящныя украшенія, вырѣзанныя и начертанныя на камнѣ терпѣливыми руками. Все это дѣйствовало на него пріятно, успокоительно, какъ разговоръ друга, который то слушаетъ, то разсуждаетъ, говоритъ разныя хорошія вещи, наводитъ на новыя мысли, оживляется вмѣстѣ съ вами, завлекаетъ, уводитъ васъ отъ избитыхъ, опасныхъ путей, по которымъ вы блуждали какъ очарованные, томясь и спотыкаясь.

Дикъ воротился къ общему столу въ пять часовъ и сказалъ слугѣ, чтобы возлѣ него оставили свободное мѣсто. Еще

Digitized by Google

подавали супъ, какъ вошелъ молодой человѣкъ, похожій нѣсколько на Дика, но выше ростомъ и красивѣе, и кивнувъ, улыбнувшись и пожавъ руку, сѣлъ подлѣ него.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ Дикъ.

— Искалъ тебя отвѣчалъ тотъ.—Что, подвинулась твоя картина?

— Кончилъ и началъ другую, сказалъ Бутлеръ.—Ты знаешь, я на пути домой. Поѣдемъ со мной, Бимишъ. Помоги мнѣ присмотрѣть за тетушкиными сундуками и ящиками.

— Какой тетушки? спросилъ Бимишъ поспѣшно.

— Не мистрисъ Бутлеръ, отвѣчалъ Дикъ, улыбаясь. — Но Катерина процвѣтаетъ, по крайней мѣрѣ я оставилъ ее очень хорошенькою, и не сомнѣваюсь, что она будетъ очень рада видѣть меня.

Когда обѣдъ кончился, и разошлись по своимъ комнатамъ странныя англійскія пары, молодые люди закурили сигары, вышли вмѣстѣ и до поздней ночи сидѣли на бревнахъ, разговаривая и куря въ тишинѣ и темнотѣ.

II. Двѣ Катерины.

Есть предметы, для одного скучные, невзрачные и неинтересные, которые для другаго озарены какимъ-то особеннымъ, таинственнымъ, обаятельнымъ свѣтомъ. Дымныя лондонскія сѣни, нѣсколько шляпъ на вѣшалкахъ, широкая лѣстница съ полинялымъ турецкимъ ковромъ, по временамъ глухой, отдаленный звукъ посуды, невидимыхъ кострюль и сковородъ на кухняхъ внизу; вверху гостиная, фортепіано, издающее все однѣ и тѣ же обычныя мелодіи, какъ табатерка съ музыкой; диванъ, столъ, маленькій столикъ, костяной ножикъ, *Edinburgh Review*, *Cornhill Magazine*, *Saturday Review*; обычная маменька въ кружевномъ чепцѣ, сидящая на диванѣ; другая дама у письменнаго стола; молодой человѣкъ у камина, собирающійся уйдти; двѣ молодыя дѣвушки у окна въ волнахъ кринолиновъ съ убранными головами. За окномъ люди, идущіе взадъ и впередъ, ѣдущіе черезъ Итонъ-скверъ; отдаленный, незамѣчаемый звукъ органа церкви Св. Петра. Это мѣсто, такое скучное, такое чуждое для madame де-Траси послѣ ея родныхъ, веселыхъ, зеленѣющихъ пастбищъ, для тысячи людей ничѣмъ не отличающееся

Digitized by Google

отъ тысячи другихъ мѣстъ, имѣло для одной знакомой мнѣ дѣвушки ни съ чѣмъ несравнимую особенность. Обаяніе его было такъ сильно, что она не смѣла одно время и думать о немъ. Въ послѣдствіи она постоянно устраняла отъ себя это воспоминаніе со страданіемъ и усиліемъ, пока наконецъ мало-по-малу обаяніе перешло на другую обстановку, и другая мѣстность освѣтилась лучами солнца.

Эта молодая дѣвушка миссъ Джорджъ, бѣдная двадцатилѣтняя гувернантка, смущенная, озадаченная, грустная и вмѣстѣ счастливая молодостью и веселымъ характеромъ. Вы можете видѣть все это на ея кругломъ лицѣ, которое свѣтлѣетъ, мѣняется, улыбается и опечаливается по нѣсколько разъ въ день. Она ловитъ лучи описаннаго мною рая, бѣгая вверхъ и внизъ по лѣстницамъ въ погоню за непослушною Августой, или за лѣнивою маленькою Саррой, или за небрежною Лидіей, которая потеряла урокъ, юпочку и носовой платокъ; или за Альджи, жизнь котораго виситъ на кожаномъ ремнѣ, пока онъ скользитъ по крутымъ перилямъ, или прицѣпляется къ площадкамъ свойственными ему хитрыми способами. „Какъ шумятъ эти дѣти!“ говоритъ тетка, взглядывая отъ письма на маменьку въ гостиной. Молодой человѣкъ затворяетъ дверь въ ту минуту, какъ дѣвушка пробѣгаетъ, устремляясь за Альджи. Она овладѣваетъ имъ и приводитъ сумрачнаго маленькаго плѣнника обратно въ классную на лѣстницѣ, гдѣ и сама она сидитъ въ плѣну подъ пышнымъ титуломъ гувернантки. Въ этой домашней бастильи съ окнами, изъ которыхъ побѣгъ невозможенъ, потому что они выходятъ на дворъ лежащій далеко внизу и гдѣ постоянно проѣзжаютъ лошади и кучера, сохраняются всѣ старинные ужасы и орудія. Одиночное заключеніе, допросъ на пыткѣ (Пиноккъ, Магваль и другія подобныя имена даются мучителями различнымъ орудіямъ пытки) табуретъ стоитъ въ углу со скамейкой, которая вывинчивается соразмѣрно длинѣ ногъ страдальца, ведется списокъ таинственными заячками, гдѣ отмѣчаются различныя преступленія и проступки. Налагаются тяжкія наказанія; требуется полное молчаніе и безусловная покорность. Въ сущности однако все это только въ теоріи. Заключенные сговорились, возмутились и все одолѣли съ тѣхъ поръ какъ наступило правленіе миссъ Джорджъ. Предсѣдательствуя въ официальномъ креслѣ у

Digitized by Google

стола, съ работой въ рукахъ, она смотритъ очень веселою и хорошенькою и нисколько не похожа на гувернантку. Все кругомъ отзывается классною: стѣны, географическія карты, драгетъ и измятый ситецъ. Нѣсколько сѣрыхъ книгъ на полкахъ, на столѣ истертое сукно и запятнанная чернильница. Пятна повсюду: въ книгахъ, на стульяхъ, подъ столомъ, на потолкѣ, гдѣ изобрѣтательный Альджи, посредствомъ спринцовки, ухитрился написать свой вензель и вензель миссъ Корнеліи Бутонъ, прежней гувернантки; пятна на пальцахъ и на локтяхъ дѣтей, и на носу у Сарры, и на всей тетради Августы; одна только миссъ Джорджъ, кажется, избавилась отъ господствующаго повѣтрія.

Вотъ она сидитъ, бѣдняжка! Круглолицая, темноглазая. Иногда смѣется, иногда бранитъ, часто обнаруживаетъ отчаяніе, бросая умоляющіе взгляды то на Альджи, то на Августу, то на Лидію, смотря по обстоятельствамъ. Маленькая Сарра всегда умна, съ ней не приходится возиться, но остальные трое шалуны и подъ часъ утомительны. Сама гувернантка еще очень молоденькая и глупенькая для своихъ лѣтъ и вовсе не годится на такомъ мѣстѣ. Сегодня дѣти особенно разыгрались и трудно съ ними сладить. Тетка пріѣхала съ Француженкой-служанкой, съ большими сѣрыми ящиками, съ шеколадомъ въ мѣшкѣ, съ завитыми локонами и французскими ботинками, въ смѣшной шляпѣ. Приготовили запасную комнату; завтра обѣдъ; въ четвергъ театръ; Августа и Лидія явятся къ завтраку въ вечернихъ платьяхъ (такъ повелѣла Стриттонъ, маменькина горничная); довольно всего этого, чтобы встревожить такихъ тревожныхъ дѣтей. Альджи чуть не вывихнулъ себѣ всѣ суставы; Августа читаетъ исторію громкимъ, невнятнымъ голосомъ, не обращая вниманія на знаки препинанія, и мечтаетъ о томъ, когда будетъ она большая, какъ Катя или Джорджина. Лидія размышляетъ объ одеждѣ тетки и сочиняетъ въ воздухѣ богатые туалеты для себя, какіе могла бы она носить, еслибы была замужемъ и французскою графиней, какъ тетушка Матильда. Сарра грызетъ шеколадъ и разсѣянно учитъ стихи. Самой миссъ Джорджъ не легко интересоваться Тьюксберійскимъ сраженіемъ, происшедшимъ тому назадъ столько лѣтъ, когда разныя занимательныя вещи совершаются въ эту самую минуту, можетъ-быть тутъ же, за дверью классной ком-

Digitized by Google

наты. Слышится шорохъ, голоса, разговоръ. Голосъ матери возвышается надъ остальными:

— Катя, торопись, лошади готовы!

Миссъ Джорджъ краснѣетъ, и кашлянувъ, говоритъ:

— Продолжайте, милая Гусси.

— Китти! восклицаетъ другой голосъ:—не забудь оставить записку Дику.

Миссъ Джорджъ опять слегка кашляетъ. Она очень неразсудительна. Сама она не знаетъ до какой степени неразсудительна, и какъ сильно все это ее трогаетъ: иначе, я думаю, она стала бы бороться съ этимъ чувствомъ. И ее когда-то звали Китти, Катя, Катерина, когда ей было семнадцать лѣтъ. Этому уже три года; теперь никто не говоритъ иначе какъ миссъ Джорджъ, развѣ Альджи иногда закричитъ: „ого! Джорджъ! у васъ новая глупка!“ Даже это лучше чѣмъ быть постоянно миссъ изо дня въ день, съ утра до вечера, думаетъ бѣдная, маленькая „Джорджъ“.

Цѣлый день, кажется ей, раздаются за дверью голоса отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ:

— Катерина! лошади готовы! Катя! мы всѣ тебя дожидаемся! Катерина! тебѣ принесли цвѣты!

Какъ сказано, классная помѣщалась на лѣстницѣ, ведущей въ гостиную, и дѣтямъ и гувернанткѣ слышно было все, что происходило. Иногда дѣйствительно тяжко казалось, что все счастье, любовь, всѣ веселья и забавы, и надежды, и нѣжность, и связи, все для одной Катерины, а для другой все трудная работа, и борьба, и одиночество, и сиротство. Одной музыка, свѣтлые дни, пріятные разговоры, сочувствіе, жемчугъ, изумрудъ, цвѣты, хорошенькія вещицы, прелестныя платья; другой скрипъ грифеля, однообразіе, молчаніе, правила, линейки, чернильныя пятна, неудовлетворенныя желанія, дурно писанныя тетради, истрепанные словари. Подъ часъ миссъ Джорджъ весьма не легко слушать съ живымъ интересомъ лѣнивый разказъ Августы о Тыюксберійскомъ сраженіи. Солнце свѣтитъ, стѣнные часы постукиваютъ, птички прыгаютъ на подоконницѣ, перья скрипятъ на бумагѣ, люди проходятъ и толкуютъ за дверью; все развлекаетъ. Мысли путаются, и бредни смущаютъ.

— Это голосъ мистера Бимиша, говоритъ Лидія, навострявъ уши:— какъ часто онъ приходитъ.

— Нѣтъ, это Дикъ, возражаетъ Августа.—Онъ ѣдетъ вер-

Digitized by Google

хомъ съ ними. Ахъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ они и меня взяли.

— Продолжайте ваше чтеніе, говоритъ гувернантка строго.

„Она двинулась черезъ графства Девонъ, Соммерсетъ и Глостеръ, каждый день увеличивая на пути свое войско, произноситъ молодая читальщица громкимъ, недовольнымъ голосомъ каждый день.... но была наконецъ настигнута скорымъ и распорядительнымъ Эдуардомъ“....

— Это навѣрное мистеръ Бимишъ, миссъ Джорджъ, говоритъ Лидія утвердительно.

Затѣмъ въ замочную скважину послышался голосъ мистриссъ Бутлеръ: надо обѣдать въ шесть часовъ. Не забудьте привести Ричарда, мистеръ Бимишъ. Скажите ему, что тетушка де-Траси желаетъ его видѣть.

— Продолжайте, говоритъ миссъ Джорджъ.

„На берегахъ Северна,“ продолжаетъ Августа....

Тутъ, какъ видно, войска окончательно стали, ибо кто-то, слышно, произноситъ: „и дѣтей также“.

— Этого никакъ нельзя, отвѣчаетъ материнскій голосъ, и Гусси начинаетъ снова унылымъ тономъ:

„Ланкастерцы потерпѣли полное пораженіе. Графъ Девонширъ и лордъ Венлокъ были убиты на полѣ сраженія. Герцогъ Соммерсетъ и около двадцати другихъ знатныхъ лицъ, укрывшіеся въ церкви, были окружены, вытащены и тотчасъ же преданы казни.“

— Миссъ Джорджъ, видали вы когда-нибудь какъ казнятъ? спрашиваетъ Сарра.

— Мнѣ бы хотѣлось видѣть, говоритъ Альджи развязно.— Я попрошу папеньку взять меня посмотрѣть, или Дика; онъ, я знаю, возьметъ, если попрошу.

— Злыя вы дѣти! восклицаетъ миссъ Джорджъ.—Какъ вы можете говорить о такихъ ужасныхъ вещахъ! Пожалуста, Альджи, дѣлайте свое сложеніе, не чертите и не марайте. Продолжайте, Августа.

„Королева Маргарита и сынъ ея были взяты въ плѣнъ— говоритъ Августа—и приведены къ королю, который грубо спросилъ принца, какъ осмѣлился онъ поднимать войну въ его владѣніяхъ. Молодой принцъ, помня болѣе свой высокій родъ чѣмъ настоящее положеніе, отвѣчалъ, что пришелъ искать принадлежащаго ему по праву наслѣдства. Жестокій Эдуардъ, недоступный состраданію, ударилъ его по лицу перчат-

Digitized by Google

кой," (О! говоритъ Сарра съ упрекомъ) „а герцоги Кларенсъ и Глостеръ...." Тутъ дверь отворилась, и вмѣсто доблестныхъ и несчастныхъ принцевъ, свирѣпыхъ и безжалостныхъ королей, злыхъ дядей, грозныхъ, бородатыхъ барововъ, сокрушенныхъ и изступленныхъ королевъ, въ комнату вошла, улыбаясь, молодая дѣвушка въ амазонкѣ, съ сѣткой на золотистыхъ волосахъ. Это былъ двойникъ бѣдной Катерины, ея тетка, счастливая Катерина, которая и преслѣдовала, и смущала, и плѣняла ее въ одно время. Она остановилась въ растворенной двери, освѣщенная сзади солнцемъ, и объявила что сегодня ея рожденіе, и что молодымъ заключеннымъ дается свобода.

— Вамъ можно будетъ сходить повидаться съ вашими сестрами, миссъ Джорджъ, сказала миссъ Бутлеръ съ улыбкой.— Маменька увозитъ дѣтей со двора завтракать и потомъ до вечера.

— А ты куда отправляешься? скажи, скажи мнѣ, Кетти, пожалуста, скажи мнѣ! говоритъ Августа, обнимая сестру.

— Я ѣду верхомъ въ паркъ съ папенькой, съ Джорджи и съ мистеромъ Бимишъ, отвѣчаетъ Катерина,—а потомъ тетушка Матильда везетъ насъ съ собой въ Сейденгамъ.

— Какъ ты однако веселишься, говоритъ Августа съ долгимъ вздохомъ.

Тутъ одинъ изъ голосовъ снизу кричитъ, какъ обыкновенно: „Катя! Катя!" и улыбнувшись еще разъ, и кивнувъ головой, дѣвушка бѣжитъ внизъ въ сѣни, гдѣ ожидаютъ ее отецъ и другіе, торопясь ѣхать въ веселый, цвѣтущій паркъ.

Дѣти отправились черезъ полчаса въ большомъ волненіи. Августа тараторила, Лидія съ важностью хлопотала, Альджи предавался различнымъ прыжкамъ и другимъ гимнастическимъ знакамъ удовольствія, Сарра говорила мало, но вся сіяла счастіемъ и таращила круглые глазки. Завтракъ съ кузинами, поѣздка по лавкамъ съ маменькой, зоологическій садъ, булки для медвѣдей, орѣхи для обезьянъ, не видѣлось конца радостямъ, ожидающимъ ихъ, какъ они сбѣгали по лѣстницѣ, всѣ въ лентахъ, исполненные ожиданій.

— Прощайте, миссъ Джорджъ! крикнула Лидія.

— Прощай, гадкая классная! сказала Августа.

— Какъ хорошо выѣзжать съ маменькой! еслибы можно было всегда, сказала маленькая Сарра.

Дѣти были не дурнаго характера, но имъ естественно

Digitized by Google

лучше нравилось кормить обезьянъ чѣмъ дѣлать длинныя дѣленія, даже съ ангеломъ небеснымъ. Бѣдная Катерина нахмурила брови и вздохнула. Но минутная досада прошла мгновенно. Съ площадки она слышала отъѣздъ, короткую суматоху, съ которою дѣти всегда отправляются, ласковое вмѣшательство матери....

Колеса покатились, дверь затворилась, и Катерина очутилась одна въ большомъ, пустомъ домѣ съ нѣсколькими часами пріятной свободы впереди. Все было свѣтло и тихо Кострюли и сковороды внизу покоились на этотъ разъ и неподвижно висѣли на крючкахъ. Двери спальни были растворены, кабинетъ былъ пустъ, никого не было въ гостиной, какъ она туда заглянула; только солнце ударяло на сторы и свѣтило въ окно оранжереи.

Катерина взяла Теннисона и *Saturday Review*, воротилась въ классную и сѣла на маленькій, потертый диванъ. Она не долго колебалась какъ распорядиться драгоцѣнными часами свободы. Каждая мысль и каждая минута въ трудовой жизни Катерины, не посвященная дѣлу, принадлежала двумъ ея маленькимъ сестрамъ. Сердце ея рвалось къ мрачному дому въ Кенсингтонъ-скверѣ съ пятью узкими рѣшетчатыми окнами, въ которыхъ мелькали курчавыя головки Розы и Тотти за работой, или за игрой. Отдыхая нѣсколько минутъ въ классной, Катерина думала, не безъ завистливаго вздоха, какъ бы хотѣлось и ей ѣздить въ большой коляскѣ. Ей хотѣлось, — желаніе безразсудное, — быть счастливою, цвѣтущею Катериной, а не трудящеюся и заброшенною. Она думала о томъ, какъ она устала и какъ длинна кенсингтонская дорога и какъ жарко по ней идти. Она думала о той Катеринѣ, разъѣзжающей по парку въ развѣвающейся амазонкѣ, подъ свѣтлыми зелеными деревьями, рядомъ съ добрымъ, краснобородымъ мистеромъ Бимишомъ. Простая, вседневная исторія: одинъ поросеночекъ отправляется на рынокъ, другой остается дома. Одинъ ѣстъ хлѣбъ съ масломъ, у другаго ничего нѣтъ, и онъ пищитъ. Пробило часъ. Нечего идти къ сестрамъ до ихъ обѣда. Завтракъ еще не готовъ. Катерина протянулась на диванѣ и открыла журналъ, принесенный изъ гостиной. Въ окно вѣялъ теплый лѣтній воздухъ сквозь закопченную сирень. Звучали ведра и тяжелые шаги. Она прочла разборъ новой повѣсти, недавно вышедшихъ стихотвореній и потомъ перешла къ статьямъ. Тутъ говорилось о женщинахъ и бракѣ,

Digitized by Google

о слабости, неспособности и непонятомъ назначеніи, о справедливомъ нерасположеніи свѣта къ лицамъ, не доставляющимъ ему ни забавы, ни выгоды. Катерина нетерпѣливо оттолкнула книгу. Нечего ей было читать на бумагѣ то, что она сама уже такъ хорошо знала, что читала всегда въ бѣломъ днѣ и въ черной ночи, что, съ безсознательною философіей, упорно старалась не замѣчать.

Бѣдная дѣвушка, только что начинающая жизнь со всѣми грезами и упованіями ранней молодости въ сердцѣ, раздражающаяся и жалостно упирающаяся маленькими нѣжными ручками противъ строгихъ законовъ бытія! Неудивительно, что она отворачивалась отъ крутыхъ приговоровъ. Кто бы ни увидалъ ея дѣтское личико, кроткія движенія, хорошенькія ручки, только что отбросившія журналъ, всякій пожалѣлъ бы ее. Катеринѣ нельзя было дать на видъ и двадцати лѣтъ, она еще не вполнѣ развилась. Рано бы, казалось, судьбѣ и почтеннымъ рекомендаціямъ высылать ее въ свѣтъ. Другимъ, болѣе зрѣлымъ и опытнымъ головамъ думать бы за нее, добрымъ рукамъ выводить бы ее изъ затрудненій, нѣжнымъ сердцамъ болѣть бы объ ней. Бранить бы ее иногда, а иногда тѣшить, какъ ребенка, посылать рано въ постель, учить бы урокамъ, не тѣмъ тяжкимъ урокамъ, которые затверживаются ударами и усвоиваются въ потѣ лица. Такъ казалось бы намъ, мелкимъ нравоучителямъ, смотрящимъ на міръ изъ нашего склада вымысловъ, гдѣ право и неправда и кабы и ежели снимаются съ полокъ и отмѣриваются по желанію: полъ-аршина покровительства вотъ этому лицу, на три четверти журьбы этому, прорѣха на этотъ сюртукъ, котораго цвѣтъ намъ не нравится, а въ другой ловко приворовленныя отверстія для глазъ, синія ленты, золотыя тесьмы и кисти, веревки и петли, конца нѣтъ нашимъ запасамъ, предметамъ, которыми надѣляемъ мы нашихъ воображаемыхъ мущинъ и женщинъ. Мы даемъ щедрою рукой, не колеблясь, и желали бы, чтобъ окружающимъ людямъ мѣрилось тою же мѣрой. Но тщетно мы мѣримъ, даримъ, хвалимъ, осуждаемъ. Судьба идетъ молчаливо, неизмѣнно, и уноситъ съ собой наши различныя мнѣнія и кабы и ежели, похвалы и порицанія, и перевороты событій.

О маленькой Катеринѣ одно время много разсуждали и толковали. Конечно, семейству слѣдовало бы позаботиться о трехъ дѣвочкахъ. Родственники мачихи должны бы принять

Digitized by Google

къ себѣ Катерину, такъ какъ у ней не было своихъ родныхъ. Мистрисъ Букингтонъ имѣла состояніе, леди Фербротеръ не знала что̀ дѣлать съ деньгами. Все однако кончилось тѣмъ, что маленькихъ дѣвочекъ помѣстили въ школу, а Катерина нашла отличное мѣсто черезъ объявленіе въ *Times*. Она получала шестьдесятъ фунтовъ въ годъ, и такъ какъ ей принадлежали еще проценты съ капитала въ тысячу фунтовъ, то она была богата для гувернантки. Но она взяла на себя часть платы въ школу за сестеръ. Не хотѣла она допустить чтобы ихъ отправили въ дешевую и отдаленную школу, которую предложила леди Фербротеръ. Тетки не настаивали, когда Катерина вызвалась доплачивать разницу въ цѣнѣ. Говорили люди, что это стыдъ, но что другаго нельзя было и ждать отъ такихъ жадныхъ, хитрыхъ, непріятныхъ женщинъ, какъ мистрисъ Букингтонъ съ сестрой. Тѣмъ дѣло и кончилось. Такъ маленькая Катерина въ девятнадцать лѣтъ стала жить собственными силами. Она пришла, краснѣя и волнуясь, въ домъ на Итонъ-Скверѣ, добывать себѣ средства существованія, помочь тѣмъ, которыхъ любила больше всего, учить дѣтей мистрисъ Бутлеръ множеству предметовъ, которыхъ сама никогда не знала. Какой странный новый міръ! Хлопоты, труды, мысли и чувства, не снившіяся въ былые, спокойные дни въ родительскомъ домѣ. Бѣгать по саду, играть съ сестренкой въ старой, панелями обшитой залѣ—кажется, еще вчера;—обожать мачиху, иногда пошалить, быть любимою и счастливою всегда, вотъ въ чемъ состояла вся ея опытность. Такъ все это было скромно, ровно, тихо, что, казалось, могло бы продолжаться года, а вотъ оно кончилось, и ясныя воспоминанія томятъ бѣдную Катю не легче чѣмъ память бѣдствій, страстей, необычайныхъ событій.

Она прожила на Итонъ-Плэсѣ болѣе года. Пищей ея былъ трудъ, отрадой—двѣ-три мечты, предметомъ любви, семействомъ, убѣжищемъ—двѣ дѣвочки, которыхъ записочки, писанныя карандашомъ, она читала и перечитывала въ долгіе дни, когда не могла сбѣгать въ школу мистрисъ Мартингель на Кенсингтонъ-Скверѣ повидаться съ двумя маленькими ученицами, обнимавшими ее всегда, прыгая отъ радости не хуже самого Альджи. Катерина говорила имъ все, спрашивала у нихъ совѣта и помощи во всѣхъ затрудненіяхъ. Она чувствовала потребность ухватиться за каждую опору, за каждую протянутую ей руку. Живя съ мачихой, она не могла не

Digitized by Google

научиться у ней вѣрить и ввѣряться каждому, кто показывалъ желаніе сблизиться, кто казался расположеннымъ оказать добро и содѣйствіе. Если и пришлось ей поплатиться за эту довѣрчивость, трудно однако сказать, чтобы цѣна была высока за такое драгоцѣнное благо. Каждый разъ, какъ только кто-нибудь скажетъ случайно нѣсколько ласковыхъ словъ, спроситъ, повидимому, съ нѣкоторымъ участіемъ, какъ она поживаетъ, что подѣлываютъ ея сестры, по душѣ ли ей мѣсто и т. д., безразсудное сердечко ея такъ и ёкнетъ. „Вотъ истинный другъ“! думаетъ она себѣ. „Я вижу по лицу, по пріемамъ. О, какъ я счастлива! какъ люди добры!“ А затѣмъ добродушный человѣкъ уходилъ и забывалъ о существованіи бѣдной гувернантки, не подозрѣвая, какую нанесъ онъ горькую боль томленія и разочарованія.

Между тѣмъ время шло. Катерина работала усердно много недѣль, не теряла терпѣнья, бодро переносила хлопоты и труды, боролась какъ могла. Наконецъ, она начала чувствовать себя нѣсколько утомленною, какъ бываетъ съ дѣтьми, нѣсколько одинокою и обездоленною. Она была уже не такъ простодушна, не такъ весела и беззаботна, какъ въ началѣ. Перемѣны и изъяны, производимые въ людяхъ тревогами и горемъ, всегда казались мнѣ самою грустною стороной страданья. Бутлеры были къ ней очень ласковы, но она жила одиноко въ большомъ, шумномъ домѣ, и нельзя слишкомъ строго осуждать ее за то, что она мечтами просила себѣ общества и сочувствія, не назначенныхъ для нея. Катерина думала, что все это недоступно ей потому, что она гувернантка. Она не знала тогда, что никому, ни гувернанткамъ, ни ученикамъ, ни родителямъ, не дается то полное, беззавѣтное сочувствіе, котораго такъ многіе, особенно женщины, ищутъ всю жизнь.

Несмотря однако на такія безутѣшныя воззрѣнія, счастливый, золотой часъ сошелъ въ этотъ день на утомленную Катю въ классной.

Подъ рукой былъ другъ способный ободрить унывающее сердце и понять его потребности, могучій волшебникъ, котораго чары могли обворожить падающій духъ и увести его на свободу изъ вседневнаго рабства. Катерина открыла принесенную книгу, и тотчасъ обаяніе начало дѣйствовать. Она потеряла изъ виду и себя, и заботы, и грязную классную, и явился внезапно король Артюръ, сидящій въ высокихъ палатахъ,

Digitized by Google

держа дворъ въ Каэрлеонѣ на Ускѣ. Вотъ принцъ Жеренъ выѣзжаетъ изъ лѣснаго міра, и взбираясь по отлогой, ровной горѣ, выдѣляется на фонѣ неба. Вотъ городокъ мерцаетъ въ длинной долинѣ, и бѣлая крѣпость, и развалившійся замокъ. Вотъ кто-то поетъ на унылом кладбищѣ сладкимъ голосомъ птицы: „Верти, фортуна, верти колесо, у насъ немного добра, но смѣлое сердце.“ Катя читала далѣе, и Энидъ выѣхалъ, весь одѣтый въ полинялый шелкъ. Катя слѣдовала за нимъ по многимъ лѣсистымъ ущельямъ, по трясинамъ, болотамъ и пустырямъ, по туманнымъ замкамъ и опять на просторъ, туда гдѣ явились привидѣнія и напали на Жерена. Лживый Доормъ, и Эдрикъ, и дикій Лимурсъ на черномъ конѣ, какъ громовая туча, сорванная бурей. Призрачное оружіе поражало безъ звука, сгибаясь неслышно.... Свѣжій вѣтеръ ходилъ въ комнатѣ, музыкальный размѣръ звучалъ въ ушахъ; странно какъ-то слѣпило ее солнце, издали доносилась военная музыка, колесо фортуны стучало на дворѣ замка; посреди всего этого дверь отворилась, и кто-то, пожалуй Жеренъ, вошелъ. Минуту Катерина оглядывалась, все еще грезя. Одного мгновенія было достаточно, чтобы снова превратить ее въ гувернантку.

— Никого нѣтъ дома, мистеръ Бутлеръ, сказала она.—Мистеръ и миссъ Бутлеръ поѣхали въ Каэрлеонъ, но вернутся къ завтраку.

Катерина, пришедши уже совершенно въ свое нормальное состояніе, не могла понять, почему молодой мистеръ Бутлеръ улыбнулся, взглянувъ на зеленую книжку, которую она держала въ рукахъ. Онъ былъ не такъ красивъ, какъ принцъ Жеренъ, не такъ высокъ и широкоплечъ. У него свѣтлые, курчавые волосы, прямой носъ, сонные, сѣрые глаза и щегольскіе усики. Онъ былъ одѣтъ по модѣ, съ цвѣткомъ въ петлицѣ.

— Мнѣ, къ сожалѣнію, нельзя ихъ дожидаться, сказалъ Ричардъ.—Потрудитесь сказать имъ, что я прошу ихъ завтра, а не въ четвергъ, пить чай у меня на квартирѣ, и съ дѣтьми. Да прибавьте, пожалуста, что я буду крайне огорченъ, если кто-нибудь мнѣ измѣнитъ. Прощайте, миссъ Джемсъ, сказалъ Ричардъ любезно,—я вижу, вы читаете мое собраніе идиллій. Бутлеръ побѣжалъ внизъ, думая на дорогѣ: „Зачѣмъ люди берутъ уродливыхъ гувернантокъ? Тетушкина миссъ Джемсъ премиленькая. Поѣхали въ Каэрлеонъ! Она не знала

Digitized by Google

что говорила. Желалъ бы я видѣть дядюшку Герве, одѣтаго рыцаремъ Артурова круглаго стола. Бѣдный старикъ Герве!"

Что касается до миссъ Джемсъ, какъ Ричардъ называлъ миссъ Джорджъ, она взглянула на заглавный листъ книги и увидѣла въ углу страницы двѣ причудливыя буквы Р. Б. Она покраснѣла сидя одна.

„Не люблю я, когда говорятъ со мною этимъ любезнымъ, шутливымъ тономъ", подумала она, и не стала больше читать, а отнесла книгу назадъ на столъ въ гостиной, гдѣ лежала она уже нѣсколько недѣль.

За завтракомъ она, какъ слѣдуетъ, передала что ей было поручено. Только мистеръ Бутлеръ съ двумя дочерьми, голодные, пріятно возбужденные утреннею поѣздкой, были на лицо.

Мистеръ Бутлеръ обыкновенный Англичанинъ, среднихъ лѣтъ, съ весьма четвероугольными сапогами и сѣрыми бакенбардами. Онъ любилъ дѣятельныя забавы. Говорилъ сплетни и о статистикѣ. Ожидалъ, естественно, отъ старшаго брата, Чарльса, оставшагося холостымъ, поддержки и помощи своему большому семейству. Дочери взрослыя и ежедневно подрастающія, бурные школьники въ Итонѣ, морской юнкеръ, двоё сорванцовъ въ Индіи, еще одинъ многообѣщающій тупой сынъ въ школѣ, гдѣ идетъ съ большимъ *éclat*, позволялъ себѣ сказать мистеръ Бутлеръ. Не было конца молодымъ Бутлерамъ. Но, къ несчастію, Чарльсъ Бутлеръ далеко предпочиталъ Дика всѣмъ сыновьямъ своего брата. Дикъ похожъ былъ на покойную мать свою, и особое выраженіе глазъ не разъ говорило за него въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ удивлялся снисходительности дяди. А двоюродные братья его и сестры были всѣ въ отца, который сильно надоѣдалъ Чарльсу Бутлеру своими длинными исторіями и тяжелою веселостью.

— Если завтра, такъ придется ѣхать безъ маменьки, сказала Катерина Бутлеръ.

— Нельзя намъ ѣхать однимъ, сказала Джорджина, которая стояла на этикетѣ. Она была не такъ хороша, какъ Катерина, и гораздо больше думала о себѣ.

— Отличнѣйшая холодная говядина, замѣтилъ мистеръ Бутлеръ.—Не можетъ ли Матильда ѣхать съ вами? Кстати, Катя, я очень радъ хорошимъ извѣстіямъ о твоемъ пріятелѣ

Digitized by Google

мистерѣ Бимишѣ. Я не могу допустить неблагоразумнаго зятя. Запомните это.

— Былъ ли бы Дикъ вамъ по вкусу, папенька? сказала Джорджина, смѣясь.

— Ммм.... Это зависитъ.... отвѣчалъ отецъ со ртомъ, полнымъ холодной говядины.—Чарльсъ можетъ, наконецъ, потерять и терпѣніе, но умри онъ завтра, Муттондель и Ламбевольдъ достанутся, вѣроятно, Дику. Превосходная земля! Я не думаю, чтобъ была надежда хоть кому-нибудь изъ моихъ ребятъ. Прочь, Санди, прочь. Санди былъ Катинъ маленькій шотландскій теріеръ, который тоже любилъ холодную говядину.

— Дикъ премилый, сказала Катерина съ очень нѣжнымъ, родственнымъ выраженіемъ, взглядывая черезъ крышки блюдъ на отца.—Конечно, я братьевъ больше люблю, но я понимаю, что дядя Чарльсъ очень привязанъ къ Дику.

— О, Ричардъ отличнѣйшій малый, сказалъ мистеръ Бутлеръ (не съ такимъ энтузіазмомъ, съ какимъ говорилъ прежде о холодной говядинѣ). Пусть онъ добываетъ что̀ можетъ и бережетъ какъ знаетъ. Я не ропщу на его счастіе. Только вы, женщины, слишкомъ за нимъ ухаживаете и ужь почти совсѣмъ его избаловали. Живопись и музыка прекрасны въ своемъ родѣ, но помните мои слова, не надо пересаливать. И съ этимъ торжественнымъ предостереженіемъ хозяинъ дома налилъ себѣ рюмку хересу и вышелъ изъ комнаты.

Миссъ Джорджъ, завязывая ленты шляпки послѣ завтрака, вспомнила сонливое лицо Дика. Видѣнія Жерена, Ланселота и Энида, величавая тѣнь короля Артюра все еще какъ будто носились вокругъ нея, когда она шла по пыльной дорогѣ къ Кенсингтону, гдѣ маленькія ручки махали ей изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ школьнаго двора. Еще минута, и дѣти уже обнимали ее, и всѣ три сѣли кучей на сѣрый, школьный диванъ и принялись болтать, тараторить и трещать, какъ птички въ гнѣздѣ, въ продолженіе цѣлаго часа.

III. Надъ рѣкой.

Катерина забыла свои утреннія видѣнія; когда она подъ вечеръ шла домой, по аллеѣ парка, они обратились въ весьма практическія размышленія о новой шляпкѣ для Тотти, о празд-

Digitized by Google

ничномъ платьѣ для Розы. Длинная вереница прекрасныхъ дамъ тихо проходила; пышные юноши гуляли взадъ и впередъ, поглядывая на экипажи и кланяясь съ знакомыми. Деревья и трава празднично зеленѣли; тихъ и благоуханенъ былъ закатъ праздничнаго дня для тѣхъ, кто могъ гулять на свѣтломъ воздухѣ. Рѣка блестѣла сквозь старые вязы въ косыхъ лучахъ солнца. Катерину радовалъ свѣжій душистый воздухъ, забавляла, какъ ребенка, толпа; однако она подумала, что лучше изъ нея выбраться. Поворачивая изъ широкой аллеи въ одну изъ желѣзныхъ калитокъ сада, она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Дикомъ Бутлеромъ, который шелъ съ двумя пріятелями. Онъ снялъ шляпу, поровнявшись съ ней, и миссъ Джорджъ поклонилась въ отвѣтъ съ видомъ маленькой, кроткой принцессы.

— Кто это? спросилъ Бимишъ — я ея не знаю.

Ему было суждено съ нею познакомиться ближе, ибо отъ мистрисъ Бутлеръ пришла на слѣдующее утро къ Дику записка:

„Любезный Ричардъ, къ сожалѣнію, мнѣ невозможно быть у васъ сегодня, но дѣти и тетушка ваша очень рады воспользоваться приглашеніемъ. Дѣти увѣряютъ, что вы ужасно огорчились бы, еслибъ они не явились. Боюсь, чтобъ они вамъ не надоѣли. Позволю себѣ послать съ ними миссъ Джорджъ, чтобы держать ихъ въ порядкѣ. Сестра съ ними, я думаю, не справится.

Ваша любящая тетка
С. Бутлеръ.

P. S. Не сдѣлаете ли вы съ г. Бимишомъ намъ удовольствія заглянуть сегодня вечеромъ? Вы встрѣтите нѣсколькихъ друзей.“

Мастерская Дика находилась въ Квинсъ-Уакѣ. Онъ жилъ въ одномъ изъ большихъ бурыхъ домовъ противъ рѣки. Отъ него были видны проходящія барки, лодки и пароходы, скользящіе за деревьями, которыми обсажена рѣка. Отголосокъ лондонскаго шума какъ будто проносился снаружи, за старинными воротами сада. Внутри все было тихо, безмолвно, полно прошедшимъ. Старый балдахинъ временъ королевы Анны еще висѣлъ надъ дверьми, и Дикъ очень гордился обитою панелями залой и гостиной, и дубовою лѣстницей, ведущею наверхъ въ мастерскую. Товарищъ жилъ съ нимъ. Мистеръ Бимишъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и шелъ хорошо. Какъ единственный сынъ, онъ былъ

Digitized by Google

воспитанъ строго и естественно чувствовалъ склонность къ Дику, къ его цыганской жизни. Молодые люди ладили отлично. Въ этомъ домѣ была прежде монастырская школа. Кроткія, завѣшенныя чернымъ, монашенки скользили изъ комнаты въ комнату, румяныя дѣти въ лохмотьяхъ играли по корридорамъ и въ дубовой залѣ, стучали чашками, грызли хлѣбъ съ масломъ въ большой столовой, назади. Молодые люди однажды случайно увидѣли эту квартиру, были поражены ея уютностью и удобствами, и рѣшили нанять ее вмѣстѣ. Дѣти и монашенки вышли вонъ изъ желѣзныхъ воротъ; Бутлеръ прислалъ рабочихъ поправить, обновить, приготовить, а потомъ пріѣхалъ самъ и поселился съ своими красками и холстами.

Мастерская была большая, длинная комната съ перекрестнымъ свѣтомъ, который можно было мѣнять и направлять по желанію. Съ этою цѣлью были прилажены тяжелые занавѣсы и ставни. Полъ былъ устланъ половиками; нѣсколько покойныхъ креселъ причудливой формы стояли у камина. Стѣны были обиты панелями фута на четыре отъ пола; на крючкахъ, гвоздяхъ и подставкахъ висѣли сотнями разныя вещи, плоды занятій и похожденій Дика: картины, начатыя и не оконченныя, опыты лѣпной работы, боксерскія перчатки, рапиры, турецкія трубки и сабли, коричневые кувшины изящной формы изъ египетскихъ гробницъ, синій китайскій фарфоръ, старыя одежды, венеціянская парча, золотая и серебряная, тканая шелкомъ; странныя блѣдноцвѣтныя матеріи и газы, зеленоватые, синеватые, желтые и ярко-коричневые. Нельзя описать словами странныхъ, фантастическихъ красокъ.

На одномъ концѣ комнаты стоялъ покойный диванъ съ подушками, и былъ разостланъ мягкій коверъ, на которомъ помѣщался чайный столъ, уже накрытый и уставленный печеньемъ и цвѣтами. Бимишъ утромъ отправился и накупилъ цѣлый возъ цвѣтовъ для мастерской и балкона. Фортепіано стояло въ темномъ углу, гдѣ занавѣсы бросали тѣнь. Окна на балконъ были открыты настежь; подъ ними, журча, протекала рѣка, сѣроватая и блестящая, неся быстрые пароходы, лодки и разную кладь. Отдаленные берега свѣтились сквозь густыя вѣтви, кое-гдѣ подъ деревьями молча стояли люди, глядя на теченіе. Странный, оригинальный клочокъ средневѣковой жизни, перенесенный въ сере-

Digitized by Google

дину настоящаго! Молодымъ людямъ слѣдовало бы явиться въ пудрѣ и parikахъ или въ еще болѣе старинной одеждѣ. Въ сосѣдней церкви погребенъ мученикъ; все вѣетъ минувшею стариной, о былomъ, исчезнувшемъ свѣтѣ kakъ бы шепчетъ рѣka, протекая мимо древнихъ домовъ. Часы на Маріинской kолоkольнѣ пробили, и въ ту же минуту громko зазвенѣлъ kолоkольчикъ у двери. Бимишъ вскочилъ. Дикъ поглядѣлъ съ балkона. Прибыли только akkуратныя дѣти. Они настояли на томъ, чтобъ отправиться изъ дому гораздо раньше времени и прогуливались по улицѣ, ожидая часу, kогда можно будетъ явиться.

— Знаешь, Дикъ, мы чуть-чуть вовсе не остались дома! — начали они тотчасъ же говорить снизу изъ залы.—Маменькѣ нельзя было идти, а миссъ Джорджъ не хотѣла; вѣдь вы не хотѣли, миссъ Джорджъ? Говорили, что мы надоѣдимъ; а мы боялись опоздать, но не опоздали.—Все это преимущественно Альджевымъ фальсетомъ; вмѣшалась Лидія.

— Вѣдь тебѣ было бы непріятно, Дикъ, еслибы мы не пришли? И зачѣмъ ты развѣсилъ всѣ эти штучki?

— Это kухонная посуда и старое платье, сkазалъ Альджи, поkатываясь отъ смѣха,—и рапиры, о! славно!

— Альджи, сkазала миссъ Джорджъ, припявъ очень строгій и рѣшительный видъ, потому что очень дичилась,—помните, что я сейчасъ же уведу васъ, если вы будете надоѣдать.

— Онъ не надоѣдаетъ, миссъ Джорджъ, ниskолько, сkазалъ Дикъ весело. — Пожалуйте. Не хотите ли сѣсть? И онъ подвинулъ громадное kресло, въ kоторомъ передъ тѣмъ самъ валялся. Катерина сѣла. Она kазалась очень мала въ своемъ бѣломъ платьицѣ, потонувъ въ огромномъ kреслѣ. Она съ любопытствомъ оkинула комнату своими свѣтлыми глазами, и на минуту забыла роль гувернантki.

— Kакъ kрасива рѣka, kакое милое, старое мѣсто! сkазала она своимъ жалобнымъ, дѣтсkимъ голоskомъ. Kакой прекрасный фарфоръ! Она, kакъ оkазалось, была охотница до чашекъ и надтреснутыхъ чайниkовъ и въ былыя времена держала у себя kлючъ отъ мачихина фарфора. — Вѣдь это голландская работа, не правда ли? спросила она, и вдругъ поkраснѣла и застыдилась.

— Вотъ хорошая старая вещь, сkазалъ Бимишъ, подходя на помощь Дику, съ уродливою маskой, kоторую гдѣ-то

Digitized by Google

купилъ по случаю. — Вы знаете, что мы въ этомъ соперничаемъ съ Бутлеромъ.

— Да? сказала Катерина, опять краснѣя.

— Да, сказалъ Бимишъ.

Послѣдовало молчаніе. Слышно было теченіе рѣки, и оба все болѣе и болѣе дичились.

— Ну, покажи же намъ еще что-нибудь, сказалъ Альджи.— Миссъ Джорджъ, вскричалъ онъ, — я хочу быть артистомъ, какъ Дикъ, когда выросту большой.

— Какую блестящую карьеру Альджи предначертываетъ себѣ, не правда ли, Бимишъ? сказалъ бѣдный Дикъ.

— Чѣмъ же она дурна? отвѣчалъ Бимишъ добродушно. — Покажи миссъ Джорджъ свою картину. Онъ этотъ разъ отличную картину написалъ, миссъ Джорджъ.

Дикъ скромно оборотилъ ее къ стѣнѣ.

— На что имъ моя картина? сказалъ Дикъ и началъ вытаскивать разныя вещи къ удовольствію трехъ дѣвочекъ, которыя стояли въ кучкѣ, дивясь необыкновеннымъ предметамъ. Альджи разсматривалъ глиняную фигурку, которой красота приводила его въ молчаливый восторгъ. Бѣдная миссъ Джорджъ между тѣмъ сидѣла въ огромномъ креслѣ, все болѣе и болѣе дичась съ каждою минутой, и съ томленіемъ ожидая, чтобъ остальныя пріѣхали. Можетъ-быть, и Бимишъ также поджидалъ ихъ.

Они пріѣхали наконецъ со стукомъ колесъ, съ шорохомъ, съ легкимъ смѣхомъ на лѣстницѣ, и молодые люди бросились внизъ встрѣчать гостей. Джорджи была въ голубомъ и глядѣла чопорно; Катерина была одѣта словно легкимъ свѣтло-сѣрымъ облакомъ съ ногъ до головы и казалась прекраснымъ видѣніемъ, вступая подъ драпировку на двери слѣдомъ за теткой. Madame де-Траси вошла торопливо, безъ поэтическихъ и романтическихъ заднихъ мыслей, испуская восклицанія на каждомъ шагу, восхищаясь удобствомъ квартиры. Она не похожа была на мистрисъ Бутлеръ тѣмъ искреннимъ, непритворнымъ участіемъ, которое принимала въ чужихъ намѣреніяхъ, планахъ, квартирахъ, денежныхъ обстоятельствахъ, сердечныхъ дѣлахъ и заботахъ всякаго рода.

— Какъ хорошо вы однако живете здѣсь, Дикъ! Поздравляю васъ! Вамъ послѣ этого должно быть ужасно тѣсно въ Траси. Катерина, посмотри на рѣку и цвѣты, какъ прекрас-

Digitized by Google

но, не правда ли? Вы просто великолѣпны, Дикъ, вы принимаете насъ какъ принцъ.

— Бимишъ добылъ цвѣты, сказалъ Дикъ, улыбаясь, — я поставилъ только печенье. Катерина, потрудись, пожалуста, сдѣлать чай.

Они всѣ усѣлись въ кучкѣ вкругъ чайнаго стола. Г-жа де-Траси и Джорджина помѣстились на диванѣ; дѣти свернулись на полу, а миссъ Джорджъ, стоя, подавала имъ чай и пирожки, потому что кресла Дика были велики и удобны, но не очень многочисленны. Катерина Бутлеръ нѣжными, проворными пальцами окунала чашки въ полоскательницу, наливала воду изъ котелка, кипящаго на спиртовомъ огнѣ, примѣшивала серебряными щипцами и вычурными старыми серебряными ложками сливки и сахаръ въ благоуханную жидкость. Она казалась жрицей цвѣтущаго алтаря, приносящею фортунѣ дымящіяся жертвы. Бимишъ мысленно пилъ за ея здоровье чашку, которую она подала ему обѣими руками съ одной изъ своихъ внезапныхъ улыбокъ. Однако маленькая особа, стоявшая позади, прислонившись къ стѣнѣ, нарѣзывая хлѣбъ и ветчину голоднымъ дѣтямъ, замѣтила эту пару, и сердце въ ней забилось женственнымъ сочувствіемъ, и улыбнулась она, и наклонила голову надъ кускомъ ситнаго хлѣба. Дикъ, глубоко заинтересованный исходомъ этого посѣщенія, сидѣлъ на спинкѣ дивана и случайно увидалъ на лицѣ одной Катерины отраженіе лица другой. Онъ былъ тронутъ кроткимъ сочувствіемъ гувернантки и въ первый разъ замѣтилъ, что она нѣсколько брошена и забыта.

— Вамъ нуженъ столъ, миссъ Джорджъ, сказалъ Дикъ, придвигая къ ней столъ и кресло. — Да вы и чаю не пили, вы все только заботитесь о другихъ. Катерина, дай-ка намъ сюда чаю. Бимишъ, что ты не сыграешь на фортепіано, мы пировали бы съ музыкой какъ въ *Тысячи и одной ночи*.

— Какъ хороши стали цвѣты, вскричала маленькая Сарра, указывая пальцемъ,—посмотрите, милая миссъ Джорджъ!

— Это солнце свѣтитъ сквозь листья, сказала г-жа Траси положительно.

— И вода свѣтитъ тоже, сказала Августа.—Жаль, что нѣтъ рѣки въ Итонъ-Скверѣ, не правда ли, Катя?

— Я завидую вашей гостиной, Дикъ, сказала г-жа де-Траси.—Мистеръ Бимишъ, сыграйте намъ пожалуста что-нибудь.

Бимишъ всталъ и пошелъ къ фортепіано.

Digitized by Google

— Я сыграю съ условіемъ, чтобы ты показалъ свою картину, сказалъ онъ, взявъ очень скоро нѣсколько аккордовъ, и затѣмъ началъ играть отрывки изъ дивной Крейцеровой сонаты, которую немногіе въ состояніи слушать холодно. Инструментъ стоялъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ Катерина разливала чай; она повернула голову и слушала неподвижно, опустивъ руки на колѣни. Я думаю, Бимишъ игралъ для нея одной, хотя всѣ кругомъ слушали. Я знаю, что онъ по временамъ взглядывалъ на нее одну. Маленькая Катерина Джорджъ опустилась на низкій стулъ подлѣ дѣтей и опять погрузилась въ свои грезы. Она понимала, хотя никто не говорилъ ей, все, что происходило передъ ней. Ей слышались въ музыкѣ то предостереженія, то мольбы, то пророчества. Есть въ адажіо превосходная пѣсня безъ словъ, въ которой какъ будто одинъ человѣкъ говоритъ разказъ страстный, увлекательный, трогательный невыразимо. Катеринѣ казалось, что это Бимишъ разказываетъ о себѣ этими чудными, страстными звуками Катѣ, сидящей тутъ въ облачномъ платьѣ, съ лучомъ свѣта на золотистыхъ волосахъ. Слушаетъ ли она? Понимаетъ ли? О да, какъ не понять! Всѣмъ ли доводится разъ въ жизни прослушать такую исторію? спрашивала себя Катерина Джорджъ. Говорятъ, что да. Но, ахъ! правда ли это? Правда, можетъ-быть, для такихъ, какъ Катерина Бутлеръ, для молодыхъ красавицъ, любимыхъ, счастливыхъ, балуемыхъ судьбой, но правда ли это для одинокой, покинутой дѣвушки, безъ друзей, безъ красоты (Катя еще не внимательно смотрѣлась въ зеркало), безъ богатства, которымъ можно бы купить неоцѣненное сокровище любви и сочувствія? На дворѣ свѣтило солнце, пароходы и лодки проплывали попрежнему; будущность Катерины Бутлеръ рѣшалась. Маленькая Катя сидѣла въ забытьи; ея темные глазки сіяли. Бимишъ вдругъ перемѣнилъ тонъ; замолотилъ по клавишамъ и мало-по-малу въ комнатѣ зазвучалъ, широко разливаясь, *Свадебный маршъ* Мендельсона. Тутъ Катѣ Джорджъ представилась средневѣковая улица, старый германскій городъ, проходящія фигуры, женихъ, ѣдущій верхомъ впереди, молодые люди, идущіе процессіей. Она какъ будто видитъ жесткую парчу и старомодныя платья, слышитъ топотъ дѣвушекъ, ведущихъ увѣнчанную невѣсту; а на крышахъ стараго города (она даже дала ему имя и смутно называла его себѣ Аугсбургомъ или Нюренбергомъ),

Digitized by Google

головы тѣснятся и глядятъ на веселое шествіе. Это была одна изъ странныхъ фантасмагорій, случающихся съ каждымъ изъ насъ, до такой степени живыхъ и ясныхъ, что въ ту минуту невольно думается, что когда-то видѣлъ все это или придется когда-нибудь увидать.

Бимишъ вдругъ пересталъ играть и наклонясь надъ инструментомъ, началъ говорить Катѣ тихимъ, страстнымъ голосомъ. Madame де-Траси и Джорджина, наслушавшись музыки вдоволь, стояли теперь у окна и глядѣли на улицу. Дѣти тоже повскакали и выбѣжали другъ за другомъ на балконъ. Не въ первый разъ уже, да и не въ послѣдній, бѣдняжка Катерина Джорджъ почувствовала какую-то томительную тоску, сидя на опрокинутомъ ящикѣ въ большой, странной комнатѣ. Тоскливо ей стало потому именно, что она сочувствовала той парочкѣ и радовалась ихъ счастью. Какъ острое жало кольнуло ее внезапно сознаніе своего одиночества, сиротства, кольнуло такъ больно, среди волнующихъ впечатлѣній, что двѣ крупныя слезы навернулись ей на глаза. Но то были молодыя, свѣжія, не ѣдкія слезы, прозрачныя какъ хрусталь, не помраченныя житейскою грязью.

Дикъ, самъ принимающій участіе въ другѣ и возбужденный болѣе обыкновеннаго, началъ нѣсколько интересоваться своею чувствительною гостьей и подумалъ, что она чувствуетъ себя брошенною. Онъ замѣтилъ съ другаго конца комнаты, что она разстроена, и подойдя къ ней, сказалъ очень ласково:

— Хотите посмотрѣть мою картину, миссъ Джорджъ? Тетушка и кузина требуютъ, чтобъ я показалъ, хоть правду сказать и не на что тутъ смотрѣть.

Картина дѣйствительно не представляла ничего особенно замѣчательнаго. Внутренность кухни. Рыбачка ожидаетъ мужа съ сонными ребенкомъ на колѣняхъ. Каждый видалъ десятки такихъ картинъ. Она была прекрасно написана, съ чувствомъ и выраженіемъ. Краски были теплы и прозрачны. Лицо женщины было очень выразительно, ясно и грустно вмѣстѣ; каріе глаза глядѣли изъ холста. Въ нихъ была жизнь, хотя художникъ, по манерѣ своей школы, посадилъ ее спиной къ окну и наложилъ глубокія тѣни и рѣзкія черты съ неумолимою вѣрностью. Кухня была очевидно списана съ натуры. Большой рѣзной шкафъ съ двумя кающимися птицами и блестящими мѣдными петлями, которыя бросали два замѣчательные луча свѣта, большой каминъ съ пылающимъ

Digitized by Google

огнемъ (лопатка была удивительно отдѣлана); полурастворенное окно на поля и море, прялка, висящіе съ потолка челноки странной формы для дѣланія веревокъ, большая мѣдная сковорода на полу съ поразительными отраженіями. Все необыкновенно вѣрно природѣ. Такую кухню, съ нѣкоторыми мелкими измѣненіями и не такъ тщательно прибранную, можно видѣть въ любой хижинѣ или фермѣ въ окрестностяхъ за́мка Траси.

— Любезный Дикъ, вы сдѣлали громадные успѣхи, сказала тетка.—Это превосходно, это далеко лучше всего, что̀ писали вы до сихъ поръ. На что̀ это такъ похоже? Катя, посмотри на эту мѣдную сковороду и на этотъ шкафъ. У madame Бино въ кухнѣ точь въ точь такой.

Дикъ пожалъ плечами; однако похвала была пріятна ему.

— У меня есть тутъ еще одна вещь, только она не кончена.

И онъ открылъ другой холстъ, на мольбертѣ.

— Прекрасно! Какой сюжетъ? сказала madame де-Траси, глядявъ лорнетъ.

— Не знаю. Что̀ хотите. Нормандскіе поселяне, катающіеся, возвращающіеся съ торга, сказалъ Дикъ, краснѣя, нѣсколько смущенный.—Надо додѣлать голову дѣвушки. Джорджи! Что̀ бы посидѣть мнѣ. — И взглянувъ съ этими словами не на Джорджи, онъ встрѣтилъ взглядъ двухъ кроткихъ, темныхъ не Джоржининыхъ глазъ!—Я желалъ бы, чтобы *вы* послужили мнѣ моделью, миссъ Джорджъ, воскликнулъ Дикъ, внезапно вдохновленный.—Изъ васъ вышла бы превосходная рыбачка. Не правда ли, тетушка?

— Я думаю, что этотъ костюмъ былъ бы очень къ лицу миссъ Джорджъ, сказала madame де-Траси добродушно.—Она брюнетка, какъ всѣ наши дѣвушки.

И madame де-Траси обратила свой лорнетъ на миссъ Джорджъ и кивнула головой, а потомъ взглянула на Дика̀.

— Я бы съ удовольствіемъ, сказала миссъ Джорджъ своимъ кроткимъ голосомъ,—но у меня едва ли достанетъ времени. Я очень занята; надо постоянно смотрѣть за дѣтьми. Надѣюсь, что съ ними не случилось чего-нибудь, прибавила она, оглядываясь кругомъ.—Намъ, кажется, пора идти.

Часы на церкви давно уже пробили шесть. Дѣйствительно пора было идти.

Madame де-Траси посмотрѣла на часы и слегка вскрикнула.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ пора. Братъ Чарльсъ и еще

Digitized by Google

человѣкъ шесть обѣдаютъ сегодня въ Итонъ-Скверѣ. Вы придете?

— Мы съ Бимишемъ явимся къ дессерту, сказалъ Дикъ.— Такъ онъ по крайней мѣрѣ располагалъ нынче утромъ.

— Намъ еще надо одѣться, сказала madame де-Траси озабоченно.—Джорджи, гдѣ мой зонтикъ? Катя, готова ли ты? Кончили ли вы свой разговоръ?

Бимишъ и Катерина кончили разговоръ, или, лучше сказать, только что начали его, ибо разговоръ, въ который они вступили, долженъ былъ длиться всю жизнь. Пріѣхала карета за старшими. Дѣти, наѣвшіеся страшно, отправились нѣсколько утомленные.

Молодые люди стояли въ желѣзныхъ воротахъ, глядя на отъѣзжающую карету и на дѣтей, тихо идущихъ съ гувернанткой по берегу рѣки. Что-то странное было въ высокой фигурѣ Бимиша, прислонившагося къ воротамъ. Дикъ взглянулъ на него, потомъ на рѣку, потомъ опять на товарища.

— Ну, что? сказалъ онъ.

— Все ладно, отвѣчалъ Бимишъ со свѣтлымъ взглядомъ, протягивая руку Дику.

И они горячо пожали другъ другу руку, къ удивленію обсрванныхъ дѣтей, валявшихся на улицѣ.

IV. Ѣшь, пей и веселись.

Катерина крѣпко держала за руку маленькую Сарру, какъ они шли домой по шумнымъ улицамъ. Эта бѣдная Катерина не встрѣчала еще въ своей короткой, трудовой жизни столько романовъ, чтобы смотрѣть на нихъ хладнокровно. Она читала объ этомъ въ книгахъ. Какъ лордъ Орвиль воскликнулъ съ неудержимымъ жаромъ: милая, возлюбленная миссъ Анвиль! какъ энергически ухаживалъ Рочестеръ; какъ выразительны были глаза мистера Нейтля, когда онъ говорилъ: дорогая моя Эмма, ибо дорогою вы останетесь мнѣ, чѣмъ бы ни кончился сегодняшній разговоръ. Она читала о душистомъ пучкѣ сирени, который юноша послалъ предмету своей любви. Вотъ и Катеринѣ Бутлеръ подносятъ душистую сирень: такъ говорила себѣ маленькая гувернантка,— и запахъ такъ сильно разливается кругомъ, что пропитываетъ всѣхъ присутствующихъ.

Digitized by Google

Катерина слышала, какъ Бимишъ сказалъ, сажая миссъ Бутлеръ въ карету: „мы увидимся сегодня“. Дѣвушка не отвѣчала, но радость и смущеніе были на ея лицѣ, когда она наклонилась и протянула ему руку. Глядѣлъ на это и бѣдный Дикъ, и старый капѣвъ пришелъ ему на память: En regrettant la Normandie. En regrettant.... Такія пріятныя размышленія сократили дорогу, хотя дѣти мѣшкали и останавливались передо всѣмъ, что̀ ихъ интересовало. Человѣкъ, наливающій пиво изъ кувшина, молочница, разставляющая свои горшки, возъ апельсиновъ и синей бумаги, торговецъ, нагружающій товаръ съ телѣги, все было имъ по̀-сердцу, что̀ попадалось на глаза и отсрочивало роковое возвращеніе къ вечернимъ урокамъ и постели. А маленькой гувернанткѣ теплый лѣтній сумракъ сіялъ радужными цвѣтами; она находилась въ какомъ-то очарованномъ свѣтѣ, гдѣ полное счастіе ждетъ на углу, гдѣ одинъ человѣкъ знаетъ все, что̀ у другаго на сердцѣ, гдѣ сначала встрѣчаются нѣкоторыя трудности, но въ двадцать два года (лѣта миссъ Бутлеръ), а то и раньше, для всѣхъ цвѣтетъ душистая сирень. Чего же еще? Если цвѣты распускаются, мимолетная гроза и буря не мѣшаютъ веснѣ.

Одно преимущество, которымъ она пользовалась, миссъ Джорджъ, можетъ-быть, недостаточно высоко цѣнила. Оно заключалось въ правѣ вечеромъ сходить внизъ съ Августой въ муслиновомъ платьицѣ, когда вздумается. Маленькую сонливую Сарру и огорченную Лидію уложатъ въ бѣлыя простынки, и миссъ Джорджъ съ Августой могли на свободѣ вкушать всѣ упоительныя радости гостиной. Тамъ мистеръ Бутлеръ дремлетъ надъ газетой; мистрисъ Бутлеръ у бюро пишетъ учтивыя записки одну за другою, крупнымъ, ровнымъ почеркомъ. Катерина и Джорджина стучатъ на фортепіано. Задняя комната совершенно темна, и чай стынетъ на маленькомъ столикѣ у дверей. Это когда нѣтъ никого. Когда гости, все принимало совершенно иной видъ. Зажигались обѣ канделябры, круглый диванъ выкатывался на середину комнаты. На немъ усаживались три дамы, обратившись спиной другъ къ другу; Джорджина съ подругой, въ полномъ вечернемъ нарядѣ, подавляя зѣвоту, разсматривали альбомъ фотографій; Катерина Бутлеръ, внимательная и улыбающаяся, разговаривала со старою леди Шиврингтонъ и старалась слушать съ участіемъ разказъ о ея послѣдней

Digitized by Google

болѣзни; а мистрисъ Бутлеръ, со свойственнымъ ей тактомъ, посвящала себя второй по важности изъ присутствующихъ дамъ. Madame де-Траси, обнаруживавшая во все время обѣда необыкновенное оживленіе, сидѣла нѣсколько утомленная, закрывъ лицо вѣеромъ. Слуги разносили кофе. Затѣмъ наступалъ вѣнецъ вечера, двери растворялись настежь, мущины являлись изъ за-стола одинъ за другимъ, и чай на серебряныхъ подносахъ подавался ожидающимъ гостямъ.

Мистеръ Бутлеръ, смѣясь, исчезаетъ въ ярко освященную заднюю комнату съ парой дружественныхъ бѣлыхъ галстуковъ, а мистеръ Бартоломью, великій подрядчикъ по желѣзнымъ дорогамъ, тяжело шагаетъ черезъ комнату къ хозяйкѣ и спрашиваетъ, еще ли это дочки ея, и почему не имѣли удовольствія видѣть ихъ за столомъ? Моя дочь Августа еще только двѣнадцати лѣтъ и не думаетъ показываться въ общество, а это миссъ Джорджъ, гувернантка дѣтей; ей, бѣдняжкѣ, доставляетъ удовольствіе сходить сюда. Вы кушали чай?

Никакого удовольствія не доставлялъ миссъ Джорджъ весь этотъ блескъ; она обыкновенно тщательно держалась въ сторонѣ. Но въ этотъ вечеръ, послѣ пятичасоваго чая въ мистерской, ее преслѣдовало неопредѣленное любопытство и волненіе; ей казалось, что непремѣнно надо сойдти внизъ, что было бы ужасно сидѣть одной въ безмолвной классной, ничего не видя, не слыша, не зная, въ то время какъ внизу, въ гостиной, кипятъ надежды, ожиданія, счастіе.

Передъ самымъ обѣдомъ она встрѣтилась на лѣстницѣ съ madame де-Траси, которая надѣвала браслеты и бѣжала внизъ впопыхахъ. Катерина взглянула на нее и улыбнулась, давая ей дорогу, а старушка, вся переполненная волненіемъ и таинственностью, томящаяся желаніемъ поговорить съ кѣмъ-нибудь о томъ, что̀ исключительно ее занимало, сказала ей:

— А! миссъ Джорджъ, я вижу, вы подмѣтили сегодня нашу тайну. Ни слова дѣтямъ. Мистеръ Бимишъ будетъ сегодня говорить съ братомъ. Тсс.... Есть кто-то на лѣстницѣ.

Не одна миссъ Джорджъ въ домѣ догадывалась, что происходитъ что-то особенное. Горячій шепотъ madame де-Траси возбудилъ любопытство буфетчика; онъ слышалъ какъ хозяинъ говорилъ, что до нѣкоторой степени ожидалъ этого, а мистрисъ Бутлеръ опоздала къ обѣду, явленіе безпримѣрное, и замѣтили, что она въ своей комнатѣ обнимала дочь нѣжнѣе обыкновеннаго. Мистрисъ Бутлеръ была одна изъ тѣхъ жен-

Digitized by Google

щинъ, въ которыхъ господствуетъ материнскій элементъ, которыя всецѣло посвящаютъ себя мужу и дѣтямъ и думаютъ о другихъ лишь на столько, на сколько можно ожидать отъ нихъ содѣйствія благополучію семейства. Она работала, думала, хлопотала, писала записки, все улаживала и устраивала для мужа и дѣтей. Ея бюро было чѣмъ-то въ родѣ ручной мельницы, гдѣ она перемалывала бумагу, перья, монограммы, марки, сожалѣнія, радости въ записки и выпускала ихъ дюжинами. Ея понятія о назначеніи человѣка въ этой жизни и въ будущей были не слишкомъ возвышенны, но она неукоснительно дѣйствовала сообразно съ этими понятіями, и хотя материнское сердце ея волновалось, была способна занимать гостей и вести легкій разговоръ. Какъ всегда бываетъ,—по ея обращенію ни одинъ изъ нихъ, полагаю, не догадался, какъ ей втайнѣ хотѣлось отъ всѣхъ ихъ отдѣлаться.

Катерина Джорджъ, ничтожная гувернантка, которой предстояло быть только зрительницей, тоже чувствовала волненіе, одѣваясь въ своей комнаткѣ, чтобы сойдти внизъ послѣ обѣда. Безсознательно она занялась собою тщательнѣе обыкновеннаго. Глядѣлась въ зеркало и приглаживалась, и охорашивалась, какъ птичка у ручейка.

Обыкновенное платье показалось ей измятымъ и изношеннымъ, и въ первый разъ она вытащила одно изъ тѣхъ, которыя лежали безъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ она оставила свой родительскій домъ. Это платье было изъ маркаго индѣйскаго муслина, красиво отдѣлано кружевами и голубыми лентами. Оно нѣсколько пожелтѣло отъ времени, но это его не портило, и если ленты немного полиняли, то тѣмъ нѣжнѣе и гармоничнѣе казались онѣ. Собравъ узломъ густые темные волосы и обвязавъ кругленькую шейку жемчужнымъ ожерельемъ, она напоминала картинку сэръ-Джошуа; въ этомъ видѣ сошла она и стала дожидаться Августы въ пустой гостиной. Катерина принадлежала къ тѣмъ людямъ, которые вдругъ хорошѣютъ по временамъ, какъ другіе становятся внезапно любезны, остроумны и веселы. Странная, неожиданная красота Катерины являлась какъ бы по вдохновенію; я думаю, она сама объ этомъ не знала. Дѣвушка находилась въ этотъ день въ необыкновенно возбужденномъ, взволнованномъ состояніи. Она пробовала думать о другомъ, но на мысли ей приходила опять и опять свѣтлая мастерская, шумящая рѣка, музыка,

Digitized by Google

ласковые молодые люди, и прекрасная, счастливая Катерина, которая слушаетъ, сидя въ старинномъ креслѣ, съ радостнымъ блескомъ на глазахъ, длинную исторію Бимиша. Съ тѣхъ поръ зашло солнце, и звѣздная ночь царила въ вышинѣ. Въ растворенныя окна гостиной проникало мерцаніе звѣздъ и легкое благоуханіе отъ цвѣтовъ на балконѣ. Миссъ Джорджъ помѣстилась въ тихомъ уголку и глядѣла изъ скучныхъ стѣнъ гостиной на ослѣпительный звѣздный сводъ, пока не закрыла его рука буфетчика, который пришелъ опустить сторы, зажечь нѣсколько лишнихъ свѣчъ и разставить стулья по стѣнамъ. Занимаясь устройствомъ комнаты, онъ замѣтилъ, что дамы не придутъ еще минутъ десять или больше, и если угодно миссъ Джорджъ и миссъ Августѣ скушать мороженаго, такъ еще успѣютъ свободно.

— Конечно, сказала Августа, — принеси поскорѣе, Фриманъ.—И онѣ съ миссъ Джорджъ стали дѣлить одною ложкой свой скромный пиръ.

Дамы встали изъ-за стола; Августу позвали говорить съ ними; миссъ Джорджъ осталась одна въ своемъ уголку. Она была совершенно довольна, хотя ей не съ кѣмъ было разговаривать; она совершенно погрузилась въ романъ, котораго знала уже первыя главы, и героиня котораго была теперь передъ нею въ бѣломъ газовомъ платьѣ съ азаліями въ волосахъ.

Такъ одна Катерина глядѣла, дивилась и размышляла; а другая сидѣла, терпѣливо выслушивая жалобы старухи, разказъ о докторахъ и болѣзняхъ, о старости и приближающейся смерти, такъ скоро послѣ увлекательныхъ звуковъ музыки, молодости и любви.

У одной Катерины цвѣтущія щечки поблѣднѣли какъ полотно, другая, глядѣвшая изъ уголка, покраснѣла, когда тотчасъ же вслѣдъ за чаемъ, дверь растворилась, Дикъ и мистеръ Бимишъ вошли безъ доклада. Мистрисъ Бутлеръ подняла голову, улыбнулась и протянула руку; мистеръ Бутлеръ вышелъ изъ задней комнаты. Madame да-Траси надѣла лорнетку, Катерина Бутлеръ опустила глаза, но была въ силѣ сказать „да“ совершенно спокойно старой леди Ширингтонъ, которая спрашивала громкимъ шепотомъ, не мистеръ ли Бимишъ это.

— Эти молодые люди сколько ужь разъ приходятъ обѣ-

Digitized by Google

дать, мой дружокъ, говорила старушка,—но они такъ похожи другъ на друга, что я ихъ никакъ не могу признать.

И только? Такъ вотъ для чего Катерина вышла изъ своей классной? Чарльсъ Бутлеръ, который тоже глядѣлъ съ другаго конца комнаты не блестящими взорами, а маленькими моргающими глазами, тутъ оставилъ свое мѣсто, перешелъ черезъ комнату, и къ немалому испугу миссъ Джорджъ, опустился въ пустое кресло подлѣ нея. Она сидѣла въ своемъ муслиновомъ платьицѣ, свѣженькая, хорошенькая, кроткая, кидая кругомъ быстрые, любопытные, робкіе взгляды. А рядомъ съ нею сидѣлъ старый холостякъ со сморщеннымъ лицомъ и густыми бровями. Нечего ей было бояться его, хотя видъ у него былъ нѣсколько пугающій. Еслибы мистеръ Бартоломью, стоявшій неподалеку, зналъ, какія мысли проходятъ въ умѣ этой пары, онъ былъ бы пораженъ дуэтомъ, который она безсознательно играла.

„Матильда нынче отличалась, думалъ мистеръ Бутлеръ, но ея секретничанье невыносимо, кривлянье, шутканье; какъ она любитъ любовныя дѣла! Еслибы тло дѣло о бѣдномъ Дикѣ.... Но я думаю, ни одна женщина съ разсудкомъ и повода ему не подастъ; онъ рано или поздно ужасно себя одурачитъ. Э, гe, гe! мы всѣ давали дурачить себя, только уже полвѣка прошло съ тѣхъ поръ какъ увидалъ я въ первый разъ его мать подъ липами. Бѣдняжка, бѣдняжка!...“ И старикъ началъ бить ногой похоронный маршъ, думая о томъ что̀ прошло. Между тѣмъ миссъ Джорджъ тянула свою дискантовую партію.

„Что̀ бы это такое, любить, быть любимою, переживать въ дѣйствительности грезы и романы? Съ чѣмъ это сравнить? Не могу придумать! То же ли чувствуетъ, какъ слушая музыку? Или то, что̀ мы чувствовали тогда съ матерью, когда на закатѣ взбирались на гору все выше и выше, а внизу, въ долинѣ, словно рай открывался? Чувствуютъ ли сморщенные старики участіе, глядя на такія вещи, или всякое чувство исчезаетъ со временемъ? Какъ спокойна кажется Катерина! Она почти не говоритъ съ мистеромъ Бимишемъ. Онъ madame де-Траси улыбается и киваетъ ей головой черезъ комнату. Возможно ли не обнаружить ни малѣйшаго признака, если есть истинное, настоящее, глубокое чувство? Что̀ бы я дѣлала, еслибъ я была на мѣстѣ Катерины? Ахъ! что̀ это я думаю!“

Тутъ мистеръ Бутлеръ вдругъ заворчалъ и сказалъ:

Digitized by Google

— Я совершенно убѣжденъ, что недостатокъ всѣхъ креселъ состоитъ въ томъ, что они не довольно глубоки въ сидѣніи. Мои ноги совершенно онѣмѣли отъ этого возмутительнаго орудія, на которомъ я сижу. Не понимаю, какъ это братъ можетъ засыпать на немъ, да еще каждый день.

— Неужели кресло мистера Бутлера неспокойно? сказала Катя, улыбаясь.—Дѣти и я, мы привыкли смотрѣть на него съ почтеніемъ и никогда не осмѣлились бы на него сѣсть или подумать, что оно не довольно глубоко.

— А вотъ мистеръ Бимишъ, какъ видно, не боится сѣсть на почетное мѣсто, сказалъ старикъ Бутлеръ, бросая на Катю взглядъ изъ-подъ густыхъ бровей и тѣмъ безсознательно приводя ее въ испуганное молчаніе.

Катерина была подавлена обстоятельствами и робка отъ природы, какъ бо́льшая часть людей, одаренныхъ живымъ воображеніемъ и не имѣвшихъ случаевъ къ общительности. Она всю жизнь жила со скучными людьми и не научилась говорить и думать. Мачиха ея была добрая, нѣжная, грустная женщина, видѣвшая во всемъ только внѣшнюю сторону. У мистрисъ Джорджъ были въ запасѣ дюжины двѣ изреченій, которыя она повторяла, вѣроятно, не одну тысячу разъ въ теченіе жизни, и которыя Катерина привыкла твердить за ней, видя въ нихъ всю жизненную мудрость, совершенно достаточную на всѣ потребы. Но теперь все мѣнялось; она начинала составлять себѣ свои мысли и искать словъ для ихъ выраженія. А съ мыслями и словами являлось, увы! желаніе найдти кого-нибудь, кто бы выслушалъ ея странныя открытія и объяснилъ бы ей что̀ они значатъ. Но не со старымъ Чарльсомъ Бутлеромъ могла она говорить. Она взглянула на другой конецъ комнаты. Да, вонъ тамъ сидитъ Бимишъ; всѣ привѣтствуютъ его ради своей возлюбленной принцессы.

„Ахъ! что̀ это я думаю! опять говорила себѣ Катерина.— Кому на свѣтѣ было бы дѣло, еслибы....“ Она не окончила своей мысли, но смутная невозможность въ видѣ какого-то Жерена съ сонными глазами и безъ имени, промелькнула въ ея головѣ. Случилось такъ, что въ эту самую минуту подошелъ Дикъ Бутлеръ, и она вздрогнула и покраснѣла, какъ обыкновенно, и видѣнія ея исчезли. Катѣ почти казалось, что онъ видѣлъ, какъ они улетали.

Не Дику съ его близорукими глазами было видѣть, какъ

Digitized by Google

улетаютъ легкія грезы. Но тутъ были другіе, болѣе опытные, болѣе внимательные и прозорливые. Госпожа де-Траси была женщина, одаренная живымъ воображеніемъ; ей почти никто изъ присутствующихъ не былъ знакомъ, и говорить было не съ кѣмъ. Такъ черезъ четверть часа ей и показалось, что племянникъ довольно ужь долго бесѣдовалъ съ миссъ Джорджъ.

Весь свѣтъ могъ бы слышать, что онъ ей говорилъ. Дикъ разказывалъ ей о Нормандіи, о прекрасныхъ древнихъ развалинахъ, о церквахъ, обращенныхъ въ руги; весь разговоръ его былъ не болѣе какъ извлеченіе изъ Мурре. По причинамъ ему лишь самому извѣстнымъ, онъ любилъ говорить о мѣстахъ, которыя посѣтилъ недавно, хотя мало упоминалъ о людяхъ, съ которыми былъ тамъ знакомъ. А миссъ Джорджъ умѣла слушать, она говорила не много, но лицо ея свѣтлѣло по мѣрѣ того, какъ онъ вдавался въ свои разказы. Многіе нашли бы ихъ растянутыми. Однажды дядя вмѣшался, воскликнувъ: „Избавь насъ, Ричардъ, пожалуста отъ описанія слѣдующей церкви, которую ты посѣтилъ!“ Но Катеринѣ Джорджъ нравилось каждое слово. Она слушала съ радостнымъ вниманіемъ. Она слушала; лучше бы ей бѣдняжкѣ сидѣть одной въ классной комнатѣ съ своими огарками и мечтами о томъ чего нѣтъ, что могло бы быть.

(*До слѣд. №.*)

Digitized by Google

НЕ СОШЛИСЬ

ПОВѢСТЬ.

I.

Мнѣ минуло 17 лѣтъ, когда мать моя переселилась изъ деревни въ Москву, чтобы вывозить меня въ свѣтъ. Мое воспитаніе было кончено, хотя я осталась ребенкомъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Я еще играла въ куклы, и отъ меня тщательно удаляли все то, что могло бы меня пріохотить къ сколько-нибудь серіозному занятію.

Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, и система воспитанія значительно измѣнилась съ моей молодости. Тогда задача была не сложная: довести ребенка до того, чтобъ онъ думалъ какъ прикажутъ, или вовсе не думалъ. Разъ я начала фразу такимъ образомъ:

— Я думаю....

Мадамъ Петипьеръ, моя гувернантка, меня перебила:

— Вы думаете? въ такомъ случаѣ вы будете обѣдать сегодня въ своей комнатѣ. Дѣти не думаютъ.

Нашимъ наставникамъ была ненавистна мысль, и точно также ненавистно слово *любовь*. Его не только избѣгали въ разговорѣ, но вымарывали чернилами въ книгахъ. Кстати о книгахъ: въ 17 лѣтъ я знала имя Пушкина лишь по наслышкѣ, а Гоголя у насъ прозвали *избеннымъ писателемъ*. Понимается, что его произведенія до гостиной не допускали. Наша же дѣтская библіотека была составлена, какъ на подборъ, изъ самыхъ скучныхъ книгъ, большею частію французскихъ. Въ особенности мнѣ памятна одна, подъ заглавіемъ *Les*

Digitized by Google

annales de la vertu. Мнѣ ее подарили въ именины для развлеченія отъ уроковъ, но сдѣлали изъ нея орудіе пытки. Какъ бывало въ чемъ-нибудь провинишься, возвышался голосъ гувернантки: „Prenez à l'instant *Les annales de la vertu.*“

О, добродѣтель! какъ рано наши наставники, въ простотѣ душевной, учили тебя ненавидѣть. Не тобой ли наведенная скука побуждала насъ къ хитрости и обману? Моя гувернантка не замѣчала, что я себѣ завела завѣтный уголокъ для чтенія пугола-книги. Лѣто мы проводили обыкновенно въ деревнѣ моего дѣда, и какъ живо помню я его старый домъ, и въ особенности мое любимое мѣсто въ гостиной у окна, драпированнаго истлѣвшею по складкамъ занавѣской. Дѣдушка былъ охотникъ до цвѣтовъ; около оконъ Толычевскаго дома распускались розаны, гвоздики и, между прочимъ, высокая герань въ фаянсовомъ горшкѣ. До сихъ поръ я люблю герань по воспоминанію. Сколько разъ я скрывалась, по возможности, за цвѣтами, устроивалась уютно на диванѣ противъ стариннаго стола, обнесеннаго мѣдною рѣшеткой, и вынимала, дрожащей отъ страха и радости рукой, изъ одного изъ многочисленныхъ его ящиковъ романъ Флоріана *Gonzalve de Cordoue.* Мать моя прочла его въ молодости, и онъ съ тѣхъ поръ покоился въ старомъ шкапѣ подъ густымъ слоемъ пыли, вмѣстѣ съ грудой календарей и расходныхъ книгъ моего дѣда. Я его прочла отъ доски до доски въ часы назначенные для чтенія *Annales de la vertu.* Флоріановскій герой сдѣлался моимъ героемъ. Я бредила рыцарствомъ, и идеалъ мущины врѣзался въ мое воображеніе вооруженный мечомъ, латами, шлемомъ. Долго міръ ограничивался для меня антиподами: Аламброй и Толычевомъ.

Единственное рѣзкое чувство, которое испытала я въ дѣтствѣ и юношествѣ, была ненависть къ мадамъ Петипьеръ. Я въ ней видѣла ни болѣе ни менѣе какъ домашняго шпіона, приставленнаго ко мнѣ для того только, чтобъ отучить меня думать, и надо сказать, что свою должность она исправляла въ совершенствѣ. У насъ въ саду былъ лужокъ, на которомъ мы играли съ братомъ въ свободные часы; но я часто отказывалась отъ игры, ложилась на траву и смотрѣла на небо. Пространство пробуждало во мнѣ смутное понятіе о свободѣ. Мнѣ казалось, что я лечу къ небу и смотрю съ высоты на папан и мадамъ Петипьеръ, а онѣ стараются напрасно меня достать и грозно приказываютъ возвратиться

Digitized by Google

на землю. Какъ бывало замѣтитъ мадамъ Петипьеръ, что я лежу на травѣ, такъ сейчасъ и крикнетъ: „Eh! bien? qu'avez vous à regarder là haut d'un air hébété?... Elle est toujours là à rever à quelque chose! Levez vous.“

Однако опасенія мадамъ Петипьеръ были довольно неосновательны: я очень мало думала и смотрѣла совершенною дурочкой.

Брата Мишу отправили въ Москву для окончанія наукъ, а мнѣ пришлось провести три послѣдніе года нашего житья въ деревнѣ между maman и моею гувернанткой. Меня удаляли отъ сосѣднихъ дѣвочекъ, моихъ родственницъ, потому что онѣ были не аристократическаго происхожденія.

— Добру не научатъ какія-нибудь Мухрановы, говаривала maman.

Смерть моего дѣда я мало оплакивала: онъ былъ угрюмъ и не ласковъ. Похоронивъ его, maman рѣшилась переселиться въ Москву, что̀ меня чрезвычайно обрадовало. Я освобождалась, наконецъ, отъ madame Петипьеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ *Annales de la vertu* и отъ вопросовъ: куда ты идешь? о чемъ думаешь? и т. п. Ей отказали прилично, поблагодаривъ за услуги.

Мать моя прожила по необходимости нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ; она очень любила свѣтъ и возобновила прежнія знакомства тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ въ Москву. Мы принимали два раза въ недѣлю пріятельскій и родственный кружокъ. Кузины смотрѣли на меня какъ на дурочку, за то тетки наши, что мое воспитаніе удалось.

II.

Наступило Рождество. Меня нарядили какъ куклу и повезли на танцовальный вечеръ. При входѣ въ освѣщенную залу мной овладѣло сильное чувство страха: мнѣ казалось, что я обращаю на себя общее вниманіе. Эта претензія разсмѣшила кузину Вареньку, пребойкую девятнадцатилѣтнюю дѣвушку.

— Успокойся, здѣсь двадцать паръ танцующихъ. Тебя никто и не замѣтитъ, сказала она.

Я дѣйствительно успокоилась, пустилась танцовать и скоро убѣдилась, что въ такой толпѣ всякій свободенъ какъ

Digitized by Google

дома. Я болтала, смѣялась, словомъ, совсѣмъ оперилась къ концу вечера.

— Кто тебя звалъ на мазурку? спросила у меня Варенька.

— А тотъ молодой человѣкъ, съ которымъ я танцовала послѣднюю кадриль.

— Горновъ? Говорятъ онъ очень уменъ. А мнѣ пришлось танцовать только что не съ кретиномъ.

— Хочешь помѣняемся? Мнѣ все равно.

Варенька разсмѣялась и объяснила мнѣ, что обмѣнъ кавалеровъ возможенъ только въ провинціи. Эта колкость меня нисколько не обидѣла. Въ послѣдствіи я узнала, что Горновъ слышалъ нашъ разговоръ и что моя выходка ему чрезвычайно понравилась. Мы пошли танцовать; я проголодалась, взяла въ каждую руку по грушѣ и откусывала поочередно то отъ одной, то отъ другой. Какъ нарочно, maman вошла въ залу, чтобы на меня взглянуть—и обмерла.

— Ты сошла съ ума, порядочные люди такъ не ѣдятъ, сказала она, наклонясь ко мнѣ.

Я сконфузилась и опустила руки, не зная куда дѣвать мои груши. Горновъ меня выручилъ.

— Ахъ! не браните вашу дочь, сказалъ онъ maman. — Ея необдуманность такъ мила!

Maman снисходительно улыбнулась.

— Что съ ней дѣлать? отвѣчала она, — дикарка, пятилѣтній ребенокъ!

Я еще помню мой первый разговоръ съ Горновымъ. Онъ разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ, о чтеніи, о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Мои отвѣты обнаруживали крайнюю неразвитость, которую онъ называлъ наивностью. Наивность, первобытныя природы начинали тогда входить въ моду....

На другой день онъ явился къ намъ съ утреннимъ визитомъ.

Горновъ былъ дерптскій студентъ. Окончивъ курсъ, онъ провелъ три года въ Германіи и пріѣхалъ въ Москву для полученія наслѣдства послѣ смерти отца. Онъ мнѣ не понравился. Ни его пріемы, ни наружность не соотвѣтствовали типу средневѣковаго рыцаря. Въ немъ была однако неоспоримая прелесть: опытный взглядъ угадалъ бы въ немъ много спокойной, спящей силы. Онъ былъ высокаго роста, плотенъ, широкоплечъ. Двѣ складки пересѣкали вдоль невысокій, почти плоскій лобъ; носъ былъ тонкій, острый, съ широко откры-

Digitized by Google

тыми ноздрями, а нижняя, слишкомъ длинная часть лица выдавалась немного впередъ. Онъ часто прищуривалъ свои сѣроватые и усталые глаза: близорукость усиливала врожденную его разсѣянность, которою я забавлялась какъ дѣвочка. Танцовалъ онъ тихо и неохотно и смотрѣлъ флегматикомъ. Ему нравилось во мнѣ все то, что другаго могло бы привести въ отчаянье: мое невѣжество и неразвитость. Онъ говорилъ, что даже понятіе о злѣ не должно до меня касаться.

— А что такое зло? спросила онъ меня разъ, когда я употребила къ чему-то это слово.

Вопросъ меня озадачилъ. Съ непривычки думать, я не умѣла дать простаго объясненія. Вмѣсто отвѣта, я покраснѣла и сказала:

— Не знаю.

Горновъ засмѣялся и посмотрѣлъ на меня съ умиленіемъ. Его скоро стали принимать у насъ на ногѣ будущаго жениха. Въ Москвѣ поговаривали о моей свадьбѣ. Тогда maman нашла нужнымъ меня предупредить, что не сегодня, завтра Владиміръ Павловичъ Горновъ за меня, вѣроятно, посватается; она обратила мое вниманіе на всѣ выгодныя стороны такого брака. Горновъ былъ богатъ и нрава, повидимому, самаго ужичиваго.

— Если ты только сумѣешь взять его въ руки, сказала maman,—онъ съ тебя будетъ порошинки обдувать.

Я не имѣла понятія ни о любви, ни о супружескихъ обязанностяхъ; въ замужствѣ меня прельщало одно—свобода. Въ моихъ тогдашнихъ понятіяхъ это слово давало женщинамъ возможность хозяйничать въ собственномъ домѣ и заниматься или выѣзжать по прихоти. Другаго рода счастія замужство мнѣ не представляло. Я не отвѣчала ни „да“, ни „нѣтъ“, однако разговоръ съ maman подготовилъ меня къ предложенію Горнова. Оно не замедлило, а я дала свое согласіе безъ принужденія, но и безъ радости.

Владиміръ скоро освоилъ себѣ нѣкоторыя права надо мной, и кто этому повѣритъ? онъ старался всячески поддерживать систему воспитанія моей матери. Вывести меня изъ состоянія дѣтскаго невѣжества показалось бы ему святотатствомъ. Онъ похитилъ у меня только что вышедшія въ свѣтъ стихотворенія Лермонтова, объявивъ, что чужія мысли меня только испортятъ. Миша за меня заступился.

Digitized by Google

— Ты пойми, что она еще ничего не читала, сказалъ онъ Горнову.—Ей скоро восемнадцать лѣтъ, пора начать.

— Не читала? и тѣмъ лучше, тысячу разъ лучше, отвѣчалъ Горновъ.

Я не помню, чтобы мы когда-нибудь разговорились, но онъ любилъ слушать молча и съ улыбкой мою пустую болтовню, которую называлъ дѣтскимъ лепетомъ. Онъ вкушалъ такое довѣріе maman, что она бывало отправится отдохнуть послѣ обѣда, а меня оставитъ съ Мишей и съ нимъ. Когда мои собесѣдники пускались въ разговоръ и споры, мнѣ становилось до смерти скучно слушать пренія, въ которыхъ я не понимала ни слова, вотъ я бывало начну дурачиться, мяукать, передразнивать мадамъ Петипьеръ. Горновъ вдругъ разразится своимъ громкимъ смѣхомъ, возьметъ мою руку и поцѣлуетъ, но такъ осторожно, какъ будто бы боялся смять ее въ своей широкой рукѣ. Эта мечтательная любовь, которая не смѣла высказаться, которой я не угадывала, не вызывала ни малѣйшаго отголоска въ моемъ сердцѣ. Сказать ли правду? Мнѣ было несравненно веселѣй съ однимъ петербургскимъ конно-гвардейцемъ, который за мной ухаживалъ какъ за взрослою дѣвушкой.

Я дорожила моимъ женихомъ, за то что онъ меня закармливалъ конфетами и отстаивалъ, когда maman меня бранила за отступленіе отъ свѣтскихъ приличій. Я успѣла замѣтить, что онъ не долюбливалъ maman, а она, напротивъ, души въ немъ не знала.

— Не мужъ, а кладъ! повторяла она. — Водой не замутитъ. Боюсь одного только: онъ дастъ Настѣ слишкомъ много воли.

И то сказать, я не знавала человѣка добрѣе, болѣе способнаго приноровиться къ характеру другихъ, даже къ чужимъ прихотямъ. Своихъ за нимъ не водилось. До двадцати пяти лѣтъ онъ занимался безъ устали и часто говорилъ о желаніи найдти полезную дѣятельность, но въ ожиданіи этой дѣятельности ему хотѣлось провести, послѣ женитьбы, нѣсколько мѣсяцевъ со мной на берегахъ Рейна.

III.

Нашу свадьбу отложили до осени, а на лѣто мы наняли дачу въ Петровскомъ паркѣ, вошедшемъ тогда въ моду. На другой день нашего переселенія, пока maman еще спала, ран-

Digitized by Google

нимъ утромъ, я вышла въ цвѣтникъ, разбитый противъ оконъ и отдѣленный рѣшеткой отъ другаго цвѣтника, въ которомъ стоялъ затѣйливый домикъ, похожій на kiosk. На балконѣ, обставленномъ цвѣтами, возвышался столъ съ серебрянымъ приборомъ. „Кто выйдетъ на этотъ балконъ?“ думала я, не спуская съ него глазъ.

Вдругъ со стола слетѣлъ журнальный листокъ, закружился въ воздухѣ, и черезъ нѣсколько минутъ упалъ къ моимъ ногамъ. Я подняла его, съ тѣмъ, чтобы возвратить на прежнее мѣсто до появленія хозяевъ дома. Но въ ту минуту какъ я вбѣжала на балконъ, женщина лѣтъ тридцати показалась въ дверяхъ, ведущихъ съ балкона въ гостиную.

— Извините, сказала я, краснѣя и подавая ей листокъ. — Онъ упалъ.... я его подняла....

— Mercі, mercі, ma belle enfant, отвѣчала она, улыбаясь привѣтливо, но съ видимымъ смущеніемъ.

Я хотѣла удалиться, она меня схватила за руку.

— Погодите.... я вамъ дамъ букетъ.

Она срѣзала проворно нѣсколько розановъ и спросила:

— Вѣдь мы, кажется, сосѣдки?

— Да.... сосѣдки.... со вчерашняго дня.

Я смотрѣла на нее со вниманіемъ. Она была средняго роста, нѣсколько полна, круглолица, а цвѣтъ лица отличался ослѣпительною бѣлизной и легкимъ, хотя и поддѣльнымъ, румянцемъ. Смѣло очерченныя черныя брови рѣдѣли при соединеніи на переносицѣ. Мнѣ въ особенности понравились ея глаза. То они смотрѣли задумчиво, то смѣло и проницательно. Бѣлые зубы безпрестанно сверкали, когда она говорила.

— Вы не знаете, сказала она, — что я вами любовалась вчера? Вы сидѣли рядомъ съ Горновымъ, вотъ тамъ, въ цвѣтникѣ, и оба казались такъ счастливы!

— А развѣ вы знаете Горнова? спросила я.

— Немного.... Какъ жарко!

Она нагнулась, чтобъ срѣзать цвѣтокъ; вся кровь бросилась ей въ лицо.

— Вотъ вамъ букетъ на счастье.... Вы очень влюблены въ вашего жениха?

И она взяла меня за руку, улыбаясь.

— Конечно, я его очень люблю.

Она внушала мнѣ сильную симпатію, и мнѣ до смерти

Digitized by Google

хотѣлось поболтать съ ней. Въ ея пріемахъ поражалъ парижскій тикъ, который былъ еще новымъ явленіемъ у насъ и нравился въ русскомъ обществѣ. Она ловко освоила себѣ французскій выговоръ и щеголяла часто выраженіями, которыя напоминали не парижскихъ аристократокъ, но парижскихъ гризетокъ, о чемъ у насъ не скоро догадались.

— Приколите эту розу къ вашимъ прекраснымъ волосамъ, сказала она, — невѣсты кокетничаютъ.

— Это всѣ говорятъ.

— И вы того же мнѣнія, я полагаю.

— Нисколько, отвѣчала я, смѣясь. — Сегодня я надѣну эту розу въ вокзалѣ, потому только, что вы мнѣ ее дали.

Она посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ, какъ будто ей не вѣрилось, что я не влюблена въ Горнова.

Я простилась съ ней изъ опасенія, чтобы болѣе продолжительный визитъ не показался ей нескромнымъ, но она меня опять остановила.

— Attendez donc, mon bijou.... Не хотите ли вы чашку шоколада? спросила она, подавая мнѣ чашку.

Я не имѣла духа отказаться и приняласъ за шоколадъ съ такимъ аппетитомъ, что незнакомка невольно улыбнулась.

— Fillette! сказала она вдругъ, обнимая меня и цѣлуя въ лобъ.

Я растаяла.

— Если бы вы познакомились съ maman?... начала я. — Мы такія близкія сосѣдки....

Она помолчала немного, потомъ взяла меня за руки и отвѣчала:

— Ваша мать не согласится познакомиться со мной.

— Ахъ, напротивъ, она будетъ очень рада. Почему вы думаете?...

— Я знаю вашу мать по-наслышкѣ.... Она свѣтская женщина и будетъ въ отчаяніи, если только узнаетъ, что вы теперь у меня. Въ свѣтѣ меня ненавидятъ, меня оклеветали.... Но къ счастію, васъ никто здѣсь не видалъ.... Прощайте, вамъ пора домой.

— Нѣтъ, ничего; maman еще не встала. За что жъ васъ оклеветали?

— За что? Исторія моя коротка. Я вышла замужъ безъ любви, и разумѣется, не на радость. Если бы вы знали, черезъ что я прошла! Когда мое терпѣніе наконецъ истощилось, я

Digitized by Google

рѣшилась оставить мужа. Онъ поднялъ шумъ, надѣлалъ скандалъ, и на меня всѣ бросились, въ особенности женщины. Судьба меня преслѣдовала и въ семейной жизни, и въ обществѣ.... Но я поступаю какъ эгоистка, задерживая васъ у себя. Удалитесь отъ меня.... но не забывайте.

Она пожала мою руку.

— О, нѣтъ, я васъ не забуду. Въ моемъ присутствіи никто объ васъ не скажетъ дурнаго слова.

— Нѣтъ, нѣтъ! ради Бога не говорите никому о нашемъ знакомствѣ, если вы хотите его поддержать. Знаете что? Мы будемъ видаться иногда мелькомъ по утрамъ.

— Конечно, будемъ. Почему вы вышли замужъ безъ любви?

— Велѣли.... Мнѣ было восьмнадцать лѣтъ, а восьмнадцатилѣтнія дѣвочки не имѣютъ понятія о любви. Да вы сами? Не говорили ли сейчасъ, что вы не влюблены въ вашего жениха?

Я молчала. Мнѣ казалось, что я обижу Горнова, если сознаюсь, что не влюблена въ него.

— Ну, подите, подите, васъ хватятся дома, сказала моя незнакомка, толкнувъ меня тихонько за калитку. — A revoir, mignonne.... и будьте осторожны.

Къ счастію, никто не замѣтилъ моего отсутствія. Maman только-что проснулась.

Нѣтъ, можетъ-быть, молодой дѣвушки, которая не испытала бы въ извѣстномъ возрастѣ чувства обожанія къ женщинѣ вдвое ея старше. Во мнѣ это чувство развилось тѣмъ быстрѣе, тѣмъ сильнѣе, что у меня не было еще исключительныхъ привязанностей. Я была очарована моею сосѣдкой и таинственностью, которою она желала окружить наши свиданія. Ее звали Елена Николаевна Васьева. Я смертельно желала знать, что maman и Горновъ думали объ ней, и цѣлое утро обдумывала, какъ бы вывѣдать ихъ мнѣніе. За обѣдомъ я спросила, кто нанимаетъ дачу рядомъ съ нами?

— На что это тебѣ? отозвалась maman.

— Я видѣла хорошенькую женщину на балконѣ, maman, и думала, какъ бы хорошо съ ней познакомиться.

Maman улыбнулась и взглянула украдкой на Горнова. Они всегда переглядывались, когда я говорила *наивность*.

— Ты, чего добраго, ей, пожалуй, по-сосѣдству-то, поклонишься? сказала maman.

— А если она мнѣ поклонится, maman?

Digitized by Google

— Если она осмѣлится это сдѣлать, прикинься, что не замѣтила, и отвернись.

Я покраснѣла отъ негодованія. Горновъ не замолвилъ слова въ пользу Елены Николаевны. Это меня очень оскорбило. Я была увѣрена, что онъ, какъ и всегда, возстаетъ противъ грубости нѣкоторыхъ понятій.

— Владиміръ, спросила я, когда мы остались вдвоемъ, — за что maman ненавидитъ нашу сосѣдку?

— Это не ненависть, а неуваженіе къ личности вашей сосѣдки.

— За что она ея не уважаетъ?

— А какое вамъ до этого дѣло? спросилъ Горновъ шутливымъ тономъ.

— Какое дѣло?... Maman мнѣ запретила ей кланяться, и я бы желала знать, что вамъ даетъ право ее обижать.

— Ничто на свѣтѣ не даетъ права обижать женщину, но я бы желалъ, чтобъ вы избѣгали ея, не обижая однако. Она не даромъ нажила себѣ дурную репутацію....

— А можетъ-быть ее оклеветали?... перебила я.

— Нѣтъ, ея не оклеветали, и мнѣ было бы очень непріятно, еслибъ эта госпожа попробовала къ вамъ навязаться. А она на это способна.

— Вы съ ней знакомы?

Этотъ вопросъ я сдѣлала не твердымъ голосомъ. Мнѣ было совѣстно обманывать Горнова.

— Я съ ней встрѣтился прошедшею зимой раза три-четыре. Она мнѣ не понравилась.

— Владиміръ, спросила я, помолчавъ немного,—что по вашему значитъ это слово: дурная репутація?

Владиміръ взялъ меня за руку.

— А мы, кажется, еще не мяукали сегодня, сказалъ онъ разсмѣясь.

— Вы не хотите говорить со мной серіозно, однако я не ребенокъ.

— О! я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Горновъ, придавая серіозно-комическое выраженіе своему тону.

Я отошла молча, оскорбленная его неумѣстными шутками. Горновъ, судя обо мнѣ какъ о ребенкѣ, не понялъ, что жестокость свѣтскихъ приговоровъ пробудила во мнѣ новыя силы, вызвала на борьбу за женскія права, онъ не понялъ, что

Digitized by Google

этотъ разговоръ могъ бы быть первымъ шагомъ къ сближенію между имъ и мной.... Къ несчастію иные промахи неисправимы.

IV.

Вечеромъ мы отправились всѣ въ вокзалъ.

— Здравствуй, сказала мнѣ кузина Варенька.—Мы еще не танцуемъ. Наши кавалеры заняты: посмотри.

Она указала мнѣ на группу молодыхъ людей, окружавшихъ Власьеву.

— Finissez donc, прибавила Варенька, дернувъ меня за рукавъ.—Ты на нее смотришь въ оба глаза, а на нее и одними-то взглянуть запрещено.

Я уже успѣла коснуться пальцемъ розы, подаренной мнѣ утромъ Еленой Николаевной и приколотой къ моему корсажу. Она улыбнулась и поднесла вѣеръ къ губамъ чтобы послать мнѣ поцѣлуй, который я одна могла угадать. Сердце мое запрыгало отъ радости.

— А почему запрещено на нее глядѣть? спросила я у Вариньки.

— Тебѣ скажетъ, а ты проболтаешься.... Grand merci, отвѣчала она, кивнувъ головой.

Варенька намекала на происшествіе, которое имѣло для нея довольно непріятныя послѣдствія. Разъ она мнѣ разсказала анекдотъ, въ которомъ дѣло шло о любви, а я его повторила въ присутствіи maman. Боже мой! что у насъ поднялось! Maman объявила Варенькиной матери, что ея дочь портитъ мою нравственность; тетка прилетѣла ко мнѣ чтобы разузнать въ точности ли я повторила Варенькинъ разсказъ. Словомъ, объясненія длились цѣлый мѣсяцъ, и maman чуть было не поссорилась на вѣкъ съ своею сестрой. Съ тѣхъ поръ, разумѣется, кузины меня избѣгали какъ чумы.

Было еще пусто въ залѣ. Музыканты настраивали инструменты. Maman и моя тетка чинно сидѣли на скамейкѣ, а мы съ Варенькой ходили взадъ и впередъ, по залѣ. Изъ группы, составленной Еленой Николаевной и молодыми людьми, раздавались голоса. Елена что-то разсказывала, около нея смѣялись. Ея нарядъ состоялъ изъ бѣлаго платья и бурнуса пунцоваго цвѣта. Всѣ женщины, кромѣ ея, были въ шляпкахъ;

Digitized by Google

вѣроятно, она хотѣла пококетничать своими черными волосами, заплетенными въ косы и украшенными золотой стрѣлкой. Нельзя было не замѣтить грацiозность каждаго ея движенiя: она вставала и садилась грацiозно, грацiозно ѣла мороженое. Молодые люди обращались съ ней свободно. Одинъ держалъ ея вѣеръ, другой носовый платокъ. Я замѣтила, что Горновъ поклонился ей издали и холодно. Онъ устроился съ Мишей у открытаго окна и говорилъ, не обращая вниманiя на Елену Николаевну. Но она бросала украдкой взглядъ то на окно, то на меня.

Вдругъ Варенька вспыхнула и наклонилась, озираясь во всѣ стороны, какъ будто что-нибудь потеряла. Я спросила что она ищетъ?

— Ничего, отвѣчала она, съ видимымъ смущенiемъ, и запустила пальцы за поясъ. Но и за поясомъ не нашлось пропажи.

— Господа, сказалъ вдругъ, возвышая голосъ, одинъ изъ молодыхъ людей, окружавшихъ Елену; я нашелъ billet doux. Кто его потерялъ?

Варенька поблѣднѣла и остановилась на всемъ ходу. Всѣ головы обратились къ Лаврову, который держалъ въ поднятой рукѣ маленькiй листокъ бумаги. Мущины не тронулись съ мѣста. Лавровъ, съ необычайною наглостью громко прочелъ:

— Ради Бога, постарайся пріѣхать завтра въ театръ....

Елена Николаевна вскочила со стула и выхватила записку у Лаврова.

— Записка адресована мнѣ, сказала она. — А вашему поступку.... нѣтъ имени.

Я не могу забыть эффекта произведеннаго этою сценой. Лавровъ растерялся, измѣнился въ лицѣ; мущины переглядывались молча, пожилыя дамы встали, а Владиміръ и братъ, замѣтивъ общее смущенiе, подошли къ намъ, спрашивая: что случилось? Но я не успѣла ничего объяснить: Варенька проговорила умирающимъ голосомъ: мнѣ дурно.

— Что это? Что съ ней? сказала ея мать, оторопѣвъ.

Я отвѣчала, что, вѣроятно, корсетъ ее слишкомъ тѣснитъ. Ее увели въ другую комнату, но когда она пришла въ себя, тетка моя собралась домой, совѣтуя maman послѣдовать ея примѣру, для избѣжанiя новаго скандала со стороны Елены Николаевны.

Digitized by Google

Между тѣмъ въ залѣ поднялась суматоха. Узнавъ о поступкѣ Лаврова, Горновъ воскликнулъ:

— Какъ! его не выгнали изъ вокзала!

Тутъ только и наши молодые люди догадались, что его слѣдовало выгнать, и каждый принялся обсуживать его по-своему. Онъ уже успѣлъ скрыться. Молодежь отправилась къ нему на дачу, подъ предводительствомъ моего жениха, который, не заставъ его дома, написалъ ему, отъ имени всего общества, чтобы впередъ онъ въ вокзалъ не показывался.

Миша вернулся поздно домой, а съ Владиміромъ я увидалась только на другой день.

— Настя, сказалъ онъ, отводя меня въ сторону, и вынимая изъ своего портфеля сложенный клочокъ бумаги, возвратите это вашей кузинѣ Варенькѣ, но тайкомъ. Она потеряла вчера записку въ вокзалѣ.

— А какъ эта записка попала въ ваши руки?

— Мнѣ ее передала Елена Николаевна Васильева, ваша сосѣдка. Она замѣтила, что Варенька что-то искала въ ту минуту какъ Лавровъ поднялъ записку....

— И выручила Вареньку?... перебила я.—Видите, Владиміръ, а еще говорятъ, что съ такою женщиной стыдно кланяться!

— Нечего сказать, она поступила по-рыцарски, замѣтилъ Горновъ.

— Почему же она вамъ не нравится?

— Въ ней есть что-то такое, что мнѣ не нравится.... главное—отсутствіе правды, простоты....

Тѣмъ и кончился разговоръ. Я не смѣла, изъ боязни выдать нашу тайну, заступаться за Елену. Ея поступокъ меня привелъ въ восторгъ, но я не могла понять почему она отдала записку Горнову, тогда какъ было бы гораздо проще передать ее мнѣ. Предпочтеніе данное ему въ этомъ случаѣ меня обидило. Я его приревновала къ Еленѣ. Рано на другой день я уже бродила около ея сада. Она не замедлила выйдти на балконъ, оглянулась, и убѣдившись что мы одни, поманила меня рукой.

Я бросилась къ ней на шею.

— Горновъ мнѣ отдалъ записку. Vous etes un ange! вскричала я.

Елена самодовольно улыбнулась.

— Но отчего вы отдали записку Владиміру, а не мнѣ?

Она нѣсколько смутилась и вдругъ ударила себя въ лобъ.

Digitized by Google

— Ахъ! я сумасшедшая! Не догадалась. Чего бы въ самомъ дѣлѣ лучше какъ отдать ее прямо вамъ. Что дѣлать? Затменіе. Это тѣмъ досаднѣе, что я вѣдь вообще находчива, и ужь въ особенности когда дѣло идетъ о другихъ. Милочка, вы у меня посидите?

— Да, да, maman встаетъ поздно, а съ вами такъ хорошо.

— А мнѣ съ вами развѣ не хорошо? Скажите, Горновъ не осуждаетъ меня за мой вчерашній поступокъ?

— Осуждаетъ? Но развѣ это возможно? Онъ говоритъ, что вы поступили по-рыцарски.

Елена улыбнулась.

— Я это спрашиваю, зная, что онъ меня не любитъ, и отыскиваетъ дурное намѣреніе во всемъ что я дѣлаю! Скажите, а васъ онъ очень любитъ?

— Да, любитъ. Онъ очень добръ и балуетъ меня.

— Но это отношенія няньки къ ребенку! воскликнула Елена.— Душенька моя, продолжала она, послѣ минутнаго молчанія сжимая мои руки въ своихъ,—почему вы говорите съ притворнымъ равнодушіемъ о вашемъ женихѣ? Будьте со мной откровенны: я не употреблю во зло вашего довѣрія. Я честная женщина. Скажите, вы охотно согласились выйдти за него замужъ?

Во мнѣ заговорило неодолимое желаніе довѣриться ей, но я еще сама себѣ не сознавалась въ полномъ моемъ равнодушіи къ Горнову. Елена повторила свой вопросъ.

— Да, я согласилась безъ принужденія выйдти замужъ. Maman немного взыскательна, а Владиміръ не обращаетъ вниманія на мелочи.

— Понимаю, дома вамъ жутко, вамъ хочется вонъ изъ дому, за васъ сватается незнакомый человѣкъ, и вы выбираете изъ худшаго лучшее.... Но лучше ли вамъ будетъ? это на двое сказано (она покачала головой). Вѣдь я имѣла случай вызнать Горнова.

— Развѣ вы знаете о немъ что-нибудь дурное?

— Мнѣ кажется, что онъ деспотъ въ душѣ, вы только со временемъ въ этомъ убѣдитесь и еще, можетъ-быть, пожалѣете о родительскомъ домѣ. Отъ матери уйдешь, а отъ иного мужа не избавишься....

Она мнѣ сдѣлала нѣсколько вопросовъ о моихъ отношеніяхъ къ Горнову и къ maman, ловко указывала на чувства, которыя я до тѣхъ поръ не смѣла, или не умѣла провѣрить.

Digitized by Google

Говоря съ ней, я сознала вполнѣ мою ненависть къ домашнему игу и мое равнодушіе къ жениху. Въ первый разъ мнѣ приходилось высказываться кому-нибудь, даже самой себѣ. Окончивъ свою исповѣдь, я бросилась со слезами на шею Елены.

— Pauvre chère petite! сказала она, проводя рукой по моимъ волосамъ.—Знаете что? Я бы, пожалуй, попробовала переговорить съ Горновымъ?...

— О! нѣтъ! возразила я, сохрани Богъ! Узнаютъ, что я была у васъ, бѣда будетъ.

— Положитесь на меня, я васъ не выдамъ. Но мнѣ бы хотѣлось убѣдиться: искренно ли онъ къ вамъ привязанъ, или женится какъ многіе, чтобъ обзавестись хозяйкой, когда уже перебѣсился. Вы меня уполномочиваете переговорить съ нимъ?

Какъ я ни была глупа и неопытна, я понимала, что попытка Елены ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ ни чувствъ, ни отношеній моихъ къ Владиміру, но въ ея предложеніи я видѣла горячее желаніе придти ко мнѣ на помощь и согласилась на ея посредничество между Горновымъ и мной, съ убѣжденіемъ, что узнавъ ее короче, онъ оцѣнитъ ее и полюбитъ. Я повторила ей, что малѣйшая неосторожность можетъ насъ разлучить; но убѣдилась, наконецъ, что она боялась огласки еще болѣе нежели я. Хорошенькая шестилѣтняя дѣвочка вбѣжала изъ сада на балконъ и устремила на меня большіе голубые глаза; Елена въ одно мгновеніе схватила ее за руку, увела въ комнату и заперла за нею двери.

— Меричка можетъ васъ узнать и подойдти къ вамъ, сказала она. — Дѣти предатели.... это моя дочь. Она у меня сиротинка—отецъ никогда объ ней не заботится.... Вамъ пора домой, милочка.... Прощайте. Настя, прибавила она неожиданно,—ты меня очень любишь?

Мы разстались на *ты*. Шестнадцатилѣтній мальчикъ такъ обрадуется какъ я, когда его возлюбленная позволитъ ему замѣнить холодное *вы* душевнымъ *ты*.

V.

Елена совершенно мной овладѣла. Когда намъ не было возможности видѣться, она требовала письменнаго отчета во всемъ томъ, что я успѣла сказать и перечувствовать. Послѣ

Digitized by Google

каждаго посѣщенія одна забота наполняла постоянно мое сердце: какъ бы уловить удобную минуту для новаго свиданія съ ней. Главный предметъ нашихъ разговоровъ былъ Горновъ. То Елена отыскивала въ немъ смѣшныя стороны, то возставала противъ его деспотизма, а обо мнѣ не говорила иначе какъ о жертвѣ. Честное чувство, котораго она не успѣла во мнѣ заглушить, заставляло меня избѣгать, на сколько было возможно, эти разговоры, но она направляла бесѣды какъ хотѣла, и онѣ принесли свои плоды. Мысль, что я играю предательскую роль, удаляла меня отъ моего жениха. Мнѣ было совѣстно принимать отъ него малѣйшую бездѣлицу; его ласки ограничивались цѣлованіемъ руки, но и отъ этого поцѣлуя я бѣгала какъ отъ огня. Слѣдующій случай дастъ понятіе о нашихъ отношеніяхъ. Мнѣ стили голубое платье, которое чрезвычайно понравилось Горнову. Онъ повторилъ нѣсколько разъ Мишѣ, указывая на меня: „Не правда ли, какъ она мила сегодня?“ и глядѣлъ на меня съ выраженіемъ, которое я не умѣла опредѣлить, но тѣмъ не менѣе, испытывала непріятное ощущеніе всякій разъ, какъ наши глаза встрѣчались. Вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ и занесъ руку около моей таліи; я вскочила со стула и бросилась въ цвѣтникъ, оставляя Горнова съ глазу на глазъ съ братомъ. Бѣдный Горновъ долго сидѣлъ потупясь и, наконецъ, сказалъ Мишѣ, который повторилъ мнѣ въ послѣдствіи эти слова: „C'est qu'elle est si jolie aujourd'hui la petite.“

Однако, мнѣ было совѣстно передъ нимъ. Я была увѣрена, что онъ разсердился, и медлила возвратиться домой; онъ самъ сошелъ въ цвѣтникъ. Я боялась упрека, и сердце мое забилось отъ страха. Но я ошиблась. Горновъ у меня только спросилъ: „Настя, вы на меня сердиты?“

„Какой онъ, однако, добрый,“ подумала я, невольно тронутая, и не отвѣчала. Съ тѣхъ поръ онъ меня просилъ нѣсколько разъ надѣть мое голубое платье, но уже любовался на меня издали.

Горновъ жилъ въ Москвѣ и являлся ежедневно утромъ въ паркъ. Разъ онъ пришелъ пѣшкомъ. Миша встрѣтилъ его рука объ руку съ Еленой и сталъ подтрунивать надъ ихъ прогулкой. Горновъ, разчитывая на мое плохое знаніе нѣмецкаго языка, говорилъ объ Еленѣ не стѣсняясь.

— Она на меня навязалась, но я остановилъ ее съ первыхъ словъ: она, видишь, чутьемъ поняла, что мы съ Настей

Digitized by Google

не созданы другъ для друга. Это меня взбѣсило, я отвѣчалъ довольно рѣзко.

Еслибы меня не удержала боязнь навлечь новую непріятность на Елену, я бы, кажется, разразилась на Горнова. Меня привела въ ужасъ мысль, что онъ ее обидѣлъ, и я рѣшилась во что бы то ни стало повидаться съ нею въ тотъ же день. Случай мнѣ помогъ. Послѣ обѣда мы собирались въ Москву на именины тетки, но я такъ искусно прикинулась больною, что maman оставила меня дома и уѣхала съ Горновымъ. Только-что они сѣли въ карету, я побѣжала къ Еленѣ.

— Какъ это ты ко мнѣ попала въ такой часъ? спросила она холодно.

— Что это значитъ? Ты будто не рада меня видѣть?

— Мнѣ не здоровится. Я не въ духѣ.

— Я узнала, что Владиміръ былъ не любезенъ съ тобой....

— Онъ уже успѣлъ этимъ похвалиться, перебила Елена, покраснѣвъ.

Я поняла свою неловкость, смутилась и что-то пробормотала. Елена усмѣхнулась. Красныя пятна выступили на ея щекахъ; она безпрестанно бросала кончикъ докуренной папиросы и зажигала другую.

— Онъ способенъ поклоняться однимъ мѣщанскимъ добродѣтелямъ, сказала она съ невыразимымъ презрѣніемъ. — Въ извѣстныхъ понятіяхъ онъ не далеко ушелъ отъ твоей матери.

Сравненіе оскорбило меня за Горнова, я хотѣла возразить, Елена меня перебила:

— А только послушай какія широкія теоріи о свободѣ чувства, о женскихъ правахъ! Я сама виновата: зная его, я не должна была брать на себя смѣшной роли посредницы между вами. Я поступила съ самоотверженіемъ гкольницы; подѣломъ онъ мнѣ прочелъ нравоученіе.

— Но я-то развѣ виновата, что онъ тебѣ прочелъ нравоученіе.

— И не такихъ я видала у своихъ ногъ, продолжала Елена, не удостоивая меня отвѣтомъ, ни даже взглядомъ.—Богъ дастъ, утѣшусь въ немилости Владиміра Павловича.... Донъ-Жуанъ дерптскихъ модистокъ! И то сказать, въ ихъ обществѣ мудрено научиться обращенію съ порядочными женщинами, а еще прикидывается пуританиномъ! Признаюсь, я

Digitized by Google

никогда не встрѣчала такого двуличнаго господина, но на свою удочку, онъ поймаетъ развѣ только институтку.

— Я съ нимъ объяснюсь во что бы то ни стало, сказала я.

— Ты ему моего имени не вымолвишь, почти повелительно возразила Елена,—но если ты хочешь меня успокоить, то, ради Бога, прекрати всякія сношенія со мной. Я болѣе не хочу пользоваться твоимъ великодушіемъ и дружбой. (Елена произнесла эти слова съ ироніей.) Твой будущій мужъ тебѣ ихъ не проститъ. Вѣдь порядочные люди обязаны меня презирать!

— Ты безжалостна ко мнѣ, проговорила я, едва удерживая слезы.

— Нѣтъ, безжалостною не я тебя научу быть, но прошу тебя, уйди и забудь о моемъ существованіи.

— За кого ты меня принимаешь?... Ты думаешь, что я соглашусь тебя оставить?

— Не ребячься и уйди. Я тебя умоляю уйдти, и не мѣшкая; я жду гостей....

Она взяла меня за руку и заставила спуститься съ балкона.

— Не плачь, сказала она холодно, — ты скоро меня забудешь. Счастіе развиваетъ эгоизмъ. Но когда-нибудь скажи Владиміру Павлычу, что онъ тебя лишилъ искренняго друга.

Я была несказанно огорчена и негодовала на Горнова, который, самъ того не подозрѣвая, былъ причиной моего перваго душевнаго горя. Мнѣ хотѣлось оправдаться передъ Еленой, какъ будто я была виновата, но я не знала какъ приступить къ дѣлу, въ чемъ оправдаться. Я не спускала глазъ съ балкона, ожидая, что вотъ-вотъ она покажется опять, протянетъ мнѣ руку, скажетъ ласковое слово.... но я ждала напрасно. Нѣсколько разъ я покушалась броситься къ ней, однако не рѣшилась, такъ я боялась ей не понравиться, такъ меня пугалъ заранѣе ея холодный пріемъ. Цѣлые два часа провела я одна, измученная неожиданнымъ исходомъ нашего свиданія, а этотъ вечеръ я надѣялась провести такъ хорошо!

Какъ скоро всѣ улеглись въ домѣ, я принялась писать къ Еленѣ, обливаясь слезами и умоляя ее сказать: почему она сложила на меня отвѣтственность за вину Горнова. Утромъ я нашла средство послать письмо съ дѣвочкой, у которой я покупала каждый день цвѣты, и получила черезъ нее же отвѣтъ. Онъ состоялъ изъ двухъ строкъ:

Digitized by Google

„Милая моя, безцѣнная моя Настя, я кругомъ виновата передъ тобой. Найди средство, во что бы то ни стало, придти ко мнѣ."

VI.

Я ожидала съ трепетомъ минуты свиданья. Maman поѣхала вечеромъ въ театръ, а я нашла предлогъ чтобъ остаться дома и побѣжала къ Еленѣ.

Она бросилась ко мнѣ на шею и повела въ свой кабинетъ. Въ немъ не было оконъ. На столѣ, противъ турецкаго дивана, горѣла лампа; мягкій коверъ и простеганные атласные обои такъ заглушали звуки, что до этого уединеннаго уголка не доходилъ ни уличный, ни даже домашній шумъ. Букетъ въ хрустальной вазѣ и корзинка съ фруктами стояли на столѣ.

— Ты мнѣ простила? спросила Елена своимъ неотразимоласковымъ тономъ.

— Не извиняйся передо мной, Елена, отвѣчала я. — Я никого не любила какъ тебя, и наша дружба мнѣ такъ дорога, что я не промѣняю ея ни на что на свѣтѣ.

— Даже на Горкова?

— Что тутъ общаго? Его я должна любить какъ мужа, по обязанности.

— Это слово ты повторяешь какъ затверженный урокъ, возразила Елена, — но скажи, по совѣсти, ты допускаешь возможность любить по обязанности?

Я молчала, понимая безсознательно, что такая любовь невозможна.

— Послушай, продолжала Елена,—вѣроятно, твоя мать тебѣ приказала меня ненавидѣть: почему ты ей не повиновалась?

— Потому что я тебя полюбила.

— Это ясно. Стало-быть любить или ненавидѣть не зависитъ отъ насъ?

— Разумѣется.

— Чувство долга налагаетъ на тебя обязанность любить мужа. Если твое сердце не повиновалось материнской волѣ, ручаешься-ли ты, что оно будетъ повиноваться обязанностямъ?

Никогда еще я не ставила себѣ такъ прямо этихъ вопросовъ. Они меня озадачили тѣмъ болѣе, что Елена

Digitized by Google

предлагала ихъ мнѣ, очевидно, не безъ задней мысли. Во мнѣ шевельнулся смутный страхъ: я боялась, не зная еще сама чего боюсь.

— Какъ ты думаешь, спросила Елена, — завидная ли будущность ожидаетъ человѣка, котораго жена собирается любить по обязанности?

— Право не знаю отвѣчала я, — Горновъ, повидимому, доволенъ моею привязанностію и не требуетъ другой.

— А если онъ лишится со временемъ и этой слабой привязанности? Что ты сдѣлаешь если полюбишь другаго? Вотъ ты полюбила меня и нашла возможность придти ко мнѣ, несмотря на строгость твоей матери, ну, представь себѣ, что твоя дружба ко мнѣ не что иное какъ миліонная доля, гомеопатическая частица той привязанности, которую внушаетъ любимый человѣкъ. Ясно ли, что никакія обязанности не помѣшаютъ тебѣ идти куда онъ тебя поведетъ?

Это было дѣйствительно слишкомъ ясно, страшно ясно. Я глядѣла робко на Елену. Она продолжала.

— Да, придетъ и твоя пора, ты полюбишь, и тогда поймешь, что твоя привязанность къ Горнову не что иное какъ жалкая пародія на любовь. Вы оба играете въ кукольную комедію! Ты знаешь ли что такое страсть? Она тобой овладѣетъ невзначай, и ты отъ нея не освободишься. Выборъ не зависитъ отъ насъ. Ты завтра отдашь десять лѣтъ жизни за ласки человѣка, котораго ненавидѣла вчера. Среди самой страсти раждается иногда ненависть, но и этою ненавистью ты будешь дорожить какъ жизнію....

У ней разгорались щеки, голосъ возвышался. Передо мной стояла, наконецъ, Елена, та Елена, отъ которой меня удаляли какъ отъ огня, и никогда еще я не испытывала такъ сильно ея вліянія надо мной. По мѣрѣ того какъ она говорила, я угадывала смутно многія тайны, скрытыя отъ меня до тѣхъ поръ, угадывала цѣлый міръ неизвѣстныхъ еще мнѣ ощущеній и заглядывала въ него со страхомъ, между тѣмъ какъ онъ манилъ меня неотразимою прелестью. Сердце мое билось; какой-то переломъ совершался въ моей жизни.

— Да ребенокъ ты въ самомъ дѣлѣ, или женщина? спросила она вдругъ съ сердцемъ. — Неужели ты не поняла до сихъ поръ, что я люблю Горнова?...

— Ты! воскликнула я, всплеснувъ руками.

Она опустила голову на руки, а я была такъ поражена,

Digitized by Google

что не смѣла къ ней подойдти. Я еще не понимала чего она отъ меня ожидаетъ.

— Елена, спросила я наконецъ,—развѣ можно любить человѣка, когда его не уважаешь?

— Ты видишь: можно. Я тебѣ говорю, что выборъ не отъ насъ зависитъ.

Настало опять молчаніе, я едва переводила духъ.

— Елена, заговорила я опять, — ты его знала до меня, и тогда....

— И еслибъ не ты стала между нами, перебила Елена, — я бы добилась его любви! во что бы то ни стало добилась!

— Стало-быть, еслибъ я удалилась, еслибы меня не было между вами, ты была бы счастлива?

— Ты это сдѣлаешь? спросила Елена, пристально взглянувъ на меня.

— Я готова принести тебѣ и не такую жертву.

Елена обезумѣла отъ радости, она цѣловала мои руки, закидывала меня восторженными назваліями. Я блаженствовала, я выросла въ собственныхъ глазахъ отъ мысли, что ея счастіе зависитъ отъ меня.

— Ты давно его любишь? спросила я.

— Я его полюбила съ первой встрѣчи. Чувство, которое мнѣ не удалось угомонить въ себѣ, такъ усилилось послѣ вчерашняго свиданія, что я должна умереть или добиться своей цѣли. Другаго исхода нѣтъ.... Настя, а если ты раскаешься и возмешь назадъ свое слово?...

— Я? я возьму назадъ свое слово?... отвѣчала я, вспыхнувъ.

— Не сердись, прости меня. Въ тебѣ я не сомнѣваюсь, но мать твоя готова тебя преслѣдовать, измучить....

— На это я пойду.... но съ Горновымъ я связана словомъ....

— Развѣ ты знала на что ты идешь? возразила Елена. Развѣ ты не имѣешь права одуматься? Скажи ему прямо, что ты его не любишь; онъ самъ отъ тебя откажется. Это прямая обязанность всякаго порядочнаго человѣка. Не бойся, онъ съ отчаянія не застрѣлится.

— Этого я не боюсь; ты права: не такъ любятъ.

— Я твоя на жизнь и на смерть, сказала Елена, провожая меня.

Digitized by Google

VII.

Я не спала всю ночь и думала о моемъ разговорѣ съ Еленой и о важной роли, которую я играла въ ея жизни. У меня голова шла кругомъ отъ ея восторженныхъ похвалъ и изліяній дружбы. Они меня ставили въ собственныхъ глазахъ на высоту, съ которой я не хотѣла спуститься, и мнѣ было досадно, что я не испытывала къ Горнову болѣе нѣжнаго чувства: еслибъ я его дѣйствительно любила, то совершила бы настоящій подвигъ самоотверженія, уступивъ его Еленѣ. Что касается до самого Горнова, я мало о немъ заботилась: Елена мнѣ слишкомъ ясно доказала, что его привязанность ко мнѣ не что иное какъ жалкая пародія на любовь, и что мы оба играемъ кукольную комедію. Но я должна признаться къ моему стыду, что еслибы даже я вѣрила въ его любовь, то была до такой степени увлечена блестящею ролью, возложенною на меня Еленой, что врядъ ли сердце мое сжалось бы при мысли объ ударѣ, который я готовилась ему нанести. Скажу больше: я трусила заранѣе передъ гнѣвомъ maman, но Горнова я не боялась и ждала нетерпѣливо моего объясненія съ нимъ, обдумывая хладнокровно и безжалостно каждое слово, которое ему скажу.

Пока я строила планъ за планомъ, сонъ началъ овладѣвать мною, и мысли мои стали путаться. Въ моихъ ушахъ прозвучали слова Елены: „придетъ и твоя пора, и ты полюбишь“. Незнакомая тѣнь мелькнула передо мной, незнакомый голосъ произнесъ полушепотомъ мое имя, и кто-то обнялъ меня трепетными руками. Я слышала біеніе моего сердца, и дрожь пробѣжала по мнѣ.... Пронзительный бой стѣнныхъ часовъ пробудилъ меня внезапно: я соскочила съ постели и посмотрѣла съ испугомъ около себя. Солнце уже встало. Я сѣла на кровать и старалась привести мысли въ порядокъ. Потомъ я одѣлась и сошла въ садъ. Свѣжій воздухъ освѣжилъ меня, и когда я вошла въ обычный часъ въ гостиную, гдѣ maman сидѣла уже за самоваромъ, я казалась совершенно спокойною. Какъ теперь гляжу я на maman. На ней былъ бѣлый пеньюаръ, она еще не успѣла надѣть чепца, и каштановые ея волосы лежали гладко, точно

Digitized by Google

склеенные на лбу. Красота ея рано пропала; я не могу отыскать и тѣни ея въ самыхъ отдаленныхъ моихъ воспоминаніяхъ. Я зазнала все то же кругловатое, пожелтѣвшее лицо съ румянцемъ во всю щеку, глаза прозрачно голубаго цвѣта и красноватый носъ. Maman ходила и говорила медленно, тихо; за то когда ея голосъ возвышался, мнѣ становилось жутко, я дрожала.

„Господи! какъ я ей объявлю о своемъ рѣшеніи?“ мелькнуло у меня въ головѣ.

Maman была въ духѣ.

— Что это ты блѣдна? спросила она.

— Я мало спала, maman.

— Э! досадно слушать. Какъ не спать въ твои года? Бывало, въ которомъ часу ни ляжешь, такъ заснешь, что, кажется, пушечный выстрѣлъ не разбудитъ. А вы—дѣло другое, и все отъ того, что Богъ знаетъ что себѣ въ голову забрали. Слышала ли ты какъ отличилась твоя кузина Варенька?

— Нѣтъ. Что такое?

— Отличилась! Вчера я видѣла сестру въ театрѣ съ Нататей; та дома осталась. Сестра такъ и воетъ: Варвара Александровна замужъ собралась. Я, говоритъ, выду за Хмѣлева; я его люблю. Вотъ тебѣ и знай! Кто такое Хмѣлевъ? (maman развела руками). Сынъ какого-то мелкопомѣстнаго, да еще мальчишка, недавно вышелъ изъ университета! Сестра говоритъ, билась, билась съ ней, да и рукой махнула: дѣлай молъ какъ знаешь! А я ей говорю: по дѣломъ же тебѣ, если она поставитъ на своемъ. Я бы на нее рукой не махнула.

— Что жь бы вы сдѣлали на ея мѣстѣ, maman?

— Что? Выгнала бы Хмѣлева изъ дома, а свою дочку просто высѣкла бы, да такъ высѣкла, что она бы своихъ не узнала, и стала бы она у меня шелковая. Возьми-ка чай.

Maman не возвышала голоса, однако рука моя такъ дрожала, что я чуть было не уронила чашку, но не отъ страха я задрожала,—отъ негодованія. Въ первый разъ отъ роду я испытала несокрушимую бодрость, готова была идти на открытую борьбу и чувствовала, что преслѣдованія придадутъ мнѣ новыя силы.

— Ахъ! ахъ! ахъ! сказала maman, вздыхая и подымая глаза къ потолку.—А я сейчасъ одѣнусь да поѣду въ Москву купить тебѣ вуаль къ вѣнцу, продолжала она немного помол-

Digitized by Google

чавъ,—да кстати и къ сестрѣ заѣду, посмотрѣть что̀ у ней дѣлается.

— Ужь вы бы, maman, и розогъ ей отвезли на всякій случай.

Maman на меня взглянула, недоумѣвая, серіозно ли я говорю или на смѣхъ. Я выдержала ея взглядъ не робѣя; она, кажется, смутно догадывалась, что я не шучу, и отвѣчала:

— За мной дѣло не станетъ, лишь бы поручили.

Съ этимъ словомъ она ушла въ свою спальню, одѣлась и уѣхала, а я между тѣмъ поджидала Горнова. Со вчерашняго дня я сама себя не узнавала; я переродилась, начинала жить!

— Настя! сказала громко Елена.

Я вздрогнула; она стояла у ограды цвѣтника и спросила:

— Ты не одумалась?

— Я жду Горнова, чтобъ отказать ему, отвѣчала я.

Вдали, на дорогѣ, раздался стукъ колесъ.

— Вотъ онъ, уйди.

— Я жду отъ тебя жизни или смерти, крикнула Елена, удаляясь.

Я была въ лихорадочномъ раздраженіи и встрѣтила Горнова на крыльцѣ; это случилось со мной въ первый разъ.

— Что̀ это? Вы меня ждали? спросилъ онъ, обрадованный и улыбаясь мнѣ своею доброю улыбкой.—Вотъ вамъ игрушка.

Онъ вынулъ изъ кармана сафьянный футляръ.

— Вы любовались перстнемъ кузины Варенькн; я заказалъ точно такой же для васъ.

Съ этими словами Горновъ поцѣловалъ мою руку и надѣлъ мнѣ перстень на палецъ. Я смутилась, не зная какъ принять его подарокъ, и почувствовала, что вся моя бодрость пропала въ одну минуту.

— Ну, что̀? Нравится онъ вамъ? спросилъ Владиміръ.

— Да.... да, очень, отвѣчала я, и чтобы скрыть свое смущеніе, подала ему заграничное письмо, которое мы получили для передачи ему. Онъ окинулъ меня грустнымъ взглядомъ: видно было, что онъ разчитывалъ на эффектъ своего подарка.

— Настя.... началъ онъ, смущеннымъ голосомъ, но вдругъ остановился, задумался, потомъ распечаталъ медленно письмо, облокотился на столъ и принялся читать. Я глядѣла на него съ чувствомъ похожимъ на страхъ и на угрызеніе совѣсти. Онъ откинулъ волосы назадъ и опирался на свою красноватую, сжатую въ кулакъ руку. Мнѣ пришло въ голову, что эта рука не раздавила бы мухи, и могла легко

Digitized by Google

убить человѣка однимъ ударомъ. Его широкія плечи, тонкія, но рѣзко очерченныя брови, раздувающіяся ноздри, все носило отпечатокъ нравственной и физической силы, и эту силу я начинала сознавать инстинктивно, въ ту минуту какъ готовилась бороться противъ нея. Онъ казался, однако, такъ спокоенъ.

Меня и смущало его спокойствіе. Мнѣ было бы жаль разбудить сладко спящаго человѣка, чтобъ объявить ему непріятную новость. Я медлила, и не знала какъ приступить къ объясненію, къ которому готовилась такъ бодро нѣсколько часовъ тому назадъ. Наконецъ мысль, что Елена ждетъ отъ меня жизни или смерти, развязала мнѣ языкъ.

— Владиміръ, начала я, когда онъ положилъ письмо въ карманъ,—вы право меня балуете какъ ребенка.... а я.... далеко не ребенокъ.

— Дѣти всегда просятся въ большіе, отвѣчалъ Горновъ покачивая головой.

— Но большіе бываютъ иногда не прозорливѣе дѣтей, возразила я, покраснѣвъ отъ досады.

— Что?... Какъ вы это сказали? спросилъ Горновъ.

— Я говорю, что вы поступаете со мной какъ maman. Когда я была ребенкомъ, она запрещала мнѣ думать и была убѣждена, что до сихъ поръ я не способна связать двухъ мыслей; но если я ребенокъ, какъ же вы рѣшились взять съ меня слово быть вашею женой? Развѣ ребенокъ знаетъ что такое любовь, замужество, женскія обязанности?

Горновъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза, не довѣряя своимъ ушамъ. Мой голосъ слегка дрожалъ, однако первый шагъ къ объясненію былъ уже сдѣланъ, я чувствовала, что моя бодрость возвращается, вспоминала мало-по-малу вытверженную роль и говорила довольно бойко.

— Кто вамъ объяснилъ, что такое любовь и женскія обязанности? спросилъ Горновъ.

Вопросъ меня разсердилъ, но я не растерялась.

— Въ восьмнадцать лѣтъ эти вещи объясняются сами собой, отвѣчала я.—Ихъ не подскажетъ мадамъ Петипьеръ.

— Я васъ не узнаю сегодня, сказалъ онъ.

— А развѣ вы меня знаете? Вы ко мнѣ такъ равнодушны, что и не позаботились о томъ, чтобы меня узнать. Вы, кажется, не допускаете, что я способна на какое-нибудь мнѣніе или чувство.

Digitized by Google

— Я право не понимаю, я не могу опомниться, началъ нетвердымъ голосомъ Горновъ, — я къ вамъ равнодушенъ?... Я, Настя? Неужели же я въ самомъ дѣлѣ не сумѣлъ васъ убѣдить въ моей любви?

— Истинная любовь сказывается сама собой.

— А моя не сказалась? Но если вы не ребенокъ, какъ же вы не поняли, что я васъ люблю?

— Какъ ребенка, то-есть какъ куклу, игрушку? Если вы думаете, что любите меня иначе, вы сами себя обманываете. Такъ ли любятъ? То ли называютъ страстью?

Горновъ не могъ придти въ себя. Онъ взглянулъ на меня молча. Я была еще такъ неопытна, что на каждомъ словѣ удалялась отъ своей цѣли, и упрекая Горнова въ холодности, не понимала, что вызываю его на объясненіе въ любви.

— Такъ я васъ не люблю? спросилъ онъ наконецъ, мѣняясь въ лицѣ.

Онъ сталъ противъ меня, опираясь обѣими руками въ мое кресло. Я невольно откинулась назадъ, а онъ опустился на колѣни и обхватилъ мою талію.

— Я тебя люблю всѣми силами души, сказалъ онъ,—милая моя, дѣвочка моя; сколько разъ мнѣ хотѣлось удушить тебя поцѣлуями, но ты холодна ко мнѣ, ну, мнѣ и страшно къ тебѣ подойдти. Вотъ и теперь, ты не можешь опомниться, ты дрожишь! Развѣ ты не видишь, что я же передъ тобой трушу?... Да скажи мнѣ хоть одно слово.... Не говори мнѣ, что ты меня любишь,—до такого счастія я, можетъ-быть, не доживу, — скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, что ты мнѣ позволяешь любить, что мои ласки не внушаютъ тебѣ ужаса или отвращенія.

Боже мой! до какой степени смутили меня эти слова! Я забыла и объ Еленѣ, и о цѣли моего объясненія.... Мысли мои путались, между тѣмъ какъ его слова звучали въ моихъ ушахъ.

— Владиміръ.... прошептала я, но голосъ замеръ въ моей груди.

— Вѣдь это пытка, продолжалъ онъ.—Ты не понимаешь какая пытка любить какъ я люблю и не смѣть высказаться. Позволь мнѣ остаться у твоихъ ногъ, хоть на нѣсколько минутъ.... на одну минуту, умолялъ онъ, цѣлуя мои колѣни.—Я такъ счастливъ теперь, а ты такъ хороша, сама того не подозрѣвая и не понимая почему я счастливъ....

Digitized by Google

И онъ сжималъ меня все тѣснѣе и тѣснѣе въ своихъ объятіяхъ; онъ впился въ меня своими желѣзными руками и какъ будто онъмѣлъ. Его поцѣлуи оставляли горячій слѣдъ на моей шеѣ и на губахъ.

— А тебѣ вздумалось упрекать меня въ холодности, продолжалъ онъ.—Милочка моя! Стало-быть ты ребенокъ, если ты не поняла, какъ ты мнѣ дорога. Ты говоришь, что я на тебя смотрю какъ на ребенка,—что за дѣло, если я пойду за тебя въ огонь и въ воду! Я тебя люблю, люблю, повторялъ онъ.—Съ первой минуты какъ я тебя видѣлъ, я забылъ, что есть другія женщины на свѣтѣ. Еслибъ онѣ всѣ меня полюбили, я и тутъ не взглянулъ бы ни на одну.

Эти слова вырвали меня мгновенно изъ заколдованнаго круга, въ который онъ меня вовлекъ. Я вспомнила все, вспомнила объ Еленѣ, закрыла лицо руками и заплакала. Горновъ откинулся назадъ и всталъ.

— Боже мой! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ:—что я сдѣлалъ! Настя, вы меня возненавидите!

Не ненавистью однако наполнялось мое сердце. Его наполняло какое-то новое чувство, и страшное, и сладкое.... Въ первый разъ я сознавала свои права надъ мужскимъ сердцемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я начинила понимать, что чувствами Горнова шутить было невозможно. Онъ на меня смотрѣлъ съ испуганнымъ выраженіемъ лица, не рѣшаясь ко мнѣ подойдти. Меня такъ тронула его робость, что я было хотѣла протянуть ему руку, но не посмѣла. Образъ Елены стоялъ живымъ упрекомъ между нами. Мнѣ показалось, что каждое движеніе, которое обнаружило бы не только привязанность, но простое участіе къ Горнову, ляжетъ тяжелымъ гнетомъ на мою совѣсть.,

— Владиміръ, сказала я, собравшись съ силами, но дрожащимъ голосомъ,—мнѣ надо съ вами переговорить.

— О чемъ это?

Горновъ сдѣлалъ этотъ вопросъ тономъ человѣка ожидающаго непріятность. Я хотѣла продолжать и не имѣла духа.

— Ну, что такое? Я слушаю.

— Вотъ видите.... Это очень серіозно....

— Да говорите же скорѣй.

Онъ стоялъ передо мной и ждалъ моего перваго слова, а я не рѣшалась говорить, не смѣла даже поднять на него глазъ. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ; его взглядъ

Digitized by Google

тяготѣлъ на мнѣ какъ камень, я его не вынесла и бросилась на балконъ. Противъ самой комнатки, у входа въ цвѣтникъ, стояла Елена, ожидая рѣшенія своей участи. Сердце мое словно оборвалось. Я невольно отъ нея отвернулась.

— Что такое? что съ вами? допрашивалъ Горновъ, встревоженнымъ голосомъ.

— Я не могу переговорить съ вами.... отвѣчала я едва внятно.—Я къ вамъ напишу. А теперь, оставьте меня, уѣзжайте.

— Я не уѣду; я хочу знать въ чемъ дѣло.

Онъ произнесъ эти слова рѣзко, почти повелительно, но замѣтивъ, что я задрожала, взялся за шляпу и прибавилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Не мучьте меня по крайней мѣрѣ, напишите скорѣй. Я буду ждать вашу записку въ кофейной, пришлите ее съ Митей.

Сердце мое болѣзненно сжалось при мысли, что я готовила ему жестокій ударъ. Да! Мнѣ стало его до смерти жаль. Я чуть было его не остановила, когда онъ подошелъ къ дверямъ; но онъ самъ остановился и взглянулъ на меня, надѣясь, вѣроятно, что я ему позволю остаться. Онъ мнѣ показался такъ дѣтски добръ, такъ хорошъ, что я къ нему бросилась.

— Владиміръ, сказала я, вы простите меня?...

Я схватила его руку, поцѣловала ее, и какъ сумашедшая выбѣжала вонъ изъ комнаты.

VIII.

Столько чувствъ переполняли мое сердце, что оно готово было разбиться. Среди хаоса мыслей, бродящихъ въ моей головѣ, я сознавала однако ясно необходимость привести въ немедленное исполненіе обѣщаніе, данное мной Еленѣ. Я понимала, что чѣмъ болѣе буду я медлить, тѣмъ труднѣе мнѣ будетъ сладить съ борьбой, которая только-что начиналась въ моихъ чувствахъ, что если Горновъ заступится за свои права надо мной, я едва ли буду имѣть на столько силъ чтобы сдержать свое слово, обману Елену и пропаду въ своихъ собственныхъ глазахъ и я рѣшилась, во что бы то ни стало, избѣжать свиданія съ Горновымъ. Вотъ что я къ нему написала:

Digitized by Google

„Я не стою вашей любви. Не раздѣляя ея, не умѣя васъ оцѣнить, я согласилась, по просьбѣ maman, быть вашею женой. Я не понимала, что рано или поздно васъ оскорбитъ моя холодность. Откажитесь отъ меня и ради Бога не грустите о мнѣ. Мы бы не сошлись, и вамъ бы скоро пришлось раскаяться въ вашемъ выборѣ. Это убѣжденіе придаетъ мнѣ силы писать къ вамъ, но я не рѣшилась съ вами переговорить, я боялась огорчить васъ. Вы безконечно добры, если прощаете мнѣ. Поймите, что мнѣ будетъ совѣстно на васъ взглянуть, и не пытайтесь, ради Бога, меня видѣть."

Миша отвезъ эту записку въ кофейную, гдѣ Горновъ его ждалъ, а я забѣжала къ Еленѣ, которая меня караулила на балконѣ.

— Горновъ твой, сказала я.—Я ему отказала, я сдержала свое слово.

Елена схватила меня въ свои объятія, но ея радость и благодарность не возбудили во мнѣ того чувства, которымъ я еще бредила наканунѣ. Я поспѣшила возвратиться домой и стала ждать съ мучительнымъ нетерпѣніемъ возвращенія Миши.

— Что Горновъ? спросила я, бросаясь къ нему навстрѣчу.

— Хорошъ, послѣ твоей записки! Я не хотѣлъ его отпустить одного въ Москву, но онъ требовалъ.

Миша остановился, замѣтивъ мою блѣдность.

— Что ты сдѣлала? продолжалъ онъ, очевидно смягчившись.—Почему ты ему отказала? Какъ у тебя духу достало? Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, вдругъ, съ бухъ-та-барахту...

— Онъ меня возненавидѣлъ? спросила я.

— Онъ пораженъ, убитъ; однако, онъ же мнѣ доказывалъ, что ты честно поступила, и взялъ съ меня слово, что я не буду упрекать тебя за твой поступокъ. Но какъ ты теперь сладишь съ maman?

Каждое слово Миши возбуждало во мнѣ угрызеніе совѣсти, жалость; что касается до maman, я еще о ней не подумала, но Мишѣ хотѣлось устранить меня отъ первой вспышки ея гнѣва, и онъ взялъ на себя непріятную обязанность объявить ей о моемъ разрывѣ съ Горновымъ. Мы провели цѣлый день вдвоемъ съ братомъ. Онъ былъ славный малый, прямой, съ практическимъ складомъ ума, и догадывался, что я не спроста отказала моему жениху. Но на всѣ его вопросы я отвѣчала уклончиво, повторяя, что я согласилась выйдти замужъ по просьбѣ матери. На другой день Миша

Digitized by Google

объявилъ maman о великомъ событіи. Она велѣла меня позвать, и несмотря на увѣщанія брата, осыпала меня упреками и угрозами. Но чѣмъ грубѣе были упреки и угрозы, тѣмъ болѣе я старалась казаться хладнокровною и не отвѣчала ни одного слова. Мое молчаніе такъ разсердило maman, что она схватила меня за руку, но Миша сталъ между нами, умоляя ее успокоиться. Посланный отъ Горнова отвлекъ отъ меня грозу. Онъ подалъ брату два письма: одно было адресовано ко мнѣ, другое къ maman. Свое я спрятала въ карманъ, а она поспѣшно распечатала конвертъ.

— Хорошо, должно-быть, онъ и меня отдѣлываетъ за поведеніе дочки! замѣтила она и стала читать въ слухъ.

Горновъ, зная что меня ожидаетъ, старался всячески доказать ей, что я была въ полномъ правѣ отказаться отъ своего слова, что я его дала, не понимая на что иду, наконецъ, что онъ самъ сознаетъ невозможность составить мое счастье и т. д. Maman, не кончивъ письма, бросила его на столъ.

— Колпакъ какъ есть! сказала она:—и подѣломъ ему дураку! Другой бы такъ прикрикнулъ, что она бы своихъ не узнала. Я, молъ, тебя осрамлю, всѣхъ женіховъ отобью; всѣму бѣлому свѣту докажу, что ты изъ материнскаго повиновенія вышла. Какіе теперь муцины?... тетеря на тетерѣ!

Maman любила свѣтскость, но въ семейномъ кружкѣ не стѣснялась въ выраженіяхъ. Наконецъ, я успѣла скрыться и прочла записку, адресованную мнѣ.

„Вы свободны, я вамъ возвращаю ваше слово. Мнѣ бы давно слѣдовало понять, что я васъ люблю какъ эгоистъ, но, видно, любить безъ эгоизма невозможно. Я былъ такъ счастливъ, что не отдавалъ себѣ отчета въ вашихъ чувствахъ. Не бойтесь ни моей ненависти, ни настойчивости. Я васъ избавлю отъ новаго испытанія и пощажу ваше доброе сердце. Въ свою очередь, я вамъ скажу: не грустите обо мнѣ. Я слажу съ своимъ горемъ, какъ оно ни тяжело. Больно подумать, что васъ будутъ преслѣдовать моимъ именемъ, не понимая, что вы ни въ чемъ не виноваты. Не на радость же мы съ вами сошлись. Позвольте мнѣ поцѣловать на прощаніе вашу руку."

Эта записка и письмо къ maman возбудили во мнѣ благодарность и сожалѣніе доходящія до экзальтаціи. Я находилась постоянно въ лихорадочномъ состояніи, которое не давало мнѣ возможности сознавать вполнѣ ни моего охлажденія къ Еленѣ, ни равнодушія къ домашнимъ дрязгамъ. Гнѣвъ

Digitized by Google

maman былъ неукротимъ какъ Ахиллесовъ гнѣвъ. Всѣмъ родственникамъ разказывала она поочередно исторію моей размолвки съ Горновымъ. На эту суматоху поспѣла и мадамъ Петипьеръ.

— А! мадамъ Петипьеръ, сказала maman;—мы ее слишкомъ баловали!

Иногда ея голосъ упадалъ на цѣлый тонъ.

— Миша, говорила она едва слышно,—я уже успѣла ухлопать двѣ тысячи на приданое,—можетъ-быть, кое-что изъ купленныхъ вещей не выйдетъ изъ моды до твоей свадьбы; авось ты нападешь на порядочную дѣвушку, которая мнѣ замѣнитъ дочь.

IX.

Страсть къ Еленѣ такъ овладѣла Горновымъ, что онъ бросилъ занятія и проводилъ цѣлые дни у ней. Миша видалъ ихъ часто и увѣрялъ, что Горновъ не былъ счастливъ. Дѣйствительно, въ немъ начиналась уже борьба разочарованія со страстію. Горновъ былъ самый снисходительный изъ смертныхъ къ чужимъ недостаткамъ, но пороки Елены внушали ему невольное нравственное отвращеніе. Горновъ ненавидѣлъ ложь и хвастливость, — Елена хвастала и лгала; Горновъ любилъ женскую стыдливость: Елена щеголяла цинизмомъ; онъ любилъ простоту: въ ней все было обдумано.

Я сама замѣчала, что онъ былъ постоянно раздраженъ. Это напряженное состояніе отвлекло его отъ занятій и отъ друзей. Правда, что со мной онъ видался довольно часто, но между нами лежала бездна, и разговоръ ограничивался отвлеченностями.

Елена ко мнѣ не писала и не искала случая со мной повидаться. Съ своей стороны я хворала и не выходила изъ своей комнаты. Ужь не переѣхала ли она въ Москву? не занемогла ли? думала я, не допуская возможности охлажденія съ ея стороны. Меня въ особенности преслѣдовало день и ночь желаніе узнать въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ Горнову. Наконецъ, не прежнее мое чувство къ ней, но это мучительное желаніе увлекло меня къ ней, полубольную.

Я застала ее за работой: она пришивала новыя пуговицы къ дорожному платью.

Digitized by Google

— Ah! bonjour, ma petite chatte, сказала она своимъ ласковымъ тономъ.—Ты меня совсѣмъ забыла.

Этотъ упрекъ произвелъ на меня впечатлѣніе, невыгодное для Елены. Если которая-нибудь изъ насъ была въ правѣ упрекать другую въ забывчивости, то это право принадлежало, конечно, не ей.

— А ты, Елена, не забыла меня?

— Какой вопросъ! Послушай, ты еще не успѣла мнѣ разсказать подробности твоего послѣдняго свиданія съ Горковымъ. Онъ былъ огорченъ? Разскажи, пожалуста, какъ это было.

Вопросъ мнѣ показался нескромнымъ.

— Я ему отказала письменно, отвѣчала я.

— А что же онъ тебѣ написалъ?

— Что я свободна.

— Неужели только?

— Только.

Елена задумалась и вдругъ сказала:

— Я узнала, что онъ ѣдетъ на днях въ свое рязанское имѣніе....

Я взглянула на ея дорожное платье, и сердце мое болѣзненно сжалось.

— Елена, спросила я,—какими средствами добиваются любви мущины?

— Fichtre, ma petite, дѣло очень просто, отвѣчала, улыбаясь, Елена.—Надо его любить, вотъ и онъ полюбитъ.

— Мнѣ кажется, этого недостаточно.

— Разумѣется, недостаточно, если ты ограничишься однимъ словомъ:—я люблю. А ты изучи слабыя стороны человѣка и извлеки изъ нихъ возможную для себя пользу. У одного конекъ—самолюбіе, у другаго—рыцарство, вотъ онъ и въ твоихъ рукахъ.... Кстати, поблагодари твою кузину Варенькy за то, что она потеряла свою записку въ вокзалѣ.... (она засмѣялась и продолжала:) Послушай, три года тому назадъ я любила одного господина....

— Ты мнѣ говорила, что ты никогда не любила.

— Нѣтъ, я тебѣ говорила, что у меня не было любовниковъ, и повторяю, что въ этомъ отношеніи моя совѣсть чиста какъ у ребенка.

— Такъ ты любила одного господина?...

— Да.... Ну, такъ его слабая струна была самолюбіе. Я

Digitized by Google

его и убѣдила, что онъ имѣетъ надо мной полное вліяніе, и такимъ образомъ дѣлала изъ него все что хотѣла. А онъ былъ ограниченъ, грубъ и своеволенъ....

— За что же ты его любила?

— Такъ, любила, да вотъ и все. Ладить съ нимъ было не легко. Иногда, бывало, я бы, кажется, разорвала его въ клочки, а сама улыбаюсь и гляжу ему въ глаза. И дѣло кончалось всегда тѣмъ, что я добивалась своего; и онъ только что на меня не молился.

Странно! Въ первый разъ Елена непріятно меня озадачивала. Я находила въ ней грубость чувствъ, отсутствіе такта, искренности. Не мало меня удивило и оскорбило ея равнодушіе къ моимъ домашнимъ недочетамъ. Она даже не спросила въ какихъ отношеніяхъ я была къ maman и чѣмъ я поплатилась за свое пожертвованіе. Я поспѣшила возвратиться домой.

— А я скоро уѣду изъ Москвы; мы вѣроятно съ тобой не увидимся, сказала Елена, прощаясь со мной.

— Куда ты ѣдешь?

— Въ Рязань, къ одной родственницѣ....

Елена значительно улыбнулась.

— Я буду къ тебѣ часто писать, а письма доставитъ тебѣ моя горничная.... она остается на дачѣ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ будешь ко мнѣ писать?

— Честное слово.

Она повторила еще, цѣлуя меня, честное слово, и мы разстались.

Долго за полночь сидѣла я въ своей комнатѣ, думая о поѣздкѣ Елены, между тѣмъ какъ глухая, но нестерпимая боль поднималась въ моемъ сердцѣ. Не скоро рѣшилась я назвать настоящимъ именемъ чувство, которое такъ неожиданно овладѣло мной.... Я наклонилась лицомъ къ подушкѣ и заплакала навзрыдъ.

X.

Горновъ уѣхалъ.

Наша размолвка надѣлала шума, и я стала на время предметомъ гостиныхъ толковъ и любопытства. Каждый выводилъ свое заключеніе изъ развязки моего романа, но никто

Digitized by Google

не догадался даже приблизительно объ истинѣ. Матери семейства называли меня *эмансипированною* и неохотно позволями своимъ дочерямъ сближаться со мной. Всѣ бросили въ меня камень, за исключеніемъ молодаго поколѣнія, студентовъ и другихъ заступниковъ свободы чувства. Многіе изъ нихъ идеализировали меня и разказывали съ полною увѣренностью, что я отказалась отъ выгодной партіи, чтобы выйдти замужъ по склонности. Что касается до меня, я чувствовала, что какой-то переворотъ совершился въ моемъ характерѣ. Я сдѣлалась серіознѣе, полюбила уединеніе, книги. Мнѣ хотѣлось дорости до Горнова; но за книгой, въ разговорахъ съ молодежью, дома и въ свѣтѣ, меня преслѣдовала тайная грусть.

И какъ она ни была мучительна, я бы не хотѣла съ ней разстаться. Я любила мечтать о Горновѣ и часто сидѣла до разсвѣта на постели, вспоминая до малѣйшихъ подробностей о томъ времени когда я была невѣстой. Чѣмъ болѣе разъяснялась для меня личность моего жениха, тѣмъ болѣе я убѣждалась, что между имъ и Еленой лежала бездна. Союзъ между ними казался мнѣ невозможнымъ. Я ждала съ нетерпѣніемъ письма изъ Рязани, которое подтвердило бы мои надежды, но Елена, не нуждаясь болѣе во мнѣ, нашла лишнимъ ко мнѣ писать. На мои частые вопросы „нѣтъ ли письма?“ ея горничная отвѣчала, что письма есть, но не на мое имя.

Въ концѣ лѣта Горновъ написалъ Мишѣ, который мнѣ прочелъ строки относящіяся ко мнѣ: „Что дѣлаетъ твоя сестра? Весела ли она? Счастлива ли? Поцѣлуй за меня ея маленькую ручку.“

Слезы, брызнувшія изъ моихъ глазъ, совершенно сбили съ толку брата. Я рѣшилась повѣрить ему свою тайну, и къ немалому моему удивленію, я узнала, что онъ встрѣчалъ не разъ Елену и успѣлъ составить о ней довольно опредѣленное мнѣніе со словъ одного пріятеля, „который съ ней былъ въ коротких отношеніяхъ“, прибавилъ Миша, улыбаясь. Она воспитывалась въ честномъ семействѣ и вышла замужъ по склонности, но не прошло двухъ лѣтъ какъ уже ловко обманывала мужа, который ее оставилъ. Объ ея поѣздкѣ въ Рязань Миша не имѣлъ понятія.

— Она, пожалуй, поставитъ на своемъ, завладѣетъ Горновымъ, замѣтилъ онъ.

Digitized by Google

— А я думаю, что Горновъ не помирится съ такою женщиной.

— Она сумѣетъ помирить его съ собой. Богъ дастъ, еще увидитъ въ ней неисчерпаемую бездну чести. Не даромъ она вырвала у Лаврова Варенькину записку. То-то онъ и пишетъ, что встрѣтилъ совершенно незаслуженное имъ чувство дружбы и симпатіи, которое помогаетъ ему переносить его горе.

Эти слова пробудили во мнѣ горькое чувство ревности. Я дала бы, кажется, полжизни, чтобы прослѣдить мысли Горнова, угадать тайну отношеній его къ Еленѣ, узнать каждое слово, которымъ они обмѣнялись, какъ будто бы это новое испытаніе должно было облегчить мою душу. Я покушалась нѣсколько разъ написать къ Горнову, но меня удерживала мысль: „Не поздно ли?“

Наконецъ миновали лѣтніе мѣсяцы. Мы переѣхали въ Москву, и наша свѣтская жизнь установилась прежнимъ порядкомъ, но я часто отказывалась отъ выѣздовъ подъ предлогомъ нездоровья. Къ счастію, я сошлась съ Варенькой. Хмѣлевъ, женившись на ней, получилъ наслѣдство и съ тѣхъ поръ помирился съ своею тещей и со всѣмъ семействомъ. Варенька со мной часто видалась и скоро поняла тайну моего добровольнаго отреченія отъ свѣта.

Разъ я къ ней отпросилась на цѣлый день. Она выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу и объявила, что Горновъ вернулся въ Москву, послѣ полугодоваго отсутствія, и проведетъ вечеръ у ней.

Съѣхались гости. При каждомъ звукѣ колокольчика сердце мое мучительно замирало и руки холодѣли.

Такъ вотъ она любовь, та любовь, которую пророчила мнѣ Елена! Чѣмъ бы я не пожертвовала за одинъ день проведенный съ нимъ! Я обрадовалась какъ безумная, когда онъ вошелъ въ комнату, и готова была броситься ему на шею. Горновъ былъ, повидимому, радъ меня встрѣтить, но что-то измѣнилось въ пожатіи его руки, и не такъ бы онъ на меня взглянулъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ.

Разговоръ сдѣлался общимъ и продлился бы до безконечности, еслибы Варенька, подъ предлогомъ жары, не увела своихъ гостей въ болѣе просторную комнату. Оставшись вдвоемъ съ Горновымъ, я такъ растерялась, что не могла проговорить слова.

— Вы похудѣли, измѣнились, замѣтилъ онъ съ участіемъ.

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, что я переродилась съ тѣхъ поръ какъ мы не видались.

— Скажите, улучшилась ли теперь ваша семейная жизнь? спросилъ Горновъ.—Миша мнѣ писалъ, что она была не завидна въ послѣднее время.

— Maman мнѣ не простила до сихъ поръ....

Я остановилась на минуту и прибавила не взглянувъ на него:

— А вы, Владиміръ, вы мнѣ простили?....

— Отъ всей души, отвѣчалъ онъ, протянувъ мнѣ руку.

Меня обдало холодомъ это убійственное великодушіе; однако я была такъ ослѣплена собственнымъ чувствомъ, что попыталась пробудить и въ душѣ Владиміра отголосокъ прошедшаго.

— Не вы ли сами были виноваты отчасти въ моей холодности? сказала я. — Зачѣмъ смотрѣли вы на меня какъ на Мадонну? Я была женщина какъ и всѣ. Къ несчастью, я оцѣнила слишкомъ поздно ваше чувство.

Горновъ нѣсколько смутился, а я смутилась еще болѣе его.

— Въ вашемъ замѣчаніи, Настасья Михайловна, отвѣчалъ онъ,—есть, конечно, доля правды....

— Зовите меня Настей. Я хочу оставить за вами это право.

— А что бы сказала ваша мать о такомъ уклоненіи отъ приличій?

Онъ улыбнулся.

— Вы, можетъ-быть, не знаете, возразила я,—что я всегда готова пожертвовать приличіями чувству.... Вы видались съ Еленой?

Горновъ крѣпко пожалъ мою руку.

— Я съ ней видался, отвѣчалъ онъ,—и знаю, что въ простотѣ вашего сердца, вы поняли то, чего не поняли другіе, я первый. Не взирая на клевету, на несправедливость свѣтскихъ приговоровъ, вы ей подали руку. Она этого не забудетъ.

Я ненавидѣла Елену и не пощадила ея.

— Она вамъ все разказала? спросила я у Горнова.

Но онъ не понялъ значенія моего вопроса.

— Все.... всю грустную исторію своей жизни. Она не первая и не послѣдняя жертва грубаго злословія и супружескаго деспотизма. А я когда-то зналъ ея мужа, и онъ смотрѣлъ порядочнымъ человѣкомъ.

Горновъ пожалъ плечами и продолжалъ, послѣ короткаго молчанія.

Digitized by Google

— Я не могу до сихъ поръ простить себѣ своей глупости. Какъ я не понялъ раньше положенія, въ которое я васъ поставилъ? Какъ я не догадался, наконецъ, въ чемъ дѣло, когда вы просили Елену Николаевну приготовить меня къ отказу?

— Приготовить васъ къ отказу! Это не правда! перебила я вспыхнувъ.

— Какъ не правда! повторилъ Горновъ остолбенѣвъ.

Я себя не помнила.

— Не правда! Я вамъ отказала по ея просьбѣ, по ея мольбамъ. Она меня убѣдила, что я была помѣха вашей взаимной любви и вашему счастью.

Горновъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и мѣнялся въ лицѣ.

— Неужели Елена скрыла отъ васъ всю эту исторію? спросила я.

— Нѣтъ.... нѣтъ.... она ее, разумѣется, не скрыла отъ меня, но, признаюсь вамъ, тутъ есть обстоятельства, которыя я не могу согласить.... Тутъ какое-то странное недоразумѣніе.

— Владиміръ Павловичъ, вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ, воскликнула я съ отчаяніемъ.

— Нѣтъ! Сохрани Богъ! Не въ вашихъ.... но въ ея....

Горновъ сказалъ послѣднее слово, понизивъ голосъ. Онъ понималъ чутьемъ, что не я его обманывала. Послѣ минутнаго молчанія онъ просилъ меня разсказать какъ было дѣло, и я разсказала съ самаго начала и со всѣми подробностями мое знакомство съ Еленой. Горновъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, въ которыхъ проглядывало не теплое участіе ко мнѣ, а желаніе убѣдиться на сколько Елена измѣнила правдѣ. Его отрывистыя движенія и слова обнаруживали лихорадочное безпокойство. Нѣсколько разъ онъ брался за шляпу, но опускалъ ее опять на полъ и разспрашивалъ снова о мелочныхъ подробностяхъ моей исторіи, которую Елена разсказала ему по-своему. Я не узнавала флегматическаго Горнова.

— Я успѣла убѣдиться въ холодности и въ эгоизмѣ ея сердца, сказала я въ заключеніе;—она мнѣ не сказала теплаго слова съ тѣхъ поръ, какъ добилась своей цѣли; строки не написала въ полгода.

Эти слова пробудили въ немъ одинъ изъ тѣхъ душевныхъ порывовъ, которые онъ рѣдко обнаруживалъ, но за то ихъ нельзя было забыть. Онъ схватилъ мои руки, осыпалъ ихъ поцѣлуями и сказалъ со слезами на глазахъ:

— Если она забыла, я никогда не забуду.

Digitized by Google

Я склонилась къ его плечу и зарыдала.

— Не судьба! промолвилъ Горновъ.

Онъ прошелся по комнатѣ и едва ли слышалъ двѣ-три сказанныя мной несвязныя фразы. Онъ рвался къ Еленѣ за оправданіемъ или на разрывъ; я его не удерживала. Когда онъ уѣхалъ, я позвала Варенькy.

— Варенька, сказала я, задыхаясь отъ волненія и радости;— я знала, что они не сойдутся!

XI.

Да! Радость и надежда захватывали мнѣ дыханіе. Я не сомкнула глазъ во всю ночь. На другой день я ждала Горнова съ минуты на минуту и нарядилась въ то голубое платье, которое ему такъ нравилось. Мнѣ хотѣлось не только собой, но и всею обстановкой воскресить въ немъ память прошедшаго и прежнія чувства. Цвѣты и мебель въ гостиной я разставила въ прежнемъ порядкѣ и протвердила нѣсколько разъ одну мелодію Шуберта, которую онъ заставлялъ меня играть въ зимнія сумерки.

Maman чрезвычайно удивилась и, кажется, обрадовалась, когда о немъ доложили. Она начинала догадываться, что я дорого бы дала, чтобы поправить свою ошибку.

Горновъ согласился охотно отобѣдать съ нами, и вотъ мы опять, какъ въ былое время, сѣли за столъ, Миша возлѣ maman, а я рядомъ съ Горновымъ.

Двадцать два года прошли съ тѣхъ поръ, однако мнѣ памятна каждая минута этого дня. Мнѣ было досадно, что Горновъ не замѣтилъ моего голубаго платья. Онъ находился въ неопредѣленномъ настроеніи духа, то оживленномъ, то задумчивомъ; однако разговоръ не прекращался ни на минуту. Послѣ обѣда maman не безъ намѣренія оставила насъ съ глазу на глазъ.

Настало молчаніе. Горновъ казался смущенъ, намъ обоимъ было неловко. Я заговорила первая.

— Вы замѣтили, Владиміръ Павловичъ, что въ нашей гостиной ничто не измѣнилось съ прошедшей зимы? Здѣсь не доставало только васъ.

— Правда, ничто не измѣнилось.

Digitized by Google

Онъ оглянулъ комнату и началъ опять съ принужденною улыбкой:

— А я разъяснилъ недоразумѣніе, о которомъ мы говорили вчера.... помните? Елена Николаевна признаетъ себя кругомъ виноватою передо мной; что касается до васъ, она была убѣждена, что вы согласились неволей быть моею женой. Сознайтесь, что она не безъ основанія это думала. Главная вина ея состоитъ въ томъ, что она не рѣшилась разказать дѣло какъ оно было.... Но ее мучила совѣсть, и она готовилась мнѣ во всемъ признаться съ вашею помощью....

— Съ моею помощью?...

— Да.... Она именно на то и разчитывала, что вы мнѣ все разкажете, и благодаритъ васъ за то, что вы ее предупредили и сняли камень съ ея сердца.

Я опустила голову и стала смотрѣть на полъ. Наступило опять молчаніе, но не я его прервала на этотъ разъ.

— Ахъ! сказалъ онъ вдругъ:—Елена Николаевна къ вамъ писала два раза. Она въ отчаяніи, что вамъ не передали ея писемъ.

— Странно! Я спрашивала нѣсколько разъ у ея горничной нѣтъ ли писемъ, и получала отрицательные отвѣты.

Горновъ слегка покраснѣлъ.

— Горничная солгала, возразилъ онъ.—Это ясно.

— Тѣмъ лучше.

Это слово ему не понравилось. Онъ сталъ натягивать перчатку, снялъ ее, бросилъ на столъ и сказалъ, взглянувъ пристально на меня:

— Я былъ бы несчастливъ, не только еслибъ могъ усомниться самъ въ ея искренности, но даже еслибы кто-нибудь сомнѣвался въ ней. Я пробовалъ любить, не уважая любимую женщину, и не могъ, не совладалъ съ собой. Не дай мнѣ Богъ убѣдиться, что она солгала когда-нибудь! Вы не знаете какъ дорого обходится борьба страсти съ нравственнымъ чувствомъ! Я ее уже испыталъ и, кажется, въ другой разъ не вынесу.

Онъ остановился на минуту и наконецъ повторилъ:

— Не вынесу! Не дай Богъ обманывать сердце и воображеніе ложно приложенными словами: снисхожденіе, прощеніе. Утомишься, измельчаешь, пропадешь въ собственныхъ глазахъ среди этихъ переходовъ отъ любви къ ненависти и отъ ненависти къ любви.

Digitized by Google

— А ваша первая любовь долго продолжалась? спросила я.

— Пока я не убѣдился на дѣлѣ, что ошибаюсь. Та женщина меня обманывала, увѣрила, что до меня она не любила никого. И зачѣмъ она меня обманывала? Я отъ нея не требовалъ отчета въ прошломъ, я бы ей простилъ все на свѣтѣ. Услужливый пріятель принесъ мнѣ письмо, которое она написала одному изъ своихъ прежнихъ.... поклонниковъ; я ей показалъ это письмо; знаете, что она сдѣлала? Отказалась отъ своего почерка. Хоть бы она покраснѣла! Хоть бы голосъ у ней измѣнился!

Онъ остановился и прибавилъ, какъ будто возражая самому себѣ:

— Нѣтъ! Она.... Елена Николаевна не умѣетъ обманывать. Напротивъ! Ея бѣда состоитъ въ томъ, что у ней вѣчно и для всѣхъ сердце на ладони. Конечно, у ней есть недостатки; но сильное, нравственное чувство облагораживаетъ, возобновляетъ душу.... Послушайте, продолжалъ онъ, если вы въ ней хоть на сколько-нибудь сомнѣваетесь, не говорите мнѣ этого, пощадите меня.... Не то я пропадшій человѣкъ. Вы меня не знаете; я готовъ обманываться, ослѣпляться добровольно, чтобы не дойдти до сознанія, что она не стóитъ моей привязанности.

Я было хотѣла возразить, онъ меня перебилъ:

— Что до васъ касается, Настя, прошу васъ смотрѣть на меня какъ на неизмѣннаго друга. Разчитывайте на мою дружбу, испытайте ее. Я буду счастливъ, если мнѣ придется доказать вамъ ее на дѣлѣ.

Я ему протянула руку. Мы оба встали; проходя мимо рояля, я невольно остановилась....

Мелодія Шуберта лежала на пюпитрѣ.

— Помните вы эту мелодію? спросила я, указывая на тетрадь.

— Какъ не помнить! отвѣчалъ онъ, прищуриваясь, чтобы взглянуть на ноты.—Вы ее мастерски играете.

И онъ уѣхалъ.

XII.

Въ дѣтствѣ любила я слушать разказы доброй моей няни. Подъ ихъ вліяніемъ воображеніе рисовало передо мной фантастическіе образы, но ни одинъ изъ разказовъ не запечатлѣлся такъ сильно въ моей памяти, какъ слѣдующій:

Digitized by Google

„Идетъ старецъ по дорожкѣ, черноризецъ по пустынной. Пріусталъ онъ, притомился, голодъ и жажда его томятъ. Не кому старца напоить, накормить, не кому черноризца упокоить. И пришелъ онъ на долину, и во той во долинѣ видитъ градъ великій, чудный. Много въ томъ градѣ церквей Божьихъ златоглавыхъ, много въ томъ градѣ каменныхъ палатъ, высокихъ хоромъ, узорчатыхъ теремовъ, улицы длинныя, большія мостовыя, переулкамъ да закоулкамъ и счету нѣтъ. Оглядѣлся старецъ на всѣ четыре страны и видитъ, что тотъ градъ ему родной, знакомый. Какъ бывалъ старецъ молодъ, обиталъ онъ въ семъ самомъ градѣ, много у него тутъ было родныхъ и знакомыхъ; радостно жилось ему въ томъ градѣ, и любилъ онъ его всѣмъ своимъ сердцемъ. Перекрестился старецъ, Богу на всѣ четыре страны помолился, граду родному до земли поклонился. И вошелъ онъ во градъ оный. Вотъ помышляетъ черноризецъ: найду я здѣсь и братьевъ, и родныхъ, и знакомыхъ, старыхъ вѣрныхъ друзей неизмѣнныхъ. Напоятъ други меня, накормятъ, притомленнаго старца упокоятъ.... Идетъ старецъ по улицамъ, жива человѣка не видитъ; бредетъ черноризецъ по переулочкамъ, и живой души не встрѣчаетъ. Стучится въ окно, въ другое— нѣтъ ему ни привѣта, ни отвѣта. Входитъ онъ на знакомый широкій дворъ — нѣтъ ему ни привѣта, ни отвѣта. Входитъ старецъ въ знакомыя хоромы—нѣтъ ему ни привѣта, ни отвѣта. Бродитъ старецъ по пустымъ хоромамъ—нѣтъ ему ни привѣта, ни отвѣта. И вопрошаетъ самъ себя старецъ: куда жъ дѣлись мои братья, мои родные, гдѣ мои старые пріятели-други, гдѣ всѣ люди сего града? Не пошли ли они въ домъ Божій, во Христову церковь—Господу молиться, угодникамъ поклониться, свѣчку поставить, молебенъ послушать, душеньки свои отъ грѣховъ очистить? Входитъ старецъ во храмъ Господень, входитъ черноризецъ въ Божію церковь, и тамъ все пусто, и тамъ ни едина жива человѣка. И ходилъ старецъ по пустому граду три дня и три ночи; походилъ, походилъ и вышелъ. Сѣлъ у градскихъ воротъ и заплакалъ. И прилетала къ старцу жаръ-птица, человѣческимъ голосомъ ему возговорила: „Охъ ты гой еси, старецъ-черноризецъ, не „плачь ты, не кручинься, не тоскуй, не печалься; садись на „мои золотыя перья, понесу я тебя, жаръ-птица, за синее мо„ре на Блаженный островъ, во градъ великій, во градъ бога„тый, во дворецъ хрустальный, въ хоромы изъ камней само-

Digitized by Google

„цвѣтахъ. Въ тѣхъ хоромахъ живетъ бѣлолицая царевна — „во лбу у ней ясно солнце, на затылкѣ ясенъ мѣсяцъ, во ру„сыхъ кудряхъ часты звѣзды.“ Отвѣщалъ же старецъ жаръ-птицѣ, отвѣщалъ, а самъ горько плакалъ: „Не носи ты меня, „жаръ-птица, за синее море, не прельщай ты старца дворцомъ хрустальнымъ, не сули мнѣ царевну бѣлолицу. До чу„жихъ городовъ нѣтъ мнѣ дѣла, приходилъ я во градъ роди„мый, не нашелъ я въ немъ ни привѣта, ни отвѣта.“

По отъѣздѣ Горнова вспала мнѣ на умъ нянина сказка. Какимъ-то символомъ она мнѣ показалась. Пустой городъ— это душа, переставшая любить. Въ какой уголокъ ея ни постучи — вездѣ пусто, для любви нигдѣ нѣтъ ни привѣта, ни отвѣта. Дружба? Но эта царевна за синимъ моремъ.

Я сняла голубое платье, положила въ сторону Шуберта, взглянула на мебель и цвѣты въ опустѣлой гостиной и—заплакала какъ черноризецъ у городскихъ воротъ пустаго города.

ОЛЬГА Н.

Digitized by Google

ВОДЯНИКЪ

ИЗЪ ЧЕШСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

РАЗКАЗЪ К. Я. ЭРБЕНА.

I.

Вечеръ. Озеро спокойно,
Стройный тополь мирно спитъ,
Лишь съ вѣтвей его нестройно
Водяного пѣснь звучитъ:
„Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо будетъ шить.

„Я про сушу и про воды
Шью сапожки-скороходы:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо будетъ шить.

„Скоро пятница начнется
И кафтанчикъ мой допьется:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо будетъ шить.

„Завтра, вырядясь красиво,
Свадьбу сдѣлаю на диво:
Мѣсяцъ будетъ мнѣ свѣтить,
Нитка живо будетъ шить.“

Digitized by Google

II.

По утру рано дочка встала,
Бѣлье все въ узелокъ связала:
„Куда идешь?“ спросила мать.
— Платочки я пойду стирать.

„Нѣтъ, не ходи, моя родная,
Стоскуюсь безъ тебя одна я;
Дурной мнѣ снился нынче сонъ,
И не добро пророчитъ онъ:

„Тебѣ я жемчугъ выбирала,
Потомъ ты юпку надѣвала,
Бѣлѣе пѣны водяной:
Останься, милая, со мной.

„Вѣдь платье бѣлое — печали,
А жемчугъ — слезы предвѣщали;
Къ тому же пятница у насъ:
Нѣтъ, ты напрасно собралась.“

А съ дочкой тяжкая истома,
Ей не сидится больше дома,
Ей дома мѣста нѣтъ нигдѣ
И тянетъ все ее къ водѣ.

Ушла: едва къ водѣ нагнулась,
Какъ вдругъ доска подъ ней свернулась,
И нѣтъ ея!... и лишь на днѣ
Валы вскипѣли въ глубинѣ,

И кверху вырвавшись клубами,
Всѣ разошлись потомъ кругами.
А тамъ, на тополѣ у скалъ
Ужъ водяникъ рукоплескалъ.

Digitized by Google

III.

Печаленъ, непривѣтливъ
Подводный этотъ міръ:
Въ травѣ однѣмъ лишь рыбкамъ
Раздолье тамъ, да пиръ.

Не грѣетъ солнце, вѣтеръ
Не вѣетъ тихо въ немъ:
Тамъ тишина и холодъ
Какъ въ сердцѣ отжиломъ.

Не весело, печально
Въ томъ царствѣ водяномъ;
Ни свѣтъ, ни тьма: безслѣдно
Тамъ день идетъ за днемъ.

Дворецъ у водянаго
Пространенъ и богатъ;
Войдетъ такъ не вернется
Оттуда, радъ-нерадъ.

Въ хрустальныя ворота
Кто вступитъ разъ на пядь,
Того на вольномъ свѣтѣ
Во вѣкъ не увидать!

Въ воротахъ, важно сидя,
Хозяинъ сѣть чинитъ,
Хозяйка молодая
Съ дитятею сидитъ.

„Баю, баю, мой милый,
Мой нежданный сынокъ!
„Ты веселъ!... Еслибъ горе
Мое понять ты могъ!?

Ты къ матери несчастной
Такъ нѣжно льнешь, а мать,—
Твоя была бы рада
Въ сырой землѣ лежать.

Digitized by Google

„Въ землѣ, за той часовней,
Гдѣ виденъ черный крестъ,
Лишь къ матушкѣ поближе,
Вблизи родимыхъ мѣстъ.

„Баю, баю, сынишка,
Малютка водяной!
О, какъ не вспоминать мнѣ
О матушкѣ родной?!

„Голубушка, старалась
Меня пристроить.... вдругъ
На долю мнѣ достался
Мой водяной супругъ.

„Я вышла замужъ, вышла,
Да вышла-то вѣдь какъ!
Сватьями были—рыба,
Да съ ней противный ракъ.

„А мужъ!... на сушѣ всюду
Мокро, гдѣ шелъ мой мужъ;
Въ водѣ же, подъ горшками,
Онъ держитъ много душъ.

„Мой водяной малютка,
Баю, баю, баю....
Не по любви пошла я
Въ безвѣстную семью.

„Въ разставленныя сѣти
Запуталася я;
Лишь ты, малютка, радость
Единая моя!“

— Что̀ тамъ, жена, поешь ты?
Не любъ мнѣ твой напѣвъ;
Во мнѣ онъ возбуждаетъ
Досаду лишь, да гнѣвъ!

Ужъ желчь во мнѣ вскипаетъ,
Не пой: я такъ хочу;
Не то тебя, какъ прочихъ,
Я въ рыбу превращу....

Digitized by Google

„И безъ того ужь грустно,
Мой мужъ, здѣсь идутъ дни:
Заброшенную розу
Напрасно не кляни!

„Не самъ ли подкосилъ ты
Цвѣтокъ моей весны.
Разрушивши на вѣки
Мои надежды, сны?

„Ужь я тебя молила
О милости одной,
Чтобъ ты, хоть не надолго,
Пустилъ меня къ родной!

„Ужь сколько слезъ, съ мольбами,
Напрасно я лила,
Чтобъ разъ лишь, на послѣдки,
Проститься съ ней могла!

„Молила, на колѣна
Склоняясь предъ тобой:
Но не смягчилось сердце
Твое моей мольбой.

„Не гнѣвайся напрасно,
Супругъ мой водяной!...
Иль пусть же лучше будетъ,
Что ты сказалъ, со мной!

„Ты хочешь, чтобъ какъ рыба,
Была я вѣкъ нѣма:
Я лучше буду камнемъ
Безъ сердца, безъ ума!

„Такъ преврати же въ камень
Меня, чтобъ въ этой мглѣ
Не вспоминать мнѣ вѣчно
О солнцѣ, о землѣ.“

— Охотно бы я вѣрилъ,
Жена, твоимъ словамъ.
Но рыбка въ морѣ!... Кто же
Ее отыщетъ тамъ?

Digitized by Google

И къ матери давно ужь
Сходила бъ ты, жена,
Да все боюсь: не будешь
Словамъ своимъ вѣрна!

Пожалуй, я позволю
Тебѣ взглянуть на свѣтъ,
Но обѣщайся вѣрно
Исполнить мой завѣтъ:

Смотри, не обнимай тамъ
И матери родной,
Чтобы подземной страсти
Не пасть передъ земной!

Такъ, слышишь: безъ объятій!
Смотри же, не забудь;
А предъ вечернимъ звономъ
Сберись въ обратный путь.

Съ зауtрень до вечерень
Тебѣ даю я срокъ;
А въ вѣрности возврата,
Ребенокъ — мнѣ залогъ.

IV.

Не бывать веснѣ безъ солнца,
Ни цвѣточкамъ безъ тепла,
Лишь нерадостная встрѣча
Безъ объятій бы прошла!

И покажется ли странно,
Если встрѣтившись нежданно,
Дочь торопится обнять
Обожаемую мать?

Незамѣтно день промчался
Въ упоительныхъ слезахъ.
„Время намъ разстаться: вечеръ
На меня наводитъ страхъ!“

Digitized by Google

— Полно, полно, успокойся
И нечистаго не бойся:
Не хочу, чтобъ надъ тобой
Былъ владыкой водяной.

Свечерѣло. Весь зеленый
Кто-то бродитъ подъ окномъ.
Двери заперты засовомъ;
Мать и дочь сидятъ вдвоемъ.

Что же такъ тебя тревожитъ?
На землѣ вѣдь онъ не можетъ
Повредить тебѣ ни въ чемъ:
Онъ не въ озерѣ своемъ!

Лишь вечерній звонъ раздался,
Стукъ послышался извнѣ:
„Гей, жена! домой скорѣе;
Приготовь-ка ужинъ мнѣ!“

— Прочь иди съ своей отравой,
Прочь, нечистый, прочь, лукавый!
Приготовишь ужинъ самъ:
Жри, что жралъ ты прежде тамъ.

Только полночь наступила,
Снова слышенъ стукъ извнѣ:
„Гей, жена, домой скорѣе,
Постели постелю мнѣ.“

— Прочь иди съ своей отравой,
Прочь, нечистый, прочь, лукавый!
Тотъ, кто прежде стлалъ, опять
Пусть придетъ тебѣ постлать.

Ужь забрезжилось,—и снова
Стукъ раздался за дверьми:
„Гей, жена, домой! сынишка
Плачетъ! грудью покорми.“

— Плачетъ?!.. я должна собраться
Сердце хочетъ разорваться!
О, родимая, прости!
Къ сыну, къ сыну отпусти!

Digitized by Google

— Врагъ хитеръ! останься лучше,
Вѣрься здѣсь своей судьбѣ.
Ты заботишься о сынѣ,—
Я забочусь о тебѣ.

— Въ омутъ, въ омутъ, врагъ проклятый!
Дочь не выглянетъ изъ хаты;
Плачетъ сынъ, — такъ можешь самъ
Принести малютку къ намъ.

Буря озеро волнуетъ,
Въ бурѣ слышенъ дѣтскій крикъ:
Дѣтскій вопль, пронзившій душу,
Раздался и вдругъ заникъ.

— Нѣтъ! Я, матушка, не въ силахъ....
Чую—кровь ужь стынетъ въ жилахъ,
Я не знаю что со мной....
Вѣрно, это водяной....

Вдругъ за дверью отъ паденья
Стукъ глухой раздался вновь,
И порогъ въ убогой хатѣ
Оросила чья-то кровь.

Мать молитву сотворила
Тихо двери отворила:
Трупъ малютки здѣсь и тамъ
Былъ раскиданъ по частямъ.

М. П—ій.

СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ

(Вольное переложеніе сербской пѣсни.)

Именинникъ былъ царь Лазарь,
Собрались къ нему всѣ баны,
И князья, и воеводы,
И въ бесѣдѣ прохлаждались
Во честномъ, почетномъ пирѣ.
Пиръ ужь былъ во полупирѣ,
Какъ вошла въ шатеръ царица
Свѣтъ-душа красна Милица.
Обложилась жемчугами,
Поясъ кованый надѣла,
Головной покровъ кисейный,
Златъ вѣнецъ поверхъ покрова.
Поклонилася супругу,
Поклонилась, говорила:
„Господинъ ты мой, царь Лазарь!
Мнѣ бъ не слѣдъ къ тебѣ входити,
Не подобно бъ говорити,
Да не терпитъ больше сердце.
Сонъ я видѣла, и трижды
Тотъ же самый сонъ мнѣ снится.
Все является мнѣ старецъ
Въ клобукѣ и черной рясѣ;
Осіянъ небеснымъ свѣтомъ,
Держитъ онъ большую книгу;
И пречудныя въ той книгѣ
Кажетъ мнѣ изображенья.
На одномъ-то словно полѣ,
Только все дымится кровью;

Digitized by Google

Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито;
На другомъ изображеньи
Церковь, словно какъ на небѣ;
Отъ нея жь лучи исходятъ
Внизъ на Сербскую всю землю.
И зачѣмъ являлся старецъ,
И зачѣмъ казалъ мнѣ книгу,
Что велитъ по ней исполнить —
Не могла никакъ я сдумать.
Только сдумала одно я,
И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
Всѣ цари, какіе были
Надъ землею славной Сербской,
Собирали сребро, злато,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святыя.
Ты сидишь на ихъ престолѣ,
Копишь сéребро и злато,
Самъ по всей землѣ прославленъ,
А для Господа, для Бога,
Ни единой не построилъ
Ни обители, ни церкви."

Призадумался царь Лазарь
И воскликнулъ громкимъ гласомъ:
„Храмъ построю я, какого
Не бывало въ Сербскомъ царствѣ!
Изъ свинцу солью основу,
Изъ сребра поставлю стѣны,
Краснымъ золотомъ покрою,
А внутри весь изукрашу
Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
И каменьемъ самоцвѣтнымъ, —
Да во славу христіанамъ
Онъ на всю сіяетъ землю!"
Повставали съ мѣстъ всѣ баны,
И князья, и воеводы,
Похваляли мысль цареву:
„Съ Богомъ, царь, благое дѣло!"

Digitized by Google

Только Милошъ воевода
За столомъ одинъ остался,
И сидитъ, потупя очи
И глубоко воздыхая.
Запримѣтилъ свѣтъ царь Лазарь,
Что не всталъ съ князьями Милошъ,
Посылалъ къ нему онъ чашу:
„Буди здравъ, князь славный Милошъ!
Что̀ сидишь, потупя очи
И глубоко воздыхая?
Аль не по̀-сердцу рѣчь наша?“

И вскочилъ князь славный Милошъ,
Принялъ чашу въ бѣлы руки,
Поклонился, слово молвилъ:
„Государь ты свѣтъ царь Лазарь!
Не вотще царицѣ снилось
Поле залитое кровью,
Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито:
Прочиталъ ли ты въ Писаньи,
Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
Что̀ стоитъ про наше время?
Наше время — на исходѣ:
„Близокъ часъ, во онь же Турокъ
„Пріидетъ на нашу землю,
„Царство Сербское порушитъ,
„Поплѣнитъ народъ въ работу.“
Вотъ кровавое-то поле!
Если жь ты построишь церковь
Со свинцовою основой,
И серебряныя стѣны,
Красно золото на крышѣ,
А внутри заморскій жемчугъ,
Самоцвѣтные каменья:
Пріидетъ поганый Турокъ,
Разнесетъ онъ все и сроетъ.
Изъ свинцу польетъ онъ ядеръ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебряныя стѣны
Перебьетъ на збрую конямъ,

Digitized by Google

Самоцвѣтные каменья
Вправитъ въ сабельны эфесы,
А все золото и жемчугъ
Заберетъ своимъ Туркинямъ,
И наложницамъ и женамъ,
На монисто и повязки.
Церковь строить — такъ изъ камня,
Камня сѣраго, такого,
Чтобъ ни огнь не жегъ палящій,
Чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный,
Чтобъ ни червь, ни ржа не ѣли;
Вмѣсто жь злата и каменьевъ —
Да сіяетъ благочестьемъ,
И небесной свѣтлой славой.
Пусть тогда приходитъ Турокъ,
Забираетъ нашу землю,
Царство Сербское порушитъ,
Поплѣнитъ народъ въ работу:
На сѣръ-камень не польстится.
И пребудутъ яко звѣзды
Надъ землей плѣненной нашей
Наши каменныя церкви:
Будутъ иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа въ нихъ Бога,
Поминать царей великихъ,
И мужей во брани падшихъ
За отеческую землю,
И стоять въ сердцахъ у Сербовъ
Будетъ вѣки нерушимо
Царство Сербское, подъ вѣрнымъ,
Подъ невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви....
И на эту-то вотъ церковь
И указывалъ царицѣ
Во святомъ видѣньѣ старецъ....“

А. МАЙКОВЪ.

Digitized by Google

ПРѢЖНІЙ И НЫНѢШНІЙ ПАНСЛАВИЗМЪ

Пріѣздъ въ Москву депутатовъ отъ разныхъ славянскихъ земель, — фактъ слишкомъ новый въ исторіи славянства, фактъ, можетъ-быть, чрезвычайно важный и о которомъ такъ много говорятъ иностранныя газеты, что было бы странно не обратить на него серіознаго вниманія и русской печати. По поводу этого „славянскаго съѣзда“ за границей и у насъ снова заговорили о *панславизмѣ*.... Но что̀ такое этотъ панславизмъ, въ которомъ большинство западныхъ публицистовъ видитъ нѣчто подобное новому нашествію варваровъ, какую-то угрозу всемірной цивилизаціи, дѣйствіе какихъ-то темныхъ силъ, готовыхъ ринуться на образованный міръ и все въ немъ ниспровергнуть?... Что̀ такое этотъ загадочный панславизмъ, бывшій всегда на устахъ и государственныхъ людей и публицистовъ, когда надо было воздвигнуть противъ Россіи европейскую коалицію, этотъ панславизмъ, бывшій, съ другой стороны, нерѣдко яблокомъ раздора, или по крайней мѣрѣ, причиной недоразумѣній между Россіей и заграничными Славянами? Что̀ такое въ сущности этотъ хамелеонъ и почему именно онъ мѣняетъ цвѣта смотря по тому кто на него смотритъ?... Панславизмъ — значитъ всеславянство, всеславянская мысль, цѣль стремленія свойственнаго всѣмъ славянскимъ племенамъ, ихъ историческая задача. Но историческая задача славянскихъ племенъ есть ли ниспроверженіе европейской цивилизаціи и всемірная революція? Кто сказалъ это? На чемъ это основано?

Поищемъ корней славянской идеи, посмотримъ гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ она возникла, какъ проявлялась, въ

Digitized by Google

чемъ заключается ея настоящій характеръ, въ чемъ ея сила и въ чемъ ея будущность.

Со времени утраты независимости различными славянскими племенами, общею для всѣхъ ихъ мыслію могло быть, разумѣется, желаніе стряхнуть иноземное иго и возвратить свою національную и политическую самобытность. Это была, можно сказать, единственная точка, на которой могли сойдтись и Чехъ, и Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ: языкъ ихъ, хотя общій въ своихъ корняхъ, не имѣя общаго центра, раздѣлился на множество мелкихъ діалектовъ, а религія раздѣлила ихъ на два, не всегда дружелюбные стана. Жалобы на свое горькое положеніе и мечты о возстановленіи утраченныхъ благъ не рѣдкость въ литературахъ славянскихъ племенъ этого печальнаго періода ихъ бытія. Но кто съ участіемъ выслушаетъ эти жалобы? Кто одобрительно откликнется на это общее всѣмъ Славянамъ стремленіе къ независимости? кто протянетъ имъ руку помощи? куда обратятся ихъ упованія?... Это произнесъ впервые, сколько мнѣ извѣстно, Сербъ родомъ, Бѣлоруссъ по воспитанію, Юрій Крижаничъ. Прибывъ въ половинѣ XVII вѣка въ Московское царство, Крижаничъ написалъ обширную записку, въ которой говорилъ между прочимъ: „Владѣтелевъ славянскаго народа нигдѣ вяще нѣсть, неже овдѣ (здѣсь) на Руси....“ „На тебѣ единаго, о пречестный царю“, продолжалъ онъ, обращаясь къ царю Алексѣю, „есть стало смотрѣніе всего народа славянскаго. Ты, яко отецъ, изволи носить скорбь и чинить промыселъ на разсыпанныхъ дѣтей,—да ихъ собереши.... Ты, царю, аще имъ не можешь въ садашнее тѣсно время въ совершенной поправѣ пособить, нить кралества оного къ первому бытію привить и устроить,—можешь кончѣе (по крайности) языкъ словенскій въ книгахъ исправить и освѣтлять и пригодными разумными книгами инымъ людемъ разумныя очи открыть.“

Россія не имѣла въ то время средствъ дѣйствовать въ пользу своихъ братій оружіемъ или политикой. Она помогала имъ чѣмъ единственно была въ состояніи—вкладами и приношеніями, которыя посылала православнымъ Славянамъ въ ихъ монастыри. Прошло однако не болѣе полувѣка со времени воззванія Крижанича, и положеніе Россіи значительно измѣнилось, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи. Петръ Великій предпринялъ войну противъ Турціи и вспо-

Digitized by Google

мнилъ, что между подданными султана онъ можетъ найдти многочисленныхъ союзниковъ. Читатели *Русскаго Вѣстника* могутъ найдти въ статьяхъ моихъ многія подробности объ этихъ первыхъ *политическихъ* сношеніяхъ Россіи съ заграничными Славянами, равно какъ и о тѣхъ сношеніяхъ, которыя происходили при нѣкоторыхъ изъ преемниковъ Петра. Замѣчу здѣсь только, что эти сношенія во все продолженіе XVIII вѣка имѣли характеръ вообще политическій, что они происходили исключительно посредствомъ правительственныхъ органовъ и что правительство, въ интересахъ своей политики, старалось возбуждать въ славянскихъ племенахъ стремленіе къ независимости и національному возрожденію. Вотъ что было конечно, одною изъ причинъ того нерасположенія, которое съ самаго же начала обнаружили всѣ правительства Западной Европы къ дѣлу славянскаго возрожденія. Иначе было встрѣчено дѣло возрожденія Греціи: въ немъ правительства первенствующихъ державъ явились энергическими пособниками Россіи. Общественное мнѣніе западной Европы обнаружило такое горячее сочувствіе греческому возстанію, что принудило правительства Франціи и Англіи поддержать его, не взирая на то, что движеніе, охватившее все эллинское народонаселеніе, вышло изъ Россіи, началось людьми, находившимися въ русской службѣ. Почему однакожь, если не европейская политика, то европейскій либерализмъ остался глухъ и нечувствителенъ къ возстановленію независимости славянскихъ племенъ? Не станемъ искать этого въ прирожденной будто бы германскимъ и романскимъ племенамъ ненависти къ племенамъ славянскимъ, но поищемъ другихъ причинъ, болѣе разумныхъ. Греція есть общая матерь всего цивилизованнаго міра, и потому государственные и частные люди въ Россіи, Франціи и Англіи уплачивали въ отношеніи къ ней лишь долгъ сыновней благодарности, принося жертвы для ея возстановленія. Таковы ли права Славянъ на всеобщее сочувствіе? Многіе ли въ западной Европѣ знали еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, что славянскій элементъ составляетъ около половины народонаселенія Австрійской имперіи, и что зданіе Прусскаго королевства воздвигнуто на славянскихъ костяхъ? Въ западной Европѣ знали, можетъ-быть, что одна изъ областей Австріи, Богемія, произвела нѣсколько великихъ музыкантовъ, извѣстныхъ писателей и государственныхъ людей, которыми гордится Австрія, и

Digitized by Google

что лучшихъ солдатъ своихъ австрійскій императоръ получаетъ изъ своей области Кроаціи, но кому приходило въ голову, что эти музыканты, сочинявшіе нѣмецкую музыку, что эти писатели, обогащавшіе нѣмецкую литературу,— Славяне? что эти государственные люди, содѣйствовавшіе созданію изъ разноплеменныхъ элементовъ германскаго государства, и эти славные кроатскіе стрѣлки, сражавшіеся за за славу германскаго государя, — что всѣ они тоже Славяне?

Несравненно яснѣе сохранялся славянскій отпечатокъ на племенахъ подчиненныхъ Турціи, которыя притомъ постоянно протестовали противъ иноплеменнаго господства частыми противъ него возстаніями; но когда западная Европа обратила наконецъ серіозное вниманіе на положеніе Турецкой имперіи (благодаря частымъ войнамъ ея съ Россіей), то европейскіе политики имѣли полное право недоумѣвать: слѣдуетъ ли содѣйствовать низложенію весьма дурнаго, можетъ-быть, но уже утвердившагося правительства, для того чтобы вызвать на его мѣсто силы совершенно еще неорганизованныя и которыя потому очень легко могутъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Россіи? Нельзя не согласиться, что эти соображенія весьма естественны со стороны англійскаго, французскаго или германскаго государственнаго человѣка. Не имѣлъ ли права самый благорасположенный къ Славянамъ изъ этихъ государственныхъ людей сказать: пусть Славяне австрійскіе и турецкіе заявятъ свою политическую зрѣлость, свои національныя силы, пусть мысль о собственномъ возрожденіи приметъ между ними болѣе опредѣленныя формы,—и тогда.... тогда посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ? Точно также каждый мыслитель западной Европы могъ сказать: какой поводъ желать намъ, чтобы Словаки или Лужичане писали не по-нѣмецки? Если между ними обнаружится сильное умственное развитіе, оно будетъ потеряно для міра, потому что не можемъ же мы выучиться всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ въ часаніи, что когда-нибудь на которомъ-нибудь изъ нихъ будутъ писать хорошія книги!

Вотъ, между прочимъ, почему такъ важно для будущихъ судебъ заграничнаго славянства и такъ интересно для всѣхъ интересующихся этими судьбами то движеніе, которое обнаружилось между Славянами въ концѣ прошедшаго вѣка,—движеніе умственное и національное. Среди южныхъ Славянъ—Сербовъ, Хорватовъ, Далматинцевъ, даже Черногорцевъ, появля-

Digitized by Google

ются поэты, историки, изслѣдователи народной старины, собиратели памятниковъ народной литературы. Среди Славянъ западныхъ обнаружилось еще болѣе сильное умственное движеніе. Родоначальникъ его среди Чеховъ, Дубровскій, пользуется огромною и справедливою извѣстностью, а вслѣдъ за нимъ выдвигается цѣлая плеяда ученыхъ и литераторовъ, между которыми достаточно назвать Шафарика, Коллара, Ганку, Юнгмана, Палацкаго, чтобы дать понятіе о ея значеніи. Во второй четверти нынѣшняго вѣка Прага и Загребъ сдѣлались центрами весьма дѣятельной умственной жизни, къ которой многіе на Западѣ едва ли почитали способными славянскія племена. Это было со стороны послѣднихъ своего рода возстаніе, — возстаніе противъ господства между заграничными Славянами чужестранныхъ языковъ и особенно нѣмецкаго; это былъ протестъ противъ того умственнаго илотства, вслѣдствіе котораго образованный Чехъ, Сербъ или Хорватъ вносилъ свой вкладъ въ духовный капиталъ не своего народа, а народа ему чужаго и господствующаго, обогащалъ не свою національную, а нѣмецкую литературу, такъ что каждый прогрессивный шагъ Славянъ усиливалъ умственную диктатуру надъ ними Нѣмцевъ.

Но это сильное умственное движеніе, обнаружившееся въ концѣ прошедшаго вѣка и которое съ тѣхъ поръ не останавливается, не имѣетъ общаго центра и производится раздробленными силами. Оно имѣетъ задачей какъ будто возстановленіе различныхъ славянскихъ народностей, а не образованіе славянской націи, единой по духу, если не по формамъ политическимъ; результатомъ его можетъ быть созданіе нѣсколькихъ славянскихъ областей, съ извѣстною долей внутренняго самоуправленія, а не славянскихъ государствъ съ полною политическою жизнію. Идея панславизма, собственно говоря, утратилась въ этомъ движеніи.

Утрата прискорбная, потому что славянское пробужденіе заслуживаетъ всеобщаго вниманія и всеобщаго сочувствія лишь на столько, на сколько оно проникнуто идеей панславизма,— стремленіемъ образовать изъ мелкихъ племенныхъ единицъ крупныя національныя единицы, и изъ слабыхъ нарѣчій и литературныхъ попытокъ — обширную литературу и могущественный языкъ, какъ одно изъ великихъ орудій цивилизаціи. Эта мысль выражена недавно съ поразительною ясностію въ замѣчательной статьѣ г. Блока (Maurice Block) *La nationa-*

Digitized by Google

lité au point de vue statistique, помѣщенной въ *Journal des Economistes*.

„Политика, заодно съ цивилизаціей, говоритъ г. Блокъ, вопрошаютъ національности, которыя стремятся къ независимости, довольно ли онѣ многочисленны, чтобъ образовать общество цѣльное, снабженное всѣми органами, необходимыми для самостоятельной жизни? И если получается отвѣтъ отрицательный, то политика заодно съ цивилизаціей осуждаютъ такія національности на слiяніе съ другими народами. Въ сущности, сохраненіе нарѣчій Словаковъ, Словенцовъ или Вендовъ ни мало не интересуетъ насъ. Мы находимъ, напротивъ, что ихъ существованіе есть зло, потому что оно препятствуетъ нѣкоторому числу людей принимать цивилизацію и содѣйствовать въ свою очередь прогрессу. Всѣмъ извѣстно, какъ мало вліяютъ на человѣчество книги голландскія, датскія и шведскія, по причинѣ малочисленности народовъ, для которыхъ онѣ предназначаются; ихъ авторамъ нуженъ необычайный талантъ, чтобы найдти переводчиковъ.... Человѣка можно, въ нѣкоторомъ отношеніи, сравнить съ свѣтящеюся точкой: чѣмъ болѣе такихъ точекъ, тѣмъ сильнѣе свѣтъ, при чемъ необходимо еще чтобы лучи, идущіе отъ всѣхъ этихъ свѣтящихся точекъ, собрались въ одномъ общемъ фокусѣ, который и заключается въ языкѣ. То же самое число людей, разобщенныхъ между собою различіемъ нарѣчій, сдѣлаютъ несравненно менѣе для цивилизаціи. Вотъ почему Австрія гораздо менѣе сдѣлала для успѣховъ человѣчества чѣмъ можно было бы ожидать по численности ея населенія.“

Невозможно выразить съ большею ясностію и, можно сказать, наглядностію мысль болѣе вѣрную. Не видимъ ли мы и въ политическомъ мірѣ, и въ сферѣ чисто умственной полнѣйшаго подтвержденія всего сказаннаго г. Блокомъ? Не замѣтно ли повсюду стремленіе къ образованію обширныхъ государствъ и обширныхъ этнографическихъ единицъ, имѣющихъ языкъ своимъ знаменемъ?

Не центробѣжная, а центростремительная сила создала тѣ языки и тѣ литературы, которые суть истинные хранители и двигатели всемірной цивилизаціи. Ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ самой Англіи не существовало первоначально одного, общаго для всей территоріи языка. Во Франціи, напримѣръ, изъ множества мелкихъ діалектовъ образовались два главныя нарѣчія — сѣверное и южное, которыя, сближаясь между собою и сообщая другъ другу свои силы, образовали, наконецъ, языкъ еще и понынѣ первенствующій на материкѣ Европы. Въ Германіи сѣверный діалектъ

Digitized by Google

возобладалъ надъ южнымъ, который, хотя не вышелъ изъ употребленія въ народѣ, но не получилъ литературнаго развитія; въ Великобританіи точно такимъ же образомъ нарѣчія галльское и шотландское послужили подножіемъ для англійскаго языка, а сами остались на степени простонародныхъ идіомовъ. Совершенно то же мы замѣчаемъ и въ Италіи, и то же до извѣстной степени находимъ, наконецъ, въ Россіи. Вездѣ, надъ множествомъ мѣстныхъ нарѣчій одно изъ нихъ брало, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, перевѣсъ надъ прочими, обогащаясь ими, заимствуя отъ нихъ; къ нему примыкали лучшія умственныя силы страны, ея литературные дѣятели, его усвоивало себѣ правительство, и этотъ языкъ становился государственнымъ и литературнымъ языкомъ страны, оставляя для мѣстнаго употребленія и прочія нарѣчія. Такъ образовались четыре или пять языковъ, которые дѣлятъ между собою умственное владычество надъ вселенной. Ихъ долженъ болѣе или менѣе знать всякій просвѣщенный человѣкъ, и зная ихъ, онъ можетъ изучать всю судьбу новѣйшаго міра, слѣдить за теченіемъ всей современной жизни, подобно тому какъ знаніе нѣсколькихъ основныхъ законовъ физическаго міра открываетъ путь къ изученію всѣхъ его тайнъ.

Міръ славянскій только лишь выступаетъ на историческую сцену, которую столько вѣковъ исключительно наполняли народы романскаго и германскаго происхожденія. Мы, Русскіе, сдѣлали первый шагъ на эту сцену, и какъ труденъ, какъ тяжекъ былъ этотъ первый шагъ, какъ горька была оказанная намъ встрѣча, какъ сурова была школа, которую пришлось намъ пройдти, — это знаемъ только мы одни.... Но мы вступили въ завѣтный міръ и удержались въ немъ; за нами слѣдуютъ другіе сыны тѣхъ же отцовъ. Передъ лицомъ западной Европы мы составляемъ съ ними нѣчто единое и между собою солидарное: да будетъ же и дѣйствительно наша сила въ единствѣ нашемъ. Я говорю не о единствѣ государственномъ, но объ единствѣ умственномъ. Въ этомъ отношеніи между всѣми славянскими племенами должно произойдти то, что происходило вездѣ при образованіи великихъ умственныхъ центровъ и великихъ органовъ мысли. Филологическіе провинціализмы должны устраниться, и всѣ силы славянскаго племени—совокупиться въ общемъ всеславянскомъ трудѣ, въ дѣлѣ образованія всеславянской литературы. Ни Французы, ни Ан-

Digitized by Google

гличане, ни Германцы никогда не согласятся, да и не въ состояніи будутъ изучить пять или шесть славянскихъ нарѣчій, но они принуждены будутъ ознакомиться съ такимъ литературнымъ языкомъ, который служилъ бы орудіемъ умственной жизни сто-милліонной массѣ людей.

Но не въ смыслѣ единенія направлены, къ сожалѣнію, усилія многихъ славянскихъ дѣятелей, особенно между западными и юго-западными племенами. Даже между Сербами есть просвѣщенные люди, уклонившіеся отъ идеи панславизма. Гдѣ причины этого печальнаго явленія? Прежде всего онѣ заключаются въ томъ естественномъ, хотя и неблагоразумномъ стремленіи каждой племенной единицы къ жизни индивидуальной и самостоятельной, — стремленіи, характеризующемъ первыя эпохи формаціи обществъ: наши заграничные друзья переживаютъ феодальный или удѣльный періодъ умственной своей исторіи; на панславизмъ Ганки многіе изъ нихъ смотрятъ какъ современники Лудовика XI или Іоанна III смотрѣли на этихъ политическихъ централистовъ. Но Лудовикъ XI и Іоаннъ III имѣли право и власть подчинять своимъ видамъ строптивыхъ бароновъ и князей; Парижъ и Москва были готовыми центрами земли Французской и земли Русской. Ни облеченныхъ властію и могуществомъ вождей, ни неоспоримыхъ центровъ умственной жизни не имѣло славянское возрожденіе. Загребъ не хотѣлъ уступить Бѣлграду, Новый Садъ—Прагѣ. Ганка указывалъ на Москву и Кіевъ, но европейская печать такъ настойчиво говорила о „московскомъ честолюбіи“, что всякое сближеніе съ Россіей могло казаться не безопаснымъ. Притомъ вліятельныя сферы наши не обнаруживали ни малѣйшаго сочувствія къ идеѣ панславизма; напротивъ, предубѣжденные австрійскою политикой, онѣ смотрѣли на возрожденіе Славянъ какъ на революціонное движеніе, а между тѣмъ умственная жизнь Россіи суживалась, и въ ней самой возникалъ—или, точнѣе, возбуждался—расколъ, извѣстный подъ именемъ украйнофильства. Наши литераторы и ученые раздѣлились на два лагеря, и одни изъ нихъ не могли вліять притягательнымъ образомъ на Славянъ, потому что сами исповѣдывали мертвящій и ослабляющій космополитизмъ и какъ будто не носили въ душѣ своей вѣры въ силы и будущность Россіи, другіе,— и именно тѣ, которые наиболѣе искали сближенія съ заграничными Славянами,—оттал-

Digitized by Google

кивали ихъ стремленіями къ грубой, матеріальной ассимиляціи; отпугивали вопросомъ религіознымъ, который ставили во главу угла панславизма, и странными своими политическими, общественными и даже бытовыми идеалами. Часть нашихъ литераторовъ смѣялись надъ панславизмомъ, какъ надъ всѣмъ, что имѣло силу связи и противодѣйствовало распущенности и распаденію, другіе ставили въ образецъ людямъ, живущимъ среди образованной Европы, великорусскаго мужика и до-Петровское Московское царство.

Подъ этими-то многоразличными вліяніями воспиталось большею частію нынѣ дѣйствующее поколѣніе славянскихъ патріотовъ. Многое измѣнилось въ Россіи въ послѣднее десятилѣтіе, а прежнее утвердившееся о ней за границей понятіе мало перемѣнилось. Поэтому, нынѣшнее посѣщеніе заграничныхъ Славянъ можетъ имѣть большое вліяніе на судьбы всего славянскаго міра. Еслибъ они вынесли изъ этого посѣщенія желаніе вступить въ умственное общеніе съ Россіей и усвоить ея литературный языкъ, многое для нихъ и для насъ было бы сдѣлано. Здѣсь рѣчь идетъ исключительно о языкѣ литературномъ: разумѣется, не можетъ быть и мысли о томъ, чтобы переучивать всѣхъ заграничныхъ Славянъ русской грамотѣ; нѣтъ рѣчи и о томъ, чтобы книги для народнаго чтенія писались по-русски: народныя нарѣчія истребить нельзя, да и нѣтъ необходимости истреблять ихъ. Швабское нарѣчіе имѣетъ свою и даже не очень маленькую литературу, такъ же какъ и провансальское; пусть точно такъ же и богемскіе, моравскіе, словацкіе и сербскіе крестьяне читаютъ свои молитвенники, простонародныя сказки и примѣненныя къ ихъ понятіямъ историческіе разсказы на нарѣчіяхъ наиболѣе имъ понятныхъ; но пусть каждый Чехъ, Словакъ, Сербъ и Хорватъ, получившій высшее образованіе, читаетъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина и Тургенева въ подлинникѣ, и пусть на языкѣ ихъ пишетъ всякій Славянинъ, обращающійся къ массѣ образованныхъ читателей. О чемъ бы ни писалъ онъ, — о Маркѣ ли Кралевичѣ или о глаголической азбукѣ, о достоинствахъ католическаго духовенства или о темныхъ сторонахъ русскаго общества, все равно: если это будетъ писано по-русски— это будетъ наше, общее, это будетъ лепта положенная въ общую сокровищницу. Трудно предугадать какую силу, какой блескъ и разнообразіе могли бы сообщить этой общей лите-

Digitized by Google

ратурѣ писатели, таланты которыхъ развились бы при столь разнообразныхъ мѣстныхъ историческихъ, этнографическихъ и политическихъ условіяхъ, каковы условія различныхъ племенъ и земель славянскихъ! Сколько свѣжей поэзіи принесло бы Сербское племя, сколько солиднаго знанія Чехи, такъ долго находившіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ могущественной нѣмецкой культуры! Сколько образовательной силы прибавилось бы у Славянъ, еслибъ университеты Московскій и Пражскій, Казанскій и Загребскій могли перекликаться между собой, замѣщать вакантныя кафедры одинъ въ другомъ, посылать изъ одного въ другой своихъ студентовъ, чтобы слушать лекціи особенно прославившихся спеціалистовъ! Сколько, наконецъ, прибавилось бы умственнаго движенія въ массѣ образованнаго общества, еслибъ оно могло и въ Цетиньѣ, и въ Перми читать извѣстія на знакомомъ, родномъ своемъ языкѣ, о томъ что дѣлаютъ въ Бѣлградѣ, что думаютъ въ Будишинѣ, какъ идутъ дѣла въ Тифлисѣ и Красноярскѣ! Исторія рѣшитъ, въ какія именно политическія группы сложатся племена заграничныхъ Славянъ, но нѣтъ сомнѣнія, что только при вышеприведенныхъ условіяхъ мельчайшая славянская деревушка въ состояніи будетъ противиться напору германской культуры, славянская литература сдѣлается однимъ изъ двигателей всемірной цивилизаціи и славянское возрожденіе оправдаетъ то вниманіе, частію благосклонное, частію ревнивое, которое обращено на него.

Нельзя скрывать отъ себя трудностей этого дѣла. Мы видѣли на нашихъ украйнофилахъ какъ велики претензіи и какъ упорна борьба самаго мелкаго провинціализма. Но исторія украйнофильства и должна болѣе всего и самымъ наглядным образомъ убѣдить каждаго здравомыслящаго человѣка, что раздробленіе умственныхъ силъ, равно какъ и матеріальныхъ, выгодно лишь для общаго врага. Кто воспользовался украйнофильскимъ движеніемъ? Австрійское правительство. Кто эксплоатируетъ эфемерную славу Шевченка и его друзей? Графъ Голуховскій и его партія. По счастію, украинскій сепаратизмъ скомпрометтированъ слишкомъ сильно покровительствомъ враговъ всего славянства, и въ настоящее время самые рьяные украйнофилы или смолкли или же принялись работать на почвѣ обще-русской литературы. Есть нѣсколько человѣкъ между западными и юго-запад-

Digitized by Google

нными Славянами, которые стараются противиться образованію литературныхъ провинціализмовъ въ славянскомъ мірѣ: такъ Словенецъ М. Маяръ и Чехъ Кэбера ратуютъ за кирилицу противъ латинской азбуки. Но говоря вообще, панславистское направленіе гораздо слабѣе нынѣ нежели лѣтъ тридцать тому назадъ. Можно, кажется, надѣяться однакожъ, что оно снова усилится, если въ отношеніи нынѣшнихъ заграничныхъ гостей своихъ Россія обнаружитъ достаточную силу притяженія. Говоря такимъ образомъ, я имѣю въ виду главнѣйше западныхъ Славянъ, Славянъ-католиковъ, потому что общность исповѣданія и алфавита составляетъ въ отношеніи прочихъ достаточно крѣпкую связь. Итакъ, вотъ вопросъ, — и вопросъ главный, первенствующій, господствующій надъ всѣми прочими. На него отвѣтитъ будущее; мы можемъ радоваться лишь тому, что посѣщеніе нашихъ заграничныхъ братій случилось не ранѣе, а именно въ такой моментъ, когда уже неоспоримо обнаруживаются начатки тѣхъ преобразованій, которыя ознаменовали послѣднее десятилѣтіе. Мы, присутствующіе при процессѣ обновленія Россіи и слѣдящіе за нимъ день-за-день, едва ли въ состояніи видѣть съ достаточною ясностію его успѣхи; эти успѣхи совершаются для насъ почти незамѣтно, а неудобства неизбѣжныя при обновленіи самыхъ формъ жизни, чувствуются нами слишкомъ живо и не допускаютъ безпристрастія. Вѣрнымъ судьей можетъ быть лишь тотъ между нами, кто изучалъ во всѣхъ подробностяхъ великія, но и тяжелыя эпохи переворотовъ, кто собственною душой пережилъ эпоху стрѣлецкихъ мятежей и казней, кто ощущалъ на себѣ тѣ страшныя напряженія, которыя должна была дѣлать Россія, чтобы занять и удержать мѣсто въ Европѣ, кто съ ужасомъ отвращаясь отъ злодѣйствъ революціонной Франціи, понималъ однакожъ, что не безъ причины были въ это время обращены на нее взоры всего міра. Только пріобрѣтя, говорю, путемъ подобнаго изученія надлежащую трезвость въ сужденіи, мы, Русскіе, можемъ вѣрно оцѣнить совершающееся вкругъ насъ, и удивляться, радоваться, благословлять, что столь великое дѣло не сопровождается несравненно бо́льшими жертвами. Мы чувствуемъ, что какая-то волна поднимаетъ насъ, что грудь наша дышетъ шире и вольнѣе, что вкругъ насъ шевелятся какія-то невидимыя, но гигантскія силы,—точно весенніе соки оживающей природы,

Digitized by Google

задержанные морозомъ.... Такое впечатлѣніе производитъ нынѣшняя Россія на всѣхъ кто давно не видалъ ея. Случится ли то же съ депутатами славянскихъ земель? Отъ этого будетъ главнѣйшимъ образомъ зависѣть дальнѣйшая судьба панславизма. Можетъ-быть, нѣкоторые изъ нихъ подумаютъ, что чѣмъ сильнѣе Россія, тѣмъ она опаснѣе, и что за желаніемъ литературнаго единенія скрывается съ нашей стороны стремленіе къ единенію политическому? Какъ же увѣрить намъ ихъ, что этого нѣтъ и не можетъ быть? Чѣмъ доказать, что ни одинъ здравомыслящій Русскій не можетъ желать безконечнаго растяженія своей государственной территоріи и увеличенія разнообразія въ этнографическомъ составѣ своего отечества? Какими же средствами дать понять, что литературная общность можетъ на самомъ дѣлѣ не отождествляться съ общностью государственною? Пусть посмотрятъ на Англію и Соединенные Штаты: едва ли кому-нибудь въ той или другой изъ этихъ странъ приходило въ голову, чтобы когда-нибудь онѣ могли соединиться подъ одною державой; но Шекспиръ и Мильтонъ, Франклинъ и Маколей суть вкладчики общаго имъ умственнаго капитала, — и вотъ чѣмъ дорожатъ они.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ.

МАРТЪ.

Стр.

Дымъ. Повѣсть. *И. С. Тургенева* 6
Вооруженныя силы Россіи. Гл. VII.—XII. *Р. А. Фадѣева*. 161
Внутренній бытъ Итонской школы. *П. П. Вальронда*. 211
Успѣхи психологической методы въ Англіи со временъ Бекона и Локка. Окончаніе *М. М. Троицкаго*. . 238
Командировка капитана Альбранта въ Персію въ 1838 году, сказанная имъ самимъ. 304
Кандія. Историческій очеркъ. *С. К. Смирнова*. . . . 341
Изъ записокъ Болгара. I—IV. *Л. С. Каравелова*. . . 370
Партія Герцена и старообрядцы. *Д. П.* 400

АПРѢЛЬ.

Стр.

Вооруженныя силы Россіи. Гл. XIII—XXII. *Р. А. Фадѣева* 411
Картины русскаго быта. Пріемышъ. Дѣдушка Бугровъ. Кружевница. *В. И. Даля*. 506
Персидская война 1722—1725. Матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго. *В. В. Комарова*. 553
Историческая литература во Франціи. *А. Н. Веселовскаго*. 618
Изъ записокъ Болгара. V—VIII. *Л. С. Каравелова*. . 661
Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. *Г.* 690
Селеніе на скалѣ. Повѣсть. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—IV. 725
Не сошлись. Повѣсть. *Ольги Н.* 776
Водяникъ. Изъ чешскихъ народныхъ преданій. Стихотвореніе К. Я. Эрбена. *М. П—аго*. 818
Сербская церковь. Вольное переложеніе сербской пѣсни. *А. Н. Майкова* 822

Digitized by Google

Digitized by Google

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1867 году.

Цѣна за РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ на 1867 годъ въ Москвѣ и Петербургѣ **тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ сер.**, съ пересылкой въ другіе города и доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей сер.**

Заграничные высылаютъ за доставку въ Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ, Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1867 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1867 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ, и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.), на Страстномъ бульварѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

OCT - 8 19[illegible]

form 410

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

OCT - 8 19

form 410

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

OCT - 8 19

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
REFERENCE DEPARTMENT

This book is under no circumstances to be taken from the Building

OCT - 8 19??

form 410

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google